

Russkaja mysl'

РУССКАЯ

1619-10
1895

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская ул., собств. домъ.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. НА СЪВЕРЪ ДИКОМЪ... (Разказъ).—К. С. Баранцевича . . .	1
II. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—Вл. И. Немировича-Данченко	25
III. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистрисъ Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	84
IV. ОШИБКА. (Эпизодъ).—М. Горькаго.	119
V. БАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времянь Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	145
VI. НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. <i>Окончаніе</i> . — Л. Е. Оболенскаго.	1
VII. АКЦИОНЕРНОЕ ОТЪ ОГНЯ СТРАХОВАНІЕ. — П. А. Серебрякова	14
VIII. РОССИЯ И ДАНІЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ I. (По документамъ датскаго архива). <i>Окончаніе</i> .—А. Г. Бриннера. . .	24
IX. АНГЛІЙСКАЯ ПУГАЧЕВЩИНА. <i>Продолженіе</i> . — М. М. Ковалевскаго	34
X. ГАМЛЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С. <i>Окончаніе</i>	66
XI. ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ВЪ РОССИИ. <i>Окончаніе</i> . — И. Н. Миклашевскаго.	90
XII. ФАКТОРЫ МИРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — Гр. Л. А. Намаровскаго.	107

ОБЪЯВЛЕНІ

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

„Повѣсти и Разказы“

Элизы Ожешковой

(Сѣренькая идиллія.—Сильный Самсонъ.—Хамъ.—Подвижница).

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 80 коп.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Маленькій приходъ.

Романъ Альфонса Додэ. Переводъ М. Н. Ремезова.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, при редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевского пер., д. № 2—24).

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкою 10%.

Поступило въ продажу новое изданіе редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ“.

В. А. ГОЛЬЦЕВА.

Цѣна 1 рубль; пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжномъ магазинѣ „Русской Мысли“

В. М. Лаврови

Москва, уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевского пер., домъ 2—24).

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОБЪ).

А. П. ЧЕХОВА.

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль»
В. М. Лаврова (Москва, уголъ Б. Никитской ул. и Леонтьевского
пер., д. № 2—24).

ПО СОГЛАШЕНІЮ РЕДАКЦИИ

„Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Ефрона

И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“,

въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на означенный словарь въ разсрочку, причемъ вносится 10 руб. задатка и затѣмъ уплачивается по 3 рубля въ мѣсяць. По полученіи задатка выдаются вышедшіе полутомы.

Словарь издается подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Ѳ. О. Петрушевскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, проф. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Ѳ. Соловьева.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

—
1895.

NO. 1000
ANNALS

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW interim 3/29/84

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

AP50
R875
v. 16:9-10
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. НА СЪВЕРЪ ДИБОМЪ... (Разказъ).—Н. С. Баранцевича . . .	1
II. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> . — Вл. И. Немировича-Данченко.	25
III. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистрисъ Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	84
IV. ОШИБКА. (Эпизодъ).—М. Горьнаго.	119
V. КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ временъ Нерона. Генриха Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	151
VI. НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. <i>Окончаніе</i> . — Л. Е. Оболенскаго	1
VII. АБЦОНЕРНОЕ ОТЪ ОГНЯ СТРАХОВАНІЕ. — П. А. Серебрякова	14
VIII. РОССИЯ И ДАНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ I. (По документамъ датскаго архива). <i>Окончаніе</i> .—А. Г. Бриннера.	24
IX. АНГЛІЙСКАЯ ПУГАЧЕВЩИНА. <i>Продолженіе</i> . — М. М. Ковалевскаго	34
X. ГАМЛЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С. <i>Окончаніе</i>	66
ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ВЪ РОССИИ. <i>Окончаніе</i> . — И. Н. Миклашевскаго.	90
XI. ФАКТОРЫ МИРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — Гр. Л. А. Камаровскаго	107

823278

	<i>Стр.</i>
XIII. Г. БАРСУКОВЪ О П. Н. ВУДРЯВЦЕВЪ.— П. П. Попосова . . .	133
XIV. РУССКАЯ БЫЛИНА, ЕЯ СЛАГАТЕЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ. — Вс. Ө. Миллера	143
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . .	161
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	182
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Еще о причинахъ сельско-хозяй- ственного кризиса въ Россіи и о средствахъ къ его устрани- нію.—Значеніе хозяйственныхъ и общекультурныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ кризисомъ. — Положеніе о всеобщей пере- писи въ имперіи. — Введеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи.—Новыя данныя о церковно-приходскихъ школахъ.— Законъ 29 мая.—Открытіе памятника Императору Александру II въ Казани. — Выставка московскаго комитета грамотности.— † Н. А. Бѣлоголовый.	190
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Критика и публицистика.—Философія, психологія и педагогика— Исторія.—Политическая экономія и финансы.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Учебники и учебныя пособія.— Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Ев- ропы», августъ. — «Русское Богатство», июль. — «Сѣверный Вѣстникъ», августъ.—«Русская Школа», кн. V и VI. III. Сп- сокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1895 г.	427
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	485

НА СЪВЕРЪ ДИКОМЪ...

(Разсказъ).

...На съверъ дикомъ стоить одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растеть.

Лермонтовъ.

I.

Мои дорожныя впечатлѣнія.

Смутно припоминаю я свое дѣтство, и изъ всего, что было тогда, какъ живая встаетъ передо мною группа людей и въ этой группѣ фигура одного человѣка, оставившаго во мнѣ самыя свѣтлыя, неизгладимыя впечатлѣнія.

Гдѣ-то онъ теперь, мой учитель? Нашелъ ли, какъ я, свою послѣднюю пристань и спокойно доживаетъ старческіе дни, окруженный подроставшею семьей, или, попрежнему, все еще прилѣпляется къ чужимъ семьямъ, несетъ тяготы и заботы чужой жизни и съ выскою самоотверженностью истиннаго друга человѣчества ищетъ, какъ счастья, случая положить «душу свою за други своя»?

Гдѣ бы ни былъ ты, чей свѣтлый образъ вмѣстѣ съ другими, дорогими и близкими мнѣ, я хочу запечатлѣть на этихъ страницахъ,—знай и вѣрь, что сумрачная жизнь твоя не прошла безслѣдно для многихъ и что посѣянные тобою сѣмена добра упали не на камъ чистую почву!

А, я смутно помню свое дѣтство. Должно быть, мнѣ было лѣтъ летъ шесть, когда однажды, утромъ, изъ разговора съ кухаркой, засѣгивавшей мнѣ башмаки, я съ удивленіемъ узналъ, что вся наша семья собирается куда-то ѣхать. Какъ? А моя толстая книга съ картинками *Робинзонъ*? Неужели мы ее не возьмемъ съ собою?

А сѣрый котъ Забѣяка, отъ котораго я ходилъ съ незаживавшими царапинами на рукахъ и по всему лицу?

Кухарка не могла сказать ничего опредѣленнаго; можетъ быть, не знала сама, а, можетъ быть, не хотѣла, занятая застегиваніемъ пуговиць на моихъ башмакахъ. Но когда она поднялась съ колѣнъ съ намѣреніемъ уйти, мнѣ показалось, что ея круглое, рябое лицо, всегда беззаботное и веселое, было грустно, а глаза заплаканы.

И это такъ подѣйствовало на меня, что мнѣ самому стало грустно. Я подошелъ къ окну, началъ смотрѣть на дворъ и мнѣ очень трудно было побороть то чувство безпричинной тоски, которое явилось во мнѣ тогда. Былъ прекрасный зимній день съ мягкимъ морозцемъ. Иней покрылъ фруктовыя деревья нашего сада и ихъ тонкія вѣтви казались обсахаренными. Потомъ я забылъ неприятное сообщеніе кухарки и готовился къ тому, что мама одѣнетъ меня и мы пойдемъ гулять туда, внизъ, на набережную Днѣпра, гдѣ я буду съ завистью смотрѣть, какъ вдоль берега, по чистому, отражающему синее небо, льду мальчишки станутъ кататься на конькахъ. Вѣдь, у меня не было еще коньковъ и отецъ все обѣщался купить.

Мама дѣйствительно пришла въ дѣтскую и я тотчасъ же по ея лицу догадался, что у насъ что-то неладно. И у ней были заплаканные глаза.

Я кинулся было съ разспросами, но мама только сказала, что мы ѣдемъ потому, что нужно, и что я все узнаю потомъ.

— Далеко ли мы ѣдемъ?—спросилъ я, предвкушая уже наслажденіе отъ долгой поѣздки и чего-то новаго, что, казалось, ожидаетъ и меня, и всѣхъ насъ въ дорогѣ.

— Да, очень далеко, — отвѣчала мама.

Я пришелъ въ такое восхищеніе, что съ удовольствіемъ позволилъ надѣть на себя шубу, валенки и закутаться въ платки.

И вотъ, наконецъ, мы всѣ: отецъ, мать, грудной братишка Ваня и я—пріѣхали на вокзалъ и сѣли въ вагонъ. Но тутъ я залился горькими слезами: я не видѣлъ около себя *Робинзона*.

Не мало хлопотъ стоило отцу успокоить меня увѣреніями, что *Робинзонъ* тоже ѣдетъ съ нами.

— *Робинзонъ, Робинзонъ!*—кричалъ я, какъ бы взывая къ оставленному на платформѣ другу.—Гдѣ мой *Робинзонъ!*

И я пересталъ взывать и плакать только послѣ того, какъ отецъ хлопнулъ рукою по небольшому чемодану и рѣшительнымъ тономъ заявилъ, что *Робинзонъ* именно въ этомъ чемоданѣ нашелъ себѣ мѣсто.

Спустя нѣкоторое время началась исторія съ Забіякой. Еслибъ отецъ опять хлопнулъ по чемодану и сказалъ, что Забіяка тутъ, я бы ему не повѣрилъ, какъ не повѣрилъ бы никому, что готовъ можно такъ же свободно прятать по чемоданамъ, какъ книги; но отецъ сказалъ, что Забіяку не пустили въ вагонъ и эта несправедливость такъ огорчила меня, что я принялся ревѣть самымъ отчаяннѣйшимъ образомъ, разрисовывая себѣ лицо при посредствѣ слезъ и кулаковъ, которыми я ихъ размазывалъ.

Трудно угадать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не одно обстоятельство, неожиданно прекратившее мои слезы; я вдругъ увидѣлъ, что сидѣвшій напротивъ меня мальчикъ показалъ мнѣ языкъ. Сдѣлалъ онъ это такъ быстро и съ такою ловкостью, что никто, кромѣ меня, не видѣлъ, но для меня этого было достаточно; мнѣ стало ужасно стыдно и я пересталъ плакать, почувствовавъ къ обидчику глубокую ненависть.

Я не замѣтилъ, какъ поѣздъ тронулся. Обмерзшія, покрытыя ледяными узорами стекла вагона, помнится, привели меня въ восхищеніе и мнѣ казалось, будто чьею-то искусною рукой сдѣланы всѣ эти елочки, горки, цвѣточки.

Однако, наши милыя бѣлыя степи все удалялись да удалялись отъ насъ и взаимно ихъ по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги надвигались угрюмые, черные лѣса, даже тутъ, въ вагонѣ, наводившіе на меня страхъ. Иногда попадались большія озера, большія рѣки, которыя мы переѣзжали по длиннымъ мостамъ; на станціяхъ, гдѣ останавливался поѣздъ, слышался чуждый говоръ и люди казались не такими, какъ въ нашей сторонѣ.

Нашъ путь представлялся мнѣ безконечнымъ; я и теперь въ точности не могу опредѣлить, ѣхали ли мы трое или четверо сутокъ; ночи мы спали не раздѣваясь, кое-какъ прикурнувъ на лавкахъ, а по утрамъ просыпались въ ознобъ и, помнится, мамѣ стоило много труда «размять» меня. На стеклахъ вагона все больше и больше нарастало елочекъ и цвѣточковъ, превращавшихся въ толстую кору обиндевѣвшаго льда.

Я уже освоился съ сосѣдями по вагону, но ближе всѣхъ познакомился съ однимъ старичкомъ, часто угощавшимъ меня чаемъ. Разговоры, которые мнѣ приходилось слышать и запомнить, касались трудностей путешествія (куда, я такъ и не могъ узнать), причемъ сосѣди сочувственно относились къ намъ и служивали чѣмъ ж...

На одной изъ станцій мы вышли изъ вагона, за нами вынесли и вещи; поѣздъ ушелъ, а мы остались на платформѣ. Я спро-

силъ отца, поѣдемъ ли мы дальше, и онъ отвѣчалъ, что по желѣзной дорогѣ больше не поѣдемъ.

— А гдѣ же мы будемъ жить? Здѣсь?—спросилъ я.

Мѣсто это мнѣ очень не нравилось. Станціонныя постройки были старыя, облупившіяся, повсюду грязь, сугробы снѣга. Изъ высокой трубы какого-то зданія валилъ густой черный дымъ, отъ котораго распространялся противный жирный запахъ.

Отецъ ничего не отвѣтилъ, взялъ меня за руку и повелъ со станціоннаго крыльца въ темноту. Помню, какъ что-то пыхтѣло въ томъ зданіи съ закоптѣвшими окнами, изъ трубы котораго шелъ дымъ, и мнѣ казалось, что тамъ заключено какое-нибудь большое животное—слонъ или гиппопотамъ, которыхъ я видѣлъ на картинкахъ,—какъ гудѣли телеграфныя столбы, мимо которыхъ мы проходили, помню отдаленныя красныя точки фонарей; мнѣ было страшно и, въ то же время, очень хотѣлось спать, я спотыкался, отецъ сердился и тащилъ меня все впередъ, ближе къ краснымъ точкамъ.

Помню бревенчатыя закоптѣлыя стѣны огромной избы, висѣвшія по угламъ черныя нити паутины, необъятныхъ размѣровъ самоваръ, тоже пыхтѣвшій и выпускавшій клубы пара, подобные облакамъ, мѣдно-красное, бородатое лицо мужика, почему-то сидѣвшаго тутъ же съ нами и на растопыренныхъ пальцахъ руки державшаго большое, съ разводами, блюдо.

Можно удивляться моей тогдашней способности запоминать мелочи и тому, что эти мелочи не забылись до сихъ поръ, но главнаго, т.-е. гдѣ мы были, зачѣмъ пріѣхали сюда, о чемъ говорилъ отецъ съ краснымъ мужикомъ, я не помнилъ раньше и не могу припомнить теперь.

Знаю только, что въ этой избѣ, стоявшей одиноко отъ всякаго жилья, мы прожили нѣсколько дней, и знаю это потому, что всѣ эти дни, съ утра до вечера, я катался съ ребятами въ салазкахъ по двору. Одного мальчугана звали Петькой, другого—Васькой, оба были замѣчательно похожи другъ на друга и отличались только ростомъ.

Я былъ очень доволенъ; мнѣ казалось, что мы останемся здѣсь навсегда, что я все буду мчаться по крѣпкому, серебристому снѣгу въ салазкахъ, влекомыхъ парюю моихъ новыхъ пріятелей и сопровождаемыхъ рыжею собакою Буянкой, какъ вдругъ однажды въ крыльцу подали кибитку, и мы, совершенно неожиданно для меня, стали собираться въ дорогу.

Мнѣ было жаль и Петьку съ Васькой, и Буянку, и даже сала-

зобъ, сиротливо приткнувшись къ забору, — мнѣ всѣхъ ихъ хотѣлось бы взять съ собою.

Затѣмъ въ моихъ воспоминаніяхъ опять наступаетъ пробѣлъ, изрѣдка пополняемый клочками сценъ и ничтожныхъ дорожныхъ событій, разнообразимый мельганьемъ чуждыхъ, по большей части страшныхъ, фигуръ и лицъ.

Помнится, занесенные метелью, мы всю ночь провели въ полѣ, въ другомъ мѣстѣ были опрокинуты съ кибиткой и лошадьми въ сугробъ неожиданно наскакавшей на насъ тройкой съ пьянымъ ямщикомъ и сѣдокомъ въ медвѣжьей шубѣ и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Вотъ уже тройка чуть замѣтною точкой чернѣется въ голубоватой дали зимняго воздуха, съ перерывами, по вѣтру, чуть доносится и замираетъ переливчатый перезвонъ колокольцевъ и нашъ ямщикъ съ отцомъ принимаются вытаскивать кибитку, кричатъ на лошадей, бьются долго и безуспѣшно, но сзади подоспѣла помощь, въ видѣ обозныхъ, поднимается галдѣнье, не то насмѣшки, не то перебранка, мелькають раскрасившіяся лица, одно лицо тупо смотритъ на насъ, и вотъ наша кибитка, вся облѣпленная снѣгомъ, стоитъ уже на дорогѣ, а обозъ обогналъ и тянется медленно вдали черною лентой.

И опять мы ѣдемъ, ѣдемъ, звенять бубенчики, опять тянется безъ конца снѣжное море, въ которомъ ныряетъ и ухааетъ нашъ незатѣйливый, но крѣпко сколоченный экипажъ.

Я зарылся въ мягкое, душистое сѣно, лежу бокъ-о-бокъ съ мамой, у которой на рукахъ братъ Ваня, и мнѣ хорошо, тепло, мнѣ ничего больше не надо.

Незамѣтно слетаетъ сонъ. Перезвонъ бубенчиковъ превращается въ болтовню какихъ-то незримыхъ существъ. Тоненькіе голоса спрашиваютъ безпрестанно: «Такъ ли это, такъ ли это?» — а густой, исполненный необыкновеннаго достоинства, голосъ колокольца отвѣчаетъ: «Такъ, такъ!» — «Правда ли, что тутъ въ лѣсахъ живутъ большіе медвѣди и волки, что они могутъ растерзать тѣхъ, кто ѣдетъ? Такъ ли это, такъ ли это?» — спрашиваютъ любопытные бубенчики. — «Такъ, такъ!» — отвѣчаетъ басомъ колоколець. Потомъ голосъ колокольца превращается въ обыкновенный голосъ ямщика; онъ кричитъ: «Но, но, молодцы!» — два-три сильныхъ раската, кибитка останавливается, все смолкаетъ. Слышится чей-то глухой, сиплый голосъ: «Валекъ - то, валекъ - то подними!» — «О, чтобъ ты!» — раздается чей-то шумный вздохъ. Я чувствую, что меня кто беретъ на руки и несетъ, потомъ ощущаю тепло, которое постепенно превращается въ духоту. «Сними съ него кафтанчикъ-то,

жарко, ишь разметался!» — говорит знакомый голосъ. Я просыпаюсь въ душномъ углу за ситцевою занавѣской. По бревну стѣны бѣжитъ тараканъ и тѣнь отъ его усовъ такая большая. За занавѣской звенѣли посудой, ложками. «Что ты мало ѣшь?» — раздается голосъ мамы. — «Съ дороги пропадаетъ аппетитъ», — отвѣчаетъ отецъ. «Значить, ужинають!» — соображаю я, и кричу: «Мама, кушать хочу!» Толчокъ, я просыпаюсь, тру глаза. Что же это? Гдѣдушная кровать, занавѣска, тараканъ? Все перепуталось въ моемъ сознаниі, и только путемъ усиленнаго напряженія памяти я прихожу къ убѣжденію, что занавѣска и тараканъ были вчера, а сегодня мы еще нигдѣ не останавливались.

Бругомъ знакомая, прискучившая картина: бѣлое небо, снѣговое поле, — причеиъ нельзя различить, гдѣ начинается одно и кончается другое, — согнутая спина и подстриженный, съ черными точками, затылокъ ямщика, дуга, которая качается, подобно маятнику, въ размѣренномъ движеніи, хвостъ пристяжной и монотонный, наводящій тоску перезвонъ бубенчиковъ.

А вотъ и долгожданная остановка. Неуклюжее деревянное строеніе съ верстовымъ столбомъ. Отецъ вынимаетъ меня изъ кибитки, вноситъ въ жарко натопленную, пахнущую щами и какою-то противною прѣлью избу, мы снимаемъ верхнее платье, которое ворохомъ валится на клеенчатый диванъ, и садимся за столъ. Грязная баба приноситъ намъ щей, какую-то рыбу, потомъ притаскиваетъ самоваръ, и мы очень много пьемъ чаю съ бубликами.

А со двора уже доносится звонъ бубенцовъ и я вижу изъ окна, какъ новый ямщикъ садится на облучокъ и подбираетъ возжи, а прежній, съ кнутомъ за поясомъ, похаживаетъ около кибитки и ждетъ, когда выйдутъ господа, чтобы снять шапку и попросить на чай.

Опять сборы, опять безконечная ѣзда.

— Папа, скоро ли мы приѣдемъ? — съ отчаяніемъ, по нѣскольку разъ въ сутки, спрашиваю я отца.

Ему уже надоѣли мои вопросы. Онъ морщитъ лицо, отворачивается и говоритъ:

— Нѣтъ, дружокъ, еще не скоро. Ты не озябъ?

И зарываетъ мои ноги въ сѣно.

Я смотрю ему въ лицо, стараюсь угадать, что онъ думаетъ самъ объ этомъ безконечномъ путешествіи. Лицо у него, попрежнему, сморщенное и какое-то сосредоточенное, серьезное. Когда онъ глядитъ въ снѣжную даль, взглядъ его становится тревожнымъ, словно онъ самъ не увѣренъ, приѣдемъ ли мы, наконецъ, или за-

спрашиваетъ въ пустынь. Онъ оборачивается, смотритъ на мать такъ вѣрнѣе, такъ робко, и, встрѣчая ея спокойный взглядъ, въ которомъ выражается готовность все испытать, все претерпѣть, приободряется самъ.

Постепенно проникаясь убѣжденіемъ, что мы обречены на вѣчное странствованіе, я уже начинаю привыкать къ нашему невозможному образу жизни. Бибитка превращается въ домъ, въ наше жилище, — мнѣ знакомъ въ ней каждый уголокъ. Я или забираюсь къ самому задній уголокъ, гдѣ наша поклажа и, между прочимъ, стоянный бѣлою жестью сундукъ, и сижу тамъ, мечтая о разныхъ разностяхъ, или придвигаюсь къ облучку и смотрю на дорогу. Попадающіяся на глаза мелочи развлекаютъ меня; я подолгу размышляю, наприимѣръ, о томъ, отчего ворона, спугнутая нами съ верстового столба, не улетѣла совсѣмъ, а только покружилась въ воздухѣ и сѣла на прежнее мѣсто, отчего прежній ящикъ, сердитый, черныи мужикъ съ изрытымъ оспою лицомъ, хлесталъ лошадей кнутомъ и кого-то ругалъ «іудой» и «продажною душой», а этоть даже кнута не имѣеть, а машеть только по временамъ рукавицей. Полушубокъ на немъ вытертый, закорузлый, весь въ заплаткахъ, изъ шапки торчитъ вата, а самъ онъ молодой, веселый, все смѣется.

Когда мы проѣзжаемъ лѣсомъ, что высокою стѣной стоитъ по обѣимъ сторонамъ дороги, мнѣ почему-то дѣлается жутко и я прячу голову за спину мамы. Въ лѣсу все что-то трещитъ, слышатся какіе-то звуки. Широкія, черныя сосны шумять и стучаются верхушками, воть сейчасъ кто-то жалобно гукнулъ, что-то сѣрое выскочило изъ сугроба и помчалось.

— Смотри, смотри, заяцъ! — говоритъ отецъ, указывая въ кусты.

Но мнѣ не до зайца. Я закрываю глаза и прячусь подъ мамину шубку. Потомъ я начинаю понемногу раскрывать полу и, выглядывая на свѣтъ, встрѣчаю ласковый взглядъ. Теперь я ничего не боюсь, но, все-таки, лучше, если бы поскорѣе кончился этоть страшный, густой лѣсъ.

II.

Новые люди.

И воть, наконецъ, мы въѣхали въ городокъ. Это немаловажное для нашей жизни событіе произошло, однако, совершенно незамѣтно, и я полагаю, по той простой причинѣ, что и городокъ-то этоть,

затерявшийся на далекомъ сѣверѣ и промышлявшій торговлею лѣсомъ, былъ ничтоженъ и незамѣтенъ.

Мы ѣхали шагомъ по главной, обрытой канавами улицѣ, не обращая на себя ничьего вниманія; по обѣимъ сторонамъ тянулись маленькіе деревянные домики, покрывшіеся, съ худыми, черными крышами. На взгорьѣ показалась небольшая каменная церковь, окруженная десяткомъ домовъ получше, въ сторонѣ бѣлѣлись сложенные въ квадратные штабели доски и брусья.

На улицѣ, кромѣ ребятишекъ, катавшихся на салазкахъ, да мужика, задумчиво стоявшаго передъ лавочкой, не было никого.

Сѣрое небо со свинцовымъ налетомъ по краямъ придавало всему городу тоскливый колоритъ.

Отецъ велѣлъ ямщику остановиться и поманилъ мужика. Тотъ медленно, нехотя, подошелъ.

— Не знаешь ли, любезный, гдѣ тутъ живетъ Озеринъ? — спросилъ отецъ.

Мужикъ смотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— Приѣзжіе будете?—спросилъ онъ, переводя взглядъ во внутренность кибитки.

— Приѣзжіе, — отвѣтилъ отецъ.

— Издалече?

— Да, издалече,

— То-то! Видно!

— Ты мнѣ вотъ что скажи: гдѣ живетъ Озеринъ... Павелъ Иванычъ?

— Павелъ Иванычъ? Какой же такой Павелъ Иванычъ?—спрашивалъ самъ себя мужикъ, перекладывая изъ одной ладони въ другую два мѣдныхъ пятака. — Онъ изъ какихъ будетъ, Павелъ-то Иванычъ? Судейскій, али заводскій?

— Заводскій, заводскій!

— Ну, такъ бы и говорилъ! — словно чему обрадовался мужикъ. — Заводскіе вона гдѣ живутъ! Въстяхъ, значить. — Онъ указалъ въ концѣ улицы на низенькій деревянный домишко, выкрашенный въ желтую краску. — А то: «Павелъ Ивановъ»... Какой такой Павелъ Ивановъ? Мало-ль ихъ тутъ!

Отецъ далъ мужику какую-то монету и приказалъ ямщику ѣхать къ указанному дому.

Только что мы подѣхали, только что успѣли замолкнуть бубенчики, какъ изъ низенькой калитки дома выбѣжалъ человекъ и бросился къ нашей кибиткѣ.

— Евгений, голубчикъ! — воскликнулъ онъ, обнимая и цѣлуя

она.—Здравствуй, здравствуй, дорогой! Ну, что, какъ, все ли по-хорошему?

Я не слышалъ, что отвѣчалъ отецъ, такъ какъ занятъ былъ разглядываніемъ незнакомца. Меня очень заинтересовали его волосы; они были пепельнаго цвѣта, густые, волнистые и въ окружности головы стянуты, какъ у мастеровыхъ, узкимъ чернымъ ремешкомъ. У этого человѣка былъ прекрасный цвѣтъ лица, выпуклая грудь и широкія плечи,—словомъ, онъ мнѣ показался богатыремъ.

— Ну, пойдите же, пойдите! Вещи послѣ!—говорилъ онъ, подавая руку матери. — Сейчасъ буду васъ чаемъ поить! Ну, все ли благополучно? Надоѣло, подико-сь! А это, Вѣра Петровна, вашъ старшій? Вотъ гдѣ пришлось свидѣться!

— Гора съ горою...—началъ отецъ, но конца мнѣ не пришлось услышать: богатырь взялъ меня на руки, поцѣловалъ и, ужъ не спуская на землю, понесъ во дворъ. Сзади шли отецъ съ мамой и ямщикъ, песшій поклажу.

Я очутился въ просторной комнатѣ, почти безъ мебели въ томъ общепринятомъ смыслѣ, въ которомъ я уже научился понимать слово «мебель», но съ нѣсколькими табуретками, большимъ, поразившимъ меня своею бѣлизной сосновымъ столомъ и съ какимъ-то непонятнымъ инструментомъ у окна. Этотъ инструментъ, похожій кельного на столъ, и цѣлый рядъ другихъ, маленькихъ инструментовъ обратили на себя мое особое вниманіе. Въ правомъ углу комнаты у изразцовой печи, гдѣ черезъ раздвинутую занавѣску видѣлся уголъ кровати, помѣщалась полка съ книгами.

Очень возможно, что всѣ эти подробности обстановки я замѣтилъ не сразу, но все это было именно такъ и такое впечатлѣніе отъ этой комнаты сохранилось во мнѣ до сихъ поръ. Богатырь или Павелъ, какъ звалъ его отецъ, донесъ меня до середины комнаты, какъ какую-нибудь хрупкую вещь, осторожно поставилъ на полъ, раскуталъ платки, снялъ овчинный кафтанчикъ, валенки, осмотрѣлъ лицо, руки и даже зачѣмъ-то потрогалъ уши, заставивъ меня предположить въ немъ доктора.

— Не отморозилъ? Молодецъ! — сказалъ онъ, весело улыбаясь. — Все въ порядкѣ!

Да, я здоровъ,—отвѣчалъ я на всякій случай.

Будешь еще здоровѣе. Ну, снимайтесь, господа, да садитесь.

Я сейчасъ!

Предложеніе садиться относилось къ отцу и мамѣ, но когда онъ явился къ швафчику, который мнѣ напомнилъ нашъ лѣгкій швафчикъ, убѣжденный, что онъ хочетъ дать мнѣ лѣ-

карства, чтобъ я былъ «еще здоровѣе», я бросился къ мамѣ и вцѣпился въ ея платье.

— Соберите-ка посуду, — сказалъ Павелъ, обращаясь къ мамѣ и кивнувъ на шкафчикъ, — а я самоваръ поставлю.

И онъ вышелъ, прихвативъ съ полки самоваръ.

— Павелъ нисколько не измѣнился, — замѣтилъ отецъ, — ни постарѣлъ, ни похудѣлъ. Удивительно!

Разглаживая усы, онъ съ недовольнымъ видомъ осматривалъ комнату.

— Я нахожу даже, что онъ лучше теперь смотреть... бодрѣе, — отвѣчала мама.

— Счастливый характеръ! — пробормоталъ отецъ, — или здѣшній климатъ хорошъ!... Увидимъ!

И онъ сталъ громко барабанить пальцами по столу. Въ первый разъ еще я его видѣлъ такимъ раздражительнымъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, потирая руки, потомъ останавливался у окна, смотрѣлъ на улицу и вдругъ отходилъ, трогалъ какой-нибудь инструментъ и грустно-насмѣшливая улыбка появлялась на его похудѣвшемъ лицѣ; потомъ начиналъ свистать какой-нибудь мотивъ и внезапно обрывалъ.

— Сегодня, что ли, явиться? — спросилъ онъ вдругъ.

— Зачѣмъ? Можно и завтра, — отвѣчала мама.

Она собрала посуду, достала изъ шкафчика чистое полотенце, — причѣмъ я имѣлъ случай убѣдиться, что шкафчикъ былъ посуднымъ и не заключалъ въ себѣ никакихъ неприятныхъ веществъ, — перетерла стаканы и сѣла къ столу. Я замѣтилъ, что мама была грустна и какъ будто слезинки блестѣли на ея глазахъ. Я подошелъ и приласкался къ ней; она опустила руку на мою голову и долго гладила ее. А мнѣ припоминались наши зимніе вечера тамъ, далеко на югѣ, когда, наигравшись на дворѣ, прибѣжишь домой, въ теплую «мамину комнатку», какъ я называлъ спальню, бросишься къ мамѣ на колѣни и она такъ же начнетъ проводить рукой по головѣ и спрашивать, гдѣ былъ, что дѣлалъ, здоровъ ли, не хочу ли кушать...

Изъ-подъ рукава мамина платья я смотрѣлъ теперь на этотъ чуждый мнѣ дворъ, сплошь занесенный снѣгомъ, на доски, сложенные у забора, какія-то сани съ поднятыми вверху оглоблями, и думалъ, неужели мы останемся здѣсь жить?

Мысленно я сравнивалъ этотъ унылый дворъ съ нашимъ маленькимъ, всегда разметеннымъ, веселымъ дворикомъ; мнѣ припомнился нашъ садикъ, гдѣ я гулялъ даже зимою, наша голубятня

и розовые египетскіе голуби, выдѣлывавшіе на-лету уморительными штуки, и я началъ потихоньку хныкать.

— Чего ты плачешь? Озябъ? Или спать хочешь?—спрашивала мама.

Я молчалъ.

— Ну, что же, что съ тобою?—допытывалась мама.

— А гдѣ нашъ Забѣяга?—заливаясь слезами, внезапно спросилъ я.

— Забѣяга? Вѣдь, ты знаешь, онъ остался.

— У кого остался? Отчего мы не взяли съ собой?

— Оттого, что онъ бы замерзъ!—рѣзко прервалъ отецъ.

— А *Робинзона* взяли!—упрекнулъ я его.

— *Робинзонъ* — книга, а Забѣяга — животное. Ты напрасно хнычешь, вотъ что!

Объясненіе отца нисколько меня не удовлетворило, а самый тонъ показался мнѣ оскорбительнымъ; я разревѣлся и ревѣлъ такъ неудержимо, такъ дико, что, право, не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не появился Озеринъ, а съ нимъ гости.

Я спряталъ голову въ колѣни мамы и, покуда происходилъ обѣдъ рукопожатій, не смотрѣлъ на вошедшихъ, но дѣтское любопытство взяло перевѣсъ надъ моею обычною дикостью и я сталъ изподтишка наблюдать гостей.

Нужно ли говорить, что ко всѣмъ я относился съ большою недобѣрчивостью, но я, все-таки, спрашивалъ себя, который изъ трехъ, вошедшихъ съ Павломъ, больше нравится мнѣ, и невольно отдавалъ предпочтеніе высокому, плотному блондину съ большою, выдавшею на грудь бородой. У него были большіе сѣрые глаза, смотрѣвшіе такъ открыто и ясно, что еслибъ я рѣшился къ кому-нибудь подойти, то, конечно, это былъ бы онъ. Говорилъ онъ мало, ограничиваясь короткими замѣчаніями, а все слушалъ, улыбаясь и поглаживая бороду. Въ моихъ дѣтскихъ понятіяхъ этотъ большой человекъ казался воплощеніемъ силы и твердой, непреклонной воли, и какъ же я тогда ошибался!

Другой почему-то сразу не понравился мнѣ и я бы охотно вовсе не смотрѣлъ на него, но этого никакъ нельзя было избѣгнуть, — онъ сидѣлъ прямо противъ мамы и смотрѣлъ на насъ обоими черными, пронизательными глазами.

Онъ былъ небольшого роста очень подвижный человекъ съ черными волосами и бородкой «клинушкомъ». Его черные глаза съ какимъ-то страннымъ блескомъ приводили меня въ смущеніе, да, да, да, и не меня одного. Отецъ въ разговорѣ съ чернымъ человѣ-

комъ опускалъ глаза и принимался теревить усы, и я замѣтилъ, что мамѣ тоже было какъ-то не по-себѣ.

А онъ, наоборотъ, говорилъ очень много, бойко, въ разговорѣ близко придвигался къ собесѣднику и иногда даже брался своими тонкими, бѣлыми пальцами за пуговицу или лацканъ пиджака слушателя и тянулъ къ себѣ.

Голосъ у него былъ высокій, рѣзкій, онъ точно отчеканивалъ каждое слово... Нѣтъ, я сразу не полюбилъ этого челоуѣка!

Третій гость, несмотря на то, что онъ былъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и свѣтлыми пуговицами, произвелъ на меня смѣхотворное впечатлѣніе. Другого впечатлѣнія и не могла произвести маленькая фигурка старичка съ грушевидною лысою головкой и большимъ сизымъ носомъ. Я думаю, всякій, кто впервые встрѣчался съ Петромъ Спиридонычемъ Головешкинымъ, испытывалъ неудержимое желаніе разсмѣяться, а потомъ уже начиналъ его уважать и любить. Сильнѣе всего поражала его необыкновенная наивность; онъ искренно удивлялся самымъ обыкновеннымъ вещамъ, снималъ свои круглыя стариковскія очки, протиралъ стекла краснымъ фуляромъ и, водрузивъ очки на мѣсто, внимательнѣйшимъ образомъ вглядывался въ собесѣдника.

— Такъ, такъ, — приговаривалъ онъ, покачивая грушевидною головкой, — такъ вотъ оно что, а? Ска-а-жите на милость! А позвольте...

И любопытствовавшимъ разспросамъ не было конца. Самъ уроженецъ сѣвера, онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ рассказъ отца о нашемъ путешествіи, удивлялся, ахалъ, охалъ и все это сопровождалъ судорожными движеніями сухихъ, костлявыхъ рукъ. Однимъ такимъ движеніемъ онъ вышибъ у самого себя изъ рукъ табакерку, страшно растерялся, сталъ подбирать съ пола табакъ и такъ былъ ошеломленъ этимъ событіемъ, что отсѣлъ въ сторону и нѣкоторое время не принималъ участія въ разговорѣ.

Я уже назвалъ старичка по имени, потому что онъ самъ назвался мамѣ, прибавивъ, что служить въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи, фамиліи же остальныхъ двухъ гостей я не могъ запомнить тогда, и только впоследствии узналъ, что блондина звалъ Григорій Николаевичъ Аязмовъ, а чернаго — Алексѣй Федоровичъ Биндеръ.

Все общество усѣлось за большимъ столомъ и принялось чаепитать. Бесѣда была общая: говорили о нашемъ путешествіи, вспоминали общихъ знакомыхъ, — т. е. отецъ и Озеринъ, — остальные не были знакомы съ отцомъ.

Отецъ быстро сошелся съ Азямовымъ и между ними завязался разговоръ, котораго я не могъ понять, да мнѣ еще мѣшало слушать Биндеръ, начавшій спорить съ нашимъ хозяиномъ: Биндеръ все что-то бранился, чѣмъ-то былъ недоволенъ, а Озеринъ сдерживалъ его, и такимъ онъ мнѣ показался милымъ, добродушнымъ.

Наливая чай то одному, то другому, мама внимательно прислушивалась къ бесѣдѣ и вставляла свои замѣчанія. Помнится, одинъ разъ она согласилась съ Биндеромъ. Онъ тотчасъ же повернулся къ ней, подселъ ближе и началъ горячо говорить, сверкая глазами:

— Вы лучше насъ всѣхъ! Женщины лучше насъ! — запомнишь мнѣ его слова.

Я задремалъ, положивъ голову на колѣни мамы; ноги мои стали подкашиваться, все глуше и глуше доносились до меня голоса бесѣдовавшихъ, я заснулъ и не помню, какъ и когда былъ отнесенъ за занавѣску, на кровать Озерина.

III.

Теряю одну и нахожу другого.

Рѣшительно не могу возстановить въ памяти, чѣмъ ознаменовалось наступленіе весны въ дрянномъ, сѣверномъ городишкѣ, куда забросила насъ судьба. Надо полагать, что это наступленіе не избылоvalo ни особенными красками, ни звуками, — словомъ, ничѣмъ такимъ, что такъ страшно волновало меня, поднимало мою душу тамъ, у себя на родинѣ. Чуть ли даже я не былъ болѣнъ и меня не выпускали на дворъ, — на этотъ скудный дворъ съ досками, который я въ нѣсколько дней успѣлъ изучить черезъ окно. Съ него смели снѣгъ, но онъ оказался еще грязнѣе и скучнѣе.

Въ моей памяти рисуется лѣтній солнечный день, — не знаю, было ли это въ первый или во второй годъ нашего пребыванія въ городишкѣ. Мы съ «дядей Павломъ», какъ я привыкъ называть нашего хозяина, только что запустили въ глубину яснаго, бирюзоваго неба громадной величины бумажный змѣй и лежимъ на травѣ въ самомъ идиллическомъ настроеніи. Здѣсь не такое солнце, какъ у насъ на югѣ; тамъ оно жжетъ, всѣ прячутся отъ него, а здѣсь, на Юротъ, всѣ выходятъ на солнышко, подъ его мягкіе, ласкающіе лучи.

Мы не одни: около насъ Азямовъ и Биндеръ, а поодаль группа эрелей, — здѣшнихъ мѣщанъ въ красныхъ рубахахъ изъ-подъ шапокъ, въ картузахъ съ лакированными козырьками и двѣ-три дѣвушки въ мѣстномъ нарядѣ.

Этотъ нарядъ до того красивъ и бросается въ глаза, что вниманіе мое безпрестанно отвлекается отъ змѣя, который трепещетъ въ вышинѣ, дергая бичевку въ рукѣ дяди Павла, и переходитъ на дѣвушекъ. На обѣихъ штофныя сарафаны, у одной—алый, у другой—голубой. На головахъ праздничныя повязки въ видѣ конуса и начелники, унизанные жемчугомъ. Позументы на сарафанахъ и жемчугъ такъ и горятъ, такъ и переливаются на солнцѣ.

— Хорошо бы теперь, братцы, взять баркасъ, да двинуть по морю! — говоритъ Биндеръ.

Эта мысль приводитъ меня въ восхищеніе, тѣмъ болѣе, что я рѣшительно не знаю, что такое баркасъ и никогда не видалъ моря.

— Ну, что хорошаго? — ворчитъ Аязомъ. — На морѣ теперь вѣтрепо, того и гляди ко дну пойдешь.

— «Ко дну пойдешь!» Эхъ, ты! Сидя на травѣ, конечно, не утонешь! — иронически замѣчаетъ Биндеръ.

— А тебѣ непремѣнно хочется утонуть?

— Зачѣмъ? Вовсе не хочется.

— Да какъ же? Управлять ты не умѣешь?

— Я не умѣю? Я?—восклицаетъ Биндеръ. — Да ты видалъ ли, что такъ говоришь? Видалъ меня на морѣ? Ну, чего молчишь? Отвѣчай!

— Бросьте, — замѣчаетъ дядя Павелъ, — охота спорить! Взяли баркасъ и поѣхали, и вся недолга!

— А ты не поѣдешь развѣ? — спрашиваетъ Биндеръ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно еще зайти...

— Буда зайти? Не къ Софѣ ли Алексѣевнѣ, а? Ну, что, какъ она себя чувствуетъ?

— Плохо, — съвозъ зубы отвѣчаетъ дядя Павелъ и начинаетъ сильно дергать бичевку.

— Здѣшній климатъ ей вреденъ, — говоритъ Аязомъ.

— Ей всякій климатъ вреденъ, — замѣчаетъ Биндеръ.

— Ну, не скажи!... На югѣ, напримѣръ...

— Да что на югѣ! Если у человѣка форменная чахотка, ничего не подѣлаешь.

Я замѣчаю, какъ Аязомъ убралкой толкаетъ Биндера и мигаетъ на дядю Павла, и еще я замѣчаю, какъ внезапно тускнѣетъ лицо дяди Павла и дѣлается такимъ жалкимъ и грустнымъ, что мнѣ хочется кинуться къ нему, обнять его и начать утѣшать.

Но Биндеръ смотритъ на меня и я дѣлаю усилія воздержаться. Биндеръ — это что-то вродѣ контролирующаго аппарата. Онъ не любитъ, когда я плачу, и при немъ, какъ бы мнѣ ни было грустно

ми больно, я стараюсь казаться молодцомъ, — онъ не одобряетъ никакихъ измѣнѣй чувствъ и при немъ я сдерживаю проявленіе чувствъ даже къ мамѣ. Все это я дѣлаю не изъ любви къ нему, — наоборотъ, я его не люблю, но именно потому, что я его не люблю, я не хочу быть «бабой», какъ онъ меня назвалъ однажды.

Таинственные жесты и подмигиванья Азямова наводятъ меня на размышленія о Софѣ Алексѣевнѣ и въ моемъ воображеніи рисуется фигура молодой, худощавой брюнетки, очень тихой и грустной. Почему-то я не могу представить ее иначе, какъ въ большомъ байковомъ платкѣ, въ который она постоянно кутается, кашляетъ и все кутается, держась за края платка худыми, блѣдными руками.

И я думаю, что еслибъ она поселилась на томъ островѣ, гдѣ жилъ Робинзонъ, ей было бы тепло, она перестала бы кутаться въ платокъ и кашлять.

Я уже готовъ подѣлиться моими предположеніями съ дядей Павломъ, но вниманіе мое отвлекается Азямовымъ, который поймалъ золотистаго жучка, положилъ его спиной на ладонь и внимательно разглядываетъ, а жучокъ сжалъ лапки въ комокъ и не шевелится, притворился мертвымъ.

Биндеръ лежитъ, вытянувшись на травѣ, смотритъ на небо и затягиваетъ звенящимъ теноркомъ:

«Корабль мой, — пусть тяжелъ мой путь
Въ сырой и бурной мглѣ...»

— Гриша! — восклицаетъ онъ внезапно и такъ громко, что Азямовъ вздрагиваетъ и жучокъ, воспользовавшись неосторожнымъ движеніемъ, благополучно падаетъ въ траву. — Гриша, провались я сейчасъ въ тартарары, если не уѣду отсюда!

— На баркасѣ, къ острову? — насмѣшливо спрашиваетъ Азямовъ.

— Британія, Британія! — шепчетъ Биндеръ, покачивая головой.

— Ну, что, пустыни!

— Конечно, вздоръ! — подтверждаетъ дядя Павелъ. — Британія тутъ цѣнитъ и любить, прежде всего, деньги. А коли ихъ нема? Ну, что ты тамъ будешь дѣлать?

— То же, что здѣсь, — работать!

— А языкъ?

— Что языкъ?

— Языкъ, спрашиваю, знаешь?

— Возьми грамматику и проэкзаменуй. Знаешь, у меня даже произношеніе образуется.

— Эхъ, ты, англичанинъ! — усмѣхается Азямовъ. — Поди какой!

Между ними завязывается споръ, оба кричатъ, перебиваютъ другъ друга. Меня ихъ споръ нисколько не интересуеетъ, не интересуется имъ и остальная публика—мѣщане и дѣвицы; они слушаютъ автоматически, словно разговоръ происходитъ на какомъ-то иностранномъ языкѣ, потомъ отходятъ и, разсѣвшись въ травѣ, принимаются грызть кедровыя орѣшки.

— Эге! Посмотри-ка, какъ онъ взвился! — кричитъ мнѣ дядя Павелъ.

Змѣй быстро поднимается къ небу, «забираетъ»; вонъ ужъ онъ превратился въ черную точку и кажется неподвижнымъ. Мнѣ припоминается пѣсня Биндера о кораблѣ и я соображаю, могутъ ли быть воздушныя корабли.

— Дядя Павелъ, а бываютъ воздушныя корабли? — спрашиваю я.

— Нѣтъ, не бываютъ, — отвѣчаетъ дядя Павелъ.

— А какъ же, помнишь, ты читалъ про воздушный корабль?

— Это сказка, — отвѣчаетъ онъ.

Меня постигаетъ полное разочарованіе, я сажусь и молча смотрю, какъ дядя Павелъ собирается пустить «телеграфъ». «Телеграфъ» — очень остроумная, занятая штука, я жду ее съ нетерпѣніемъ, но въ самую интересную минуту я замѣчаю издали фигуру отца.

Онъ идетъ къ намъ. Я вскакиваю и бѣгу на встрѣчу, но еще издали не столько вижу, сколько догадываюсь, что отецъ чѣмъ-то разстроенъ, озабоченъ. Походка у него медленная, неровная, иногда онъ остановится на секунду, какъ бы раздумывая, идти ли дальше, и продолжаетъ путь, опустивъ голову. Когда я, наконецъ, подбѣгаю къ нему, онъ, противъ обыкновенія, не проводитъ рукой по моей головѣ, а мелькомъ и какъ-то разсѣянно взглядываетъ на меня.

Онъ подходитъ къ дядѣ Павлу и садится на траву. Оба нѣкоторое время молчатъ.

— А знаешь ли, — говоритъ отецъ, — это рѣшено: она уѣзжаетъ!

— Что ты? — воскликнулъ дядя Павелъ. — Вѣдь, это еще было подъ сомнѣніемъ... вчера еще говорили.

— Да, то было вчера, а сегодня...

И голосъ отца дрожить. Дядя Павелъ садится подлѣ и начинаеть наматывать бичевку.

— Положимъ, мысль ея недурна, — говоритъ опъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ. — Но четыре года...

— Говорять, два, — перебиваетъ отецъ. — А, впрочемъ, кто ихъ знаетъ? Я сбить съ пути, что называется. Конечно, современемъ будетъ поддержка... Здѣсь нуждаются въ нихъ. Но когда подумаешь...

Онъ сжимаетъ обѣими ладонями виски и смотритъ внизъ.

— А по-моему напрасно все это, — вступаетъ въ разговоръ Азямовъ, — жили такъ и прожили бы еще... Тебѣ жалованья прибавили, наконецъ, мы... одинокіе всѣ... могли бы чѣмъ-нибудь... Напрасно, напрасно! Нужно ее отговорить!

— Поди-ка, отговори! — съ какою-то злостью вырывается у отца.

Одинъ Биндеръ молчитъ. Невольно я оборачиваюсь въ его сторону. Маленькій, черный человекъ, попрежнему, смотритъ въ небо и напѣваетъ съвозъ зубы:

«Привѣтъ вамъ, темные валы,
Привѣтъ, пустыни и свалы!»...

И я замѣчаю, что всѣ, отецъ, дядя Павелъ и Азямовъ, прислушиваются къ его пѣснѣ. Чѣмъ-то дикимъ, пророчески-мрачнымъ звучать слова этой пѣсни; человекъ, который ее поетъ, кажется мнѣ такимъ мрачнымъ, нелюдимымъ, что я ни за что не желалъ бы остаться съ нимъ наединѣ.

— Значить, рѣшено? — тихо произноситъ дядя Павелъ.

— Все обдуманно и рѣшено, — говоритъ отецъ. — Знаешь ея характеръ? «Хочу получить дипломъ и практиковать», а дальше слушать ничего не желаетъ.

— Какакая тутъ практика? — восселищаетъ Азямовъ. — Тутъ своихъ повитухъ, доморощенныхъ, сколько угодно! И почему непременно дипломъ? Будто такъ нельзя? Поговорили бы съ Головшеннымъ.

— Ну, вотъ тоже! Нашелъ съ кѣмъ совѣтоваться! Петръ Спиридычъ самъ ничего не знаетъ, — замѣчаетъ дядя Павелъ.

— Не знаетъ и не можетъ, — говоритъ отецъ, вставая.

— Постой, пойдемъ вмѣстѣ!

Дядя Павелъ начинаетъ торопливо наматывать бичевку и громадный змѣй постепенно возвращается изъ своего заоблачнаго пути ствѣя. Дѣлаетъ онъ это весьма неохотно, словно ему жаль раз-

статья съ волей, забираетъ въ сторону, ныряетъ и, изнемогши въ непосильной борьбѣ, расплывается на травѣ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ.

Меня не интересуеъ участь змѣя, въ душѣ моей тревога; какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что дѣло, о которомъ бесѣдуютъ отецъ и дядя Павелъ, касается также и меня. И я стараюсь по лицамъ обоихъ угадать, въ чемъ дѣло: лицо отца блѣдно и встревожено, дядя Павелъ спокоенъ по виду, но когда онъ поднимаетъ упавшій змѣй, у него дрожатъ руки.

Предчувствіе чего-то неладнаго, какой-то угрожающей намъ всѣмъ бѣды все пуще беспокоитъ меня, я хотѣлъ бы обо всемъ разспросить, все сейчасъ, сію минуту узнать, но почему-то не рѣшаюсь и не умѣю этого сдѣлать.

И я иду спать.

А на утро все разъясняется съ тою ошеломляющею быстротой и непослѣдовательностью, которая не разъ сбивала съ толку мою дѣтскую мыслительную способность; вдругъ оказывается, что она, о которой шла рѣчь, что хотеть ѣхать куда-то далеко, хотеть получить какой-то дипломъ, она—моя мама! И мнѣ никто объ этомъ не сказалъ раньше. Тоска, страхъ за маму, досада на отца и дядю Павла,—все вмѣстѣ гнететъ и подавляетъ меня до такой степени, что я стою, какъ истуканъ, и глупо смотрю на улицу.

Солнце ярко освѣщаетъ дома на другой сторонѣ; въ нѣкоторыхъ окна открыты настежь и изъ-за горшковъ съ олеандрами и геранью выглядываютъ обывательскія лица.

У воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ стояла наша кибитка, стоитъ телѣжка съ сидѣньемъ, закрытымъ погромчатымъ ковромъ. Пара лошадей, одна гнѣдая, другая рыжая, вислоухая, побрякиваютъ бубенчиками; по случаю праздничнаго дня, ихъ сбруя утыкана вѣточками березы, такая же вѣтка, только побольше, прикрѣплена къ дугѣ. Ямщикъ, молодой парень, съ кнутомъ похаживаетъ около. У него круглое, красное лицо; когда отсвѣтъ солнца попадаетъ на него, то оно блеститъ точно лакированное.

Дома у насъ, во всѣхъ трехъ комнатахъ, безпорядокъ: тамъ связанные узлы, тамъ брошенное на стулѣ платье, на столѣ тарелки съ остатками кушанья, повсюду скомканная, разорванная бумага, клочки сѣна.

Мама, блѣдная, съ безпрестанно вздрагивающею нижнею губой, сидитъ, одѣтая въ дорогу, на кончикѣ стула и держитъ на рукахъ Ваню, который тянется къ ней рученками и теребитъ за воротъ

нальто. Отецъ въ волненіи ходитъ по комнатѣ и мнѣ раза четыре слышится одна и та же его рѣчь:

— Да, какъ пріѣдешь, иди прямо къ Саранцеву... да...

И больше ничего. Дядя Павелъ за столомъ завязываетъ какой-то пакетъ, но дѣлаетъ это такъ медленно, такъ неохотно, что кажется, будто никогда его не завяжетъ.

— Возьми его, Женя, — говоритъ мама какимъ-то сдавленнымъ, какого я никогда у ней не слышалъ, голосомъ, и передаетъ Ваню отцу. — Прощай... прощайте... смотри же, чтобы...

Она подходитъ къ отцу и прячетъ голову на его плечѣ. Вдругъ Ваня начинаетъ плакать. Я стою въ недоумѣніи. Но Ваня плачетъ, и мнѣ самому становится больно на сердцѣ, какой-то клубокъ подвѣшивается къ горлу, душитъ меня, и я тоже начинаю хныкать.

Мама привлекаетъ меня къ себѣ, крѣпко сжимаетъ. Я чувствую, какъ ея горячія слезы мочатъ мои щеки.

— Прощай, Николаша! Будь умницей, слушай папу... дядю Павла... Прощай, дорогой! — шепчетъ, заливаясь слезами, мама.

Я реву на всю квартиру. Слезы застилаютъ глаза, мѣшаютъ видѣть, не даютъ сказать слова.

Никогда больше не плакалъ я такъ и никогда больше мама не говорила такъ со мной; то, что разыгралось въ день ея отъѣзда, не повторялось ни разу. Можетъ быть, потому такъ и памятенъ мнѣ этотъ день.

Я помню, какъ крѣпко вцѣпился въ платье мамы, какъ она меня буквально тащила за собой и кто-то (изъ-за слезъ я ничего не видѣлъ) оторвалъ меня отъ нея, и вотъ ея уже нѣтъ, вотъ съ улицы послышался звонъ бубенчиковъ, тише, тише и замеръ. И отпа нѣтъ! Буда же они всѣ ушли? Гдѣ я, кто со мною?

И я вижу себя стоящимъ въ колѣняхъ дяди Павла, у котораго на рукахъ братишка. Дядя Павелъ ничего не говоритъ; онъ смотритъ на насъ обоихъ и свѣтло, сквозь слезы, улыбается намъ. А мнѣ сразу становится легче. Эта улыбка и слезы живо напоминаютъ мнѣ одинъ лѣтній день, когда, во время дождя, сквозь тучи выглянуло вдругъ солнце и такою любовною лаской озарило каждый кустикъ, травку, каждую былинку въ лѣсу...

IV.

Дядя Павелъ выступаетъ въ настоящемъ свѣтѣ.

Холодное зимнее утро. Сквозь намерзшія окна едва пробивается дный свѣтъ. Я просыпаюсь и вижу знакомую картину: дядя

Павель развелъ въ печи огонь, согрѣлъ самоваръ и поить теплымъ молокомъ Ваню, котораго, съ искусствомъ заправской няньки, держать на рукахъ.

Около верстака множество стружекъ; тутъ же стоятъ вновь оструганныя доски, — дѣло ясное, дядя Павель всталъ давно, чуть свѣтъ, и успѣлъ наработаться, покуда не проснулся Вена и не подалъ голоса.

Отца нѣтъ (мы бросили нашу квартиру и переселились къ дядѣ Павлу), онъ ушелъ на службу въ лѣсную контору, откуда придетъ въ девять часовъ выпить чаю и опять уйдетъ до обѣда. Никакой прислуги у насъ нѣтъ, потому что всѣ мѣстные женщины и дѣвушки находятъ болѣе выгоднымъ заниматься рыбнымъ промысломъ и жить дома. Роль и прислуги, и хозяйки въ нашемъ немудромъ хозяйствѣ съ успѣхомъ выполняетъ дядя Павель.

Вотъ онъ напоилъ Ваню чаемъ, бросилъ старую оленью шкуру на полъ и посадилъ на нее братишку, давши ему игрушки, которыя смастерилъ на своемъ верстацѣ. Игрушки хотя и не отличаются изяществомъ и новизною, но за то обладаютъ замѣчательнымъ свойствомъ несокрушимости: не только цѣлы кузнецъ и медвѣдь, соревнующіе въ искусствѣковки и совершенно черные отъ прикосновенія нашихъ дѣтскихъ рубъ, но цѣлы и молотки, и наковальня; несокрушимы также и лошадь съ санями и съ сидящимъ въ нихъ человѣкомъ, несмотря на мои ревностныя попытки отдѣлать ихъ другъ отъ друга.

Умывшись, одѣвшись безъ посторонней помощи и напившись чаю, я подсаживаюсь къ дядѣ Павлу, тачающему сапоги, и между нами завязывается разговоръ.

— Дядя Павель, — спрашиваю я, — помнишь, ты мнѣ хотѣлъ сдѣлать санки?

— Помню и сдѣлаю, — отвѣчаетъ онъ.

— А скоро?

— Вотъ какъ управлюсь съ сапогами.

— А кому ты пьешь сапоги?

— Отцу... Эге, чего это онъ расплакался?

Замѣчаніе относится къ Ванѣ, который нечаянно ударилъ себя игрушкою въ лобъ и хнычетъ, растирая глаза кулаченками. Дядя Павель беретъ Ваню на руки и носить по комнатѣ, пригвѣвая и занимая чѣмъ только можетъ.

Между тѣмъ, въ комнатѣ распространяется, раздражающій аппетитъ, запахъ щей и дядя Павель принимается накрывать на столъ.

Все готово, мы ждемъ только отца, безъ котораго, какъ бы намъ ни хотѣлось ѣсть, за столъ не сядемъ. Приходитъ отецъ. Онъ всегда мраченъ, всегда у него недовольное лицо,—это полнѣйшая противоположность дядѣ Павлу. Онъ ѣсть поспѣшно, молча бросая вокругъ сердитые взгляды.

— Ну, что у васъ тамъ?—спросить иногда дядя Павелъ.

— Ничего. Все попрежнему,—нехотя отвѣтитъ отецъ.—Меня, братъ, знаешь, ничто теперь не интересуеть... кромѣ писемъ отъ нея, а ихъ все нѣтъ, да нѣтъ.

— Потерпи, будутъ!

— Терплю!

Отецъ со вздохомъ встаетъ изъ-за стола и въ волненіи начинаетъ ходить по комнатѣ. Дядя Павелъ участливо слѣдитъ за его движеніями и опять между ними завязывается разговоръ, который меня нисколько не интересуеть. Я надѣваю валенки, шубу, нахлобучиваю шапку и выбѣгаю на дворъ—играть съ сосѣдскими ребятишками, среди которыхъ у меня есть нѣсколько завадичныхъ пріятелей.

Въ дни, когда получаютъ письма отъ мамы, отецъ неузнаваемо: онъ веселъ, разговорчивъ, строить радужные планы будущей жизни и возится съ нами, ребятишками. Письма эти читаетъ отецъ не одинъ, а всегда въ обществѣ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, и чаще по вечерамъ, когда Аязмовъ и Биндеръ свободны и соберутся у насъ.

Дядя Павелъ, въ качествѣ хозяйки, разливаетъ чай, а всѣ мы, не исключая Вани, помѣщающагося на колѣняхъ у отца, сидимъ вокругъ стола и внимательно слушаемъ строчку за строчкой. Биндеръ вѣчно въ нервномъ возбужденіи, щиплетъ бородку и иронически посматриваетъ на компанію, Аязмовъ слушаетъ молча, насторожась, и лицо его выражаетъ высшую степень удовольствія. Слушаю и я, почти ничего не понимая. Наконецъ, мнѣ становится скучно, глаза слипаются въ дремѣ, я начинаю клевать носомъ и дядя Павелъ, отъ заботливыхъ глазъ котораго не ускользаетъ ничто, уноситъ меня за перегородку, раздѣваетъ и укладываетъ съ тѣ.

Иногда на чтеніи присутствуетъ Петръ Спиридоничъ; онъ въ торгѣ отъ столицы и столичной жизни, которую описываетъ мнѣ. Въ особенности его почему-то интересуютъ памятники.

— Чудо, чудо!—восклицаетъ онъ и подслѣповатые глазки его бегаютъ изъ-подъ круглыхъ стариковскихъ очковъ.—Столица,

такъ и есть поистинѣ столица, всѣмъ городамъ Россійской имперіи голова! Сколь горестно мнѣ, что не видѣть мнѣ града Петра! Пропадешь тутъ, сгніешь и не увидишь! Виноватъ!... Какъ-съ, какъ-съ? Памятникъ императору Петру Первому? На дикомъ камнѣ, на конѣ-съ? Чудо, чудо! Императоръ Петръ Первый, блаженной памяти, и здѣшній убогій край посѣтилъ и милостиво облагодѣтельствовалъ! Ничто не укрылось отъ его орлиныхъ очей, ничто-съ! Виноватъ, виноватъ-съ, продолжайте!

Кромѣ нашихъ друзей и знакомыхъ, вродѣ Петра Спиридоновича, каждый почти вечеръ къ намъ приходятъ люди, которыхъ мы не знаемъ, или знаемъ очень мало: это рабочіе съ лѣсопильныхъ заводовъ, мѣстные мѣщане и разный другой народъ. Они приходятъ къ дяди Павлу или за совѣтомъ по разнымъ житейскимъ дѣламъ, или съ просьбою о защитѣ отъ личности какого-нибудь кулака, но чаще, чтобы попросить почитать книжку. Всѣ книги дяди Павла переплетены имъ самимъ, онъ очень ихъ бережетъ, но не было случая, чтобы онъ когда-нибудь отказалъ въ книгѣ, какъ не было случая, чтобы кто-нибудь не возвратилъ ее съ поклонами и самымъ сердечнымъ изъявленіемъ благодарности.

Помнится мнѣ одинъ хозяинъ - поморъ, явившійся къ дядѣ Павлу съ просьбою о книгѣ. Это былъ невысокій, плотный мужикъ съ лоснящимся, какъ козырекъ его картуза, лицомъ, въ синей сибиркѣ и личныхъ сапогахъ. Несмотря на самоувѣренность, съ которою смотрѣло его круглое, жирное лицо, обрамленное рѣдкою рыжею бородкой, онъ робко остановился на порогѣ и привѣтствовалъ дядю Павла по-мѣстному:

— Почти праздникъ-отъ, Павелъ Иванычъ! Здравствуйте!

— Здравствуйте, Ермолай Степанычъ! Садитесь, пожалуйте, — пригласилъ дядя Павелъ.

— Ничего, постоимъ, Павелъ Иванычъ! Не на долго, вѣдь, — отозвался поморъ, теребя картузъ съ глянцевитымъ козырькомъ. — А я къ тебѣ!

— Что же?

— Да насчетъ книжечки. Не дашь ли еще какую. Порато книжки у тебя хороши!

— Съ удовольствіемъ, Ермолай Степанычъ, — ступайте вонъ къ полкѣ, выбирайте любую.

Поморъ взглянулъ на полку и отрицательно замоталъ головой.

— Нѣ! Гдѣ ужъ намъ выбирать, — пробормоталъ онъ, — не наше это дѣло. Ты ужъ изъ своихъ рукъ дай, такъ-то оно лучше будетъ. Человѣкъ ты книжный, тебѣ виднѣй.

Дядя Павелъ порылся въ книгахъ и досталъ одну, очень обшестую.

— Вотъ, вотъ,—обрадовался поморь,—это намъ въ самую препорцію будетъ. Спасибо, Павелъ Ивановичъ. Время теперь зимнее, дѣлать почитай нечего. Вотъ оно какъ разъ. А ужь какой я тецъ?—добродушно усмѣхнулся онъ.—Такъ, но малости, разбираю. Ну, спасибо тебѣ!

И онъ началъ кланяться, размахивая картузомъ.

— Не обезсудь на подарочкѣ,—въ заключеніе сказалъ онъ,—матасины привезъ тебѣ съ промысла,—самъ нонича ѣздилъ,—да еще кое-что. Не обезсудь, прими.

Въ сѣняхъ оказался цѣлый кулекъ рыбы.

А иной расщедрившійся поморь привезетъ, бывало, и пушны.

Дядя Павелъ, чтобы не обидѣть добродушныхъ читателей своихъ книгъ, никогда не отказывался отъ подарковъ (ему было кому, въ свою очередь, ихъ раздать) и этимъ еще болѣе располагалъ къ себѣ.

— Онъ у насъ молодецъ,—говорили про него,—человѣкъ книжный, а поди какъ простъ. Иди-ка, сунься къ другому. А онъ не брезгаетъ нашими подарками. Какъ такому человѣку не отдарить за его ласку да пользу?

Помнится мнѣ еще одинъ гость въ нашей «убогой хижинѣ», какъ прозвалъ отецъ квартирку дяди Павла, но этотъ былъ совершенно въ другомъ родѣ. Его привелъ къ намъ Биндеръ. Какъ-то вечеромъ вошелъ человѣкъ высокаго роста, сухой и мускулистый, съ длинными бакенбардами. Онъ былъ въ кожаной курткѣ, съ краснымъ шарфомъ на шеѣ, въ необыкновенно плотныхъ, сильно просмаленныхъ панталонахъ и чудовищныхъ, по размѣрамъ, ботинкахъ.

Пресмѣшную группу изображали сидѣвшіе за столомъ: отецъ, дядя Павелъ, Биндеръ и этотъ гость, сосавшій сигару и тянувшій норвежскій ромъ. Никто не могъ объясниться съ нимъ, даже Биндеръ, несмотря на прославленное знаніе англійскаго языка. Объяснился мимикой, приправляя жесты немногими нѣмецкими выраженіями. Однако, гость нисколько не смущался, даже, наоборотъ, съ ю-то особенною гордостью, особеннымъ превосходствомъ заграничнаго человѣка смотрѣлъ на компанію, тянулъ ромъ и медомъ разглаживалъ бакенбарды.

ничего не понялъ изъ ихъ бесѣды, вѣроятно, не понялъ

и отецъ, потому что, когда гость ушелъ, онъ накинулся на Биндера.

— Зачѣмъ ты его привелъ?—кричалъ отецъ.— Онъ смотрѣлъ на насъ, какъ на дикарей.

— Ну, вотъ еще! Бакой вздоръ! Мы въ такой же степени дикари, какъ и онъ, не знающій по-русски.

— Да, но зачѣмъ ты его привелъ?

— Ну, буду же я когда-нибудь въ Англіи! Пригодится!—уклончиво отвѣчалъ Биндеръ.

Н. Баранцевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗИЯ *).

(Повѣсть).

VII.

Версты за двѣ до Осташкова Лидія Артемьевна велѣла кучеру остановиться. Надо было оправиться, замѣнить платокъ шляпой, даже немного переодѣться. Она выѣхала изъ дому въ шестомъ часу утра, когда еще было свѣжо, пришлось надѣвать драповую ротонду. Въ узлѣ была приготовлена для замѣны ротонды легкая лѣтняя кофточка, въ картонѣ захвачены двѣ шляпы, купленные въ губернскомъ городѣ. Въ корзинѣ же, привязанной сзади тарантаса, помѣнились и платья для обѣда и завтрака.

Лидія Артемьевна ѣхала всѣ 30 слишкомъ верстъ, не двигаясь, чтобы не помять платья, въ которомъ должна была войти къ Осташковымъ. Теперь она внимательно оглядѣла его, достала изъ бокового кармана тарантаса зеркальце, посмотрѣлась, чуть-чуть припудрилась, надѣла шляпу, перемѣнила перчатки, наскоро сдѣлала новый узелъ и, усѣвшись, велѣла кучеру ѣхать дальше. Какъ только тарантасъ двинулся, она нѣсколько разъ перекрестилась и старалась сдерживать учащенное бѣшеніе сердца.

Лидія Артемьевна очень волновалась. Отношенія ея съ Осташковыми, когда-то очень недурныя, въ послѣдніе годы замѣтно испортились. Въ теченіе двухъ лѣтъ Думчины ни разу не получали приглашенія отъ «предводительши». Каждое 23 апрѣля и 22 іюля Лидія Артемьевна посылала поздравительныя письма, на первое не получила отвѣта, на второе же Марья Алексѣевна отвѣчала сухою и краткою благодарностью, не прибавляя, какъ прежде: «дѣюсь, вы не забудете насъ». Въ этомъ же году Лидія Артемьевна уже не получила въ мартѣ поздравленія съ днемъ ангела.

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

Тѣмъ не менѣе, она аккуратно ежегодно являлась къ Остапковымъ въ престольный праздникъ 9 мая, въ день св. Николая, но послѣ большого обѣда уѣзжала, такъ какъ ее не оставляли погостить. Мужъ упорно отказывался сопровождать ее.

Она хотѣла придумать предлогъ, вродѣ того, что никогда не видѣла губернатора, хотѣла явиться въ роли веселой и беззаботной сосѣдки, но, познакомившись за день ближе съ положеніемъ дѣлъ мужа, зазвавъ къ себѣ въ комнату Масловскаго и разспросивъ его подробно, она убѣдилась, что одно ея присутствіе при губернаторѣ не поможетъ, и рѣшилась поговорить съ м-ше Остапковой «по душѣ».

«Она сама женщина и пойметъ меня», — думала Лидія Артемьевна.

Сергѣй Викторовичъ зналъ, что жена пріѣдетъ въ Остапково, но главное побужденіе она отъ него скрыла.

Когда она уѣзжала изъ дому, объясненіе съ предводительшей казалось ей легче. Теперь же, подѣзжая къ усадьбѣ, чувствовала, что грудь у нея стиснута, горло точно перехвачено.

Огромная арка, убранная зеленью и разукрашенная флагами, черезъ которую ей пришлось въѣхать въ слободу, еще больше смутила ее и настроила еще болѣе тревожно. Передъ нею ѣхала крестьянская телѣга, она видѣла, какъ мужики не позволили проѣзжать подъ аркой, заставляя сдѣлать кругъ. Думала, что и ея тарантасъ будетъ остановленъ, но на это сторожа, видимо, не рѣшились.

Едва замѣтно, она опять перекрестилась и повторила это около церкви, замѣтивъ, что кругомъ церкви посыпано пескомъ. Около самаго дома она обогнала Сабурова, который шелъ медленно и задумчиво, очевидно, съ утренней прогулки. Лидія Артемьевна искося посмотрѣла на незнакомаго молодого человѣка, стараясь догадаться, кто-бъ это былъ.

Въ домѣ во всемъ верхнемъ этажѣ ставни были закрыты. Несмотря на девятый часъ, тамъ всё еще спали. Внизу боковыя окна тоже закрыты, а съ фасада открыты настѣжъ. Виднѣлись красивыя гардины и драпировки.

У параднаго крыльца Лидію Артемьевну встрѣтилъ старшій лакей, съ багами, безъ усовъ.

— Марья Алексѣевна еще спать? — спросила Лидія Артемьевна.

Лакей тотчасъ же узналъ «госпожу Думчину», но отвѣтилъ нерѣшительно:

— Да-съ, еще почиваютъ.

Лидія Артемьевна поняла по его лицу, что онъ недоумѣваетъ, какъ быть съ нею.

— Такъ я подожду, — сказала она, — вѣрно, скоро встанутъ.

Лакей безъ особенной предупредительности, однако, прилично-уважительно, помогъ ей сойти съ экипажа.

— Вещи прикажете внести? — спросилъ онъ такъ же перѣшпивно.

— Пожалуй, только куда?

Онъ помолчалъ, какъ бы давая понять, что ея не ждали и что сообщить ей будетъ не легко.

— Мы позаботимся. Потомъ вамъ укажутъ.

А вдругъ ш-ше Осташкова приметъ ее такъ непривѣтливо, что придется уѣзжать назадъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, послѣ. Пусть кучеръ не распрягаетъ. У насъ, вѣрно, будетъ много гостей.

— Да-съ... его превосходительство...

— Да, да, знаю. Такъ я сначала подожду Марью Алексѣевну.

— Пожалуйста въ гостиную. Тамъ прибрано. А какъ встанутъ — доложить.

Лидія Артемьевна прошла въ гостиную, подавляя одинъ вздохъ за другимъ. Тамъ она посмотрѣлась въ зеркало и потомъ, не снимая шляпы, сѣла въ кресло у круглаго стола. Обыкновенно, бывая въ домѣ, она разсматривала мебель, ковры, картины. Сегодня же она не обращала ни на что вниманія. Въ открытую дверь на террасу изъ сада тянулся запахъ липоваго цвѣта и слышался бой курантовъ.

Вошла горничная въ бѣломъ передникѣ и кружевномъ чепчикѣ.

— Не прикажете ли кофе или чаю?

— Дайте чашечку чаю.

— Позвольте вашу шляпу.

— Нѣтъ, не надо. Я такъ подожду.

Горничная вышла и черезъ минуты двѣ вернулась съ чашкой чаю, сливками и печеньями на серебраномъ подносѣ.

— Барыня позвонили, имъ сейчасъ доложить, — сказала она, ставъ подносъ передъ Лидіей Артемьевной.

Въ комнатѣ постепенно наполнялся голосами. Черезъ сосѣднія комнаты проходили, разговаривали, отдавались приказанія, хлопали дверями. Разъ Лидія Артемьевна услышала голосъ Георгія Николаевича, ждала, что онъ войдетъ, но онъ, очевидно, ушелъ въ кабинетъ. Изъ сада черезъ террасу и гостиную прошелъ тотъ самый молодой человекъ, котораго она встрѣтила на улицѣ. Онъ

поклонился ей. Раздался хохотъ старшаго Бурятова и чьи-то еще голоса. Въ столовой застучали стаканами и ложками. Потомъ Бурятовъ появился въ дверяхъ, увидѣлъ Лидію Артемьевну и, какъ бы не ожидавъ встрѣтить въ гостиной постороннюю, остановился.

«Лицо знакомое, но кто—не знаю»,—видимо, подумалъ онъ.

— Здравствуйте, Константинъ Ивановичъ,— сказала Лидія Артемьевна, стараясь сохранить спокойную улыбку.

Онъ быстро подошелъ.

— Честь имѣю кланяться.

Возвратившись въ столовую, онъ, должно быть, шепнулъ тамъ, что рядомъ въ гостиной есть дама, такъ какъ голоса стихли.

Нестерпимо тяжело было ждать. Нѣсколько разъ, вспоминая о мужѣ, Лидія Артемьевна качала головой. Проходившаго лакея она спросила:

— Послушайте, голубчикъ, что, мужъ мой, Сергѣй Викторовичъ Думчинъ, не былъ здѣсь вчера?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вы навѣрное знаете?

— Какъ же мнѣ не знать?

Какъ она уговаривала его зайти въ Осташковымъ! Но на него опять налетѣлъ бѣсъ упрямства. И во всѣмъ волненіямъ жены передъ его отъѣздомъ вчера рано утромъ онъ относился съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ.

Послышались быстрые, легкіе шаги Марьи Алексѣевны.

— Здравствуйте, Лидія Артемьевна! Что-жь это вы въ шляпѣ? Вѣдь, вы у насъ позавтракаете?

Лидія Артемьевна пожимала руку хозяйки и не могла произнести ни слова. Она такъ прикусила губу, что потомъ нѣсколько разъ подносила къ ней платокъ, снимая капли крови.

— Что съ вами, однако? Вы, кажется, взволнованы, у васъ такія холодныя руки. — Марья Алексѣевна взяла ее и за другую руку.

Лидія Артемьевна хотѣла улыбнуться, большіе черные глаза ея наполнились слезами.

«Только бы не расплакаться, — быстро подумала она, — чужія слезы постороннему всегда кажутся фальшивыми».

— Я къ вамъ по очень важному дѣлу, Марья Алексѣевна,— проговорила она, наконецъ, съ трудомъ.

— Ко мнѣ лично или...

— Къ вамъ.

— Такъ садитесь.

— Если-бъ можно было... — Лидія Артемьевна не окончила, а только взглянула на дверь въ столовую, откуда все неслись мужские голоса.

Марья Алексѣевна поняла.

— Такъ пойдите ко мнѣ въ будуаръ. Тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

И сама пошла впередъ. Она хотѣла догадаться, какое можетъ быть къ ней дѣло у Думчиной, но не могла. Когда ей доложили о прїѣздѣ, она не скрыла отъ своей ближайшей горничной гримасу.

«Вотъ не во-время!» — подумала она тогда.

Но сейчасъ ей стало жаль этой женщины.

— Садитесь, въ чемъ дѣло? — сказала она, усаживая ее на низкое, мягкое кресло, обитое голубымъ плюшемъ. — Да снимите шляпу.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Я такъ.

Марья Алексѣевна сейчасъ же замѣтила, что той стоить большихъ усилій удержаться отъ слезъ, что для этого-то она и занята такъ ранкой на губѣ. Жалость къ ней усилилась.

— У васъ какое-нибудь несчастье?

— Я, право, не знаю... Можетъ быть, ничего и не будетъ... Но вы, какъ женщина, сами поймете... Иногда чутье подсказываетъ...

— Вашъ мужъ и дѣти здоровы?

— Да, здоровы. Но... вотъ именно о мужѣ... Завтра прїѣзжаетъ начальникъ губерніи для ревизіи.

«Растрата и будетъ просить денегъ», — подумала Марья Алексѣевна.

— Если бы вы знали этого человѣка ближе... Я не хочу сказать ничего дурного. Въ сущности, онъ прекрасный, а, главное, я, вѣдь, жена, люблю его и у насъ дѣти.

Лидія Артемьевна вдругъ подняла глаза на хозяйку, точно угадавъ ее подозрѣніе.

— Вы не подумайте, что онъ растратилъ общественныя деньги. Боже сохрани! До этого не дошло. Но что-жъ вамъ говорить? Вѣрно же вы слышали отъ Георгія Николаевича. По крайней мѣрѣ, всѣ въ уѣздѣ, будто бы, недовольны мужемъ, какъ исполнимъ начальникомъ... А онъ не то, чтобы былъ недобросовѣстный, но у него свои взгляды и, мнѣ кажется, его превосходительство будетъ очень, очень недоволенъ имъ. Дядя меня такъ и шепчетъ. Онъ сказалъ, что мужу просто грозитъ отставка.

— Извините, Лидія Артемьевна. Я такъ мало вхожу въ здѣшнія общественныя дѣла, но не скрою отъ васъ, что слышала что то не въ пользу Сергѣя Викторовича. Однако,—Марья Алексѣевна улыбнулась,—что же я могу сдѣлать?

Лидія Артемьевна успѣла окончательно овладѣть собой. Теперь она говорила спокойнѣе:

— Я вамъ сама не сумѣю объяснить, отчего обратилась прямо къ вамъ. Конечно, что вы можете сдѣлать, если ревизія будетъ не благополучна для мужа. Но вотъ о чемъ я хотѣла попросить васъ. Позвольте мнѣ, пока его превосходительство будетъ здѣсь, погостить у васъ.

Марья Алексѣевна встала.

— Ахъ, Богъ мой! Что вы, Лидія Артемьевна? Вы меня обижаете!

— Я знаю, что у васъ много хлопотъ, не до меня, но увѣряю я васъ не стѣсню.

— Да перестаньте же! Какъ вамъ не совѣстно! Я вамъ всегда рада.—Марья Алексѣевна нажала пуговку звонка.—Сейчасъ вамъ отвѣдутъ комнату. Я даже благодарна, что вы пріѣхали. Все-таки я не буду одна дама за столомъ. Вы меня такъ удивляете.

Вошелъ лакей.

— Василий, возьмите вещи Лидіи Артемьевны и займите для нея...—она повела пальцами по лбу, какъ бы соображая,—займите комнату, которая выходитъ на боковой балконъ. Она, кажется, никѣмъ не будетъ занята?

— Никѣмъ-съ.

— Вотъ и отлично. Идите.

Лакей ушелъ.

— Право, вы меня совсѣмъ сконфузили.

Но Лидія Артемьевна отлично понимала, что Марья Алексѣевна ничего другого и не могла сказать. Всякая свѣтская дама поступила бы на ея мѣстѣ такъ же. Между тѣмъ, ей хотѣлось, чтобы хозяйка глубже заглянула въ ея тревогу, притомъ же, сквозь всѣ эти любезности Лидія Артемьевна слышала нѣчто холодное.

— Марья Алексѣевна! Простите, пожалуйста, я у васъ еще отниму нѣсколько времени. Вы любезны, но, мнѣ кажется, я чувствую, что вы очень, очень добры. Я говорю съ вами не какъ знакомая, а какъ мать двоихъ дѣтей, которыя могутъ быть черезъ два дня опозорены, если... — Ей опять пришлось проглотить слезы и закусить губу.—Вамъ трудно понять,—говорила она уже захлебываясь слезами.— Вы такъ счастливы, у васъ такой чудесный

пусть, такіе только въ романахъ бываютъ, вамъ трудно понять, что я переживу, если губернаторъ предложитъ Сергѣю Викторовичу идти въ отставку. Онъ и безъ того своимъ характеромъ испортилъ всё отношенія. Вотъ хоть бы съ вами; вѣдь, я отлично понимаю, — не дура же, — что вы къ намъ перемѣнились, прежде Георгій Николаевичъ любилъ его, а я такъ дорожила нашею дружбой. Вообразите же себѣ, представьте только, что будетъ, если мужа заставить выйти въ отставку. Хоть уѣзжай отсюда. А, вѣдь, мы все не такъ богаты. Да и главное не въ деньгахъ, а позоръ. И потому съ другимъ человѣкомъ можно было бы ничего не бояться... А, вѣдь, съ нимъ такъ тяжело ладить. Я никогда никому не жаловалась, вамъ первой говорю и больше никому не скажу. Если бы мы знали, какъ мнѣ хочется счастья, сколько разъ я удерживалась, когда хотѣлось хоть посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь! Но я все думаю: устроится, Богъ дастъ. Онъ хорошій, очень честный, но онъ не способенъ позаботиться, чтобы жена, любящая его, какъ я, была счастлива. Онъ весь какой-то... точно для него не существуетъ ни людей, ни времени, ни мѣста. Я все терпѣла, никогда ни передъ кѣмъ ни унижалась, а теперь вотъ до того дошло, что я вотъ, какъ дѣвочка, плачу и унижаюсь передъ вами...

Она окончательно расплакалась. Но Марья Алексѣевна уже сидѣла совсѣмъ рядомъ съ нею, обнимала ее и утѣшала, какъ могла.

Лидія Артемьевна не ошиблась. Какъ женщина, Марья Алексѣевна быстро представила себѣ всю жизнь съ такимъ «тяжелымъ», какъ выразился Гвоздевъ вчера, человѣкомъ, каковъ былъ Думчигъ. Въ семейной жизни онъ долженъ быть, дѣйствительно, несносенъ. Вѣчно задумчивъ, молчаливъ, апатиченъ. Полюбить такого — чистое наказаніе. Воображеніе отчетливо рисовало Марьѣ Алексѣевнѣ, какъ эта плотная, здоровая женщина съ такою широкою талией, что ее и не обхватишь, бойкая и энергичная, заботится о семейномъ благополучіи, бьется между матеріальнымъ недостаткомъ и желаніемъ сохранить въ обществѣ извѣстный престижъ, между любовью къ мужу, искреннимъ желаніемъ видѣть его бодрымъ и счастливымъ, и его тупымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ... Не легко, въ самомъ дѣлѣ, ей было дойти до такой навязчивости «погостить» и съ цѣлью, понятно, понравиться губернатору. И ради чего же? Ради тѣхъ же дѣтей и того же «мурла», — пришло вдругъ на память Марьѣ Алексѣевнѣ русское словечко. «Ну чно, мурло», — мысленно повторила она.

— Господи! Сколько эти господа мужчины заставляютъ насъ страдать и какія только несносныя положенія ни создаютъ намъ! —

говорила она, утѣшая гостью.—Но успокойтесь, милая. Я все беру на себя. Я буду вліять на Дмитрія Павловича, — она назвала губернатора по имени-отчеству не безъ умысла,—въ крайнемъ случаѣ, если до того дойдетъ, я его буду просить. Да не знаю... Я готова вамъ отвѣчать, что ничего не случится. Велика бѣда, если тамъ найдутся какіе-нибудь безпорядки! Никто отъ этого не умретъ. Успокойтесь же, милая. Я вполнѣ понимаю васъ. И умница вы, что прямо пріѣхали ко мнѣ.

— Мужъ не знаетъ, зачѣмъ я пріѣхала.

— И знать ему не зачѣмъ. Это наше женское дѣло. Эти господа мужчины все равно никогда не поймутъ, до конца свѣта не поймутъ, что безъ насъ они перегрызли бы другъ друга. Увѣряю васъ, милая, я не разъ говорила, что чѣмъ сильнѣе вліяніе женщины въ странѣ, тѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ меньше войнъ и страданій. Потому что женщина, въ сущности, только для того и создана, чтобы взять на себя всѣ земныя страданія. Успокойтесь же и смотрите веселѣе, а чтобы васъ разсѣять, я поручу вамъ часть моихъ хлопотъ. Мы и не замѣтимъ, какъ пролетитъ время. А теперь пойдемте, я васъ проведу въ вашу комнату. Отдохните, скоро будемъ завтракать.

— Мужъ у васъ не былъ вчера?—спросила Лидія Артемьевна, когда Марья Алексѣевна, обнявъ ее, старалась провести черезъ садъ такъ, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣтиться и никому не показать ея заплаканное лицо.

— Нѣтъ, не былъ.

— А если бы вы знали, какъ я просила его побывать у васъ!

— Ахъ, ужасный человѣкъ! И никогда у насъ не бываетъ, какъ мы ни зазывали его.

Когда Лидія Артемьевна осталась одна въ уютной, пріятно мебелированной комнаткѣ, она задала себѣ вопросъ: что такое странное, совсѣмъ новое почувствовала она, когда плакала передъ Марьей Алексѣвной? Была одна мысль, точно уловшая ее совѣсть, но какая именно—вспомнить было трудно.

Что она жаловалась на мужа? Нѣтъ, не то.

Что если бы мужъ узналъ о томъ, съ чѣмъ она пріѣхала къ Осташковымъ, то это его оскорбило бы? Опять не то. Это, конечно, было бы обидно для него, но, во-первыхъ, онъ объ этомъ не узнаетъ, а, во-вторыхъ, самъ же довелъ ее до того.

Нѣтъ, не то, не то. Что-то совсѣмъ новое. И очень важное.

Каково ему будетъ служить послѣ ревизіи? Какъ на него будутъ смотрѣть Осташковы? Это она думала и вчера, но рѣшила,

что через годъ, много два мужъ самъ выйдетъ въ отставку, а до тѣхъ поръ придумается новое занятіе.

Нѣтъ, это не та мысль.

Лидія Артемьевна оглядѣла комнату, раздѣлась, прилегла отдохнуть, — вѣдь, она встала въ 4 часа утра и ночь спала плохо. Горничную попросила не беспокоиться, — умоется и одѣнется сама. Спросила только, въ которомъ часу завтракъ. Золотыя часики положила на столикѣ около кровати. Окно оставила открытымъ, а штору спустила.

Прошло съ полчаса, она уже задремала, какъ вдругъ ее разбудила та самая мысль, которой она такъ долго не могла припомнить. Да, это она.

Лидія Артемьевна сконфузилась и почувствовала, что краснѣть такъ сильно, какъ еще никогда съ нею не случалось. Точно она маленькая дѣвочка и попалась въ очень дурномъ проступкѣ.

Когда она расплакалась передъ м-ше Осташковой, ей такъ хотѣлось найти въ ней сочувствіе и она боялась, что Марья Алексѣевна отнесется къ ней холодно. А третьяго дня, когда мужъ точно такъ же волновался и раскрывалъ душу передъ нею, передъ своею женой, — передъ женой, а не постороннимъ человѣкомъ, — она показала его? Такъ же, какъ она, если не гораздо сильнѣе, онъ искалъ въ ней сожалѣнія, его лицо, — она и сейчасъ отчетливо видитъ это выраженіе, — точно такъ же было взволновано и на глазахъ были слезы, на глазахъ мужчины, да еще такого скрытнаго! А когда онъ кончилъ говорить и, стоя у окна, ждалъ ея отвѣта, тѣмъ она утѣшила его? Вѣдь, понимала же она тогда, что онъ рассказалъ ей всё свои муки и что молилъ ее вникнуть, какъ бы эти муки ни были заслуженны. А она въ отвѣтъ проговорила что-то ничтожное, ненужное, жесткое по неумѣстности, что-то о вредѣ табака и сидячей жизни! Ну, а если бы сейчасъ эта элегантная хозяйка дома, вмѣсто сочувствія, посоветовала бы ей поѣхать домой и принять *salii bromati*?

Чѣмъ больше припоминала теперь Лидія Артемьевна, тѣмъ неслеснѣе ей было оставаться на мѣстѣ. Ей хотѣлось раскаяться сейчасъ же. Кажется, если бы тутъ былъ мужъ, она зацѣловала бы ея руки.

На столѣ у окна стояла чернильница, лежала ручка съ новымъ перомъ, а около нѣсколько листовъ бумаги и конвертовъ. Лидія Артемьевна замѣтила эту предупредительность хозяевъ еще раньше. Какъ была раздѣта, сѣла къ столу и начала письмо мужу въ

Алексѣевское. «Можно съ гѣмъ-нибудь послать», — подумала она. Ей такъ хотѣлось хотъ письмомъ приласкать его.

«Ты такъ и не заѣхалъ къ Осташковымъ. А какъ я просила тебя! Даже въ такомъ пустягѣ ты мнѣ отказываешь»...

Лидія Артемьевна не любила и не умѣла писать письма. Она приостановилась и задумалась, не помѣшаетъ ли письмо его занятіямъ. Онъ тамъ готовится къ ревизіи...

Перечитала написанное. «Тонъ» этихъ строгъ, вѣроятно, былъ полонъ раскаянія, но содержаніе, какъ ихъ ни читай, скорѣе напоминало одинъ изъ самыхъ обычныхъ упрековъ.

Нѣтъ, пусть лучше готовится къ ревизіи! Не надо отрывать его отъ дѣла!

Листикъ бумаги былъ порванъ, аккуратно брошенъ въ корзину подъ столъ, и Лидія Артемьевна снова легла.

Но только что она закрыла глаза, какъ передъ нею точно всплыло то же подавленное тоской, жалкое лицо мужа. Лидія Артемьевна уже не поднялась и глазъ не открыла. Она старалась взглянуть въ знакомыя черты и какъ бы испытывала радость, что онъ вызываютъ въ ней такую боль.

«Но что-жъ я могла тогда сказать? — думала она. — Вѣдь, онъ какъ будто втолковывалъ, что совсѣмъ не можетъ служить и что никакого позора въ его отставкѣ не будетъ. Развѣ-жъ этому можно сочувствовать? Я пришла къ т-ше Осташковой, — такъ она мысленно называла Марью Алексѣевну, — съ настоящимъ, дѣйствительнымъ горемъ, а его муки какія-то нелѣпыя. Онъ точно хотѣлъ убѣдить, чтобы я совсѣмъ не заставляла его служить. Мало того, какъ будто я должна была сочувствовать ему, что онъ неспособенъ ни къ какому дѣлу, ни къ какому! Это же смѣшно. Такихъ людямъ незачѣмъ и на свѣтѣ жить!»

Лидія Артемьевна вздрогнула и широко раскрыла глаза.

Какъ она могла подумать, что такимъ людямъ незачѣмъ и во все жить? Вѣдь, онъ — отецъ ея дѣтей!

Она перекрестилась и повернулась на другой бокъ. Опять кушанка бьетъ. Еще какая-то птица. Горлица. Мягко и грустно воркуетъ. Въ саду тихо.

Все такъ: онъ мучается заслуженно. Но кто-жъ-нибудь долженъ пожалѣть его за муки. Вотъ она сейчасъ же нашла женскую душу, которая поняла ее. Если случится что-нибудь скверное, ее, жену виновника, конечно, всѣ пожалѣютъ. А если? Вѣдь, ни одинъ изъ чиновниковъ даже не пожметъ ему руки крѣпче обыкновеннаго. Напротивъ, отъ кого же ему ждать поддержки, какъ

не отъ жены? «Онъ просилъ хлѣба, а я ему подала камень», — подумала она.

Такъ Лидія Артемьевна и не могла заснуть. Когда она одѣлась и попросила горничную прибрать комнату, та сообщила, что барыня два раза уже спрашивала о ней.

Марья Алексѣевна прямо послѣ неожиданной встрѣчи съ Думчиной прошла къ мужу и рассказала ему все. Георгій Николаевичъ обѣщаль женѣ поддержать Думчина.

— И, прежде всего, пусть она напишетъ мужу, чтобъ онъ ночевалъ у насъ. Да, вотъ еще что! Знаетъ ли онъ, что губернаторъ будетъ и въ Сорочьемъ Гнѣздѣ? Пусть она увѣдомить его.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Объ этомъ его могли и не предупредить.

Марья Алексѣевна пошла къ Лидіи Артемьевнѣ.

— Милая! Садитесь и пишите сейчасъ же мужу, что губернаторъ непредвидѣнно будетъ ревизовать волость въ Сорочьемъ Гнѣздѣ. Знаетъ ли онъ объ этомъ?

Лидія Артемьевна замерла. Это былъ новый ударъ. И дядя, и Масловскій говорили, что въ Сорочьемъ Гнѣздѣ волость ведется особенно безшабашно.

— И пригласите его къ намъ на оба дня. Чѣмъ больше онъ будетъ на виду у губернатора, тѣмъ лучше для него.

Лидія Артемьевна, опять взволнованная, сѣла писать мужу. Сначала передала приглашеніе. Потомъ задумалась: писать ли ей о перемѣнѣ маршрута губернатора? — и рѣшила не писать объ этомъ ни слова.

«Даже при встрѣчѣ съ нимъ не буду говорить ничего по поводу ревизіи».

Письмо было послано въ Алексѣевское съ верховымъ. Посланный сказалъ, что передалъ лично въ руки «земскому».

Лидія Артемьевна нашла въ столовой дядю Петра Сысоевича и предсѣдателя земской управы Максима Гавриловича Иванова, очень высокаго, худошаваго, со впалой грудью и какъ бы сгорбившагося отъ большого роста, брюнета съ просѣдью, безъ бороды, съ толстыми усами. Держался онъ, какъ-то выдвинувъ голову впередъ и на та заложивъ руки за спину. Очень шурился, говорилъ медленными низкими басомъ.

Парасенковъ и предсѣдатель говорили съ Георгіемъ Николаевичемъ. Про Иванова рассказывали, что онъ былъ замѣчательный соръ, но пользовался своимъ искусствомъ только при разрѣшеніи важныхъ вопросовъ. Вообще же отмалчивался.

Увидѣвъ входившую Лидію Артемьевну, Георгій Николаевичъ быстро подошелъ къ ней. Это ее тронуло.

Въ теченіе всего дня она наблюдала за оживленнымъ движеніемъ въ слободѣ и по дорогѣ къ Алексѣевскому. Три раза прокатилъ туда и назадъ становой. Дважды пріѣзжалъ исправникъ и разъ на полчаса зашелъ въ домъ предводителя, точно желая провѣрить, готово ли здѣсь все для встрѣчи дорогого гостя. Городовые и урядники то и дѣло скакали верхомъ.

Подъ вечеръ пришелъ отецъ Митрофанъ. Послѣ обѣда въ саду передъ террасой пѣлъ хоръ.

Тревожное настроеніе Лидіи Артемьевны росло. Она все ждала мужа и оглядывалась на всякаго, кто входилъ въ комнаты.

— Да вы видѣли сегодня Сергѣя Викторовича? — спрашивала она тихо нѣсколько разъ дядю.

— Утромъ видѣлъ, Лидуся, — растерянно отвѣчалъ дядя.

— Отчего-жь его нѣтъ до сихъ поръ?

— Да, отчего его нѣтъ?... — безпомощно повторялъ Петръ Сысоевичъ.

Хоръ уже пропѣлъ весь свой репертуаръ, заслужилъ всеобщія одобренія и удалился. Пили чай, хозяйка чувствовала себя утомленной, предсѣдатель и Барасенковъ мечтали скорѣе лечь въ постель. Всѣ повторяли, что завтра рано вставать. Начали и расходиться, а Сергѣй Викторовичъ такъ и не пришелъ.

VIII.

Было пять минутъ девятаго, когда мимо усадьбы проскакалъ въ карьеръ и завернулъ во дворъ урядникъ. Онъ крикнулъ стоявшимъ у крыльца лакеямъ:

— Пріѣхали! Сейчасъ будутъ!

Онъ шагомъ отъѣхалъ. Его гнѣдая лошадь была такъ взмылена, что съ нея падали крупные сгустки бѣлаго пота.

Это уже было похоже на правду. Онъ поскакалъ со станціи, какъ только начальникъ вышелъ изъ вагона подошедшаго поѣзда. Исправникъ обо всемъ позаботился заранѣе. Одинъ изъ становыхъ, которому не зачѣмъ было встрѣчать его превосходительство у самаго вагона, стоялъ на концѣ станціонной платформы. Всѣ вѣстовые были уже на лошадяхъ. Какъ только губернаторъ показался на площадкѣ вагона, становой махнулъ рукой и двое изъ нихъ вскачь понеслись въ Осташково. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ дать знать о пріѣздѣ въ домъ предводителя, другой — сельскимъ

массаждь. Наконецъ, одинъ могъ унасть и не доѣхать. Надо было двонхъ.

Но такъ какъ Гвоздевъ все боялся, что старосты не успѣютъ въ время приготовиться къ встрѣчѣ, то пустился на маленькую шпрость. Еще не было семи часовъ, когда вѣстовой прилетѣлъ съ извѣстиемъ, что поѣздъ, по случаю прїѣзда губернатора, придетъ сегодня часомъ раньше, а для того, чтобы повѣрили, онъ самъ и приказалъ:

— Скажи скорѣе въ Осташково и скажи, что его превосходительство прїѣдетъ часомъ раньше. Чтобъ сейчасъ же готовились встрѣчать.

— И предводительшѣ сказать, ваше высокоблагородіе? — спросилъ сообразительный урядникъ.

— Да, да, непременно.

Гвоздевъ рѣшилъ, что не худо обмануть и Марью Алексѣевну. Чего добраго, проспять въ домѣ, — привыкли вставать поздно, — или барынька слишкомъ долго будетъ заниматься туалетомъ. Правда, вѣстовой смутитъ ее, потому она будетъ сердиться. Да не бѣда! Какъ-нибудь оправдается. Хуже, если кофе не будетъ готовъ или комнаты не прибраны.

— Что за вздоръ! Какъ это можетъ быть? — сказала Марья Алексѣевна, лишь съ полчаса назадъ проводившая мужа. Однако, велѣла всѣмъ торопиться къ прїему. Въ столовой только что начинали накрывать. Въ верхнемъ этажѣ еще спали.

— Да не прїѣдутъ они такъ рано, — сказалъ Константинъ Ивановичъ, когда Самаркандовъ разбудилъ его. — *C'est une «utte»*, — съострилъ онъ, переводя такъ «утку».

Марья Алексѣевна, дѣйствительно, разсердилась на Гвоздева, когда въ ожиданіи гостя прошелъ цѣлый часъ.

— Прїѣхали! Сейчасъ будутъ! — пролетѣло по всему дому.

Константинъ Ивановичъ былъ, по приказанію матери, въ студенческой формѣ и все старался острить. Захвативъ Самаркандова въ буфетъ за рюмкой водки, онъ крикнулъ:

— *Ére! Voilà qui sait ou les ecrivisses passent leur hiver*, — и такъ расхохотался своему буквальному переводу.

оря былъ въ мундирѣ, Василевичъ въ эполетахъ, Сабуровъ въ чернѣмъ сюртукѣ и свѣтломъ галстукѣ. У Самаркандова не было съ собой сюртука, Константинъ Ивановичъ далъ ему свой и назвалъ при прощаніи «мопсомъ въ мѣшеѣ».

Марья Алексѣевнѣ было фуляровое платье въ неуловимо яркихъ и яркихъ полутонахъ голубого, желтаго и розоваго цвѣтовъ. При

видѣ матери, Бонстантинъ Иванычъ осмотрѣлъ платье, галантно поклонился и сдѣлалъ жестъ комплимента.

— *Madame à l'arc-en-ciel!* Или «нѣтъ болѣе потопа и слезъ». *Très élégante!*

Марья Алексѣевна не любила шутокъ сына, но на этотъ разъ была довольна, что туалетъ сразу оцѣненъ.

— Ты, мой милый, слишкомъ рано научился понимать толкъ въ дамскихъ туалетахъ,— сказала она, подставляя ему ладонь для поцѣлуя.

— *La beauté me ravit partout où je la trouve,* — произнесъ онъ декламационнымъ тономъ француза. — Такъ говорить единственный литературный образъ, которому я молюсь.

— *Par exemple?*

— *Don Juan, madame.*

Марья Алексѣевна покачала головой, не находя, что сказать.

Кромѣ Лидіи Артемьевны, никого изъ постороннихъ не было въ домѣ. На ней было черное фаеовое платье,— единственное, которое она нашла у себя подходящимъ къ случаю по цѣнности, въ тому же, оно нѣсколько скрадывало ея полноту.

Мужа она такъ и не видѣла. Сергѣй Викторовичъ ни самъ не явился, ни записки не прислалъ. Даже не откликнулся на приглашеніе Осташкова. Она даже не знала, поѣхалъ ли мужъ на станцію для встрѣчи.

Теперь Лидія Артемьевна старалась угодить Марьѣ Алексѣевнѣ. Когда «фальшивая тревога», какъ выразился Борисъ, подняла весь домъ на ноги въ 7 часовъ, Лидія Артемьевна послала сказать, чтобы Марья Алексѣевна ни о чемъ не беспокоилась, такъ какъ сама присмотритъ за всѣмъ.

Василевичъ не могъ удержать своего питомца. Борисъ безпрестанно выскакивалъ на улицу и оттуда сообщалъ, что дѣлалось въ слободѣ.

День готовился жаркій. Солнце уже пекло. У триумфальной арки при въѣздѣ въ деревню стоялъ столбъ, накрытый скатертью; на немъ лежалъ хлѣбъ съ солонкой. У арки толпились мальчишки и дѣвчата.

Но когда, минутъ черезъ пятнадцать, по главной улицѣ слободы проскакало двое урядниковъ съ криками «Сторонись! Ъдутъ!»—когда вдали на холмѣ показалось густое облако пыли, окутавшее темные силуэты, когда уже не оставалось никакихъ сомнѣній, что губернаторъ приближается, со всѣхъ избъ вдругъ потянулись вереницы бабъ, завязывавшихъ на ходу платки на головахъ, или съ

лудными дѣтьми на рукахъ, мужиковъ, ребятишекъ, прискакивавшихъ на бѣгу и гикавшихъ, вся улица какъ-то вдругъ наполнилась народомъ, шумомъ, пылью, криками верховыхъ.

Въ то же время, съ горы по дорогѣ изъ села Алексѣевского показались спускавшимися къ Осташкову нѣсколько человѣкъ. Боря слышалъ, какъ кто-то сказалъ:

— Гляди! Алексѣевцы двинулись!

Онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ открытымъ огнямъ дома и крикнулъ:

— Мама! И алексѣевцы двинулись!

Сначала показалось, что ихъ идетъ не болѣе пяти-шести парней. Но за ними выдвинулись еще парни, потомъ дѣвушки, дальше бабы, ребятишки, мужики, и опять ребятишки и еще бабы и мужики, и не прошло минуты, какъ вся дорога заперѣла разряженнымъ по-праздничному народомъ. Передовые шли сначала довольно покойно, но, завидѣвъ вдали экипажи, прибавили шагу. Другіе за ними шли быстрѣе, третьи пустились бѣгомъ обгонять всѣхъ, мимо дороги, черезъ овесъ и ячмень. Это возбудило нетерпѣніе первыхъ, они тоже пустились бѣжать. Всѣмъ показалось, что не успѣютъ приблизиться къ Осташкову во-время и увидѣть ожидаемаго гостя.

Напряженіе толпы сообщилось и всѣмъ въ домѣ. Марья Алексѣевна казалась, что она чѣмъ-то забыла распорядиться или какого-то ея приказанія еще не исполнили. Она быстро прошла въ столовую, Лидія Артемьевна за нею. У этой какъ-то вдругъ перелутались всѣ мысли—мужъ, ревизія, отставка, дѣти, холодная закуска, кофе, чай, мелькающая вдали толпа... Прислуга также изволновалась и однимъ хотѣлось посмотрѣлось на движеніе на улицѣ, для этого они бѣжали наверхъ, другимъ казалось, что всѣ они потеряли свои мѣста, стоять вовсе не тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ. Константинъ Ивановичъ черезъ 20 секундъ подходилъ къ зеркалу въ гостиной. Василевичъ строго кричалъ Борису, что если онъ немедленно не войдетъ въ домъ, то будетъ арестованъ на все время пребыванія губернатора. У Бори глаза разгорѣлись и расширились, отчего длинный острый носъ его казался еще острѣе и длиннѣе. Одинъ Самаркандовъ всѣми силами старался быть равнымъ другимъ.

Сабуровъ наблюдалъ сверху съ биноклемъ. Рядомъ съ нимъ на крышѣ стояло нѣсколько человѣкъ прислуги.

Губернаторъ, котораго Сабуровъ узналъ по мелькавшей красной подкладкѣ пальто, сидѣлъ съ Георгіемъ Николаевичемъ въ фа-

этонѣ, запряженномъ въ четверку буланыхъ. Впереди ѣхали въ пролетѣ тройкой исправникъ со становымъ. Остальные экипажи неслись за фаэтономъ. Въѣхавъ черезъ арку въ деревню, фаэтонъ остановился. Мужики съ открытыми головами поднесли хлѣбъ-соль, губернаторъ принялъ и тутъ же передалъ Гвоздеву, который былъ уже около него. Вѣроятно, онъ выслушалъ мужиковъ и что-то отвѣтилъ, такъ какъ экипажи простояли на мѣстѣ минутъ пять. За это время Сабуровъ успѣлъ разглядѣть или догадаться, что въ экипажѣ, слѣдующемъ за предводительскимъ, сидѣлъ предсѣдатель земской управы Ивановъ съ однимъ изъ пріѣхавшихъ чиновниковъ. Дальше ѣхали Авдѣевъ, съ которымъ Сабуровъ встрѣчался въ Петербургѣ три-четыре года назадъ, и баронъ Брандтъ, одинъ изъ уѣздныхъ земскихъ начальниковъ, — его еще недавно Сабуровъ видѣлъ у Георгія Николаевича. Въ послѣднемъ экипажѣ былъ Барсенковъ съ другимъ земскимъ начальникомъ, котораго Сабуровъ не зналъ.

Когда всѣ двинулись впередъ, народъ повалилъ за ними. Около церкви остановились и вышли. Сабуровъ рассчитывалъ увидѣть на паперти отца Митрофана. За нѣсколько минутъ до пріѣзда онъ выходилъ, съ камилавкой и при крестѣ. Но, очевидно, батюшка встрѣчалъ гостя въ церкви.

Губернаторъ слѣзъ съ экипажа и вошелъ въ церковь такъ быстро, что Георгій Николаевичъ едва поспѣвалъ за нимъ. Остальные шли медленно и останавливались, такъ что Сабуровъ отлично рассмотрѣлъ ихъ въ бинокль. Одинъ изъ пріѣхавшихъ чиновниковъ былъ уже пожилой человекъ, съ толстыми сѣдыми усами, безъ бороды, въ золотыхъ очкахъ, небольшого роста, полный. Сабуровъ зналъ, что его фамилія — Вахрамовъ, что онъ членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и что въ процедурѣ ревизіи онъ — самое важное лицо, чуть ли не важнѣе самого губернатора. Авдѣевъ остался такимъ же, каковъ былъ три года назадъ въ Петербургѣ, съ тѣми же едва замѣтными полосками бакъ, съ красивыми усиками, курчавыми волосами каштановаго перелива, широкоплечій, очень высокій. Только въ осанкѣ его, какъ показалось Сабурову, появилось что-то новое. Бакъ будто держится онъ увѣреннѣе и важнѣе.

Марья Алексѣевна поручила Авдѣева вниманію Сабурова. За завтракомъ они сидѣли вмѣстѣ и онъ рассказывалъ, что губернаторъ вездѣ, куда бы ни пріѣхалъ, осматриваетъ церковь, знакомится со священникомъ, спрашиваетъ его сначала о томъ, кѣмъ церковь построена и чѣмъ иждивеніемъ существуетъ, потомъ, много

и посѣщается, и т. д. Осташковская церковь была построена отцомъ Георгія Николаевича лѣтъ 40 назадъ. Отецъ Митрофанъ показаль губернатору и рѣдкость: стариннѣйшій образъ св. Николая чудотворца изъ мозаики, принадлежавшій роду Осташковыхъ.

Баронъ Брандтъ былъ еще выше Авдѣева, золотисто-рышій, веснучатый, съ лицомъ, напоминавшимъ Сабурову копчика. Сабуровъ любилъ, встрѣчаясь съ новыми людьми, записывать въ книжку летучую характеристику и сколько-нибудь типичныя фразы. Видя въ бинокль, съ какою гордостью баронъ оглядывалъ толпу народа, онъ припомнилъ свои замѣтки.

Онъ записалъ тогда: «Вершковъ 13-ти, густой басъ, рыжевать, держится не земскимъ начальникомъ, а командиромъ отряда на войнѣ; второе слово—«я»: я знаю, я рѣшилъ, я сказалъ, у меня, въ моемъ участіи... Хищная фізіономія копчика и—странно—въ то же время такіе простоватые взгляды, какіе бываютъ у недоучившихся балбесовъ. Странное соединеніе юной наивности съ нестроятнымъ апломбомъ».

«Кажется, я не ошибся»,—подумалъ Сабуровъ.

Какъ только вышли изъ церкви и вновь усѣлись въ экипажи, Сабуровъ сошелъ внизъ.

Первою влетѣла во дворъ пролетка исправника. У крыльца она не остановилась, а пронеслась мимо; Гвоздевъ и становой соскочили на всемъ ходу. Лидія Артемьевна, перебѣгая отъ одного окна къ другому, искала глазами мужа и, найдя его въ послѣднемъ экипажѣ съ Петромъ Сысоевичемъ, сначала успокоилась, а потомъ разсердилась на Авдѣева за то, что онъ ѣдетъ съ барономъ Брандтомъ, а не съ ея мужемъ.

Марья Алексѣевна пошла на встрѣчу губернатору съ такимъ расчетомъ, чтобы пройти половину залы какъ разъ въ ту минуту, когда онъ выйдетъ изъ прихожей и двинется къ гостиной.

IX.

Очень энергичная и подвижная суховатая фигура средняго роста и пропорціональнаго сложенія; широкій черепъ съ густыми темными волосами, шедшими отъ прямого, невысокаго лба «бобрини»; усы съ подогнутыми внизъ концами, что придавало рту съ тонкими губами выраженіе недовольства; борода съ мало-замѣтными просѣдью, густая на самомъ подбородкѣ и жидкая по щекамъ; глаза миндалевидной формы; ровныя, какъ стрѣлы, брови, тянущіяся къ нѣскольکو сдавленнымъ вискамъ.

Голову Дмитрій Павловичъ держалъ высоко и немного опускалъ ее каждый разъ, когда кто-нибудь обращался къ нему, какъ бы предупреждая, что готовъ выслушать внимательно.

На немъ былъ чесунчевый сюртукъ съ золотыми пуговицами и обще-генеральскими гражданскими погонами, такой же жилетъ и черныя брюки.

— Я очень радъ побывать у васъ, Марья Алексѣевна, — заговорилъ онъ немного рѣзкимъ голосомъ, съ отчетливымъ произношеніемъ каждаго слова, — только простите меня, пожалуйста, что я являюсь къ вамъ по-походному.

Марья Алексѣевна ласково привѣтствовала его и спросила:

— Вы, можетъ быть, хотите пройти прежде въ ваши комнаты? Устали съ дороги?

— О, нисколько! Мы ѣхали не болѣе 20 минутъ.

Въ гостиной она представила ему Лидію Артемьевну. Онъ поклонился, пожалъ ей руку и, какъ показалось Лидіи Артемьевнѣ, такъ взглянулъ на нее, какъ будто удивился, что видитъ въ этомъ домѣ «госпожу Думчину, супругу земскаго начальника». Затѣмъ еще были представлены по очереди Василевичъ, Сабуровъ, Самаркандовъ и оба сына Марьи Алексѣевны. Дмитрій Павловичъ всѣмъ по очереди пожималъ руки.

Георгій Николаевичъ въ это время всѣхъ вводилъ въ гостиную. Сергѣй Викторовичъ вошелъ послѣднимъ. У него было очень утомленное лицо.

Марья Алексѣевна старалась, по возможности, всѣхъ перезнакомить. Лидія Артемьевна подозрительно слѣдила, какъ съ ней здороваются пріѣзжіе. Результатъ наблюденій былъ для нея очень непріятный. Вахрамовъ, гроза ревизіи, вытаращилъ на нее большіе, удивленные глаза, казавшіеся еще больше изъ-подъ стеколъ очковъ. Онъ холодно пожалъ ей руку, не произнеся ни слова. Авдѣевъ не только не упомянулъ, что видѣлъ ее годъ назадъ въ театрѣ, но тоже молча поклонился и тотчасъ же отошелъ. Еще хуже было дѣло съ барономъ Брандтомъ. Этотъ «рыжій фельдфебель», какъ Лидія Артемьевна мысленно назвала его, сухо поклонился и даже не сдѣлалъ попытки получить руку для пожатія.

У Лидіи Артемьевны сжалось сердце. Слишкомъ ясно было, что ей мужъ «не въ фаворѣ», какъ она подумала.

Улучивъ минуту, она подошла къ Сергѣю Викторовичу.

— Здравствуй, — сказала она.

Онъ устало взглянулъ на нее.

— Отчего-жь ты не пріѣхалъ вчера? Тебя тутъ такъ ждали.

Сергѣй Викторовичъ едва махнулъ рукой и отошелъ, оправляя штанишки мундира, который его, очевидно, тѣснилъ.

Марья Алексѣевна знакомъ подозвала Лидію Артемьевну и усадила около себя на диванѣ. Губернаторъ сидѣлъ тутъ же на креслѣ и предупредительно подвинулся, давая ей возможность пройти. На другомъ креслѣ черезъ круглый столъ сидѣлъ Георгій Николаевичъ. Около него Ивановъ.

Остальные стояли въ разныхъ углахъ комнаты и тихо перешептывались. Сабуровъ завладѣлъ Авдѣевымъ, который рассказывалъ о жизни въ губернскомъ городѣ, медленно подбирая выраженія и какъ бы все время прислушиваясь къ тому, что говорить его превосходительство. Константинъ Бурятовъ былъ съ барономъ Брандтомъ. Вахрамовъ, въ одиночествѣ, переходилъ отъ картины къ картинѣ, рассматривая ихъ съ тѣмъ же удивленнымъ взглядомъ. Василевичъ приблизился къ Гвоздеву, не отходившему вмѣстѣ со стеновымъ отъ дверей. Василевичъ спросилъ его, не жарко ли и не пыльно ли было ѣхать. Гвоздевъ отвѣчалъ односложно и вся его плотная фигура въ короткомъ сюртукѣ со складками позади, въ широкихъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ, была обращена въ ту сторону, откуда слышался голосъ начальника губерніи, и, казалось, готова была броситься туда при первой надобности. Если губернаторъ, говоря, нечаянно поворачивался въ его сторону, то тотчасъ же дѣлалъ движеніе, означавшее: «Я здѣсь и во всякую минуту къ услугамъ вашего превосходительства».

Петръ Сысоевичъ, въ вицмундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, стоялъ у косяка двери на террасу, скромно сложивъ ручки на животикѣ. Боря изъ угла комнаты впился глазами въ губернатора. Самаркандовъ исчезъ.

Сергѣй Викторовичъ прислонился къ окну, упирався сзади ладонями о подоконникъ и заложивъ ногу на ногу. Ему отчаянно хотѣлось курить. Онъ щурилъ чуть покраснѣвшія вѣки и разсѣянно прислушивался.

Дмитрій Павловичъ говорилъ громко и «удивительно гладко», какъ опредѣлялъ про себя Карасенковъ, не замѣчая ни малѣйшихъ синтаксическихъ погрѣшностей. Сабуровъ только подмѣтилъ въ разговѣ губернатора говорить одну особенность—растягивать послѣднее слово фразы, не опуская тона до дефламационной точки. Въ одно такъ, какъ будто рѣчь состояла изъ полувопросовъ или фразъ, не совсѣмъ оконченныхъ.

Марья Алексѣевна нашла необходимою бесѣду минутъ на пять до приглашенія въ столовую, какъ бы отдѣляя часть ви-

зита. Она поставила вопросъ, какъ губернаторъ находить свой край, и Дмитрій Павловичъ заговорилъ, повидимому, очень охотно. Онъ былъ здѣсь около трехъ лѣтъ и проводилъ параллель съ губерніей, которою управлялъ раньше, причемъ любезно отдавалъ предпочтеніе здѣшнему краю.

Несмотря на то, что ему пошелъ всего 42 годъ, молва прочила его на высшій постъ въ Петербургъ. Его считали неутомимо-энергичнымъ и строго-правосуднымъ. Разсказывались анекдоты о томъ, какъ быстро ознакомился онъ съ условіями мѣстной жизни и «мѣстною интеллигенціей» и какъ безстрашенъ бывалъ въ рѣшительныхъ случаяхъ, требовавшихъ его авторитета.

Сергѣю Викторовичу казалось сначала, что губернаторъ произносить общія мѣста и, находясь въ домѣ одного изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, бьетъ на популярность, разсыпаясь въ любезностяхъ пошловатаго характера. Онъ, видите ли, былъ уже не разъ «пріятно обрадованъ встрѣчей съ людьми, не почившими на лаврахъ, предоставляемыхъ имъ дворянскими прерогативами», съ большимъ удовольствіемъ наблюдаетъ, что въ обществѣ «все прочнѣе складывается сознаніе долга», между тѣмъ какъ давно ли съ досадою приходилось смотрѣть, какъ «жалкіе бездѣльники чванливо поднимали голову, не имѣя никакихъ правъ на предпочтеніе, кромѣ наслѣдственныхъ?»

Мало-по-малу Думчинъ сталъ прислушиваться внимательнѣе и находить въ словахъ начальника губерніи нѣчто близкое своимъ собственнымъ мыслямъ и настроенію. И удивительнымъ казалось ему, что говорить это администраторъ, да еще въ обстановкѣ, повидимому, совершенно не подходящей для подобныхъ «рѣчей», по пути отъ вокзала къ волости, между чашкой кофе и простою чиновничьей ревизіей. А, главное, говорилъ онъ такъ убѣжденно и такъ охотно, какъ будто не только какъ человекъ, но и какъ начальникъ, любилъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы высказать свое *profession de foi*.

— Я думаю, меня поддержитъ и Георгій Николаевичъ,—говорилъ губернаторъ,—что помѣщичья пѣсня спѣта окончательно, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какими были помѣщики двадцать лѣтъ назадъ. Въ огромной борьбѣ за существованіе единственно достойная человѣчная идея есть идея личнаго труда. Тотъ, кто не признаетъ ея, обрекаетъ себя на смерть при жизни. Въ сущности, все сводится къ личному труду. Не только заботы о томъ, чтобы прокормить себя и семью, но и всѣ наши душевные стремленія. Поставьте высшимъ догматомъ христіанскую лю-

къ ближнему и смиреніе, и опять-таки единственный настоящий путь къ нему заключается въ личномъ трудѣ. Безъ него нѣтъ ни любви къ ближнему, ни добрыхъ дѣлъ, ни смиренія, ни признанія долга. Кабъ бы ни были вы поставлены надъ другими силою обстоятельствъ, рожденіемъ, связями или собственнымъ дарованіемъ, и даже чѣмъ выше и привилегированнѣе положеніе чловѣка, тѣмъ отвѣтственнѣе и труднѣе его задачи, тѣмъ меньше нравъ у него бѣжать отъ личнаго труда. Въ сознаніи этой идеи вся тяжесть существованія, но въ немъ и всѣ его радости. Оно развиваетъ гражданственность, оно же избавляетъ и отъ сааго отталкивающаго явленія нашей жизни—пессимизма съ бездѣриемъ, которое убиваетъ энергію и порождаетъ тунейдцевъ, чѣмъ болѣе несносныхъ, что свою бездѣятельность и апатію они называютъ высшею мудростію.

Сергѣй Викторовичъ думалъ до сихъ поръ, что губернаторъ, въ-первыхъ, никогда не бываетъ искрененъ въ присутствіи чиновниковъ, во-вторыхъ, никогда не говоритъ объ общихъ вопросахъ и, въ-третьихъ, даже мыслить не иначе, кабъ чиновникъ, къ узкому смыслу этого слова, т. е. не выходя изъ круга частныхъ дѣловыхъ положеній.

Дмитрій Павловичъ освѣщался передъ нимъ въ новомъ поворотѣ. «Но чего же,—думалъ Сергѣй Викторовичъ,—разсчитываетъ онъ достигнуть? Неужели этотъ баронъ, слушающій его, выжидая глаза и, очевидно, ни чорта не понимая, усвоить идею личнаго труда? Вѣдь, и онъ, кабъ и этотъ толстякъ въ золотыхъ очкахъ, мечтаютъ только о томъ, чтобы быть сыту и сверхъ заслугъ награждаему. Или онъ полагаетъ, что, по пословицѣ, вода и камень точить? Думаетъ, что, уѣхавъ отсюда, онъ оставитъ по себѣ если не зерна, которыя могутъ упасть и на хорошую почву, то хоть программу своей будущей, быть можетъ, министерской дѣятельности? Такъ неужели онъ не знаетъ, что всѣ эти Брандты, Захаровы и Авдѣевы, кабъ бы ни симпатизировали они его проповѣди, все же будутъ дѣйствовать по той новой, которую продикуетъ имъ его замѣститель?»

Но онъ говоритъ безъ малѣйшихъ колебаній, кабъ объ истинѣ, за непреложность которыхъ готовъ положить голову на плаху, говорить такъ увѣренно, что не боится никакихъ упрековъ въ фразерствѣ, ни въ безцѣльности этой «проповѣди». Если бы его рѣчь была заученною ради необходимости сказать что-нибудь, онъ бы не оживился такъ. Если бы заподозрилъ, что его не слушаютъ, онъ бы распространялся, втолковывалъ. Нѣтъ, онъ зна-

еть, что, благодаря его положенію, даже тупица заучить наизусть все, что онъ сказалъ, знаетъ, что потомъ, послѣ его отъѣзда, его слова будутъ обсуждать на всѣ лады, и пользуется случаемъ сказать не нѣсколько пустыхъ фразъ, а нѣчто важное, руководящее.

«А что, — вдругъ подумалъ Сергѣй Викторовичъ, — если взять да выкинуть штуку, дебошъ сдѣлать, начать ему возражать. Можетъ быть, онъ только потому и увѣренъ въ своихъ истинахъ, что никто еще ни разу не осмѣлился возразить ему? Выступите и сказать: «Вы говорите—личный трудъ, слова хорошія и мудрено спорить съ этимъ, ну, а если тотъ трудъ, который ваше превосходительство будете сейчасъ контролировать,—не трудъ, а топаніе воды въ ступѣ? Осудите ли вы, ваше превосходительство человѣка, который «бѣжалъ отъ труда», какъ вы изволите выражаться, и погрузился въ «бездѣятельность и апатію»? Все ли, что ваше превосходительство приказываете намъ дѣлать, есть дѣйствительно дѣло?»

Но Думчинъ, конечно, никакой штуки не выкинулъ, да глядя на его лицо и трудно было бы заподозрить, что онъ думаетъ о словахъ губернатора. Онъ, попрежнему, стоялъ, прислонившись къ окну, хотя всѣ уже, по приглашенію Марьи Алексѣевны и Георгія Николаевича, потянулись въ столовую.

Уже со вчерашняго дня, какъ ему пришлось встрѣчаться съ разными властями, Думчинъ понялъ, что его положеніе осуждено. Увидѣвъ барона Брандта, выѣхавшаго на встрѣчу губернатору, хотя его участокъ и оставался внѣ ревизіи, Думчинъ рѣшилъ, что баронъ вызванъ для того, чтобы принять отъ него дѣла для назначенія новаго земскаго начальника. Никогда еще онъ не чувствовалъ себя до такой степени одинокимъ. И вчера, и сегодня утромъ у него нѣсколько разъ было такое чувство, что хотѣлось бы съ кѣмъ-нибудь поговорить, хоть о самыхъ пустыхъ вещахъ, но поговорить просто, безъ всякихъ стѣночекъ и преградъ, создаваемыхъ натянутыми отношеніями. Онъ вдругъ оглядывался, кому бы передать набѣжавшую мысль, и не находилъ такого. Сторонясь отъ всѣхъ, онъ зналъ, что еще самъ усугубляетъ свое одиночество.

Когда всѣ пошли въ столовую, онъ почему-то ждалъ, что жена подойдетъ къ нему, но Лидія Артемьевна поспѣшила услуживать губернатору и Вахрамову. Она рѣшила про себя, что вся рѣчь губернатора была направлена исключительно противъ мужа, забыла все пережитое вчера и дала себѣ слово бороться противъ

сдвигавшейся грозы всѣмъ, чѣмъ можетъ, т.-е. любезностью и предупредительностью. Марья Алексѣевна помогала ей въ этомъ шлоками, замѣтными только для опытнаго хозяйскаго глаза.

Сергій Викторовичъ заглянулъ въ залъ. Оттуда въ окна была видна густая шеренга народа, осаживаемая урядниками и городо-выми.

— Вамъ кофе не прикажете? — услыхалъ онъ голосъ лакея.

Онъ прошелъ въ столовую. Бто закусывалъ, кто пилъ кофе. Губернаторъ сидѣлъ за небольшимъ столомъ съ Лидіей Артемьевной. Увидавъ это, Думчинъ густо покраснѣлъ. Онъ вдругъ догадился, что она пріѣхала просто-на-просто «выручать» мужа. Нѣтъ, быстро мелькнувшія воспоминанія послѣдняго дня, когда онъ былъ дома, подтвердили эту догадку. И потомъ, онъ хорошо зналъ приемы жены, когда она старается «съ корыстною цѣлью», такъ опредѣлилъ онъ, расположить кого-нибудь въ свою пользу. Скоро онъ замѣтилъ, что она ухаживаетъ и за Вахрамовымъ.

Лидія Артемьевна рассказывала губернатору, отвѣчая на его вопросы, о своихъ дѣтяхъ, какъ трудно воспитывать ихъ въ глуши, «когда такъ хочется сдѣлать изъ нихъ порядочныхъ людей», и какъ «не всякому, вѣдь, можно взять и уѣхать въ городъ» и о томъ, что воспитаніе ея дѣтей лежитъ «уже вовсе» на обязанностяхъ ихъ отца.

Говорила она слишкомъ громко, точно хотѣла, чтобы всѣ слышали ее такъ же, какъ только что губернатора. Въ то же время, она предлагала то «чудеснаго сливочнаго масла», то печеній. Когда къ нимъ подходила Марья Алексѣевна, Лидія Артемьевна шла къ Вахрамову. Онъ на всѣ ея предложенія поднималъ широко раскрытые глаза и говорилъ: «Нѣтъ, благодарю васъ», — такъ сухо, что давно долженъ бы отбить у нея охоту ухаживать за нимъ. Но она твердо рѣшила не замѣчать не деликатностей.

Думчину стало стыдно. Мысль, что она ему «совсѣмъ чужая», еще сильнѣе окрѣпла.

Губернаторъ оставался въ домѣ менѣе часу. Онъ уже два раза просалъ взглядъ кругомъ, стараясь дѣлать это незамѣтно. Наконецъ, убѣдившись, что всѣ кончили свой кофе, отыскалъ глазами лакея. Гвоздевъ ждалъ этого съ минуты на минуту и, боясь опоздать, ни къ чему не прикоснулся, какъ его ни угощали Сахаровъ и Чудовъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, — сказалъ губернаторъ громко.

И онъ сидѣлъ, поспѣшилъ встать.

— Когда прикажете, ваше превосходительство?

Гвоздевъ выдвинулся.

— Отправитесь.

Х.

Петръ Сысоевичъ уже былъ въ школѣ «сельца» Осташково какъ называлъ губернаторъ. Школа такъ же, какъ и церковь, была выстроена на средства Осташковыхъ. Здѣсь была одна учительница, милостивая дѣвушка лѣтъ 24-хъ, «какая-то очень ужъ хрупкая», — опредѣлилъ ее Константинъ Бурятовъ. Такъ какъ она была изъ хорошей дворянской семьи, то управа и опредѣлила ее въ Осташково, чтобъ угодить Марьѣ Алексѣевнѣ, принимавшей въ школѣ участіе.

Карасенковъ не ошибся. Къ учительницѣ пріѣхала погостить мать, жившая зиму съ замужнею дочерью и существовавшая на вдовью пенсію въ 140 рублей въ годъ. И одинъ изъ классовъ, дѣйствительно, на лѣто былъ обращенъ въ столовую. Но школа въ нѣсколько часовъ была приведена въ порядокъ, такъ что исправникъ, заѣхавшій сюда за день до пріѣзда губернатора, наговорилъ дамамъ комплиментовъ, а Карасенкову сказалъ:

— Ну, ваша учительница! — и кончилъ фразу, чмокнувъ концы сложенныхъ вмѣстѣ трехъ пальцевъ.

Это доставило Петру Сысоевичу истинное удовольствіе.

Ученики разбрелись по домамъ, такъ что къ ревизіи едва собрали человекъ пятнадцать изъ пятидесяти. Петръ Сысоевичъ сдѣлалъ имъ легкую репетицію, научилъ говорить «ваше превосходительство», тѣхъ, кто былъ побойчѣ, велѣлъ посадить на переднихъ скамейкахъ, приказывалъ приумываться и приодѣться.

Учительница относилась къ рвенію Карасенкова съ легкоумсѣшкой.

— Нельзя, голубушка, — губернаторъ! — оправдывался Петръ Сысоевичъ.

— Исправникъ вонъ хочетъ песочкомъ посыпать на дворъ, — вы и это одобряете?

— А, конечно, одобряю! Чистенько, пріятно войти въ школу.

— Да круглый-то годъ, вѣдь, не посыпается пескомъ. Ну, пусть губернаторъ видитъ школу такою, какова она у насъ всегда.

— Пустыни, пустыни! — мягко и съ улыбкой возражала мать. — Не слушайте ее, Петръ Сысоевичъ!

— Все молодость. Она диктуетъ намъ такіе взгляды.

Общество учителей Карасенковъ предпочиталъ всякому другому два дня, которые онъ провелъ въ Осташковѣ, пилъ дешевый чай въ простомъ хлѣбѣ у учителей, а не просиживалъ за роскошнымъ столомъ предводителя. Въ школахъ къ нему относились заочно, какъ искренно любящія дѣти.

По порученію Георгія Николаевича, онъ, какъ приближалъ передъ ревизіей, сейчасъ же передалъ и учительницѣ, и ея матери приглашеніе къ обѣду. Мать и дочь заспорили. Старуха не могла идти, такъ какъ у нея не было подходящаго платья, а дочь говорила, что терпѣть не можетъ парадовъ. Мать уговаривала ее идти, но она заупрямилась. Рѣшили передать предводителю черезъ Карасенкова, что мать учительницы не совсѣмъ здорова, а дочь не хочетъ оставлять ее одну.

— Ъдутъ, ъдутъ! — заволновался Карасенковъ, стоявшій у окна.

Дмитрій Павловичъ вошелъ бодрою и энергичною походкой.

— Здравствуйте, дѣти! — сказалъ онъ весело.

— Желаемъ быть здоровымъ, ваше превосходительство! — отбѣдили они.

На такомъ привѣтствіи настояла учительница. Петръ Сысоевичъ хотѣлъ, чтобъ они сказали «здравія желаемъ», а она говорила, что это слишкомъ по-солдатски.

— Голубушка, да, въдь, это все будущіе солдаты, а не студенты.

— Ну, тамъ въ казармахъ и пусть учатъ по-ихнему.

Помирились на перефразировкѣ.

Губернаторъ любезнымъ кивкомъ головы поздоровался съ учительницей. Георгій Николаевичъ, явившійся въ качествѣ попечителя, пожалъ ей руку. За ними вошелъ и отецъ Митрофанъ, предававшій законъ Божій. Мальчики и дѣвочки стояли вытянувшись. На учительскомъ столѣ лежали тетради — диктантъ ихъ, лучіе сверху. По стѣнамъ висѣли портреты Государя, Государыни, наследника и географическая карта Россіи.

Губернаторъ подошелъ къ одному изъ мальчиковъ на первой скамейкѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Василій Бочонковъ.

— Василій Бочонковъ, — хорошо, — повторилъ Дмитрій Павловичъ стараясь не смутить мальчика. — А сколько тебѣ лѣтъ?

— Двѣнадцать.

— А въ какомъ классѣ?

— Во второмъ, — отчеканилъ Бочонковъ на о.

— А молитвы знаешь?

— Знаю.

— Скажи мнѣ «Отче нашъ».

Мальчикъ началъ говорить молитву, не спуская глазъ съ губернатора и съ каждымъ прошеніемъ все сильнѣе волнуясь. Когда дошелъ до середины молитвы, губы у него задрожали, изъ глазъ покатались слезы. Однако, всхлипывая и отирая слезы концомъ рукава, онъ не переставалъ произносить слова молитвы и смотрѣтъ на губернатора.

— Чего-жь ты плачешь, глупенькій? Ты молодцомъ отвѣчаешь Молодецъ, молодецъ! — подбодривалъ Дмитрій Павловичъ, кладя ему на плечо руку. — Ну, скажи мнѣ, а какъ еще называется эта молитва?

— Молитва Господня, — твердо отвѣчалъ Василій Бочонковъ продолжая заливаться слезами и глотать подкатившіяся къ губамъ

— Ну, а расскажи мнѣ про потопъ. Слыхалъ такую исторію

— Слыхалъ.

— А ну-ка?

Втягивая слезы уже носомъ, Василій Бочонковъ началъ быстро очень громко и отчетливо рассказывать о потопѣ. Петръ Сысоевичъ, съ умиленіемъ глядя на мальчика, все время сморкался. Онъ былъ отзывчивъ на дѣтскія слезы.

— Такъ, такъ, молодецъ! — все время хвалилъ мальчика губернаторъ. — Ну, а скажи, кто это такой? — указалъ онъ на портретъ Государя.

— Его превос... Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Когда онъ началъ «его превос...», Петра Сысоевича такъ колнуло въ поясницу, что онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ, но сейчасъ же онъ упрекнулъ самого себя и, успокоившись, подѣлился упрекомъ съ стоящимъ около него Вахрамовымъ.

— Это ужъ я виноватъ, — сказалъ онъ тихо, — все допрашивалъ ихъ, какъ они будутъ называть его првосходительство, чуть не сбиль. Но мальчикъ молодецъ. Нашелся, нашелся!

Вахрамовъ молча посмотрѣлъ на него.

— Ну, а это кто? — спрашивалъ губернаторъ, указывая на портреты Государыни и Наслѣдника. — Молодецъ! А кто здѣсь стапшаго класса?

Двое мальчиковъ и одна дѣвочка робко вытянули вверхъ слѣженные два пальца.

— А ну-ка, дѣвочка! Какъ тебя зовутъ?

— Парашей,— пискливо отвѣтила та.

— Ну-ка, Параша, скажи, кто былъ первый императоръ Россіи? Она отвѣтила.

— А какъ имя императрицы, которую зовутъ Великою?

Она и на это отвѣтила быстро.

— А можешь ты показать мнѣ, гдѣ напи царя коронуются?

Дѣвочка безъ колебаній всочила на скамью, вытянула указательный пальчикъ по направленію къ Москвѣ и хотѣла уже слѣзть.

— Пойди-ка тамъ, на скамейкѣ. А гдѣ живетъ Государь Императоръ?

Параша взглянула на карту и промолчала.

— Не знаешь, гдѣ живетъ и Государь Императоръ, и Государыня Императрица?

— Я не достану,— отвѣтила она, готовясь, по примѣру Василя Бочонкова, заплакать.

— Да, дѣточка, правда твоя. Далеко, рукой не достанешь.

Губернаторъ, довольный, улыбаясь, повернулся къ Петру Сысоевичу.

— Молодцы они у васъ.

Тотъ готовъ былъ въ это время расцѣловать губернатора.

Дмитрій Павловичъ взялъ диктантъ и просмотрѣлъ.

— И пишутъ отлично,— обратился онъ уже къ учительницѣ.

— Ваше превосходительство, будьте добры, проэкзаменуйте вотъ этого,— сказала она, указывая на мальчика 13-ти лѣтъ, особенно старательно умытаго и причесаннаго.

Всѣ повернулись въ ея сторону. Она сконфузилась, но имѣла такой видъ, точно хотѣла сказать: «я знаю, что дѣлаю». Петръ Сысоевичъ недоумѣвалъ. Одинъ отецъ Митрофанъ благодарно закивалъ ей.

— Съ удовольствіемъ,— сказалъ Дмитрій Павловичъ.— У васъ есть программа?

Она подала выписанную на листъ бумаги программу и прибавила:

— Побольше спросите, ваше превосходительство.

умчинъ холодно слѣдилъ за «ревізіей школы», какъ мысленно ронизировалъ онъ. Услыхавъ просьбу учительницы, онъ по-
дулъ:

Похвастаться хочеть барышня. Выставила хорошаго ученика
и на него и не обратили вниманія».

Губернаторъ спрашивалъ мальчика по всей программѣ. Тотъ

бойко отвѣчалъ на его вопросы. Экзаменъ начиналъ становиться длиннымъ и скучнымъ. Думчинъ уже хотѣлъ выйти, какъ услышалъ голосъ учительницы и пріостановился.

— Я осмѣлилась побезпокоить ваше превосходительство вотъ почему. Этотъ мальчикъ страстно любитъ науки и мечтаетъ учиться дальше. Онъ кончилъ курсъ еще въ прошломъ году. Я хлопотала за него. Средства у него нѣтъ никакихъ, родители очень бѣдны. Но управа отвѣтила мнѣ, — она взглянула въ сторону Иванова, — что въ уѣздныхъ училищахъ нѣтъ свободныхъ стипендій. Вотъ я и рискнула показать его вашему превосходительству.

Петръ Сысоевичъ и торжествовалъ, и побаивался.

Губернаторъ обратился къ Иванову:

— Нельзя ли какъ-нибудь устроить? Пожалуйста, прошу васъ.

Ивановъ записалъ имя, отчество и фамилію мальчика, а губернаторъ подозвалъ Авдѣева и попросилъ напомнить ему объ этомъ мальчикѣ по возвращеніи. Тотъ тоже записалъ.

— Нѣтъ ли у васъ еще какихъ-нибудь просьбъ? — спросилъ губернаторъ учительницу.

— Нѣтъ, ваше превосходительство. Благодарю васъ.

По дорогѣ въ Алексѣевское Петръ Сысоевичъ не давалъ Думчину покоя:

— Вотъ, голубчикъ, учительница! Ну, найди мнѣ такую! Найди, пожалуйста, поищи! Бакъ это трогательно-то! Полюбила мальчика за то, что онъ преданъ наукамъ. Потихоньку отъ меня, ты понимаешь — отъ меня потихоньку, позвала его, приготовила, умыла, причесала и показала. На-те, молю, вотъ вамъ! Я, молю, хлопочу цѣлый годъ, вы ничего не хотите сдѣлать, такъ я сама добьюсь. А? Нѣтъ, скажи, каково? Всѣхъ насъ, можно сказать, по носу смазала. Навѣрное, мамаша посовѣтовала. Мамаша у нея умница. Да у нея и отецъ былъ умный человекъ. Жаль, что я его не знавала. А видно, что умный. Ужь такой родъ!

Петръ Сысоевичъ изливался и досадовалъ, что мужъ ея племянницы такой «чурбанъ», слова отъ него не добьешься. Онъ и не подозрѣвалъ, что на Думчина этотъ маленькій эпизодъ сдѣлалъ сильное впечатлѣніе.

«Вѣдь, вотъ сьумѣла же, — думалъ онъ, — дѣвушка извлечь изъ посѣщенія губернатора настоящую, серьезную выгоду. Можетъ быть, изъ этого школьника и ничего не выйдетъ, а, можетъ быть, это крохотное событіе создастъ ему прекрасную карьеру. Во всякомъ случаѣ, она сдѣлала больше, чѣмъ отъ нея требовалось. Забрѣла въ ребенкѣ «искру Божію» и не побоялась ни упрековъ,

ни недовольства начальства. Можетъ быть, этотъ Ивановъ будетъ теперь придирааться къ ней, но ее эта мысль не страшитъ. А я? Ну, скажу ли я хоть слово за кого-нибудь или противъ чего-нибудь? Нѣтъ, не скажу. Не изъ трусости, а потому что я—дрянная, грязная тряпка, которую пора выбросить въ помойную яму, потому что я не только изъѣденъ апатіей, но и никого не люблю! Да, я никого не люблю!» — повторялъ Думчинъ про себя, припоминая, нѣтъ ли исключеній, и не находя ихъ.

Они ѣхали въ объѣздъ, чтобы поспѣть въ волость раньше начальника губерніи, котораго везли такъ же, какъ и въ Осташковѣ, черезъ триумфальную арку и такъ же подвозили сначала къ церкви.

Около волости Думчинъ слѣзъ, а Барасенковъ поѣхалъ дальше къ школѣ. Отъѣзжая, онъ взглянулъ на огна невысокой, длинной избы, потонувшей въ рощицѣ, съ небольшою синеватою вывѣской, въ которой бѣлыми буквами было выведено названіе волостнаго правленія.

«Не глядѣли бы глаза мои!» — подумалъ Петръ Сысоевичъ.

На дворѣ собралась толпа мужиковъ. Въ глубинѣ стройно въ рядъ стояли заново выграшенные пожарныя бочки.

«Вѣдь, вотъ, — подумалъ Барасенковъ объ исправникѣ, — перекрасилъ же бочки, небось, и трубу, никогда не дѣйствовавшую, привезъ въ порядокъ».

Думчинъ медленно поднялся на крыльцо волости. Въ дверяхъ его встрѣтилъ писарь.

— Бдуть? — спросилъ онъ таинственно.

— Да.

Слѣдомъ за Думчинымъ во дворъ влетѣли урядники и принялись устраивать порядокъ.

Писарь, высокій, со впалкою грудью, длиннымъ, заостреннымъ носомъ и блестящими глазами, дышалъ часто и тяжело, какъ больной, изнывающей отъ жажды.

XI.

Ревизія волости продолжалась уже болѣе полутора часа. Губернаторъ ежеминутно раздражался. Перелистывая книги, онъ то переступалъ ногою на ногу, то нервно покручивалъ усы, то оправывалъ черный бантъ галстука на воротѣ сорочки. На лицѣ было такое выраженіе, какъ будто оно все время было обращено къ солнцу.

Сначала губернаторъ дѣлалъ Думчину замѣчанія осторожно, но потомъ по-малу терялъ терпѣніе и обращался съ нимъ такъ же рѣзко, какъ и съ писаремъ и со старшиной.

Волостное правленіе состояло изъ длинной комнаты съ двумя окошечками на улицу и тремя во дворъ. Надъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ съ чернильными пятнами, висѣли портреты императоровъ Александра II, Александра III и Николая II. Тутъ же пріютились образа Богоматери и св. Георгія - Побѣдоносца, — всѣ подъ стекломъ, въ постарѣвшихъ рамахъ. По стѣнамъ висѣло нѣсколько группъ царскаго дома, манифесты, благодарность Александра III волостнымъ старшинамъ, таксы штрафовъ за потравы и платежей понятымъ, сюда же какимъ-то образомъ попало объявленіе о подпискѣ на одну московскую газету, стѣнной календарь — приложение къ этой газетѣ и пр., и пр. Два старыхъ шкафа, набитые кипами перевязанныхъ «дѣлъ», были открыты.

Начальникъ губерніи сидѣлъ за столомъ посрединѣ, Вахрамовъ съ краю. Членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ не переставалъ подводить на счетахъ итоги, изрѣдка требуя отъ писаря справокъ и занося результаты въ записную книжку.

За другимъ концомъ стола сидѣлъ баронъ Брандтъ. Авдѣевъ, исправникъ, Ивановъ и становой среди ревизіи вышли въ сосѣдную комнату.

— Жарко, — замѣтилъ, садясь, Гвоздевъ. — Надо попросить у его превосходительства разрѣшенія надѣть китель.

— Нѣтъ, этого нельзя, — строго отвѣтилъ Авдѣевъ.

— Почему?

— Потому что къ обѣду его превосходительство, навѣрное, самъ надѣнетъ сюртукъ.

Исправнику не понравился тонъ чиновника, но онъ сдержался и промолчалъ.

Они закурили. Скоро имъ подали содовую воду и стаканы.

Въ правленіи противъ губернатора шеренгой въ два ряда стояли мужики, — кто съ цѣпью на шеѣ, кто со значкомъ на короткой цѣпочкѣ треугольникомъ. Первымъ стоялъ старшина съ усами, похожими на расчесанныя перья. Затѣмъ были: кандидатъ «по немъ», предсѣдатель волостного суда въ длинномъ камзолѣ, точно старый дворовый, трое судей, четыре сельскихъ старосты, сборщики податей и волостной засѣдатель. Всѣ они изподлобья слѣдили за ревизіей и осторожно переминались съ ноги на ногу. Одинъ старшина рѣшилъ уподобиться вытянутому столбу.

Думчинъ находился за кресломъ начальника губерніи. Подъ глазами у него появились мѣшки, окаймленные синевой, лицо осунулось, волосы съ сильною сѣдиной сбились. Онъ и усталъ, и курить ему хотѣлось, и злило его присутствіе барона Брандта съ

преступствующимъ видомъ, и оскорбляли рѣзкія замѣчанія начальника губерніи, и тѣснилъ мундиръ съ золочеными пуговицами, на которыхъ былъ выбитъ губернской гербъ.

— Я не могу добраться, куда же дѣвались хуторяне, выдворенные изъ казеннаго участка? Какимъ образомъ отъ нихъ была получена плата по 3 рубля за десятину? Словомъ, я тутъ ничего не понимаю. Разъясните мнѣ, пожалуйста.

— Они выдворены не были, ваше превосходительство.

— Какъ не были? Извините. Я все это дѣло помню отлично и могу напомнить вамъ весь ходъ его. Казенный участокъ въ полторы тысячи десятинъ былъ сданъ съ торговъ. Арендная плата была назначена въ 3 рубля. Брестьяне нагнали ее до семи съ половиной. Земля осталась за ними. Прошло два года, они не внесли ни копейки. Тогда я обратился къ вамъ съ требованіемъ или выдворить хуторянъ, или взыскать съ нихъ, по возможности, всю плату. Затѣмъ я самъ утверждалъ, — и отлично это помню, — сдачу этого участка съ новыхъ торговъ какому-то лицу.

— Оно было подставное, ваше превосходительство.

— Какъ подставное?

— Ваше требованіе не могло быть исполнено, ваше превосходительство.

— Почему?

— Взыскать денегъ пельзя было, такъ какъ у крестьянъ ихъ не было.

— Ну-съ! А выдворить?

— Выдворить тоже было невозможно. Дѣло было въ началѣ марта. Выдворять въ эту пору съ хатами, со всѣмъ скарбомъ знало бы оставить мужиковъ безъ посѣва. Да и куда? Они безземельные.

— Отчего-же вы меня не увѣдомили объ этомъ?

— Позвольте вамъ рассказать, какъ это все было.

— Расскажите, пожалуйста.

— Ко мнѣ явился чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ.

Знаю. Слѣдомъ за мной пригазомъ.

Такъ точно. Молодой человекъ потребовалъ, чтобъ я немедленно занялся выдвореніемъ арендаторовъ казеннаго участка. Я взялся наотрѣзъ.

Вы испугались?

Меньше всего я боялся за себя, — отвѣтилъ Думчинъ, краснѣя рѣшительно... — онъ хотѣлъ сказать: «мнѣ рѣшительно

все равно, когда умирать, я свою жизнь не цѣню ни въ грошъ, но пріостановился и продолжалъ: — Я просто хотѣлъ обойти серьезныя осложненія. Чиновникъ хотѣлъ ѣхать къ вашему превосходительству съ жалобой на меня и съ просьбой дать батальонъ солдать. Я ничего не имѣлъ противъ, но предложилъ ему поступитъ человѣчнѣе.

— Ну-съ! Это очень интересно!

— Я послалъ на хутора за уполномоченными. Тамъ, конечно уже знали, въ чемъ дѣло, и сюда вотъ, въ волость, явились и уполномоченные, а всѣ хуторяне, сколько ихъ есть. Всѣ были очень возбуждены и... — Думчинъ замылся, подбирая опредѣленіе.

— Ну, понимаю. Дальше. Они рѣшили не допускать водворенія

— Такъ точно, ваше превосходительство. При видѣ такого возбужденія, господинъ чиновникъ быстро согласился на то, что предложилъ ему я.

— А именно?

— Я объяснилъ мужикамъ, что они обязаны уплатить долги но для того, чтобы не оставаться безъ земли на предстоящій по сѣвъ, пусть формально откажутся отъ аренды казеннаго участка а тѣмъ временемъ пусть выберутъ подставное лицо, которое бы фигтивно сняло землю съ новыхъ торговъ. Такое лицо и было выбрано. Благодаря господину чиновнику, торги были устроены такъ что на нихъ никого больше не было и аренда сдана этому подставному лицу по 3 рубля за десятину. Я же отобралъ отъ него подписку, что онъ беретъ землю съ условіемъ сдать ее тѣмъ же хуторянамъ и по той же цѣнѣ за небольшое вознагражденіе. Такъ сдѣлали.

— То-есть вы сдѣлали сознательный подлогъ?

Думчинъ не отвѣтилъ, а губернаторъ смотрѣлъ на него в упоръ, какъ бы не столько ожидая отъ него отвѣта, сколько сообщая, что за человѣкъ этотъ земскій начальникъ.

Вахрамовъ, заинтересованный разговоромъ, прибавилъ:

— Мало того, сдѣлали и его превосходительство участникомъ подлога, такъ какъ сдача подставному лицу была утверждена.

Думчинъ все молчалъ.

— Скажите, пожалуйста, отчего-же вы мнѣ не разъяснили всей этой исторіи? Кажется, я отъ васъ не имѣлъ никакого удивленія.

— Это такъ понятно, ваше превосходительство. Я хотѣлъ з хуторянами оставить землю. Если бы ваше превосходительство опротестовали новые торги, зная истину, то я не достигъ бы свое

шли. Если же бы вы согласились со мной, то стали бы, дѣйствительно, участникомъ подлога.

Губернаторъ продолжалъ разсматривать Думчина.

— Гм!... Очень любопытное сообщеніе, — проговорилъ онъ, наконецъ, теребя концы усовъ. Потомъ вдругъ снова спросилъ: — Можетъ быть, вы узнаете еще нѣсколько подобныхъ же случаевъ?

Думчинъ поднялъ глаза на своего коллегу, точно приглашая его отвѣтить его превосходительству. Взглядъ его показался губернатору страннымъ, такъ что онъ тоже посмотрѣлъ на барона Брандта. Тотъ сдѣлалъ видъ, что ничего этого не замѣчаетъ, и смотрѣлъ въ окно. Тогда Думчинъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не могу.

Но подозрительный Вахрамовъ занесъ въ свою записную книгу нотабене. Впослѣдствіи онъ дѣйствительно обнаружилъ, что въ участкѣ барона Брандта есть богатый еврей, арендующій казенный участокъ черезъ подставное лицо, такъ какъ евреямъ запрещены аренды, и сдающій землю крестьянамъ по двойной цѣнѣ или изполу.

«А! Господь съ вами! Живите, какъ знаете!» — подумалъ Сергѣй Викторовичъ.

Начальникъ губерніи потребовалъ книгу сиротской кассы. Ее только что просматривалъ Вахрамовъ.

— Я тутъ ничего не могъ разобрать, — сказалъ онъ, снимая очки и однимъ концомъ ковыряя въ ухѣ.

— Да? И тутъ тоже? Вамъ надо его перемѣнить, — нервно сказалъ губернаторъ Думчину, кивнувъ головой на писаря.

Писарь, уже считавшій себя осужденнымъ, повелъ губами, точно ощущая дурной вкусъ. Блескъ глазъ его сталъ еще суше. Думчинъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ. Ему хотѣлось громко сказать: «Что-жь, писарь, давай умирать вмѣстѣ! Дѣти, жена? А Богъ съ ними! Авось, Онъ не оставитъ ихъ!»

Въ теченіе ревизіи ему все время приходили въ голову самыя суасбродныя мысли. Онъ ихъ критиковалъ и смѣялся надъ самимъ собой.

Въ книгѣ сиротской кассы губернаторъ нашелъ ту же «распущенность», что и въ другихъ.

— Я не вижу ни малѣйшихъ слѣдовъ моего циркуляра. Вы не ите мой циркуляръ?

Думчивъ посмотрѣлъ въ книгу, стараясь понять, о какомъ циркулярѣ его спрашиваютъ.

— Дай мнѣ циркуляръ! — обратился губернаторъ къ писарю. Онъ постоялъ, какъ бы обдумывая, гдѣ его искать, потомъ обер-

нулся къ одной изъ стѣнъ и пошелъ туда, разсталивая мужиковъ. Тамъ были прибиты гвоздями циркуляры за много лѣтъ, многіе изъ нихъ уже потеряли всякое значеніе и пожелтѣли отъ времени.

— Онъ у васъ на стѣнѣ виситъ? Зачѣмъ?

— Виднѣе здѣсь, — отвѣтилъ писарь, осторожно сдирая со стѣны одинъ изъ послѣднихъ листовъ.

— Для кого виднѣе? Что за нелѣпость? А у васъ, — обратился губернаторъ къ Думчину, — есть копія?

— Нѣтъ, — не хотѣлъ лгать Сергѣй Викторовичъ, — но я помню содержаніе.

Онъ припомнилъ, что циркуляромъ губернаторъ рекомендовалъ обратить серьезное вниманіе на сиротскую кассу и взыскивать съ пользовавшихся ссудами если не возвращеніе долговъ, то хоть процентовъ.

— Ну, что же? Укажите мнѣ, гдѣ эти взысканія, о которыхъ я васъ просилъ.

— Нельзя было взыскивать, ваше превосходительство.

— Почему?

— Неурожай, — сказала Думчинъ уже такъ себѣ, чтобы только сказать что-нибудь.

Губернаторъ вспыхнулъ.

— Извините меня. Я никогда не повѣрю, чтобы крестьянинъ не могъ заплатить одного рубля или нѣсколькихъ копѣекъ процентовъ. Неурожай здѣсь рѣшительно не причемъ. Неужели у васъ, — обратился онъ къ барону, — тоже не дѣлалось взысканій по сиротской кассѣ?

— Согласно циркуляру вашего превосходительства, — отвѣтилъ тотъ съ показною скоростью, — я принялъ самыя энергическія мѣры и по кассѣ у меня нѣтъ ни копѣйки недоимки.

— Вотъ видите! А, вѣдь, это та же губернія, одинаково пострадавшая отъ неурожаяевъ.

— Господинъ баронъ дѣйствуетъ энергичнѣе и искусиѣе, я и не спорю, — сказалъ Думчинъ.

— Но иначе и нельзя. Вы посмотрите сюда. Вѣдь, это сплошная нелѣпость. Взгляните на любого должника. Иванъ Бондаревъ. Долгъ четыре рубля. Взято въ 1867 году. Процентовъ на немъ 14 руб. 32 коп. Итого 18 руб. 32 коп. Вы находите это естественнымъ? Если бы Иванъ Бондаревъ платилъ ежегодно 24 коп., только 24 к., то съ него не пришлось бы взыскивать теперь болѣе рубля въ годъ однихъ процентовъ. Не обращая вниманія, вы не только не оказываете ему услуги, но, напротивъ, все сильнѣе закабаляете его.

сь, — опъ перелистывалъ страницу за страницей, — изъ года въ годъ приписываются проценты и больше ничего. Это — книга для арифметическихъ упражненій. Миѣ было бы пріятнѣе, если бы вы, точно убѣдившись въ несостоятельности однихъ, ходатайствовали въ совершенномъ сложеніи съ нихъ долга, за то настояли бы на уплатѣ остальныхъ. Хе, не угодно ли? Бузьма Робачевъ: долгъ 18 рублей, процентовъ 46 рублей.

— Робачевъ померъ, — сказалъ кто-то изъ мужиковъ.

— Померъ? Когда?

— Годовъ съ пять будетъ, — отвѣтилъ тотъ же голосъ.

— Это прекрасно. Въ теченіе пяти лѣтъ на покойника приписываются проценты.

Онъ отбросилъ книгу такъ, что она чуть не упала, и писарю пришлось подхватить ее.

— Обращаю вниманіе вашего превосходительства, — сказалъ Крамовъ, — что я не нашелъ и поручительскихъ записей.

— Какъ это?

— Ссуды, какъ извѣстно вашему превосходительству, — Крамовъ поднялся, упираясь руками о столъ, — должны выдаваться не иначе, какъ съ поручительствомъ нѣсколькихъ мужиковъ, а не съ никакихъ документовъ нѣтъ.

Губернаторъ обратился къ мужикамъ:

— Изъ васъ кто-нибудь пользовался ссудой изъ сиротской кассы?

Выступилъ волостной засѣдатель.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ты бралъ?

— Я бралъ, ваше превосходительство.

— За тебя кто-нибудь поручился?

— Поручились, ваше превосходительство. Шесть, либо семь словѣкъ поручились.

— Гдѣ-жь они росписались?

— Они не росписывались, ваше превосходительство. Они просто такъ... Поручились и все тутъ. Потому я отдамъ. Лошадь у меня пала, такъ вотъ и...

— Кто-жь тебѣ выдавалъ деньги?

— Я самъ взялъ, ваше превосходительство.

— То-есть какъ самъ? У кого ключи отъ сундуга?

— У меня и у старшины. Мы, стало быть, и отчетъ записываемъ. Если кому нужно, спросимъ, стало быть, у господина землемѣра разрѣшенія, а потомъ и выдаемъ либо я, либо стар-

шина. И записку въ сундукъ оставляемъ, — выдали, молю, скажемъ кузнецу Евграфову.

— И тебѣ земскій начальникъ разрѣшилъ?

— А какъ же! Безъ разрѣшеніе мы не вправѣ.

— Гдѣ-жь оно у тебя разрѣшеніе? Какая-нибудь записка есть?

— Иногда по запискѣ, иногда устами.

— Устами. И ты пошелъ и взялъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ну, а если ты не отдашь денегъ?

— Какъ же я могу, ваше превосходительство? Это никакъ нельзя не отдать.

Губернаторъ обратился къ старшинѣ:

— И ты сказалъ ему: ступай и возьми?

Старшина крякнулъ, собираясь, повидимому, говорить много, но потомъ только кивнулъ утвердительно головой.

Вахрамовъ всталъ.

— Пойдемъ-ка со мной. Я провѣрю кассу, — сказалъ онъ.

Волостной старшина и засѣдатель послѣдовали за нимъ.

Губернаторъ вздохнулъ и провелъ ладонью по лицу.

— Дай мнѣ книгу рѣшеній волостного суда, — сказалъ онъ писарю и, пока тотъ рылся въ шкафѣ, смотрѣлъ на его длинную, высохшую фигуру.

«Еще? — подумалъ Думчина. — И къ чему? Вѣдь, ужъ ясно, что меня надо и въ отставку, и подѣ судъ!»

Въ чащѣ высокихъ деревьевъ, окружавшихъ волость, неизменно трещала стая скворцовъ. Ихъ шумъ неся въ открытыя окна и, когда въ правленіи смолкали голоса, наполнялъ всю комнату. На Думчина это дѣлало такое впечатлѣніе, точно напоминало, что, кромѣ этой душной комнаты, книгъ, взысканій, мундировъ, заботливости однихъ о другихъ, столкновеній интересовъ, матеріальной безпомощности, угрозъ въ будущемъ, — кромѣ всего этого, есть огромный, просторный и свободный міръ покоя. Вырваться бы туда поскорѣе!

Губернаторъ всматривался въ подписи.

— Карлъ Фоглеръ, — произнесъ онъ. — Что это такое? Кто предсѣдатель суда?

— Я, ваше превосходительство.

Выступилъ золотискаго цвѣта нѣмецъ въ веснушкахъ.

— У васъ предсѣдатель суда нѣмецъ? — спросилъ губернаторъ Думчина.

Думчинъ тихо проговорилъ, что это одинъ изъ разумнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ волости.

Губернаторъ опять посмотрѣлъ на Думчина, точно разгадывая, что онъ за человѣкъ, и началъ перечитывать нѣкоторыя дѣла.

Думчинъ уставился на небольшой печатный листъ въ узорчатой рамѣ, подъ стекломъ, висѣвшій на стѣнѣ.

«О пагубной страсти винопитія», — прочелъ онъ, подумавъ: — «это я никогда не замѣчалъ этой проповѣди!»

«Пьянство — корень всѣхъ северныхъ страстей, всѣхъ богомерзкихъ дѣлъ... Пьяный — жилище бѣсовъ, плачь ангеловъ».

— Почему же тутъ не помѣчено, утверждено ли рѣшеніе суда рѣзнымъ съѣздомъ, или нѣтъ? — слышитъ онъ вопросъ губернатора. — И здѣсь, и здѣсь... Да нигдѣ не помѣчено. Развѣ съѣздъ извѣщаетъ васъ объ окончаніи дѣла?

— Нѣтъ, не извѣщаетъ, — отвѣчаетъ Думчинъ.

— И вы не спрашиваете?

— Нѣтъ.

— Странно. И еще графа: «къмъ и когда приведено въ исполненіе», — совершенно пустая, точно лишняя. По книгѣ выходитъ, что ни одно дѣло не окончено. Очень странно.

Думчинъ снова читаетъ:

«Доколѣ вино? Доколѣ пьянство? — взываетъ вселенскій учитель Василій Великій. — Постъ пьянство да исцѣлитъ, псаломъ срамныя пѣсни да упразднить, вмѣсто плясанія — колѣпо да преклонется на молитву, вмѣсто восплесканія рукъ — перси да бьются!»

Вахрамовъ возвращается. Губернаторъ говоритъ:

— Рѣшенія составлены сравнительно толково и грамотно, но такая судьба постигла ихъ, остается секретомъ. Такъ невозможно! Книга захлопнута. Молчаніе.

«Сейчасъ будетъ сдѣлано резюме моей никуда негодной», — размышляетъ Думчинъ, рассматривая погонны на чесунчехъ сюртукъ губернатора.

Но погонны быстро поднимаются. Губернаторъ, ни слова не говоря, беретъ фуражку и выходитъ.

Гвоздевъ давно уже поглядывалъ въ правленіе. Замѣтивъ, что губернаторъ всталъ, онъ въ одинъ мигъ очутился на дворѣ.

«А, надо же, все-таки, проводить!» — соображаетъ Думчинъ, пустившій руку въ карманъ за портсигаромъ.

толпы мужиковъ, собравшейся у крыльца, къ губернатору съ прошенія. Онъ принималъ, каждое прочитывалъ и го-

— Если можно будетъ, сдѣлаю.

Затѣмъ передавалъ или Вахрамову, или Авдѣеву.

Одинъ подавалъ жалобу на то, что волостной судъ разрѣшилъ сосѣду «оттягать» кусокъ усадебной земли, на которой уже взрос садикъ и которую хозяинъ пользовался болѣе 25 лѣтъ. «И я ей долженъ по суду уплатить за такую несправедливость 20 рублей».

Другой жаловался на «обчество», которое приговорило отнять отъ него три десятины надѣльной земли, «облитой потомъ и кровью предка моего».

Третій—на «господина земскаго» за то, что онъ опротестовалъ приговоръ волостного суда, по которому жена должна возвратить къ своему мужу.

И такъ далѣе.

Небольшаго роста мужичокъ съ синими подтеками подъ глазами остановилъ губернатора.

— Тебѣ чего?

— Урядникъ избилъ.

— За что?

— Безъ всякой причины.

Гвоздевъ вмѣшался.

— Я уже изслѣдовалъ это дѣло, ваше превосходительство. Вчера было. Онъ былъ пьянъ...

— Такъ точно, ваше превосходительство,—подтвердилъ мужикъ, не оборачиваясь къ Гвоздеву.

— И въ пьяномъ видѣ произносилъ непристойныя ругательства...

— Никакъ нѣтъ, этого не было.

Губернаторъ, не дослушавъ, пошелъ далѣе.

Экипажи подкатили и всѣ, кромѣ Думчина, поѣхали въ болоницу, оттуда въ школу, на почту.

ХІІ.

— Вы просили у меня аудіенціи?— улыбаясь, тихо сказала Марья Алексѣевнѣ губернаторъ, пожимая ей руку послѣ завтрака.

— Да, да. Но если вы сейчасъ утомлены, хотѣли бы отдохнуть, то...

— Я никогда не отдыхаю, кромѣ какъ ночью.

— Въ такомъ случаѣ... на балконѣ намъ приготовленъ кофе Господа!— обратилась она ко всѣмъ, —кто хочетъ кофе, чаю... пожалуйста, не заставляйте меня просить!

— Вамъ нужно не болѣе полчаса?—спросилъ губернаторъ, взглянувъ на Марью Алексѣевну.

— О, никакъ не больше!

— Такъ... — онъ искалъ глазами Гвоздева; тотъ подле-
тъ.—Ровно въ три мы можемъ ѣхать дальше.

Гвоздевъ поклонился и, пользуясь близостью къ хозяйкѣ, по-
благодарилъ ее за завтракъ.

— Я на васъ сердита, — сказала Марья Алексѣевна, махнувъ
рукой.

— Промилуйте, за что?

— Вы сами знаете. Ну, да объ этомъ потомъ.

Осташковы и губернаторъ сѣли за маленькимъ столомъ въ углу
балкона. Остальные разбрелись по комнатамъ и по саду. Кромѣ
всѣхъ бывшихъ здѣсь утромъ, завтракали и отецъ Митрофанъ, и
докторъ изъ Алексѣевского, высокій, плечистый, сѣдой, съ очень
маленькимъ носомъ, старавшійся показать свою полиѣйшую неза-
висимость. Лидія Артемьевна продолжала ухаживать и замѣнять
хозяйку, иногда тревожно поглядывая въ тотъ уголокъ, гдѣ, она по-
нимала, идетъ рѣчь объ ея мужѣ. Самъ Думчинъ, еще болѣе оскорб-
ленный поведѣніемъ жены, ушелъ въ глубь сада.

— Скажите мнѣ, Дмитрій Павловичъ, — начала Марья Алексѣ-
евна, — что ревизія волости въ Алексѣевскомъ?

Губернаторъ развелъ руками и, улыбувшись, посмотрѣлъ на
Георгія Николаевича.

— Да, да. Вотъ видите, что интересуется нашихъ дамъ, — от-
путился Осташковъ.

— Я спрашиваю серьезно и очень хотѣла бы знать всю правду.

— А, понимаю! Эта madame Думчина — ваша protégée.

— Да.

Онъ пожалъ плечами продолжительнымъ движеніемъ, вздохнулъ
и перевелъ долгій укоризненный взглядъ на Георгія Николаевича.
Осташкову стало неловко. Онъ готовъ былъ въ эту минуту отсту-
питься отъ обѣщанія, продать Думчина и его жену. Онъ мысленно
разсердился на Марью Алексѣевну.

— Что? Очень плохъ нашъ земскій начальникъ?—спросилъ
онъ съ неловкою улыбкой.

Губернаторъ помолчалъ, помѣшалъ ложечкой въ чашкѣ кофе
и, обратившись уже къ Марьѣ Алексѣевнѣ, серьезно и твердо от-
вѣтилъ:

— Очень.

Марья Алексѣевна переглянулась съ мужемъ и, замѣтивъ, что

и онъ недоволенъ начатымъ разговоромъ, немного покраснѣла. Губернаторъ загадочно молчалъ.

— Миѣ очень жаль его жену,—сказала Марья Алексѣевна, почувствовавъ, какъ ей трудно продолжать на эту тему, но сдѣлала надъ собой усиліе. Ей хотѣлось, во что бы то ни стало, обратиться Думчину пріятною вѣстью. Теперь ей показалось, что и самолюбіе ея задѣто. Что за близость къ губернатору, если она не можетъ спасти отъ отставки одного подчиненнаго? Только одного!

Молчаніе губернатора можно было объяснить только явнымъ желаніемъ прекратить разговоръ.

— И, вѣдь, онъ вовсе не дурной человѣкъ. Я нахожу даже, что онъ честнѣе и... гуманнѣе очень многихъ изъ здѣшнихъ чиновниковъ. Да и вообще... У него прекрасныя мысли... Миѣ кажется, онъ изъ тѣхъ людей, которые сами... мученики своего характера. Да, именно мученики своего тяжелаго характера! — и она была очень рада, что нашла мѣткое опредѣленіе.—Какъ ты скажешь, Georges? Слыхалъ ли ты когда-нибудь, чтобъ онъ сдѣлалъ дурной поступокъ? Будь справедливъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Губернаторъ вдумчиво смотрѣлъ на Марью Алексѣевну и не отвелъ отъ нея взгляда, даже когда она обратилась къ мужу.

— Вотъ видишь! И ты со мной согласенъ. По справедливости мы могли бы быть имъ недовольны. Георгій Николаевичъ относился къ нему прежде очень сочувственно, а онъ совершенно игнорировалъ насъ. Такъ что меня нельзя заподозрить въ пристрастіи. А миѣ ихъ жаль. Развѣ ужъ онъ такъ... хуже другихъ?

— Видите ли, Марья Алексѣевна,—заговорилъ, наконецъ, губернаторъ,—можетъ быть, онъ и не хуже другихъ, какъ человѣкъ... но онъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ. Какъ онъ игнорировалъ васъ, такъ игнорируетъ всѣ свои обязанности. Я не знаю ни одной волости, гдѣ бы дѣла были до такой степени въ беспорядкѣ, какъ у него въ Алексѣевскомъ. Миѣ даже кажется, что должность тяготитъ его. Ему лучше всего сдать ее другому лицу. Баронъ, несомнѣнно, недалекъ, чтобы выразиться мягко, и, разумѣется, не такихъ земскихъ начальниковъ я желалъ бы видѣть у себя, но онъ хотя и односторонне понимаетъ свои обязанности, а все-таки же, дѣлаетъ что-нибудь. А господинъ Думчинъ даже не находитъ нужнымъ увѣдомлять меня объ очень важныхъ вещахъ. Сейчасъ,—губернаторъ повернулся къ Осташкову,—онъ миѣ признался въ форменномъ подлогѣ, за который во всякое время можетъ попасть подъ судъ. И если бы въ его поступкѣ не было до

важно симпатичнаго основанія, то я не смѣлъ бы молчать. И, тѣмъ же менѣе, признаюсь вамъ, я въ первую минуту растерялся.

Онъ отпилъ нѣсколько глотковъ кофе.

— Однако, вы, все-таки, нашли, что основаніе было симпатично? — сказала Марья Алексѣевна, испуганная словомъ «подлогъ».

— Да. И еслибъ я видѣлъ въ немъ человѣка, придерживающагося извѣстной системы, можетъ быть, не признающаго моихъ распоряженій, но, во всякомъ случаѣ, убѣжденнаго, я могъ бы спорить, но уважать его. Такой человѣкъ, все-таки, долженъ былъ бы оставить свое мѣсто, но ушелъ бы съ достоинствомъ, а господинъ Думчинъ... Я два съ половиною часа бился, чтобы найти въ его дѣлопроизводствѣ какую-нибудь систему, и не нашелъ ничего, кромѣ безпримѣрной распушенности.

Онъ замѣтилъ, что начинаетъ горячиться, и смолкъ.

Лидія Артемьевна вышла въ это время на балконъ. По холодному взгляду губернатора и слишкомъ серьезному Марьи Алексѣевны она догадалась, что дѣло плохо. На минуту она приостановилась, какъ бы высматривая, не предложить ли кому кофе. У нея было такое чувство, что хотѣлось подойти и расплакаться. Когда она скрылась въ гостиной, Марья Алексѣевна сдѣлала послѣднюю попытку.

— Такъ что вы думаете предложить ему подать въ отставку? — спросила она.

Губернаторъ помолчалъ, потомъ обратился къ Осташкову:

— Я радъ былъ бы услышать ваше мнѣніе.

Марья Алексѣевна съ мольбой посмотрѣла на мужа. Онъ хотя и не видѣлъ этого, но зналъ, что жена именно такъ должна была взглянуть на него.

— Какъ вамъ угодно, Дмитрій Павловичъ. Можетъ быть, лучше было бы на этотъ разъ только дать понять Думчину всѣ его недостатки...

— Хорошо, — перебилъ его губернаторъ рѣшительно и, какъ бы покончивъ совершенно съ этимъ неприятнымъ вопросомъ, улыбнулся Марьѣ Алексѣевнѣ, говоря: — Ваша protégée можетъ за обѣды смотрѣть на меня не такъ пугливо, какъ за завтракомъ.

— Благодарю васъ, — сказала Марья Алексѣевна, пожимая ему руку. Лицо ея просіяло. Она чувствовала себя побѣдительницей. — Эдакъ за слова. Вы знаете, что вашъ путь измѣнили?

Какъ же!

Вѣдь, этому я и обязана счастьемъ видѣть васъ у себя се-

годня цѣлый вечеръ. Скучать мы вамъ не дадимъ. Сдѣлали все чтобы развлекать васъ.

Когда Марья Алексѣвна говорила кому-нибудь пріятное, Георгій Николаевичъ считалъ ее особенно обаятельною, «плавающею въ своихъ водахъ», какъ онъ мысленно опредѣлялъ.

— А завтра васъ повезутъ... какъ называется это село?— спросила она мужа съ улыбкой, не скрывавшей, что она помнитъ названіе Сорочьяго Гнѣзда, но избѣгаетъ произносить его.

Осташковъ сказалъ.

— Вотъ! И я, знаете, Дмитрій Павловичъ, думаю, — она понизила голосъ, — что здѣсь не безъ интриги противъ Думчина. Его и не предупреждали, что вы тамъ будете. Значить, онъ совсѣмъ не приготовленъ...

— Я миную Сорочье Гнѣздо, — опять рѣшительно сказалъ губернаторъ. — Я постараюсь быть тамъ въ будущемъ году...

— Но дорога не минуетъ Осташкова?

— О, нѣтъ!

Когда провожали отъѣзжающихъ въ Перерву, Марья Алексѣвна тихо шепнула Лидіи Артемьевнѣ:

— Полная побѣда! Теперь можете быть покойны!

Лидія Артемьевна до того обрадовалась, что въ талии у нея лопнула какая-то шнуровка. Она бросилась искать мужа, чтобы подѣлиться съ нимъ новостью, но увидѣла его, когда онъ уже былъ въ экипажѣ съ дядей; она смотрѣла во всѣ глаза, чтобы хоть взглядомъ ободрить его, но онъ и не взглянулъ въ ея сторону.

До возвращенія изъ Перервы было часовъ пять. Прислуга приводила въ порядокъ комнаты и готовила столовую къ обѣду. Марья Алексѣвна прошлась съ Лидіей Артемьевной нѣсколько разъ по залѣ, передавая ей разговоръ съ губернаторомъ и наблюдая за прислугой. Впрочемъ, она скрыла отъ Думчиной рѣзкое отношеніе губернатора къ Сергѣю Викторовичу. Но она замѣтила, что подробности мало интересуютъ гостью, и подумала: «Бажется, у этой дамы природа грубоватая, слишкомъ рѣзки переходы отъ горя къ радости».

Марья Алексѣвна ушла въ спальню прилечь и посоветовала отдохнуть и Лидіи Артемьевнѣ.

Въ верхнемъ этажѣ еще долго спорили о томъ, какое впечатлѣніе производитъ губернаторъ. Голоса иногда вырывались черезъ открытыя окна въ садъ. Лидія Артемьевна раздѣвалась.

— Ну, да, какъ же! *Ce sont des fluttes!* — услышала она надъ

собой голосъ Константина Бурятова. Онъ очень смѣшилъ Самарянова букввальными переводами русскихъ поговорокъ и сыпалъ ихъ безъ счета.

ХІІІ.

Хоръ пѣлъ концертъ Бортнянскаго «Блаженъ мужъ». Онъ поѣстился на лужайкѣ передъ террасой у начала липовой аллеи. Тамъ находилось до двадцати школьнико́въ—мальчиго́въ и дѣво-чекъ—и семь-восемь молодыхъ мужико́въ. Пять-шесть огонько́въ мельгало въ группѣ хора, освѣщая серьезныя личики дѣвочекъ въ цвѣтныхъ платкахъ, простоволосыхъ мальчиго́въ, синеглазыхъ, курносыхъ, бѣлобрысыхъ, и загорѣлыя бородатыя лица, выглядывавшія изъ-за дѣтскихъ головъ. Теноръ, съ черною бородкой и какъ уголь блестящими глазами, вытягивалъ при высокихъ нотахъ шею и смотрѣлъ на освѣщенныя вѣтви деревьевъ. Регентъ, учитель дѣтей отца Митрофана, молодой человекъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, висѣвшемъ какъ на вѣшалкѣ, съ густымъ басомъ, стоялъ передъ хоромъ, въ полуоборотъ къ террасѣ, и дирижировалъ ладонью правой руки, придерживая большимъ пальцемъ камертонъ и дѣлая въ воздухѣ энергичныя, короткія движенія.

Вся липовая аллея и верхъ террасы были увѣшаны флажками и цвѣтными бумажными фонарями, изготовленными подъ наблюдениемъ Бори. Самъ пажъ былъ занятъ фейерверкомъ за садомъ около пруда, куда всѣ гости должны были придти по сигналу, данному ракетой.

На террасѣ за нѣсколькими столиками пили чай и шампанское. Марья Алексѣевна хлопотала за чаемъ, а за виномъ—выспавшаяся, веселая и разругняившаяся Лидія Артемьевна.

Губернаторъ, вышедшій къ обѣду въ черномъ сюртукѣ, слушалъ хоръ съ большимъ вниманіемъ. Онъ уже нѣсколько разъ выразилъ искреннее удовольствіе Георгію Николаевичу и отцу Митрофану, сидѣвшимъ около него. Оба они нравились гостю, знали это и испытывали пріятное ощущеніе. Въ теченіе всего обѣда онъ не разъ обращался къ нимъ съ улыбкой и на множество тостовъ за его здоровье отвѣтилъ тремя: первымъ—за здоровье «прелестной хозяйки», вторымъ—за «представителя лучшихъ людей новѣйшей націи, преданныхъ общественному долгу и наукѣ», и третьимъ—за «симпатичнаго отца Митрофана».

Онъ любилъ хоровое пѣніе и преимущественно духовныя концерты. Сабуровъ, не перестававшій наблюдать за нимъ, подмѣтилъ

еще «психологическую черточку»: онъ трогательно относился къ дѣтямъ, — за обѣдомъ съ ласковою задумчивостью смотрѣлъ на Борю, а теперь не разъ подходилъ къ хористамъ и говорилъ съ дѣтьми, замѣтно волнуясь. Сабуровъ спросилъ у Иванова, есть ли у губернатора свои дѣти, и, узнавъ, что нѣтъ, объяснилъ эту психологическую черту неудовлетворенностью отцовскаго чувства. Ему, любившему тонкія душевныя наблюденія, понравилось это соединеніе дѣловой энергіи и простого, почти сентиментальнаго отношенія къ дѣтямъ. Онъ высказалъ эту мысль Иванову, котораго Марья Алексѣевна поручила его вниманію.

— Притворяется, — проговорилъ Ивановъ, — дѣлецъ-формалистъ и больше ничего. Повѣрьте мнѣ.

— Зачѣмъ же ему надо притворяться? — спросилъ Сабуровъ съ удивленіемъ.

— А затѣмъ, что это хорошо. Вотъ вамъ понравилось же. А ему только этого и нужно. Ужь повѣрьте.

Но Сабуровъ больше повѣрилъ своему чутью.

Въ гостиной на двухъ столахъ играли въ карты и пили кто чай, кто вино. Вахрамовъ и за картами былъ такъ же молчаливъ, безъ церемоніи разсматривая всякаго, кто его интересовалъ, точно стараясь запомнить, какой у того носъ, глаза, зубы. Барсенковъ, довольный, что отличился передъ начальствомъ, безраздѣльно отдался винту, повторяя и здѣсь слова другихъ:

— Двѣ пики, двѣ пики... Съ туза? Съ туза, съ туза...

Авдѣевъ не переставалъ слѣдить черезъ окно за движеніями губернатора. Гвоздевъ старался всѣхъ очаровать своимъ поведеніемъ. Потъ катился съ его лба крупными каплями. И вечеръ былъ душный, и жарко ему было. За обѣдомъ онъ появился только къ четвертому блюду — горошку. Когда уже пошли къ столу, Авдѣевъ замѣтилъ его отсутствіе и тихо сказалъ Сабурову:

— Голубчикъ! Вы здѣсь почти свой человѣкъ. Предупредите маленькую неловкость. Я говорилъ Гвоздеву, что къ обѣду неприлично выходить въ кителѣ. Его нѣтъ. Навѣрное, онъ поѣхалъ переодѣться. Нельзя ли его предупредить, что его превосходительство въ черномъ сюртукѣ?

«Экой ты сталъ вумный!» — подумалъ Сабуровъ, отходя отъ него. Онъ поручилъ одному изъ городовыхъ, стоявшихъ у крыльца, предупредить исправника, если онъ вернется въ кителѣ. Такъ и случилось. И Гвоздеву пришлось снова летѣть въ Алексѣевское, въ квартиру становаго, гдѣ онъ остановился, и снова одѣваться въ мундиръ.

Ему трудно было держать себя галантно, такъ какъ онъ былъ сильно не въ духѣ. Съ четырехъ часовъ на ногахъ, остался почти безъ обѣда, да еще получилъ распоряженіе ѣхать завтра мимо Сорочьяго Гнѣзда, гдѣ шуринъ, навѣрное, хлопочетъ теперь надъ бюстомъ губернатора.

Самаркандовъ, проигрышъ котораго долженъ былъ заплатить Константинъ, ставилъ все ремизы и «для счастья» рисовалъ на столѣ мѣломъ женскія голыя ноги въ разныхъ положеніяхъ. Докторъ и становой, бывшіе въ выигрышѣ, восхищались его талантомъ и «умирали со смѣху». Два учителя ютились по разнымъ угламъ, смущенные и роскошью обстановки, и количествомъ винъ. Вся слобода окружила домъ предводителя и прислушивалась къ долевающимъ до нея духовнымъ концертамъ. Одна дѣвочка хвасталась подругамъ, что ей удалось видѣть «царя», какъ она представляла себя губернатора.

Поручая гостей членамъ семьи, Марья Алексѣевна совершенно забыла про Думчина. Вспомнила она объ этомъ уже за завтракомъ, но положила на его жену. Притомъ же, у нея былъ планъ наказать его невниманіемъ, — «пусть-ка почувствуетъ хорошенько», — а потомъ, по отъѣздѣ губернатора, зазвать и вмѣстѣ съ Георгіемъ Николаевичемъ «намылить ему голову».

Сосѣди за обѣдомъ предлагали ему вина; онъ отказывался. Когда объявлялись тосты, онъ вставалъ вмѣстѣ со всѣми, но стола не обходилъ и ни съ кѣмъ не чокался. Его бокалъ оставался нетронутымъ. Съ женой онъ такъ и не перекинулся ни словомъ. Ея веселость возбуждала въ немъ ощущение, близкое къ гадливости. Онъ скоро понялъ, что она «спасала» его и имѣла успѣхъ. Въ Перервѣ губернаторъ дѣлалъ много замѣчаній, но всякое предположеніе объ отставкѣ было устранено одною его фразой:

— Я васъ убѣдительно прошу завести иной порядокъ и, по возможности, чаще увѣдомлять меня о ходѣ дѣлъ.

Думчинъ отлично замѣтилъ, что эта фраза крайне удивила и Вахрамова, и барона, и Авдѣева, очевидно, рѣшившихъ, что его превосходительство дѣлаетъ странную поблажку. Послѣ рѣзкостей, слышанныхъ въ Алексѣевскомъ, Думчинъ долго не понималъ пены тона его превосходительства съ нимъ, но когда онъ возгнѣлся въ Осташково и увидѣлъ довольную и цвѣтущую здѣсь жену, онъ понялъ все. Тутъ же припомнилъ и подозрительную бесѣду Осташковыхъ съ губернаторомъ послѣ завтрака. Она улыбалась ему, а у него было желаніе ударить ее.

ужь и жена! — думалъ онъ. — Святотатство называть насъ

этими именами. Она лѣзетъ впередъ, хочочетъ, не старается даже скрыть свою пошлую радость, а онъ гдѣ-то въ концѣ стола, всѣми брошенный и оскорбленный больше всѣхъ ею. Но она этого даже понять не можетъ! Она отдается радости, какъ волчица, утоляющая голодъ!

«Какъ я могъ жениться на ней? Какъ могъ не разглядѣть под видомъ милой дѣвушки, «степного цвѣтка», какъ называлъ ее тогда, вульгарную натуру деревенской бабы? Грубую ловлю жениха принялъ за то, что называется любовью?»

Онъ припомнилъ, что еще холостымъ замѣчалъ свою склонность къ апатии и въ женитьбѣ на дѣвушкѣ бодрой и веселой рассчитывалъ найти поддержку.

«Въ результатѣ вышло еще хуже. Она не сумѣла привязать меня къ себѣ, не сумѣла заставить полюбить жизнь.

«Въ ней нѣтъ даже проблеска той тонкой деликатности, которая лучше всего можетъ подсказать, что радуется человѣка, а что оскорбляетъ!»

Въ концѣ обѣда у Думчина созрѣло рѣшеніе, которое, какъ ему показалось, давно готовилось. Онъ разойдется съ женой. Себѣ возьметъ Витю, ей оставитъ кривлячку Лизу, пересѣдетъ на свой клочокъ земли, выстроитъ тамъ хуторъ и будетъ жить, какъ живутъ многіе омужничившіеся баре, а она можетъ жить съ Петрошъ Сысоевичемъ, можетъ выйти замужъ за кого ей угодно.

Послѣ обѣда жена повела его въ отведенную для нихъ комнату.

— Ну? Ты доволенъ? Мною доволенъ?—спросила она, плавно притворивъ дверь.—Я думаю, ты можешь поцѣловать меня?

Отъ нея пахло виномъ, а глаза сверкали «виноватымъ блескомъ», какъ онъ объяснилъ. Онъ хмуро смотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ?—какъ бы изумилась она.—Ну, брось глупости. Поцѣлуй меня. Мы съ тобой дня три не видѣлись.

Она хотѣла закинуть ему руки на плечи, но онъ оттолкнулъ ее.

— Вотъ что, — сказалъ онъ, — поди попроси губернатора, чтобъ онъ назначилъ тебя земскимъ начальникомъ, а меня оставьте въ покоѣ.

Онъ пошелъ къ двери.

— Пстой!

— Ну?

— Обо всемъ этомъ мы поговоримъ дома, а пока скажи, ты и сегодня не будешь ночевать здѣсь?

— Нѣтъ, не буду.

— Сережа, послушай!

Но Думчинъ ушелъ.

— Фу, какой дуракъ! — сказала она ему вслѣдъ и расхохоталась.

«Враги его облекостомъ стыдомъ», — пѣли двѣ дѣвочки высоко дискантомъ и Думчину казалось, что надъ нимъ въ облакахъ раздаются голоса крылатыхъ серафимовъ. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ въ липовой аллеѣ, совершенно одинъ, обхвативъ голову одною рукою, лежавшею на спинкѣ скамейки.

«Враги его облекостомъ стыдомъ», — подхватили альты, точно гдѣ-то уже ближе, надъ самою землей, словно принимая гласъ съ неба и стараясь передать его на землю.

Новые альты повторили его еще въ другомъ мѣстѣ и еще, и еще. Вмѣстѣ съ прежними они распространяли его повсюду, наполнили все пространство между небомъ и землей. А дисканты не прервались.

«Враги его облекостомъ стыдомъ», — пробудилось нѣсколько басовъ, словно это были первые, услышавшіе кличь на землѣ. Они передали его другимъ, третьимъ, а альты продолжали разносить его, а дисканты неумолчно повторяли. Общее движеніе голосовъ росло, усиливалось, ширилось и вдругъ «враги его облекостомъ стыдомъ» обратилось въ одинъ общій кличь, дружный, мощный, страшный, понесшійся, какъ вихрь, преслѣдуя враговъ небесной чистоты, подминая стыдъ изъ самыхъ скрытыхъ уголковъ души и бросающій его въ лицо, заставляющій сначала краснѣть, потомъ бѣжать, искать, гдѣ бы укрыться, и не слышать голоса совѣсти, не находить мѣста, бороться съ самимъ собой, рваться впередъ, изнемогать отъ угрызений стыда и падать обезсиленными съ мольбой о пощаду, обращенной къ небу.

Думчинъ поднялся съ мѣста и взволнованно прислушивался къ замирающимъ звукамъ концерта. Въ это же время Боря далъ свой сигналъ и всѣ изъ дома пошли черезъ садъ смотрѣть фейерверкъ.

Около часу ночи губернаторъ простился, стараясь не забыть позвать кому-нибудь руку. Остальные послѣшили дать отдыхъ хозяевамъ и также разошлись по своимъ угламъ.

Подожди меня, — шепнула Лидія Артемьевна мужу.

Она побѣжала въ свою комнату, чтобы взять кружевной платокъ на голову, но Думчинъ ушелъ, не дожидаясь.

Сергѣй Викторовичъ! — услыхалъ онъ за собой голосъ жены, уже былъ около церкви.

Васъ зовутъ, кажется, — сказалъ Самаркандовъ, почему-то не желая проводить его безъ фуражки.

— Это жена моя. До свиданія. Скажите, чтобъ она шла спать. Пора ужъ.

— Я васъ провожу еще.

— Да зачѣмъ, полноте. Развѣ я не знаю дорогу въ Алексѣевское? До свиданія!—старался отдѣлаться отъ него Думчинъ.

— Ну, идите. А я еще погуляю. Ночь хороша. Какая луна!

Думчинъ пошелъ въ Алексѣевское, а Самаркандовъ еще нѣко-торое время слѣдилъ за нимъ, дѣлая видъ, что любитъ луну.

XIV.

Отъѣздъ губернатора былъ назначенъ въ девять часовъ. Въ восьми всѣ власти должны были собраться въ домъ предводителя

Не было шести, когда писарь вошелъ въ комнату при волости гдѣ Думчинъ оставался. Сергѣй Викторовичъ задремалъ около трехъ часовъ, подъ утро, вздрагивая просыпался нѣсколько разъ и услышалъ шаги писаря, когда онъ еще былъ въ сѣняхъ.

— Можетъ быть, вамъ пора вставать?—сказалъ писарь, входя

— Вотъ странно! — проговорилъ Думчинъ, не отвѣчая на во-просъ.—Какъ усталъ вчера, думалъ отлично проспю, а спалъ отвратительно, да и спалъ ли?

— Душно очень. Вы напрасно не открыли окошка. И мухъ много,—прибавилъ писарь, взглянувъ на потолокъ, подъ которымъ жужжали большія мухи.

Открывъ окно, писарь подошелъ къ кровати,—простой желѣз-ной съ матрацемъ, положилъ руки на желѣзо и посмотрѣлъ на Думчина, голова котораго лежала на противоположной сторонѣ. Сергѣй Викторовичъ съ удивленіемъ взглянулъ на него. Въ эту минуту онъ испытывалъ непонятное для него ощущеніе: какъ буд-то онъ еще не просыпался, но уже и не спалъ, и какъ будто сто-явшій передъ нимъ писарь былъ совсѣмъ не писарь, а что-то дру-гое, знакомое лишь постольку, поскольку кажутся знакомыми со-вершенно незнакомыя лица, которыхъ видишь во снѣ.

— Такъ какъ же, Сергѣй Викторовичъ?—спросилъ писарь.

— Ты про что? — спросилъ Думчинъ, или ему показалось только, что онъ спросилъ.

— Значить, мнѣ выходить въ чистую отставку?

— Развѣ нужно?

— Ихъ превосходительство прямо велѣли вамъ прогнать меня. И безъ всякой церемоніи.

— Я что-то не помню этого.

Писарь махнулъ головой, какъ бы говоря: «Этимъ меня не утѣшите!»

— А отчего у тебя такое странное лицо?

Думчинъ вглядывался въ него, какъ это дѣлаютъ всѣ прохожіе въ частномъ домѣ, гдѣ лежитъ «найденный трупъ неизвѣстнаго человѣка», словно стараясь угадать личность покойника.

— Чего странное?—съ злобынымъ выраженіемъ на лицѣ спросилъ писарь.

— Да такъ. Очень странное.

«Блѣдное, судорожное, измученное, со стеклянными глазами,—подумалъ Сергій Викторовичъ,—а говорить—не похоже даже, что тотъ человѣкъ можетъ говорить».

— Жена меня измучила, Сергій Викторовичъ. Всю ночь рева и дѣтей будила, чтобъ и они, глядя на меня, ревели. Отецъ, говорить, васъ по міру хочетъ пустить.

— Да, жена! Вотъ жены, братъ, наша бѣда! Ничего не подѣлешь!

— Бабы не жена съ дѣтми, такъ чего-жь мнѣ? Легъ бы подъ заборомъ, да и ждалъ кончины. Не за горами.

— А плохо себя чувствуешь?

Писарь махнулъ рукой.

— Всю ночь кровью кашлялъ, Сергій Викторовичъ. То-то и глупость наша. По возможной разсудительности выходитъ совершенно одинаково. Ну, мѣсяць, два,—ну, полгода протяну. Все равно, никакихъ цѣлебныхъ лѣкарствъ для меня въ медицину не найдется. Такъ, вѣдь, капитала не приобрѣту, чтобы семью въ обезпеченіи оставить. Значить, не все ли равно? А она реветъ. Поберегла бы ужъ слезы. Все равно, на могилѣ будетъ реветъ.

Думчинъ сѣлъ на кровати.

— А ты ничего не скопилъ?

— Это откуда же, позвольте полюбопытствовать?

— Неужели не скопилъ? Ну, хоть сотни двѣ?

— Да откуда? Рублей десять есть.

— Такъ какъ же это ты такъ неосторожно?

— Странное у васъ предположеніе! Кабы указали какъ, я бы пользовался.

— Ну, мало ли! У тебя мѣсто доходное. Съ того двугривенны, съ того цѣлковый. Волость большая. Кто судится, кто ищетъ челъ. Ну, покривилъ бы душой иной разъ. Теперь легче умирать бы бы. И баба не ревла бы. Тотъ писарь дуракъ, который не мычется.

Писарь изподлобья посмотрѣлъ на Думчина и отвернулся къ окну.

— Ежели вы пытаете задумали со слѣдственными подходами, такъ ужь поздно. Все одно—выгонять. Такъ выходите по вашимъ мыслямъ.

— Дураки мы съ тобой не дураки, а, правду сказать, обоимъ насъ повѣсить на одной осинѣ.

— Не пойму-съ, въ какомъ смыслѣ.

— Нѣтъ, поймешь. Въ такомъ смыслѣ, что ты по болѣзни, а я ужь чортъ знаетъ почему, ни на кой лядъ не годны. Въ Спартѣ,—ты не знаешь, была такая страна, Спарта,—тамъ, брать, такихъ, какъ мы съ тобой, давно бы бросили со скалы въ пропасть. Не за что, молю, кормить васъ. Собаку, самую дрянную, есть за что кормить,—она домъ стережетъ. Хоть не кинется на лихого человѣка, да лаять начнетъ. А насъ за что? Мы ничего не умѣемъ дѣлать. А кормить надо. Кто насъ съ тобой кормить? Государство. А что мы ему за это даемъ? Ни шиша!

Думчинъ вдругъ испыталъ сильную потребность говорить, и говорить именно такимъ жаргономъ, грубымъ и рѣзкимъ, и именно такому, какъ писарь, который одинъ сумѣетъ понять. Онъ спустилъ ноги съ кровати, но еще не одѣвался.

Вошелъ сторожъ съ вычищенными сапогами Думчина, старый, весь какъ-то обросшій, съ болѣзненно воспаленными и гноившимися глазами, непригодный уже ни къ какой службѣ.

— Извините, ваше высокоблагородіе! — сказалъ онъ, поставивъ у кровати сапоги и вытянувшись по-солдатски въ дверяхъ. И голосъ у него былъ хриплый, но громкій, какъ у инвалида-солдата.

— За что тебя извинить? Что ты еще нагуралесилъ?

— За тулупъ, ваше высокоблагородіе.

— За какой тулупъ?

— Не доглядѣлъ, ваше высокоблагородіе. А нешто трудно было принять? Естественно, виноватъ, ваше высокоблагородіе. И вѣдь, поди-жь ты! — обратился онъ къ писарю. — Надо-жь было ихъ превосходительству! Орлиное око!

Писарь объяснилъ, что губернаторъ, уходя вчера изъ волости и проходи дворомъ, замѣтилъ на оградѣ тулупъ, раскинутый овчиной вверху для сушки. И хотя онъ ничего не сказалъ, но какъ только отошелъ, исправникъ далъ сторожу такого подзатыльника, что старикъ понятился на нѣсколько шаговъ.

— Лядно! Проваливай! — сказалъ Сергѣй Викторовичъ.

Онъ прослушалъ рассказъ, но не переставалъ думать о своемъ.

ему казалось, что чѣмъ больше онъ утолялъ потребность гово-
рить, тѣмъ яснѣе становилось у него въ головѣ.

— Да, такъ вотъ видишь, родной мой,— началъ онъ опять,
когда сторожъ вышелъ.— Спарта, братецъ, была страна высоко-
гражданская. И жили тамъ умно,—охъ, какъ умно! Сорную траву
съ поля, поганую овцу изъ стада вонь! Безъ всякихъ разсужденій!
Пить бы и насъ. Я тебѣ говорю, что собаку есть за что кормить, а
насъ не за что. Да самая-то погань наша еще въ томъ, что мы съ
тобой, болваны, норовимъ дѣтей наплодить. У тебя, вонь, кажется,
итеро, да у меня двое. Вотъ тебѣ. Было два тунеядца, а будетъ
еще цѣлыхъ семь. А кабы насъ въ положенное-то время бросили
со скалы, такъ мы бы не народили дѣтвора. Ты, вонь, больной че-
ловѣкъ, такъ, поди, всѣхъ ихъ наградишь зачатками своей болѣз-
ни. А я хоть и здоровый, да больнѣе тебя. Зачѣмъ же мы ихъ ро-
дили-то? Вѣдь, они будутъ такъ же страдать и мучиться, какъ и
мы съ тобой вотъ теперь страдаемъ и мучаемся. За что же? Ни лю-
ди, ни Богу они ничего худого не сдѣлали. Мы съ тобой тоже не
худые, можетъ, лучше многихъ, а какую подлость сдѣлали, наро-
дивши дѣтей! И они, можетъ быть, будутъ хорошіе люди, еще луч-
ше насъ, а страдать, все-таки, безвинно будутъ, потому что это
страданіе мы съ тобой вложили въ нихъ при самомъ ихъ рож-
деніи. Вотъ она, подлость наша, въ чемъ, а не въ бабѣ. Баба что!
Баба, коли она не совсѣмъ уродъ, скоро найдетъ себѣ кормильца,
не безпокойся. И еще первая же помянетъ насъ лихомъ. Дескать,
они мнѣ молодость загубили. Бабы не мужъ распостылый, я бы въ
велку да въ бархатѣ ходила...

Думчинъ привыкъ въ свои наѣзды въ волость къ суховатому ка-
плю писаря и не обращалъ на это вниманія, но сейчасъ, натягивая
поярой сапогъ, онъ съ испугомъ оглянулся, услыхавъ, что тотъ
кашлялъ какъ-то совсѣмъ особенно. И то, что онъ увидѣлъ, по-
казалось ему до того невѣроятнымъ, что онъ даже не сразу понялъ.
Писарь въ одно время и кашлялъ, и рыдалъ, обѣ руки сжалъ около
рта, стараясь этимъ унять приступъ кашля, и захлебывался слеза-
ми и кровью, сочившеюся между пальцами, ползшею по рукавѣ и
всичившею платью.

Викторовичъ подбѣжалъ и началъ утѣшать.

Что ты, что ты, родной? Будетъ, голубчикъ! Чего-жь ты
плачешь-то?

Писарь опустился на табуретку, заливаясь слезами, одну руку
притягивая къ губамъ, а другою стараясь достать платокъ изъ
кармана сюртука. Думчинъ сорвалъ съ постели простыню.

— Будеть тебѣ! Не бойся. Я тебя не оставлю. Вѣдь, я же и выхожу въ отставку. Могу держать тебя, пока захочу. Еще устроимся съ тобой.

Онъ обтиралъ ему усы и бороду и похлопывалъ по спинѣ, думая остановить этимъ кашель. Успокоившись, писарь покачал головой и проговорилъ:

— Я не про мѣсто. А неужто никто не пожалѣеть? Вѣдь, христіане же, а не поклоняющіеся язычники.

— Да, вотъ ты о чемъ плачешь! У насъ пожалѣють, это ты хорошо вспомнилъ. Спарта точно была страна языческая, а насъ, слава Богу, христіанская. Пожалѣють, голубчикъ, пожалѣють, не волнуйся. То-есть тебя. Меня нѣтъ. За что? Здоровъ не бѣднякъ,—чего-жь меня жалѣть? Я—Баиново отродье. Да, Баиново!

Сергѣй Викторовичъ остановился передъ окномъ и, глядя на листву деревьевъ, старался припомнить какіе-нибудь стихи изъ *Баина*.

«... Пророческая кара

На весь нашъ родъ въ грядущіе вѣка!—

проговорилъ онъ,—

И этотъ вотъ уснувшій здѣсь малюта...

Лучше бы онъ умеръ,—

запутался Сергѣй Викторовичъ,—

Чѣмъ жизнь давать такимъ страданьямъ,

Какія будетъ... какія онъ обязанъ здѣсь терпѣть...

И... отказывать въ наследство дѣтямъ...»

— Да, братъ, такъ-то! Нѣтъ, я еще хуже Баина. Тотъ работалъ... «Работалъ я,— говоритъ онъ,— на солнцѣ я потѣлъ!»... Да, личный трудъ для всѣхъ.

Сергѣй Викторовичъ замолчалъ и задумался.

— Экъ славно заливаются эти скворцы! Отчего они черные?— сказалъ онъ тихо.

— Они еще посѣрѣють,— отвѣтилъ писарь, втягивая носомъ послѣднія слезы.

— Неужели? Вотъ не зналъ!

Сергѣй Викторовичъ еще помолчалъ, потомъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Поскорѣ бы окачуриться, что ли!

Сторожъ пріотворилъ дверь.

— Прикажете подавать умываться? — спросилъ онъ.

— А? Умываться? Нѣтъ, я пойду выгушаюсь.

Писарь всталъ и, вытащивъ изъ кармана жилета серебряныя
жн, сказалъ:

— Вы поскорѣе. Семь часовъ.

— Старшина и старосты дожидаются, — доложилъ сторожъ.

— Чего имъ?

— Не могу знать.

— Пусть идутъ себѣ. Провожу губернатора, тогда прїѣду и
говорю съ ними.

Одѣвшись, Сергѣй Викторовичъ по привычкѣ взялъ со столика
пакетъ и портмоне съ деньгами. Тутъ же вспомнилъ, что въ порт-
моне у него болѣе ста рублей. Когда онъ уѣзжалъ изъ дому, Лидія
Игуменьевна уговорила взять съ собой денегъ побольше.

— Мало ли, на что могутъ понадобится, — сказала она тог-
да. — Съ знатными людьми всегда лучше имѣть съ собой деньги.

Сергѣй Викторовичъ досталъ сторублевку и протянулъ ее пи-
сарю.

— Вотъ, голубчикъ, возьми это отъ меня. Не побрезгуй.

Писарь замахалъ рукой.

— Что вы, какъ же я могу пользоваться такою суммой?

— Ну, бери, не разговаривай! Если бы мнѣ было трудно, я
бы, вѣдь, не далъ. Отдай своей женѣ. Умрешь, все-таки, у нея
что-нибудь да останется. Ты, вѣдь, скоро умрешь, а я все же
живее. Да, братецъ, я раньше тебя узнаю, —

«Къ чему-бъ меня знать жажда ни влекла

И что мой умъ узнать бы ни стремился», —

«... тамъ такое? Простая перемѣна туалета или что-нибудь по-
серьезнѣе? Или вовсе ничего? Вѣрнѣе, братецъ, послѣднее. Рѣши-
тельно ничего. Забвеніе, какъ говорятъ поэты.

— Вамъ Господь пошлетъ пожить за вашу доброту, — сказалъ
писарь съ искусственною трогательностью. Онъ бы и хотѣлъ по-
благодарить поискреннѣе, но его начиналъ смущать начальнигъ
своею непонятною болтливостью.

— Да, да, какъ же! Очень нужно Богу думать о такихъ про-
стакахъ, какъ я! Нѣтъ у него другого дѣла!

— Да что вы ужь очень взыскательны къ своей особѣ.

— Эхъ, голубчикъ! Ты думаешь, легко человѣку быть взыска-
тельнымъ съ своей особѣ? Только во мнѣ хорошаго и осталось. Ну,

еще:

— До свиданія-съ.

— Прощай, не тужи. Все равно, братецъ, забвеніе. Забвеніе для насъ и забвеніе про насъ. Не такіе мы съ тобой, чтобы остаться по себѣ память.

Сергѣй Викторовичъ свернулъ полотенце валикомъ и, сунувъ его подъ мышку, надѣлъ фуражку.

— Не опоздайте туда-то.

— Ахъ, да! Туда!

Онъ остановился и подумалъ: «Не написать ли губернатору, что я нездоровъ и не могу явиться?»

— Ладно! Не опоздаю!— сказалъ онъ и вышелъ въ комнату правленія.— А ты не женатъ, старый сычъ?— остановился онъ передъ сторожемъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, женатъ.

— Гдѣ же твоя жена?

— Съ полюбовникомъ живетъ, ваше высокоблагородіе.

— О! Какъ же ты это допустилъ?

— А что-жь? Шутъ съ ней, ваше высокоблагородіе. Пускай живетъ. И ей лучше, и мнѣ вольготнѣе.

— Молодчина, братецъ. Правильно разсуждаешь.

XV.

«Откуда во мнѣ такая душевная легкость?—задалъ себѣ въпросъ Думчинъ, бодро шагая по деревнѣ и не замѣчая поклономъ мужиковъ.— Отъ какого такого рѣшенія? Разойтись съ женой? Это тоже, милый мой другъ, Сергѣй Викторовичъ, не легкій трудъ. Врядъ ли ты на него способенъ. Поди-ка разойдись съ бабой, когда она этого не пожелаетъ. Съ моей - то Лидіей Артемьевной! Ври что хочешь на себя—не повѣритъ, скажи, что разлюбилъ, отвѣтитъ: мало ли что разлюбилъ, не смѣешь разлюбить, люби, такою твоя обязанность любить меня и въ этой обязанности ты мнѣ и церкви клялся передъ людьми и батюшкой. Я, скажетъ, всѣ твои литературныя идеи въ грошъ не ставлю. Когда думалъ жениться—значить любилъ, а когда женился—долженъ любить. Долгъ прежде всего».

Онъ въ каррикатурномъ видѣ представлялъ себѣ объясненія жены и это его забавляло.

«Какъ же бы это сдѣлать, чтобы разойтись съ женой?—думалъ онъ, проходя переулкомъ, откуда влѣво былъ кособоръ къ рѣчкѣ а направо въ гору—кладбище.— Уѣхать куда-нибудь? Исчезнутъ

Пусть идет да поджидаетъ. Пропалъ безъ вѣсти. Черезъ пять лѣтъ можетъ замужъ выйти. И какъ это можно было бы отлично устроитъ! Купить у мужика платье и обувь, переодѣться и пойти пѣшкомъ за тысячу верстъ. Рублей 10—12 еще остается. Буду кормиться хлѣбомъ да водой, потомъ подавнѣемъ, пока не найду работу. Кдѣ-нибудь потребуютъ паспорта, сведутъ къ становому, арестуютъ, какъ бродягу. Назовусь Сергѣемъ, не помнящимъ родства. Кто меня знаетъ? Никто. Можетъ быть, сошлютъ, какъ бродягу, въ Сибирь. Что-жь, и чудесно! А тамъ тяжелый трудъ, холодъ, болѣзнь, цынга, — почему-то вспомнилъ онъ одну только болѣзнь, — «же скверно!»

Онъ совершенно искренно отдался мечтамъ о томъ, какъ хорошо было бы исчезнуть, и, вдругъ остановившись, съ изумленіемъ увидѣлъ, что онъ пришелъ на владбище.

«Какъ это я сюда попалъ?» — подумалъ онъ.

Собиралась гроза. Все небо было обложено, а съ юго-запада начинались и двигались впередъ, точно наступая побѣднымъ маршемъ на Алексѣевское и Осташково, высокія горы бѣлыхъ тучъ, напоминавшихъ громадные снѣжные валы. Оттуда изрѣдка доносились уже раскаты грома, какъ будто гдѣ-то далеко играли въ бубны.

Владбище, огороженное рвомъ, до того заросло высокою и густою сорною травой, безцвѣтною и запыленною, что за нею почти нигдѣ не было видно крестовъ. Только здѣсь, у самаго входа, гдѣ стоялъ Думчинъ, была расчищена небольшая площадка и на ней находилось три еще свѣжихъ могилы. Одна изъ нихъ показалась Думчину колоссальныхъ размѣровъ, точно братская, подъ которой скрыта гряда труповъ. Надъ изголовьями стояли простые, едва замеченные изъ дручьевъ кресты.

Испытывая тоскливое предчувствіе, Думчинъ оглядѣлся. Бурьянъ тихо, бурьянъ не шелохнется, ни звука ни на владбищѣ, ни въ слободѣ. Точно въ ожиданіи грозы попрятались не только люди, но и стрекочущіе кузнечики. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и увидѣлъ спутанную лошадь, стоявшую посреди владбища. Она искоса смотрѣла на него, какъ будто дожидаясь приближенія, и медленно махала хвостомъ. Сильно парило.

«Нѣтъ, зачѣмъ я сюда зашелъ?» — подумалъ Думчинъ.

У него было непріятно.

«Что, если я схожу съ ума? Вотъ было бы недурно! Нѣтъ, лучше...»

«Онъ побоялся договорить про себя мысль, которая уже со вче-

рашняго вечера нѣтъ-нѣтъ, да словно и блеснетъ однимъ уголкомъ. А противное ощущеніе предчувствія все сильнѣе охватывало его: дрожью пробѣгало по спинѣ, забиралось подъ кожу на черепѣ и точно разсыпалось тамъ въ мельчайшихъ иголкахъ. Въ то же время въ груди какіе-то толчки гнали его отсюда, а ноги отказывались повиноваться.

На лбу у Сергѣя Викторовича выступилъ потъ.

«Нѣтъ, выкупаться, освѣжиться — и вся эта дрянь слетитъ», — рѣшилъ онъ и вернулся назадъ, къ тому мѣсту, откуда былъ спущенъ къ рѣчкѣ. — А почему же я называю это дрянью? — тотчасъ же задалъ онъ вопросъ, — чѣмъ же это дурно? Не лучше ли всего, что я могу придумать для себя?»

Сергѣй Викторовичъ не умѣлъ плавать и потому, какъ всегда, осторожно держался около берега, медленно переступая по мягкому илистому дну. Небольшая рѣчка дѣлала въ этомъ мѣстѣ широкій и глубокій плесъ. Благодаря тому, что ниже, за Алексѣевскимъ, была мельница, вода оставалась почти безъ движенія. Она была мутная, такъ какъ крестьяне, жившіе въ ближайшей части села, купали здѣсь лошадей и рано утромъ, и при закатѣ солнца.

Холодъ пронизалъ Сергѣя Викторовича, когда онъ вступилъ въ воду, и онъ поспѣшилъ окунуться съ головой, для чего ему пришлось присѣсть. Поднявшись снова, онъ передохнулъ. Борода его стала еще больше клиномъ, волосы же на головѣ были короткіе и не свѣшивались на лицо. Онъ постоялъ и прислушался къ стуку, долетавшему изъ кузницы. Сверху кто-то кого-то позвалъ. «Иду!» — откликнулся женскій голосъ не далеко отъ Думчина. Онъ посмотрѣлъ въ ту сторону и увидалъ бабу, кончавшую бить холсты. Онъ прослѣдилъ, какъ она собрала ихъ, взвалила на плечи и медленно, не обращая на него никакого вниманія, поплелась по косоугору наверхъ.

Опять Думчинъ одинъ. Его забираетъ пріятное чувство при мысли, что никому до него нѣтъ дѣла, и кажется, что теперь всегда такъ будетъ. Воображеніе чуть нѣжится мечтой о полнѣйшей, абсолютной свободѣ и независимости, чтобы никогда не отягощали душу требованія и условія, созданныя общежитіемъ людей. Трудъ, долгъ, обязанности, честь, правила порядочности и приличій, — все это есть только у людей и нѣтъ больше нигдѣ во всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ. Или это вздоръ? Или и тамъ, гдѣ-то, въ болѣе совершенныхъ превращеніяхъ, тоже имѣются свои кандалы?

«Славная философія для земскаго начальника въ костюмѣ Адама и по плечи въ водѣ! — посмѣялся онъ надъ собой. — Если бы ка

«...нибудь Вахрамовъ узналъ объ этомъ, онъ прямо сказалъ бы то превосходительству: да отправьте его въ домъ умалишенных!»

Пока Сергѣй Викторовичъ еще сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, въ то воображеніи мелькнула вся обстановка оставшковаго дома. Чай и кофе. Говорятъ о томъ, что можетъ быть дождь и надо ѣхать въ каретахъ. Марья Алексѣевна, Георгій Николаевичъ, его превосходительство, жена, Вурятовъ... Все это въ почтительныхъ и выхоженно-приличныхъ позахъ съ сознаниемъ достоинства на лицахъ. И тотъ юноша съ задумчивымъ взглядомъ. Какъ его фамилія? Ихъ еще не представили другъ другу. Не тотъ болванъ, навязавшійся вчера провожать, а другой, прекрасно сыгравшій вальсъ Шопена (пелодія этого вальса сейчасъ же вспомнилась). А этотъ художникъ точно выслѣживалъ вчера. Что ему нужно было?

Мысли Сергѣя Викторовича быстро сбивались одна на другую. Вода была ему по шею.

«Здѣсь, кажется, сразу обрывъ», — вспомнилъ онъ; ему говорилъ объ этомъ и писарь, купавшійся съ нимъ два года назадъ, и какой-то гость станового, къ которому Думчинъ годъ назадъ попалъ нечаянно на именины. Гость станового съ слипшимися рыжими волосами на лбу говорилъ Думчину: «Здѣчь круча, будьте осторожны». Потомъ они пили у станового много водки и краснаго вина и говорили много грубостей и глупостей.

«А ну, пойти дальше?»

Точно Сергѣя Викторовича кто-то легко подталкивалъ сзади. Не было идти впередъ, чѣмъ остановиться. Осторожно нащупывая слой земли, онъ еще переступилъ. Голову пришлось вытянуть. Но начало закачивать. Онъ испугался и отступилъ на шагъ.

«А вдругъ тутъ подо мной сползетъ земля? Если я надъ обрывомъ, то это возможно».

Онъ чуть нажалъ землю и опять погрузился выше шеи.

«Или броситься туда, впередъ? Говорятъ, такъ учатъ плавать. Прыгать въ воду и скажутъ: ну, спасайся! Можетъ быть, и я петь опасностью сразу поплыву. Коли не судьба умирать, такъ рано поплыву».

«Одно только движеніе и все кончено. Одно маленькое движеніе, чего жалѣть? Съ чѣмъ жалко разставаться? Ну, укажите мнѣ что-нибудь? — обращался онъ мысленно къ кому-то, кто былъ съ нимъ. Онъ чувствовалъ, что вдругъ начинается горячая и что не удержитъ волненія крови. — Ну, укажите! Ну, петьте все! Жена, что ли? Дѣти? Вкусный борщъ? Любовь? Надежда, самое существованіе? Да Богъ съ нимъ совсѣмъ! Что въ»

неть? Оно не очень тяжко? Правда. Ничего нѣтъ въ немъ ни трагическаго, ни просто драматическаго. Да, вѣдь, за то же нѣтъ въ немъ и ничего заманчиваго. Разочарованности нѣтъ, потому что никогда и ничѣмъ не былъ очарованъ, но, вѣдь, нѣтъ и радостныхъ иллюзій, надежды — «посланныцы небесъ». Такъ не все ли равно? Ну, смѣлѣе же!»

Въ то время, какъ всѣ эти мысли съ страшною быстротою перебѣгали въ его головѣ, была еще одна, которую онъ какъ бы не допускалъ до себя и которая точно все сильнѣе и сильнѣе стучалась къ нему. И какъ будто она одна отдѣльно отъ всѣхъ помѣщалась въ самомъ сердцѣ, отчего и самое сердце все сильнѣе расширялось и колотилось. Это было чувство страха, оно старалось завладѣть всѣмъ его существомъ, а онъ точно боролся съ нимъ и призывалъ на помощь все болѣе и болѣе союзниковъ для борьбы.

«Самоубійство глупо. Не знаю, почему глупо, но ужь такъ принято считать его глупымъ. Любить даже говорить, что оно подло. Да, вѣдь, жизнь - то, какъ она у меня сложилась, развѣ не глупа? И опять же подла. Вѣдь, даже съ женой не разойдусь, даже на такое вздорное дѣло у меня не хватитъ энергій. Что же останется? Тянуть канитель? Такъ не лучше ли разомъ? Ну! Надо же когда-нибудь хоть на одинъ моментъ проявить рѣшимость! Ну-ка, въ какой путь!»

Нѣсколько секундъ онъ оставался еще на мѣстѣ съ широко-раскрытыми глазами, точно внезапно всѣ мысли разбѣжались, пересталъ соображать и прислушивался къ страху, который вотъ вотъ сейчасъ овладѣетъ имъ вполне. Потомъ изъ послѣднихъ усилий рванулся впередъ и забарахтался.

Въ первый мигъ ему казалось, что онъ умѣетъ плавать, такъ какъ нѣсколько секундъ продержался на поверхности воды. Но вдругъ ощутилъ страшное, неудержимое желаніе опереться ногами о землю и самъ дернулъ ихъ книзу. Когда же погрузился въ воду съ головой, то еще больше испугался, захотѣлъ вынырнуть и, какъ ему показалось, сдѣлалъ удачное движеніе вверхъ. Но послушались только ноги, голову же потянуло книзу. Вода заливалась въ носъ въ ротъ, въ уши. Онъ ощутилъ ея соленый, противный вкусъ, хотѣлъ выплюнуть, но она вбиралась еще стремительнѣе, такъ что онъ не успѣвалъ и проглатывать ее. Ему представилось, что онъ перевернулся, что ноги его описали кругъ надъ водой, а теперь сіи секунду ступятъ на то мѣсто земли, откуда онъ бросился. И опять мелькнула надежда, что стоить ему коснуться земли, какъ онъ будетъ спасенъ. Произошелъ еще какой-то толчекъ изнутри и голов

плыла надъ поверхностью воды. Но берегъ былъ необычайно
высоко. Надъ тучей такихъ громадныхъ рази́ровъ, какой онъ ни-
когда въ жизни не видалъ, по всему изгибу верхушки зигзагой про-
летѣла молнія. Онъ крикнулъ и, какъ ему казалось, такъ гром-
ко, что вся деревня должна услышать его. Но тутъ же кто-то, рѣ-
шительно кто-то, а не что-то, потащилъ его за обѣ ноги внизъ.
Онъ терялъ сознание, но чувствовалъ, что стонеть, и слышалъ,
какъ его стоны гулко отзывались въ водѣ.

Черезъ минуту на поверхности, гдѣ онъ утонулъ, пошли быст-
ро concentрическіе круги, а въ центрѣ ихъ пузыри,—какіе бы-
ваютъ, когда кипитъ вода...

Вл. Немировичъ-Данченко.

МАРЧЕЛЛА).

Романъ мистрисъ Уордъ.

IV.

Марчелла шла по направленію къ дому, когда услышала поза себя шаги; оглянувшись, она увидала Эдуарда Голлена.

— Миссъ Бойсъ, меня прислалъ къ вамъ Альдъ сказать, ч онъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть у васъ теперь, а придетъ позднѣе. Онъ отправился на станцію получить какой-то ящикъ но ящикъ еще не пришелъ, онъ дождется его и привезетъ вамъ.

Марчелла сконфузилась и, улыбаясь, сказала, что она знаетъ о какомъ ящикѣ идетъ дѣло. Голленъ пошелъ рядомъ, радуясь случаю поговорить съ ней наединѣ.

— Мы всё вмѣстѣ отправляемся на будущей недѣлѣ на м тингъ къ Альду, не правда ли? Я очень радъ, что вы будете.

Въ его обращеніи къ ней было что-то подкупающее. Очевидно имя старой дружбы къ Альду, онъ хотѣлъ сойтись и съ Марчеллой, принять ее въ ихъ товарищескій союзъ. Онъ невольно подпалъ и всюю своею личностью—болѣзненною, нервною фигуру неправильными, но привлекательными чертами и необыкновенно кроткими глазами. Онъ производилъ на нее такое впечатлѣніе, ч ей и въ голову не приходило обычное стремленіе—побѣдить: только хотѣлось ему понравиться.

— Вы, кажется, возвращаетесь изъ деревни?—сказалъ Голленъ.—Альдъ говорилъ мнѣ, что вы очень заботитесь о здѣшнихъ крестьянахъ.

Онъ смотрѣлъ на нее ласково, какъ человѣкъ, который расположенъ во всѣхъ поступкахъ другого видѣть все хорошее и благородное.

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

— Что толку въ этомъ, — сказала она уныло, — когда такъ мало можно сдѣлать... Да потому для меня все не ясно; мнѣ даже не ясно, къ чему я стремлюсь.

— Да, вообще, трудно что-нибудь сдѣлать. А теоріи и системы ничего не помогаютъ или очень мало. Вотъ, когда вы будете въ обществѣ съ Альдомъ, у васъ будетъ больше возможности что-нибудь сдѣлать, — гораздо больше, чѣмъ у многихъ другихъ. Вы будете счастливы и вліятельны. Что касается Альда, счастье удвоитъ его силы: мнѣ всегда такъ казалось.

Марчелла смутилась, смотрѣла въ сторону и не знала, что отвѣтить. Наконецъ, она быстро проговорила, все еще не смотря на него:

— А вы увѣрены, что онъ будетъ счастливъ?

— Хотите, я вамъ покажу его письма ко мнѣ? Впрочемъ, нѣтъ: эти письма послѣдній остатокъ нашей старой дружбы. Но новая дружба начнется теперь, — прибавилъ онъ, улыбаясь. — Можетъ быть, она будетъ богаче и содержательнѣе прежней, я не знаю, — но будетъ зависѣть отъ васъ.

— Я не думаю, чтобы моя дружба могла удовлетворить васъ, — сказала Марчелла все еще въ замѣшательствѣ.

— Позвольте мнѣ судить объ этомъ самому. Я увѣренъ, что жена Альда не аттестуетъ вамъ съ дурной стороны, хотя я порядочно помучилъ его. Мнѣ хотѣлось бы вамъ при случаѣ рассказать, какъ Альдъ сдѣлалъ для меня, чѣмъ вообще для меня былъ, когда мы были въ университетѣ. Мнѣ очень жаль, что жена Альда не можетъ знать его съ университетской скамьи.

Марчелла вздрогнула: жена — какое страшное слово! Сколько ответственности оно налагаетъ!

— Я очень буду рада, если вы мнѣ расскажете, — сказала она тихо. Но тотчасъ же заговорила живѣе, ласковымъ тономъ: — Но, право, вамъ пора отдохнуть. Альдъ говорилъ мнѣ, что вы не можете много ходить. Мы пройдемъ болѣе короткою дорогою.

Марчелла отворила калитку и вошла въ часть парка, засаженную кедровыми деревьями. По узенькой тропинкѣ нельзя было идти рядомъ, и Голленъ любовался тонкою и гибкою фигурой Марчеллы, шедшей впереди его; онъ хорошо понималъ, чѣмъ увлекся и Альдъ, но, въ то же время, она совершенно не соответствовала тому идеальному образу, который онъ создалъ для жены Альда.

Когда они вошли въ гостиную, Голленъ вынулъ изъ кармана какой-то листъ бумаги.

Я взялъ у Альда его рѣчь, чтобы показать вамъ, — сказалъ

онъ. — Онъ долго не соглашался, отговаривался тѣмъ, что она плохъ составлена, что вамъ не понравится. Но мнѣ хотѣлось показать вамъ какъ онъ работаетъ. Это время онъ говоритъ въ общемъ по двѣ или по три рѣчи въ недѣлю. Всякій разъ, даже когда онъ говоритъ передъ небольшою горстью крестьянъ, онъ предварительно записываетъ всю рѣчь цѣликомъ. Затѣмъ онъ говоритъ свободно, безъ тетради. Такимъ путемъ, даже не имѣя особыхъ талантовъ, онъ малъ по-малу выработаетъ изъ себя настоящаго искуснаго оратора. Одно только портитъ ему, что онъ черезъ-чуръ тонко и хитро выражаетъ ся, не достаточно просто и понятно для народа.

Марчелла довольно неохотно взяла бумагу и стала читать е про себя.

— Вамъ неприятно, что онъ тори, да? — спросилъ онъ ее тихе садясь рядомъ.

Мистрисъ Бойсъ, услышавши эти слова изъ дальняго угла комнаты, гдѣ она сидѣла съ работой, удивлялась и сумасбродству Марчеллы, и тому, какъ могутъ такіе люди, какъ Реборнъ и Голленъ относиться къ ней съ такимъ уваженіемъ. Несомнѣнно молодость и красота владѣютъ міромъ. Но мистрисъ Бойсъ своимъ трезвымъ яснымъ умомъ не могла понять, какое умственное смятеніе производятъ въ людяхъ эти молодость и красота, какъ онѣ доводятъ даже до измѣны убѣжденій.

— Да, пожалуй, — отвѣтила Марчелла. — Особенно мнѣ досадно, что онъ не умѣетъ заглядывать впередъ въ будущее, не предвидитъ крупныхъ перемѣнъ. Все, что онъ дѣлаетъ, — мелочи, паліативы. Мнѣ хотѣлось бы видѣть въ немъ поменьше терпѣнія.

— А вы ожидаете большихъ политическихъ перемѣнъ?

— Да, — за которыми, разумѣется, должны послѣдовать и социальныя.

— Это правда, что Альдъ никогда не вѣрилъ во внезапное наступленіе великихъ перемѣнъ. Онъ всегда находилъ, что я черезъ чуръ легковѣренъ и фантазеръ. Что же касается того постоянства и добросовѣстности, съ которыми онъ исполняетъ свою ежедневную работу въ небольшомъ уголкѣ общественной машины я никогда не видалъ ему подобнаго.

— Несомнѣнно, я еще не знаю его съ этой стороны, — сказалъ Марчелла.

— Но вы узнаете, непременно узнаете! Я часто теперь радуюсь, что кто-нибудь, кромѣ его дѣда и меня, узнаетъ, что тако Альдъ. Народъ хорошо его знаетъ, сосѣди тоже начинаютъ понимать, а скоро, когда онъ вступитъ въ парламентъ, и вся страна

знаетъ его, если только высокія умственныя дарованія въ соединеніи съ трудолюбіемъ значать что-нибудь. Но съ нѣкоторыми вещами я не могу примириться. Вамъ я могу сказать это, миссъ Бойсъ. Прежде всего, необходимо, чтобы Альдъ отвыкъ отъ своей манеры холодно и свысока обращаться съ чужими, — это единственный остатокъ торійскихъ традицій въ немъ; никто, кромѣ васъ, не можетъ отучить его отъ этого. Затѣмъ, мнѣ очень досадно, что общество интересуется нѣкоторыми недостойными субъектами, въ ущербъ Альду.

«Неужели онъ разумѣетъ Уартона?» — быстро пронеслось въ головѣ Марчеллы.

Но она не успѣла отвѣтить, какъ дверь отворилась и вошелъ Альдъ, раскраснѣвшійся и оживленный, съ маленькимъ ящичкомъ въ рукѣ.

«Дѣйствительно ли она любитъ его? — думалъ Голленъ, направляясь къ мистрисъ Бойсъ, — или, вопреки возвышеннымъ фразамъ, она выходитъ за него ради денегъ и положенія?»

Тѣмъ временемъ Альдъ повелъ Марчеллу въ сосѣднюю комнату и, обнявши ее, сталъ съ ней у камина.

— Я потерялъ два часа, вмѣсто того, чтобы провести ихъ съ тобой, потому что одинъ несносный человѣкъ задержалъ поѣздъ. Ты можешь вознаградить меня за это, если хоть немножко порадуешься этимъ вещицамъ, — это тебѣ на память обо мнѣ и моей матери.

И онъ открылъ ящикъ, вынулъ оттуда чудный старинный жемчугъ — ожерелье и браслеты — и отдалъ ей.

Сначала она покраснѣла отъ удовольствія, потомъ дала себя поцѣловать, и все время, любуясь, вертѣла въ рукахъ подарки; Альдъ, въ концѣ-концовъ, началъ чувствовать себя неловко.

— Это слишкомъ хорошо для меня. Ты не долженъ мнѣ дарить такихъ роскошныхъ вещей. Я черезъ-чуръ беспечна и забывчива.

— Я хочу, чтобы ты надѣвала ихъ такъ часто, чтобы нельзя было позабыть, — сказалъ онъ весело.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты хочешь, чтобы я ихъ часто надѣвала? — сказала она какимъ-то страннымъ голосомъ. — Во всякомъ случаѣ, пусть у меня будутъ однѣ эти вещи, больше никакихъ. Я очень рада, что у насъ мало знакомыхъ и друзей, и, значить, я не получаю много подарковъ. Вѣдь, ты мнѣ не будешь больше дарить драгоценностей? — сказала она вдругъ, повернувшись къ нему. — Я не буду знать, что съ ними дѣлать. Прежде у меня было суетное же-

ланіе имѣть ихъ; но теперь,—я не знаю почему,—онѣ не доставляютъ мнѣ радости. Только не эти, конечно, не эти!—прибавила она быстро и надѣла браслеты на руки.

Альдъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Милая моя!—сказалъ онъ, слегка улыбаясь и стараясь выпутать ее,—у насъ, вѣдь, очень много подобныхъ вещей, и я боюсь, что дѣдъ захочетъ подарить ихъ всѣ тебѣ. Стоитъ ли объ этомъ думать? Вѣдь, ихъ не приходится покупать. Ты будешь ихъ надѣвать съ хорошими платьями, а это обыкновенно всѣ находятъ красивымъ.

— Нѣтъ, вѣдь, это означаетъ богатство, большое состояніе, въ то время какъ у другихъ нѣтъ необходимаго. Это меня чрезвычайно удручаетъ. Я такъ безумно люблю роскошь, что когда мнѣ попадаетъ въ руки какая-нибудь драгоценная вещь, я начинаю презирать себя, какъ самую заурядную пустую дѣвушку, не имѣющую права высказывать свои мнѣнія и воодушевляться какими-нибудь идеями. Ты не долженъ поощрять во мнѣ эти вкусы, ты долженъ помочь мнѣ отдѣлаться отъ нихъ!

Рѣборнъ нѣжно посмотрѣлъ на нее. Онъ не могъ ни молчаніемъ, ни смѣхомъ отвѣчать на эти слова. Для него самого эти вопросы имѣли серьезное, животрепещущее значеніе и въ его короткомъ отвѣтѣ ей всякій болѣе опытный человѣкъ прочиталъ бы тяжелую внутреннюю борьбу.

Но Марчелль отвѣтъ его показался безцвѣтнымъ; въ ея ушахъ стояли другіе звуки, и осторожный минорный тонъ Альда выводилъ ее изъ терпѣнія.

Онъ сталъ ее спрашивать, что она дѣлала утромъ, и внимательно смотрѣлъ на нее. Она рассказала, что показывала Уартону домъ, потомъ ходила съ нимъ по деревнѣ, откуда онъ отправился на поѣздъ. Она прибавила, что онъ очень интересный собесѣдникъ, чрезвычайно умный человѣкъ, но ужасно высоко ставитъ свои мнѣнія. Подъ конецъ она засмѣялась.

— Но все-жъ таки къ нему надо относиться съ уваженіемъ: я никому не рассказывала, но онъ мнѣ спасъ жизнь сегодня утромъ.

Альдъ схватилъ ее за руки.

— Что ты говоришь, милая? Спасъ тебѣ жизнь?

Она рассказала ему эпизодъ въ драматическихъ чертахъ. Онъ слушалъ съ видимымъ неудовольствіемъ и, когда она кончила, сидѣлъ молча.

— Значитъ, по-твоему, я долженъ теперь смотрѣть на него другими глазами?—спросилъ онъ, наконецъ, съ натянутою улыбкой.

— Я увѣрена, что ему никакого нѣтъ дѣла до того, какъ кто ему относится, — сказала она покраснѣвши. — Онъ самъ совершенно искренно относится къ другимъ и не скрываетъ своихъ мнѣнй.

И, играя жемчугомъ, она передала ему свой разговоръ съ Уартономъ. Съ особеннымъ наслажденiемъ она описала ему тотъ напѣшливый тонъ, съ которымъ Уартонъ говорилъ объ ея дѣятельности и идеалахъ, и съ женскимъ любопытствомъ слѣдила за тѣмъ, какое впечатлѣнiе это производитъ на Альда.

— Я не понимаю, съ какой стати онъ такъ откровенно высказывается, — сказалъ Альдъ, повернувшись къ камину и старательно мѣшая въ немъ. — Онъ едва знакомъ съ тобой, — я нахожу, что это дерзость.

— Нѣтъ, это совершенно естественно, — быстро и задорно возразила Марчелла. — Когда человекъ серьезно о чемъ-нибудь говоритъ, онъ не думаетъ, что это можетъ быть дерзко. Я никогда не встрѣчала никого, кто бы такъ глубоко и основательно разбиралъ дукiя мнѣнiя.

Альда поразила ея горячность и протестующий тонъ. У него не было охоты продолжать разговоръ, и наступило тягостное молчанiе. Затѣмъ онъ сдѣлалъ надъ собой усилiе и сталъ говорить о возможномъ плетенiи, о будущемъ митингѣ, но она вдругъ прервала его:

— Мнѣ хотѣлось бы знать, почему ты не любишь Уартона?... Я думаю, не изъ-за политическихъ причинъ.

И ея черные глаза смѣло и пристально смотрѣли на него.

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ:

— Мнѣ не хотѣлось бы поднимать старыя исторiи.

Она пожала плечами, а когда онъ подошелъ и хотѣлъ ее обнять, она отступила и отвернула отъ него свое покраснѣвшее лицо.

— Дорогая! — сказалъ онъ. — Ты меня заставишь полюбить весь мiръ. Но хуже всего то, — сказалъ онъ, улыбаясь, — что теперь я буду вдвое больше ненавидѣть его, такъ какъ вмѣсто меня онъ живъ твою жизнь!

У.

Прошло нѣсколько недѣль. Во второй половинѣ января собрался парламентъ. Какъ и слѣдовало ожидать, поправка къ адресу, направленная противъ министерства, была принята. Слѣдствiемъ этого было распущенiе парламента и новые выборы: митинги и рѣчи

всюду продолжались съ удвоенною энергіей. Въ округѣ Tudley End въ которомъ Альдъ выступилъ кандидатомъ, онъ долженъ былъ кон куррировать съ однимъ молодымъ человѣкомъ, тоже мѣстнымъ по мѣщикомъ. Въ обычное время Альдъ отдался бы со всѣмъ напряженіемъ силъ этой борьбѣ, успѣхъ которой открывалъ передъ нимъ политическую карьеру. Но теперь онъ не чувствовалъ интереса къ состязанію, и рвеніе соперника не подстрекало, а только утомляло его. Настоящею причиною этого было то, что дѣятельность эта мѣшала ему часто видѣться съ Марчеллой.

Въ послѣднее время онъ сталъ замѣчать, что въ его отношеніи съ Марчеллой вкралась нѣкоторая шероховатость, и его мучила и раздражала мысль, что Уартонъ теперь тамъ, около нея, проводитъ всѣ свободныя минуты въ ея обществѣ, и, дѣйствительно, вліяніе которое Уартонъ все болѣе пріобрѣталъ надъ Марчеллой, становилось теперь замѣтнымъ не одному Рэборну, но и постороннимъ.

Напрасно Альдъ старался урывать время для поѣздокъ въ Меллоръ, напрасно пытался онъ задобрить и расположить въ свою пользу мистера Бойса и шелъ ради этого на мелкія униженія, совершенно несвойственныя его гордой и властной натурѣ. Мистеръ Бойсъ, попрежнему, оказывалъ Уартону особенное вниманіе, два раза въ присутствіи Рэборна предлагалъ ему считать Меллоръ своею главною квартирою, на какое угодно время, и говорилъ пренебрежительнымъ тономъ о предстоящей свадьбѣ, не стѣсняясь ни годованіемъ мистрисъ Бойсъ и огорченіемъ Марчеллы. Очевидно этимъ пренебреженіемъ къ Рэборнамъ мистеръ Бойсъ хотѣлъ заявить свою независимость. А Уартонъ въ свободные промежутки готовъ былъ и гулять, и болтать, и играть на билліардѣ съ мистромъ Бойсъ, и общество Уартона было однимъ изъ немногихъ удовольствій больного и озлобленнаго старика. Мистрисъ Бойсъ не любила своего гостя и не старалась скрывать этого менѣе всего отъ самого Уартона.

Миссъ Рэборнъ, раньше другихъ уяснившая себѣ положеніе, сожалѣла «бѣднаго, обманутаго» Альда и старалась доставить ему случай почаще видѣться съ Марчеллой. Между миссъ Рэборнъ и мистрисъ Бойсъ установилось особаго рода взаимное пониманіе. Онѣ не были близки и совсѣмъ не были откровенны, но миссъ Рэборнъ почерпала нѣкоторое, хотя и грустное, утѣшеніе въ увѣренности, что и мистрисъ Бойсъ также считаетъ Марчеллу недостойною Альда.

Несмотря на всѣ ухищренія миссъ Рэборнъ, Марчеллу не такъ то легко было залучить въ замокъ. Прежде всего, у нея было мно-

мнѣній и всякаго рода хлопотъ. Устройство мастерскихъ поглощало массу времени: приходилось писать письма, отыскивать мастеровъ, вводить обстановку, собирать и сортировать работницъ и т. п. Въ новой дѣятельности выступали новыя черты характера, открывались новыя способности; вліяніе ея на деревенское населеніе становилось все шире и прочиѣ; кромѣ того, подъ вліяніемъ чтенія и разговоровъ съ Уартономъ, она все глубже входила въ область экономическихъ и общественныхъ вопросовъ и въ этихъ серьезныхъ и систематическихъ занятіяхъ находила громадное умственное наслажденіе. Такъ, чѣмъ больше предавалась она этого рода дѣятельности, тѣмъ меньше времени и вниманія удѣляла она приготовленіямъ къ свадьбѣ.

— Зачѣмъ ты отнимаешь у Марчеллы время на всѣ эти за-
нѣи? — съ неудовольствіемъ замѣтила разъ миссъ Рэборнъ леди Винтербурнъ, которая въ послѣднее время стала постоянно и вѣрною помощницей Марчеллы во всѣхъ ея начинаніяхъ. — Она совершенно пренебрегаетъ тѣмъ, чѣмъ *должна* теперь заниматься, и почти не показывается Альду. Мистрисъ Бойсъ говоритъ, что ей приходится одной хлопотать о приданомъ. Марчелла даже отказывается поѣхать въ Лондонъ примѣрить вѣнчальное платье.

Леди Винтербурнъ удивленно посмотрѣла на нее.

— Да что же я могу сдѣлать, Агнета? Не могу же я ее принудить ѣхать въ Лондонъ! Вообще, мнѣ кажется, ты ее недостаточно цѣнишь; ты и не подозрѣваешь, какая это чудная дѣвушка. Какіе у нея блестящіе планы и съ какимъ одушевленіемъ она имъ предается!

— Именно противъ этого-то я и возстаю, — сказала миссъ Рэборнъ съ раздраженіемъ. — Лучше бы она приберегла это одушевленіе для Альда. Это ея прямая обязанность, вмѣсто того, чтобы держаться вдалекѣ и всегда пропадать гдѣ-то, когда онъ желаетъ ее видѣть. Право, она меня выводитъ изъ терпѣнія.

— Я увѣрена, что все наладится, какъ только они поженятся, — сказала леди Винтербурнъ.

— Вотъ и братъ постоянно говоритъ то же самое! — воскликнула миссъ Рэборнъ въ нервной ажитаци. — Онъ ничего и слышать не хочетъ, — увѣряетъ, что она странная и оригинальная, и что Альдъ скоро сообразитъ, какъ съ ней обращаться. Все это хорошо, но только нынѣшнія жены не очень-то слушаются своихъ мужей; все пошло вверхъ дномъ. Если она и послѣ свадьбы будетъ вести себя подобнымъ образомъ, гулять и болтать съ этимъ подозрительнымъ господиномъ Уартономъ, восхищаться его идеями и ходить

къ нему на митинги, увѣряю тебя, это будетъ не большая находка для мужа.

— Уартопъ! — удивилась лэди Винтербурнъ. Она всегда была поглощена своими внутренними чувствами и мыслями и не замѣчала окружающаго: ея мечтательные глаза смотрѣли мимо предметовъ. — Это, кажется, довольно неприятный человѣкъ? — нерѣшительно спросила она.

Лэди Винтербурнъ не терпѣла сплетенъ и скандаловъ, она гнала отъ себя все низкое и пошлое; эта брезгливость приводила ее къ нравственному эпикуреизму.

— О, да, чрезвычайно неприятный! — сказала миссъ Рэборнъ. — Человѣкъ не имѣетъ никакихъ принциповъ и никогда, съ дѣтства, ихъ не имѣлъ. Альдъ считаетъ его недобросовѣстнымъ въ его политической дѣятельности и еще кое въ чемъ другомъ. И какъ разъ въ такое время, когда Альдъ такъ страшно занятъ, почти не имѣетъ свободнаго времени, этотъ человѣкъ торчитъ постоянно около его невѣсты, нашептываетъ ей похвалы, вовлекаетъ въ свои нелѣпныя теоріи и вооружаетъ ее противъ взглядовъ Альда и противъ той жизни, которую ей придется вести, — согласишься, что это не особенно пріятно!

— Бѣдный Альдъ! — сказала лэди Винтербурнъ задумчиво. — Но, вѣдь, онъ знаетъ ея воззрѣнія! Можетъ быть, я могла бы съ ней поговорить объ этомъ?

— Никто не можетъ съ ней объ этомъ заговорить! Всѣхъ она запугала!

Дѣйствительно, миссъ Рэборнъ побаивалась Марчеллы: какъ ни кипятилась она за ея спиной, но никогда не рѣшалась поднять разговоръ съ ней объ ея мнѣніяхъ и планахъ, опасаясь, что не удержитъ за собой позиціи.

Между тѣмъ, наступилъ день митинга Рэборна. Марчелла рѣшила выразить ему какъ можно больше вниманія и сочувствія. Но вся обстановка и рѣчь Альда произвели на нее удручающее дѣйствіе. Предсѣдательствовалъ величественный аристократъ; на эстрадѣ и среди слушателей виднѣлись разряженные, улыбающіяся дамы; даже крестьяне, которые тамъ были, показались Марчеллѣ черезчуръ почтительными и раболѣпными. Альд говорилъ красиво, но она осталась совершенно холодной къ его рѣчи. Онъ требовалъ правительственнаго надзора за хижинами фермеровъ, принятія болѣе энергичныхъ мѣръ противъ падежа скота, распространенія профессиональнаго образованія, увеличенія фермерскихъ участковъ и расширенія мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ и т. п. Но Мар-

Мелла чувствовала, что за всѣми этими добрыми пожеланіями старая система земельныхъ и общественныхъ отношеній оставалась неизмѣнной. Недовольство и раздраженіе закипѣли въ ней. А когда главный предсѣдатель, какъ казалось Марчеллѣ, съ трудомъ пожертвовавшій для митинга послѣобѣденнымъ сномъ, предложилъ эту довѣрѣ къ консервативному кандидату, когда это предложеніе было встрѣчено громомъ рукоплесканій и топаньемъ ногъ, пышныя дамы граціозно улыбались, а толпы крестьянъ подходили къ Рэборну позвать ему руку,— Марчелла стояла въ сторонѣ со стиснутыми зубами и сверкающими глазами.

Домой она возвращалась вмѣстѣ съ Альдомъ. Дорогой она ему горячо возражала и наговорила много горькихъ вещей по поводу его успѣха, такъ что, въ концѣ-концовъ, Альдъ, усталый, измученный и глубоко оскорбленный, не выдержалъ.

— Оставимъ это, дорогая, довольно!—сказалъ онъ, взявши ее за руку.—Мы всѣ бродимъ во тьмѣ, ты видишь нѣкоторыя свѣтлыя точки, я вижу другія,—почему не хочешь ты мнѣ позволить дѣлать то, что я могу, и видѣть то, что мнѣ кажется? Я увѣренъ, что ты легче примиришься съ этими разногласіями, когда мы будемъ одни, когда насъ не будутъ раздѣлять ни обстоятельства, ни лица.

— Лица? Я не знаю, кого ты разумѣешь!—сказала Марчелла.

Альдъ въ-время сдержалъ себя. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ Уартоу поселился въ Меллорѣ, Альдъ былъ очень встревоженъ и мучился ревностью, но разыграть сцену ревности было совершенно несовмѣстимо съ гордостью Рэборновъ. Кроме того, это значило бы загрѣшить положеніе—провести неизгладимый штрихъ.

Онъ уклонился отъ вопроса Марчеллы, спросивши ее, имѣетъ ли она понятіе о томъ, сколько рукопожатій приходится сдѣлать кандидату въ парламентъ за день; затѣмъ онъ перешелъ къ комическимъ эпизодамъ избирательной борьбы за послѣдніе дни. Она слушала, повидимому, охотно и смѣялась, хотя все время смотрѣла въ сторону, какъ бы слѣдя за свѣтомъ, отбрасываемымъ фонарями кареты. Въ сущности же, ни тому, ни другому не было весело.

— Понравилась тебѣ послѣдняя рѣчь—крестьянина?—вдругъ спросилъ онъ.—Онъ говорилъ по собственному побужденію; никто его не заставлялъ.

Мѣстность, гдѣ происходилъ митингъ, была любимымъ уголкомъ Альда. Онъ положилъ много труда и заботъ, чтобы ввести тамъ нѣкоторыя улучшенія, и, между прочимъ, устроилъ кооперативную ферму. Крестьянинъ, говорившій на митингѣ, работалъ на

этой фермѣ и въ своей рѣчи высказывалъ похвалы этому учрежденію.

— О, рѣчь была дѣланная и черезъ-чуръ почтительная! — живо отвѣтила она.

Альдъ не сразу отвѣтилъ и заговорилъ болѣе сухимъ тономъ, чѣмъ обыкновенно:

— Мнѣ кажется, ты несправедлива. Это вполне независимый и очень порядочный человѣкъ. Я чрезвычайно благодаренъ ему за то, что онъ сказалъ.

— Разумѣется, я не могу объ этомъ судить! — вослѣдствіемъ Марчелла, уже раскаяваясь въ своей рѣзкости. — Къ чему ты меня допрашиваешь? Мнѣ все представлялось въ извращенномъ видѣ. Я думаю, это твои разряженные дамы разстроили мнѣ нервы. Зачѣмъ ты ихъ пригласилъ? Я, право, не хотѣла тебя огорчать, я не знаю, какъ это вышло.

Она повернулась къ нему, улыбаясь сквозь слезы.

Онъ увѣрилъ ее, что совершенно не чувствуетъ себя огорченнымъ, и тотчасъ переимѣнилъ разговоръ. Такъ до самаго конца пути не было упомянуто ни слова объ Уартонѣ. Но Марчелла, вернувшись домой, была разстроена и зла на себя. А Альдъ долго ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ въ лихорадочномъ возбужденіи, съ сумрачнымъ взглядомъ.

Какъ поразительно различны были впечатлѣнія Марчеллы на другой день отъ митинга Уартона!

Митингъ происходилъ въ капеллѣ баптистовъ. Аудитория состояла исключительно изъ крестьянъ. Предсѣдательствовала юный священникъ-баптистъ съ очень добрымъ и нѣжнымъ лицомъ.

Уартонъ появился поздно. Онъ цѣлый день былъ въ разъѣздѣ. Замѣтивши Марчеллу и мистрисъ Бойсъ, которая не рѣшилась отпустить Марчеллу одну, онъ съ улыбкой поклонился имъ.

— Я изнемогаю, — шепнулъ онъ Марчеллѣ. — У меня голова пропала и голова не работаетъ. Я поболтаю о чемъ-нибудь съ полчаса и отпущу ихъ. Видали вы когда-нибудь такое неинтеллигентное собраніе?

— Вы должны ихъ воодушевить, — сказала Марчелла.

Глаза у нея блестя, лицо было оживлено, она вѣрила въ его успѣхъ и не придавала никакого значенія его усталости.

— Вы вызываете меня? Вы пришли посмотрѣть, какъ я ихъ воодушевлю, да?

Марчелла улыбнулась. Онъ отошелъ отъ нихъ и сталъ у аналоя. Вначалѣ, излагая свою программу, онъ говорилъ вяло и ба-

но, и Марчелла одно время даже поколебалась въ своей увѣренности относительно его успѣха. Но потомъ вдругъ переѣнилъ тонъ голоса, заговорилъ хотя грубымъ, но сильнымъ и выразительнымъ крестьянскимъ жаргономъ, закидывалъ вопросами, называлъ ихъ слушателей по именамъ. Вся аудиторія жила съ нимъ, его слышали вопросами, возраженіями, всё были возбуждены, жестикулировали, громко смѣялись, аплодировали.

На Марчеллу это невиданное зрѣлище произвело сильное впечатлѣніе. У нея захватило дыханіе. Ей казалось, что никогда прежде она не жила одною жизнью съ крестьянами, что только теперь она вошла въ ихъ взгляды и нужды. Кроме того, она только теперь узнала тайну вліянія этого страннаго человѣка. Онъ безпощадно нападалъ на нихъ, критиковалъ, какъ онъ критиковалъ и нападалъ на нее. И когда онъ, такимъ образомъ, взбудоражилъ публику, вдругъ голосъ его смягчился, онъ сталъ говорить слова надежды и ободренія. Послѣ него были еще двѣ три рѣчи, и, между прочимъ, слова Горда. Рѣшеніе поддержать радикальнаго кандидата было принято единодушными криками одобренія.

Когда возвращались домой всё трое въ экипажѣ, Марчелла молчала. Но Уартонъ, несмотря на темноту, чувствовалъ, что ея глаза направлены на него, что она сочувствуетъ ему и что если бы было удобно говорить, онъ услышалъ бы отъ нея пламенную рѣчь. Когда они остались вдвоемъ въ передней, онъ спросилъ ее охрипшимъ голосомъ:

— Оправдалъ я ваши ожиданія, воодушевилъ толпу?

Марчелла вдругъ стало страшно.

— Да, вы порядочно пожурили ихъ, — уклончиво отвѣчала она.

— А вы этого не одобряете?

— О, нѣтъ, это, повидимому, ваша обычная манера!

— Это — выраженіе моей дружбы. Развѣ можно лучше выразить свои чувства? И вы можете оказать мнѣ такую дружбу.

— Какимъ образомъ?

— Критикуйте меня: скажите, гдѣ, вамъ показалось, я говорю неумно, гдѣ лицемѣрилъ.

— Нѣтъ, не требуйте этого отъ меня.

— Почему?

— Потому что... потому что... я знаю одно: если вы не воодушевили ихъ, то воодушевили *меня*.

И она скользя въ сосѣдную комнату, раньше чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить слово.

VI.

Уартонъ сидѣлъ въ большой гостиной Меллора послѣ обѣда. Онъ пододвинулъ стулъ къ камину, расположился покойно, читалъ французскій романъ и наслаждался чувствомъ физическаго довольства. Въ послѣднее время ему приходилось много и напряженно работать, между тѣмъ какъ по натурѣ онъ былъ лѣнивъ. Перебирая въ умѣ свою дѣятельность послѣднихъ дней, онъ самъ удивлялся, ради чего онъ въ темныя морозныя ночи скакалъ по деревнямъ и до хрипоты разглагольствовалъ передъ кучкой крестьянъ: «Къ чему я все это дѣлаю и завтра буду дѣлать опять то же?»

Десять часовъ. Мистеръ Бойсъ ушелъ спать, и Уартонъ былъ счастливъ, что не нужно больше занимать его. Мистрисъ Бойсъ и Марчелла собираются на балъ въ замокъ Максвелей, и карета заказана къ половинѣ одиннадцатаго; значить, онѣ скоро сойдутъ внизъ, и онъ увидитъ Марчеллу въ новомъ платьѣ и жемчужномъ ожерельѣ, подаренномъ Рэборномъ. Онъ былъ тонкимъ наблюдателемъ и съ интересомъ слѣдилъ за всѣми мелочами домашней жизни Марчеллы. Такъ, онъ зналъ, что приданое шьется дома и что Марчелла въ послѣднее время, къ молчаливой досадѣ матери, перестала интересоваться приготовлениями къ свадьбѣ.

Онъ прислушивался къ каждому скрипу дверей и безпокойно оглядывался. Онъ не былъ приглашенъ на балъ. Помимо давнихъ причинъ размолвки съ Рэборномъ, онъ подозрѣвалъ и новыхъ. Онъ не только вытѣснялъ кандидата Максвелей съ давно насижennaго мѣста, онъ еще уязвлялъ Альда самымъ болѣзненнымъ, самымъ чувствительнымъ образомъ. Хотя они рѣдко встрѣчались, но для Уартона было несомнѣнно, что его пребываніе въ домѣ Бойсовъ возростающая близость съ Марчеллой, сходство возрѣвнѣй, интересъ, который она принимала въ успѣхъ его избирательной борьбы, наконецъ, ихъ совмѣстная благотворительная дѣятельность въ деревнѣ,—все это страшно раздражало Альда. Эта мысль пріятно щекотала и льстила самолюбію Уартона.

Послышались шаги, шорохъ платья, дверь отворилась и Марчелла, какъ легкое бѣлое видѣніе, вырисовалась на синемъ фонѣ обоевъ. Она принесла съ собой сильный аромат розъ изъ роскошнаго букета, присланнаго ей Альдомъ.

Уартонъ вскочилъ и подалъ ей стулъ.

— Я уже началъ думать, что балъ есть созданіе моего воображенія,—сказалъ онъ весело.—Право, вы ѣдете слишкомъ поздно. Онъ замѣтилъ, что она чѣмъ-то обезпокоена.

— Это вина папы,— сказала она.— У него опять какия-то бля; мама говорит, что серьезнаго ничего нѣтъ. Я не понимаю, что у него за болѣзнь и почему онъ считаетъ свое положеніе опаснымъ. Вы не знаете?

— Вашъ отецъ очень мнителенъ и нуждается въ заботливомъ уходѣ; но мистрисъ Бойсъ умѣетъ прекрасно за нимъ ухаживать.

— Да, она умѣетъ,—сказала Марчелла,—мнѣ бы тоже хотѣлось умѣть.

И лицо ея приняло грустное выраженіе,— мѣки раскаянія и упрековъ себѣ такъ и сквозили въ немъ. Уартонъ зналъ, что въ послѣднее время она нетерпѣливо и съ недовѣріемъ относилась къ состояннымъ жалобамъ отца на болѣзнь.

— Съ больными лучше всего не разговаривать о болѣзни. Нужно поддерживать бодрость и веселое расположеніе духа у мистера Бойсъ, и онъ скоро поправится.

— Если онъ поправится, то этимъ будетъ обязанъ...

Она вдругъ остановилась. Она хотѣла сказать: «не мнѣ», но вдругъ ей показалось, что это будетъ излишнею откровенностью. Уартонъ стоялъ около нея и молчалъ.

— Вы мнете свои цвѣты,—сказалъ онъ вдругъ.

И дѣйствительно, цвѣты небрежно свѣсились, какъ будто она забыла о нихъ.

Она медленно подняла ихъ; онъ наклонился, чтобы понюхать, и она протянула ему букетъ.

— Совершенная весна!—сказалъ онъ, съ наслажденіемъ вдыхая ароматъ. — Даже временами года повелѣваетъ человѣкъ съ помощью тепла и денегъ! Вы позволите мнѣ высказать одно философское замѣчаніе?

— Я по опыту знаю, что еслибъ я не позволила, вы все равно скажете.

— Знаете ли, соблазнъ очень великъ. Это замѣчаніе очень простое, оно такъ само и напрашивается. Когда созерцаешь высокую степень чего бы то ни было,—красоты, успѣха, счастья,—нуль бьется быстрѣе.

Онъ улыбался; она смотрѣла въ сторону.

— Неужели вы думаете, что я сегодня вечеромъ буду наверху счастья? Всѣ эти церемоніи мнѣ представляются совершенно въ другомъ свѣтѣ.

Это демократическое пренебреженіе къ параду и выставкѣ отъялось такимъ молодымъ и наивнымъ доктринерствомъ, что Уартонъ чуть не расхохотался.

— Я увѣренъ, что большинство будетъ моего мнѣнія сегодня вечеромъ,—сказалъ онъ.—Вотъ увидите.

Она покраснѣла. Никто никогда не позволялъ себѣ такъ смѣло говорить съ ней и такъ испытующе смотрѣть на нее. Она рѣшила, что необходимо разсердиться, и въ слѣдующую минуту разсердилась, но только на себя за то, что она придаетъ значеніе условностямъ.

— Марчелла!—послышался голосъ мистрисъ Бойсъ.

Марчелла послѣшнно подобрала шлейфъ, схватила цвѣты и побѣжала.

Въ передней ее поразило неожиданное зрѣлище. Мистрисъ Бойсъ въ нарядномъ туалетѣ стояла, дожидаясь горничной. Марчелла остановилась отъ изумленія и восхищенія, затѣмъ побѣжала къ ней.

— Мама, какъ ты изящна! Я тебя никогда не видала такою. Это черное платье необыкновенно идетъ къ тебѣ, и прическа у тебя прелестная.

Она взяла мать за руку и поцѣловала въ щеку.

Едва только онѣ вышли изъ кареты, ихъ встрѣтилъ Альдъ, который поджидалъ ихъ внизу. До этого онъ безцѣльно бродилъ въ толпѣ гостей, не понимая, почему онѣ такъ долго не ѣдутъ. Этотъ роскошный праздникъ былъ задуманъ его дѣдомъ съ цѣлью въ торжественной обстановкѣ представить невѣсту своего внука обществу друзей и знакомыхъ. Кроме того, это парадное принятіе Марчеллы въ кругъ семьи и друзей обозначало, что лордъ Максвелл пересталъ считаться съ прошлымъ фамиліи Бойсъ и покрывалъ ихъ скомпрометированное имя своимъ непомятымъ гербомъ.

Альд хорошо понималъ это намѣреніе дѣда и былъ ему признателенъ за это. Но какъ отнесется къ этому Марчелла? Онъ былъ полонъ тревожныхъ ожиданій.

— Какъ тебѣ это нравится? — шепнулъ онъ ей, когда они поднимались по лѣстницѣ.

— Скажи, что мнѣ нужно дѣлать?—сказала она, краснѣя.— Я постараюсь все исполнить какъ слѣдуетъ. Какая толпа!

— А, милѣйшая мистрисъ Бойсъ!—воскликнулъ лордъ Максвелл, встрѣчая ихъ наверху лѣстницы.—Очень, очень радъ! Позвольте вашу руку... Марчелла, съ позволенія Альда!—и онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ щеку.

Затѣмъ онъ предложилъ руку мистрисъ Бойсъ. Легкая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ мистрисъ Бойсъ. «Бѣдняжка, —

дизаль лордъ Максвель, — какъ она изящна и привлекательна до сихъ поръ! Легко видѣть, какова она была прежде».

Альдъ и Марчелла пошли за ними. Они шли широкимъ корридоромъ, который огибалъ весь домъ вокругъ. Изъ танцевальной залы доносились звуки вальса; старинный домъ весь сіялъ огнями, мраморныя статуи были украшены цвѣтами, всюду блескъ, ароматъ цвѣтовъ, веселый разговоръ и смѣхъ.

Проходя подъ руку съ Альдомъ, Марчелла чувствовала, какъ изъ всѣхъ комнатъ разряженная толпа слѣшила въ корридоръ, и глаза всѣхъ были устремлены на нее и ея мать. «Посмотри, посмотри, вотъ она!» — услышала она возбужденный шепотъ одной барышни. — Развѣ не правда, что она прелестна?»

Они шли, безпрестанно останавливаясь, и Альдъ представлялъ Марчеллу гостямъ.

— О, она держитъ себя съ достоинствомъ, — обратился стоявшій около господинъ къ своей дочери, — но, въ то же время, скромна, какъ и слѣдуетъ быть. Нынѣшнія дѣвицы не красятъ отъ застѣнчивости, какъ, бывало, въ мое время: онѣ дѣлаютъ такое лицо, какъ будто ихъ кто оскорбилъ. Но очень, очень красива! Знаешь ли, мнѣ кажется, она изъ передовыхъ, — набита женскимъ вопросомъ и тому подобными вещами. Это тебѣ по вкусу, Нетти, а?

— Она чудно хороша, — сказала со вздохомъ его невзрачная, маленькая, краснощекая дочка. — И какъ просто одѣта, если бы не этотъ превосходный жемчугъ. Какъ странно причесала она свои волосы, въ косы: такъ никто теперь не носить.

— Никто такъ не носить, потому что ни у кого нѣтъ такой головы, — сказалъ ей братъ, молодой гусаръ, тономъ знатока. — Она восхитительна; клянусь честью, я давно не видалъ ничего подобнаго. Но только она страшно горяча, — по крайней мѣрѣ, имѣетъ такой видъ.

— Говорять, что она придерживается крайнихъ мнѣній, — зашѣтила сестра. — Онъ будетъ у ней подъ башмакомъ. Это несомнѣнно, — онъ такой мягкій и кроткій.

Между тѣмъ, Марчелла стояла около миссъ Рэборнъ и безпрерывно кланялась и пожимала руки важнымъ магнатамъ графства и ихъ женамъ, одѣтымъ по послѣдней модѣ. Благодаря рассказамъ Уайгона, она имѣла опредѣленное представленіе почти обо всѣхъ присутствовавшихъ. Уартонъ, во время своихъ избирательныхъ поѣздокъ, хорошо познакомился съ хозяйствомъ всѣхъ землевладѣльцевъ этого края, и Марчелла знала, у кого введены какія улучшения и у кого господствуютъ злоупотребленія.

Альдъ подвелъ къ ней молодого гвардейскаго офицера, который очень развязно пригласилъ ее на слѣдующій танецъ. Марчелла танцевала съ увлеченіемъ, вспоминая студенческія пирушки в Лондонѣ въ цвѣтныхъ перчаткахъ и съ единственнымъ угощеніемъ лимонадомъ. Но въ промежутки между танцами Марчелла ломалъ себѣ голову, о чемъ бы поговорить со своимъ кавалеромъ. Все, что онъ говорилъ,—о скачкахъ, о картинной выставкѣ, о новой театральной пьесѣ,—казалось ей пустымъ и банальнымъ.

По окончаніи танца Марчелла подошла къ миссъ Рэборнъ, которая стояла у дверей въ корридорѣ и подзывала ее къ себѣ. Опятъ начались новыя представленія. Несмотря на всѣ старанія Марчеллы быть любезною, миссъ Рэборнъ была, все-таки, недовольна ею.

«Почему она не можетъ улыбаться и весело болтать, какъ другія барышни?—съ неудовольствіемъ думала миссъ Рэборнъ.—Конечно, ей мѣшаютъ ея «идеи». Однако, какъ она вдругъ преобразилась! Что это значитъ?»

Въ это время подошла лэди Винтербурнъ, и Марчелла моментально оживилась, протянула ей обѣ руки, отвела ее въ сторону и живо заговорила:

— Ахъ, побудьте, пожалуйста, со мной! Здѣсь такая масса народа, а я говорю все не впопадъ. Наконецъ-то, — сказала она вздохнувъ съ облегченіемъ, — теперь я буду чувствовать себя подъ вашею защитой!

— Я не могу одна завладѣть вами, — сказала лэди Винтербурнъ, — здѣсь всѣ желаютъ разговаривать съ вами.

— Да, я знаю... Посмотрите, какъ сурово смотреть на меня миссъ Рэборнъ. Но неужели я не могу хоть нѣсколько минутъ дѣлать то, что мнѣ пріятно?

— Вы должны дѣлать то, что пріятно Альду, — вдругъ сказалъ лэди Винтербурнъ своимъ низкимъ, трагическимъ голосомъ. Моментъ ей казался удобнымъ для назиданія, и она успѣшила воспользоваться имъ.

Марчелла съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Я не понимаю, почему вы такъ говорите, — сказала она съ легкимъ упрекомъ. — Мнѣ кажется, я вела себя вполне хорошо, — такъ хорошо, какъ могла.

Трагическій видъ лэди Винтербурнъ смѣнился мягкой улыбкой.

— Вы сегодня чрезвычайно интересны, моя милая. Бѣлое платье и жемчугъ необыкновенно вамъ къ лицу. Я не удивляюсь, что Альдъ не спускаетъ съ васъ глазъ.

Марчелла подняла глаза и встрѣтила взглядъ Альда, устрем-

ниый на нее съ другого конца комнаты. Она сконфузилась, слегка улыбнулась и отвернулась въ сторону.

— Кто этоть высокій господинъ, который сейчасъ подходилъ ко мнѣ?—спросила она лэди Винтербурнъ.

— Это лордъ Уандль,—отвѣчала та,—а сзади него его прованная вторая жена. Эдуардъ всегда осуждаетъ меня за то, что я ему не симпатизирую. Онъ говоритъ, что мы, женщины, не умѣемъ судить о мужчинахъ и что въ свое время онъ былъ очень блестящимъ человѣкомъ. Но мнѣ всегда кажется, что у него очень несприятное лицо.

— Лордъ Уандль! — воскликнула Марчелла, наморщивъ брови. — Ради Бога, пойдите отсюда скорѣе, милая лэди Винтербурнъ! Я знаю, что онъ проситъ Альда представить его мнѣ, но я не хочу, ни въ какомъ случаѣ не хочу.

И, схвативши за руку недоумѣвающую лэди Винтербурнъ, она быстро повлекла ее въ ближайшую дверь, перешла нѣсколько шаговъ, все не выпуская ея руки, и, наконецъ, посадила ее сама на диванъ въ библіотекѣ лорда Максвелля, преслѣдуемая любопытными взглядами публики.

— Этоть человѣкъ здѣсь! Нѣтъ, право, это ужъ черезъ чуръ! — проговорила Марчелла, энергично обмахиваясь вѣеромъ.

— Что съ вами, моя милая?—спросила ничего не понимающая лэди Винтербурнъ. — И что вы имѣете противъ лорда Уандля?

— Развѣ вы не знаете?—воскликнула Марчелла съ негодованіемъ. — Вы, навѣрное, читали въ газетахъ на прошлой недѣлѣ объ этомъ возмутительномъ случаѣ. Женщина и двое дѣтей умерли въ одной изъ его хижинъ отъ зараженія крови, и почему? Исключительно вслѣдствіе его небрежности, грубѣйшей, безчеловѣчной небрежности.

Она тяжело дышала и почти готова была плакать.

— Позвали управляющаго, но онъ ничего не сдѣлалъ. Тогда священникъ написалъ самому лорду Уандлю и получилъ отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ. Я ничего не знаю подобнаго этому стыдному нахальству. Онъ долженъ бы былъ сидѣть въ тюрьмѣ, а вмѣсто того, явился сюда. И всѣ съ нимъ любезны — смѣются, разговариваютъ!

Она замолчала, задыхаясь отъ волненія. Этоть инцидентъ былъ только искрой, воспламенившей порохъ.

Лэди Винтербурнъ растерянно смотрѣла на нее.

— Можетъ быть, это еще не вѣрно, — пыталась она успокоить

Марчеллу. — Газеты такъ часто клеветуютъ, особенно на насъ, землевладѣльцевъ. А, вотъ и Альдъ!

Альдъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ подходилъ къ нимъ.

— Милый другъ, я не могъ понять, куда ты исчезла такъ быстро. Позволишь мнѣ представить тебѣ лорда Уандля? Это старинный другъ дома и мой крестный отецъ. Онъ неприятный, раздраженный человекъ и я очень многое въ немъ не одобряю. Но онъ съ давнихъ поръ связанъ съ нашею семьей, а мой дѣдъ очень цѣнитъ подобныя отношенія. Скажи ему два слова и дѣло съ концомъ.

— Альдъ, я *не могу*, — сказала Марчелла, глядя на него въ упоръ. — Это невозможно: вѣдь, я читала о томъ случаѣ. Я буду груба и дерзка съ нимъ.

Альдъ былъ окончательно смущенъ.

— Это, правда, очень некрасивое дѣло, — сказалъ онъ. — Не зналъ, что ты читала объ этомъ. Но какъ же быть? Вѣдь, обѣщаль немедленно вернуться за нимъ.

— Лордъ Уандль — миссъ Бойсъ, — послышался звонкій голосъ миссъ Рэборнъ позади Альда. Альдъ, быстро отступивши в сторону, увидалъ свою тетку, которая съ рѣшительнымъ видомъ подвела къ Марчеллѣ лорда Уандля, — тотъ со старомодною учтивостью отвѣсилъ низкій поклонъ.

Лэди Винтербурнъ со страхомъ слѣдила за Марчеллой. Но общественные инстинкты одержали верхъ. Изъ ста женщинъ, которыя угрожаютъ подобными сценами, едва ли одна рѣшится пойти на скандалъ. Марчелла нѣкоторое время колебалась, затѣмъ съ очевиднымъ отвращеніемъ едва кивнула ему въ отвѣтъ.

— Вы удалились сюда отъ жары? — спросилъ онъ. — Только едва ли васъ оставятъ здѣсь въ покоѣ. Никто не пожелаетъ упустить случая...

Марчелла не отвѣчала. Лэди Винтербурнъ торопливо вставилъ замѣчаніе о массѣ гостей.

— О, да, какой сильный гулъ стоитъ! — сказалъ лордъ Уандль. — Всѣмъ хочется полюбоваться на счастье Альда. Вы давно живете въ Меллорѣ, миссъ Бойсъ?

— Полгода.

Она смотрѣла прямо передъ собой, не оборачиваясь къ нему, тонъ ея выводилъ миссъ Рэборнъ изъ себя. Лордъ Уандль посмотрѣлъ на Марчеллу, слегка прищуривши глаза, потомъ сказалъ съ едва замѣтною улыбкой, разглаживая усы:

— Вы любите деревню?

— Да.

Марчелла и не подозрѣвала, сколько вражды выражали ей родственные, вынужденные отвѣты. Наоборотъ, она упрекала себя въ трусости и малодушіи.

— А народъ?

— Нѣкоторыхъ.

При этомъ она подняла на него свергающіе темные глаза, и онъ понялъ, что она относится къ нему съ ненавистью и не желаетъ продолжать разговора.

И онъ съ апломбомъ повернулся къ Альду и, улыбаясь, сказалъ:

— Благодарю тебя, милый Альдъ. Теперь я пойду. Я не имѣю права монополизировать твою очаровательную невѣсту.

И онъ опять низко поклонился, на этотъ разъ съ очевидною пропойей, и ушелъ.

Марчелла встала. Она взглянула сначала на миссъ Рэборнъ, потомъ на Альда.

— Я очень устала,— сказала она, подходя къ нему,— проводи меня въ свою комнату.

Онъ предложилъ ей руку, и они пошли, пробираясь сквозь толпу. На дорогѣ они встрѣтили Голлена. Онъ съ ней не выдался еще и пожалъ ей руку. Но въ его вѣжливомъ поклонѣ было что-то холодное, что тотчасъ же отозвалось болью въ возбужденныхъ нервахъ Марчеллы. Она припомнила, что съ нѣкотораго времени онъ отдаляется отъ нея; первый задушевный разговоръ о дружбѣ между ними уже не повторялся и ни слова не упоминалось о приятии ея въ общій товарищескій союзъ. Она крѣпко прикусила губу и повлекла Альда дальше, сквозь нарядную, веселую толпу; опять новые встрѣчи, новые представленія: какое отчаяніе — эти общественныя обязанности!

Альд затворилъ за собой дверь кабинета. Марчелла быстро освободила свою руку, подошла къ камину и, опершись локтями о выступъ камина, закрыла лицо обѣими руками.

Онъ смотрѣлъ на нее нѣкоторое время въ тревогѣ и недоумѣніи. Потомъ онъ замѣтилъ, что она плачетъ. Бровь прилила ему въ лицо, онъ подошелъ къ ней, взялъ ее руку, поднесъ къ губамъ и сталъ шептать ей на ухо слова любви и нѣжности. Онъ чувствовалъ, что любовался ею во время разговора съ Уандлемъ, что только у нея одной нашлось мужество противопоставить этому великому вѣку непреклонную христіанскую добродѣтель. Если бы даже это было принято съ неудовольствіемъ его родными, что за дѣло? Она всегда можетъ поступать, какъ ей угодно.

Трудно было найти болѣе подходящій моментъ для измѣненія чувствъ преданности, любви. Но слезы Марчеллы были выражены емь отчаянія. Нѣжность Альда, признаніе за собой права утѣшать и ободрять ее мучительно, болѣзненно напомнили ей, что она связала себя съ нимъ навсегда, безповоротно. Ласки его не трогали ее, точно также и гнѣвъ его не пугалъ ее. Она приняла его предложеніе, не любя его, прельщаясь исключительно выгодами положенія. А теперь ей казалось, что все, что она приобрѣтала съ бракомъ, ничего не стоить, что, въ сущности, ея жизнь будетъ рядомъ постоянныхъ мелкихъ стычекъ между ею и окружающею обстановкой, что при такихъ условіяхъ ни сердце, ни честолюбіе не могутъ найти удовлетворенія. Она добивалась виднаго положенія ради широкой дѣятельности. Но какъ она будетъ дѣйствовать? Ее несомнѣнно, очень скоро затянетъ обстановка, она будетъ поклоняться богатству, знатности, бессмысленной роскоши и всѣмъ суетнымъ благамъ жизни. Мечты съ помощью своей власти и вліянія залечить народныя язвы представлялись ей теперь чѣмъ-то мелкимъ и пошлымъ. Передъ ней открылись новые идеалы, новые пути, и теперь еще она чувствовала себя подъ обаяніемъ смѣлаго, изобрѣтательнаго ума своего новаго учителя. Всѣ общественныя цѣли и стремленія, ради которыхъ она готова была принести жертву, теперь отступили на второй планъ; она видѣла только одно, что скоро она будетъ лэди Максвелль, должна будетъ сдружаться съ миссъ Реборнъ и носить фамиліные брилліанты.

Въ самый разгаръ отчаянія она подняла глаза и встрѣтила взглядъ Альда, съ любовью устремленный на нее. Сразу совѣсти проснулась и заговорила въ ней. Какое право имѣла она издѣваться надъ жизнью высшаго класса и какъ пѣшку третировать человѣка, беззавѣтно ей преданнаго? Она была подавлена сознаніемъ своей неблагодарности, и ея нападки на себя были такъ же страстны, какъ за минуту передъ тѣмъ нападки на другихъ. Альдъ, смущенный и обезпокоенный ея волненіемъ и нервнымъ безсвязнымъ разговоромъ, старался ее успокоить и мало-по-малу достигъ того, что она дала ему свою дрожащую руку и съ улыбкой слушала тѣ ласковыя имена, которыми онъ ее осыпалъ.

УП.

На обратномъ пути мать и дочь не проронили почти ни слова между собою. Марчелла чувствовала себя утомленною, измученною и душой, и тѣломъ. Она откинулась въ глубину кареты и стара-

и о чемъ не думать. Ночь была тихая, ясная; близость весны пришла въ воздухъ.

Проходя къ себѣ, черезъ рядъ пустыхъ комнатъ, Марчелла не могла отдѣлаться отъ невольнаго чувства страха; тишина и одиночество, особенно въ той части дома, гдѣ была ея комната, тяготили ея; при ея развинченныхъ нервахъ всякій звукъ — скрипъ половицъ подъ ея шагами, свистъ вѣтра — пугали ее.

Она вошла въ свою комнату и опустилась на первый попавшійся стулъ. Свѣча слабо освѣщала комнату, но рѣзко выдѣляла въ мрака ея блѣлую фигуру; она сидѣла передъ большимъ зеркаломъ, бессильно опустивши руки на колѣни, и разсѣянно смотрѣла впередъ. Она была поглощена однимъ страстнымъ, настоятельнымъ мыслію: Уартонъ *долженъ* уѣхать во что бы то ни стало, — и дальше продолжаться не можетъ.

Быстро пронеслись у нея въ памяти разныя сцены, разговоры, многое болѣзненно отзывалось на совѣсти. Наконецъ, утомленіе взяло верхъ и она подняла руки, чтобы снять съ себя жемчужное ожерелье.

Вдругъ она вздрогнула, услышавши какой-то шорохъ за дверью. Какъ разъ у ея комнаты проходила витая лѣстница, соединявшая верхній корридоръ съ нижнимъ и оканчивавшаяся внизу у старой библіотеки.

Несомнѣнно, это были шаги, легкіе, осторожные, сначала по корридору, затѣмъ по лѣстницѣ внизъ; наконецъ, она совершенно ясно слышала, что кто-то медленно пробирался по нижнему корридору.

Сердце ея усиленно забилося. Ея комната, оба корридора, лѣстница и библіотека какъ разъ были излюбленнымъ мѣстомъ привидѣній. Сколько ни старалась Марчелла разсѣять этотъ призракъ, онъ не менѣе, легенды о таинственныхъ звукахъ, шагахъ, стоновъ продолжали ходить среди двора. Марчелла пыталась выслѣдить источникъ этихъ легендъ, подстерегала, прислушивалась, но напрасно.

Теперь, услышавъ эти ровные, мягкіе шаги, она тотчасъ сбросила съ себя усталость и, съ молодою жадной приключеній, рѣшила выслѣдовать. Она быстро вскочила, набросила мѣховую накидку и тихонько отворила дверь, внимательно прислушиваясь.

Шаги притихли, слышались только какія-то неопредѣленныя шорохи въ библіотекѣ. Затѣмъ опять шаги. Немыслимо, чтобы кто-нибудь забрался: воръ не сталъ бы такъ медленно расхаживать. Она отворила за собой дверь и стала спускаться по лѣстницѣ.

Корридоръ внизу былъ залитъ яркимъ луннымъ свѣтомъ. Вначалѣ, какъ ни присматривалась, она ничего не замѣчала. Но потомъ увидала фигуру Уартона въ дальнемъ концѣ корридора, выхода въ садъ; онъ стоялъ и смотрѣлъ на освѣщенный луною фсадъ дома, и до нея донесся слабый запахъ сигары.

Первымъ инстинктивнымъ движеніемъ ея было повернуться и уйти назадъ. Но Уартонъ замѣтилъ ее. Она какъ разъ стояла и полосоъ яркаго свѣта. Увидавши ее, Уартонъ не могъ удержаться отъ восклицанія и быстро пошелъ ей на встрѣчу.

— Я услышала шаги,—сказала она съ притворною холодностью, сквозь которую онъ ясно видѣлъ ея смущеніе.—Я никогда не предполагала, что въ домѣ кто-нибудь не спитъ, и потому сошла сюда посмотреть.

Онъ не сразу отвѣтилъ, оглядывая ее смѣющимися глазами.

— Признайтесь, вы приняли меня за привидѣніе?

Она колебалась, потомъ разсмѣялась.

— Можетъ быть,—сказала она.—Значитъ, опять не удалось Спокойной ночи!

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ въ нерѣшительности, затѣмъ быстрымъ движеніемъ бросилъ окурокъ сигары, нагналъ Марчеллу и пошелъ за ней.

— Я слышалъ, какъ вы пріѣхали,—сказалъ онъ какъ бы въ объясненіе.—Затѣмъ я подождалъ, пока вы обѣ заснете, и спустился внизъ полюбоваться на эффектное зрѣлище стараго дома при лунномъ освѣщеніи,—и онъ указалъ при этомъ на отливающій серебромъ главный фасадъ зданія.—Я очень люблю не спать и рассказывать по ночамъ. Мои домашніе къ этому привыкли, но мнѣ очень совѣстно, что я обезпокоилъ васъ. Расскажите, пожалуйста въ двухъ словахъ, какъ прошелъ балъ.

Онъ остановился у лѣстницы и смотрѣлъ на нее такими бойкими и веселыми глазами, какъ будто было три часа дня, а не ночи.

По свойственной женщинамъ впечатлительности, она тотчасъ же заразилась его настроеніемъ.

— Балъ прошелъ превосходно,—сказала она съ веселою проноіей, занеся ногу, обутую въ бѣлый атласный башмакъ, на первую ступеньку лѣстницы.—Было около шестисотъ гостей наверху и до четырехсотъ кучеровъ и лакеевъ внизу. Всѣ находятъ, что было безподобно.

Онъ смотрѣлъ на нее проникательнымъ, загадочнымъ взглядомъ. Онъ не разъ говорилъ ей раньше, что любитъ сильныя ощу-

енія. Несомнѣнно, эта странная встрѣча съ невѣстой Альда такъ странно ночью среди всеобщаго сна давала необычныя ощущенія. Хотя она была, очевидно, утомлена и блѣдна, но при мягкомъ лунномъ свѣтѣ она казалась ему такою очаровательной, какъ никогда. Сердце забилось у него быстрее.

Онъ про себя рѣшилъ, что задержать Марчеллу во что бы то ни стало и поговорить съ ней. Вѣдь, отъ этого не будетъ никакого вреда ни ей, ни Рѣборну. Рѣборнъ еще успѣетъ насладиться ею. Затѣмъ раньше времени стѣнять себя во имя какихъ-то его правъ? Вѣдь, она не любитъ его! Что скажутъ люди? Взоръ! Это глупый предрасудокъ, что ночью разговаривать не все равно, что днемъ!

— Пойдите минутку! — сказалъ онъ. — Вы, конечно, страшно устали и не способны воспринимать поэзію. А то я посоветовалъ бы вамъ вернуться назадъ и взглянуть на библіотеку. Забѣчательная картина!

Невольно она обернулась и увидала, что дверь въ библіотеку полуоткрыта. Онъ тотчасъ распахнулъ ее, и передъ ихъ глазами предстала большая пустынная комната; куполообразный потолокъ ее скрывался въ густомъ мракѣ, между тѣмъ какъ изъ оконъ врывались яркіе лучи и ложились то мелкими свѣтлыми бликами, то широкими полосами на полу и на рѣшетчатыхъ книжныхъ шкафахъ.

— Вотъ истинная поэзія ночи и уединенія! — сказалъ онъ. — Вы любите это мѣсто; но развѣ вы видѣли его когда-нибудь такимъ привлекательнымъ? Комната полна мертвецовъ; посмотрите, эти портреты, подъ волшебнымъ дѣйствіемъ свѣта, какъ бы оживаютъ. Напримѣръ, этотъ мятежникъ... — и онъ указалъ на портретъ Джона Бойса. — Когда вы уйдете, я усядусь въ его кресло, призову его тѣнь и буду обдумывать завтрашнюю рѣчь (онъ долженъ былъ председательствовать на большомъ конгрессѣ рабочихъ). Я невольно волнуясь по поводу завтрашняго собранія и не могу заснуть. Ахъ! Что это такое? Кто это идетъ по аллеѣ въ такую пору?

Онъ подошелъ къ окну и внимательно всматривался. Она последовала за нимъ, внутренне содрогаясь.

— Это Горды! — воскликнула она съ ужасомъ. — Въ такое время съ ружьемъ! О, Боже, Боже!

Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это дѣйствительно Горъ. Уартонъ видѣлъ, какъ онъ стоялъ нѣкоторое время въ тѣни, какъ бы высматривая что-то, потомъ какъ онъ пробирался крадучись по освѣщенной полянѣ, и тогда его сгорбленная, уродливая фигура, огромная голова и коротенькое ружье въ рукахъ были совершенно ясно видны.

— Какъ вы думаете, зачѣмъ онъ здѣсь?—спросилъ Уартонъ, продолжая слѣдить за нимъ.

— Не знаю; во всякомъ случаѣ, не за тѣмъ, чтобъ охотиться на нашей землѣ, я увѣрена, онъ этого не сдѣлаетъ. Да, кромѣ того, у насъ нечего стрѣлять. По всей вѣроятности, онъ пробирается въ имѣніе лорда Максвелла. Здѣсь какъ разъ за аллеей начинаются его заповѣдныя рощи. Какъ это обидно! Нельзя ли чего-нибудь предпринять?

И она смотрѣла на Уартона встревоженными глазами. Это вторженіе печальной дѣйствительности оправдало въ ея глазахъ ея присутствіе здѣсь съ Уартономъ въ необычный часъ. Она перестала находить это неловкимъ.

Уартонъ покачалъ головой.

— Не думаю, чтобы можно было что-нибудь сдѣлать. Удивительно, до какой степени непреодолимы инстинкты! Знаете, въ прошлый разъ, когда мы съ вами были въ хижинѣ Горда, мнѣ показалось, что жена его что-то скрываетъ отъ васъ. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя строго относиться къ этой страсти,—вѣдь, это проявленіе того же инстинкта, который влечетъ молодыхъ людей нашего класса къ разнаго рода борьбѣ и протесту.

— Я знаю все это и никого не осуждаю! — воскликнула Марчелла. — Но, вѣдь, это страшно рискованно, именно теперь, когда Уэсталь особенно тщательно выслѣживаетъ эту шайку! Бромѣ того, я достала Горду работу у лорда Максвелла и взяла съ него обѣщаніе воздержаться ради жены и дѣтей!

Уартонъ пожалъ плечами.

— Я думаю, что Уэсталь справедливо подозрѣваетъ его въ соучастіи съ этою шайкой. Обыкновенно браконьеры выбираютъ сторожемъ кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей. И такъ, вы очень обезпкоены насчетъ этого человѣка?—спросилъ онъ, перемѣнивъ голосъ и пристально смотря на нее.

Она была поражена, смущена и повернулась, чтобы выйти изъ комнаты. Но онъ быстро проговорилъ:

— Онъ какъ-нибудь выпутается изъ бѣды. Миссъ Бойсъ, пожалѣйте лучше того, кому ужъ не выпутаться!

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите, — сказала она и невольно схватилась за ручку стула, чтобъ удержаться на ногахъ. — Теперь слишкомъ поздно разговаривать. Спокойной ночи, мистеръ Уартонъ.

— Прощайте, — сказалъ онъ спокойно, но съ особеннымъ уда-

шесть и понизивши голосъ. Она остановилась въ нерѣшительно-сти. Онъ видѣлъ, какъ высоко вздымалась у нея грудь.

— Почему же «прощайте»? Вѣдь, вы вернетесь къ намъ послѣ шпинга?

— Не думаю. Мнѣ совѣстно отягощать мистрисъ Бойсъ. У васъ будетъ очень много хлопотъ слѣдующія три недѣли, и съ моей стороны было бы не деликатно оставаться у васъ это время, особенно принимая во вниманіе тотъ несомнѣнный фактъ, что я въ высшей степени антипатиченъ вашему будущему супругу. Въ ваше отсутствіе сегодня вечеромъ я сидѣлъ у камина и думалъ и пришелъ къ заключенію, что мнѣ необходимо уѣхать отсюда и какъ можно скорѣе. Кромѣ того, одинокій человѣкъ долженъ беречь свои нервы для дѣла, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, при немъ нѣтъ никого, кто бы могъ ободрить и поддержать его.

Она вся дрожала, отъ усталости и отъ волненія почти не могла видѣть собой.

— Въ такомъ случаѣ, я должна поблагодарить васъ, — сказала она глухимъ, невнятнымъ голосомъ, — вы многому научили меня.

— Вы скоро все это позабудете, — сказалъ онъ весело. По мѣрѣ того, какъ она все болѣе теряла самообладаніе, онъ становился бодрѣе и смѣлѣе. — Кромѣ того, вы скоро услышите обо мнѣ много дурного. Я это предвижу, но не могу и не желаю опровергать. Пожалуй, считайте меня безстыднымъ, только я не придаю никакого значенія тѣмъ фактамъ, за которые и до сихъ поръ на меня злятся Альдъ Рэборнъ и его тетушка. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ я сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Тогда я былъ праздничнымъ юношей, не имѣлъ опредѣленнаго дѣла и старался пользоваться жизнью. Теперь я попалъ на дѣятельность, которая мнѣ по душѣ и которая преобразила и, какъ я думаю, облагородила меня. Я не желаю этого объяснять Рэборну или кому бы то ни было. Это касается меня одного. Только, если мы когда-нибудь еще встрѣтимся съ вами, не рассчитывайте найти во мнѣ раскаяніе или смиреніе. Я не имѣю ничего общаго съ тѣмъ представленіемъ, которое вы внушаете обо мнѣ, а за свои старые промахи я не отвѣтствую.

(Онъ подался нѣсколько впередъ, облокотился на спинку стула и съ грѣль на нее. Поза и тонъ голоса выражали спокойствіе, но Марчелла женскимъ чутьемъ подмѣтила скрытое волненіе и съ чисто-женскою манерой только и отвѣчала на самый чувствительный пунктъ.

Мистеръ Рэборнъ никогда мнѣ не рассказываетъ никакихъ

старыхъ сплетенъ, — гордо сказала она. — Однажды изъ любопытства я спросила его про васъ, и онъ ничего не сказалъ мнѣ.

— Какое великодушіе! — сказалъ Уартонъ сухо. — Весьма тронуть.

— Нѣтъ, это неправда! — воскликнула Марчелла горячо и с негодованіемъ. — Вы совсѣмъ этого не чувствуете. Вы всегда относитесь къ нему враждебно, критикуете и порицаете всѣ его дѣяствія. Это въ высшей степени несправедливо.

Уартонъ помолчалъ нѣсколько времени. Даже при лунномъ свѣтѣ Марчелла замѣтила, какъ онъ покраснѣлъ.

— Пусть будетъ такъ, — сказалъ онъ, наконецъ. — Я сдаюсь. Вы его лучше знаете. Но вотъ что: какъ вы сами? Довольны ли вы своимъ положеніемъ? По душѣ ли вамъ та среда, въ которой вы будете жить? Напримѣръ, сегодня вечеромъ наслаждались вы своею царственною ролью? Скоро ли вамъ надоѣстъ все это?

— Вы знаете, какъ я отношусь къ этому, — воскликнула она запальчиво, — это дерзко съ вашей стороны допрашивать меня такимъ тономъ! Выходитъ, что вы считаете меня лицемѣркой! Кажется, я не подавала вамъ повода...

— Помилуйте, совсѣмъ нѣтъ! — сказалъ онъ, перебивая ее. В голосѣ его чувствовалось волненіе. — Конечно, у меня нѣтъ никакихъ основаній предлагать вамъ такіе вопросы, — никакихъ, кромѣ того, что вы сейчасъ уйдете и что мы съ вами должны разстаться. Я нарочно подтрунивалъ надъ вами, чтобы задѣть васъ, вызвать разговоръ, — чтобы найти доступъ къ вашей душѣ. Завтра уже будетъ поздно!

И, раньше, чѣмъ она успѣла опомниться, онъ уже подошелъ къ ней, наклонился, схватилъ полу ея платья и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Не говорите ничего! — заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, поднявшись и загоразивая ей путь. — Вы должны простить меня, умоляю васъ! Подумайте только: мы здѣсь одни въ чудную лунную ночь. Если мы когда-нибудь встрѣтимся въ жизни, мы будемъ чужими другъ другу. Хоть на мгновенье бросьте условные предразсудки и будьте со мной откровенны! Я знаю, вы несчастливы. Вы почти признались въ этомъ. Тѣмъ не менѣе, вы идете на этотъ бракъ. Вы дали слово и считаете себя связанной. Я это вполне признаю. Но здѣсь сейчасъ общайтесь мнѣ, что вы свое замужство сдѣлаете средствомъ для служенія тѣмъ дѣлямамъ, которыхъ мы мечтали виѣстѣ съ вами, что замужство будетъ орудіемъ въ вашихъ рукахъ, а не дѣлью, васъ связывающею. Мы

провели вмѣстѣ шесть недѣль. Вы говорите, что многому отъ меня научились. Это правда: вы и сердцемъ, и умомъ шли на встрѣчу новымъ словамъ. Отнынѣ вы будете относиться къ жизни совсѣмъ не такъ, какъ прежде, до нашего знакомства. Не думайте, что я торжествую или хвастаюсь! Ахъ, — и онъ глубоко вздохнулъ, — что, если, помогая вамъ и наставляя васъ, я загубилъ себя? Я пришелъ сюда ради общественныхъ цѣлей и идеаловъ и, накануне битвы, ухожу отсюда искалѣченный. Вы скажете, что это не ваша вина? Можетъ быть! Но, все-таки, на прощанье окажите мнѣ какую-нибудь любезность, скажите ласковое слово.

Онъ подошелъ къ ней ближе и протянулъ руки. Одною рукой она отстранила его отъ себя, а другою схватилась за голову, какъ бы чувствуя головокруженіе.

— Не подходите ко мнѣ! — крикнула она, шатаясь. — О, что это со мной? У меня потемнѣло въ глазахъ. Уйдите!

И, черезъ силу дойдя до стула, она въ изнеможеніи опустилась на него; голова ея безсильно свѣсилась. Это была естественная реакція послѣ чрезвычайнаго напряженія нервовъ.

Придя въ себя черезъ нѣсколько минутъ, она не могла сразу разобрать, гдѣ она, что за странное волшебное освѣщеніе, необычная обстановка и къ чему это мягкому прислонилась она головой. Она медленно раскрыла глаза и удивилась, встрѣтивши взглядъ Эртгона. Онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ и поддерживалъ ее. Въ первую минуту она видѣла только его взглядъ и въ полусознаніи отвѣчала ему сочувственнымъ взглядомъ.

— Одинъ разъ! — услышала она его шепотъ возлѣ себя. — Только одинъ разъ! И потомъ ничего, никогда!

И, наклонившись къ ней, онъ поцѣловалъ ее.

Какъ ужаленная, вскочила она и оттолкнула его отъ себя. Чувство стыда сразу вернуло ей сознаніе.

— Какъ вы смѣли? — только могла проговорить она; но фигура ея, дышавшая негодованіемъ, была достаточно выразительна. Онъ не посмѣлъ подойти къ ней. Она повернулась и вышла. Онъ слышалъ хлопанье дверью, быстрые шаги по лѣстницѣ, затѣмъ все смолкло.

Онъ оставался нѣкоторое время какъ бы прикованный на томъ же мѣстѣ, прислонившись къ стѣнѣ. Затѣмъ онъ шевельнулся, чтобы снять длинный черный волосъ со своей одежды.

Вотъ такъ сцена! — сказалъ онъ себѣ, разсматривая волосъ и удивляясь тому, что такъ сильно дрожать у него руки. — Переноситъ ли я во времена романтизма. Какъ будто я былъ Альфредомъ

де-Мюссе, а она Жоржъ Зандъ. Переживалъ ли кто изъ нихъ такой напряженный моментъ, какъ я, когда она лежала у меня на груди? Но я не воспользовался своимъ положеніемъ. Только когда она открыла глаза, я увидалъ ея взглядъ, на одно мгновеніе мнѣ показалось, что она моя... О, сколько я пережилъ съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ ее на лѣстницѣ! Жизнь больше не представитъ мнѣ ничего подобнаго. Однако, что такое я говорю? Я ничего не понимаю! Я знаю, что я началъ, какъ актеръ, и попался, какъ мужчина».

Вдругъ онъ быстро подбѣжалъ къ окну. Онъ услышалъ глухой звукъ выстрѣла. Когда онъ подошелъ къ окну, послышался второй выстрѣлъ.

— Это, несомнѣнно, тотъ браконьеръ,— сказалъ онъ, напряженно вглядываясь въ окно.—Что это—борьба или убійство? Впрочемъ, что мнѣ до этого за дѣло? Я сегодня настроенъ лирически и не могу воспринимать ничего другого.

Ночь прошла. Когда забрещило зимнее утро, Марчелла все еще лежала съ открытыми глазами. Свѣча продолжала горѣть; Марчелла не рѣшалась остаться въ темнотѣ и всю ночь не могла заснуть. Она переживала страшныя душевныя муки.

«Я все расскажу Альду, все,—повторяла она себѣ въ сотый разъ.—Неужели пробило только семь часовъ?»

Въ тревожномъ лихорадочномъ состояніи считала она, сколько остается времени до свиданія съ Альдомъ, когда она можетъ снять съ ея души это бремя.

Вдругъ ей припомнился Гордъ, потомъ старикъ Паттонъ. «Онъ былъ при смерти вчера вечеромъ, — думала она, стараясь отвлечь мысли въ другую сторону.—Живъ ли онъ? Я сейчасъ встану и пойду узнаю».

Она встала. Ей хотѣлось заглушить внутреннюю боль какими-нибудь добрымъ дѣломъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, мелкимъ служеніемъ обществу. Она быстро одѣлась. Она радовалась и холоду, и голоду, и своей слабости, ей пріятно было потратить силы на борьбу съ физическою немощью.

Черезъ нѣсколько минутъ она уже спустилась внизъ и вышла изъ дома, къ великому удивленію Вильяма. Свѣжій, влажный воздухъ укрѣпилъ ее. Она съ наслажденіемъ выставляла свою разгоряченную голову на встрѣчу холоднымъ волнамъ тумана и чувствовала, какъ мало-по-малу къ ней возвращалась обычная ея бодрость.

Вдругъ она завидѣла двухъ женщинъ, съ плачемъ и криками
идущихъ ей на встрѣчу.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось?—спросила она.

Изъ безсвязнаго лепета взволнованныхъ женщинъ Марчелла
ничего не могла разобрать, кромѣ того, что кого-то нашли.

— Кого нашли? Что такое?—спросила она.

— Устала, барышня, съ прострѣленною головою... И Чарльзъ
найдись тоже очень опасно раненъ, докторъ говоритъ, что почти
нѣтъ надежды.

— Кто же это сдѣлалъ?—спросила Марчелла, блѣднѣя отъ
ужаса.

— Конечно, браконьеры, барышня. Вѣдь, Уэсталь давно ихъ
ислѣживалъ; говорятъ, что и Джимъ Гордъ участвовалъ въ этомъ
дѣлѣ.

Марчелла оцѣпенѣла отъ ужаса.

УІІІ.

Она стояла такъ нѣкоторое время одна и съ внутреннею дрожью
вспоминала фигуру Горда, пробиравшагося украдкой по освѣщен-
ному луною парку. Вдругъ ей представилось отчаяніе жены и бѣд-
ныхъ дѣтей, и она поспѣшила къ деревнѣ.

Едва только она вошла въ деревню, какъ на встрѣчу ей, запы-
шавшись отъ возбужденія, побѣжалъ молодой парень.

— Они схватили его, барышня! Онъ прямо пришелъ домой и
уже не пытался бѣжать! Какъ только Дженкинсъ (полицейскій)
выскакалъ, такъ поспѣшилъ къ нему домой и накрылъ его!

Ликующій тонъ этого человѣка показался Марчеллѣ отврати-
тельнымъ, она махнула ему рукой и побѣжала дальше. По дорогѣ
впередъ показался всадникъ. Марчелла узнала Альда.

— Дорогая моя! зачѣмъ ты здѣсь? Ступай скорѣе домой по-
дальше отъ этихъ ужасовъ. Они вызвали меня въ качествѣ судьи.
Найдись живъ пока. Прошу тебя—иди скорѣе домой.

Она покачала отрицательно головой, не будучи въ состояніи
произнести слова отъ одышки. Въ это время они замѣтили толпу
людей и хижины Горда.

— Что же, Марчелла, ты не идешь домой?—спросилъ Альдъ
громкимъ голосомъ.

Въ тотъ тонъ тотчасъ поднялъ протестъ въ ея душѣ.

— Нѣтъ, я иду къ ней, — отвѣчала она рѣшительно и быстрыми шагами направилась къ хижинѣ.

Какъ только въ толпѣ замѣтили ея приближеніе, тотчасъ разступились, чтобы дать ей пройти.

— Теперь она успокоилась, барышня, — сказала одна женщина, кивнувши по направленію къ хижинѣ, — а когда вошелъ Дженкинсъ, она отчаянно рыдала.

— Это въ то время, когда ему надѣвали кандалы, — сказалъ одинъ крестьянинъ, стоявшій возлѣ.

Марчелла содрогнулась.

Увидавши пристава, она обратилась къ нему съ просьбой впустить ее къ женѣ Горда. Онъ ввелъ ее.

Войдя въ хижину, Марчелла должна была напрячь всѣ свои душевныя силы. Посреди комнаты сидѣлъ Гордъ въ оковахъ, под присмотромъ полицейскаго. Маленькій чахоточный мальчикъ сидѣлъ у холоднаго пустого камина и дрожалъ; его исхудавшее личико было похоже на восковую маску, глаза неподвижно устремлены на отца. Его поминутно душилъ судорожный кашель, но онъ не сводилъ глазъ съ отца, съ вѣрностью преданнаго животнаго.

Гордъ сидѣлъ молча. Глаза его, которые казались теперь большими и блестящими, безпокойно блуждали съ одного предмета на другой; грубыя, мозолистыя руки въ оковахъ время отъ времени судорожно сжимались. Несмотря на угрюмый, мрачный видъ и жалкую, грязную фигуру, Марчеллу поразило въ немъ выраженіе какого-то неземнаго покоя, можно сказать, величія, — того величія которое находитъ на человѣка, порѣшившаго всѣ счеты съ жизнью. Увидавши Марчеллу, Гордъ вздрогнулъ:

— Мнѣ нужно поговорить съ этою барышней, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ приставу.

— Можете, — отвѣчалъ тотъ.

Марчелла подошла ближе. Видно было, какъ руки у ней дрожали.

— Онъ могъ меня убить точно такъ же, какъ я убилъ его, — заговорилъ Гордъ, наклонившись къ ней и съ трудомъ выговаривая слова пересохшими губами. — Я совершенно не ожидалъ, что это случится. Онъ и Дайнсъ застигли насъ въ лѣсу. Онъ не обратилъ вниманія на другихъ, которые стали стрѣлять въ Дайнса. Онъ прямо наступалъ на меня, разъяренный, сталъ осыпать бранью и занесъ палку. Я думалъ, что онъ сейчасъ раскроитъ мнѣ голову палкой, — поднялъ ружье и выстрѣлилъ. Мы стояли очень близко

другъ къ другу, потому весь мой зарядъ попалъ ему въ голову. Но онъ точно также могъ убить меня.

Онъ остановился и съ тревогой присматривался, какое впечатлѣніе произвели его слова на Марчеллу. Онъ не смотрѣлъ подавленнымъ или запуганнымъ, — напротивъ, Марчеллѣ показалось, что онъ никогда не былъ такимъ бодрымъ и оживленнымъ.

— Вы еще имѣете что-нибудь сказать мнѣ?—спросила она его нѣсколько времени спустя.

Сразу онъ весь измѣнился.

— Я отплатилъ вамъ зломъ за добро, барышня, — заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ. Потомъ поднялъ опять голову. — Но, право, я не имѣлъ намѣренія убить его, — и затѣмъ онъ снова началъ рассказывать про свою встрѣчу съ Уэсталеми.

— Вы напрасно беспокоите барышню, — сказалъ приставъ. — Будетъ лучше, если она пройдетъ къ вашей женѣ.

Гордъ еще разъ обернулся къ Марчеллѣ:

— Благодарю васъ за все. Не оставьте моихъ дѣтей.

— Я позабочусь о нихъ и для васъ сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, — сказала Марчелла и прошла въ сосѣднюю комнату.

Минта Гордъ сидѣла въ углу на каменномъ полу, прислонившись головой къ стѣнѣ. Глаза ея были закрыты, ротъ полуоткрытъ. Взглянувши на нее, Марчелла поняла, что несчастная женщина со времени возвращенія мужа плакала до изнеможенія. Двѣ дѣвочки, грязныя и полуодѣтыя, сидѣли около нея на полу и дрожали. Маленькій ребенокъ, завернутый въ старую шаль, спалъ на колыняхъ у матери. Въ комнатѣ было невѣроятно холодно; дѣвочки совсѣмъ заоченѣли; подойдя къ матери, Марчелла взяла ея руку, тоже холодную, какъ ледъ.

Почувствовавши прикосновеніе Марчеллы, она застонала, потомъ вдругъ дикими глазами стала вглядываться въ дверь сосѣдней комнаты.

— Вѣдь, они еще не увели его?—спросила она возбужденно. — Дженкинсъ клялся, что скажетъ мнѣ.

— Нѣтъ, онъ еще здѣсь, — сказала Марчелла дрожащимъ голосомъ. — Надѣньте, пожалуйста, вотъ это, — и она сняла съ себя меховую накидку. — Иначе вы простудитесь. Дайте мнѣ ребенка, а сами закутайтесь.

Но мистрисъ Гордъ оттолкнула отъ себя накидку рѣшительнымъ жестомъ.

— Мнѣ совсѣмъ не холодно, барышня, — я вся горю.

Черезъ нѣсколько минутъ приставъ сдѣлалъ знакъ Марчеллѣ, она подошла къ мистриссъ Гордъ и тихо сказала:

— Мистриссъ Гордъ, они идутъ.

Та дико вскрикнула и бросилась въ сосѣднюю комнату. Но, увидавши мужа, она взяла себя въ руки, подошла къ нему и положила руку ему на плечо.

— Вѣдь, мнѣ позволять придти повидаться съ тобой?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Да, ты можешь справиться объ этомъ,—сказалъ онъ коротко.—Прощай.

— Теперь маршъ!—сказалъ приставъ твердо и отстранилъ жену.

Марчелла обхватила рукой несчастную женщину и повела домой. Тамъ съ помощью дѣтей она развела огонь и приготовила кое-какой завтракъ. Съ большою настойчивостью она заставила мистриссъ Гордъ проглотить нѣсколько кусковъ и потомъ попросила ее разсказать подробно, какъ было дѣло.

Въ результатѣ у Марчеллы сложилась увѣренность, что то не было убійство, а борьба, и на этомъ основаніи она считала возможнымъ построить защиту Горда, поручивши ее опытному юристу.

Послышался стукъ въ дверь, и вошелъ Альдъ. Марчелла отдала всѣ распоряженія сестрѣ Горда, мистриссъ Моллинсъ, и вышла съ Альдомъ изъ хижины, обѣщавши вернуться черезъ нѣсколько времени.

— Гдѣ ты была? — спросила она Альда, когда они шли по направленію къ дому.— Пожалуйста, не обращай вниманія на то, что я устала и разстроена, и разскажи мнѣ все. Я должна все знать.

— Я былъ у несчастнаго Дайнса,—сказалъ Альдъ грустно,—я снималъ съ него показаніе. Онъ умеръ, пока я тамъ былъ.

— Онъ умеръ?

— Да, злодѣи жестоко ранили его. Но, слава Богу, онъ, все-таки, успѣлъ разсказать все, что нужно, и я думаю, теперь имъ не уйти отъ правосудія!

Тонъ чиновника и важнаго человѣка послышался Марчеллѣ въ этихъ словахъ и неприятно раздражилъ ея больные нервы.

— Что такое ваше правосудіе?—воскликнула она.—Это система, которая защищаетъ вашихъ отгормленныхъ фазановъ цѣной человеческой жизни!

Онъ нахмурился и глубоко вздохнулъ; очевидно было, что его

общественное положеніе постоянно ставило его въ коллизію съ нравственнымъ чувствомъ.

— Бъ сожалѣнію, ты права,—сказалъ онъ.—Я какъ разъ думалъ то же самое, когда стоялъ у постели умирающаго Дайнса.

Они продолжали идти молча. Но Марчелла на этомъ не успокоилась. Внутри у нея бродило какое-то глухое волненіе, которое готово было вылиться горячими обличеніями, нападками. Но онъ началъ первый:

— Но, оставляя въ сторонѣ наши законы объ охотѣ,—самъ по себѣ случай этотъ для меня совершенно ясенъ. Шестъ человѣкъ, трое изъ нихъ съ ружьями, отправились ночью стрѣлять фазановъ и натолкнулись на сторожей, вооруженныхъ только палками. Одинъ изъ сторожей, мальчикъ семнадцати лѣтъ, былъ тотчасъ смертельно раненъ, а другой сразу убитъ наповалъ человѣкомъ, который былъ его давнишнимъ врагомъ и не разъ публично грозилъ «придушить» его. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что это звѣрское, предумышленное убійство.

— *Не* предумышленное,—проговорила Марчелла нервно,—по крайней мѣрѣ, со стороны Горда. Онъ самъ все разсказалъ мнѣ. Это была борьба, въ которой Гордъ могъ быть убитъ точно такъ же, какъ и Уэсталь; Уэсталь нападалъ, а Гордъ защищался.

Альдъ покачалъ головой.

— Естественно, что Гордъ и его несчастная жена передаютъ дѣло такъ,—грустно сказалъ онъ.—По всей вѣроятности, когда онъ опомнился послѣ момента изступленія, онъ и самъ не могъ повѣрить, чтобъ онъ это сдѣлалъ. Но это безразлично. Во всякомъ случаѣ, это было убійство, и ни судьи, ни присяжные не могутъ смотрѣть иначе. Показаніе Дайнса очевидно, и доказательства предламѣренности неопровержимы.

Но, замѣтивши, что она поблѣднѣла и дрожала, онъ сказалъ глубоко обеспокоеннымъ голосомъ:

— Милая моя, съ какимъ бы удовольствіемъ я уберегъ тебя отъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣній!

Онъ хотѣлъ обнять ее, чтобы приласкать и успокоить. Но она отстранила его.

— Знай,—сказала она, съ трудомъ переводя дыханіе,—что я нечитаю Горда виновнымъ и употребляю всѣ усилія, чтобы защитить его. Мнѣ онъ представляется жертвой глупыхъ, несправедливыхъ порядковъ. Если ты не захочешь помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, я принуждена буду обратиться къ кому-нибудь другому.

Последнія слова рѣзнули его по сердцу.

— Ты можешь быть увѣрена, что все, что можно сказать въ его защиту, будетъ сказано,—медленно проговорилъ онъ.

Марчелла сдержала себя, и они продолжали путь. Альдъ съ грустью вспоминалъ, какія блаженныя минуты провелъ онъ съ нею вчера, въ своемъ кабинетѣ, а теперь она шла около него какъ чужая.

Чьи-то шаги по песку близъ дома заставили ихъ обернуться. Мгновенно прошедшее, настоящее и будущее вихремъ пронеслись въ душѣ Марчеллы: она узнала Уартона.

А. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Ш И Б К А.

(Эпизодъ).

Сельскій учитель не у дѣлъ, Кирилль Ивановичъ Ярославцевъ, опершись локтями о столъ и туго сжавъ виски ладонями, смотрѣлъ тупыми глазами на разсыпанныя передъ нимъ статистическія карточки и пытался выдавить изъ своихъ утомленныхъ работой мозговъ представленіе о томъ, что же надлежитъ теперь дѣлать съ этими четырехугольными листами бумаги?

Это никакъ не удавалось ему. Въ головѣ глухо шумѣло и ему казалось, что она налита чѣмъ-то густымъ и тяжелымъ, что больно давить изнутри на глаза, стремясь излиться наружу. Цифры съ карточекъ то вдругъ исчезали, то появлялись и снова холодно и сухо свидѣтельствовали о чемъ-то, то уменьшались до крохотныхъ, неясныхъ каракулекъ, то вдругъ выростали въ крупныя, странныя и поджарыя фигуры. Кирилль Ивановичъ слѣдилъ за ихъ игрой и чувствовалъ, что въ немъ, гдѣ-то глубоко, выростаетъ и формируется тяжелая и безпокойная мысль. Она еще была не ясна ему, но онъ уже боялся ея тупою и обезсиливающею боязнью, ибо зналъ, что она непременно появится, и тогда ему будетъ еще хуже и больнѣе, чѣмъ теперь.

Последнее время его стали все чаще и чаще преслѣдовать эти мысли, гнетущія душу, окрашивающія все въ темный цвѣтъ, нѣчто вродѣ осеннихъ тучъ, такія же сырыя и холодныя, оставляющія за собой на душѣ ржавчину тоски и тупого равнодушія ко всему. Было что-то роковое въ этой медленности, съ которой онѣ формировались въ сознаніи, и никогда и ничѣмъ ему не удавалось задержать ихъ ростъ и развитіе. Онѣ дѣлали такія попытки: вставалъ изъ-за стола, ходилъ по комнатѣ и пѣлъ или шелъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, но онѣ заглушали пѣсню и всюду могли за нимъ, не оставляя его и внѣ дома.

Сначала онъ упорно боролся съ ними, но потомъ увидалъ, что эта борьба не влечетъ за собой никакихъ результатовъ, кромѣ утомленія души, и всегда ведетъ къ тому, что онъ давятъ его сильнѣе, становясь сами образнѣе и ярче отъ его сопротивленія имъ. Тогда онъ уступалъ и ужь если чувствовалъ, что вотъ онъ идетъ, то прямо ложился на диванъ и, заложивъ руки подъ голову, безъ сопротивленія отдавалъ себя въ ихъ власть.

Такъ оставался онъ часа по два, по три, а иногда и по цѣлымъ ночамъ, какъ бы расколотый на двѣ части, причеиъ одна, отъ времени становившаяся все меньше, жалобно и безпомощно слѣдила за другой, которою овладѣли эти тяжелыя думы, перетиравшія, подобно жерновамъ, все хорошее и свѣтлое, что есть въ жизни, и все, чѣмъ надѣляетъ ее мечта, въ сухую безцвѣтную пыль.

Онъ лежалъ, упорно глядя въ потолокъ да слушая бѣненіе своего сердца и звукъ маятника часовъ въ комнатѣ квартирной хозяйки. Такъ-такъ! такъ-такъ!—мѣрно билъ маятникъ и точно подтверждалъ своимъ увѣреннымъ и твердымъ звукомъ справедливость того, что навязывали думы сознанию Кирилла Ивановича. Наконецъ, онъ привыкъ къ нимъ, какъ больной къ своимъ припадкамъ, зналъ, что онъ неотвратимы и только чувствовалъ смутный страхъ, когда онъ давали знать о томъ, что идетъ на него. Потому этотъ страхъ временно исчезалъ, подавленный ихъ работой, и вдругъ, черезъ нѣкоторое время, являлся снова.

Но онъ являлся уже въ новой формѣ, — въ формѣ тоскливой, чего-то ожидающей, неотвязной боязни, которая все возростала и все напряженнѣе ждала какого-то страшнаго факта. Кириллу Ивановичу казалось, что вотъ появится нѣчто суровое и торжествующее, — появится, встанетъ у дивана и, грозя, ехидно скажетъ:

— А, вѣдь, я вижу, о чемъ вы это думаете. Вижу! Я все вижу; самамалѣйшій изгибъ вашего мозга мнѣ ясенъ. Какъ же вы рѣшаетесь думать о томъ, что не подлежитъ вѣдѣнію вашему, вѣдѣнію человека, къ жизни не причастнаго и отъ нея отторгнутаго, а? Какъ же это вы, государь мой? А вы знаете, что за это васъ можно... — и онъ покажетъ, что за «это» можно сдѣлать съ человекомъ.

Представляя себѣ такую картину, Кириллъ Ивановичъ вздрагивалъ и жалобно смотрѣлъ на дверь.

Дверь была тоненькая и хлибкая, а крючокъ проволочный. Отъ посѣщенія этого всезнающаго существа она не оградитъ и ничто не оградитъ отъ его посѣщенія. Кириллу Ивановичу казалось, что оно проникло бы и сквозь каменныя стѣны. И въ ожиданіи его онъ

страдалъ, вздрагивая при каждомъ шумѣ и подозрительно присматриваясь къ каждому незнакому человеку, — страдалъ и чувствовалъ, что эта тоскливая боязнь съ каждымъ своимъ возрожденіемъ становится все сильнѣе и охватываетъ его все крѣпче, и вотъ вотъ она возрастетъ, поглотитъ его... и тутъ ужъ воображеніе останавливалось передъ чѣмъ-то темнымъ и полнымъ леденящаго душу ужаса.

«Какъ избавиться отъ всего этого? — думалъ Кириллъ Ивановичъ въ болѣе свѣтлые моменты и отвѣчалъ себѣ: — Подчиниться. Пусть оно совершенно охватитъ меня и тогда я перестану его чувствовать...»

И въ этотъ разъ онъ тоже хотѣлъ было лечь на диванъ, но вдругъ услышалъ торопливый скрипъ двери за своею спиной, быстрые шаги и утомленный голосъ:

— Вы дома? Ну, наконецъ, нашелъ одного!... Ф-фу!

Кириллъ Ивановичъ обернулся на стулѣ и увидалъ одного изъ знакомыхъ статистиковъ, котораго въ бюро прозвали Минорнымъ. Онъ сѣлъ на стулъ и, держа въ одной рукѣ бѣлую фуражку, другою вытиралъ со лба крупный потъ. Лицо у него было блѣдно и измято, глаза воспалены и весь онъ производилъ впечатлѣніе чело-вѣка крайне уставшаго.

Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ нему и крѣпко, молча, съ удовольствіемъ пожалъ ему руку. Этотъ чело-вѣкъ своимъ появленіемъ отдалялъ приступъ думъ.

— Бѣгалъ по жарѣ, какъ сумасшедшій, — никого! — говорилъ Минорный, иначе Петръ Васильевичъ Бабкинъ, съ неудовольствіемъ поджимая губы, и, зажмуривъ глаза, нервно провелъ по нимъ пальцемъ, какъ бы смахивая съ рѣсницъ что-то.

— А кого вамъ нужно? — хотѣлъ спросить Кириллъ Ивановичъ, но не успѣлъ.

— Вотъ видите что... вы только, пожалуйста, не отказывайтесь... потому что я больше не могу ужъ. Двѣ ночи напролетъ возился, будетъ! Это свинство со стороны Ляхова и всѣхъ другихъ... Да, вѣдь, я не сказалъ вамъ, въ чемъ дѣло!... Этотъ... какъ его?... Бравцовъ! Сошелъ съ ума... да. Третій день вотъ... Все, знаете, говоритъ, говорить, чортъ не разберетъ, что такое! Впрочемъ, иногда еще сознательныя и умныя вещи. Ну, такъ вотъ... я былъ при немъ вѣдь два дня и больше не могу... Страшно усталъ. Онъ буенъ, если ему противорѣчить, лѣзетъ драться, а давать ему волю нельзя. Ерундитъ страшно! Началъ мазать стѣны ваксой... Раздѣлся до нага и давай себѣ чистить щеткой голую грудь. Вообра-

жаешь себя гениемъ добра и дерется. Смѣшно и жалко... И утомительно. Бываетъ докторъ. Хлопочуть о помѣщеніи въ больницу; но все это такъ медленно. А, главное, возмутительно формальны и черствы мы всѣ! Приходятъ, знаете, посмотреть на него въ дверную щель, посочувствуютъ и удеруть. Всѣмъ некогда, у всѣхъ какія-то дѣла явились. Я больше не могу, увѣрю васъ! Пойдите вы, голубчикъ, а? Тамъ теперь Лыжинъ... Вы, я знаю, мало знакомы были съ этимъ несчастнымъ; но развѣ это теперь не все равно? Не такъ ли? Вы пойдете?

— Да, я... конечно. Я могу... хоть сейчасъ!—медленно протянулъ Кириллъ Ивановичъ.

— Именно сейчасъ! — внушительно и торопливо воскликнулъ Минорный и пояснилъ:—Этотъ Лыжинъ и остался тамъ только на условіи, что его часа черезъ два смѣнять... Вотъ и прекрасно... идите - ка! Вы сильный, вамъ это будетъ не трудно. И какъ это я не догадался давеча прямо къ вамъ махнуть?... Не измаялся бы такъ... Ну, такъ вы идете?

— Хорошо... идемте.

Минорный поднялся со стула, быстрымъ жестомъ бросилъ себя на голову фуражку, поправилъ ее и, отворивъ дверь, оглянулся на Кирилла Ивановича.

Послѣдній задумчиво и медленно натягивалъ на себя пальто, закусивъ нижнюю губу и упорно глядя на ноги Минорнаго.

— Знаете что, Ярославцевъ?—живо заговорилъ тотъ.—Вѣдь, вамъ извѣстна его квартира? Такъ идите, милый, одинъ, а я домой прямо, а? Хорошо? Ну, и спасибо! Не повѣрите, ну, чортъ знаетъ, до чего я...

Но заключительныхъ словъ его фразы Кириллъ Ивановичъ уже не слышалъ, Минорный унесъ ихъ съ собой въ глубь сѣней и тамъ они были заглушены тонкимъ, взбудоражившимъ нервы Кирилла Ивановича визгомъ двери. Отъ этого визга онъ вздрогнулъ, скорчилъ болѣзненную гримасу и опустился на стулъ, побужденный къ этому гнетущею тяжестью, упавшею на него изъ сообщенія Минорнаго о печальномъ фактѣ.

Какъ только Минорный сказалъ фамилію Бравцова, Кириллъ Ивановичъ воспроизвелъ передъ собой фигуру человѣка средняго роста, сухого, угловатаго, нервнаго, съ черными, всегда вздрагивавшими усами и съ горячимъ, блуждающимъ взглядомъ миндалевидныхъ черныхъ же глазъ. По морщинистому бѣлому лбу этого человѣка странно двигались густыя брови, то всползая къ жесткимъ, ершистымъ волосамъ, то вдругъ спрыгивая внизъ и совер-

менно закрывая впадины глазъ. Въ разговорѣ онъ иногда удерживалъ одну бровь — лѣвую, прижимая ее длиннымъ пальцемъ лѣвой же руки; это не мѣшало другой брови всползати къ волосамъ, и тогда все лицо говорившаго перекашивалось, походило на клинъ и принимало мучительно-острое выраженіе напряженнаго желанія проникнуть куда-то, недосыгаемо для другихъ, глубоко, и постичь что-то, непостижимое никому. Глаза же въ это время метали искры и въ нихъ было цѣлое море не то тоски, не то мучительнаго восторга.

Давно уже всѣ считали его человѣкомъ ненормальнымъ, и онъ каждый день подтверждалъ такой взглядъ на себя, высказывая сегодня желаніе учиться математикѣ, чтобы постичь тонкости астрономіи, завтра—уйти въ деревню, чтобы обрести тамъ равновѣсіе души, уѣхать въ Америку и бродить тамъ въ степяхъ, конвоируя гурты скота, поступить на фабрику, чтобы развивать среди рабочихъ теоріи социализма, учиться музыкѣ, ремеслу, рисованію. Необходимость для себя всего этого онъ доказывалъ всегда увѣренно и ясно, а если его оспаривали, — съ бѣшеною горячностью. Главнымъ источникомъ своихъ желаній онъ выставялъ чувство само-сохраненія.

«Ничего не дѣлая, погибнешь черезъ - чуръ глупо для человѣка. Всѣ скоты дѣлаютъ нѣчто, я же человѣкъ и долженъ творить!» — вспомнилъ Кириллъ Ивановичъ двѣ его фразы. Принято было называть его метафизикомъ за такія и другія въ этомъ же родѣ рѣчи. Онъ никогда не умѣлъ привести строго-логическихъ доводовъ въ пользу того или другого изъ своихъ воззрѣній, поступковъ, желаній и всегда отдѣлывался краткими афоризмами въ догматическомъ тонѣ, и за пристрастіе къ такимъ афоризмамъ считался человѣкомъ, живущимъ, прежде всего, для громкаго слова. Къ нему привыкли и не обращали на него особеннаго вниманія. Ляховъ, — очень образованный и умный человѣкъ; крупный чиновникъ въ акцизѣ, — говорятъ, любилъ его и считалъ за талантливаго человѣка, но безъ почвы и равновѣсія психическихъ ресурсовъ съ желаніями. Кириллъ Ивановичъ тоже не обращалъ на него вниманія и, встрѣчаясь съ нимъ, никогда не пытался ясно представить себѣ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, вполне полагаясь на чуткость и вѣрность взгляда тѣхъ людей, которые дали Бравцову эпитетъ ненормальнаго и психопата.

То теперь этотъ Бравцовъ вдругъ сталъ мучительно интересенъ. Дней пять тому назадъ Кириллъ Ивановичъ вмѣстѣ съ нимъ ватился въ лодкѣ, говорилъ и ничего особеннаго не замѣтилъ за

нимъ. Кажется, онъ былъ даже меньше возбужденъ, чѣмъ обыкновенно. И вотъ этотъ-то самый человекъ сошелъ съ ума. А тогда они сидѣли въ лодкѣ рядомъ, и онъ своимъ отрывистымъ стилемъ, но вѣско и вполне ясно для него, Кирилла Ивановича, доказывалъ, что демонизмъ, символизмъ и инныя болѣзненные формы мысли есть бѣшеная, но необходимая реакція противъ распространеннаго матеріализма, и что вредить матеріализму скоро и непременно будетъ подорванъ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Кирилл Ивановичъ снова вспомнилъ металлически звенѣвшія фразы:

— Причина современнаго шатанія мысли—въ оскуднѣннѣ идеализма. Тѣ, что изгнали изъ жизни весь романтизмъ, раздѣли насъ до нага; вотъ отчего мы стали другъ къ другу сухи, другъ другу гадки. Еще мы не настолько психически окрѣпли, чтобъ безъ вреда для себя до конца выслушивать правду. Кто знаетъ, можетъ быть, высшая истина не только не выгодна, но и прямо-таки вредна намъ?

«А что же теперь говорить этотъ человекъ, — теперь, когда онъ сумасшедшій? И что такое быть сумасшедшимъ?»

Кирилл Ивановичъ вспомнилъ, что кто-то опредѣлялъ сумасшествіе, какъ преобладаніе дѣятельности какого-нибудь одного изъ свойствъ психики надъ всѣми другими, а еще кто-то—какъ поражение памяти какимъ-либо однимъ фактомъ или мыслью.

Ему представилась внутренность какого-то пружиннаго механизма: масса спиральныхъ пружинъ сокращаются и расширяются, взаимно сообщая другъ другу силу и движеніе, и изъ этого движенія рождается мысль. Вдругъ одна изъ пружинъ почему-то начинаетъ сокращаться сильнѣе другихъ,— полная путаница среди остальныхъ, пока онѣ не возьмутъ новаго такта, или пока она не возьметъ стараго такта. Или вдругъ въ ихъ систему вторгается извнѣ нѣчто тяжелое, поражающее и падаетъ какъ разъ на ту пружину, что записываетъ прошедшее, и вотъ она, пораженная ударомъ, не можетъ ужъ больше отмѣтить чего-либо иного и вѣчно пишетъ одну и ту же мысль, воспроизводитъ одно и то же явленіе.

«Все это очень просто и очень жалко. Зачѣмъ нужно, чтобъ человекъ сходилъ съ ума? Развѣ на его долю мало всѣхъ иныхъ болѣзней и несчастій?» — подумалъ Кирилл Ивановичъ и вспомнилъ, что, вѣдь, ему нужно идти туда, къ больному.

Но онъ не всталъ и не пошелъ, а продолжалъ думать, сидя на стулѣ, въ пальто и фуражкѣ.

«Да... такъ вотъ я пойду къ нему. Приду. Нужно будетъ

— Ибуди сказать ему. Что же? Сказать ему такъ: «Ахъ, братъ, ты дурно поступилъ, сойдя съ ума!» — это будетъ очень глупо. И потому — я не знаю, насколько это дурно, что человекъ сошелъ съ ума. Можетъ быть, это даже хорошо. Если это — полное отпаденіе идеѣ, то это не можетъ быть дурно. А вдругъ онъ сталъ перверженъ?... Вѣдь, было доказано, что гении — сумасшедшіе. Это не рассказаль, какъ создаются гении. Можетъ быть, сходя съ ума... то-есть отдаваясь въ рабство идеѣ или поработая идею...»

Кирилль Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣсколько разъ, но почему-то боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, вродѣ легкихъ облаковъ, вслѣдствіе въ безграничномъ пространствѣ. Онъ летаетъ за ними, ловить ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ; отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ и затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ и отъ этого получается рѣчь.

«Однако, какъ это все просто! — и онъ довольно засмѣялся. — Виденты — тонкіе люди. Тонкіе и острые, какъ иглы, они глубоко проникаютъ въ неизвѣстное», — съ удовольствіемъ щелкнувъ языкомъ, произнесъ онъ.

Дверь открылась, и въ отверстіе просунулась голова квартирной хозяйки.

— Сидитъ одѣтый и смѣется, и разговариваетъ самъ съ собою... Тоже занятіе! Самоваръ подавать, али уходите куда?

Хозяйка говорила ворчливо, а смотрѣла ласково. Глаза у нея были маленькіе, но живые; отъ нихъ къ вискамъ легли сѣтки тонкихъ морщинокъ, и это придавало имъ улыбающійся блескъ.

Отъ ея рѣчи Кирилль Ивановичъ почувствовалъ себя какъ бы только что возвратившимся откуда-то и очень утомленнымъ.

— Самоваръ? Нѣтъ... не надо! — и онъ махнулъ рукой. — Я сплыву... можетъ быть, до утра. Знаете, одинъ мой знакомый сошелъ съ ума. Какъ вы полагаете, это что такое?

— Чтой-то, Господи! Одинъ недавно пристрѣлился, другой сошелъ съ ума... ну, дружки у васъ!... ай-ай!... Что такое — говорите? Извѣстно что — Божья воля.

— Божья воля? — задумчиво произнесъ Кирилль Ивановичъ и затѣмъ-то снялъ съ головы фуражку. — Это странно, знаете... да! —

— Боторый это сошелъ, русый, трепанный, въ сѣрыхъ штанахъ, или тотъ — веселый, въ золотомъ песнѣ? — спросила хо-

На ея толстомъ, морщинистомъ лицѣ и въ тонѣ ея вопроса звучало много жалости, отчего Кириллу Ивановичу стало грустно.

— Нѣтъ, не эти, а знаете—черный, въ крылаткѣ, съ тростью и съ прыгающими бровями,—серьезно и тихо отвѣчалъ Кирилл Ивановичъ и почувствовалъ, что у него щекочетъ въ горлѣ и изъ глаза навертываются слезы.

— Не примѣтила такого. Видно, рѣдко бывалъ, не встрѣчала. Идите-инь. Да долго-то не надо тамъ торчать... Самъ-то войъ какой желтый сталъ!—сурово говорила хозяйка.

Кириллъ Ивановичъ снова надѣлъ фуражку, всталъ и молча пошелъ изъ комнаты, полный грустнаго чувства и утомленія.

— Дверь-то закройте!—крикнула вслѣдъ ему хозяйка.

— Не надо!—печально кивнулъ онъ головой.

Было уже около шести часовъ вечера, но июльскій зной еще не спалъ,—ишь дышали и камни мостовой, и стѣны зданій, и безоблачное небо. Пыльные листья деревьевъ, перевѣшиваясь черезъ забора, не шелестѣли; все было неподвижно и казалось напряженнымъ и ожидающимъ какого-то толчка.

Изъ открытыхъ оконъ бѣлаго дома на Кирилла Ивановича хлынула волна растрепанныхъ и негармоничныхъ звуковъ рояля; онъ безтолково запрыгали въ воздухъ надъ его головой, онъ дрогнувъ остановился и оглянулся вокругъ, какъ бы желая посмотрѣть, что сдѣлается съ улицей отъ этого шума. Но все оставалось неподвижнымъ, а звуки уже исчезли такъ же бессмысленно, какъ и явились. Точно это рояль сама вдругъ встряхнула всѣми своими струнами изъ желанія нарушить знойную тишину,—встряхнула разслабленно умолкла.

«Какъ кратко и печально бытіе звука!» — мелькнула у Кирилла Ивановича посторонняя мысль и, какъ бы въ видѣ эхо она въ немъ разлилось острое желаніе взять высокимъ фальцетомъ нѣсколько переливчатыхъ нотъ а-о-э-о-а!—какъ это дѣлаютъ пѣвцы изъ народа. Но онъ подавилъ въ себѣ это желаніе и пошелъ дальше, наклонивъ голову подъ наплывомъ станъ новыхъ мыслей и стараясь формировать ихъ въ слова, сообразно съ тактомъ шаговъ. Отъ этого каждое слово раздавалось гдѣ-то внутри его, какъ ударъ въ большой барабанъ. Эти думы въ тактъ шаговъ вызывали за собой ощущеніе пріятной легкости и пустоты въ груди, въ животѣ во всея тѣлѣ. Казалось, что мускулы растаяли отъ жары и остались только тонкіе, упругіе нервы, настроенные меланхолически спокойно, но выжидательно, какъ и все кругомъ.

«О чемъ онъ теперь говорить и какъ думать? — размышляя

Кирилль Ивановичъ о Бравцовѣ.— И что я буду съ нимъ дѣлать? Понимать его, навѣрное, нельзя... Зачѣмъ же я при немъ буду?... И съ какими моральными фундами? Съ любопытствомъ? Или мпѣ его жалко, или такъ, по обязанности?... Сумасшествіе—это почти смерть. Если онъ еще не совсѣмъ сошелъ съ ума, то я буду присутствовать при его агоніи. Замѣчательно, почему человѣкъ возбуждается къ себѣ больше вниманія, когда онъ погибаетъ, а не тогда, когда онъ здоровъ и въ безопасности? Иногда мы при жизни совершенно не замѣчаемъ человѣка, ни мало не интересуемся имъ, и вдругъ, услыхавъ, что онъ при смерти или померъ уже, жалѣемъ, говоримъ о немъ... Точно смерть или ея приближеніе обличаютъ и насъ другъ съ другомъ. Тутъ, навѣрное, есть глубокій смыслъ... если только тутъ нѣтъ крупной лжи, изстари привычной намъ и поэтому незамѣтной для насъ. А, можетъ, наблюдая чужую гибель, мы вспоминаемъ о необходимости погибнуть и самимъ намъ, и вотъ жалѣемъ себя въ лицѣ другого. Въ этомъ есть нечто хитрое и, пожалуй, постыдное... А, впрочемъ, и все обыкновенное въ этой жизни — хитрое и постыдное... А вотъ жалѣніе — жестоко... Жалость и жестокость!... Да, вѣдь, это два совершенно однородныя слова!... Удивительно, какъ это до сей поры никто не замѣчалъ, что это — синонимы по смыслу! Надо написать объ этомъ въ газету... Пусть одною ошибкой будетъ меньше».

Параллельно съ своимъ открытіемъ Кирилль Ивановичъ возстановилъ въ памяти нѣкоторый случай изъ своей жизни въ деревнѣ. Какъ-то разъ у одного изъ крестьянъ упала въ оврагъ телва и сломала себѣ обѣ переднія ноги. Чуть не вся деревня обѣжалась смотрѣть на нее... А она, такая жалкая, лежала на днѣ оврага и, жалобно мыча, смотрѣла на всѣхъ большими влажными глазами и все пыталась встать, но снова падала. Толпа стояла вокругъ нея больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ состраданіемъ, наблюдала за ея движеніями и слушала ея стоны. И онъ тоже смотрѣлъ, хотя это было не интересно и очень грустно. Вдругъ откуда-то появился кузнецъ Матвѣй, высокій, черный, суровый и выпачканный углемъ. Рукава у него были засучены и въ одной рукѣ онъ держалъ тяжелую полосу желѣза. Вотъ онъ обвелъ всѣхъ строгимъ, тяжело укоряющимъ взглядомъ черныхъ глазъ, посмотрѣлъ и на него, Кирилля Ивановича, и, нахмуривъ брови и вдругъ качнувъ головой, громко сказалъ:

— Дураки! чѣмъ любуетесь?

А потомъ взмахнувъ своею желѣзиной и ударилъ телку по головѣ. Ударъ прозвучалъ глухо и мягко, но черепъ, все-таки,

расколся, и это было очень страшно. Телка больше не мычала и не жаловалась на боль своими большими и влажными глазами... А Матвѣй вытеръ кровь со своего оружія о землю и спокойно ушелъ.

«Вотъ онъ какъ жалѣлъ, этотъ Матвѣй! Можетъ быть, онъ такъ же бы поступилъ и съ человѣкомъ безнадежно больнымъ. Морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ, это сильно, прежде всего, сильно, и потому оно морально и хорошо. Я люблю хорошее, и это — морально; я слабъ — и, значить, я хорошъ. Вотъ какъ!...»

— Ярославцевъ! Стойте, вы куда?—раздался звучный окрикъ.

Кириллъ Ивановичъ вздрогнулъ и оглянулся. На крыльцѣ хорошенькаго домика стоялъ Лыжинъ, засунувъ руки въ карманы, и улыбался. Тогда Кириллъ Ивановичъ сообразилъ, что, вѣдь, тутъ именно и живетъ Бравцовъ.

— Я къ вамъ... то-есть къ нему...

— Ага! Ну, вотъ спасибо, что поторопились. А то у меня знаете, работищи безъ конца, и все спѣшно. Никуда не выхожу даже. Это вотъ Минорный вытащилъ меня, соскучившись слушать премудрости Бравцова. Все, знаете, говорить! Только сейчасъ задремалъ. Докторъ опредѣлилъ, что пока все это не опасно просто сильное нервное возбужденіе—и только; по-моему—тоже. Говорить онъ, право, не безсмысленнѣе, чѣмъ всегда говорилъ, и вотъ много черезъ-чуръ, это такъ. Ну, такъ вы мнѣ позвольте улетучиться. Придетъ, навѣрное, Ляховъ; скажите ему: докторъ былъ и рекомендовалъ кали, кали и кали... До свиданія!

Онъ протянулъ Ярославцеву руку, тотъ молча стиснулъ ее и, задержавъ въ своей рукѣ, шепотомъ спросилъ:

— Отчего это онъ, по-вашему?

— Отчего? Гм... Какъ это скажешь? Знаете, всегда, вѣдь, онъ былъ съ *бзикомъ* въ головѣ... Навѣрное, данъ рѣшительный толчокъ... Какой? Кто знаетъ? Развѣ Ляховъ...

Кириллъ Ивановичъ во время рѣчи Лыжина упорно разсматривалъ его лицо, здоровое, широкое, обросшее рыжеватою бородой,—лицо, которое было бы добродушно и красиво, еслибъ его не портили маленькіе, живые сѣрые глазки, блуждавшіе по сторонамъ, никогда не останавливаясь на лицѣ собесѣдника. Этотъ господинъ, по мнѣнію Кирилла Ивановича, въ глубинѣ души былъ строго равнодушенъ ко всему, крайне эгоистиченъ и ловко скрывалъ все это за дѣланною живостью и быстрой рѣчью. Кириллъ Ивановичъ никогда не любилъ его, но теперь почему-то не хотѣлъ, чтобъ онъ уходилъ.

Ему очень правилось умѣнье Лыжина ловко скрывать себя. Кирилль Ивановичъ захотѣлъ спросить его, какъ это онъ дѣлать, и нельзя ли и ему, Кириллу Ивановичу, тоже скрыть себя? Это было бы хорошо. Являются думы, а Кирилла Ивановича нѣтъ! Является грозное «нѣчто», а Кирилль Ивановичъ скрытъ! Тогда обманутыя думы надуются, какъ пузыри, лопнуть и разлетятся въ пыль, а грозное «нѣчто» сгрызетъ само себя въ мятежной злобѣ на исчезнувшаго Кирилла Ивановича, который послѣ этого, все-таки, и не откроетъ себя, ибо лучше быть скрытымъ отъ всего, безопаснѣе, спокойнѣе, — никто не тронетъ... Богъ знаетъ, о чемъ думаютъ люди, когда встрѣчаются и говорятъ другъ съ другомъ!...

И онъ смотрѣлъ въ лицо Лыжина ласкающе и мягко, желая попросить его остаться еще не надолго здѣсь съ нимъ и поговорить.

— Захочетъ пить — давайте изъ бутылки на окнѣ, это тоже какая-то умиротворяющая спеція, вродѣ кали. Ну-съ, иду! Addio!

Онъ перекинулъ на руку пальто и пошелъ. Кириллу Ивановичу хотѣлось крикнуть вслѣдъ ему: «Погодите!» — но Лыжинъ въ это время самъ обернулся на ходу и почему-то съ улыбкой произнесъ:

— Завтра, навѣрное, все оформится, и его отправить.

И, снова перекинувъ пальто съ руки на руку, быстро зашагалъ во дворъ.

Ярославцевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сталъ соображать, что ему теперь дѣлать: идти въ комнату, гдѣ лежитъ тотъ, или ожидать здѣсь, когда онъ проснется и заговорить? Ему представлялось, что какъ только Бравцовъ проснется, такъ сейчасъ же выкрикнетъ высокую, звонкую ноту, и вслѣдъ за ней начнетъ говорить быстро и громко, такъ, какъ говорятъ бойкія бабы-торговки, и такъ, что это будетъ походитъ на барабанную дробь.

Онъ думалъ и шелъ, наклонивъ голову, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда идетъ, вдругъ объятый какимъ-то фаталистическимъ словойствомъ. Всѣ его думы вдругъ какъ бы сгорѣли и на душу ему осыпался ихъ пепелъ, — осыпался и покрылъ ее теплымъ пластомъ тихой печали о чемъ-то...

Скверный аптечный запахъ заставилъ его очнуться въ то время, когда онъ стоялъ передъ дверью въ маленькую комнату, въ которой царилъ хаотическій безпорядокъ: стулья были сдвинуты на середину и стояли неправильнымъ полукругомъ передъ койкой; на полу валялись рваныя бумажки, книги, грязныя черепки тарелки, красный вязаный шарфъ и кожаная сумка. Передъ койкой стоялъ круглый столъ съ аптечными бутылочками и стаканомъ жидкаго чая. Изъ-за доски этого стола не видно было головы человѣка,

спокойно вытянувшись, вверх грудью, на койкѣ. Одно изъ двухъ оконъ комнаты было завѣшено синею тряпкой, другое заставлено банками цвѣтовъ, и сквозь нихъ видны были кусты шиповника, акаціи и сирени въ палисадникѣ.

Быстро осмотрѣвъ все это, Кирилль Ивановичъ поднялся на цыпочки, поднимая кверху указательный палецъ правой руки, какъ бы предостерегая отъ чего-то самъ себя, и двинулся къ койкѣ, плавно взмахивая въ тактъ своихъ движеній лѣвою рукой. Подойдя къ столу, онъ нагнулся черезъ него и, удерживая дыханіе, заглянулъ въ лицо больного.

Оно очень похудѣло съ той поры, какъ Кирилль Ивановичъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, но и только. Вообще же оно было спокойно, какъ у всѣхъ спящихъ людей. Кирилль Ивановичъ облегченно вздохнулъ. Онъ представлялъ себѣ, что эта болѣзнь наложила на лицо Бравцова какой-нибудь уродливый отпечатокъ, искривила, изломала его. И онъ отошелъ прочь, улыбаясь, въ высшей степени довольный своею ошибкой. Ему нравилось, что все это такъ просто.

Но вдругъ, обернувшись въ сторону, онъ увидалъ, что со стѣны на него смотритъ чье-то искривленное странною улыбкой лицо, блѣдное, съ прищуренными глазами и все дрожащее отъ сдерживаемого возбужденія. Въ уровень съ этимъ лицомъ была поднята рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, — она какъ бы грозила Кириллу Ивановичу и вмѣстѣ съ лицомъ была полна ехиднаго торжества надъ нимъ.

По жиламъ Кирилла Ивановича вмѣстѣ съ кровью пролилась холодная тоска, сжавшая ему сердце предчувствіемъ чего-то неотразимаго и рокового, и, подавленный ею, онъ тихо опустился на стулъ. Потомъ онъ почувствовалъ, что подъ кожей лѣваго бока у него вздуваются и тотчасъ же лопаются какіе-то пузырьки, отчего ему стало холодно и такъ тоскливо неприятно. Онъ снова всталъ, стараясь не смотрѣть на ту стѣну, съ которой ему грозили, и, гнетущимъ ужасомъ вспоминая, гдѣ онъ видѣлъ раньше это и верканное лицо, въ которомъ есть черты, очень близко зная мья ему?

«Неужели это оно... то существо, которому все извѣстно»

Передъ Кирилломъ Ивановичемъ вдругъ распахнулась тѣ пропасть безъ дна и края, полная безформеннаго, гнетущаго м... Онъ заглянулъ въ нее и отшатнулся въ ужасѣ, крѣпко зажму глаза. Его тянуло внизъ, и онъ почувствовалъ, что если не от... есть глазъ, то сейчасъ же полетитъ туда и будетъ летѣть безъ

на, замирая отъ страха и съ каждою секундой все сильнѣе ощущая его.

Онъ дрогнувъ, быстро взглянулъ передъ собой и вздохнулъ свободно и легко, — онъ былъ тутъ, въ комнатѣ Кравцова, и подъ ногами у него былъ полъ, твердый полъ, въ чемъ Кириллъ Ивановичъ и убѣдился, сильно надавивъ его ногой. Тогда ему снова страстно захотѣлось еще разъ взглянуть туда, на стѣну... Осторожно приподнимаясь со стула и, въ то же время, поворачиваясь назадъ, онъ увидалъ его, это лицо; но теперь оно было только жалко, и, выражая напряженное и боязливое ожиданіе чего-то, замерло въ этой мнѣ. Тутъ онъ узналъ себя, ибо это онъ былъ весь исполненъ ожиданія и боязни.

«Это зеркало... Д-да-а!» — догадался онъ и увидалъ, что рама зеркала была сверху, справа и слѣва закрыта повѣшеннымъ на него бѣлымъ полотенцемъ, а снизу ее скрывали рамки карточекъ; обои комнаты были тоже бѣлые, — вотъ почему зеркало было не замѣтно и такъ напугало его. Но это открытіе не убило въ немъ досливаго предчувствія, даже еще принесло съ собой нѣчто подчёркивающее это предчувствіе. Кириллъ Ивановичъ, глядя на свое отраженіе, задумался.

«А, вѣдь, это я самъ схожу съ ума!» — вдругъ проникся онъ весь острою мыслью, вызвавшею во всемъ его существѣ холодную дрожь и тихую, ноющую боль, точно всё его мускулы сразу напитались промозглою и влажною сыростью погребя. Ему захотѣлось кричать, звать себѣ на помощь, и онъ почувствовалъ, что уже оторвался отъ земли и падаетъ куда-то сквозь палящіе зноемы и замораживающіе кровь слои воздуха. Въ его груди нестерпимо, неприятно заняло; онъ схватился за нее руками и сталъ крѣпко растирать ее. А въ головѣ билась уничтожающая мысль и, не затемняя ее, кружились еще какіе-то обрывки мыслей, воспоминаній, дѣльный вихрь, точно въ его мозгахъ все было разорвано, разбито, исковеркано и въ ужасѣ разбѣгалось передъ нею, передъ этою мыслью о сумасшествіи, деспотически поработившей все, что было до нея. Онъ открылъ ротъ, глубоко вздохнулъ и, вобравъ въ себя страшно много пахучаго воздуха комнаты, напрягъ грудь, чтобы крикнуть.

— Дуракъ! Противная рожа! — раздался презрительный и насмѣшливый голосъ. — Что ты строишь себѣ гримасы, когда ты самъ еще не болѣе, какъ гнусная гримаса природы? Шпіонъ! Что можешь ты пакостнѣе? Ф-фа!...

Кириллъ Ивановичъ быстро обернулся съ выпяченною впередъ

увершились локтями въ подушку и подпирали
 руками ладонями, смотрѣлъ на него Бравцовъ воспаленными
 глазами, полными идовитой иронии и лихорадочнаго блеска. Усы
 его задвигивали и брови медленно всползали вверху, къ и
 вискамъ волосамъ, стоявшимъ на головѣ ершомъ. Губы были
 кривлены въ сардоническую улыбку, — онъ поводилъ ноздрами
 все время его неустанно содрогалось, образуя тутъ и тамъ кр
 узоры хорраинъ, и онъ былъ уродливъ и страшень.

«Вотъ кто сумасшедшій!» — вспыхнулъ новою мыслью
 рилль Ивановичъ, и эта новая мысль уничтожила ту, которая у
 тала его до этого момента.

Онъ выдохнулъ изъ себя цѣлый столбъ воздуха и почувс
 валь, что весь холодъ и ужасъ, оковавшіе его мозгъ, исчезли.
 было невыразимо пріятно смотрѣть на искаженное лицо Бравцо
 и чѣмъ больше онъ смотрѣлъ, тѣмъ ярче сознавалъ себя, тѣмъ т
 лѣе и легче становилось въ его груди.

«Вотъ что значитъ сумасшедшій! — воскликнулъ онъ в
 ренно; съ усиленнымъ и радостнымъ біеніемъ сердца. — На в
 онъ похожъ?.. На того дьявола, котораго одинъ святой поим
 въ своемъ рукоюицикѣ и запечаталъ глазами и его тамъ на мученія сво
 крестнымъ знаменіемъ!» съ этии та Ивановича въ сво
 это сравненіе еще болѣе подняло Кирил
 глазахъ, и онъ сейчасъ же, вслѣдъ за нимъ, стѣ съ гр
 себя и съ восхищеніемъ подумалъ: ошью, затеме
 «Развѣ это не вѣрно? Развѣ человекъ съ мыс
 безуміемъ, способенъ на такой широкой шагъ въ прошлое за
 вомъ, нужнымъ его мысли?» чувствіемъ
 А Бравцовъ все говорилъ фднія слова, не своди
 глаза съ Кирилла Ивановича. онъ тихо с пыла
 — Слушай, ты, безобразіе во образѣ! Ты — шпіонъ, ть кожей лѣ
 Кирилль Ивановичъ взялъ стулъ, подвинулъ его въ ие-то пузырь
 съ пріятною улыбкой сълъ на него, протягивая руку Крмю. Онъ снов
 говоря: орой ему грози
 — Маркъ Даниловичъ, что съ вами? Это же я! бль раньше эт
 — Ну, да, это ты! Я знаю, ты — это ты, шпіонъ, и пр очень близко з
 наблюдать, какъ я думаю. Ха-ха! Ты не узнаешь, не отсро
 мной носы мысли. А я спасу ихъ всѣхъ, ибо знаю, что имъ
 Я понял!

— Маркъ Даниловичъ! — убѣдительно, ласково и радостно
 — Прославцевъ. — Развѣ вы меня забыли?
 — Тебя? Забыть? Нѣтъ, васъ нельзя забыть, вы всюду... вы

это мухи, вы — это тараканы, клопы, блохи, пыль, камни стѣны! Вамъ прикажутъ—и вы принимаете на себя всѣ формы, оплощаетесь во все, изслѣдуете все... и слѣдите, какъ, о чемъ и зачѣмъ они думаютъ. Но вы, все-таки, слабы! Я же — могучь! Во мнѣ пылаетъ безсмертный огонь желанія подвига! И вотъ я, какъ Моисей изъ Египта, выведу васъ изъ жизни, помойной ямы, гдѣ вамъ такъ хорошо дышется. Выведу, и придемъ мы въ обѣтованную страну, гдѣ воздухъ слишкомъ чистъ для васъ и гдѣ потому вы не можете жить. Тамъ я напою моихъ братій изъ каменной источника свободы и возбужу души ихъ къ жизни творчества... къ жизни подвиговъ... къ жизни всепрощенія и возсозданія словѣна! А вы, какъ египтяне, погонитесь за нами, и исчезнете, истонете, захлебнетесь въ морѣ собственной гнусности и найдете смерть! Ибо вы въ себѣ носите смерть!

«Это... онъ о чемъ?» — думалъ Кириллъ Ивановичъ, понемногу теряя свою радость подъ торжественныя и громкія рѣчи Кравцова, поза котораго испускали острые, свѣтлые лучи, коловшіе Кирилла Ивановича въ лицо и грудь тонкими, палящими уколами.

«А! Онъ, вѣдь, читалъ отцовъ церкви... зачѣмъ-то... Августина и Оригена... и Златоуста... и искалъ все Назіанзина... да... Зачѣмъ онъ это читалъ? Развѣ нечего читать кромѣ? Значить, онъ давно ужъ... того... Очень смѣшной человѣкъ!... О чемъ онъ говоритъ? Ба! — внезапно просіялъ Кириллъ Ивановичъ. — Онъ меня называетъ шпиономъ, значить — у него манія преслѣдованія. Онъ говоритъ про себя: «я, какъ Моисей!» — значить, у него манія величія! Господи, какъ все это просто! Наука! Вотъ наука! Она всегда, какъ факель. Бѣдный человѣкъ!»

И Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ сейчасъ заплачетъ отъ жалости къ Кравцову, снова охваченный теплымъ и радостнымъ сознаніемъ правильности своей мысли.

А съ нею, съ его бѣдною мыслью, творилось что-то странное: она опускалась въ какой-то мрачный ухабъ, теряя горизонты, но вдругъ поднималась куда-то высоко и свободно охватывала собою огромное пространство, то текла медленно и лѣниво, какъ бы немая, то быстро стремилась къ чему-то, задѣвая по дорогѣ массу разнородныхъ предметовъ, снова точно падала внизъ и исчезала. Тогда Кириллъ Ивановичъ чувствовалъ только тревожное биеіе своего сердца и больше ничего.

Кравцовъ вдругъ весь извился змѣей и сѣлъ на койкѣ, въ одиокобѣ, съ раскрытою грудью, возбужденный и мрачно торжественный.

— Ты, слушай! Ты меня непустишь на подвигъ? Пусти! Я пойду и созову всёхъ ихъ въ поле. Тамъ соберемся всё мы, нищѣ духомъ, и грустно уйдемъ отъ жизни, нищѣ духомъ! Но не радуйся! И всё твои — пусть они не радуются нашему поражению, хотя мы и признаемъ его, ибо уходимъ изъ жизни, нищѣ духомъ, и съ разбитыми щитами надеждъ въ рукахъ, и безъ брони вѣры, потерянной нами въ битвахъ. Мы воротимся, богатые силой творить и вооруженные крѣпкою вѣрой въ себя, ея же нѣтъ крѣпче оружія! Ты понялъ? И мы укроемся свѣжими цвѣтами мечты о счастіи. Тыпустишь меня на этотъ подвигъ? За то я, по возвращеніи въ жизнь, прощу тебя перваго и первому тебѣ въ гнусное сердце дуну духомъ возрожденія. Эй, ты, камень! Пусти меня!

«Кого онъ хочетъ спасти и обновлять?» — медленно вертѣлись мысли въ головѣ Кирилла Ивановича.

Ему уже снова не жалко было Бравцова, онъ даже немного злился на него за то, что, онъ не переставая, говорилъ свои торжественныя слова, и они, звеня въ головѣ Кирилла Ивановича, мѣшаютъ ему уловить нѣкоторую важную мысль. Дѣло въ томъ, что въ головѣ Кирилла Ивановича все вдругъ окрасилось въ разные цвѣта, онъ ясно почувствовалъ и видѣлъ это: передъ его глазами плавали и кружились круглыя пятна — желтыя, синія, красныя. Ихъ было много, всё они быстро вертѣлись и изъ нихъ выбивалось и никакъ не могло выбиться одно, ярко-зеленое и много обѣщающее. Это непременно что-нибудь о вѣрѣ. Но голось Бравцова сотрясалъ воздухъ и все дрожало, сливалось, путалось между собой.

«Ахъ, какъ онъ громко! — съ тоской воскликнулъ про себя Кириллъ Ивановичъ. — Чего онъ хочетъ? Э, уродъ! Думы! Изъ нихъ порой рождаются идеи яркія, — идеи, окрашивающія жизнь бойскими майскими красками. Чего же онъ хочетъ? Чего можно хотѣть, кромѣ свободы думать?»

Ему вспомнилось чье-то опредѣленіе русской разночинной интеллигенци: «диллетантична, нежизнеспособна и болѣзненно-честолюбива». Вотъ и этотъ тоже болѣзненно-честолюбивъ. Сидѣлъ бы спокойно, молчалъ и думалъ. Кто знаетъ, что изъ этого можетъ выйти? А его вотъ тянетъ куда-то въ поле, кого-то вести изъ жизни вонъ! Что такое — вонъ изъ жизни?

Кириллъ Ивановичъ вспомнилъ какую-то картинку, на ней былъ изображенъ человѣкъ съ дудочкой во рту. Онъ стоялъ на берегу рѣки и игралъ на своей дудочкѣ, а къ нему со всёхъ сторонъ бѣжали крысы и мыши. Въ этомъ человѣкѣ было что-то общее съ

Маркомъ Бравцовымъ. Смѣшно! И Кирилль Ивановичъ вдругъ расхохотался, качаясь на стулѣ изъ стороны въ сторону.

Бравцовъ откинулся назадъ, оперся спиной о стѣну и замолчалъ, наклонивъ на грудь голову.

— Вотъ... торжествуетъ, Иуда!—громко прошепталъ онъ, из подлѣбья глядя на Кирилла Ивановича.

Тотъ вздрогнулъ и испуганно уставился на Бравцова. Они долго молча разсматривали другъ друга,—Кирилль Ивановичъ выжидательно и робко, а Бравцовъ пытливо и угрюмо. Кирилль Ивановичъ почувствовалъ, что лучистые глаза больного притягиваютъ его къ себѣ, и, наклонясь на стулѣ, облокотился у ногъ Бравцова о койку.

Стало внушительно-тихо. На улицѣ уже стемнѣло, и отъ кустовъ палисадника на стекла оконъ и подоконники легли вечернія тѣни. Наконецъ, Бравцовъ вдругъ улыбнулся и тихо сказалъ:

— А, вѣдь, я васъ знаю!

— Конечно!—утвердительно кивнулъ головой Кирилль Ивановичъ и добавилъ почти шепотомъ:— Вы бы говорили. А то такъ очень страшно... уже ночь.

— Говорить? Съ вами? Вѣдь, я васъ знаю! Вы—Ярославцевъ, статистикъ? Вамъ теперь стыдно?

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего. Но страшно.

— Да! Это такъ! Страшно! Бойтесь будущаго! Въ немъ вашъ итогъ!

Они оба теперь говорили шепотомъ и оба старались сказать каждую новую фразу еще тише, чѣмъ предыдущую. Несмотря на сумракъ въ комнатѣ, Кирилль Ивановичъ еще видѣлъ лицо Бравцова и сардоническую улыбку на немъ. Его все сильнѣе тянуло къ этому человѣку съ лучистыми глазами.

— Итогъ, вы говорите? — спросилъ онъ, помолчавъ. — Это что же?

— Это подсчетъ всѣмъ мерзостямъ вашей жизни. Безпристрастный подсчетъ,—внушительно прошепталъ Бравцовъ.— Вы думаете, что вашей статистикой и ограничивается все, да? Нѣтъ, вы ошиблись, человѣкъ! Есть еще статистика совѣсти, ея управляю я! Я не даю пощады... и знаю цѣну факта! Я васъ уже подсчиталъ!

— Не надо пугать человѣка!—жалобно попросилъ Кирилль Ивановичъ собесѣдника.

— Человѣка—да, но шпиона—надо! Зачѣмъ вы шпионъ? Зачѣмъ вы слѣдите, какъ я думаю? Боже мой, вѣдь, я только думаю! Отъ этого вредно мнѣ, и только мнѣ! Думать—это даже

благонамѣренно, потому что отъ думъ человѣкъ погибаетъ самъ, и вы не тратите своихъ копѣекъ на то, чтобы погубить его!

Шепотъ Бравцова вдругъ порвался, и металлически звякнуло громкое слово:

— День-ги! А, да... вы хотите денегъ за мою свободу думать! Вы продаетесь? Сколько?

— Послушай! — сказала убѣдительно, но, все-таки, шепотомъ Кирилль Ивановичъ. — Не кричи, услышать! Они всегда близко!

— Услышать?... А ты тоже боишься? Почему же? Вѣдь, ты мерзавецъ, и тебѣ можно говорить громко, а?... Слушай,пусти меня! Я иду дѣлать простое и полезное дѣло. Оно легально, увѣрю тебя. Я хочу вывести вонъ изъ жизни всѣхъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свои пятна, есть, все-таки, самые свѣтлые люди жизни... Они погибаютъ отъ тоски одиночества и вашего гоненія на нихъ. Они, видишь ли, задыхаются въ смрадѣ жизни, которыми ты дышешь легко. Это твоя стихія... но они... Дай мнѣ спасти ихъ! — крикнулъ онъ громко.

Кирилла Ивановича охватила волна ѣдкой злобы. Онъ всталъ передъ койкой и тихо, но оскорбительно-ясно зашипѣлъ въ лицо Бравцову:

— Ты не кричи! Я тебя свяжу... Ты — сумасшедшій, вотъ что Позимаешь? Ты со-шелъ съ ума! Да!... Спаси... кого? Я — Ярославцевъ, Кирилль Ярославцевъ, а ты — сошелъ съ ума!... Лягъ Понялъ?! Ну?!.. и все...

Онъ снова опустился на стулъ, тяжело дыша и часто моргалъ глазами. Бравцовъ схватилъ себя за голову и страшно закачался изъ стороны въ сторону.

Снова стало внушительно и пугающе-тихо. Взошла луна, и въ душный сумракъ комнаты черезъ окно влился голубой свѣтъ и легъ полосой на полу.

Вспышка злобы совершенно уже ослабила Кирилла Ивановича а страхъ передъ будущею минутой все росъ въ немъ. Въ тишинѣ и голубомъ полумракѣ комнаты безмолвно совершалось нѣчто таинственное и стройное, происходила какая-то разрушительная работа.

На голубую полосу луннаго свѣта, лежавшую на полу, пали узоры тѣней отъ цвѣтовъ на окнѣ, и вмѣстѣ это походило на нѣкую торую хартію, исчерченную мрачными гіероглифами, говорившими о глубокихъ тайнахъ жизни и о безсиліи ума передъ ними. Кирилль Ивановичъ взглянулъ на это и быстро отвернулся, ощущая въ груди какіе-то толчки.

«Все кончается!»—тихо прошепталъ онъ, и ему стало невыразимо грустно.

Бравцовъ поднялъ голову и молча посмотрѣлъ на него, двинувъ бровями. Кириллъ Ивановичъ вдругъ заплакалъ, обнявъ его ноги, крѣпко сжалъ ихъ и ткнулся въ нихъ своею головою, всхлипывая, какъ ребенокъ.

— Миѣ... страшно...

— Будущаго? — тихимъ и торжествующимъ восклицаніемъ спросилъ Бравцовъ, нагибаясь надъ нимъ и весь вздрагивая мелкою дрожью.

— Говорите все сначала... говорите! — шепталъ Кириллъ Ивановичъ.

— Ага! Я побѣдилъ еще одного!—тоже шепталъ Бравцовъ, отдирая его голову отъ своихъ ногъ.—Это хорошо... Побѣда... съ кѣраго шага!... Ты ваешься, да?... Садись... иди сюда, я расскажу тебѣ все.

Онъ пытался отнять руки Кирилла Ивановича отъ своихъ ногъ, стиснутыхъ ими, и поднять его голову, но Кириллъ Ивановичъ не дотупалъ ему, все крѣпче прижимаясь и что-то бормоча сквозь рыданія.

Наконецъ, Бравцовъ оставилъ его въ покоѣ; наклонясь надъ нимъ, онъ уперся руками въ койку и заговорилъ тихо, но торжественно и важно:

— Ты знаешь людей въ плѣну у жизни? Это тѣ люди, которые хотѣли быть героями, а стали статистиками и учителями. Они некогда боролись съ жизнью, но были побѣждены ею и взяты въ плѣнъ ея мелочами... Вотъ о нихъ-то говорю я и это ихъ хочу спасти... Ты понялъ? Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ, а сами они враги себѣ. Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать... И вотъ ихъ я соберу во-едино и выведу вонъ изъ жизни въ пустыню, и тамъ устрой имъ всеобщее спасеніе. Ты видишь, это легально, не правда ли? А я одинъ стану надъ всѣми ими и научу ихъ всему, что знаю. Я знаю много, больше, чѣмъ есть предметовъ для знанія, ибо я знаю всѣ ихъ плюсы—мое знаніе!... Мы источимъ по каплѣ сокъ наши на песокъ пустыни и оживимъ ее, застроимъ зданіями ея тѣя! Среди нихъ будетъ возвышаться надъ всѣми будка всеобщаго спасенія и на вершинѣ ея, подъ стекляннымъ колпакомъ, буду я возвращаться я самъ и смотрѣть за порядкомъ среди тѣхъ, что вверены мнѣ судьбой. Я буду строгъ, но не по-человѣчески спра-

ведливъ. Я знаю высшую справедливость. Я наложу на всѣхъ одну обязанность — творить. Твори, ибо ты человѣкъ! — прикажу я каждому. Это будетъ грандіозно! И когда мы создадимъ свое царство, въ которомъ все будетъ гармонія, то созовемъ всѣхъ шпионовъ и всѣхъ сильныхъ земли, и всѣ глупые народы созовемъ и скажемъ имъ: «Вотъ вы гнали насъ, а мы создали вамъ вѣчный образецъ жизни! Вотъ вамъ онъ, слѣдуйте ему! Мы же, возрожденные изъ пепла, идемъ творить, вѣчно творить... Вотъ наша задача». И мы, бывшіе бѣдняки, уйдемъ, обогативъ бывшихъ презровъ богатствомъ духа и силы жить. Побѣда!... Тогда я скажу всему міру: «Люди, одѣньтесь въ свѣтлое, ибо ночь исчезла и не придетъ больше». Вотъ какую идею родилъ я изъ несчастій и наукъ моей жизни, — я, гонимый и затравленный, я, измученный собой и уязвленный язвой желанія быть творцомъ жизни. Ты хочешь быть? — твори новое! Дай что-нибудь людямъ, дай имъ, ибо они жалки и бѣдны! Тогда какъ ты со мной, значить — ты объединился съ истиной. Ты будешь первый ученикъ мой — не плачь! Мы вмѣстѣ будемъ творить! Эй, ты, ребенокъ, ты слабъ еще! Ты тоже оскорбленъ? Ничего! Скоро ты возродишься къ жизни новой, — къ жизни, въ которой мы будемъ принимать участіе и будемъ вслухъ, громко, безъ боязни говорить о всемъ, о чемъ хотимъ, а? Ты не вѣришь мнѣ, человѣкъ? Вѣрь! Хотя это кажется и несбыточнымъ, но вѣрь, все-таки. Я твой добрый геній, я орелъ будущаго! Ручаюсь тебѣ, что всѣ слова твоего сердца и ума получатъ жизнь, ихъ услышать, надъ ними будутъ думать, ихъ поймутъ, и ты получишь должное — славу человѣка, который жилъ для жизни и людей. Вѣрь мнѣ, мы напьемся изъ полной чаши жизни и всѣ наши чувства будутъ звучать звуками удовлетворенія. Знаешь ты, что сказалъ Григорій Богословъ о Юліанѣ, который и есть отвлеченная формула отступленія отъ истины и угнетенія вѣры? И ты, можетъ быть, какъ всѣ, тоже думалъ, что Юліанъ — это цезарь? Голубчикъ! Не вѣрь этой пошлой истинѣ, она стара, — возьми изъ нея идею, но забудь о ней. Жизнь — въ будущемъ, и тамъ она наша. Въ прошломъ только идеи, тамъ нѣтъ лицъ. А мы съ тобой есть лица, и потому возьмемъ идеи, которыя нужны намъ для ступенекъ въ лѣстницѣ счастья, по которой мы войдемъ въ вѣчное блаженство, какъ ангелы во снѣ Іакова, какъ творцы жизни, обновители духа!

Его торжественный шепотъ превратился, наконецъ, въ потокъ словъ, все рѣже и рѣже оживлявшійся мыслью, и, наконецъ, просто въ слова безъ смысла, связанные между собой, казалось,

только единствомъ буквъ въ нихъ. Онъ говорилъ теперь возбужденно и внушительно, сверкая глазами на Кирилла Ивановича.

— Спасеніе... Паскаль... пока...

Очевидно, его мысли кипѣли и мчались куда-то такъ быстро, что онъ не успѣвалъ уже послѣдовательно заключать ихъ въ слова.

Кириллъ Ивановичъ давно уже поднялъ голову и всталъ передъ койкой на колѣни, все обнимая ноги Бравцова. Теперь онъ закинулъ голову немного назадъ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ въ лицо Бравцова, не отрываясь ни на секунду отъ него.

На полу все еще лежала эта голубая хартія луны и тѣней, но начертанные на ней гіероглифы измѣнились, стали проще формой, но еще темнѣе цвѣтомъ. Вся комната была заполнена волнующимися звуками торжественнаго шепота. Тихая и темная ночь смотрѣла въ окно.

Двѣ человѣческія фигуры, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, не обращали вниманія на то, что въ дверь поочередно заглядывали то голова женщины въ черномъ платкѣ, то голова мужчины въ шапкѣ и съ черною бородой. За дверью тоже слышался шепотъ. А Бравцовъ, все такъ же упираясь руками въ койку, склонился къ лицу Кирилла Ивановича и все говорилъ, говорилъ. Это продолжалось почти до разсвѣта. И уже когда мгла за окномъ посѣрѣла, онъ, измученный, свалился на подушку и сразу замеръ.

Кириллъ Ивановичъ быстро всталъ, пугливо оглянулся и подскочилъ къ нему. Разсвѣтало. Онъ сдернулъ съ себя пальто, занавѣсилъ имъ окно и, снова подойдя къ койкѣ, прошепталъ:

— Ничего, говори!

Но Бравцовъ, должно быть, уже не могъ говорить; онъ только вынулъ головой и, вздохнувъ, отвернулся къ стѣнѣ. Тогда Кириллъ Ивановичъ сѣлъ у него въ ногахъ на койку и, обнявъ свои колѣни руками, сталъ смотрѣть глазами любви и восторга на несчастнаго созидателя всеобщаго спасенія.

На четырехугольномъ бѣломъ пятнѣ подушки его черная голова сначала выдѣлялась рѣзко, а потомъ стала таять и растаяла. Тогда на мѣстѣ ея появилась желтая, безбрежная и сухая пустыня, и въ ней все трупы... много труповъ людей, лежащихъ въ разныхъ позахъ и отдыхающихъ отъ утомленія въ пути. А далеко, на краю пустыни, сіялъ кроваво-красный шаръ, спускаясь куда-то внизъ, а с неба падали мягкія и темныя тѣни, окутывая усталыхъ людей.. Потомъ все стало темно. Это наступила ночь, явился сонъ, и рѣдился въ тишинѣ пустыни бредъ спящихъ. Среди нихъ одинъ челвкъ не спалъ, стоя среди нихъ и зорко глядя въ небо, гдѣ

было много звѣздъ, а ниже ихъ неподвижно стояли въ воздухѣ три черныя точки. Это были орлы пустыни, и человѣкъ смотрѣлъ на нихъ подозрительно и въ ожиданіи.

И потомъ, Бириллъ Ивановичъ видѣлъ дорогу, наполненную исходящими изъ плѣна жизни людьми. Ихъ было много. Среди нихъ были и дѣти; они плакали на рукахъ матерей и отцовъ. А отцы и матери молча шли въ пыли и въ рубищахъ, и черезъ ихъ глаза Бириллъ Ивановичъ видѣлъ ихъ души, въ тоскѣ и лохмотьяхъ, изорванныя, изношенныя души много страдавшихъ людей. Впередъ всѣхъ шелъ онъ, великій человѣкъ, котораго всѣ слушались и на котораго смотрѣли съ надеждой, а рядомъ съ нимъ Бириллъ Ивановичъ видѣлъ себя. Являлась тьма и все скрывала собой.

И онъ, Бириллъ Ивановичъ, видѣлъ работу созиданія всеобщаго спасенія... и снова тьму... И видѣлъ торжественное возвращеніе въ жизнь... и снова тьму... И, наконецъ, только тьму, которой не было края и дна и которая дышала на него, въ лицо ему и въ душу печальнымъ холодомъ. Отъ дуновенія тьмы онъ качался, чувствовалъ, что вотъ онъ оторвется отъ земли и полетитъ куда-то, и жилъ этимъ острымъ чувствомъ, мѣшавшимъ ему сдѣлать малѣйшее движеніе. И ему было такъ тоскливо-больно, холодно, боязно.

Все крѣпче сжимаясь въ комокъ, онъ широко раскрывалъ глаза, стараясь увидѣть въ дали тьмы то, что должно было случиться съ нимъ, ибо онъ чувствовалъ, что вотъ скоро, сейчасъ, въ будущую секунду, нѣчто освободитъ его изъ власти ужаса.

Лучи солнца упали ему въ лицо. Онъ вздрогнулъ, зажмурилъ глаза и улыбнулся блѣдною улыбкой больного ребенка.

И затѣмъ, такъ же неподвижно, какъ и раньше, но уже съ закрытыми глазами, сидѣлъ долго.

Поутру, часовъ въ семь, пришли Ляховъ, Минорный и человѣкъ въ золотыхъ очкахъ и съ самоувѣреннымъ лицомъ. Они вошли въ дверь тихо, по одному, и за ними въ сѣняхъ остались еще какія-то странныя фигуры людей.

— Ну, что? Не буянилъ?—сказалъ Ляховъ, высокій человѣкъ съ печальнымъ и блѣднымъ лицомъ, Бириллу Ивановичу, который, при ихъ появленіи, спустилъ ноги съ койки и смотрѣлъ на нихъ съ ясною улыбкой.

Бириллъ Ивановичъ пожалъ протянутую ему руку Ляхова и съ тихимъ восторгомъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Вы уже пришли?... Значить, пора?

— Ну,—произнесъ Ляховъ и пристально посмотрѣлъ въ лицо спящаго Бравцова.

— Какъ же, дождемся, когда проснется?—спросилъ Минорный господина въ очкахъ.

— Я полагаю, прямо такъ взять и въ карету. Идите сюда!

Онъ махнулъ рукой къ себѣ, и въ дверь вошли двое здоровыхъ ребятъ въ бѣлыхъ фартукахъ.

— Возьмите осторожно больного!

Тутъ Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ койкѣ, всталъ у ея изголовья такъ, что закрылъ лицо Бравцова, удивленно посмотрѣлъ на всѣхъ и тихо, но внушительно спросилъ:

— Куда взять?... Его взять? Куда взять?

— Въ домъ, конечно,—сказалъ Минорный.

Въ лечебницу,—одновременно произнесъ докторъ и пристально уставился черезъ очки въ лицо Кирилла Ивановича.

Ляховъ все смотрѣлъ на Бравцова за спину Кирилла Ивановича и кусалъ себѣ нижнюю губу.

Кириллъ Ивановичъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, какъ бы съ усиленіемъ вспоминая что-то.

— Д-да!... Въ лечебницу!... А зачѣмъ же, собственно?... И кто вы?—и Кириллъ Ивановичъ тихонько дотронулся до рукава доктора.

— Я—докторъ, завѣдующій домомъ для душевно-больныхъ,—сказалъ господинъ въ очкахъ, не переставая разсматривать Кирилла Ивановича.

«Интеллигентный человѣкъ, значитъ!»—сообразилъ Кириллъ Ивановичъ и протянулъ ему руку.

— Мнѣ пріятно видѣть васъ... и я радъ, что вы тоже идете за нимъ,—кивнулъ онъ на Бравцова.

— Мы пріѣхали даже въ каретѣ,—вмѣшался Минорный, тоже подозрительно оглядывая Кирилла Ивановича.

— Ну, это напрасно,—махнулъ рукой тотъ.

— Мы пойдемъ всё пѣшкомъ, онъ—особенно.

— Да, вѣдь, онъ буянить будетъ на улицѣ! — воскликнулъ Минорный.

— То-есть какъ это?—удивился Кириллъ Ивановичъ.

— Да вы что, батенька?... Образумьтесь! Или и вы тоже, какъ онъ, съ ума сошли?...

— Позвольте!—остановилъ докторъ Минорнаго.

Кириллъ Ивановичъ вспыхнулъ и оглянулъ всѣхъ съ улыбкой на губахъ и со страхомъ въ глазахъ. Трое людей стояли и смотрѣ-

ли на него тоже съ какимъ-то боязливымъ любопытствомъ и догадкой. Кириллъ Ивановичъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ какой-то внутренней работы. Улыбка исчезла изъ его глазъ, и они, странно расширивъ, вдругъ ярко вспыхнули какою-то мыслью.

— Господа! — просительно зашепталъ онъ, сжимая руки и хрустя пальцами. — Господа! Что вы? Это ошибка! Вы считаете его безумнымъ? Это обидная ошибка, господа! Оскорбительная ошибка! Послушайте меня, — оставьте его такъ, какъ онъ есть. Дайте ему исполнить задуманное имъ дѣло. Это великое, необходимое дѣло! Вы знакомы съ его идеей? Нѣтъ? Какъ же вы, господа, рѣшаетесь на такое рѣзкое отношеніе къ нему? Это... странно! Вы послушайте! Я постигъ его, я усвоилъ его идею. Вѣдь, согласитесь, я же разумный человѣкъ. Вотъ Бабинъ засвидѣтельствуетъ это и господинъ Ляховъ. Да!... Какъ же вы?... Это возмутительно! Это недостойно васъ! Вы вините въ суть его ученія: мы подлѣемъ, умирая морально, мы умираемъ смертью безумія, мы пошло умираемъ физически. Все это отъ тоски и желаній, отъ скорби одиночества, отъ недостатка жизни, въ которой намъ не даютъ мѣста. Развѣ я говорю неразумно? Господа!... Намъ запрещено жить. Почему запрещено, господа? Развѣ мы преступны?... И еще скажите, развѣ онъ, предлагая намъ выйти съ нимъ за границы жизни въ песчаные, необитаемые пустыни, — развѣ онъ не правъ? Онъ приведетъ насъ обратно сюда... когда мы воскреснемъ духомъ. Господа, господа!... Что вы хотите дѣлать?... Вѣдь, такъ у васъ всё сумасшедшіе, все кто хочетъ счастья другимъ и кто простираетъ руку помощи. Кто горячо жалѣетъ и много любитъ бѣдныхъ, загнанныхъ, больныхъ и затравленныхъ другъ другомъ людей...

Наконецъ, онъ задохнулся и умолялъ, обводя всѣхъ испуганными глазами, изъ которыхъ текли крупныя слезы. Губы у него дрожали. Базалось, вотъ онъ сейчасъ зарыдаетъ. И у Минорнаго тоже дрожали губы.

— Вотъ... видите... какъ оно... заразительно... а я двое сутокъ... — шепталъ онъ доктору.

Тотъ почесалъ себѣ пальцемъ переносицу, приподнявъ очки, и, видимо, тоже пораженный, пробормоталъ:

— Да-да, знаете... Странный случай!

Ляховъ стоялъ и смотрѣлъ на всѣхъ, странно улыбаясь и все покусывая себѣ губу. Всѣ замолчали. Кириллъ Ивановичъ смахивалъ со щекъ слезинки и стоялъ у койки съ убитымъ лицомъ. Въ его глазахъ свѣтилось цѣлое море меланхолиі. Онъ

стоялъ и обводилъ глазами комнату. За троици людьми противъ него стояло еще двое, въ бѣлыхъ фартукахъ, и за дверью въ сѣняхъ видѣлись еще головы... И всѣ они упорно и молча ждали чего-то, ждали именно отъ него, ибо всѣ смотрѣли въ его сторону. Кирилль Ивановичъ печально улыбнулся и робко сказалъ:

— Простите меня, господа! Вы правы, такъ какъ васъ много! Я не оспариваю ваше право... и я ухожу... если могу?

— Подождите минуточку! — любезнымъ жестомъ остановилъ его докторъ.

— Извольте! — и Кирилль Ивановичъ покорно сѣлъ на стулъ, согласно указанію доктора.

Проснулся Маркъ Бравцовъ. Онъ быстро поднялся, сѣлъ на койку и, сурово оглянувъ публику, наполнявшую комнату, громко спросилъ:

— Вы кто?

— Слушай, Маркъ, — хочешь кататься? — спросилъ его Ляховъ.

— Не обманывай меня, іезуитъ! Ты хочешь чего-то... Я знаю тебя... и всѣхъ васъ!... А! Вы пришли взять меня!... Но я не дамъ безъ борьбы! Нѣтъ! Я васъ разсѣю, какъ пыль!... Меня взять!... Нѣтъ!...

Но на него уже накинута какой-то длинный мѣшокъ. Онъ бахтался въ немъ, пока его не спеленали въ немъ, какъ ребенка. Вотъ его подняли на руки и понесли, а онъ, рыдая и извививаясь въ сѣнѣхъ корпусомъ, кричалъ:

— Нѣтъ!... Нѣтъ!... Нѣтъ!...

Въ комнатѣ остался Ляховъ. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея какую-то фотографію и, обратясь къ Кириллу Ивановичу, который съ неподвижною до ужаса сосредоточенностью въ глазахъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ, и ласково сказалъ ему:

— Ну, пойдете и мы!

Кирилль Ивановичъ покорно всталъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ.

— Я ворочусь черезъ часъ! — сказалъ Ляховъ какой-то женщицѣ, запирая дверь комнаты Бравцова.

— Я ворочусь черезъ часъ! — какъ эхо повторилъ за нимъ Кирилль Ивановичъ Ярославцевъ, взглянувъ на него своими мертвыми глазами.

Черезъ часъ они оба въ лечебницѣ — и Кирилль Ивановичъ Ярославцевъ, и Маркъ Даниловичъ Бравцовъ. На выздоровленіе Бравцова всѣ надежды, на выздоровленіе его ученика — нѣтъ никакихъ.

Они встрѣчаются другъ съ другомъ на прогулкахъ въ саду заведенія. Когда Кирилль Ивановичъ издали увидитъ черноусое и всегда пылающее возбужденіемъ лицо Марка Даниловича, онъ мелкими шажками бѣжитъ къ нему и, снимая колпакъ, тихо шепчетъ:

— Говори, учитель!...

Кирилль Ивановичъ говоритъ очень мало и всегда не иначе, какъ робкимъ шепотомъ. Если Бравцовъ ходитъ, то Кирилль Ивановичъ, согнувшись, сѣменитъ за нимъ, а если онъ сидитъ, то Кирилль Ивановичъ садится у его ногъ, жалко смотритъ ему въ лицо и изрѣдка просительно шепчетъ:

— Говори, учитель!...

И учитель говоритъ своему ученику возмущенно и строго о гоненіяхъ духа и страданіяхъ духа, торжественно и важно о всеобщемъ спасеніи и съ гордостью о самомъ себѣ, великомъ учителѣ и пророкѣ разбитыхъ жизнью людей.

М. Горькій.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ времянь Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Петроній Виницію:

«Сжалься, carissime, не подражай въ письмахъ ни спартанцамъ, ни Юлію Цезарю. Если бы ты, какъ онъ, могъ написать: «veni, vici, vici»¹⁾, то я еще понималъ бы такой лаконизмъ. Но твое письмо, въ концѣ-концовъ, обозначаетъ: «veni, vici, fugi»²⁾, а такъ какъ подобный конецъ дѣла прямо противенъ твоей натурѣ, потому что ты былъ раненъ и съ тобою творились вещи необычайныя, то все письмо требуетъ объясненія. Я глазамъ не повѣрилъ, когда прочиталъ, что лигіецъ задушилъ Бротона такъ же легко, какъ калдонскій песъ душитъ волка въ ущельяхъ Гиберніи³⁾. Этотъ человекъ стбитъ столько золота, сколько вѣситъ самъ, и отъ него зависитъ сдѣлаться любимцемъ цезаря. Когда я возвращусь въ городъ, долженъ буду свести съ нимъ близкое знакомство и прикажу съ него отлить статую изъ бронзы. Мѣднородный лопнетъ отъ любопытства, когда я скажу ему, что это съ натуры. Настоящія атлетическія тѣла теперь все рѣже и рѣже и въ Италіи, и въ Греціи, — остоки и говорить нечего. У германцевъ, хотя они и рослый народъ, мускулы покрыты жиромъ, — больше объема, чѣмъ силы. Развѣ ты лигіецъ, составляетъ ли онъ исключеніе, или въ его странѣ

* Русская Мысль, кн. VIII.

1) римель, увидѣлъ, побѣдилъ.

2) римель, увидѣлъ, бѣжалъ.

3) Caledonia—Шотландія, Hibernia—Ирландія.

найдется много людей, похожих на него. Можетъ быть, тебѣ или мнѣ придется по должности когда-нибудь устраивать пиршества,—хорошо было бы знать, гдѣ искать лучшія тѣла.

Но слава богамъ, восточнымъ и западнымъ, что ты вышелъ живымъ изъ подобныхъ рукъ. Ты остался живъ, конечно, потому, что ты патрицій и сынъ консулярнаго мужа, но все, что встрѣтило тебя, изумляетъ меня въ высшей степени, и это владѣніе, на которомъ ты очутился среди христіанъ, и они сами, и ихъ поведеніе съ тобой, и второе бѣгство Лигіи, и, наконецъ, та грусть и тревога, какою вѣетъ отъ твоего короткаго письма. Объясни мнѣ все, потому что многихъ вещей я не понимаю, а если хочешь знать правду, то я скажу тебѣ, что не понимаю ни христіанъ, ни тебя, ни Лигію. И не удивляйся, что я, котораго, за исключеніемъ собственной особы, мало что интересуетъ на свѣтѣ, такъ тщательно разспрашиваю объ всемъ этомъ. Причиною всего, что произошло,—я,—значить, до нѣкоторой степени это мое дѣло. Пиши скорѣе, потому что я не могу знать, когда мы увидимся. Въ головѣ мнѣ побородаго намѣренія мѣняются, какъ весенніе вѣтры. Нынѣ, сидѣвъ въ Беневентѣ, онъ имѣетъ намѣреніе ѣхать прямо въ Грецію и возвращаться въ Римъ. Тигеллинъ, однако, совѣтуетъ ему возвратиться хоть на нѣкоторое время, иначе народъ, стосковавшійся и немъ (читай: по играмъ и хлѣбу), можетъ взбунтоваться. Какъ пойдутъ дѣла, я не знаю. Если Ахайя перевѣситъ, то, можетъ быть намъ захочется Египта. Я сильно настаиваю, чтобы ты пріѣхалъ сюда, и считаю, что въ теперешнемъ положеніи твоей души путешествіе и наши удовольствія были бы для тебя лѣбарствомъ, но ты могъ бы не застать насъ. Подумай, въ такомъ случаѣ, не предпочтешь-ли ты отдохнуть въ своихъ сицилійскихъ имѣніяхъ, чѣмъ сидѣть въ Римѣ? Пиши мнѣ о себѣ подробнѣе и прощай. Желаній никакихъ, кромѣ желанія тебѣ быть здоровымъ, на этотъ разъ не добавляю, потому что, проклянуъ Поллуксомъ! не знаю, что пожелать тебѣ».

Виницій, получивъ это письмо, сначала не имѣлъ ни малѣйшей охоты отвѣчать на него. У него было какое-то чувство, что отвѣчать не стоить, что это ни на что не нужно, ничего не выяснитъ ничего не распутаетъ. Его охватывало равнодушіе и сознаніе тщеславіи жизни. При этомъ ему казалось, что Петроній ни въ какомъ случаѣ не пойметъ его,—произошло что-то такое, что отдалило ихъ другъ отъ друга. Онъ не могъ даже поладить самъ съ собою. Изъ Тибра въ свою роскошную «инсулу» въ Каринахъ онъ возвратился еще слабымъ, истощеннымъ и въ первые дни испытывалъ нѣготъ

рое удовольствіе отъ удобствъ и роскоши, которыя окружали его. Но удовольствіе это длилось недолго. Вскорѣ онъ почувствовалъ, что жить въ пустотѣ, что все, что до сихъ поръ составляло интересъ его жизни, или совершенно не существуетъ для него, или уменьшилось до едва замѣтныхъ размѣровъ. Онъ испытывалъ чувство, какъ будто въ его душѣ подрѣзали тѣ нити, которыя до сихъ поръ соединяли его съ жизнью, а никакихъ другихъ не навяли. Подумалъ онъ о томъ, что могъ бы поѣхать въ Беневентъ, а потомъ въ Ахайю, и ему стало скучно. «Зачѣмъ? На что мнѣ это можетъ пригодиться?» — вотъ первые вопросы, которые промелькнули въ его головѣ. Точно также впервые въ жизни онъ подумалъ, что еслибъ онъ поѣхалъ, то бесѣда съ Петроніемъ, его остроуміе, изящество, его блестящія опредѣленія мысли и подборъ мѣткихъ словъ для каждаго понятія въ настоящее время могли бы надоѣсть ему. Съ другой стороны, однако, ему начало надоѣдать и одиночество. Всѣ его знакомые жили съ цезаремъ въ Беневентѣ, и Виницій принужденъ былъ сидѣть дома одинъ, съ головою, полною мыслей, съ сердцемъ, полнымъ чувствъ, въ которыхъ онъ не могъ дать себѣ отчета. Бывали минуты, когда онъ думалъ, что еслибъ ему только было съ кѣмъ-нибудь поговорить обо всемъ, что въ немъ происходитъ, то, можетъ быть, ему удалось бы какимъ-нибудь образомъ схватить это, упорядочить, рассмотреть получше. Подъ влияніемъ этой надежды, послѣ нѣсколькихъ дней колебанія онъ наконецъ отвѣтилъ Петронію, и хотя не былъ увѣренъ, что пошлетъ ему этотъ отвѣтъ, набросалъ его въ слѣдующихъ словахъ:

«Ты хочешь, чтобъ я писалъ тебѣ подробно, — согласенъ; хочешь, чтобъ я писалъ яснѣе, — не знаю, могу ли сдѣлать это, потому что и самъ не умѣю развязать множество узловъ. Я тебѣ сообщалъ уже о моемъ пребываніи среди христіанъ, объ ихъ поступкахъ съ врагами, въ которыхъ они имѣли право причислить меня и Хилона, о добротѣ, въ которой они ухаживали за мной, наконецъ, объ исчезновеніи Лигіи. Ты, дорогой, меня пощадили не потому, что я сынъ консулярнаго мужа. Такихъ соображеній для нихъ не существуетъ, потому что они простили и Хилону, хотя я самъ поощрялъ ихъ, чтобъ они заперли его въ саду. То люди, которыхъ до сихъ поръ свѣтъ не видѣлъ, и ученіе, о которомъ до сихъ поръ свѣтъ не слышалъ. Ничего этого я сказать не могу, и кто захочетъ мѣрять ихъ нашею мѣрою, тотъ ошибется. За то я скажу тебѣ, что еслибъ я лежалъ со своимъ значною рукой въ собственномъ домѣ и если бы за мной ухаживали мои люди или даже мои родственники, конечно, мнѣ было бы веселѣе, но я не увидалъ бы и половины той заботливости, какою

они окружали меня. Знай также и то, что и Лигія совсѣмъ не такова какъ другія. Еслибъ она была моею женой или сестрой, то и тогда не могла бы нѣжнѣе относиться ко мнѣ. Не разъ радость заливал мое сердце, и я думалъ, что только любовь можетъ внушить такую нѣжность. Не разъ я читалъ эту любовь на ея лицѣ и въ ея взглядѣ и, повѣришь ли, тогда, среди этихъ простыхъ людей, въ убогой комнатѣ, которая служила имъ, въ одно и то же время, и кухней, и триклиніемъ, я чувствовалъ себя болѣе счастливымъ, чѣмъ когда бы тамъ ни было. Нѣтъ, она относилась ко мнѣ не равнодушно, и я до сих поръ не могу объ этомъ думать иначе. Но, однако, та же самая Лигія потихоньку отъ меня покинула жилище Миріамъ. Я теперь въ цѣлымъ днямъ сижу съ головою, склоненною на руки, и думаю, зачѣмъ она сдѣлала это? Я, кажется, писалъ тебѣ, что самъ обѣщаю возвратить ее въ домъ Авла. Она отвѣтила мнѣ, что это невозможно и потому, что Авлъ съ семьей уѣхалъ въ Сицилію, и потому, что вѣсть о ея возвращеніи, переходя изъ дома въ домъ, дойдетъ до Палатина. Цезарь снова могъ бы отобрать ее отъ Авла. Все это правда. Но, вѣдь, она знала, однако, что больше я не буду навязываться ей, что я покидаю путь насилія, а такъ какъ я не могу и перестать любить ее, ни жить безъ нея, то введу ее въ свой домъ чрезъ увѣнчанныя двери и посажу у очага на освятившей шкуру. А она, все-таки, ушла! Зачѣмъ? Ей ничто не угрожало. Если бы она не любила, то могла бы отвергнуть меня. За день передъ этимъ познакомился со страннымъ человѣкомъ, нѣкимъ Павломъ Тарсаниномъ, который говорилъ со мной о Христѣ и Его ученіи, и говорилъ такъ сильно, что мнѣ казалось, будто каждое его слово, по воли его воли, обращаетъ въ пепелъ всѣ основанія нашего міра. Этотъ самый человѣкъ навѣстилъ меня послѣ исчезновенія Лигіи и сказалъ мнѣ: «Когда Богъ откроетъ твои глаза на свѣтъ и сниметъ съ нихъ пелену, какъ снялъ съ моихъ, тогда ты почувствуешь, что она поступила правильно, и тогда, можетъ быть, найдешь ее». И вотъ я ломаю голову надъ этими словами, какъ будто слѣпалъ ихъ изъ устъ Дельфійской пивои. По временамъ мнѣ кажется, что я уже понимаю что-то. Они, любя людей вообще, — враги нашей жизни, нашихъ боговъ и... нашихъ преступленій Лигія бѣжала отъ меня, какъ отъ человѣка, который принадлежалъ къ тому міру и съ которымъ должна была бы вести жизнь по понятіямъ христіанъ, преступную. Ты скажешь, что если бы она могла отвергнуть меня, то ей незачѣмъ было удаляться. Если и она любитъ меня? Въ такомъ случаѣ, она бѣжала отъ своей любви. При одной мысли объ этомъ мнѣ хочется разослать

исвольниковъ по всѣмъ переулкамъ Рима и приказать имъ, чтобы они кричали по домамъ: «Возвратись, Лигія!» Но я перестаю понимать, зачѣмъ она сдѣлала это. Наконецъ, вѣдь, я не мѣшалъ ей ей вѣрить въ ея Христа и самъ бы воздвигъ Ему алтарь въ своемъ атриіи. Чѣмъ мнѣ могъ бы помѣшать одинъ новый богъ и почему бы я не увѣровалъ въ него, — я, который не особенно вѣрю въ старыхъ? Я знаю съ полною достовѣрностью, что христіане никогда не лгутъ, а они говорятъ, что Онъ воскресъ. А, вѣдь, словѣтъ сдѣлать этого не могъ. Павелъ Тарсянинъ — римскій гражданинъ, но, какъ еврей, онъ знаетъ древнія еврейскія книги и говоритъ мнѣ, что прішествіе Христа было предсказано пророками несколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Все это вещи необычайныя, но развѣ необычайность не окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ? Павелъ Аполлоніи Тіанскомъ ⁴⁾ еще не перестали говорить. Павелъ утверждаетъ, что цѣлой толпы боговъ нѣтъ, а есть только одинъ, и это кажется мнѣ справедливымъ. Кажется, и Сенека придерживается такого же мнѣнія, да и до него многіе думали такъ же. Христосъ былъ, отдалъ себя на пропятіе для спасенія міра и воскресъ. Это совершенно вѣрно и поэтому я не вижу повода, зачѣмъ бы упорствовать въ противномъ мнѣніи и почему бы не воздвигнуть ему алтарь, коль скоро я готовъ былъ бы сдѣлать это, напримеръ, для Сераписа. Мнѣ даже не трудно было бы отречься отъ другихъ боговъ, потому что никакой разумный человекъ и такъ въ нихъ не вѣритъ. Но мнѣ кажется, что христіанамъ всего этого недостаточно. Недостаточно поклоняться Христу, — нужно еще быть согласно его ученію, — и только здѣсь ты какъ будто останавливаешься у берега моря, которое тебѣ приказываютъ перейти въбродъ. Еслибъ я обѣщалъ это, христіане сами почувствовали бы, что это пустой звукъ, исходящій изъ моихъ устъ. Но, вѣдь, я могу же я, даже по просьбѣ Лигіи, взвалить на плечи Соракли или Везувій, ни помѣстить на своей ладони Тразименское озеро, ни перемѣнить цвѣтъ своихъ глазъ съ черныхъ на голубые, или обладають лигійцы. Это вѣдъ предѣловъ моей силы. Я не философъ, но и не такой глупецъ, какимъ, можетъ быть, не одинъ изъ васъ казался тебѣ. И я скажу тебѣ вотъ что: я не знаю, какъ христіане устраиваются, чтобы жить, за то знаю, что гдѣ начи-

⁴⁾ Аполлоній Тіанскій родился въ Каппадокіи немногимъ позже Христа. Онъ придерживался системы пневогорейской философіи, смѣшанной съ неоплатоническими ученіями. Его строго-аскетическій образъ жизни и приписываемыя ему чудеса доставили ему всеобщее уваженіе. Языческіе писатели (наприм., Героклъ) сопоставляли его Христу, противъ чего возставали христіанскіе епископы (наприм., Евсевій).

нается ихъ ученіе, тамъ кончается римское владычество, кончается Римъ, кончается жизнь, разница между побѣдителемъ и побѣжденнымъ, богатымъ и бѣднымъ, господиномъ и невольникомъ, кончается правительство, кончается цезарь, законъ и весь порядокъ міра, а вмѣсто всего этого приходитъ Христосъ и какое-то милосердіе, какого до сихъ поръ не бывало, какая-то доброта, противная человѣческимъ и нашимъ римскимъ инстинктамъ. Правда, Лигія меня занимаетъ больше, чѣмъ весь Римъ и его владычество,—и пускай бы весь міръ разрушился, только чтобъ я могъ видѣть ее въ своемъ домѣ. Но это дѣло другого рода. Для нихъ, для христіанъ, недостаточно согласиться на словахъ, нужно еще чувствовать, что это хорошо, и не имѣть въ душѣ ничего другого. А я,—беру боговъ въ свидѣтели,—не могу. Понимал ли ты, что это значить? Въ моей натурѣ есть что-то, что содрогается при мысли объ этомъ ученіи, и хотя мои уста прославляли бы его, разумъ и душа говорили бы мнѣ, что это я дѣлаю ради любви, ради Лигіи, и что еслибъ не она, то ничто въ свѣтѣ не было бы такъ противно мнѣ. И,—странная вещь!—какой-нибудь Павелъ Тарсянинъ понимаетъ это,—понимаетъ, несмотря на всю свою простоту, и старый теургъ, самый главный среди нихъ, Петръ, ученикъ Христа. И знаешь ли ты, что они дѣлаютъ?—молятся за меня и спрашиваютъ для меня то, что они называютъ благодатью, а въ меня вселяется тревога, и все большая тоска по Лигіи.

Я писалъ тебѣ, что она ушла отъ меня, но, уходя, оставила мнѣ крестъ, который связала сама изъ вѣтокъ самшита. Когда я проснулся, то нашелъ его возлѣ постели. Теперь онъ у меня въ лаваріи и я самъ не счужу дать себѣ отчета, отчего приближаюсь къ нему такъ, какъ будто въ немъ кроется что-то быжественное, то-есть съ благоговѣніемъ и страхомъ. Я люблю его, потому что это ея руки связали его, и ненавижу, потому что онъ раздѣляетъ насъ. По временамъ мнѣ кажется, что и всемъ этомъ какое-то колдовство и что теургъ Петръ, хотя и называется себя рыбакомъ, больше и Аполлонія, и всѣхъ, кто былъ до него, и что это онъ опуталъ всѣхъ,—Лигію, Помпонію и меня самого.

Ты пишешь, что въ предъидущемъ моемъ письмѣ чувствуетъ безпокойство и грусть. Грусть должна быть, потому что я снова утратилъ Лигію, а безпокойство оттого, что во мнѣ что-то изменилось. Искренно говорю тебѣ, что нѣтъ ничего болѣе несоответственнаго моей натурѣ, чѣмъ это ученіе, и, однако, со времен

какъ я столкнулся съ нимъ, я не могу узнать себя. Чары или любовь? Цирцея своимъ прикосновеніемъ измѣняла тѣла людей, а у меня перемѣнили душу. Когда я отъ нихъ возвратился къ себѣ, меня никто не ожидалъ. Думали, что я въ Беневентѣ и что возвращусь не скоро, поэтому въ домѣ я засталъ беспорядокъ, пьяныхъ невольниковъ и пирь, который они устроили въ моемъ триклиніи. Они скорѣе ожидали смерти, чѣмъ меня, и меньше бы испугались, еслибъ увидали ее. Ты знаешь, какъ строго я держу свой домъ, все бросилось передо мною на колѣни, а иные невольники лишились чувствъ отъ страха. А я... знаешь какъ поступилъ я? Въ первую минуту я хотѣлъ приказать принести розги и раскаленное желѣзо, но тотчасъ же меня охватилъ какой-то стыдъ, и—повѣришь ли?—какая-то жалость къ этимъ невольникамъ. Между ними были и старики, которыхъ еще мой дѣдъ, Маркъ Виницій, въ прамеіе Августа привезъ съ Рейна. Я заперся одинъ въ библіотекѣ и тамъ мнѣ въ голову пришли еще болѣе странныя мысли, именно, что послѣ того, что я слышалъ и видѣлъ у христіанъ, я не могу поступать съ невольниками такъ, какъ поступалъ до сихъ поръ, и что невольники—тоже люди. Они нѣсколько дней ходили въ смертельной тревогѣ, думали, что я медлю только потому, чтобъ придумать болѣе ужасное наказаніе, а я не наказывалъ и не наказывалъ никого, потому что... не могъ. Третьяго дня я призвалъ ихъ и сказалъ: «Я прощаю вамъ, а вы постарайтесь болѣе усердною службой загладить свою вину». Они упали на колѣни, обливаясь слезами, со стономъ протягивая ко мнѣ руки и называя меня господномъ и отцомъ, а я, — мнѣ странно говорить это, — также былъ взволнованъ. Мнѣ казалось, что въ эту минуту я вижу броткое лицо Лигіи и ея глаза, полные слезъ и съ благодарностью смотрящіе на меня за этотъ поступокъ. И—*proh pudor!*⁵⁾—я чувствовалъ, что и мои рѣсницы сдѣлались влажными. Знаешь, въ чемъ я призываю тебѣ: я не могу обойтись безъ нея, мнѣ плохо одному, я положительно несчастливъ и моя тоска больше, чѣмъ ты предполагаешь. Но что касается моихъ невольниковъ, то меня заинтересовала одна вещь. Прощеніе, которое получили они, не только не испортило ихъ, не только не ослабило дисциплину, но никогда страхъ не побуждалъ ихъ къ такой добросовѣстной службѣ, къ какой побудила благодарность. Они не только служатъ, но, кажется, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются угадывать мои мысли, а я упоминаю объ этомъ потому, что когда я, накануне своей разлуки

) 0, стыдъ!

съ христіанами, сказалъ Павлу, что міръ распался бы отъ его ученія, какъ бочка безъ обручей, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Любовь—болѣе крѣпкій обручъ, чѣмъ страхъ». Теперь я вижу, что къ нѣкоторымъ случаямъ это правило можетъ быть примѣнимо. Провѣрилъ я его и по отношенію къ кліентамъ. Они узнали о моемъ возвращеніи и сбѣжались привѣтствовать меня. Ты знаешь, я никогда не былъ скупъ къ нимъ, но еще мой отецъ по убѣжденію держалъ себя съ ними свысока и меня пріучилъ къ тому же. А вотъ теперь, видя эти потертые плащи и изможденные лица, я снова почувствовалъ сожалѣніе. Я приказалъ дать имъ ѣсть и даже говорилъ съ ними; назвалъ кое-кого по имени, другихъ спросилъ объ ихъ женахъ и дѣтяхъ, и снова видѣлъ слезы на ихъ глазахъ, снова мнѣ показалось, что Лигія видитъ это, радуется и одобряетъ меня. Разумъ ли мой начинаетъ мѣшаться, любовь ли спутала мои мысли,—не знаю; знаю только, что вѣчно чувствую, что она смотритъ на меня издали, и боюсь сдѣлать что-нибудь такое, что бы могло огорчить и обидѣть ее. Да, Бай, перемѣнили мою душу, и порою мнѣ хорошо съ этимъ, а порою я опять терзаюсь мыслью, что у меня отняли прежнее мужество, прежнюю энергію и что, можетъ быть, я уже неспособенъ: не только для совѣта, суда, пировъ, но даже и для войны. Несомнѣнные чары! Я такъ сильно измѣнился, что скажу тебѣ еще и то, что приходило мнѣ въ голову во время моей болѣзни: еслибъ Лигія была похожа на Нигидію, на Поппею, на Криспиниллу и тому подобныхъ нашихъ разводовъ, еслибъ она была такъ же мерзка, такъ же немилосердна и такъ же легко доступна, какъ онѣ, я не любилъ бы ее такъ, какъ люблю теперь. Но если я люблю ее за то, что насъ раздѣляетъ, ты догадаешься, какой хаосъ образуется въ моей душѣ, въ какомъ мракѣ я живу, какъ я не вижу передъ собой вѣрной дороги и какъ далеко не знаю, что мнѣ начать дѣлать. Если жизнь можно сравнить съ источникомъ, то въ моемъ источникѣ, вмѣсто воды, течетъ тревога. Я живу надеждой, что, можетъ быть, увижу ее, и иногда мнѣ кажется, что это должно наступить. Но будетъ ли это черезъ годъ, или черезъ два, я не знаю и не могу отгадать. Изъ Рима я не уѣду. Я не могъ бы вынести общества августіанъ, а, притомъ, единственнымъ утѣшеніемъ въ моей грусти и тревогѣ служить мысль, что я близокъ къ Лигіи, что отъ Главка или Павла Тарсянина иногда могу узнать о ней что-нибудь. Нѣтъ, я не оставляю Рима, хотя бы мнѣ обѣщали управление Египтомъ! Знай также, что я приказалъ скульптору обтесать надгробный памятникъ для Гудона, котораго я убилъ во гнѣвѣ. Поздно пришло мнѣ на умъ, что, однако, онъ носилъ меня на рукахъ и первый училъ

меня, какъ накладывать стрѣлу на лукъ. Не знаю, почему во мнѣ теперь пробудилось воспоминаніе о немъ, — воспоминаніе, похожее на сожалѣніе и упрекъ. Если тебя удивить то, что я пишу, я отвѣчу тебѣ, что я самъ удивляюсь не меньше, но пишу тебѣ истинную правду. Прощай».

II.

На это письмо Виниціи уже не получилъ отвѣта, — Петроній, очевидно, рассчитывалъ, что цезарь каждый день можетъ объявить о своемъ намѣреніи возвратиться въ Римъ. Дѣйствительно, вѣсть объ этомъ разошлась въ городъ и возбудила великую радость въ сердцахъ толпы, жаждавшей игръ и раздачи хлѣба и масла, которые въ огромномъ количествѣ были нагромождены въ Остіи. Гелій, отпущенникъ Нерона, наконецъ, объявилъ объ его возвращеніи въ сенатъ, но Неронъ, вмѣстѣ со своимъ дворомъ, сѣлъ на суда у Мисенскаго мыса и вѣхалъ домой не торопясь, высаживаясь въ прибрежныхъ городахъ для отдыха или для появленія въ театрахъ. Въ шатурнахъ, гдѣ онъ снова пѣлъ публично, онъ провелъ нѣсколько дней и даже раздумывалъ, не возвратиться ли въ Неаполь и не ждать ли тамъ весны. А весна въ томъ городѣ была ранняя и теплая. Все это время Виниціи жилъ одиноко, въ своемъ домѣ, съ мыслью о Лигіи и о всѣхъ тѣхъ новыхъ вещахъ, которыя занимали его душу и вносили въ нее чуждыя до сихъ поръ понятія и чувства. Отъ времени до времени онъ видѣлся только съ Главкомъ, каждое посѣщеніе котораго наполняло его внутреннею радостью, потому что съ нимъ онъ могъ говорить о Лигіи. Правда, Главкъ не зналъ, гдѣ она нашла убѣжище, но увѣрялъ Виницію, что старшины окружили ее заботливымъ попеченіемъ. Однажды, тронутый дружбою Виниціи, онъ сказалъ ему, что апостолъ Петръ выговаривалъ Криспу за то, что онъ упрекалъ Лигію за ея земную любовь.

Молодой патрицій, услыхавъ это, поблѣднѣлъ отъ волненія. Ему казалось не разъ, что Лигія неравнодушно смотритъ на него, но столько разъ онъ впадалъ въ сомнѣніе, а теперь впервые услышалъ подтвержденіе своей завѣтной мечты изъ чужихъ устъ, да еще, кромѣ того, отъ христіанина. Въ первую минуту онъ хотѣлъ бѣжать благодарить Петра, но, узнавъ, что его нѣтъ въ городѣ, заклиналъ Главка проводить его къ нему и обѣщалъ за это легко одарить бѣдныхъ общины. Ему казалось, что если Лигія любитъ его, то тѣмъ самымъ всѣ препятствія устранены, потому что онъ былъ готовъ въ каждую минуту преклониться передъ Хри-

стомъ. Но Главкъ, хотя и настойчиво, уговаривалъ его принять крещеніе, не смѣлъ ручаться, отыщеть ли онъ, благодаря этому, Лигію, и говорилъ, что крещенія нужно желать ради самого крещенія и любви ко Христу, а не для другихъ цѣлей. «Нужно имѣть и душу христіанскую», — сказалъ онъ, и Виницій, хотя его возмущало всякое препятствіе, начиналъ уже понимать, что Главкъ, какъ христіанинъ, говоритъ то, что долженъ говорить. Самъ онъ не сознавалъ ясно, что одну изъ коренныхъ перемѣнъ въ его натурѣ составляло то, что раньше онъ мѣрлялъ людей и вещи только своимъ эгоизмомъ, а теперь понемногу пріучался къ мысли, что другіе глаза могутъ смотрѣть иначе, другое сердце иначе чувствовать и что справедливость не всегда значитъ то же, что личная выгода.

Кромѣ того, ему часто хотѣлось видѣть Павла Тарсянина, слова котораго возбуждали въ немъ любопытство и тревогу. Онъ обдумывалъ доказательства, которыми станеть опровергать его ученіе, противился ему въ душѣ и, все-таки, хотѣлъ его видѣть и слышать. Но Павелъ уѣхалъ въ Арицію, а такъ какъ и посѣщенія Главка становились все болѣе рѣдкими, то Виниція обружило полное одиночество. Тогда онъ снова началъ обѣгать переулки, прилегающіе къ Субуррѣ, и узкія улицы Затибрской части города, въ надеждѣ, что хоть издали увидить Лигію; но когда и эта надежда обманула его, въ сердцѣ его начали накопляться скука и нетерпѣніе. Наконецъ, пришло время, когда прежняя натура еще разъ отозвалась въ немъ съ такою силой, съ какою волна въ минуту прилива возвращается къ берегу, отъ котораго она отступила. Ему показалось, что онъ былъ глупцомъ, что безъ надобности загромождалъ себѣ голову вещами, которыя довели его до унынія, и что онъ долженъ брать отъ жизни то, что она даетъ. Онъ рѣшилъ забыть о Лигіи, по крайней мѣрѣ, искать наслажденія и утѣхъ помимо нея. Чувствуя, однако, что этотъ порывъ послѣдній, онъ бросился въ вихрь жизни со всею, свойственною ему, слѣпою энергіей и горячностью. Сама жизнь, казалось, поощряла его къ тому. Замершій и опустѣлый за зиму городъ начиналъ оживляться надеждой скорого пріѣзда цезаря. Ему готовился торжественный пріемъ. Притомъ, приближалась весна, — снѣгъ на вершинахъ Албанскихъ горъ растаялъ подъ дыханіемъ африканскаго вѣтра, лужайки въ садахъ покрылись фіалками. Форумъ и Марсово поле заросли народомъ, котораго пригрѣвало все болѣе и болѣе теплое солнце. На *via Arria*, служившей обычнымъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ, появились богато украшенныя колесницы. Предпринима-

лись уже поѣздки въ Албанскія горы. Молодыя женщины, подъ видомъ поклоненія Юнонѣ въ Лавиніумѣ или Діанѣ въ Ариціи, бѣжали изъ домовъ, чтобъ искать за городомъ впечатлѣній, общества и удовольствій. Здѣсь Виницій, среди великолѣпныхъ колесницъ, увидалъ карруку ¹⁾ Хризотемиды. Впереди бѣжали два молосса ²⁾, а колесницу окружала толпа молодежи и старыхъ сенаторовъ, которыхъ служба удерживала въ городѣ. Хризотемида сама правила четырьмя корсиканскими куцами лошадьми, раздавала вокругъ улыбки и легкіе удары бичомъ, но, замѣтивъ Виниція, удержала лошадей и забрала его въ свою карруку, а потомъ на пиръ, который продолжался всю ночь. Виницій на этомъ пиру напился такъ, что не помнилъ, какъ его отвезли домой. Онъ помнилъ только одно, что когда Хризотемида спросила его о Лигіи, онъ чѣмъ-то обидѣлъ ее и вылилъ ей на голову чашу фалернскаго вина. Даже и протрезвившись онъ сердился на нее, но спустя день Хризотемида, — видимо, она забыла объ оскорбленіи, — навѣстила его въ его домѣ и снова повезла на Аппіеву дорогу, потомъ вернулась къ Виницію ужинать и призналась, что не только Петроній, но и его лютность давно ей надѣли и что сердце ея свободно. Въ теченіе недѣли они показывались вѣстѣ, но связь не обѣщала быть прочною. Хотя послѣ случая съ фалернскимъ виномъ имя Лигіи никогда не упоминалось, Виницій не могъ освободиться отъ мысли о ней. Онъ постоянно испытывалъ ощущеніе, какъ будто ея глаза смотрятъ на него, и ощущеніе это наполняло его тревогой. Онъ пожималъ плечами, но не могъ освободиться ни отъ мысли, что огорчаетъ Лигію, ни отъ сожалѣнія, которое порождалось отъ этой мысли. Послѣ первой сцены ревности, которую Хризотемида сдѣлала по поводу купленныхъ имъ двухъ сирійскихъ дѣвушекъ, онъ грубо прогналъ ее. Правда, онъ не пересталъ купаться въ наслажденіяхъ и развратѣ, напротивъ, дѣлалъ это какъ бы на зло Лигіи, но въ концѣ замѣтилъ, что мысль о ней не оставляетъ его ни на минуту, что она — единственная причина его злыхъ и добрыхъ дѣяній и что, дѣйствительно, его ничто въ свѣтѣ не интересуетъ, кромѣ нея. Тогда имъ овладѣло пресыщеніе и утомленіе. Наслажденіе ему опротивѣло и оставило только упреки совѣсти. Ему казалось, что онъ — нищій, и это послѣднее чувство наполняло его неизмѣримымъ удивленіемъ, — прежде онъ считалъ хорошимъ все, что было ему удобно. Наионецъ, онъ утратилъ свободу, самоувѣренность и впалъ въ

¹⁾ Carruca — четырехколесный выѣздой экипажъ, съ верхомъ и очень высокимъ ходомъ.

²⁾ Molossus — большая собака.

полное оцѣпенѣніе, изъ котораго его не могло пробудить даже извѣстіе о возвращеніи цезаря. Теперь его ничто не занимало и даже къ Петронію онъ не собрался до тѣхъ поръ, пока тотъ не прислалъ за нимъ своихъ носилокъ.

Петроній встрѣтилъ его радостно, но Виницій неохотно отвѣчалъ на вопросы и лишь немного погодя подавляемыя чувства и мысли вспыхнули и потекли изъ его устъ обильнымъ потокомъ словъ. Онъ подробно разсказалъ исторію поисковъ Лигіи и своего пребыванія среди христіанъ, все, что видѣлъ и слышалъ тамъ, все, что проходило чрезъ его голову и сердце, и, наконецъ, началъ жаловаться, что погрузился въ хаосъ, утратилъ спокойствіе, способность понимать вещи и судить о нихъ. Ничто его не привлекаетъ, все ему не по вкусу, онъ не знаетъ, чего держаться и какъ поступать. Онъ готовъ поклоняться Христу и преслѣдовать Его; понимаетъ возвышенность Его ученія и, вмѣстѣ, съ тѣмъ чувствуетъ къ Нему непреборимое отвращеніе. Онъ понимаетъ, что еслибъ даже и обладалъ Лигіей, то не могъ бы обладать ею вполне, потому что долженъ бы дѣлиться ею со Христомъ. Наконецъ, живетъ онъ такъ, какъ будто бы и не жилъ,—безъ надежды, безъ завтрашняго дня, безъ вѣры въ счастье,—а кругомъ него—мракъ, изъ котораго онъ оцупью ищетъ выхода и не можетъ найти его.

Петроній, во время разсказа Виниція, смотрѣлъ на его измѣнившееся лицо, на руки, которыя онъ какъ-то странно протягивалъ впередъ, какъ будто дѣйствительно ищетъ дороги въ темнотѣ,—смотрѣлъ и думалъ. Вдругъ онъ всталъ, приблизился къ Виницію и началъ разбирать волосы надъ его ухомъ.

— Знаешь ли ты,—спросилъ онъ,—что у тебя нѣсколько сѣдыхъ волосъ на вискѣ?

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Виницій,—я не удивлюсь, если вскорѣ они у меня совсѣмъ побѣлѣютъ.

Наступило молчаніе. Петроній былъ человѣкъ умный и не разъ думалъ о душѣ человѣка и о жизни, но вообще жизнь въ томъ мірѣ, въ которомъ они оба жили, внутри могла быть счастливою или несчастною, но снаружи всегда бывала спокойною. Какъ ударъ грома или землетрясеніе могли разрушить храмъ, такъ несчастіе могло разрушить жизнь, но жизнь сама по себѣ складывалась изъ прямыхъ и гармоничныхъ линий, свободныхъ отъ всякихъ хитросплетеній. А теперь въ словахъ Виниція слышалось что-то совсѣмъ другое, и Петроній въ первый разъ остановился передъ рядомъ духовныхъ узловъ, которыхъ до сихъ поръ никто не распутивалъ. Онъ былъ настолько уменъ, что чувствовалъ ихъ значе-

ше, но, при всей своей сообразительности, ничего не могъ отвѣтить на заданные вопросы и только послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Должно быть, это чары.

— И я такъ думалъ, — отвѣтилъ Виницій, — мнѣ самому казалось иногда, что насъ обоихъ околдовали.

— А если бы ты отправился, напримѣръ, къ жрецамъ Сераписа? — сказалъ Петроній. — Несомнѣнно, между ними, какъ и вообще между жрецами, много обманщиковъ, но есть и такіе, которые постигли удивительныя тайны.

Но говорилъ онъ это безъ вѣры и голосомъ нетвердымъ, потому что самъ чувствовалъ, какъ этотъ совѣтъ, исходя изъ его устъ, могъ показаться бесплоднымъ и даже смѣшнымъ.

Виницій потеръ себѣ лобъ рукой и заговорилъ:

— Чары!... Я видѣлъ чародѣевъ, которые употребляли для своей пользы подземныя, неизвѣданныя силы, видалъ и такихъ, которые направляли ихъ на гибель своихъ враговъ. Но, вѣдь, *ты* живешь въ бѣдности, врагамъ прощаютъ, проповѣдуютъ покорность, добродѣтель и милосердіе, — что имъ могутъ принести чары и зачѣмъ они будутъ пользоваться ими?

Петронія начало сердить, что его умъ ни на что не можетъ найти отвѣта, но, не желая сознаться въ этомъ, отвѣтилъ, чтобы сказать хоть что-нибудь:

— Это новая секта...

Но вскорѣ онъ добавилъ:

— Клянусь божественною обитательницей Пафосскихъ лѣсовъ³⁾! какъ все это портитъ жизнь! Ты удивляешься добротѣ и добродѣтели этихъ людей, а я говорю, что они — зло, потому что они враги жизни, — зло, какъ болѣзни и смерть. Довольно съ насъ ихъ и такъ, и безъ христіанъ довольно! Сосчитай только: болѣзни, цезарь, Тигеллинъ, стихи цезаря, башмачники, которые управляютъ потомками квириговъ, отпущенники, которые засѣдаютъ въ сенатѣ, — клянусь Басторомъ, довольно этого! Это пагубная и отвратительная секта! Пробовалъ ты встряхнуться отъ своей грусти и хоть немного насладиться жизнью?

— Пробовалъ, — отвѣтилъ Виницій.

Петроній разсмѣялся.

— Ахъ, измѣнникъ! Благодаря невольникамъ, вѣсти быстро расходятся. Ты отнял у меня Хризотемиду!

Виницій поморщился и махнулъ рукой.

— Во всякомъ случаѣ, благодарю тебя, — продолжалъ Петроній. — Я пошлю ей башмаки, вышитые жемчугомъ; на мою любовьномъ языкѣ это значитъ: «уйди». Я вдвойнѣ обязанъ тебѣ благодарностью: во-первыхъ, за то, что ты не принялъ Эвнику, во-вторыхъ, за то, что ты освободилъ меня отъ Хризотемиды. Послушай меня: ты видишь передъ собою человѣка, который утромъ вставалъ, купался, пировалъ, обладалъ Хризотемидой, писалъ сатиры, даже иногда и въ прозу вплеталъ стихи, но который скучалъ, какъ цезарь, и часто не умѣлъ отогнать отъ себя угрюмыхъ мыслей. А ты знаешь, отчего это было? А оттого, что я искалъ вдали то, что было близко... Красивая женщина всегда стѣбитъ столько золота, сколько вѣситъ, но женщинѣ, которая при этомъ любитъ, просто нѣтъ цѣны. Этого не купить за всѣ сокровища Верреса. Теперь я говорю себѣ вотъ что: наполни жизнь счастьемъ, какъ кубокъ самымъ лучшимъ виномъ, какое только породила земля, и пей, пока не омертвѣетъ твоя рука и не поблѣднѣютъ твои уста. Что будетъ дальше, объ этомъ я не забочусь. Вотъ моя новѣйшая философія.

— Ты всегда придерживался ея. Ничего новаго въ ней нѣтъ.

— Въ ней есть содержаніе, котораго прежде не доставало.

Онъ позвалъ Эвнику и она вошла, одѣтая въ бѣлую одежду, златоволосая, уже не прежняя невольница, а словно богиня любви и счастья.

Петроній раскрылъ объятія и сказалъ:

— Пойди!

Она подбѣжала къ нему, сѣла къ нему на колѣни, обхватила руками его шею, а голову склонила на его грудь. Виницій видѣлъ, какъ мало-по-малу ея щеки начали покрываться отблескомъ пурпура, какъ глаза постепенно затуманивались. Вмѣстѣ съ Петроніемъ она составляла чудную группу любви и счастья. Петроній потянулся рукой къ плоской вазѣ, стоящей рядомъ на столѣ, захватилъ полную горсть фіалокъ и началъ осыпать ими голову, плечи и столу Эвники, потомъ спустилъ тунику съ ея плечъ и сказалъ:

— Счастливы тотъ, кто нашелъ любовь, заменную въ такой формѣ... Иногда мнѣ кажется, что мы—два бога... Посмотри самъ: могъ ли Пракситель, Миронъ, Скопасъ или Лизій создать болѣе чудныя линіи?... На Паросѣ или на Пентеликонѣ существуетъ ли подобный мраморъ, — теплый, розовый и любящій? Есть люди, которые цѣлуютъ края вазъ, но я предпочитаю искать наслажденіе тамъ, гдѣ можно найти его безошибочнѣе.

Онъ началъ касаться губами ея плечъ и шею. Эвника вздрогнула, глаза ея то открывались, то смыкались съ выраженіемъ невольнаго счастья. Петроній, наконецъ, поднялъ свою изящную руку и, обратившись къ Виницію, сказалъ:

— А теперь подумай, что такое, въ сравненіи съ этимъ, твои римские христіане, и если ты не понимаешь разницы, то иди къ нимъ... Но это зрѣлище излечить тебя.

Ноздри Виниція раздулись и вдыхали запахъ фіалокъ, который наполнялъ всю комнату. Онъ поблѣднѣлъ при мысли, что если бы еще могъ прикасаться губами къ плечамъ Лигіи, то это было бы кое-то святотатственное наслажденіе, такое великое, что потомъ цѣль весь міръ погибни. Но, привыкнувши быстро познавать то, что въ немъ творится, онъ замѣтилъ, что и въ эту минуту онъ думаетъ о Лигіи, и только о ней.

А Петроній сказалъ:

— Эвника, божественная, прикажи приготовить намъ вѣнки на голову и завтракъ.

Потомъ, когда она ушла, онъ обратился къ Виницію:

— Я хотѣлъ ее освободить, а она, знаешь, что сказала мнѣ? Я предпочитаю быть твоею невольницей, чѣмъ женою цезаря». Она не хотѣла согласиться. Тогда я освободилъ безъ ея вѣдома. Петроній для меня сдѣлалъ такъ, что не требовалъ ея присутствія. Она не знаетъ объ этомъ, точно также, какъ не знаетъ, что этотъ домъ и всѣ мои драгоценности, за исключеніемъ геммы, будутъ принадлежать ей послѣ моей смерти.

Онъ всталъ, прошелся по комнатамъ и продолжалъ:

— Любовь однихъ измѣняетъ больше, другихъ меньше, — измѣнила и меня. Когда-то я любилъ вервену, но такъ какъ Эвника предпочитаетъ фіалки, то и я полюбилъ ихъ больше всего, и съ тѣхъ поръ, какъ наступила весна, мы дышемъ только фіалками.

Онъ остановился возлѣ Виниція и спросилъ:

— А ты? Все еще держишься нарда?

— Оставь меня! — отвѣчалъ молодой человекъ.

— Я хотѣлъ, чтобы ты присмотрѣлся къ Эвникѣ, и говорю тебѣ о ней потому, что, можетъ быть, и ты ищешь вдали то, что близко. Можетъ быть, и для тебя гдѣ-нибудь въ твоихъ невольничьихъ кубукулахъ бьется простое и вѣрное сердце. Приложи же этотъ бальзамъ къ твоимъ ранамъ. Ты говоришь, что Лигія любитъ Эвнику. Можетъ быть! Но что это за любовь, которая отрекается отъ себя? Не значитъ ли это, что есть что-то сильнѣе ея любви? Эвника — дорогая, Лигія — это не Эвника.

На это Виницій отвѣтилъ:

— Все это одна только мука. Я видѣлъ, какъ ты цѣловалъ плечо Эвники, и подумалъ, что если бы Лигія такъ же открыла мнѣ свою шею, то потомъ хотя бы земля разверзлась подъ нами! Но при одной мысли объ этомъ меня охватила какая-то робость, какъ будто я покусился на весталку или собирался осеквернить божество... Лигія—это не Эвника, только эту разницу я понимаю не такъ, какъ ты. Любовь измѣнила только твое обоняніе и ты теперь фіалки предпочитаешь вервенѣ, а у меня она измѣнила душу и, несмотря на свою скорбь и страсти, я предпочитаю, чтобы Лигія была такою, какою она есть, чѣмъ сдѣлалась бы похожею на другихъ.

Петроній пожалъ плечами.

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ никто не оказываетъ несправедливости. Но я не понимаю этого.

Виницій горячо отвѣтилъ:

— Да, да!... Мы уже не можемъ понять другъ друга!

Наступила минута молчанія, потомъ Петроній сказалъ:

— Да поглотить Гадесъ твоихъ христіанъ! Они наполнили тебя тревогой и лишили твою жизнь смысла. Да поглотить ихъ Гадесъ! Ты думаешь, что это ученіе благотѣльно, и ошибаешься: благотѣльно то, что людямъ даетъ счастье, то-есть красоту, любовь и силу, а они все это называютъ тщетою. Ты ошибаешься, думая, что они справедливы, потому что если за зло мы будемъ платить добромъ, то чѣмъ же мы заплатимъ за добро? Притомъ, если и за то, и за другое расплата одинакова, то зачѣмъ же людямъ быть добрыми?

— Нѣтъ, плата не одинакова, но, по ихъ ученію, она воздается въ будущей жизни, а жизнь эта вѣчная.

— Въ это я не вдаюсь,— это мы можемъ увидать когда-нибудь, если можно что-нибудь видѣть... безъ глазъ. А пока они просто какіе-то калѣки. Урсъ задушилъ Кротона потому, что у него стальные мускулы, но христіане — ничтожество, а будущее не можетъ принадлежать ничточеству.

— Для нихъ жизнь начинается вмѣстѣ со смертію.

— Это все равно, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что день начинается съ ночи. Ты можешь похитить Лигію?

— Нѣтъ, я не могу платить ей зломъ за добро, и поклялся, что не сдѣлаю этого.

— Можетъ быть, ты хочешь принять ученіе Христа?

— Хочу, но моя натура не выноситъ его.

— А ты съумѣешь позабыть о Лигіи?

— Нѣтъ.

— Тогда отправляйся путешествовать.

Невольники доложили, что завтракъ готовъ, но Петронію показало, что онъ набрелъ на добрую мысль, и поэтому онъ продолжалъ по дорогѣ въ триглиній:

— Ты порядочно ѣздишь по свѣту, но только какъ солдатъ, который спѣшитъ на мѣсто назначенія и не останавливается на дорогѣ. Собирайся съ нами въ Ахайю. Цезарь до сихъ поръ не оставилъ мысли о путешествіи. Онъ будетъ вездѣ останавливаться на дорогѣ, пѣтъ, собирать вѣнки, грабить храмы и, наконецъ, возвратится въ Италію, какъ триумфаторъ. Это будетъ что-то вродѣ шествія Вакха и Аполлона въ одномъ лицѣ. Августіане, августіанки, тысячи цитръ, — влянусь Басторомъ! — это стѣбитъ посмотрѣть, потому что міръ до сихъ поръ не видалъ ничего подобнаго!

Онъ возлегъ на ложе у стола возлѣ Эвники, а когда невольникъ возлагалъ ему на голову вѣнокъ изъ анемоновъ, Петроній продолжалъ:

— Что ты видѣлъ на службѣ у Борбулона? Ничего! Осмотрѣлъ ли ты какъ слѣдуетъ греческіе храмы, — такъ, какъ я, который два года переходилъ изъ рукъ одного проводника въ руки другого? Былъ ли ты на Родосѣ и видѣлъ ли мѣсто, гдѣ стоялъ колоссъ? Видѣлъ ли ты въ Панноніи, въ Фокидѣ, глину, изъ которой Прометей лѣпилъ людей, или въ Спартѣ яйца, которыя снесла Леда, или въ Афинахъ знаменитый сарматскій панцырь, сдѣланный изъ конскихъ копытъ, или на Эввѣ корабль Агамемнона, или чашу, формой для которой служила лѣвая грудь Елены? Видѣлъ ли ты Александрію, Мемфисъ, пирамиды, волосы Изиды, которые она вырвала изъ своей головы съ горя по Озирису? Слышалъ ли ты стонъ Мемнона? Свѣтъ широкъ, и не все кончается въ Затибрской части Рима. Я буду сопровождать цезаря, а потомъ, когда онъ будетъ возвращаться домой, я оставлю его и поѣду на Кипръ, потому что вотъ эта моя златоволосая богиня желаетъ, чтобы мы въ Пафосѣ принесли Кипридѣ въ жертву голубей, а нужно тебѣ сказать, что все дѣлается по ея желанію.

— Я — твоя невольница, — сказала Эвника.

Онъ склонилъ свою увѣнчанную голову къ ней на грудь и смеялся съ улыбкою:

— Тогда я — невольникъ невольницы. Божественная, я чту тебя отъ головы до ногъ!

Потомъ онъ обратился къ Виницію:

— Поѣдемъ съ нами на Кипръ, но помни, однако, что передъ

этимъ тебѣ нужно будетъ видѣться съ цезаремъ. Нехорошо, что ты до сихъ поръ не былъ у него. Тигеллинъ готовъ обратить это тебѣ во вредъ. Правда, онъ не питаетъ къ тебѣ личной ненависти, но и не можетъ любить тебя, хотя бы потому, что ты мой племянникъ... Скажемъ, что ты былъ боленъ. Мы должны подумать, что ты долженъ отвѣтить цезарю, если онъ спроситъ тебя о Лиги. Лучше всего, махни рукой и скажи, что она была, покуда не надѣла тебѣ. Онъ пойметъ это. Также скажи ему, что болѣзнь удержала тебя дома, что твою горячку поддерживало огорченіе, что ты не могъ быть въ Неаполѣ и слышать его пѣнія, а помогла выздороветь надежда, что ты услышишь его. Пересолить не опасайся. Тигеллинъ обѣщаетъ, что придумаетъ для цезаря что-то не только необыкновенное, но и грубое... Я, однако, боюсь, чтобъ онъ не подкопался подъ меня... Боюсь и теперешняго твоего настроенія.

— А знаешь ли, — сказалъ Виницій, — что существуютъ люди, которые не боятся цезаря и живутъ такъ спокойно, какъ будто его нѣтъ на свѣтѣ?

— Знаю, на кого ты намекаешь: это — христіане.

— Да. Они одни... А что такое наша жизнь, какъ не непрерывный страхъ?

— Оставь меня со своими христіанами! Они не боятся цезаря потому, что онъ, можетъ быть, не слыхалъ о нихъ, ничего не знаетъ и занимаютъ они его столько же, сколько увядшіе листья. Но я тебѣ говорю, что они — калѣки. Ты самъ чувствуешь это, и если твоя натура противится ихъ ученію, то только потому, что ты самъ чувствуешь ихъ ничтожество. Ты — человекъ изъ другой глины, а поэтому оставь и себя, и меня въ покоѣ. Мы суждемъ жить и умереть, а суждуютъ ли они, это неизвѣстно.

Слова эти поразили Виниція и, возвратившись домой, онъ началъ думать, что, можетъ быть, эта доброта и милосердіе христіанъ дѣйствительно доказываетъ убожество ихъ душъ. Ему казалось, что люди твердые и мужественные не умѣли бы такъ прощать. Можетъ быть, это и служило поводомъ къ отвращенію, которое его римская душа питала къ этому ученію. «Мы суждемъ жить и умереть», — говорилъ Петроній. А они? Они умѣютъ только прощать, но не понимаютъ ни истинной любви, ни истинной ненависти.

III.

Цезарь, возвратившись въ Римъ, былъ золъ на то, что возвратился, и черезъ нѣсколько дней уже снова возгорѣлся желаніемъ

уѣхать въ Ахайю. Онъ даже издалъ эдиктъ, въ которомъ объявлялъ, что отсутствіе его не продлится долго и что теченіе дѣлъ ничѣмъ не будетъ нарушено. Потомъ, въ сопровожденіи августіанъ, среди которыхъ находился и Виницій, онъ направился въ Капитолій, чтобы принести богамъ благодарственную жертву за благополучное путешествіе. Но на другой день, когда онъ, по очереди, навѣстилъ храмъ Весты, произошелъ случай, который измѣнилъ всѣ предположенія цезаря. Неронъ не вѣрилъ въ боговъ, но боялся ихъ; въ особенности таинственная Веста внушала ему такой страхъ, что, при видѣ божества и святого огня, онъ почувствовалъ, что волосы отъ ужаса встаютъ дыбомъ на его головѣ, зубы судорожно сжимаются, дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ его членамъ, и цезарь опустился на руки Виниція, который случайно находился позади его. Нерона тотчасъ же вывели изъ храма и перенесли на Палатинъ. Онъ скоро пришелъ въ себя, но, тѣмъ не менѣе, не вставалъ съ постели весь день. Къ великому удивленію присутствующихъ, онъ объявилъ, что свое намѣреніе уѣхать въ Ахайю онъ откладываетъ на будущее время, потому что божество таинственнымъ образомъ предостерегло его отъ поспѣшности. Спустя часъ въ Римѣ уже всенародно объявляли, что цезарь, видя опечаленныя лица жителей и руководимый любовью къ нимъ, какъ отецъ къ дѣтямъ, остается, чтобы дѣлать ихъ судьбу и радости. Народъ, обрадованный рѣшеніемъ императора и, виѣсть съ тѣмъ, увѣренный, что игрища и раздача хлѣба осуществляются, собрался толпою передъ палатинскими воротами, оглашая воздухъ криками въ честь божественнаго цезаря, а тотъ прервалъ игру въ кости, которою забавлялся съ августіанами, и сказалъ:

— Да. Нужно отложить. Египетъ и владычество надъ Востокомъ, въ силу пророчества, не минуютъ меня, — значить, и Ахайя можетъ подождать. Я прикажу прорыть каналъ черезъ Борнесскій перешеекъ, а въ Египтѣ воздвигну такіе памятники, въ сравненіи съ которыми пирамиды покажутся дѣтскими игрушками. Я прикажу соорудить сфинкса въ семь разъ больше того, который возлѣ Мемфиса смотритъ въ пустыню, и прикажу этому сфинксу придать мое лицо. Позднѣйшіе вѣка будутъ говорить только объ этомъ памятникѣ и обо мнѣ.

— Ты уже соорудилъ себѣ памятникъ своими стихами не въ семь, разъ, но въ трижды семь разъ выше пирамиды Хеопса, — сказалъ Петроній.

— А пѣніемъ? — спросилъ Неронъ.

— Увы, если бы можно было поставить тебѣ такую же ста-

тую, какъ статуя Мемнона, которая отъзывалась бы твоимъ голо-
сомъ при восходѣ солнца! Моря, прилегающія къ Египту, во вѣки
вѣковъ кишѣли бы кораблями, на которыхъ толпы съ трехъ странъ
свѣта прислушивались бы къ твоему пѣнію.

— Увы, кто сьумѣетъ сдѣлать это?— сказалъ Неронъ.

— Но ты можешь повелѣть изсѣчь себя изъ базальта въ видѣ
управляющаго квадригой.

— Правда! Я сдѣлаю это!

— Ты сдѣлаешь подарокъ человѣчеству.

— Въ Египтѣ же я вступлю въ бракъ съ Луною, — она вдов-
ствуешь, — и буду настоящимъ богомъ.

— Намъ дашь въ жены звѣзды, и мы составимъ новое созвѣз-
діе, которое будетъ именоваться созвѣздіемъ Нерона. А Вителлія
обвѣнчай съ Ниломъ, чтобъ они расплодили гиппопотамовъ. Тигел-
лину подари пустыню, тогда онъ будетъ царемъ шакаловъ.

— А мнѣ что ты предназначаешь?— спросилъ Ватиній.

— Да благословить тебя Аписъ! Ты устроилъ намъ такія ве-
ликолѣпныя игрища въ Беневентѣ, что я не могу желать тебѣ дур-
ного. Сшей сапоги сфинксу, — у него лапы костенѣютъ во время
ночной росы, — а потомъ ты будешь шить обувь для колоссовъ, со-
ставляющихъ аллею передъ храмами. Тамъ всякій найдетъ соот-
вѣтствующее занятіе. Домицій Аферъ ¹⁾, на примѣръ, будетъ хра-
нителемъ казны, какъ человѣкъ, прославившійся своею честностью.
Цезарь, я люблю, когда ты мечтаешь о Египтѣ, и меня огорчаетъ
только то, что ты отсрочилъ свой отъѣздъ.

Неронъ сказалъ на это:

— Ваши смертные глаза ничего не видали, потому что божес-
тво дѣлается невидимымъ для того, для кого захочетъ. Знайте,
что когда я былъ въ храмѣ Весты, она сама предстала передо мною
и сказала мнѣ на ухо: «Отложи свой отъѣздъ!» Сдѣлалось это такъ
неожиданно, что я испугался, хотя за такое очевидное покрови-
тельство боговъ я долженъ быть благодаренъ имъ.

— Всѣ были поражены, — сказалъ Тигеллинъ, — а весталка
Рубрія лишилась чувствъ.

— Рубріа! — воскликнулъ Неронъ, — какая у нея бѣлоснѣж-
ная шея!

— Но и она краснѣетъ при твоёмъ видѣ, божественный цезарь.

¹⁾ Авторомъ допущена здѣсь, кажется, нѣкоторая ошибка. Намъ извѣстенъ толь-
ко одинъ Домицій Аферъ, но его уже не было въ живыхъ въ то время, въ которо-
му приуроченъ рассказъ: онъ умеръ еще въ 59 году.

— Да, это замѣтилъ и я. Странно... Весталка! Во всякой весталкѣ что-то божественное, а Рубрія такъ прекрасна!

Онъ задумался на минуту, а потомъ спросилъ:

— Свѣжите мнѣ, почему люди боятся Весты больше, чѣмъ другихъ боговъ? Что въ этомъ кроется? Меня самого охватилъ страхъ, хотя я—верховный жрецъ. Я помню только, что упалъ навзничь и, навѣрное, грянулся бы о землю, еслибъ меня кто-то не поддерживалъ. Кто поддерживалъ меня?

— Я,—отвѣтилъ Виницій.

— Ахъ, ты, «суровый Аресь»? Отчего ты не былъ въ Беневентѣ? Мнѣ говорили, что ты болѣнъ, и дѣйствительно, лицо твое измѣнилось. Да!... я слышалъ, что Кротонъ хотѣлъ убить тебя. Правда это?

— Правда,—онъ сломалъ мнѣ руку, но я отбился.

— Сломанною рукой?

— Мнѣ помогъ одинъ варваръ. Онъ сильнѣе Кротона.

Неронъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Сильнѣе Кротона? Ты шутишь, что ли? Кротонъ былъ сильнѣе всѣхъ людей, а теперь первый силачъ Сифаксъ изъ Эѳіопіи.

— Цезарь, я говорю тебѣ то, что видѣлъ своими глазами.

— Гдѣ же эта жемчужина? Не сдѣлался ли онъ царемъ неморенскими?

— Не знаю, цезарь. Я потерялъ его изъ виду.

— Ты даже не знаешь, изъ какого онъ народа?

— У меня была сломана рука и я не могъ его ни о чемъ расспрашивать.

— Разущи мнѣ его.

На это Тигеллинъ сказалъ:

— Я займусь этимъ.

А Неронъ говорилъ дальше Виницію:

— Благодарю за то, что ты поддерживалъ меня. При паденіи я могъ бы разбить голову. Когда-то ты былъ хорошимъ собесѣдникомъ, но послѣ войны и службы подъ начальствомъ Корбулона какъ-то одичалъ и я рѣдко вижу тебя.

Потомъ, помолчавъ съ минуту, онъ прибавилъ:

— А какъ поживаетъ та дѣвушка... съ узкими бедрами... которъ я нравилась тебѣ и которую я для тебя отнялъ у Авла?

Виницій смѣшался, но Петроній въ ту же минуту пришелъ ему на помощь.

— Господинъ, я готовъ биться объ закладъ, что онъ позабылъ ее. Видишь его смущеніе? Спроси его, сколько у него было жен-

щипъ съ того времени, и я не ручаюсь, съумѣть ли онъ отвѣтить на это. Виниціи—хорошіе солдаты, но еще лучшіе пѣтухи. Имъ нужна цѣлая стая. Накажи его за это, господинъ, и не приглашай его на пиръ, который Тигеллинъ собираетъ устроить въ твою честь на пруду Агриппы ²⁾).

— Нѣтъ, я не сдѣлаю этого. Я вѣрю Тигеллину, что тамъ въ стаяхъ недостатка не будетъ.

— Можетъ ли быть недостатокъ въ Харитахъ тамъ, гдѣ будетъ самъ Амуръ?—сказалъ Тигеллинъ.

Неронъ отвѣтилъ:

— Скука томить меня! По волѣ богини я остался въ Римѣ, но не могу выносить его. Я уѣду въ Антію. Я задыхаюсь въ этихъ узкихъ улицахъ, среди этихъ разваливающихся домовъ, среди этихъ отвратительныхъ переулковъ. Зловоніе доходитъ даже сюда, въ мой домъ и въ мои сады. Ахъ, еслибъ землетрясеніе разрушило Римъ, еслибъ какой-нибудь разгнѣванный богъ сравнялъ его съ землею! Я показалъ бы вамъ, какъ слѣдуетъ строить городъ, который считается главою міра и моею столицей.

— Цезарь,—сказалъ Тигеллинъ,—ты говоришь: «еслибъ какой-нибудь разгнѣванный богъ разрушилъ городъ»,—это такъ?

— Такъ! Ну, что же?

— А развѣ ты не богъ?

Неронъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Посмотримъ, что ты сдѣлаешь намъ на прудахъ Агриппы. Потомъ я поѣду въ Антію. Вы всѣ черезъ-чуръ малы и не понимаете, что мнѣ нужны великія вещи.

Онъ закрылъ глаза въ знакъ того, что нуждается въ отдыхѣ. Августіане начали расходиться. Петроній вышелъ съ Виниціемъ и сказалъ ему:

— И такъ, ты приглашенъ на пиръ. Мѣднородый отказался отъ путешествія, но за то будетъ безумствовать больше, чѣмъ когда-нибудь, и хозяйничать въ городѣ, какъ въ своемъ домѣ. Старайся и ты въ безумствахъ найти забаву и забвеніе. Проклятіе! Мы покорили весь міръ и имѣемъ право веселиться. Ты, Маркъ, красивый мальчикъ и этому я отчасти приписываю слабость, какую питаю къ тебѣ. Блянусь Діаной Эфесской! еслибъ ты могъ видѣть свои сросшіяся брови и свое лицо, въ которомъ видна старая кровь квиритовъ... Другіе приближенные Нерона въ твоемъ присут-

²⁾ Прудъ въ знаменитыхъ садахъ, устроенныхъ М. Винсіемъ Агриппой, зятемъ императора Августа.

ствѣ кажутся отпущенниками. Да! Если бы не это дикое ученіе, Лигія теперь была бы въ твоёмъ домѣ. Попробуй доказывать мнѣ еще, что это не враги жизни и людей. Они обошлись съ тобой хорошо, и ты можешь быть имъ признателемъ, но на твоёмъ мѣстѣ я возненавидѣлъ бы это ученіе и искалъ бы наслажденія тамъ, гдѣ можно найти его. Ты красивый мальчикъ, повторяю тебѣ, а Римъ кипитъ разводами.

— Меня удивляетъ только одно, — сказалъ Виницій, — неужели все это не мучитъ тебя?

— Кто тебѣ сказалъ это? Меня это мучитъ давно, но я старше тебя. Бромъ того, у меня есть вкусы, которыхъ у тебя нѣтъ. Я люблю книги, которыхъ ты не любишь, люблю поэзію, которая наводитъ на тебя скуку, люблю вазы, геммы и множество вещей, на которыя ты не смотришь, у меня боли въ поясницѣ, которыхъ ты не испытываешь, наконецъ, я нашелъ Эвнику, а ты не нашелъ ничего подобнаго. Мнѣ хорошо дома, среди произведеній искусства, а изъ тебя я никогда не сдѣлаю эстетика. Я знаю, что въ жизни уже не найду ничего больше того, что нашелъ, а ты ничего не знаешь, вѣчно надѣешься и ищешь чего-то. Если бы къ тебѣ пришла смерть, ты, при всей своей храбрости и огорченіи, умеръ бы съ удивленіемъ, что пора уже покидать міръ, а я принялъ бы ее какъ необходимость, зная по опыту, что во всемъ мірѣ нѣтъ плодовъ, которыхъ я не отведаль бы. Я не спѣшу, но не буду и медлить и постараюсь только о томъ, чтобы мнѣ было весело до конца. На свѣтѣ веселы только скептики. Стоики, по моему мнѣнію, глупцы, но стоицизмъ, по крайней мѣрѣ, закаляетъ человѣка, а твои христіане вносятъ въ міръ тоску, а тоска въ жизни то же самое, что дождь въ природѣ. Знаешь ли ты, что я узналъ? На пиру Тигеллина, на берегу пруда Агриппы, устроены лупанаріи, а въ нихъ будутъ собраны женщины изъ первѣйшихъ домовъ Рима. Не найдется ли хоть одна пастолько красивая, чтобъ могла утѣшить тебя? Будутъ и дѣвушки, которыя въ первый разъ выступаютъ въ свѣтъ... какъ нимфы. Такова наша Римская имперія. Тепло уже, южный вѣтеръ согрѣетъ воду и не повредитъ обнаженнымъ тѣламъ. А ты, Нарцисъ, знай, что не отыщется ни одна, которая сдѣлала бы противиться тебѣ, — ни одна, хотъ бы то была весталка!

Виницій ударилъ себя рукой по головѣ, какъ человѣкъ, вѣчно занятый одною мыслью.

— Нужно счастье, чтобъ я попалъ на такую.

— А кто это сдѣлалъ, какъ не христіане? Но люди, избравшіе себя символомъ крестъ, не могутъ быть иными. Слушай меня: Гре-

ція была прекрасна и породила мудрость міра, мы породили силу, а что, какъ ты думаешь, можетъ породить это ученіе? Если ты знаешь, то объясни мнѣ, а то, — влянусь Поллуксомъ! — я не могу догадаться.

Виницій пожалъ плечами.

— Можетъ показаться, что ты боишься, какъ бы я не сдѣлался христіаниномъ.

— Я боюсь, чтобъ ты не испортилъ себѣ жизни. Если ты не сьумѣешь быть Греціей, будь Римомъ: владѣй и пользуйся! Наши безумства потому имѣютъ нѣкоторый смыслъ, что въ нихъ заключается эта мысль. Мѣднородаго я презираю потому, что онъ шутъ - грекъ. Еслибъ онъ считалъ себя римляниномъ, я сказалъ бы ему, что онъ правъ, дозволяя себѣ безумствовать. Общай мнѣ, что если теперь, возвратившись домой, ты застанешь какого -нибудь христіанина, то покажешь ему языкъ. Если это будетъ врачъ Главкъ, то это даже не удивитъ его. До свиданія на пруду Агриппы!

IV.

Преторіанцы окружали лѣса, растущіе по берегамъ пруда Агриппы, чтобы черезъ-чуръ большая толпа зрителей не мѣшала цезарю и его гостямъ. Говорили, что все, что только отличалось въ Римѣ богатствомъ, умомъ или красотою, предстанетъ на этомъ пиру, равнаго которому не было въ исторіи города. Тигеллинъ хотѣлъ вознаградить цезаря за отложенную поѣздку въ Ахайю, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, перещеголять всѣхъ, кто когда - либо принималъ Нерона, и доказать ему, что никто не сьумѣетъ такъ угостить его. Еще во время своего пребыванія въ Неаполѣ, а потомъ въ Беневентѣ, онъ дѣлалъ приготовленія и отдавалъ приказанія, чтобъ изъ отдаленнѣйшихъ концовъ міра присылали въ Римъ звѣрей, птицъ, рѣдкихъ рыбъ и растенія, — все, не исключая сосудовъ и тканей, которые должны были украшать пиршество. Доходы съ цѣлыхъ провинцій шли на удовлетвореніе безумныхъ замысловъ, но на это всесильному фавориту не нужно было оглядываться. Вліяніе его возросло съ каждымъ днемъ. Можетъ быть, для Нерона Тигеллинъ еще не сдѣлался самымъ пріятнымъ человѣкомъ, но становился все болѣе необходимымъ. Петроній безконечно превышалъ его лоскомъ, умомъ, остроуміемъ, своими рѣчами лучше могъ развлекать цезаря, но, на свое несчастье, превышалъ въ этомъ и самого цезаря, вслѣдствіе чего возбуждалъ его зависть. Кромѣ того, онъ не умѣлъ быть во всемъ его послушнымъ оружіемъ и цезарь боялся

его мнѣнія, когда дѣло касалось вопросовъ вкуса, а съ Тигеллиномъ никогда не чувствовалъ себя связаннымъ. Самый титулъ Петронія «arbiter elegantiarum» уязвлялъ самолюбіе Нерона, ибо кто же, если не онъ самъ, долженъ былъ носить такой титулъ? У Тигеллина же было настолько ума, что онъ сознавалъ свои недостатки, и, видя, что не можетъ соперничать ни съ Петроніемъ, ни съ Луканомъ, которые выдѣлялись благодаря своему происхожденію, таланту или учености, рѣшилъ превзойти ихъ податливостью своихъ услугъ, а, прежде всего, такую роскошью, чтобъ и воображеніе Нерона было поражено ею.

Пиръ долженъ былъ происходить на гигантскомъ плоту, сколоченномъ изъ золоченыхъ бревенъ. Закраины плота были украшены великолѣпными раковинами, играющими всѣми цвѣтами радуги и выловленными изъ Краснаго моря и Индѣйскаго океана. Борты были прикрыты группами пальмъ, лотосовъ и цвѣтущихъ розъ, посреди которыхъ таились фонтаны, бьющіе благоуханіями; статуи боговъ и золотыя или серебряныя кѣтки съ разноцвѣтными птицами. По серединѣ возвышался огромный наметъ или, вѣрнѣе, для того, чтобы не закрывать вида, только верхъ намета изъ сирійскаго пурпура, покоящійся на серебряныхъ столбахъ, а подъ нимъ, словно солнце, сверкали столы, обремененные александрійскимъ стекломъ, хрусталемъ и безцѣнными сосудами, награбленными въ Италиі, Греціи и Малой Азіи. Плотъ, благодаря нагроможденнымъ на немъ растеніямъ, казался цвѣтущимъ островомъ и соединенъ былъ шнурами изъ золота и пурпура съ лодками, имѣющими форму рыбъ, лебедей, чаекъ и фламинго, а въ лодкахъ, у разноцвѣтныхъ веселъ, сидѣли нагіе гребцы, — женщины и мужчины, — удивительной красоты, съ волосами, завитыми на восточный манеръ или заключенными въ золотыя сѣтки. Когда Неронъ съ Пoppеей и августіанами причалилъ къ парому и возсѣлъ подъ пурпуровымъ наметомъ, лодки двинулись, весла ударили по водѣ, золотыя шнуры натянулись и плотъ, вмѣстѣ съ гостями, началъ двигаться и описывать круги по пруду. Плотъ окружали лодки и меньшіе плоты, наполненные цитристками и арфистками, розовыя тѣла которыхъ на лазурномъ фонѣ неба и воды, залитыя отблесками отъ золотыхъ инструментовъ, казалось, впитывали въ себя эту лазурь и эти отблески, мѣняли свою окраску и цвѣли, какъ цвѣты.

Изъ прибрежныхъ лѣсовъ, изъ фантастическихъ построекъ, нарочно сооруженныхъ и скрытыхъ между деревьями, также доносились звуки музыки и пѣнія. Весь лѣсъ загремѣлъ и эхо далеко разносило отголосокъ роговъ и трубъ. Самъ цезарь, — онъ сидѣлъ

между Поппеей и Пивагоромъ, — удивлялся, а въ особенности, когда между лодками появились молодыя невольницы, одѣтыя сиренами и покрытыя зеленою сѣткою, напоминающей чешую, не щадилъ похвалъ Тигеллину. По привычкѣ онъ посматривалъ на Петронія, желая узнать мнѣніе «арбитра», но Петроній казался ко всему равнодушнымъ и, только послѣ прямого вопроса, отвѣтилъ:

— Я думаю, господинъ, что десять тысячъ обнаженныхъ женщинъ производятъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ одна.

Однако, цезарю понравился этотъ «пловучій пиръ», — это было что-то новое. Наконецъ, за обѣдомъ подавали такія изысканныя блюда, что даже и воображеніе Апиція ¹⁾ было бы поражено ими, вина такого качества, что Отонъ, который предлагалъ своимъ гостямъ до восьмидесяти сортовъ, отъ стыда скрылся бы подъ водой, если бы видѣлъ эту роскошь. За столъ, кромѣ женщинъ, возлегли только одни августіане, и всѣ меркли передъ красотой Виниція. Когда-то его фигура и лицо черезъ-чуръ изобличали война, теперь душевная тревога и перенесенная имъ болѣзнь такъ обострили его черты, какъ будто бы по нимъ прошла опытная рука художника-скульптора. Кожа его утратила прежнюю смуглость, но сохранила золотистый отблескъ нумидійскаго мрамора, глаза стали большими и грустными. Только торсъ его остался такимъ же могучимъ, какъ бы созданнымъ для панцыря, но надъ этимъ торсомъ легионера возвышалась голова греческаго бога или, по крайней мѣрѣ, родовитаго патриція, изящная и великолѣпная, въ одно и то же время. Петроній говорилъ, что ни одна изъ августіанокъ не сѣмѣетъ и не захочетъ противиться ему, и говорилъ, какъ человекъ опытный. На Виниція теперь смотрѣли всѣ, не исключая Поппеей и весталки Рубриі, которую цезарь изъявилъ желаніе видѣть на пиру.

Вина, замороженныя въ горныхъ снѣгахъ, вскорѣ разогрѣли сердца и головы пирующихъ. Изъ прибрежныхъ зарослей появились новыя лодки въ формѣ стрекозъ и куколокъ. Лазурное зеркало пруда казалось усѣяннымъ лепестками цвѣтовъ или пестрыми бабочками. Надъ водой порхали тамъ и здѣсь привязанные на серебряныхъ и голубыхъ нитяхъ или шнурахъ голуби и другія птицы изъ Индіи и Африки. Солнце обѣжало уже большую часть неба, но

¹⁾ М. Gavius Apicius, современникъ императоровъ Августа и Тиберія, извѣстный своею обжорливостію. На ѣду онъ тратилъ громадныя суммы и вошелъ въ большіе долги; рассчитавши, что, по уплатѣ этихъ долговъ, отъ его состоянія останется только десять милліоновъ сестерцій (болѣе 500,000 руб.), онъ принялъ ядъ, не желая жить въ голодѣ. „Какова же была его роскошь, — замѣчаетъ Сенека, — когда ему состояніе въ 10 милліоновъ сестерцій казалось бѣдностью?“

день, хотя пиръ происходилъ въ началѣ мая, былъ теплый и даже жаркій. Прудъ колыхался отъ удара веселья, которыя погружались въ воду подъ тактъ музыки, но въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія и лѣса стояли неподвижно, какъ будто заслушались и заглядѣлись въ то, что происходило на водѣ. Плоть все кружилась по водѣ и увлекала за собою все болѣе и болѣе хмѣлѣвшихъ и шумящихъ людей. Пиръ еще не дошелъ до половины, когда порядокъ, въ которомъ гости возлегли за столъ, совершенно нарушился. Примѣръ подалъ самъ цезарь, когда приказалъ Виницію занять свое мѣсто и началъ что-то нашептывать на ухо Рубрии. Виницій очутился возлѣ Поппеи, которая черезъ минуту протянула ему руку и просила застегнуть разстегнувшійся браслетъ. Когда Виницій слегка дрожащими руками началъ застегивать, Поппеа бросила на него изъ своихъ длинныхъ рѣсницъ стыдливый взоръ и тряхнула своею золотистою головою, какъ бы не соглашаясь съ чѣмъ-то. Тѣмъ временемъ огромный красный дискъ солнца медленно закатывался за верхушки деревьевъ; гости были по большей части совершенно пьяны. Теперь плотъ подвигался вдоль береговъ, гдѣ, среди деревьевъ и кустовъ, видѣлись группы людей, одѣтыхъ фавнами или сатирами, играющихъ на флейтахъ, дудкахъ и бубнахъ, и группы дѣвушекъ, представляющихъ нимфъ, дриадъ и гамадриадъ. Наконецъ, спустился мракъ и съ главнаго плота послышались пьяные возгласы въ честь луны и въ ту же минуту лѣсъ загорѣлся тысячею огней. Изъ лупанаріевъ, стоящихъ по берегамъ, полились струи свѣта, на террасахъ показались новыя группы, также обнаженныя, — то были жены и дочери знатнѣйшихъ римскихъ домовъ. Гелосомъ и разнузданными движеніями онѣ начали подзывать къ себѣ гостей. Наконецъ, плотъ присталъ къ берегу, цезарь и августиане устремились въ лѣсъ, разсыпались по лупанаріямъ, по палаткамъ, скрывавшимся въ чащѣ, по гротамъ, искусственно устроеннымъ среди источниковъ и фантазовъ. Безуміе охватило всѣхъ, никто не зналъ, куда дѣвался цезарь, кто сенаторъ, кто воинъ, кто танцовщикъ или музыкантъ. Сатиры и фавны съ крикомъ начали гоняться за нимфами, лампы гасли подъ ударами тирсовъ. Нѣкоторыя части лѣса охватила темнота. Повсюду слышались то крикъ, то смѣхъ, то шепотъ, то тяжелое дыханіе человѣческой груди. Римъ, дѣйствительно, до сихъ поръ не видалъ ничего подобнаго.

Виницій не былъ пьянъ, какъ на томъ пиру, въ палатахъ цезаря, гдѣ была Лигія, но и его ослѣпилъ и упоилъ видъ всего, что происходило вокругъ. Наконецъ, и имъ овладѣла жажда наслажде-

нія. Войдя въ лѣсъ, онъ вмѣстѣ съ другими бѣжалъ и высматривалъ, какая изъ дріадъ покажется ему болѣе привлекательною. Бѣжущую минутою мимо него пробѣгали все новыя и новыя стада, преслѣдуемыя фавнами, сатирами, сенаторами, воинами и звуками музыки. Наконецъ, онъ увидалъ толпу женщинъ, предводительствуемыхъ одною, одѣтою Діаной, подскочилъ къ нимъ, желая ближе разглядѣть богиню, и вдругъ сердце застыло въ его груди. Ему показалось, что въ богинѣ съ полумѣсяцемъ на головѣ онъ узнаеть Лигію.

Онъ окружили его бѣшеннымъ хороводомъ, а черезъ минуту, видимо желая склонить его къ преслѣдованію, рассыпались, какъ стадо сернь. Но Виницій остался на мѣстѣ, съ бьющимся сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ. Хотя онъ увидалъ, что Діана была не Лигія и вблизи даже не походила на нее, черезъ-чуръ сильное волненіе истощило его силы. Вдругъ его охватила тоска по Лигіи, тоска такая неимовѣрная, какой онъ никогда въ жизни не испытывалъ, и любовь къ ней новою, громадною волной залила его сердце. Никогда она не казалась болѣе дорогой, чистой, болѣе любимой, какъ въ этомъ лѣсу безумія и дикаго распутства. За минуту до того онъ самъ хотѣлъ пить изъ этого кубка и принять участіе во всеобщей разнузданности и безстыдствѣ, а теперь онъ проникся отвращеніемъ. Онъ сознавалъ, что чувство омерзѣнія душитъ его, что его груди недостаетъ воздуха, а глазамъ звѣздъ, не заслоненныхъ вѣтвями этого страннаго лѣса, и рѣшилъ бѣжать. Но едва онъ двинулся, какъ передъ нимъ предстала какая-то фигура, съ головой, окутанной покрываломъ, и, положивъ руки на его плечи, прошептала, обливая горячимъ дыханіемъ его лицо:

— Я люблю тебя!... Иди!... Насъ никто не увидитъ!... Спѣши! Виницій точно очнулся отъ сна и спросилъ:

— Кто ты?

Она прижалась къ нему грудью и продолжала настаивать:

— Спѣши! Смотри, какъ здѣсь пусто! Я люблю тебя! Иди!

— Кто ты?—говорилъ Виницій.

— Отгадай.

Она сквозь покрывало прижалась губами къ его губамъ, притягивая къ себѣ его голову, но, наконецъ, у нея не хватило дыханія и она отстранила отъ него свое лицо.

— Ночь любви... ночь забвенія!—говорила она, задыхаясь.— Сегодня можно!... Я твоя!

Виниція этотъ поцѣлуй обжогъ и наполнилъ новымъ отвращеніемъ. Душа его и сердце были гдѣ-то далеко и во всемъ мірѣ для него не существовало никого, кромѣ Лигіи.

И, отстраняя рукою закутанную фигуру, онъ сказалъ:

— Кто бы ты ни была, я люблю другую и не хочу тебя.

Она приблизила къ нему голову:

— Приподними покрывало.

Въ эту минуту листья ближайшихъ миртовъ зашелестѣли, — закутанная фигура исчезла, какъ ночное видѣніе, только издали донесся ея смѣхъ, какой-то странный и зловѣщій.

Передъ Виниціемъ стоялъ Петроній.

— Я видѣлъ и слышалъ, — сказалъ онъ.

Виницій отвѣтилъ:

— Пойдемъ отсюда!

И они пошли, миновали горячіе огнемъ лунанаріи, лѣсъ, цѣль вонныхъ преторіанцевъ и, наконецъ, нашли свои носилки.

— Я сяду съ тобой, — сказалъ Петроній.

Они сѣли вмѣстѣ, но всю дорогу молчали. И только въ атриумъ дома Виниція Петроній сказалъ:

— Ты знаешь, кто это?

— Рубрія? — спросилъ Виницій и содрогнулся при одной мысли, что Рубрія была весталка.

— Нѣтъ.

— Такъ кто же?

Петроній понизилъ голосъ:

— Огонь Весты оскверняетъ, — Рубрія была съ цезаремъ. Съ тобою же говорила...

И онъ dokonчилъ еще ниже:

— *Diva Augusta.*

Наступила минута молчанія.

— Цезарь, — сказалъ Петроній, — не умѣлъ при ней скрыть своей страсти къ Рубріи, — можетъ быть, она хотѣла отомстить ему, а я помѣшалъ вамъ потому, что еслибъ ты, узнавъ Августу, отвергъ бы ее, то погибъ бы навѣрное. И ты бы погибъ, и Лигія, а, можетъ быть, и я.

Виницій вспыхнулъ.

— Довольно мнѣ Рима, цезаря, пировъ, Августы, Тигеллина и всѣхъ васъ! Я задыхаюсь! Я не могу такъ жить, не могу! Ты понимаешь меня?

— Ты теряешь голову, рассудокъ, чувство мѣры!... Виницій!

— Я люблю ее одну на всемъ свѣтѣ!

— Такъ что же?

— То, что я не хочу другой любви, не хочу вашей жизни, вашихъ пировъ, вашего безстыдства и вашихъ преступленій!

— Что съ тобою дѣлается? Христіанинъ ты, что ли?

Молодой человѣкъ обхватилъ руками голову и началъ повторять какъ бы въ отчаяніи:

— Нѣтъ еще, нѣтъ еще!

У.

Петроній пошелъ домой, пожимая плечами и очень недовольный. Теперь и онъ замѣтилъ, что они съ Виниціемъ перестали понимать другъ друга и что души ихъ совершенно разлучились. Когда-то Петроній имѣлъ огромное вліяніе на молодого воина, служилъ для него образцомъ и нѣсколькихъ его ироническихъ словъ было вполне достаточно, чтобъ удержать Виниція или подвинуть его къ чему-нибудь. Теперь отъ этого не осталось ничего и Петроній даже не прибѣгалъ къ прежнимъ приемамъ, чувствуя, что его остроуміе и иронія соскользнуть безъ всякаго слѣда съ новой брони, какою облекли душу Виниція любовь и столкновение съ непонятнымъ христіанскимъ міромъ. Опытный скептикъ понималъ, что потерялъ ключъ къ этой душѣ. Это было и неприятно ему, и внушало опасеніе, которое еще болѣе усиливало событія этой ночи. «Если со стороны Августы это не мимолетная прихоть, а болѣе сильная страсть, — думалъ Петроній, — то будетъ одно изъ двухъ: или Виницій не устоитъ и можетъ погибнуть отъ всякой случайности, или, — чего отъ него теперь ожидать возможно, — устоитъ, и въ такомъ случаѣ погибнетъ неминуемо, а съ нимъ, можетъ быть, и я, хотя бы потому, что я его родственникъ, и потому, что Августа, разгнѣвавшись на всю семью, обратитъ всю силу своего вліянія на сторону Тигеллина». . . . И такъ, и иначе было плохо. Петроній былъ человѣкомъ отважнымъ и смерти не боялся, но, не рассчитывая отъ нея получить ничего, не хотѣлъ призывать ее. Послѣ долгаго размышленія онъ рѣшилъ, наконецъ, что самое лучшее и самое безопасное — это отправить Виниція путешествовать. Ахъ, если бы вдобавокъ онъ могъ дать ему Лигію, то съ радостью сдѣлалъ бы это! Но Петроній надѣялся, что ему и такъ не особенно трудно будетъ уговорить Виниція. Онъ выпустилъ бы на Палатинѣ слухъ объ его болѣзни и отстранилъ бы опасность какъ отъ него, такъ и отъ себя. Августѣ, въ концѣ-концовъ, не было извѣстно, узналъ ли ее Виницій; она могла предполагать, что нѣтъ, и въ такомъ случаѣ ея самолюбіе до сихъ поръ не потерпѣло особаго ущерба. Но въ будущемъ могло случиться другое, и это нужно предупредить. Петроній, прежде всего, хотѣлъ выиграть время, — онъ понималъ, что какъ только цезарь двинется

въ Ахайю, Тигеллинъ, который ничего не понималъ въ области искусства, отойдетъ на второй планъ и утратитъ свое значеніе. Въ Греціи Петроній былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ надъ всѣми противниками.

А пока онъ рѣшилъ наблюдать за Виниціемъ и склонять его къ путешествію. Нѣсколько дней онъ думалъ даже о томъ, что если онъ испроситъ у цезаря эдиктъ объ изгнаніи христіанъ изъ Рима, то Лигія покинетъ его вмѣстѣ со своими единовѣрцами, а вмѣстѣ съ ними уѣдетъ и Виницій. Тогда его не нужно было бы и уговаривать. Само по себѣ дѣло было возможное. Не такъ еще давно, когда евреи начали волноваться и проявлять свою ненависть къ христіанамъ, цезарь Клавдій, не умѣя отличать однихъ отъ другихъ, изгналъ евреевъ. Почему бы Нерону теперь не изгнать христіанъ? Въ Римѣ стало бы просторнѣе. Петроній послѣ «пловучаго пира» каждый день видѣлъ Нерона въ Палатинѣ и другихъ домахъ. Подсунуть ему подобную мысль было легко, потому что цезарь никогда не сопротивлялся внушеніямъ, могущимъ принести кому-нибудь вредъ. Послѣ зрѣлаго размышленія, Петроній составилъ весь планъ дѣйствія. Онъ устроитъ у себя пиръ и на немъ склонитъ цезаря подписать эдиктъ. У него даже была не безосновательная надежда, что ему будетъ поручено и исполненіе этого эдикта. Тогда онъ высылалъ бы Лигію, со всѣми почестями, надлежащими избранницѣ Виниція, наприимѣръ, въ Байи, пусть бы они тамъ любились и играли въ христіанство сколько имъ угодно.

Виниція онъ навѣщалъ часто, во-первыхъ, потому, что, при всемъ своемъ римскомъ эгоизмѣ, не могъ освободиться отъ привязанности къ нему, а, во-вторыхъ, чтобъ убѣдить его отправиться путешествовать. Виницій притворялся больнымъ и не показывался въ Палатинѣ, гдѣ каждый день одни планы смѣнялись другими. Однажды Петроній услышалъ отъ самого цезаря, что онъ собирается въ Антію, и на другой день отправился извѣстить объ этомъ Виниція.

Тотъ показалъ ему списокъ приглашенныхъ въ Антію, который промъ принесъ ему отпущенникъ цезаря.

— Здѣсь значится и мое имя, и твое, — сказалъ онъ. — Когда ты возвратишься домой, то найдешь такой же списокъ у себя.

— Если бы меня не было въ числѣ приглашенныхъ, то это значило бы, что мнѣ нужно умереть, но я не рассчитываю, чтобъ это случилось передъ поѣздкой въ Ахайю, — отвѣтилъ Петроній. — Какъ я буду необходимъ Нерону.

В томъ, пересмотрѣвъ списокъ, онъ прибавилъ:

— Едва мы возвратились въ Римъ, какъ нужно снова покидать его и тащиться въ Антію. Но что дѣлать? Это не только приглашеніе,—это, виѣсть съ тѣмъ, приказъ.

— А если бы кто не послушалъ его?

— Тогда получилъ бы приглашеніе другого рода — отправиться въ болѣе длинное путешествіе, въ такое, изъ какаго не возвращаются. Какая досада, что ты не послушалъ моего совѣта и не выѣхалъ отсюда, пока было время! Теперь ты долженъ ѣхать въ Антію.

— Теперь я долженъ ѣхать въ Антію... Обрати вниманіе, въ какое время мы живемъ и какіе мы подлые рабы?

— А ты только теперь замѣтилъ это?

— Нѣтъ. Но, видишь ли, ты доказывалъ мнѣ, что христіанское ученіе—врагъ жизни, потому что оно налагаетъ на него узы. А могутъ ли быть болѣе тяжелыя узы, чѣмъ тѣ, которыя носимъ мы? Ты говоришь: Греція породила мудрость и красоту, а Римъ силу. Гдѣ же наша сила?

— Призови къ себѣ Хилона. Сегодня у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты философствовать. Блянусь Геркулесомъ! не я создалъ это время и не я за него отвѣчаю. Поговоримъ объ Антіи. Знай, что насъ ждетъ тамъ большая опасность и что тебѣ, можетъ быть, лучше было бы помѣряться силами съ Урсомъ, который задавилъ Бротона, чѣмъ ѣхать въ Антію, а, все-таки, ты не можешь не ѣхать.

Виницій небрежно махнулъ рукой и сказалъ:

— Опасность! Мы всѣ блуждаемъ во мракѣ смерти и каждую минуту чья-нибудь голова погружается въ этотъ мракъ.

— Долженъ ли я перечислять тебѣ всѣхъ, у кого была хотя капля ума, и кто, благодаря этому, несмотря на времена Тиберія, Балигулы, Клавдія и Нерона, дожилъ до восьмидесяти и девяности лѣтъ? Пускай примѣромъ тебѣ послужитъ хотя бы только Домицій Аферъ. Онъ спокойно состарился, хотя всю жизнь былъ негодяемъ и разбойникомъ.

— Можетъ быть, поэтому! можетъ быть, только поэтому!—отвѣтилъ Виницій.

Онъ просмотрѣлъ списокъ и добавилъ:

— Тигеллинъ, Ватиній, Секстъ Африканъ, Аввилинъ Регулъ, Сулій Нерулинъ, Эпрій Марцеллъ и такъ далѣе. Что за сбродъ оборванцевъ и негодяевъ!... И подумаешь, что это управляетъ міромъ!... Не лучше ли имъ было бы возить какаго-нибудь египетскаго или сирійскаго бога по городамъ, брянчать въ сестры и зарабатывать хлѣбъ колдовствомъ или прыжками?...

— Или показывать ученых обезьянъ, собакъ, умѣющихъ считать, осла, играющаго на флейтѣ, — сказалъ Петроній, — все это правда, но поговоримъ о болѣе важномъ. Сосредоточь свое вниманіе и слушай меня. Я сказалъ въ Палатинѣ, что ты болѣнъ и не можешь выходить изъ дома, а теперь твое имя, однако, находится въ спискѣ. Это доказываетъ, что кто-то не повѣрилъ моимъ рассказамъ и постарался нарочно пригласить тебя. Нерону интереса въ этомъ не было; для него ты солдатъ, съ которымъ, самое большее, можно говорить только о ристаніяхъ въ циркѣ и который не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о поэзіи и музыкѣ. О внесеніи твоего имени въ списокъ озаботилась развѣ Поппеа, а это значитъ, что ея влеченіе къ тебѣ не было скоропреходящею прихотью и что она желаетъ овладѣть тобою.

— Храбрая Августа!

— Дѣйствительно, храбрая, потому что это можетъ окончательно сгубить ее. Да внушить ей Венера какъ можно скорѣе какую-нибудь другую любовь, но пока она жаждетъ тебя, ты долженъ соблюдать величайшую осторожность. Мѣднородому она начинаетъ надоѣдать, — онъ теперь предпочитаетъ Рубрію или Пи-сагора, но ради своего самолюбія онъ жестоко отомстилъ бы вамъ.

— Въ лѣсу я не зналъ, что она разговариваетъ со мною, но ты подслушивалъ и знаешь, что я сказалъ ей, что люблю другую и не хочу никого другого.

— А я заклинаю тебя всѣми подземными богами, не теряй остатковъ разума, которые еще оставили тебѣ христіане. Какъ можно колебаться, когда предстоитъ выборъ между правдоподобною и вѣроятною гибелью? Не говорилъ ли я тебѣ, что еслибъ ты уязвилъ самолюбіе Августы, то для тебя не было бы спасенія? Блянусь Гадесомъ! если жизнь опротивѣла тебѣ, то лучше сейчасъ же открой себѣ жилы или бросься на мечъ, потому что если ты оскорбишь Поппею, то тебя можетъ постигнуть смерть менѣе легкая. Когда-то съ тобою было пріятно говорить... Въ чемъ собственно все дѣло? Убудетъ тебя, что ли? Помѣшаетъ это тебѣ любить твою Лигію? Помни, притомъ, что Поппеа видѣла ее въ Палатинѣ и что ей не трудно будетъ догадаться, ради кого ты отринулъ столь высокое бл. говоленіе. А тогда она добудетъ ее хоть изъ-подъ земли. Ты же убишь не только себя, но и Лигію, — понимаешь?

Виницій слушалъ такъ, какъ будто думалъ о чемъ-нибудь другомъ, и, наконецъ, сказалъ:

— Я долженъ видѣть ее.

— Бого? Лигію?

— Лигію.

— Ты знаешь, гдѣ живетъ она?

— Нѣтъ.

— Такъ, значить, опять станешь искать ее по старымъ кладбищамъ?

— Не знаю, но я долженъ видѣть ее.

— Хорошо. Хотя она христіанка, но, можетъ быть, окажется разсудительнѣе тебя, а это непременно окажется, если она не желаетъ твоей гибели.

Виницій пожалъ плечами.

— Она вырвала меня изъ рукъ Урса.

— Въ такомъ случаѣ, спѣши, потому что мѣднородый не будетъ медлить съ отъѣздомъ. Смертные приговоры можно подписывать и въ Антіи.

Но Виницій не слушалъ. Его занимала только одна мысль — видѣться съ Лигіей, и онъ началъ думать, какъ бы это сдѣлать.

Тутъ явилось одно обстоятельство, которое могло отстранить всѣ затрудненія. На слѣдующій день къ Виницію совершенно неожиданно пришелъ Хилонъ. Пришелъ онъ тощій и оборванный, со слѣдами голода на лицѣ, въ обтрепанныхъ лохмотьяхъ, но прислуга молодого патриція, которая когда-то получила приказаніе впускать его во всякое время дня и ночи, не смѣла удерживать его, такъ что грекъ прямо вошелъ въ атрій, сталъ передъ Виниціемъ и сказалъ:

— Да дадутъ тебѣ боги безсмертіе и да подбѣлятся съ тобою властью надъ міромъ.

Въ первую минуту Виницію хотѣлось приказать вышвырнуть его за дверь, но ему пришло въ голову, что грекъ, можетъ быть, знаетъ что-нибудь о Лигіи, и любопытство превозмогло отвращеніе.

— Это ты?—спросилъ онъ.—Что съ тобою?

— Плохо, сынъ Юпитера, — отвѣтилъ Хилонъ. — Истинная добродѣтель, это — товаръ, котораго теперь никто не спрашиваетъ, и истинный мудрецъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что черезъ четыре дня въ пятый кулитъ у мясника баранью голову и сгрызетъ ее у себя на чердакѣ, запивая собственными слезами. Ахъ, господинъ! Все, что ты мнѣ далъ, я истратилъ на покупку книгъ у Атракта, а потомъ меня обокрали, ограбили. Невольница, которая должна была записывать мое ученіе, убѣжала и забрала остатки того, чѣмъ меня одарило твое великодушіе. Ставь нищимъ, я подумалъ: къ кому же мнѣ направиться, какъ не къ тебѣ, Сераписъ, котораго я люблю, боготворю, для котораго я неоднократно жертвовалъ своею жизнью?

— За чѣмъ же ты пришелъ и что приносишь?

— За помощью, Ваалъ, а приношу тебѣ свою нищету, свои слезы, свою любовь и, наконецъ, извѣстія, которыя я собралъ изъ любви къ тебѣ. Помнишь, господинъ, я говорилъ тебѣ когда-то, что уступилъ невольницѣ божественнаго Петронія одну нитку изъ пояса Венеры Паеосской?... Я узнавалъ, помогло ли ей это, и ты, сынъ солнца, знаешь, конечно, что такое теперь Эвника въ домѣ Петронія. У меня есть еще одна такая нитка. Я сберегъ ее для тебя.

Онъ остановился, замѣтивъ, что брови Виниція начинаютъ грозно нахмуриваться, и, желая предупредить вспышку, послѣшно сказалъ:

— Я знаю, гдѣ живетъ божественная Лигія, и укажу тебѣ, господинъ, домъ и переулокъ...

Виницій подавилъ волненіе, которое объяло его при этомъ извѣстіи, и сказалъ:

— Гдѣ она?

— У Линна, старшаго христіанскаго жреца. Она живетъ тамъ вмѣстѣ съ Урсомъ, а тотъ, попрежнему, ходитъ къ мельнику, котораго зовутъ такъ же, какъ твоего диспенсатора ¹⁾, Демасомъ... Да, Демась!... Урсъ работаетъ по ночамъ, и, окруживъ домъ ночью, ты не найдешь его тамъ... Линнъ старикъ, а въ домѣ, кромѣ него, двѣ еще болѣе старыя женщины.

— Откуда ты знаешь все это?

— Помнишь, господинъ, что христіане держали меня въ своихъ рукахъ и пощадилъ? Правда, Главкъ ошибается, считая меня причиной своего несчастія, но бѣднякъ вѣрилъ въ это, вѣрить до сихъ поръ и, однако, пощадилъ меня! Такъ не удивляйся же, господинъ, что сердце мое преисполнилось благодарностью. Я—человѣкъ лучшаго, стараго времени. Поэтому я думалъ: долженъ ли я забыть своихъ друзей и благодѣтелей? Не было ли бы съ моей стороны безчувственностью не спросить о нихъ, не разузнать, что съ ними дѣлается, какимъ здоровьемъ они пользуются и гдѣ обитаютъ? Я—человѣкъ Пессинунтскою ²⁾ Цибелой! не способенъ я къ этому. Сначала меня удерживало опасеніе, чтобы христіане не истолковали мнѣ наивѣреній въ дурную сторону, но любовь, которую я питаю къ нимъ, оказалась сильнѣе опасенія, а въ особенности мнѣ пришла смѣлости та легкость, съ которою они прощаютъ всѣ обиды.

Dispensator - управитель дома.

¹⁾ Пессинунтъ—городъ въ Галатіи (въ Малой Азіи), славившійся какъ центръ культа богини Цибелы.

Но, прежде всего, я думалъ о тебѣ, господинъ. Последнее наше предпріятіе окончилось пораженіемъ, а развѣ ты, сынъ Фортуны, можешь примириться съ этою мыслью? Вотъ я и подготовилъ тебѣ побѣду. Домъ стоитъ особнякомъ. Ты можешь окружить его невольниками такъ, что и мышь не проскользнетъ. О, господинъ! отъ тебя зависитъ, чтобы сегодня же ночью эта царевна очутилась въ твоёмъ домѣ. Но если это свершится, вспомни, что помогъ тебѣ бѣдный и голодный сынъ моего отца.

У Виниція кровь прихлынула къ головѣ. Испушеніе еще разъ потрясло все его существо. Да, да! То былъ способъ, и на этотъ разъ вѣрный способъ. Когда онъ будетъ имѣть Лигію у себя, кто отниметъ ее у него? Разъ Лигія будетъ его любовницей, что ей придется дѣлать, какъ не остаться навсегда въ томъ же положеніи? И пусть пропадутъ всѣ ученія! Что для него будутъ значить тогда христіане, вмѣстѣ со своимъ милосердіемъ и своимъ угрюмымъ ученіемъ? Развѣ ему не пора начать жить, какъ живутъ всѣ? Что потомъ сдѣлаетъ Лигія, какъ она примиритъ свою судьбу съ ученіемъ, которому она слѣдуетъ, — опять-таки, дѣло второстепенное. Вообще, все это не имѣетъ никакого значенія. Прежде всего, она будетъ принадлежать ему, и не дальше, какъ сегодня. Кромѣ того, еще вопросъ, устоитъ ли она со своимъ ученіемъ при столкновеніи съ этимъ новымъ для нея міромъ, съ роскошью и восторгомъ, которымъ должна поддаться. А это можетъ случиться сегодня же. Достаточно задержать Хилона и въ сумерки отдать надлежащее распоряженіе. А потомъ — радость безъ конца! «Чѣмъ была моя жизнь? — думалъ Виницій. — Страданіемъ, неудовлетворенною жаждой и задаваніемъ себѣ вѣчныхъ вопросовъ безъ отвѣта». А такимъ образомъ все будетъ разрѣшено и окончено. Правда, онъ вспомнилъ, что поклялся, что не подниметъ на нее руку, но чѣмъ клялся онъ? Не богами, въ которыхъ онъ уже не вѣрилъ, не Христомъ, въ котораго еще не вѣритъ. Наконецъ, если Лигія будетъ считать себя обиженною, онъ женится на ней и такимъ образомъ удовлетворитъ ее. Да, онъ долженъ сдѣлать это, потому что обязанъ ей своею жизнью. Тутъ ему припомнился день, когда онъ, вмѣстѣ съ Кротомъ, вторгнулся въ жилище Лигіи, вспомнилъ поднятый надъ нимъ кулакъ Урса и все, что произошло потомъ. Онъ увидалъ, какъ она, склонившись, стояла надъ его ложемъ, одѣтая въ платье невольницы, прелестная, какъ божество. Глаза его невольно обратились на лараріумъ *) и на крестикъ, кото-

*) Lararium — божница, помѣщеніе, въ которомъ стояли изображенія Ларовъ, боговъ-покровителей дома.

рши она, уходя, оставила ему. Неужели за все это онъ отвѣтитъ ей новыми покушеніемъ? Неужели, какъ невольницу, онъ будетъ тащить ее за волосы въ кубикулъ? И какъ же онъ сдумѣетъ сдѣлать это, если не только жаждетъ обладать ею, но и любить ее, и любить за то собственно, что она такова, какою есть? И вдругъ онъ почувствовалъ, что недостаточно держать ее въ своемъ домѣ въ качествѣ невольницы, недостаточно силою заключить въ свои объятія, — его любовь хочетъ чего-то другого, то-есть ея согласія, ея любви и ея души. Да будетъ благословенна эта кровля, если она войдетъ подъ нее добровольно, да будетъ благословенна эта минута, этотъ день, да будетъ благословенна жизнь. Тогда счастье ихъ будетъ широко, какъ неизмѣримое море, свѣтло, какъ солнце. Но похитить ее насильно—это значитъ убить это счастье, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожить и осквернить то, что составляетъ величайшее и единственное сокровище жизни.

Виниція охватило негодование при одной мысли объ этомъ. Онъ посмотрѣлъ на Хилона и почувствовалъ непреодолимое отвращеніе и желаніе растоптать своего бывшего помощника такъ, какъ растаптываютъ червяка или ядовитую змѣю. Черезъ минуту онъ уже зналъ, что ему дѣлать, но, не соблюдая мѣры ни въ чемъ и слѣдуя требованію своей неумолимой римской натуры, онъ обратился къ Хилону и сказалъ:

— Я не сдѣлаю того, что ты мнѣ совѣтуешь, но чтобы ты не ушелъ отъ меня безъ награды, какую ты заслуживаешь, я прикажу дать тебѣ триста розогъ въ моемъ домашнемъ эргастулѣ.

Хилонъ поблѣднѣлъ. Красивое лицо Виниція приняло выраженіе такой холодной жестокости, что онъ ни на одну минуту не могъ болѣзненно себя надеждой, что обѣщанная награда можетъ быть только жестокою шуткой.

Онъ опустился на колѣни, скорчился и началъ стонать прерывающимся голосомъ:

— Какъ, царь персидскій? За что?... Пирамида благоволенія, милосердія! За что?... Я—старикъ, голодный, нищій... Я заслужилъ тебѣ... Такъ-то ты воздаешь за заслуги?

— Какъ ты христіанамъ,—отвѣтилъ Виницій.

И онъ позвалъ своего диспенсатора.

Хилонъ подползъ къ его ногамъ, конвульсивно обнялъ его колѣни и взывалъ съ лицомъ, покрытымъ смертельною блѣдностью:

— Господинь, господинь!... Я—старикъ! Пятьдесятъ, не триста... Пятидесяти довольно!... Сто, не триста!... Будь милосердъ!

Виницій оттолкнулъ его ногою и отдалъ распоряженіе. Во мгно-

веніе ога вслѣдъ за диспенсаторомъ вбѣжали двое сильныхъ квадовъ⁴⁾, схватили Хилона за остатки волосъ, окутали его голову его же лохмотьями и повлекли въ эргастуль.

— Во имя Христа!... — закричалъ грекъ въ дверяхъ корридора.

Виницій остался одинъ. Отданное имъ распоряженіе возбудило и оживило его. Теперь онъ старался собрать свои разсѣянные мысли и привести ихъ въ порядокъ. Онъ чувствовалъ великое успокоеніе, и сознание побѣды, которую онъ одержалъ надъ собою, наполнило его бодростью. Ему казалось, что онъ сдѣлалъ какой-то великій шагъ на встрѣчу Лиги и что его ждетъ какая-то великая награда. Въ первую минуту ему даже не приходило въ голову, какъ онъ былъ несправедливъ по отношенію къ Хилону, приказавъ наказывать его за то, за что награждалъ прежде. Душа его еще до сихъ поръ была настолько римскою, что не могла понять чужой скорби и обременять свое вниманіе какимъ-то ничтожнымъ грекомъ. Еслибы онъ даже и подумалъ объ этомъ, то рѣшилъ бы, что поступилъ справедливо, когда приказалъ наказывать негодяя. Но онъ думалъ о Лиги и говорилъ ей: «Я не заплачу тебѣ зломъ за добро, а если ты когда-нибудь узнаешь, какъ я поступилъ съ тѣмъ, кто подбивалъ меня поднять на тебя руку, то ты будешь мнѣ благодарна». Но здѣсь онъ остановился въ нерѣшимости, — одобрила ли бы Лиги его поступокъ съ Хилономъ? Вѣдь, ученіе, которое исповѣдуетъ она, повелѣваетъ прощать, вѣдь, христіане простили этому негодяю, хотя имѣли болѣе сильные поводы отомстить ему. И только теперь въ его душѣ отозвался крикъ: «Во имя Христа!» Онъ вспомнилъ, что подобнымъ возгласомъ Хилонъ выкупилъ себя изъ рукъ лигійца, и рѣшилъ сократить его наказаніе.

Онъ собирался было призвать диспенсатора, когда тотъ самъ пришелъ къ нему и сказалъ:

— Господинъ, старикъ въ обморокъ, а, можетъ быть, и умеръ. Долженъ я его сѣчь дальше?

— Приведи его въ чувство и потомъ пусть онъ придетъ сюда.

Диспенсаторъ скрылся за занавѣскою, но привести въ чувство Хилона было не легко. Виницій ждалъ долго и началъ уже терять терпѣніе, когда невольники привели грека и по мановенію рукъ господина тотчасъ же удалились.

Хилонъ былъ блѣденъ, какъ полотно, съ его ногъ на мозаикъ атрія сплывали струйки крови. Но онъ былъ въ полномъ сознаниіи и, упавъ на колѣни, произнесъ, протягивая впередъ руки:

⁴⁾ Quadi—одно германское племя, жившее въ части теперешней Богеміи и Моравіи. Здѣсь разумѣются рабы Виниція изъ этого племени.

— Благодарю тебя, господинъ! Ты милосерденъ и великъ!

— Собака, — сказалъ Виницій, — знай, что я простилъ тебя ради того Христа, которому и самъ обязанъ жизнью.

— Господинъ, я буду служить Ему и тебѣ.

— Молчи и слушай. Встань! Ты пойдешь за мной и покажешь мнѣ домъ, въ которомъ живетъ Лигія.

Хилонъ приподнялся, но едва только сталъ на ноги, какъ поблѣднѣлъ еще больше и проговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Господинъ, вѣдь, я дѣйствительно голоденъ... Господинъ, я пойду, пойду, но теперь у меня нѣтъ силъ... Прикажи мнѣ дать хоть остатокъ изъ миски твоей собаки, и я пойду!...

Виницій приказалъ накормить его и дать ему плащъ и золотую монету. Но Хилонъ, ослабленный голодомъ и побоями, не могъ идти даже и послѣ пищи, хотя волосы его поднимались дыбомъ при мысли, какъ бы Виницій не принялъ его слабости за притворство и не приказалъ бы истязать снова.

— Развѣ только вино согрѣетъ меня, — повторялъ онъ, щелкая зубами, — тогда я могъ бы идти сейчасъ хотя бы въ Великую Грецію.

Но мало-по-малу силы возвращались къ нему, и онъ вышелъ вмѣстѣ съ Виниціемъ. Дорога была длинная, — Линнъ, какъ большая часть христіанъ, жилъ за Тибромъ, недалеко отъ дома Миріамъ. Наконецъ, Хилонъ показалъ Виницію отдѣльный маленькій домикъ, обнесенный стѣною, сплошь покрытою плющемъ, и сказалъ:

— Вотъ здѣсь, господинъ.

— Хорошо, — сказалъ Виницій, — теперь иди прочь, но сначала выслушай, что я скажу тебѣ: забудь, что ты служилъ мнѣ; забудь, гдѣ живетъ Миріамъ, Петръ и Главкъ; забудь также объ этомъ домѣ и обо всѣхъ христіанахъ. Каждый мѣсяць ты будешь приходить ко мнѣ въ домъ, гдѣ мой отпущенникъ Демасъ будетъ выплачивать тебѣ по двѣ золотыхъ монеты. Но если ты и дальше будешь шпионить за христіанами, то я прикажу тебя засѣчь розгами или отдать въ руки городского префекта.

Хилонъ поклонился и сказалъ:

— Забуду.

Но когда Виницій исчезъ за угломъ переулка, грекъ протянулъ руку и, грозя кулаками, брякнулъ:

— Блянусь Атой⁵⁾ и Фурией, не забуду!

Ему опять сдѣлалось дурно.

⁵⁾ Ате—богиня, метившая, подобно Фуриѣ, за злые дѣла.

VI.

Виницій направился прямо въ домъ, гдѣ жила Мириамъ. У воротъ онъ встрѣтилъ Назарія, который смутился при его видѣ, но Виницій ласково поздоровался съ нимъ и приказалъ проводить себя до жилища его матери.

Въ домикѣ Виницій, кромѣ Мириамъ, засталъ Петра, Главка, Бриспа и даже Павла Тарсянина, который только что возвратился изъ Фрегеллъ¹⁾. При видѣ молодого трибуна, на лицахъ всѣхъ присутствующихъ выразилось изумленіе, а онъ сказалъ:

— Привѣтствую васъ во имя Христа, котораго вы почитаете.

— Да будетъ имя Его благословенно во вѣки вѣковъ.

— Я видѣлъ вашу добродѣтель, убѣдился въ вашей добротѣ и прихожу къ вамъ, какъ другъ.

— И мы привѣтствуемъ тебя, какъ друга, — отвѣтилъ Петръ. — Садись, господинъ, и раздѣли съ нами трапезу, какъ гость нашъ.

— Я сяду и раздѣлю съ вами трапезу, только сначала выслушайте меня, ты, Петръ, и ты, Павелъ, дабы вы узнали искренность мою. Я знаю, гдѣ живетъ Лигія, я пришелъ прямо сюда отъ дома Линна. Я имѣю право на Лигію, и право это дано мнѣ цезаремъ; въ городѣ, въ моихъ домахъ почти пятьсотъ невольниковъ, я могъ бы окружить убѣжище Лигіи и взять ее, но, однако, не сдѣлалъ этого и не сдѣлаю.

— За то благословеніе Господа будетъ надъ тобою и сердце твое очистится, — сказалъ Петръ.

— Благодарю тебя, но послушайте меня еще: я не сдѣлалъ этого, хотя живу въ мѣгѣ и тоскѣ. Раньше, — прежде, чѣмъ я пожилъ съ вами, — я непременно взялъ бы ее и задержалъ бы насильно, но ваша добродѣтель и ваше ученіе, — хотя я не признаю его, — измѣнили что-то и въ моей душѣ, такъ что я даже и не отваживаюсь на насиліе. Я самъ не знаю, почему это такъ случилось, но это вѣрно. И вотъ, я прихожу къ вамъ, ибо вы замѣняете Лигію отца и мать, и говорю вамъ: отдайте ее мнѣ въ жены, а я клянусь вамъ, что не только не воспрещу ей поклоняться Христу, но и самъ начну изучать Его ученіе.

Онъ говорилъ съ высоко-поднятою головой, рѣшительнымъ голосомъ, но былъ взволнованъ и ноги его дрожали подъ полосатымъ плащомъ, а когда послѣ его словъ наступило молчаніе, онъ продолжалъ, какъ будто желая предупредить неблагоприятный отвѣтъ:

— Я знаю, что препятствій много, но люблю ее, какъ зѣницу

¹⁾ Fregellae — городъ въ средней Италіи, теперь Сергано.

а, я хотя я еще не христіанинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня нельзя звать ни вашимъ врагомъ, ни врагомъ Христа. Я хочу дѣйствовать съ вами правдиво, чтобъ вы могли вѣрить мнѣ. Теперь дѣло есть о моей жизни, но я говорю вамъ правду. Другой, можетъ быть, сказалъ бы вамъ: окрестите меня,—а я говорю: просвѣтите меня! Я вѣрю, что Христосъ воскресъ, потому что такъ говорятъ люди, живущіе правдой, тѣ, которые видѣли Его послѣ смерти. Я вѣрю, потому что самъ видѣлъ, что ваше ученіе множитъ добродѣль, справедливость и милосердіе, а не преступленія, какія вамъ приписываютъ. Я мало знакомъ съ ученіемъ вашимъ,— кое-что узналъ отъ васъ, отъ Лигія, кое-что увидалъ изъ вашихъ поступковъ, а, все-таки, повторяю вамъ, и во мнѣ что-то уже измѣнилось, благодаря этому. Прежде я въ желѣзной ружѣ держалъ своихъ слугъ, а теперь не могу. Я не зналъ сожалѣнія, теперь знаю. Я любилъ наслажденія, а теперь бѣжалъ съ пруда Агриппы, я не могъ дышать отъ отвращенія. Прежде я вѣрилъ въ насиліе, теперь отрекся отъ него. Знайте, что я самъ не узнаю себя, но мнѣ опровергли пиры, опротивѣло вино, пѣніе, цитры и вѣнки, опротивѣлъ король цезаря и нагія тѣла, и всѣ преступленія. А когда я думаю, что Лигія—словно горный снѣгъ, то тѣмъ болѣе я люблю ее, и когда мнѣ приходитъ въ голову, что такую она стала благодаря вашему ученію, то люблю его и хочу его. Но такъ какъ я не понимаю его, такъ какъ не знаю, съумѣю ли ужиться съ нимъ, снесетъ ли его моя натура, то и живу въ неизвѣстности и мѣлѣ, какъ будто бы жилъ въ темницѣ.

Брови его сошлись болѣзненной складкой, на щекахъ выступилъ румянецъ, но онъ продолжалъ говорить послѣднѣе, съ возрастающимъ волненіемъ:

— Знайте же! Я страдаю отъ любви и отъ мрака. Мнѣ говорили, что при вашемъ ученіи не можетъ существовать ни жизнь, ни человеческая радость, ни счастье, ни законъ, ни порядокъ, ни власть, ни римское могущество. Правда ли это? Мнѣ говорили, что вы люди безумные,—скажите, что вы приносите въ міръ? Развѣ вы хотите обить—грѣхъ? Развѣ ощущать радость—грѣхъ? Желать счастья—грѣхъ? Развѣ вы—враги жизни? Нужно ли христіанину быть ничѣмъ? Долженъ ли я отказаться отъ Лигія? Какова же ваша правда? Ваши дѣла и ваши слова—словно источникъ прозрачный, но какого дна этого источника? Вы видите, я искрененъ. Разсѣйте же окружающій меня мракъ. Мнѣ говорили еще и вотъ что: Греція почитаетъ мудрость и красоту, Римъ—силу, а что приносятъ онѣ?

Такъ, вотъ, скажите же, что вы приносите въ міръ? Если за вашими дверями свѣтъ, то откройте мнѣ эти двери.

— Мы приносимъ любовь,—сказалъ Петръ.

А Павелъ Тарсянинъ добавилъ:

— Еслибъ ты говорилъ языками людскими и ангельскими, а любви не имѣлъ бы, то ты былъ бы какъ мѣдъ звенящая.

Но сердце стараго апостола тронула эта страдающая душа, которая, какъ птица, заключенная въ клетку, рвалась къ солнцу и простору, и, протянувъ Веницію руки, онъ сказалъ:

— Кто стучится, тому будетъ отворено. Благодать Господня надъ тобою и я благословляю тебя, твою душу и твою любовь во имя Избавителя міра.

Веницій, который и такъ говорилъ съ горячностью, услышавъ эти слова, подбѣжалъ къ Петру и тутъ произошло что-то необычайное. Потомокъ квиритовъ, который еще такъ недавно не считалъ чужеземца человѣкомъ, схватилъ руку стараго галилеянина и съ признательностью прижалъ ее къ губамъ.

Петръ былъ обрадованъ. Онъ понялъ, что посѣвъ опять упалъ на добрую почву и что его рыбацья сѣть захватила еще одну душу.

Присутствующіе были не меньше обрадованы этимъ явнымъ знакомъ почтенія къ апостолу Божію и въ одинъ голосъ воскликнули:

— Слава въ вышнихъ Богу!

Веницій всталъ съ прояснившимся лицомъ и заговорилъ:

— Я вижу, что мое счастье—это жить съ вами, потому что чувствую себя счастливымъ и думаю, что вы также убѣдите меня и въ другихъ вещахъ. Но я вамъ скажу еще, что это произойдетъ не въ Римѣ,—цезарь ѣдетъ въ Антію, и я также долженъ ѣхать, потому что получилъ приказаніе. Вы знаете, что не послушаться—это значитъ обречь себя на смерть. Но если я заслужилъ ваше благоволеніе, поѣзжайте со мной и учите меня вашей правдѣ. Въ толпѣ вы будете въ большей безопасности, чѣмъ я самъ, будете имѣть возможность проповѣдывать вашу правду при дворѣ цезаря. Говорятъ, что Актея христіанка, да и среди преторіанцевъ много христіанъ,—я самъ видѣлъ, какъ солдаты преклоняли передъ тобою колѣни, Петръ, у Номентанскихъ воротъ. Въ Антію у меня есть вилла, гдѣ мы будемъ собираться, чтобы подъ бокомъ Нерона слушать ваши проповѣди. Главкъ говорилъ мнѣ, что вы для одной души готовы идти на край свѣта. Сдѣлайте для меня то, что дѣлали для тѣхъ, для которыхъ пришли изъ Іудеи,—сдѣлайте, и не продайте души моей!

Христіане начали совѣтоваться, съ радостью сознавая побѣду своего ученія и послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ обращенія въ христіанство августіанина и потомка одного изъ старѣйшихъ римскихъ родовъ. Они, дѣйствительно, готовы были идти на край свѣта для спасенія одной души и со смерти Учителя ничего другого не дѣлали, — значить, объ отрицательномъ отвѣтѣ не могло быть и рѣчи. Но Петръ въ это время былъ пастыремъ всего стада, и выѣхать изъ Рима не могъ, за то Павелъ Тарсянинъ, который недавно былъ въ Ариціи и во Фрегеллахъ и собирався въ долгое путешествіе на Востокъ, чтобы навѣстить тамошнія церкви и оживить ихъ новымъ дуновеніемъ усердія, согласился сопровождать молодого патриція въ Антію. Тамъ ему легко было найти судно, идущее на греческія моря.

Виницій опечалился, что Петръ, которому онъ былъ столько обязанъ, не будетъ сопутствовать ему, но, все-таки, высказалъ свою благодарность, а потомъ обратился къ старому апостолу съ послѣднею просьбой.

— Зная жилище Лигіи, — сказалъ онъ, — я могъ бы пойти къ ней и спросить, какъ это слѣдуетъ, хочетъ ли она выйти за меня, если моя душа сдѣлается христіанскою душой, но я предпочитаю просить тебя, апостоль: позволь мнѣ видѣть ее или самъ проводи меня къ ней. Я не знаю, какъ долго мнѣ придется прожить въ Антіи, — помните, что возлѣ цезаря никто не увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ. Мнѣ и Петроній говорилъ, что я не буду тамъ въ безопасности. Дайте мнѣ увидѣть Лигію, дайте моему зрѣнію насытиться ею, дайте мнѣ разспросить ее, забыла ли она мое зло и захочетъ ли она раздѣлить со мною мое добро.

Апостоль Петръ добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Кто бы справедливо могъ лишить радости тебя, мой сынъ?

Виницій снова припалъ къ его рукамъ, потому что не могъ сдержатъ переполненнаго сердца. Апостоль взялъ его за голову и сказалъ:

— Но цезаря ты не бойся, ибо я говорю тебѣ, что ни одинъ волосъ не спадетъ съ твоей головы.

Потомъ онъ послалъ къ Лигіи Миріамъ съ приказомъ не говорить ей, кто находится у нихъ, чтобъ и дѣвушка доставить большу ю радость. Прошло немного времени и среди миртовъ садика пошла: алась Миріамъ, ведущая за руку Лигію.

Виницій хотѣлъ было бѣжать къ нимъ на встрѣчу, но при видѣ лю :иаго существа почувствовалъ, какъ силы покидаютъ его, и онъ остался на мѣстѣ, съ бьющимся сердцемъ, безъ дыханія, во

сто разъ болѣе взволнованный, чѣмъ тогда, когда въ первый разъ услышалъ свистъ парянской стрѣлы, пролетѣвшей мимо его головы.

Лигія вбѣжала въ комнату, не ожидая ничего, и при видѣ Виниція также остановилась, какъ вкопанная. Лицо ея вспыхнуло и поблѣднѣло, въ одно и то же время. Удивленными и испуганными глазами она окинула взоромъ всѣхъ присутствующихъ.

Но ее окружали добрыя, расположенныя лица, а апостолъ Петръ приблизился къ ней и сказалъ:

— Лигія, ты все еще любишь его?

Наступила минута молчанія. Губы Лигіи задрожали, какъ у ребенка, который собирается плакать и который, чувствуя себя виноватымъ, видитъ, что ему приходится признаться въ своей винѣ.

— Отвѣчай, — сказалъ апостолъ.

Тогда съ покорностью и страхомъ въ голосѣ она прошептала склоняясь къ колѣнямъ Петра:

— Да.

Виницій также опустился на колѣни рядомъ съ нею. Петръ возложилъ имъ руки на головы и произнесъ:

— Любите другъ друга во Господѣ и во славу Его, ибо нѣтъ грѣха въ любви вашей.

VII.

Ходя по саду, Виницій въ короткихъ, вырванныхъ изъ глубины сердца словахъ рассказывалъ Лигіи то, въ чемъ за минуту передъ тѣмъ признался апостоламъ. Онъ говорилъ о тревогѣ своей души, о томъ, какія перемены произошли въ немъ, и, наконецъ, о той неизмѣримой тоскѣ, которая омрачила его жизнь съ того времени, какъ Лигія покинула жилище Миріамъ. Онъ признался, что хотѣлъ забыть о ней, но не могъ. Ему припомнился крестигъ, связанный изъ вѣтокъ самшита, который она оставила ему, который онъ помѣстилъ въ своемъ лараріумѣ и невольно чтилъ, какъ что-то божественное. Онъ тосковалъ все больше и больше, потому что его любовь была сильнѣе его и уже въ домѣ Авла всецѣло охватила его душу. Другимъ нити жизни прядутъ Парки, а нити его жизни пряли любовь, тоска и грусть. Поступки его были дурны, но исходили они изъ любви. Онъ любилъ ее и въ домѣ Авла, и на Палатинѣ, и на Остраніи, когда видѣлъ, какъ она слушаетъ слова Петра, и когда съ Кротомъ шелъ похищать ее, и когда она сидѣла возлѣ его ложа, и когда она покинула его. И вотъ, пришелъ Хилонъ, который

открылъ ея убѣжище и совѣтовалъ похитить ее, но онъ счелъ лучшимъ наказать Хилона и пойти къ апостоламъ добиваться истины и ея. Да будетъ благословенна та минута, когда эта мысль пришла ему въ голову, потому что теперь онъ возлѣ нея, а она не будетъ бѣжать отъ него, какъ въ послѣдній разъ бѣжала изъ жилища Мириамъ.

— Вѣдь, правда?

— Я не отъ тебя бѣжала, — сказала Лигія.

— Для чего же ты сдѣлала это?

Она подняла на него свои глаза, цвѣта ириса, склонила свое смущенное лицо и сказала:

— Ты знаешь.

Виницій на минуту умолялъ отъ избытка счастья, а потомъ снова заговорилъ, какъ мало-по-малу открывались его глаза, какъ она отличается отъ всѣхъ римлянокъ, и если похожа на кого-нибудь, то развѣ только на Помпонію. Собственно, онъ не могъ точно высказаться, потому что самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что чувствовалъ. Въ ея лицѣ на свѣтъ появляется какая-то совсѣмъ особая красота, которой до сихъ поръ не было, — это не только статуя, но и душа. Взамѣнъ этого онъ сказалъ ей слово, которое наполнило ее радостью, что онъ полюбилъ ее за то, что она бѣжала отъ него, и что она будетъ святыней у его очага.

Онъ схватилъ ея руки и не могъ говорить больше, только съ восторгомъ смотрѣлъ на нее, какъ на отысканное счастье жизни, и повторялъ ея имя, какъ будто хотѣлъ удостовѣриться, что онъ нашелъ ее и теперь стоитъ возлѣ нея:

— О, Лигія! О, Лигія!

Наконецъ, онъ сталъ спрашивать, что творилось въ ея душѣ, и она призналась ему, что полюбила его еще въ домѣ Авла, и если бы онъ отправилъ ее туда изъ Палатина, она сообщила бы Авлу о своей любви и постаралась бы смягчить его гнѣвъ на Виниція.

— Блжнусь тебѣ, — сказалъ Виницій, — мнѣ даже и въ голову не приходило отнимать тебя у Авла. Петроній современемъ скажетъ тебѣ, что даже и тогда я говорилъ ему, что люблю тебя и хочу жениться на тебѣ. Я сказалъ ему: пусть она умаститъ волчьимъ жиромъ мои двери, пусть воссядетъ у моего очага. Но онъ осмѣялъ меня и внушилъ цезарю мысль, что я желаю взять тебя, какъ заживицу, и чтобъ онъ отдалъ тебя мнѣ. Сколько разъ, въ минуты моего горя, я проклиналъ его, но, можетъ быть, такъ желала счастливая судьба, потому что иначе я не узналъ бы христіанъ и не нашелъ бы тебя.

— Вѣрь мнѣ, Маркъ, — отвѣтила Лигія, — что Христось умышленно ведетъ насъ къ Себѣ.

Виницій удивился и поднялъ голову.

— Правда, — сказалъ онъ, — все складывалось такъ странно, что, отыскивая тебя, я познакомился съ христіанами. Въ Остраніи съ удивленіемъ слушалъ апостола, потому что такихъ рѣчей ни слыхалъ никогда. Ты тогда за меня молилась?

— Да, — отвѣтила Лигія.

Они прошли мимо бесѣдки, покрытой плющомъ, и приблизились къ тому мѣсту, гдѣ Урсъ, задавивъ Бротона, бросился на Виниція.

— Здѣсь, — сказалъ молодой человѣкъ, — еслибъ не ты, то я бы погибъ.

— Не вспоминай, — отвѣтила Лигія, — и не ставь это въ вину Урсу.

— Могу ли я мстить ему за то, что онъ защищалъ тебя? Еслибъ онъ былъ невольникомъ, то я сейчасъ же далъ бы ему свободу.

— Еслибъ онъ былъ невольникомъ, то Авлъ давно бы отпустилъ его.

— Помнишь, какъ я хотѣлъ тебя возвратити Авлу? Но ты отвѣчала, что цезарь могъ бы узнать объ этомъ и отомстить Авлу. Послушай, теперь ты можешь видѣть его сколько угодно.

— Почему, Маркъ?

— Я говорю «теперь» и думаю, что ты будешь безопасно видѣть ихъ, когда станешь моею. Да!... Если бы цезарь, узнавъ объ этомъ, спросилъ, что я сдѣлалъ съ заложницей, которую онъ мнѣ довѣрилъ, я скажу ему: я женился на ней и къ Авлу она ходитъ съ моего разрѣшенія. Долго въ Антіи онъ не проживетъ, потому что ему хочется ѣхать въ Ахайю, а еслибъ и долго прожилъ, мнѣ нѣтъ надобности видѣться съ нимъ каждый день. Когда Павелъ Тарсянинъ научитъ меня вашей Правдѣ, я тотчасъ же приму крещеніе, возвращусь сюда и приобрѣту дружбу Авла, кстати, они надняхъ возвращаются въ городъ. Преградь уже никакихъ не будетъ, тогда я возьму тебя и посажу у своего очага. О, carissima! Carissima!

Онъ протянулъ руки, какъ бы призывая небо въ свидѣтели, а Лигія, поднимая на него свои свѣтлые глаза, сказала:

— И тогда я скажу: гдѣ ты, Кай, тамъ и я, Бая ²⁾.

— Нѣтъ, Лигія! — воскликнулъ Виницій, — влянусь тебѣ, что

²⁾ Ubi tu Gaius, ibi ego Bēia — священная формула, которую произносила невеста, вступая въ домъ жениха.

никогда никакая женщина не пользовалась такимъ уваженіемъ въ домѣ мужа, какимъ будешь пользоваться ты.

Они шли молча, не въ состояніи объять своего счастья, подобныя двумъ богамъ и настолькоъ прекрасныя, какъ будто весна породила ихъ вмѣстѣ съ цвѣтами. Наконецъ, они остановились подъ кипарисомъ, растущимъ у входа въ домикъ. Лигія прижалась къ груди Виниція, а тотъ снова сталъ просить дрожащимъ голосомъ:

— Прикажи Урсу пойти въ домъ Авла, забрать твои вещи и дѣтскія игрушки и перенести ко мнѣ.

Лигія покраснѣла, какъ роза или какъ утрення заря, и отвѣтила:

— Обычай приказываетъ дѣлать не такъ.

— Я знаю. Обыкновенно, вещи приносятъ пронуба ³⁾ вслѣдъ за новобрачной, но ты сдѣлай это для меня. Я возьму ихъ съ собою въ Антію и онѣ будутъ мнѣ напоминать тебя.

Тутъ онъ сложилъ руки и началъ повторять, какъ ребенокъ, просящій что-нибудь:

— Помпонія возвратится на-дняхъ, сдѣлай для меня это, дѣла ⁴⁾, сдѣлай, дорогая!

— Пусть Помпонія сдѣлаетъ, какъ хочетъ,—отвѣтила Лигія еще сильнѣе покраснѣла при упоминаніи о пронубѣ.

И они снова умоляли, потому что любовь сдавливала дыханіе въ ихъ груди. Лигія стояла, прислонившись спиною къ кипарису, въ опущенными глазами и волнующеюся грудью, Виницій мѣнялся въ лицѣ, то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Въ полудневной тиши они слышали, какъ бьются ихъ сердца, и въ ихъ упоеніи этотъ кипарисъ, миртовые кусты и плющъ, обвивающій бесѣдку, обращались въ какой-то заколдованный садъ любви.

Въ дверяхъ появилась Мириамъ и позвала ихъ завтракать. Виницій и Лигія сѣли съ апостолами, а тѣ съ радостью смотрѣли на нихъ, какъ на молодое поколѣніе, которое послѣ ихъ смерти должно было сохранять и сѣять дальше зерно новаго ученія. Петръ пренялъ и благословлялъ хлѣбъ; на всѣхъ лицахъ виднѣлось спокойствіе, и какое-то неизреченное счастье, казалось, наполняло всю комнату.

— Посмотри,—сказала, наконецъ, Павелъ, обращаясь къ Виницію,—похожи мы на враговъ жизни и радости?

³⁾ Pronuba — одна изъ замужнихъ родственницъ невѣсты, исполнявшая нѣкоторыя обряды при совершеніи брака.

⁴⁾ va — божественная, богиня.

И Виницій отвѣтилъ:

— Теперь я знаю, потому что никогда не былъ такъ счастливъ какъ съ вами.

VIII.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Виницій, проходя черезъ Форумъ и направляясь домой, замѣтилъ на углу Vicus Tuscus золоченныя носилки Петронія, которыя несли восемь рослыхъ британцевъ, и, задержавъ ихъ движеніемъ руки, приблизился къ занавѣскамъ.

— Да будетъ приятель твой сонъ!—сказалъ онъ и засмѣялся при видѣ спящаго Петронія.

— Ахъ, это ты!—сказалъ Петроній, просыпаясь.—Да, я и дремалъ, потому что ночь провелъ на Палатинѣ. Теперь я отправился купить себѣ что-нибудь читать въ Антію. Что новаго?

— Ходишь по книжнымъ лавкамъ?—спросилъ Виницій.

— Да. Я не хочу производить безпорядка въ своей библиотекѣ и потому на дорогу дѣлаю отдѣльные запасы. Кажется, вышли новыя сочиненія Музонія и Сенеки. Я ищу также Персія ¹⁾ и одно изданіе ѡглогъ Виргилія, котораго у меня нѣтъ. Охъ, какъ я утомленъ у меня болятъ руки отъ развертыванія свитковъ!... Когда попадешь въ книжную лавку, всегда любопытно посмотрѣть и то, и это. Былъ я у Авирона, у Атракта на Аргемитѣ ²⁾, а передъ этимъ емъ у Созіевъ на Vicus Sandalagius. Блянусь Басторомъ, какъ мнѣ хочется спать!

— Ты былъ на Палатинѣ и я спрашиваю у тебя, что слышишь новаго? Или знаешь что? Отшли носилки съ книгами домой, пойдемъ со мною. Поговоримъ объ Антіи и еще кое о чемъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Петроній, выходя изъ носилокъ. По крайней мѣрѣ, ты долженъ знать, что послѣ-завтра мы отправляемся въ Антію.

— Откуда я могу знать это?

— Въ какомъ мѣрѣ ты живешь? Такъ я первый сообщаю тебѣ эту новость? Да. Будь готовъ послѣ-завтра утромъ. Горожане настоянный оливковымъ масломъ, не помогъ, платокъ на толстошею не помогъ и мѣднородый охрипъ. При такихъ условіяхъ объ отсрочкѣ и думать нечего. Онъ проклинаетъ Римъ и его вѣдущихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, радъ бы сравнить его съ землею и

¹⁾ А. Persius Flaccus—римскій поэтъ, жившій въ 34—62 г. по Р. X. Онъ слагалъ сатиры, дошедшія до нашего времени.

²⁾ Авторъ, повидимому, разумѣетъ книгопродавцевъ (хотя такихъ именъ въ римской литературѣ нѣтъ).

уничтожить огнемъ и какъ можно скорѣе хочетъ ѣхать на море. Говорить, что запахи, которые вѣтеръ доносить изъ узкихъ улицъ, вгоняетъ его въ гробъ. Сегодня во всѣхъ храмахъ дѣлались жертвоприношенія, чтобы къ нему возвратился голосъ, и горе Риму, а въ особенности сенату, если онъ не скоро возвратится!

— Тогда не зачѣмъ было бы ѣхать въ Антию.

— Но развѣ нашъ божественный цезарь обладаетъ только однимъ этимъ талантомъ?—смѣясь, отвѣтилъ Петроній.—Онъ выступилъ бы на олимпійскихъ играхъ, какъ поэтъ со своимъ пожаромъ Трои, какъ возница, какъ музыкантъ, какъ атлетъ... да что, даже какъ танцовщикъ, и, во всякомъ случаѣ, получилъ бы всѣ вѣнки, назначенные для побѣдителей. Ты знаешь, почему эта обезьяна охрипла? Вчера ему хотѣлось сравняться съ нашимъ Парисомъ ⁷⁾ и онъ танцевалъ намъ приключеніе Леды, причемъ вспотѣлъ и простудился. Весь былъ мокрый и скользкій, какъ угорь, только что вынутый изъ воды. Онъ смѣнялъ одну маску другою, кружился, какъ веретено, махалъ руками, какъ пьяный матросъ, даже отвращеніе брало смотрѣть на это толстое брюхо и эти тонкія ноги. Парисъ училъ его двѣ недѣли, по вообрази ты себя Агенбарба Ледою или богомъ-лебедемъ. Вотъ такъ лебедь! Нечего сказать! Но онъ хочетъ публично выступить съ этою пантомимой сначала въ Антию, а потомъ въ Римъ.

— Уже и тѣмъ были недовольны, что онъ пѣлъ публично, но подумать, что римскій цезарь выступить, какъ мимъ, нѣтъ, этого даже и Римъ не снесетъ!

— Дорогой мой! Римъ все снесетъ, а сенатъ объявить благодарность «отцу отечества».

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— А толпа еще будетъ гордиться тѣмъ, что цезарь—ея шутъ.

— Скажи самъ можно ли сдѣлаться болѣе подлымъ?

Петроній пожалъ плечами.

— Ты живешь себѣ дома, въ своихъ думахъ то о Лигіи, то о христіанахъ, и не знаешь, что случилось два дня тому назадъ. Неронъ публично праздновалъ свадьбу съ Пинеагоромъ ⁸⁾. Онъ явился въ качествѣ невесты. Казалось бы, что мѣра безумія уже

⁷⁾ Парисъ — знаменитый мимическій актеръ того времени. „Танцевалъ приключеніе Леды“ значитъ: изображалъ мимикой мнелоогическій разговоръ о томъ, какъ Юпитеръ, влюбленный въ Леду, явился къ ней въ видѣ лебеда.

⁸⁾ Объ этомъ рассказываетъ Тацитъ въ своей *Летописи*, кн. 15, гл. 37: „Ipsе (Nero), per licita atque illicita foedatus, nihil flagitii reliquerat quo corruptior ageret, nisi paucos post dies uni ex illo contaminatorum grege (nomen Pythagorae fuit)

исчерпана? Но что-жь ты скажешь? Пришли приглашенные фла-
мины и торжественно благословили бракъ. Я былъ при этомъ. И
я, — много я могу снести, — все-таки, признаюсь, подумалъ, что
боги, если они есть, должны были дать какое-нибудь значеніе...
Но цезарь не вѣрить въ боговъ, и онъ правъ.

— Онъ въ одномъ лицѣ и верховный жрецъ, и богъ, и ате-
истъ, — сказалъ Виницій.

Петроній разсмѣялся.

— Правда! Мнѣ это не приходило въ голову, но это такое со-
единеніе, какого до сихъ поръ не видалъ міръ.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Нужно прибавить еще, что этотъ верховный жрецъ, кото-
рый не вѣрить въ боговъ, и этотъ богъ, который издѣвается надъ
ними, боится ихъ, какъ атеистъ.

— Доказательствомъ этому служить то, что произошло въ хра-
мѣ Весты.

— Однако, каковъ міръ!

— Каковъ міръ, таковъ цезарь. Но это долго не продлится.

Они дошли до дома. Виницій весело приказалъ давать ужинать,
потомъ обратился къ Петронію и сказалъ:

— Нѣтъ, дорогой мой, міръ долженъ возродиться.

— Мы его не передѣлаемъ, — отвѣтилъ Петроній, — хотя бы
потому, что въ царствованіе Нерона человекъ, какъ бабочка: жи-
ветъ по милости солнца, а при первомъ дуновеніи холоднаго вѣтра
гибнетъ... хотя бы и не желалъ этого. Блянусь сыномъ Майи *)! я
не разъ задавалъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ хотя бы тотъ же
Люцій Сатурнинъ могъ дожить до девяноста трехъ лѣтъ, пережить
Тиберія, Калигулу, Клавдія?... Но довольно объ этомъ. Ты позво-
лишь мнѣ послать твои носилки за Эвникой? Спать мнѣ больше не
хочется и я желалъ бы веселиться. Прикажи, чтобъ къ ужину при-
шелъ цитристъ, а потомъ мы поговоримъ объ Антии. Объ этомъ
пужно подумать, въ особенности тебѣ.

Виницій распорядился послать за Эвникой, но заявилъ, что объ
Антии и не думаетъ ломать себѣ голову. Пускай ее ломаютъ тѣ,
которые не умѣютъ жить иначе, какъ только въ лучахъ милости
цезаря. Міръ не кончается на Палатинѣ, въ особенности для тѣхъ,
у кого есть что-то другое въ душѣ и сердцѣ.

*in modum sollemnium coniugiorum denupsisset. Inditum imperatori flammeum; visi
auspices, dos et genialis torus et facies nuptiales; cuncta denicue spectata, quae etiam
in femina nox operit".*

*) Сынъ Майи — Меркурій.

Говорилъ онъ это такъ небрежно, съ такимъ оживленіемъ и такъ весело, что все это поразило Петронія, и, посмотрѣвъ на Виниція съ минуту, онъ спросилъ:

— Что съ тобою? Ты сегодня таковъ, какимъ былъ тогда, когда носилъ еще золотую буллу на шеѣ ¹⁰⁾.

— Я счастливъ, — отвѣтилъ Виницій. — Я нарочно пригласилъ тебя, чтобъ сказать это.

— Да что же случилось съ тобою?

— Случилось то, чего бы я не уступилъ за всю римскую имперію.

Онъ сѣлъ, уперся локтями въ поручни кресла, опустилъ голову на руки и заговорилъ съ улыбающимся лицомъ и сіяющимъ взоромъ:

— Помнишь, какъ мы вмѣстѣ были у Авла Плавтія и какъ ты въ первый разъ видѣлъ ту божественную дѣвушку, которую самъ называлъ утреннею зарей и весной? Помнишь ты ту Психею, ту несравненную, ту прекраснѣйшую изъ женщинъ и вашихъ богинь?

Петроній смотрѣлъ на Виниція съ такимъ удивленіемъ, какъ будто бы хотѣлъ удостовѣриться, въ порядкѣ ли его голова.

— На какомъ языкѣ ты говоришь! — сказалъ онъ, наконецъ. — Очевидно, я помню Лигію.

А Виницій сказалъ:

— Мы обручились съ нею.

— Что?...

Виницій вскочилъ съ кресла и крикнулъ диспенсатору:

— Пусть невольники соберутся сюда всѣ до одного! Скорѣе!

— Ты обручился съ нею? — повторилъ Петроній.

Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ изумленія, огромный атрий дома Виниція наполнился народомъ. Задыхаясь, бѣжали старики, мужчины въ цвѣтѣ лѣтъ, женщины, мальчики и дѣвочки. Съ каждою минутой въ атриі становилось все тѣснѣе; въ корридовахъ, «*fauces*» ¹¹⁾, слышались разговоры на всѣхъ языкахъ. Наконецъ, всѣ невольники толпою разстановились вдоль стѣнъ и между колоннъ. Виницій подошелъ къ имплювію ¹²⁾, обратился къ отпущеннику Демасу и сказалъ:

¹⁰⁾ Т.-е., когда ты былъ ребенкомъ. Булла — золотой шарикъ, который носили эти.

¹¹⁾ *Fauces* — узкій ходъ, соединявшій два главныхъ отдѣленія римскаго дома — атрий и перистиль.

¹²⁾ *Impluvium* — бассейнъ, находившійся въ атриі, куда стекала дождевая вода черезъ особое отверстіе въ крышѣ.

— Кто прослужилъ въ моемъ домѣ двадцать лѣтъ, тотъ завтра пусть явится къ претору, гдѣ и получить свободу, остальнымъ— по три золотыхъ монеты и удвоенная порція пищи въ теченіе недѣли. Въ загородные эргастулы послать приказъ, чтобы людей освободить отъ наказанія, снять оковы съ ихъ ногъ и кормить, какъ слѣдуетъ. Знайте, что для меня настала счастливая день и я хочу, чтобы въ моемъ домѣ была радость.

Съ минуту невольники стояли въ молчаніи, какъ будто не до вѣря своимъ ушамъ, потомъ всѣ руки поднялись кверху и изъ устъ всѣхъ послышался крикъ:

— А-а! Господинь! А-а-а!...

Виницій отпустилъ ихъ знакомъ руки, и хотя невольники испытывали желаніе благодарить его и пасть къ его ногамъ, но ушли поспѣшно, разнося счастье отъ подваловъ до чердаковъ.

— Завтра,—сказалъ Виницій,—я прикажу имъ собраться въ садъ и чертить на песку знаки, какіе они захотятъ. Того, кто на чертить рыбу, освободить Лигія.

Петроній, который никогда не удивлялся ничему долго, уже отыль и спросилъ:

— Рыбу? Ага! Я помню, что говорилъ Хилонъ: это эмблема христіанства.

Потомъ онъ протянулъ руку по направленію къ Виницію и сказалъ:

— Счастье всегда тамъ, гдѣ человѣкъ видитъ его. Пускай Флора долго сыплетъ цвѣты подъ ваши ноги. Я желаю тебѣ всего чего ты самъ себѣ желаешь.

— Благодарю. Я думалъ, что ты будешь отсовѣтовать мнѣ, это было бы потерянное время.

— Я? Отговаривать? Ничуть. Напротивъ, я говорю тебѣ, что ты хорошо дѣлаешь.

— Ахъ, измѣнникъ!—весело отвѣтилъ Виницій,—развѣ ты забылъ, что говорилъ мнѣ, когда мы выходили изъ дома Грецини?

Петроній хладнокровно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, но я измѣнилъ мнѣніе.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Милый мой, въ Римѣ все измѣняется. Мужья мѣняютъ женъ, жены мѣняютъ мужей, почему же бы и мнѣ не измѣнить свое мнѣніе? Не многого не хватало и Неронъ женился бы на Актеі, которую нарочно для него произвели изъ царскаго рода. И что-жъ? У него была бы хорошая жена, а у насъ хорошая августы. Еланусъ

Протеемъ ¹³⁾ и его морскими глубинами! я всегда буду измѣнять нѣбѣ, если сочту это справедливымъ или удобнымъ для себя. Что касается Лиги, то ея царское происхожденіе вѣроятнѣе, чѣмъ пергамскіе предки Антеи ¹⁴⁾. Но въ Антіи ты берегись Поппеи,—она истинна.

— И не подумаю. Въ Антіи волосъ не спадеть съ моей головы.

— Если ты думаешь, что еще разъ удивишь меня, то ошибаешься; но откуда у тебя такая увѣренность?

— Мнѣ сказалъ это апостоль Петръ.

— А! Это тебѣ сказалъ апостоль Петръ? Противъ этого нѣтъ никакихъ аргументовъ; но позволь, однако, мнѣ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, хотя бы для того, чтобы апостоль Петръ не оказался ложнымъ пророкомъ, потому что, еслибъ апостоль Петръ случайно ошибся, то могъ бы утратить твое довѣріе, которое, навѣрное, и впредь понадобится апостолу Петру.

— Дѣлай, что хочешь, но я ему вѣрю. И если ты думаешь, презрительно и каждую минуту повторяя его имя, ты уронишь его въ моихъ глазахъ, то ты ошибаешься.

— Еще одинъ вопросъ: ты сдѣлался христіаниномъ?

— До сихъ поръ нѣтъ, но Павелъ Тарсянинъ ѣдетъ со мною, чтобы объяснить мнѣ ученіе Христа, а потомъ я приму крещеніе. Онъ говорилъ мнѣ, что они враги жизни и радости,—это неправда.

— Тѣмъ лучше для тебя и для Лиги,—отвѣтилъ Петроній.

Онъ пожалъ плечами и сказалъ, какъ бы про себя:

— Удивительно, какъ эти люди умѣютъ привлекать единомышленниковъ и какъ распространяется эта секта!

Виницій отвѣтилъ съ такою горячностью, какъ будто бы былъ не крещенымъ:

— Да. Тысячи и десятки тысячъ живутъ въ Римѣ, въ горѣхъ Италіи, въ Греціи и въ Азіи. Христіане есть и въ легионахъ и среди преторіанцевъ, даже въ самомъ дворцѣ цезаря. Ученіе это признаютъ невольники и граждане, бѣдные и богатые, себя и патрици. Знаешь ли ты, что Корнелии христіане, что Фипонія Грецина христіанка, что, кажется, и Октавія была христіанкой? Да, ученіе это охватываетъ міръ и только одно оно можетъ возродить его. Не пожимай плечами,—кто знаетъ, черезъ годъ или черезъ годъ ты самъ не присоедилишься ли къ нему?

¹³⁾ Протей—морское божество, имѣвшее способность перемѣнять свой видъ.

¹⁴⁾ Чтобы возвысить Антею, которая была прежде рабыней, Неронъ сталъ возводить ея родъ къ пергамскому царю Атталу.

— Я?—переспросилъ Петроній.—Нѣтъ, клянусь сыномъ Леты, я не присоединюсь къ нему, хотя бы въ немъ крылась правда и мудрость какъ человѣческая, такъ и божеская... Это требовало бы усилія, а я не люблю утруждать себя... Это требовало бы отреченія, а я не люблю отказываться отъ чего бы то ни было въ жизни. Съ твоею натурой, похожею на огонь и кипятокъ, могло случиться что-нибудь подобное, но я?—у меня мои геммы, мои камни, мои вазы и моя Эвника. Въ Олимпъ я не вѣрю, но устраиваю его на землѣ и буду процвѣтать, пока меня не пронзятъ стрѣлы божественнаго Стрѣльца ¹⁵⁾ или пока цезарь не прикажетъ мнѣ вскрыть жилы. Я ужъ черезъ-чуръ люблю благоуханіе фіалокъ и удобный триклиній. Я даже люблю нашихъ боговъ... какъ риторическія фигуры, и Ахайю, въ которую собираюсь съ нашимъ тучнымъ, тонконогимъ, несравненнымъ, божественнымъ цезаремъ... Геркулесомъ, Нерономъ!...

Петроній развеселился при одномъ предположеніи, что могъ бы принять ученіе галилейскихъ рыбаковъ, и въ полголоса началъ напѣвать:

«Зеленю миртовъ я обовью свой свѣтлый мечъ по примѣру Гармоніи и Аристокитона» ¹⁶⁾,—но тотчасъ же остановился, когда номенклаторъ объявилъ о прибытіи Эвники.

Сейчасъ же подали и ужинъ, во время котораго, послѣ нѣсколькихъ пѣсень, пропѣтыхъ цитристомъ, Виницій разсказалъ Петронію о посѣщеніи Хилона и о томъ, какъ это посѣщеніе дало ему мысль отправиться прямо къ апостоламъ, а что самая эта мысль пришла ему въ голову въ то время, когда наказывали Хилона Петроній,—имъ снова овладѣвала дремота,—провелъ рукою въ лбу и сказалъ:

— Мысль была хороша, если привела къ хорошему послѣдствію. Но что касается Хилона, то я приказалъ бы дать ему пять золотыхъ монетъ, а если бы велѣлъ бить его, то лучше забить его до смерти. Кто знаетъ, современемъ не будутъ ли ему кланяться сенаторы, какъ кланяются нынѣ нашему герою Дратвы—Ватнію? Доброй ночи.

Онъ снялъ вѣнокъ и вмѣстѣ съ Эвникой вышелъ изъ дома, Виницій отправился въ бібліотеку и написалъ Лигіи такое письмо «Божественная, я хочу, чтобы, когда ты откроешь свои шу

¹⁵⁾ Т.-е. Аполлона, который (по Гомеру) пускаетъ стрѣлу изъ серебрянаго щита и поражаетъ ими смертныхъ.

¹⁶⁾ Начало греческой застоливой пѣсни.

лестные глаза, письмо это сказало бы тебѣ: добрый день! Поэтому я пишу сегодня, хотя завтра увижу тебя. Послѣ-завтра цезарь выѣзжаетъ въ Антію и я, увы, долженъ сопровождать его. Я уже сказалъ тебѣ, что не послушаться — это значило бы рисковать жизнью, а теперь у меня нѣтъ храбрости умирать. Но если ты не хочешь этого, черкни мнѣ одно слово, а тамъ ужъ Петроній пусть думаетъ, какъ отворотить отъ меня опасность. Сегодня, въ радостный день, я роздалъ награду всѣмъ невольникамъ, а тѣхъ, которые прослужили въ моемъ домѣ двадцать лѣтъ, завтра поведу къ претору, чтобъ освободить ихъ. Ты, дорогая, должна одобрить меня за это: это согласуется съ тѣмъ кроткимъ ученіемъ, которое ты исповѣдуешь, и сдѣлалъ это я для тебя. Завтра я скажу имъ, что свободою они обязаны тебѣ, чтобъ они были признательны тебѣ и славили бы твое имя. За то я отдаю себя въ неволю счастью и тебѣ и желаю бы никогда не видать освобожденія. Да будетъ проклятъ Антію и путешествіе Агенобарба! Трижды, четырежды я счастливъ, что не такъ уменъ, какъ Петроній, а то, можетъ быть, и я долженъ былъ бы ѣхать въ Ахайю. А теперь минуту прощанья усладить мнѣ воспоминаніе о тебѣ. Какъ только я буду имѣть возможность вырваться, я сяду на коня и поскачу въ Римъ, чтобы насытить свои глаза твоимъ образомъ, уши—твоимъ милымъ голосомъ. Когда мнѣ самому будетъ нельзя, я пошлю невольника съ письмомъ къ тебѣ. Привѣтствую тебя, божественная, и обнимаю твои ноги. Не гнѣвайся, что я называю тебя божественною. Если ты запретишь, я послушаюсь, но теперь пока еще не могу. Привѣтствую тебя изъ будущаго твоего дома, привѣтствую всею душой».

IX.

Въ Римѣ всѣмъ было извѣстно, что цезарь по дорогѣ намѣревается посѣтить Остію, или, вѣрнѣе, самое величайшее въ мірѣ судно, которое только что доставило хлѣбъ изъ Александріи, а затѣмъ вдоль берега (*via Littoralis*) направится въ Антію. Распоряженія были отданы уже нѣсколько дней тому назадъ и поэтому съ утра у *Porta Ostiensis* собралась толпа, состоящая изъ городской черни и всѣхъ народовъ свѣта, чтобы насытить глаза зрѣлищемъ цезарской процессіи, на которую римскій плебсъ никогда не могъ до латочко насмотрѣться. До Антіи дорога не была ни далека, ни трудна; въ самомъ городѣ, состоящемъ изъ великолѣпныхъ дворцовъ и виллъ, можно было найти все, чего требовало не только

удобство, но даже и изысканная тогдашняя роскошь. Несмотря на то, цезарь имѣлъ обыкновеніе забирать съ собою въ дорогу всѣ предметы, которые ему нравились, начиная отъ музыкальныхъ инструментовъ и домашнихъ вещей и кончая статуями и мозаиками, которые укладывали тогда, когда онъ хотѣлъ остановиться въ дорогѣ на самое короткое время, для отдыха или для обѣда. Поэтому при каждой поѣздкѣ его сопровождали цѣлыя полчища слугъ, не считая преторіанскихъ полковъ и августіанъ, изъ которыхъ каждый велъ за собою цѣлую свиту невольниковъ.

Въ этотъ день раннимъ утромъ кампанійскіе пастухи, съ козлиными шкурами на ногахъ и съ лицами, обожженными солнцемъ, прогнали въ городскія ворота пятьсотъ ослицъ, чтобы Поппеа, на другой день по прибытіи въ Антію, могла взять свою обычную ванну изъ ослинаго молока. Толпа съ довольствомъ и смѣхомъ смотрѣла, какъ среди клубовъ пыли колыхались длинныя уши животныхъ, и съ радостью прислушивалась къ свисту бичей и дикимъ крикамъ пастуховъ. Послѣ прохода ослицъ на дорогу хлынули толпы невольниковъ, старательно очистили ее и начали усыпать цвѣтами и хвоею пиній. Толпа съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости повторяла, что вся дорога, вплоть до Антія, должна быть такъ усѣяна цвѣтами, которые были собраны изъ окрестныхъ садовъ, а также и куплены за дорогую цѣну у торговцевъ возлѣ Porta Mugionis. По мѣрѣ того, какъ протекали утренніе часы, тѣснота увеличивалась съ каждою минутой. Иные привели съ собою всю семью, а чтобы время не казалось имъ черезъ-чуръ долгимъ, раскладывали запасы живности на каменьяхъ, предназначенныхъ для новаго храма Цереры, и ѣли *prandium*¹⁾ подъ открытымъ небомъ. Бое-гдѣ образовались кучки, гдѣ первенствующее значеніе играли люди бывалые. По поводу отъѣзда цезаря велись бесѣды объ его прошлыхъ путешествіяхъ вообще, причемъ матроны и отставные солдаты рассказывали чудеса о странахъ, о которыхъ они слышали во время своихъ скитаній, но которыхъ еще не попирала римская нога. Горожане, которые въ жизни никогда не бывали дальше дороги Аппія, съ удивленіемъ слушали о чудесахъ Индіи и Аравіи, объ архипелагахъ, окружающихъ Британію, гдѣ на одномъ островкѣ Бриарей²⁾ связалъ спящаго Сатурна и гдѣ обитали духи, о гиперборейскихъ

¹⁾ Prandium—завтракъ.

²⁾ Бриарей—одинъ изъ „Сторукыхъ“, сынъ Урана (Неба) и Геи (Земли), гигантъ, имѣвшій 50 головъ и 100 рукъ. Упоминаемое здѣсь сказаніе находится у Плутарха (De defect. orac. 18).

ранахъ, о свистѣ д. ревѣ, которые издавали волны океана, когда ходящее солнце погружалось въ его глубинахъ. Среди толпы побные рассказы находили довѣрие, — имъ вѣрили даже такіе люди, въ Плиній и Тацитъ. Говорилось также о томъ, что корабль, который цезарь долженъ былъ осматривать, везетъ двухлѣтній запасъ пшеницы, не считая четырехсотъ путешественниковъ, такого числа экипажа и множества дикихъ звѣрей, которые должны быть употреблены въ дѣло во время лѣтнихъ игрищъ. Толпу обьявляла приверженность къ цезарю, который не только кормилъ, и забавлялъ ее. Нерону готовился восторженный приемъ.

Тѣмъ временемъ показался отрядъ нумидійскихъ всадниковъ, принадлежавшихъ къ числу преторіанскихъ войскъ. На нумидійцахъ была желтая одежда, красные пояса, а большія серьги бросали золотистый отблескъ на ихъ черныя лица. Острія ихъ бамбуковыхъ копій словно огоньки свѣтились на солнцѣ. Толпа тѣснилась, чтобы ближе видѣть все, но тутъ подошли отряды пѣшихъ преторіанцевъ, установились по обѣимъ сторонамъ воротъ и прекратили доступъ къ дорогѣ. Прежде всего показались колесницы, везущія шатки, пурпурныя, красныя, фіолетовыя и изъ бѣлаго, какъ шѣвъ, бисса ³⁾, затканнаго золотыми нитками, восточныя ковры и шпарисныя столы, и куски мозаики, и кухонную посуду, и влѣтки въ птицами Востока, Юга и Запада, и амфоры съ виномъ, и корзины съ плодами. Предметы, которыхъ не хотѣли подвергать риску при перевозкѣ, несли пѣшіе невольники. Прошли цѣлыя сотни людей съ утварью и статуэтками изъ коринтской мѣди; этрусскія, греческія вазы, сосуды золотые, серебряныя или изъ александрійскаго стекла слѣдовали особо. Ихъ раздѣляли небольшіе отряды пѣшихъ и конныхъ преторіанцевъ, а надъ каждою кучкой невольниковъ наблюдали надсмотрщики, вооруженные бичами, съ кусочками свинца и желѣза на концѣ. Шествіе, состоящее изъ людей, со вниманіемъ и сосредоточенностью несущихъ различные предметы, казалось какою-то торжественною религіозною процессіей, и шествіе это стало еще большимъ, когда появились музыкальные инструменты цезаря и его двора. Были видны арфы, лютни греческія, еврейскія и египетскія, лиры, форминги, цитры, дудки и цимбалы. Смотри на это море инструментовъ, сверкающихъ на солнечныхъ лучахъ золотомъ, бронзою, драгоценными камнями и перламутромъ, можно было бы подумать, что это Аполлонъ или

³⁾ Byssus — восточная ткань изъ льна, очень дорогая.

Вакхъ собрались путешествовать по свѣту. Потомъ появились в ликоѣпныя карруки съ акробатами, танцовщиками и танцовщицами, живописно сгруппированными и держащими въ рукахъ тѣлеса. За ними слѣдовали невольники, предназначенные не для услуги а для утѣхи, — мальчики и дѣвочки изъ Греціи и Малой Азіи, дли новолосые или съ кудрявыми волосами, собранными въ золотую свѣтку, съ лицами чудными, но сплошь покрытыми толстымъ слоемъ косметикъ изъ опасенія, чтобъ ихъ нѣжную кожу не опалила жгучій вѣтеръ Кампаньи.

Потомъ появился преторіанскій отрядъ гигантовъ сикамбровъ⁴⁾ бородатыхъ, со свѣтлыми рыжими волосами и голубыми глазами. Знаменоносцы, такъ называемые имагинари, несли передъ ними римскіе орлы, таблицы съ различными надписями, статуэтки римскихъ и греческихъ боговъ, а также бюсты цезаря. Изъ-подъ шкуръ панцирей, покрывающихъ ихъ, видѣлись сильные, загорѣлыя руки, словно военныя машины, которыя только однѣ способны владѣть тѣмъ тяжелымъ орудіемъ, которое носило это войско. Земля казалось, тряслась подъ ихъ ровнымъ, тяжелымъ шагомъ, а они увѣренные въ своей силѣ, которую при случаѣ могли употребить противъ самого цезаря, презрительно глядѣли на уличную чернь и, вѣроятно, забыли, что сами въ лохмотьяхъ пришли въ этотъ городъ. Но то была незначительная горсть, — главныя преторіанскія силы остались въ казармахъ, чтобы наблюдать надъ городомъ и держать его въ строгости. Вслѣдъ за сикамбрами шли упряжныя тигры и львы Нерона, чтобы запрячь ихъ въ колесницу, если цезарю придетъ охота подражать Діонису. Звѣрей вели индусы и арабы на стальныхъ цѣпочкахъ, впрочемъ, такъ обвитыхъ цвѣтами, что издали онѣ казались цвѣточными гирляндами. Звѣри, прирученные опытными bestiariis, смотрѣли на толпу своими зелеными, какъ будто сонными глазами, а по временамъ поднимали свои огромныя головы, съ храпѣніемъ втягивали въ себя испаренія человѣческихъ тѣлъ и облизывали пасть своимъ шероховатымъ языкомъ. Потомъ тянулись колесницы и носилки цезаря, большія и меньшія, золотыя или пурпурныя, выложенныя слоновою костью и жемчугомъ, или играющія огнями драгоценныхъ камней, а за ними — отрядъ преторіанцевъ, съ римскимъ вооруженіемъ, составленный только изъ однихъ италійскихъ солдатъ-охотниковъ⁵⁾,

4) Sygambri—германское племя, жившее недалеко отъ Рейна.

5) Жители Италіи еще Августомъ были освобождены отъ военной службы, вслѣдствіе чего такъ называемая cohors Italica, обитавшая въ Азіи, состав-

толпы нарядной прислуги и, наконецъ, въхалъ самъ цезарь, приближеніе котораго возвыщалось отдаленнымъ крикомъ народа.

Въ толпѣ находился и апостолъ Петръ, который хотѣлъ хоть разъ въ жизни увидать цезаря. Его сопровождала Лигія, закутанная густымъ покрываломъ, и Урсъ, сила котораго лучше всего могла охранить дѣвушку среди беспорядочной и распущенной толпы. Лигіецъ поднялъ одинъ изъ камней, назначенныхъ для постройки храма, и принесъ его къ апостолу, чтобъ ему было лучше видно. Сначала толпа роптала, когда Урсъ расталкивалъ ее, какъ корабль разрѣзываетъ воду, но когда онъ поднялъ камень, который и четвернымъ силачамъ не удалось бы сдвинуть съ мѣста, ропоть смѣнился одобреніемъ и вокругъ раздались крики: «*haste!*»⁶⁾. Въ это время показался цезарь. Онъ находился на колесницѣ, которую везли шесть бѣлыхъ идумейскихъ жеребцовъ, подкованныхъ золотыми подковами. Колесница имѣла форму палатки, съ приподнятыми полами, чтобы народъ свободно могъ видѣть цезаря. Въ колесницѣ свободно могло помѣститься нѣсколько человекъ, но Неронъ, желая, чтобы все вниманіе исключительно сосредоточивалось на немъ, въхалъ по городу одинъ, и только у его ногъ находились двое карликовъ. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлую туннику и въ аметистовую тогу; на головѣ его красовался лавровый вѣнокъ. Со времени своей поѣздки въ Неаполь онъ сильно потолстѣлъ. Лицо его налилось, подъ нижнею челюстью свѣшивался подбородокъ, благодаря чему его губы,—онѣ и такъ приходились близко къ носу,—теперь казались вырѣзанными какъ разъ подъ ноздрями. Его толстую шею, какъ всегда, охранялъ шелковый платокъ, и онъ поминутно поправлялъ его бѣлою и толстою рукой, на суставахъ покрытою рыжимъ волосомъ, похожимъ на кровавыя пятна, и который онъ не позволялъ эпиляторамъ⁷⁾ выщипывать, потому что ему кто-то сказалъ, что это производитъ дрожь въ пальцахъ и мѣшаетъ играть на лютнѣ. Бездонное тщеславіе, какъ всегда, рисовалось на его лицѣ, въ соединеніи съ утомленіемъ и скукой. Вообще то было лицо и страшное, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шутовское. Онъ поворачивалъ голову то въ ту, то въ другую сторону, прищуривалъ

и насъ изъ охотниковъ. Точно также въ преторіанской стражѣ, насколько она сла-
га насъ не изъ чужеземцевъ, служили охотники.

⁶⁾ *Macte* выражаетъ одобреніе, вродѣ „браво“.

⁷⁾ Такого слова въ латинскомъ языкѣ не существуетъ. Авторъ, очевидно, разуметь здѣсь людей, занимавшихся выщипываньемъ волосъ, что выражается по-латински глаголомъ *depilare*.

глаза и внимательно прислушивался, какъ его привѣтствуютъ. А его встрѣчала буря рукоплесканій и крики: «Да здравствуетъ божественный цезарь, императоръ! да здравствуетъ побѣдитель! да здравствуетъ несравненный! сынъ Аполлона, Аполлонъ!» Прислушиваясь къ этимъ словамъ, Неронъ улыбался, но по временамъ лицо его затуманивалось,—римская толпа была насмѣшлива, и, рассчитывая на свою численность, позволяла себѣ злобныя шутки даже съ тѣми великими триумфаторами, которыхъ она дѣйствительно любила и уважала. Вѣдь, всѣмъ было извѣстно, что когда-то при вѣздѣ Юлія Цезаря въ Римъ раздавались крики: «Граждане, спрячьте женъ, — ѣдетъ лысый развратникъ!» Но ужасающее самолюбіе Нерона не выносило ни малѣйшихъ укоризнъ, ни остротъ, а теперь, среди хвалебныхъ криковъ, въ толпѣ слышались возгласы: «Мѣднородый!... Мѣднородый! Куда везешь свою огненную бороду? Развѣ боишься, какъ бы отъ нея Римъ не сгорѣлъ?» Тѣ, которые кричали такъ, и не сознавали, что ихъ шутка скрываетъ въ себѣ ужасное пророчество. Впрочемъ, цезаря не особенно сердили подобныя крики, тѣмъ болѣе, что бороды онъ давно не носилъ,—онъ давно уже поднесъ ее въ золотомъ ящичкѣ Юпитеру Капитолійскому. Но иные, скрытые за кучами камней и за стѣнами храма, кричали: «*Matricida! Nero! Orestes! Alcmaeon!*»⁸⁾. «Гдѣ Октавія?»⁹⁾ «Возврати назадъ пурпуръ!» А на встрѣчу ѣдущей за нимъ Поппеѣ неслись крики: «*Flava coma!*»—такъ называли публичныхъ женщинъ. Музыкальное ухо Нерона схватывало и такія слова и тогда онъ подносилъ къ глазу свой полированный изумрудъ, какъ будто желая узнать и сохранить въ своей памяти тѣхъ, кто кричалъ такъ. И въ эту-то минуту его взглядъ остановился на стоящемъ на камнѣ апостолѣ. Одно мгновеніе эти люди смотрѣли другъ на друга и никому ни изъ этой блиставшей свиты, ни изъ неисчислимой толпы не пришло въ голову, что теперь смотреть другъ на друга два властелина земли, изъ которыхъ одинъ вскорѣ пройдетъ, какъ кровавый сонъ, а другой—старецъ, облеченный бѣдною лацерной, завладѣетъ всѣмъ этимъ городомъ и міромъ. Цезарь проѣхалъ, а за нимъ восемь африканцевъ пронесли великолѣпные носилки, въ которыхъ сидѣла ненавидимая народомъ

⁸⁾ *Matricida*—матереубійца. Орестъ (сынъ Агамемнона и Клитемнестры) и Алкмеонъ (сынъ Амфіарая и Эрфилы)—мнѣстескія лица, убившія своихъ матерей. Неронъ названъ этими именами потому, что и онъ велѣлъ убить свою мать Агриппину.

⁹⁾ Октавія — супруга Нерона, очень любимая народомъ; Неронъ ее казнилъ въ 62 году, чтобы жениться на Поппеѣ.

Поппеа. Одѣтая такъ же, какъ и Неронъ, въ тунику аметистоваго цвѣта, съ толстымъ слоемъ мази на лицѣ, неподвижная, задумчивая и равнодушная, она казалась какимъ-то божествомъ — и прекраснымъ, и злымъ, въ одно и то же время. За нею тянулась масса прислужниковъ, мужчинъ и женщинъ, и цѣпь колесницъ съ ея принадлежностями. Солнце уже далеко заходило за полдень, когда началось шествіе августіанъ, — свиты блестящей, сверкающей, мѣняющей свою окраску и безконечной. Лѣнивый Петроній, сочувственно привѣтствуемый толпой, приказалъ нести себя въ носилкахъ вмѣстѣ со своею невольницей, похожею на богиню. Тигеллинъ ѣхалъ въ каррукѣ, запряженной маленькими лошадами, украшенными бѣлыми и пурпурными перьями. Всѣ видѣли, какъ онъ привставалъ и вытягивалъ шею, высматривая, скоро ли цезарь знакомъ пригласить его въ свою колесницу. Толпа привѣтствовала рукоплесканіями Лициніана Пизона, смѣхомъ Вителія, свистомъ Ватинія. Лициній и Леканій, консулы, были встрѣчены равнодушно, но Туллій Сенеціонъ, котораго любили неизвѣстно за что, также какъ и Вестинъ, удостоились сочувственнаго приѣма. Свита была неисчислима. Казалось, все, что въ Римѣ было богатаго, блестящаго и выдающагося, переселяется въ Антію. Неронъ никогда не нутешествовалъ иначе, какъ въ сопровожденіи тысячи колесницъ, а число его спутниковъ превышало число солдатъ въ легионѣ ¹⁰⁾. Указывали на Домиція Афра и дряхлаго Люція Сатурнина, на Веспасіана, который еще не отправился въ свою іудейскую экспедицію, откуда онъ долженъ былъ возвратиться для того, чтобы получить императорскую корону, и на его сыновей, и на молодого Нерву, и на Лукана, и на Аннія Галлька, и на Квинтиліана, и на множество женщинъ, извѣстныхъ своимъ богатствомъ, красотою, роскошью и развратомъ. Глаза толпы переходили съ знакомыхъ лицъ на упряжь, колесницы, коней, странныя одежды невольниковъ, состоящихъ изъ всѣхъ народовъ міра. Въ этомъ потоцѣ роскоши и величія не извѣстно было, на что и смотрѣть: не только глаза, но даже и мысли ослѣплялъ этотъ блескъ золота и пурпура, эта игра драгоценныхъ камней, это сверканіе перламутра и слоновой кости. Казалось, что даже солнечный свѣтъ растопляется въ этомъ наводненіи. И хотя среди толпы не было недостатка въ голодныхъ бѣднякахъ, зрѣлище это не только воспламеняло ихъ страстью и завистью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наполняло

¹⁰⁾ При цезаряхъ въ легионѣ числилось почти 12,000 человекъ.

радостью и гордостью, давая имъ понятіе о той крѣпости и мощи Рима, передъ которыми весь міръ преклонялъ колѣни. Да и дѣйствительно, во всемъ мірѣ не было никого, кто бы осмѣлился подумать, что сила не переживетъ всѣ народы и что на землѣ что-нибудь можетъ противиться ей.

Виницій ѣхалъ въ концѣ процессіи. При видѣ апостола и Лигіи, которыхъ онъ не ожидалъ встрѣтить, молодой патрицій выскочилъ изъ колесницы и съ сіяющимъ лицомъ заговорилъ торопливымъ голосомъ, какъ человѣкъ, который не можетъ тратить много времени:

— Ты пришла? Не знаю, какъ мнѣ благодарить небо, о Лигія! Богъ не могъ послать мнѣ лучшаго предназначенія. Прощаясь, я привѣтствую тебя еще разъ, но прощаюсь не надолго. По дорогѣ я разставляю пареянскихъ коней и каждый свободный день буду проводить возлѣ тебя, пока не выхлопочу себѣ права возвратиться. Будь здорова!

— Будь здоровъ, Маркъ, — отвѣтила Лигія и потомъ прибавила потише: — Да руководитъ тобою Христосъ и да откроетъ Онъ твою душу для словъ Павла.

Виницій обрадовался, что она скорѣе хочетъ видѣть его христіаниномъ, и отвѣтилъ:

— *Ocelle mi!* да будетъ такъ, какъ ты говоришь. Павелъ пожелалъ ѣхать съ моими людьми, но онъ со мною и будетъ моимъ учителемъ и товарищемъ... Приподними покрывало, радость моя, дай мнѣ еще разъ увидѣть тебя на дорогу. Зачѣмъ ты такъ закрылась?

Лигія подняла покрывало, показала ему свое ясное лицо и чудные смѣющіеся глаза и спросила:

— Это не хорошо?

Въ улыбка ея было немного ребяческаго задора, но Виницій, съ восторгомъ глядя на нее, отвѣтилъ:

— Не хорошо для моихъ глазъ. Пусть бы они до смерти смотрѣли на одну тебя.

Затѣмъ онъ обратился къ Урсу:

— Урсь, оберегай ее, какъ зеницу ока, потому что она не только твоя, но и моя домина ¹¹⁾.

Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ, къ великому изумленію толпы, которая не могла понять такого проявленія

¹¹⁾ Domina — госпожа.

твенія со стороны блестящаго августіанина къ дѣвушкамъ, одѣтой въ простую, чуть не невольничью одежду.

— Будь здорова!

Виницій быстро удалился, потому что вся процессія цезаря значительно подвинулась впередъ. Апостоль Петръ осѣнилъ молодого триція незамѣтнымъ врестнымъ знаменіемъ, а добрый Урсъ началъ расхваливать его, довольный тѣмъ, что Лигія жадно слушаетъ его слова и съ признательностью смотритъ на него.

Шествіе удалялось и окутывалось клубами золотой пыли, но Петръ и Лигія долго смотрѣли ему въ слѣдъ, пока къ нимъ не подошелъ Демасъ, тотъ самый мельникъ, у котораго по ночамъ раздалъ Урсъ.

Демасъ поцѣловалъ руку апостола и началъ просить его къ себѣ поддержать силы. Его домъ недалеко отъ Эмпорія, а они должны быть голодны и утомлены, такъ какъ имъ пришлось провести городскихъ воротъ большую часть дня.

Апостоль Петръ согласился и, отдохнувъ въ домѣ Демаса, только вечеромъ возвращался въ Затибрскую часть города. Для того, чтобы попасть на мостъ Эмилиа, нужно было идти по *Clivus Publicus*, проложенному по срединѣ Авентинскаго холма, между храмами Юпитера и Меркурія. Петръ съ высоты смотрѣлъ на дома, окружающіе его, и тонушія въ отдаленіи другія зданія, и, погруженный въ размышленіе, размышлялъ о громадѣ и власти этого города, куда онъ пришелъ проповѣдывать слово Божіе. До сихъ поръ онъ видѣлъ римское владычество и римскіе легіоны въ разныхъ странахъ, по которымъ путешествовалъ, но то были какъ бы отдѣльныя части той силы, олицетвореніе которой онъ въ первый разъ увидѣлъ въ лицѣ цезаря. Этотъ городъ, неизмѣримый, хищный и жадный, вмѣстѣ съ тѣмъ, разнузданный, сгнившій до мозга костей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непоколебимый въ своей нечеловѣческой силѣ, этотъ цезарь, братоубійца, матереубійца и женоубійца, за которымъ тянулась свита кровавыхъ видѣній не меньше его теперешней свиты, этотъ развратникъ и шутъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелитель тридцати легіоновъ, а благодаря имъ и властелинъ всего міра; эти придворные, покрытые золотомъ и пурпуромъ, неуверенные въ завтрашнемъ днѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе могущественные, чѣмъ иные цари,—все это, взятое вмѣстѣ, казалось ему какимъ-то великимъ царствомъ зла и несправедливости. И удивился онъ своимъ сердцемъ, какъ можно давать такую непонятную плату за стѣнѣ, какъ можно отдавать ему землю, чтобъ онъ мѣсилъ

ее, переворачивалъ, топталъ, выжималъ слезы и кровь, свирѣпствовалъ, какъ вихрь, ревѣлъ, какъ буря, жегъ, какъ огонь. Отъ этихъ мыслей встревожилось апостольское сердце, и Петръ въ гнѣбнѣ души сказалъ Учителю: «Господи, что я сдѣлаю въ городъ куда Ты послалъ меня? Ему принадлежать моря и суши, его звѣрь земной, и тварь водная, его и другія царства и тридцать вѣстовъ, кои охраняютъ ихъ, а я, Господи, рыбакъ съ озера! Что я сдѣлаю и какъ превозмогу его злобу?»

Онъ поднялъ свою сѣдую, дрожащую голову къ небу, моли и взывая изъ глубины души къ своему великому Учителю, полный горя и тревоги.

Голосъ Лигіи прервалъ его молитву:

— Весь городъ точно объять огнемъ..

Дѣйствительно, закатъ солнца въ этотъ день былъ необыкновенный. Огромный, сверкающій дискъ уже до половины закатилъ за Яникульскій холмъ, а весь небесный сводъ окрасился краснымъ цвѣтомъ. Петръ стоялъ на такомъ мѣстѣ, съ котораго его взглядъ могъ охватывать большое пространство. Немного направо видѣлись стѣны *circus Maximus*, надъ нимъ дворцы Палатина, а прямо за *Forum Voagium* и *Velabrum* вершина Капитолія съ храмомъ Юпитера. Всѣ стѣны, колонны и кровли храмовъ были словно погружены въ этотъ золотой и пурпуровый блескъ. Виднѣвшіяся на далека части рѣки текли точно кровью и, по мѣрѣ того, какъ солнце все болѣе заходило за холмъ, блескъ все болѣе становился багровымъ, все болѣе похожимъ на зарево пожара, усиливался, расширялся и, наконецъ, охватилъ всѣ семь холмовъ и, казалось, стлался съ нихъ на всю окрестность.

— Весь городъ точно объять огнемъ,— повторила Лигія.

А Петръ приставилъ руку къ глазамъ и сказалъ:

— Гнѣвъ Господень надъ этимъ городомъ.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новый расколъ въ нашей интеллигенціи *).

(Н. Бельтовъ: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.—П. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“).

III.

Теперь намъ могутъ сдѣлать послѣднее возраженіе, намѣченное нами мимоходомъ еще при разборѣ книги г. Бельтова: «Допустимъ,—скажутъ намъ,— что вы правы, что въ этой части своихъ положеній г. Струве хватилъ черезъ край, пріявъ въ восторгъ отъ раздѣленія труда и въ пессимистическое уныніе отъ русской общины, чего не замѣчается въ такой степени у г. Бельтова. Но другая часть обѣихъ книгъ, гдѣ и тотъ, и другой авторы доказываютъ неизбѣжность для насъ капиталистической стадіи, — что вы можете возразить противъ этой части? А если эта часть справедлива, то и ваша предъидущая аргументація падаетъ. Какъ ни велико несчастіе, которымъ грозитъ намъ грядущая стадія, но оно неизбѣжно, и остается только одно: приготовиться встрѣтить его не врасплохъ». Таково возможное возраженіе.

Однако, посмотримъ сперва, чѣмъ же доказывается неизбѣжность наступленія этой стадіи. Выше я показалъ, что г. Бельтовъ самъ находитъ, въ видѣ за Марксомъ, что было бы возможно избѣгнуть этой стадіи еще въ 1877 г. Далѣе, я показалъ, что не доказано имъ, почему теперь моментъ уже пропущенъ, такъ какъ вообще такого момента не опредѣлено. Самое существенное положеніе г. Бельтова есть то, что онъ не видитъ *фактической* силы, которая могла бы удержать шестіе капитализма. Стало быть, если бы были признаки такой силы, онъ взялъ бы назадъ свой примѣръ о «загорѣвшейся спичкѣ», которая должна догорѣть до конца... если никто не потушитъ ее, добавимъ мы отъ себя.

Съ такою постановкой вопроса нельзя не согласиться, хотя окончательный выводъ изъ нея нельзя считать рѣшеніемъ *безусловнымъ*, т.-е. если бы

* Русская Мысль, кн. VIII.

въ жизни оказались или возникли вновь такія силы, которыя самъ г. Бельтовъ считаетъ необходимыми (а такую силой онъ считаетъ самъ сознание и знаніе), тогда, по его же словамъ, человѣческій разумъ побѣдилъ бы необходимость, т.-е. она перестала бы быть необходимостью. Къ этому я вполне присоединяюсь.

Не такъ смотритъ г. Струве: онъ крѣпко держится за идеалистическій или діалектическій законъ развитія. Разсмотримъ же ближе этотъ законъ. По діалектическому методу Гегеля и Шеллинга, каждое явленіе переживаетъ три стадіи: первая, называемая тезисомъ, будетъ, наприм., наша община, кустари,—однимъ словомъ, непосредственное, народное производство. Вторую стадіей всегда является противоположность первой, называемая поэтому *антитезисомъ*, т.-е., наприм., капиталистическое товарное хозяйство. Третья стадія есть нѣчто вродѣ примиренія тезиса и антитезиса, поэтому она называется *синтезисомъ*: въ ней форма возвращается первоначальная, т.-е., напримѣръ, община, но содержаніе ея болѣе богато, и богато именно всѣми пріобрѣтеніями второй стадіи, т.-е. община и кустарная артель должны явиться въ третьей стадіи, вооруженныя всѣмъ тѣмъ могуществомъ, какое дала промышленности и земледѣлію капиталистическая стадія, а также и другими цѣнными пріобрѣтеніями этой стадіи.

Но по этой же «тріадѣ» слѣдуетъ, что попасть въ третью стадію изъ первой никоимъ образомъ нельзя, не переживъ второй стадіи.

Таково приблизительно главное основаніе экономическаго діалектизма. Разсмотримъ его.

Тотъ писатель, котораго г. Струве считалъ возможнымъ «по нѣкоторымъ» причинамъ оставить безъ опроверженія, уже 30 лѣтъ тому назадъ показать, что даже принявъ эту тріаду, какъ всеобщій законъ, можно именно на основаніи ея доказать совершенно противоположное тому, что теперь доказываетъ г. Струве.

Пояснимъ въ нѣсколькихъ словахъ эту возможность.

Мы уже упомянули блестящее сравненіе, состоящее въ томъ, что «исторія», какъ бабушка, любитъ родившихся поздно: она даетъ имъ готовый костный мозгъ, тогда какъ родившимся ранѣе приходилось разбивать востки, чтобы добыть его, причемъ, напримѣръ, Европа больно ушибала себя пальцы. Намъ не нужно ихъ ушибать, потому что примѣръ Европы, ея исторія за послѣдніе годы открыла намъ сущность капитализма (антитезиса). Намъ достаточно пережить этотъ урокъ теоретически, научно.

Но существуютъ ли въ природѣ такіе факты, которые подтверждали бы возможность такого теоретическаго переживанія антитезиса, вмѣсто фактическаго? Такихъ примѣровъ не оберешься.

Возьмемъ сперва примѣры изъ области мертвой природы, гдѣ всѣ законы считаются особенно неизбѣжными и неизмѣнными. Чтобы совершилось, наприм., естественное сгораніе дерева, т.-е. его постепенное окисленіе, необходимы столѣтія. Чтобы оно *само загорѣлось* въ обыденномъ смыслѣ, т.-е. съ пламенемъ и теплотой, нужно также не мало времени и особо-благо-

приятныхъ условій для самовозгоранія. Но вотъ мы имѣемъ щепку, загорѣвшуюся отъ тренія или отъ молніи, подносимъ ее къ дереву, и дерево почти моментально загорается. Почему? Тутъ существуетъ законъ природы, по которому процессъ, достигшій высшей степени развитія въ одномъ предметѣ (въ щепѣ—гореніе), будучи приведенъ въ соприкосновеніе съ другимъ предметомъ, безконечно ускоряетъ процессъ въ этомъ послѣднемъ. Обыкновенному человѣку, не химикъ, можетъ даже казаться, что дерево сразу загорѣлось отъ щепки, не пройдя процесса первичнаго, невидимаго окисленія. Но химики знаютъ, что и тутъ сперва былъ процессъ невидимаго окисленія, но онъ былъ почти мгновененъ. Такихъ фактовъ, подтверждающихъ законъ, упомянутый выше, можно привести изъ области всѣхъ наукъ безчисленное количество, но перейдемъ прямо къ общественнымъ явленіямъ.

Изобрѣтеніе современнаго оружія европейцевъ, развитіе правовыхъ формъ къ государственной жизни, развитіе книгопечатанія, науки, высшихъ учебныхъ заведеній, т.-е. университетовъ, и т. п. потребовало столѣтій, но достаточно, чтобы нѣсколько европейцевъ появилось, напримѣръ, среди японцевъ, или японцы узнали порядки Европы, или группа русскихъ выдающихся людей при Петрѣ I ознакомилась съ нѣкоторыми сторонами европейской жизни, достаточно соприкосновенія европейцевъ даже съ дикарями, чтобъ и у нихъ начали заводиться школы, европейское оружіе, европейское просвѣщеніе и даже европейскія учрежденія. Имъ не нужно для этого переживать всего европейскаго процесса развитія или эволюціи *de facto*; имъ достаточно *узнать его теоретически* или наглядно понять его, понять его пользу и значеніе.

Такимъ же образомъ переживать стадію антитезисовъ, наприм., капитализаціи кустарныхъ промысловъ и земельной общины, *необходимо только тѣмъ народамъ, которые не могли инымъ путемъ узнать ихъ опасностей или неудобствъ*. Для выступающихъ позднѣе фактическое переживаніе замѣняется теоретическимъ или идеальнымъ переживаніемъ. *Антитезисъ можетъ быть пережитъ идеально*. Возьмемъ еще примѣръ: первобытный человѣкъ, отыскивая себѣ пищу, натолкнулся на ядовитые грибы и ягоды; не зная ихъ свойства, онъ отравился, но окружающимъ не нужно отравляться самимъ, чтобы узнать это дѣйствіе. Они эту стадію переживаютъ идеально, теоретически. Законъ природы отъ этого нисколько не нарушается. Человѣкъ руководится не однимъ непосредственнымъ опытомъ *пережитаго лично*, а и знаніемъ, чужимъ опытомъ. Даже животное нуждается въ личномъ опытѣ опасности: если на его глазахъ пострадало другое отъ извѣстнаго предмета, оно избѣгаетъ этого предмета. Было бы странно, еслибъ этотъ законъ мысли, замѣняющій непосредственный опытъ чужимъ опытомъ, былъ обязателенъ только для животныхъ и лишь одинъ человѣкъ составлялъ бы необъяснимое исключеніе, только онъ совсѣмъ не пользовался бы своею мыслью и выводами изъ чужого опыта. *И очевидность, и факты исторіи убѣждаютъ въ совершенной возможности обходиться извѣстными стадіи идеально и теоретически, если, однако, есть*

возможность узнать опыт, продланный другими. Без этого условия, стадія, какъ бы она ни была нежелательна, должна быть пройдена, какъ это случилось въ Западной Европѣ относительно капитализма. Тамъ онъ неизбежно долженъ былъ развиться до своихъ послѣднихъ результатовъ, потому что у Западной Европы не было опыта другихъ странъ, а, въ силу этого, не могло быть и теоретическаго переживанія. Вотъ почему и наша интеллигенція пришла въ извѣстному сознанию.

IV.

Вотъ основное положеніе, въ которому я прихожу внимательнымъ и вполне объективнымъ разборомъ взглядовъ гг. Бельтова и Струве, сопоставляя ихъ съ фактами.

Разсмотримъ теперь, чѣмъ же именно отличается моя точка зрѣнія какъ отъ взглядовъ почтенныхъ авторовъ, такъ и отъ воззрѣній народниковъ-идеалистовъ.

Сперва посмотримъ на различіе теоретическое, а затѣмъ и на практическое.

Мнѣ придется говорить теперь не о различіяхъ или сходствахъ моихъ взглядовъ со взглядами г. Струве, такъ какъ онъ своихъ собственныхъ взглядовъ нигдѣ ясно не формулировалъ, а собралъ лишь выдержки изъ нѣмецкихъ авторитетовъ. Мои несогласія съ этими авторитетами я развилъ выше.

Иное дѣло—г. Бельтовъ. Его взгляды опредѣлены точно, а потому границу, разделяющую мои и его воззрѣнія, провести не трудно.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ положеній въ книгѣ г. Бельтова является по-моему слѣдующее, въ которому я не могу присоединиться: такъ какъ онъ убѣжденъ, что сознание и знаніе (или психологическая эволюція) могутъ явиться для массъ только путемъ фактическаго переживанія капиталистической стадіи, то естественно и логически онъ не можетъ не придти къ выводу, что это сознание и знаніе могутъ созрѣть *только въ пролетаріатѣ*, т.-е. людяхъ уже обезземеленныхъ, оторванныхъ отъ земли фабрикой, иначе сказать — фабричныхъ рабочихъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Безъ этого условия онъ не находитъ возможнымъ *созрѣваніе* главнаго условия дальнѣйшаго процесса, а именно «классоваго» *сознанія* себя народомъ (рабочимъ классомъ), какъ класса обособленнаго отъ буржуазіи и даже противоположнаго ей. Безъ этого сознанія онъ находитъ невозможнымъ не только экономическій процессъ, но и *никакой другой*, ибо нѣтъ прогресса *одной интеллигенціи*, т.-е. оторванной отъ народа: такой прогрессъ есть мечта, призракъ, самообольщеніе. Отсюда — отрицаніе общины, кустарныхъ артелей и проч.

Тутъ много вѣрнаго, но тутъ есть одна ошибка, и, однако, ошибка основная: г. Бельтовъ смотритъ на русскую жизнь такъ, какъ будто пишеть о западно-европейскомъ положеніи дѣлъ, то-есть видитъ передъ собою

Россію уже въ тотъ моментъ, какого достигъ вопросъ въ Западной Европѣ теперь. А тамъ стадія капитализма близится уже къ концу, тогда какъ у насъ она хотя и началась уже давно, — болѣе тридцати лѣтъ назадъ, — однако, благодаря сопротивленію, оказанному и общиной, и кустарными промыслами, и частичными мѣропріятіями власти (наприм., неотчуждаемостью надѣловъ), находится все еще въ началѣ своего развитія. Процессъ капитализаціи идетъ у насъ съ тою медленностью, какая была немыслима въ Европѣ, такъ какъ она не знала такого, наприм., событія, какъ освобожденіе крестьянъ съ землею, да еще съ землею, отданною не въ личную собственность, а въ общинную, при которой ея капитализація можетъ задержаться на цѣлыя столѣтія.

Я вижу, что сами экономическіе материалисты сознаютъ это: они видятъ, что задержка шествию капитализма въ Россіи крайне сильна; иначе нельзя объяснить ихъ полемическаго раздраженія противъ народниковъ-идеалистовъ. Это раздраженіе несомнѣнно зависитъ отъ того, что они приписываютъ идеямъ и идеаламъ этихъ мыслителей задерживающее вліяніе на русскій экономическій процессъ. Едва ли, однако, они могутъ имѣть такое вліяніе сами по себѣ. Тутъ г. Бельтовъ впадаетъ даже въ противорѣчіе съ самимъ собою: съ одной стороны, онъ отрицаетъ всякое значеніе за ихъ идеями и идеалами, называетъ ихъ «свѣтильниками, поставленными въ кабинетѣ», а съ другой—сама его полемика съ ними, страстная и не всегда безпристрастная, доказываетъ иное.

Я думаю, что народники-идеалисты ошибаются именно въ томъ, въ чемъ ихъ всего меньше упрекаетъ г. Бельтовъ; видя, какъ медленно развивается капитализмъ въ Россіи, они приходятъ къ крайности, противоположной той, въ какую впадаетъ г. Бельтовъ: они думаютъ, что русская экономическая жизнь не только сопротивляется капитализаціи, но ведетъ съ нею и прямую, *созидающую борьбу* изъ нѣдръ народа, т.-е. *развиваетъ* свои исконныя начала, а потому можетъ даже *восторжествовать надъ капитализмомъ, помимо чьихъ-либо усилій*. Такова оптимистическая сущность нѣкоторыхъ работъ гг. В. В., Николая-она и другихъ, явно сквозящая въ нихъ.

Съ этою идеей народниковъ-идеалистовъ согласиться невозможно въ виду фактовъ статистики, если эти факты разобрать безъ предубѣжденія. Я не буду здѣсь подробно приводить ихъ, такъ какъ это до крайности увеличило бы размѣръ статьи; скажу только, что такая работа сдѣлана и продолжаетъ дѣлаться лицами, отчасти стоящими въ сторонѣ отъ спорящихъ группъ, отчасти принадлежащихъ къ группѣ, мыслящей болѣе или менѣе одинаково съ г. Бельтовымъ. Результаты этихъ статистическихъ изслѣдованій, какъ относительно общины, такъ и кустарей, одинаково противорѣчатъ розовымъ надеждамъ народниковъ-идеалистовъ. Оказывается, что внутри самой общины уже совершается и отчасти уже совершилось капиталистическое разложеніе *). Ошибка народниковъ-идеалистовъ въ томъ,

*) Возьму лишь нѣсколько примѣровъ: такъ, если матеріалъ, собранный статистиками о крестьянскихъ бюджетахъ, расположить на группы, не оперируя надъ сред-

что они, говоря словами г. Николая-она, вѣрятъ, будто бы въ Россіи «капитализмъ самъ же ставитъ предѣлы своему развитію» (*Русское Богатство*, № 6). Я не буду здѣсь входить въ мотивы такой «вѣры», наприм., въ вычисленіе возрастанія % народонаселенія рабочихъ сравнительно съ общимъ возрастаніемъ населенія, которымъ утѣшаетъ насъ г. Николай-онъ, утверждая, что процентъ возрастанія рабочихъ въ Россіи ниже общаго возрастанія населенія, и т. д., и т. д. Разборъ этихъ доводовъ привелъ бы къ необходимости особаго трактата, который пока даже и написанъ быть не можетъ, ибо нѣтъ вѣрныхъ статистическихъ данныхъ. Да и вычисления г. Николая-она, если ихъ признать правильными, не доказываютъ того, что хотять доказать: важно не то, насколько растетъ наше населеніе рабочихъ, важно и не то, что въ Америкѣ оно даетъ 56%, а въ Россіи только 20%. Вѣдь, во-первыхъ, это только *фабричныя* рабочіе, а мы видѣли, что въ средѣ самой общины уже существуетъ чуть ли не больше 50% рабочихъ (см. предыдущее примѣчаніе); кустари даютъ еще большій процентъ рабочихъ несамостоятельныхъ. Во-вторыхъ, если даже смотрѣть на эти факты въ самыя розовыя очки, то и въ такомъ случаѣ приходимъ только къ тому, что Россія представляетъ извѣстное *сопротивленіе* быст-

ними цифрами, которыя затемняютъ реальныя различія состоятельности крестьянъ, получимъ, наприм., для Острогжскаго у., Ворон. губ., по изслѣдованіямъ г. Щербини, такія цифры: изъ 24 изслѣдованныхъ бюджетовъ. 1) 6 важноточныхъ крестьянъ, съ расходомъ на каждое хозяйство въ 855 р. 86 коп. 2) 11 среднесостоятельныхъ, съ расходомъ въ 471 р. 61 к. и, наконецъ, 3) 7 бѣдныхъ, съ среднимъ расходомъ въ 223 р., причемъ среди нихъ есть и такіе, у которыхъ годовой расходъ только 87 р. 7 к., т.-е. въ десять разъ меньше, чѣмъ у богатыхъ однообщинниковъ. Если сравнить расходъ съ приходомъ, то картина окажется еще поразительнѣе: приходъ первой группы 1,053 р. 2 к., стало быть, у нея остается чистаго дохода 197 р.; доходъ 2-й группы 471 р. 61 к., т.-е. чистый доходъ у нея 2 р. 19 к., т.-е. едва сводятся концы съ концами; у 3-й группы доходъ 202 р. 4 к., а расходъ, какъ мы видѣли, 223 р. 78 к., т.-е. ежегодно *недостаетъ* 21 рубля. Отсюда и еще одинъ результатъ: всѣ 6 хозяйствъ 1-й группы держатъ батраковъ (8 человекъ); это уже хозяйство капиталистическое, развившееся внутри общины,—фермерство; крестьяне второй группы должны сами заниматься „промыслами“, причемъ только двое ведутъ его самостоятельно (портняжничество и выжиганіе угольств), у остальныхъ—наемная работа: въ косаряхъ, въ пастухахъ, на заводѣ, въ мѣстной экономіи и т. д. Это уже полурбочіе. О третьей группѣ говорить даже нечего: здѣсь промыслы даютъ 24% всего дохода и состоятъ исключительно въ продажѣ своей рабочей силы. У двонжъ же батрачество даетъ $\frac{2}{3}$ всего дохода. И это—факты, конечно, не единичныя.

То же самое видимъ и относительно кустарей. Особенно интересный матеріалъ представляетъ г. Харизоменовъ въ статьѣ, напечатанной въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* 1883 г. Такъ, въ Московской губ. 86,5% годового оборота домашней системы крупнаго производства и только 13,5% мелкаго, самостоятельнаго производства; въ губерніи Владимирской 96% крупныхъ и 4% мелкихъ; Нижегород. губ. (столовые ножи) изъ 396 человекъ 16% работаютъ на базаръ, а 69%—на хозяйствъ, 15% работаютъ прямо наемными рабочими; складные ножи тамъ же: 45%—на базаръ, 42%—на хозяйствъ, 10%—наемными рабочими. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ промыслы металлическ. кожевенныя, шорныя, ваяльбыя, пенькопрядильныя даютъ 36,6% на базаръ, 66,7% на хозяйствъ, 17,7% наемными рабочими и т. д.

ростъ наступленія капиталистической стадіи, а не то, что «самъ капитализмъ ставить себѣ препятствія». Подобный взглядъ ведетъ только къ ошибочному квіэтизму, къ надеждѣ не на дружную и совмѣстную дѣятельность всѣхъ сознательныхъ элементовъ общества, а на несуществующіе въ народѣ особые законы производства. Вотъ въ чемъ ошибка нѣкоторыхъ нашихъ народниковъ, вотъ почему они если и не складываютъ рукъ, то, во всякомъ случаѣ, не видятъ необходимости особенно торопиться, т.-е. находить возможнымъ «годить» и ограничиваться крупными крохотныхъ опытовъ.

Но не могу я согласиться и съ г. Бельтовымъ въ томъ, что единственное возможное «классовое сознание» есть сознание *пролетарія* или фабричнаго рабочаго. Столь же возможно «классовое сознание» общинника и кустаря, *если они поймутъ* значеніе общины, общинныхъ и кустарныхъ артелей, какъ единственнаго спасенія отъ капитализаціи общинной земли и кустарныхъ промысловъ. Вотъ почему я сказалъ, что г. Бельтовъ дѣлаетъ свои выводы такъ, какъ будто бы Россія уже стояла на той стадіи капиталистическаго развитія, на какой стоитъ Западная Европа. Тамъ, дѣйствительно, возможно лишь *единственное* «классовое сознание» — пролетаріата, у насъ возможно (и уже существуетъ отчасти) «классовое сознание» кустаря и общинника; хотя оно само, конечно, не подозреваетъ о столь громкомъ для себя титулѣ, но оно есть, какъ это доказывается тѣмъ самымъ фактомъ, что хотя и небольшой процентъ кустарей, но все же держится кустарнаго промысла самостоятельно, а тамъ, гдѣ потерялъ такую самостоятельность, жаждетъ освободиться отъ зависимости. Точно также и въ общинѣ, — батраки, безлошадные, уходящіе въ отхожіе промыслы и т. д. дѣлаютъ это, конечно, потому, что они бессильны конкурировать съ крупнымъ производствомъ и земледѣіемъ деревенскихъ кулаковъ. Но это не значитъ, что они не чувствуютъ своего положенія, не сознаютъ противоположности его съ тѣмъ, въ какомъ стоятъ ихъ наниматели. Поэтому я думаю, что игнорировать ихъ стремленіе къ самостоятельности, какъ ничего не значущее, невозможно.

Я знаю, что мнѣ могутъ отвѣтить на это: «Да, они ищутъ самостоятельности, но какой? Каждый изъ нихъ владѣетъ мечта — сдѣлаться *самому* маленькимъ хозяиномъ, маленькимъ буржуа. А это не есть то «сознание классовое», не есть то «обобществленіе» труда, которое даетъ настоящій, фабричный пролетаріатъ».

Но я и не полагаюсь на *одно* это стремленіе, которое по существу своему само есть узко-ищанское и мелко-буржуазное. Я только думаю, и не безъ основаній, что это стремленіе къ самостоятельности можетъ служить почвой для *теоретическаго переживанія* стадіи капитализма, *вмѣсто фактической*. Полагаю, что это возможно именно въ силу того, что весьма не трудно каждому, сколько-нибудь ознакомленному съ законами эволюціоннаго развитія, сознать вполне отчетливо тщету своихъ надеждъ — сдѣлаться самостоятельнымъ кустаремъ или даже земледѣльцемъ (въ средѣ

хотя бы общины), разъ онъ стоитъ изолированно отъ другихъ, а не соединяется въ артель кустарную или земледѣльческую.

Поясню эту мысль: г. Бельтову извѣстно не менѣе меня, что капитализація земли, какъ и кустарныхъ промысловъ, не имѣетъ въ себѣ ничего фатальнаго. Она происходитъ отъ невозможности для мелкаго земледѣльца (хотя бы и общинника *по владѣнiю*, но не *по обработкѣ земли*, какъ и есть въ нашей общинѣ), а также и для самостоятельнаго кустаря, работающаго въ одиночку, конкурировать съ болѣе производительнымъ крупнымъ земледѣлемъ или фабрикой. Эти послѣднiя примѣнили разныя техническiя усовершенствованiя, машины, удобренiя, ввели раздѣленiе труда и т. д., и т. д. Поэтому трудъ на нихъ, да, притомъ, еще трудъ наемный, т.-е. продающiйся дешевле того, что онъ производитъ (ученiе о прибавочной стоимости), даетъ возможность крупному хозяйству не только производить больше (считая на каждую рабочую силу), чѣмъ производитъ, въ то же время, кустарь или отдѣльно работающiй земледѣлецъ со своими первобытными приемами, но и пускать на рынокъ свой товаръ или хлѣбъ дешевле, чѣмъ могутъ его пустить эти послѣднiе.

Вотъ то, что заставляетъ кустаря бросать свой промыселъ и наниматься къ «хозяину»; это же гонитъ изъ общины и земледѣльца, если онъ не настолько разбогатѣлъ кулачествомъ, чтобы нанять работниковъ, которые, при страшно-низкой цѣнѣ на рабочiя руки въ деревнѣ, готовы работать за хлѣбъ или солому, а еще чаще зарабатываютъ старые долги, съ невѣроятнымъ процентомъ и по невѣроятно дешевой цѣнѣ (см., наприм., изслѣдованiе г. Сазонова о такомъ закабаленiи). Вотъ почему у насъ и можетъ держаться хозяйство мелкихъ кулаковъ, не вводящихъ никакихъ техническихъ усовершенствованiй, и, однако, не только конкурирующихъ съ крупными улучшенными хозяйствами, но и богатѣющихъ и даже скупающихъ имѣнiя у «господъ», заведшихъ у себя всякiя улучшенiя: такой кулакъ богатѣетъ именно тѣмъ, что пользуется почти даровымъ трудомъ, чего не имѣютъ настоящия, болѣе рационально поставленныя, крупныя хозяйства, за немногими исключенiями (а именно когда такой «образцовый» хозяинъ соединяетъ въ себѣ и «наторѣлаго» кулака). Поэтому-то образцовыя хозяйства (настоящия) и не могутъ съ нимъ конкурировать, поэтому они и лопаются, и скупаются кулаками. Здѣсь причина не въ одномъ томъ, что «господа» привыкли жить роскошнѣе и не умѣютъ хозяйничать, а еще и въ томъ, что они не умѣютъ хозяйничать «кулачески», т.-е. имѣть почти даровой трудъ, который вообще является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ элементовъ производства.

Теперь мы видѣли, отъ чего зависитъ и какъ происходитъ у насъ капитализація кустарнаго промысла и даже общинной земли. Кустарь, видя безплодность своей борьбы не съ фабрикой даже, а съ «хозяиномъ-кулакомъ», имѣющимъ нѣсколькихъ рабочихъ, или даже со скупщикомъ, или просто съ хозяиномъ, дающимъ работу, бросаетъ все и идетъ къ этому хозяину

ли на фабрику. Захудалый же общинникъ, не имѣя права продать свой надѣлъ, сдаетъ его болѣе богатому члену общины и т. д.

Теперь я спрашиваю: неужели невозможно, въ виду столь нагляднаго процесса капитализаціи, уяснить обездоленному общиннику или кустарю самую теорію или законъ этого процесса, т.-е. убѣдить его, что всѣ его мечты на самостоятельность напрасны и что для него единственное спасеніе—артель кустарей и артельное воздѣлываніе своей общинной земли, что только тогда онъ въ состояніи будетъ и ввести у себя раздѣленіе труда, увеличивающее его производительность, и завести техническія улучшенія, машины, искусственное удобреніе?

Я вижу улыбку на губахъ моихъ читателей; они думаютъ, что онъ лучше насъ знаетъ это, но знаетъ и то, что безъ капитала немислима ни такая артель, ни такое общинное хозяйство. Капиталь же находится въ рукахъ того самаго кулака, скупщика, «хозяина», который явится первымъ врагомъ такой «затѣи», будетъ бороться съ нею и рублемъ, и своими связями съ писаремъ, старшиной etc., etc. Однимъ словомъ, это—одна изъ тѣхъ «утопій», на выпучиваніе которыхъ (и довольно справедливо) г. Бельтовъ употребилъ столько остроумія въ своей книгѣ, разбирая проекты г. Южакова и другихъ.

Но я говорю объ этомъ выводѣ не какъ утопистъ, и это выяснится въ концѣ моей статьи. Я хочу только выяснитъ себѣ и другимъ *всѣ теоретически существующія возможности* для избѣжанія капитализма, а затѣмъ предоставляю судить самому читателю, а также и всѣмъ тѣмъ, кто могъ бы *практически* сдѣлать эти возможности не мечтами, — въ томъ числѣ и нашихъ народниковъ,—какія *возможности* существуютъ *de facto* для того, чтобы капитализмъ не развивался у насъ до своихъ послѣднихъ результатовъ. По-моему, это — единственный приемъ, *только объективный*.

До сихъ поръ я указалъ только одно условіе, и условіе *sine qua non*, обхода капиталистической стадіи: оно лежитъ въ совершенной возможности уяснить общинникамъ и кустарямъ, которые еще держатся за общину и кустарный промыселъ или недовольны своимъ разрывомъ съ ними, — тотъ экономическій законъ, по которому немисливо ни хозяйничанье въ одиночку, хотя бы въ общинѣ, ни самостоятельное положеніе кустаря (т.-е. работающаго въ одиночку). Этого мало: я полагаю, что и такой общинникъ, и такой кустарь (бывшіе или настоящіе) только тогда убѣдятся въ великомъ значеніи общины и кустарной артели, когда узнаютъ точно, убѣдительно, къ чему привелъ народовъ Западной Европы тотъ процессъ капитализаціи, которому поддаются или готовы поддаться они, вынуждаемые или нищетой, или желѣзною необходимостью, или просто незнаніемъ того, къ чему ихъ приведетъ этотъ процессъ (къ пролетаріату, обезземеленію, массовой безработицѣ вслѣдствіе кризисовъ, потерѣ домашняго очага, семьи и проч., и проч.). Мы видѣли, что стадія капитализма можетъ быть обойдена, но только въ томъ случаѣ, если она *перезита массой теоретически*.

Повторяю, конечно: это—*первое* условіе. Еслибъ я довольствовался только имъ, то меня могли бы обвинить хотя и не въ «утопіяхъ», однако, пожалуй, въ стремленіи развить только «классовое сознаніе» самостоятельныхъ кустарей противъ хозяевъ и сознаніе общинниковъ противъ кулацкихъ элементовъ общины.

Но такое возбужденіе «классоваго сознанія», безъ указанія ему опредѣленнаго выхода, уже есть въ деревнѣ; однако, оно выразилось только въ томъ, что Глѣбъ Ивановичъ Успенскій назвалъ «своимъ средствомъ». Желающимъ ознакомиться съ значеніемъ этого термина совѣтую обратиться въ его сочиненіямъ.

Первое условіе, указанное мною, должно идти объ руку неизбѣжно съ слѣдующимъ: 2) если бы кустари и земледѣльцы-общинники могли работать не отдѣльно, а крупными артелями, то исключительно при помощи значительнаго кредита со стороны казны и земствъ. Только при этихъ условіяхъ, они могли бы завести и техническія, и агрономическія улучшенія. При этомъ они не только могли бы конкурировать съ крупными хозяйствами, но и съ кулацкими хозяйствами, какъ земельными, такъ и артельными, и, притомъ, *для нихъ* условія конкуренціи были бы болѣе благоприятны, тѣмъ для крупныхъ хозяйствъ, ведущихся капиталистически, и вотъ почему: каждый «предприниматель», затрачивая капиталъ, желаетъ получить на него не только банковый процентъ, но и прибыль, потому что самъ онъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, употребляетъ не свой капиталъ, а занимаемый или у частныхъ лицъ, или у банковъ за известный процентъ. Поэтому онъ не можетъ довольствоваться только нормальнымъ процентомъ; онъ долженъ получить еще прибыль, иначе ему не стоить хлопотать и рисковать. Но даже и тотъ предприниматель, который употребляетъ свой собственный капиталъ, не можетъ довольствоваться банковымъ %-омъ, такъ какъ ему выгоднѣе отдать свой капиталъ въ ростъ за этотъ же процентъ и тѣмъ освободить себя отъ всякихъ хлопотъ и риска. Наоборотъ, общинная артель, какъ и община кустарей, въ такой прибыли не нуждаются: если каждый ихъ членъ получить обыкновенную рабочую плату, если община въ состояніи будетъ уплатить % банку, она можетъ считать себя счастливой и прочной, тогда какъ «предприниматель» долженъ при тѣхъ же условіяхъ прекратить свои дѣйствія, какъ и крупное или мелкое кулацкое хозяйство. Отсюда результаты вполне очевидны: съ развитіемъ такихъ общинныхъ хозяйствъ и обширныхъ кустарныхъ артелей, кулацкія артели и кулацкія хозяйства, не принося выгоды, должны будутъ исчезнуть,—конкуренція для нихъ будетъ невозможна. Могутъ остаться только «образцовыя» хозяйства, опередившія своими изобрѣтеніями общинныя хозяйства и довольствующіяся скромнымъ % на капиталъ или поддерживаемыя казной, ради развитія агрономическихъ и техническихъ опытовъ всякихъ улучшеній и усовершенствованій. Здѣсь могутъ найти примѣненіи способности и силы всѣхъ тѣхъ интеллигентныхъ русскихъ хозяевъ-земле-владѣльцевъ, которые желаютъ принести дѣйствительную пользу научно

сторонѣ земледѣлія и тѣмъ послужить благу своей родины и артельного крестьянскаго хозяйства. Мы могутъ сдѣлать одно возраженіе: я самъ сказалъ, что кулацкія хозяйства непобѣдимы, потому что пользуются почти даровою рабочею силой. Да, но это лишь до тѣхъ поръ, пока земства или каза не придутъ на помощь этой рабочей силѣ своимъ кредитомъ.

Вотъ приблизительно и въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ *теоретическія* (я это особенно подчеркиваю) условія, которыя могли бы отвратить отъ насъ грядущій капитализмъ съ его неисчислимыми послѣдствіями, сохранивъ Россіи ея исконныя формы производства.

Возникаетъ вопросъ: осуществимо ли это? Осуществимо ли въ особенности первое изъ поставленныхъ мною условій, т.-е. теоретическое ознакомленіе русскаго общинника и кустаря съ тѣмъ, что положительный законъ уже давно далъ ему практически? Я не вижу ни малѣйшей причины думать, что такое ознакомленіе останется невозможнымъ по внѣшнимъ причинамъ, какъ оно было невозможнымъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Теперь для каждаго, даже не учившагося въ семинаріи, хорошо извѣстны не только изъ книгъ, но даже изъ любой мелкой газеткы, послѣдствія европейскаго капитализма. Трудно допустить, чтобы общество не раздумывалось надъ этими послѣдствіями и не желало устранить ихъ, въ виду тѣхъ ужасовъ, свидѣтелемъ которыхъ оно, хотя и издали, было во Франціи, Италіи и т. п. Столь же трудно допустить, чтобы оно не пришло, наконецъ, къ полному сознанію того, что если въ Европѣ уясненіе законовъ капитализаціи является дѣломъ, разрушающимъ данный, прочно установившійся порядокъ вещей, то у насъ, наоборотъ, *сама капитализація является разрушающимъ началомъ*, уничтожающимъ нашъ исконный строй; а выясненіе народу законовъ этого процесса и его послѣдствій (на Западѣ) является, наоборотъ, дѣломъ, *сохраняющимъ* старыя основы нѣтъ, т.-е. *разумнымъ консерватизмомъ*.

Поэтому я не теряю надежды на возможность осуществленія этого первого и самаго важнаго условія; но это для меня даже не такъ важно: важно показать только, что эта надежда, до известной степени, находится въ рукахъ интеллигенціи, въ рукахъ самого русскаго общества. Отъ нихъ идетъ зависѣть, сдѣлать ли ее осуществимой, или нѣтъ, разъясняя ея значеніе и ея не только безопасность, но и огромное консервативное вліяніе въ Россіи. До сихъ поръ интеллигенція могла колебаться въ двухъ направленіяхъ: народники-идеалисты вѣрили въ наши «основы» и особенности, дѣясь, что онѣ сами собою спасутъ насъ отъ капитализма; наоборотъ, экономическіе материалисты видѣли спасеніе въ капитализмѣ, какъ промѣточной стадіи. Я старался показать тѣмъ и другимъ, что они ошибаются: особенности наши сами по себѣ не спасутъ насъ. Капитализмъ, *идущій самъ по себѣ, на русской почвѣ*, не поможетъ тѣмъ болѣе. Мы видѣли, что процессъ капитализаціи идетъ у насъ не такъ, какъ въ Европѣ, онъ не создается крупными фабриками, а вырастаетъ, какъ мелкая, *условная плѣсень*, въ нѣдрахъ самой деревни, самой общины. Мы видѣли

больше: этот *кулацкий* капитализм может успешно конкурировать съ настоящимъ капитализмомъ, въ европейскомъ смыслѣ, и, навѣрное, съѣсть его, какъ онъ это ужъ дѣлаетъ въ земледѣльской промышленности. Но онъ съѣсть его и въ обрабатывающей промышленности, посредствомъ капиталистическихъ (кулацкихъ) артелей нашихъ кустарей. Вотъ каковъ будетъ нашъ русскій капитализмъ! Это самый ужасный видъ капитализма — невѣжественный и варварскій. Но, въ добавленіе къ этому, я прошу вспомнить и то, что сказалъ, въ среднѣ статьи, о другихъ специфическихъ условіяхъ нашего грядущаго русскаго капитализма. Прошу вспомнить и то, что указано ранѣе относительно воспитывающаго значенія нашей общины.

Общій мой выводъ таковъ: во всякомъ случаѣ, тѣ условія, которыя я памѣтилъ, если они практически и осуществимы, то лишь съ большою медленностью, и особенно первое изъ нихъ, а потому задачей русскаго общества должно быть пока укрѣпленіе нашихъ исконныхъ формъ производства хотя бы мѣрами паліативными, лишь бы увеличить ихъ естественное сопротивление *быстрому* вторженію капитализма. Эта медленность его движенія дастъ выигрышь времени, дастъ новые опыты въ Западной Европѣ, дастъ возможность назрѣть и осуществиться сознанію того значенія, какое имѣютъ наши исконныя формы экономическія, сравнительно съ западными, и, въ крайнемъ случаѣ, смягчить для массы наступленіе капитализма, если оно окажется неизбежнымъ по отсутствію другихъ условій.

Затѣмъ, исходъ, конечно, будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго единенія всего русскаго общества по этому вопросу. И вотъ въ чемъ я вижу еще одну особенность моего взгляда: возрѣнія нашихъ народниковъ, до извѣстной степени, содѣйствовали квіетизму общества относительно даннаго вопроса тѣмъ, что возлагали много надеждъ на самодѣятельность нашихъ исконныхъ особенностей. Наоборотъ, экономическіе матеріалисты, доказывая, что наступленіе капитализма является продуктомъ неизбежнаго закона, создаютъ такой же квіетизмъ среди большинства: «вѣдь, противъ закона ничего не подѣлаешь». Отдѣльныя единицы будутъ искать иныхъ путей, вѣря въ благотворность грядущаго капитализма, и, какъ я показалъ, жестоко ошибутся, смѣшивая Россію съ Европой. Да и много ли такихъ элементовъ?

Особенность моего взгляда состоитъ въ томъ, что самъ я не рѣшаюсь сказать, пойдѣмъ ли мы непременно направо, или непременно налево. Я думаю, это будетъ зависѣть отъ насъ самихъ, отъ нашей энергіи, сознательности, усилій и труда. Во всякомъ случаѣ, я своей точкой зрѣнія устраняю всякій оптимизмъ и квіетизмъ и возлагаю всѣ послѣдствія на само общество, на всѣхъ, кто въ немъ можетъ что-либо сдѣлать. Между тѣмъ, экономическій матеріализмъ дѣлаетъ ту ошибку, что у него нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ въ самомъ процессѣ капитализаціи. Этими я не хочу сказать, что у него нѣтъ правыхъ и виноватыхъ вообще.

Оговариваюсь: я ничего не сказалъ о возможности осуществленія у

насъ тѣхъ условій, которыя я поставилъ во 2-мъ п. Я не говорилъ объ этомъ потому, что считалъ факты, дающіе нѣкоторую надежду въ этомъ смыслѣ, извѣстными всѣмъ. Таковъ крестьянскій банкъ, таковъ банкъ, устроенный въ Пермской губерніи для кустарей, съ небольшимъ капиталомъ, даннымъ казною. Сюда же можно отнести и правительственные за-
 базы кустарямъ. Эти факты, конечно, не убѣждаютъ въ томъ, что будетъ непремѣнно осуществлено нѣчто крупное и широкое въ томъ же направ-
 леніи. Но они указываютъ, что *съ принципа* казна не противъ того, что я поставилъ, какъ условіе. А это уже весьма важно.

Въ заключеніе, нельзя не сказать спасибо авторамъ обѣихъ книгъ за то, что они подняли столь важный вопросъ, возбудили къ нему новый и живой интересъ и дали возможность, пересмотрѣвъ его вновь, установить болѣе точно существенные моменты его. Нельзя не сознаться, что народ-
 ники-идеалисты, успокоенные своими надеждами на русскія особенности, предавались нѣкоторой дремотѣ. Но, къ сожалѣнію, экономическіе мате-
 риалисты внесли во многія души новый квіэтизмъ, увѣривъ, что шествіе капитализма есть «законъ», его же не преидеши; а много ли найдется та-
 кихъ, которые не успокоятся на этомъ?

Л. Е. Оболенскій.

Акціонерное отъ огня страхованіе.

До Петра Великаго самая идея страхованія была неизвѣстна русскимъ людямъ. Она проникла въ Россію вмѣстѣ съ петровскими реформами, но ея осуществленіе стало возможнымъ лишь съ того момента, когда нашъ политическій и общественный строй приблизился въ достаточной степени къ западно-европейскому. Начало русскому страховому дѣлу было положено Екатериной II, издавшей въ 1786 году указъ о правительственномъ страхованіи отъ огня при государственномъ банкѣ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ I повелѣлъ въ 1797 году учредить «аксеуранцъ-конторы» и «фейеръ-кадастры». Но правительственное страхованіе отъ огня продолжалось недолго и въ 1806 году прекратилась дѣятельность правительственныхъ страховыхъ учрежденій. Однако, непрерывное развитіе торговли и промышленности, образованіе крупныхъ городскихъ центровъ и замѣтное преобладаніе денежнаго хозяйства надъ натуральнымъ дали ясно понять правительству, что вопросъ объ огневомъ страхованіи назрѣлъ и требуетъ неотложнаго разрѣшенія. Эта настоятельная потребность въ огневомъ страхованіи была удовлетворена учрежденіемъ въ 1827 г. «I-го Россійскаго общества». Названное общество получило право исключительнаго веденія страховыхъ операцій въ губерніяхъ: Петербургской, Московской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и въ городѣ Одессѣ срокомъ на 20 лѣтъ и было освобождено на это время отъ всѣхъ налоговъ. Спустя 8 лѣтъ послѣ разсказаннаго событія, т.-е. въ 1835 году, было учреждено «II-е Россійское общество». Ему было отведено обширное поле для приѣма на страхъ всякаго рода имуществъ. Оно получило отъ правительства привилегію на исключительное веденіе страховыхъ операцій въ 40 губерніяхъ, не вошедшихъ въ кругъ дѣйствій «I-го общества», и также, подобно «I-му обществу», было изъято въ теченіе 12 лѣтъ отъ всякихъ налоговъ. Особенный толчокъ получило акціонерное страхованіе послѣ паденія крѣпостнаго права. За небольшой періодъ времени (1867—1875 гг.) образовались слѣдующія общества по страхованію отъ огня и транспортовъ: «Двигатель», «Русскій Ллойдъ», «Волга», «Коммерческое», «Якорь», «Варшавское» и «Сѣверное». Эти общества были вызваны въ жизни паровымъ транспортомъ, возник-

ние вслѣдъ за крестьянскою реформой, открытіемъ новыхъ фабрикъ и заводовъ, усиленнымъ отпускомъ русскаго хлѣба за границу и начавшеюся задолженностью городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Такова краткая исторія акціонернаго отъ огня страхованія.

Нижеслѣдующія цифровыя данныя позволяютъ намъ судить о томъ, какихъ размѣровъ достигъ ежегодный финансовый оборотъ 14 акціонерныхъ обществъ, нынѣ дѣйствующихъ по огневому страхованію. Эти данныя представляютъ собою средніе выводы за 10 лѣтъ (1881—1890 гг.); само собою разумѣется, что въ наши расчеты не вошли погибшія акціонерныя общества: «Москва», «Россіянинъ» и «Отечество». Итакъ, въ среднемъ выводѣ для 14 акціонерныхъ обществъ:

Общій сборъ премій по всѣмъ отраслямъ страхованія отъ огня	=СР. 31.923,638
Пожарные убытки по всѣмъ отраслямъ страхованія отъ огня	= > 22.189,234
Разница между сборомъ преміи и уплаченными пожарными убытками	> 9.734,404
Изъ всей собранной преміи передано было заграничнымъ обществамъ перестрахованія около 64%, такъ что на долю русскихъ обществъ оставалось около 36%, или	> 11.534,377
Уплачено по пожарнымъ убыткамъ соотвѣтственно своей долѣ русскими страховыми обществами	> 7,988,124
Разница между сборомъ премій и уплаченными пожарными убытками, отошедшая въ пользу русскихъ обществъ	> 3.546,253

Если изъ этого остатка въ 3½ милліона рублей вычесть расходы по управленію, достигающіе въ акціонерномъ страхованіи 2.897,250 руб., то чистая прибыль, выдаваемая въ дивидендъ по акціямъ, равняется 648,903 р.

Такимъ образомъ, расходы по управленію играютъ весьма большую роль въ бюджетѣ нашихъ акціонерныхъ обществъ и составляютъ 24% отъ всего сбора премій. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ земствахъ эти же расходы составляютъ только 10% отъ суммы полученныхъ премій.

Какъ постепенно росли огневые операціи акціонерныхъ обществъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1860 г. сборъ премій равнялся	4½ м. р.
» 1870 » » » »	8½ » »
» 1875 » » » »	18½ » »
» 1880 » » » »	24½ » »
» 1885 » » » »	33— » »
» 1890 » » » »	31— » »
» 1893 » » » »	33— » »

Эта таблица, между прочимъ, указываетъ намъ, что, начиная съ 80 годовъ, ростъ огневого страхованія подвергается малымъ колебаніямъ; оно

как бы держится на одномъ уровнѣ. Со стороны начинаетъ казаться, что акціонерныя общества перестаютъ приобретать новыхъ страхователей и занимаются только тѣмъ, что отбиваютъ другъ у друга старыхъ клиентовъ. Вся громадная территория, на которой работаютъ частныя общества, является какъ бы насыщенной акціонернымъ страхованіемъ. Это послѣднее какъ бы достигло своего зенита и дальнѣйшій прогрессъ становится для него невозможнымъ. Всякое вновь образовавшееся общество уже не въ состояніи найти точекъ приложенія для своихъ операцій, такъ какъ всѣ лучшіе риски уже разобраны старыми обществами. Послѣдовательный крахъ трехъ обществъ: «Москвы», «Россіи» и «Отечества» — еще болѣе убѣждаетъ публику въ справедливости этихъ мнѣній.

Эти крахи молодыхъ предпріятій, въ которыхъ погибло не мало мелкихъ сбереженій, и эта «заминка» въ акціонерномъ страхованіи въ связи съ его неудовлетворительною постановкой, мало отвѣчающей интересамъ клиентовъ, послужили для публики сигналомъ къ открытому недовольству порядками, установившимися въ акціонерныхъ обществахъ. Въ специально-страховой и въ общей періодической печати стали раздаваться голоса, требующіе учрежденія государственнаго контроля надъ операціями страховыхъ обществъ. Въ особенности сильное раздраженіе вызывала тарифная конвенція; страхователи также роптали на нѣкоторые параграфы полисныхъ условій и на дѣйствія агентовъ какъ по приему на страхъ имущества, такъ и по погашенію пожарныхъ убытковъ. Всѣ указанные недостатки въ акціонерномъ страхованіи могли бы быть устранены, по мнѣнію страхователей, государственнымъ вмѣшательствомъ. Постараемся же съ полнымъ безпристрастіемъ разсмотрѣть, насколько были справедливы притязанія страхователей, обращенныя къ частнымъ обществамъ. Начнемъ съ тарифной конвенціи.

Нельзя забывать того обстоятельства, что въ настоящее время трудно требовать отъ акціонерныхъ обществъ, чтобъ они отказались отъ тарифной конвенціи. Предпринимательскіе синдикаты получили право гражданства въ нашей промышленной жизни, и если существуютъ, хотя и далеко не къ выгодѣ потребителей, синдикаты сахаро-заводчиковъ, керосино-заводчиковъ, мукомоловъ и т. п., то почему же не быть акціонерному союзу, хотя бы и направленному противъ страхователей? Такимъ образомъ, мы подвергнемся упреку въ непослѣдовательности, если будемъ возставать противъ страховыхъ синдикатовъ и оставлять, въ то же время, въ покоѣ другія формы предпринимательскихъ соглашеній. Этимъ, конечно, и объясняется, почему страховой комитетъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, не имѣетъ права вмѣшиваться въ опредѣленіе размѣра конвенціонныхъ премій. Если же взглянуть на страховыя операціи исключительно съ научной точки зрѣнія, — иными словами, безъ отношенія къ тому, кто страховщикъ и кто страхователь, — то единообразный тарифъ, съ подраздѣленіемъ мѣстностей на классы, смотря по степени ихъ огнеопасности, становится логически необходимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, размѣръ страховыхъ премій не

может назначаться произвольно, по личному усмотрѣнію: онъ опредѣляется на основаніи статистическихъ данныхъ и по математическимъ формуламъ. Такъ вычисляется *минимальный* тарифъ и уклоненіе отъ этого минимума въ угоду страхователямъ поведетъ лишь къ истощенію основныхъ капиталовъ и къ подрыву прочности страховыхъ учрежденій. Такимъ образомъ, въ принципѣ ничего нельзя имѣть противъ тарифнаго соглашенія; рѣчь можетъ идти лишь о томъ, правильно ли совершается вычисленіе конвенціонныхъ тарифовъ.

Но, становясь на эту точку зрѣнія, мы наткнемся на рядъ фактовъ, не дѣлающихъ чести акціонерному страхованію. Прежде всего, пожарно-страховая статистика хотя и существуетъ въ акціонерныхъ обществахъ, но она плохо разрабатывается, выводы ея никогда не публикуются и ея голосъ почти не достигаетъ до комитета, состоящаго во главѣ конвенціонныхъ обществъ. Отсюда полный произволъ какъ въ опредѣленіи страхового тарифа, такъ и въ его варіаціяхъ. Все дѣлается не по научнымъ соображеніямъ, а по указанію злобы дня, по требованію коммерческаго расчета. По словамъ *Русскаго Вѣстника Страхованія*, въ 1872—1873 годахъ, когда почти сразу открылось нѣсколько новыхъ обществъ, именно «Коммерческое», «Якорь», «Сѣверное» и «Варшавское», всѣ старыя общества начали понижать премію изъ преувеличенной боязни передъ вновь народившеюся конкуренціей. Когда потомъ явились плачевные результаты для каждой изъ борющихся сторонъ, то въ 1875 году образовалась конвенція съ ея общеобязательнымъ тарифомъ. Въ 1882 году достаточно было появленія двухъ обществъ—«Балтійскаго» и «Россія», чтобы сообща выработанный тарифъ былъ опрокинутъ. Ради той же боязни и меркантильной зависти преміи снова были низведены до минимума, пока, наконецъ, названныя новыя общества не прикнули къ конвенціи. «Тогда-то, т.-е. въ 1883 году,—продолжаетъ тотъ же журналъ,—последовали сразу надбавки премій, въ 15%, 30% и 60%, знаменующія періодъ столь же вынужденнаго повышенія какъ и прежняго ни на чемъ неоснованнаго пониженія». Эти надбавки падали огудьно на всю Россію, безъ всякаго соображенія съ огнеопасностью данной мѣстности: приходилось платить въ увеличенномъ размѣрѣ преміи и такимъ городамъ и губерніямъ, гдѣ издавна средняя стораемость была весьма незначительна.

Теорія страхового дѣла не допускаетъ подобнаго обращенія съ тарифами. Основанія для обложенія страхователей должны имѣть подъ собою твердую почву; кромѣ того, не слѣдуетъ облекать канцелярскою тайной принципа, на которомъ покоится страховое обложеніе. Эти два требованія, которыя предъявляетъ къ тарифамъ теорія страхового дѣла, вполне осуществимы на практикѣ; въ этомъ не трудно убѣдиться, просмотрѣвши, напримеръ, правила страхованія въ московскомъ земствѣ. По статистическимъ даннымъ, въ Московской губерніи на 200,000 дворовъ, составляющихъ эту губернію, ежегодно стораеть около 3,000 дворовъ, т.-е. 15 дворовъ на 1,000 или 1½ двора на 100; отсюда тарифъ 1½ к. съ 1 рубля страхо-

вой суммы. При этом тарифъ приходъ равенъ расходу. Въ самомъ дѣлѣ, если въ обязательномъ страхованіи Московской губерніи нормальная оцѣнка для избы со дворомъ равна 50 руб., то пожарное вознагражденіе равняется 750 руб., премій же, собранныхъ съ 1,000 дворовъ, будетъ также 750 руб.,—и такъ, приходъ равенъ расходу. Этотъ тарифъ въ $1\frac{1}{2}$ коп. съ 1 руб. страховой суммы введенъ для страхованія по нормальной оцѣнкѣ и распространяется на всю губернію; для страхованія же по возвышенной или особой оцѣнкѣ существуетъ поселенный тарифъ, который опредѣляется слѣдующимъ образомъ: положимъ, въ какомъ-нибудь селеніи въ 100 дворовъ за 26 лѣтъ обязательнаго страхованія сгорѣло 52 двора; иными словами, горѣло два двора ежегодно. Спрашивается, сколько же выгорѣло дворовъ на 1,000? Это опредѣляется изъ пропорціи:

$$\begin{array}{rcl} 100 & - & 2 \\ 1,000 & - & x \end{array} \quad x : 2 = 1,000 : 100$$

$$x = 20$$

И такъ, въ этомъ селеніи выгораютъ ежегодно 20 дворовъ на 1,000. Его средняя сгораемость выше средней погубернской; тарифъ для даннаго селенія долженъ быть слѣдующій:

$$x : 1\frac{1}{2} = 20 : 15.$$

$$x = \frac{30}{15} = 2 \text{ коп. съ 1 руб. страховой суммы.}$$

Затѣмъ принимается во вниманіе противопожарное состояніе селенія въ моментъ вычисленія тарифовъ и на основаніи всего вышеизложеннаго опредѣляются уклоненія отъ основнаго погубернскаго тарифа. Тарифъ поселенный въ Московской губерніи всегда равенъ $1\frac{1}{2} \pm z$, гдѣ z есть субъективные условія, въ которыхъ находится селеніе.

Земскимъ страховымъ агентамъ Московской губерніи вмѣнено въ обязанность разъяснять крестьянамъ основанія страхового обложенія. Къ чести московскаго земства слѣдуетъ отнести, что оно не только не дѣлаетъ тайны для обывателей изъ своихъ распоряженій по страховой части, но, наоборотъ, приглашаетъ само населеніе къ критикѣ своихъ дѣйствій, будучи твердо убѣждено, что земское страхованіе можетъ идти успѣшно лишь въ томъ случаѣ, когда сами страхователи предъявляютъ къ нему извѣстныя требованія и въ той или иной формѣ принимаютъ въ немъ активное участіе. Хотя акціонерныя общества заботятся главнѣйшимъ образомъ о своихъ дивидендахъ, а не о солидномъ обезпеченіи своихъ страхователей, тѣмъ не менѣе, государство можетъ потребовать отъ конвенціоннаго комитета, чтобы онъ, по примѣру земствъ, доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія основанія, положенныя имъ въ опредѣленіе страховыхъ тарифовъ. Тогда сами страхователи получаютъ возможность высказаться, насколько справедливо акціонерное обложеніе и соответствуетъ ли оно среднимъ статистическимъ даннымъ о сгораемости. Здѣсь нѣтъ посягательства на право акціонерныхъ обществъ принимать на страхъ имущества по тому или иному тарифу,—напротивъ, рекомендуемая нами ясность въ принципахъ страхового обложенія

можетъ только примирить акціонерное страхованіе съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, какъ мы уже раньше говорили, стало за послѣднее время относиться къ частнымъ страховымъ учрежденіямъ съ нескрываемою враждебностью.

Недовольство благомыслящихъ людей въ большой дозѣ падаетъ на дѣйствія агентуры въ акціонерномъ страхованіи. Благодаря тарифной конвенціи, акціонерныя общества конкурируютъ другъ съ другомъ не размѣрами премій, а оцѣнками, что неминуемо ведетъ къ деморализаціи владѣльцевъ имущества. Частныя страховыя учрежденія не держатся того спасительнаго принципа, въ силу котораго извѣстная доля стоимости имущества должна заходиться на собственномъ страхѣ владѣльца. Конкурируя другъ съ другомъ и принимая на страхъ по оцѣнкѣ, нерѣдко превышающей дѣйствительную стоимость строенія или движимости, они сами создаютъ спекулятивные пожары. Отъ такой конкуренціи страдаютъ: во-первыхъ, взаимное страхованіе; во-вторыхъ, бѣднѣйшіе обыватели, которые не могутъ по недостатку средствъ страховать свои пожитки. Въ особенности опасны спекулятивные пожары въ нашихъ деревняхъ съ ихъ соломенными крышами и первобытными огнетушительными снарядами. Нерѣдко случается, что загорается домъ трактирщика или мельника, застрахованный въ частномъ обществѣ свыше стоимости, а за нимъ выгораетъ нѣсколько десятковъ дворовъ, обязательно застрахованныхъ въ губернскомъ земствѣ.

Если ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать удовлетворительной организацию приѣма на страхъ движимыхъ и недвижимыхъ имущества, то меньшаго порицанія заслуживаютъ и способы погашенія пожарныхъ убытковъ. По словамъ *Новаго Времени*, иной обыватель платитъ десятки лѣтъ страховую премію, а случится пожаръ, сгоритъ все имущество и вотъ то же страховое общество предлагаетъ за него какіе-то гроши, благодаря чему начинается нескончаемый торгъ съ прибавками по рублямъ съ одной стороны и съ вынужденными уступками съ другой. Эта же газета рассказываетъ слѣдующій извѣстный ей случай, бывшій въ Петербургѣ: «Оставшееся отъ пожара имущество было оцѣнено обществомъ въ 1,400 рублей; когда потерпѣвшій отказался отъ такой оцѣнки и потребовалъ на основаніи устава, чтобы вся страховая сумма была выплачена ему цѣликомъ, а оставшееся имущество страховое общество реализировало бы, какъ ему угодно, то началась цѣлая система вымогательства, не стѣсняющаяся никакими приемами. Прежде всего страхователю было объявлено, что противъ него будетъ вчинено уголовное обвиненіе въ поджогѣ имущества, и это несмотря на то, что по обстоятельствамъ дѣла никакой и мысли о поджогѣ не могло быть. Но оказывается, что даже такія, совершенно бессмысленныя угрозы въ нѣкоторыхъ случаяхъ производятъ желательный эффектъ, т.-е. потерпѣвшіе соглашаются на уступки, страшась даже самой мысли о судѣ и слѣдствіи. Въ данномъ случаѣ этотъ приемъ не удался: потерпѣвшій не убоился этой угрозы. Тогда общество, желая затычкой платежа добиться, все-таки, уступки, подаетъ формальное заявленіе о поджогѣ. Начались всякаго

рода хожденія по присутственнымъ мѣстамъ, но и этотъ искусь былъ героически выдержанъ потерпѣвшимъ. Впрочемъ, все дѣло сводилось къ напрасной потерѣ времени. Оказывается, что въ окружномъ судѣ товарищи прокурора отлично знаютъ, что эти безпрестанныя обвиненія, вчиняемыя страховыми обществами, преслѣдуютъ совсѣмъ постороннюю цѣль: вымогательство уступокъ посредствомъ угрозы судебною волокитой. На этой стадіи устрашенія уловляются весьма многіе потерпѣвшіе, особенно люди очень запятые или же нуждающіеся въ возможно скорѣйшемъ полученіи страховой суммы. Но любопытнѣе всего финаль. Когда потерпѣвшій прошелъ побѣдоносно всѣ мытарства «страховой системы», то въ награду за такое мужество страховое общество покорнѣйше просило его принять оставшееся отъ пожара имущество, оцѣненное въ 1,400 руб., за... 160 руб.! Какъ вамъ нравится эта «ошибка» въ раздѣлкѣ?—воскликаетъ въ заключеніе *Новое Время*. Случай, рассказанный въ *Новомъ Времени*, вызываетъ слѣдующее замѣчаніе въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (1895 г., № 120): «Желательно оглашать во всеобщее свѣдѣніе подобные случаи, съ обозначеніемъ тѣхъ обществъ, которыя практикуютъ такіе безсовѣстные приемы ликвидаціи страховыхъ убытковъ. Конечно, такія оглашенія не останутся безъ вліянія на размѣры операций скомпрометированныхъ обществъ и, быть можетъ, этимъ путемъ отучать ихъ отъ приемовъ, которые нынѣ не практикуются уже на большихъ дорогахъ». Интересно также дѣло купца Турбина съ «Русскимъ» страховымъ обществомъ, слушавшееся 24 апрѣля текущаго года въ Гражданскомъ отдѣленіи московскаго окружнаго суда. Послѣ пожара г. Турбинъ предъявилъ къ обществу требованіе объ уплатѣ всей страховой суммы, равнявшейся 10 т. р. Общество отказалось удовлетворить полностью требованіе страхователя и послѣдній предъявилъ къ нему искъ. На судебномъ слѣдствіи одинъ изъ свидѣтелей, бывший агентъ общества, г. Хорошкевичъ, показалъ, что общество послѣ пожара всегда поручаетъ своимъ агентамъ торговаться со страхователями и платить агентамъ извѣстный процентъ съ выторгованной суммы.

Приведенные выше изъяны въ организаціи акціонернаго страхованія и частыя жалобы обывателей на дѣйствія акціонерныхъ учрежденій породили мысль о необходимости государственнаго контроля надъ операціями частныхъ обществъ. Эта идея получила въ настоящее время практическое осуществленіе. Въ 1894 году былъ учрежденъ страховой комитетъ, на который были возложены слѣдующія обязанности: предварительное разсмотрѣніе проектовъ уставовъ вновь учреждаемыхъ обществъ и измѣненій уставовъ; разсмотрѣніе полисныхъ условій и примѣненіе дѣйствующихъ правилъ. Кромѣ того, на страховой комитетъ возлагается установленіе формъ отчетовъ, балансовъ и статистическихъ вѣдомостей, провѣрка ихъ, а также производство ревизій. Ревизія производится членомъ страхового комитета при содѣйствіи одного или нѣсколькихъ ревизоровъ и заключается въ повѣркѣ наличности денежныхъ средствъ общества и способа ихъ помѣщенія, а также правильности отчисленія обществомъ резервовъ премій. Нако-

лицъ, акціонерныя общества обязаны извѣщать страховой комитетъ о лицахъ, избранныхъ агентами. Въ случаѣ полученія свѣдѣній о неправильныхъ дѣйствіяхъ агента, комитетъ сообщаетъ объ этомъ обществу, и если свѣдѣнія эти останутся въ теченіе опредѣленнаго срока непровергнутыми, испрашиваетъ разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ на смѣщеніе агента.

Организація комитета, его права и обязанности отвѣчаютъ интересамъ страхователей, но только до извѣстной степени. Въ самомъ дѣлѣ, какія пожеланія можетъ предъявить бѣдный или средняго достатка обыватель по отношенію къ акціонерному отъ огня страхованію? Прежде всего, онъ будетъ стремиться застраховать свое имущество въ такомъ обществѣ, финансовая устойчивость котораго находится внѣ сомнѣнія. Благодаря страховому комитету, онъ можетъ быть увѣреннымъ, что основной капиталъ общества не будетъ фиктивнымъ и необходимыя при веденіи дѣла резервы будутъ составлять не менѣе 40% полученныхъ премій. Но одной финансовой устойчивости акціонернаго учрежденія мало для страхователя. Онъ бѣденъ и потому нуждается въ минимальномъ страховомъ обложеніи. Правительственный комитетъ ничѣмъ не можетъ помочь ему въ данномъ случаѣ; онъ не въ силахъ защитить его отъ конвенціоннаго тарифа. Нѣтъ даже закона, который заставлялъ бы акціонерныя общества доводить до всеобщаго свѣдѣнія объ основаніяхъ, положенныхъ ими при вычисленіи размѣра премій. Законецъ, для страхователя важно добросовѣстное погашеніе пожарныхъ убытковъ. Правда, онъ можетъ пожаловаться на неправильныя дѣйствія комитета и этотъ послѣдній долженъ потребовать разъясненій отъ директора общества, но такъ какъ члены комитета сами не выѣзжаютъ на пожары и не участвуютъ въ оцѣнѣ остатковъ, то мало вѣроятно, чтобы страхователь что-нибудь выигралъ отъ переписки, которая возникнетъ между обществомъ и комитетомъ. Интересы страхователя были бы лучше ограждены, по нашему мнѣнію, если бы погашеніе пожарныхъ убытковъ было поручено на точномъ основаніи закону особому инспектору, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Инспекторъ - ливингаторъ, лучше выборный, чѣмъ назначенный, долженъ явиться посредникомъ между спорящими сторонами, и его главная роль будетъ состоять въ томъ, чтобы умѣрять какъ несправедливыя требованія страхователя, такъ и внутреннія притязанія акціонернаго общества. Но всегда должно помнить, что только судъ, свободный отъ всякаго административнаго давления, можетъ возстановить права потерпѣвшаго; поэтому инспекторатъ по дѣлѣ пожарныхъ остатковъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ составлять апелляціонной инстанціи. Этому институту страховыхъ инспекторовъ за все должно быть вѣнчанъ въ обязанность ограждать слабѣйшую сторону отъ различныхъ махинацій, которыя практикуются при сведеніи окончательныхъ счетовъ болѣе сильнымъ противникомъ.

Вообще, когда заходитъ рѣчь о государственномъ вмѣшательствѣ въ область страховыхъ операцій, необходимо признать, что это вмѣшатель-

ство должно носить не столько административный, сколько законодательный характер. Это мнѣніе находитъ себѣ поддержку въ нашей періодической печати. Даже *Новое Время*,—газета, которую трудно упрекнуть въ пристрастіи къ юридическимъ нормамъ,—и то пришло къ убѣжденію, что «каковы бы ни были намѣчаемыя правительствомъ мѣры въ отношеніи страхового дѣла, онѣ не должны ограничиться областью исключительно административной»; «страховое уложеніе,—продолжаетъ газета,—вотъ одна изъ насущнѣйшихъ потребностей нашего отечества, ибо никакой контроль, при образцовой даже постановкѣ его, не замѣнитъ правильного, цѣлью построеннаго законодательства и, наоборотъ, послѣднее сведеть на минимумъ необходимый надзоръ правительства».

Но не столько учрежденіе комитета или изданіе особаго уложенія отвѣчаетъ интересамъ бѣднѣйшихъ страхователей, сколько успѣшное развитіе земскаго страхованія. Это послѣднее оперируетъ въ такихъ глухихъ и огнеопасныхъ мѣстностяхъ, куда не рѣшаются проникать ни городское взаимное, ни акціонерное страхованіе: первое—по недостатку средствъ, второе—по коммерческимъ расчетамъ. Въ противоположность акціонерному, земское страхованіе не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей; вся прибыль отъ удачнаго веденія операций идетъ на пополненіе запаснаго капитала, а не распределяется по рукамъ акціонеровъ. Проценты съ запаснаго капитала служатъ фондомъ для выдачи страхователямъ льготныхъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій на приобрѣтеніе огнегасительныхъ снарядовъ, на организацію вольныхъ пожарныхъ, на вырытіе прудовъ и колодезь и т. д. Тарифы въ земскомъ страхованіи сведены до минимума, потому что они вычисляются по средней стораемости безъ примѣси такихъ наростовъ, какъ необходимый дивидендъ на акцію.

Самыя основанія страхового обложенія не содержатся въ канцелярской тайнѣ; они излагаются въ докладахъ губернскихъ управъ и земскіе агенты должны разъяснять ихъ каждому лицу, пожелавшему застраховать свое имущество. Въ московскомъ, напримѣръ, земствѣ жители каждаго селенія имѣютъ право опротестовать объявленный имъ тарифъ для страхованія по особой оцѣнкѣ. Этимъ достигается та близкая связь между земствомъ и его клиентами, которой не можетъ быть у акціонернаго страхованія, построеннаго исключительно на коммерческихъ расчетахъ. Обращаясь къ погашенію пожарныхъ убытковъ, мы видимъ, что земскіе агенты совершаютъ его вполне добросовѣстно и имъ нѣтъ надобности видѣть въ каждомъ страхователѣ поджигателя, потому что, согласно основному принципу земскаго страхованія, нѣкоторая доля стоимости имущества должна находиться на собственномъ страхѣ владѣльца. Наконецъ, губернскія управы не издають вздутыхъ отчетовъ о страхованіи, какъ это имѣло мѣсто для нѣкоторыхъ частныхъ обществъ.

Изъ всего вышеизложеннаго съ достаточною ясностью вытекаетъ, что все, къ чему стремится бѣднѣйшій страхователь и чего онъ старается достигнуть, при помощи государственнаго вмѣшательства, отъ акціонерныхъ

обществѣ, прочно заложено въ земскомъ страхованіи. Неотложная нужда заключается лишь въ широкой постановкѣ этого послѣдняго, въ расширеніи земскихъ рисковъ, въ приѣмѣ на страхъ новыхъ категорій имущества. Но дать сильный, мощный полетъ земскому страховому дѣлу можетъ лишь образованіе братскаго союза земствъ въ цѣляхъ перестрахованія. Вопросъ этотъ назрѣлъ въ такой степени, что на сѣздѣ тверскихъ страховыхъ агенто́въ съ 18 представителями сосѣднихъ земствъ рѣшено просить страховой отдѣлъ при тверской губернской земской управѣ «взять на себя трудъ по перепискѣ съ губернскими земскими управами сѣверной и средней полосы губерній по вопросу о перестрахованіи». Управы благоволятъ доставить необходимый для разработки этого вопроса матеріалъ: доклады, отчеты и всѣ печатныя данныя по страхованію и противопожарнымъ мѣропріятіямъ. Получивши отзывы губернскихъ управъ и необходимые матеріалы, тверской страховой отдѣлъ озаботится сдѣлать обобщенія по главнымъ элементамъ страхованія, какъ-то: по суммѣ рисковъ, преміямъ, пожарности, по состоянію капиталовъ и всѣ матеріалы съ обобщеніями переслать въ московскую губернскую земскую управу, назначивъ, по соглашенію съ управами, срокъ явки въ Москву представителей по назначенію губернскихъ земскихъ управъ для опредѣленія дальнѣйшаго хода работъ по вопросу о перестрахованіи (протоколы сѣзда агенто́въ тверского земскаго страхованія съ 23 февраля по 2 марта 1895 г., отпечатанные съ разрѣшенія г. тверского губернатора). Твердо вѣруя, что начавшаяся работа земствъ по страховому дѣлу благотворно отразится на интересахъ населенія, пожелаемъ, читатель, чтобъ она не встрѣтила неожиданныхъ препятствій и послужила толчкомъ для совмѣстной дѣятельности земствъ и въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства.

П. Серебряковъ.

Россия и Дания при императрицѣ Екатеринѣ I *).

(По документамъ датскаго архива).

VIII. Переѣзъ на престолѣ.

Вопросъ о бракѣ великаго князя Петра Алексѣевича съ княжною Меншиковой состоялъ въ самой тѣсной связи съ рѣшеніемъ вопроса о назначеніи его наслѣдникомъ престола. Вестфаленъ доносилъ въ Копенгагенъ, что считаетъ кандидатуру великаго князя самымъ выгоднымъ дѣломъ для Даниі 1). Онъ совѣтовалъ Рабутину воспользоваться раздоромъ между Меншиковымъ и герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ для доставленія племяннику императора Карла VI права вступленія на престолѣ послѣ Екатерины. Назначеніе Остерманна воспитателемъ Петра Алексѣевича казалось Вестфалену большою выгодною для великаго князя 2).

Вопросъ о престолонаслѣдіи сдѣлался жгучимъ въ виду опасной болѣзни Екатерины. У нея 10 (21) апрѣля открылась горячка. Ея положеніе становилось хуже 3). Нѣтъ сомнѣнія, что она въ это время мечтала о назначеніи своею преемницей Елизавету Петровну. Вестфаленъ доносилъ 22 апрѣля (3) мая 1727 г.: «Въ воскресенье положеніе царицы было таково, что ожидали ежеминутно ея кончины. Въ десять часовъ утра она послала за Меншиковымъ и шепнула ему на ухо, что искренно желаетъ, чтобъ ея дочь Елизавета была ея преемницей; поэтому она просила князя быть по-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

1) „La chose la plus salutaire pour nous“.

2) О предшественникѣ Остерманна въ дѣлѣ воспитанія Петра (Мавринъ?) сказано у Вестфалена: „Le grand duc est à-présent par rapport à son éducation en fort mauvaises mains. Son maître est un pédant des plus féroces, dont tout le savoir se borne a'cu qe'il est un peu fort dans la controverse dans les vétilles scolastiques“ и проч. О Петрѣ самомъ сказано: „d'un tempérament vif; ses inclinations sont martiales; il est modeste, sans folatrerie ou effronterie, sérieux et affable“; отъ него, по мнѣнію Вестфалена, можно было ожидать многого, „s'il n'a pas le malheur d'être gâté par une éducation pédantesque“ и проч.

3) Вестфаленъ писалъ въ особомъ приложеніи къ своей депешѣ отъ 18 (29) апрѣля: „Den högste i anden ligger för döden“.

кровнелемъ ея дочерей и ея другихъ родственниковъ ¹⁾. Никто не знаетъ, что на это отвѣтилъ Меншиковъ. Онъ, однако, тотчасъ же созвалъ совѣтъ, не пригласивъ къ участию въ немъ важнѣйшаго лица, герцога Карла-Фридриха; Остерманъ сказался больнымъ. Согласились назначить наслѣдникомъ престола великаго князя подъ опекою Елизаветы и совѣтъ изъ двѣнадцати лицъ. Въ томъ совѣтѣ герцогъ долженъ имѣть одинъ голосъ, тогда какъ Елизавета Петровна будетъ имѣть два голоса. Елизавету выдадутъ за епископа любскаго. Толстой также подписалъ (что меня удивляетъ) это рѣшеніе, состоявшееся 27 (т.-е. 15) апрѣля вечеромъ въ 10 часовъ. Меншиковъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Рабутину, который немедленно отправилъ курьера въ Вѣну. 29 ко мнѣ пришелъ Рабутинъ и сообщилъ мнѣ обо всемъ этомъ, испрашивая мое мнѣніе. Я возразилъ, что такъ какъ это рѣшеніе никоимъ образомъ не соответствуетъ ни видамъ царицы, ни порученію, данному ею князю, я опасюсь, что этотъ проектъ легко можетъ повести къ беспорядкамъ, и даже къ кровопролитію, въ случаѣ выздоровленія царицы, и что никто не заставитъ ее одобрить это рѣшеніе. А, между тѣмъ, согласіе царицы необходимо. Поэтому было бы лучше ждать дальнѣйшаго исхода болѣзни до составленія рѣшенія ²⁾. Очевидно, въ случаѣ выздоровленія царицы, положеніе великаго князя будетъ опаснымъ. Каждый видитъ, впрочемъ, что Меншиковъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю власть. Если бы не былъ рѣшенъ вопросъ о бракѣ великаго князя, Меншиковъ непремѣнно воспротивился бы назначенію его наслѣдникомъ. Онъ располагаетъ всѣмъ войскомъ. Меншиковъ сто разъ говорилъ мнѣ, что дѣти Алексея, погибшаго государственнымъ преступникомъ, не имѣютъ никакого права на престолъ. Странно, что не было рѣчи о правахъ Анны Петровны. Изъ этого можно заключить, до чего доходитъ неприязнь Меншикова противъ герцога Карла-Фридриха, и далѣе до чего доходитъ его вліяніе на дѣла. Даже не считали нужнымъ позолотить пилюлю, которую дали проглотить гольштинцамъ. Карлъ-Фридрихъ только что началъ хлопотать о томъ, чтобъ онъ самъ былъ назначенъ наслѣдникомъ престола; однако, онъ, вѣдь, совсѣмъ чужой въ Россіи ³⁾.

Разсказъ Вестфалена, пополняющій нѣкоторымъ образомъ разсказы другихъ дипломатовъ, Дефорта, Маньяна, Мардефельда и Рабутина ⁴⁾, важенъ именно въ томъ отношеніи, что датскій дипломатъ обращаетъ главное вниманіе на самовластный образъ дѣйствій Меншикова, не принимавшаго во вниманіе желанія Екатерины и рѣшившаго вопросъ объ исключеніи Ели-

¹⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о Славронскихъ.

²⁾ „Qu'il aurait mieux valu d'avoir gardé toutes ces choses-là in-petto et attendre le dénouement de la maladie“.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 22 апрѣля (3 мая) 1727 г. О разговорѣ Екатерины съ княземъ: „Elle lui dit à l'oreille qu'elle souhaiterait fort, que sa fille, la princesse Elisabeth, lui pût succéder“.

⁴⁾ См. мою статью въ *Вѣстникѣ Европы* 1894 г., февраль, стр. 634—638.

заветы Петровны отъ всѣхъ правъ наперекоръ видамъ императрицы ¹⁾. Также и шведскій дипломатъ Седеркрейцъ доносилъ, что рѣшеніе состоялось чрезвычайно быстро и что императрица объ этомъ пока ничего не знала ²⁾.

Не даромъ Вестфаленъ опасался усложненія дѣла, въ случаѣ выздоровленія Екатерины. Онъ доносилъ 25 апрѣля (6 мая) 1727 г.: «Царица внѣ опасности. Тѣ лица, которыя рѣшили вопросъ о престолонаслѣдіи не соответственно ея желаніямъ, предпочли бы совсѣмъ иной исходъ ея болѣзни. Всѣ теперь сожалеютъ о томъ, что не сдѣлали такъ, какъ сдѣлалъ Остерманъ, который не участвовалъ въ составленіи завѣщанія подъ предлогомъ болѣзни. Теперь никто не знаетъ, что дѣлать и куда дѣваться ³⁾. Одни говорятъ, что нужно убѣдить царицу утвердить рѣшеніе; другіе полагаютъ, что нужно ждать до ея выздоровленія. Всѣ смотрятъ изподлобья и страшно боятся ⁴⁾. Дѣла остановились. Остается ждать, исполнить ли Екатерина желаніе Меншикова, или желаніе своихъ дѣтей. Она отличается мужествомъ; однако, спрашивается, доходитъ ли это мужество до явнаго дѣйствія противъ Меншикова?»

Между рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи въ пользу Петра Алексѣевича и кончиной Екатерины прошло около трехъ недѣль. Къ этому времени относится заговоръ Девіера, въ которомъ, въ сущности, главнымъ лицомъ былъ Толстой. Противники Меншикова хотѣли лишить его власти. Подробности этого проекта неизвѣстны ⁵⁾. Однако, нѣкоторыя черты, дополняющія рассказы современниковъ объ этомъ эпизодѣ, встрѣчаются въ донесеніяхъ Вестфалена. Какъ кажется, Девіеръ хотѣлъ еще при жизни Екатерины провозгласить Петра императоромъ и, въ то же время, «погубить» Меншикова и избавить Россію отъ голыштинцевъ, тогда какъ Толстой едва ли мечталъ о преждевременномъ воцареніи Петра II, но принималъ участіе въ умыслахъ противъ Меншикова ⁶⁾.

¹⁾ Нѣсколько странно сообщеніе въ депешѣ Седеркрейца отъ 21 апрѣля: „Елизавета взяла на себя сказать царицѣ, что она, Елизавета, не желаетъ вступить на престолъ. Царица имѣла въ виду назначить эту дочь преемницею. Елизавета будетъ обезпечена другимъ способомъ и жить спокойно частнымъ образомъ“. Стокгольмскій архивъ.

²⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 19 (30) апрѣля 1727 г.

³⁾ „Ils ne savent pas de quel bois faire flèche“.

⁴⁾ „Ils baissent les yeux et sont glacés de crainte“.

⁵⁾ См. изложеніе этого дѣла въ моей статьѣ объ Екатеринѣ въ *Вѣстникъ Европы*, февраль 1894 г., стр. 638—644.

⁶⁾ См. донесеніе Седеркрейца отъ 5 мая 1727 г., въ Стокгольмскомъ архивѣ. Тутъ сказано, между прочимъ, что Девіеръ на пыткѣ сознался, что „Морицъ Саксонскій обѣщалъ ему 10,000 червонцевъ за устройство его брака съ Елизаветою“ (?). Въ депешѣ Седеркрейца отъ 9 мая сказано: „Devier voulait faire perdre la vie au prince Menzikoff et à tous ses adhérents et de laisser la famille impériale se retirer où bon lui semblerait. Il a eu même l'effronterie de dissuader la princesse Elisabeth du mariage avec l'évêque de Lübeck, disant que c'était assez que sa soeur aînée était mariée an einen Kahlen Prinzen, mais qu'une princesse impériale ne devait pas penser à un si petit prince. On tient ces circonstances secrètes, mais je les sais de bonne part“.

Арестъ Девіера происходилъ 26 апрѣля, Толстого арестовали недѣлю позже, такъ сказать, наканунѣ смерти Екаторины, скончавшейся 6 мая. Говоря объ арестованіи Толстого, Вестфаленъ хвалилъ его способности, говорилъ о громадномъ числѣ его приверженцевъ и объ его преданности Екаторинѣ и ея дочерямъ ¹⁾. Въ донесеніи Вестфалена отъ 9 (20) мая сказано: «Меншиковъ успѣлъ заставить императрицу утвердить рѣшеніе о престолонаслѣдіи духовнымъ завѣщаніемъ ²⁾. Она медлила дать свое согласіе до послѣдней минуты, благодаря представленіямъ и жалобамъ своихъ дѣтей ³⁾. Я видѣлъ это завѣщаніе, но не могъ составить съ него списокъ. Въ немъ 16 параграфовъ» и пр. ⁴⁾. Вестфаленъ писалъ далѣе 13 (24) мая: «Девіеръ и его товарищи не хотѣли, чтобъ императрица располагала престоломъ, какъ парюю перчатокъ. Тутъ была и оппозиція противъ дочерей Екаторины. Толстой хотѣлъ ввести новую форму правленія. Главное желаніе было, чтобы Меншиковъ не оставался въ челѣ всѣхъ дѣлъ и чтобы дочь Меншикова не вышла за великаго князя».

Особенно любопытныя данныя о событіяхъ въ послѣдніе дни жизни и царствованія Екаторины встрѣчаются въ донесеніи Вестфалена отъ 20 (31) мая 1727 г., въ которомъ онъ воспроизводитъ рассказъ самого князя Меншикова. Мы помнимъ, что датскій дипломатъ считалъ выгоднымъ приласкать князя. Какъ только онъ узналъ о назначеніи Меншикова генералиссимусомъ, онъ отправился къ нему съ поздравленіемъ. Меншиковъ, поцѣловавъ его нѣсколько разъ, сказалъ слѣдующее: «Если бы вы знали, сколько труда мнѣ стоило уладить все это и въ какой опасности я находился, вы бы удивились! Знайте, между прочимъ, что императрица назначила было герцога генералиссимусомъ всѣхъ войскъ въ имперіи съ цѣлью оставленія престола своимъ дочерямъ ⁵⁾. Принцесса благодарила свою мать за это въ моемъ присутствіи; она была тутъ же, когда императрица приказала мнѣ объявить объ этомъ всенародно. Это случилось за три дня до ея кончины. Ея сознаніе въ это время было не совсѣмъ яснымъ ⁶⁾. Я не могъ допустить, чтобъ эти гордые и ненасытные иностранцы забрали въ свои руки правленіе моего отечества, которое мнѣ дороже всего. Толстой — эта собака ⁷⁾ — хотѣлъ возвести на престолъ Анну Петровну, между тѣмъ какъ герцогъ сдѣлался бы королемъ Швеціи. Далѣе Толстой хотѣлъ ввести у насъ шведскую форму правленія. Я, впрочемъ, — заключилъ Меншиковъ, — расскажу вамъ когда-нибудь такія вещи, что волосы у васъ стануть ды-

¹⁾ Донесеніе отъ 6 (17) мая: „C'est la première tête de la Russie. Il a un monde d'amis, de clients et d'adhérents; il est grand politique non pareil en Russie, attaché à la Czarine et à ses enfants“.

²⁾ „Pour la porter à régler elle-même la succession par une disposition testamentaire“.

³⁾ „Vives et lamentables remontrances de ses enfants“.

⁴⁾ Данныя о содержаніи завѣщанія не заключаютъ въ себѣ ничего новаго.

⁵⁾ „Dans la vue d'assurer la succession à ses enfants“.

⁶⁾ „Il lui trouva l'esprit déjà considérablement baissé“.

⁷⁾ „Ce chien“.

бомъ». Разставаясь съ Вестфаленомъ, князь просилъ его передать королю датскому увѣреніе въ своей безусловной преданности.

Изъ другихъ источниковъ Вестфалень узналъ еще нѣкоторыя другія подробности о событіяхъ наканунѣ кончины Екатерины. Императрица не хотѣла признать великаго князя наследникомъ престола, она имѣла въ виду отправить его въ Билъ для воспитанія; Меншиковъ умолялъ на колѣняхъ умирающую согласиться на назначеніе Петра своимъ преемникомъ, представляя ей, что иначе междоусобная война неминуема. Даже гольштинскій министръ Бассевичъ и графъ Рабутинь были того мнѣнія, что герцогъ Карлъ-Фридрихъ и его супруга, Анна Петровна, подвергнули бы себя величайшей опасности, настаивая на правѣ дочери Екатерины на престолъ, и поэтому они согласились на объявленіе Петра наследникомъ. Изъ этихъ данныхъ датскій дипломатъ выводитъ заключеніе, что, въ случаѣ кончины Екатерины 16 (27) апрѣля, т.-е. тремя недѣлями раньше, перемѣна на престолѣ непременно вызвала бы страшный кризисъ, междоусобную войну. Петръ II вступилъ бы на престолъ не безъ кровопролитія, и не только Меншиковъ и Карлъ-Фридрихъ, но и разныя другія лица были бы устранены насильственнымъ образомъ, а къ тому же была бы введена въ Россію другая форма правленія, въ случаѣ же побѣды герцога Карла-Фридриха, его воцареніе обошлось бы дорого князю Меншикову, котораго непременно бы арестовали. «Въ такомъ случаѣ,—сказано въ донесеніи Вестфалена,—мой домъ послужилъ бы убѣжищемъ для многихъ лицъ» 1).

Довольно любопытныя, быть можетъ, не совсѣмъ достовѣрныя данныя о такъ называемомъ духовномъ завѣщаніи Екатерины, въ силу котораго вступилъ на престолъ Петръ II, встрѣчаются въ донесеніяхъ шведскаго дипломата Седеркрейца. Очевидно, его рассказъ относится къ событіямъ въ послѣдній день жизни императрицы. Въ донесеніи Седеркрейца отъ 11 августа 1727 года сказано: «Проектъ завѣщанія царицы былъ составленъ Бассевичемъ въ присутствіи 2) Меншикова и герцога. Такъ какъ Екатерина была уже чрезвычайно слаба и было слишкомъ поздно сдѣлать переводъ этого документа на русскій языкъ и переписать его на-бѣло, составили краткое изъ него извлеченіе, которое дали подписать царицѣ; къ этому извлеченію было прибавлено, что, буде возможно, будетъ составлено завѣщаніе въ болѣе полной формѣ, но что это извлеченіе должно имѣть силу настоящаго завѣщанія. Императрица скончалась въ тотъ же самый вечеръ, такъ что самое завѣщаніе совсѣмъ не было подписано ею. Это обстоятельство очень важно. Рабутинь увѣряетъ, что завѣщаніе не было подписано. Въ Вѣнѣ было сдѣлано распоряженіе извлечь изъ обращенія 3) всѣ печатныя экземпляры этого завѣщанія. Рабутинь, человекъ честный и

1) Донесеніе Вестфалена отъ 27 мая (7 іюня) 1727 года. Въ его донесеніи отъ 27 іюня (8 іюля) сказано: „Толстой хотѣлъ возвести на престолъ Анну Петровну“.

2) „*Uti närgvaro*“.

3) „*Äterhalla*“.

откровенный, увѣряетъ, что проектъ ¹⁾ завѣщанія не имѣетъ силы. Онъ же былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что этотъ документъ былъ напечатанъ въ Вѣнѣ».

Въ отчетѣ Седеркрейца, составленномъ послѣ возвращенія его въ Швецію въ 1729 году ²⁾, также встрѣчаются нѣкоторыя данныя о критическомъ положеніи въ самое послѣднее время жизни Екатерины. Тутъ сказано: «Когда она была при смерти, было замѣтно крайнее смущеніе при гольштинскомъ дворѣ и въ тѣхъ изъ русскихъ вельможъ, которые участвовали въ слѣдствіи, произведенномъ въ 1718 году надъ царевичемъ Алексѣемъ. Особенно волновались Толстой и Бутурлинъ, желавшіе удаленія ³⁾ великаго князя Петра. Они утверждали, что нужно отправить его учиться въ какой-либо университетъ, гольштинцы предлагали для этой цѣли Киль ⁴⁾. Такъ какъ другія лица ожидали безпорядковъ, они распорядились объ арестованіи Толстого, Бутурлина, Девіера, Писарева и Нарышвина, надъ которыми было произведено слѣдствіе. Принцесса Елизавета сочла удобнымъ поддерживать права Петра II. Меншикову было хорошо извѣстно, что у дочери Екатерины было мало приверженцевъ; онъ поэтому велѣлъ составить завѣщаніе, первый параграфъ котораго объявлялъ Петра II наследникомъ престола. Екатерина уже умерла и не могла рѣшиться подписать завѣщаніе. Тогда Меншиковъ на колѣняхъ у смертнаго одра царицы представлялъ ей, сколь опаснымъ было положеніе; при этомъ клялся, что дочери ея будутъ обезпечены. Елизавета подписала вмѣсто матери экстрактъ завѣщанія, такъ какъ сама Екатерина не умѣла читать и писать; три или четыре часа послѣ этого она скончалась».

Нельзя отрицать, что эти данныя значительно дополняютъ рассказы о воцареніи Петра II въ *Исторіи Россіи* Соловьева, который, впрочемъ, пользовался также довольно важнымъ источникомъ; объ этомъ источникѣ онъ говоритъ, въ сожалѣнію, лишь глухо и неясно. Ссылка *Отвѣтъ Бассевича въ государственномъ архивѣ* не вполне разъясняетъ вопросъ о томъ, когда и при какомъ случаѣ допрашивали гольштинскаго министра. Рассказъ Соловьева слѣдующій:

«Герцогъ гольштинскій находился въ самомъ печальномъ положеніи: хотя и соглашались, чтобы цесаревны занимали первыя мѣста въ верховной тайномъ совѣтѣ ⁵⁾ и обѣщали имъ деньги и брилліанты, но это не было обезпечено, не обезпечена была русская помощь при достиженіи главныхъ цѣлей—возвращенія Шлезвига и добытія шведскаго престола». «Гдѣ вы, мой любезный Бассевичъ?—говоритъ герцогъ своему министру.—Если теперь вы намъ не поможете, то мы въ конецъ пропали». «Бассевичъ отправляется къ Меншикову, начинаетъ ему представлять съ *умиленіемъ*,

¹⁾ Т.-е., вѣроятно, извлеченіе.

²⁾ „Berättelse om Ryssland“, числомъ „Стокгольмъ, 21 іюля 1729 г.“.

³⁾ „Eloigner“.

⁴⁾ Университетъ въ Килѣ состоялъ съ 1655 года.

⁵⁾ Въ смыслѣ регентства во время малолѣтства Петра II.

что объ цесаревны, Анна и Елизавета, дочери Петра Великаго, которому онъ, Меншиковъ, можетъ приписать свое счастье. Меншиковъ пришелъ въ умиленіе и согласился выдать на каждую принцессу по милліону денегъ, установить порядокъ престолонаслѣдія и подтвердить договоры съ герцогомъ голштинскимъ; все это должно заключаться въ завѣщаніи императрицы, гдѣ также должно быть означено, что Петръ долженъ вступить въ супружество съ дочерью Меншикова. Но кто сочинить завѣщаніе? Никто не отыскивался. Тогда Бассевичъ, не могши вытерпѣть, по его словамъ, чтобы герцогъ и объ принцессы пришли все въ крайнюю нищету, сочинилъ наскоро завѣщаніе, которое Меншиковъ далъ подписать цесаревнѣ Елизаветѣ. Герцогъ голштинскій обязывался при этомъ заплатить свѣтлѣйшему князю съ милліона 80,000 рублей: 60,000 впередъ, а 20,000 при послѣдней выдатѣ. Несмотря на то, Меншиковъ сказалъ Бассевичу, что герцогъ долженъ выхъать изъ Россіи, потому что ему, какъ шведу ¹⁾, не довѣряютъ ²⁾.

Какъ видно, такъ называемое завѣщаніе Екатерины не заслуживало этого названія, было нѣкоторымъ образомъ подлогомъ. Безъ настоящаго участія Екатерины въ послѣднюю минуту ея жизни состоялся компромиссъ между враждебными партіями. Въ сущности, короною располагалъ одинъ Меншиковъ. Обѣщавъ князю выдать дочь его за Петра Алексѣевича, императрица не понимала, что этимъ самымъ она рѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу великаго князя. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ, дочери Екатерины, Толстой и пр. были убѣждены въ томъ, что проектъ брака Петра съ дочерью Меншикова сосредоточивалъ въ рукахъ послѣдняго всю власть и что тѣмъ самымъ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи было предоставлено ему одному, а далѣе назначеніе Петра наслѣдникомъ столь тѣсно было связано съ проектомъ брака, что въ такъ называемомъ завѣщаніи Екатерины о послѣднемъ даже вовсе не было упомянуто.

Заключеніе.

Смѣлые проекты герцога голштинскаго рушились. Вестфаленъ былъ очень доволенъ. Теперь со стороны Россіи не было болѣе никакой опасности для Даніи. Далѣе датскій дипломатъ предвидѣлъ, что объ исполненіи параграфовъ завѣщанія не будетъ и рѣчи и что Меншиковъ поспѣшитъ по возможности скорѣе выпроводить голштинцевъ за границу ³⁾.

Седеррейцъ доносилъ своему двору 26 мая (6 іюня), что голштинцы все еще надѣются на исполненіе завѣщанія, но уже 16 (27) іюня онъ писалъ, что почти все параграфы сего послѣдняго нарушены, что въ советѣ все дѣла рѣшаются однимъ Меншиковымъ и что никто не смѣетъ связать что-либо по этому поводу. «Понятно,—писалъ шведскій дипломатъ,—

1) Sic.

2) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 93—94.

3) Донесеніе отъ 16 (27 мая) 1727.

князь не можетъ благопріятствовать герцогу, который имѣлъ въ виду погубить Меншикова. Русскіе всѣми силами будутъ стараться удалить Карла-Фридриха за границу. Въ сущности, никто не думалъ серьезно о томъ, чтобы воевать изъ-за его интересовъ». «Россия,—доносилъ Седеркрейцъ 23 іюня (4 іюля) 1727 г.,—предпочитаетъ возвратиться къ прежнему союзу съ Данією, и герцогъ не можетъ противождать этому, хотя бы онъ былъ радъ сдѣлать это для пріобрѣтенія вновь Шлезвига», и пр. ¹⁾.

Всѣ дипломаты, пребывавшіе въ это время въ Петербургѣ, находились подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія быстрой перемѣны, происшедшей въ судьбѣ герцога голштинскаго. Австрійскій посланникъ Рабутинь неоднократно писалъ объ этомъ предметѣ къ императору Карлу VI. Вестфаленъ писалъ 24 іюня (5 іюля) 1727 г.: «Настоящее положеніе герцога дѣйствительно очень жалко. Его даже сократили въ деньгахъ, и онъ обремененъ долгами. Анна и Елизавета еще ни разу не участвовали въ засѣданіи совѣта, хотя завѣщаніе даетъ имъ полное право на это. Карль-Фридрихъ лишь одинъ разъ былъ тамъ». Въ другой депешѣ датскаго дипломата сказано, что герцогъ очень скромнѣ въ обращеніи съ Меншиковымъ ²⁾. Седеркрейцъ писалъ, что Карль-Фридрихъ часто бываетъ у Петра II ³⁾.

Все это не могло поправить положенія герцога. Къ тому же, датскій дипломатъ въ свою очередь старался содѣйствовать усиленію вражды между Меншиковымъ и Карломъ-Фридрихомъ ⁴⁾. Онъ предвидѣлъ близкій и окончательный разрывъ между ними и ожидалъ, что герцогъ скоро долженъ будетъ покинуть Россію ⁵⁾. Не безъ удовлетворенія Вестфаленъ замѣтилъ въ своей депешѣ отъ 10 (21) іюня 1727 г.: «Теперь Россія не рѣшится хотя бы на одинъ выстрѣлъ для поддержанія интересовъ герцога». Въ іюлѣ Вестфаленъ доносилъ, что члены совѣта требуютъ, въ виду безопасности Петра II, немедленнаго отъѣзда герцога за границу ⁶⁾. Ему обѣщали 400,000 рублей; но когда онъ просилъ дать ему 48 пушекъ для фортификаціи города Билля и нѣкоторое число гвардейцевъ, ему въ этомъ отка-

1) Стокгольмскій архивъ. Тутъ же сказано, что Меншиковъ спорилъ съ Бассевичемъ о деньгахъ, не желая отпустить герцогу болѣе 60,000 рублей въ годъ и т. п. Достоинно вниманія слѣдующее сообщеніе Седеркрейца въ депешѣ отъ 9 (20) мая 1727 г., въ которой сказано о кончинѣ Екатерины: «Герцогъ тѣмъ самымъ лишился многого, но царица обѣщала ему, что Петръ позаботится объ его интересахъ (?). Бассевичъ рассказывалъ мнѣ, что Меншиковъ говорилъ ему о намѣреніи Екатерины, въ самое послѣднее время ея жизни, дать дочерямъ Эстляндію и Лифляндію, но что она выслалась, что, въ виду неблагопріятныхъ отношеній Швеціи къ герцогу, онъ не смогъ бы удержать за собою этия провинціи и что поэтому она придумала другой способъ обезпеченія своихъ дочерей». Седеркрейцъ сказалъ Бассевичу, что еслибы Екатерина потребовала ручательства Швеціи за владѣніе ея дочерьми и герцогомъ этихъ провинцій, то Швеція охотно исполнила бы ея желаніе.

2) Донесеніе отъ 6 (17) іюня 1727 г.

3) Донесеніе отъ 9 (20) мая 1727 г. Стокгольмскій архивъ.

4) Донесеніе Вестфалена отъ 24 іюня (8 іюля) 1727 г.

5) Донесеніе отъ 20 іюня (1 іюля) 1727 г.

6) Донесеніе отъ 4 (15) іюля 1727 г.

зали ¹⁾. «Очевидно, Россія не станетъ болѣе думать о вооруженіи хотя бы одной шляпки противъ Даніи»,—писалъ Вестфаленъ въ это время ²⁾.

Въ депешахъ Вестфалена и Седеркрейца встрѣчаются нѣкоторыя подробности о послѣднемъ времени пребыванія герцога Карла-Фридриха и его супруги въ Россіи и объ ихъ отъѣздѣ оттуда въ началѣ августа. Между Анною Петровною и Елизаветою Петровною случилась будто неприятность при раздѣлѣ серебра и драгоценныхъ камней, подарковъ, привезенныхъ изъ Китая и изъ Персіи, и имущества, конфискованнаго у казенныхъ при Петрѣ Гагарина, Лопухина и Кикина и у приговореннаго къ смертной казни Шафирова. Русскіе вельможи,—доносили датскій дипломатъ,—не безъ труда примирили между собою поссорившихся сестеръ; иначе отъѣздъ гольштинцевъ былъ бы отероченъ на одну недѣлю ³⁾.

Анна Петровна была весьма недовольна,—писалъ Седеркрейцъ,—что ей приходилось покинуть Россію ⁴⁾. При самомъ отъѣздѣ она была въ отчаяніи и неоднократно въ Кронштадтѣ падала въ обморокъ ⁵⁾. Герцогъ не хотѣлъ, чтобы въ публикѣ знали о томъ, что, въ сущности, онъ долженъ былъ выѣхать «по указу государя», однако, по всему городу говорили объ этомъ. Считали совсѣмъ невозможнымъ, чтобы герцогъ участвовалъ въ церемоніи коронаціи Петра II, и онъ самъ не желалъ подвергнуться оскорбленіямъ при этомъ случаѣ ⁶⁾. За то Меншиковъ въ бесѣдѣ съ Седеркрейцемъ выразился съ особеннымъ удовольствіемъ объ отъѣздѣ Карла-Фридриха и его супруги, замѣчая при этомъ, что тѣмъ самымъ умолкнулъ всѣ слухи о мнимыхъ возняхъ Россіи противъ Швеціи. Въ бесѣдѣ со шведскимъ дипломатомъ князь не только жаловался на интриги гольштинскихъ министровъ, но и на участіе въ нихъ князя Долгорукаго ⁷⁾.

Вестфаленъ, донося объ отъѣздѣ герцога изъ Петербурга, особенно былъ доволенъ тѣмъ, что Карлъ-Фридрихъ не успѣлъ добыть какого-либо ручательства въ «добрыхъ услугахъ» Россіи по вопросу о Шлезвигѣ. «Хотя ему прежде было сдѣлано такое обѣщаніе,—писалъ Вестфаленъ,—оно теперь намъ (т.-е. датчанамъ) не причинитъ никакого вреда. Напротивъ того, Петръ II, достигнувъ совершеннолѣтія, станетъ проклинать герцога гольштинскаго и всѣхъ его приверженцевъ. Данія освобождается этимъ отъ тяжелаго, долго лежавшаго на ней, бремени и не будетъ болѣе принуждена ежегодно готовиться къ войнѣ, чтобъ имѣть возможность обороняться противъ внезапнаго нападенія со стороны Россіи. Всѣ говорятъ, что Рос-

¹⁾ Донесеніе отъ 22 іюля (2 августа) 1727 г.

²⁾ Донесеніе отъ 15 (26) іюля 1727 г.

³⁾ Донесеніе отъ 25 іюля (5 августа) 1727 г.

⁴⁾ Донесеніе отъ 21 іюля (1 августа) 1727 г., въ Стокгольскомъ архивѣ. «Анна—говоритъ Седеркрейцъ,—не могла надѣяться, что будетъ возможно продолжать прежній образъ жизни въ Килѣ». См. объ этомъ образѣ жизни донесенія Френсдорфа въ Саксонскомъ архивѣ у Германа: *Geschichte des russischen Staats*, IV, стр. 488.

⁵⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 28 іюля 1727 г.

⁶⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 11 августа 1727 г.

⁷⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 4 августа 1727 г.

сія теперь никомъ образомъ не будетъ дѣйствовать въ пользу герцога. Остерманъ отмалчивается, но, въ сущности, онъ раздѣляетъ образъ мыслей своихъ товарищей въ этомъ отношеніи» ¹⁾).

Пребываніе герцога голштинскаго въ Россіи и его бракъ съ дочерью Петра Великаго представляли собою опасность не только для Даниі, но и для Россіи. Разрывъ между обѣими державами изъ-за Шлезвига заключалъ бы въ себѣ нарушеніе интересовъ Россіи. Екатерина была готова поддерживать права своего зятя, благодаря исключительно семейнымъ, династическимъ видамъ. Политической комбинаціи тутъ не доставало. Кончина императрицы опрокинула всѣ смѣлые проекты герцога Карла-Фридриха, подробности которыхъ пока не были извѣстны. Разъясненіе многихъ частныхъ этого любопытнаго эпизода въ исторіи двора и внѣшней политики Россіи было возможнымъ, главнымъ образомъ, при помощи бумагъ копенгагенскаго и стогольмскаго архивовъ. Исторія этихъ событій имѣетъ особенное значеніе въ виду возобновленія этого вопроса о Шлезвигѣ при сынѣ герцога Карла-Фридриха и Анны Петровны, императорѣ Петрѣ III.

А. Бриннеръ.

¹⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 29 іюля (9 августа) 1727 г.

Англійская пугачевщина *).

Событія въ Лондонѣ въ четвергъ, въ праздникъ Тѣла Господня.

Графство Сэрре и Мидельсексъ поднялись не раньше прохода эссекскихъ и кентскихъ дружинъ; и въ нихъ, какъ и въ лондонской Сити, движеніе съ самаго начала нашло многихъ сторонниковъ. Кнайтонъ говоритъ, что ученики, покинувъ своихъ мастеровъ, толпами бѣжали къ возставшимъ, и это свидѣтельство подтверждается судебными протоколами, въ которыхъ говорится о сѣдельщикѣ изъ Лондона **)—Johannes Stannford, о садовникѣ герцога ланкастерскаго Вильгельмѣ, о рѣщикѣ (graver) Іоаннѣ Пентерѣ, матросѣ Робертѣ Гуль, харчевникѣ (hostiller) Ричардѣ Бристѣ, пивоварѣ Вальтерѣ Атепи, портномѣ Томасѣ и цѣломъ рядѣ другихъ лицъ, столь же скромнаго общественнаго положенія, какъ о первыхъ зачинщикахъ и главныхъ вожакахъ недовольныхъ въ столицѣ ***). Вольсингамъ въ свою очередь объявляетъ, что простонародье и въ особенности бѣднѣйшіе, «*pauperiores civitatis*», благопріятствовали возставшимъ ****), а Фруассаръ утверждаетъ даже, что и въ числѣ городскихъ властей можно было встрѣтить тайныхъ сторонниковъ мятежа *****). Ничто, впрочемъ, не доказываетъ, чтобы даже часть ольдерменовъ стояла за мятежниковъ.

Въ шестой годъ правленія Ричарда II начато было, правда, преслѣ-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

**) „Johannes Stannford sadelere de London fuit comunis ductor et notarius congregator malefactorum et dixit se habere commissionem domini regis ad destruendum traditores domini regis“. *Coram Rege Roll.*, 5, Ric. II. De termino S. Trinitatis.

***) *Coram Rege Roll.* 5, Ric. II. De termino Saucti Hillarii, c. Middlesex, Surreu, London.

****) См. т. I, стр. 456.

*****) Онъ говоритъ о трехъ шерифахъ изъ двѣнадцати, какъ о партизанахъ возставшихъ, но такъ какъ въ Лондонѣ имѣлось и имѣется всего два шерифа, то очевидно, что этотъ терминъ употребленъ не кстати и, вѣроятно, замѣняетъ собою слово ольдерменъ, или выбранныхъ старѣйшинъ двѣнадцати гильдій, призванныхъ засѣдать въ совѣтъ мэра. *Фруассаръ*, глава 137. Мальвернъ объясняетъ инерцію лондонской буржуазіи опасеніемъ, чтобы при первыхъ мѣрахъ открытой вражды городская чернь не присоединилась къ возставшимъ крестьянамъ (*Highden*, т. IX, стр. 3).

дованіе противъ Вальтера Сибилъ и Вильгельма Тонгъ, ольдерменовъ Соусуорка и Ольдгета, за то, что, вопреки запрету мэра, они предписали открыть ворота и снять заграды, мѣшавшія проходу кентскихъ и эссекскихъ дружинъ. Но подсудимые не признали за собою вины, отказались воспользоваться письмами о помилованіи и, тѣмъ не менѣе, объявлены были свободными отъ отвѣтственности за измѣну (felony *)).

Сочувственное отношеніе столичной черни объясняетъ намъ причину по которой крестьянскія банды такъ легко вошли въ Лондонъ. Всюду по ихъ пути подымались народныя массы и входили въ ряды ополченій, принося требуемую присягу въ вѣрности королю и общинамъ Англіи. Неудивительно поэтому, если въ моментъ прибытія въ Лондонъ число всѣхъ возставшихъ, по оцѣнкамъ лѣтописцевъ и, въ частности, Фруассара и Вольсингама, достигло цифры 60,000 **). Эта цифра, по словамъ того же писателя, возросла до ста тысячъ въ стѣнахъ самой столицы. О томъ впечатлѣніи, какое извѣстіе объ ихъ приходѣ производило далеко вокругъ, можно судить по тому, что имѣло мѣсто въ Сентъ-Албанѣ, гдѣ, подъ предлогомъ отклонить кентскія и эссекскія дружины отъ похода на аббатство, пятьсотъ человекъ, съ согласія самого пріора, спѣшатъ въ Лондонъ и, вѣстѣ съ применувшими къ нимъ по дорогѣ крестьянами изъ Барнета, немедленно переходятъ на сторону возставшихъ ***). Такимъ же точно образомъ жители Гринвича, слыша о приближеніи кентскихъ и эссекскихъ дружинъ, подымаются къ нимъ на встрѣчу и слѣдуютъ за ними въ Лондонъ ****). Въ Сэрре одного слуха объ ихъ прибытіи было достаточно, чтобы поднять чернь Кингстона на Темзѣ и побудить ее къ разгрому помѣщичьей усадьбы. Собственнику приходится откупаться и выдать письменное обязательство въ томъ, что онъ не будетъ преслѣдовать мятежниковъ передъ судомъ *****). Послѣ водворенія кентскихъ и эссекскихъ дружинъ въ Лондонѣ возстаніе радиусами распространяется изъ самой столицы. Въ Сентъ-Албанѣ, во владѣніяхъ аббатства Грэйсель (abbathia de Grace), какъ и на земляхъ монастыря св. Петра въ Вестминстерѣ, а также въ королевскомъ имѣніи въ

*) Вальтеръ Сибилъ, оптовый торговецъ рыбою и ольдермень, воспротивился, знатися въ обвиненіи, поднятію моста, ведущаго изъ Соусуорка въ Лондонъ, говоритъ: „Что вы дѣлаете? Идите сторожить собственные кварталы и жилища; никто въ этомъ кварталѣ, не долженъ вмѣшиваться въ то, что принадлежитъ мнѣ и моимъ товарищамъ по службѣ. Мы обойдемся и безъ помощи мэра“. Тому же Вальтеру приписывается и распространеніе ложнаго слуха о смерти короля и мэра въ день, когда произошло свиданіе Ричарда II съ кентскими ополченцами въ Смесфильдѣ. Желая удержать ихъ въ Лондонѣ вопреки приказу короля, онъ якобы распорядился закрытіемъ однихъ изъ воротъ города. Въ свою очередь Вильямъ Тонгъ обвиняется за то, что при появленіи эссекскихъ ополченій онъ ночью съ среды на четвергъ тайно распорядился открытіемъ воротъ Ольдгетъ (*Coram Rege, Hilary term.* 6, Ric. II).

***) *Froissart*, гл. 137, *Walsingham*, т. I. стр. 455.

****) См. *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani*, т. III, стр. 289, 290, 298.

*****) *Coram Rege Rolls*. De termino Paschae, 5, Ric. II, с. Middlesex.

*****) *Coram Rege Rolls*, 5, Ric. II, Michaelmas term., с. Surrey. Въ числѣ участниковъ мы находимъ портного, плотника, угольщика, всѣ—уроженцы Кингстона.

Кенсингтонѣ повторяются сцены, подобныя тѣмъ, съ какими мы познакомились въ Кентѣ, Эссексѣ и Норфолькѣ, причѣмъ уроженцы Лондона нерѣдко становятся во главѣ предпріятія, ведя чернь на церковныя и свѣтскія обитатели и распоряжаясь сожженіемъ мѣстныхъ архивовъ *). При такихъ условіяхъ неудивительно, если владѣтельные классы относились съ недовѣріемъ къ мысли о возможности подавить мятежъ силой, если объятыя паникой помѣщики, вмѣсто того, чтобы взяться за оружіе, бѣжали изъ своихъ замковъ или соглашались на платежъ тяжелыхъ выкуповъ **), если ближайшій совѣтникъ малолѣтнаго короля Ричарда, говоря о необходимости подчиниться волѣ мятежниковъ и пойти на назначенное ими свиданіе, обнаруживаетъ дѣйствительный мотивъ такой уступчивости, говоря: «иначе покончено будетъ съ нами и нашимъ потомствомъ; Англія сдѣлается пустыней» ***).

Крестьянскія ополченія подошли къ Лондону съ двухъ сторонъ, съ Соусорка и съ Майленда—загороднаго гулянья, прилегающаго къ Ольдгетъ ****). Они нашли ворота города закрытыми и мостъ черезъ Темзу, теперешній Лондонъ-Бриджъ, загороженнымъ, по распоряженію лорда-мэра, желѣзною

*) О возстаніи въ Сентъ-Албанѣ сказано будетъ впоследствии; пока же отмѣтимъ только встрѣчающееся въ судебныхъ протоколахъ выраженіе: „*venerunt de London cum ipso vesilo usque ad villam de Sancto Albano*“. О движеніи въ Вестминстерѣ и прилегающемъ къ аббатству селеніи Сѣверный Ламбесъ протоколы говорятъ, какъ о порожденномъ нѣкимъ Томасомъ Тейлоромъ изъ Лондона, который заодно съ мѣстными уроженцами (*cum pluribus ignotis de eorum comitiva*) поднимается противъ аббатства 15 іюня, т.-е. день спустя послѣ прохода крестьянскихъ ополченій въ Лондонъ. Изъ Ламбеса движеніе распространяется и на Кенсингтонъ, бывший въ то время королевскимъ помѣстьемъ. Мятежники заставляютъ балифа выдать имъ *sustinagium et alia munimenta et evidencias*; все это они затѣмъ сожигаютъ (*arderunt*). *Coram Rege Rolls. Michaelmas term. 5, R. II, c. Surrey*. Что касается безпорядковъ, направленныхъ въ графствѣ Мидельсексъ противъ аббатства Грейсель, то въ числѣ лицъ, принявшихъ участіе въ нихъ, на ряду съ уроженцами Кента и Эссекса, упоминается матросъ и граверъ изъ Лондона, а также Николай Уиттель, уроженецъ Лондона. Мятежники арестовываютъ найденнаго ими въ комнатѣ настоятеля чужеземца, по всей вѣроятности, одного изъ тѣхъ фланандцевъ, которыхъ они преслѣдовали съ такою яростью, и заставляютъ аббата послать съ ними монаховъ въ Лондонъ для ввода ихъ во владѣніе многими землями монастыря, *ad seisinam daudam in diversis tenementis dictorum abbatis et conventi*. *Coram Rege Rolls. De termino Sancti Hillarii, 5, Ric. II, c. Middlesex*.

**) Выраженіе: „*Propter metum mortis suae nunquam postea audebat ad domum revenire*“ довольно часто встрѣчается въ показаніяхъ обвинительныхъ присяжныхъ. См. *Coram Rege Rolls, 4, Ric. II. Michaelmas term., c. Northampton*.

***) *Фруассаръ*, гл. 137. Вольсингамъ также бичуетъ дворянъ за ихъ робость, говоря: „*Neu duce evigilare voluere domini ad obviamdum tantis nequitis sed velut stertens domi inescentes immobiles permanebant donec Kentecses et Estsaxonones appropinquantes sibi unum conflassent exercitum, quasi de centum millibus communium et rusticorum*“.

****) Смотри латинскій отчетъ о дѣйствіяхъ мятежниковъ, хранящійся въ рукописяхъ лондонской Сити и отпечатанный *Riley* въ *Memorials of London and London life*, стр. 449.

цѣлю. Мятажникамъ пришлось устроить временную стоянку на Блекъ-Гисъ. По свидѣтельству Мальверна, въ день прибытія крестьяне изъ своей стоянки предприняли походъ на архіепископское помѣстье въ Ламбесъ, гдѣ, слѣдуя обычной имъ практикѣ, уничтожили огнемъ книги, планы (шаррас), одѣянія и многіе другіе предметы, здѣсь хранившіеся. Вино было выпито, кухонная посуда разбита. При погромѣ толпа величала архіепископа измѣнникомъ и навела на него такой страхъ, что онъ тайно бѣжалъ въ тотъ же день къ королю въ Тоуеръ *).

Блекъ-Гисъ лежитъ на южномъ берегу Темзы, въ предѣлахъ графства Сѳре. Мѣстное населеніе, составленное изъ крестьянъ, мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, не замедлило стать на сторону народныхъ ополченій; оно начало громко требовать пропуска ихъ въ Сити, грозя въ противномъ случаѣ стрѣлять въ стражу, занимавшую мостъ. И по ту сторону Темзы настроеніе черни было таково, что всякое продолжительное сопротивленіе ея волѣ становилось невыносимымъ. Простонародье и, въ особенности, бѣднѣйшіе, говоритъ Вольсингамъ, а за нимъ анонимный монахъ Сентъ-Албанскаго монастыря, сочувствуя крестьянскимъ ополченіямъ, рѣшились воспротивиться отданному мѣромъ приказу и помѣшали закрытію воротъ города. По свидѣтельству тѣхъ же хроникъ, которыя въ этомъ отношеніи расходятся съ Фруассаромъ **), въ теченіе всей ночи съ середины на четвергъ, т. е. наканунѣ праздника *Corpus Christi*, не прекращалось сообщеніе столицы съ пришедшими ***). Этотъ фактъ дѣлаетъ невѣроятнымъ свидѣтельство французскаго лѣтописца, будто четвертая часть крестьянскихъ ополченій принуждена была голодать за недостаткомъ провизіи ****). Изъ Блекъ-Гиса предводители крестьянъ посылаютъ къ королю депутатомъ захваченнаго ими по дорогѣ рыцаря Джона Ньютона, который вымаливаетъ у Ричарда обѣщаніе повидаться съ прибывшими и выслушать ихъ ходатайства. Объ этомъ говоритъ, впрочемъ, одинъ Фрауссаръ. Мальвернъ и Гауеръ, которые изъ всѣхъ туземныхъ лѣтописцевъ болѣе всего заслуживаютъ названія современниковъ, хранятъ на этотъ счетъ упорное молчаніе. Ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ и Кнайтонъ; что же касается монаха Эвсгамскаго монастыря, то онъ говоритъ только о послыжкѣ королю изъ Блекъ-Гиса «нѣкоторыхъ лицъ», силою принужденныхъ слѣдовать за возставшими ****), и не указываетъ, въ то же время, кто были эти лица.

*) *Highden*, т. IX, стр. 1.

**) „In crastino autem, hoc est in ipso festo Corporis Christi, intrantes et exeuntes urbem et de libertate acquirenda, de proditoribus capiendis et maxime de Duce Lancastriae quem inprimis odio habuerunt cum simplicibus communibus Londoniarum verba gerentes in brevi pauperiores omnes in eorum vota fecere de facili conspirare“.

***) *Chronicon Angliae auctore monacho quondam Sancti Albani*. „Itaque factum est, ut per totam noctem sequentem id est vigiliae festi Corporis Christi, libere gauderent exitu et introitu nebulones“, стр. 288.

****) *Froissart*, гл. 136.

*****) См. *Historia vitae et regni Ricardi II a monacho quodam de Evesham conscripta* (Hearne, Oxford, 1729 г., стр. 24).

Сентъ-албанскія хроники сообщаютъ нѣчто болѣе вѣроятное, когда говорятъ, что самъ король послалъ освѣдомиться о причинѣ прибытія кентскихъ и эссекскихъ ополченій. Послѣдовалъ отвѣтъ: крестьяне поднялись противъ измѣнниковъ и въ защиту законнаго монарха, желаютъ вступить съ нимъ въ личные переговоры и ходатайствуютъ о назначеніи свиданія для выслушанія ихъ просьбы *).

Это предложеніе вызвало, — говоритъ Вольсингамъ, — разнорѣчивые толки въ средѣ королевскихъ совѣтниковъ и, въ концѣ-концовъ, было отклонено. Архіепископъ Кентерберійскій Симонъ де - Судбери и магистръ Госпиталійскаго ордена Робертъ де - Гельсъ высказались въ пользу немедленной репрессіи, чѣмъ, по мнѣнію хроникера, и объясняется причина, по которой народная толпа на слѣдующій день отнеслась къ нимъ съ такою жестокостью.

Въ *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani* отвѣтъ короля переданъ, однако, въ нѣсколько иномъ видѣ, выгораживающемъ отвѣтственность названныхъ совѣтниковъ. Монархъ, — значитъ въ немъ, — не можетъ принять никакого рѣшенія, не узнавши предварительно мнѣнія своего «magnum consilium» или парламента **).

Въ четвергъ, съ восходомъ солнца, толпы крестьянъ переходятъ Лондонъ-Бриджъ, направляясь къ Тоуеру. Проходя по Стренду, они набрасываются на дворецъ герцога ланкастерскаго, извѣстный подъ именемъ Савой. Убивъ привратника, загородившаго имъ дорогу, они проникаютъ во внутренніе покои и здѣсь, повинуваясь данному приказу, не расхищаютъ ***) , а истребляютъ всю утварь. Судебные протоколы сухимъ перечнемъ причиненныхъ крестьянами убытковъ дополняютъ ту, не лишнюю красокъ картину, каковую лѣтописцы, а за ними историкъ Стау, даютъ намъ о великолѣпнн герцогской резиденціи. По ихъ словамъ, она роскошью и убранствомъ превосходила всѣ замки Англіи, не исключая и королевскихъ. Въ одномъ, вскрытомъ мятежниками ларцѣ ****) оказалась тысяча фунтовъ стерлинговъ, — громадная для того времени сумма. Но не въ деньгахъ заключались главныя богатства, а въ серебряной и золотой посудѣ, драгоценныхъ тканяхъ и утвари *). Всѣ современники упоминаютъ о гардеробѣ

*) *Wolsingham*, т. 1, стр. 456. *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 287.

**) Томъ III, стр. 286.

***) Мальвернъ, рассказывая о занятіи мятежниками дворца герцога ланкастерскаго, отмѣчаетъ этотъ фактъ. *Highden*, т. IX, стр. 2. Кнайтонъ также заявляетъ, что они сожгли, а не разокради найденную ими движимость. Немногіе предметы, въ числѣ ихъ одна роскошная постель, почти передъ самымъ ихъ приходомъ скрыты были стражей (*Brit. Mus. Ms. Claudius, folio 266*).

****) *Coram Rege Rolls*. 5. R., II. Michaelmas term., с. Middlesex.

*****) „Et sciendum est, quod custos dicte garderopie asseruit... quod non esset aliquis rex christianus habens meliorem garderopiam, nec aliquis vix talem. Nam ut dixit tanta copia erat vasorum et focalium de argento, absque aliis deauratis et de auro puro quod vix V carrecte ea vehere sufficerent“. *Brit. Mus. Ms. Cladius, E. III, folio 266*.

герцога, какъ о не имѣющемъ себѣ равнаго въ цѣлой Англiи; золотой кафтанъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, доставшійся Джову Гонту, привлекъ на себя особенное вниманіе черни. Поднявъ это одѣяніе на пику, мятежники стали стрѣлять въ него изъ лука, въ надждѣ разнести по частямъ. Кафтанъ становился для нихъ воплощеніемъ отсутствующаго герцога, но, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — всѣ усилія были тщетны, кафтанъ мало потерпѣлъ. Тогда рѣшились замѣнить стрѣлы мечами и разрубили его на части *). Такому же истребленію подвергнута была посуда и украшенія; кубки ломались въ куски и выбрасывались въ Темзу, драгоцѣнныя ткани топтались ногами, кольца, застежки и другія украшенія подвергались портѣ съ цѣлью сдѣлать негодными для дальнѣйшаго употребленія. Всякое частное присвоеніе строго преслѣдовалось, и, хотя впоследствии передъ судьями, засѣдавшими въ Лондонѣ подъ главенствомъ лорда мэра, и представлено было обвиненіе въ томъ, что жена одного изъ предводителей крестьянскихъ бандъ, Юганна, переезжая черезъ Темзу похищенную во дворцѣ сумму въ тысячу ливровъ стерлинговъ и, достигнувъ Соусурка, раздѣлила ее со своими сообщниками, но присяжные поспѣшили признать такое обвиненіе ни на чемъ не основаннымъ **). Записанное Кнайтономъ преданіе гласитъ даже, что замѣченный въ воровствѣ крестьянинъ брошенъ былъ въ огонь со словами: «Мы — ревнители истины и справедливости, а не воры и разбойники». Если этому сообщенію и недостаетъ фактической достовѣрности, то оно какъ нельзя лучше рисуется общее настроеніе. Оно передано Вольсингамомъ словами: мещаники велѣли огласить, что никто не долженъ присваивать себѣ имущество герцога подъ страхомъ немедленнаго отсѣченія головы ***). Это обстоятельство не устранило, однако, возможности единичныхъ фактовъ укрывательства. Передъ судебною комиссіей въ Вестминстерѣ садовникъ Вильгельмъ, одинъ изъ служащихъ во дворцѣ герцога, обвиненъ былъ въ присвоеніи себѣ серебрянаго подноса и солонки, всего на сумму въ десять марокъ. Признанный главнымъ мятежникомъ (*principalis insurgentor*) и однимъ изъ виновниковъ похода крестьянскихъ ополченій на Савой, Вильгельмъ приговоренъ былъ къ повѣшанію ****). Разгромивъ дворецъ, толпа, въ которой Фруассаръ насчитываетъ двадцать тысячъ человекъ, зажгла его съ штырехъ сторонъ. Вольсингамъ считаетъ истребленіе Савоя результатомъ сознательнаго поджога *****). Не такъ смотритъ на дѣло Стау. Онъ передаетъ преданіе о томъ, что въ числѣ найденныхъ во дворцѣ имущества оказались

*) „Arreptum quoddam vestimentum pretiosissimum ipsius ducis, quale „jakke“ vocantur et impositum lanceae pro signo ad sagittas statuerunt“ etc. *Wolsingham*, т. I, стр. 457.

**) *Coram Rege Rolls*. De termino Sanctae Trinitatis, 5. R., II, c. Middlesex; de termino Sancti Michaelis, c. Middlesex. „Juratores dicunt super sacramentum suum quod predicta Johanna in nullo est culpabilis“.

**) *Wolsingham*, т. I, стр. 457; *Chronicon a monacho S.-Albani*, стр. 289.

****) *Coram Rege Rolls*. 5. R. II. De termino Sancti Hillarii, c. Middlesex.

*****) „Ignibus in gyro coniectis destructioni loci vacabant“ (vulgares Londoniarum).

три бочки съ порохомъ. Разведши костеръ, крестьяне стали бросать въ него что попало: пуховики, одѣяла, изъ которыхъ одно по оцѣнкѣ того же Стау стоило 1,030 марокъ. Въ числѣ прочихъ предметовъ полетѣли въ костеръ и бочки съ порохомъ, такъ какъ толпа думала, что онѣ содержатъ въ себѣ золото. Послѣдовалъ взрывъ и дворецъ разнесенъ былъ на части. Ни одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ не даетъ этихъ подробностей, но онѣ могли быть сохранены преданіемъ. Кнайтонъ въ свою очередь дѣлаетъ одно сообщеніе, которое, съ его словъ и безъ провѣрки съ прочими источниками, повторяется и у Стау. Тридцать два человѣка, — говоритъ онъ, — погнбло въ погребахъ дворца, пьяными, не способными стоять на ногахъ и выбраться въ-время на воздухъ. Въ теченіе семи дней слышны были ихъ вопи, но никто не успѣшилъ къ нимъ на помощь *). Отъ всего этого разсказа такъ отдаетъ школьною дидактикой, что позволено сомнѣваться, слышалъ ли его авторъ изъ устъ народной молвы, или придумалъ самъ въ назиданіе современникамъ. Вѣдь, еще въ XVII вѣкѣ, въ самый разгаръ пуританской революціи, печатались въ Лондонѣ тенденціозныя исторіи крестьянскаго возстанія 1381 года съ заглавіями, выдающими, какъ нельзя лучше, цѣли ихъ авторовъ. Одно изъ нихъ гласитъ: *Уотъ Тейлоръ—идолъ клоуновъ*. Что Стау всячески старался изобразить участниковъ крестьянскаго мятежа не только въ ненавистномъ, но и смѣшномъ видѣ, не покажется страннымъ тѣмъ, кто вспомнитъ, что другой, еще болѣе выдающійся современникъ Елизаветы, Вильямъ Шекспиръ, въ лицѣ Кэда, одного изъ дѣйствующихъ лицъ известной трагедіи *Генрихъ VI*, нарисовалъ полную карриатуру крестьянскаго вождя, въ которомъ свирѣпость соединяется съ тупостью и величайшимъ невѣжествомъ. Необходимо имѣть въ виду, что повторившаяся въ Норфолькѣ жакерія заставляла смотрѣть на движеніе 1381 года, какъ на событіе почти современное, исходъ котораго долженъ былъ служить предохранительнымъ урокомъ и для правительства, и для народа.

Къ этой цѣли клонились всѣ описанія; поэтому не удивительно встрѣтить подъ перомъ Стау преувеличенія, какихъ не находишь у дѣйствительныхъ очевидцевъ крестьянскаго движенія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ эти преувеличенія подрываютъ довѣріе къ свидѣтельствамъ историка, который болѣе всѣхъ другихъ пользовался въ своемъ изображеніи народными преданіями, не отмѣченными болѣе ранними лѣтописцами. Къ числу такихъ довольно цѣнныхъ, но не подлежащихъ провѣркѣ показаній надо отнести разсказъ о томъ, что по дорогѣ къ дворцу герцога ланкастерскаго толпа разгромила лежавшіе вблизи Лондонъ-Бриджа публичные дома, снимаемые у города на откупъ фламандцами, а также, что народныя банды обрушились на жилища ломбардцевъ и разнесли многія изъ нихъ съ цѣлью наказать ростовщиковъ. Обо всемъ этомъ нѣтъ ни слова ни у Мальверна, ни у Вольсингама, ни

*) *Knyghton. Ms. Claudius*, E. III, 267. Эвсгамскій монахъ ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ фактѣ. О немъ не говоритъ также Мальвернъ, т.-е. тѣ два лѣтописца, которые стояли всего ближе къ разсказываемымъ ими событіямъ.

у монаха Эвесгамского монастыря, ни въ тѣхъ обвиненіяхъ, какія предъявлены были судьямъ присяжными Сити и графствъ Сэрре и Мидельсекса. Тѣ же источники говорятъ, однако, объ избіеніи фланцевъ *). Въ томъ, что Стау передаетъ объ участи ломбардцевъ, нѣтъ, впрочемъ, ничего невѣроятнаго, такъ какъ не далѣе тридцать третьяго года правленія Эдуарда III тѣ же ломбардцы навлекли на себя вооруженное нападеніе со стороны мелочныхъ торговцевъ Сити. То, что имѣло мѣсто восьмого октября 1359 г. **), легко могло повториться и двадцать два года спустя, тѣмъ болѣе, что еврейскій кварталъ, по прозванію Old Jewery, въ которомъ избиты были ломбардскіе выходцы, сдѣлался несомнѣнно жертвою безпорядковъ и присяжнымъ пришлось включить въ число обвиненій и «измѣнническія дѣйствія, совершенныя нѣкоторыми гражданами города въ приходѣ св. Лаврентія in veteri Judaismo» ***).

Разнесши дворецъ герцога ланкастерскаго, толпа мятежниковъ направилась внизъ по Стренду и достигла, такимъ образомъ, адвокатской корпораціи Темплъ-Баръ. Зданіе составляло собственность магистра Іерусалимскаго ордена Роберта Гельсъ, ненавистнаго крестьянамъ лорда казначея, виновника, какъ они думали, недавней сдачи на откупъ поочажнаго сбора и не далѣе, какъ наванунѣ, отклонившаго короля отъ предложеннаго ему свиданія. Другая причина побуждала мятежниковъ произвести погромъ Темпля; вѣдь, это было гнѣздо легистовъ, хранилище всякаго рода юридическихъ актовъ, укрѣплявшихъ права собственниковъ на даровую службу крестьянства. Толпа разноситъ адвокатскія камеры, взламываетъ шкафы и жжетъ всё попадающіяся ей подъ руку бумага ****).

Достается и сосѣднимъ съ Темплемъ домамъ адвокатовъ и присяжныхъ на Стрендѣ и Гольборнѣ *****). Показанія судебныхъ протоколовъ подтверждаютъ въ этомъ отношеніи рассказъ историка Стау. И они говорятъ объ опустошеніяхъ, причиненныхъ въ четвергъ, на праздникъ Corpus Christi, какъ въ жилищѣ Вильяма Фрешо (Freschawe), гдѣ разбиты были окна и взломаны ларцы, а хозяйка дома «приглашена отсѣчь голову супругу», такъ и въ домахъ Роджера Леджъ въ приходѣ св. Андрея въ Гольборнѣ, за предѣлами, какъ значится, Темплъ-Баръ. Убытки оцѣнены присяжными въ сорочѣ фунтовъ.

Разгромъ частныхъ жилищъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что въ средѣ полчищъ, дѣйствовавшихъ на Стрендѣ и Гольборнѣ, были обыкновенные пре-

*) „Juratores dicunt quod Walterius Poddenele de London (et alii) fuerunt ad interfectionem diversorum... flandrensium“ (26 Junii, 5, R. II. Placita coram Roberto Treilian etc. *Assize Rolls*, case 13 c. Essex).

***) *Riley*: „Memorials of London“, стр. 302.

****) *Coram Rege Rolls*. 5, R. II. Michaelmas term., London.

*****) Кнайтонъ пишетъ: „Cistas in ecclesia sive in cameris apprenticiorum inventas regerunt et libros quoscunque inventas, sive ecclesiaticos, sive cartas et munimenta in cistis aprenticiorum securibus scindebant et in cibum ignis dederunt“.

*****) *Ibid.* „Domos quoque juratorum in civitate subverterunt“.

ступники. Наканунѣ, прежде чѣмъ подойти къ Блэкъ-Гису, кентскія ополченія разгромили по дорогѣ королевскую тюрьму Маршалси и выпустили заключенныхъ въ ней. Неудивительно послѣ того, если присяжные констатируютъ присутствіе въ полчищахъ, опустошавшихъ Стрендъ и Гольборнъ, воровъ и разбойниковъ, которые на ихъ языкѣ обозначаются терминомъ «*comites et notorii homines*». Замѣчательно, что во всѣхъ только что описанныхъ дѣйствіяхъ отмѣчено участіе и руководство уже упомянутого нами слуги герцога ланкастерскаго, садовника изъ Гольборна, котораго одни присяжные называютъ Вильгельмомъ, а другіе Робертомъ. Рядомъ съ нимъ упоминается и желѣзникъ Іоганнъ, родомъ изъ Рочестера въ графствѣ Кентъ, какъ одинъ изъ «*principales factores et ductores*» той великой толпы кентскихъ ополченцевъ («*magna societas malefactorum insurgentium de Kent*»), которая приняла участіе въ разрушеніи Савоя и Темплъ-Бара *).

Изъ послѣдняго чернь двинулась въ Клеркенуэлъ, преслѣдуя мысль о возмездіи лорду казначею «потомомъ и разграбленіемъ всего его имущества». «На разъѣздѣ шерифа» или такъ называемомъ *visus franci plegii* въ Клеркенуэлъ въ пятый годъ правленія Ричарда II присяжные показываютъ, что одинъ изъ подсудимыхъ, Томасъ Фарингдонъ (изъ Лондона), вмѣстѣ съ толпою мятежниковъ («*in comitiva dictorum malefactorum*»), продолжая свои измѣнническія и преступныя дѣйствія, по разрушеніи Савоя, отправился въ Темплъ-Баръ, а оттуда верхомъ вплоть до храма братьевъ Іерусалимскаго ордена въ Клеркенуэлъ въ графствѣ Мидельсексъ **). Такимъ образомъ, указанъ путь, какии кентскія дружины, постепенно двигаясь къ Вестминстеру, вносили опустошеніе въ лежащія на правомъ берегу Темзы кварталы. Это тотъ самый, каковой указанъ Бнайтономъ, Вольснгамомъ и Фруассаромъ. Послѣдній рассказываетъ, что домъ госпиталійцевъ сожженъ былъ до тла вмѣстѣ съ церковью и госпиталемъ, послѣ чего, проходя по улицамъ, крестьяне сносили головы встрѣчавшимся флананцамъ. Дома ломбардцевъ также были взломаны и хранившіяся въ нихъ деньги похищены. Въ числѣ жертвъ мы встрѣчаемъ и богатаго купца Ричарда Лайенсъ, у котораго, — говоритъ Фруассаръ, — Уотъ Тейлоръ нѣкогда былъ въ услуженіи во Франціи. Желая отомстить старую обиду (Фруассаръ говоритъ о побояхъ), Уотъ Тейлоръ приказываетъ отсѣчь голову Лайенсу, посадить ее на пилу и нести передъ ополченіемъ ***). Ничто не подтверждаетъ

*) См. *Coram Rege Rolls.*, 5. R. II. De termino Sancti Hillarii, c. Middlesex et de termino Sanctae Trinitatis, также c. Middlesex.

***) *Coram Rege Rolls.* De termino Paschae, 5, Ric. II, c. Middlesex. „Juratores in visu de Klerkenwellestrete in com. Middl. dicunt quod in festo Corpus C.“ 4, Ric. II. „Thomas Farynon de London fuit presens, auxiliari et consentiens ad combustionem et destructionem manerii Iohannis Ducis Lancastriae vocatum le Savoye et etiam ad fractionem et prosternacionem domorum de le Temple et etiam eodem die Jovis a predicto loco de le Temple in comitiva dictorum malefactorum tales prodiciones et elonias continuando equitavit usque ad ecclesiam Sancti Iohannis Ierusalem in Anglia vocatam Clerkeuvelle in comitatu Middlesex et ibidem fuit presens et participiens ad arandum et prosternandum onnes domos sancti Iohannis predicti“.

****) См. главу 137.

этих послѣднихъ данныхъ. Хотя они и могли быть записаны французскимъ летописцемъ со словъ очевидца *), но это не значитъ, чтобы послѣдній не могъ передать факты въ извращенномъ видѣ и чтобы Уоту Тейлору не приписана была большая инициатива и большее влияние на событія 15 июля, тѣмъ тѣ, какія принадлежать ему на дѣлѣ. Первые враждебныя дѣйствія противъ Ричарда Лайенса предприняты были не кентскими и эссекскими, а суффольскими ополченцами; еще въ среду разрушено было его имѣніе въ Лайстонѣ, причѣмъ разнесены окна, перегородки комнатъ и самая крыша **). Можно думать поэтому, что источникъ недовольства Лайенсомъ лежалъ въ Суффолькѣ или въ Эссексѣ; нѣтъ основанія связывать это убійство съ мстью Уота Тейлора, тѣмъ болѣе, что ничто не доказываетъ, чтобы Тейлоръ дѣйствительно когда-либо былъ въ услуженіи у Лайенса. Ненависть, внушаемая послѣднимъ, легко объяснима, разъ мы вспомнимъ осужденіе его парламентомъ за казнокрадство и полученное, благодаря подкупу, помилованіе. Но если свидѣтельство Фруассара ничѣмъ не подтверждается, то за то другія сообщаемыя имъ подробности воспроизводятся какъ английскими хрониками, такъ и вердиктомъ присяжныхъ въ пятый годъ правленія Ричарда II. Вольсингамъ также говоритъ объ избіеніи флананцевъ, но лишь на слѣдующій день, въ пятницу, и, притомъ, не въ Клеркенуэлѣ, а въ церкви августинцевъ ***), гдѣ они тщетно искали спасенія отъ преслѣдованій. Но въ судебныхъ протоколахъ прямо значитса, что Робертъ Гардинеръ изъ Гольборна, пришедши съ толпою въ Клеркенуэлъ, «*ibidem interfecit septem homines vocatos flemunges, quorum nomina designant die Jovis in festo Corpus Christi*» ****).

Не раньше вечера двадцатитысячный отрядъ кентскихъ ополченцевъ догоняетъ Тоуера *****) и располагается на ночлегъ въ северѣ св. Екатерины въ виду замка, въ которомъ малолѣтній король заперся съ совѣтниками. Въ то время, какъ часть ополченцевъ, разрушивъ Савой и Темплъ-Баръ, располагается на ночлегъ передъ Тоуеромъ, другіе въ тотъ же вечеръ продолжа-

*) Фруассаръ настаиваетъ въ 35 главѣ своихъ хроникъ, что сообщаемое имѣеть источникомъ свидѣнія, собранныя имъ самимъ вслѣдъ за движеніемъ крестьянъ 1381 года.

**) „Eodem die Mercurii in vigilia predicta ipsi malefactores predicti unanimo assensu et voluntate ibant simul ad quoddam manerium Ricardi Lyonis de London, in eadem villa de Lyston et ibidem hostia, fenestras et parietes domorum manerii fregerunt et tegulas de eisdem domibus verberaverunt et fregerunt et alia plurima ibidem fecerunt“. *Coram Rege Rolls*. 5, Ric. II. De termino Paschae, c. Suffolk.

***) T. I, стр. 462.

****) *Coram Rege Rolls*. De termino Sanctae Trinitatis 5, Ric. II, c. Middlesex.

*****) По показаніямъ Мальверна, осада Савой произведена была въ четвертомъ часу пополудни. *Highden*, т. IX, стр. 2. Затѣмъ послѣдовалъ погромъ Клеркенуэла, который тотъ же летописецъ относитъ къ „*postis serpensculo*“. Такимъ образомъ, ополченцы могли прибыть въ Нубегу только ночью и не удивительно, если рано утромъ слѣдующаго дня прибывшіе изъ Сентъ-Албана крестьяне еще находятъ ихъ расположенными стоянкой передъ дымящимися развалинами разрушеннаго помѣстья. См. г-т. сентъ-албанскаго монаха о дѣйствіяхъ аббатовъ, т. III, стр. 298.

ють свой погромъ имуществовъ, принадлежащихъ лорду казначею Роберту Гельсу. По сожженіи Клеркенуэля они идутъ за два льё отъ Сити въ по-мѣстѣ того же Гельса—Гебери *). По дорогѣ взламывается тюрьма Ньюгетъ и выпускаются заключенные. Стау относить къ четвергу и убійство Роджера Ледже, одного изъ главныхъ откупщиковъ поочажнаго сбора; онъ искалъ спасенія вблизи алтаря церкви св. Мартина (S. Martin Le Grand) Ворвавшіеся въ храмъ мятежники выводятъ его насильственно на улицу и въ Чипсайдѣ отсѣкають ему голову. Судебные протоколы подтверждаютъ фактъ убійства Ледже и говорятъ также о разгромѣ въ четвергъ его жилища въ приходѣ св. Андрея въ Гольборнѣ. Отвѣтственность за этотъ послѣдній фактъ возлагается присяжными на Вильяма, садовника изъ Вестминстера, и на предводительствуемую имъ банду **). Стау относить къ четвергу и сожженіе жилища мидлсекскаго подшерифа, Джона Ботевикъ; но изъ показаній присяжныхъ оказывается, что это воспоследовало въ пятницу, по инициативѣ нѣкоего Вильяма Печъ, одного изъ служащихъ подъ начальствомъ Ботевикъ. Присяжные называютъ его «clerk», т. е. шло-помъ ***).

Стау насчитываетъ до восемнадцати человекъ, сдѣлавшихся въ этомъ случаѣ жертвой кровавой расправы. Встрѣчая чиновниковъ на улицѣ крестьяне рубили имъ головы. Въ другихъ источникахъ не указано чис-л убитыхъ, но всё въ одно слово отмѣчаютъ то обстоятельство, что у крестьянъ не было другого вида казни, кромѣ отсѣченія головы ****).

Трудно думать, чтобы только что описанные погромы и убійства совершены были однѣми и тѣми же бандами. По всей вѣроятности, отъ главнаго корпуса, двигавшагося по направленію изъ Соусурка черезъ Лондонъ Бриджъ и Стрендъ въ Сити къ Тоуеру отдѣлялись меньшіе отряды и направлялись въ Клеркенуэль близъ Смисфильда и въ Гебери. На встрѣчу и въ подмогу имъ приходили ополченцы Эссекса и Мидлсекса самостоятельныя банды дѣйствовали въ Вестминстерѣ подъ начальствомъ такихъ лицъ, какъ уже упомянутый нами Вильямъ Гардинеръ *****). Присяжные и

*) Показаніе присяжныхъ сходится въ этомъ отношеніи со свидѣтельствомъ Кнайтона, говорящаго: „Manerium quoque de Hybery extra London distans per 2 leuca quod Robertus de Halys Prior de novo quasi alterum paradisum delicate construxit funditus destruxerant“. Apud Twysden, 2636. *Coram Rege Rolls*. De termino Pasche 5, Ric. II. Essex. „Juratores presentant, quod Thomas Faringdon de London die Corporis Christi fuit apud le Savoye cum comitiva predicta ad arsuram domorum ibidem et apud Clerkenwell et Heybury ad arsuras ibidem faciendas“.

***) *Coram Rege Rolls*. 5, Ric. II. De termino Sancti Hillarii, c. Middlesex.

****) Ibid. „Juratores diversorum hundredorum presentant quod Willielmus Peck clerk fuit insurrector et die Veneris proximo post festum C. X. Domos Johannis Botewyk apud Knyghtbrygge, Eye et Fohell in comitatu Middlesex felonice et traditorie combussit“.

*****) См. Кнайтона, Вольсингама, анонимаго аббата Сентъ-Албанскаго монастыря и Фруассара.

*****) *Coram Rege Rolls*. 5, Ric. II. De termino S. Hillarii, c. Middlesex. „Juratores diversorum hundredorum presentant quod W. Gardynere de villa Westminster cum aliis

разъ показываютъ, что тотъ или другой отрядъ пришелъ изъ Вестминстера или дѣйствовалъ въ Гольборнѣ, а лѣтописцы Сентъ-Албанскаго монастыря свидѣтельствуютъ, что въ пятницу прибывшіе изъ Сентъ-Албана крестьяне нашли въ Гебери близъ дымившихся развалинъ великолѣпной усадьбы, сравнимаемой современниками съ раемъ, значительный отрядъ ополченцевъ, проводившихъ здѣсь цѣлую ночь *).

Событія въ Лондонѣ въ пятницу.

Въ пятницу, слѣдующую за праздникомъ Тѣла Господня, возстаніе не только распространяется изъ Лондона до Сентъ-Албана, но и торжествуетъ въ самой столицѣ. Король принужденъ считаться съ заявленными ему требованіями, общаетъ отиѣну не только злоупотребленій, но и исторически сложившихся правъ, и допускаетъ народныхъ вожаковъ къ веденію съ нимъ переговоровъ о будущемъ устройствѣ государства. Оставляя до слѣдующей главы очеркъ событій, послѣдовавшихъ въ Сентъ-Албанѣ, я остаюсь въ настоящей на изображеніи дѣйствій мятежниковъ въ Лондонѣ. Утро застаётъ народныхъ ополченія расположенными въ разныхъ концахъ города: одни, тѣ самыя, которыя дѣйствовали наканунѣ противъ дворца герцога ланкастерскаго и Темплъ-Бара, устроились лагеремъ въ окрестностяхъ Тоуера въ скверѣ св. Екатерины; другія, расположенныя вблизи Олдгейтъ, занимаютъ за предѣлами столицы обширное поле, называемое Майлендъ. Не упоминаю о третьемъ отрядѣ, который, встрѣтившись съ крестьянами Сентъ-Албана и Барнета въ Гебери и столкновившись съ ними, идетъ на монастырь и принуждаетъ, какъ мы увидимъ впоследствии, аббата къ весьма серьезнымъ уступкамъ въ пользу своихъ подвластныхъ **). Съ позаранку полчища, стоявшія близъ Тоуера, посылаютъ сказать королю, что имъ необходимо имѣть съ нимъ личное свиданіе и что для этого онъ долженъ явиться въ Майлендъ, гдѣ находится главный корпусъ эсскскихъ дружинъ. При отказѣ они грозили,—нищеть монахъ Эвесгамскаго монастыря,—осадить Тоуеръ и разнести его, подобно другимъ замкамъ ко-

libris felonis domum ejusdam Andreae Tothesworth ad valenciam centum librarum in villa Westminster situatam prosternavit... et domos Rogeri Leget in parochia S. Andreae de Holborne extra barram Veteris Templi prosternavit... et quod die Jovis pro festo S. X. venit ad domum Willielmi Treshawe apud le Stronde in comitatu Middlesex et hostia et fenestras ac cistas ipsius Willielmi fregit* etc. Такимъ образомъ, составившаяся въ Вестминстерѣ банда подъ начальствомъ Вильгельма, одного изъ principalibus insurgentibus³, направляется въ Гольборнъ и Стрендъ.

*) *Gesta abbatum de monasterio Sancti Albani*, т. III, стр. 298. „Cum enim ventum fuisset non procul a Londoniis juxta praedium quoddam Magistri Hospitalis Sancti Johannis, cui nomen Heybury, vident ibidem quamdam multitudinem, quasi viginti millium rusticorum et communis vulgi, qui immisso igne in editissimas domos, quae jam ardebant inextinguibiliter nitabantur cum diversis instrumentis cuncta quae incendio dissolvi non poterant subvertere machinamentis solo tenus“.

*) См. *Wolsingham*, т. I, стр. 458.

роля и магнатов *). Король, значится у Кнайтона, хотя и имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ въ 150 или 180 хорошо вооруженныхъ воиновъ, тѣмъ не менѣе, отказался отъ мысли о сопротивленіи. Членовъ его отряда, — прибавляетъ лейчестерскій каноникъ, — обуялъ женскій страхъ, такъ что они не смѣли выйти изъ Тоуера. Желая спасти жизнь архіепископа и другихъ совѣтниковъ, надѣясь «извлечь ихъ изъ пасти волчій», Ричардъ II послалъ сказать черни, чтобъ она шла въ Майлендъ, куда онъ самъ придетъ для переговоровъ **). Далекое не всё ополченцы послушались приказа. Снарядивъ депутатовъ въ Майлендъ, большинство осталось передъ Тоуеромъ и, едва ворота послѣдняго были отворены, чтобы пропустить короля и немногочисленную свиту, какъ чернь ворвалась во дворъ и обратилась къ кровавой расправѣ.

Первыми жертвами народной ярости были архіепископъ, канцлеръ королевства Вильямъ де-Судбери, и лордъ казначей, пріоръ госпиталіицевъ Робертъ Гельсъ. Обоимъ отсѣкли головы. По свидѣтельству эвесгамскаго монаха, пятнадцать другихъ совѣтниковъ потерпѣли удары и раненія, тогда какъ остальнымъ удалось бѣжать. Голова архіепископа вслѣдъ затѣи на посмѣшище выставлена была на мосту, ведущемъ изъ Соусурга въ Стрендъ, на такъ называемомъ Лондонъ-Бриджѣ ***).

Мальвернъ говоритъ о присутствіи въ Тоуерѣ медика герцога ланкастерскаго, принадлежавшаго къ ордену миноритовъ или францисканцевъ, а также Іоганна Леджъ, королевскаго ключаря. Оба они раздѣлили участь архіепископа и пріора ****).

Наибольшія подробности о произведенныхъ въ Тоуерѣ убійствахъ даетъ Вольсингамъ. «Со страшными криками, — пишетъ онъ, — ворвалась толпа въ замокъ. Встрѣтивши одного изъ служителей, мятежники приказали ему вести ихъ къ мѣсту, гдѣ находился архіепископъ; имъ указали на дворцовую капеллу, гдѣ, отслуживъ литургію и принявъ причастіе, архіепископъ погруженъ былъ въ молитву. Увидавъ его, мятежники закричали: «Гдѣ предатель, гдѣ грабитель престонородья?— «Я вапъ архіепископъ, — последовалъ отвѣтъ, — но не измѣнникъ и не грабитель». Едва произнесены были эти слова, какъ вошедшіе уже набросились на свою жертву и, схвативъ ее, кто за руки, кто за голову или ноги, повлекли изъ храма на холмъ Тоуера. Раздался страшный гулъ и архіепископъ очутился среди обнаженныхъ мечей. Сохраняя полное присутствіе духа, онъ обратился къ толпѣ съ ласковыми словами: «Сыны дорогіе, что собираетесь сдѣлать, въ

*) *Historia vitae et generis Ricardi II a monacho quodam de Eveshamia consignata*. Эта лѣтопись, сохранившаяся въ двухъ экземплярахъ въ библиотекѣ Котона, нынѣ доставшейся британскому музею (Tiberius C. IX и Claudius B. 9), издана впервые Негле въ Оксфордѣ въ 1729 году.

***) Ms. Brit. Mus. Cotton. Tiberius C. VII и Claudius E. III, fol. 263, а также *Troyden*, стр. 2633.

****) См. *Hearnе*, стр. 26 и 27. *Вольсингамъ*, стр. 460, 461. *Кнайтонъ apud Troyden*, стр. 2635. *Фруассаръ* въ изданіи полного собранія его сочиненій, т. IX, стр. 403.

*****) *Higden*, т. IX, стр. 3.

чемъ грѣхъ мой передъ вами и за что хотите казнить меня? Бойтесь гнѣва Божьяго, бойтесь справедливой кары, которая постигнетъ васъ за убійство пастыря, священника и архіепископа. Помните, что за такое злодѣяніе вся Англія можетъ быть подвергнута интердикту». — «Не боимся ни интердикта, ни папы, — послышался отвѣтъ. — Подставь шею, чтобы мы могли отсѣчь голову вѣннику». Архіепископъ превлонилъ колѣни и подставилъ шею. Послѣдовалъ ударъ, который только ранилъ его. Приложивъ руку къ ранѣ, архіепископъ воскликнулъ: «Это перстъ Божій!» Его вторично ударили мечомъ по шеѣ, отсѣкли пальцы и перерѣзали артерію. Посыпались новые и новые удары по шеѣ и головѣ и архіепископъ умеръ, какъ мученикъ. Никто не посмѣлъ предать тѣло его землѣ, такъ что ночью, движимые корыстью, люди могли сорвать тайно съ его пальца епископскій перстень. Одновременно съ нимъ убиты Робертъ Гельсъ, магистръ іоаннитовъ, и государственный казначей Джонъ Леджъ *), одинъ изъ королевскихъ оруженосцевъ и близкій къ герцогу ланкастерскому францисканецъ».

Нужно ли говорить, что богатое красками описаніе Вольсингама не подтверждается ни однимъ изъ аналитовъ, ближе его стоящихъ къ событіямъ? Во всемъ разсказѣ проглядываетъ желаніе уподобить кончину Вильяма Судбери мартирологу Христа. Авторъ говоритъ, что сама жертва хотѣла приблизиться къ примѣру умирающаго Спасителя, молящагося за своихъ преслѣдователей **). Съ тою же цѣлью изобразить архіепископа, какъ святого, Вольсингамъ распространяется о чудесахъ, совершенныхъ надъ его могилой, объ исцѣленіи слѣпыхъ, о разрѣшеніи отъ бремени тройной жепщины, мучившейся въ родахъ, и т. п.

Все это заставляетъ думать, что въ начертанной сентъ-албанскимъ монахомъ картинѣ не мало прикрасъ. Современные источники во всякомъ случаѣ хранятъ упорное молчаніе о послѣднихъ минутахъ архіепископа. Фруассаръ довольствуется заявленіемъ, что Вильямъ Судбери только что отслужилъ обѣдню въ присутствіи короля. Жаждавшіе крови матежники овладѣли имъ и отсѣкли ему голову ***). Монахъ Эвесгамскаго монастыря, разсказъ котораго составленъ независимо отъ Вольсингама, не даетъ никакихъ подробностей о кончинѣ примаса. То же самое можетъ быть сказано и о Мальвернѣ.

Что же касается показаній присяжныхъ, то самый характеръ этихъ источниковъ устраняетъ мысль о возможности найти въ нихъ какія-либо данныя по интересующему насъ вопросу. Они ограничиваются краткимъ заявленіемъ, что тотъ или другой подсудимый были при убійствѣ архіепис-

*) Джонъ Мальвернъ говоритъ о Леджѣ, имя котораго онъ пишетъ слѣдующимъ образомъ Leeg, какъ о ключарѣ королевскомъ — *claviger regius*. *Highden*, т. IX, стр. 3.

**) „Ut plene videretur salvatorem moriendo sequi, qui patrem pro persecutoribus exoravit, flexis genibus collum ferienti supposuit“. *Ibid*, т. I, стр. 461.

***) „Il fu pris de ces gloutons et là tantos décollés“ (т. IX, *Oeuvres*, стр. 403).

скопа и пріора, или приняли въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Такъ, о Томасѣ Фарингдонѣ изъ Лондона говорится, что онъ былъ «*principalis causa mortis fratris Roberti Heales, prioris ecclesiae Sancti Johannis*» *), а о Джонѣ желѣзникѣ (*ferror*) изъ Рочестера, что онъ со своими сообщниками первый возложилъ руку на архіепископа кентерберійскаго Симона и на Роберта Гельсъ. Извлекиши ихъ изъ Тоуэра, Джонъ отдалъ приказъ объ отсѣченіи имъ головы **). Но всѣ лѣтописцы въ одно слово указываютъ на то, что головы убитыхъ носимы были какъ трофеи по улицамъ и выставлены на посмѣяніе на Лондонъ-Бриджѣ. Это свидѣтельство подтверждается и посланіемъ кентерберійскихъ канониковъ. «О ужасъ,— пишутъ они,—честную голову епископа носили по улицамъ съ крикомъ: вотъ голова предателя!» Епископскую корону пригвоздили къ его челу и въ такомъ видѣ выставили его на мосту, какъ измѣнника ***). Отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ показаніяхъ присяжныхъ, какъ и въ разсказахъ лѣтописцевъ о происшедшемъ въ Тоуэрѣ, ни словомъ не упоминается объ Уотѣ Тейлорѣ. Тотъ же Уотъ отсутствовалъ и при переговорахъ съ королемъ въ Майлендѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему нечего было бы требовать на слѣдующій день воспомненія дарованныхъ здѣсь вольностей. Изъ *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani* видно, что онъ въ пятницу занятъ былъ переговорами съ прибывшими изъ Сентъ-Албана крестьянами ****). Отсутствуетъ и другой народный предводитель, котораго монахъ Эвесгамскаго аббатства называетъ вторымъ послѣ Тейлора, Джонъ Стро.

Мы находимъ его въ пятницу утромъ вблизи сожженнаго наканунѣ помѣстья Гебери. Здѣсь онъ встрѣчается съ прибывшими изъ Сентъ-Албана ополченіями и принимаетъ отъ нихъ вѣрность въ вѣрности королю Ричарду и общинамъ Англіи *****). Эти факты существенно измѣняютъ нашъ взглядъ на характеръ того руководительства, какое историки обыкновенно признаютъ за двумя названными лицами.

Это, очевидно, были не болѣе, какъ начальники отдѣльныхъ бандъ, не имѣвшіе больше власти, чѣмъ та, какая одновременно принадлежала Джону

*) *Coram Rege Rolls* 5, Ric. II. De termino Pasche. (Middlesex).

***) *Ibid.* De termino Sanctae Trinitatis, c. Middlesex. „Juratores presentant quod Johannes ferror de Rouchester in commitatu cantiae et alii venerunt apud Turram London tanquam principales ductores et manus primo violenter in Simonem nuper Archiepiscopum Cantuariae et fratrem Robertum Hales nuper priorem Saucti Johannis Jerusalem in Anglia miserunt et eos extra Turram London traxerunt et decapitari preceperunt“.

****) *Wilkins: „Consilia“*, т. III, стр. 153. „Prioris et capituli Caent. Mandatum de nunciando excommunicatos eos qui interfecerunt archiepiscopum“. Сравни съ разсказомъ эвесгамскаго монаха, *Hearne*, стр. 27, и Мальверна. *Highden*, т. IX, стр. 4.

*****) *Ibid.*, т. III, стр. 300. Говоря о Гриндекобѣ, главѣ сентъ-албанскихъ заговорщиковъ, авторъ *Gesta* изображаетъ его намъ занятымъ въ пятницу переговорами cum Waltero, idolo rusticorum.

*****) *Ibid.*, стр. 298. Изъ сказаннаго видно, насколько произвольно заявленіе Фабіана, что Жакъ Стро отправился за королемъ въ Тоуэръ и повелъ его на свиданіе. *Fabyan Chronicles*, изданіе Ellis, стр. 530.

Шереръ, Джону Вроу, Томасу Меллеръ, Гобу Картеръ, которыхъ эвесгамскій монахъ называетъ «capitanei» или начальниками крестьянскихъ отрядовъ. Монахъ Сентъ-Албанской обители присоединяетъ къ этимъ именамъ еще рядъ другихъ (Іоганнъ Кяргби, Томасъ Скотъ, Рудольфъ Ругъ, Робертъ Вестбромъ, Іоганнъ Литстиръ *).

Не всѣ они дѣйствовали въ Лондонѣ; многіе, какъ, напримѣръ, Іоганнъ Вроу и Роджеръ Беконъ, заняты были въ Суффолькѣ и Норфолькѣ, Литстерь въ Гентингтонѣ, но въ числѣ находившихся въ столицѣ не мало было лицъ, готовыхъ дѣйствовать на собственный страхъ, не подчиняясь общему руководительству. Къ числу ихъ надо отнести не только убійцъ архіепископа и пріора госпиталійцевъ, но и тѣхъ, кто въ ту же пятницу, продолжая погромъ публичныхъ зданій и уничтоженіе архивовъ, отправились въ Гильдголь, центръ управленія Сити, и потребовали выдачи имъ городскихъ книгъ съ грамотами о вольностяхъ «ливрейныхъ гильдій», а также тѣхъ, кто въ тотъ же день совершили погромъ счетной палаты короля въ Мильдстритѣ и истребили хранившіеся здѣсь протоколы. Обо всемъ этомъ не говорится ни слова въ лѣтописяхъ. Но за то судебные реэстры изъ пятого года правленія Ричарда содержатъ въ себѣ довольно подробныя показанія лондонскихъ присяжныхъ о дѣйствіяхъ Вильгельма Трюмена **) и Вальтера-пивовара (brewere), которые во главѣ особыхъ отрядовъ разбѣжжаютъ по городу, штурмуютъ частные дома и публичныя зданія, жгутъ архивы и требуютъ выкуповъ.

Призванные къ дачѣ показаній передъ судебною комиссіей, заседающею въ Лондонѣ подъ предѣтельствомъ Вильяма Вольворса, бывшаго лорда-мера, присяжные 20 іюня 1382 года свидѣтельствуютъ, что въ пятницу, слѣдующую за праздникомъ Тѣла Господня, пивоваръ Вильямъ Трюмень остановилъ въ окрестностяхъ Ольдгетъ рыцаря Николая Брембръ въ то время, когда послѣдній верхомъ сопровождалъ короля, ѣхавшаго на свиданіе въ Майлендъ. Схвативъ лошадь за ноздри, онъ началъ выговаривать Брембру, жалуясь на обиды, причиненныя ему во время отправленія Брембромъ обязанностей лорда-мера ***). Въ тотъ же день Вильгельмъ Трюмень повелъ толпу на домъ Николая Брембра apud Le Riote и нанесъ ему многія обиды, грозя убить съ домочадцами. Брембръ согласился уплатить выкупъ въ пять марокъ золотомъ. Опять-таки въ пятницу особая банда подъ предводительствомъ Вальтера-пивовара набросилась на домъ Андрея Вернона, также пивовара, расположенный близъ верфи св. Павла. Хозяинъ откупается отъ престолощлага разгрома платежомъ трехъ солидовъ и четырехъ пенсовъ. Тотъ же Вальтеръ ведетъ толпу на Гильдголь, расположенный въ еврейскомъ кварталѣ въ приходѣ св. Лаврентія,

*) *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 810.

**) Очевидно, не фамилія, а прозвище, въ переводѣ вѣрный, надежный человѣкъ.

***) Николай Брембръ, принадлежавшій къ гильдіи оптовыхъ торговцевъ (Grosers), исполнилъ обязанности лорда-мера въ первый годъ правленія Ричарда въ 1378 году. *Fal an Chronicles*, изд. Ellis, стр. 529.

въ намѣреніи поджечь его *). Изъ показаній присяжныхъ, впрочемъ, трудно заключить, чтобы принесенный Вольтеромъ огонь предназначенъ былъ ни для чего другого, кромѣ сожженія нѣкоей, какъ они выражаются, древней книги, именуемой *Юбилей* (*liber vocatus le Jubyle*). Книги этой не оказалось въ Гильдголь и Вальтеру пришлось обратиться съ тѣмъ же запросомъ въ счетную палату въ Мильхстритъ, но и здѣсь ничего не было найдено, кромѣ счетовъ, которые тутъ же были разорваны на клочки и сожжены. Весьма вѣроятно, что эта книга, долженствовавшая, по мнѣнію Вальтера, заключать въ себѣ *constitutiones civitatis Londoniae*, на самомъ дѣлѣ вовсе не существовала. Мы знаемъ въ настоящее время, благодаря изданіямъ Рила, текстъ древнѣйшихъ книгъ Лондона: *liber albus*, *liber constitutum*. Ни одна изъ нихъ не отвѣчаетъ тому представленію, какое связано съ понятіемъ сборника городскихъ конституцій. Такого сборника въ дѣйствительности не было, а существовали разрозненные грамоты отдѣльныхъ королей, сообщавшія различныя привилегіи и опредѣлявшія порядоки внутренняго устройства Сити. Онѣ изданы нынѣ и ихъ содержаніе объясняетъ намъ причину, по которой не представленные въ городскомъ управленіи цехи и въ числѣ ихъ тотъ, къ которому принадлежалъ пивоваръ Вальтеръ, озабочены были мыслью объ ихъ истребленіи. Вѣдь, эти грамоты были фундаментомъ, на которомъ опиралось владычество лондонской олигархіи, тѣхъ двѣнадцати «ливрейныхъ компаній», которыя однѣ были допущены къ засѣданію въ большомъ совѣтѣ и начальники которыхъ составляли тѣсный совѣтъ лорда-мера, выбираемаго изъ ихъ же среды.

Въ 49-й г. правленія Эдуарда III народное собраніе или *parliamentum* одобрило предложенный ему проектъ, чтобы торговыя гильдіи взамѣнъ кварталовъ выбирали членовъ городского совѣта и однѣ участвовали въ въ назначеніи муниципальных властей **). Легко понять недовольство, какое такой порядоки долженъ былъ вызвать со стороны лицъ, лишившихся, благодаря ему, права голоса. Король нѣсколько лѣтъ спустя призналъ справедливость ихъ жалобъ и возвратилъ жителямъ округовъ право назначенія четырехъ выборныхъ въ большой совѣтъ ***).

Попытка пивовара Вальтера овладѣть муниципальными статутами Сити — не единственный примѣръ настойчиваго вымогательства крестьянскими ополченіями несуществующихъ документовъ. Въ ту же пятницу, какъ мы увидимъ вскорѣ, аббатъ Сентъ-Албанскаго монастыря долженъ былъ принести влятву въ томъ, что требуемые отъ него тексты старинныхъ соглашеній и вольностей жителей не имѣются въ монастырѣ; толпа не раньше согла-

*) „Et ibidem felonice portavit ignem secum ad comburendum“ etc. *Coram Rege Rolls* 5, Ric. II. Michaelmas term. London.

**) Смори *Norton*: „Commentarias to the history, constitution and chartered franchises of the City of London“, стр. 188.

***) Это случилось въ седьмой годъ правленія Ричарда II. Одновременно положенъ конецъ общимъ собраніямъ всѣхъ гражданъ Сити, этимъ удѣлѣвшимъ слѣдамъ древнихъ вѣчь или *folcmoots*.

слась отказаться отъ штурма, какъ послѣ выдачи ей письменнаго обязательства, что настоятель и его преемники никогда не будутъ пользоваться этими несуществующими грамотами противъ крестьянъ.

Праздникъ Тѣла Христова ознаменованъ также кровавою расправой съ флананцами, искавшими убѣжища въ церкви августинцевъ. Вольсингамъ упоминаетъ объ этихъ вѣзкуціяхъ, говоря: «Я слышала отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, что тринадцать флананцевъ (Flandrenses) исторгнуты были силой изъ церкви Августинскаго ордена, выведены на улицу и здѣсь всенародно преданы казни черезъ отсѣченіе головы». Та же судьба постигла и семнадцать другихъ флананцевъ въ нѣкоей приходской церкви, имя которой не указано лѣтописцемъ *).

Эта вторичная расправа показываетъ, что мятежники не подъ влияніемъ минуты, а систематически стремились извести иноземныхъ купцовъ, промышленниковъ и рабочихъ, видя въ нихъ опасныхъ конкурентовъ и виновниковъ пониженія заработка. Показаніе Вольсингама находить подтвержденіе не только въ текстѣ другихъ лѣтописей, напримѣръ, Фруасуара или монаха Эвесгамскаго монастыря, но и въ свидѣтельствѣ присяжныхъ, засѣдавшихъ съ ассизными судьями Робертомъ Трезиланомъ и Вильгельмомъ Морерсъ въ графствахъ Эссексъ и Гертфордъ. Они заявляютъ, что рядъ лицъ, ими специально поименованныхъ, въ сообществѣ эссекскихъ ополченцевъ продолжали истребленіе «вѣрныхъ слугъ короля, и въ числѣ ихъ флананцевъ», вплоть до субботы, слѣдующей за праздникомъ Corpus Christi **).

Въ ту же пятницу возстаніе распространяется и на сосѣднія съ Сити владѣнія аббатствъ Вестминстерскаго и Божіей Матери de Grace. Въ приходѣ Сѣверный Ламбесъ мятежь начать нѣкимъ Рудольфомъ, ремесленникомъ (craft), къ которому присоединяется Thomas Taillouge (портной); вокругъ нихъ собирается отрядъ мѣстныхъ уроженцевъ (homines de eorum communa). Ставъ во главѣ его, они присоединяются къ Вильгельму Пекъ, который съ другою бандой тѣснилъ одновременно Вестминстерское аббатство, стараясь проникнуть въ храмъ, гдѣ въ это время у могилы Эдуарда Исповѣдника, какъ у священнаго убѣжища, искалъ спасенія королевскій маршалъ Рикардъ Ниворсъ. Пренебрегая святостью мѣста, мятежники схватываютъ маршала, ведутъ его вонъ изъ храма и отсѣкаютъ ему голову ***). Тотъ же фактъ передается современнымъ лѣтописцемъ Джономъ Мальверномъ, который относить его, однако, къ слѣдующему дню, къ субботѣ, и сообщаетъ, что

*) *Wolseyngam*, стр. 462.

**) *Assize Rolls*, case 135, Ric. II, 26 die Junii apud Havering atte Boure.

*) *Coram Rege Rolls*. De termino Sancti Hillarii, c. Middlesez. „Juratores presentant quod Willielmus Pecche, simul cum aliis felonice et traditorie abbatiam sancti Petri Westminster intravit et Ricardum de Imworth marescallum domini Regis coram Rege apud Tumbam Sancti Edwardi Westmonasterii iacentem in oracionibus suis felonice et proditorie cepit et extra ecclesiam predictam ducit et ipsum felonice et proditorie interfecit“.

извлеченный изъ храма Рикардъ Имворсъ казненъ былъ всенародно въ Чисайдъ *).

Въ томъ же графствѣ Сэрре крестьяне королевскаго помѣстья Бенсингтона, подъ предводительствомъ лицъ, самое названіе которыхъ, — Вильгельмъ Сьюеръ, т.-е. воеводы, и Вильгельмъ Пенторъ или красильщикъ, — указываютъ на принадлежность къ числу мѣстныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, заставляютъ бальфа выдать имъ запись крестьянскихъ службъ и повинностей или такъ называемый *custumagium*. Подоспѣвшій на помощь отрядъ ламбесскихъ ополченцевъ поддерживаетъ это требованіе. Управитель (бальфъ) принужденъ исполнить его, но это не спасаетъ его отъ смерти. Одновременно съ этимъ убійствомъ слѣдуетъ и сожженіе всѣхъ бумагъ. Присяжные обозначаютъ ихъ словами *munimenta et evidentiæ*.

Въ то время, какъ названныя шайки стараются о распространеніи мятежа на сосѣднія съ Сити общины Сэрре, въ Мидельсексѣ происходитъ погромъ аббатства Грессель. Нѣкто Робертъ Гуль, корабельщикъ изъ Лондона, во главѣ эссекскихъ и кентскихъ ополченцевъ, со знаменемъ вламывается въ ворота аббатства и принуждаетъ настоятеля отправить съ нимъ монаха въ Лондонъ съ порученіемъ ввести крестьянъ во владѣніе многими землями обители. Одновременно Иоганъ, красильщикъ изъ Лондона, принадлежавшій къ той же бандѣ, открывъ въ покояхъ аббата укрывшагося фланца (*extraneus*, какъ называютъ его присяжные), требуетъ его выдачи и овладѣваетъ имъ силой.

Я не буду останавливаться на перечнѣ другихъ злодѣяствъ, причиненныхъ въ предѣлахъ Лондона и сосѣднихъ съ нимъ общинъ. Монахъ Эвсгамскаго монастыря какъ нельзя лучше передаетъ ихъ общій характеръ, говоря, что «лица духовнаго званія, чужеземцы, судьи, адвокаты, а также слуги герцога ланкастерскаго и чиновники подверглись преслѣдованіямъ мятежниковъ, которые при всякомъ удобномъ случаѣ сносили имъ головы» ***). Наибольше серьезный характеръ принялъ поддерживаемый лондонцами бунтъ крестьянъ Сентъ-Албанскаго аббатства, къ описанію котораго мы и перейдемъ въ настоящее время.

*) *Highden*, т. IX, стр. 4.

**) *Coram Rege Rolls*. De termino Sancti Hillarii 5, Ric. II, с. Middlesex. De termino S. Michaelis, с. Gurrey.

***) *Historia vitae et regni Ricardi II* (Hearne, Оксфордъ, 1729 г., стр. 24). Въ показаніяхъ присяжныхъ Лондона, Мидельсекса и Сэрре говорится не разъ объ экзекуціяхъ, произведенныхъ надъ частными лицами; иногда дѣло оканчивается одними угрозами, наприм., Томасъ Фарингдонъ, развѣзая въ окрестностяхъ Крепелгетъ въ приходѣ св. Эгидія, собираетъ разнести жилище Гильберта Принсъ-Маджра (*reputour*), но, въ концѣ-концовъ, не причиняетъ ему никакого зла. Но еще чаще, пользуясь захваченною въ свои руки властью, отдѣльные участники возстанія позволяютъ себѣ кровавую расправу съ врагами. Такъ поступаетъ, напримѣръ, нѣкій Томасъ Накъ изъ сотни Тенгамъ въ Кентѣ, убивая въ Майлендѣ Джемса Френча, очевидно, выходяща съ континента. *Archeologia Cantiana*, т. III, стр. 95.

Событія въ Сентъ-Албанѣ.

Возстаніе въ Сентъ-Албанѣ тѣмъ существенно выдѣляется изъ ряда кѣстныхъ мятежей, ознаменовавшихъ собою лѣто 1381 года, что стоятъ въ прямой исторической связи съ тѣми попытками, какія, начиная со времени Іоанна Безземельнаго, сдѣланы были жителями бурга и сосѣднихъ селеній съ цѣлью добиться не столько отмены крѣпостного права, сколько связанныхъ съ нимъ производительныхъ монополій: баналитета мельницъ, исключительнаго права помѣщика на воды и дѣса, на дороги, мосты и рынки, пользованіе которыми обложено было сборами въ пользу аббатства. Чисто-экономическая по своему характеру и вызвавшая ее къ жизни причинами вражда крестьянъ къ аббатству поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что съ каждымъ поколѣніемъ естественный ростъ хлѣбопашества и скотоводства, расширеніе района воздѣлываемыхъ и защищенныхъ полей и луговъ, сокращалъ исконныя права пользованія крестьянъ на пустошь и выгонъ и дѣлалъ болѣе или менѣе невозможнымъ прогонъ стадъ по нивамъ съ уборки до посѣва.

Нельзя сказать, чтобы отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ обострены были личнымъ недовольствомъ аббатомъ или братіей. Какъ мы сейчасъ увидимъ, вожаки крестьянства отдають полную справедливость мягкому обращенію монастырскаго начальства съ престономъ народьемъ и открыто соболѣзнуютъ о томъ, что обстоятельства ставятъ ихъ въ необходимость поднять противъ нихъ знамя возстанія. Со своей стороны настоятель, повидимому, признаетъ необходимость считаться съ нѣкоторыми изъ предъявленныхъ ему требованій и даже послѣ подавленія мятежа оставляетъ за крестьянами часть приобрѣтенныхъ ими вольностей.

Возстаніе вспыхнуло еще въ четвергъ, т.-е. вслѣдъ за приходомъ ополченій Кента и Эссекса въ Лондонъ. Началось оно не въ Сентъ-Албанѣ, а въ Диксуэлѣ, гдѣ въ это время засѣдали мировые судьи графства Гердфордъ. Какъ и повсюду, послѣдовали нападенія на лицъ, занятыхъ юридическою профессіей, истребленіе протоколовъ, обвинительныхъ актовъ и всякаго рода документовъ о правѣ собственности и владѣнія. Присяжные въ пятый годъ правленія Ричарда II показываютъ, что еще въ четвергъ на праздниѣ Тѣла Господня рядъ лицъ, въ числѣ ихъ Томасъ Ленъ изъ Вотфорда, ворвался въ ограду и въ жилище Іоганна Ледовика, королевскаго судьи, «посланнаго для сохраненія мира въ графствѣ». Въ слѣдующіе затѣмъ дни безпорядки въ Диксуэлѣ принимаютъ обычную форму вымогательства судебныхъ актовъ и протоколовъ. Но они связаны также съ нападениемъ и грабежомъ частныхъ жилищъ и требованіемъ выкуповъ отъ ихъ владельцев *). Пользуясь начавшимся по сосѣдству движеніемъ, крестьяне

*) „Presentatum quod Wilhelmus Fyppe simul cum aliis die veneris proximo post festum S. Ch. (4, Ric. II) venit ad domum Johannis Staute de Chesthunte et fregit die eadem domum et asportavit res suas“. *Coram Rege Rolls* 5, Ric. II. De termino Sanctae Trinitatis.

Сентъ-Албана въ ночь съ четверга на пятницу являются въ монастырь и, ставя на видъ настоятелю, что ополченія Эссекса и Кента уже вошли въ Лондонъ и оттуда грозятъ Сентъ-Албану, предложили пойти къ нимъ на встрѣчу и отклонить ихъ отъ похода на обитель. Аббатъ, какъ значится въ одновременно составленныхъ документахъ, по всей вѣроятности, предназначенныхъ служить обвинительнымъ актомъ для королевскихъ судей, повѣрилъ искренности заявленій и согласился отпустить крестьянъ въ Лондонъ для выслѣживанія того, что собираются сдѣлать ополченцы, а также для личныхъ переговоровъ съ ними.

Заручившись его согласіемъ, крестьяне идутъ въ числѣ пятисотъ человѣкъ сперва въ Барнетъ, зависимое отъ монастыря помѣстье, и здѣсь присоединяютъ къ своему корпусу значительную часть жителей, а потомъ въ столицу. Еще за два лѣ до Лондона они встрѣчаются съ кентскими ополченцами, въ числѣ двадцати тысячъ, вблизи развалинъ сожженнаго ими помѣстья Гебери. Здѣсь, вмѣсто того, чтобъ убѣждать мятежниковъ въ необходимости пощадить аббатство, они сами приносятъ въ руки одного изъ народныхъ вожаковъ Джона Стро обычную присягу въ вѣрности Ричарду и общинамъ Англии. Продолжая далѣе свой путь въ Лондонъ и отпустивши предварительно слугъ аббата, они въ церкви Божіей Матери «*de arcubus*» (съ арками) заводятъ рѣчь о томъ, чтобы воспользоваться обстоятельствами и потребовать отъ монастыря «тѣхъ вольностей, къ которымъ стремились ихъ родители во времена аббата Ричарда Валингфорда». Такъ какъ эта попытка окончилась пораженіемъ и крестьяне обязаны были выдать монастырю извѣстныя письменныя обязательства, для нихъ невыгодныя, то рѣшено также отобрать ихъ у настоятеля за одно съ прочими грамотами. Чтобы привести въ исполненіе задуманное, многіе изъ присутствующихъ предлагали обратиться непосредственно къ королю и просить о выдачѣ приказа, за собственною печатью, повелѣвающаго аббату вернуть вольности и права, потерянные ихъ предками во времена Генриха III.

Другіе же, болѣе рѣшительные, ссылаясь на то, что законы и суды уже потеряли свою силу, совѣтовали войти въ переговоры съ предводителемъ кентскихъ дружинъ Утомъ Тейлоромъ и просить его о поддержкѣ *). Въ пользу послѣдняго предложенія стоялъ въ особенности Гриндекобъ, котораго авторъ *Житія аббатовъ Сентъ-Албана* объявляетъ «вскормленнымъ, обученнымъ и всѣмъ обязаннымъ монастырю». Этотъ человѣкъ, очевидно, высшаго, если не общественнаго положенія, то воспитанія, «беретъ на себя руководство мятежомъ и вступаетъ въ переговоры съ Утомъ Тейлоромъ. Онъ же, по словамъ лѣтописца, получаетъ отъ короля обѣщаніе, что требованія крестьянъ поставлены будутъ имъ на видъ аббату.

Еще болѣе рѣшительнаго отвѣта можно было ждать отъ кентскихъ

*) См. *Gesta abbatum monasterii S. Albani*, стр. 289, 290, 297 и 298. Лѣтописецъ не разъ прерываетъ свой рассказъ для того, чтобы привести подлинныя документы процесса, напечатанныя на французскомъ языкѣ, еще обязательномъ въ то время въ судахъ.

ополченцевъ, и авторъ *Житій* не отступаетъ отъ свидѣтельства прочихъ источниковъ, когда говоритъ, что Уотъ Тейлоръ обѣщалъ Гриндекобу послать двадцать тысячъ человекъ въ поддержаніе крестьянскихъ требованій. Въ этомъ онъ сходится вполне съ Вольснгамомъ; оба влагаютъ въ уста Уота характерное выраженіе, что его сообщники «сдумѣютъ побрить бороды монаховъ, а если нужно, то и отсѣчь имъ головы» *).

Тейлоръ ставитъ условіемъ своего содѣйствія повиновеніе его волѣ и безусловное исполненіе всѣхъ данныхъ имъ приказовъ. Это послѣднее обстоятельство объясняетъ намъ причину, по которой въ послѣдующихъ переговорахъ съ королемъ онъ ставитъ требованія, заявленныя сентъ-албанскими крестьянами, и становится истолкователемъ желаній далеко не однихъ кентскихъ ополченцевъ. Говоря это, я имѣю въ частности въ виду его запросъ на счетъ отмены исключительныхъ правъ помѣщиковъ на обитателей воды и лѣсовъ, его ходатайство о свободѣ охоты и улова. Прежде чѣмъ Гриндекобъ и его сообщники успѣли осуществить свое намѣреніе, вернушіеся изъ Лондона слуги предупредили аббата о готовящейся измѣнѣ. Не теряя ни минуты, настоятель, четыре монаха и многіе изъ служителей, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, пустились въ бѣгство и разными окольными путями достигли помѣстья Тайнемусъ въ надеждѣ найти здѣсь убѣжище **). Это отсутствіе помѣстнаго начальства облегчило первыя дѣйствія мятежниковъ.

Гриндекобъ, успѣвшій предупредить жителей о предстоящемъ приходѣ кентскихъ дружинъ, прибылъ въ Сентъ-Албанъ вслѣдъ за бѣгствомъ пріора. Ему не трудно было убѣдить односельчанъ въ томъ, что настало время возмездія и торжества ихъ старинныхъ притязаній. Рядъ лицъ, помѣнованныхъ присяжными, все уроженцы Сентъ-Албана: булочникъ, ткачъ, слесарь, красильщикъ, портной, плотникъ ***) , т.-е. сливки мѣстной интеллигенціи, издають въ пятницу «прокламацію», въ которой призываютъ всѣхъ къ возстанію. Лѣтописцы особенно выдвигаютъ вѣвоего булочника Вадингдона, но въ судебныхъ протоколахъ стоятъ другія имена; ткачъ, портной, маляръ, рѣзчикъ и другіе ремесленники и мелкіе торговцы объявляются первыми возставшими (*primi insurrectores voluntarii*) ****).

Томасъ Пенторъ, будучи маляромъ, изготовляетъ знамя съ королевскимъ гербомъ, которое мятежники несутъ передъ собою при производствѣ своихъ иззекуцій *****). Пользуясь отсутствіемъ настоятеля, они разрушаютъ загороды, сносятъ ворота, закрывавшія доступъ въ епископскіе лѣса, и громятъ домъ аббатства, предназначавшійся для монопольнаго торга рыбой. Все это

*) См. т. I, стр. 469.

**) *Wolsingham*, стр. 469; *Gesta*, стр. 301; *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 301.

*) *Coram Rege Rolls*. De termino Sanctae Trinitatis 5, Ric. II.

** *) Petrus Webe de Halliwellstreet, Ricardus Lonyere, Ricardus Wintner, Thomas Paytour, Gilbertus taylour, Iohannes Tyler (ibid. de termino S. Trinitatis et de termino Sancti Michaelis).

*** *) *Coram Rege Rolls*. De termino Sancti Michaelis 5, Ric. II, c. Hertford.

происходить въ вечеръ пятницы, а въ слѣдующее затѣмъ утро назначено сборище въ одномъ изъ монастырскихъ лѣсовъ. На немъ рѣшено продолжать саморасправу, снося ущѣлѣвшія еще загороди, такъ чтобы отнынѣ частныя пастбища и роши аббатства поступили подь общій выпасъ.

Еще до прихода ополченій изъ столицы мѣстные вожаки дѣлаютъ призывъ къ оружію. «Они не дозволили даже лицамъ благородной крови, — жалуются историкъ *Житій*, — остаться у себя на дому и грозили лишити ихъ имущества и жизни. Отъ всѣхъ отобрана была клятва въ вѣрности королю Ричарду и общинамъ. Все это сдѣлано по совѣту Уота Тейлора *)».

Слѣдую старинному обыновенію, крестьяне требуютъ ввода ихъ во владѣніе охотами, общинными выпасами и лѣсами путемъ рукобитья и передачи древесной вѣтки, а чтобы символически изобразить приобретенную свободу охоты, они, привѣсивъ къ вѣхѣ ворону, водружаютъ ее среди сельской площади **). Распорядившись такимъ образомъ, мятежники вламываются въ тюрьму аббатства и освобождаютъ заключенныхъ.

Одинъ изъ послѣднихъ казней на мѣстѣ послѣ весьма суммарнаго разслѣдованія; другіе входятъ въ ряды ополченцевъ ***). Показанія лѣтописцевъ подтверждаются на этотъ разъ и судебными протоколами, которые ставятъ въ вину подсудимымъ, quod prisonam abbatis apud villam de Sancto Albano fregerunt et prosternaverunt. Между тѣмъ, подоспѣли ополченія изъ Лондона и помощь отъ поселенъ Барнета. Во главѣ отряда, прибывшаго изъ столицы, стоялъ уроженецъ Сентъ-Албана Ричардъ Валингфордъ. *Житія* называютъ его «maximus villanorum Sancti Albani». Судебные протоколы ставятъ рядомъ съ нимъ и нѣкогого Вильгельма Беревика. Тотъ и другой оставались въ Лондонѣ съ цѣлью добиться отъ короля писемъ, которыя бы приказали аббату выдать крестьянамъ якобы конфискованныя у нихъ старинныя грамоты. Эти письма, текстъ которыхъ приводится у всѣхъ и каждого изъ монастырскихъ лѣтописцевъ, гласили буквально слѣдующее: «... По просьбѣ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ изъ Сентъ-Албана приказываемъ вамъ выдать находящіяся у васъ на храненіи грамоты короля Генриха, которыми за жителями признается право общиннаго пользованія пастбищами и нивами по снятіи урожая, а также право улова рыбы и нѣкоторыя другія, спеціально въ нихъ обозначенныя». Грамота помѣчена пятнадцатымъ іюня.

Чтобы представить въ дѣйствительномъ свѣтѣ поведеніе короля въ данномъ случаѣ, надо имѣть въ виду, что за отсутствіемъ другихъ архивовъ, кромѣ помѣщичьихъ, всѣ документы, не исключая тѣхъ, на которыхъ опирались притязанія крестьянства, хранились у аббата. Король, какъ верховный сюзерень и глава судебного персонала, одинъ вправѣ былъ требовать выдачи грамотъ, необходимыхъ для судебного разбирательства. Предъявляя подобный запросъ, Ричардъ II не превышалъ, слѣдовательно,

*) См. *Gesta*, стр. 303.

**) *Ibid.*, стр. 303.

***) *Ibid.*, стр. 304.

своихъ полномочій и не подавалъ примѣра непослушанія законамъ. Но не такъ поняли дѣло крестьяне; они увидѣли въ королевскихъ письмахъ оправданіе собственнаго поведенія, а въ подоспѣвшихъ кентскихъ дружинахъ—рѣшительный залогъ близкаго торжества.

Сами эти дружины явились въ добромъ порядкѣ, предшествуемыя знаменами, изображавшими Георгія Побѣдоносца въ его битвѣ съ дракономъ. Объ этихъ vexilla говорятъ судебные протоколы *). Получивъ подкрѣпленіе, крестьяне идутъ на сосѣднее съ Сентъ-Албаномъ помѣстье и разносятъ гдѣ дома монастырскихъ служителей, а гдѣ собственные дома аббата. Эти наслія происходятъ въ субботу и воскресенье, причемъ, слѣдую обычной тактикѣ, матежники жгутъ архивы и уничтожаютъ записи натуральныхъ службъ и повинностей **). Погромы производятся не только въ Сентъ-Албанѣ, но и въ сосѣднихъ съ нимъ помѣстьяхъ, въ Кингстенгелѣ, въ Ашерутѣ, причемъ въ последнемъ отбираются документы, хранившіеся у мѣстнаго настоятеля ***). Ополченцы открываютъ убѣжище аббата и осаждаютъ его въ храмѣ, требуя выдачи имъ грамоты короля Генриха и грозя въ противномъ случаѣ разрушить всё монастырскія помѣстья и половину самаго аббатства ****). Но грамоты не оказывается и, несмотря на всё убѣж-

*) „Presentatum est quod Willielmus Berevik et Richardus Valingford venerunt de London cum uno vexillo usque villam de Sancto-Albano... Presentatum, quod Johannes Garlek et alii die sabbati venerunt de London cum uno vexillo usque villam de Sancto-Albano“. *Coram Rege Rolls. De termino Sancti Michaelis, 5. Ric. II, c. Hertford.* Сравни. *Wolsingham, т. I, стр. 472.*

**) „Presentatum est quod Johannes Tyler et alii simul cum aliis malefactoribus et dactis domini Ricardi perturbatoribus die veneris proximo ante festum Nativitatis Sancti Johannis Baptiste anno supradicto proditorie accipiendo eis regalem potestatem contra pacem domini Regis insurrexerunt et quemdam domum abbatis de Sancto Albano vocatum le Thworthoverhous apud villam de Sancto Albano proditorie fregerunt et prosternaverunt et dicitur, quod idem Johannes et alii simul cum aliis malefactoribus die sabbati tunc proximo sequente domos Roberti atte Chaumbre, Ricardi Stenayne et Johannis Clerk apud villam de sancto Albano proditorie fregerunt et prosternaverunt et dicitur, quod idem Johannes et omnes alii predicto die sabbati prisonem abbatis de Sancto Albano in Abbacia predicti abbatis existentem apud villam de Sancto Albano proditorie fregerunt et omnes personas in eadem prisona existentes coeperunt et abduxerunt“.

***) „Presentatum, quod Willielmus Wytton primo simul cum aliis proditoribus qui surrexerunt contra dominum Regem... surrexit apud Werkhapstede die dominica proximo post festum Corporis Christi anno regni regis Ric. II quarto et ab inde usque Asscherugge iverunt et ibidem libros, monumenta Rectoris de Asscherugge felonice et proditorie combusserunt et ab inde usque Kyngestangele iverunt malefactorie et contra ligeanciam suam ibidem Johannem Marlere de libero tenemento suo in eadem villa expellerunt“.

****) „Presentatum, quod Johannes Wayt de Sancto Albano surrexit die veneris... et dixit quod nunquam haberet propositum suum quousque prosternassent omnia maneria Abbatis Sancti Albani circa abbatiam existentes et medietatem dicte Abbacie... Presentatum quod Gilbertus Taillour de Sancto Albano die veneris proximo post festum Corporis Christi (4, R. II) surrexit... et dixit, quod si quis homo mortuus fuerit pro surrptione predicta quod tunc maneria abbatis de Sancto Albano comburarentur et abbatia predicta esset prosternata“.

денія настоятеля, крестьяне, заявляя о своемъ личномъ расположеніи къ нему *), все же соглашаются ждать лишь до слѣдующаго утра, и только потому, что не могутъ не сознать справедливости выставленнаго противъ нихъ соображенія, что послѣ вечерней службы не можетъ быть предпринято никакихъ дѣлъ. Аббатъ принужденъ на слѣдующій день съ амвона объявить, что взаменъ потерянныхъ грамотъ, по его мнѣнію, никогда не существовавшихъ, онъ выдастъ новыя, во всемъ согласныя съ желаніями крестьянъ. Не дожидаясь момента исполненія обѣщаннаго, мятежники взламываютъ монастырскія ворота и выносятъ изъ пріюта для богомольцевъ вставленные въ полъ жернова ручныхъ мельницъ; они доставлены были ихъ предками въ знакъ отказа отъ прежней вольности помола и подчиненія помѣщичьей монополіи. По словамъ автора *Житій*, толпа бьетъ эти жернова на части и распредѣляетъ куски между собою, «точно просфору», прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ **).

На слѣдующій день возставшіе, на этотъ разъ въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, подходятъ къ воротамъ монастыря, требуя рѣшительнаго отвѣта. Аббатъ обѣщаетъ клятвою подтвердить свое заявленіе о томъ, что въ рукахъ монастыря не имѣется никакихъ грамотъ о вольностяхъ жителей. Онъ согласенъ надѣлать ихъ новыми, по собственному ихъ указанію. Мятежники упорствуютъ въ прежнемъ. Въ толпѣ заходитъ рѣчь о томъ, что слѣдовало бы разнести главные ворота и разрушить самый монастырь. Именитымъ гражданамъ приходится заступиться за обитель и взять на себя посредничество. Отойдя отъ монастыря, толпа производитъ разгромъ частныхъ жилищъ и не столько расхищаетъ, сколько ломаетъ и истребляетъ найденную въ нихъ движимость.

Вожаки издаютъ манифесты, которыми запрещаютъ монахамъ выходить изъ обители и обѣщаютъ вознагражденіе изъ средствъ аббатства всѣмъ, кто не допущилъ жалованья или платы за товары. Авторъ *Gesta* рассказываетъ, что самъ аббатъ сдѣлался предметомъ частнаго вымогательства и что съемщикъ монастырскаго помѣстья въ Кингсбери (Kingsbury), не желая платить просроченной ренты, при поддержкѣ возставшихъ заставилъ настоятеля выплатить ему сто марокъ вознагражденія за то, что, какъ недоимщикъ, онъ нѣкоторое время отставленъ былъ отъ аренды помѣстья ***). Упоминаю объ этомъ фактѣ, такъ какъ въ немъ, какъ и въ суммарной расправѣ съ преступниками, срытін домовъ и истребленіи движимости, характерно выступаетъ притязаніе карать неправду и возстановить поруганныя частныя права.

Такъ проходятъ пятница и суббота и наступаетъ утро воскресенья, въ которое крестьяне и аббатъ извѣщены о печальномъ исходѣ кентскаго движенія, что вызываетъ въ одномъ надежду на скорое избавленіе, а въ дру-

*) *Walsingham*, т. I, стр. 474.

**) *Gesta*, стр. 309. *Walsingham*, т. I, стр. 475.

***) *Gesta*, т. IV, стр. 313, 314.

гихъ—большую противъ прежняго сговорчивость. Крестьяне соглашаются на получение новыхъ грамотъ и диктуютъ ихъ содержаніе монастырскимъ писцамъ. Текстъ грамотъ приведенъ въ *Житіяхъ* и какъ нельзя лучше знаменитъ насъ и съ причинами крестьянскаго недовольства, и съ тѣмъ чисто-экономическимъ характеромъ, какое имѣло вызванное имъ движеніе. Въ грамотѣ на имя крестьянъ Сентъ-Албана общается общинное пользованіе пастбищемъ (*communis pasturae*), свобода охоты (*quod quiete poterunt venari silvae*), право держать ручныя мельницы (*habeant molas manuales in domibus suis vel alibi*), а также право имѣть независимое отъ монастырскаго бальфа управленіе, такъ, чтобы служители аббатства и городское начальство не смѣли входить въ предѣлы селенія безъ полномочія короля *). Выдача грамоты сопровождается амнистіей за все содѣянное въ эпоху мятежа. Аббатъ снова даетъ присягу на святыхъ дарахъ, что грамоты о старинныхъ вольностяхъ не найдутся въ его обладаніи. Оживляя институтъ соприсяжн, предводители крестьянъ требуютъ, чтобы заявленіе настоятеля вклятенно было подтверждено двѣнадцатью старѣйшими монахами **). И въ другихъ монастырскихъ селеніяхъ крестьяне получаютъ приблизительно тѣ же вольности: въ Уотфордѣ и Кейшо право охоты и рыбнаго ловя, свободу отъ побора въ одинъ динарій за право варить пиво (*alepuru*), наконецъ, право владѣть ручными мельницами, не подчиняясь болѣе помѣщичьимъ баналитетамъ ***); въ Рикмерсворсѣ,—въ которомъ еще сохранилось крѣпостное право,—свободу земельныхъ держаній и возможность ихъ отчужденія съ переходомъ на новаго владѣльца установленныхъ рентъ и платежей взаменъ прежней барщины и обязательной подсудности помѣщику, а также сохраненіе правъ общиннаго пользованія топами и болотами; крестьянамъ Тренжъ—свободу отъ платежа пошлинъ, жителямъ Барнета—возстановленіе тѣхъ вольностей, какія признаны за ними грамотами Ричарда II. Эти послѣднія, по словамъ автора *Житій*, были результатомъ грубой поддѣлки. Жители, дома которыхъ расположены были на земляхъ аббатства и потому обложены поборами въ пользу монастыря, воспользовались, какъ онъ пишетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря страшной смертности 1348 года, не оставалось ни сенешала, ни второстепенныхъ управителей для вынужденія помѣщичьихъ платежей, и поддѣлали грамоты, удостовѣрившія ихъ свободу отъ подобныхъ поборовъ ****). Этими грамотамъ

*) „Item volumus et concedimus quod ballivus libertatis nostrae non intromittet se infra villam Sancti Albani sine brevi Domini Regis“. *Gesta*, стр. 320.

***) *Ibid.*, стр. 321 и 322.

****) „Et quod etiam libere et quiete habeant et gaudeant molas suas manuales in domibus suis toto tempore futuro. Et insuper de caetero non teneantur nec onerentur contra eorum voluntates ad molendina praedictorum abbatis et conventus infra Comitatum praedictum existentia blada nec braseum ibidem molere quovismodo“. *Gesta*, стр. 325.

*****) „Et falsi chartas liberas confecerunt temporibus pestilentialibus unus alteri quando pene nullus Senescallus aut Cellerarius supererat, vel saltem curaret de huiusmodi rebus transitoriis et caducis“. *Ibid.*, стр. 328.

противорѣчило содержаніе протоколовъ вотчиннаго суда, упоминавшихъ о взысканіи такихъ рентъ съ недомщиковъ. По этой причинѣ крестьяне потребовали сожженія этихъ свитковъ. И жители Редберна обратились къ аббату съ требованіемъ освободить ихъ отъ барщины и даровать имъ свободу охоты. На оба эти запроса аббать отвѣчала уклончиво. Уроженцамъ Барнета обѣщано исполненіе ихъ просьбы черезъ три недѣли, редбернцамъ объявлено, что имъ выдана будетъ грамота, во всемъ согласная съ тою, какую король даровалъ кентскому и эссекскому крестьянству.

Этого одного было достаточно, чтобы заставить жителей прекратить дальнѣйшее несеніе барщины и собственною властью снести загороди, препятствующія выпасу стадъ на монастырскихъ лугахъ *). Число всѣхъ селеній, участвовавшихъ въ мятежъ и связанныхъ клятвеннымъ обязательствомъ поддерживать взаимно другъ друга, по утвержденію крестьянъ Сентъ-Албана, было не менѣе 32 **). Всѣ воспользовались тою общемою освободительною грамотою, какую аббать обнародовала 17 іюня въ помощь соотвѣтствію съ королевскимъ патентомъ, отпускаяшимъ на волю крестьянъ Эссекса и Кента ***). Возстаніе торжествовало, такимъ образомъ, на всей линіи, благодаря искусному руководительству Гриндекоба, солидарной дѣятельности и поддержкѣ изъ Лондона. Но неудачный исходъ, какой, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣла революція въ столицѣ, отозвалась и на судьбѣ мѣстныхъ движеній, въ томъ числѣ и того, какое предприятие было подвластными монастырю крестьянами.

Движеніе въ центральныхъ графствахъ.

Хроника Мальверна, открытіе которой не только обогатило насъ еще неизвѣстнымъ прежнимъ историкамъ отчетомъ о революціи 1381 года, но и тѣмъ, что поистинѣ можетъ быть названо свидѣтельствомъ современника, указываетъ на любопытный фактъ: разсылая свои манифесты въ сосѣднія графства и призывая жителей ихъ на помощь, кентскіе и эссекскіе мятежники имѣли въ виду окружить Лондонъ со всѣхъ сторонъ кордономъ крестьянскихъ ополченій. Въ центральныхъ графствахъ призывъ услышанъ былъ не одними земледѣльцами, но и ремесленниками.

Во главѣ образовавшихся полчищъ оказался красильщикъ изъ Норвича Джонъ Листеръ. Въ его дружинѣ, которая, по словамъ Фруассара, достигла постепенно цифры пятидесяти тысячъ человекъ, были уроженцы разныхъ графствъ и городовъ, Стаффорда и Бедфорда, Кембриджа и Кингстона-на-Линѣ. Вся эта толпа двинулась по направленію къ столицѣ, производя по дорогѣ тѣ же буйства и погромы, какими ознаменовали себя крестьяне Кента и Эссекса. Подобно послѣднимъ, они особенно немилосердно относились къ лицамъ юридической профессіи. Мѣстное же начальство они угро-

*) Ibid., стр. 829.

***) Ibid., стр. 330.

***) Ibid., стр. 331

зани заставляли примкнуть къ себѣ и дѣйствовать по ихъ указаніямъ. Вольсингамъ, сухой разсказъ котораго въ значительной мѣрѣ расходится съ тою картинною передачей событій, какую мы встрѣчаемъ у Фруассара, въ то же время, даетъ намъ болѣе вѣрную точку зрѣнія на общій ходъ движенія и на причины, по которымъ этимъ новымъ полчищамъ не удалось достигнуть Лондона.

Первымъ дѣломъ дружинъ, предводимыхъ Листеромъ, было завладѣть личностью шерифа въ Суффолькѣ, по имени Вильямъ Уфорсъ. Заблаговременно извѣщенный объ ихъ намѣреніи, шерифъ, не докончивъ обѣда, бросается на лошадь и разными окольными путями, избѣгая жилья, достигать Сентъ-Албана. Отсюда, переодѣтый служителемъ нѣкоего Роджера де-Бойсъ, онъ спѣшитъ къ королю въ Лондонъ.

Отчаявшись захватить шерифа, мятежники осаждаютъ усадьбы другихъ сенборовъ: Вильяма Моръ, Джона Брюисъ, Стефана Гельсъ, которые, чтобъ избавиться отъ неминуемой смерти, даютъ требуемую присягу и слѣдуютъ за толпой, исполняя всякаго рода служебныя обязанности по отношенію къ ея предводителю Листеру. Вольсингамъ утверждаетъ, что Стефанъ Гельсъ, напимѣръ, поставленъ былъ въ необходимость разрѣзывать подаваемые за трапезой яства, причемъ Листеръ въ качествѣ предосторожности приказывалъ ему пробовать ихъ раньше другихъ. Одинъ Робертъ де-Саль не сумѣлъ скрыть своихъ настоящихъ чувствъ: онъ сталъ высказывать осужденіе тому, что происходило на его глазахъ. Такая откровенность и вызвала его гибель.

Этотъ весьма правдоподобный разсказъ въ устахъ Фруассара получаетъ чисто-эпическую окраску.

Лѣтописецъ говоритъ о богатырскомъ единоборствѣ Роберта де-Саль съ нѣкими сотнями мятежниковъ, которыхъ онъ крошитъ, подобно новому Роланду, истребляющему иновѣрцевъ. Если въ повѣствованіи Фруассара истина и является затемненною прикрасами, если историческіе факты изложены имъ невѣрно, за то какъ нельзя лучше схвачено общее настроеніе феодальнаго рыцарства по отношенію къ бунтующему крестьянству.

Вводимый имъ эпизодъ долженъ быть приведенъ цѣликомъ, такъ какъ никто изъ современниковъ, не исключая даже Гоуэра съ его *Vox Clamantis*, не передалъ удачнѣе въ вымышленномъ имъ, по всей вѣроятности, монологе Сала всю глубину презрѣнія, съ какимъ англійское дворянство смотрѣло на временно торжествующихъ поселянъ. По словамъ Фруассара, Робертъ де-Саль, который, замѣтимъ мимоходомъ, одинъ изъ среды англійскаго рыцарства имѣлъ смѣлость высказать въ лицо бунтарямъ то, что онъ думалъ объ ихъ поведеніи, по рожденію не былъ дворяниномъ. Онъ возведенъ былъ въ рыцарское званіе королемъ Эдуардомъ за доблесть на войнѣ и мудрость въ совѣтахъ. Въ описаніи Фруассара Саль является самымъ статнымъ и самымъ сильнымъ воиномъ королевства. Этой счастливой особенності приписываетъ лѣтописецъ желаніе инсургентовъ поставить его во главѣ своихъ ополченій. Проходя близъ Норвича, полчища Ли-

стера посылаютъ сказать Салю, исполнявшему здѣсь обязанность военнаго начальника, чтобъ онъ немедленно прибылъ въ ихъ среду, иначе они осадятъ и сожгутъ городъ. Саль, рѣшивъ, что лучше подчиниться временно ихъ волѣ, чѣмъ ввергнуть въ бѣду гражданъ, садится на коня и безъ провожатыхъ выѣзжаетъ на встрѣчу ополченію; онъ принятъ съ большими почестями и приглашенъ слѣзть съ лошади. Исполнивъ это желаніе, Саль поставленъ въ необходимость выслушать изъ устъ мятежниковъ самыя лестныя отзывы о своей «всему міру извѣстной доблести». Говорящій отъ имени ополченцевъ настаивалъ, между прочимъ, на томъ, что Саль не рожденъ дворяниномъ: «Ты изъ крѣпостныхъ, согласишься же дѣйствовать заодно съ нами, и мы поставимъ тебя надъ собою и сдѣлаемъ такимъ могущественнымъ сеньоромъ, что четверть королевства будетъ въ твоёмъ распоряженіи». Когда, — прибавляетъ Фруассаръ, — Саль услышалъ эти рѣчи, онъ вскипѣлъ гнѣвомъ. Не въ его духъ было согласиться на подобную сдѣлку. Бросивъ на окружающихъ взглядъ, полный бѣшенства, онъ сказалъ имъ: «Назадъ, негодяи и подлые измѣнники! Ужь не думаете ли вы, что я покину моего природнаго государя ради такой дряни, какъ вы? *). Стану я изъ-за васъ безчеститься, когда мнѣ всего дороже, чтобы вы всё были перевѣшаны, что и случится съ Божьею помощью!»

Сказавъ это, рыцарь захотѣлъ вскочить на коня, но не попалъ въ стремя. «Къ смерти, къ смерти!» — раздался крикъ вокругъ него. Услышавъ это, Саль далъ волю своему коню, выхватилъ славную длинную шпагу, вывезенную имъ изъ Бордо, и началъ пробивать себѣ дорогу. Чудное зрѣлище представлялъ онъ въ эту минуту: никто не смѣлъ подойти къ нему. Если же кто рѣшался на это, онъ каждаымъ ударомъ отсѣкалъ кому руку, кому ногу, кому голову.

«Совершалъ сеньоръ Робертъ такія чудеса, что можно было только удивляться. Но число негодяевъ было сорокъ тысячъ и они направили съ разныхъ сторонъ. Будь онъ даже изъ желѣза или стали, ему все равно предстояло быть побѣжденнымъ. Прежде чѣмъ насталъ его конецъ, Салю удалось убить, однако, двѣнадцать человекъ, не считая раненыхъ. Въ концѣ-концовъ, онъ брошенъ былъ на землю. Ему отрѣзали ноги и руки и разсѣкли его на мелкіе куски. Узнавъ объ этомъ, рыцари и оруженосцы Англіи вознегодовали сильно» **).

Таковъ рассказъ Фруассара. Посмотримъ теперь, что говорить объ исходѣ движенія Вольсингамъ. «Когда, — пишетъ онъ, — крестьяне нѣсколько устали отъ своихъ подвиговъ, рѣшено было послать къ королю Вильяма Мора и Юганна Брюссъ за грамотами о вольностяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія дарованы были эссекскимъ и кентскимъ ополченцамъ. Любопытно, что крестьяне предлагать возможность полученія этихъ грамотъ за деньги и снабжаютъ поэтому своихъ посланцевъ большою суммой, взысканною ими съ города Нор-

*) „Pour tell merdaille, que vous-estes“.

***) *Фруассаръ*, т. IX, стр. 407 и слѣд.

вѣча въ качествѣ выкупа. Прибывъ въ Виджингамъ, полчища Листера встрѣчаются съ молодымъ епископомъ норвичскимъ Генрихомъ де-Спенсеръ. Вольсингамъ рисуется его подобіемъ витязя, ополчившагося на бунтарей и рѣшившаго ихъ истребленіе. По его словамъ, слухъ о буйствахъ народной черни достигъ до епископа въ Стафордширѣ, гдѣ лежало его помѣстье Берле, расположенное невдалекѣ отъ королевскаго замка Окамъ. Онъ тотчасъ же собралъ небольшую кучку смѣлыхъ воиновъ, казнилъ для примѣра двухъ солдатъ, которые считались ненадежными, и, надѣвъ на себя недоступные для стрѣлъ шлемъ и панцырь, отправился на встрѣчу дружинѣ Листера. По дорогѣ стали стекаться подъ его знамена рыцари и сквайры, такъ что отрядъ его быстро возросъ. Но громадное большинство было все же на сторонѣ ополченцевъ. Тѣмъ не менѣе, различіе въ оружіи было столь значительно, что крестьяне не рѣшились напасть первыми и предпочли выдержать осаду. Окруживъ себя ровомъ и устроивъ за нимъ подобіе баррикады, они съ одной изъ сторонъ защитили себя телѣгами и обозами.

Епископъ рѣшился на атаку, прогналъ ополченцевъ съ занятой ими позиціи и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но подводы и обозы затруднили отступление; большинство было задержано и Листеръ повѣшенъ на мѣстѣ, послѣ чего отсѣченная голова его посажена была на пику *).

Князъ, повѣствуя о тѣхъ же событіяхъ, довольствуется заявленіемъ, что Генрихъ Спенсеръ, епископъ норвичскій, встрѣтилъ полчища Листера, напалъ на нихъ и разсѣялъ **).

Въ ряду другихъ движеній, ознаменовавшихъ собою то, что привыкли называть возстаніемъ Уота Тейлора, кембриджское носитъ на себѣ особый отпечатокъ. Заодно съ сентъ-албанскимъ его можно привести въ доказательство той мысли, что событія 1381 года имѣли многообразныя причины и не преслѣдовали исключительно цѣли крестьянскаго освобожденія.

Всѣ недовольные, всѣ, кто такъ или иначе страдалъ отъ монополій и привилегій, — будутъ ли ими исключительныя права, присвоенныя земельнымъ собственникамъ, корпораціямъ ремесла и торговымъ гильдіямъ, городскимъ магистратамъ или университетскимъ коллегіямъ, — спѣшили воспользоваться временнымъ упадкомъ правительственной власти для восстановленія своихъ, какъ они выражались, исконныхъ вольностей, т. е. тѣхъ порядковъ экономической свободы, которая существовала въ Англии вѣка назадъ, въ эпоху, когда зарождавшееся помѣстье еще не успѣло конфисковать въ свою пользу правъ сельскаго міра, гильдій и цехи, не получившіе особаго разрѣшенія короля, считались незаконнорожденными, городской сходъ не сложилъ съ себя всѣхъ полномочій въ пользу тѣсныхъ олигархическихъ совѣтовъ и основанныя въ Кембриджѣ и Оксфордѣ университеты и коллегіи не посягали на права муниципальнаго самоуправленія.

Когда какъ въ Сентъ-Албанѣ движеніе приняло характеръ протеста

* Т. II, стр. 5, 6 и 7.

** *Annals of the Reformation*, стр. 2638.

противъ помѣщичьихъ монополій и сокращенія общинныхъ угодій, а въ Лондонѣ и Ярмутѣ дѣло шло объ отиѣнѣ цеховыхъ преимуществъ и односторонняго господства гильдейской знати, въ Кембриджѣ предметомъ нападокъ сталъ университетъ, а въ рядахъ агитаторовъ очутились мэръ, бальфы и все самоуправляемое гражданство города. Ходъ событій переданъ вратцѣ въ петиціи, предъявленной канцлеромъ университета парламенту, созданному въ пятый годъ правленія Ричарда II.

Въ субботу, слѣдующую за праздникомъ Тѣла Господня, городскія власти съ общаго согласія вышли, по словамъ петиціонеровъ, на встрѣчу почищамъ Листеря. Свиданіе воспослѣдовало въ окрестностяхъ госпиталя Шенгэ, а переговоры открылись въ домѣ нѣкоего Томаса Гесельдона. Въ тотъ же день городскими властями избранъ былъ въ предводители недовольныхъ Жакъ Гранчеспоръ и вмѣстѣ съ братомъ возведенъ въ званіе свободнаго гражданина. Ночью толпа мятежниковъ разнесла домъ университетскаго служителя (педела) Вильяма и осадила колледжъ *Corpus Christi*. Онъ основанъ былъ герцогомъ ланкастерскимъ и ненависть къ послѣднему объясняетъ причину, почему изъ всѣхъ другихъ этотъ колледжъ первый сдѣлался предметомъ разгрома. Въ его архивѣ найдены были, разумѣется, грамоты, ренты и счета помѣстныхъ управителей; все это было уничтожено или унесено вмѣстѣ съ имуществомъ. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье горожане открываютъ ворота сельскимъ бандамъ и, дѣйствуя заодно съ ними, заставляютъ университетскія коллегіи отказаться отъ вольностей и преимуществъ, обезпеченныхъ имъ Ричардомъ II и его предшественникомъ. Они присуждаютъ университетское управленіе къ уплатѣ трехъ тысячъ ливровъ въ пользу города, въ возмѣщеніе убытковъ, якобы причиненныхъ ему несправедливыми процессами.

Не довольствуясь этимъ, они заставляютъ канцлера выдать имъ королевскія грамоты за большою печатью, которыми признавались привилегіи университета. Эти грамоты изрѣзаны на куски и всенародно сожжены на городской площади. Несмотря на изданіе королею приказа о сохраненіи мира, городскія власти, собравши большой митингъ на Гринъ-Крафтѣ близъ Кембриджа, направились оттуда въ пріоратъ Берневель, сломали его ограду, вырубали деревья и унесли ихъ съ собою. Въ отвѣтъ на это обвиненіе мэръ и бальфы сперва тщетно отстаиваютъ свою неподсудность парламенту, а затѣмъ стараются сложить всю отвѣтственность на «измѣнниковъ» изъ Эссекса, Гертфорда и Кента, прибывшихъ, какъ они говорятъ, громадною толпой въ городъ, а также на небольшое число мятежниковъ изъ городского простонародья. «Такъ какъ,—говорятъ они,—эти лица, за исключеніемъ бѣжавшихъ, были задержаны и преданы смерти по распоряженію городского начальства, то, очевидно, мэръ и бальфы въ происшедшемъ винны не имѣютъ». «Но,—возражаютъ имъ,—для чего же въ такомъ случаѣ вы удержали въ своихъ рукахъ отобранныя у университета грамоты? Почему вы заставили канцлера признать письменно, что онъ и все университетское управленіе намѣрены подчиниться огненнымъ зако-

намъ государства и мѣстными обычаями Кембриджа? Почему также принудили вы ихъ къ отказу отъ всякихъ дальнѣйшихъ тяжбъ съ городомъ?»

На это трудно было что-либо отвѣтить. Спрошенные о томъ, готовы ли они отдать себя на милость королю, мэръ и члены муниципалитета объявляютъ, что король можетъ поступить съ вольностями города, какъ заблагоразсудитъ. Вслѣдъ затѣмъ правительство, пользуясь исконнымъ правомъ вѣшательства въ хозяйственное управленіе городовъ и бурговъ, объявляетъ привилегіи Кембриджа конфискованными и, извлекая изъ случившагося возможную выгоду для своей казны, переносятъ на университетскія власти часть функций, прежде предоставленныхъ муниципалитету, подъ условіемъ ежегоднаго взноса десяти фунтовъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ университета сосредоточивается контроль за продажей хлѣба, вина и пива по установленной цѣнѣ, контроль за мѣрами и вѣсами, преслѣдованіе скупщиковъ и наказаніе всѣхъ тѣхъ, кто продаетъ мясо, рыбу и вообще всякую провизію дурного качества. Этими привилегіями, значитъ въ королевскомъ пожалованіи, уже пользуется Оксфордскій университетъ. Сокращая хозяйственную автономію города, король не только не уменьшаетъ платимыя муниципалитетомъ откупы въ 10 марокъ, но еще увеличиваетъ его на четыре новыя марки; онъ приказываетъ, въ то же время, вернуть въ руки канцлера грамоты о привилегіяхъ и отказаться отъ выданныхъ въ пользу города обязательствъ *).

Такъ кончилось кембриджское движеніе, только косвенно связанное съ общимъ возстаніемъ и лишній разъ доказывающее совершенную произвольность того названія, какое историки придали революціи 1381 года, окрестивъ ее именемъ Уота Тейлора. О немъ не заходитъ и рѣчи въ Кембриджѣ и никому не приходитъ въ голову считать происходящее здѣсь выполненіемъ приказовъ, отданныхъ въ Лондонѣ и входящихъ въ составъ общаго плана дѣйствій, выработаннаго однимъ человѣкомъ или даже небольшою группою лицъ, столбовавшихся о томъ, что необходимо въ интересахъ общественнаго равенства и торжества престоноародья.

Максимъ Ковалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г а м л е т ь *).

IV.

Хотя въ *Гамлетъ*, въ отличеніе отъ прежнихъ драмъ Шекспира, сказано въ прямой формѣ весьма многое, исходящее изъ тайниковъ душевной жизни самого поэта, онъ все же счумѣлъ въ совершенствѣ выдѣлать изъ себя образъ героя и самостоятельно поставить его. Изъ своихъ собственныхъ свойствъ онъ далъ ему неизмѣримую глубину, за всѣмъ тѣмъ, онъ сохранилъ ситуацію и обстоятельства въ томъ видѣ, какъ они перешли къ нему отъ его источниковъ. Нельзя, конечно, отрицать, что, вслѣдствіе этого, онъ натолкнулся на затрудненія, которыя ему отнюдь не удалось преодолѣть вполне. Старинное сказаніе съ его грубыми контурами, его средневѣковымъ кругомъ представленій, его языческими и присоединившимися позднѣе католически-догматическими элементами, его воззрѣніемъ на кровавую месть, какъ на безусловное право, — болѣе того, какъ на долгъ индивидуума, — само по себѣ не особенно согласовалось съ богатыми мыслями, грѣзами и чувствами, которыми Шекспиръ надѣлилъ внутреннюю жизнь героя этой фабулы. Между главнымъ лицомъ и обстоятельствами возникъ нѣкоторый диссонансъ: королевскій сынъ, стоящій въ интеллектуальномъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ Шекспиромъ, видитъ призракъ и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. Принцъ эпохи Возрожденія, прошедшій курсъ заграничнаго университета и имѣющій склонность къ философскимъ мечтаніямъ, молодой человѣкъ, пишущій стихи, занимающійся музыкой и декламацией, фехтованіемъ и драматургіей, и, какъ драматургъ, являющійся даже мастеромъ, — въ то же время, занятъ мыслью о личномъ совершеніи кровавой мести. Мѣстами въ драмѣ открывается какъ бы пропасть между обочкой дѣйствія и его ядромъ.

Но съ своимъ гениальнымъ взоромъ Шекспиръ счумѣлъ, впрочемъ, какъ разъ воспользоваться этимъ диссонансомъ и извлечь изъ него выгоду. Его Гамлетъ вѣрять въ привидѣніе и сомнѣвается. Онъ внимаеть призыву къ

*) *Georg Brandes*: „William Shakespeare“. Andet Bind. Kjöbenhavn, 1895. *Русская Мысль*, кн. VIII.

ишенію и медлить исполнить его. Большая доля глубокой оригинальности этого образа и значительности драмы почти сама собою вызывается этимъ раздвоеніемъ между средневѣковымъ характеромъ фабулы и принадлежащею къ эпохѣ Ренессанса натурой героя,—натурой столь глубокой и многосторонней, что она носить до нѣкоторой степени отпечатокъ современности.

Въ томъ видѣ, въ какомъ образѣ Гамлета отлился подъ конецъ въ фантазіи Шекспира и въ какомъ онъ живетъ въ его драмѣ, онъ является однимъ изъ весьма немногочисленныхъ вѣковѣчныхъ образовъ въ искусствѣ и поэзіи, которые, на ряду съ одновременно созданнымъ Донъ-Кихотомъ Сервантеса и разработаннымъ 200 лѣтъ позднѣе Фаустомъ Гёте, ставятъ поколѣнію за поколѣніемъ задачи для разрѣшенія и загадки для разгадыванія. И если сравнить эти двѣ безсмертныя фигуры, Гамлета (1604 г.) и Донъ-Кихота (1605 г.), то Гамлетъ несомнѣнно окажется наиболѣе таинственнымъ и интереснымъ изъ нихъ. Донъ-Кихотъ находится въ союзѣ съ прошедшимъ; онъ наивный рыцарскій духъ, пережившій свой вѣкъ и среди разсудочнаго, прозаическаго времени раздражающей всѣхъ и cadaго своимъ энтузіазмомъ и дѣлающей общимъ посмѣшищемъ; у него твердо очерченный, легко-уловимый профиль карикатуры. Гамлетъ находится въ союзѣ съ будущимъ, съ новѣйшею эпохой; это—пытливый, гордый умъ и съ своимъ возвышенными, строгими идеалами онъ стоитъ одиноко въ обстановкѣ испорченности или ничтожества, долженъ скрывать свое завѣтное „я“ и всюду возбуждаетъ негодованіе; у него непроницаемый характеръ и постоянно мѣняющаяся фізіономія гениальности. Знаменитое объясненіе Гамлета, данное Гёте въ четвертой книгѣ *Вильгельма Мейстера* (глава XIII), клонится къ тому, что здѣсь великое дѣяніе предписано душѣ, не имѣющей силъ его совершить. «Въ драгоценную вазу, которая должна бы принимать въ свое лоно лишь прелестныя цвѣты, здѣсь посадили дубъ; корни его расплзаются, ваза разбивается. Прекрасное, чистое, благородное, въ высшей степени нравственное существо, но безъ физической силы, дѣлающей героя, погибаетъ подъ тяжестью бремени, которое оно не способно ни нести, ни спяхнуть съ себя».

Объясненіе умно, глубокомысленно, но не совсѣмъ вѣрно. Мы слышимъ въ немъ духъ гуманитарнаго періода, видимъ, какъ онъ пересоздаетъ по своему образу фигуру эпохи Возрожденія. Гамлетъ не такъ ужъ безусловно «прекрасенъ, чистъ, благороденъ, въ высшей степени нравственъ»,—онъ, говорящій Офеліи, поражающія своею правдой, незабвенныя слова: «Я самъ, пополамъ съ грѣхомъ, человекъ добродѣтельный, однако, могу обвинять съ я въ такихъ вещахъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться». Такая флза, какъ эта, заставляетъ казаться приторными прилагательныя Гёте. И авда, тотчасъ же послѣ этихъ словъ Гамлетъ приписываетъ себѣ дурныя свойства, которыхъ у него нѣтъ вовсе, но этотъ отзывъ о себѣ въ общихъ чертахъ онъ, навѣрное, произнесъ искренно и подъ нимъ подпишется всѣ лучшіе люди. Гамлетъ—не герой добродѣтели. Онъ не только

чисть, благороденъ, нравственъ и т. д., но и необузданъ, колокъ, безсердеченъ, то нѣженъ, то циниченъ, экзальтированъ почти до безумія, равнодушенъ, жестокъ. Онъ, несомнѣнно, слишкомъ слабъ для своей задачи, или, вѣрнѣе, его задача не по характеру ему, но онъ отнюдь не лишенъ вообще физической крѣпости или энергіи. Вѣдь, онъ дѣтище не гуманитарнаго періода съ его чистотой и моралью, а сынъ эпохи Возрожденія съ ея льющимися черезъ край силами, кипучею полнотою жизни и умѣньемъ безстрашно смотрѣть въ глаза смерти.

Сначала Шекспиръ рисовалъ себѣ Гамлета юношей. Въ первомъ изданіи *in quarto* онъ является совсѣмъ юнымъ, лѣтъ девятнадцати. Съ этимъ возрастомъ согласуется и то обстоятельство, что онъ учится въ Виттенбергѣ: въ то время молодые люди начинали и заканчивали даже университетскій курсъ гораздо раньше, чѣмъ въ наши дни. Съ этимъ возрастомъ согласуется и то, что мать Гамлета называетъ его здѣсь: *boy* (мальчикъ, — *Now now, boy, III, 4*), тогда какъ въ слѣдующемъ изданіи это вычеркнуто; затѣмъ, что къ его имени постоянно прибавляется слово *young* (молодой) и не для того только, чтобъ обозначить его въ противоположность отцу; далѣе, что здѣсь (но не въ изданіи 1604 г.) король постоянно называетъ его «сынъ Гамлетъ»; наконецъ, что мать его настолько еще молода, что могла пробудить или, по крайней мѣрѣ, что Клавдій можетъ дѣлать видъ, будто она въ немъ пробудила эротическую страсть, влекущую за собой ужасныя послѣдствія. Въ изданіи 1603 г. нѣтъ словъ, въ которыхъ Гамлетъ напоминаетъ матери, что въ ея годы кровь слишкомъ медленно и холодно течетъ въ жилахъ, чтобы можно было назвать любовью то, что соединило ее съ деверемъ. Но рѣшительное доказательство того, что Гамлетъ представлялся вначалѣ Шекспиру гораздо моложе (какъ разъ на 11 лѣтъ моложе), чѣмъ онъ его сдѣлалъ впоследствии, находится въ сценѣ на кладбищѣ (*V, 1*). Здѣсь, въ первоначальномъ изданіи, первый могильщикъ говоритъ, что черепъ шута Юрика пролежалъ въ землѣ 12 лѣтъ; въ изданіи 1604 г. этотъ срокъ превратился въ 23 года и, въ то же время, ясно устанавливается, что Гамлету, знавшему Юрика въ дѣтствѣ, въ данный моментъ 30 лѣтъ. Именно могильщикъ сначала рассказываетъ здѣсь, что поступилъ на мѣсто въ тотъ самый день, когда родился принцъ Гамлетъ, а нѣсколько далѣе говоритъ: «Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ я здѣсь могильщикомъ». Съ этимъ согласуется и то обстоятельство, что король на театрѣ опредѣляетъ какъ разъ въ 30 лѣтъ время, прошедшее со дня его свадьбы съ королевой, и, затѣмъ, слова Офеліи (*III, 1*) о Гамлетѣ, какъ о несравненномъ образѣ разцвѣтшей, т.-е. зрѣлой молодости (*blown youth*).

Очевидно, движеніе въ душѣ Шекспира шло такимъ путемъ: сначала ему представлялось, что по требованіямъ сюжета Гамлетъ долженъ быть юношей. Такъ было бы понятнѣе безмѣрное по своей силѣ впечатлѣніе, произведенное на его душу тѣмъ фактомъ, что мать такъ скоро забыла его отца и такъ поторопилась свадьбой. Онъ жилъ вдали отъ міра, въ тихомъ Виттенбергѣ, убѣжденный, что жизнь дѣйствительно такъ гармонична,

такою она кажется молодому принцу. Онъ воображалъ, что идеалы свято чтутся на землѣ, что міромъ управляютъ умственное благородство и тонкія чувства, что въ государственной жизни царитъ справедливость, въ жизни частной—вѣра и правда. Онъ восхищался своимъ великимъ отцомъ, уважалъ свою прекрасную мать, страстно любилъ прелестную Офелію, лелѣялъ высокія мысли о людяхъ, преимущественно же о женщинахъ. Въ тотъ моментъ, какъ онъ теряетъ отца и долженъ измѣнить свое мнѣніе о матери, рушится все его свѣтлое міросозерцаніе. Если мать могла забыть его отца и сочетаться бракомъ съ *этимъ* человѣкомъ, то чего же стоить въ такомъ случаѣ женщина? И какую же цѣну имѣетъ въ такомъ случаѣ жизнь? Отсюда, еще прежде чѣмъ онъ услышалъ о явленіи духа своего отца, а не только что видѣлъ его и внималъ его рѣчамъ,—чистое отчаяніе въ монологѣ:

«О, еслибъ вы, души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Испарился въ туманъ, испалъ росой!
Иль еслибъ Ты, Судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства!»

Отсюда и наивное удивленіе его тому, что можно привѣтливо улыбаться и быть при этомъ злодѣемъ. Это событіе становится для него символическимъ событіемъ, обращеніемъ того, каковъ есть міръ. Отсюда слова къ Розенкранцу и Гильденштерну: «Съ недавнихъ поръ, не знаю отчего, утратилъ я всю мою веселость». Отсюда слова: «Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ разумомъ! Какъ безграниченъ способностями! Какъ значителенъ и чудесенъ въ образѣ и движеніяхъ! Въ дѣлахъ какъ подобенъ ангелу! Въ понятіи—Богу! Краса міра! Вѣнецъ всего живого!» Эти слова выражаютъ его прежнее, свѣтлое міросозерцаніе. Теперь оно погасло, и міръ отнынѣ для него есть ничто иное, какъ «смѣшеніе ядовитыхъ паровъ». А человѣкъ? Чѣмъ можетъ быть для него «эта эссенція раба»? Онъ не находитъ радости ни въ мужчинахъ, ни въ женщинахъ.

Его мысли о самоубійствѣ исходятъ изъ этого источника. Чѣмъ значительнѣе молодой человѣкъ, тѣмъ сильнѣе, конечно, стремится онъ, при наступленіи своемъ въ жизнь, увидѣть свои идеалы осуществленными въ людяхъ и обстоятельствахъ. Теперь Гамлетъ внезапно узнаетъ, что дѣйствительность совсѣмъ не такова, какъ онъ представлялъ ее себѣ, и такъ какъ онъ не можетъ ее пересоздать, то онъ начинаетъ думать о смерти.

Большого труда стоить ему заставить себя повѣрить, что міръ такъ устроенъ на самомъ дѣлѣ. Поэтому онъ постоянно ищетъ новыхъ доказательствъ, поэтому, между прочимъ, онъ велитъ представить пьесу. Его лиризмъ не всякій разъ, какъ онъ изобличаетъ что-либо дурное, есть лишь маска: радость познания на фонѣ глубокой грусти, внѣшняя радость, вызванная убѣжденіемъ, что теперь онъ понялъ, наконецъ, какъ гадокъ міръ. Его предчувствіе оправдывается; пьеса возымѣла дѣйствіе. Въ этомъ

нѣтъ безсердечнаго пессимизма. Огонь Гамлета ни на минуту не гаснетъ, рана его не закрывается. Отравленная шпага Лаэрта поражаетъ сердце, еще не переставшее обливаться кровью *).

Все это, хотя, несомнѣнно, весьма возможное въ тридцатилѣтнемъ мужчинѣ, является натуральнѣе, понятнѣе съ перваго взгляда у девятнадцатилѣтняго юноши. Но по мѣрѣ того, какъ Шекспиръ работалъ надъ своею драмой, все болѣе и болѣе увлекаясь желаніемъ вложить въ душу Гамлета, какъ въ сокровищницу, свою собственную житейскую мудрость, итогъ своего собственного житейскаго опыта и выводы своего собственного острога и зрѣлаго ума, ему стало ясно, что юношескій возрастъ слишкомъ тѣсная рамка для этого духовнаго содержанія, и онъ далъ ему возрастъ пробуждающейся возмужалости **).

Вѣра Гамлета въ людей и довѣріе къ нимъ разбилась еще прежде, чѣмъ ему явился духъ. Съ той минуты, какъ отъ тѣни отца онъ получилъ несравненно болѣе ужасное объясненіе обстоятельствъ, среди которыхъ онъ находится, чѣмъ какое онъ имѣлъ до сихъ поръ, все его существо приходитъ въ смятеніе.

Отсюда прощаніе, безмолвное прощаніе съ Офеліей, которую онъ въ письмахъ называлъ идоломъ своей души. Его идеалъ женщины уничтоженъ. Отнынѣ она принадлежитъ къ тѣмъ «будничнымъ воспоминаніямъ», которыя въ сознаніи своей великой мисси онъ хочетъ стереть съ таблицы своей жизни. Пассивная, послушная отцу, она не имѣетъ мѣста въ душѣ его на ряду съ его задачей. Довѣриться ей онъ не можетъ; она показала себя столь мало достойной быть его возлюбленной, что отвергла его письма и посѣщенія. Болѣе того, она послѣднее его письмо отдаетъ отцу съ тѣмъ, чтобъ онъ предъявилъ его и прочелъ при дворѣ. Наконецъ, она допускаетъ, чтобъ ею воспользовались для выпытыванья принца. Онъ не вѣритъ больше ни въ одну женщину и не можетъ вѣрить.

Онъ намѣровается приступить немедленно къ дѣйствию, но на него нахлынулъ слишкомъ сильный потокъ мыслей—думы объ ужасномъ событіи, сообщенномъ ему духомъ, и о мірѣ, въ которомъ могутъ случаться подобныя вещи; затѣмъ, сомнѣніе въ томъ, былъ ли призракъ дѣйствительно его отецъ, не былъ ли то, быть можетъ, коварный, злорадный духъ, наконецъ, сомнѣніе въ себѣ самомъ, въ своей способности возстановить и исправить то, что ниспровергнуто здѣсь, въ своей пригодности взять на себя миссію мстителя и судьи. Сомнѣніе въ подлинности призрака ведетъ къ представленію пьесы въ пьесѣ, дающему доказательство вины короля. Чувство своей непригодности къ разрѣшенію задачи влечетъ за собой замедленіе дѣйствія.

Что самъ по себѣ онъ не лишенъ энергій, это достаточно видно по

*) Сравни. *Hermann Türck*: „Das psychologische Problem in der Hamlet-Tragedie“. 1890.

***) Сравни. *E. Sullivan*: „On Hamlet's Age, New Shakespaere Society's transactions“. 1880—86.

ходу пьесы. Онъ закалываетъ, не задумываясь, подслушивающаго за ковромъ Полонія; безъ колебаній и безъ состраданія посылаетъ онъ Розенкранца и Гильденштерна на вѣрную смерть; онъ всходитъ одинъ на корсарскій корабль и, ни на минуту не теряя изъ вида своего намѣренія, онъ, прежде чѣмъ испустить духъ, совершаетъ дѣло мести. Но это не исключаетъ того, что ему приходится побороть могучее внутреннее препятствіе, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительному шагу. Препградой является ему его рефлексія, «блѣдный взоръ мысли» (the pale cast of thought), о которомъ онъ говоритъ въ своемъ монологѣ.

Въ сознаніи громаднаго большинства онъ сдѣлался вслѣдствіе этого великимъ типомъ медлителя и мечтателя, и до половины этого столѣтія сотни отдѣльныхъ людей и цѣлыя націи смотрѣлись, какъ въ зеркало, въ эту фигуру.

Но не надо забывать, что этотъ драматическій феноменъ, герой, который не дѣйствуетъ, до извѣстной степени требовался самою техникой этой драмы. Еслибъ Гамлетъ убилъ короля тотчасъ по полученіи отравленія духа, пьеса должна была бы ограничиться однимъ только актомъ. Поэтому положительно было необходимо дать возникнуть замедленіямъ.

Но Шекспира ложно поняли, думая видѣть въ Гамлетѣ вполнѣ современную жертву болѣзненной рефлексіи, человѣка, лишеннаго способности къ дѣйствию. Это чистая иронія судьбы, что онъ сдѣлался какъ бы символомъ раздумчиваго безсилія,—онъ, у котораго порохъ во всѣхъ нервахъ и весь взрывчатый матеріалъ гения въ натурѣ.

Шекспиръ безспорно, несомнѣнно хотѣлъ пояснить его характеръ, противопоставивъ ему, какъ контрастъ, молодую энергію, преслѣдующую очередь голову свою цѣль.

Когда Гамлета отправляютъ въ Англію, является молодой норвежскій принцъ Фортинбрасъ съ своимъ войскомъ, готовый положить жизнь за клочокъ земли, «не стоющій и пяти дукатовъ въ арендѣ». И Гамлетъ говорить самъ себѣ (IV, 4):

«Какъ все винить меня! Малѣйшій случай
Мнѣ говорить: проснись, гнѣвный мститель!

.....

Не понимаю,

Зачѣмъ я живъ, зачѣмъ я говорю:

Свершай! Свершай!»

И онъ приходитъ въ отчаяніе, сравнивая себя съ Фортинбрасомъ, не мѣ королевскимъ сыномъ, который, во главѣ громадной арміи, все стѣпъ на карту изъ-за яичной скорлупы.

«Великъ

Тотъ истинно, кто безъ великой цѣли

Не возстаетъ, но за песчинку бьется на смерть,

Когда задѣта честь».

Между тѣмъ, передъ Гамлетомъ стоитъ гораздо болѣе крупный вопросъ, нежели вопросъ о «чести»,—понятн, отгорячаемся къ сферѣ, лежащей несравненно ниже его круга мыслей. Совершенно естественно, что Гамлетъ чувствуетъ себя пристыженнымъ лицомъ къ лицу съ Фортинбрасомъ, вступающимъ въ походъ во главѣ огромнаго войска, съ барабаннымъ боемъ, трубами и литаврами,—онъ, не составившій и не приведшій въ исполненіе ни одного плана,—онъ, который, получивъ во время представленія пьесы увѣренность въ преступленіи короля, но, въ то же время, обнаруживъ передъ королемъ свое настроеніе, страдаетъ теперь отъ сознанія своей неспособности къ дѣйствию. Но его неспособность коренится лишь въ томъ, что парализующее впечатлѣніе отъ дѣйствительной сущности жизни и всѣ думы, порождаемыя этимъ впечатлѣніемъ, до такой степени завладѣли его силами, что самая миссія мстителя отступаетъ въ его сознаніи на задній планъ. Все, что въ немъ есть, обязанности къ отцу, обязанности къ матери, почтеніе къ нимъ, ужасъ передъ злодѣяніемъ, ненависть, жалость, боязнь дѣйствовать и не дѣйствовать—находятся во взаимной борьбѣ. Онъ чувствуетъ, если даже не говоритъ этого ясно, какъ мало будетъ пользы отъ того, что онъ уничтожитъ одного хищнаго звѣря. Вѣдь, самъ онъ такъ высоко вознесся надъ тѣмъ, чѣмъ былъ вначалѣ: надъ ролью юноши, избраннаго для совершенія вендетты. Онъ сдѣлался великимъ страдальцемъ, который насмѣхается и издѣвается, который пристыжаетъ другихъ и терзается самъ. Онъ сдѣлался воплощъ челоувѣчества, испытывающаго ужасъ передъ самимъ собой.

Здѣсь, въ Гамлетѣ, надъ пьесой не господствуетъ какой-нибудь «общій смыслъ». Определенность не была тѣмъ идеаломъ, который носился передъ глазами Шекспира во время разработки этой трагедіи, какъ въ то время, когда онъ разрабатывалъ *Ричарда III*. Здѣсь не мало загадокъ и тайнъ, но притягательная сила пьесы въ значительной степени обусловлена самою ея темнотою.

Всякому знакомы тѣ прекрасно написанныя книги, у которыхъ форма безукоризненна, идея ясна, дѣйствующія лица очерчены увѣренными штрихами. Мы читаемъ ихъ съ удовольствіемъ. Но мы прочли ихъ и отложили въ сторону. Въ нихъ ничего не стоитъ между строкъ; между ихъ отдельными частями не открывается взору пучина; нигдѣ въ нихъ нѣтъ таинственнаго сумрака, нѣтъ тѣней, въ которыхъ бы можно было мечтать. И есть другія книги, гдѣ основная мысль поддается различнымъ толкованіямъ, и относительно которыхъ можно спорить; но ихъ значеніе не столько въ томъ, что онѣ прямо говорятъ вамъ, сколько въ томъ, что онѣ заставляютъ васъ предчувствовать или угадывать, въ томъ, о чемъ онѣ васъ самихъ побуждаютъ думать. У нихъ совершенно особенное свойство приводитъ въ движеніе мысли и чувства, и въ гораздо большемъ числѣ, быть можетъ, даже совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, какія онѣ первоначально въ себѣ заключали. Къ такимъ книгамъ принадлежитъ и *Гамлетъ*. Какъ исторія души, *Гамлетъ* не отличается ясностью классическаго искусства; герой

«Душа—душа, представляющая всю непрозрачность и сложность действительных душъ, но пожеланіе за пожеланіемъ участвовали работой своей фантазіи въ этой исторіи и вкладывали въ нее итогъ своего житейскаго опыта.

Жизнь для Гамлета лишь на половину действительность, на половину она для него сновидѣніе. По временамъ онъ является какъ бы лунатикомъ, несмотря на то, что часто онъ бдителенъ, какъ дозорный. Онъ обладаетъ присутствіемъ духа, благодаря которому никогда не затрудняется дать самый мѣткій отвѣтъ, и, въ то же самое время, онъ разсѣянъ, онъ упускаетъ изъ вида принятое рѣшеніе съ тѣмъ, чтобы углубиться въ какую-нибудь ассоціацію мыслей или въ лабиринтъ мечтаній. Онъ пугаетъ, занимаетъ, приковываетъ, смущаетъ, тревожитъ. Лишь немногіе образы поэтическаго искусства тревожили такъ, какъ онъ. Хотя онъ говоритъ непрерывно, онъ одинокъ по натурѣ,—болѣе того, онъ есть самое олицетвореніе душевнаго одиночества, неспособнаго открывать себя другимъ.

«Его имя,—сказалъ о немъ Викторъ Гюго,—подобно имени на одной изъ гравюръ Альбрехта Дюрера—*Меланхолия*. Надъ головою Гамлета повисла летучая мышь; у ногъ его сидитъ наука съ глобусомъ и циркулемъ, любовь съ песочными часами, а позади него, на горизонтѣ, стоитъ громадное солнце, отъ котораго небо надъ нимъ кажется еще темнѣе». А съ другой стороны сущность его природы *Уранъ*,—иными словами, гнѣвъ и негодованіе, горькая насмѣшка, сметающая съ міра грязь.

Въ немъ столько же негодованія, сколько печали, да и самая печаль его возникаетъ, какъ слѣдствіе негодованія. Страждущіе и мыслящіе люди находили въ немъ брата. Отсюда необычайная популярность этого образа, какъ ни мало онъ общедоступенъ.

Зрители и читатели чувствуютъ заодно съ Гамлетомъ и понимаютъ его, ибо всё лучшее среди насъ, вступая взрослыми людьми въ жизнь, дѣлаютъ открытіе, что она не такая, какой они ее себѣ представляли, а въ тысячу разъ ужаснѣе: «Не чисто что-то въ Датскомъ королевствѣ». «Данія—тюрьма, міръ полонъ такихъ же казематовъ. Духъ говоритъ намъ: «Свершились ужасныя дѣянья, и каждый день свершаются ужасныя дѣянья. Исправь же ты зло, поставь все на настоящее мѣсто. Распалась связь временъ; свяжи ее». Но наши руки опускаются. Зло слишкомъ хитро или сильно для насъ».

Въ *Гамлетѣ*, первой философской драмѣ новѣйшаго времени, впервые выступаетъ типическій современный человѣкъ съ глубокимъ сознаніемъ противорѣчія между идеаломъ и окружающимъ міромъ, съ глубокимъ сознаніемъ разлада между силами и задачей, со всею внутреннею многосторонностью своего существа, съ остроуміемъ, чуждымъ веселости, съ жестокостью и тонкостью чувства, съ постояннымъ отсрочиваніемъ дѣйствія и бѣшеннымъ нетерпѣніемъ.

У.

рисуемъ взглядъ на *Гамлета*, какъ на драматическое произведеніе, и, чтобы получить полное представленіе о величій Шекспира, сначала возста-

новимъ передъ собой ея чисто-театральные элементы, внѣшнюю, наглядную сторону, то, что остается въ памяти, какъ простая пантомима *)).

Ночной караулъ на Кронборгской террасѣ и появленіе тѣни передъ солдатами и офицерами. Вслѣдъ затѣмъ, среди великолѣпно одѣтыхъ придворныхъ, фигура принца въ траурномъ костюмѣ, стоящая поодаль, какъ живой символъ скорби, съ чертами, исполненными души и ума, но съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ навсегда простился съ радостью. Затѣмъ его встрѣча съ тѣнью отца, за которой онъ слѣдуетъ, клятва на мечѣ при постоянной перемѣнѣ мѣста. Затѣмъ его способъ дѣйствій, когда онъ прикидывается помѣшаннымъ, чтобы замаскировать этимъ свою экзальтацію. Затѣмъ пьеса въ пьесѣ, ударъ шпагой сквозь коверъ, престальная Офелія съ цвѣтами и соломой въ волосахъ. Гамлетъ съ черепомъ Юрика въ рукѣ. Борьба съ Лаэртомъ въ могилѣ Офеліи, эта причудливая, но столь символическая сцена. Какъ пьеса объ отравленіи готовится по обычаю того времени пантомимой, такъ эта борьба въ могилѣ есть пантомима борьбы на жизнь и смерть, долженствующей вскорѣ наступить, ибо ихъ обоихъ тотчасъ послѣ того поглотитъ могила, въ которой они стоятъ. Затѣмъ слѣдуетъ поединокъ, во время котораго королева умираетъ отъ яда, приготовленного королемъ для Гамлета, а Лаэртъ отъ удара отравленной рапиры, приготовленной для Гамлета, — пока, наконецъ, Гамлетъ, среди послѣдней вспышки своихъ силъ, убиваетъ короля и затѣмъ самъ падаетъ, отравленный, на землю, — сложившееся въ фантазіи поэта общее избіеніе (havosk) главныхъ образахъ трагедіи, четверное *Castrum doloris*, настроеніе котораго прерывается побѣднымъ маршемъ юнаго Фортинбраса, въ свою очередь смѣняющимся похоронною музыкой. Все это вмѣстѣ въ одинаковой мѣрѣ наглядно, величественно и прекрасно.

А теперь прибавьте въ воспоминаніи къ этому богатству видимыхъ элементовъ въ драмѣ настроеніе пьесы, ея притягательную силу, обусловленную участіемъ, которое Шекспиръ сумѣлъ внушить намъ къ главному лицу, впечатлѣніе отъ мукъ, терзающихъ сильное и горячее сердце, оцѣтившееся въ испорченной и тлетворной обстановкѣ. По натурѣ онъ былъ искренень, восторженъ, полонъ довѣрія и потребности любить; живость другихъ вынуждаетъ и его къ притворству, подлость другихъ вынуждаетъ его къ недоувѣрью и ненависти, а обнаружившееся преступленіе противъ убитаго отца вопіетъ къ нему изъ преисподней о мести.

Его гнѣвъ противъ людской низости надрываетъ душу. Его презрѣніе къ людской низости дѣйствуетъ въ высшей степени благотворно.

По природѣ онъ мыслитель. Онъ мыслить не ради того только, чтобы путемъ соображеній подготовить дѣйствіе, но мыслить изъ страсти къ юннманію. Актерамъ, которыми онъ хочетъ воспользоваться для изобличенія убійцы, онъ даетъ мѣткіе и глубокомысленные совѣты по отношенію къ практикѣ ихъ искусства. Передъ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ,] из-

*) К. Werdor: „Vorlesungen über Hamlet“, стр. 3 и слѣд.

спрашивающими его о причинѣ его меланхоліи, онъ въ выраженіяхъ, исполненныхъ глубины, развиваетъ невозможность для него ощущать отнынѣ радость жизни.

Чувство, вызываемое въ немъ сильными впечатлѣніями, онъ никогда не облачаетъ въ ясныя и категорическія слова. Его реплики никогда не идутъ по прямой линіи, какъ ближайшемъ пути къ выраженію мысли. Онъ вращается въ замысловатыхъ, издалека добытыхъ метафорахъ, въ острогахъ, съ виду не имѣющихъ ничего общаго съ темой разговора. Намѣшлявые и загадочные обороты рѣчи срываютъ то, что онъ чувствуетъ. Онъ принужденъ къ нимъ прибѣгать, ибо онъ чувствуетъ такъ интенсивно, что для того, чтобы не проявить своего душевнаго волненія, то-есть, чтобы не поддаться сердечной боли, онъ долженъ замаскировывать ее безумно-веселыми возгласами. Поэтому онъ и восклицаетъ послѣ появленія призрака: «Сюда, мой соколъ!»

Поэтому онъ обращается въ духу съ словами: «А, bravo, старый вротъ! Такъ быстро роешься ты подъ землей!» И поэтому же, когда король выдаетъ себя во время представленія, Гамлетъ кричать: «Музыку! эй! флейтчики!» Его притворное безуміе есть ничто иное, какъ преднамѣренное преувеличеніе этой склонности.

Ужасная тайна, которую ему приходится хранить въ себѣ, нарушила равновѣсіе его природы. Мнимое безуміе даетъ ему возможность найти себѣ облегченіе, высказывая въ косвенной формѣ то, о чемъ ему мучительно говорить, и, въ то же время, оно отвлекаетъ вниманіе отъ истинной причины его глубокаго унынія. Когда онъ говоритъ такъ дико, онъ не вполне притворяется, ибо смятеніе, въ которое повергло его раскрытіе ужаса его жизни, дѣлаетъ для него потребностью давать волю своимъ чувствамъ предъ окружающими въ странныхъ и смѣлыхъ сарказмахъ, и «въ самомъ его безуміи есть методъ»; но граничащее съ душевнымъ расстройствомъ возбужденіе, въ которое такъ часто приводитъ его образъ дѣйствій другихъ, смѣняется, въ свою очередь, стремленіемъ сосредоточить свои мысли, и онъ удовлетворяетъ его въ одинокихъ разсужденіяхъ, составляющихъ суть его монологовъ.

Когда страсти просыпаются въ немъ, ему трудно бываетъ ихъ сдерживать. Онъ, въ порывѣ крайняго нервнаго возбужденія, посылаетъ Офелію въ монастырь и закалываетъ Полонія въ припадкѣ нервной изступленности. Вообще же страстность замыкается у него внутри. Вынужденный или чувствуя себя вынужденнымъ къ притворству и хитрости, онъ сдерживаетъ отъ нетерпѣнія и снова и снова издѣвается надъ самимъ собой и глумитъ себя за свою бездѣятельность, какъ будто это апатія или тупость.

Одно уже недовѣріе, этотъ новый элементъ въ его душѣ, заставляетъ его быть осторожнымъ; онъ не можетъ сразу приступить къ дѣйствию, не смѣетъ даже говорить. «Нѣтъ въ Даніи ни одного злодѣя, — начинается — столь ужаснаго, какъ король», — должно бы гласить продолженіе,

но его охватываетъ страхъ быть выданнымъ товарищами и онъ заканчиваетъ словами: «который не былъ бы негодный плутъ».

По природѣ онъ такъ чистосердеченъ и такъ искрененъ, какимъ мы видимъ его съ Гораціо; онъ разговариваетъ по-товарищески съ ночнымъ карауломъ на террасѣ, онъ съ перваго раза радушенъ со старыми знакомыми, какъ Розенбранцъ и Гильденштернъ, и простъ, привѣтливъ, обходителенъ безъ фамильярности со странствующею труппой актеровъ. Но событія самаго мучительнаго свойства и горчайшій опытъ жизни внезапно принудили его замкнуться въ себѣ; едва надѣлъ онъ маску для того, чтобы не сразу разгадали его планы, какъ онъ уже чувствуетъ, что его выпытываютъ; даже друзья его, его возлюбленная на сторонѣ его враговъ, и хотя онъ считаетъ, что жизнь его въ опасности, онъ находитъ нужнымъ молчать и выжидать.

Его маска довольно часто лишь изъ флёра,— уже ради зрителей, для которыхъ Шекспиръ долженъ былъ сдѣлать безуміе прозрачнымъ, съ тѣмъ, чтобъ оно не прискусило.

Прочтите необыкновенно остроумный обмѣнъ репликъ между Полоніемъ и Гамлетомъ (II, 2), который начинается такъ: «Что вы читаете, принцъ?»— «Слова, слова, слова». Въ дѣйствительности, въ этихъ насмѣшкахъ нѣтъ ни тѣни душевнаго разстройства, пока Гамлетъ, въ самомъ концѣ, для того, чтобъ уничтожить ихъ впечатлѣніе, не заключаетъ діалогъ слѣдующею фразой: «Вы сами, сударь, сдѣлались бы такъ же стары, какъ я, если бы могли ползти, какъ ракъ, назадъ».

Или возьмите длинный разговоръ (III, 1) между Гамлетомъ и Розенбранцемъ и Гильденштерномъ о флейтѣ, которую онъ велѣлъ подать себѣ и на которой просить ихъ что-нибудь сыграть. Все это столь же простая и убѣдительная притча, какъ притчи Новаго Завѣта. И заканчиваетъ онъ свою реплику съ побѣдоносною логикой въ поэтической формѣ:

«Видишь ли, какую ничтожную вещь ты изъ меня дѣлаешь? Ты хочешь играть на мнѣ, ты хочешь проникнуть въ тайны моего сердца, ты хочешь испытать меня отъ низшей до высшей ноты, а въ этомъ маленькомъ инструментѣ много гармоніи, прекрасный голосъ,—и ты не можешь заставить говорить его. Чортъ возьми! Думаешь ты, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Назови меня какимъ угодно инструментомъ, ты можешь меня разстроить, но не играть на мнѣ».

Для того, чтобъ обезпечить себѣ свободу дѣлать такія гордые и остроумныя выходы, Гамлетъ и употребляетъ слѣдующее выраженіе: «Я безумецъ только при нордъ-нордъ-вѣстѣ; если вѣтеръ съ юга, я еще могу отличить сокола отъ цапли».

Во внѣшнихъ затрудненіямъ присоединились внутреннія препятствія, которыхъ онъ не въ силахъ преодолѣть. Онъ страстно упрекаетъ себя за нихъ, какъ мы видѣли. Но эти самобичеванія Гамлета не выражаютъ взглядъ Шекспира на него и приговоръ Шекспира относительно его. Они рисуютъ свойственное его характеру нетерпѣніе, его тоску по возмездію,

его стремленіе увидѣть торжество справедливости; они не знаменуютъ собою его вину.

Вообще все это старинное ученіе о трагической винѣ и наказаніи, отпавляющееся отъ того факта, что смерть въ концѣ трагедіи всегда является наказаніемъ за вину, есть ничто иное, какъ обветшалая схоластика, какъ теологія въ костюмѣ эстетики, и можно назвать научнымъ прогрессомъ то, что это воззрѣніе, еще въ прошломъ поколѣніи считавшееся ересью, теперь почти повсюду одержало верхъ. Этого не было еще въ то время, когда авторъ этихъ строкъ заявлялъ въ своей первой работѣ протестъ противъ вторженія традиціонной морали въ такую область, откуда ее приходится только устранять *).

Нѣкоторые критики думали порѣшить съ вопросомъ о возможной винѣ Гамлета, отвѣчая на него, что притворное безуміе принца есть дѣйствительное помѣшательство. Такъ, наприм., Бринслий Никольсонъ, въ статьѣ *Was Hamlet mad? (New Shp. Soc. transact., 1880—86)*, подчеркивающій болѣзненную меланхолію Гамлета, его безсвязныя и странныя рѣчи послѣ явленія духа, недостатокъ у него сознанія отвѣтственности по поводу убійства Полонія, которое онъ совершаетъ, и казни Розенкранца и Гильденштерна, которой онъ является виновникомъ, его боязнь послать на небо короля Клавдія, умертвивъ его среди молитвы, его грубость къ Офеліи, его вѣчную подозрительность и т. д. Но хотѣть видѣть во всемъ этомъ симптомы дѣйствительнаго сумасшествія есть не только нелѣпость, но и непониманіе явнаго намѣренія Шекспира. Гамлетъ, конечно, не притворяется такъ планомѣрно и хладнокровно, какъ позднѣе Эдгаръ въ *Дирт*, но экзальтацію его природы не должно вслѣдствіе этого смѣшивать съ безуміемъ. Онъ пользуется безуміемъ, а не находится въ его власти.

Это не значить, что оно оказывается цѣлесообразнымъ и облегчаетъ ему его задачу мстителя; наоборотъ, оно ему затрудняетъ ее, вовлекая его въ остроумныя уклоненія и скачки въ сторону отъ дѣла. Оно должно бы заслонять его тайну, но послѣ представленія пьесы эта тайна дѣлается известной королю и притворное безуміе становится излишнимъ, если даже оно и не сбрасывается. Поэтому, согласно съ требованіемъ тѣни, Гамлетъ пытается теперь пробудить въ матеря стыдъ и заставить ее отдалиться отъ короля. Но когда, въ надеждѣ убить Клавдія, онъ закалываетъ Полонія, его отдають подъ стражу, отправляютъ въ Англію, и онъ долженъ отложить свою месть на еще болѣе долгій срокъ.

Тогда какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи многіе, преимущественно нѣмецкіе критики (наприм., Брейсигъ) выражали свое неодобреніе Гамлету, какъ личностъ дряблой при всей своей геніальности (*ein geistreicher Schwächling*), многіе нѣмецкіе изслѣдователи горячо отрицали, что въ намѣренія Шекспира входило вообще присвоить Гамлету недугъ рефлексіи, и съ энтузіазмомъ,

* *Den tragiske Skjaebne. Aesthetiske Studier. Anden Udgave. (Пониманіе о трагической судьбѣ. Эстетическіе этюды. Второе изданіе).*

съ запальчивыми выходками противъ множества изъ своихъ соотечественниковъ, но съ воззрѣнiемъ на пьесу, ослабляющимъ ея идею и умаляющимъ ея значенiе, настаивалъ на томъ, что препятствiя, противъ которыхъ приходится бороться Гамлету, чисто-внѣшняго свойства. Я имѣю въ виду лекціи о *Гамлетѣ*, читанныя между 1859 и 1872 годами въ Берлинскомъ университетѣ старымъ гегелiанцемъ, Карломъ Вердеромъ *). Его аргументацію, не лишенную въ основѣ здравой логики, можно бы передать слѣдующимъ образомъ.

Чего требуютъ отъ Гамлета? Чтобы онъ, какъ только духъ ему повѣдалъ судьбу его отца, тотчасъ же закололъ короля? Отлично. Но послѣ удара кинжаломъ какъ оправдываетъ онъ свой поступокъ передъ дворомъ и народомъ и какъ взойдетъ онъ на престолъ? Вѣдь, онъ не можетъ предъявить никакого доказательства въ пользу истинности своего обвиненiя. Ему сказали это духъ, вотъ и все доказательство. Вѣдь, онъ вовсе не прирожденный верховный судья въ странѣ, у котораго узурпаторъ похитилъ тронъ. Королева — «наслѣдница этой воинственной страны»; датскій престолъ — престолъ избирательный, и лишь подъ самый конецъ Гамлетъ говоритъ о томъ, что личность короля стала между его надеждами и избрѣнiемъ. Для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ господствующій правовой порядокъ представляется совершенно нормальнымъ. И онъ долженъ разрушить его ударомъ кинжала! Да развѣ датчане повѣрятъ его разсказу о явленiи духа и объ убійствѣ? А еслибъ онъ, вмѣсто того, чтобы взять за кинжалъ, выступилъ публичнымъ обвинителемъ, то развѣ можетъ кто нибудь сомнѣваться, что этотъ король и его дворъ очень скоро отдѣлались бы отъ него? Ибо куда дѣвались при этомъ дворѣ приближенные старика Гамлета? Мы никого изъ нихъ не видимъ. Можно подумать, что старикъ король-герой всѣхъ ихъ взялъ съ собой въ могилу. Куда дѣвались его полководцы и члены его совѣта? Развѣ они умерли раньше его? Или онъ одинъ былъ великъ? Вѣрно лишь то, что у Гамлета нѣтъ друзей, кромѣ Горацио, и что онъ нигдѣ при дворѣ не находитъ опоры.

Нѣтъ, при томъ, какъ сложились обстоятельства, истина можетъ выйти наружу лишь тогда, когда ее выдастъ самъ вѣнчаный преступникъ. Поэтому совершенно логичный, болѣе того, гениальный планъ Гамлета заключается въ томъ, чтобы принудить къ этому короля. Вѣдь, для него важно не только покарать преступленіе въ чисто-матеріальномъ смыслѣ, но и возстановитъ справедливость въ Даніи, быть и судьей, и мстителемъ въ одномъ лицѣ. А этимъ онъ не можетъ быть, если безъ дальнихъ разсужденій убьетъ короля.

Все это остроумно, отчасти вѣрно, но только не объ этомъ трагуетъ въ пьесѣ. Если бы Шекспиръ это имѣлъ въ виду, то онъ заставилъ бы Гамлета высказаться объ этомъ внѣшнемъ затрудненіи или хотя бы немкнуть на него. Но, вмѣсто того, онъ заставляетъ его винить себя в

*) *Karl Werder: „Vorlesungen über Shakespeare's Hamlet“. 1875.*

бездѣтельности и косности, достаточно ясно показывая этимъ, что основное затрудненіе кроется внутри, такъ что трагедія происходитъ въ собственной душѣ главнаго лица.

Самъ Гамлетъ сравнительно чуждъ опредѣленныхъ плановъ, но, какъ глубокомысленно указываетъ Гёте, пьеса вслѣдствіе этого не лишена плана. И гдѣ Гамлетъ всего неувѣреннѣе, гдѣ онъ старается оправдать отсутствіе у себя плана, тамъ всего явственнѣе и всего громче говорить планъ. Когда, наприм., Гамлетъ застаётъ короля за молитвой и не рѣшается убить его, потому что онъ не долженъ умереть, очищенный обращеніемъ къ Богу, а долженъ погибнуть среди сладострастнаго оьяненія грѣхомъ, то въ словахъ, которыя въ устахъ главнаго дѣйствующаго лица похожи на увертку, слышится то, что Шекспиръ хотеть сказать всюю пьесой. Шекспиръ, а не Гамлетъ, приберегаетъ короля для смерти, поражающей его въ тотъ самый моментъ, какъ онъ отравилъ шпагу Лаэрта, наполнивъ кубокъ ядомъ, изъ трусости допустилъ королеву выпить его и сдѣлался причиной смертельной раны какъ Гамлета, такъ и Лаэрта. Такимъ образомъ, оставляя жизнь королю, Гамлетъ дѣйствительно достигаетъ высказываемой при этомъ цѣли.

VI.

Всего глубокомысленнѣе создалъ здѣсь Шекспиръ отношенія принца къ Офеліи. Гамлетъ, это—геній, который любить, и любить съ крупными запросами генія и съ его уклоненіями отъ общепринятыхъ правилъ. Онъ любить не такъ, какъ Ромео, не такою любовью, которая охватываетъ и наполняетъ всецѣло душу молодого человѣка. Онъ чувствовалъ влеченіе къ Офеліи еще при жизни отца, посылалъ ей письма и подарки, онъ пытается къ ней безконечную нѣжность, но быть ему другомъ она не создана.

«Все ея существо,—говорится у Гёте,—дышетъ зрѣлою, сладостною чувственностью». Это слишкомъ сильно сказано; только пѣсни, которыя она поетъ въ своемъ безуміи,—«въ невинности безумія», какъ мѣтко выражается самъ Гёте,—указываютъ на подкладку чувственнаго желанія или чувственныхъ воспоминаній; ея поведеніе съ принцемъ скромно до строгости. Они были близки другъ къ другу; пьеса ничего не говоритъ о томъ, насколько близки.

Это ничего еще не доказываетъ, что тонъ Гамлета относительно Офеліи крайне свободенъ, не только въ потрясающей сценѣ, гдѣ онъ посылаетъ ее въ монастырь, но еще болѣе среди разговора во время представленія, когда онъ шутитъ съ непристойною смѣлостью, прежде чѣмъ просить у нея позволенія приклонить голову къ ея колѣнямъ, и гдѣ одна изъ его репликъ цинична. Это ничуть не свидѣтельствуетъ противъ неопытности Офеліи. Влена въ пьесѣ *Конецъ всему дѣлу отецъ* само цѣломудріе, а между тѣмъ, разговоръ съ ней Пароля невѣроятенъ, для насъ прямо невозможенъ. Съ такими репликами, какъ реплики Гамлета, молодой принцъ могъ въ 1602 г. обращаться къ вполне порядочной придворной дамѣ, не оскорбляя ея.

Тогда какъ англійскіе комментаторы Шекспира выступили рыцарями Офеліи, нѣкоторые нѣмецкіе (какъ, наприм., Тикъ, фонъ-Фризенъ, Флате) не сомнѣвались въ томъ, что отношенія ея къ Гамлету были совершенно интимнаго свойства; Шекспиръ умышленно обошелъ этотъ вопросъ, и не легко понять, почему бы не сдѣлать того же и его читателямъ.

Гамлетъ отдаляется отъ Офеліи съ того момента, какъ чувствуетъ себя «ниспосланнымъ съ бичомъ, какъ ангелъ мести». Съ глубокою скорбью прощается онъ съ нею безъ словъ, беретъ ея руку, удерживаетъ ее, отстраняясь на длину своей руки, и такъ пристально смотритъ ей въ лицо, какъ будто хочетъ его списать, потомъ жметъ слегка ея руку, качаетъ головой и выпускаетъ глубокий вздохъ.

Если послѣ того онъ держитъ себя сурово, почти жестоко съ ней, то потому, что она была малодушна и измѣнила ему. Она—кроткое, покорное созданіе безъ силы сопротивленія; это душа, которая любитъ, но любитъ безъ эротической страсти, дающей самостоятельность. Она походитъ на Дездемону своимъ неразумнымъ обращеніемъ съ любимымъ человѣкомъ, но много уступаетъ ей въ рѣшительности и пылкости любви. Она совсѣмъ не поняла печали Гамлета по поводу образа дѣйствій матери. Она остается свидѣтельницей его подавленнаго настроенія, не подозрѣвая его причины. Когда послѣ явленія духа онъ приближается къ ней, взволнованный и безмолвный, въ ней нѣтъ предчувствія того, что съ нимъ случилось нѣчто ужасное, и, несмотря на свое состраданіе къ его болѣзненному состоянію, она тотчасъ же соглашается сдѣлаться орудіемъ его выпытыванія, въ то время, какъ ея отецъ и король подслушиваютъ ихъ разговоръ. Тогда-то онъ и раздражается всѣми этими знаменитыми репликами: «Ты честная дѣвушка? И хороша собой?» и т. д., тайный смыслъ которыхъ таковъ: «Ты подобна моей матери! И ты могла бы поступить такъ, какъ она!»

У Гамлета нѣтъ ни одной мысли для нея среди возбужденія, которое овладѣваетъ имъ послѣ того, какъ онъ убилъ Полонія; однако, косвеннымъ путемъ Шекспиръ даетъ намъ понять, что впоследствии скорбь о возлюбленной внезапно охватила его. Онъ плачетъ о томъ, что сдѣлалъ. Потому онъ какъ будто забываетъ о ней, и вотъ почему такъ странно кажется читателямъ его гнѣвъ на вопли брата Офеліи, когда ее опускаютъ въ могилу, и внушенное его чрезмѣрною нервною возбужденностью желаніе превзойти Лаэрта въ горѣ. Но мы понимаемъ изъ его словъ, что она была отрадой его жизни, хотя и не могла сдѣлаться ея утѣшеніемъ. Она съ своей стороны была сердечно расположена къ нему, любила его съ самою заботливою нѣжностью. Потому она съ болью увидала, что онъ относится къ своей любви, какъ къ чему-то минувшему («Я любилъ тебя когда-то»), съ глубокою печалью была она свидѣтельницей того, что она считаетъ помраченіемъ его свѣтлаго духа въ безуміи («О, что за благородный омрачился духъ!»); наконецъ, смерть отца отъ руки Гамлета гаситъ у нея самой свѣтъ сознанія. Она разомъ потеряла ихъ обоихъ, отца и милаго. Имя Гамлета она не произноситъ въ своемъ безуміи, не намекаетъ даже на скорбь о

тожъ, что именно онъ убилъ ея отца. Забвеніе этого ужаснѣйшаго факта облегчаетъ ея несчаствіе; ея тяжкая судьба выбросила ее въ пустыню одиночества; безуміе населяетъ и наполняетъ это одиночество и этимъ самымъ смягчаетъ его.

Создавая въ своей фантазіи отношенія Фауста къ Гретхенъ, Гёте многое заимствовалъ и присвоилъ себѣ изъ отношеній Гамлета къ Офеліи. И тамъ, и здѣсь изображается трагическій любовный союзъ генія съ полною искренняго чувства молодою дѣвушкой. Фаустъ печально убиваетъ мать Гретхенъ, какъ Гамлетъ отца Офеліи. И въ *Фаустѣ* происходитъ поединокъ между геромъ и братомъ возлюбленной, и тамъ братъ погибаетъ отъ удара шпаги. И въ *Фаустѣ* молодая дѣвушка сходитъ съ ума подъ гнетомъ своего несчастья, и Гёте именно Офелію имѣлъ при этомъ въ своихъ мысляхъ, ибо онъ заставляетъ своего Мефистофеля пѣть передъ Гретхенъ пѣсню о молодой дѣвушкѣ, вышедшей отъ своего возлюбленнаго уже не дѣвственницей, — пѣсню, представляющую собой прямое подражаніе, почти переводъ пѣсни Офеліи о Валентиновомъ днѣ *).

Безуміе Офеліи носить, однако, печать болѣе нѣжной поэзіи, чѣмъ безуміе Гретхенъ. У Гретхенъ оно усиливаетъ могучее, трагическое впечатлѣніе гибели молодой дѣвушки; у Офеліи оно утоляетъ страданія душевнобольной и зрителя.

Гамлетъ и Фаустъ—это геній Ренессанса и геній современной эпохи, но понимаемые такимъ образомъ, что Гамлетъ, въ силу чудеснаго дара своего поэта воспарять надъ своимъ вѣкомъ, охватываетъ весь періодъ времени между нимъ и нами и имѣетъ такую широту объема, какую мы, стоя на порогѣ двадцатаго столѣтія, все еще не въ состояніи опредѣлить.

Фаустъ есть, пожалуй, наивысшее поэтическое выраженіе для стремящагося впередъ, пытливаго, ищущаго наслажденій, подъ конецъ овладѣвающаго собою и землею человечества современнаго міра; въ рукахъ своего поэта онъ превращается въ великій символъ; но чрезмѣрное обиліе аллегорическихъ штриховъ заволакиваетъ для нашихъ взоровъ во второй

*) *Мефистофель.* Was machst Du mir
Vor Liebchens Thür
Kathrinchen, hier
Bei frühem Tagesblicke?
Lass, lass es sein!
Er lässt dich hin
Als Mädchen ein,
Als Mädchen nicht zurücke.

Офелія. To-morrow is Saint Valentine's day
All in the morning bestime,
And J. a maid at your window,
To be your Valentine.
Then up he rose, and donn'd his clothes
And dupp'd the chamber-door;
Let in the maid, that out a maid
Never departed more.

половинѣ его жизни его индивидуальную человѣческую природу. Въ пьсь Шекспира не входило изобразить существо, стремленія котораго направлены, какъ у Фауста, на опытъ, знаніе, открытіе истины вообще. Даже тамъ, гдѣ Шекспиръ поднимается всего выше, онъ, все - таки, придерживается ближе земли.

Но ты, о, Гамлетъ, вслѣдствіе этого, намъ, конечно, не менѣе дорогъ, и поколѣніе, живущее нынѣ, не менѣе цѣнить и понимаетъ тебя! Мы любимъ тебя, какъ брата! Твоя печаль—наша печаль, твое негодованіе—наше негодованіе, твой гордый умъ отмщаетъ за насъ тѣмъ, кто наполняетъ землю своимъ пустымъ шумомъ и кто властвуетъ надъ нею. Намъ знакома твоя глубокая пытка при видѣ торжества лицемерія и неправды, и, увы, твоя еще болѣе глубокая пытка, когда ты чувствовалъ, что перерѣзанъ въ тебѣ нервъ, претворяющій мысль въ побѣдоносное дѣло. И къ намъ взывалъ изъ преисподней голосъ великихъ усопшихъ. И намъ пришлось видѣть, какъ наша мать набросила порфиру на того, кто умертвилъ «величіе похороненной Данин». И намъ измѣняли друзья нашей юности, и намъ грозила гибель отъ смоченнаго ядомъ клинка. И намъ знакомо кладбищенское настроеніе, когда душу охватываетъ отвращеніе ко всему земному и грусть при видѣ всего земного. И насъ вѣяніе изъ отверстыхъ могилъ заставляло мечтать съ черепомъ въ рукѣ.

VII.

Если нынѣ живущіе люди могутъ чувствовать заодно съ Гамлетомъ, то, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что драма имѣла шумный успѣхъ у современниковъ. Всякій пойметъ, что знатная молодежь того вѣка смотрѣла ее съ восторгомъ, но что изумляетъ и что даетъ представленіе о свѣжей мощи Ренессанса и его богатой способности усвоивать наивысшую культуру, это то обстоятельство, что *Гамлетъ* сдѣлался столь же популярень въ низшихъ слояхъ общества, какъ и въ высшихъ. Любопытнымъ доказательствомъ популярности трагедіи и самого Шекспира въ слѣдовавшіе непосредственно за ея появленіемъ годы могутъ служить замѣтки въ корабельномъ журналѣ капитана Килинга, сдѣланныя въ сентябрѣ 1607 г. на кораблѣ *Драконъ*, встрѣтившемся передъ Сьерра-Леоне съ другимъ англійскимъ судномъ, *Гекторомъ* (капитанъ Гаукинъ), на пути въ Индію. Въ этомъ журналѣ значится:

«Сентября 5 дня (у Сьерра - Леоне) я, въ отвѣтъ на приглашеніе, послалъ на *Гектора* своего представителя, который тамъ завтракалъ; послѣ этого онъ вернулся ко мнѣ, и мы давали трагедію о Гамлетѣ. —(Сент.) 30. Капитанъ Гаукинсъ обѣдалъ у меня, послѣ чего моя товарищи играли *Ричарда Второго*. —30 (?). Я пригласилъ капитана Гаукинса на обѣдъ изъ рыбныхъ блюдъ и велѣлъ сыграть у себя на кораблѣ *Гамлета*, что я позволяю съ тою цѣлью, чтобъ удержать моихъ людей отъ праздности, пагубной игры и сна».

Кто могъ бы представить себѣ *Гамлета* спустя три года послѣ его выѣзда въ свѣтъ столь извѣстнымъ и столь дорогимъ для англійскихъ матросовъ, находившихся въ дальнемъ плаваніи, что они были въ состояніи играть его для собственнаго удовольствія, и играть его экспромтомъ? Можно вообразить болѣе крупное доказательство самой громкой популярности? Истинная иллюстрація къ культурѣ Возрожденія, эта трагедія о датскомъ принцѣ, разыгрываемая простыми англійскими моряками на западно-американскомъ берегу. Къ сожалѣнію, по всемъ вѣроятіямъ, Шекспиръ этого не зналъ объ этомъ.

Возрастающее значеніе Гамлета въ послѣдующіе вѣка соотвѣтствуетъ значенію для современниковъ. Въ поэзіи девятнадцатаго столѣтія весьма много ведетъ отъ него свое происхожденіе. Гёте истолковалъ и пересоздалъ его въ *Вильгельмъ Мейстеръ*, и этотъ пересозданный Гамлетъ называлъ собою Фауста. Когда Фаустъ былъ пересаженъ на англійскую почву, тогда возникъ Манфредъ Байрона, какъ подлинный, хотя и отдаленный потомокъ датскаго принца. Въ самой Германіи байроновскій характеръ получилъ новую и гамлетовскую (собственно іориковскую) форму въ юнгъ и фантастическомъ остроуміи Гейне, въ его ненависти и его юморѣ собственномъ превосходствѣ. Бёрне первый изъясняетъ Гамлета, какъ нѣмца рожденной ему эпохи, постоянно вращающагося въ заколдованномъ кругѣ удобнаго момента для дѣйствія. Однако, онъ чувствуетъ силу пьесы, и у него встрѣчается слѣдующее тонкое выраженіе: «Надъ нимъ виситъ флёръ. Мы хотѣли бы снять его, чтобъ лучше разсмотреть картину, но самый флёръ тоже набросанъ кистью».

Положеніе, къ которому во Франціи принадлежалъ Альфредъ де-Мюссе, которое онъ изобразилъ въ своихъ *Confessions d'un enfant du siècle*, — живое, воспламеняющееся, какъ порохъ, съ преждевременно подрѣзанными нитями, безъ поприща для своей жажды дѣятельности и безъ энергіи на историческомъ поприщѣ, многимъ и многимъ напоминаетъ Гамлета. Самый, быть можетъ, превосходный изъ мужскихъ образовъ Мюссе, Ловаччио, дѣлается французскимъ Гамлетомъ, опытнымъ въ притворствѣ, тщательнымъ, остроумнымъ, мягкимъ въ обращеніи съ женщинами и, тѣмъ не менѣе, оскорбляющимъ ихъ жесткими словами, болѣзненно стремящимся узнать какимъ-нибудь дѣйствіемъ ничтожность своей дурной жизни и дѣйствующимъ слишкомъ поздно, безъ всякой пользы, въ порывѣ отчаянія. Гамлетъ, бывшій за нѣсколько столѣтій тому назадъ молодою Англіей представлявшійся нѣкоторое время для Мюссе молодою Франціей, сдѣлался въ сороковыхъ годахъ тѣмъ именемъ, которымъ, по пророческому предвѣдѣнію Бёрне, окрестила себя Германія. «Гамлетъ—это Германія!»— пѣлъ Фрей-трагъ *).

*) „Deutschland ist Hamlet! Ernst und stumm
In seinen Thoren jede Nacht
Geht die begrabne Freiheit um,
Und winkt den Männern auf der Wacht.

Одновременно съ этимъ, но особенно спустя лѣтъ двадцать послѣ гамлетовскій образъ приобрѣлъ преобладающее вліяніе и надъ русскою литературой, гдѣ его можно прослѣдить, начиная съ произведеній Пушкина, Гоголя и кончая Гончаровымъ и Толстымъ, между тѣмъ какъ въ творствѣ Тургенева онъ прямо занимаетъ главное мѣсто. Но миссія мести въ сознаніи Гамлета отсутствуетъ здѣсь; центръ тяжести перенесенъ на соотвѣтствіе между раздумьемъ и энергіей вообще.

И во время разцвѣта польской литературы въ этомъ столѣтіи была ментъ, когда повтамъ хотѣлось сказать: Гамлетъ—это мы. Глубокія черты его характера встрѣчаются около половины текущаго столѣтія у всѣхъ польскихъ поэтическихъ умовъ, у Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго.

Всѣ они, какъ Гамлетъ, чувствуютъ внутреннее пламя своей юности свое внѣшнее безсиліе, благородные по рожденію и по образу мыслей склонные, въ одно и то же время, къ мечтамъ и къ дѣйствию, къ разсудчивости и опрометчивости. Эти потомки Гамлета жестоки, какъ и онъ, своей Офелии, они покидаютъ ее, когда она ихъ любитъ всего горя. Специальне польская черта въ нихъ—это то, что не рефлексія ихъ, а поэзія отнимаетъ у нихъ силы и ставитъ передъ ними преграды. Такъ какъ нѣмцы этого типа гибнутъ жертвою рефлексіи, французы—жертвою распутства, русскіе — жертвою лѣни, ироніи надъ самими собой или сущности, поляковъ сбиваетъ съ пути и заставляетъ жить въ сторонѣ жизни ихъ воображеніе.

Характеръ Гамлета представляетъ, какъ извѣстно, множество различныхъ сторонъ. Гамлетъ—скептикъ, онъ—человѣкъ, осужденный на бездѣтельность своею совѣстливостью и осторожностью, онъ—человѣкъ по части дѣйствующій нервно, частью, вслѣдствіе нервности, неспособный дѣйствовать, и, наконецъ, онъ—мститель, притворяющійся безумнымъ, только, чтобы тѣмъ лучше совершить дѣло мести. Каждая изъ этихъ сторонъ проявляется у польскихъ поэтовъ. Проблески чего-то гамлетовскаго встречаются во многихъ образахъ, созданныхъ Мицкевичемъ, въ Валленродѣ, Густавѣ, Конрадѣ, Робахѣ. Густавъ говоритъ языкомъ философскаго зумія; Конрадъ предается философскимъ грѣзамъ; Валленродъ и Робахъ цѣляхъ мести притворяются или надѣваютъ на себя чужой костюмъ, слѣдній же изъ нихъ убиваетъ, какъ и Гамлетъ, отца своей возлюбленной. Радикально задуманному польскому гамлетовскому типу у Словацкаго

Da steht die Hohe, blank bewehrt,
Und sagt dem Zaudrer, der noch zweifelt:
„Sei mir ein Rächer, zieh dein Schwert!
Man hat mir Gift in's Ohr geträufelt“.

(Германія—это Гамлетъ. Строго и безмолвно входитъ каждую ночь въ ея волю похоронная свобода и дѣлаетъ знаки людямъ, находящимся на стражѣ. Вотъ сто она, царственная, въ блестящемъ вооруженіи и говоритъ все еще сомнѣвающимъ медителю: „Будь мстителемъ за меня! Вынь свой мечъ изъ ноженъ! Мнѣ рана въ ухо отраву“.

вѣтствуетъ консервативно задуманный Гамлетъ у Красинскаго. Герой *Нестивой комедіи* Красинскаго имѣетъ немало общихъ чертъ съ датскимъ принцемъ. Онъ надѣленъ болѣзненною чувствительностью и воображеніемъ Гамлета. Онъ охотникъ до монологовъ и занимается драматическимъ искусствомъ. У него крайне чуткая совѣсть, но онъ можетъ совершать жестокіе поступки. За нелѣпую мнительность его природы судьба караетъ его умасшествіемъ его жены, приблизительно такъ же, какъ Гамлета за его витворное безуміе постигаетъ кара въ видѣ дѣйствительнаго помѣшательства Офеліи. Но этого Гамлета снѣдаетъ болѣе современная пытка сомнѣній, нежели Гамлета эпохи Ренессанса. Послѣдній сомнѣвается въ томъ, есть ли духъ, за котораго онъ ополчается, нѣчто болѣе, чѣмъ привидѣніе. Когда графъ Генрихъ запирается въ «замкѣ Пресвятой Троицы», онъ не увѣренъ въ томъ, что сама Пресвятая Троица есть нѣчто большее, чѣмъ призракъ.

Иными словами: около двухъ съ половиною вѣковъ послѣ того, какъ образъ Гамлета зародился въ фантазіи Шекспира, мы видимъ его живущимъ въ англійской и французской литературѣ и, какъ типъ, властвующимъ надъ умами въ нѣмецкомъ и двухъ славянскихъ языкахъ, и теперь, черезъ 300 лѣтъ послѣ его появленія на свѣтъ; онъ повѣренный и другъ борющихся и мыслящихъ людей во всѣхъ странахъ. Въ этомъ есть что-то необычайное. Такимъ проникновеннымъ взоромъ заглянулъ Шекспиръ въ ядра своего собственного существа, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и въ глубь чуждой природы, и такъ увѣренно и смѣло изобразилъ онъ во внѣшнихъ чертахъ то, что видѣлъ, что цѣлыя вѣка послѣ того люди различныхъ странъ и различныхъ племенъ чувствовали, какъ его рука лѣпила, словно воскъ, ихъ природу, и въ его поэзіи видѣли, какъ въ зеркалѣ, свое собственное отраженіе.

VIII.

Помимо всего прочаго, *Гамлетъ* даетъ намъ возможность неожиданно ознакомиться со взглядами Шекспира на его собственное искусство, какъ поэта и актера, и съ положеніемъ и условіями его театра въ 1602—3 г.

Если мы внимательно прочтемъ слова принца къ актерамъ, то получимъ живое представленіе о томъ, почему современники Шекспира постоянно подчеркиваютъ сладкій, медовый характеръ его искусства. Намъ онъ можетъ казаться размашистымъ, потрясающе-патетическимъ, переступающимъ всѣ предѣлы; сравнительно съ современными ему художниками, и не только стремительными и напыщенными, какъ Марло въ началѣ его поприща, но и со всѣми, онъ сдержанъ, умѣренъ, исполненъ прелести, эстетики, какъ самъ Рафаэль. Гамлетъ говоритъ актерамъ:

«Если ты будешь кричать, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, такъ это будетъ мнѣ такъ же пріятно, какъ если бы мои стихи распѣвалъ разномышль». Не пыли слишкомъ усердно воздуха руками, такъ; будь умѣрен-

нѣе. Среди потока, бури и, такъ сказать, водоворота твоей страсти долженъ ты сохранять умѣренность: она придастъ тебѣ пріятности. О, нѣ всегда ужасно досадно, если какой-нибудь дюжій, длинноволосый молодецъ разрываетъ страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ухахъ райка, который не смыслить ничего, кромѣ неизяснимой нѣмой пантомимы и крика! Такого актера я въ состояніи бы высѣчь за его крикъ и натяжку. Пожалуйста, избѣгай этого.

1-й актеръ. Ваше высочество можете на насъ положиться.

Гамлетъ. Не будь, однако же, и слишкомъ вялъ; твоимъ учителямъ пусть будетъ собственное сужденіе...»

Логически теперь должно бы слѣдовать предостереженіе противъ опасностей чрезмѣрной мягкости. Однако, его нѣтъ. Въмѣсто того, далѣе говорится:

«Мимика и слово должны соответствовать другъ другу; особенно обращай вниманіе на то, чтобы не переступать за границу естественнаго. *Всѣ что изысканно, противорѣчитъ намъренію театра, цѣль котораго была есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ.* Если представить ихъ слишкомъ сильно или слабо,—конечно, профана заставишь иногда смѣяться, но знатоку досадно; а для васъ сужденіе знатока должно перевѣшивать мнѣніе всѣхъ остальныхъ. Я видѣлъ актеровъ, которыхъ превозносили до небесъ, и что же? Въ словахъ и походкѣ они не походили ни на христіанъ, ни на жидовъ, ни вообще на людей; выступали и козлогласовали такъ, что я подумалъ, какой-нибудь поденщикъ природы надѣлалъ людей, да неудачно. Такъ ужасно подражали они человѣчеству.

1-й актеръ. У насъ это рѣдко встрѣтится, надѣюсь.

Гамлетъ. Уничтожьте вовсе!...»

Такимъ образомъ, хотя Гамлетъ, повидимому, хочетъ въ равной степени предостеречь противъ чрезмѣрной пылкости и чрезмѣрной вялости предостереженіе противъ вялости тотчасъ же, однако, переходитъ снова въ просьбу избѣгать преувеличенія, «козлогласованія»,—того, что въ настоящее время мы называемъ высокопарною трагическою декламаціей. Больше всего заботятъ Шекспира опасности, сопряженныя не съ мягкимъ, а съ бурнымъ исполненіемъ.

Какъ мы уже ставили на видъ, Шекспиръ выражаетъ здѣсь не только свои стремленія вообще, какъ драматурга, но даетъ формальное опредѣленіе сущности драмы и обозначаетъ ея цѣль, и, что довольно знаменательно, это опредѣленіе точь-въ-точь совпадаетъ съ тѣмъ, которое одновременно Сервантесъ въ *Донъ-Кихотъ* вкладываетъ въ уста священнику «Комедія,—говорить этотъ послѣдній,—должна быть, по мнѣнію Туллія, зеркаломъ для человѣческой жизни, образцомъ для нравовъ, изображеніемъ истины».

Шекспиръ и Сервантесъ, покрывшіе блескомъ славы одну и ту же эпоху и умершіе въ одинъ и тотъ же день, не знали о существованіи другъ дру

га, но, согласно съ духомъ времени, заимствовали свое основное опредѣленіе драматическаго искусства у Цицерона. Сервантесъ прямо говоритъ это; Шекспиръ, не желавшій заставлять своего Гамлета шеголять ученостью, намекаетъ на это словами: «цѣль котораго *была*, есть и будетъ».

И, подобно тому, какъ устами Гамлета Шекспиръ высказался здѣсь о невѣстной сущности и цѣли своего искусства, такъ, въ видѣ исключенія, онъ изложилъ здѣсь свои временныя художественныя огорченія, свое уныніе по поводу положенія, въ которомъ какъ разъ въ этотъ моментъ находился его театръ. Мы уже касались выше (т. I, стр. 208) сѣтованій поэта на конкуренцію, въ которую именно въ это время вступила съ шекспировскимъ актерскимъ товариществомъ дѣтская труппа изъ хоровой школы собора св. Павла, игравшая на сценѣ Блаффрайерскаго театра. Эти сѣтованія нашли себѣ выраженіе въ разговорѣ Гамлета съ Розенкранцемъ. Въ нихъ слышится такое уныніе, какъ будто шекспировская труппа нѣкоторое время совсѣмъ пришла въ упадокъ. Много, навѣрное, способствовало этому то обстоятельство, что самый популярный ея талантъ, ея комикъ, знаменитый Кемпъ, какъ разъ въ 1602 г. покинулъ ее и, какъ мы уже упоминали, перешелъ въ труппу Генело. Кемпъ съ самаго начала игралъ всѣ крупныя комическія роли въ пьесахъ Шекспира—Петра и Балтазара въ *Ромео и Юліи*, Шало въ *Генрихъ IV*, Ланчелота въ *Венеціанскомъ купцѣ*, Клюкву въ *Много шума изъ ничего*, Оселка въ комедіи *Какъ вамъ это понравится*. Теперь, когда онъ перешелъ на сторону врага, его отсутствіе горько оплакивалось труппой.

Гамлетъ даетъ намъ понять, что Кемпъ весьма часто раздражалъ Шекспира своею дерзостью, выражавшеюся въ его прибавленіяхъ и импровизаціяхъ. Въ прежнія времена комики могли, какъ о томъ свидѣтельствуешь текстъ пьесъ, такъ же свободно распоряжаться своими ролями, какъ итальянскіе актеры въ *Commedia dell'arte*. Богатое и безуворизненное искусство Шекспира не оставляло мѣста для подобнаго произвола. Теперь, когда Кемпъ ушелъ изъ труппы, поэтъ изъ устъ Гамлета послалъ ему въ долгонку слѣдующую стрѣлу:

«Да и шуты пусть не говорятъ, чего не написано въ роли: чтобы заставить смѣяться толпу глупцовъ, они хохочутъ иногда сами въ то время, когда зрителямъ должно обдумать важный моментъ пьесы: это стыдно и доказываетъ жалкое честолюбіе шута».

Какъ видитъ читатель, эта выходка, все-таки, выдержана въ совершенно общемъ тонѣ, поэтому она могла быть сохранена, когда Кемпъ вернулся. За то въ слѣдующихъ изданіяхъ (а потому и въ пьесѣ) вычеркнута дѣлая, гораздо болѣе рѣзкая и несравненно болѣе личная выходка, находящаяся въ изданіи 1603 г., но оказавшаяся уже неумѣстной послѣ возмущенія блуднаго сына. Она трактуетъ о комикѣ, выдумки котораго такъ популярны, что записываются джентльменами, любящими посѣщать театръ; и водится цѣлый рядъ крайне слабыхъ обращиковъ его шутовскихъ рѣчей. Частаго буфонства клоуна изъ цирка, и, наконецъ, Гамлетъ добиваетъ

злополучнаго комика словами, что ему никогда въ жизни не сказать остроты, какъ не поймать зайца слѣпому.

Извѣстно, что артиста не такъ легко раздражить нападками на него самого, сколько горячими похвалами по адресу его товарищей по амплу. Поэтому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Шекспиръ, заставляя Гамлета восхвалять умершаго Юрика, имѣлъ въ мысляхъ умершаго Тарльтона, симпатичнаго и знаменитаго предшественника Кемпа. Если бы Шекспиръ не имѣлъ извѣстнаго умысла, опредѣляя черепъ, какъ черепъ шута (jester), то было бы такъ же естественно заставить этотъ черепъ принадлежать какому-нибудь старому служителю Гамлета. Но если поэтъ въ первые годы своей дѣятельности на театральномъ поприщѣ зналъ лично Тарльтона, и если грубое поведеніе Кемпа оживило въ его памяти очаровательный юморъ его предшественника, то естественно было съ выходкой противъ Кемпа соединить горячее восхваленіе великаго комика *).

Тарльтонъ былъ похороненъ 3 сентября 1588 г. Это вполнѣ совпадаетъ съ указаніемъ въ первомъ изданіи *in quarto*, что Юрикъ пролежалъ въ землѣ около двѣнадцати лѣтъ. И лишь благодаря этому намъ становится вполнѣ понятенъ сильный взрывъ чувства у Гамлета:

«Я зналъ его, Горацио; человекъ съ безконечнымъ юморомъ, съ дивною фантазійей. Тысячу разъ носилъ онъ меня на плечахъ, а теперь—какъ оттапливаютъ мое воображеніе эти останки! Мнѣ почти дурно! Тутъ были уста,—я цѣловалъ ихъ такъ часто! Гдѣ теперь твои шутки? Твои ужимки? Гдѣ пѣсни, молніи остроты, отъ которыхъ всѣ пирующие хохотали до упаду?»

Alas, poor Yorick! Сердечное восклицаніе, вырвавшееся по поводу его у Гамлета, сохранить безсмертною его память и тогда, когда позабудутся увѣковѣченные въ печати его фарсы. Онъ былъ народный шутъ, и шутъ придворный, и шутъ на сценѣ, всюду одинаково любимый; о немъ рассказываютъ, что онъ говорилъ Елизаветѣ больше истинъ, чѣмъ всѣ ея каплеланы, и лучше всѣхъ ея врачей умѣлъ лечить ея меланхолю.

Такимъ образомъ, въ *Гамлетѣ* Шекспиръ не только высказался откровенно о театральныхъ дѣлахъ, но произнесъ похвальное слово замѣчательному актеру послѣ его смерти и далъ великій примѣръ добраго и приличнаго обхожденія съ даровитыми актерами при ихъ жизни. Его датскій принцъ стоитъ высоко надъ вульгарнымъ предубѣжденіемъ противъ нихъ. Наконецъ, Шекспиръ прославилъ здѣсь самую драматическую поэзію, служеніе которой было дѣломъ, наиболѣе близкимъ его сердцу, и наполняло собой всю его жизнь, прославилъ ее, сдѣлавъ здѣсь драму радикальнымъ средствомъ, съ помощью котораго истина выходитъ наружу, такъ что справедливость можетъ восторжествовать. Представленіе пьесы объ убійствѣ Гонзаго есть та ось, вокругъ которой вращается трагедія. Съ той ми-

*) Ср. *New Shakespeare Society's Transactions*, 1890—86, стр. 60 и слѣд.

ты, какъ король себя выдалъ, прекративъ представленіе, Гамлетъ знаетъ все, что хотѣлъ знать.

Когда Іаковъ вступилъ на престолъ, *Гамлетъ* получилъ еще новый интересъ вслѣдствіе того, что королева Анна была датская принцесса. На великогнѣнномъ праздникѣ, устроенномъ 15 марта 1604 г. въ честь короля Іакова, королевы Анны и принца Генри-Фредерика по поводу ихъ торжественнаго въѣзда изъ Тоуэра въ Уайтголль черезъ Сити, съ трибуны, воздвигнутой рядомъ съ церковью St.-Mildred, былъ весьма оживленно и эффектно исполненъ девятью трубами и однимъ барабаномъ *датскій маршъ*, «для того, чтобъ угостить королеву музыкой ея родной страны». Что это былъ за маршъ, теперь неизвѣстно, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ играть въ 2-й сценѣ 5-го акта *Гамлета*, гдѣ предписывается трубная и барабанная музыка и гдѣ въ наши дни на Théâtre Français такъ наивно играютъ «Kong Christian stod ved højen Mast» *).

В. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Kong Christian stod ved højen Mast“ (король Христіанъ стоялъ у высокой мачты), — современный датскій народный гимнъ, сочиненный Іоганнесомъ Эвальдомъ въ 1774 г. (онъ вставленъ потомъ въ его пьесу *Рыбаки*) и положенный на музыку еще позднѣе старшимъ Гартманномъ, дѣдомъ нынѣ живущаго 80-ти лѣтняго датскаго композитора Гартмана. Слѣдовательно, въ *Гамлетѣ* этотъ гимнъ является комическимъ анахронизмомъ. Прим. перев.

Водное законодательство и право въ Россіи *)

Мусульманское право содержитъ въ себѣ нѣсколько весьма важныхъ постановленій относительно порядковъ пользованія водою, въ изученію которыхыхъ—на Кавказѣ и въ Крыму—мы теперь переходимъ.

Въ ст. 9 кн. XV Ибни Гаджаръ сказано, что «соучастникамъ (въ пользованіи водою) предоставляется, съ общаго согласія, дѣлить воду между собою и по очереди, т.-е. производить поливку посуточно всею водою или по другому очередному расчету». Въ ст. 3 гл. II кн. XXIX Мовкуфатъ говорится, что «одинъ изъ владѣльцевъ рѣки или канавы, безъ согласія прочихъ, не имѣетъ права отвести какую-либо часть воды ея въ другую канаву или построить мельницу, или гидравлическое колесо, или же мостъ; впрочемъ, мельницу можетъ построить, если отъ этой постройки не предвидится канавѣ или еводѣ ущерба. Также не можетъ одинъ изъ владѣльцевъ, безъ участія другихъ, расширить канаву или дѣлить пользованіе ею на дни или измѣнитъ вообще систему дѣленія безъ общаго согласія, хотя бы не предполагалось при этомъ другимъ никакого вреда». Въ гл. VI шитской книги Кевандуль Акхамъ говорится: «Если цѣлое общество общимъ иждивеніемъ и трудомъ проложитъ канаву на свободной землѣ и соединитъ ее съ водою предназначенной рѣки, то всѣ члены его суть соучастники въ этой канавѣ, каждый соразмѣрно со своимъ трудомъ или расходомъ, и даже считается владѣльцемъ текущей по ней воды, по мнѣнію однихъ улемовъ». Та же книга (гл. VII) опредѣляетъ порядковъ содержанія водооросительныхъ канавъ: «Если общественная канава, — говорится здѣсь, — потребуетъ углубленія или починки, или исправленія, или устройства прочнаго пруда, или плотины, то издержки лежатъ на обязанности всего общества и каждый членъ его долженъ участвовать въ оной соразмѣрно со своимъ правомъ на часть воды ея». То же самое повторяетъ глава VI шитской книги Техриуль Акхамъ **); въ этой книгѣ (въ гл. II) есть одно интересное разъясненіе

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

***) «Если канава, принадлежащая извѣстному обществу, потребуетъ разработку, углубленія или починки, или поправленія своихъ стѣнъ по обоимъ краямъ, или чего либо подобнаго, то издержки лежатъ на обязанности самого общества и всѣ члены его должны участвовать въ таковой работѣ, каждый соразмѣрно со своимъ правомъ на канаву».

томъ, какъ должно поступать въ случаѣ недостатка воды, происшедшаго влѣдствіе засухи или отъ другихъ причинъ: «Если воды въ канавѣ недостаточно,—разъясняютъ мусульманскіе юристы,—то она распределяется между членами общества очереднымъ порядкомъ или инымъ способомъ по общему соглашенію». Такимъ образомъ, мусульманское право предоставляетъ управленіе водою и ея распределеніе самоуправляющимся органамъ.

Такимъ органомъ въ Закавказьи былъ, при персидскомъ владычествѣ, *магалъ*—административная водная единица, территорія которой составлялась исторически, по мѣрѣ развитія ирригаціи въ краѣ и увеличенія его населенія. Иногда магалъ составлялся изъ территорій, орошаемой цѣлою рѣкой и ея притоками и выведенными изъ нея каналами, иногда сѣтъ каналовъ, выведенная изъ большой рѣки, образовывала самостоятельный магалъ. Въ одинъ магалъ соединялись далѣе нѣсколько родниковъ и небольшихъ ручьевъ, дававшихъ воду для орошенія, а иногда эти ручьи и источники, съ выведенными изъ нихъ каналами, присоединялись къ какому-либо болѣе крупному магалу. Каждое сельское общество магала опредѣляло на ежегодныхъ сходкахъ распределеніе воды изъ каналовъ, орошающихъ его землю, и наблюденіе за правильностью этого распределенія принадлежало почетнымъ лицамъ селенія, которыя, въ такомъ случаѣ, получали названіе *сувекилей*. Кромѣ этихъ лицъ, слѣдившихъ за правильностью распределенія воды внутри селеній, существовали еще и другія, обязанности которыхъ заключались въ наблюденіи за правильнымъ распределеніемъ воды изъ рѣкъ—*мирабы* и подчиненные имъ *джувары*, обязанные слѣдить за правильнымъ распределеніемъ воды въ каналахъ, орошающихъ землю нѣсколькихъ селеній. Какъ *мирабы*, такъ и *джувары* находились въ непосредственномъ подчиненіи *сардарей* и *хановъ*, строго слѣдившихъ за ихъ дѣйствіями и жестоко каравшихъ за злоупотребленія. Кромѣ названныхъ выше должностныхъ лицъ, существовали еще и коллегіальные учрежденія по управленію водами всего магала, а именно: собранія почетныхъ лицъ магала, завѣдывавшія хозяйственными вопросами, относящимися къ устройству и содержанію ирригаціонныхъ сооруженій, и опредѣлявшія временные порядки пользованія водами въ годы чрезвычайныхъ засухъ или наводненій. Эти же магалныя собранія, равно какъ и собранія *сувекилей*, обладали судебною властью, каравшею нарушителей установленнаго порядка. Съ присоединеніемъ Закавказья порядокъ этотъ въ значительной мѣрѣ нарушился. Во всѣхъ ирригаціонныхъ районахъ края возникало множество споровъ о нарушеніяхъ порядковъ распределенія воды и жалобъ на эти нарушенія, разрѣшить и прекратить которыя оказывались безсильны тѣ еженедѣльные собранія наиболѣе почетныхъ лицъ ирригаціоннаго бассейна, которыя, по старинному обычаю, собирались до самаго послѣдняго времени для регулированія воинныхъ отношеній края. Въ сухіе годы, когда въ рѣкахъ имѣлось воды менѣе средней нормы, нарушенія эти проявлялись съ особою силой и служили поводомъ къ столь обычнымъ въ краѣ вооруженнымъ столкновеніямъ, сопровождавшимся нерѣдко пораненіями и убійствами.

Водяныя отношенія, сложившіяся въ Крыму, во многомъ напоминаютъ собою закавказскія, но, въ то же время, во многомъ и отличаются отъ нихъ. Въ Крыму нѣтъ такихъ большихъ и многоводныхъ рѣкъ, съ какими мы имѣемъ дѣло въ Закавказьи, площадь орошаемыхъ земель здѣсь значительно меньше, и, кромѣ того, въ Крыму мы встрѣчаемся съ населеніемъ гораздо болѣе разнообразнымъ по степени своего культурнаго развитія, чѣмъ въ Закавказьи. Обычныя формы водопользованія сохранились здѣсь, главнымъ образомъ, среди коренного татарскаго населенія, но одинаковость топо-и гидрографическихъ условій, въ которыя стало здѣсь пришлое населеніе какъ русскаго, такъ и иностраннаго происхожденія, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что и послѣднее стало вырабатывать съ теченіемъ времени нормы водопользованія, во многомъ напоминающія обычныя.

Въ литературѣ нашей нѣтъ, сколько намъ извѣстно, почти никакихъ свѣдѣній объ обычныхъ порядкахъ водопользованія въ Крыму, и потому мы изложимъ здѣсь часть матеріала, собраннаго нами по этому предмету, и, притомъ, въ его болѣе или менѣе конкретномъ видѣ.

Земли поселянъ (татаръ) деревни Дерикой, Ялтинскаго уѣзда, орошаются водами рѣчекъ Гувы, Бала-Узена и источниковъ Понагіи и Птамеца. По признанію поселянъ, вода этихъ рѣчекъ и источниковъ принадлежитъ всѣмъ пользующимся ею. Поливка производится изъ общественныхъ канавъ, отводящихъ воду въ верхнемъ теченіи рѣкъ и источниковъ и устроенныхъ въ незапамятныя времена. Поливаются (орошаются) какъ сады, такъ и табачныя плантаціи и огороды. Послѣдніе (т.-е. табачныя плантаціи и огороды) занимаютъ не болѣе $\frac{1}{3}$ общаго количества орошаемыхъ земель, площадь которыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть увеличиваема отдѣльнымъ владельцемъ земельныхъ участковъ. За нимъ зорко слѣдитъ все общество, въ особенности въ годы маловодья. Въ годы обильныя водою общество разрѣшаетъ орошеніе неполивныхъ земель—обыкновенно табачныхъ плантацій, болѣе легко переносящихъ лѣтнюю засуху и потому разводимыхъ съ меньшимъ рискомъ, чѣмъ сады. Общественныя каналы приводятся въ надлежащій порядокъ каждый годъ всѣмъ обществомъ. Для этой цѣли раннею весной составляется постановленіе стариковъ деревни, какъ извѣстно, замѣняющихъ сельскій сходъ русскихъ поселеній, въ силу котораго каждый владелецъ поливного участка, независимо отъ размѣровъ послѣдняго, обязанъ выслать одного рабочаго для производства необходимыхъ работъ. Это постановленіе стариковъ (схода), встаети сказать, очень исправно соблюдаемое всѣми поселянами, гораздо чаще замѣняется простымъ объявленіемъ кѣмъ-либо изъ должностныхъ лицъ общества (староста, сотскій, мулла) о времени начала работъ по очисткѣ и исправленію канавъ. Старики (сельскій сходъ) опредѣляютъ также каждый годъ «очередь» поливовъ и разрѣшаютъ споры, происходяшіе отъ ея нарушенія. Одинъ годъ она начинается съ участковъ, лежащихъ вблизи верхнихъ частей канавы, другой—съ участковъ, лежащихъ въ нижнихъ частяхъ ея, третій—вода пускается, такъ

сказать, скачками—то въ верхній, то въ нижній садъ. Прибрежность или неприбрежность (относительно берега рѣки) орошаемаго участка не имѣетъ здѣсь ровно никакого значенія, а смыслъ слова «очередь» совершенно ясно опредѣляется слѣдующимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ намъ стариками деревни: «очередь дается тому, у кого садъ больше сохнетъ». Последнее обстоятельство констатируется каждый разъ наиболѣе почетными и опытными лицами деревни, которымъ владѣлецъ сада, страдающаго отъ засухи, заявляетъ о своей нуждѣ.

Въ Крыму много говорятъ о необходимости учрежденія постоянныхъ топографическихъ очередей при поливкѣ садовъ, и потому мы не могли не заинтересоваться выясненіемъ причинъ происхожденія того установленія очередей, какой былъ только что описанъ. Оказалось, во-первыхъ, что послѣднія господствуютъ среди громадной части поселеній южнаго берега Крыма. Во-вторыхъ, ближайшее изученіе обнаружило крайнее непостоянство механическаго строенія почвъ этой части полуострова. Одинъ годъ, подъ влияніемъ осеннихъ и весеннихъ потоковъ, со стремительною силой несущихся какъ по рѣчкамъ, такъ и по орошаемымъ ими склонамъ долинъ ихъ, очень крутыхъ и усѣянныхъ обломками горныхъ породъ, механическое строеніе составныхъ частей верхняго слоя почвы оказывается однимъ, а другой — другимъ. Тамъ, гдѣ въ одномъ году поверхность почвы была покрыта болѣе крупными частицами, въ другой — оказываются частицы мелкія, и наоборотъ. Не нужно быть агрономомъ, чтобы понять, что *испареніе* воды изъ почвы будетъ, благодаря этимъ обстоятельствамъ, мѣняться изъ года въ годъ въ одномъ и томъ же саду или плантаціи. Садъ, обезпеченный однимъ количествомъ влаги и способный удерживать ее болѣе продолжительное время одинъ годъ, можетъ оказаться въ совершенно противоположныхъ условіяхъ въ другой. Очевидно, что установленіе, при такомъ положеніи вещей, топографическаго порядка очередей имѣло бы самыя пагубныя послѣдствія и не достигало бы цѣли сколько-нибудь разумнаго водяного хозяйства—использовать имѣющуюся воду наиболѣе рациональнымъ образомъ.

Деревня Деривкой достаточно обезпечена водою своихъ рѣчекъ и источниковъ и потому мы не встрѣчаемся здѣсь даже съ вопросомъ о мѣрѣ воды, отводимой каждому владѣльцу, ни о вопросѣ о количествѣ времени, на какое вода отводится. Главныя оросительныя каналы настолько не велики, что во время поливки вся вода ихъ отводится въ орошаемый садъ и владѣлецъ его задерживаетъ воду столько времени, сколько ему нужно.

Въ гораздо менѣе благоприятныя условія поставлена въ ирригаціонномъ пошеніи деревня Ай-Василь, лежащая выше дер. Деривкой по р. Балаюню. Изъ послѣдней на земли дер. Ай-Василь проведены двѣ главныя оросительныя каналы. Поливаются по преимуществу сады и лишь тѣ тащныя плантаціи, которыя расположены въ садахъ же, или молодыхъ, или очень рѣдкимъ насажденіемъ фруктовыхъ деревьевъ, такъ какъ воды р. Бала-Узенья немного, и, кромѣ того, въ водѣ той же рѣчки заните-

ресовано населеніе ниже лежащей дер. Дерикой. Поселяне Ай-Василя имѣютъ полную возможность задержать всю воду рѣчки Бала-Узень, но старинный обычай не позволяетъ имъ всецѣло воспользоваться этою возможностью: противъ чрезмѣрной задержки воды тотчасъ протестуютъ жители дер. Дерикой, и вопросъ улаживается послѣ взаимныхъ переговоровъ стариковъ обѣихъ деревень. Очередь поливокъ опредѣляется и здѣсь какъ и въ дер. Дерикой, въ зависимости отъ качества почвы и состоянія садовъ. Въ годы же чрезвычайныхъ засухъ, когда количество воды уменьшается очень сильно, старики опредѣляютъ и количество времени, въ продолженіе котораго каждый владѣлецъ можетъ поливать свой садъ. Это количество времени поставлено въ зависимость отъ пространства каждаго поливного сада, съ тѣмъ, однако, расчетомъ, чтобы распредѣленіе воды оказалось справедливымъ и крупный садовладѣлецъ не воспользовался бы водою въ ущербъ мелкому. Подробнѣе этого распредѣленія выяснить намъ не удалось, потому что мы посѣтили Ай-Василь въ такое время года, когда поливки были уже закончены, а татары могутъ съ гораздо большимъ успѣхомъ повязать, чѣмъ рассказать, какъ они распредѣляютъ воду. Наблюденіе за порядкомъ пользованія водами въ однѣхъ деревняхъ лежитъ на обязанности общества или, вѣрнѣе, 4—5 стариковъ, къ которымъ обращаются въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній и споровъ. Иногда, въ періоды большихъ засухъ, жители Ай-Василя ставятъ особое лицо, наблюдающее за правильнымъ разборомъ воды изъ главныхъ канавъ, которому уплачиваютъ нѣкоторое вознагражденіе по приговору общества. Это лицо носитъ названіе су-баханъ, водяной сторожъ. Порядокъ содержанія въ исправности канавъ и ихъ ремонта совершенно такой же, какъ и въ предъидущемъ случаѣ. Вода этихъ канавъ отводится въ каждый садъ во всемя объѣмъ, но часто случается, что владѣлецъ сада, очередь поливки котораго еще не наступила, нуждается въ водѣ, наприм., для поливки огородной расады. Въ такомъ случаѣ онъ проситъ своего сосѣда дать ему на «цапку» воды. «Цапка» — весьма распространенная въ Крыму мѣра воды, но мѣра крайне неточная. «Цапка» есть, собственно говоря, земледѣльческое орудіе, представляющее изъ себя равнобедренный треугольникъ съ основаніемъ въ 3—5 верш. и высотой въ 5—7 вершковъ, приложенное къ болѣе или менѣе длинной деревянной рукояткѣ. Этимъ орудіемъ почва «цапается», т.е. взрыхляется. Выраженіе «дать воды на цапку» означаетъ позволить отвести отъ главной оросительной капавы второстепенную канавку такого размѣра, какой получается отъ удара цапки по краю канавы. Всюду, гдѣ это было возможно, мы старались, во время нашихъ разѣздовъ по полуострову, посмотрѣть, такъ сказать, «во-очію», что такое цапка воды, и убѣдились, что въ каждой мѣстности существуетъ своя «цапка», служащая единицей мѣры.

Совершенно такіе же порядки водопользованія мы встрѣтили и въ другихъ поселеніяхъ южнаго берега Крыма, какъ, наприм., Никитѣ, Каркулетѣ (Дегерменской), Партенитѣ и проч. Въ заключеніе опишемъ порядки

водопользованія оросительными водами въ извѣстномъ по своему красивому мѣстоположенію селеніи Алуштѣ. Это селеніе орошается водами рѣчекъ Улу-Узень, Демерджи и нѣсколькихъ болѣе мелкихъ ручьевъ и источниковъ. По той же рѣчкѣ Улу-Узенью (самой многоводной) расположено довольно крупное селеніе Корбеклы (Верхнее и Нижнее). Въ періодъ относительнаго наводья корбекліицы задерживаютъ всю воду Улу-Узенья и тѣмъ ставятъ населеніе Алушты въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ при сколько-нибудь продолжительной задержкѣ воды вверху сады ихъ начинаютъ сильно страдать. Мирные переговоры съ корбекліицами, съ которыхъ начинаютъ жители Алушты, мало-по-малу принимаютъ все болѣе и болѣе острый характеръ и дѣло скоро доходитъ до насилій. Кромѣ этой внѣшней войны, жителямъ Алушты приходится вести еще и почти непрерывную междоусобную войну. Старостѣ и уряднику приходится употреблять всѣ мѣры, чтобы въ ихъ распоряженіи средства, чтобы сколько-нибудь урегулировать очередь поливокъ изъ 4 общественныхъ канавъ, орошающихъ земли Алушты. Сознаніе, что установленіе очереди поливокъ, и, притомъ, не топографической, а такой, при которой были бы соблюдены интересы каждаго, очень живо среди населенія и выражается въ дѣломъ рядѣ постановленій схода по этому поводу. Но при современномъ положеніи вещей и старики селенія, и его административныя лица не въ силахъ прекратить нарушенія ихъ. Право сильнаго господствуетъ здѣсь и безпорядки по дѣлу усиленія русскаго землевладѣнія и развитія садоводства принимаютъ все болѣе острую и хроническую форму. Еще въ 1881 году, по словамъ стариковъ Алушты, поливные сады тянулись не болѣе, какъ на три версты отъ селенія въ долину Улу-Узенья, а теперь они тянутся на дѣльяхъ восемь. Частные владѣльцы поливныхъ садовъ, орошаемыхъ изъ общественныхъ канавъ, нанимаютъ специальныхъ лицъ изъ подонковъ общества, чтобы «захватывать» во-время воду или, лучше сказать, отбить ее отъ другого владѣльца путемъ разрушенія преградъ, ее задерживающихъ, и т. д., и, по словамъ этихъ же владѣльцевъ, часто ихъ деньги на наемъ этихъ людей пропадаютъ даромъ, такъ какъ воду защищаетъ всякій. И вотъ на сцену является прямое насиліе. Результатомъ сказаннаго является крайне нежелательное отношеніе къ водѣ населенія, несмотря на то, что она обеспечиваетъ все его благосостояніе. Масса воды пропадаетъ бесполезно, просачиваясь по канавамъ, дурно содержимымъ и постоянно пересѣваемымъ то и туда, то здѣсь; еще большее количество ея пропадаетъ отъ того, что всякій, такъ или иначе захватившій воду, старается полить свой садъ настолько сильно, чтобы обезпечить себя влагой на болѣе долгое время, а то, по мѣстнымъ почвеннымъ условіямъ, оказывается далеко не всегда достижимымъ. Весьма примѣчательно, что сами татары Алушты давно уже знаютъ весь вредъ, происходящій отъ такого водопользованія. Уже давно въ головахъ ихъ носится мысль о необходимости устроить запасные водопроводы, цементировать канавы и т. д. Сдѣлавъ это, можно было бы не скорѣе по поводу быстрого расширенія площади садовъ: воды хватило бы

на поливку площади въ два или три раза большей, чѣмъ теперешняя. Не хватаетъ только инициативы, а, главное, организаціи, чтобъ осуществить эти благія намѣренія. Возможность такой организаціи доказывается тѣмъ, что очень недавно здѣсь была сдѣлана попытка учредить «водное товарищество», для чего была собрана, по подпискѣ, довольно крупная сумма. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, чѣмъ эта попытка окончилась.

Обратимся теперь къ краткому изложенію тѣхъ письменныхъ соглашеній, въ которыя вступаютъ между собою частныя лица относительно пользованія водой. Но, прежде чѣмъ сдѣлать это, попытаемся охарактеризовать одну изъ рѣчекъ, текущихъ по сѣверному склону крымскихъ горъ, такъ какъ такая характеристика объяснитъ намъ нѣкоторые постановленія интересующихъ насъ договоровъ. Для характеристики этой выбираемъ рѣчку Качу, какъ болѣе намъ знакомую и относительно пользованія водой которой въ нашихъ рукахъ имѣется весьма любопытный договоръ. Начинаясь въ довольно узкомъ ущельи у Бабуганъ-Яйлы, эта рѣчка течетъ по восточному склону полуострова. Долина, образуемая ею, нѣсколько расширяется у деревни Біа-Сала, населенной русскими крестьянами, и становится уже относительно широкою по ту сторону лозово-севастопольской дороги; по направленію къ дд. Каламтай и Эфендикой, вблизи которой она снова становится нѣсколько уже, и къ деревнямъ Аранчи, Эски-Али и Маматай, недалеко отъ которой Кача впадаетъ въ море. Какъ велико паденіе Качи— неизвѣстно. Личное впечатлѣніе, вынесенное нами при обозрѣніи этой рѣчки таково, что оно невелико. Эта рѣчка принадлежитъ, повидимому, къ относительно спокойнымъ и по быстротѣ своего теченія и разрушительному дѣйствію не можетъ быть сравниваема съ бѣшеными потоками южнаго побережья. Ложе самой рѣчки каменисто и берега ея, постоянно мѣняющіеся лишены почти всякой растительности. Но за то склоны долины рѣчки, относительно пологіе, представляютъ изъ себя сплошной садъ, орошаемый изъ канавъ, то тамъ, то здѣсь отводимыхъ изъ русла рѣчки путемъ устройства искусственныхъ загражденій. Не слѣдуетъ думать, что загражденія эти представляютъ изъ себя нѣчто дорого стоящее, капитальное. Нѣсколько колебъ вбивается въ каменистое ложе рѣчки, къ нимъ приваливается нѣсколько болѣе крупныхъ камней, взятыхъ по близости изъ самаго ложа рѣчки, промежутки между ними заполняются болѣе мелкимъ гравіемъ и пескомъ, и арыкъ-башъ—плотина—готова. Нѣсколько прочнѣе, но, въ большинствѣ случаевъ, безъ особыхъ затратъ и капитальныхъ сооружений устраиваются эти арыкъ-башы въ нижнемъ теченіи рѣчки, гдѣ воду нужно поднимать гораздо выше, чѣмъ въ верхнемъ теченіи. Что касается самыхъ канавъ (главныхъ), отводящихъ воду изъ рѣчки, то онѣ представляютъ изъ себя ничто иное, какъ самые обыкновенные рвы, часто съ неправильными краями и, какъ кажется, нигдѣ не обложенныя камнемъ и не цементированныя. Изъ этихъ главныхъ канавъ проводятся оросительныя канавы въ сады, въ которыхъ вода используется и стекаетъ уже подъ по-

верхностью почвы то тамъ, то здѣсь у самыхъ краевъ и обрывовъ рѣчной долины. Благодаря относительной пологости послѣдней, съ одной стороны, гораздо меньшей высотѣ, чѣмъ на южномъ берегу горъ, ее окружающихъ,— съ другой и, наконецъ, благодаря, быть можетъ, самому ея петрографическому составу,— съ третьей, почва склоновъ долины, во-первыхъ, обладаетъ не столь измѣнчивымъ механическимъ составомъ минеральныхъ частей, какъ на южномъ берегу, а, во-вторыхъ, она размывается весенними и осенними потоками гораздо слабѣе, чѣмъ то бываетъ на южномъ склонѣ крымскихъ горъ. Эти обстоятельства имѣютъ, повидимому, нѣкоторое значеніе при установленіи очередей поливовъ въ договорахъ садовладѣльцевъ, къ обзорѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Въ 1836 году 89 садовладѣльцевъ долины р. Качи, жительствующие въ дер. Каламтай и Эфендикой, пользовались водою для орошенія своихъ земель изъ канавы, принадлежавшей гг. Кази и наслѣдникамъ Попалевскихъ, платя за то деньги по назначенію владѣльцевъ, «но для насъ,— какъ говорится въ имѣющемся въ нашихъ рукахъ документѣ,— весьма большія». Владѣльцы канавы предоставляли названнымъ выше лицамъ пользованіе водою канавы лишь тогда, когда не нуждались въ ней сами, «а намъ время поливки проходить,— говорятъ упомянутые 89 владѣльцевъ,— и посему и по совершенному недостатку въ канавѣ воды встрѣтили и встрѣчаемъ величайшее препятствіе и остановку въ поливкѣ изъ означенной канавы собственныхъ нашихъ садовъ». Благодаря этимъ обстоятельствамъ и «для общественной очевидной пользы», садовладѣльцы долины р. Качи испросили разрѣшеніе въ симферопольскомъ нижнемъ судѣ устроить самостоятельную водоросительную канаву. Послѣдній разрѣшилъ это подъ условіемъ, «если она послужитъ въ общественную пользу и отъ нея не произойдетъ никому никакого вреда». Получивъ, такимъ образомъ, просимое разрѣшеніе, интересующія насъ лица порѣшили: «воду въ р. Качѣ поднять посредствомъ каменной плотины, называемой по-татарски арыкъ-башъ», и провести канаву, точно обозначивъ въ заключенномъ по этому поводу договорѣ, черезъ чью землю и гдѣ именно она должна пройти. Въ числѣ лицъ, перечисленныхъ въ договорѣ, есть и купцы, и мѣщане, и караимы, и татары, и чиновники. Въ договорѣ, между прочимъ, сказано: «Поселки виноградные сады расположены и по правую сторону сей канавы, то посему вода должна быть брата (sic) для поливки и по правую сторону сей канавы имѣющими свои сады, для чего устраивается по мѣстной удобности деревянный желобъ и производится (проводится) черезъ улу первоначально въ садъ караима Сары Даута, а затѣмъ также имѣеть на авленіе въ сады деревни Эфендикой... и когда всѣмъ владѣльцамъ отъ Саи Даута до Ш. Бобовича надобности въ водѣ не будетъ, тогда они должны запретить отъ себя деревянный желобъ и воду пустить главною пою канавой».

Привели здѣсь эти довольно длинныя выдержки изъ договора ка-

чинскихъ садовладѣльцевъ потому, что онѣ обнаруживаютъ два факта, имѣющіе, по нашему мнѣнію, весьма важное значеніе. Первый заключается въ томъ, что общій интересъ заставилъ соединиться въ одну группу лицъ, весьма различныхъ по своему общественному положенію, сословію, національности и матеріальному благосостоянію, и что интересъ этотъ сосредоточился у одной главной оросительной канавы. Второй фактъ заключается въ томъ, что въ договоръ вступаютъ не одни такъ называемые «прибрежные владѣльцы», а владѣльцы тѣхъ садовъ, которые, по мѣстнымъ условіямъ, могутъ быть орошаемы. Очевидно, что понятіе о прибрежности нашего свода законовъ совершенно игнорируется договаривающимися, и это совершенно понятно: всякій, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ условіями крымской ирригаціи, несомнѣнно знаетъ, что орошаемые участки очень часто отстоятъ очень далеко отъ русла рѣки и въ отношеніи технической стороны дѣла поставляются очень часто въ положеніе гораздо болѣе благоприятное, чѣмъ участки прибрежные, въ которые вода можетъ попасть только послѣ того, какъ отработаетъ на неприбрежныхъ. Для полученія права пользованія водою въ изучаемомъ случаѣ нужно, слѣдовательно, во-первыхъ, участіе въ общемъ договорѣ, и, во-вторыхъ, возможность орошенія участка. Договаривающіеся предвидятъ, однако, что въ канавѣ ихъ окажется избытокъ воды, который они могутъ предоставить и другимъ лицамъ, въ договоръ не вступившимъ, и потому постановляютъ, что въ такомъ случаѣ вода можетъ быть уступаема нуждающимся за «соразмѣрную плату», обращаемуя на расходы по содержанию и очисткѣ канавы. Весьма примѣчательнъ еще и 4-й § изучаемаго договора, въ силу котораго вода канавы предназначается для поливки фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ и только въ случаѣ, «если всѣмъ владѣльцамъ, въ регистрѣ показаннымъ, вода для главнаго предмета не будетъ нужна, то могутъ быть поливаемы и огороды».

Слѣдующій пунктъ договора опредѣляетъ очередь поливокъ садовъ, расположенныхъ по канавѣ. «Черезъ чей садъ,—говорится въ немъ,—отъ востока на западъ прежде проходитъ вода, тотъ по мѣрѣ надобности можетъ ею и пользоваться, т.-е. поливать свой садъ, какой бы величины и пространства онъ ни былъ, и затѣмъ пустить воду нижнему сосѣду, сей, воспользовавшись ею, пропускаетъ слѣдующему, и такъ далѣе слѣдовать поочередно, но никто изъ нижнихъ владѣльцевъ не долженъ имѣть права требовать у высшаго уступки ему воды, пока первому будетъ въ ней надобность, развѣ первый добровольно согласится уступить свою очередь нижнему сосѣду». Изъ приведенной цитаты видно, что очередь поливокъ опредѣляется въ данномъ случаѣ въ зависимости отъ топографическаго положенія орошаемыхъ участковъ и съ перваго взгляда кажется, что въ этомъ пунктѣ лежитъ существенное различіе отъ изложенныхъ выше порядковъ пользованія водою, не облеченныхъ въ письменную форму, а существующихъ по обычаю. Но стоитъ вспомнить, что мы говорили при описаніи долины р. Качи, чтобы спросить себя, не обуславливается ли эта разница,

главнымъ образомъ, однообразными физическими свойствами долины Качи сравнительно съ почвою долины рѣчекъ и притоковъ южнаго берега. При однообразіи почвеннаго состава и относительномъ обиліи воды, порядокъ очередей, установленный качинскими садовладѣльцами, есть, весьма вѣроятно, наиболѣе рациональный и ведущій за собою наименьшія потери воды черезъ просачиваніе въ почву, испареніе и т. д., такъ какъ въ періоды засухи всѣ сады одновременно и болѣе или менѣе одинаково нуждаются въ поливкѣ.

Канавы каламтайскихъ садовладѣльцевъ устраивалась на общій счетъ, причѣмъ каждый изъ участниковъ несъ часть расходовъ, пропорціональную площади своего сада. Количество же воды, нужное для полива каждаго сада, было поставлено, какъ мы то видѣли выше, внѣ зависимости отъ этой площади или количества кустовъ винограда, или фруктовыхъ деревьевъ, — постановленіе, совершенно аналогичное съ тѣми, съ которыми мы встрѣчались при описаніи обычныхъ порядковъ водопользованія на южномъ берегу Крыма.

Впослѣдствіи времени къ договору, заключенному первоначально между садовладѣльцами д. Каламтай и Ефендикой, присоединились садовладѣльцы деревень Аранчи и Эскеаль, причѣмъ договоръ былъ пересмотрѣнъ и сведенъ къ нижеслѣдующимъ положеніямъ: 1) каждый садовладѣлецъ обязанъ участвовать въ расходахъ по содержанию въ исправности канавы и плотины (арыкъ - баша), внося установленный для этого сборъ пропорціонально количеству принадлежащихъ ему десятинъ сада; 2) поливка садовъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ производится по очереди, причѣмъ каждый садовладѣлецъ можетъ поливать столько сутокъ, сколько садъ его занимаетъ десятинъ, засаженныхъ фруктовыми деревьями; 3) очередь поливокъ устанавливается перемѣнная, начинаясь одинъ годъ съ перваго сада внизъ по теченію, а другой—вверхъ, и, наконецъ, 4) для исполненія работъ по содержанию въ исправности плотинъ и канавы и для наблюденія за исполненіемъ условій поливки каждый годъ избираются особые распорядители.

Болѣе подробную регламентацію пользованія водами находимъ мы въ правилахъ, установленныхъ по предложенію еодосійской земской управы на общемъ собраніи садовладѣльцевъ Айсавской долины и представителей нѣмецкой колоніи Судакъ. Эта долина орошается рѣчкою Карагачъ и источниками Фундуклы, Яманъ-Ель и Муханъ-Узень. Всѣ они, равно какъ и рѣчка Карагачъ, бѣдны водою и пересыхаютъ почти совсѣмъ въ періоды лѣтнихъ жаровъ.

Первый пунктъ занимающихъ насъ правилъ гласитъ: «право пользованія изъ источниковъ Фундуклы остается неприкосновеннымъ за тѣми садовладѣльцами, которые до сего времени пользовались ею, и право ихъ призвано и утверждено на основаніи давности *актами айсавскихъ садовладѣльцевъ* 22 февраля 1864 и 14 октября 1865 гг. и обезпечено постановленіями полицейскаго управленія 25 іюня 1864 и 18 февраля 1866 гг.». Этѣ пунктъ «правилъ» заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Изъ

него видно, что никто иной, как сами садовладельцы определяют право каждого из них на пользование водой, совершенно независимо от каких-либо формальных актов на почве, собственниками которой они являются и в которых вода, по закону, должна фигурировать как «принадлежность земель». Постановления полицейскаго управления, о которых рѣчь идетъ въ цитированномъ пунктѣ, не имѣютъ, конечно, значенія формальныхъ актовъ, совершаемыхъ вѣзостнымъ порядкомъ,—въ настоящемъ случаѣ ссылка на нихъ имѣетъ только, такъ сказать, историческое значеніе для садовладельцевъ въ моментъ заключенія ими новаго договора или составленія правилъ. Такимъ образомъ, становится ясною близость воззрѣній айсавскихъ садовладельцевъ на воду съ тѣми, какія существуютъ у коренного населенія края. На вопросъ, кому принадлежитъ вода, айсавскіе садовладельцы отвѣчаютъ точно такъ же, какъ и татары: «вода у насъ общественная». Еще ближе къ обычнымъ татарскимъ воззрѣніямъ постановленіе изучаемыхъ правилъ, въ силу котораго «порядокъ поливки садовъ ежегодно устанавливается общимъ собраніемъ айсавскихъ садовладельцевъ», и другое постановленіе, въ силу котораго «айсавскіе садовладельцы избираютъ для наблюденія за временемъ наступленія поливки садовъ и порядкомъ пользованія распорядителя и его помощника». Это—татарскій су-баши. Далѣе правила опредѣляютъ очередь поливокъ: «при достаточной водѣ она начинается снизу», совершенно подобно тому, какъ то установлено и въ Бахчисараѣ, гдѣ очередь поливокъ опредѣлена городскою думой для воды источниковъ, берущихъ свое начало на городской землѣ. Установленіе очереди поливокъ «снизу» при маловодіи рѣкъ и источниковъ имѣетъ глубокой смыслъ: имъ обезпечивается возможность поливки болѣе удаленныхъ садовъ, болѣе рискующихъ остаться безъ воды при быстромъ спадѣ ея, чѣмъ ближайшіе верхніе сады. Айсавскіе садовладельцы опредѣляютъ гораздо точнѣе время пользованія водою, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. «Водою пользуются сады на каждыя 2 десятины однѣ сутки» и «распорядитель наблюдаетъ, чтобъ очередь считалась съ того часа, когда вода вступаетъ въ садъ». «Существующія очереди и права ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть измѣнены»,—говоритъ § 7 правилъ, разрешающій, въ то же время, переставлять очередь по соглашенію владельцевъ съ тѣми, чтобъ объ этомъ было доведено до свѣдѣнія распорядителя. Подъ «правами» и «очередями», упомянутыми въ приведенномъ параграфѣ, разумѣются тѣ, которыя устанавливаются общимъ собраніемъ садовладельцевъ, и при этомъ очереди поливокъ ежегодно (§ 2). «Если бы кто-либо пожелалъ,—говорится въ § 8 правилъ,—провести новую канаву въ саду, который до сихъ поръ не поливался, или вновь развести садъ, съ намѣреніемъ его поливать этою водою, то очередь въ пользованіи водою должна наступить послѣ существующихъ очередей». И въ этомъ параграфѣ правилъ легко открытъ коренной обычай, въ силу котораго общество сохраняетъ за собою право регулировать площадь поливныхъ земель, разрешая расширять ее только при существованіи избытка воды.

«Распорядитель» айсавскихъ садовладѣльцевъ обладаетъ гораздо бѣльшими полномочіями, чѣмъ соотвѣтствующій ему су-баши татарь. «Для содержанія поливныхъ канавъ въ канавѣхъ и устройства новыхъ общественныхъ канавъ, а также плотинъ и вообще гдѣ требуются рабочіе (пока не составится общественный капиталъ), распорядитель требуетъ рабочихъ людей и деньги на поденщиковъ съ тѣхъ очередей, для которыхъ очищается илъ, устраивается канава» (§ 18)*). Онъ же назначаетъ штрафы, не превышающіе трехъ рублей, за нарушеніе установленныхъ правилъ собственною властью, или въ пользу понесшаго ущербъ, или же въ пользу общественнаго капитала, озаботиться о составленіи котораго обязались айсавскіе садовладѣльцы (§ 14 правилъ **). Если же отъ нарушенія правилъ кто-либо изъ садовладѣльцевъ потерпитъ убытокъ, то «взысканія за нихъ опредѣляются приговоромъ общества». Приговорамъ общества и распорядителя, — гласитъ 11 параграфъ изучаемыхъ правилъ, — садовладѣльцы подчиняются *безусловно* и, въ случаѣ неповиновенія имъ, «общество проситъ содѣйствія полицейскаго управленія». Неправильныя дѣйствія распорядителя обжалуются общему собранію и послѣднее разрѣшаетъ вопросъ окончательно (§ 12). Мы уже не разъ указывали на необыкновенную близость содержанія договоровъ и правилъ частныхъ лицъ о пользованіи водою съ тѣми обычными нормами водопользованія въ Крыму, которыя не облечены въ писменную форму. Отличительною чертой только что изложенныхъ правилъ является бѣльшая власть распорядителя. Но эта черта не характерна. Такъ, въ Бахчисараѣ, наприм., роль надсмотрщика канавъ, су-баши, сводится лишь къ наблюденію за правильнымъ разборомъ воды и должность надсмотрщика уже много лѣтъ исполняетъ здѣсь одинъ изъ полицейскихъ служителей, старый городской, на котораго, согласно мѣстнымъ правиламъ, могутъ быть возложены, по соглашенію съ нимъ, нѣкоторыя работы, какъ, наприм., очистка арыковъ.

Скажемъ еще два слова о бахчисарайскомъ водномъ управленіи, чтобы закончить наше изложеніе крымскихъ порядковъ водопользованія. Оно сосредоточено въ городской управѣ. Послѣдняя, или, по ея порученію, «хозяйственный членъ» ея, устанавливаетъ каждый годъ очередь и опредѣляетъ сроки пользованія водою. Для этого составляются надлежащія росписанія, копія которыхъ вручаются садовладѣльцамъ. Росписаніе это состоитъ изъ поименнаго списка послѣднихъ съ показаніемъ числа часовъ и минутъ, въ продолженіе которыхъ владѣлецъ можетъ пользоваться водою, и числа рублей и копѣекъ, которое каждый изъ нихъ долженъ вносить на содержаніе надсмотрщика. Дѣйствіе росписанія продолжается съ 15 мая по 15 авгу-

*) „Очередей“ установлено три: одна часть садовъ пользуется водою изъ верхней канавы, другая изъ нижней и третья изъ нижней канавы и р. Караджи. Слово „очередь“ употреблено здѣсь въ нѣсколько специальномъ смыслѣ.

**) Составленіе этого капитала имѣетъ цѣлю устройство и поддержаніе въ порядкѣ плотинъ и поливныхъ канавъ и лучшее устройство русла Фундукулы для увеличенія количества воды. Распоряженіе капиталомъ принадлежатъ обществу (§§ 13 и 14).

ста и «очередь» поливовъ составляетъ такъ, чтобы всѣ 51 садовладѣлецъ получали воду одинъ разъ въ теченіе 8 сутокъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что весь расходъ на содержаніе надсмотрщика, который несутъ садовладѣльцы, не считая расходовъ на содержаніе канавъ, исправлять которыя они обязаны сами, не превышаетъ 24 рублей въ годъ.

Законъ 3 декабря сохранилъ старыя названія для мѣстныхъ водныхъ учреждений и должностныхъ лицъ Закавказья и создалъ нѣсколько новыхъ должностей и учреждений для надзора и завѣдыванія всѣми важными дѣлами края. Водное управленіе Закавказья представляется въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ.

Воды, служащія для орошенія земель, состоятъ въ завѣдываніи министерства государственныхъ имуществъ и раздѣляются, по соглашенію министра государственныхъ имуществъ съ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, на округа, образуемые изъ водъ рѣки или другого водовмѣстилища, служащихъ для питанія одной оросительной системы. Законъ не опредѣляетъ болѣе точно, что разумѣтъ онъ подъ одною оросительной системой, и потому самое понятіе «округъ» является не совсемъ яснымъ. Повидимому, имѣлось въ виду признать «округами» то, что при персидскомъ владычествѣ и до изданія закона называлось магаломъ. Такъ можно думать потому, что въ другихъ статьяхъ закона округъ называется магаломъ (наприм., ст. 129). Каждый округъ раздѣляется далѣе властью инспектора водъ, чиновника министерства, стоящаго во главѣ воднаго управленія края, на отдѣлы, изъ коихъ каждый выбираетъ по одному представителю въ коллегіальное учрежденіе, завѣдующее дѣлами округа, въ такъ называемый совѣтъ выборныхъ отъ округа. Такимъ образомъ, численный составъ каждаго совѣта выборныхъ отъ округа опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ административными соображеніями инспектора водъ.

Инспекторъ водъ является не столько техникомъ, сколько администраторомъ. Къ техническимъ его обязанностямъ относится только наблюденіе за производствомъ работъ подчиненныхъ ему инженеровъ-гидравликовъ—на мѣстахъ. Кромѣ общаго завѣдыванія всѣми водными дѣлами края, законъ возлагаетъ на него еще обязанность составленія соображеній, возникающимъ вслѣдствіе неполноты и неясности дѣйствующихъ законовъ, и обязанность выдачи свидѣтельствъ на право пользованія водой изъ оросительныхъ системъ *). Эти послѣднія составляются на основаніи рѣшеній временныхъ и главнаго присутствій по опредѣленію правъ пользованія водой и разрѣшеній сѣзда инженеровъ-гидравликовъ, который имѣетъ право, убѣдившись въ возможности и пользѣ испрашиваемаго кѣмъ-либо отвода свободной воды, утверждать проекты такихъ отводов **).

*) Въ сводѣ закон., т. XII, ч. II, стр. 22, ст. 122, изд. 1893 г., вкраса печатка, слѣдуетъ читать (въ концѣ статьи): на основаніи разрѣшеній, послѣдовавшихъ въ порядкѣ; въ ст. 143 (а не 139) изд.

**) Инспекторъ водъ участвуетъ въ качествѣ члена въ занятіяхъ совѣта главо-

Инженеръ-гидравлики—это техники по преимуществу. На первыхъ порахъ ихъ дѣятельности имъ приходится, однако, председательствовать въ окружныхъ по опредѣленію правъ пользованія водою присутствіяхъ, но послѣ окончанія дѣятельности этихъ послѣднихъ законъ возлагаетъ на нихъ только одну административную обязанность, а именно: наблюденіе за дѣйствіями должностныхъ лицъ окружныхъ водныхъ учреждений. Всѣ другія обязанности ихъ, перечисленіе которыхъ врядъ ли было бы здѣсь уместно, носятъ совершенно техническій характеръ. Такой же техническій характеръ по преимуществу имѣютъ обязанности сѣзда инженеръ-гидравликовъ, собирающагося въ опредѣленное время года въ Тифлисъ подъ председательствомъ инспектора водъ и при участіи состоящаго при немъ юрисконсульта,—сѣзда, рассматривающаго также прошенія о дозволеніи вывода свободной воды, о производствѣ ирригаціонныхъ изысканій и о проводѣ каналовъ черезъ земли казны или частныхъ лицъ и утверждающаго составленные для этого проекты.

Такимъ образомъ, законъ 3 декабря создалъ вполне обезпечивающій техническую сторону развитія ирригаціоннаго дѣла въ Закавказьи персональ, стоящій государственному казначейству 51,500 рублей ежегодно.

Посмотримъ теперь, какъ организовалъ законъ мѣстные водныя учрежденія, составляющія, какъ то само собою понятно, центръ тяжести всего дѣла.

Мы сказали уже, что во главѣ мѣстныхъ учреждений стоитъ совѣтъ выборныхъ отъ воднаго округа, избираемый на три года соучастниками въ пользованіи водою, причемъ каждый *отдѣль* воднаго округа выбираетъ по одному выборному, а соучастники въ орошеніи всего округа выбираютъ председателя этого совѣта—окружнаго старшину или мираба, допускаемого къ исполненію своихъ обязанностей губернаторомъ и подчиненнаго непосредственно инженеръ-гидравлику своего округа, ибо послѣдній, согласно 136 ст. закона, подвергаетъ денежному взысканію отъ 1 до 50 руб. всѣхъ должностныхъ лицъ воднаго округа за неправильное и небрежное исполненіе ими обязанностей.

Прежде чѣмъ излагать компетенцію совѣта выборныхъ, отмѣтимъ слѣдующія постановленія закона. Выше мы познакомились съ порядкомъ опредѣленія правъ на воду, имъ установленнымъ. Доля воды, принадлежащая каждому соучастнику, опредѣляется въ свидѣтельствахъ на право пользованія водою по расчету башей *) и выдѣляется въ головѣ каждаго канала, какъ главнаго, такъ и побочныхъ, или въ началѣ каждаго водопровода. При увеличеніи воды въ естественныхъ водовмѣстителяхъ количество отпускаемой соучастникамъ воды измѣняется соразмѣрно этому увеличенію или уменьшается—при уменьшеніи ея въ водовмѣстителяхъ. Но въ

*) Баша—1/100 куб. саж. и раздѣляется на 25 литр., 1 литр.—1/10000 куб. саж.

кругъ обязанностей присутствій не входитъ опредѣленіе долей участія въ пользованіи водой домохозяевъ селенія или города; хотя бы ихъ владѣніе было подворное. Опредѣленіе такихъ долей производится сходами домохозяевъ, пользующихся водой. Точно также пользованіе водой въ размѣрѣ, опредѣленномъ выданными на сіе свидѣтельствами, осуществляется порядкомъ, указаннымъ въ рѣшеніяхъ присутствій по опредѣленію правъ пользования водой и въ приложенныхъ къ симъ рѣшеніямъ вѣдомостяхъ, печатаемыхъ, по распоряженію инспектора водъ и за его юрисконсульта скрѣпой, одною общою для всего округа брошюрой, разсылаемою во всѣ сельскія управленія округа и выдаваемою, за установленную плату, заинтересованнымъ лицамъ. Выписи изъ вѣдомостей, завѣренныя инспекторомъ водъ и юрисконсультомъ, служатъ свидѣтельствами о правахъ пользования оросительною водой и доказательствомъ этихъ правъ при рѣшеніи споровъ. Но, въ то же время, «порядокъ пользования водой въ городахъ и селеніяхъ устанавливается приговорами сходовъ соучастниковъ въ пользованіи водой; совладѣльцы общаго имущества составляютъ, по взаимному соглашенію, росписанія порядка пользования водой и такое же росписаніе составляетъ владѣлецъ имѣнія, отданнаго въ пользованіе нѣсколькихъ лицъ. Составленные такимъ образомъ приговоры и росписанія представляются подлежащимъ должностнымъ лицамъ до наступленія періода орошенія».

Изъ приведенныхъ статей закона, повидимому, явствуетъ, что, кромѣ совѣта выборныхъ отъ соучастниковъ всего округа, обязанности котораго заключаются въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся интересовъ *всего* округа, законъ устанавливаетъ еще и другое, болѣе мѣстное учрежденіе—сходъ соучастниковъ въ пользованіи водою въ селеніяхъ и городахъ. Но въ главѣ закона объ учрежденіяхъ по воднымъ дѣламъ объ этомъ сходѣ мы находимъ только одно упоминаніе, а именно здѣсь говорится, что «водный староста избирается на годъ соучастниками въ пользованіи водой каждаго селенія или города»,—и только. Для читателя закона остается такимъ образомъ неяснымъ, являются ли сходы соучастниковъ учрежденіемъ временнымъ, одинъ разъ навсегда опредѣляющимъ долю участія каждаго соучастника въ пользованіи водой селенія или города и опредѣляющимъ, въ то же время, порядокъ пользования водой, или учрежденіемъ постояннымъ, имѣющимъ опредѣленную компетенцію. Но о послѣдней законъ не говоритъ ни слова, какъ не говоритъ ни слова о компетенціи еще и другого собранія соучастниковъ въ пользованіи водой, а именно собранія соучастниковъ въ пользованіи водой оросительнаго канала (одного?), избирающаго надсмотрщика канавъ или джувара. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Дѣло въ томъ, что совѣтъ выборныхъ компетентно въ разрѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ: 1) правильнаго распредѣленія воды по канавамъ, доводящимъ воду до границъ каждой деревни или владѣльнаго владѣнія; 2) установленія временнаго порядка распредѣленія воды въ годы чрезвычайныхъ засухъ; 3) разрѣшенія посадокъ деревьевъ и кустовъ по берегамъ каналовъ и указанія способовъ посадокъ и вида

насажденій; 4) раскладки работъ какъ для ремонта капаловъ, приемныхъ частей ихъ и другихъ сооружений, такъ и для устройства новыхъ сооружений; 5) опредѣленія и раскладки между соучастниками въ пользованіи водою денежныхъ суммъ, необходимыхъ для сооружения и ремонта водопроводовъ и для выдачи содержанія должностнымъ лицамъ округа, за исключеніемъ водныхъ старостъ *); 6) разрѣшенія проводить воду черезъ чужія земли или воспользоваться чужимъ каналомъ въ случаѣ снесенія головныхъ сооружений каналовъ наводненіемъ въ періодъ орошенія и невозможности возстановить сооружения раньше убыли воды и 7) оцѣнки земель, отводимыхъ для оросительныхъ и осушительныхъ сооружений въ предѣлахъ округа, если не послѣдуетъ добровольнаго соглашенія между сторонами.

Выше мы видѣли, какъ опредѣляется численный составъ совѣта выборныхъ. Отъ воли инспектора водъ зависитъ, будетъ ли онъ состоять изъ 5 или 15 человекъ, и эти лица, подъ предсѣдательствомъ подчиненныхъ инженеръ-гидравликамъ мирабовъ, будутъ разрѣшать всѣ только что перечисленные вопросы. Идея самоуправленія соучастниковъ въ пользованіи водою служена, такимъ образомъ, въ весьма значительной степени, и тѣ интересы ихъ, которые, казалось бы, могли бы быть справедливей всего разрѣшены въ учрежденіяхъ болѣе мѣстныхъ, какъ-то: раскладка работъ по ремонту капаловъ, питающихъ земли отдѣльныхъ селеній или городовъ, опредѣленіе и раскладка между соучастниками въ пользованіи водою денежныхъ суммъ, необходимыхъ для содержанія и ремонта водопроводовъ, и т. д., разрѣшаются въ совѣтѣ выборныхъ, — учрежденіи, отстоящемъ, какъ то видно изъ сказаннаго, довольно далеко отъ каждаго отдѣльнаго селенія или города. И какъ ни обширна, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда, компетенція совѣта выборныхъ, но онъ не властенъ разрѣшать вопросовъ о необходимости или ненужности устройства новыхъ или переустройства старыхъ ирригаціонныхъ сооружений. Инженеръ-гидравлики составляютъ проектъ и смѣту такихъ сооружений, съѣздъ инженеръ-гидравликовъ утвердить ихъ, а совѣту выборныхъ останется только произвести раскладку работъ и денегъ, необходимыхъ для выполненія такихъ сооружений, безъ возможности даже выразить кому-либо своего мнѣнія о нужности или ненужности ихъ, о мнѣніи или немнѣніи у населенія средствъ выполнить работы и заплатить деньги.

Нѣтъ основаній думать, чтобы свидѣтельства на право пользованія водою, выданныя инспекторомъ водъ частнымъ лицамъ, учрежденіямъ и обществамъ на основаніи рѣшеній временныхъ окружныхъ и главнаго присутствій, разъ навсегда прекратили бы споры о пользованіи ею и въ особенности споры объ очередяхъ поливовъ и количествахъ воды, отпущенной въ каждаго конкретномъ случаѣ, въ особенности въ предѣлахъ сложной

* въ законѣ не указано, кто опредѣляетъ размѣръ содержанія водныхъ старостъ, однако, не можетъ, чтобы должность эта была почетная и безплатная.

и запутанной системы каналовъ, выведенныхъ изъ главныхъ, непосредственно выводящихъ воду изъ рѣки или другого водовмѣстителя. Распределение воды по каналамъ, выводящимъ воду изъ естественныхъ водовмѣстителей или изъ такъ называемаго «основного» канала, возложено закономъ на мирабовъ; джувары и водные старосты управомочены лишь наблюдать за распределеніемъ воды по канавамъ второстепеннымъ. Самому населенію законъ не предоставляетъ въ этомъ отношеніи никакой роли, ибо не организовать его въ соответствующія группы, какъ то было въ Закавказьѣ до изданія закона и въ Крыму въ настоящее время. Мирабы, джувары и водные старосты обязаны возстановлять нарушенный порядокъ пользования, но роль ихъ, какъ обладающихъ обязанностями полицейскими, а не судебными, не можетъ быть велика, и всѣ спорныя дѣла должны будучи разрѣшаться общими и мировыми судебными установленіями.

Выше мы привели мнѣніе одного изъ компетентѣйшихъ юристовъ нашихъ относительно того положенія, въ какое поставляются у насъ какъ суды, такъ и тяжущіеся при разборѣ дѣлъ, касающихся мельничнаго права. Дѣла, касающіяся пользования водой для орошенія, затрагиваютъ гораздо болѣе жгучіе интересы населенія и требуютъ для своего справедливаго разрѣшенія гораздо болѣе быстраго движенія и технического знанія, чѣмъ первыя, и потому нельзя не высказать сожалѣнія, что закавказскій законъ не сохранилъ населенію того суда по воднымъ дѣламъ, какой существовалъ въ болѣе совершенной формѣ на Марьинскомъ каналѣ въ Каразаяѣ, а въ менѣе совершенной—въ видѣ судебно-административныхъ коллегій, описанныхъ выше. Замѣтимъ въ заключеніе, что «водные суды» существуютъ и прекрасно дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы съ болѣе или менѣе развитымъ ирригаціоннымъ хозяйствомъ. Такъ, они существуютъ, на примѣръ, въ Италіи и Испаніи.

И. Миклашевскій.

Факторы мира въ современной жизни.

Мы рассмотрѣли стадіи, чрезъ которыя, постепенно углубляясь и укрѣпляясь, прошла идея мира въ *исторіи* *): въ продолженіе вѣковъ, вопреки преходящимъ явленіямъ дѣйствительности, почва для нея среди цивилизованнаго міра все болѣе и болѣе разрыхлялась и удобрялась высшими событіями, независимо отъ воли людей и народовъ. Сминаясь царства и періоды, но человѣчество, въ цѣломъ, все рѣшительнѣе направлялось и приближается къ состоянію мира. Лишь въ нашемъ вѣкѣ это состояніе изъ сферы *частной* и *государственной* жизни стремится перейти и на почву *международную* для того, чтобы въ свою очередь оказать на нихъ благотворное воздѣйствіе.

Разсмотримъ же теперь тѣ *силы* и *явленія*, которыя, независимо отъ политическихъ, національныхъ и иныхъ границъ, непрерывно дѣйствуютъ въ *современномъ обществѣ* въ смыслѣ именно укрѣпленія въ немъ и расширенія *мира*, какъ *основнаго принципа* человѣческой жизни. Эти силы многочисленны и разнообразны, но между ними существуетъ тѣсное внутреннее сродство и взаимообщеніе, выработанное всѣмъ прошлымъ нашей тысячелѣтней культуры. Надо выяснитъ это сродство, усилитъ миротворное дѣйствіе каждой изъ нихъ сообразно съ ея истинною природою для того, чтобы доставитъ *миру*, какъ *соціальному принципу*, подобающее ему значеніе и торжество въ *практической жизни*.

Однимъ изъ такихъ главныхъ факторовъ въ пользу мира въ наше время должна быть признана сама *война*, но о ней мы говорили въ другомъ мѣстѣ **), а потому теперь обратимся къ другимъ явленіямъ, призваннымъ, въ концѣ-концовъ, установитъ для человѣчества миръ.

1. Экономическій строй.

Богатый оплотъ въ пользу мира въ современномъ цивилизованномъ обществѣ составляютъ разрастающіяся *экономическія потребности*. Экономисты различныхъ школъ и направленій это давно поняли, хотя они под-

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

**) *Съверный Вѣстникъ* 1895 г., февраль.

ходить къ этому требованію—установленія мира среди народовъ—съ точки зрѣнія своихъ особыхъ основныхъ принциповъ. Такъ, либеральная школа на первый планъ выдвигаетъ начало свободы и гармоніи въ области хозяйственныхъ интересовъ; социалисты отправляются отъ ученія о коопераціи въ трудѣ и т. д. Но важно для насъ то, что всё они, какии бы языкомъ ни говорили, сходятся въ конечномъ результатѣ и видятъ въ *экономической солидарности* народовъ одно изъ первыхъ условій водворенія среди нихъ и *соціального мира* *).

Глубокія измѣненія характеризуютъ хозяйственную жизнь народовъ въ наше время: повсюду въ Европѣ населеніе быстро растетъ и первоначальная родина становится для него тѣсною. Но не только земли не хватаетъ для населенія, но истощается и самая ея производительность. Въ двоекомъ поэтому направленіи становится людямъ тяжелѣе жить: съ увеличеніемъ населенія увеличивается конкуренція и является на рынкѣ значительное превышеніе предложенія рукъ сравнительно со спросомъ на нихъ, а производимые товары очень часто не находятъ себѣ сбыта; съ другой стороны, чтобы прокормить одно и то же число лицъ, извѣстный участокъ земли требуетъ гораздо большаго, чѣмъ прежде, удобренія и болѣе напряженнаго труда. Одновременно съ увеличеніемъ населенія умножаются и изощряются его потребности: предметы, бывшіе прежде для него совершенно излишними или только статьями роскоши, становятся теперь предметами первой необходимости и для громаднаго большинства людей эти явленія (малоземелье, ухудшеніе почвы, избытокъ населенія и умноженіе его потребностей), въ связи съ другими, на которыя мы намекали выше (введеніе крупной промышленности, изобиліе свободныхъ капиталовъ, дешевизна и быстрота сообщеній), сами собою ведутъ къ расширенію національныхъ хозяйствъ въ *мировое*, въ свою очередь требующее *рациональной постановки и организации*. Лишь при этомъ переходѣ въ народныя хозяйства отдѣльныхъ странъ будутъ внесены устоячивость и порядокъ и соревнованіе между

*) Хорошее специальное изслѣдованіе объ этомъ написалъ *Seeborn*: „De la ré-forme du droit des Gens. Trad. de l'anglais par Farjasse“. 1873. Онъ исходитъ изъ того экономическаго закона, что съ развитіемъ народовъ усиливается ихъ зависимость другъ отъ друга. Ср. также *Revon*: „L'Arbitrage international“. 1892, р. 431—446. Онъ приводитъ глубокое изреченіе итальянскаго экономиста (Sciloja), что „экономическій рассчетъ совдасъ международную юстицію“. Еще въ 1867 г. женеvскій проф. *Dameth* писалъ: „Гармонія матеріальныхъ интересовъ — вотъ истинная основа и первое условіе для установленія прочнаго мира между лицами, общественными классами и народами. Другія стороны великой проблемы о мирѣ имѣютъ значеніе лишь второстепенное и съ теченіемъ времени уменьшающееся, между тѣмъ какъ экономическая сторона дѣла съ каждымъ днемъ завладѣваетъ все болѣе и болѣе умами и фактами“. *Revon* справедливо находитъ эти воззрѣнія экономистовъ нѣсколько преувеличенными, но и онъ говоритъ: „Гармонія—принципъ, общій сприведливости и пользы, одинаково присущъ праву и политической экономіи, составила сущность правды общественной. Стремящіяся къ улучшенію нашей жизни должны одновременно подготовить *экономическій и юридическій миръ*. Оба они призваны слиться въ высшемъ конечномъ результатѣ: въ *миръ общественный*“.

нии, вмѣсто истребительнаго характера, направится къ возможно большому развитію производительныхъ силъ ихъ населеній. Конечно, къ этой цѣли нужно стремиться постепенно и, слѣдуя указаніямъ жизни, должно соединять на первыхъ порахъ экономическими узами хотя нѣкоторыя части цивилизованнаго міра, предоставивъ будущему включеніе остальныхъ его частей въ такой союзъ, имѣющей упрочить между людьми не только экономическій, но и общественный миръ.

Не безъ основанія Лавёле, въ интересахъ міра, настойчиво говоритъ о необходимости улучшеній въ экономическихъ сношеніяхъ народовъ. Онъ предлагалъ болѣе частое заключеніе договоровъ о торговлѣ и взаимности, уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ, удешевленіе провоза товаровъ, доставки писемъ, телеграммъ и т. п. Не истинные интересы разъединяютъ людей въ области хозяйства, а узкія и превратныя на нихъ воззрѣнія. Человѣческій порядокъ долженъ, въ миниатюрѣ, повторить космическій порядокъ, царствующій во вселенной. Что же мы видимъ тамъ? Всѣ частицы въ мірозданіи, отъ малѣйшихъ инфузорій до планетъ, соединяясь, движутся въ дивномъ, стройномъ порядкѣ и въ тѣсной взаимной зависимости. То же должно происходить и въ человѣчествѣ, если въ немъ будутъ какъ слѣдуетъ проведены великія начала *раздѣленія и сочетанія труда*, начиная съ частныхъ хозяйствъ и кончая обширными хозяйствами народовъ *).

Но если отъ этихъ разсужденій, взятыхъ изъ природы современныхъ хозяйственныхъ отношеній, мы перейдемъ къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности, то увидимъ иную картину: на нашихъ глазахъ почти повсемѣстно усиливается *протекціонизмъ*. Высокими, чуть не запретительными тарифами правительства наперерывъ другъ передъ другомъ стараются оградить національный рынокъ отъ наплыва иностранныхъ товаровъ и черезъ это вызвать, какъ они думаютъ, къ болѣе жизни отечественную промышленность. Нерѣдко этотъ экономическій антагонизмъ ведетъ къ особаго рода войнѣ—таможенной, которая, ухудшая и сношенія политическія, легко можетъ причинить между раздраженными народами натянутыя отношенія и даже войну. Во всякомъ случаѣ, это подготавливаетъ почву для таковой, ибо содѣйствуетъ увеличенію вооруженій. Одновременно принимаются болѣе или менѣе энергическія мѣры противъ предоставленія иностран-

) Практика коопераціи, — говоритъ Ревонъ, — создастъ не только между народами гармонию и солидарность, — она ведетъ еще къ другой важной выгодѣ: она ставитъ рабочихъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью; она поучаетъ ихъ считать и показывать имъ стоимость промышленности. Поэтому, если отъ нихъ требуютъ денегъ, такъ трудно имъ достаемыхся, на производство опытовъ съ новыми орудіями или на большіе маневры, они встаютъ противъ этого, а будучи избирателями, они могутъ громко заявить и поддержать свое желаніе имѣть миръ. Вотъ почему мы видимъ во главѣ избирательныхъ программъ ихъ союзовъ пунктъ о сохраненіи мира. Если подумать теперь о громадномъ развитіи этихъ кооперативныхъ товариществъ, напр. м., въ Англіи (гдѣ они считаютъ не менѣе милліона членовъ съ 260 милліон. лангъ аломъ и съ 85 милліонами ежегодной прибыли) и въ другихъ странахъ, то не труднѣе понять, какъ усиливается значеніе этого фактора на вѣсахъ міра.

цать свободы передвиженія и поселенія. Въ нихъ видятъ опасныхъ и нежелательныхъ конкурентовъ для мѣстныхъ рабочихъ. Во главѣ этого движенія находятся особенно Россія, Франція и Соединенные Штаты, но даже и такія страны, какъ Швейцарія, даютъ себя увлечь имъ. Надъ всеми этими явленіями нельзя не задуматься серьезно. Какъ въ предшествовашіе вѣка народы разъединялись абсолютизмомъ, дипломатіей и релігиозною нетерпимостью, такъ въ нашъ вѣкъ къ тому же привести ихъ угрожаютъ исключительные націонализмъ, милитаризмъ и протекціонизмъ.

Мы далеки отъ мысли отрицать обязанность государствъ охранять, прежде всего, національныхъ рабочихъ и промышленность, но полагаемъ, что на эту задачу надо смотрѣть съ болѣе широкой и безпристрастной точки зрѣнія.

Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что такъ называемая *охранительная экономическая политика* правительствъ содѣйствуетъ не только подъему и развитію промышленности, но и, при извѣстныхъ условіяхъ, ея застою или же, наоборотъ, искусственному ея оживленію на счетъ другихъ, болѣе важныхъ отраслей народнаго труда и можетъ легко принести въ жертву интересы потребителей, т.-е. громаднаго большинства населенія, въ пользу нѣкоторыхъ промышленниковъ, т.-е. меньшинства.

Во-вторыхъ, фискальные интересы, также преслѣдуемые этою политикою, все-таки, въ цѣломъ остаются далеко не удовлетворенными, разъ такіе громадные проценты бюджетовъ и государственныхъ займовъ ежегодно поглощаются военными тратами. Никакіе таможенные доходы и никакіе другіе безпрестанно вновь измышляемые налоги тутъ не въ состояніи помочь. Народы только бѣднѣютъ, становятся въ болѣе холодныя и враждебныя отношенія другъ къ другу, а милитаризмъ, вслѣдствіе именно этого только, растетъ да растетъ. Не есть ли это поистинѣ роковой заколдованный кругъ?

Въ-третьихъ, при рѣшеніи великихъ задачъ экономической жизни правительствамъ нынѣ пора не только руководиться потребностями и особенностями вѣренныхъ имъ народовъ, но и болѣе всего ради этихъ самихъ интересовъ вступать на путь болѣе широкихъ между собою соглашеній и союзовъ. Путемъ сперва договоровъ, потомъ отдѣльныхъ частичныхъ уній они должны съ осмотрительностью и мудростью перейти къ такому широкому единенію, которое, не лишая ихъ политической независимости, дадо бы, однако, каждому изъ нихъ возможность трудиться наиболѣе согласно съ экономическими условіями ихъ страны и наиболѣе выгодно для остальныхъ. Какъ милитаризмъ, такъ и вопросы о ростѣ и распредѣленіи населенія, о регулированіи народнаго труда во всѣхъ его отрасляхъ, объ обезпеченіи для промышленности рынковъ, о колоніяхъ и многіе другіе не разрѣшимыя усліями того или другого правительства въ отдѣльности. Соединивъ же свои силы и дѣйствуя согласно и планомерно, народы и тутъ могли бы сдѣлать чудеса.

Остановимся для примѣра на приростъ населенія. При теперешнихъ порядкахъ не можетъ ли изъ него возникнуть всегда страшный поводъ къ

войнъ? Государства строже и строже запираютъ свои границы противъ наплыва иноземцевъ; между тѣмъ, въ той или другой странѣ населеніе до того умножается, что ему становится невыносимо тѣсно на родной почвѣ. Куда ему дѣваться и что дѣлать, особенно если не будетъ свободныхъ земель за моремъ для колонизаціи, что уже отчасти наступаетъ теперь? Не кроется ли въ этомъ явленіи причина войны, вполне законной для населенія, не видящаго иного передъ собой исхода? И причина эта не будетъ ли расти съ теченіемъ времени, когда на нашей планетѣ все болѣе и болѣе будутъ уменьшаться свободныя для поселенія земли и онѣ, наконецъ, совсѣмъ исчезнуть *)?

Вотъ гдѣ необходимы дальновидныя и совмѣстныя усилія и мѣры всѣхъ цивилизованныхъ правительствъ. Ограждая права и законные интересы собственныхъ гражданъ, они должны сообща позаботиться о болѣе равномерномъ распредѣленіи между народами труда и избытковъ населенія. Средствами для этого являются: раціональная организація обмѣна продуктовъ и колонизація. При этихъ условіяхъ намъ не столь страшными представляется опасности отъ усиливающейся густоты населенія, ибо, во-первыхъ, этотъ приростъ идетъ далеко не всегда и вездѣ съ одинаковою и правильною силой, но, какъ показываетъ опытъ, населеніе, достигнувъ извѣстной густоты и при опредѣленномъ высокомъ уровнѣ цивилизаціи, перестаетъ расти или увеличивается уже очень слабо (примѣръ—Франція); во-вторыхъ, на землѣ много остается еще не занятыхъ и пустопорожныхъ пространствъ или же воздѣлываемыхъ крайне плохо и примитивными способами; въ-третьихъ, съ успѣхами науки и техники люди либо введутъ болѣе улучшенные приемы обработки земли и производительнаго труда, либо перейдутъ въ той или другой мѣстности къ инымъ формамъ своей хозяйственной дѣятельности вообще.

Подтвержденія нѣкоторымъ изъ излагаемыхъ нами мыслей мы находимъ отчасти въ событіяхъ нашихъ дней: европейскія правительства безъ войны, во путемъ переговоровъ (главнѣйшими ихъ результатами представляются Берлинскій актъ 1885 г. и Брюссельская конвенція 1891 г.) подѣлили между собой, въ видахъ колонизаціи, Африку; Россія и Англія не разъ тѣмъ же путемъ разграничивали свои сферы вліянія въ Средней Азій; въ Европѣ, при все усиливающемся протекціонизмѣ, правительства заключаютъ между собой торговые договоры на 10—12-ти лѣтніе сроки, съ предоставленіемъ обоюднымъ подданнымъ одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ туземцами и съ гражданами «наиболѣе благопріятствуемыхъ націй» (до-

По вычисленію нѣкоторыхъ, наша земля, если ее раціонально обрабатывать, въ состояніи прокормить почти 6 миллиардовъ душъ. Между тѣмъ, настоящее населеніе ея составляетъ приблизительно $1\frac{1}{2}$ миллиарда человекъ. Принимая во вниманіе, что приростъ населенія въ теченіе 10 лѣтъ равняется 8%, можно заключить, что уже сплавъ 2,072 года нашей эры, т.-е. черезъ 180 лѣтъ, земля будетъ имѣть на своей поверхности максимально-возможное число обитателей (*Биографъ*: „Будущая война, ея вѣроятныя причины и послѣдствія“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1893 г., февраль и слѣд. нѣс.).

говоры Германіи 1891 г.; Россіи съ нею же 1894 г.); въ Америкѣ Соединенные Штаты сдѣлали попытку, пока не удавшуюся, привлеченія всѣхъ республикъ Новаго Свѣта къ экономической уніи подъ ихъ водительство (вашигтонскій конгрессъ 1889—90 г.) и т. д.

Все это характерныя явленія, которыя, подъ напоромъ жизненныхъ потребностей, будутъ современемъ расти по числу и по внутреннему своему содержанію. Болѣе того, мы полагаемъ, что даже внутренній миръ въ государствахъ черезъ это можетъ лишь выиграть и упрочиться.

Главная, быть можетъ, для него угроза—такъ называемый социальный вопросъ или опредѣленіе отношеній труда къ капиталу поддастся болѣе скорому и удовлетворительному рѣшенію, если онъ будетъ поставленъ на болѣе широкую почву—международную и поэтому можно только пожалѣть, что первая робкая попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи берлинскою конференціей 1890 г., остается безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Вообще же торговые договоры играютъ въ жизни государствъ большую и все возрастающую роль. Происходить это въ силу какъ быстро развивающихся экономическихъ потребностей новыхъ народовъ, такъ и потому еще, что этими договорами регулируется множество интересовъ и вопросовъ, затрагивающихъ не только государственную, но и частную жизнь. Отъ ихъ прочности и соответствія жизненнымъ потребностямъ народовъ поэтому въ значительной степени зависитъ самый миръ. Въ основаніе ихъ кладется доселѣ, какъ сказано, начало *протекціонизма*; это объясняется частью экономической неразвитостью многихъ изъ народовъ Европы, частью ихъ безобразно-громадными бюджетами (особенно военными и морскими), наконецъ, укоренившимися предрассудками людей теоріи и практики. Общему благосостоянію и миру гораздо болѣе соответствуетъ другая система—*свободы торговли*, если только ее понимать разумно и примѣнять тамъ, гдѣ населеніе до нея дозрѣло. Нынѣ, къ сожалѣнію, ея придерживаются лишь Англія, Бельгія и Голландія, но и система протекціонизма на практикѣ вѣчно колеблется и сама жизнь дѣлаетъ въ ней все новыя и новыя бреши.

Какъ бы то ни было, но если народы Европы будутъ продолжать жить въ «экономической анархіи» *), то, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ они навлекутъ на себя бѣдствія, которыя тогда уже не устранишь. Экономисты указываютъ имъ на опасности, грозящія имъ, съ одной стороны, отъ американской конкуренціи, съ другой—отъ желтой расы—китайцевъ и японцевъ. Послѣдніе, говорятъ намъ, наводнятъ наши рынки своими товарами и ихъ рабочіе, самые выносливые, терпѣливые и дешевые въ мірѣ, вытѣснятъ блага рабочаго и доведутъ его до послѣдней степени нищеты.

Во всѣхъ этихъ страхахъ много, быть можетъ, преувеличеній, но, во всякомъ случаѣ, Европѣ необходимо и на экономической почвѣ достигнуть болѣе сплоченности и организаціи, чтобы, укрѣпивъ у себя миръ, не боятся на міровомъ поприщѣ ничьей конкуренціи.

*) *Numa Dros*: „L'Anarchie économique en Europe“ (*Biblioth. Univ. et Rev. Suisse*. 1888. Janv.)

II. Современное государство.

Война, какъ мы видѣли выше, логически вытекала изъ природы античнаго государства. Въ древности народы жили въ изолированности, относились другъ къ другу съ высокоумѣремъ и враждою и имъ было совершенно чуждо самое представленіе о правѣ, стоящемъ надъ ними и ихъ объединяющемъ. По другимъ причинамъ, но также изъ сущности средневѣкового строя, закономъ общежитія являлся для него не миръ, а война. Новыя государства, возникшія изъ развалинъ этого строя, сложились, за первую эпоху своего существованія, по образцу античныхъ и чрезъ это возобновили отмѣчавшіе послѣднихъ абсолютизмъ и насильственность.

Но все это глубоко измѣнилось въ наше время. На мѣсто прежнихъ идей и предубѣжденій проложили себѣ дорогу *новыя юридическія начала*, въ силу которыхъ самыя государства представляются уже намъ членами *организованнаго общества*, въ составъ котораго они входятъ съ одинаковыми правами. Говоря рационально, война должна уничтожиться вмѣстѣ съ причинами, ее порождавшими, и если въ прежнія эпохи было невозможно ее устранить, то теперь является безуміемъ утверждать, будто она составляетъ необходимость для современнаго политическаго порядка. Она, напротивъ, нынѣ не болѣе, какъ продуктъ человѣческихъ страстей, но именно право и призвано къ тому, чтобы наложить узду на эти страсти и указать людямъ путь долга и справедливости *).

Въ этому выводу насъ одинаково приводитъ изученіе какъ *внутренней*, такъ и *внѣшней жизни современнаго государства* у цивилизованныхъ народовъ нашей культуры.

Всматриваясь глубже въ его *природу*, мы замѣчаемъ, что оно въ отличіе отъ всѣхъ исторически-предшествовавшихъ ему типовъ политической жизни характеризуется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что оно — *личность* и *государство правовое*.

Разумѣя подъ государствомъ *личность*, мы хотимъ сказать, что оно есть такое *живое цѣлое*, которое одарено извѣстною *волей* и *индивидуальностью* и имѣетъ собственное бытіе, независимое отъ лицъ, его составляющихъ, и органовъ, которыми оно пользуется. Оно—лицо коллективное, юридическое. Поэтому оно способно приобретать права и вступать въ обязательства. Въ силу этой своей природы всѣ государства должны пользоваться одинаковою свободою и равенствомъ. Фактическія различія между ними, какъ таковыя же между индивидами, не подрываютъ этого высшаго принципа, какъ и другого не менѣе важнаго, что всѣ личности не могутъ жить и развиваться обособленно, а нуждаются *въ общеніи* и *содѣйствіи* со стороны другихъ, подобныхъ же имъ личностей. Вотъ почему государствами не ограничивается лѣстница человѣческихъ союзовъ, но они, какъ единицы жи-

Mougins de Roquefort: „De la solution juridique des conflits internationaux“, 1884 г. р. 30—31.

вущихъ въ нихъ *народовъ*, въ свою очередь, образуютъ *великое общество* (международный союзъ, позднѣе человечество), которое, не подрывая ихъ самостоятельности и оригинальности, связываетъ ихъ, однако, въ одно цѣлое посредствомъ общности культуры и права.

Далѣе, современное государство отличается еще тѣмъ, что оно по преимуществу *правовое*. Такъ оно называется не потому, что издаетъ законы и опредѣляетъ право,—ибо безъ этого не существовало никогда ни одного государства,—а потому, что весь процессъ проявленія и дѣйствія его воли, какъ личности, подчиняется нормамъ права. Указанное воззрѣнiе не вводитъ государство, какъ утверждаютъ его противники, на степень какаго-то частнаго общества, вродѣ страхового, призваннаго лишь заботиться объ охранѣ юридическаго порядка въ видахъ внѣшней безопасности и личной свободы своихъ гражданъ. Современная правовая теорiя вовсе не лишаетъ государство возможности преслѣдовать разнообразныя національныя, культурныя и экономическiя цѣли, но она указываетъ ихъ дѣятельности твердый внутреннiй *принципъ*, который, выражаясь въ юридическомъ порядкѣ, ставитъ этой дѣятельности, въ интересахъ всѣхъ, опредѣленныя *границы*. Въ основанiе этой теорiи полагается мысль, что *каждая воля должна сдерживаться и направляться объективнымъ правомъ*, иначе она превращается въ произволъ. *Всѣ* члены государства, какъ отдѣльные его *граждане*, такъ и *органы правительства*, должны чувствовать себя окруженными высшею, нравственно-правовою атмосферою, которая подчиняетъ всю жизнь государства *нормамъ права*, твердымъ и изъятымъ отъ произвола. Въ этомъ отношенiи правовое государство противоположно *деспотичному*, которое, независимо отъ формы правленiя, возводитъ въ свой основной принципъ не *право и законы*, а *волю правительственныхъ лицъ* или стоящихъ у власти *политическiхъ партiй*.

Это понятiе праваго государства сложилось путемъ долгаго историческаго процесса, который, начавшись въ перiодъ возникновенiя новыхъ государствъ на развалинахъ средневѣковаго быта, донинѣ еще не закончился.

Какое же дать опредѣленiе *новому* государству?

Если смотрѣть на него со стороны *материальной*, т.-е. содержанiя его дѣятельности, то правовымъ государствомъ будетъ такое, въ которомъ право, какъ самостоятельное начало народной жизни, возводится въ основной законъ государства, въ силу чего какъ личная, такъ и общественная жизнь гражданъ получаетъ возможность, каждая въ своей сферѣ, развиваться гармонически и на полномъ просторѣ, но всегда на неизблѣмыхъ основахъ права, все болѣе и болѣе воплощающагося въ государственныя законы.

Государственники выдвигаютъ болѣе *формальную* сторону опредѣленiя и говорятъ, что «современное государство распределяетъ основныя функцiи государственной власти между нѣсколькими органами, изъ которыхъ ни одинъ не обладаетъ поэтому неограниченною властью и изъ которыхъ каждый находитъ свой предѣлъ въ компетенцiи другихъ органовъ».

«Государство новаго типа характеризуется, прежде всего, тѣмъ, что оно замѣняетъ личную власть властью закона, который признается высшею нормой государственной жизни и который подчиняетъ себѣ всѣ отправленія политическаго организма. Между тѣмъ, въ государствѣ стараго порядка, типомъ котораго можетъ служить французская монархія XVIII вѣка, вся полнота верховной власти сосредоточивалась въ одномъ лицѣ, и эта власть была поэтому личной и надзаконной» *).

Данное нами опредѣленіе приводитъ къ важнымъ послѣдствіямъ: оно устанавливаетъ, во-первыхъ, принципиальное различіе между правомъ и государствомъ, не допуская, чтобы первое было *только* продуктомъ второго. Обѣ идеи, исходя отъ общаго корня, природы человѣка, растутъ и совершенствуются другъ черезъ друга, но не отождествляясь.

Источникъ права слѣдуетъ искать въ сознаніи людей, которые соединяются въ различные союзы. Государство даетъ этому сознанію наиболѣе совершенную форму въ издаваемыхъ имъ законахъ и наиболѣе прочную охрану посредствомъ своихъ органовъ (администраціи и суда), но рядомъ съ нимъ и (по *существу*) независимо отъ него существуютъ другіе союзы, которые, хотя въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, но *вмѣстѣ* съ нимъ являются самостоятельными субъектами права (семья, гражданское общество съ его союзами, церковь, международный союзъ), такъ что одновременно съ положительнымъ закономъ дѣйствуютъ иныя формы права: *обычай, автономія, судебныя рѣшенія, наука.*

Мы знаемъ, что государственники оспариваютъ это положеніе и объявляютъ государство единственнымъ *творцомъ* права, но такъ они поступаютъ лишь потому, что становятся на *исключительно-формальную* точку зрѣнія и знаютъ не хотятъ дѣла по *существу*.

Болѣе важно другое ихъ заблужденіе—утвержденіе, будто государство *абсолютно* и принадлежащая ему верховная власть *неограниченна*. Это можно было говорить объ античномъ, но не о современномъ государствѣ. Глубокое изученіе природы государства приводитъ насъ, наоборотъ, къ выводу, что оно и по *идеѣ*, и въ силу *опытовъ исторіи* *ограниченно*, что бы ни утверждали теоретики. Да иначе и быть не можетъ: вытекающая изъ условій земной жизни человѣка, какъ можетъ быть оно абсолютнымъ, т.-е. себѣ самому во всемъ довлѣющимъ? Этому противорѣчитъ и то, что оно—личность, да, притомъ, юридическая. Нашъ выводъ, будучи требованіемъ строгаго мышленія, подтверждается всюду и историческимъ опытомъ. Затѣмъ, никакія нормы права, будь то законодательныя, тоже не абсолютны, но должны находить себѣ въ *матеріальныхъ условіяхъ жизни* и при встрѣчѣ съ другими *принципами высшаго порядка формальныя границы*, преслѣживъ которыя онѣ становятся неэффективными. Эти принципы должны быть предусмотрѣны и опредѣлены въ законѣ.

По природѣ вещей, однако, къ нимъ относятся: основныя права чело-

*) *Александръ*: „Русское государственное право“. 1892 г., стр. 6.

вѣка, вѣчныя начала нравственности, основные догматы и каноны церкви, общія нормы положительнаго международного права. Всѣ они *формально* должны ограничивать волю законодательной власти, кому бы она ни принадлежала въ государствѣ: одному ли физическому лицу, извѣстной ли коллегіи или даже всему населенію *).

Въ-третьихъ, въ современномъ государствѣ независимое и почетное мѣсто занимаетъ *судебная власть*. Объективное право и законъ могутъ владычествовать лишь подъ условіемъ принятія извѣстнаго правила англійскаго права, въ силу котораго *каждое право*, будь оно частнымъ или публичнымъ, *должно оберегаться юридическою защитой*. Послѣдняя же безъ независимаго суда немыслима. Только судъ способенъ стать на объективную почву закона и справедливости, въ противоположность цѣлесообразности или односторонней пользы, на которой стоятъ всѣ заинтересованныя лица, физическія и коллективныя. Поэтому рѣшенія его необходимы вездѣ, гдѣ возникаетъ столкновение между правами и интересами людей или народовъ, угрожающее перейти въ насиліе. Утверждать же, что правительство, при пользованіи своими верховными правами, не обязано, когда оно нарушаетъ чьи-либо права, подчиняться суду, значитъ не признавать публичное право—правомъ. «Гдѣ существуетъ законъ,—говоритъ проф. Алексѣевъ,—но отсутствуетъ судъ, возстановляющій нарушенный законъ, тамъ этотъ законъ—пустой звукъ и дѣйствительной силы не имѣетъ; законъ получаетъ настоящую силу лишь тамъ, гдѣ для своего осуществленія имѣетъ въ своемъ распоряженіи приговора суда. Права гражданскія и въ абсолютномъ государствѣ пользовались защитой суда; создать такую же защиту для правъ публичныхъ есть одно изъ основныхъ требованій современнаго правоваго государства **).

О другихъ послѣдствіяхъ правовой теоріи о государствѣ говорить не будемъ: они важны, но прямо къ нашей задачѣ не относятся ***). Изложеннаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что право, будучи главнымъ принципомъ, управляющимъ всею внутреннею

*) Въ этомъ смыслѣ идея правоваго государства, по образцу англійскихъ писателей, можетъ быть выражена въ формулѣ, что оно такое государство, въ которомъ *управляютъ законы, а не люди* (government of laws, and not of men). Высказанное еще Локкомъ, Юмомъ и др., это великое начало встрѣчается повиднѣ и въ законахъ. Впервые оно было провозглашено въ конституціи штата Массачусетса (1780 г.).

Писатели, толкующіе о неограниченности государственной власти, допускаютъ, однако, что она можетъ сама себя ограничивать. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣляютъ само государство какъ простое *отношеніе*, и именно *властвозанія*. Но это—одни отвлеченныя, логическія опредѣленія, совершенно чуждыя реальной политической жизни нашего времени. Они несовмѣстимы съ природой самого государства, съ правами международного союза и съ безчисленными явленіями дѣйствительной жизни.

**) *Алексѣевъ*, н. соч., стр. 7.

***) Таковы, наприм., признаніе за населеніемъ не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ, замѣна бюрократической централизаціи началомъ самоуправленія, свобода церкви въ государствѣ и т. д.

жизнь государствъ, должно въ одинаковой степени проникать и въ ихъ взаимныя сношенія. Это—требованіе, вытекающее изъ самой ихъ природы, какъ личностей, живущихъ въ нихъ и черезъ нихъ дѣйствующихъ единицъ—народовъ. А въ той степени, въ какой крѣпнеть въ общежитіи право, утверждается въ немъ и миръ. Вотъ почему мы видимъ, что *миръ есть требованіе самой природы современнаго государства*, въ отличіе отъ всѣхъ прежнихъ или покоящихся на другихъ принципахъ политическихъ типовъ *).

Но, само собою разумѣется, осуществленіе этого состоянія на *практикѣ* далеко отстаетъ еще отъ его *чистой идеи*, и дѣло науки расчищать для послѣдней путь. Необходимы еще многія *реформы* для того, чтобы обезпечить за миромъ болѣе прочное и всеобщее господство.

Европейскія государства должны, на подобіе американскихъ республикъ, признать для себя обязательными *принципы международной третейской юрисдикціи* и ввести его въ свои основные законы **). Споры между ними, которые не удастся уладить дипломатіи, не должны вести къ войнѣ или инымъ формамъ самоуправства, а рѣшаться ими самими—избранными третейскими судьями.

Самое право *объявленія войны* должно быть ограничено и обставлено известными законными гарантіями для того, чтобы ни *правительства*, ни *населенія не предпринимали* войны съ безумнымъ легкомысліемъ, какъ мы видѣли это еще въ 1870 г. Для этого предлагаютъ на Западѣ, чтобы

*) Градовскій въ своемъ курсѣ (*Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ*, изд. въ 1895 г. Коркуновымъ) проводитъ мысль, что государства, основанныя народами германской и латинской расы въ Европѣ и въ Америкѣ, представляютъ, при всѣхъ ихъ многообразныхъ формахъ, особенный политическій типъ, который онъ сводитъ къ одному общему понятію *конституціонализма*. Основнымъ же и общимъ признакомъ конституціонныхъ формъ является то, что можно назвать *самоограниченіемъ* государственной власти, въ силу чего эта власть не является *абсолютною*, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, въ рукахъ народа или монарха съ народнымъ правительствомъ. Юридическимъ выраженіемъ такого самоограниченія государственной власти являются такъ назыв. *основные законы* или *конституціи*. Конституція есть какъ бы законъ, поставленный надъ всѣми факторами государственной власти, которые должны сообразовать съ этимъ высшимъ закономъ свои дѣйствія въ области законодательной, суда и управленія. Поэтому авторъ справедливо осуждаетъ выставляемую многими англійскими публицистами со временъ Блекстона теорію *всесоюзности* парламента. Готовность повиновенія законамъ въ Англии,—говоритъ онъ,—обусловлена известными началами права, отвергнуть которыя не во власти парламента. Главныя черты конституціонныхъ государствъ онъ видитъ затѣмъ въ провозглашеніи известныхъ личныхъ и общественныхъ правъ гражданъ и въ началѣ раздѣленія властей.

**) Это уже сдѣлано въ конституціяхъ трехъ южно-американскихъ республикъ: Аргентины, Эквадора и Венесуэлы. Аргентина впервыя высказала начало, которое доселѣ не выставлялось еще ни однимъ государствомъ, что *„побѣда не создаетъ еще никакой права“*. Основные законы двухъ названныхъ республикъ требуютъ, чтобы въ заключаемыхъ ими торговыхъ договорахъ было обязательство обращенія въ спорѣ къ третейскому суду (*Armstrong: „Principes généraux du dr. intern. public. De l'utilité de l'arbitrage“*. Т. I, 1890, p. 5).

объявленіе ея принадлежало не одному главѣ государства, а вмѣстѣ и палатамъ. Принципъ этотъ, впервые высказанный во французскомъ декретѣ 22 мая 1790 г. *) , усвоенъ пока республиками, но не допускается въ монархіяхъ. Писатели видятъ въ этомъ недостаточное развитіе началъ представительнаго государства, и съ этимъ нельзя не согласиться. Но, съ другой стороны, они говорятъ, что предлагаемое содѣйствіе палатъ не дастъ еще всего желаемого ручательства въ большей прочности мира, ибо правительству, рѣшившемуся на войну, всегда будетъ на практикѣ не трудно увлечь за собою и народныхъ представителей чрезъ воздѣйствіе на народныя страсти. Хотя въ 1870 г. массы французскаго народа были рѣшительно противъ войны съ Пруссіей, но Тьеръ, отстаивавшій этотъ взглядъ, считался тогда почти измѣнникомъ въ средѣ законодательнаго корпуса, большинство котораго восторженно привѣтствовало воинственныя рѣчи герцога Грамона. Затѣмъ говорятъ, что получаемое въ палатахъ большинство далеко не всегда является вѣрнымъ изображеніемъ убѣжденій и воззрѣній ихъ избирателей.

Указанные недостатки должны быть устранены частью болѣе строгимъ общественнымъ воспитаніемъ населенія, частью рядомъ мудрыхъ законовъ и мѣръ.

Необходимо, чтобы населеніе избирало въ депутаты лицъ серьезно преданныхъ дѣлу мира и чтобы оно, помимо этого, имѣло законные пути и органы для высказыванія своихъ миролюбивыхъ желаній и для наставленія на нихъ передъ правительствомъ. Въ этихъ видахъ предлагаютъ усилить въ палатахъ права меньшинства посредствомъ пропорціональнаго представительства (Ревонъ); другіе думаютъ, что полезно было бы вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшать посредствомъ плебисцита въ тѣхъ случаяхъ, когда палаты выскажутся за войну противъ десятой части или болѣе всѣхъ своихъ членовъ (Маркоарту); третьи выставляютъ на видъ пользу возведенія въ общее правило, чтобы враждебныя дѣйствія открывались не немедленно за объявленіемъ войны, а по истеченіи извѣстнаго, закономъ опредѣленнаго, срока (Армстронгъ).

Противъ послѣдняго предложенія возражаютъ, что быстрота военныхъ дѣйствій большею частью составляетъ первое условіе ихъ успѣха, но это вѣрно только для войны завоевательной. «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ Ревонъ,—по вѣмъ вопросамъ, относящимся къ войнѣ, права исполнительной власти должны быть сокращены въ пользу законодательной. Необходимо, чтобы повсюду палаты держали въ своихъ рукахъ казну и мечъ, иначе правительства слишкомъ легко поддадутся искушенію извлечь мечъ изъ ноженъ безъ общаго согласія, и тогда народные представители поволѣ будутъ вынуждены дать на это деньги. Пока война не уничтожится, юристы обязаны изыскивать всякія средства для ея задержанія».

*) Война,—говоритъ этотъ декретъ,—объявляется лишь въ силу постановленія законодательнаго корпуса, изданнаго по формальному и необходимому предложенію короля и потомъ имъ утвержденному.

Въ виду розни, господствующей такъ часто въ палатахъ, и страстности, которой способны поддаваться ихъ члены, особенно при обсужденіи жгучихъ политическихъ вопросовъ, мы полагаемъ, что вопросъ объ объявленіи войны слѣдовало бы въ будущемъ предоставлять не имъ, а либо *учредительнымъ собраніямъ* (какъ при пересмотрѣ конституціи), либо *особымъ* тщательно составленнымъ *собраніямъ* изъ людей компетентныхъ и серьезныхъ, по назначенію правительства и выбору палатъ.

Далѣе Ревонъ указываетъ на реформы и въ области *административнаго права*, содѣйствующія замирению народовъ. Система *прямого обложенія* тутъ должна быть предпочтена передъ косвенными налогами, ибо она живѣе пробуждаетъ въ плательщикахъ сознаніе возлагаемыхъ на нихъ финансовыхъ тягостей и скорѣе отерываетъ имъ глаза на связь, которая существуетъ между этими тягостями и постоянно возрастающими военными расходами. Нельзя также пройти молчаніемъ и собственно *военнаго законодательства*. «Намъ нечего доказывать,—замѣчаетъ тотъ же авторъ,—на сколько важно, съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса, осужденіе того уничтоженія человѣческой воли, которое вытекаетъ изъ существа постоянныхъ армій, принудительная служба въ которыхъ столь глубоко поражаетъ чувство достоинства и свободу человѣка. Сдѣлаемъ развѣ одну оговорку: часто добро возникаетъ изъ зла и миръ порождается бѣдствіями, причиненными войной. Обязательность военной службы ставитъ руководящіе классы общества лицомъ къ лицу съ милитаризмомъ и поневолѣ, возбуждая въ нихъ отвращеніе къ переживаемому нами вооруженному перемирію, толкаетъ ихъ въ ряды приверженцевъ мира. А кто знаетъ, не перепознать ли эта капля всей чаши и не заставитъ ли поколѣніе, наиболѣе пострадавшее отъ бремени существующей системы, утвердить, наконецъ, международный строй на новыхъ и лучшихъ основахъ?»

Ревонъ высказывается даже противъ привлеченія къ отвѣтственности тѣхъ, которые, по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, отказываются вступать въ ряды войска. Какъ извѣстно, военные совѣты строго наказываютъ подобныхъ лицъ, какъ это показываютъ примѣры, бывшіе во Франціи и въ Германіи. Многие квакеры и гиншисты (*Hinschistes*) предпочли тюремное заключеніе измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Кончали тѣмъ, что ихъ опредѣляли въ санитарные отряды. Намъ, вѣроятно, возразятъ, что если допустить такое изыятіе, то всѣ, пожалуй, захотятъ быть квакерами. Не думаемъ; на практикѣ не будетъ трудно отличить лицъ убѣжденныхъ отъ лицемеровъ. Кромѣ того, можно потребовать извѣстныхъ доказательствъ, которыя удостовѣряли бы присутствіе въ лицахъ подобныхъ религиозныхъ во зрѣній, но это уже вопросъ фактическій.

Не менѣе важно, чтобы законы строго преслѣдовали *дуэли*. Между ними и ошной не трудно усмотрѣть сродство. Дуэли ничто иное, какъ отжившіе остатки прежней кровавой мести; война—торжество тѣхъ же самыхъ во зрѣній въ области международной. Поэтому преслѣдовать дуэль—значитъ осуждать войну.

Во Франціи Кюзере и архіепископъ Френпель сдѣлали попытку, не увѣнчавшуюся успѣхомъ, внести въ палату законопроектъ противъ дуэлей. По этому проекту подвергались бы строгому наказанію какъ нарушители его, такъ и органы печати, распространяющіе въ публикѣ свѣдѣнія о дуэляхъ. Мысль вѣрная, ибо ничто такъ не возвышаетъ ихъ въ глазахъ публики, какъ реклама о нихъ въ газетахъ. Дуэли, будучи небольшою войной между частными лицами, должны быть, какъ и большія войны, отмѣнены, ибо онѣ несомнѣстимы ни съ заповѣдью любви, ни съ принципами права, ни, наконецъ, съ истиннымъ понятіемъ о чести. Лучше всего ихъ замѣнить судами чести. Но для проведенія этой реформы необходимо, чтобы предварительно измѣнились существующіе обычаи и воззрѣнія въ европейскихъ арміяхъ, начальствующія лица которыхъ не довольствуются разрѣшать дуэли своимъ подвласнымъ, какъ право, но возлагаютъ ихъ даже на нихъ, какъ обязанность.

Нашъ авторъ, наконецъ, раздѣляетъ мысли тѣхъ, которые полагаютъ, что миръ значительно укрѣпился бы, еслибъ и *женщинамъ* были предоставлены *политическія права*.

III. Международный союзъ *).

Его возникновеніе.—Факты, имъ пережитые.—Основные принципы международной практики: политическое равновѣсіе, легитимизмъ, начало національности.—Принципы права: суверенитетъ и общеніе.—Внутреннее основаніе международного союза.—Его расширеніе въ двоякомъ направленіи.—Черты, характеризующія современный международный строй.—Главные политическіе вопросы, угрожающіе войной въ наши дни.—Мирное рѣшеніе ихъ съ точки зрѣнія международного права.

Современныя государства, какъ мы видѣли, отличаются многими типичными особенностями не въ своемъ только *внутреннемъ* строѣ; не менѣе своеобразна и достойна изученія и область ихъ *внѣшней жизни*, какъ дальнѣйшее отсюда послѣдствіе. Они образуютъ между собою, какъ сказано, нѣкоторое *общество*, которое дипломаты зовутъ иногда *европейскимъ концертомъ*, а юристы обозначаютъ болѣе подходящимъ терминомъ *международный союзъ*. Для этого общества, по признанію самихъ правительствъ, существуетъ и особое право—*публичное право Европы, международное*, которое опредѣляетъ ихъ взаимныя положенія и отношенія, какъ членовъ извѣстнаго цѣлага **).

*) *Roszkowski*: „Ueber das Wesen und die Organisation der internationalen Staaten-gemeinschaft въ Zeitschrift für internationales Privat-und Strafrecht“. 1893; Н. 3, S. 253 — 275, прекрасная статья съ указаніями литературы, хотя авторъ—противникъ самостоятельной организациі международного союза. *Бар. Таубе*: „Исторія за-рожденія современнаго международного права“. 1894.

**) Въ Ахенской деклараціи 8/13 ноября 1818 г. государи обѣщаютъ другъ другу во всѣхъ сношеніяхъ, какъ между собою, такъ и съ другими державами: „*observation la plus stricte des principes du droit des gens, principes qui peuvent seuls garantir efficacement l'indépendance de chaque gouvernement et la stabilité de l'association gé-*

Этотъ союзъ не есть что-либо искусственное или какое-либо измышление теоретиковъ: онъ—продуктъ самой жизни новыхъ народовъ нашей христіанской культуры. Подобно тому, какъ въ прежніе періоды государство являлось высшею и послѣднею формою общегитія людей, таковою нынѣ представляется международный союзъ. Онъ не уничтожаетъ и не отбѣиваетъ всѣхъ иныхъ предшествовавшихъ ему и болѣе тѣсныхъ формъ союзовъ, но онъ гармонически изъ нихъ вытекаетъ, какъ ихъ дальнѣйшее продолженіе и завершеніе.

Исторія показываетъ намъ, что международный союзъ существуетъ лишь въ продолженіе трехъ съ половиною вѣковъ (съ эпохи вестфальскаго мира). Его не было въ древности потому, что тогда каждое государство признавало только за собою право на существованіе и всю цѣль своей политики полагало въ возведеніи собственной мощи на уничтоженіи или пораженіи возможно большаго числа чужихъ государствъ. Сношенія между языческими народами были лишь временныя, случайныя, или же они вызывались между сосѣдями потребностями религіи, общей защиты и торговли, но и въ этихъ случаяхъ они не выходили почти за границы одноплеменниковъ и не создавали прочной и широкой организаціи. Въ средніе вѣка международный союзъ не сложился по другимъ причинамъ: отсутствовали государства, какъ политически-самостоятельныя единицы; европейское общество въ цѣломъ подчинялось двумъ верховнымъ властямъ, папской и императорской, которыя обѣ претендовали на универсальное владычество и жили въ вѣчной, неутомимой борьбѣ между собою; религиозный фанатизмъ и нетерпимость, затмивъ высокіе принципы христіанства, дѣлали крайне шаткими и необезпеченными между народами Европы общее право и миръ. Но, тѣмъ не менѣе, уже тогда среди этихъ народовъ были положены нѣкоторые зародыши къ ихъ сближенію и позднѣйшему соединенію въ международный союзъ, благодаря ихъ двоякому родству: физиологическому—по крови и духовному—по происхожденію и всему характеру ихъ послѣдующей жизни и культуры.

Вотъ почему *общеніе*, этотъ основной принципъ международнаго права,

métale. Въ протоколѣ лондонской конференціи 1831 (19 февраля): „Chaque nation a ses droits particuliers, mais l'Europe aussi a son droit, c'est l'ordre social qui le lui a donné“. Государства, заключившія парижскій трактатъ 1856 г. „déclarent la Sublime Porte admise à participer aux avantages du droit public et du concert européens“ (ст. 7). Постановленія о Дунаѣ, въ парижскомъ трактатѣ, должны вперёдъ составлять часть публичнаго права Европы: „Les puissances contractantes, déclarent que cette disposition fait désormais partie du droit public de l'Europe et sa résistent sous leur garantie“ (ст. 15). Берлинскій трактатъ 1878 г. упоминаетъ объ „основныхъ началахъ международнаго права“ (ст. 40); еще любопытнѣе ссылки на нихъ берлинскаго акта 1885 г.: по ст. 9 торговля неграми объявлена запрещенною „въ силу принциповъ международнаго права, признаннаго сторонами“; постановленія о судоходствѣ по Конго должны въ будущемъ „входить въ составъ публичнаго международнаго права“ (ст. 13). Увеличить число подобныхъ цитатъ не трудъ.

постепенно замѣняетъ изолированность и вражду, въ которой жили между собою древнія государства. Въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и позднѣе общеніе вырабатывается, постепенно расширяясь совмѣстнымъ и нормальнымъ ходомъ всей исторіи ново-европейскихъ народовъ. Прежде чѣмъ перейти въ сознательный и самостоятельный *принципъ права*, общеніе стало сказываться и дѣйствовать на почвѣ *религіозной* (католическая церковь въ средневѣковомъ обществѣ), затѣмъ *экономическихъ интересовъ* (самостоятельная организація торговыхъ союзовъ тогда же), а еще позднѣе и *политики* (политическое равновѣсіе, какъ первое, но еще грубое и вѣдшее проявленіе между государствами Европы нѣкоторой общности и солидарности, хотя и чисто-политической).

Брупныя событія въ XVII стол. вызвали къ жизни то, что мы называемъ международнымъ союзомъ и управляющее жизнью его—международнымъ правомъ: окончаніе процесса образованія новыхъ государствъ, установленіе между ними правильныхъ и постоянныхъ сношеній, признаніе правительствами въ вестфальскомъ мирѣ (хотя и въ несовершенной формѣ) принциповъ политической и религіозной терпимости, объявленіе свободы океана, зарожденіе въ трудахъ великаго Гроція науки современнаго международного права.

Съ тѣхъ поръ общество народовъ пережило *два* фазиса въ своемъ развитіи: до конца XVIII стол. оно было еще, строго говоря, лишь *фактическимъ*: политика одушевляла и направляла всѣ взаимныя сношенія его членовъ; государства XVII и XVIII вв., абсолютныя внутри, не признавали и для своей вѣдшей дѣятельности какихъ-либо иныхъ преградъ, кромѣ тѣхъ, которыя имъ полагала сила. Макіавелли, такъ хорошо резюмировавшій печальную государственную практику той эпохи, былъ главнымъ тогда руководителемъ кабинетовъ. Право же, совершенно подавленное политикой, едва пробивалось наружу, начиная сказываться въ немногихъ только нормахъ и институтахъ. Тогда же въ основное начало вѣдшихъ сношеній государствъ возведена *система политическаго равновѣсія*. Въ силу ея ни одно государство не должно было посягать на политическую независимость другихъ, даже не предпринимать ничего такого, что могло бы ей угрожать; но на практикѣ, въ рукахъ сильныхъ правительствъ, это начало превратилось въ политику постоянныхъ вѣдшательствъ ихъ во внутреннія дѣла слабѣйшихъ государствъ и въ стремленіе ихъ къ ихъ окончательному пораженію. Отсюда, вѣдсто мира и неприкосновенности территоріальныхъ границъ, нескончаемый рядъ войнъ и потрясеній.

Во второй фазисъ международный союзъ вступаетъ лишь со времени первой французской революціи. Только въ наше столѣтіе наблюдается превращеніе его изъ *фактическаго* общества въ *юридическое*, сопровождаемое переходомъ принципа *общенія* на почву *права*. Но и тутъ мы присутствуемъ только при началѣ такого любопытнаго явленія въ общественной жизни народовъ, о будущихъ размѣрахъ и направленіи котораго судить теперъ, даже приблизительно, очень трудно.

Державы, побѣдившія революцію и Наполеона I, провозгласили съ 1815 г. новый принципъ въ своей международной политикѣ: принципъ *легитимизма*. Посредствомъ него онѣ думали, въ интересахъ обще-европейскаго мира, поддержать соединенными усилиями права династій противъ посягательствъ, дѣлавшихся на нихъ революціонными партіями. «Лучшія армія міра, — говоритъ г. Рошковскій*), — выступали на защиту этого принципа и, все-таки, какъ бы въ подтвержденіе того, что сила духа крѣпче силы штыковъ, онъ рушился почти въ моментъ его провозглашенія, ибо очень скоро пришлось убѣдиться въ его непригодности для управленія мировыми сношеніями. Естественное теченіе народной жизни уносить съ собою древнѣйшія политическія формы, которыя подсохли въ корнѣ, и создаетъ, рано или поздно, новыя политическія организаціи, лучше приспособленныя къ новымъ жизненнымъ потребностямъ. Нельзя поддерживать существованіе политическихъ учрежденій одною ссылкою на ихъ древность, когда ихъ основы уже потрясены поступательнымъ ходомъ времени. Наконецъ, было заблужденіемъ обосновать власть государства и права династій на понятіи собственности. Международное право не можетъ и не должно своими учрежденіями задерживать свободный ростъ народовъ. Напротивъ, оно призвано ему всячески содѣйствовать, но въ какихъ политическихъ формахъ должно происходить это развитіе, это предоставляется имъ на выборъ самимъ народамъ. Международное право должно всѣ эти факты только регистрировать, а не творить».

Вотъ почему весьма скоро послѣ паденія легитимизма, съ 1830 г. политическія событія выдвигаютъ новое основное начало въ области сношеній народовъ — принципъ *національности*. Многіе, и въ томъ числѣ г. Рошковскій, видятъ въ осуществленіи его всю будущность международнаго союза и права. Мало того, по мнѣнію ихъ, лишь при этомъ условіи наступитъ эра общаго мира на землѣ, разрешится самъ собою вопросъ о разоруженіи и международное право въ дѣйствительности обезпечитъ благо человечества.

Мы не отвергаемъ ни сущности этого принципа, требующаго «признанія всѣхъ принадлежащихъ народамъ правъ», ни великаго его значенія въ дѣлѣ замиренія государствъ вообще, но полагаемъ, что и онъ, какъ принципъ, прежде всего, культурный, а не политическій или юридическій, долженъ быть проведенъ въ жизни односторонне и насильственно, въ ущербъ всѣмъ другимъ началамъ нравственной и государственной жизни.

Международный союзъ, какъ всякое другое общество, покоится на *началахъ права* и ими управляется и направляется. Эти же начала суть *суверенитетъ* и *общеніе*, вытекающіе изъ самой природы составляющихъ его единицъ, т. е. государствъ.

Государства, въ качествѣ его членовъ, не перестаютъ быть высшими, территоріальными, общественными союзами; они, другими словами, остаются

*) Назв. стат.

ся *суверенными*, но, рядомъ съ этимъ, они всею прошлою, совмѣстною своею жизнью приведены къ составленію одного большого *культурнаго союза*, который въ теченіе вѣковъ изъ простаго *фактическаго порядка* все болѣе и опредѣленнѣе превращается въ настоящій *юридическій союзъ*, т.-е. члены его въ основу своихъ взаимныхъ сношеній кладутъ уже не безгранично прежде господствовавшій *принципъ эгоизма и грубой силы*, а вытекающій изъ самой внутренней ихъ природы *принципъ правотыности*, состоящій въ *сознаніи ими необходимости самоограниченія своихъ интересовъ общенія*.

Вотъ что дѣлаетъ—и силою вещей, ходомъ жизни, а не въ угоду какой-либо теоріи—международный порядокъ *организованнымъ, правовымъ строемъ*, на почвѣ котораго простые обычаи превращаются, признаніемъ государствъ, въ юридическіе, т.-е. факты переходятъ въ право.

Этотъ процессъ сопровождается слѣдующими двумя коренными послѣдствіями: 1) выдѣленіемъ изъ политики (или совокупности политическихъ правилъ) нѣкоторыхъ твердыхъ *юридическихъ нормъ*, пользующихся общимъ признаніемъ и авторитетомъ, и 2) установленіемъ особыхъ *международныхъ органовъ*, которые высказываютъ, примѣняютъ и охраняютъ эти нормы. Въ обоихъ направленіяхъ международный союзъ еще очень далекъ отъ полнаго осуществленія своей *идеи*, но онъ, все-таки, къ ней постепенно и все рѣшительнѣе приближается. Уже теперь, можно сказать, общество народовъ составляетъ одно извѣстное цѣлое, члены котораго связаны между собою идеями духовнаго *единства, равенства* (т.-е. признаніемъ за всѣми государствами одинаковой право и дѣеспособности) и *содѣятельности* въ преслѣдованіи общихъ своихъ культурныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, международный союзъ,—замѣчаетъ г. Ропковскій (который онъ называетъ: *die internationale Staatengemeinschaft*),—покоится на двоякомъ предположеніи: на томъ, во-первыхъ, что государства признаютъ общими для себя нѣкоторыя задачи культуры, которыхъ они могутъ достигнуть только соединенными усиліями, и на томъ, во-вторыхъ, что они для совмѣстной своей дѣятельности создаютъ организованныя юридическія учрежденія. Но политической формы, съ особою верховною властью, этотъ союзъ не имѣетъ и имѣть не долженъ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы разстаться съ свободою и самобытною народомъ. Но и это не мешаетъ, повторяемъ, международному союзу быть вполне строемъ правовымъ, съ правильною и прочною юридическою организаціей.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что, при указанныхъ условіяхъ, общество народовъ является чѣмъ-то лишнимъ или лишеннымъ великаго внутренняго значенія и пользы. Совершенно напротивъ: оно коренится въ тѣхъ глубокихъ *жизненныхъ потребностяхъ* новыхъ народовъ, которыя, давъ ему бытіе въ XVII в., съ тѣхъ поръ непрестанно продолжаютъ расширять его какъ въ *территориальнымъ* отношеніи, такъ и со стороны *содержанія нормъ*, регулирующихъ его жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ, что создало и непрерывно расширяетъ и укореняетъ международный союзъ?

Сознаніе новыми государствами существованія для нихъ такихъ общихъ и высшихъ задачъ культуры, которыхъ они не могутъ достигъ отдѣльными усилиями. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становится для нихъ ясною великая истина, что *собственное благо ихъ гражданъ* требуетъ согласованія и соединенія, а не дробленія и разъединенія (во враждѣ) ихъ силъ и что, благодаря быстро усиливающемуся всемірно-гражданскому обороту нашего времени, *общіе интересы и идеи* все тѣснѣе окутываютъ ихъ одною неразростимую сѣтью.

Вотъ почему внутри международного союза государства находятъ новыя и болѣе прочныя обезпеченія своей независимости, а частнымъ лицамъ и различнымъ ихъ союзамъ дается самая широкая охрана ихъ дѣятельности и правъ. При этомъ часто какъ бы стираются самыя политическія грани между народами. Конечно, все это требуетъ юридическихъ нормъ и учреждений для направленія совмѣстной жизни и дѣятельности государствъ къ общему благу. И вотъ, что даетъ начало и расширеніе международному праву, которое поистинѣ можетъ быть названо *развивающимся, положительнымъ правомъ всею цивилизованаго человечества въ наше время*.

Во-первыхъ, въ *территориальномъ* отношеніи международный союзъ долгое время ограничивался своею первоначальною родиной—Европой. Постепенно, съ распространеніемъ европейской цивилизаціи, къ нему присоединились страны другихъ частей свѣта: нѣкоторыя изъ нихъ формально признали международное право, какъ, наприм., С.-А. Штаты по провозглашеніи своей независимости; другія были допущены въ «составъ европейскаго концерта», какъ было сдѣлано съ Турціей на парижскомъ конгрессѣ (1856 г.). Нынѣ международный союзъ обнимаетъ собою европейскія, американскія и нѣкоторыя африканскія государства, какъ-то: Либерію, Конго, Марокко и Занзибаръ. Изъ азіатскихъ странъ нѣкоторыя, какъ Персія, Китай, Японія, Корея и Сіамъ, соединены со многими его членами договорами, которые опредѣляютъ экономическія сношенія Востока съ Западомъ и готовятъ путь для приступленія и этихъ странъ къ обществу народовъ. Несомнѣнно, чѣмъ далѣе по лицу земли будетъ разливаться европейская цивилизація, тѣмъ большее число государствъ примкнутъ къ международному союзу, призванному стать обще-человѣческимъ, всемірнымъ (провозвѣстителемъ такового является уже всемірный почтовый союзъ).

Во-вторыхъ, международный союзъ расширяетъ область дѣйствія государственныхъ интересовъ тѣмъ, что онъ регулируетъ ихъ нормами права (международнаго). Если сначала въ средѣ его имѣлось въ виду обезпеченіе лишь однихъ *политическихъ* интересовъ государствъ, то нынѣ онъ въ сферу свою втягиваетъ всѣ отрасли *управленія* и значительную часть интересовъ *соціальныхъ*. Современный международный союзъ не только ограждаетъ суверенитетъ государствъ, но и создаетъ между ними взаимное содѣйствіе въ области сельскаго хозяйства, торговли и промышленности, по

вопросамъ санитарнымъ и о лучшихъ способахъ сообщеній, въ дѣлѣ обмена продуктами искусствъ и наукъ, по части приобрѣтеній и открытій, наконецъ, чрезъ оказаніе судебной помощи въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Съ успѣхами цивилизаціи взаимная зависимость государствъ только усилится и возростетъ самое число предметовъ, которые будутъ регулироваться правомъ международнымъ.

Подтверженіемъ изложеннаго служатъ новѣйшіе трактаты, которые заключаются все большимъ числомъ участниковъ и содержаніе которыхъ становится все болѣе однороднымъ. Еще весьма характерно то, что умножаются такъ называемые общіе договоры, которые, заключаемые всѣми или большинствомъ членовъ международного союза, свидѣтельствуютъ объ общности ихъ интересовъ, а равно о признаніи съ ихъ стороны необходимости однообразныхъ юридическихъ нормъ *).

Всматриваясь глубже въ *международную жизнь нашего времени*, не трудно подмѣтить въ ней нѣкоторыя характерныя черты, рѣзко отличающія ее отъ всѣхъ предшествующихъ эпохъ. Совершается важное измѣненіе въ положеніи и значеніи *войны* и *дипломатіи*, которыя столь всецѣло очерчивали прежде ея содержаніе.

Война внушаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе рѣшительное отвращеніе. Ея не хотятъ и стараются избѣгнуть и правительства, и населенія. Правда, громадныя вооруженія все продолжаютъ и военная техника не прекращаетъ своихъ усилій надъ улучшеніемъ оружія, но именно это вызываетъ въ правительствахъ нѣкоторый страхъ передъ ихъ противниками и боязнь ответственности въ случаѣ вызова войны. Одновременно съ этимъ проникаетъ во всѣ слои населенія желаніе поддержать и укрѣпить миръ. Благодаря существованію общей воинской повинности, самая мысль о возможности войны повергаетъ всѣхъ въ страхъ и безпокойство. Можетъ ли быть иначе, если, при ея наступленіи, каждой семьѣ придется трепетать за жизнь какого-либо дорогого члена? Кромѣ того, въ общественное сознаніе нашего времени постепенно проникаютъ уже вѣрныя мысли, что осуществленіе культурныхъ задачъ, выпавшихъ на долю народовъ, требуютъ сохранения мира, который одинъ только и можетъ обезпечить благо человечества, и что войны, во всякомъ случаѣ, приносятъ гораздо болѣе зла, нежели пользы, ибо въ короткое время истребляютъ памятники и произведенія цѣлыхъ поколѣній во всѣхъ областяхъ ихъ труда. Съ этимъ возростаніемъ требованія мира идетъ объ руку стремленіе рѣшать болѣе часто международныя несогласія мирными и особенно юридическими способами. Согласно заявленіямъ парижскаго конгресса (1856 г.) и берлинской конференціи (1885 г.), государства въ своихъ спорахъ стали охотнѣе прибѣгать ко взаимнымъ добрымъ услугамъ и даже къ третейскимъ рѣшеніямъ. Какъ государи, такъ и президенты республикъ сочувствуютъ этому дви-

*) *Rozzkowski, ibid.*

женію и выступаютъ нерѣдко въ роли то посредниковъ, то третейскихъ судей. Этимъ предотвращается война и возвышается авторитетъ права въ сношеніяхъ народовъ.

Измѣнились также во многомъ къ лучшему роль и приемы *дипломатии*. Она перестала быть исключительною руководительницею судебъ государствъ. Тайнственность, которою она окружала прежде свои дѣйствія, уступила теперь мѣсто публичности. Общественное мнѣніе все рѣшительнѣе проявляетъ свое вліяніе на нее, какъ и вообще на политику кабинетовъ. Это сказывается въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, дипломатія ставится подъ извѣстный контроль палатъ и самыя дипломатическіе документы оглашаются, когда того дозволяютъ государственные интересы. Съ другой, ежедневная политическая печать широко открываетъ свои столбцы для обсужденія всякаго рода международныхъ вопросовъ. Интересъ къ нимъ поэтому проникаетъ въ широкіе круги населенія и даже правительства самыхъ могущественныхъ державъ не остаются равнодушными къ голосу общественнаго мнѣнія, но прислушиваются къ нему и стараются его направить въ свою пользу.

Къ частной дѣятельности дипломатіи все чаще присоединяется форма коллективная. На конгрессахъ, созываемыхъ все еще слишкомъ рѣдко, участвуетъ, сравнительно съ прежними, большее число государствъ. Они занимаются не одними вопросами политики или окончаніемъ данной войны, но и нѣкоторыми общими задачами культуры и права. За то весьма многочисленны конференціи, на которыя возлагаются рѣшенія самыхъ разнообразныхъ вопросовъ текущей международной жизни. Необходимо сдѣлать эти органы правильными, постоянными и съ опредѣленною юридически организациею и компетенціею.

Вслѣдствіе этого, какъ замѣчено выше, не только измѣнился характеръ международныхъ договоровъ, но и стали посредствомъ ихъ возникать между государствами постоянныя соединенія или *уніи*. Въ нихъ нельзя не видѣть начала будущей, болѣе совершенной и широкой международной организациіи. Таковы различныя по объему, но одинаковыя по существу: почтовый союзъ, телеграфный, литературный, промышленный, желѣзно-дорожный, для международныхъ мѣръ и вѣсовъ, обнародованія таможенныхъ тарифовъ всѣхъ государствъ и недавно предположенный таковой же союзъ (въ 1894 г.) для изданія и трактатовъ. Во главѣ этихъ уній стоятъ особыя бюро, вполнѣ международныя органы. Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, неудивительно, что самыя широкіе размѣры и разнообразныя формы принимаетъ въ современномъ обществѣ пропаганда мира. Подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ ниже. Пока же, при современныхъ порядкахъ, существуетъ *война*; международное право не можетъ ее игнорировать. Филантропы строго осуждаютъ всякую попытку ограничивать ее какими-либо нормами. По ихъ мнѣнію, стараться облегчить причиняемая ею бѣдствія—значитъ только узаконять ее и затруднять самую ея отмѣну. «Н что такъ не пагубно для торжества нашихъ миролюбивыхъ идей,—вос-

вливалъ одинъ изъ нихъ (Рише, проф. медицины въ Парижѣ), — какъ смягченіе военной практики. вмѣсто учрежденія обществъ вспоможенія раненымъ, мы хотѣли бы, напротивъ, чтобы всѣхъ раненыхъ избивали, никого не брали въ плѣнъ, чтобы жгли безъ пощады непріятельскіе города и предавали мечу все мирное населеніе. Надо вещи доводить до ихъ логическаго конца и оставить за войною весь присущій ей ужасъ (*tout le son atrocité*), вмѣсто того, чтобы теряться въ лабиринтъ негнѣмыхъ противорѣчій. Повторяемъ, всякое смягченіе войны — зло, ибо оно уменьшаетъ отвращеніе къ ней. Чѣмъ болѣе мы сдѣлаемъ ее безчеловѣчною, неумолимою, обрушивающеюся на невинныхъ, поражающею безъ всякаго предварительнаго извѣщенія и старца, и женщину, и младенца у мирныхъ ихъ очаговъ, чѣмъ болѣе мы вызовемъ надъ цѣлымъ народомъ грозный призракъ всеобщаго пожара, тѣмъ успѣшнѣе мы поработаемъ на пользу мира. Уже теперь усовершенствованія орудій истребленія уменьшили шансы войны» *).

Заключительная мысль вѣрна, но все это разсужденіе французскаго врача намъ представляется дикимъ софизмомъ. Международное право призвано, конечно, прежде всего, предупреждать войну, стремиться даже къ ея отиженію, но пока она существуетъ, какъ фактъ, оно должно своими принципами ее и ограничивать, и смягчать. Изъ того, что человѣкъ обязанъ противодействовать злу и даже стараться искоренить его, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не былъ нравственно одинаково обязанъ также дѣятельно помогать тѣмъ, которые поражены зломъ (наприм., въ болѣзняхъ, въ разныхъ бѣдствіяхъ нашей какъ физической, такъ и общественной жизни). Мысли Рише, будучи къ лицу азіатамъ, недостойны христіанскаго мыслителя и не могутъ раздѣляться и юристами. Вотъ почему мы видимъ, что въ наши дни не только теоретики (Блюнчли, Фильдъ, Мартенсъ, Акола, институтъ международнаго права и др.), но и дипломаты и правительства признаютъ пользу *кодификаціи* права войны. Стараются сдѣлать войну болѣе рѣдкимъ явленіемъ, но заботятся также о томъ, чтобы всячески ограничить и смягчить ея послѣдствія **). Въ этомъ направленіи, однако, настоятельны двѣ реформы: надо превратить *текстъ брусельской деклараціи 1874 г.* о законахъ и обычаяхъ войны въ *обще-обязательный для государствъ законъ* (съ тѣми поправками и добавленіями, настоятельность которыхъ стала съ тѣхъ поръ очевидною); необходимо *юридически усилить способы воздѣйствія нейтральныхъ на воюющихъ* за все время ихъ вражды до заключенія ими мира включительно. Прекрасный тому примѣръ мы только что видѣли въ воздѣйствіи трехъ великихъ державъ: Россіи, Франціи и Германіи (къ которымъ присоединилась и Испанія) на Японію въ видахъ умѣренія ея требованій къ побѣжденному Китаю. Такіе совмѣстные и твердые шаги нейтральныхъ сдѣлаютъ самые мирные договоры со

* *Riche*: „Les machines volantes et la paix“ (*Almanach de la paix 1894*, p. 40—41).

**) Хорошія объ этомъ подробности у г. Рощковского въ назв. ст.

временемъ болѣе справедливыми и прочными, и можно только пожалѣть, что не были они въ свое время сдѣланы нейтральными и по отношенію франкфуртскаго мирнаго трактата 1871 г. между Франціей и Германіей.

Наконецъ необходимо съ точки зрѣнія права уравнивать во всемъ практику *морской войны* съ принципами, признаваемыми для войны сухопутной. Здѣсь должно провозгласить неприкосновенность частной собственности на морѣ, твердо установить понятіе военной контрабанды, признать обязательными дополнительныя статьи 1868 г. къ женеvской конвенціи и придать призовымъ судамъ вполнѣ юридическій, международный характеръ;— *словомъ, облечь въ кодификацію и всю область морскаго военнаго права.* Дѣло это—хотя трудное, но достижимое, особенно послѣ всѣхъ подготовительныхъ къ тому и прекрасныхъ работъ Института международного права.

И такъ, международный союзъ и управляющее имъ международное право задачею своею имѣютъ: скрѣпленіе взаимнаго сближенія народовъ путемъ ослабленія существующаго между ними антагонизма и направленія ихъ соединенныхъ силъ къ осуществленію общихъ и высшихъ цѣлей цивилизаціи, которыя иначе останутся недостижимыми. Международное право обеспечиваетъ нормальный порядокъ государственныхъ отношеній; стремясь на мѣсто грубой физической силы возвести въ законъ ихъ *начало справедливости*, оно тѣмъ самымъ беретъ подъ свою охрану независимое существованіе отдѣльныхъ государствъ и стремится привести къ равновѣсію ихъ матеріальные и духовные интересы.

Но если заслуги международного права въ дѣлѣ поднятія цивилизаціи несомнѣнны, то почему такъ часты жалобы на малую его будто бы полезность? Большинство людей все еще относятся къ учрежденіямъ его скептически, ссылаясь на то, сколько правъ попирается въ области сношеній народовъ, сколько безъ пользы проливается крови, сколько гибнетъ лучшихъ силъ, и даже донныѣ, какъ бы въ поруганіе правдѣ, сила не разъ торжествуетъ надъ правомъ.

Бѣ сожалѣнію, въ этихъ жалобахъ много правды. Но, говорить Ропковскій въ своей выше названной прекрасной статьѣ, которой мы не разъ тутъ слѣдуемъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ фактъ, что въ народахъ стало все рѣшительнѣе сказываться сознаніе необходимости обосновать свои взаимныя сношенія на другихъ началахъ, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, что пора тутъ произволу дать мѣсто справедливости, которая одна способна обеспечитьъ свободу и счастье народовъ на землѣ. Это *начало справедливости* основное и высшее для каждаго права, подобно тому какъ для религіи—идея Бога, для морали—идея добра. Такою справедливостью является и для международного права, которое именно стремится ее осуществить въ области взаимныхъ сношеній государствъ. Но при этомъ оно должно всегда, въ духѣ внутренней правды (*Billigkeit*) считаться съ *практическими потребностями* народовъ, какъ онѣ вытекаютъ изъ ихъ историческаго прошлаго и сказываются въ современномъ ихъ умственномъ или культурномъ сос. явнѣн.

Все это глубоко вѣрно. Но недостаточно провозгласить въ жизни народовъ господствующимъ начало справедливости,—необходимо еще облечь его въ опредѣленную *организацию*. Лишь это проводить самую характерную черту различія между порядками юридическимъ и нравственнымъ, между правомъ и моралью. Къ тому же стремится и международный союзъ, какъ опредѣленная и юридическая форма сожитія людей на землѣ *).

По мѣрѣ укрѣпленія *права* въ международной области самый *миръ* для народовъ станетъ и болѣе справедливымъ, и болѣе прочнымъ. И это одинаково относится къ ихъ внѣшней и къ внутренней жизни. Но какъ, съязуть, достигнуть этой цѣли, когда, по сей часъ, глубокіе политическіе антагонизмъ и вражда все еще раздѣляютъ народы другъ отъ друга? Великое благо мира, о которомъ такъ многіе кричатъ и для котораго такъ немногіе что-либо дѣлаютъ, достижимо для народовъ Европы, конечно, не иначе, какъ подъ условіемъ принесенія ими всѣми въ пользу его великихъ безкорыстныхъ жертвъ. Цѣль, которая этими жертвами была бы достигнута, сама по себѣ столь велика, что вполне ихъ окупила бы, но безъ подобныхъ жертвъ и усилій праздны всѣ толки о мирѣ, а слѣдовательно и о благосостояніи и свободѣ нашего материка.

Усилія, о которыхъ мы говоримъ, должны быть дѣлаемы дружно и упорно всѣми, т.-е. какъ правительствами, такъ и населеніями. Первые должны начать съ того, чтобы не только *хотѣть* мирнаго улаженія всѣхъ раздѣляющихъ ихъ интересовъ и несогласій, но и дѣйствительно провести это на практикѣ и тѣмъ дать другъ другу доказательства *искренности и серьезности* своихъ стремленій къ миру. Народы послѣдуютъ ихъ примѣру, если откажутся отъ многихъ своихъ *историческихъ предразсудковъ и исключительно національных* требованій, несовмѣстныхъ съ общимъ миромъ и благомъ въ наши дни. Каждый долженъ быть готовъ не на *словахъ* только, а на самомъ *дѣлѣ* пожертвовать тѣмъ-либо дорогимъ для блага всѣхъ; тогда онъ найдетъ въ этомъ благѣ и свое высшее счастье. Много горючаго матеріала накопилось въ сношеніяхъ между народами въ наши дни. Вслѣдствіе этого переживаемый нами «вооруженный миръ» часто тягостнѣе и разорительнѣе самой войны.

Но, при всемъ томъ, не въ войнѣ, не въ новыхъ насиліяхъ и беззаконіяхъ слѣдуетъ искать исцѣленія отъ этого зла, а въ средствахъ, которые намъ указываются разумомъ, нравственностью и правомъ. Въ виду того, что въ замиреніи Европы **) заинтересованы всѣ ея государства, они всѣ и должны принять на равныхъ правахъ дѣятельное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи этого вопроса.

*) Самъ Рошювскій, впрочемъ, говоритъ, что международное право призвано разграничить и опредѣлить права и обязанности государствъ другъ къ другу черезъ признаніе ихъ независимости, совмѣстнаго существованія и общаго помощи при достиженіи общихъ цѣлей.

**) Съ нею, разумѣется, слѣдуетъ начать. При замиреніи нашего материка миръ въ остальныхъ частяхъ свѣта не замедлитъ наступить подъ влѣяніемъ Европы.

Первымъ къ тому шагомъ должно быть созваніе *предварительнаго конференцій*, тщательно составленныхъ, съ строго-обдуманнми и опредѣленными программами. Но на нихъ, скажутъ намъ, разногласія между кабинетами проявятся лишь съ тѣмъ большею силой и въ результатѣ онѣ не укрѣпятъ общій миръ, а сдѣлаютъ его еще болѣе шаткымъ и ненадежнымъ. Да, если стоять только на почвѣ существующихъ приемовъ и традицій. Нѣтъ, если эти собранія, какъ мы полагаемъ, сдѣлаютъ *новыми* по ихъ *составу*, по *началамъ* ихъ дѣятельности и по *цѣлямъ*, къ которымъ они должны стремиться. Затѣмъ, выработанныя этими предварительными конференціями заключенія имѣли бы поступить на разсмотрѣніе и утвержденіе *обще-европейскаго конгресса*, составленнаго по тѣмъ же началамъ, какъ и эти конференціи, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ большими полномочіями. Конгрессъ этотъ былъ бы призванъ позаботиться и о его приведеніи въ исполненіе принятыхъ имъ рѣшеній.

Вопросы, которые болѣе всего поддерживаютъ политическую рознь между народами Европы въ наши дни, суть: *эльзась-лотарингскій* и *восточный* въ широкомъ смыслѣ. Постановленія на ихъ счетъ договоровъ франкфуртскаго (1871 г.) и берлинскаго (1878 г.) столь несовершенны и несправедливы, что настоятельно требуютъ пересмотра и радикальнаго ихъ измѣненія, и тѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше. Ими въ значительной степени поддерживается хотя глухая, но сильная вражда между Франціей и Германіей, между Англіей и Россіей, между Россіей и Австріей съ присоединеніемъ сюда, въ извѣстной степени, и Германіи. Къ этимъ узламъ политической вражды привлекаются то прямо, то косвенно остальные державы Европы и тѣмъ или инымъ отношеніемъ ихъ къ этимъ капитальнымъ пунктамъ опредѣляется, главнымъ образомъ, политическая ихъ группировка въ наши дни.

Намъ нечего останавливаться на подробностяхъ рѣшенія этихъ вопросовъ, ибо мы говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ *). Здѣсь замѣтимъ только, что, на основаніи опыта всѣхъ предшествующихъ лѣтъ, мы безъ преувеличенія можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Пока не будутъ они рѣшены, миръ справедливый и прочный невозможенъ въ Европѣ; вооруженія и сопутствующія имъ объединенія и раззоренія будутъ только усиливаться.

2. Эти вопросы неразрѣшимы усиліями однѣхъ заинтересованныхъ въ нихъ сторонъ; каждая стоитъ на точкѣ зрѣнія лишь своего *національнаго интереса и чести*. Питаясь традиціями прошлой вражды, правительства и народы не хотятъ сдѣлать рѣшительнаго и совмѣстнаго шага къ новому и лучшему порядку вещей, который даровалъ бы имъ не фиктивный, а дѣйствительный миръ въ настоящемъ и будущемъ.

*) О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ (Уч. Зап. Моск. Ун.). Война или миръ (Русская Библиотека, № 4, Одесса. Изд. Бейденсова и Юрчаго, 1895 г.).

3. Съ устраненіемъ этихъ главныхъ пунктовъ раздора, несравненно легче будетъ мирное и справедливое рѣшеніе другихъ предметовъ несогласій, частью съ ними связанныхъ, частью представляющихъ гораздо меньшій интересъ.

4. Чувствуя недостаточность своихъ разрозненныхъ силъ, правительства составляютъ между собою извѣстные союзы (тройственный и двойственный), которые раздѣлили нынѣ Европу какъ бы на два главные политическіе лагера. Защитники этихъ комбинацій прославляютъ ихъ, какъ средства уравновѣшенія политическихъ силъ государствъ и охраны мира. Но эти союзы, въ сущности, поддерживаютъ не настоящій, а тотъ *вооруженный* миръ, въ которомъ мы живемъ и который есть не болѣе какъ весьма шаткое перемиріе, могущее прекратиться въ каждый день и отъ первой любой случайности. Эти союзы, правда, удерживаютъ ихъ участниковъ отъ нападеній другъ на друга; они устанавливаютъ приблизительное равенство въ военныхъ силахъ главныхъ противниковъ, но за то, съ другой стороны, они поддерживаютъ по многимъ жизненнымъ вопросамъ *status quo*, которымъ всѣ недовольны; они питаютъ во враждующихъ между собою населеніяхъ ихъ взаимныя недовольства и претензіи; между тѣмъ крайнія партіи продолжаютъ свою тайную и разрушительную работу противъ лучшихъ современныхъ общественныхъ учреждений. Европѣ и всей нашей великой христіанской культурѣ нужны не тройственные, двойственные или подобные союзы, а такой *одинъ* великій союзъ, который бы своимъ нравственнымъ и юридическимъ строемъ и духомъ успѣлъ бы настолько сблизить и соединить между собою всѣ цивилизованные народы, что всякіе раздѣляющіе ихъ вопросы рѣшались бы мирно и сообразно съ принципами справедливости и общаго блага.

Гр. Л. Намаровскій.

Г. Барсуковъ о П. Н. Кудрявцевѣ.

Г. Н. Барсуковъ въ девятой книгѣ своего сочиненія *Жизнь и труды М. П. Погодина* касается жизни покойнаго профессора Московскаго университета П. Н. Кудрявцева. Сообщивъ нѣсколько писемъ Боткина и Бѣлинскаго, въ которыхъ они высказываютъ свои мнѣнія о Кудрявцевѣ и талантѣ его, какъ авторѣ повѣстей, г. Н. Барсуковъ приводитъ нѣкоторые, по его мнѣнію, важныя біографическія свидѣтельства о покойномъ профессорѣ, извлеченныя имъ изъ дневника его брата А. Барсукова. Происхожденіе этихъ «важныхъ» свидѣтельствъ объясняется въ слѣдующихъ строкахъ дневника за 1870 годъ:

«Марта 26... Послѣ обѣда была у насъ Настасья Ѳедоровна Тулянкина и за чаемъ много рассказывала о Петрѣ Николаевичѣ Кудрявцевѣ. Въ сороковыхъ годахъ она была его ученицей, съ перваго и до послѣдняго класса, въ московскомъ Николаевскомъ институтѣ, а потомъ до самой его смерти была очень близкою знакомой въ его домѣ».

Прежде всего, замѣчу, что между «очень близкими знакомыми» Петра Николаевича никогда не было г-жи Тулянкиной. Этой фамиліи я не слышалъ ни отъ матери моей, родной сестры Петра Николаевича, ни отъ другихъ родственниковъ. Между бумагами его не сохранилось ни одного письма, подписаннаго этою фамиліей. Очевидно, что г-жа Тулянкина была одна изъ многочисленныхъ ученицъ его, но и только, а чтобы придать болѣе цѣны своему «рассказу за чаемъ» въ домѣ А. Барсукова, она назвалась близкою знакомой Кудрявцевыхъ.

Уже первое сообщеніе о Петрѣ Николаевичѣ, помѣщенное въ сочиненіи г. Н. Барсукова, что при поступленіи своемъ преподавателемъ словесности (у Барсукова неправильно сказано: словесности *и исторіи*) въ Николаевскій институтъ, Петръ Николаевичъ имѣлъ видъ некрасиваго и неуклюжаго семинариста-атлета, рѣзко противорѣчить другимъ извѣстіямъ о наружности Кудрявцева въ это время. Моя мать рассказывала, что онъ, въ бытность свою въ семинаріи, своею наружностью и характеромъ болѣе походилъ на дѣвущку, чѣмъ на юношу-семинариста. А вотъ что рассказываетъ А. Д. Галаховъ о своемъ впечатлѣніи при первомъ знакомствѣ съ Петромъ Ни-

колаевичемъ въ 1839 году: «Я увидѣлъ передъ собою красиваго студента; но особенность его красоты заключалась въ серьезной мысли, обогнавшей возрастъ, и въ цѣломудріи чувствъ, отставшемъ отъ возраста. То былъ видимый обликъ внутренняго изящества, чистое выраженіе благороднаго духа, мыслящаго и цѣломудреннаго. И цѣлою жизнью своею Кудрявцевъ оправдывалъ давно извѣстное, хотя и заподозрѣнное изреченіе, что лицо есть зеркало души» (*Воспоминанія о П. Н. Кудрявцевѣ. Русск. Вѣстникъ* 1858 г., № 4, стр. 639).

На дагерротипномъ портретѣ, снятомъ съ Петра Николаевича въ первый годъ его пребыванія за границей, т.-е. черезъ пять лѣтъ послѣ поступленія его преподавателемъ въ Николаевскій институтъ, нѣтъ и слѣда неуклюжести; напротивъ, на немъ Петръ Николаевичъ изображенъ съ весьма стройною, даже граціозною фігурой, очень гармонирующею съ мечтательнымъ выраженіемъ его лица. Трудно предположить, чтобы онъ могъ такъ перемѣниться въ какія-нибудь пять лѣтъ.

Извѣстіе, сообщаемое далѣе г. Н. Барсуковымъ, что Кудрявцевъ подъ конецъ своей жизни вдругъ разбогатѣлъ, получивъ въ наслѣдство отъ своего отца сто тридцать пять тысячъ и почти столько же отъ своего дяди А. П. Святловскаго, есть несомнѣнная ложь. Отецъ его большую часть жизни былъ священникомъ въ бѣдномъ приходѣ Покрова Богородицы на Землянѣхъ, за Яузой, и только лѣтъ за 10—12 до своей смерти былъ переведенъ на болѣе обеспеченное мѣсто священника при Даниловскомъ кладбищѣ. Отличаясь рѣдкою добротой, онъ всегда щедро помогалъ бѣднымъ, какъ роднымъ, такъ и чужимъ, и послѣ смерти своей оставилъ сыну капиталъ, не превышавшій десяти тысячъ рублей, изъ котораго онъ долженъ былъ, по словесному завѣщанію отца, выдать часть своей сестрѣ и кузинамъ, такъ что на долю самого Кудрявцева досталось какихъ-нибудь семь тысячъ. Отъ Святловскаго, секретаря при московскомъ митрополитѣ Филаретѣ, онъ не получилъ никакого наслѣдства, такъ какъ Святловскій приходился ему лишь троюроднымъ дядей и имѣлъ болѣе близкихъ родственниковъ, въ томъ числѣ родного племянника.

Перехода затѣмъ къ обстоятельствамъ женитьбы Петра Николаевича, г. Н. Барсуковъ рассказываетъ:

«Онъ влюбился въ одну изъ ученицъ — въ Варю Нелидову, но никто не замѣчалъ этого, тѣмъ болѣе, что въ ней, дѣйствительно, не было ничего особеннаго. Влюбленные дали другъ другу слово. Затѣмъ Кудрявцева послали на два года за границу... По возвращеніи изъ-за границы Кудрявцевъ поразилъ всѣхъ худобой и изнуреннымъ видомъ. Онъ совсѣмъ охладѣлъ къ Варѣ, но, все-таки, женился на ней. И тутъ-то начинается го трагедія. Кудрявцевъ уже давно былъ влюбленъ въ другую!»

Посмотримъ, однако, что говорить объ этомъ же А. Д. Галаховъ, который во все время пребыванія Петра Николаевича за границей былъ посредникомъ между нимъ и Варварой Арсеньевой Нелидовой:

«Первый, слабый узелъ этой связи (т.-е. супружества съ Варварой

Арсеньевой) завязался еще до поѣздки его за границу, и не столько его собственною волей, сколько желаніемъ другихъ... Говорю объ этомъ фактѣ не только какъ другъ, но и какъ участникъ. То была простая игра чувствъ, затѣянная не Петромъ Николаевичемъ. Съ своей стороны онъ не давалъ ни существенной обязанности, ни формальнаго обязательства, которыя, разумѣется, имѣли бы для него силу закона. Ему не было надобности строить моста для отступленія, потому что онъ и не заходилъ далеко, т.-е. неблагоприятно: нельзя же назвать неблагоприятіемъ портретъ его, врученный ученицѣ, по ея желанію, на поминъ объ учителѣ, и стихотворенія Рюккерта, отданныя ей въ подарокъ уже по его желанію. Меня, впрочемъ, радовали подобныя, повидимому непрочныя, отношенія. Мнѣ сильно хотѣлось укрѣпить ихъ и построить на нихъ будущее счастье друга (послѣдствія показали, что я не ошибся). Своими письмами поддерживалъ я такъ называемую романтическую завязку, хотя изъ писемъ Петра Николаевича и не видно было особеннаго стремленія въ ту сторону, куда я велъ его. Наконецъ, изъ Парижа, передъ возвращеніемъ его въ Россію, получаю отъ него письмо, смутившее меня слѣдующими строками: «Что касается до меня собственно, любезный другъ, то скажу вамъ откровенно, что я, долго возясь съ книгами въ разныхъ видахъ и переплетяхъ, и самъ сдѣлался сухъ и черствъ, какъ старинный переплетъ; нельзя ли вамъ довести объ этомъ до свѣдѣнія извѣстной вамъ особы?» Другое затѣмъ письмо изъ Берлина рассказывало исторію знакомства, о которомъ я уже упоминалъ *). Планъ мой пошатнулся, но совершенно уничтожиться было ему не суждено. Впрочемъ, и въ развязкѣ повторилось то же явленіе, какъ и въ начальномъ узлѣ. Она совершилась какъ бы безъ желанія и воли Петра Николаевича. Не онъ подвигалъ къ благополучному исходу отношенія, сначала такъ слабо завязанныя, потомъ какъ бы совсѣмъ оставленныя. Этому исходу много помогла постоянная, болѣе семи лѣтъ тянувшаяся, привязанность дѣвушки: не могъ же цѣнить ея Петръ Николаевичъ» (*Воспоминанія*, стр. 649 и 650).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ разсказа Галахова, Петръ Николаевичъ, отправляясь въ заграничную командировку, вовсе еще не былъ влюбленъ въ свою ученицу Нелидову и потому, разумѣется, не могъ связать себя никакимъ обѣщаніемъ ей. Заграничное его увлеченіе было, повидимому, очень непродолжительно и во всякомъ случаѣ не могло имѣть никакого вліянія на его семейную жизнь, которая начинается гораздо позднѣе. Оно, можетъ быть, вызвало только то временное охлажденіе къ Варварѣ Арсеньевнѣ, о которомъ упоминаетъ Галаховъ. Впрочемъ, Петръ Николаевичъ, по возвращеніи своемъ въ Москву, не отказывается отъ вторичнаго сближенія съ юною бывшею ученицей: онъ вступаетъ съ ней въ переписку и встрѣ-

*) Въ другомъ мѣстѣ *Воспоминаній* Галаховъ дѣйствительно упоминаетъ, что П. Н. Николаевичъ съ жаромъ и увлеченіемъ рассказывалъ ему въ письмѣ о встрѣчѣ своей съ какою-то женщиной въ Берлинѣ.

чается у общих знакомых. Чѣмъ далѣе, тѣмъ длиннѣе и содержательнѣе становятся эти письма, тѣмъ чаще происходятъ ихъ встрѣчи. Варвара Арсеньевна, не отличавшаяся красотой, имѣла ясный и воспримчивый умъ, живой и веселый характеръ и очень доброе сердце. Получивъ основательное литературное образованіе подъ руководствомъ любимаго учителя и хорошо владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языками, она дополнила его потомъ самостоятельнымъ чтеніемъ лучшихъ произведеній европейской литературы. Петръ Николаевичъ могъ теперь лучше, чѣмъ прежде, оцѣнить все богатство ея духовной природы, могъ замѣтить успѣхи въ умственпомъ развитіи, сдѣланные ею со времени выхода изъ института. Изъ обширной переписки ихъ, сохранившейся у меня, можно видѣть, какъ росли его симпатіи къ ней и какъ постепенно онѣ переходили въ болѣе серьезное чувство. Но будучи крайне осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не смѣшилъ дѣлать рѣшительный шагъ: переписка ихъ, чередовавшаяся съ личными свиданіями, продолжалась около трехъ лѣтъ. Этотъ промежутокъ служилъ для него тѣмъ пробнымъ камнемъ, на которомъ онъ испытывалъ прочность ихъ взаимныхъ чувствъ. Только послѣ этого испытанія онъ рѣшается на бракъ съ Варварою Арсеньевной. Но за то, женившись на ней, онъ былъ вполне счастливъ, и ничто не омрачало ихъ семейную жизнь.

Какъ смотрѣлъ самъ Петръ Николаевичъ на свою жизнь съ Варварою Арсеньевной, видно изъ письма къ Галахову, написаннаго въ 1857 году, вскорѣ послѣ смерти ея. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Мнѣ было послано счастье. Говорю *послано*, потому что я не искалъ его усердно, не гонялся за нимъ,—само пришло, будто подосланное къмѣ. Уже подавая ему руку на общій союзъ, я далеко, далеко не предчувствовалъ всей цѣны его. Мнѣ почти безъ искательства было послано то, что не всегда дается послѣ многихъ усиленныхъ поисковъ. У меня дома было столько счастья, что меня, кажется, не испугало бы никакое лишеніе... Я былъ, наконецъ, можетъ быть, слишкомъ самодоволенъ. Мнѣ нечего было искать, потому что около меня было все, все. Прежде чѣмъ я опредѣлилъ себѣ, въ чемъ можетъ состоять мое счастье, оно уже было со мною. Да, это было счастье, могу я сказать теперь, лова все дальше и дальше убѣгающую отъ меня его тѣнь. Еще въ тотъ день, когда я прощался съ вами въ Москвѣ, оно было со мною все сполна, и я легко подавалъ руку друзьямъ, потому что видѣлъ впереди только свѣтлые и радостные дни. Давно ли это, кажется, было, а теперь у меня уже ничего нѣтъ» (*Воспоминанія*, стр. 657).

Вотъ что рассказываетъ о томъ же графиня Е. В. Самьясъ (Евгенія Туръ) въ своихъ *Воспоминаніяхъ о П. Н. Кудрявцевѣ*:

«Согласіе, нѣжность и чрезвычайная деликатность отношеній жены и мужа пріятно удивляли всѣхъ въ кругу нашемъ. Между Кудрявцевыми не было ничего приторнаго, аффектированнаго; все было просто, но сердечно. Никогда во все продолженіе ихъ супружеской жизни, длившейся девять лѣтъ, онъ не сказалъ ей рѣзкаго слова, не показавъ недовольнаго вида,

буквально не бросили они другъ на друга недовольнаго взгляда. Если имъ случалось разстаться часа на три, на четыре (ни единого раза не разставались на цѣлыя сутки), они встрѣчали другъ друга съ радостью, какъ будто не видались недѣлю; онъ цѣловалъ при встрѣчѣ ея руку, а она шутила и смѣялась, глядя на него своими добрыми и любящими глазами. Это было идеальное супружество, исполненное поэзіи, взаимной полной довѣренности и нѣжности. Читалъ ли онъ книгу, глядѣлъ ли на эстампы и гравюры, любовался ли красотой лѣтнаго вечера, онъ, самъ того не замѣчая, обращался тотчасъ къ ней съ замѣчаніемъ, съ словомъ, съ восклицаніемъ. Видно было, что онъ живетъ сердцемъ только для нея и съ нею, что всякое занятіе дѣлится съ нею...» (*Гр. Сальясъ: «Воспоминанія», V, стр. 25*).

Въ сочиненіи г. Н. Барсукова разсказывается затѣмъ о Петрѣ Николаевичѣ слѣдующее: «Несчастный все хилѣлъ, хилѣлъ... Варвара Арсеньевна повезла ея, по совѣту докторовъ, въ Италію». Въ дѣйствительности же дѣло было такъ:

Кудрявцевъ, никогда не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, долго страдалъ отъ солитера и чувствовалъ крайнее истощеніе всего организма. Врачи совѣтовали ему провести зиму въ Италиі и затѣмъ пользоваться морскими купаньями. Но лѣтомъ 1856 года онъ чувствовалъ себя бодрѣе, чѣмъ обыкновенно. Это объясняется столько же улучшеніемъ его здоровья, сколько и наступившимъ около этого времени въ русской жизни и литературѣ всеобщимъ оживленіемъ, благотворно подѣйствовавшимъ и на Петра Николаевича. Онъ много и усердно работалъ въ это лѣто для только что основаннаго имъ, вмѣстѣ съ Катковымъ и Леонтьевымъ, *Русскаго Вѣстника*. Впрочемъ Кудрявцевъ не отложилъ своей поѣздки въ Италію, собираясь продолжать тамъ свои ученые труды по итальянской исторіи и писать корреспонденціи въ *Русскій Вѣстникъ* о тогдашней политической и общественной жизни Италиі, уже подготовлявшей въ то время свое возрожденіе. Къ этому присоединялось еще желаніе свозить въ Италію Варвару Арсеньевну, ознакомить ее съ тамошнею природою и памятниками искусства, никогда не перестававшими привлекать къ себѣ его симпатіи. Кудрявцевы ѣхали одни, такъ какъ гр. Сальясъ, предполагавшая выѣхать вмѣстѣ съ ними, по какимъ-то семейнымъ обстоятельствамъ осталась въ Россіи до конца осени. Въ это время одна молодая дѣвица, Анна Иваповна Арбекова, знакомая Кудрявцевыхъ, обратилась къ нимъ съ просьбой взять ее съ собою. Она ѣхала на свои средства и хотѣла присоединиться къ Кудрявцевымъ только потому, что не рѣшалась путешествовать одна. Петръ Николаевичъ съ готовностію согласился на ея просьбу, не желая лишить ее возможности побывать за границей и рассчитывая, что Варвара Арсеньева, любившая дома окружать себя тѣснымъ кружкомъ близкихъ людей, не удетъ одинока въ часы его кабинетныхъ занятій. Но судьбѣ угодно было, чтобы эта дѣвушка оказала Петру Николаевичу большую услугу: когда жена его серьезно заболѣла во Флоренціи, она ухаживала за ней до самаго ея смерти и тѣмъ облегчила тяжелое положеніе измученнаго и полу-

больного Кудрявцева. Такъ просто объясняется присутствіе въ семьѣ Кудрявцевыхъ молодой дѣвицы. Но г. Барсуковъ, желая и въ этомъ случаѣ заподозрить взаимныя чувства ихъ, счелъ нужнымъ остановиться на этомъ, въ сущности, незначительномъ, фактѣ, прибавляя, что г-жа Тулянкина почему-то даже отказалась назвать фамилію этой дѣвицы, хотя и знала ее. Этотъ намекъ, впрочемъ, весьма прозрачный, такъ же не основателенъ, какъ и весь остальной рассказъ о Петрѣ Николаевичѣ.

Такимъ образомъ «трагедія» въ его семейной жизни начинается не со времени женитьбы, а со времени болѣзни и смерти его жены (она умерла 5 марта 1857 года). Вотъ какъ онъ самъ рисуетъ свое душевное состояніе послѣ смерти ея въ томъ же письмѣ, отрывокъ изъ котораго былъ приведенъ выше:

«Пять мѣсяцевъ (ужь пять мѣсяцевъ тому, тогда какъ прежде мы и одного дня не проводили врознь), которые прошли съ фатальнаго для меня дня, притушили мое горе; но жало его, я чувствую, останется во мнѣ навсегда и отравитъ мнѣ всѣ дни до послѣдняго. Жизнь еще осталась мнѣ, но трудно сказать, на какое употребленіе. Мнѣ всѣ указываютъ на продолженіе прежней дѣятельности: конечно, я не откажусь отъ труда по мѣрѣ силъ моихъ, но чтѣ въ трудѣ есть сладкаго, то я буду знать лишь по воспоминанію. Осталась тяжелая сторона работы, но лучшая награда труда для меня больше не существуетъ. Да не вижу впереди и цѣли. Глухо и пусто впереди. Точно выселился куда-то цѣлый міръ и меня оставилъ одного среди опустѣлаго города. Въ душѣ ношу остатокъ чувства, но онъ только давитъ меня, какъ лишнее бремя. Куда дѣвать его, не знаю; развѣ вывѣтрится современемъ» (*Воспоминанія о П. Н. Кудрявцевѣ* Галахова, стр. 657 и 658).

Родные и друзья Петра Николаевича, предчувствуя пагубное вліяніе, какое потеря любимой жены должна была произвести на его слабое здоровье, откликнулись изъ Москвы сочувственными письмами. Чтобы показать, какъ смотрѣли его друзья на взаимное отношеніе Кудрявцевыхъ и какое значеніе придавали потерѣ Петра Николаевича, я приведу здѣсь письма къ нему П. М. Леонтьева и С. Д. Шестакова *), которые жили вмѣстѣ съ Кудрявцевыми на одной квартирѣ и потому хорошо знали ихъ семейную жизнь. Письма эти, донинѣ нигдѣ не напечатанныя, проникнуты чувствомъ самой пѣжной дружбы къ Кудрявцевымъ и открываютъ всю глубину утраты осиротѣвшаго Петра Николаевича, понятой ими какъ событіе для него роковое.

Вотъ что писалъ П. М. Леонтьевъ:

Москва, 1857 г. марта 27.

«Обнимаю тебя, любезный другъ, въ твоемъ великомъ горѣ. Плачу и въ твоимъ бѣднымъ сердцемъ, надъ разбитымъ сердцемъ моего вѣчнаго друа.

*) Сергѣй Дм. Шестаковъ былъ профессоромъ римской словесности въ Московскомъ университетѣ.

Могу прямо угадывать, какъ поражено оно, какую понесло оно тяжелую рану. Знаю, что нѣтъ на землѣ скорби больше той, которую тебѣ суждено испытать, и нѣтъ человѣка, который бы могъ тебя утѣшить. Плачу, другъ мой, вмѣстѣ съ тобою, и мои слезы открываютъ мнѣ, что утѣшеніе можетъ принести тебѣ лишь тотъ же нѣжный, неземной образъ, который былъ доселѣ твоимъ солнцемъ. Извини меня, холостяка и получеловѣка, что вами самими приближенный къ святынѣ семейнаго счастья, смѣю касаться мыслию моею вашей святыни. Мнѣ привелось принадлежать къ тѣмъ людямъ, которые могли любоваться и поучаться вашимъ счастьемъ. Вамъ обязанъ я этимъ свѣтлымъ и живымъ воспоминаніемъ. Васъ буду вѣчно благодарить за него. Въ эту горькую минуту оно идетъ отъ меня къ тебѣ какъ единственное для тебя возможное утѣшеніе. Да, другъ мой, милый мой несчастный другъ, Варвара Арсеньевна была счастлива; счастье неразрывно съ ея образомъ; мы звали ее счастливницей. Она позволила соединить это имя съ ея вѣчною памятью; она позволила въ теперешнихъ слезахъ нашихъ сказать тебѣ, что *ты* дѣлалъ ея счастье, что благодаря *тебѣ* это счастье было рѣдкимъ на землѣ счастьемъ. Друзья твои вѣрны тебѣ; мысли ихъ и сердца обращены къ тебѣ, и они желали бы поддержать тебя. Но не отъ друзей твоихъ идетъ къ тебѣ этотъ утѣшительный, поистинѣ утѣшительный голосъ. Онъ идетъ отъ самой покойницы, для которой была открыта вся глубина твоего нѣжнаго сердца. Онъ вѣченъ, какъ вѣченъ ея духовный образъ. Да подастъ онъ тебѣ, да пошлетъ тебѣ Господь твердость за твою вѣрную, благоговѣйную любовь. Немного, мой другъ, людей, которые могутъ слышать такой голосъ изъ-за могилы. Господи, какое слово зашло въ мои письма къ тебѣ, бѣдный Петръ Николаевичъ; какая судьба завела его сюда! Сердце обмираетъ не только у тебя,—у меня отказывается писать рука. Трепещу при мысли о твоемъ состояніи. Умоляю тебя не совсемъ забывать о своемъ здоровьѣ, о своемъ леченіи. Ты знаешь, какъ заботилась о немъ Варвара Арсеньевна, какъ желала она твоего выздоровленія. Ради Бога, не поддавайся чувству отчаянія; оно такъ противно *вашей* натурѣ. Если бы была возможность, поѣхалъ бы тебя отыскивать, плакать подлѣ тебя и служить тебѣ. Крайне обрадовало насъ извѣстіе, что Θεоктистовъ скоро пріѣхалъ къ тебѣ, что Анна Ивановна *) была при тебѣ въ страшные дни. Мы здѣсь никакъ не подозрѣвали, какой готовился ударъ. Мысли не было о серьезной болѣзни. У тебя вообще не въ обычаѣ жаловаться, но и Анна Ивановна подавала все надежды. Одновременно пришли двѣ вѣсти ко мнѣ и къ Варварѣ Егоровнѣ **). Она была у Елизаветы Николаевны ***) и сообщила ей объ опасности, а сыновьямъ сказалъ все. Слезы, плачь, Лизавета Николаевна скоро догадалась. Дѣти под-
твердили ея печальную догадку. Она огорчена сильно, но выдерживаетъ

Арбекова, которая сопровождала Кудрявцева за границу.

Близкая знакомая Кудрявцевыхъ.

* Сестра Петра Николаевича.

горе. Въ 20-й день, въ св. Благовѣщеніе, служили панихиду. Портреты всё берегутся. Прошу у тебя, любезный другъ, позволенія приготовить къ твоему прїѣзду рамку на неоконченный портретъ масляными красками. Я приму это за большой знакъ дружбы. Письма твои, согласно твоей воли, я задержалъ отъ печати; очеркъ велѣлъ окружить чернымъ ободкомъ и буду хранить между дорогими для меня вещами. Повторяю тебѣ просьбу друзей твоихъ: ради Бога лечись. Поѣзжай на воды. Разстанься съ Италией. Прижимаю тебя къ своему сердцу. Вѣрь удвоенной преданности всею душою любящаго тебя *П. Д.*».

На этомъ письмѣ сдѣлана приписка рукою М. Н. Каткова:

«Страшное несчастіе ваше, любезный другъ Петръ Николаевичъ, поразило насъ какъ громъ. И теперь еще не опомнишься и не привыкнешь къ мысли. Зачѣмъ мы не съ вами, чтобы вамъ хоть сколько-нибудь опереться на людей вамъ близкихъ и глубоко преданныхъ. Вы пишете, что смыслъ жизни для васъ теперь потерянь: какъ я сочувствую вамъ въ этомъ; я самъ бы то же сказалъ; но, съ другой стороны, только такія несчастія и открываютъ намъ смыслъ жизни: трудъ, борьба и сердце, вѣчно открытое для лишеній. Бѣда остановиться, бѣда успокоиться на чемъ-нибудь и на чемъ-нибудь расположиться домовито. Сегодня я, завтра вы, и мнѣ эта грустная мысль, при горькихъ утратахъ, давала если не утѣшеніе, то новую бодрость для жизни. А на каждомъ изъ насъ есть передъ нею долги. Именемъ дорогой вашей утраты умоляю васъ беречь себя и позаботиться о восстановленіи вашего здоровья. Ваша жизнь не однимъ вамъ принадлежитъ. Ради Бога, хотя однимъ словомъ почаще извѣщайте насъ о себѣ, дорогой Петръ Николаевичъ. Крѣпко обнимаю васъ. *Мих. Катковъ*».

С. Д. Шестаковъ писалъ:

«Мы получили два послѣднія письма твои, любезный мой другъ, и горько отозвались они въ сердцахъ преданныхъ тебѣ друзей. Долго не хотѣлось намъ вѣрить въ дѣйствительность понесенной тобою, а вмѣстѣ съ тобою и всѣми нами утраты; долго не хотѣлось намъ понять страшнаго смысла перваго твоего письма, но глубокая, отчаянная скорбь, напечатлѣнная на его каждомъ словѣ, не оставляла намъ никакого сомнѣнія. И такъ свѣтлая, веселая жизнь затмилась такъ рано, и затмилась навсегда. Равнодушная смерть, не замѣтивъ этого, скосила полное жизни и цвѣта растеніе, оставляя не тронутыми рядомъ съ нимъ другія растенія съ засохшими цвѣтами, съ пожелтѣлыми даже листьями *). И ты остался одинъ, бѣдный, безпріютный странникъ, подобно многимъ другимъ странникамъ въ жизни, которымъ негдѣ преклонить голову. Да и къ кому склоняешь ты ее, бѣдную свою голову, когда нѣтъ возлѣ тебя того существа, въ которому привыкла она склоняться съ любовью? Другъ мой! Ты правъ въ

*) Здѣсь Сергій Дмитріевичъ разумѣетъ себя: онъ былъ пораженъ тяжкимъ недугомъ, вслѣдствіе котораго лишился употребленія обѣихъ рукъ. Письмо это написано чужою рукою.

своей отчаянной скорби: ничто и никто не можетъ замѣнить потерю любимой женщины, особенно любимой, какъ ты ее любилъ, и такой женщины, которая умѣла отвѣчать на твою любовь такою любовью, какою она тебя любила. И вотъ почему,—простишь ли ты меня за это?—мнѣ жаль больше тебя, чѣмъ ее. Ея свѣтлая, радостная жизнь не испытала еще тяжелыхъ ударовъ; ей жилось весело, какъ птичкѣ среди Божьяго вольнаго міра; ей хорошо было здѣсь, но и тамъ развѣ хуже ей будетъ? Хуже только тѣмъ, кто остается на жизнь скорби и слезъ, а не тѣмъ, которые не знаютъ ни печали, ни воздыханій. Что было бы съ нею, еслибъ она пережила тебя? Но я начинаю, кажется, разсуждать, а разсужденіямъ нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ скорбь и слезы. Но въ томъ-то и бѣда, что всякій разъ, какъ я оборочусь, чтобы посмотрѣть на тебя,—а я вижу тебя живо изъ моего далекаго отдаленія,—глаза мои заливаются слезами, мнѣ становится такъ тяжело, такъ горько при мысли, что тебѣ долго, долго предстоитъ впереди все то же безвыходное горе. Ты правъ, мой другъ, и въ томъ, что не вѣришь всеисцѣляющей силѣ времени: нѣтъ, время—плохой врачъ для такихъ скорбей, какова твоя. Время излѣчиваетъ многія раны, а тяжелыя раны хотя и затягиваются иногда, но не надолго. Чтобы совершенно зажить ихъ, надо всприснуть ихъ живою водою, а гдѣ же взять ея, этой живой воды, которая освѣжала тебя и подкрѣпляла, а безъ нея жизнь твоя похожа будетъ на жизнь былинки, одиноко досыхающей среди пожелтѣлаго уже луга. Плачь же, мой бѣдный другъ, плачь, дай волю слезамъ своимъ. Да, ея жизнь была необходима для твоей, но точно также и твоя жизнь была для нея необходима: ты былъ счастливъ ею и ея любовью, но и она также тебѣ обязана была своимъ счастьемъ; ваши жизни соприкасались одна другою, какъ выразился ты въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Послѣ потери любимой женщины остается человѣку не жизнь,—жизнь оканчивается вмѣстѣ съ другою жизнью,—а остатокъ жизни, жизнь въ прошедшемъ, или прошедшимъ безъ настоящаго и будущаго. Горька такая жизнь, не жизнь, но что же дѣлать? Напрасно только взводишь ты на себя, другъ, упрекъ, будто бы недостаточно берегъ эту дорогую для себя жизнь. Нѣтъ, всѣ мы, которые знали васъ, возстанемъ противъ тебя, противъ тебя самого. Другъ мой! Надо же, наконецъ, сознаться и новому человѣку при всей его вѣрѣ въ свою силу, что не все въ жизни зависитъ отъ его воли, но что есть и другая еще сила,—судьба, что ли, какъ называли ее древніе, случай ли, или что другое, только есть такая сила, которая однимъ ударомъ уничтожаетъ расчеты ума человѣческаго. Бессиліе человѣка доказываетъ по мнѣ уже и тѣмъ, что онъ не рассыпается подъ этими ударами, а гнется, гнется подъ ними, и все силится опять выпрямиться, наконецъ остается скорбленнымъ, пригнутымъ къ землѣ, почти ползающимъ, а все еще живетъ. Гранитъ, кажется, рассыпался бы въ мелкіе куски, а человекъ все выноситъ и все живетъ. Бѣдный другъ нашъ! Какъ проживешь ты теперь тамъ лѣто? Будетъ ли кто-нибудь съ тобою изъ близкихъ? А возмущаться тебѣ скоро не надо. Поѣзди, главное дѣло—полечись, а по-

томъ прїѣзжай къ намъ, мы поплачемъ вмѣстѣ. Потомъ какъ-нибудь вмѣстѣ съѣздимъ на ея могилку. Мы тоже не забудемъ ея: она и для насъ дорога, какъ сама по себѣ, такъ еще болѣе черезъ тебя. Отчего ты не писалъ намъ, съ кѣмъ ты теперь въ Римѣ? Тамъ ли теперь графиня? Намъ было бы прїятно слышать, что съ тобою есть кто-нибудь изъ близкихъ тебѣ. Въ половинѣ марта отправилъ я тебѣ письмо въ Римъ. Письмо это было написано въ той надеждѣ, что вы оба вмѣстѣ будете читать его. Оно, вѣрно, возбудило въ тебѣ горькое чувство. Прости моему невольному прегрѣшенію: его юморъ, конечно, пришелся не въ-время. Прощай. *С. III.*

Предчувствія родныхъ и друзей Петра Николаевича не замедлили оправдаться: возвратясь черезъ силу, въ октябрѣ 1857 года, въ Москву, онъ началъ было чтеніе лекцій въ университетѣ, но не дольше, какъ черезъ мѣсяць, у него обнаружилия несомнѣнные признаки быстро развивающейся чахотки, отъ которой онъ и умеръ 18 января 1858 г.

Въ заключеніе не могу не высказать удивленіе тому, что біографъ М. П. Погодина, помѣщая разсказъ г-жи Тулянкиной, имѣющей всѣ признаки пустой сплетни, не счелъ нужнымъ провѣрить его хотя бы печатными матеріалами и не усомнился признать его «важнымъ свидѣтельствомъ о знаменитомъ профессорѣ». Гдѣ же тутъ стремленіе къ исторической правдѣ, которое необходимо для біографа и о которомъ онъ такъ громко заявляетъ въ эпиграфѣ, украшающемъ заглавный листъ его многогомоваго повѣствованія: «Не извращай описанія событій?»

П. Колосовъ.

Русская былина, ея слагатели и исполнители.

Нерѣдко случается въ исторіи науки, что нѣкоторыя ученія, считающіяся въ извѣстное время прочно установленными и вошедшія въ учебники, въ послѣдующее время оказываются шаткими и подрываются критикой со всѣхъ сторонъ. Всего чаще такія крушенія наблюдаются въ области изученія отдаленнаго прошлаго человѣчества. Конечно, открытіе новыхъ источниковъ для познанія исторіи того или другого народа всего чаще измѣняетъ взгляды, казавшіяся раньше прочно научно-обоснованными. Но нерѣдко наше пониманіе прошлаго измѣняется и безъ такихъ открытій. Матеріалъ, на основаніи котораго была создана извѣстная теорія, можетъ не увеличиться количественно, не подновиться новыми открытіями, но комбинація раньше извѣстныхъ фактовъ можетъ быть иная, сдѣланная подъ другимъ угломъ зрѣнія, и прежняя теорія неизбѣжно перестаетъ удовлетворять изслѣдователей новаго поколѣнія.

Такой случай въ исторіи науки имѣемъ мы въ ученіи о русской народной былинѣ или, какъ любили выражаться изслѣдователи 60 и 70-хъ годовъ, о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Мы могли еще недавно твердо и отчетливо отвѣтить на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: ни одинъ хорошій ученикъ гимназій не затруднился бы уяснить отличіе народной, устной поэзіи отъ поэзіи культурной, литературно-художественной. Онъ сказалъ бы (со словъ О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзія есть произведеніе и общее достояніе всего народа, что она возникла въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на классы и сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, «совершаемыхъ не замысломъ и волею одного казого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа». Отдѣльный чело-ѣкъ, слагавшій и пѣвшій пѣсню, былъ органомъ, голосомъ всего народа, онъ не творилъ чего-либо новаго, а выражалъ лишь то единственно, что извѣстно было каждому. Самодѣтельность его не простиралась на созданіе сюжета поэтическаго произведенія. Онъ не вносилъ въ пѣсню ни лич-ныхъ лирическихъ изліяній, ни сатиры, не ставилъ себѣ задачей по-бразить характеръ того или другого класса народа или поучать своихъ

ближнихъ. Увѣренный въ сочувствіи своихъ слушателей, пѣвецъ «не допускаетъ никакихъ украшеній и эффектовъ. Да она и излишни, такъ какъ народная поэзія служила и служить народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особую сферу духовной дѣятельности, сферу искусства, которое образованный человѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни — религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религіозные, и нравственные, и умственные его интересы». Поэтому, «народъ видитъ въ своей поэзіи драгоценное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщевали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ» ¹⁾).

Таковы, приблизительно, отвѣты, которые бойкій ученикъ гимназій, не затрудняясь, даетъ на предложенный вопросъ объ отличіи устной народной поэзіи отъ художественной личной. Конечно, его не можетъ интересовать вопросъ, какимъ путемъ, на основаніи изученія какого матеріала добыты эти научныя положенія, которыя для ученика составляютъ какъ бы аксіому. Но такой вопросъ долженъ быть поставленъ всякимъ «научнымъ слѣдователемъ», желающимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько приведенныя общія положенія вытекаютъ изъ изученныхъ наукой фактовъ. Онъ спроситъ себя, знаетъ ли наука дѣйствительно поэзію того періода какого-нибудь народа, когда этотъ народъ не представлялъ никакой матеріальной и духовной дифференціаціи, когда всѣ члены его принимали равное участіе въ подвигахъ и каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. На такой вопросъ послѣдуетъ немедленно отрицательный отвѣтъ: окажется, что такого народа этнографія, а тѣмъ менѣе исторія не можетъ указать, что такой народъ — созданіе теоріи. Далѣе, окажется такую же научною фикціей поэтъ-пѣвецъ этого предполагаемаго народа, — поэтъ, который не творитъ чего-либо новаго, но выражаетъ лишь то единственно, что извѣстно каждому, и не можетъ создать новаго сюжета. Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго человѣка такъ рѣзко расходилась съ нашей? Мы алчемъ новыхъ впечатлѣній, цѣнимъ то, чего раньше не слышали, первобытный же пѣвецъ-поэтъ почему-то долженъ пѣть лишь старое, общезвѣстное. Какъ же представить намъ себѣ вообще появленіе многочисленныхъ сюжетовъ? Кѣмъ они были измышлены? Коллективнымъ творчествомъ массы? Но вѣдь и это фикція, такъ какъ человѣческій опытъ такого творчества никогда не наблюдалъ. Далѣе спрашивается, на чемъ основано положеніе, будто первобытный поэтъ-пѣвецъ былъ настолько увѣренъ въ сочувствіи слушателя, что не допускалъ никакихъ украшеній и эффектовъ? Почему теорія лишаетъ его естественныхъ свойствъ всякаго

¹⁾ А. Галаховъ: „Исторія русск. словесности“. Изд. 2-е, т. I, стр. 1—4, 1880 г.

художника всѣхъ временъ и народовъ—стремленія произвести впечатлѣніе, украсить по мѣрѣ силъ свое твореніе? Какъ же, однако, объяснить происхожденіе обычныхъ украшеній произведеній такъ называемой народной поэзіи—размѣренной рѣчи, эпитетовъ, сравненій и проч.? Тому же фикціи коллективнаго творчества, которое, если мы отъ фразы перейдемъ къ представленію, сведется къ творчеству отдѣльныхъ лицъ, хотя бы имя имъ было легионъ. Имѣемъ ли мы какое-нибудь научное основаніе предполагать, что всѣ эти безыменные первобытные поэты по психическимъ свойствамъ совершенно отличались отъ современныхъ? Это было бы равносильно предположенію, что вообще духовная жизнь человѣка слѣдовала другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ подчиняется психика современнаго человѣка. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ навсегда останется для насъ загадкой.

Наконецъ, теорія безыскусственной народной поэзіи видитъ различіе въ самомъ отношеніи примитивнаго народа къ его поэзіи отъ отношенія къ ней современнаго образованнаго человѣка. Мы относимъ твореніе поэта въ сферу искусства. Первобытному (фиктивному) народу пѣсня служить не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія: естественная поэзія обнимаетъ и религиозные, и нравственные, и умственные его интересы; ее нельзя отдѣлать отъ его вѣрованій и убѣжденій. Здѣсь опять за фразами скрывается какое-то недоразумѣніе. Вѣдь поэтическое произведеніе и нашего времени можетъ выражать религиозные, нравственные и умственные интересы поэта и читающаго его общества, но это нисколько не препятствуетъ этому произведенію удовлетворять и эстетическимъ интересамъ. Какое же основаніе мы имѣемъ предполагать, что того же самаго не было въ первобытномъ народѣ? Пусть онъ теоретически не относилъ пѣсню въ сферу искусства, пусть въ его языкѣ даже не было слова для выраженія понятія поэзіи, но все же пѣсня, удовлетворяя его духовнымъ (нравственнымъ и умственнымъ) интересамъ, могла нравиться ему и съ эстетической стороны. Въ чемъ же здѣсь различіе примитивнаго человѣка отъ современнаго?

Если отъ этого общаго опредѣленія народной поэзіи мы перейдемъ къ изученію произведеній устной поэзіи какого-нибудь не фиктивнаго, а историческаго народа, на примѣръ, къ изученію русскихъ пѣсень, сказокъ, пословицъ, загадокъ, этихъ «разрозненныхъ членовъ обширнаго эпическаго преданія»¹⁾, то немедленно убѣдимся, что многое въ этомъ опредѣленіи какъ будто не подходитъ къ матеріалу, который оно должно обнять. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ опредѣленіе не является выводомъ, связаннымъ изъ изученія нашей народной поэзіи, начавшагося сравнительно недавно, а взято на вѣру изъ господствовавшей въ Германіи теоріи народной поэзіи, созданной Яковомъ Гриммомъ и его послѣдователями. Гениальный ученый, оказавшій въ свое время громадную услугу дѣлу изученія народной поэзіи, представлялъ себѣ просто и ясно всѣ ступени ея

¹⁾ Галаховъ, стр. 4.

развитія. Предки европейских народов вынесли изъ общей прародины, которую во время Гримма искали въ Азїи, запасъ основныхъ религіозныхъ понятій, выражавшихся въ мѣтахъ о божествахъ. Божества олицетворяли стихіи природы, мѣны изображали похождения боговъ, борьбу свѣта и тьмы, явленія грозы, смѣну времянь года и проч. На самой ранней ступени эпосъ можетъ быть названъ мѣологическимъ: героями рассказовъ или пѣсенъ являются боги. Но въ жизни народа затѣмъ наступаетъ періодъ борьбы упорной, продолжительной, сопровождающей его на пути его блужданій и осѣданія на новыхъ мѣстахъ. Поэзія почерпаетъ содержаніе въ этой борьбѣ, воспѣваетъ подвиги народныхъ героевъ, становится героическою. Герои идеализируются, на нихъ переносятся свойства боговъ, событія дѣйствительно случившіяся получаютъ мѣическую окраску. Съ принятіемъ христіанства древніе боги исчезаютъ, но слѣды «убѣгающихъ» боговъ еще долго хранятся въ народныхъ сказаніяхъ въ богатырскомъ эпосѣ: древніе боги преобразились въ героевъ. При наступленіи періода положительной исторіи, съ распространеніемъ письменности и культуры, дѣйствующими героями въ эпосѣ являются уже историческія лица: эпосъ достигъ своей третьей ступени; но какъ раньше доисторическіе народные герои заимствовали свои краски отъ боговъ, такъ и теперь подъ историческими именами нерѣдко скрываются прежніе, прастарые мѣны.

Съ точки зрѣнія этой теоріи разсматривались сторонниками Гримма и наши былины. Русскій народный эпосъ представляетъ вторую ступень развитія этого рода поэзіи. Наша былина есть позднѣйшая переработка «тѣхъ первоначальныхъ основъ эпическихъ, въ корни которыхъ предполагается мѣя» ¹⁾. Чудесность и сверхъестественность, унаслѣдованная отъ поры первобытныхъ вѣрованій, во всей силѣ сказываются и въ былинѣ, но это не мѣшаетъ *народу* величать ее этимъ именемъ ²⁾. Народъ сознаетъ и выражаетъ различіе пѣсни (въ томъ числѣ и былины) и сказки пословицей: сказка—складка, пѣсня—быль. Наша былина относится къ эпосу героическому, она воспѣваетъ героевъ, которыхъ называетъ богатырями. Сказанія о нихъ твердо приурочены къ землѣ Русской и къ ея древнѣйшей исторіи ³⁾.

Изъ такого опредѣленія нашей былины получалось смутное и туманное представленіе о ней, какъ о богатырскомъ эпическомъ сказаніи, созданномъ коллективнымъ творчествомъ народа въ глубокой древности и дошедшемъ, наконецъ, до нашихъ дней путемъ преемственной традиціи, хранившейся въ средѣ народа, котораго предки сложили это сказаніе. Мы дивились народной памяти, любовались благоговѣйнымъ отношеніемъ народа къ наслѣдію предковъ и объясняли себѣ это отношеніе такъ, что для него древняя богатырская былина «служила не однимъ только предметомъ эсге-

¹⁾ О. Миллеръ у Галахова, стр. 17.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 21.

тического удовольствія», но что онъ видѣлъ въ ней «драгоцѣнное достоинство, которое въ теченіе многихъ столѣтій одни поколѣнія завѣщевали другимъ». Нѣкоторымъ сентиментальнымъ народолюбцамъ эта вѣрность народа старинѣ и преданію служила темой для противопоставленія народа культурнымъ слоямъ общества, пренебрежимымъ, со времени поворота къ Западу, этимъ наслѣдіемъ предковъ. Пораженные обиліемъ и высокими интересомъ нашихъ былинь, изслѣдователи перваго поколѣнія (Безсоновъ, Буславевъ, О. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ) не находили словъ для возвеличенія этого наслѣдія предковъ, открывая въ немъ таинственный смыслъ (Безсоновъ), слѣды древней русской мифологіи (О. Миллеръ) и изумляясь передъ чудомъ народнаго творчества и памяти, донесшей до насъ, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ, сказанія чуть ли не эпохи кн. Владиміра. Когда миновалъ періодъ «лиризма», который обыкновенно сопровождаетъ въ исторіи науки какія-нибудь важныя открытія, когда началось болѣе спокойное, трезвое изученіе нашихъ былинь при помощи историко-сравнительнаго метода, нашъ эпосъ сталъ выступать въ надлежащемъ освѣщеніи, и священное наслѣдіе предковъ при этомъ не осталось въ накладѣ. Липившись своей таинственной чудесности, нашъ эпосъ въ глазахъ историка литературы получилъ высокій научный интересъ, но не въ томъ, въ чемъ его видѣли первые изслѣдователи, увлеченные теоріей Гримма. Въ наше время едва ли кто-нибудь изъ изслѣдователей былинь вѣрится въ мифологическую ихъ основу или въ полную самостоятельность народа въ созданіи ихъ сюжетовъ, которую такъ энергично отстаивалъ покойный О. Миллеръ отъ всякихъ покушеній «теоріи заимствованія». Но за то детальныя изслѣдованія содержанія нашего эпоса подняли цѣлый рядъ интереснѣйшихъ историко-литературныхъ вопросовъ, имѣющихъ не только домашнее, но и европейское значеніе, наприм., какъ относится эпосъ къ положительной исторіи, какъ усваиваетъ и перерабатываетъ народъ бродячіе сюжеты, какое отношеніе между сказочными фабулами и историческими именами нашего эпоса, какое вліяніе оказала «книга» на народныя сказанія, въ какой культурно-исторической связи находится нашъ эпосъ съ европейскимъ средневѣковымъ фольклоромъ, кто были слагатели былинь и какова среда, въ которой онѣ распростирались, и т. под.

Не имѣя въ виду въ небольшой статьѣ разсмотрѣть всѣ эти вопросы, я ограничусь только немногими, находящимися въ связи съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ нашей былины, сдѣланнымъ О. Миллеромъ. Начну, впрочемъ, съ вопроса наименѣ важнаго, съ названія *былины*, только потому, что въ объясненіи этого названія существуетъ фактическая ошибка переходящая, по традиціи, изъ одного учебника въ другой.

О. Миллеръ, какъ мы выше видѣли, говоритъ, что народъ свои богатыскія пѣсенныя сказанія величаетъ *былинами*. Здѣсь покойный профессоръ повторяетъ только общепринятое мнѣніе, которое никогда не было признано и «завелось» въ литературѣ какъ бы *tailo consensu*. Если мы идемъ справки объ исторіи этого термина, то увидимъ, что онъ не на-

роднаго, а литературнаго происхожденія. Ученые начала столѣтія не знали, не слышали, что богатырскія пѣсни народъ называетъ былинами. Издавая сборникъ былинъ Кирши Данилова, Калайдовичъ вслѣдъ за первымъ издателемъ (Якубовичемъ) называетъ ихъ *Древнія русскія стихотворенія* (1818 г.) и въ предисловіи, говоря объ отдѣльныхъ нумерахъ, употребляетъ термины: *стихотвореніе, пѣсня, статья, сказка*, ни разу не обронивъ слова *былина*. Древними стихотвореніями называетъ былины Глинка, сдѣлавшій въ своемъ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1808 г.) посылную, хотя совершенно несостоятельную оцѣнку сборника Кирши Данилова въ изданіи Якубовича. Названія *былина* не знаетъ и не употребляетъ К. Аксаковъ въ своихъ статьяхъ о русскомъ эпосѣ, относящихся къ 50-мъ годамъ ¹⁾.

Хомяковъ въ предисловіи къ русскимъ народнымъ пѣснямъ Кирѣвскаго, напечатаннымъ въ *Московскомъ Сборникѣ* ²⁾, говоря о былинахъ про Илью Муромца и про Василя Казиміровича, называетъ ихъ просто сказками о богатыряхъ. Даже Ѳ. И. Буслаевъ, впоследствии освоившійся съ терминомъ *былина*, не употреблялъ этого слова въ 61 году, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ въ *Исторической хрестоматіи* былинамъ изъ сборника Кирши Данилова. Съ другой стороны, мы имѣемъ нѣсколько показаній лицъ, записывавшихъ былины въ Олонецкой губерніи, этомъ очагѣ нашей эпической традиціи, что такъ называемые *сказители*, знатоки былинъ, называютъ ихъ не былинами, а «старинами», «старинками», «старинушками», не различая историческихъ пѣсень отъ былинъ въ нашемъ смыслѣ этого термина. На это указывали Рыбниковъ, Гильфердингъ, Барсовъ, и послѣдній даже настаиваетъ на изгнаніи этого названія въ приложеніи къ богатырскимъ пѣснямъ. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—имя *былины* искусственно придано богатырскимъ пѣснямъ, которыя въ Олонецкой губерніи отнюдь не называются былинами. Обычное народное ихъ названіе—*старина* или *старинка*» ³⁾. Но употребленіе названія *былина* не оправдывается и стариннымъ древне-русскимъ значеніемъ этого слова. Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ оно вовсе не встрѣчается. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* былина является въ значеніи историческаго событія, дѣянія, въ противоположность «старымъ словесамъ», поэтическимъ вымысламъ «замышленія Баянова» ⁴⁾. Современное *искусственное* названіе нашихъ богатырскихъ пѣсень былинами подало поводъ г. Прозоровскому (на что указалъ г. Барсовъ) толковать выраженіе «Слова» по былинамъ въ томъ смыслѣ, будто «Слова» написано въ формѣ богатырскихъ былинъ. Спра-

¹⁾ *Богатыри времени князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ* въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 г., т. IV; *О различіи между сказками и пѣснями русскими въ Москов. Вѣдом.* 1852 г., № 153; *Замѣтка о значеніи Ильи Муромца*, напечат. въ 1-мъ выпускѣ, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ 1860 г.

Томъ I, 1852 года, стр. 326, 328.

²⁾ *Слово о полку Игоревѣ*, какъ художественный памятникъ кievской дружинны, лексикологія «Слова», стр. 62.

³⁾ *тамъ же.*

шивается, однако, если народъ не знаетъ термина *былина* въ нашемъ употребленіи, откуда же онъ взялся въ научной литературѣ, кто первый пустилъ его въ оборотъ? Думаю, что единственный источникъ для этого термина—*Слово о полку Игоревѣ*, котораго выраженіе *по былинамъ сею времени*, невѣрно истолкованное, послужило для обогащенія научной терминологіи по части народной пѣсни. Почерпнувъ отсюда это слово, извѣстный народолобецъ 30-хъ и 40-хъ годовъ И. Сахаровъ, любившій придавать пышные этикетки своимъ не всегда доброячественнымъ литературнымъ продуктамъ, издавая богатырскія пѣсни по весьма подозрительной рукописи тульского купца Бѣльскаго (а въ сущности по сборнику Кирши Данилова), первый прикрѣпилъ къ этому отдѣлу своихъ *Сказаній русскаго народа* торжественное заглавіе *Былины русскызъ людей*. Вотъ, если не ошибаемся, первичный источникъ и, какъ оказывается, весьма мутный, откуда въ научную литературу проникъ терминъ *былины*, а затѣмъ какъ-то само собою, просто отъ частаго повторенія, укоренилось убѣжденіе, что свою богатырскую пѣсню называетъ *былиною* самъ народъ. Что же, однако, теперь дѣлать, въ виду того, что названіе, хотя и невѣрное, вполне укоренилось въ нашей литературѣ и наукѣ? Нужно ли вмѣстѣ съ Е. В. Барсовымъ настаивать на его изгнаніи? Едва ли. Удачно или неудачно названіе *былина*, оно приобрѣло за послѣднія десятилѣтія право гражданства, установилось за эпическими пѣснями такъ называемаго кіевскаго и новгородскаго цикла и можетъ съ удобствомъ быть употребляемо для различенія ихъ отъ пѣсенъ историческихъ. Нужно только помнить, что это названіе въ примѣненіи къ этимъ пѣснямъ придумано не самимъ народомъ, а пущено въ оборотъ собирателями и изслѣдователями русскаго эпоса. Поэтому совершенно неосновательно повторять, что народъ называлъ свои старинныя эпическія пѣсни *былинами* (отъ слова *быль*), сознавая ихъ отличіе отъ сказки-складки. Этимъ я, однако, не хочу сказать, чтобы народъ не вѣрилъ въ возможность фактовъ, рассказываемыхъ былинами. Гильфердингъ и другіе изслѣдователи нашли еще много наивной вѣры въ олонецкихъ сказителяхъ и ихъ слушателяхъ. Но не слѣдуетъ приписывать народу такую терминологію, которой у него нѣтъ: олонецкое населеніе прилагаетъ названіе *старинка* не только къ былинѣ въ нашемъ смыслѣ, но и къ исторической пѣснѣ о Петрѣ Великомъ, и къ какой-нибудь пѣснѣ-сказкѣ, вроде старинны «о птицахъ» или «о большомъ быкѣ».

Перехожу къ другому вопросу, имѣющему болѣе важное значеніе для установленія взгляда на наши былины. Нашъ эпосъ обыкновенно называется героическимъ или богатырскимъ, такъ какъ онъ воспѣваетъ подвиги гатырей. Дѣйствительно, если мы припомнимъ былины о подвигахъ Ильи Громца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, то найдемъ это названіе отвѣтствующимъ содержанію этихъ былинъ. Но при подробномъ просмотрѣ всего нашего былиннаго репертуара, обнимающаго отъ 35—40 сюжетовъ, мы убѣдимся, что злоупотребляемъ терминомъ *богатырскій эпосъ* по привычкѣ. Позволю себѣ повторить нѣкоторыя наблюденія, сдѣ-

лаинныя мною въ другой статьѣ ¹⁾). По характеру содержанія въ нашемъ былинномъ репертуарѣ намѣчаются два крупные отдѣла: а) былины *богатырскаго* характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами—Зимѣмъ Горынычемъ, Тугариномъ, Идолищемъ и т. п.; б) былины не-воинскаго характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фаблю, такія, которыхъ сюжетомъ служатъ событія городской жизни, напримѣръ, случаи непомерной роскоши и богатства, распри городскихъ фамилій, любовныя приключенія, похищенія невестъ и т. п. Конечно, есть былины смѣшаннаго содержанія, которыя можно отнести и къ той, и къ другой рубрикѣ, но подчинить строгой регламентаціи человѣческое творчество нельзя, и съ насъ достаточно и того, что вообще объ названныя рубрики намѣчаются довольно прочно въ нашемъ былинномъ инвентарѣ. Къ первому, *богатырскому* отдѣлу могутъ быть отнесены былины объ Ильѣ Муромцѣ, нѣкоторыя о Добрынѣ и объ Алешѣ Поповичѣ, о Василии Казимировичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Михаилѣ Казарянинѣ, Сухманѣ, Суровцѣ, Василии Пяницѣ, Батыгѣ и былина о походѣ Вольги на Индѣйское царство. Къ отдѣлу *былинъ-новеллъ* принадлежатъ былины о многихъ другихъ эпическихъ лицахъ: Садкѣ, Василии Буслаевѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Иванѣ Гостинномъ сынѣ, Соловѣ Будямировичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Михаилѣ Потогѣ, Микулѣ Селяниновичѣ, гостѣ Терентьицѣ. Колебаться при отнесеніи былинь въ тотъ или другой отдѣлъ возможно относительно такихъ сюжетовъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщинъ, сопровождающемся боемъ, таковы былины: Дунай Ивановичъ, Иванъ Годиновичъ, бой Добрыни съ *поленницей* и его женитьба на ней. Наконецъ, въ былинахъ и побывальщинахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Святогора-Самсона, сквозятъ черты то апокрифовъ (смерть Святогора за похвальбу, Святогоръ и гробъ), то сказокъ о судьбѣ (женитьба Святогора) и о невѣрныхъ женахъ (Илья и жена Святогора) ²⁾.

Такимъ образомъ, второй отдѣлъ по числу сюжетовъ и дѣйствующихъ лицъ нисколько не уступаетъ первому, *богатырскому*. Былины, сложившіяся въ предѣлахъ новгородскаго культурнаго района, а такихъ былинь гораздо больше, чѣмъ предполагалось раньше ³⁾, принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ *не-богатырскому* отдѣлу. Даже самое названіе «богатырь» не было извѣстно новгородскому эпосу, какъ я указалъ въ *Эскурсахъ*, и вошло въ репертуаръ олонецкихъ сказителей изъ былинь богатырскихъ кievско-суздальскихъ. Въ примѣненіи къ нашимъ былинамъ не слѣдуетъ поэтому злоупотреблять названіемъ «богатырскій эпосъ» и не слѣдуетъ за-

¹⁾ Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинь въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1894 г., № 5, стр. 68.

²⁾ См. мою статью: *Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., № 11); *Къ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ* (тамъ же, 1895 г., № 3); *Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ* (сборникъ Починъ, М., 1895 г.).

³⁾ *Эскурсы въ область русскаго народнаго эпоса*. М., 1892 г., стр. 223.

бывать, что самъ народъ далеко не всѣхъ «героевъ» былинь причисляетъ къ богатырямъ и называетъ этимъ именемъ. Между тѣмъ, примѣненіе термина «богатырскій», въ связи съ представленіями, навѣянными теоріей Якова Гримма, придавало нашему эпосу какой-то архаическій колоритъ, который далеко не подходитъ къ большинству нашихъ былинь. Представлялось, будто былины—наслѣдіе того отдаленнаго періода, когда «всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа». Отставивъ древнѣйшія мнѣніескія основы нашего эпоса, повторяя туманныя фразы о принадлежности его всему народу, изслѣдователи 60-хъ и 70-хъ годовъ либо вовсе не ставили вопроса о томъ, кто были слагатели дошедшихъ до насъ былинь, либо отвѣчали на него неопредѣленными соображеніями о всенародномъ творествѣ, которыя ничего не объясняютъ. Вообще во взглядахъ изслѣдователей этого періода замѣчается идеализація прошлаго: русскому народу отдаленныхъ эпическихъ временъ мысленно приписывались далеко не тѣ свойства, которыя мы наблюдаемъ у современнаго. Казалось вѣроятнымъ и правдоподобнымъ то, что русскій крестьянинъ въ прежніе вѣка могъ создать богатырскую пѣснь, воспѣвавшую подвиги національныхъ героевъ. А, между тѣмъ, какъ удивлены были бы тѣ же изслѣдователи, еслибъ современный крестьянинъ, не научившійся грамотѣ, откликнулся эпическою пѣснью на подвиги какого-нибудь современнаго русскаго полководца! Такое же преувеличенное понятіе существуетъ о памяти народа. Житейскій опытъ показываетъ, что въ неграмотной народной средѣ событія, случившіяся лѣтъ сто или полтораста тому назадъ, спутываются и основательно забываются. А, между тѣмъ, въ дѣлѣ сохраненія былинь народной памяти приписываются чудеса: считается правдоподобнымъ, что олонецкіе крестьяне нашего времени сохраняютъ въ былинахъ наслѣдіе, переданное имъ длиннымъ рядомъ поколѣній ихъ предковъ, нѣкогда сложившихъ эти пѣсни. Надъ вопросомъ, какъ могло дойти до насъ столько отдаленной старины въ былинахъ (а она дѣйствительно въ нихъ оказывается), какъ-то мало задумывались. Вспомнимъ, что состояніе традиціи въ Олонецкой губерніи не таково, чтобы могло гарантировать сохранность старинной пѣсни. Я уже упоминалъ въ другой статьѣ ¹⁾, что въ Олонецкой губерніи нѣтъ сказителей по профессіи, нѣтъ сколько-нибудь организованнаго обученія былинамъ: «если мы видимъ, что былины передаются отъ дѣда сыну или внуку, то эта передача—не школьная, не основанная на внимательномъ специальномъ изученіи, а лишь механическое усвоеніе *при слухѣ*, насколько хватить памяти и усердія. На такія случаи перениманія нерѣдко встрѣчаемъ указанія въ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ олонецкихъ сказителяхъ («переночевалъ прохожій, пропѣлъ внуку, былина поправилась, повторилъ, и хозяинъ избы или кто-нибудь изъ семьи ее запомнилъ по возможности, а затѣмъ и самъ сталъ повто-

¹⁾ Русская Мысль 1894 г., кн. III, стр. 17.

рять въ присутствіи другихъ»). Очевидно, такая случайная передача былинъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, еслибъ она всегда была только такова, не могла бы донести до насъ стариннаго былевого репертуара не только отдаленныхъ временъ, но даже XVI или XVII вѣка. Поэтому, совершенно естественно, мы приходимъ къ мысли, что у насъ, на Руси, какъ у большинства народовъ, имѣющихъ эпическія сказанія, были профессиональные ихъ хранители, обрабатывавшіе ихъ, исполнявшіе ихъ въ народѣ и передававшіе ихъ въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ профессиональныхъ пѣвцовъ. Они разносили свои былевые пѣсни (какъ и многія другія) въ народѣ, содѣйствуя такимъ образомъ распространенію интереса къ эпической исторіи Руси. Записанныя въ наше время былины ничто иное, какъ разошедшіяся въ народѣ былевой репертуаръ старинныхъ профессиональныхъ пѣвцовъ, какое бы названіе они ни носили. Для уясненія этой мысли слѣдуетъ, прежде всего, разсмотрѣть техническую сторону былины—ея планъ, составныя части, характеръ изложенія,—словомъ, уяснить типъ того рода произведеній, которымъ усвоено это имя. Это разсмотрѣніе, къ которому мы переходимъ, должно показать, въ какой средѣ установился типъ современной былины и чтó внесли въ нее олонекіе сказители, перенявъ ее отъ профессиональныхъ пѣвцовъ.

Понятіе «безыскусственной», которое обыкновенно прилагается къ народной поэзіи, вообще должно быть значительно ограничено по отношенію къ нашимъ былинамъ. Конечно, въ нихъ не проявляется личность слагателя, но онъ наследуетъ извѣстные искусственные приемы, и эти приемы можно наблюдать какъ въ планахъ былинь, такъ и въ традиціонныхъ частностяхъ ихъ построенія. На участіе профессиональныхъ пѣтарей указываютъ традиціонныя прибаутки, которыя мы нерѣдко находимъ либо передъ началомъ, либо послѣ конца былины. Вотъ, наприм., какъ начинается одна былина о Добрынѣ и Алешѣ (*Гильфердингъ*, № 228):

„Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватя,
 Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
 Изъ-подъ святыхъ мошей изъ-подъ Борисовыхъ,
 Изъ-подъ бѣлаго лѣтыря каменя,
 Тутъ повышла, повышла-повыбѣжала,
 Выбѣгала-вылежала matka-Волга рѣка,
 Широка matka-Волга подъ Казань прошла,
 Пошире того она подъ Вастракань.
 Она много matkѣ Волга въ себе рѣкъ побрала,
 Побольше того она ручьѣвъ пожрала,
 Давала плеса она Далѣнскіе,
 А горы-долы Сорочинскіе,
 А мѣсто-то шла она три тысячи,
 А выпала Волга въ море Чѣрноѣ (sic!),
 Да устьѣвъ пустила ровно семьдесятъ,
 Широка перевозъ да подъ Нovýmъ-градомъ.
 Да все это, братцы, не сказочка,

А все это, братцы, прибауточка.
 Теперь-то Добрынюшки *зачинъ* пошелъ.
 Во стольнѣмъ-то городѣ во Кіевѣ* и т. д.

Разберемъ это зачало. Изъ самыхъ словъ сказителя (Воинова) мы видимъ, что здѣсь различаются двѣ части: *прибаутка* и собственный *зачинъ* былины. Прибаутка не имѣетъ ближайшаго отношенія къ *содержанію* былины. Это, такъ сказать, прелюдія, которая должна сосредоточить вниманіе слушателей, настроить его извѣстнымъ образомъ. Такъ, пианистъ пробѣгаетъ по клавишамъ рояли, гуслиарь по струнамъ гуслей раньше, чѣмъ приступитъ къ пьесѣ. Въ прибауткѣ намѣчается въ широкихъ размахахъ картина природы—въ данномъ случаѣ великое теченіе Волги. Конечно, этотъ искусственный *артистическій* приемъ долженъ былъ выработаться не въ кругу случайныхъ сказителей, а въ кружкѣ артистовъ, пѣтарей по профессіи, какими могли быть скоморохи и какими до сихъ поръ могутъ быть названы олонецкіе и всякіе другіе русскіе каліивы. Дѣйствительно, прибаутка артистовъ, занесенная въ простонародную среду, должна была пострадать въ частностяхъ: такъ, олонецкій крестьянинъ могъ пустить Волгу въ Черное море, чего не могъ сдѣлать скоморохъ, человекъ бывалый, и тотъ же олонецкій сказитель могъ не встать приплестъ детали изъ другихъ прелюдій—крестъ Леванидовъ и латырь камень. Чтобы убѣдиться въ томъ, что начальная прибаутка вышла изъ репертуара каліивъ, посмотримъ біографію Воинова: изъ нея мы узнаемъ ¹⁾, что онъ перенялъ былины отъ Павла Сивцева (старика Поромскаго), а послѣдній имѣлъ своими учителями преимущественно двухъ слѣпыхъ пѣтарей ²⁾. Иногда сказитель старается искусственнымъ образомъ связать прибаутку съ *зачиномъ* былины, но здѣсь всегда видна натяжка и отступленіе отъ преданія. Такъ, сказитель Прохоровъ, заставивъ Волгу течь въ море Турецкое, пустилъ по ней 33 корабля и въ одномъ изъ нихъ Соловья Будимировича ³⁾, отступивъ здѣсь отъ другого традиціоннаго зачина былины о Соловьѣ («Изъ-за острова Бодольскаго» и проч.). Но, сдѣлавъ изъ прибаутки *зачинъ*, тотъ же Прохоровъ прибавилъ другую прибаутку, юмористическую, мѣстнаго олонецкаго издѣлія:

„А мжи били болота въ поморской стороны,
 А гольная щелья (скалы) въ Бѣлі-озерѣ,
 А таа эта заябель въ подѣсверной страны,
 А с.... сарафаны по Моши по рѣкѣ,
 Да рострубисты становницы въ Кѣргополѣ...“,—

прибаутку, очерчивающую мѣстную природу и подтрунивающую надъ ба-

И прибаутки шутивыя, въ томъ же родѣ, могутъ осложняться и развиваться далѣе и изъ начала переходить къ концу былины. Приведу одну

Глибердинъ, столб. 1080.
 Тамъ же, столб. 1045.
 Глибердинъ, № 53.

изъ нихъ, любопытную въ частностяхъ, такъ какъ она показываетъ весьма широкій географически-жизнейскій кругозоръ слагателя. Она заключаетъ былину о нашествіи Батыги, записанную отъ Фепопова ¹⁾.

„Ай чистыя поля ко Опскову,
А широкі раздольца ко Киеву,
А высокія-ты горы Сорочинскія,
А церковно-то строенье въ каменной Москвѣ,
Коловольней-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ,
Ай тѣртыя калачики Валдайскіе,
Ай шалливы щеголивы въ Ярославн городѣ,
Дешёвы поцѣдуй въ Бѣлозёрской сторонѣ,
А сладки напитки во Питери,
А жи-ты болота ко синю морю,
А щель-каменьё ко сѣверикѣ,
А широки подоли Пудожаночки,
Ай дублёны сарафаны по Онѣги по рѣкѣ,
Толстобрюхія бабенки Лёмшозѣрочки,
Ай пучеглазыя бабенки Пошовѣрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай“ ²⁾.

Здѣсь опять находимъ указаніе на калачье происхожденіе прибаутки по замѣчанію сказителя, эти стихи — «небылица, которую старый калачик Мѣщаниновъ, учитель Фепопова, пѣвалъ послѣ этой былины» ³⁾. Участіе *примѣхъ*, бродячихъ пѣвцовъ, поющихъ по профессіи, видно и въ другихъ прибауткахъ, содержащихъ обращеніе къ хозяину или слушателямъ, напримѣръ:

„Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила сына Плёньковича“ ⁴⁾.

Или въ болѣе шутиломъ родѣ:

„Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива былѣ:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднёсъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывать,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про шіроку про Волгу рѣку.
Шірока рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новымъ-Городомъ“.

Эта вступительная прибаутка былины объ Иванѣ Гостинѣ сынѣ, записанной въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губ., живо вызываетъ въ

1) *Гильфердингъ*, № 60.

2) Ср. подобное же у *Гильф.*, № 18 (отъ крестьянки Фоминѣй).

3) *Гильфердингъ*, столб. 325, примѣч.

4) Былина записана въ Сибири, см. *Киреевск.*, IV, стр. 87.

нашемъ воображеніи веселыхъ ребятъ скомороховъ, которые, какъ извѣстно, сильно зашибали зеленымъ виномъ.

Между другими вступительными прибаутками отмѣтимъ еще нѣкоторыя встрѣчаемыя въ былинахъ, записанныхъ въ Симбирской губерніи:

„Кто бы намъ сказалъ про старое,
 Про старое, про бывалое,
 Про того Илью про Муромца?“ ¹⁾

Или: „Ой вы люди мои, люди добрые,
 Люди добрые, шабры (орѣды) ближніе!
 Вы скажите мнѣ про старое...“ ²⁾.

Или: „Намъ не жалко пива пьянаго,
 Намъ не жалко зелена вина,
 Только жалко смиренной бесѣдушки,
 Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ они рѣчи хорошія,
 Про старое, про бывалое,
 Про стараго козачка Илью Муромца“ ³⁾.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ *мѣстную* вступительную прибаутку: ни въ одной изъ олонецкихъ былинъ обоихъ сборниковъ — Рыбникова и Гильфердинга — она не встрѣчается. Въ заключеніе упомяну еще поэтическую припѣвку, встрѣчающуюся однажды въ сборникѣ Кирши Данилова, въ началѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Я не поручусь, чтобъ она не была нѣсколько подправлена:

„Высота ли—высота поднебесная;
 Глубина—глубина океанъ-море;
 Широко раздолье—по всей землѣ;
 Глубоки омуты Дняпровскіе“ ⁴⁾.

Я нахожу довольно правдоподобнымъ мнѣніе, высказанное объ этомъ запѣвѣ г. Халанскимъ: «Этотъ запѣвъ, привлекавшій вниманіе изслѣдователей силою поэтического взмаха, едва ли, однако, принадлежитъ простому, безыскусственному народному творчеству. Онъ напоминаетъ приемы московскихъ витій, любившихъ преукрашать начала своихъ сочиненій грамматичными художествами и риторскою силой». Вотъ, наприм., какъ патріархъ Іовъ начинаетъ свою исторію о Теодорѣ Ивановичѣ: «Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта неосясима и неизслѣдима, морю же глубина неизмѣрима и неиспытуема, святымъ же и крестоноснымъ преславнѣйшимъ россійскимъ царей и великихъ князей многогд добродѣтелемъ исправленія неизсечтна и недоумѣваема...» Не знаемъ, насколько авторы были здѣсь самостоятельны и насколько повтомили общія мѣста современной книжной словесности (последнее вѣроятнѣе), но б. вѣзкое сходство ихъ съ запѣвомъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ

¹⁾ Киртесскій, I, стр. 1.

²⁾ Тамъ же, стр. 4.

³⁾ Киртесскій, I, стр. 19. Ср. 20, 31.

⁴⁾ Тырша Дан.: „Др. рос. стихотворенія“, № 1.

склоняетъ мысль къ предположенію о возможности книжнаго происхожденія послѣдняго. Къ тому же, запѣвъ варианта Кириши стоитъ особнякомъ: прочіе варианты начинаются безъ обращенія къ ширинѣ земной, высотѣ поднебесной и омутамъ Днѣпровскимъ ¹⁾.

Мы видѣли, что прибаутка иногда забирается и въ конецъ былины. Но гораздо чаще исходъ имѣетъ свои спеціальныя заключительныя стихи, въ которыхъ сказитель выдерживаетъ до конца серьезный тонъ и какъ бы отгѣняетъ значеніе былины. Всего чаще въ олонецкихъ былинахъ встречается исходъ:

„Синему морю на тѣшину,
Всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье“ ²⁾.

Въ этомъ исходѣ, не встрѣчающемся въ былинахъ, записанныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи ³⁾, я склоненъ видѣть наслѣдіе, полученное отъ такихъ людей, которые знали море, морскіе промыслы и для которыхъ ширина моря имѣла важное значеніе. Олонецкіе и архангельскіе крестьяне имѣя много дѣла съ водою, хорошо знаютъ вѣтры, имѣютъ для нихъ спеціальныя названія и прибѣгаютъ къ заклинаніямъ ихъ, когда они неудобны для плаванья или, напротивъ, препятствуютъ ему. Понятно, что въ такой средѣ и могло сложиться эпическое былинное пожеланіе. Вспомни отношение новгородскаго гуслира Садка къ морю и морскому царю.

Нерѣдко встрѣчаются также заключительныя стихи, какъ бы указывающіе на древнее сложеніе былины:

„Съ той поры, съ того времени,
Стали (такого-то богатыря) старинной сказать“ ⁴⁾.

Эти стихи обычно заканчиваютъ былины Воинова, восходящія, какъ мы знаемъ, къ репертуару слѣпого пѣтара (каликки?). Равносилонъ этому и нечному припѣву другой, содержащій видоизмѣненіе той же мысли, напримѣръ

„Только той Солдвнику славы поютъ,
А Ильина-та слава не минуется,
Отнынь-то вѣкъ по вѣку поютъ его, Ильюшенку“ ⁵⁾.

Этотъ припѣвъ обобщился такъ, что «славу поютъ» не только Ильинъ, но вообще каждому эпическому лицу, даже едва ли достойному славы, какъ Чуригъ ⁶⁾, Соловью разбойнику ⁷⁾, сыну Ильѣ, разорванному отцомъ

¹⁾ Халанскій: „Великорусск. былины“, стр. 147—148.

²⁾ См. Гильфердингъ, №№ 5, 7 (Каликина), 40, 41 (Прохорова), 148, 149, 150, 151, 152, 153 (Чукова-Бутылки), 157, 158 (Касьянова); Рыбниковъ, II, стр. 113; III, 13, 15, 33, 69, 96 (Бутылки).

³⁾ Подобный, но не тождественный исходъ въ былинѣ о Дюкѣ у Кириши Данькова, № III.

⁴⁾ См. Гильфердингъ, №№ 228, 229, 230, 231 (Воинова).

⁵⁾ Тамъ же, № 46.

⁶⁾ Тамъ же, № 67.

⁷⁾ Тамъ же, № 171.

попы за коварство ¹⁾, Маринкѣ еретницѣ ²⁾, такъ что «слава» указы-
ваться только на конецъ *былины*. Напримѣръ:

„А тутъ той старинкѣ и славу поють,
А по тыхъ мѣсть старинна и покончилась“ ³⁾.

Заключительный припѣвъ —

„А Дунай, Дунай, да болѣ вѣкъ не знай“, —

обычный нѣкоторыми сказителями (наприм., Сорокинымъ ⁴⁾, Швецовымъ ⁵⁾,
имѣетъ скороморешскій характеръ и встрѣчается, какъ извѣстно, не въ од-
нихъ былинахъ, но во многихъ лирическихъ пѣсняхъ. Онъ не подходитъ
къ складу былинъ и забрался въ нихъ, вѣроятно, изъ скороморешскихъ шут-
ливыхъ небылицъ, вродѣ пѣсни о большомъ быкѣ, довольно распростра-
ненной въ репертуарѣ олонецкихъ сказителей (см. этотъ припѣвъ въ № 297
Гильфердинга въ концѣ этой «старины»).

Послѣ запѣва, серьезнаго или прибауточнаго, идетъ то, что сказители
называютъ *зачиномъ* былинъ, къ ближайшему разсмотрѣнію котораго мы
здесь переходимъ.

Подобно тому, какъ въ нашихъ сказкахъ рассказчикъ начинаетъ съ
указанія мѣстности, конечно, совершенно неопредѣленной, — въ нѣкоторомъ
отношеніи, въ нѣкоторомъ государствѣ, — такъ любимымъ, наиболее распро-
страненнымъ *зачиномъ* былинъ является географическое опредѣленіе. Такъ
уже весьма рано кн. Владиміръ притянулъ къ своему двору княженец-
кую и палатамъ бѣлокаменнымъ русскихъ могучихъ богатырей, то въ бы-
линахъ такъ называемаго кіевскаго цикла обычный зачинъ, ставшій за-
чѣмъ традиціоннымъ, былъ:

„Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра“ ⁶⁾.

Такой зачинъ всего чаще встрѣчается въ былинахъ о Добрынѣ и Змѣѣ,
Добрынѣ и Алешѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Дунаѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Потыкѣ,
Лаврѣ, Иванѣ Гостиномъ, Чурилѣ, иногда Вольгѣ, рѣже Ильѣ и Идолицѣ,
Мешѣ и Тугаринѣ и друг. За указаніемъ Кіева часто слѣдуетъ традиціон-
ное изображеніе *тированьца*, *почестнаго стола* у князя Владиміра ⁷⁾,
зачѣмъ князь даетъ какое-нибудь порученіе богатырямъ, либо они сами
спру хвастаются, кто чѣмъ можетъ, и это служить завязкой для сю-
жета. Этотъ издавна установившійся зачинъ долженъ былъ чрезвычайно

¹⁾ Тамъ же, № 77.

²⁾ Тамъ же, № 78.

³⁾ Тамъ же, № 75. Ср. № 79.

⁴⁾ Тамъ же, №№ 69, 71, 72.

⁵⁾ Тамъ же, №№ 306, 308, 309. Ср. также Рыбниковъ, II, стр. 33, 44, 103, 184.

⁶⁾ Наприм., Гильфердингъ, №№ 26, 55, 57, 59, 63, 65, 123, 124, 125, 126, 135,
150, 151, 163, 181, 186, 205, 214 и т. д.

⁷⁾ Наприм., Гильфердингъ, №№ 6, 7, 16, 19, 21, 40, 47, 76, 81, 84, 122, 180,
188, 189, 169, 198 и др.

облегчить работу слагателя былины и послужить къ введенію въ *киевскій* циклъ многихъ сюжетовъ, которые не были прежде связаны съ Владиміромъ и принадлежали либо къ мѣстнымъ русскимъ сказаніямъ, либо къ обширной категоріи странствующихъ, международныхъ сказочныхъ сюжетовъ. Вліяніе этого зачина сказывается и въ томъ, что нѣкоторые сюжеты, имѣвшіе свой особый зачинъ, принимали въ устахъ сказителей зачинъ съ княземъ Владиміромъ, такъ что въ вариантахъ одной и той же былины мы находимъ разные зачины. При аналогіи, которая сильнѣйшимъ уравнивающимъ образомъ проявляется въ памятникахъ устной поэзіи и служить самымъ могучимъ рычагомъ для памяти, немудрено, что удобный для запоминанія зачинъ обобщается и дѣлаетъ постоянныя завоеванія въ развитіи былевого эпоса: въ параллель съ Киевомъ въ былинахъ киевскаго цикла въ новгородскихъ нерѣдко встрѣчаемъ зачинъ:

„Какъ во славноемъ въ Новѣгородѣ“¹⁾,

причемъ, аналогично съ пиромъ у Владиміра, находимъ описаніе пира, наприм., у Васьки Буслаева²⁾, хотя въ большинствѣ былинь объ этомъ новгородскомъ удалцѣ *зачинъ* иной, поминающій его отца, старика Буслава. Вліяніе стереотипнаго пира Владиміра слышится еще въ московскихъ историческихъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, такъ какъ онѣ нерѣдко начинаются изображеніемъ пира у грознаго царя³⁾, а *географическій* зачинъ съ указаніемъ города является нерѣдко въ былинахъ объ Ильѣ, когда этотъ богатырь былъ прикрѣпленъ къ Муромской области, наприм.:

„Во славноемъ было городѣ во Муромѣ,
Во большимъ селѣ Корочаровѣ“ и т. д.⁴⁾

Изъ другихъ распространенныхъ въ былинахъ *зачиновъ*, содержащихъ указаніе мѣста дѣйствія, можно отмѣтить:

1) Указаніе мѣста выѣзда богатыря, если богатырь пріѣзжій человекъ въ Кіевѣ. Таковъ, наприм., обычный зачинъ былинь о Дюкѣ Степановичѣ и Соловьѣ Будимировичѣ:

„Изъ Волинца города изъ Галича...“

Или: „Съ той ли славныя Индіи со богатыя“⁵⁾,

хотя иногда и въ этихъ былинахъ о Дюкѣ зачиномъ является пиръ Владиміра и слушатель уже позже узнаетъ, откуда пріѣхалъ Дюкъ⁶⁾.

2) Въ былинахъ о нашествіи на Кіевъ какихъ-нибудь восточныхъ враговъ (Батыги, Калина, Мамай) встрѣчается, повидимому, очень древняя

¹⁾ Гильф., 70 (Садко), № 141 (Васька Буслаевъ), 146 (Садко). Сравни. Рыбн., т. I, стр. 359, 370; т. III, стр. 242. Куртес., т. V, стр. 14, 23.

²⁾ Гильф., № 54 (=Рыбн., т. I, стр. 57), № 259.

³⁾ См. Гильф., №№ 142, 183, 201.

⁴⁾ Куртес., т. I, стр. 25, 41, 77.

⁵⁾ Гильф., №№ 213, 85, 115, 152, 159, 218, 225, 230, 279; Куртес., т. III, стр. 101.

⁶⁾ Наприм., Гильф., №№ 128, 180.

любопытная картина—стадо турицъ, идущихъ мимо Кіева. *Зачиномъ* слушать слѣдующіе стихи:

„Сподь той ли сподь березы кудреватая,
Сподь того ли сподь креста Леванидова,
Выходило четыре тура златорогіихъ“ и т. д. ¹⁾.

Конечно, и этотъ зачинъ, принадлежавшій первоначально одному определенному сюжету, обобщился и перенесенъ на другіе сюжеты либо цѣлкомъ, либо (что чаще) отдѣльными стихами (наприм., въ былинѣ объ Ильѣ и Идолицѣ ²⁾), съ которыми въ данномъ случаѣ смѣшивается Батыга).

3) Въ былинахъ объ Ильѣ, тамъ, гдѣ онъ представленъ во главѣ дружины богатырей, зачинъ упоминаетъ заставу богатырскую («на славной на заставѣ» etc.), причемъ послѣдняя помѣщается то между Кіевомъ и Черниговомъ ³⁾, то подъ Кіевомъ, на степяхъ цигарскіихъ ⁴⁾, то называется московской.

4) Въ нѣкоторыхъ былинахъ зачиннымъ указаніемъ мѣста служить какая-то *дорога латинская* ⁵⁾, по которой бредетъ калика переходящая, или гдѣ стоитъ застава богатырская.

5) Наконецъ, самыя неопредѣленныя географическія указанія находимъ въ довольно популярныхъ зачинахъ вродѣ:

„Ой далече, далече во чистомъ полѣ“ ⁶⁾.
Или: „Изъ-за моря моря сняго“ ⁷⁾.
Или: „Изъ-за горъ-то горъ высокіихъ,
Изъ-за хѣсушковъ дремучихъ“ ⁸⁾.

Сравнительно крайне рѣдко былина открывается указаніемъ *времени*, иногда рядомъ съ указаніемъ мѣста; таковъ зачинъ:

„Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владимірчъ вѣнецъ держалъ“ ⁹⁾.
Или: „Въ старые вѣки, прежніе,
Не въ нынѣшнія времена, послѣднія“ ¹⁰⁾.

Оба приведенные зачина не внушаютъ довѣрія: первый принадлежитъ одной былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ съ почти разрушеннымъ стихомъ и приближающейся къ сказкѣ, второй—былинѣ о Суровцѣ, перепечатанной Безсоновымъ изъ новиковскаго пѣсенника (1780 г.), такъ что за «неподправленность» нельзя поручиться.

¹⁾ Гиллф., № 41. Срав. №№ 116, 258, 18, 60.

²⁾ Гиллф., № 22; ср. № 101.

³⁾ Куртес., т. I, стр. 52.

⁴⁾ Куртес., т. I, стр. 46,

Наприм., Гиллф., №№ 245, 250, 265.

Наприм., Куртес., т. II, стр. 2, 3, 9, 17, 80.

Куртес., т. IV, 38.

Гиллф., № 114.

Куртес., т. IV, стр. 1.

П., т. III, стр. 110.

Въ предъидущемъ я сдѣлажъ обзоръ былинныхъ *зачиновъ* наиболѣе шаблонныхъ, содержащихъ указаніе мѣста, какъ бы неопредѣленно оно ни было. На ряду съ подобными зачинами, хотя въ меньшей степени, распространены зачины, не составляющіе, впрочемъ, чего-нибудь типическаго для былинъ, но встрѣчающіеся и въ другихъ пѣсенныхъ народныхъ произведеніяхъ. Я имѣю въ виду *зачины*, представляющіе либо отрицательный параллелизмъ между явленіями природы и міра людей, либо одновременность. Приведу нѣсколько примѣровъ сначала отрицательнаго параллелизма:

„Не заюшке въ чистомъ полѣ высказывалъ,
Не горностаюшка выплывалъ,
Выѣзжалъ тамъ доброй мѣлодець
Михаило Пѣтныкъ сынъ Ивановичъ“¹⁾.

Или: „Не бѣленкой крѣчетокъ выпархивалъ,
Не ясенъ соколичокъ вылетывалъ,
Выѣзжалъ удалъ дородній добрый молодець,
По прованію Чурилушко сынъ Плигновичъ“²⁾.

Или: „Ай не волна ли какъ на мори расходилоск,
Ай не сине море всколбалоск,
Ай взволновался да, вѣдь, Калинь царь“³⁾.

Примѣромъ одновременности можетъ служить:

„Когда возсіало солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мѣлодый Вольга
Мѣлодый Вольга Святославовичъ“⁴⁾.

Любопытно, что этотъ зачинъ, кажется, довольно поздняго происхожденія, усвоенъ многимъ пѣснямъ про Ивана Грознаго:

„Ай когда жде возсіало солнце красное,
А на томъ было на небушкѣ на ясномъ,
Какъ въ ты пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ“⁵⁾.

Вс. Миллеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Гильф., № 39.

2) Гильф., № 242.

3) Гильф., № 69.

4) Гильф., №№ 156, 195; ср. №№ 15 и 91.

5) Гильф., № 13; срав. №№ 25, 129, 153 (=Рыбн., т. I. стр. 65), 209.

Очерки провинціальной жизни.

Законодатель, предоставивъ земскимъ начальникамъ право замѣнять тѣлесное наказаніе штрафомъ или арестомъ, имѣлъ въ виду уменьшить примѣнимость этого наказанія. Въ сожалѣнію, такое благое намѣреніе законодателя весьма часто оставляется безъ вниманія. Съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ примѣненіе тѣлеснаго наказанія мѣстами не только не уменьшилось, но даже усилилось. Въ нашихъ очеркахъ приводилось уже не мало оффиціальныхъ свидѣтельствъ этого факта. Сверхъ того удостовѣрено, что приговоры волостныхъ судовъ къ тѣлесному наказанію находятся подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ земскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ, за одну и ту же вину, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, можно подвергнуться существенно-различнымъ наказаніямъ, смотря по тому, въ какомъ земскомъ участкѣ совершено преступленіе. Гдѣ земскій начальникъ не симпатизируетъ розгамъ, тамъ онѣ или совсѣмъ не примѣняются волостными судами, или примѣняются весьма рѣдко; гдѣ же обрѣтается начальникъ съ наклонностью съчь, тамъ тѣлесныя наказанія въ полномъ ходу. Слѣдовательно, наказаніе это является уже не *кароръ закона*, а представляетъ собою нѣчто вродѣ *вотчиннаго права помѣщика*, существовавшаго въ крѣпостной Россіи. Уже одно это обстоятельство, помимо моральныхъ соображеній, говоритъ за необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія. Въ печати сообщалось достаточно случаевъ, указывающихъ, что это позорное наказаніе примѣняется нерѣдко къ лицамъ безусловно порядочнымъ. Мы уже приводили весьма характерное заявленіе по этому предмету въ чистопольскомъ земскомъ собраніи гласнаго Васякина. Въ качествѣ волостнаго судьи, гласному приходилось не только читать такія явленія, когда наказаніе розгами у сельскихъ воротилъ шло средствомъ не допускать на общественныя должности чѣмъ-либо изъ однихъ и непріятныхъ имъ лицъ, которыя, однако, были лучшими людьми деревни. О томъ же разсказывается въ *Замѣткахъ и наблюденіяхъ волостнаго писаря*, печатающихся теперь въ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. По словамъ автора замѣтокъ, среди новаго поколѣнія деревни въ послѣднее время начинаютъ появляться лица, которыя съ

особенною силой выступают на защиту общественных интересов от посягательства на них со стороны волостных воротилъ. Отношенія обѣихъ группъ при этомъ значительно обостряются, и вотъ тутъ-то нерѣдко и появляются на сцену розги. Недавно, напримѣръ, въ числѣ выборныхъ на волостной сходъ находился одинъ «хорошо грамотный», какъ говорятъ крестьяне. Сходъ видитъ въ немъ разумнаго руководителя и стойкаго защитника интересовъ волости. «Хорошо грамотный» на сходѣ всегда впереди; онъ стоитъ ближе всѣхъ къ столу и слѣдитъ за работою писаря, провѣряя, по просьбѣ схода, его счеты и вычеты. Писаря это сильно коробитъ, да и старшинѣ не по вкусу. И вотъ старшина съ писаремъ творять совѣтъ и рѣшаютъ подвести неудобную личность подъ судъ, а судъ, известное дѣло, свой человѣкъ. Поводы всегда найдутся: не снялъ за двѣрями шапки, входя въ волостное правленіе, возвысилъ голосъ на сходѣ, выругалъ сосѣда и т. п.,— все это будутъ законные поводы для привлеченія къ отвѣтственности, если эта отвѣтственность желательна волостнымъ заправиламъ. Въ данномъ случаѣ была продѣлана слѣдующая штука. Пишется приказъ старостѣ: «Немедленно явиться въ волостное правленіе вмѣстѣ съ настоящимъ приказомъ». Приказъ былъ надорванъ посредникъ и слегка подклеенъ. Получивъ приказъ, староста, какъ неграмотный, понесъ его для прочтенія къ «хорошо грамотному». Тотъ принялся читать приказъ, вода по строкамъ пальцемъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ крестьяне при чтеніи. Попалъ палецъ въ то мѣсто приказа, гдѣ онъ былъ надорванъ, и образовалась дыра. По крайней мѣрѣ, такъ рассказываютъ. Черезъ недѣлю грамотникъ стоялъ уже передъ волостнымъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго за порчу казенной бумаги—«документа», и волостной судъ безъ дальнихъ околичностей приговорилъ его къ тѣлесному наказанію въ 10 ударовъ. Приведа еще другой подобный же случай, когда волостное начальство умышленно подвело подъ розги крестьянина, учившагося въ уѣздномъ училищѣ и толково и добросовѣстно ведшаго дѣла крестьянъ въ волостномъ судѣ, авторъ замѣчаетъ, что подобныхъ случаевъ не мало, когда наказаніе розгами служитъ для достиженія чисто-личныхъ низменныхъ дѣлей волостныхъ заправилъ и падаетъ позорнымъ пятномъ на лучшіе, болѣе дѣятельные и живые элементы деревни.

Далѣе, авторъ замѣтокъ присоединяется къ голосу всѣхъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что не видѣли ни одного случая, когда бы розги исправили порочнаго человѣка, тогда какъ въ деревенской жизни заурядъ встрѣчаются факты, ясно свидѣтельствующіе о томъ, что человѣкъ, сравнительно хороший и порядочный, но почему-либо понесшій наказаніе розгами, понижается нравственно, опускается; его достоинство, какъ человѣка, падаетъ и въ его собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ его односельчанъ. А то, что унижаетъ человѣка, не можетъ служить къ исправленію его при отвѣтственности. Въ средѣ самихъ крестьянъ за тѣлесное наказаніе стоятъ, главнымъ образомъ, старики, люди старыхъ понятій, перенесшіе гнетъ вѣкового права. Но теперь уже выступаетъ на сцену новое поколѣніе, ко-

рое, въ громадномъ большинствѣ, совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло. Особенно это рѣзко сказывается въ молодыхъ людяхъ, побывавшихъ въ народной школѣ. И всего печальнѣе то, что именно эти люди, въ силу исключительныхъ условій захолустной жизни, нерѣдко подвергаются опасности очутиться подъ розгами.

Въ послѣднее время вопросъ объ отмиѣнѣ тѣлеснаго наказанія, можно сказать, не сходитъ съ очереди и составляетъ предметъ ходатайствъ земскихъ собраній и другихъ общественныхъ группъ. Ходатайствовало объ этомъ и черниговское земство. Въ отвѣтъ на такое ходатайство черниговскою земскою управою полученъ отвѣтъ губернатора, отъ 21 іюля 1895 г., слѣдующаго содержания: «Г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что по обсужденіи постановленія черниговскаго губернскаго земскаго собранія, въ коемъ послѣднее, высказавъ пожеланіе объ общей отмиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ нихъ воспитанниковъ начальныхъ школъ, получившихъ свидѣтельство объ окончаніи училищъ,—его высокопревосходительство нашель, что возбужденный земствомъ вопросъ, имѣющій общегосударственное значеніе, выходитъ изъ предѣловъ вѣдѣнія, предоставленнаго по законамъ учрежденіямъ, коимъ ввѣрено завѣдываніе лишь кѣстными нуждами и пользами и возбужденіе предъ правительствомъ ходатайствъ, до нихъ относящихся. Поэтому, признавая означенное ходатайство незаслуживающимъ уваженія, его высокопревосходительство просилъ меня поставить о семъ въ извѣстность черниговское губернское земство и о послѣдующемъ сообщить своевременно министерству для дальнѣйшаго, если окажется нужнымъ, направленія дѣлъ по изъясненному предмету въ порядкѣ, установленномъ высочайше утвержденнымъ 7 іюля 1867 г. положеніемъ комитета министровъ». Такимъ образомъ, хотя г. министръ признаетъ ходатайство объ отмиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній выходящимъ изъ круга вѣдѣнія земства, онъ, однако, самъ указываетъ на то, что, въ случаѣ надобности, собраніе можетъ направить рѣшеніе этого вопроса въ порядкѣ законоположеній 7 іюля 1867 г. Законоположеніе это дѣлаетъ обязательнымъ, чтобы «о всѣхъ оставляемыхъ безъ послѣдствій ходатайствахъ губернскихъ земскихъ собраній подлежащими министерствами, до увѣдомленія о томъ собраній, представляемо было комитету министровъ». Собранію, слѣдовательно, будетъ предстоить въ очередную сессію нынѣшняго года рѣшить, исчерпывается ли вопросъ разъясненіемъ г. министра, или онъ еще долженъ быть направленъ въ комитетъ министровъ.

При обсужденіи правительствомъ вопроса объ отмиѣнѣ тѣлеснаго наказанія, имъ, несомнѣнно, будетъ обращено вниманіе на произведенныя оффиціальныя изслѣдованія, которыя показали тѣсную зависимость количества тѣлесныхъ наказаній отъ личныхъ взглядовъ земскихъ начальниковъ. Въ однихъ земскихъ участкахъ розга расточается, въ другихъ она совсѣмъ не употребляется. Одинъ изъ такихъ земскихъ начальниковъ, которые никогда не допускаютъ примѣненія розги въ подвѣдомственныхъ имъ участкахъ, а именно земскій начальникъ въ Смоленской губерніи, г. Черновъ

издать на днях книжку *Изъ волостной юстиции*, съ цѣлью воздѣйствовать на своихъ товарищей, убѣдить ихъ въ бесполезности розги, какъ орудія репрессіи, поощрить ихъ къ широкому пользованію предоставленнымъ имъ по закону правомъ замѣны тѣлеснаго наказанія, налагаемаго волостнымъ судомъ. *Юридическая Газета*, отмѣчая появленіе книги г. Чернова, съ большою симпатіей относится къ тѣмъ юридическимъ соображеніямъ автора книги, которыми онъ доказываетъ, что изгнавъ розгу изъ практики подвѣдомственныхъ ему волостныхъ судовъ, онъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи и единеніи съ волей законодателя. Эта воля раскрывается передъ авторомъ книги въ постепенномъ служеніи области господства розги, составляющемъ характерный фактъ нашего законодательства за послѣдніи десятилѣтія. Выяснивъ тенденцію законодателя къ изытію тѣлеснаго наказанія изъ судебного обихода, г. Черновъ утверждаетъ затѣмъ, что законъ 12 іюля 1889 г. представляетъ новый шагъ на пути дальнѣйшаго сокращенія и упраздненія режима розги. Не даромъ, по его мнѣнію, розга была отнята изъ рукъ мужиковъ и распоряженіе ею вручено всецѣло земскимъ начальникамъ, въ предположеніи, что они, какъ люди изъ образованнаго класса, проникнуты болѣе крестьянской массы уваженіемъ къ личному достоинству и отвращеніемъ къ безчестью, особенно въ грубо-физическихъ его проявленіяхъ. При этомъ земскому начальнику дано только право безусловнаго *вето* противъ розги, а отнюдь не право замѣны другого наказанія розгой, что приводитъ автора къ слѣдующему заключенію: законодатель, затрудняясь въ выборѣ средствъ для упраздненія розги, но нарушая постепенности своихъ дѣйствій, вручилъ въ 1889 г. окончаніе своей задачи (а задача эта состоитъ въ совершенномъ изгнаніи розги) земскимъ начальникамъ, роль которыхъ заключается именно въ томъ, чтобы бороться со слѣдами крѣпостничества, сохранившимися кое-гдѣ въ крестьянской средѣ и выражающимися во влеченіи «стариковъ» къ розгѣ. Розга, — таковъ выводъ г. Чернова, — это — «переживаніе» въ нашемъ правѣ, оставленное вслѣдствіе боязливости передъ такимъ шагомъ, какъ полное и повсемѣстное его упраздненіе. Но жизнь рѣшительно не мирится съ этимъ мертвымъ остаткомъ старины и требуетъ его изгнанія и изъ послѣдняго убѣжища, куда позволилъ ему скрыться духъ законодательнаго оппортинизма.

Можетъ быть, земскихъ начальниковъ съ воззрѣніями г. Чернова было бы и больше, еслибъ образовательный цензъ для этой должности былъ выше. Газета *Вятскій Край* сдѣлала недавно сопоставленіе между мировыми судьями и земскими начальниками, замѣнившими первыхъ. Судьи съ образованіемъ ниже средняго были лишь рѣдкимъ исключеніемъ, земскихъ же начальниковъ съ такимъ образованіемъ болѣе 31%, а съ высшимъ образованіемъ всего 23%. Прежде громадное большинство мировыхъ судей во всѣхъ уѣздахъ губерніи состояло вмѣстѣ съ тѣмъ и земскими гласными, почти поголовно всѣ были попечителями народныхъ школъ, а въ городахъ состояли городскими гласными, избирался въ разныя почетныя

должности и проч. Ныпѣ изъ 93 земскихъ начальниковъ Вятской губерціи только три состоятъ земскими гласными и менѣе половины (41) избраны въ попечители школъ.

Малый образовательный цензъ, требуемый отъ земскихъ начальниковъ, въ связи съ большою властью ихъ надъ крестьянскою массою и крайне неопредѣленнымъ формулированіемъ ихъ правъ и обязанностей повелѣлъ къ тому, что крестьянское населеніе нерѣдко находитъ въ земскихъ начальникахъ не защитниковъ себѣ, какъ то имѣлъ въ виду законодатель, а похитителей его правъ и разрушителей его благосостоянія. Не прерываются сообщенія провинціальной печати о такихъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ. Вотъ, наприимѣръ, новый фактъ, напечатанный въ *Самарскомъ Вѣстникѣ*. Въ одномъ изъ селъ Новоузенскаго уѣзда волостной сходъ постановилъ сдать принадлежащую обществу землю въ аренду и обратить полученныя за землю деньги на постройку земской школы. Но земскому начальнику болѣе нравилась постройка новаго волостного правленія. И вотъ онъ, собравъ крестьянъ на сходъ, приказалъ переимѣнить приговоръ въ томъ смыслѣ, что сдача земли должна послѣдовать на постройку не школы, а волостного правленія. Крестьяне не соглашались. Тогда земскій начальникъ распорядился, чтобы желающіе строить школу отошли направо, а желающіе волостное правленіе — налево. Крестьяне, сбившись въ бучу, не трогались съ мѣста. Какъ ни горячился земскій начальникъ, какъ ни кричалъ и ни грозилъ кутузкой и пр., — ничего не помогло. Крестьяне заявляли, что желаютъ имѣть школу. За непослушаніе начальству земскій начальникъ земскаго старосту арестовалъ на семь сутокъ, остальныхъ же крестьянъ, бывшихъ на сходѣ, оштрафовалъ по 6 рублей cadaго. Въмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать мужикамъ, что сила соломѣ ломить, земскій начальникъ приказалъ волостному старшинѣ назначить на землю торги, и общественная земля была приобрѣтена волостнымъ старшиной и его родственниками. Такъ и остался въ бездѣйствіи приговоръ о постройкѣ школы.

Странныя бываютъ иногда рѣшенія губернскихъ присутствій при разборѣ или жалобъ крестьянъ на правонарушенія земскихъ начальниковъ. Въ бѣлужевскомъ волостномъ судѣ, какъ сообщаютъ въ *Недѣлю* изъ Петровскаго уѣзда, Саратовской губ., былъ предъявленъ искъ Плясуновыхъ къ Ежину по роспискѣ около 200 руб. Земскій начальникъ этого участка г. Языковъ потребовалъ отвѣтчика къ себѣ для объясненія. Ежинъ не явился своевременно, поэтому его притащили съ сотникомъ. Что произошло на этомъ объясненіи — неизвѣстно, но только Ежинъ выбѣжалъ съ разбитою физиономіей; его обмылъ сторожъ земскаго начальника и сотникъ тотчасъ же повелъ его въ кутузку на три дня. На дознаніи, по жалобѣ Ежина, земскій начальникъ г. Языковъ сознался, что нѣкоторыя дерзости Ежина такъ взбѣсили его, «что онъ ударилъ Ежина, а затѣмъ и подвергъ его по 61 ст. аресту за неисполненіе распоряженія о явкѣ». Журнальнымъ постановленіемъ саратовское губернское присутствіе признало, что по 61 ст. «земскій начальникъ имѣлъ право подвергнуть Ежина трех-

дневному аресту за неисполненіе его требованія о явкѣ къ нему, что же касается оскорбленія дѣйствіемъ, то дѣяніе это, не отрицаемое земскимъ начальникомъ, составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 347 ст. улож. о нак., не влекущій за собою преданія суду за силою IV отд. 1 п. всеобщаго вѣдѣнаго манифеста», почему уголовного преслѣдованія не возбудило. Въ жалобѣ на это г. министру внутреннихъ дѣлъ Ежкинъ справедливо указываетъ, что въ побояхъ, кромѣ проступка по должности, есть еще и нарушеніе его, Ежкина, права, какъ частнаго лица; что состояніе обидчика въ должности лишь усугубляетъ вину и измѣняетъ подсудность, но не измѣняетъ правъ частнаго лица на преслѣдованіе обидчика, кто бы таковымъ ни былъ, ибо противное было бы несогласнымъ съ принципомъ неприкосновенности личности, и что правъ частныхъ лицъ не уничтожалъ ни одинъ изъ изданныхъ доселѣ манифестовъ. Надо думать, что губернскае присутствіе постановило вышеуказанное рѣшеніе потому, что въ побояхъ, нанесенныхъ земскимъ начальникомъ крестьянину, не видѣло оскорбленія послѣдняго, не видѣло нарушенія правъ частнаго лица. Это одинъ изъ безчисленныхъ фактовъ переживанія стараго, крѣпостническаго порядка вещей.

О необходимости организовать защиту юридическихъ правъ сельскаго населенія, о необходимости учредить крестьянскую адвокатуру говорятъ уже давно, но дѣло это все еще не двигается далѣе словъ. У полтавскаго земства была хорошая мысль устроить изъ своей среды сельскія попечительства для защиты крестьянскихъ интересовъ; почему-то мысль эта не получила правительственнаго утвержденія. Но такъ или иначе, а надо организовать защиту правъ и интересовъ крестьянской массы. Жизнь вопіетъ объ этомъ. Въ рѣдкомъ изъ нашихъ очерковъ не приходится указывать яркіе факты крестьянской безпомощности. По этому предмету читаешь нерѣдко удивительные казусы. Вотъ, наприимѣръ, что сообщаютъ въ *Недѣлю* изъ деревни Бѣлива, Богородскаго уѣзда, Московск. губ. Какъ извѣстно, выкупные платежи съ крестьянъ понижены еще высочайшимъ указомъ отъ 28 декабря 1881 года, но крестьянъ деревни Бѣлива эта высочайшая милость не коснулась, — съ нихъ еще много лѣтъ брали выкупные платежи въ прежнемъ размѣрѣ и остатки отъ взносовъ въ казначейство старосты, вмѣстѣ съ кулаками-прихлебателями, дѣлили по своимъ карманамъ. Съ этою же деревней приключился и такой случай. За крестьянами деревни накопилась недоимка по уставной грамотѣ съ княгиней Туркестановой въ размѣрѣ 3,402 р. Въ 1880 г., по распоряженію губернской администраціи, приняты были понудительныя мѣры ко взысканію этой недоимки. Въ деревню Бѣлино командированъ былъ для «выколачиванія» недоимки приставъ 1-го стана, Богородскаго уѣзда, Н. А. Протопоповъ съ нѣсколькими урядниками. Они прожили въ деревнѣ четыре дня, уводили своть со двора, перетряхивали крестьянскій скарбъ и наколотили до 2½ тысячъ руб. ей. Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Въ юнѣ 1888 года, въ деревню Бѣлино, по распоряженію губернатора, является приставъ 1-го стана Саляевъ и предъявляетъ неотложное требованіе объ уплатѣ снова этой недоимки опять въ

полномъ размѣръ 3,402 рубля. При неуплатѣ долга приставу предписано было подвергнуть описи крестьянское имущество. Мужики ссылались на то, что недонка эта выколочена съ нихъ въ 1880 году приставомъ Протопоповымъ, который «гостилъ» у нихъ съ урядниками почти недѣлю, и это «угощеніе» полицейскихъ чиновъ старостою Дмитріемъ Батулинымъ поставлено обществу въ счетъ въ 36 р. 40 к. Уплата доказывалась платажными книжками крестьянъ, но куда дѣвались собранныя съ крестьянъ деньги—они не знаютъ. Обо всемъ этомъ приставъ Саляевъ составилъ протоколъ и донесъ губернатору. Въ административномъ порядкѣ взысканіе этой недонки приостановлено; мужикамъ уѣздныя власти посоветовали искать пропавшія деньги съ бывшаго старосты Д. Батулина и пристава Протопопова, и даже любезно при этомъ сообщили, гдѣ именно состоитъ на службѣ въ данную минуту приставъ Протопоповъ. Тѣмъ не менѣе, княгиня Туркестанова предъявила, все-таки, взысканіе съ крестьянъ по суду. И неизвѣстно, чѣмъ кончится это дѣло.

О беззащитномъ положеніи крестьянъ въ судебныхъ дѣлахъ пермскій корреспондентъ *Волжскаго Вѣстника* пишетъ слѣдующее. Случайно мнѣ попала въ руки бумага, написанная на полулистѣ, въ формѣ прошенія, твердымъ и увѣреннымъ почеркомъ и подписанная безграмотно, каракулями. Вотъ ея содержаніе дословно: «Въ пермское отдѣленіе государственнаго банка. Покорнѣйше прошу предъявителя сего *прочитать по шеп*, такъ какъ онъ предъявлялъ для размѣна 1 руб. кредитными билетами—1895 г., іюня 22 дня». Подпись: «*Михало Левотевъ Коробениковъ*». Ниже приписка: «Жит. Воробьевской волости, деревни Хохматъ, Оханскаго уѣзда». Судя по почерку, авторомъ такого оригинальнаго прошенія оказывается мѣстный ходатай, который сидитъ обыкновенно въ трактирахъ или около присутственныхъ мѣстъ и ловитъ крестьянъ, нуждающихся въ грамотномъ человѣкѣ. Если ему будетъ заплачено порядочно, то прошеніе, все-таки, выйдетъ если не дѣльно составленное, то хотя, по крайней мѣрѣ, приличное по формѣ. А если у мужика не найдется требуемой ходатаемъ суммы, то, получивъ что есть, онъ не стѣсняясь, пишетъ прошеніе, вродѣ приведеннаго. И это случается нерѣдко. Безграмотный проситель, не чувствуя подвоха, идетъ въ нужное ему присутственное мѣсто, подаетъ прошеніе, которое, всего чаще, вызываетъ одинъ смѣхъ. Не мудрено, что крестьяне не успеваютъ добиться защиты своихъ законнѣйшихъ правъ и проигрываютъ вѣрнѣйшія дѣла. Не такъ давно довѣренные отъ 4 сельскихъ обществъ Красноуфимскаго уѣзда обратились къ одному подобному адвокату въ Перми взять на себя веденіе ихъ дѣла, весьма серьезнаго и важнаго (эпильнаго). Тотъ взялся, сорвалъ съ мужиковъ по 25 руб. и написалъ 4 прошенія. Прошенія оказались составленными настолько безъ знанія дѣла, что, несмотря на всю правоту его, оно было проиграно въ первой инстанціи. Крестьяне обратились къ другому «ходатаю». Этотъ, получивъ всю четвертную, написалъ жалобу на рѣшеніе присутственнаго мѣста, въ которой никакихъ мотивовъ не привелъ, а написалъ только, что по

мотивамъ, изложеннымъ въ первой жалобѣ, онъ просить рѣшеніе отиѣнить, — только и всего. И вотъ дѣло опять уже безповоротно проиграно. А дѣло было совершенно правое и по существу, и по закону.

Приведемъ еще весьма яркій и весьма типичный фактъ мужицкой безпомощности, о которомъ сообщаютъ въ *Саратовскую Газету* изъ Казанскаго уѣзда. Лѣтомъ, четыре года назадъ, пріѣхалъ въ деревню Займище земскій начальникъ, собралъ сходъ и объявилъ, что возлѣ самой деревни, по полямъ займищенскихъ крестьянъ; долженствуетъ пройти московско-казанская желѣзная дорога, что для ея проведенія немедленно начнутся изысканія наиболѣе удобнаго пути, что работы будутъ производиться на крестьянскихъ нивахъ и что ежели хозяева этихъ нивъ заартачатся и вздумаютъ сопротивляться, то будутъ приняты мѣры. Затѣмъ, на займищенскихъ поляхъ появился инженеръ съ рабочими и потребовалъ, чтобы полусозрѣвшая нива была немедленно скошена. Очумѣли мужики; пошли они къ инженеру и стали упрашивать его смиловаться и не губить ихъ зеленой нивы. Инженеръ нивы не скосилъ, но сталъ съ рабочими ходить вдоль и поперекъ полей и топтать мужицкое добро. Кто-то надумалъ мужиковъ, что за убытки они могутъ трбовать вознагражденія. Мужики идутъ къ инженеру, тотъ предлагаетъ имъ на ведро воды. Мужики не соглашаются, приглашаютъ «понятыхъ» изъ сосѣдней деревни. Всѣ согласны на томъ, что стоптанное добро стѣбитъ около сотни цѣлковыхъ. Но волостной старшина началъ почему-то уговаривать займищенскихъ принять отъ инженера 12 р., и какъ-то случилось такъ, что истцы получили отъ инженера только эту сумму. Затѣмъ, мужиковъ извѣстили, что часть ихъ полей должна отойти подъ полотно новой желѣзной дороги и что имъ предлагается назначить цѣну экспроприруемой земли. Надѣлъ у займищенскихъ крестьянъ небольшой—всего по одной десятинѣ въ полѣ. Сверхъ того, представилось еще одно важное затрудненіе. Подъ полотно дороги требуется лишь 22 десятины; но ежели уступить только это количество, то за полотномъ останется польце, размѣромъ въ 33 десятины, куда ѣздить пришлось бы черезъ чужія владѣнія и гдѣ нельзя будетъ пасты скотъ. Ежели уступать, то уступить и это польце. И рѣшили мужики передать обществу желѣзныхъ дорогъ всѣ 55 дес. Послѣ разныхъ соображеній и справокъ займищенское общество составило приговоръ о передачѣ московско-казанской желѣзной дорогѣ указаннаго количества земли по 250 руб. за десятину.

Прошло немного времени, и у займищенскихъ крестьянъ отрѣзали 22 десятины лучшей, издавна удобряемой земли. Два года послѣ того строили дорогу; два уже года возить чугуна людей и товары. Четыре года какъ земледѣльцы не обрабатываютъ отрѣзаннаго поля, уплачивая, однако, за него податныя повинности; *но желѣзно-дорожное общество и до сихъ поръ не уплатило крестьянамъ и одного рубля за ихъ кровную землю.* Займищенскіе же крестьяне имѣютъ самыя темныя представленія о судьбѣ капитала, который они должны получить за отрѣзанный участокъ. Откуда-то слышали мужики, что желѣзно-дорожное общество изъявило согласіе

платить лишь по 140 руб. за десятину, что дѣло «не знай въ Питерѣ, знай въ окружномъ судѣ, а можетъ быть и въ земствѣ»... Ходоки являлись нѣсколько разъ и у исправника, и у земскаго начальника; поняли быстро то, что ихъ деньги не пропадутъ и что на нихъ растутъ даже проценты. Но гдѣ эти деньги, сколько ихъ, — этого мужики не знаютъ. Еще знали мужики отъ начальства, что деньги имъ на руки не отдадутъ, а что они должны подыскивать для покупки соответствующій цѣною участокъ. Ходоки представляли начальству тотъ резонъ, что, не имѣя на рукахъ ни документа, ни денегъ, они не могутъ купить земли. Не вняло ли тому начальство, или не нашлось, что отвѣтить, только мужики другого свѣта не получали. И вся деревня тревожится о судьбѣ капитала, и никто не знаетъ изъ займищенскихъ жителей, гдѣ деньги, какъ ихъ искать, что предпринять... Являлся ужь какой-то «облакатъ», который успѣлъ «сорвать» съ мужиковъ нѣсколько рублей. Желѣзно-дорожное общество приняло за себя лишь 22 дес., отказавшись отъ другого участка. Этимъ фактомъ содѣлалось слѣдующее положеніе для деревни Займища: во-первыхъ, на польде, оставшееся за полотномъ дороги, приходится ѣздить черезъ чужія владѣнія, и, можетъ быть, владѣльцы откажутъ въ проѣздѣ; во-вторыхъ, польде лишилось удобрения, которое давалось скотомъ, а скотъ лишился настибша. Желѣзно-дорожное общество устроило лишь одинъ прогонъ черезъ полотно. Населеніе дер. Займища ходатайствовало объ устройствѣ другого прогона, чтобы скотъ можно было прогонять въ польде, но желѣзно-дорожники въ этомъ отказали.

Въ защитѣ нуждается нашъ поселянинъ; нуждается онъ въ школахъ, въ образованіи. Пока у насъ лишь 8% сельскаго населенія грамотные, — надо создать органы для защиты его правъ и интересовъ, подобно тому какъ созданы фабричныя инспектора для защиты заводскаго и фабричнаго населенія. Но когда будутъ учреждены школы повсемѣстно и народу не будетъ отказа въ обученіи, когда сельское населеніе станетъ грамотнымъ и знающимъ свои права, тогда устранится и необходимость въ органахъ для защиты его правъ и интересовъ. Много правды въ словахъ Жюль Симона, что «народъ, который имѣетъ самыя лучшія школы, непременно сдѣлается, если не сегодня, то завтра, первенствующимъ народомъ въ мірѣ». А у насъ дѣло еще идетъ не о лучшихъ школахъ, а только о распространеніи хотя одной грамоты. Недавно вышедшая книга г. фонъ-Кауфмана *Государственные и мѣстные расходы мавнѣйшихъ европейскихъ странъ* снова напоминаетъ нашу чрезмѣрную отсталость отъ Западной Европы въ дѣлѣ народнаго образованія. На народныя школы расходуется:

	На жителя марокъ.	% всѣхъ госуд. и мѣстн. расходовъ.
Въ Пруссіи	5,91	6,39
» Великобританіи	5,83	7,06
» Франціи	5,18	5,47
» Австріи	2,77	4,21
» Италіи	1,64	2,74
» Россіи	0,58	2,04

Слѣдовательно, на элементарное образованіе мы тратимъ въ десять разъ меньше, нежели тратится на тотъ же предметъ въ Пруссіи и Великобританіи, въ 9 разъ меньше Франціи, въ 5 разъ меньше Австріи и въ 3 раза меньше Италіи. Японія, которая, такъ сказать, лишь вчера приобщилась къ европейской культурѣ, имѣетъ населенія въ четыре раза меньше нашего, а расходуетъ на народныя школы почти столько же, сколько мы, — обширнѣйшая монархія съ 120 милліонами населенія.

Кажется, теперь уже никто, кромѣ *Гражданина*, не сомнѣвается въ пользѣ распространенія въ народѣ образованія. Если же государство продолжаетъ удѣлять на народное просвѣщеніе лишь небольшую долю своего бюджета, то оправданіемъ этому приводится недостатокъ свободныхъ средствъ. Но согласиться съ этимъ нельзя. Находятся же у насъ средства на постройку все новыхъ и новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. А, вѣдь, увеличеніе количества школъ не менѣе важно, чѣмъ расширеніе желѣзнодорожной сѣти. Помимо нравственныхъ соображеній, уже съ одной чисто бухгалтерской точки зрѣнія расходъ на образованіе есть наиболѣе производительный, такъ какъ многими точными изслѣдованіями съ чрезвычайною наглядностью показано, какъ сильно выростаетъ успѣшность труда отъ увеличенія образованія въ народѣ. Съ распространеніемъ образованія уменьшается — и уменьшается въ большихъ цифрахъ — расходъ государства на тюрьмы. «Тотъ, кто открываетъ школу, закрываетъ тюрьму», — сказалъ В. Гюго. Насколько справедливы эти слова, читатель найдетъ хорошее поясненіе въ переведенной недавно книгѣ Джона Леббока *Какъ надо жить*. 1870 годъ, — говоритъ авторъ книги, — когда прошелъ въ парламентѣ образовательный актъ, былъ самою важной эпохой въ общественной исторіи Англіи. До изданія акта число дѣтей въ англійскихъ начальныхъ школахъ было 1.400,000; теперь ихъ болѣе 5.000,000. Какія же это дало послѣдствія? Возьмемъ сперва уголовную статистику. До 1870 г. число заключенныхъ въ тюрьмахъ выказывало склонность къ повышенію; въ этомъ году общее число ихъ было 20,800. Съ тѣхъ поръ оно постоянно убывало, и теперь ихъ только 13,000. Слѣдовательно, въ круглыхъ числахъ, оно уменьшалось на одну треть. Но мы должны помнить, что населеніе постоянно возростало и съ 1870 г. прибавилось на одну треть. Если бы число преступниковъ увеличивалось въ томъ же отношеніи, то ихъ было бы 28,000 вмѣсто 13,000, т.-е. болѣе чѣмъ вдвое. Въ такомъ случаѣ на полицію и тюрьмы пришлось бы израсходовать, по крайней мѣрѣ, 8.000,000 ф. стер. вмѣсто 4.000,000. Относительно малолѣтнихъ преступниковъ замѣчается убыль еще болѣе благопріятная. Въ 1866 г. число несовершеннолѣтнихъ, обвинявшихся въ наказуемыхъ проступкахъ, было 10,000, въ 1876 г. оно упало до 7,000, въ 1881 г. — до 6,000 и, согласно послѣднимъ цифрамъ, какія автору удалось добыть, до 5,100. Такимъ образомъ, несмотря на приростъ населенія, восемь англійскихъ тюремъ оказались уже ненужными и пригнѣнены для другихъ цѣлей.

За послѣднее время у насъ замѣтно растетъ сознаніе необходимости

ускорить ходъ распространенія образованія въ народной средѣ, сдѣлать начальное образованіе доступнымъ каждому. Надъ введеніемъ всеобщаго начального обученія работаютъ печать, земства, комитеты грамотности, а по слухамъ — и правительственные сферы. Мы убѣждены, что не долго осталось существовать тому порядку, когда изъ миллиарднаго бюджета на начальныя школы министерство народнаго просвѣщенія удѣляетъ лишь нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а весь остальной расходъ на начальныя школы падаетъ на земство. Отсюда и происходитъ такое явленіе, что хотя земства давно хлопчатъ о введеніи всеобщаго обученія, но осуществить его не могутъ, такъ какъ у нихъ не имѣется для этого средствъ и взять ихъ не откуда. Извѣстно, что необходимость всеобщаго обученія сознавалась земствомъ еще въ самые первые годы его существованія, и это сознаніе побудило въ то время цѣлый рядъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ высказаться въ пользу введенія обязательнаго обученія и возбудить въ этомъ смыслѣ ходатайства передъ правительствомъ. Изъ губернскихъ земствъ, такъ отнесшихся къ этому вопросу въ концѣ шестидесятыхъ и первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, можно назвать московское, полтавское, владимірское, олонепцкое, херсонское, екатеринславское, вятское, черниговское и воронежское. Перечень уѣздныхъ земствъ, высказавшихся за всеобщее обученіе, оказался бы значительно длиннѣе. Теперь, снова, большинство земскихъ собраній ходатайствуетъ о томъ, чтобы въ этомъ великомъ общегосударственномъ дѣлѣ земство не было предоставлено исключительно своимъ силамъ, чтобы къ нему на помощь пришло государство, удѣливъ изъ своего громаднаго бюджета нѣкоторую долю на нужды начального народнаго образованія. Надо поставить дѣло всеобщаго обученія, — какъ справедливо замѣчаетъ *Недѣля*, — *очереднымъ* вопросомъ, какими были прежде крестьянскій вопросъ, желѣзныя дороги или общая воинская повинность. Необходимо было бы, — продолжаетъ газета, — безотлагательно приступить къ составленію плана дѣйствій; необходимо привести въ извѣстность наличное число школъ и размѣръ ихъ районовъ; необходимо опредѣленіе той массы населенія, которая нуждается въ новыхъ школахъ, выводъ размѣра необходимыхъ учебныхъ средствъ и ихъ стоимости, опредѣленіе общей суммы расходовъ на это дѣло и той постепенности умноженія школъ, при которой каждый годъ давалъ бы ощутительный приростъ народнаго обученія, быстро приближающій къ намъ обращеніе грамотности въ общее достояніе. До сихъ поръ народное обученіе велось и ведется почти всецѣло на средства земства. Такая постановка дѣла вполнѣ неправова. Не говоря о томъ, что размѣры земскихъ бюджетовъ и вообще-то слѣшкомъ ограничены, но имѣется не мало и такихъ земствъ, которыя не то, что не въ состояніи открывать новыя школы, но съ трудомъ поддерживаютъ и существующія. Народное образованіе необходимо требуетъ помощи государственнаго бюджета, и эта помощь, между прочимъ, могла бы выражаться въ умноженіи министерскихъ школъ. Пусть школы земскія и министерскія дѣйствуютъ параллельно, и гдѣ земскіе бюджеты особенно малы,

тамъ недостатокъ земскихъ школъ можетъ пополняться министерскими школами. И при такомъ положеніи дѣла останется еще много работы для частной инициативы. Изданіе книгъ и распространеніе ихъ въ народной средѣ, устройство библиотекъ, читаленъ, книжныхъ складовъ, организація народныхъ чтеній—все это внѣшкольное образованіе составитъ, по преимуществу, предметъ заботъ интеллигенціи, готовой служить народнымъ интересамъ.

Помимо введенія всеобщаго обученія, въ сферѣ народной массы имѣется много еще насущнѣйшихъ нуждъ, которыя, по скудости земскихъ средствъ, останутся неудовлетворенными. Объ этихъ нуждахъ говоритъ обстоятельный *Докладъ коммисіи по народному образованію*, представленный послѣднему очередному саратовскому губернскому земскому собранію. Въ этомъ докладѣ прослѣжены всѣ главные моменты изъ исторіи дѣятельности по народному образованію какъ саратовскаго, такъ и другихъ губернскихъ земствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи историческаго опыта, освѣщенъ весьма важный вопросъ о томъ, *какъ должна быть раздѣлена работа по просвѣщенію народа между губернскими и уѣздными земствами*. Вопросъ этотъ, постоянно возникающій на земскихъ собраніяхъ, разрѣшается, по нашему мнѣнію, вполне правильно упомянутымъ докладомъ. Докладъ указываетъ на слѣдующія важныя нужды современнаго состоянія народнаго образованія: 1) недостаточность существующихъ школъ для удовлетворенія уже назрѣвшей въ народѣ потребности въ образованіи и неравномѣрное ихъ распредѣленіе по территоріи уѣздовъ; 2) необезпеченность на случай болѣзни и старости учащихъ лицъ и часто недостаточный размѣръ ихъ вознагражденія; 3) крайняя тѣснота школьных помѣщеній и несоответствіе ихъ устройства требованіямъ школьной гигиены; 4) крайняя бѣдность школъ книгами для внѣкласснаго чтенія учениковъ; 5) слабое развитіе сельско-хозяйственнаго и ремесленнаго образованія; 6) недостаточное развитіе внѣшкольныхъ способовъ распространенія знаній, какъ-то: народныхъ библиотекъ, народныхъ читаленъ, народныхъ чтеній, книжныхъ складовъ въ маленькихъ городахъ, селеніяхъ и на базарахъ для распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ. При рѣшеніи вопроса о томъ, говорится въ докладѣ, что въ дѣлѣ удовлетворенія указанныхъ нуждъ должно быть возложено на губернское земство и что на уѣздныя и въ какой формѣ должно проявиться участіе губернскаго земства въ удовлетвореніи этихъ нуждъ, нельзя исходить изъ какихъ-нибудь предвзятыхъ, апріорныхъ сужденій о роли губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Опытъ и исторія должны быть въ этомъ случаѣ единственными руководителями. Не надо забывать, что всѣ предъидущія формулы, опредѣлявшія роль губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія, возникали при извѣстныхъ обстоятельствахъ и соответствовали потребностямъ своего времени. Но, понимаемая независимо отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя ихъ вызвали къ жизни, онѣ скоро становились путями, только стѣснявшими свободное развитіе дѣятельности губернскаго земства. Жизнь выдвигаетъ безпрестанно новыя потребности,

и всякое рѣшеніе вопроса о способахъ ихъ удовлетворенія, какъ бы оно широко по данному времени ни было, будетъ рѣшеніемъ временнымъ, историческимъ, которое черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ оказаться узкимъ. Поэтому *единственно возможнымъ общимъ рѣшеніемъ вопроса будетъ признаніе обязанностью губернскаго земства содѣйствовать удовлетворенію всякой потребности народнаго образованія, неудовлетворяемой или недостаточно удовлетворяемой дѣятельностью уѣздныхъ земствъ или другихъ болѣе мелкихъ общественныхъ единицъ.*

Именно въ этомъ смыслѣ и рѣшается теперь большинствомъ губернскихъ земствъ вопросъ о раздѣленіи работы по просвѣщенію народа между губернскими и уѣздными земствами. Опытъ показалъ неправильность того пути, когда предполагали возможнымъ ограничиться поощреніемъ лишь такихъ мѣръ, которыя въ интересахъ школьнаго дѣла уже предприняты уѣздными земствами. Этотъ взглядъ на задачи и обязанности губернскаго земства формулировался слѣдующимъ образомъ: «Губернское земство должно приходить на помощь уѣздамъ только тогда, когда необходимость извѣстнаго мѣропріятія признана самимъ уѣзднымъ земствомъ и проведеніе его, хотя въ небольшихъ размѣрахъ, уже начато на средства уѣзда. Последнее должно служить для губернскаго земства ручательствомъ въ томъ, что это мѣропріятіе вызывается дѣйствительной потребностью уѣзда, а не является навязаннымъ ему со стороны». Но жизненный опытъ показалъ, что врученіе дѣла начальнаго образованія всецѣло инициативѣ уѣздовъ повело къ крайней неравномѣрности его развитія: въ однихъ уѣздахъ дѣло поставлено лучше, другіе значительно отстали. Вслѣдствіе этого теперь почти всѣ губернскія земства приходятъ съ моральной и матеріальной помощью уѣздамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны послѣднихъ замѣтно мало почина; и благодаря этому дѣло развитія народнаго образованія пошло и быстрѣе, и равномѣрнѣе.

Ростъ просвѣтительнаго движенія въ обществѣ, которымъ характеризуется переживаемое нами время, проявляется въ непрерывающейся работѣ частныхъ лицъ и кружковъ надъ учрежденіемъ народныхъ бібліотекъ, читаленъ, народныхъ чтеній, надъ изданіемъ книгъ и распространеніемъ ихъ въ народной средѣ. Изъ массы извѣстій этого рода мы приводимъ только нѣкоторыя, или наиболѣе характерныя, или значительныя по своимъ размѣрамъ. Вотъ, напримѣръ, типическая картинка успѣшнаго хода народныхъ чтеній, о которой сообщаютъ въ *Русскія Вѣдомости* изъ Ярославля. Прошло уже нѣсколько лѣтъ, — говоритъ корреспондентъ, — какъ въ нашемъ городѣ открылись публичныя народныя чтенія. За это время, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыя поставлено у насъ это дѣло въ силу различныхъ формальностей и ограниченій, чтенія успѣли и обрѣсти большую популярность среди низшихъ слоевъ мѣстнаго населения. Лица, непосредственно заинтересованныя аудиторіей, констатируютъ тотъ фактъ, что чтенія съ туманными картинками все болѣе и болѣе привлекаютъ вниманіе простого народа, развиваютъ въ немъ любовь къ чте-

нію, способствуютъ исправленію дурныхъ привычекъ и т. п. Они сдѣлались для простаго люда насущной потребностью. Идутъ въ аудиторію грамотные и неграмотные, старики, юноши, дѣти, и всѣ находятъ въ чтеніяхъ для себя интересъ. Задолго до начала чтеній аудиторія наполняется слушателями, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія лекторовъ. Появляется лекторъ,—и вся масса прекращаетъ разговоры, превращается въ въ слухъ и вниманіе. Даже дѣти—и тѣ проникаются торжественностью настроенія массы и ведутъ себя чинно, несмотря на продолжительность чтеній (около 2-хъ часовъ, съ перерывомъ въ 10 минутъ). Указываются также слѣдующіе два факта: 1) среди посѣтителей аудиторіи образовался хотя и небольшой (человѣкъ въ 60), но постоянный контингентъ слушателей, которые аккуратно являются на каждое чтеніе, и 2) въ истекшемъ году замѣтно было посѣщеніе чтеній крестьянами ближайшихъ къ городу сель и деревень. Послѣ каждаго чтенія слушатели обыкновенно обращаются съ просьбой дать книжекъ для прочтенія на домъ. Это обстоятельство даетъ новое основаніе къ необходимости озаботиться устройствомъ въ городѣ народной бесплатной библіотеки. Дѣло это неотложное и крайне важное, особенно имѣя въ виду въ недалекомъ будущемъ важную роль Ярославля, какъ значительнаго центра желѣзныхъ дорогъ и неизбежнаго по этому скопленія рабочаго люда. Чтенія ведутся по воскреснымъ днямъ отъ 2 до 4 часовъ. Съ глубокимъ вниманіемъ обыкновенно посѣтители слушаютъ чтенія, рассматриваютъ туманныя картины и неохотно, послѣ окончанія чтеній, оставляютъ аудиторію, ожидая, не прочтутъ ли имъ еще что-нибудь. Выборъ чтенія опредѣляется министерскимъ каталогомъ, къ сожалѣнію, крайне ограничивающимъ матеріалъ для чтеній. На 22 чтеніяхъ прошлаго года перебивало слушателей 6,650 человѣкъ, въ среднемъ выводѣ на одно чтеніе приходится 302 человѣка. Наибольшее число посѣтителей приходится на зимніе мѣсяцы, болѣе 450 человѣкъ на чтеніе.

Въ области изданія книгъ для народа наша интеллигенція сдѣлала уже не мало для конкуренціи съ лубочниками, и въ настоящее время почти половина народныхъ изданій выходитъ изъ рукъ интеллигентныхъ издателей. Затѣмъ, идетъ работа организаціи дѣла продажи хорошихъ книгъ въ самихъ селахъ, такъ сказать—въ самомъ домѣ сельскаго жителя. Насколько организація торговли въ селахъ годными для народа книгами вызывается дѣйствительно существующею потребностью населенія, ясно доказывается дѣятельностью нижегородскаго общества распространенія начальнаго образованія. Общество это занялось книжною торговлею нѣсколько лѣтъ назадъ и, какъ показываетъ отчетъ за 1894 годъ, оно къ названному году достигло уже значительнаго успѣха. Обществомъ устроены въ Нижнемъ центральный складъ, а въ уѣздныхъ городахъ и селахъ—отдѣленія склада. Всѣхъ отдѣленій въ 1894 году было 204 и находятся они въ завѣдываніи разныхъ интеллигентныхъ лицъ, живущихъ въ селахъ,—священниковъ, земскихъ врачей, земскихъ начальниковъ, землевладѣльцевъ и, главнымъ образомъ, учителей и учительницъ. Всего въ 1894 году, при

посредствѣ этой организаціи, продано 67,587 экземпляровъ книгъ на сумму 2,357 рублей. Само собою разумѣется, что лица, завѣдующія отдѣленіями склада, никакого вознагражденія не получаютъ, работая исключительно изъ любви къ дѣлу. Во многихъ случаяхъ завѣдующимъ отдѣленіями удается къ дѣлу распространенія книгъ привлекать мѣстныхъ крестьянъ, особенно изъ молодежи, которые также совершенно бесплатно берутъ на себя трудъ разносить и продавать книги по базарамъ, на мельницы и вообще всюду, гдѣ скопляется народъ.

До сихъ поръ двигателемъ дѣла книжныхъ складовъ для народа являлась исключительно частная инициатива. Первый шагъ официального участія въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ ставропольскою дирекціей народныхъ училищъ. По сообщенію *Приазовскаго Края*, названная дирекція проектируетъ организовать въ селахъ продажу хорошихъ книгъ при помощи сельскихъ учителей. На первый разъ предполагено устроить такую продажу при четырехъ сельскихъ училищахъ, а затѣмъ, по указанію опыта, распространить начатое дѣло на возможно большее число школъ.

Слѣдующимъ важнымъ дѣломъ въ области просвѣщенія народа является устройство воскресно-повторительныхъ занятій при сельскихъ школахъ. Эти занятія закрѣпляютъ и расширяютъ знанія, вынесенныя изъ начальныхъ школъ. Устраиваются они, въ большинствѣ случаевъ, земствомъ. Здѣсь, какъ во многомъ другомъ, вятское земство, состоящее почти исключительно изъ крестьянъ, идетъ впередъ. Въ прошломъ учебномъ году, — сообщаетъ *Вятская Газета*, — повторительныя занятія велись при 94 школахъ. Брестьянъ, посѣщавшихъ занятія, было до двухъ съ половиною тысячъ. Израсходовано на это дѣло 4,185 рублей.

Особенно отраднымъ въ области просвѣщенія народа является то обстоятельство, что въ последнее время инициатива учрежденія школъ и библиотекъ все чаще и чаще исходитъ изъ среды самихъ крестьянъ. Буквально въ каждомъ изъ нашихъ очерковъ, въ которомъ идетъ рѣчь о ходѣ народнаго образованія, мы отмѣчаемъ по нѣсколько фактовъ такого почина. Объ этомъ явленіи говорятъ всѣ провинціальныя газеты. Библиотеки открываются иногда не единично, а цѣлыми десятками, одновременно въ нѣсколькихъ смежныхъ волостяхъ. Такъ, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Бузулуцкаго уѣзда въ *Самарскую Газету*, тамъ недавно сразу открылось одиннадцать библиотекъ-читаленъ. Открыли ихъ на собственные средства общества: марковское, павло-антоновское, пріютинское, негѣжкинское, архангельское и новотоцкое Марковской волости; каменно-сарминское и жидловское — Погроминской волости; казанское и злобинское — Логачевской и преображенское — Любимовской волости. Ходъ учрежденія крестьянами библиотекъ особенно ускоряется, когда земство оказываетъ съ своей стороны денежную помощь къ собраннымъ селеніями суммамъ. Такъ, напримеръ, какъ только саратовцы стали узнавать, что ихъ земство ассигновало 1,500 р. въ пособіе сельскимъ библиотекамъ, немедленно земство получило цѣлый рядъ ходатайствъ о пособіи, а именно: изъ селъ Поповой,

Жуковки, Казанлы, Стригая, Старой Жуковки и Барнуковки—Вольскаго уѣзда; изъ сель Данюловки, Краснаго Яра, Саламатино, Котово, Панцырь и Норки—Камышинскаго уѣзда; изъ сель Синенькихъ, Завьяловыхъ, Рыбушки и Николаевскаго—Саратовскаго уѣзда; изъ села Данюловки—Аткарскаго уѣзда и изъ села Русскаго-Камешкира—Кузнецкаго уѣзда. Губернская управа даетъ пособіе, равное ассигнованному учредителями библиотекъ, но не болѣе 150 р. на каждую.

Балнхъ солидныхъ размѣровъ достигаютъ иногда крестьянскія библиотеки, примѣромъ тому можетъ служить пречисто-каменская библиотека въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, свѣдѣнія о которой напечатаны въ *Нижегородскомъ Листкѣ*. Года два назадъ, пречисто-каменскій волостной сходъ рѣшилъ открыть при волостномъ правленіи бесплатную библиотеку-читальню. При открытіи читальни въ распоряженіи ея были слѣдующія средства: отъ волости—150 р., уѣзднаго земства—50 р., мѣстнаго ссудо-сберегательнаго товарищества—10 р. и пожертвованные частными лицами—23 р., всего 233 р. Кроме того, нѣкоторыми изъ мѣстныхъ жителей было пожертвовано въ читальню до 50 экз. книгъ. При такихъ матеріальныхъ средствахъ начала свое существованіе пречисто-каменская волостная библиотека. Но уже къ веснѣ прошлаго—перваго отчетнаго—года библиотека состояла изъ 548 томовъ; всѣхъ читателей къ тому же времени въ библиотекѣ числилось 343 чел., изъ нихъ 300 мужчинъ и 43 женщины. Самому старшему читателю считается 67 лѣтъ, самому младшему—16 лѣтъ. Книгами библиотеки пользуются 35 деревень, изъ которыхъ одна находится въ 12-ти верстахъ отъ нея, 5—въ 8-ми и 3—въ 7-ми верстахъ. Отчетъ пречисто-каменской библиотеки даетъ отчасти отвѣтъ на вопросъ о томъ, что и какъ читаетъ современная деревня. По общимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ составителями отчета, старики и вообще пожилые читатели больше интересуются книгами религіозно-нравственными и врачебными. Большой спросъ въ средѣ читателей этого возраста имѣютъ и книги практическаго содержанія. Завѣдующему библиотекой очень часто приходится слышать требованія: «дай что-нибудь объ огородѣ», или—«нѣтъ ли чего о лошади?». Читатели средняго возраста (30—50 лѣтъ) чаще всего берутъ книжки по сельскому хозяйству, садоводству, медицинѣ, ветеринаріи и пр. Книги Кренке *Сельское хозяйство*, *Стельная корова* Гурина, *Скотомочевникъ* и т. п. постоянно въ расходѣ. Охотно читаютъ также Гаршина, Толстого, Пушкина, Григоровича, Потѣхина и другихъ извѣстныхъ беллетристовъ, разрѣшенныхъ къ чтенію въ народныхъ библиотекахъ; но еще въ большемъ ходу сочиненія Майнъ-Рида, Жюль-Верна, Купера. Молодежь (отъ 15 до 30 лѣтъ) по преимуществу пользуется книгами беллетристическаго содержанія и описаніями путешествій. Гоголь, Толстой, Гаршинъ, Печерскій, Потѣхинъ, Григоровичъ, Диккенсъ, Майнъ-Ридъ и Жюль-Вернъ находятъ въ этомъ возрастѣ многочисленныхъ поклонниковъ. Подростки очень охотно читаютъ Андерсена, Потѣхина, Григоровича, Гоголя, Сервантеса, нѣкоторыя изданія комитета грамотности; часто также спрашиваютъ

и религиозно-нравственные книжки. Среди крестьянъ, — говорится далѣе въ отчетѣ, — имѣются люди, почти до фанатизма преданные чтенію книгъ и пользующіеся для этого всякою свободною минутой. Затѣмъ, благодаря бібліотекамъ, вліяніе книги простирается и на безграмотную часть населенія. Въ деревняхъ происходятъ постоянныя собранія, на которыхъ читается въ слухъ «любопытная» книжка.

Говоря о подъемѣ общественной и частной инициативы въ области распространенія народнаго просвѣщенія, намъ приходилось отмѣчать, что такой подъемъ замѣчается не только въ Европейской Россіи, но и въ Сибири. Почти всѣ города Сибири, даже такіе маленькіе, какъ Каинскъ, Сургутъ, Березовъ, имѣютъ общества распространенія народнаго образованія, народныя бібліотеки, народныя чтенія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ организованы народно-образовательные музеи и склады книгъ, пригодныхъ для народа. Рука объ руку съ обществомъ идетъ и сибирская печать, чутко откликающаяся на нужды народнаго просвѣщенія. Печать эта за послѣднее время посвятила много статей о томъ, въ чемъ вѣдѣніи должны быть сибирскія школы: въ вѣдѣніи ли министерства народнаго просвѣщенія, или въ вѣдѣніи духовенства? Дѣло въ томъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ видахъ упорядоченія и объединенія дѣла народной школы въ Сибири, выступило съ предложеніемъ о передачѣ въ его вѣдѣніе тѣхъ сибирскихъ школъ, которыя находились до сихъ поръ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства государственныхъ имуществъ. На ряду съ такимъ проектомъ выдвинуть былъ другой: духовное вѣдомство предложило, чтобы всѣ сибирскія начальныя училища были переданы ему. Въ такомъ видѣ поставленъ теперь вопросъ о сибирскихъ школахъ. Для правильнаго освѣщенія этого дѣла сибирская печать собрала много фактическаго матеріала, выясняющаго дѣйствительное положеніе церковно-приходскихъ школъ въ Сибири. На основаніи точныхъ данныхъ, газета *Степной Край* указываетъ, что такой первостепенной важности вопросъ нельзя рѣшать путемъ кабинетныхъ размышленій, имѣя въ рукахъ только официальные отчеты объ успѣхахъ, достигнутыхъ духовенствомъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Известно, «что очень часто не находили никакихъ школъ тамъ, гдѣ они значились по отчетамъ; что изъ дѣйствительно существующихъ церковно-приходскихъ школъ успѣхами отличались только тѣ, въ которыхъ преподаваніе было поручено свѣтскимъ учителямъ и учительницамъ, и что, наконецъ (даже бывали и такіе случаи), священники брали на время экзаменовъ учениковъ изъ сосѣднихъ министерскихъ школъ, въ которыхъ они, въ то же время, состояли законоучителями». У духовныхъ лицъ, — продолжаетъ газета, — для ревностнаго исполненія и своихъ прямыхъ-то обязанностей часто не хватаетъ ни силъ, ни времени; что же сказать, если взвалить на нихъ еще и школьное дѣло? Общественности священника въ Сибири значительно сложнѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи: во-первыхъ, потому, что, въ большинствѣ случаевъ, приходъ священниковъ представляютъ слишкомъ громадныя районы, а во-

вторыхъ, сибирское духовенство свою просвѣтительную дѣятельность, кромѣ православнаго населенія, должно направлять въ среду инородцевъ и раскольниковъ. Другая газета, *Сибирскій Вѣстникъ*, напечатала внушительныя выдержки изъ отчетовъ о состояніи церковно-приходской школы въ тобольской епархіи за 1893—1894 учебный годъ. Въ тобольской епархіи состоитъ 434 прихода, школъ же церковно-приходскихъ имѣлось въ отчетномъ періодѣ 115, да школъ грамоты 128, всего 243 школы. Такимъ образомъ, очень многіе приходы, въ среднемъ около половины, не имѣютъ въ своемъ завѣдываніи никакой школы; принявъ же во вниманіе только церковно-приходскія школы, оказывается, что почти три четверти приходоу ихъ не имѣютъ. Если число церковно-приходскихъ школъ, такимъ образомъ, не велико въ епархіи, то, быть можетъ, это дѣло найдется еще въ фазисѣ созиданія и быстро развивается за последнее время? Дѣйствительно, мы читаемъ, — говоритъ газета, — что за отчетный годъ открыто новыхъ 31 школа грамоты; но было бы неосмотрительно дѣлать отсюда благоприятное заключеніе о разростаніи дѣла, такъ какъ изъ того же отчета мы узнаемъ, что за то же время закрыто 76 школъ: въ предшествующемъ учебномъ году всѣхъ церковныхъ школъ было 288, а въ отчетномъ 243, уменьшеніе равняется 45 школамъ. По словамъ *Сибирскаго Вѣстника*, подобное массовое закрытіе церковныхъ школъ замѣчается ежегодно. Такимъ образомъ, если можно говорить о движеніи школьнаго дѣла въ тобольской епархіи, то никакъ не о возростаніи его. При такомъ частомъ закрытіи училищъ школьному дѣлу недостаетъ одного изъ существенныхъ условій — устойчивости, прочности, и его никакъ нельзя признать даже установившимся, а не то что развивающимся. Насколько можетъ быть вводимая въ заблужденіе администрація относительно дѣйствительнаго положенія церковно-школьнаго дѣла, видно изъ слѣдующаго факта, приводимаго *Сибирскимъ Вѣстникомъ*: «Начальникъ области, при посѣщеніи одной церковно-приходской школы, поражается успѣхами обучающихся въ ней; на самомъ же дѣлѣ школа была однимъ миеомъ, и воспитанники ея, отличавшіеся бойкими отвѣтами, были выбраны изъ ребятъ, обучавшихся по домамъ у поселенцевъ, и собраны къ пріѣзду губернатора въ несуществующую школу».

Такого фактически обоснованнаго матеріала сибирская печать собрала слишкомъ достаточно, чтобъ имѣть основаніе высказаться противъ пердаци школьнаго дѣла въ руки духовенства.

Другою темой, живо обсуждаемою сибирскою печатью, является предстоящая Сибири судебная реформа. Изнемогшая подъ гнетомъ дореформеннаго суда, Сибирь приблизилась, наконецъ, къ болѣе свѣтлымъ днямъ. Искренне и горячо привѣтствуя судебную реформу и желая скорѣйшаго ея введенія, сибирская печать высказываетъ, однако, горькое сожалѣніе о томъ, что судебные уставы Александра II проектировано ввести въ Сибиріи не въ цѣломъ ихъ видѣ, а только частью. Сущность выработаннаго проекта судебной реформы въ Сибиріи заключается въ слѣдующемъ: «ве-

дутся судебные уставы Александра II, но только без суда присяжных; вся Сибирь будет представлять собою один судебный округ, за исключением Тобольской губернии, которая будет принадлежать къ казанскому судебному округу; судебная палата будет находиться въ г. Иркутскѣ; окружные суды—въ гг. Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ,—вообще, по одному на каждую губернію и область Сибири; суды низшей инстанціи—участковые судьи, на которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ также лежать и исполненіе обязанностей судебныхъ слѣдователей; мирового съѣзда не будетъ, исполненіе его функцій возлагается на окружный судъ.

И такъ, Сибирь не будетъ имѣть ни суда присяжныхъ, ни мирового суда. Объ отсутствіи этихъ, безъ сомнѣнія, однихъ изъ основныхъ базисовъ судебныхъ уставовъ 1864 года, и печалится сибирская печать. Мы не знаемъ,—говоритъ *Сибирскій Вѣстникъ*,—тѣхъ мотивовъ, которыми руководствовалась почтенная коммиссія, лишая Сибирь суда присяжныхъ и съѣзда мировыхъ судей. Можетъ быть, по мнѣнію коммиссіи, присяжныхъ засѣдателей не изъ кого и выбирать въ Сибири, такъ какъ, вѣдь, послѣдняя—страна ссылки; можетъ быть, сибирское коренное населеніе и всѣ вновь и по своей доброй волѣ поселившіеся въ Сибири не досрости до весенія на себѣ обязанностей присяжныхъ? Но все это, по мнѣнію газеты, не можетъ служить для коммиссіи серьезнымъ и достаточнымъ основаніемъ. Во-первыхъ, въ Сибири теперь людей во всѣхъ отношеніяхъ правоспособныхъ, безъ сомнѣнія, настолько достаточно, что затрудненій для образованія законнаго числа присяжныхъ вездѣ и всегда не должно быть. Что же касается умственно-правственнаго облика сибирскаго населенія, то, какъ извѣстно, сибирскій крестьянинъ по своему уму нисколько не уступаетъ российскому. Далѣе, кромѣ кореннаго сибирскаго населенія, существуютъ сотни тысячъ переселенцевъ-новоселовъ, пользовавшихся прежде судомъ присяжныхъ; справедливость по отношенію къ нимъ требуетъ дать имъ на новомъ мѣстѣ жительства то же судоустройство, каковымъ они пользовались у себя на родинѣ. Затѣмъ, не нужно забывать, что теперь Сибирь, когда она уже вступила въ новую фазу своей общественно-исторической жизни, нельзя мѣрять на прежній короткій аршинъ. Въ настоящее время по отношенію къ Сибири при тѣхъ или другихъ реформахъ слѣдуетъ строго и всегда соблюдать условіе исторической перспективы. Ежегодныя многотысячныя переселенія людей изъ Россіи, сибирская желѣзная дорога и многіе другіе факторы въ самомъ ближайшемъ будущемъ настолько рѣзко и сильно видоизмѣнятъ старыя устои сибирской общественной жизни, что Сибирь мало въ чемъ будетъ отличаться отъ Европейской Росіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, уже недалеко то время для Сибири, когда ссылка въ нее во всѣхъ видахъ будетъ отмѣнена; Сибири будетъ даровано столь давно желанное и прямо теперь необходимое земское самоуправленіе, что также значительно видоизмѣнитъ сибирскую жизнь и окончательно приблизитъ ее ко всей территоріи. Такимъ образомъ,—заканчиваетъ газета,—принявъ все это во вниманіе и подходя къ затронутому вопросу

съ точки зрѣнія исторической перспективы, мы находимъ, что существованіе въ Сибири суда присяжныхъ вызывается какъ справедливостью, такъ и самою жизнью; оно принесетъ какъ населенію, такъ и краю громадную пользу.

Процессами, производящими тяжелое впечатлѣніе, заканчиваетъ сибирскій судъ свою лебединую пѣснь. Вотъ одинъ изъ такихъ процессовъ, рассказанный въ *Сынъ Отечества*. Совершенно спокойно проживавъ долгое время около Томска семидесятилѣтній старикъ Мальцевъ. Онъ имѣлъ хуторъ и доставлялъ въ городъ на продажу разные продукты. На бѣду, Мальцеву вздумалось приписаться къ мѣстному обществу и онъ подалъ въ казенную палату объ этомъ прошеніе. Палата поручила полиціи выяснитъ личность просителя. Результатомъ выясненія было обвиненіе Мальцева въ бродяжествѣ. По его объясненію, данному въ томскомъ губернскомъ судѣ, родился онъ въ тайгѣ, остался сиротою, будучи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду, и былъ воспитанъ старцами-раскольниками; когда онъ подростъ, пріютъ старцевъ былъ уничтоженъ, одинъ изъ нихъ арестованъ, а прочіе разбѣжались. Жилъ потомъ Мальцевъ у другихъ старцевъ, потомъ проживавъ въ разныхъ мѣстахъ долгое время работникомъ, скопилъ деньжонокъ, купилъ избу и уже болѣе 15 лѣтъ ведетъ хлѣбопашество на арендованной землѣ. Сосѣди показали, что Мальцевъ имъ извѣстенъ какъ старательный, добросовѣстный землепашецъ, ни въ чемъ худомъ не замѣченный и жившій между ними болѣе 15 лѣтъ; хлѣба у него всегда много, благодаря трудолюбію, и вообще сказать о немъ можно только хорошее. Тѣмъ не менѣе, томскій судъ, въ виду отсутствія документа и неприписки, призналъ Мальцева виновнымъ въ бродяжничествѣ и приговорилъ къ наказанію плетью въ количествѣ 20 ударовъ; если же онъ не въ состояніи ихъ вынести, къ отдачѣ на одинъ годъ въ арестантское отдѣленіе и къ водворенію на заводы или рудники на четыре года, послѣ чего къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири.

Въ заключеніе нашего очерка считаемъ полезнымъ указать на совершенно новый видъ общественной помощи рабочему люду. Одною изъ полезнѣйшихъ функций екатеринодарскаго благотворительнаго общества, — читаемъ въ *Приазовскомъ Краѣ*, — является контора по выпискѣ иногороднимъ паспортовъ изъ мѣстъ ихъ приписки. Значительная часть населенія Кубанской области состоитъ изъ лицъ пришлыхъ изъ другихъ губерній. Хотя многія изъ нихъ и живутъ осѣдло, т.-е. занимаются хозяйствомъ на купленной или нанятой землѣ и ведутъ торговлю, но по какому-то недоразумѣнію они, сколько бы лѣтъ здѣсь ни жили, все-таки, числятся приписанными къ обществу той или иной волости русскихъ губерній. Эта искусственная связь съ прежнимъ ихъ мѣстожительствомъ вызываетъ паспортную воловиту для темнаго, неграмотнаго человѣка, рискующаго, съ одной стороны, попасть за безписьменность въ вутузку, а съ другой — сдѣлаться жертвой незаконныхъ поборовъ со стороны волостного начальства. Особеннымъ бременемъ паспортный вопросъ ложится на тѣхъ много-

родныхъ, которые списываютъ себѣ пропитаніе поденною работою сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Бродячій образъ жизни не внушаетъ довѣрія полицейской власти, и она, при малѣйшемъ сомнѣніи въ самоличности рабочаго и при нѣкоторой неисправности въ документахъ его, обязана принять стѣснительныя для него мѣры. Въ виду этого, вопросъ о паспортахъ для иностранцевъ имѣетъ очень серьезное значеніе, и мѣстное благотворительное общество, пользуясь программой своего устава, усмотрѣло въ этомъ явленіи обширное поле для своей дѣятельности. Непродолжительно еще существованіе конторы, а она успѣла уже выписать до 2,000 паспортовъ для мѣстнаго рабочаго населенія,—примѣръ, достойный подражанія и для другихъ благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ непосредственныя сношенія съ рабочимъ людемъ.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о децентрализаціи сильно занимаетъ въ настоящее время парламентъ, правительство и общественное мнѣніе Франціи. Печальныя послѣдствія бюрократической централизаціи давно уже даютъ себя чувствовать во Франціи, многіе дальновидные государственные люди и публицисты давно уже указывали на вредъ для общаго развитія страны сосредоточенія власти въ Парижѣ и ея механически-подчиненнаго положенія въ провинціи. Современное французское самоуправленіе не удовлетворяетъ живымъ потребностямъ народа; административныя учрежденія и теперь, при республикѣ, какъ и при имперіи, не даютъ простора для своевременнаго удовлетворенія нарождающихся общественныхъ нуждъ.

Изъ многочисленныхъ статей, появляющихся теперь о децентрализаціи, очень выдается отсюда Леона Окока, члена института, бывшаго председателя одного изъ отдѣленій государственнаго совѣта *).

Уроки исторіи, такъ начинается Окока, слишкомъ часто бываютъ потерянными и для людей, и для народовъ. Но необходимо безъ устали напоминать эти уроки.

Фюстель де-Куланжъ, указывая на то, какъ возникла административная централизація въ Римской имперіи, заключаетъ, что люди инстинктивно любятъ централизацію: имъ доставляетъ удовольствіе знать, что тотъ, кому они повинуются, повинуется самъ. Подвергаясь угнетенію со стороны своей прямой власти, они думаютъ, что это дѣлается безъ вѣдома власти далекой и высшей, что она защититъ ихъ. Эту стадію политическаго развитія, съ большею или меньшею продолжительностью, проходятъ всѣ народы.

За періодомъ анархіи, феодализма, развитія коммунъ во Франціи вновь наступила эпоха усиленія и господства административной централизаціи. Этотъ процессъ шелъ, все развиваясь, до первой революціи. Мѣстное самоуправленіе падало подъ вліяніемъ многихъ условій, среди

*) *Leon Aucoc: „Les controverses sur la décentralisation administrative“.* Étude historique (*Revue politique et parlementaire*, 1895, avril, mai).

которыя важное мѣсто занимали ошибки и смуты, вносившіяся въ жизнь коммунъ. Свобода въ нихъ, — говоритъ Гизо, — отличалась такою бурностью, несла съ собою столько опасеній и страховъ, что люди готовы были, ища спокойствія и безопасности, отказаться отъ своего самоуправления. Новѣйшій изслѣдователь Люшеръ *) придаетъ въ процессѣ паденія средне-вѣкового самоуправления гораздо большее значеніе враждебному къ нимъ отношенію короля и церкви.

Объединеніе страны, которое преслѣдовали французскіе короли, не исключало широкаго участія общества въ государственныхъ дѣлахъ, — на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ. Въ сожалѣнію, для Франціи, — говоритъ Окюкъ, — роль генеральныхъ штатовъ скоро начала понижаться и центральная власть устранила, наконецъ, надъ собою всякій общественный контроль **). Исчезли и провинціальныя собранія. Бюрократія и централизація торжествовали. Извѣстны печальныя послѣдствія этого торжества.

Съ паденіемъ первой имперіи во Франціи началось движеніе въ пользу созданія выборныхъ учреждений мѣстнаго самоуправления. Въ концѣ 1815 года, въ палатѣ депутатовъ, Виллель выступилъ съ сильными нападеніями противъ централизаціи. Онъ возобновилъ эти нападенія въ 1818 г., при энергичной поддержкѣ Дювержье де-Горанна и Ройе-Коллара. Община, какъ и семья, — говорилъ послѣдній, — существуетъ до государства. Политическій законъ ее находить, а не создаетъ. Законными правителями въ общинѣ могутъ быть только избранные ею люди.

Законопроекты, представленные въ 1829 году Мартиньякомъ, шли на встрѣчу этимъ общественнымъ потребностямъ. Но министерство Мартиньяка было замѣнено кабинетомъ Полиньяка и вслѣдъ затѣмъ разразилась июльская революція.

Конституція 1830 года заключала въ себѣ обѣщаніе основать департаментское и городское самоуправленіе на выборной системѣ. Это обѣщаніе выполняли законы 28 марта 1831 г. и 18 іюля 1837 г. — для коммунъ и законы 22 іюня 1833 г. и 10 мая 1838 г. — для департаментовъ. Права, предоставленныя самоуправленію, были, однако, не велики, вмѣшательство же центральной власти и мѣстной администраціи черезъ-чуръ велико. Меры, кромѣ того, назначались, — правда, изъ числа выборныхъ членовъ муниципальнаго совѣта, — королемъ или префектомъ, смотря по важности коммуны. Общественное мнѣніе не было удовлетворено. Лучшіе знатоки иностранной и французской политической жизни требовали дальнѣйшаго расширенія самоуправления. Токвиль писалъ, что въ общинѣ лежитъ сила свободныхъ народовъ. Для свободы общинныя учрежденія все равно, что начальныя школы для науки.

Послѣ революціи 1848 года законы о департаментскомъ и муниципаль-

) *Luchaire*: „Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs“.

*) О генеральныхъ штатахъ во Франціи у *Picot*: „Histoire des états généraux“, 2e ed., 1868.

номъ самоуправленіи подверглись пересмотру. Временно, по закону 3 іюля 1848 г., муниципальнымъ совѣтамъ общинъ съ населеніемъ менѣе 6,000 ч., если, притомъ, эти общины не были центрами департамента или округа, предоставлено было право выбирать меровъ и ихъ помощниковъ. Съ наполеоновскимъ режимомъ дѣло измѣнилось. Въ 1852 году правительство стало опять назначать меровъ, даже не изъ числа муниципальных совѣтниковъ. Власть префектовъ и подпрефектовъ была усилена. Знаменитые публицисты, какъ Жюль Симонъ, Лабулэ, Леопсъ де-Лавернь, Ремюза, Прево-Парадолъ, продолжали энергично бороться за расширеніе мѣстнаго самоуправления, противъ административной опеки.

Не мѣшаетъ упомянуть, что рѣшительнымъ врагомъ бюрократіи, энергичнымъ защитникомъ широкаго самоуправления, по образцу англійскаго, выступилъ тогда извѣстный Лепле, столь перевозносимый теперь нашими «консерваторами».

Въ 1870 году, когда вторая имперія уже сильно шаталась, правительство рѣшило сдѣлать уступки общественному мнѣнію и составило комиссію для разработки вопроса о преобразованіи мѣстныхъ учреждений. Франко-германская война прервала занятія этой комиссіи. Но они повели къ закону 22 іюля 1870 г., по которому правительство должно было назначать меровъ изъ выбранныхъ членовъ муниципального совѣта. Другимъ закономъ генеральнымъ совѣтамъ департаментовъ предоставлено было право выбирать своихъ президентовъ (комиссія полагала предоставить всемъ коммунамъ, кромѣ Парижа и Ліона, право выбирать меровъ).

Новѣйшее законодательство Франціи въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправления составляютъ законы 10 августа 1871 года, 5 апрѣля 1884 и 22 марта 1890 года. Они расширяютъ функціи самоуправления, дозволяютъ департаментамъ сноситься другъ съ другомъ въ вопросахъ общаго интереса; то же разрѣшено дѣлать и коммунамъ. Новая парламентская комиссія тщательно разрабатываетъ вопросы мѣстнаго самоуправления и можно надѣяться, что изъ ея трудовъ выйдетъ законопроектъ, который правильно и прочно поставитъ во Франціи учреждения мѣстнаго самоуправления *).

Непрекращающаяся борьба между Швеціей и Норвегіей продолжаетъ привлекать вниманіе западно-европейской и нашей печати. Мы неоднократно высказывали, что въ этой распрѣ справедливость на сторонѣ Норвегіи, что наше сочувствіе норвежскому народу объясняется и тѣмъ, что онъ настроенъ миролюбивѣе и по отношенію къ нашему отечеству дружественнѣе, чѣмъ шведскій народъ. Мы съ интересомъ обратились къ недавно вышедшей брошюрѣ г. Берендтса, если не ошибаемся, профессора въ Югославскомъ юридическомъ лицей, гдѣ вопросъ о шведско-норвежской униіи подвергается историческому изученію и критической оцѣнкѣ **). Это изученіе

*) Въ іюльской книжкѣ названнаго выше журнала помѣщена интересная замѣтка *Soles*: „Les conseils généraux et la décentralisation“.

**) Э. Берендтс: „О шведско-норвежской униіи“. Историко-политическій этюдъ. Ярославль, 1895 г.

и эта оцѣнка спокойствіемъ и безпристрастіемъ, къ сожалѣнію, не отличаются. Статьи норвежской независимой печати называются русскимъ изслѣдователемъ «нахальными и грязными» выходками. Авторъ усиливается доказать, что теперешнее положеніе Норвегіи установлено международными договорами и что она не имѣетъ права самостоятельно измѣнить это положеніе. Такую точку зрѣнія можно въ данномъ случаѣ назвать шведской, но отнюдь не научной. «Принадлежность Норвегіи королю Швеціи, en toute propriété et souveraineté, — говоритъ г. Берендтсъ, — устанавливаетъ безусловную *субординацію* Норвегіи». Странно читать у современнаго профессора такое архаическое утвержденіе. Не вытекаетъ ли изъ этой *безусловной субординаціи* и право короля Швеціи продавать своихъ норвежскихъ подданныхъ? Въ то же время, г. Берендтсъ признаетъ, что статья пятая Кильскаго трактата 1815 года, обѣщавшая сохранить права и привилегіи норвежцевъ, не связываетъ шведскаго короля, ибо «обѣщаніе не есть юридически безусловное международное обязательство». Хорошаго мнѣнія ярославскій профессоръ объ юридической силѣ и нравственномъ значеніи международныхъ договоровъ, въ которыхъ *обѣщанія* играютъ такую важную роль! Если бы государство, *обѣщавшее* соблюдать Женевскую конвенцію, нарушилъ, стало ее нарушать, неужели это не составило бы вопіющаго преступленія?

Любопытно, что г. Берендтсъ самъ признаетъ въ другомъ мѣстѣ своей брошюры (стр. 33), что устройство уніи на тѣхъ или иныхъ условіяхъ считалось великими державами внутреннимъ дѣломъ Скандинавіи. Это не нѣмаетъ нашему ученому автору требовать, чтобы эти державы заявили, что Кильскій трактатъ 1814 года, вопреки желанію норвежскаго народа, долженъ остаться основой политическаго устройства Скандинавіи. Не говоря уже о томъ, что въ самой брошюрѣ г. Берендтса приведены образцы неясности этого договора и доказательства обширныхъ правъ, почти полной самостоятельности, которою Норвегія можетъ по договору пользоваться, — какое основаніе и какой расчетъ можетъ имѣть Россія для того, чтобы выступить противъ національныхъ стремленій дружественнаго и миролюбиваго народа? Въ Швеціи мы замѣчаемъ тяготѣніе къ тройственному союзу, и желать возтому усиленія ея военнаго и политическаго значенія со стороны русскаго по меньшей мѣрѣ странно, добиваться же этого, выступая противъ хорошо къ намъ расположеннаго народа, и недѣло, и несправедливо.

Австрійская клерикально-консервативная *Waterland* высказывается въ ползу возстановленія конституціи съ либеральными нѣмецкими централистами. По этому поводу *Politik* напоминаетъ, что эта партія ничему не научилась: и ничего не забыла, что главнымъ пунктомъ ея программы, попрежнему, остается господство надъ славянскими племенами Цислейтаніи *). Въ пользу одной изъ этихъ племенъ, впрочемъ, австрійскіе нѣмцы сдѣлали уже рядъ

существенныхъ уступокъ и готовы пойти и на дальнѣйшія сдѣлки. Мы имѣемъ въ виду, конечно, поляковъ, добившихся автономіи и въ свою очередь тѣснящихъ галиційскихъ русскихъ. Теперь, когда имперскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ полякъ, графъ Голуховскій, а кандидатомъ на постъ цислейтанскаго министра-президента считается другой полякъ, нынѣшній намѣстникъ Галиціи, графъ Бадени, — польское вліяніе должно еще болѣе возрасти. Но, судя по прежнему образу дѣйствій польскихъ депутатовъ рейхсрата, другимъ австрійскимъ славянамъ съ ихъ стороны не будетъ сколько-нибудь значительной поддержки. Нѣмцы-централисты считаютъ Галицію потерянною для ихъ господства и не будутъ мѣшать господствовать тамъ полякамъ, а поляки станутъ поддерживать дѣйствующую въ Цислейтаніи политическую систему, которая даетъ въ государствѣ привилегированное положеніе нѣмцамъ меньшинству. При такихъ условіяхъ Габсбургская монархія обречена будетъ на внутреннюю борьбу, которая задерживаетъ ея культурное развитіе и уменьшаетъ международное значеніе. Очень интересныя замѣчанія о пагубномъ значеніи для Австро-Венгрии дуализма, отдавашаго одну половину имперіи въ руки мадьяръ, а другую въ руки нѣмцевъ, находимъ мы въ двухъ статьяхъ Альбера Лефевра въ *La Quinzaine* *). Несмотря на то, что этотъ журналъ служить цѣлямъ римско-католической церкви, въ статьяхъ А. Лефевра много справедливаго. Авторъ осуждаетъ безнравственное начало владычества одного племени надъ другимъ, причѣмъ духовно уродуется подчиненное племя, производятся систематическія попытки насильственно омадьярять или опѣмечить славянъ и румынъ. Между тѣмъ, численность (намъ неоднократно приходилось уже на это указывать) рѣшительно на сторонѣ соединенныхъ славянъ и румынъ. Въ Транслейтаніи на шесть милліоновъ мадьяръ приходится три съ половиною милліоновъ словаковъ, 2.300,000 кроатовъ и сербовъ, 3.400,000 румынъ. Правда, въ культурномъ отношеніи эти племена стоятъ ниже мадьяръ (это въ особенности справедливо по отношенію къ славянамъ), но культурное превосходство не заключаетъ въ себѣ основанія для господства надъ другимъ племенемъ въ юридическомъ отношеніи. Кромѣ того, превосходство это преходяще, такъ какъ обуславливается историческими обстоятельствами. Оно исчезнетъ, когда падутъ стѣны, теперь наложенныя мадьярами на національное развитіе славянъ и румынъ. Что касается Цислейтаніи, то пренебрежительно относиться къ чешской культурѣ, считать чеховъ низшею расой могутъ только озлобленные и ослѣпленные представители пангерманской идеи.

Авторъ упомянутыхъ нами статей видитъ единственно въ федерализмъ благополучный исходъ для Габсбургской имперіи изъ ея тяжелой внутренней борьбы. Но до *монархической Швейцаріи* этому государствѣ далеко, теперь дальше, чѣмъ было до созданія дуализма: мадьяры стремятся къ

*) *Albert Lefevre: „Le Dualisme en Autriche-Hongrie“ (La Quinzaine, 1. oct et 15 Août).*

полной политической самостоятельности и къ постоянному руководительству высшею политикою Австро-Венгріи; со времени установленія могущественной Гогенцоллернской имперіи австрійскіе нѣмцы меньше чѣмъ когда-либо склонны признать равноправность съ собою чеховъ или словенцевъ.

Альберъ Лефевръ горячо призываетъ старо-и младочеховъ забыть свои разногласія, дружно добиваться своихъ правъ. Примѣняя къ чехамъ стихи Гримльпартцера, обращенныя къ Радецкому, онъ говоритъ:

„In deinem Lager ist Oesterreich* *).

Въ этихъ словахъ заключается большое преувеличеніе, но крупную роль въ новѣйшей исторіи Австріи чехи уже играютъ. Газеты передаютъ слухи о томъ, что будущее министерство графа Бадени имѣетъ въ виду снять въ Прагѣ осадное положеніе и вообще относиться благопріятнѣе къ разнымъ домогательствамъ чешскаго народа. Въ такомъ случаѣ это будетъ возобновленіемъ тактики графа Таафе. Но австрійскіе нѣмцы продолжаютъ относиться къ чехамъ и другимъ цислейтанскимъ славянамъ съ прежнею упрямую враждебностью. Очень характерно воззваніе отъ редакціи, которое печатается на страницахъ вѣнской *Deutsche Zeitung*. Газета заявляетъ, что «борется противъ всего враждебнаго германскому народу: противъ славянства, ожидовѣнія (*Verjudung*) и клерикализаціи, за свободу духа и за просвѣщеніе, за работающій народъ и его социальныя интересы». Свобода духа и угнетеніе другихъ національностей, интересы народа, но только нѣмецкаго народа, — какое грубое издѣвательство надъ основными требованіями либерализма и просвѣщенія!

Естественно, что австро-нѣмецкая централистская печать ликовала вмѣстѣ съ большею частью германской по поводу двадцатипятилѣтія германскихъ побѣдъ надъ французами. *Deutsche Zeitung* выражаетъ при этомъ сожалѣніе, что не всѣ нѣмцы входятъ въ составъ Германской имперіи. Газета констатируетъ, что среди нѣмцевъ живуча ненависть къ врагамъ германскаго народа и его національнаго развитія **).

Другая вѣнская газета, демократическая *Neues Wiener Tagblatt*, признается, что австрійскіе нѣмцы, въ виду воинственныхъ ликованій нѣмцевъ Гогенцоллернской имперіи, относятся къ послѣднимъ съ нѣкоторою завистью ***). Восхваляя государственныя и культурныя заслуги австрійскихъ нѣмцевъ, демократическая газета горячо возстаетъ противъ реакціоннаго и «славянскаго» отпечатка во внутренней политикѣ Цислейтаніи. Этотъ «славянскій» отпечатокъ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что въ министерство графа Таафе чехи у себя на родинѣ приобрѣли нѣкоторыя изъ тѣхъ политическихъ правъ, которыя давно уже принадлежали богемскимъ нѣмцамъ. Не составляетъ ли именно реакціи стремленіе австро-нѣмецкихъ либераловъ не дать славянамъ одинаковыхъ государствѣ правъ съ господствующимъ теперь нѣмецкимъ племенемъ? Правда, чехи (старо-чеш-

* Австрія въ твоёмъ лагерѣ.

Deutsche Zeitung, 1 September.

** *Neues Wiener Tagblatt*, 1 September.

ская партія) вступали въ союзъ съ клерикалами и консерваторами, чтобы добиться своихъ національныхъ правъ, въ которыхъ имъ отказываютъ либералы-централисты; но вина въ этомъ падаетъ на послѣднихъ. Кроме того, отъ подобнаго упрека совершенно свободна первенствующая теперь въ Богеміи младо-чешская партія. Естественно, что радоваться поминкамъ седанской побѣды и другихъ военныхъ успѣховъ германскаго народа чехи и другія австро-славянскія племена не имѣютъ никакого основанія.

Въ самой Германіи эти поминки ознаменовались протестами противъ нихъ со стороны социаль-демократіи. Протесты эти выражались въ рѣзкой формѣ и задѣвали императора Вильгельма I. Читатели знаютъ изъ газетъ, что такой образъ дѣйствія социаль-демократовъ вызвалъ гнѣвную рѣчь императора Вильгельма II (онъ постоянно читаетъ, по сообщенію нѣмецкихъ газетъ, главный органъ германскихъ социаль-демократовъ, *Vorwärts*). *Freisinnige Zeitung* считаетъ отношеніе социаль-демократіи къ національнымъ военнымъ торжествамъ неправильнымъ и находитъ, что эта партія много проиграла бы вслѣдствіе этого въ глазахъ народа, если бы не угрозы со стороны правительства, которыя превращаютъ антипатію въ сочувствіе къ гонимымъ.

Реакціонныя германскія газеты, конечно, торжествуютъ и съ восторгомъ комментируютъ слова императора Вильгельма II, видя въ нихъ указаніе на то, что правительство вновь собирается приступить къ исключительнымъ мѣрамъ противъ социаль-демократіи. Очень радуется и органъ князя Бисмарка, *Neueste Nachrichten*. За то главный органъ католической партіи центра, *Germania*, рѣшительно отказывается бороться съ социаль-демократіей путемъ полицейскихъ насилій и уголовныхъ наказаній. Такимъ образомъ, для какаго-либо исключительнаго закона у правительства опять не окажется большинства въ парламентѣ.

Значеніе партіи центра, на себѣ испытывавшей бисмарковскіе исключительные законы, не уменьшилось отъ этого испытанія, несмотря на то, что партія потеряла такого искуснаго вождя, каковымъ былъ покойный Виндгорстъ. Недавній католическій съездъ въ Мюнхенѣ показываетъ, что возрастаетъ международное значеніе этой партіи. На съездѣ (въ концѣ августа) были представители венгерскихъ, голландскихъ и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ католиковъ. Голландскій делегатъ указывалъ именно на увеличивающееся международное значеніе германскаго парламентскаго центра. Представитель мадыарскихъ католиковъ, графъ Фердинандъ Зиши, былъ восторженно встрѣченъ собраніемъ. Описавши современное положеніе Венгріи, ораторъ просилъ симпатій нѣмецкихъ католиковъ къ к толкамъ Транслейтаніи, которые борются съ своимъ правительствомъ, вводящимъ гражданскій бракъ и полную равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій. Собраніе отнеслось къ рѣчи графа Зиши весьма сочувственно. Между многими постановленіями его слѣдуетъ отмѣтить обычно повторяющееся требованіе возстановленія свѣтской власти папъ *).

*) *Neue Freie Presse*, 30 August.

Надежды турецкаго правительства, что съ паденіемъ министерства Розбери Англія откажется отъ вмѣшательства въ армянскія дѣла, совершенно не оправдались. Наоборотъ, требованія лорда Салисбюри опредѣленнѣе и гораздо энергичнѣе заявленія его предшественника. Россія и Франція поддерживаютъ Великобританію, и это дружное воздѣйствіе, вту хотя и временную, но культурную лигу нельзя не привѣтствовать. Блистательная Порта до сихъ поръ и не подумала исполнить постановленія берлинскаго трактата о введеніи реформъ въ турецкой Арменіи. Отъ времени до времени въ европейскую печать проникали извѣстія о звѣрствахъ курдовъ и турокъ, которые грабили и убивали армянъ. Общественная совѣсть возмущалась этими дикими насиліями, но дипломатія не вмѣшивалась, соперничество между Россіей и Англіей препятствовало какому-либо энергическому шагу европейскихъ державъ. Теперь, повидимому, турецкое правительство не отдѣляется формальными отписками. Несомнѣнно, что Англія и Россія, какъ культурныя христіанскія государства, имѣютъ общій интересъ, чтобы дикое своеволие и буйный грабежъ уступили мѣсто въ турецкомъ управленіи началамъ справедливости и законности. Требования Англіи, Россіи и Франціи поддерживаются Германіей и Австро-Венгріей. *Pester Lloyd* замѣчаетъ, что въ реформахъ заключается спасеніе Турціи, гарантія ея развитія. Старотурки, полные невѣжественнаго мусульманскаго фанатизма, склонны теперь искать защиты въ союзѣ съ Россіей, еслибъ она выступила сторонницей аналогическихъ началъ. *Pester Lloyd* предостерегаетъ Абдуль-Гамида, что промедленіе можетъ стоить Турецкой имперіи очень дорого, что введеніемъ элементовъ областного самоуправленія султанъ можетъ оживить силы «большого человѣка» *). Это мнѣніе одной изъ наиболѣе вліятельныхъ мадьярскихъ газетъ не пройдетъ, конечно, незамѣченнымъ въ турецкихъ правящихъ сферахъ.

В. Г.

*) *Pester Lloyd*, 4 September.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Еще о причинахъ сельско-хозяйственнаго кризиса въ Россіи и о средствахъ къ его устраненію. — Значеніе хозяйственныхъ и общекультурныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ кризисомъ. — Положеніе о всеобщей переписи въ имперіи. — Введеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи. — Новыя данныя о церковно-приходскихъ школахъ. — Законъ 29 мая. — Открытіе памятника Императору Александру II въ Казани. — Вставка московскаго комитета грамотности. — † П. А. Бѣлоголовый.

За послѣдніе годы много писали о кризисѣ въ Россіи вообще и специально кризисѣ, угнетающемъ русское сельское хозяйство. Среди многочисленныхъ брошюръ, статей и докладовъ обращаетъ на себя вниманіе небольшое изслѣдованіе г. Варзара *Къ вопросу о сельско-хозяйственномъ кризисѣ*.

Г. Варзаръ подвергаетъ критикѣ довольно распространенное мнѣніе о томъ, что Россія страдаетъ отъ кризиса вслѣдствіе конкуренціи странъ, обильныхъ землею, съ дешевою оплатой труда, вслѣдствіе отсталости въ земледѣльческой teknikѣ, а также несовершенства способовъ перевозки. Авторъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Россія, будучи страной, наиболѣе обильной землями, имѣетъ и наиболѣе дешевыя рабочія руки, что должно бы ставить ее въ самыя выгодныя условія соперничества на всемірномъ рынкѣ. Трудъ въ Россіи такъ дешевъ, что даже американецъ съ трехкорпуснымъ плугомъ и жнеей — сноповязальной едва ли можетъ успѣшно соперничать съ этою дешевизной. Американскій пахарь проводитъ свои плугъ сразу 3 борозды; но его трудъ съ лошадьми стѣитъ не меньше $1\frac{1}{2}$ доллара) т.-е. около 3 рублей кредитныхъ) въ день, а за эту цѣну повсюду въ Россіи, кромѣ южныхъ губерній, могутъ быть наняты 3 или даже 4 конныхъ пахаря. Одинъ рабочій со жнеей въ Америкѣ убираетъ въ 1 день 5 акровъ, т.-е. $1\frac{2}{3}$ десятины; но, вѣдь, этотъ рабочій, считая погашеніе стоимости машины и кормъ лошадей, стѣитъ $2\frac{1}{2}$ —3 доллара (5—6 рублей), а за эту сумму въ Россіи, кромѣ южныхъ губерній, могутъ быть наняты 11—14 рабочихъ, которые легко убираютъ и складываютъ за день средній урожай съ двухъ десятинъ. Данныя, содержащіяся въ официальныхъ источникахъ, подтверждаютъ это положеніе. Издержки производства пшеницы соста-

ютъ на 1 десятину 29,57 кредитн. рубля въ Соединенныхъ Штатахъ, 26,20 въ нашихъ новороссійскихъ губерніяхъ, 23,20 въ юго-западныхъ, 22,38 въ центральныхъ земледѣльческихъ. Такимъ образомъ, по цифрамъ нашего департамента земледѣлія, издержки производства пшеницы падаютъ въ Америкѣ болѣе высокою цифрою на десятину, чѣмъ въ Россіи.

Авторъ возражаетъ также противъ мнѣнія, особенно настойчиво подерживаемаго кн. Щербатовымъ, что хлѣбный кризисъ—явленіе случайное, что онъ объясняется денежнымъ кризисомъ Америки и паденіемъ цѣнности индійскихъ рупій и южно-американскихъ бумажныхъ денегъ. Этому причиной можно объяснить только особенную остроту кризиса за послѣдніе 2 года, но отнюдь не угнетенное состояніе хлѣбнаго рынка за цѣлый рядъ лѣтъ (напомнимъ отъ себя, что наши сельскіе хозяева начали еще въ 1887 году жаловаться на убыточность производства хлѣба).

Г. Варзаръ справедливо замѣчаетъ, что количество производства хлѣба не безгранично, что оно зависитъ отъ площади земель, пригодныхъ для этой культуры, и что паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ, само по себѣ, еще не можетъ въ большой пропорціи увеличить массу хлѣба, которую страна поставяетъ на мировой рынокъ. Опѣнивая мѣры, которыя предлагаются со всѣхъ сторонъ для побѣды надъ нашимъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ (упорядоченіе хлѣбной торговли, пониженіе тарифа по перевозкѣ хлѣба, расширеніе кредита для сельскихъ хозяевъ, образованіе хлѣбныхъ запасовъ за счетъ государства), г. Варзаръ не отрицаетъ полезности этихъ мѣропріятій, но сомнѣвается, чтобы они, какъ средство борьбы съ кризисомъ, могли имѣть значеніе для всего русскаго народнаго хозяйства.

Наличность кризиса въ сельскомъ хозяйствѣ,—говоритъ г. Варзаръ,—не можетъ быть отрицаема. Припомнимъ хотя бы одинъ тотъ фактъ, что средняя цѣна пшеницы безостановочно (за исключеніемъ отдѣльныхъ годовъ) понижается за послѣдніа 40 лѣтъ: въ десятилѣтіе 1852—62 гг. цѣна 1 пуда пшеницы на лондонскомъ рынкѣ равнялась 140,5 коп. золотомъ, въ 1862—72 г.—117,5 коп., въ 1872—82 гг.—107,9 к., а въ 1882—92 гг.—только 67 коп. За два послѣдніе года цѣна пшеницы упала даже ниже 60 коп. Это движеніе цѣнъ можетъ быть подмѣчено и въ обрабатывающей промышленности. Но тамъ, будучи результатомъ техническихъ улучшеній, оно не причиняетъ невыгодъ и не вызываетъ большихъ жалобъ, какъ скоро предпріятіе ведется въ большихъ размѣрахъ. Въ сельскомъ же хозяйствѣ даже и крупныя размѣры землевладѣнія не устраняютъ вліянія кризиса на хозяевъ: въ Россіи, Италіи и даже Англіи часто крупная сельско-хозяйственная культура оказывается невыгодной.

абы объяснить это противорѣчіе, авторъ обращается къ болѣе детальной разсмотрѣнію условій производства хлѣба. Цифры для Россіи и Америки, какъ земель естественнаго плодородія, показываютъ (если принять объ эту сумму издержекъ за единицу), что для яровой пшеницы стоимость обрѣтки и сѣмянъ составляетъ 0,5, уборки—около 0,2, обмола—около

0,2. Для озимыхъ хлѣбовъ, требующихъ двукратной вспашки, обработка и сѣмена составляютъ 0,6 и болѣе, а уборка и обмолотъ менѣе 0,4 общей суммы издержекъ. То же самое можно сказать относительно овса и другихъ хлѣбовъ. Такое соотношеніе между отдѣльными группами издержекъ заставляетъ сдѣлать выводъ, что если бы можно было, путемъ техническихъ улучшеній, уменьшить издержки уборки и обмолота въ два и три раза, то на земляхъ естественнаго плодородія издержки производства понизились бы не въ два или три раза, а гораздо менѣе. Но на стоимость продуктовъ земель естественнаго плодородія имѣютъ вліяніе еще два элемента: сила естественнаго плодородія и издержки перевозки отъ мѣстъ производства до рынковъ сбыта. Эти причины дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи. Сопоставляя Россію и С. Америку относительно степени плодородія, мы видимъ, что, относительно ржи, урожайность въ обѣихъ странахъ одинакова—самъ 5,3 и самъ 5,4 въ среднемъ съ десятины; для яровой пшеницы мы находимъ уже значительную разницу въ пользу Америки (самъ 4,4 и самъ 5,4), а для овса разница въ пользу Америки уже очень велика—самъ 6,9 и самъ 12,1. Въ странахъ искусственнаго плодородія издержки производства хлѣба еще увеличиваются затратами на удобренія. Эти затраты иногда такъ велики, что ставятъ въ неблагоприятныя условія конкуренцію на міровомъ рынкѣ странъ, которыя отличаются очень высокимъ плодородіемъ: Англіи, при среднемъ урожаѣ въ 130 п. пшеницы съ десятины, и Германіи, при урожаѣ въ 90 п., не легко соперничать съ Сѣвѣрною Америкой и Россіей, которыя получаютъ съ десятины только 57 и 45 пуд. Всѣ эти условія оказываютъ на хлѣбныя цѣны такое вліяніе, что на міровомъ рынкѣ соперничаютъ, главнымъ образомъ, не сельско-хозяйственныя машины, не жнеи и молотилки, а преимущественно «естественное плодородіе американскихъ и русскихъ земель и искусственное плодородіе европейскихъ земель, причѣмъ Америка и Россія расширяютъ запашки, а Англія вдвое сокращаетъ ихъ, и эта манчестерская машина искусственнаго плодородія уступаетъ ручному ткацкому стану естественнаго плодородія новыхъ земель» (стр. 14).

Установивъ такое общее положеніе, авторъ разсматриваетъ важнѣйшія условія, въ которыхъ находится русское сельское хозяйство. $\frac{3}{4}$ всѣхъ культурныхъ земель Европейской Россіи должны быть отнесены въ мелкому владѣнію. Все мелкое землевладѣніе Россіи можетъ быть топографически разбито на четыре группы: 1) Южная степная полоса, съ рѣдкимъ населеніемъ, наибольшимъ надѣломъ и посѣвную площадь въ 3, 8 десятины на наличную мужскую крестьянскую душу. Въ этой полосѣ примѣненіе машинъ болѣе велико, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи: на 31% всей площади пахотной земли производится уборка машинами. 2) Въ земледѣльческой нечерноземной полосѣ надѣлъ нѣсколько меньше, но посѣвная площадь составляетъ на наличную крестьянскую душу мужского пола только 1,7%; здѣсь сельское хозяйство не имѣетъ преобладающаго значенія. 3) Третье мѣсто принадлежитъ промышленной нечерноземной полосѣ, гдѣ надѣлъ не превышаетъ 7,6 еса-

тины, а посѣвная площадь—1,3; однако, сельское хозяйство отступаетъ здѣсь на задній планъ по сравненію съ промыслами, а потому и незначительность посѣвной площади не имѣетъ большого вліянія на достаточность населенія. 4) Наконецъ, наименѣе выгодно положеніе центральной земле дѣльческой полосы; здѣсь надѣлъ очень малъ, посѣвная площадь составляетъ только 1,8 десятины, а, между тѣмъ, сельское хозяйство является господствующимъ промысломъ. Такое различіе между полосами въ отношеніи сельско-хозяйственномъ дѣлаетъ непригоднымъ одни и тѣ же мѣропріятія въ различныхъ мѣстностяхъ. Усиленіе интензивности русскаго сельскаго хозяйства не можетъ быть признано кореннымъ средствомъ: въ Западной Европѣ хозяйство доведено до высокой степени интензивности, а, между тѣмъ, эти страны не выдерживаютъ на мировомъ рынкѣ соперничества странъ съ гораздо менѣе интензивнымъ хозяйствомъ, каковы Америка и Россія. Въ Россіи интензивное земледѣіе и потому еще не можетъ дѣлать большихъ успѣховъ, что сѣверная и большая часть средней полосы вовсе не пригодна для воздѣлыванія высокоцѣнныхъ продуктовъ: винограда, табаку, сахарной свеклы, горчицы, фруктовъ, подсолнечника. Хлѣба, картофель, ленъ, въ качествѣ растенія, истощающаго почву,—вотъ что можно съ успѣхомъ воздѣлывать въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ. А потому, только югъ Европейской Россіи является мѣстомъ, гдѣ сельское хозяйство можетъ достигнуть значительной интензивности. Насколько же основательна, спрашиваетъ авторъ, вѣра въ экстензивность хозяйства, вѣра въ сокращеніе хлѣбныхъ посѣвовъ, развитіе травосѣянія, молочнаго и мясного скотоводства и овцеводства? Въ частномъ хозяйствѣ, крупномъ, отчасти среднемъ, это примѣнимо. Но невѣроятно, чтобы сложился такой типъ хозяйства у мелкихъ землевладѣльцевъ. И это невозможно по двумъ причинамъ: крестьянинъ, при своемъ малоземельи, потребляетъ самъ большую часть своего хлѣба и, во-вторыхъ, потому, что часть продукта должна быть въ ближайшемъ будущемъ послѣ урожая продана для уплаты податей. Скотъ не удовлетворяетъ этому требованію. Продукты земледѣія наиболѣе соотвѣтствуютъ этимъ условіямъ. А такъ какъ $\frac{3}{4}$ культурныхъ земель Россіи находятся во владѣніи крестьянъ, то и нельзя допустить, чтобы сложился типъ хозяйства болѣе экстензивный, чѣмъ господствующій въ настоящее время.

Отстранивъ всеобщее значеніе перехода русскаго сельскаго хозяйства къ интензивной культурѣ или къ экстензивной, г. Варзаръ разсматриваетъ примѣненіе машиннаго труда, какъ цѣлебное средство противъ кризиса. Машинный трудъ вовсе не представляетъ въ Россіи чего-либо новаго, малоизвѣстнаго. Въ степныхъ губерніяхъ, гдѣ посѣвная площадь крестьянскаго двора довольно велика, гдѣ плата сельскимъ рабочимъ превышаетъ 80 рублей въ годъ, почти $\frac{1}{2}$ поля убирается машинами. Въ другихъ же губерніяхъ, гдѣ посѣвная площадь мала и рабочая плата низка, употребленіе машинъ становится невыгоднымъ. «Если, какъ это существуетъ во всей средней и западной Россіи, уборка незначительныхъ запасекъ обезпечена

обильнымъ количествомъ дешевыхъ рабочихъ, день которыхъ оцѣняется на его харчахъ въ 40 коп., при такихъ условіяхъ нѣтъ расчета заводить машину: человекъ обходится дешевле машины» (стр. 28). Другая причина малой распространенности машинъ коренится въ томъ, что мелкая культура господствуетъ на $\frac{3}{4}$ всей площади земли, взятой подъ сельское хозяйство. У владѣльцевъ 3, 4 и 5 десятинъ много лишняго рабочаго времени; а въ губерніяхъ средней и западной полосы 20% населенія даже вовсе не нужны для земледѣлія. Такимъ образомъ, дальнѣйшее примѣненіе машинъ не имѣетъ всеобщаго значенія для русскаго сельскаго хозяйства.

Тѣмъ не менѣе, говоритъ авторъ, мы должны удешевить производство земледѣльческихъ продуктовъ настолько, чтобы и существующія низкія цѣны были выгодны. Россія должна, для достиженія этой цѣли, дѣлать то же, что дѣлали другія страны по указаніямъ опыта. Мировой опытъ можетъ быть относительно этого выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Въ воздѣлыванію зерновыхъ продуктовъ должны быть привлечены земли страны съ наибольшимъ естественнымъ плодородіемъ, такъ какъ на этихъ земляхъ можно получить съ наименьшимъ количествомъ труда наибольшее количество хлѣба. 2) Эти земли должны быть соединены съ рынками сбыта наиболѣе дешевыми путями сообщенія. Эти задачи были поставлены и правильно рѣшены Сѣверной Америкой. Увеличеніе запасехъ, привлеченіе къ культурѣ новыхъ и лучшихъ земель—вотъ въ чемъ выразилась эта политика Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1850 году площадь подъ хозяйственной культурой составляла 113 милліоновъ акровъ, а въ 1859 г.—359 милліоновъ. Въ Россіи приращеніе запасехъ измѣряется самыми незначительными цифрами: съ 1880 по 1890 годъ площадь культурныхъ земель въ Америкѣ увеличилась на 21,8%, а въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи—на 2,3%. Авторъ обращаетъ вниманіе также и на тотъ фактъ, что Сѣверная Америка, при распредѣленіи своей запашки, захватывала все новыя и плодородныя земли на Западѣ, Россія же увеличивала площадь культурныхъ земель во многихъ губерніяхъ съ очень бѣдною почвой: въ Виленской—на 9,5%, Псковской—на 10,4%, Смоленской—на 10,5%, Могилевской—на 13,4%, Витебской—на 24,6%. Въ подобныхъ мѣстахъ, большею частію, выкорчевывались пески изъ подъ лѣса, чтобы воспользоваться нѣсколькими урожаями на новинѣ. Можно ли удивляться послѣ всего этого, что мы обязываемся совершенно бессильными соперничать съ Америкой.

Все это побуждаетъ г. Варзара высказаться за то, что Россію необходимо привлечь къ культурѣ земли наибольшаго естественнаго плодородія—кавказскія, сибирскія и посредствомъ широко поставленной колонизаціи новыхъ земель освободить Европейскую Россію отъ избыточнаго населенія, которое вовсе не нужно на мѣстѣ для культуры зерновыхъ хлѣбовъ и не можетъ отыскать себѣ другое занятіе. Оцѣнивая эконоическія послѣдствія такой политики, авторъ говоритъ, что при большемъ земельномъ просторѣ въ Европейской Россіи поднимется заработная плата и сельское хозяйство будетъ прогрессировать. Если бы въ среднихъ губерніяхъ поденная рабо-

чая плата, при уборкѣ хлѣба, поднялась до 1 рубля, то всё сельскіе хозяйства стали бы въ широкихъ размѣрахъ пользоваться машинами; такой переходъ совершился бы и во многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ. «Экономическая сторона русскаго горя,—говоритъ авторъ,—заключается теперь въ томъ, что русское племя, сидя отчасти на малопродуктивной сѣверной почвѣ, а отчасти на недостаточной по пространству черноземной землѣ при самыхъ неблагоприятныхъ въ мірѣ климатическихъ условіяхъ, но вынужденное жить исключительно земледѣльемъ, бесполезно изнуряетъ себя при самыхъ невыходныхъ условіяхъ производства земледѣльческаго продукта. При такомъ положеніи, вырабатывая значительно, наприм., вдвое или втрое меньше продукта, чѣмъ рабочіи другихъ земледѣльческихъ странъ, русскій рабочій бѣденъ, почти лишень употребленія металловъ и мануфактурныхъ товаровъ, стѣсненъ даже въ употребленія пищи. При низкомъ уровнѣ потребностей о какомъ развитіи внутренняго рынка для хлѣба и издѣлій обрабатывающей промышленности можетъ быть рѣчь? А, между тѣмъ, суровый климатъ заставляеть русскаго человѣка нуждаться болѣе другихъ народовъ въ жилищѣ, топливѣ, тепломъ платьѣ, обуви и проч.» Если,—думаетъ г. Варзаръ,—правильная колонизація увеличитъ производительность труда въ Россіи, то будетъ выгодно продавать хлѣбъ не только по 40 к. за пудъ, но и по 25 к. А потому наступитъ естественный конецъ кризису въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ.

Изслѣдованіе г. Варзара выгодно отличается отъ обширной литературы о кризисахъ, такъ какъ доходитъ до нѣкоторыхъ основныхъ условій въ положеніи сельскаго хозяйства. Вотъ почему авторъ правильно указываетъ на часть задачи, которая возникаетъ предъ нашимъ правительствомъ и обществомъ. Переселенія, организованныя на широкихъ основаніяхъ, при дѣятельной поддержкѣ государства, поставятъ массу населенія въ гораздо болѣе благоприятныя условія, нежели положеніе, въ которомъ она находится нынѣ. А отсюда большее количество продуктовъ и пониженіе издержекъ производства. Но все это еще не даетъ отвѣта на вопросъ о томъ, насколько Россія сохранитъ свое мѣсто на мировомъ рынкѣ и насколько, вообще, будутъ устранены главныя причины, питающія сельско-хозяйственный кризисъ.

Наставая на привлеченіи къ культурѣ кавказскихъ, среднеазиатскихъ и сибирскихъ земель, мы указываемъ мѣру, которая можетъ имѣть значеніе для всего народнаго хозяйства Россіи. Но, дѣлая выводъ, что это обезпечитъ намъ господство на всемірномъ рынкѣ, мы впадаемъ въ одну ошибку: мы предполагаемъ, что страны, вывозящія хлѣбъ и въ настоящее время наши опасные соперники, достигли крайнихъ предѣловъ въ развитіи и улучшеніи своего сельскаго хозяйства. А, между тѣмъ, есть гораздо больше основаній утверждать, что успѣхи сельскаго хозяйства только начнутся. Уже не говоря о томъ, что могутъ создать на этомъ поприщѣ народы развитые при помощи науки, даже безъ перехода съ истощенныхъ земель на болѣе плодородныя европейско-американскій міръ имѣетъ передъ

собой очень широкій просторъ. Въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки не заняты еще очень большія площади плодородныхъ земель. Южная Америка, превосходящая пространствомъ Азіатскую Россію, почти пустынна; а, между тѣмъ, она обладаетъ несравненно болѣе благопріятными условіями для развитія земледѣлія, чѣмъ Азіатская Россія. Австраійцы, перенесшіе въ пятую часть свѣта всю энергію и все высокое умственное развитіе Британіи, занимаютъ только микроскопическую частицу материка и могутъ привлекать къ культурѣ огромныя пространства дѣвственныхъ земель. Наконецъ, цѣлый рядъ новѣйшихъ открытій познакомили Европу съ Африкой, какъ полемъ для обширной колонизаціи. Если мы сравниваемъ наше отечество съ какой-либо одной страной, то остаемся подъ впечатлѣніемъ обширности Россіи и охотно затягиваемъ старую пѣсню (о дѣйствительности для этой пѣсни никогда не было достаточнаго матеріала), что можемъ завидать враговъ шапками. Но какъ скоро сопоставили Россію съ цѣлыми частями свѣта (а что мѣшаетъ, напримѣръ, всей Америкѣ, образовать постепенно единую, цѣльную экономическую единицу), то бросаются въ глаза скромныя богатства, которыми насъ надѣлила природа. А потому эксплуатированіе въ предѣлахъ нашей страны всѣхъ земель, которыя наиболѣе благопріятны для культуры, еще не обезпечиваетъ намъ первенствующаго положенія на мировомъ рынкѣ: стѣбитъ американцамъ и австраійцамъ быть вѣрными сельско-хозяйственной политикѣ, которой они держались до настоящаго времени, стѣбитъ наиболѣе энергическимъ народамъ Запада упрочиться въ Африкѣ, — и поблѣднѣютъ всѣ выгоды, которыя можетъ достигнуть Россія отъ правильнаго распредѣленія людей по территориямъ государства.

Отмѣтимъ въ положеніяхъ г. Варзара еще одну странность, которую мы встрѣчаемъ очень часто при обсужденіи нашего хлѣбнаго вопроса, — что издержки производства хлѣба въ Россіи не выше, чѣмъ въ Америкѣ, и что нашъ ручной трудъ можетъ соперничать съ американскимъ машиннымъ трудомъ. Слышишь это сотни и тысячи разъ и привыкаешь принимать на вѣру, безъ всякихъ возраженій. Но если ближе присмотрѣться къ послѣдствіямъ этого соперничества для обѣихъ странъ, то увидишь, что оно дѣлаетъ русскихъ людей все менѣе и менѣе пригодными для успѣшнаго соперничества. Американскій рабочій получаетъ высокую плату, которая сполна покрываетъ его потребности, обезпечиваетъ ему и потомкамъ полный запасъ физическихъ силъ и даетъ возможность для умственнаго развитія, которое все болѣе и болѣе облегчаетъ ростъ производительности земледѣльческаго труда. Въ Россіи сельскій рабочій получаетъ такую скудную плату, что тѣлесное развитіе замедляется, физическія силы застываютъ на очень низкомъ уровнѣ. Если, поэтому, различіе между американскимъ и русскимъ работниками велико въ настоящее время, то оно общается еще болѣе возрасти въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Вотъ условія, которыя побуждаютъ считать очень важными тѣ перемѣны въ русскомъ сельскомъ

хозяйствѣ, въ силу которыхъ оно перейдетъ къ машинамъ и будетъ удѣлять работнику болѣе высокую плату.

Отмѣтимъ также ошибку, въ которую впадаютъ многіе при обсужденіи вопроса о томъ, насколько мелкіе размѣры болѣе выгодны въ сельскомъ хозяйствѣ, нежели крупныя. Въ теченіе 80-хъ годовъ пониженіе доходности земли было причиной разоренія многихъ крупныхъ фермеровъ въ Англіи и повело къ дробленію крупныхъ фермъ на мелкіе участки. Подобное же явленіе обнаружилось мѣстами и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Однако, слѣдуетъ смотрѣть на это пока, какъ на временный переходъ, вызванный тѣмъ, что сельское хозяйство не успѣло приспособиться къ понизившимся цѣнамъ земледѣльческихъ продуктовъ; временно обнаружилась наибольшая выгодность его для тѣхъ, которые прилагаютъ къ землѣ личный трудъ и, не получая прибыли, могутъ обойтись даже самой скудной заработной платой. Новѣйшіе успѣхи сельско-хозяйственной технологіи въ связи съ перемѣнами въ комбинаціи системъ земледѣлія снова помогутъ крупному производству одержать побѣду надъ мелкимъ сельскимъ хозяйствомъ. Мы видимъ это стремленіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности; въ земледѣліи эта тенденція ослабляется многими условіями, но не парализуется, какъ то очевидно каждому, знакомому съ исторіей сельскаго хозяйства въ наиболѣе культурныхъ странахъ за послѣднія 50 лѣтъ.

Такъ какъ мы убѣждены, что въ земледѣліи можетъ только временно, на непродолжительные періоды ослабѣвать тенденція подавленія мелкаго производства крупнымъ, то и переселенія представляются палліативною мѣрой противъ кризисовъ. Переселенія увеличатъ число мелкихъ землевладѣльцевъ; но рядомъ съ ними останутся средніе и крупныя. Успѣхи прикладныхъ наукъ поставятъ ихъ въ болѣе выгодное положеніе относительно всемірнаго рынка. Но масса мелкихъ, вынужденная продавать свои продукты по цѣнамъ, достаточнымъ для болѣе крупныхъ производителей, будетъ вести убыточное хозяйство; а бездоходность его и впредь будетъ причиной того, что мелкіе землевладѣльцы останутся крайне незначительными покупателями товаровъ, поставляемыхъ на рынокъ обрабатывающею промышленностью. Для того, чтобы мелкое землевладѣніе получило устойчивость и жизнеспособность на ряду съ крупнымъ, необходимо не только открытіе массамъ русскаго крестьянства доступа къ землѣ, но и созданіе такихъ условій, при которыхъ могутъ развиваться разные виды сельско-хозяйственнаго артельного производства.

Конечно, артельное производство создается не предписаніями и распоряженіями властей о томъ, чтобы крестьяне такой-то деревни основа и артель для объединенія земледѣльческаго промысла на такихъ-то участкахъ. Оно можетъ постепенно возникнуть и сложиться лишь при томъ условіи, что самоуправленіе будетъ построено на гораздо болѣе широкомъ основаніи, нежели въ настоящее время; оно окрѣпнетъ лишь въ томъ случаѣ, если исчезнетъ недовѣріе администраціи къ общественнымъ силамъ, не вѣріе, побуждающее ограничивать и стѣснять самостоятельность отдѣль-

ныхъ группъ населенія и ставить преграды тѣмъ членамъ образованнаго класса, которые хотять посвятить народнымъ интересамъ свои знанія и свое время.

Пятаго минувшаго іюня изданъ законъ о всеобщей переписи въ Имперіи. Распространяясь на все государство, народная перепись будетъ примѣняться съ нѣкоторыми отступленіями среди инородческаго населенія губерній: Архангельской, Астраханской и Оренбургской, областей: Закаспійской, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской, Кавказскаго и Туркестанскаго края, а равно губерній и областей Сибири. Перепись имѣетъ цѣлью выяснить относительно каждаго лица слѣдующее: имя, отчество, фамилію или прозвище, семейное положеніе, отношеніе къ хозяину, взаимныя семейныя отношенія лицъ, не принадлежащихъ къ семейству хозяина, какъ возрастъ, состояніе или сословіе, вѣроисповѣданіе, мѣсто рожденія, мѣсто постояннаго жительства, занятіе и важнѣйшіе постоянные недостатки—слѣпоту, глухоту, нѣмоту и душевную болѣзнь. Такъ какъ производство переписи должно быть свободно отъ малѣйшаго намека на фискальныя цѣли, то не требуется документовъ для удостовѣренія правильности свѣдѣній, которыя заносятся въ переписные листы. Министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя общее руководство переписью, имѣетъ право назначать, съ высочайшаго соизволенія, особыхъ лицъ для объединенія дѣйствій мѣстныхъ переписныхъ учреждений, привлекать къ дѣлу чиновъ своего министерства и другихъ вѣдомствъ, а равно приглашать лицъ, которыя не состоятъ на государственной службѣ. Ближайшее завѣдываніе переписью возлагается на главную переписную комиссію въ Петербургѣ, на губернскія и областныя комиссіи въ губернскихъ городахъ и уѣздныя или окружныя комиссіи въ уѣздахъ и округахъ. Особыя переписныя комиссіи будутъ образованы въ слѣдующихъ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Николаевѣ, Кронштадтѣ, Одессѣ, Севастополѣ и Керчи. Сверхъ того, могутъ быть образуемы особыя комиссіи въ другихъ городахъ, а также крупныхъ посадахъ и фабричныхъ поселеніяхъ. Предсѣдателями комиссій являются: главной—министръ внутреннихъ дѣлъ, губернскихъ—губернаторы, уѣздныхъ—уѣздные предводители дворянства. Членами комиссій состоятъ: главной—лица, назначаемыя высочайшею властью, въ губернскихъ и уѣздныхъ—представители различныхъ правительственныхъ учреждений. Дѣлопроизводство въ главной комиссіи лежитъ на центральномъ статистическомъ комитетѣ, а въ прочихъ комиссіяхъ на избираемыхъ для того ихъ членахъ.

Главная переписная комиссія руководитъ всѣми подготовительными по переписи мѣрами, составляютъ формы переписныхъ листовъ, планъ разработки переписи, соединяетъ губерніи и области въ переписные районы, распределяетъ между мѣстностями суммы, ассигнованныя на перепись, рассматриваетъ жалобы на неправильныя дѣйствія комиссій. Губернскія переписныя комиссіи являются распорядительными органами относительно

уѣздныхъ и городскихъ переписныхъ комиссій и руководить ихъ дѣйстви-
ями. Уѣздныя переписныя комиссіи дѣлаютъ уѣзды и города на перепис-
ные участки, которые, по возможности, приурочиваются къ участкамъ
земскихъ начальниковъ, которые и завѣдуютъ переписными участками. Въ
тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ не введено положенія о земскихъ участковыхъ на-
чальникахъ, къ завѣдыванію участками приглашаются, съ утвержденія гу-
бернатора, мировые посредники, чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, по-
датные инспекторы и прочія лица, знакомыя съ мѣстными условіями. За-
вѣдующіе участками приглашаютъ для содѣйствія счетчиковъ.

Перепись производится по отдѣльнымъ хозяйствамъ. Свѣдѣнія вносятся
въ переписные листы (подъ наблюденіемъ завѣдующихъ переписными участ-
ками), въ селеніяхъ счетчиками, при содѣйствіи волостныхъ старшинъ и
должностныхъ лицъ сельскаго управленія, во владѣльческихъ усадьбахъ,
хуторахъ и проч.—владѣльцами, по принадлежности, на арендуемыхъ зем-
ляхъ—съемщиками и арендаторами, а въ городахъ—квартиро-хозяевами.
Въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ, больницахъ,
тюрьмахъ и другихъ заполненіе листовъ есть обязанность начальства. Пе-
реписные листы составляются въ двухъ экземплярахъ. По наступленіи дня,
къ которому приурочена перепись, переписные листы исправляются лица-
ми, на которыхъ возложена обязанность ихъ оставленія, согласно съ
перемѣнами, происшедшими къ этому дню въ составѣ хозяйства. По за-
вершеніи переписи, завѣдывающіе переписными участками производятъ
повѣрку ея. Повѣрка переписи заканчивается не позднѣе четырехъ мѣся-
цевъ со дня, въ который она произведена. Затѣмъ губернская комиссія
представляютъ весь матеріалъ, съ итогами населенія по городамъ, губер-
ніямъ и уѣздамъ, въ главную переписную комиссію. Мѣстныя переписныя
учрежденія закрываются въ 6-тиѣсячный срокъ, считая отъ дня производ-
ства переписи. Систематическая разработка всѣхъ данныхъ будетъ произ-
ведена центральнымъ статистическимъ комитетомъ по плану, составленному
главною переписною комиссіей.

Таковъ въ существенныхъ пунктахъ законъ 5 іюня. Такъ какъ народ-
ныя переписи точно опредѣляютъ численность и составъ населенія, то они
составляютъ очень важное подспорье для органовъ государственнаго управ-
ленія. Въ Западной Европѣ переписи стали обычнымъ явленіемъ съ самаго
начала текущаго столѣтія. Россія въ этомъ отношеніи отстала отъ своихъ
сосѣдей. Будемъ надѣяться, что законъ 5 іюня положитъ начало правиль-
ному періодическому производству переписей. Названный законъ въ значи-
тельной степени опирается на опытъ, который сдѣланъ въ другихъ стра-
нахъ. Официальная полицейская статистика, которая ежегодно доставляетъ
кра ительству разнообразныя свѣдѣнія о населеніи, замѣняется для пере-
писи органами, которые гораздо лучше могутъ выполнить это дѣло—чи-
новниками разныхъ вѣдомствъ, представителями земства, съ приглашеніемъ
къ участию всѣхъ лицъ, которыя могутъ быть полезны дѣлу. Другою вы-
годною особенностью положенія о переписи является то, что она не пре-

слѣдуетъ никакихъ фискальныхъ цѣлей: отмѣчаются важнѣйшіе факты въ жизни населенія и притомъ въ жизни всѣхъ группъ населенія, а не какого-либо сословія. Повторяемъ уже сказанное въ іюньскомъ *Внутреннемъ Обзорнѣи*, что желательнѣе наибольшее популяризованіе переписи ознакомленіе съ нею населенія посредствомъ брошюръ и чтеній.

Мы уже не разъ отмѣчали недостатки въ организаціи у насъ слѣдственной части. Теперь даже *Гражданинъ* (№ 214), котораго нельзя заподозрить въ излишней симпатіи къ судебному строю, созданному императоромъ Александромъ II, выступаетъ на защиту Судебныхъ Уставовъ и высказываетъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей по поводу тѣхъ неблагоприятныхъ измѣненій, которыя вкрались въ нашу судебную часть. Характеризуя дореформенный судъ, авторъ статьи говоритъ, что его отличительными чертами были волокита, лицепріятіе, сутяжничество, врючкотворство, взяточничество, произволь какъ въ постановленіи приговоровъ, такъ и въ ихъ исполненіи. Бывали, и даже нерѣдко, случаи такого произвола, что не вѣрится, чтобъ это происходило въ столь недавнемъ прошломъ. Но съ 60-ми годами положеніе дѣла измѣнилось. Введеніе въ Россіи судебныхъ уставовъ 1864 года «породило для внутренней общественной жизни Россіи свѣтлую эпоху, освѣтило судейскую и судебную атмосферу и произвело коренную реформу всего судебного строя и порядка отправленія правосудія». Следственная часть была также преобразована. Старались построить предварительное слѣдствіе на такихъ основаніяхъ, чтобы для обвиняемаго были серьезныя гарантіи. Но въ слѣдственной части, какъ она сложилась при господствѣ новыхъ судебныхъ уставовъ, обнаружались значительныя недостатки, которые были слѣдствіемъ того, что были совершены отступленія отъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ. Согласно съ духомъ судебныхъ уставовъ Александра II, слѣдователи должны были быть слѣдственными судьями. «Первымъ и необходимымъ условіемъ безпристрастной и всесторонней разработки предварительнаго слѣдствія должна быть для судебныхъ слѣдователей полная ихъ независимость, самостоятельность и свобода въ производствѣ слѣдственныхъ дѣйствій, но вотъ этихъ-то необходимыхъ условій на практикѣ и не существуетъ. Несмѣняемость чиновъ магистратуры, этотъ одинъ изъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, коснувшись *de jure* и судебныхъ слѣдователей, *de facto* еще при самомъ началѣ судебной реформы сталъ не всегда къ нимъ примѣняться... Обходя назначеніемъ исправляющихъ должность слѣдователя, законъ о несмѣняемости судебныхъ слѣдователей и давая вмѣсто несмѣняемыхъ слѣдственныхъ судей лишь чиновниковъ, могущихъ каждую минуту быть отозванными отъ исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей, министерство юстиціи пошатнуло въ самомъ основаніи принципъ ихъ несмѣняемости... Судебные слѣдователи, переставъ въ большинствѣ случаевъ быть несмѣняемыми, фактически подпали подъ власть и вліяніе лицъ прокурорскаго надзора... Не чувствуя подъ своими ногами твердой

почвы, исправляющіе должность судебныхъ слѣдователей, отчасти изъ бѣзны, вслѣдствіе несогласія съ лицами прокурорскаго надзора потерять должность, отчасти въ виду другихъ практическимъ соображеній, обезличиваются и вносятъ въ предварительное слѣдствіе элементъ односторонности, который идетъ въ разрѣзъ со справедливостію и безпристрастіемъ. Для того, чтобы парализовать одностороннее вліяніе на слѣдователей лицъ прокурорскаго надзора, необходимо, — говоритъ авторъ, — допустить на предварительномъ слѣдствіи участіе и защиты.

Приводя это мнѣніе газеты, которая нерѣдко высказывалась очень рѣзко и враждебно о Судебныхъ Уставахъ Александра II, мы усматриваемъ въ такомъ поворотѣ живое доказательство того, насколько очевидно благотворны основанія созданнаго 30 лѣтъ тому назадъ судебного строя и насколько, при всѣхъ работахъ надъ его улучшеніемъ, слѣдуетъ заботиться не о коренномъ измѣненіи судебныхъ уставовъ, а, напротивъ, о дальнѣйшемъ ихъ развитіи, согласно съ той идеей, которую вложилъ въ нихъ законодатель. Остановившаяся на вопросѣ о преобразованіи предварительнаго слѣдствія, мы скажемъ, что допущеніе защитниковъ къ участію въ предварительномъ слѣдствіи принесло бы дѣлу отправленія правосудія существенную пользу: оно сдѣлало бы невозможнымъ преданіе суду въ тѣхъ случаяхъ, когда оно основывается больше на общихъ подозрѣніяхъ, нежели на фактахъ, больше на увѣренности слѣдователя, что подозрѣваемый, по своимъ занятіямъ и въ силу общей обстановки, могъ совершить преступленіе, нежели на фактахъ, которые говорятъ, что онъ совершилъ его. Оно устранило бы много случаевъ, когда объемистое дѣло, законченное у слѣдователя, оказывается только ворохомъ ни на что ненужной бумаги, когда обнаружившаяся на судѣ неосновательность обвиненія ведетъ къ оправданію и подрываетъ авторитетъ правосудія. Введеніе защиты на предварительное слѣдствіе имѣло бы и на слѣдователей воспитательное вліяніе. Будучи теперь полными хозяевами въ каждомъ дѣлѣ, поступившемъ въ ихъ вѣдѣніе, встрѣчая отъ подозрѣваемаго въ преступленіи только очень слабый отпоръ, слѣдователи рѣже находятъ матеріалъ, который напрягалъ бы ихъ умственные силы, побуждалъ воскрешать въ памяти приобрѣтенныя знанія, заботиться о пополненіи юридическаго образованія и изученіи быта даннаго района, нежели было бы въ томъ случаѣ, когда слѣдователь уже съ самаго возникновенія дѣла будетъ видѣть передъ собой защитника, старающагося отыскать факты, которые могутъ послужить на пользу привлеченному къ слѣдствію. Противникамъ защиты на предварительномъ слѣдствіи, утверждающимъ, что она можетъ способствовать обвѣнному скрывать слѣды преступленія, мы выразимъ, что, независимо отъ нравственныхъ задержекъ, которыя дѣйствуютъ на многихъ защитникахъ, они подлежатъ дисциплинарной и уголовной отвѣтственности въ томъ случаѣ, еслибъ ихъ дѣйствія были направлены на сокрытіе слѣдовъ преступленія. Есть полное основаніе требовать, чтобы защита на предварительномъ слѣдствіи была подъ контролемъ судебной власти, чтобы въ ряды

защитниковъ не были допускаемы лица подозрительныя, недостойныя адвокатскаго званія, которыя не усвоили себѣ привычки проводить пограничную черту между собираніемъ фактовъ, могущихъ служить на пользу обвиняемому, и разнообразными продѣлками, съ помощью которыхъ одни факты скрываются, а другіе искажаются до неузнаваемости. Можно сдѣлать относительно этого развѣ только ту уступку, чтобы первый допросъ обвиняемыхъ производился не въ присутствіи защитника. Нельзя считать убѣдительнымъ и этотъ доводъ противъ защиты на предварительномъ слѣдствіи, что, будто бы, недостатокъ людей сдѣлаетъ защиту привилегіей состоятельныхъ лицъ, которыя могутъ хорошо оплатить трудъ защитника, тогда какъ бѣдные фактически, не имѣя возможности оплатить трудъ защитника, не будутъ пользоваться защитой. Недостатокъ въ присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ ходатаяхъ могъ бы быть восполненъ привлеченіемъ кандидатовъ на судебныя должности къ систематическому отпращиванію функций, связанныхъ съ такою защитой.

За послѣднее время дѣлаются попытки улучшить состояніе церковно-приходскихъ школъ, которыя, какъ извѣстно, оставляютъ желать очень многого. На ихъ содержаніе закономъ 5 іюня ассигновано отпускать изъ казны дополнительныхъ $3\frac{1}{4}$ милліона рублей въ годъ. Конечно, усиленіе матеріальныхъ средствъ можетъ измѣнить къ лучшему постановку учебнаго дѣла въ томъ или другомъ училищѣ, но, въ общемъ, противъ нихъ остаются возраженія, которыя и теперь съ полнымъ основаніемъ выдвигаютъ противъ нихъ знатоки русской народной школы.

Напомнимъ, наприм., о томъ, что въ газетахъ неоднократно дѣлались указанія на церковно-приходскую школу, какъ на типъ народнаго училища, наиболѣе приспособленный къ условіямъ сибирской жизни. Такое мнѣніе мотивируется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ Сибири нѣтъ земства, что число образованныхъ людей очень невелико и духовенство занимаетъ особенно видное мѣсто въ дѣлѣ просвѣщенія народа. Однако, факты сибирской жизни заставляютъ внести въ это мнѣніе существенную поправку. Въ Ялуторовскомъ округѣ, Тобольской губ., находятся 34 министерскихъ школы, 13 церковно-приходскихъ, 22 школы грамотности и 15 татарскихъ училищъ. Законоучители всѣхъ школъ должны были дать за 1893 — 4 годъ 3,720 уроковъ, дали же 2,029, а пропустили 1,691, т.-е. каждый законоучитель, вмѣсто положенныхъ 120 уроковъ, далъ только 67, т.-е. пропустилъ 45%. Это явленіе поражаетъ всякаго, кто не знакомъ съ условіями, въ которыхъ находятся сибирскіе приходы. Но упреки по адресу законоучителей не всегда справедливы, такъ какъ приходы обнимаютъ очень обширныя пространства и требуютъ отъ духовенства очень много времени при совершеніи требъ. Средній приходъ состоитъ въ Ялуторовскомъ округѣ изъ 8 населенныхъ пунктовъ, съ разстояніемъ ихъ отъ приходскаго села около 30 верстъ и съ населеніемъ въ 5,356 душъ. Есть приходы, гдѣ отъ села до деревень насчитывается 65—70, даже 80 верстъ, и населеніе около

10,000 душъ. Это разстояніе должно быть увеличено вдвое, такъ какъ священнику приходится ѣздить туда и обратно. А потому онъ нерѣдко прѣзжаетъ для совершенія требъ 100—150 верстъ и болѣе. Припомнимъ состояніе грунтовыхъ дорогъ осенью и раннею весной, припомнимъ, что часто для требъ священники ѣздить на слабосильныхъ крестьянскихъ лошадахъ, и мы поймемъ, что законоучитель часто вынужденъ пропускать уроки. Частые пропуски уроковъ дали, какъ показываетъ ревизія, произведенная въ началѣ нынѣшняго года, неудовлетворительные результаты по преподаванію закона Божія. Въ нѣкоторыхъ училищахъ только немногіе ученики могли сказать, что есть одинъ Богъ, многіе же ученики говорили, что боговъ много, и причисляли къ богамъ «Миколу Святителя», «Егорья Храбраго» и другихъ. Въ знаніи основныхъ молитвъ обнаружилась крайне недостаточная подготовка.

Если законоучители такъ затруднены въ исполненіи своихъ преподавательскихъ обязанностей, то священникамъ или дьяконамъ, завѣдующимъ церковно-приходскими школами, еще гораздо труднѣе быть неотступно при дѣлѣ, которое ввѣрено ихъ попеченію. Законоучителю нужно дать нѣсколько уроковъ въ недѣлю, а священнику, руководящему церковно-приходскою школою, если даже онъ раздѣляетъ трудъ преподаванія съ особымъ учителемъ, нужно затрачивать гораздо больше времени, чѣмъ на преподаваніе одного закона Божія. И церковныя требы ставятъ этому еще гораздо больше преградъ.

Недавно были напечатаны въ *Кіевлянинѣ* выдержки изъ отчета попечителя о состояніи кіевского учебнаго округа. Попечитель находитъ, что въ большинствѣ уѣздовъ Юго-Западнаго края число училищъ не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ. Учебное дѣло не только не извѣняется къ лучшему, но еще ухудшается, такъ какъ открытіе новыхъ училищъ не послѣдуетъ за естественнымъ приростомъ населенія. Довольно сказать, что во всемъ Югозападномъ краѣ, гдѣ населенность очень велика, 1 народная школа приходится на 214 кв. верстъ. Недостатку школъ думали пособить устройствомъ церковно-приходскихъ училищъ. Попечитель учебнаго округа находитъ, что въ Югозападномъ краѣ школа, кромѣ общаго религіозно-нравственнаго воспитанія, должна способствовать сліянію въ одну народность всѣхъ разнообразныхъ религіозныхъ и племенныхъ элементовъ края. Такая задача можетъ быть рѣшаема школами министерства народнаго просвѣщенія. Попечитель кіевского округа находитъ, что казна не будетъ вынуждена дѣлать на эти школы большія затраты, такъ какъ крестьянское населеніе готово нести въ пользу школъ значительныя матеріальныя жертвы. Теперь приговоры сельскихъ обществъ часто остаются безъ послѣдствій, такъ какъ епархіальное начальство не всегда даетъ согласіе на открытіе училищъ. А потому попечитель округа признаетъ желательнымъ предоставить учебному вѣдомству право открывать школы, гдѣ то будетъ нужно и возможно, безъ всякаго предварительнаго сношенія съ другими вѣдомствами.

И такъ, къ Сибири слѣдуетъ приобщить весь Югозападный край, какъ территорію, гдѣ церковно-приходскія школы не могутъ принести ожидаемыхъ отъ нихъ полезныхъ результатовъ. Таковую же неудовлетворительность находимъ мы и во многихъ другихъ мѣстахъ. Хвалынское уѣздное земское собраніе, какъ пишетъ *Саратовскій Листокъ*, постановило просить епархіальный совѣтъ назначать въ церковно-приходскія школы для занятій не дьяконовъ и псаломщиковъ, а настоящихъ учителей и учительницъ. Въ Орловской губерніи, какъ недавно сообщалъ *Орловскій Вѣстникъ*, церковно-приходскія школы открываются во многихъ селеніяхъ, но не имѣютъ успѣха, такъ какъ учителями состоятъ преимущественно мѣстные духовныя лица, которыя не всегда могутъ правильно заниматься съ учениками, — ихъ отрываютъ требы и разныя другія обязанности. А потому нерѣдко бываетъ такъ, что крестьянскіе мальчики, вмѣсто того, чтобы учиться, расходятся по домамъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ учителями служатъ грамотные крестьяне, очень мало подготовленные къ преподаванію, вслѣдствіе чего и не могутъ приобрести въ глазахъ учениковъ никакого авторитета. Подобныя же жалобы доносятся изъ Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи. Одоевское земство передало всѣ свои школы въ вѣдѣніе духовенства и не принимаетъ никакого участія въ дѣлѣ народнаго образованія. Состояніе церковно-приходскихъ школъ въ уѣздѣ, какъ сообщаетъ *Орловскій Вѣстникъ*, ниже всякой критики. Плата учителю обыкновенно колеблется отъ 25 до 45 коп. въ мѣсяцъ съ ученика. Между учителями рѣшительно нѣтъ хорошо подготовленныхъ людей; многіе же, по безграмотству, совершенно непригодны. Газета говоритъ, что у многихъ учителей ученики, проучившіеся 2—3 зимы, еще не доходятъ до молитвъ. Во многихъ школахъ ученики не умѣютъ правильно читать «Отче нашъ». Многіе учителя крайне грубы въ обращеніи съ дѣтьми. Школьныя помѣщенія очень дурны: большею частью училища помѣщаются въ наемныхъ избахъ; здѣсь же содержатся домашнія животныя. На важнѣйшія учебныя пособія нѣтъ и намека. Эти факты — невозможность для дѣтей выучить за 2—3 года основныя молитвы — особенно говорятъ противъ церковно-приходскихъ школъ, гдѣ, уже по самому ихъ характеру, дѣти, казалось бы, должны дѣлать большіе успѣхи въ изученіи закона Божія. Какъ велика разница между одоевскимъ земствомъ, перешедшимъ къ церковно-приходскимъ школамъ, и тѣми земствами, которыя вѣдаютъ народное образованіе и состоятъ преимущественно изъ крестьянъ! Таковы, наприм., земства Вятской губерніи. Малмыжское земское собраніе, по предложенію гласнаго г. Батуева, подняло вопросъ объ открытіи въ Вятской губерніи 3,000 библиотекъ. Вятская губернская земская управа поддержала это ходатайство. Каждая библиотечка должна заключать до 100 книгъ на сумму до 5 рублей. Необходимые на это 15,000 рублей ассигнованы изъ запаснаго капитала.

Закономъ 29 мая текущаго года постановлено обращать въ особый капиталъ поступающія въ казну денежныя взысканія по дѣламъ о наймѣ

фабричныхъ рабочихъ. Причисляемый къ денежнымъ средствамъ министерства финансовъ, этотъ капиталъ предназначается на то, чтобы выдавать изъ него вспомошествованія больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ. Конечно, эти суммы, даже при энергическомъ преслѣдованіи всѣхъ нарушеній по найму рабочихъ, не могутъ быть особенно велики. Но самый законъ имѣетъ значеніе. Пожелаемъ, чтобъ онъ былъ первымъ шагомъ по пути правильнаго упорядоченія страхованія рабочихъ.

Телеграфъ сообщилъ о состоявшемся 30 августа въ Казани открытіи памятника Императору Александру II. Власти, представители городского общественнаго управленія, многотысячныя толпы, рѣчи, иллюминація города, освобожденіе учащихся на три дня отъ учебныхъ занятій—вотъ внѣшніе факты, съ которыми было связано это торжество. Эти внѣшніе факты вносятъ въ жизнь нѣкоторое разнообразіе и вскорѣ забываются. А свѣтлый образъ того, кому Казань соорудила памятникъ, навсегда связанъ съ грядущими судьбами Россіи. Не только десятки и сотни русскихъ городовъ могутъ вести отъ царствованія Александра II начало своего экономическаго роста и общекультурнаго развитія, но и весь нашъ народъ долженъ съ полнымъ правомъ искать въ освободителѣ крестьянъ начала обновленія всего нашего общественнаго строя. Мысль русскихъ людей, которые радуются замѣнѣ самоуправленіемъ докучливой и мелочной административной опеки, съ любовью останавливается на Александрѣ II. Память о немъ хранить и тотъ, кто высоко цѣнитъ справедливый и независимый судъ общественной совѣсти. Въ его царствованіе положены основы всего нашего дальнѣйшаго общественнаго развитія. Вотъ почему казанское торжество становится изъ мѣстнаго общерусскимъ праздникомъ.

Съ 27 ноября по 14 декабря нынѣшняго года въ Москвѣ будетъ сельско-хозяйственная выставка, на которой видное мѣсто займетъ отдѣлъ Московскаго комитета грамотности. По полнотѣ и систематичности коллекцій выдаются, какъ намъ сообщаютъ, заявленія объ участіи на выставкѣ московскаго губернскаго земства и одесскаго городского общественнаго управленія. Выставка имѣетъ цѣлью дать обстоятельную картину современнаго положенія нашей народной школы и намѣтить необходимыя улучшенія въ ея постановкѣ. Напомнимъ, что заявленія о желаніи участвовать на выставкѣ надо направлять въ комитетъ грамотности (Москва, Смоленскій бульваръ, въ домѣ Земледѣльческой школы).

сентября скончался въ Москвѣ докторъ медицины Николай Андреевичъ Бѣлоголовый. Недолго пришлось ему прижить на родинѣ по возращеніи изъ многолѣтняго пребыванія за границей. Имя покойнаго долъ звалось широкою и почетною извѣстностью не только въ медицинско-е, но и въ литературномъ мірѣ. Высокообразованный и гуманный

врачъ, безкорыстный, отзывчивый къ страданіямъ бѣдняковъ, Николай Андреевичъ не только лѣчилъ, но и сумѣлъ приобрести дружественное расположеніе такихъ людей, какъ Некрасовъ, Салтыковъ, графъ Лорисъ-Меликовъ... Искреннюю печаль чувствуютъ, хороня Николая Андреевича Бѣлоголоваго, всѣ его знакомые, всѣ больные, которые къ нему обращались, всѣ люди, дорожащіе русскою наукой и успѣхами русской общественной мысли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Сентябрь

1895 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.— Бритива и публицистика.— Философія, психологія и педагогика.— Исторія.— Политическая экономія и финансы.— Юридическія книги.— Естествознаніе.— Учебники и учебныя пособия.— Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», августъ.— «Русское Богатство», июль.— «Сѣверный Вѣстникъ», августъ.— «Русская Школа», кн. V и VI. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Материалы для полного собранія сочиненій Д. И. Фонвизина“. Н. С. Тихонравова.— „Въжурскіе рассказы“. Д. Е. Липпо.— „Въ глухомъ мѣстечкѣ“. Н. Наумова.— „Макаровка“. Р. Хима.— „Къ чему жить?“ Изд. „Посредника“.

Материалы для полного собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова. Спб., 1894 г. Изданіе второго отдѣленія академіи наукъ. Всѣмъ знавшимъ покойнаго Н. С. Тихонравова извѣстна та крайняя щепетильность и осторожность, съ которыми онъ относился къ изданію каждаго своего ученаго труда; появленіе книги всегда затягивалось, но было эффектнымъ, наряднымъ; изданіе всегда было тщательно отдѣлано съ внутренней и внѣшней стороны.

Второе отдѣленіе академіи наукъ не соблюло завѣта своего безвременно скончавшагося сотоварища и выпустило отрывки его предсмертнаго труда въ болѣе чѣмъ небрежномъ видѣ: планъ нарушенъ; не все найдено, что хотѣлъ напечатать самъ покойный академикъ; дано странное названіе (*Посмертный трудъ*) и вездѣ употреблено написаніе *Фонвизинъ*, хотя Н. С. не признавалъ его; въ концѣ приложены таблицы снимковъ, имѣвшія смыслъ въ изданіи самаго Тихонравова и неумѣстныя теперь. Однимъ словомъ, получилось что-то жалкое и даже обидное для памяти Н. С.,—отъ этого труда любители русской литературы такъ много ожидали и такъ мало получили.

Изданіе даетъ намъ впервые напечатанную старую, но не устарѣвшую біографію Фонвизина, принадлежащую перу Тихонравова, и испрошенные тексты *Альзира*, *Коріона*, *Бригадира* и *Недоросля* съ нѣкоторыми примѣчаніями и вариантами. Во второмъ отдѣлѣ напечатаны сочиненія, приписываемыя Фонвизину, и отчасти освѣщенъ вопросъ о нихъ.

Отчего академіи не взять бы на себя изданія полного собранія сочиненій Фонвизина? Ефремовское изданіе, конечно, не вездѣ точно и повѣдалось теперь библиографическою рѣдкостью; нигдѣ не перепеча-

таны нѣкоторых переводы Фонвизина, весьма важные для оцѣнки его литературной дѣятельности и исторіи нашего литературнаго языка. У академіи средства для изданія есть и нѣтъ особаго недостатка въ научныхъ силахъ. Только отъ нея мы и можемъ ожидать вполнѣ научнаго изданія всѣхъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій великаго автора *Недоросля*, а пока, въ особенности благодаря своему послѣднему изданію, академія въ долгу и передъ русской читающей публикой, и передъ памятью Фонвизина и Тихонравова: нужно заглавить содѣянный грѣхъ.

Бѣлорусскіе рассказы. Д. Е. Лаппо. Казань, 1895 г. Цѣна 1 руб. Въ восьми небольшихъ рассказахъ авторъ даетъ картинки быта бѣлорусскихъ крестьянъ, которыхъ г. Лаппо, повидимому, хорошо знаетъ и любитъ. Всѣ эти повѣствованія написаны просто, искренно, задушевно и читаются съ большимъ интересомъ. Мрачное житье бѣлорусскаго крестьянина изображено въ такой мягкой формѣ, которая, ничуть не скрывая неприглядной дѣйствительности, — невольной грубости, нужды и ея спутника пьянства, — возбуждаетъ въ читателѣ чувства симпатіи къ бѣдному деревенскому люду. Лучшимъ мы считаемъ рассказъ, озаглавленный *На каникулахъ*, представляющій собою отрывокъ изъ воспоминаній юноши-студента, проводящаго гдѣто учителемъ дѣтей въ имѣніи зажиточнаго помѣщика. Здѣсь молодой человекъ впервые сталкивается съ тяжелою и затаенною драмой, разыгрывающеюся въ семьѣ крестьянина, по милости „добрыхъ пановъ“, заботливо воспитывающихъ собственныхъ дѣтей и коверкающихъ жизнь молодого поколения своими родительскими стараніями о судьбѣ нѣжно любимыхъ чадъ. „Все это, — замѣчаетъ авторъ, — происходило отъ того, что Клавдія Александровна (хозяйка дома) слишкомъ думала и заботилась о будущности своихъ дѣтей, и въ жертву будущности приносилось все настоящее существованіе ребенка. Обыкновенная судьба русскихъ дѣтей!“ Юный студентъ, по молодости и неопытности, вмѣшивается въ семейную драму крестьянина и потомъ ему до глубины души стыдно становится отъ такого непрошеннаго вторженія въ чужую, невѣдомую ему жизнь, разбитую „панскою“ волей. Правдивость и безыскусственность этого рассказа производятъ надлежащее впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе оставляетъ послѣдній въ книжкѣ рассказъ, *Легенда о замкѣ*, рассказываемая дѣдомъ, сгонщикомъ лѣсныхъ плотовъ, мальчику внуку на рѣкѣ, въ виду богатѣйшаго графскаго замка и сахарнаго завода, который представляется сущимъ адомъ ребенку, по рассказамъ односельчанъ, работавшихъ на этомъ заводѣ. „Въ аду голые люди и тутъ все „голымъ голо“: и бабы, и дѣвки, и мужчины. Всѣ вмѣстѣ по полсутки; изо всѣхъ потъ какъ вода льется; душно, жарко, какъ въ огнѣ; наибольшие ругаются, при случаѣ, и по мордѣ съѣзжаютъ; ѣсть даютъ тамъ мало; даромъ что въ сахарѣ живешь — ѣшь горько и горько достается... Антипка зналъ, что ему не миновать той же чаши, что будетъ недохватъ въ податяхъ и ему съ сестрой придется идти въ заводъ...“ И авторъ съ большою живостью, съ пониманіемъ мировоззрѣнія ребенка-крестьянина, передаетъ, какія мысли пробѣгаютъ въ умѣ двѣнадцатилѣтняго Антипки подъ впечатлѣніемъ рассказовъ дѣда о „гайдамакахъ“, давно-давно расправлявшихся съ угнетавшими бѣлорусскій народъ польскими панами.

Въ глухомъ мѣстечкѣ, рассказъ Н. Наумова. — *Магарка*, эскизъ Р. Хина. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1895 г. Цѣна 85 коп. Почтенная книгоиздательская фирма

„Посредникъ“ имѣетъ въ виду прекрасную цѣль—будить въ читателяхъ гуманныя чувства благорасположенія и любви къ людямъ, вообще, къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, въ особенности. Къ числу таковыхъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, принадлежитъ съ отдаленнѣйшихъ временъ цѣлый народъ—всюду гонимые, всѣми презираемые потомки Израили, предки которыхъ занимали столь выдающееся мѣсто въ культурѣ человѣчества. Авторъ перваго разсказа (*Въ мушкетъ жъстечкѣ*) имѣлъ доброе намѣреніе вызвать у читателя сочувствіе къ евреямъ, живущимъ въ плохомъ уѣздномъ городишкѣ и вынужденнымъ подчиняться такимъ законамъ и порядкамъ, которые во многомъ не согласуются съ ихъ исконными обычаями. Разсказъ ведется отъ перваго лица, причѣмъ повѣствователь говоритъ, что самъ онъ еврей, получившій нѣкоторое образованіе, но оставшійся вѣрнымъ своему народу и своей религіи, готовый всегда придти на помощь бѣднымъ, угнетаемымъ единовѣрцамъ.

Коротенькій очеркъ г. Хина (*Макарка*) передаетъ событіе, возможное не только въ еврейской средѣ, но и во всякой другой, одного уровня развитія со взятою авторомъ, безъ различія національности и религіи. Этотъ разсказъ отнюдь не усилить чьего-либо сочувствія къ евреямъ, а скорѣе—наоборотъ. Мы думаемъ, что совсѣмъ напрасно авторъ взялъ для своего „эскиза“ еврейскую семью. На этотъ несчастный народъ и безъ того, какъ „на бѣднаго Макара, всѣ шишки валятся“...

Къ чему жить? Сборникъ произведеній иностранныхъ авторовъ: Э. Альгрена, Д. Верга, Э. Горнунга, Л. Галеви, Киплинга, А. Лефлеръ, Э. Ожешковой, А. Стриндберга и др. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1895 г. Цѣна 70 коп. Заглавіе сборника—*Къ чему жить?*—очень заманчивое, относятся не ко всѣмъ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ книжкѣ: это—заглавіе перваго разсказа, въ ней напечатаннаго и принадлежащаго перу Эрнста Альгрена (Викторіи Бенедиктсонъ). Всѣхъ разсказовъ двѣнадцать, и послѣдній изъ нихъ подписанъ именемъ г. Сергѣя Филиппова, писателя, кажется, не „иностраннаго“, попавшаго въ чужую для него компанію, вѣроятно, за то, что имъ для сборника дана „бронская легенда“ *Жаворонокъ*. Подборъ разсказовъ можно назвать очень удачнымъ. Изъ нихъ лучшіе: *Укоры совѣсти* А. Стриндберга, *Кусокъ жъмба* А. Лефлера, *Нестѣтка изъ Австраліи* Э. Горнунга. Съ разсказомъ Стриндберга, горячимъ протестомъ противъ войны и милитаризма, наши читатели знакомы,—онъ былъ напечатанъ въ *Русской Мысли*. Въ этомъ разсказѣ сильно и живо изображено то страшное душевное раздвоеніе, которое долженъ испытывать добрый и хорошій человѣкъ, вынужденный на войнѣ убивать людей, уничтожать ихъ имущество, разорять сады и виноградники, разстрѣливать плѣнныхъ за то, что не соблюдены ими формальности, требуемыя военными уставами... Въ разсказѣ *Кусокъ жъмба* авторъ далъ яркую картинку „борьбы за существованіе“ въ трудовой средѣ, гдѣ соперниками являются, съ одной стороны, отецъ многочисленной семьи, нуждающейся въ „кускѣ жъмба“, съ другой—молодая парочка, желающая вступить въ бракъ и вынужденная откладывать свадьбу до полученія мѣста и заработка, на который рассчитывала голодавшая семья. Обѣ стороны пламенно молятъ Бога о томъ, чтобы побѣда осталась за искателемъ мѣста и, съ тѣмъ вмѣстѣ, обѣ стороны хорошо сознаютъ, что „счастье“ можетъ быть получено только цѣною „несчастья“ и страданій конкурентовъ.

Невѣстка изъ Австраліи — милый и веселый рассказъ, изображающій столкновение почтенной англійской семьи, живущей согласно условіямъ высшаго общества, съ молодою „невѣсткой“, привезенною сыномъ прямо изъ австралійскихъ луговъ, гдѣ она привыкла къ полной свободѣ простой жизни скотоводовъ. Два рассказа Л. Галеви (*Со скорымъ походомъ* и *Красавица*) — хорошенькія „бездѣлушки-шутки“, на которыя французы большіе мастера. Переводы, вообще, хороши, хотя не безъ грѣшковъ, вродѣ, на примѣръ, такой фразы: „Одѣвъ калоши и широкій плащъ, она пошла“... Калоши и плащи надѣвають, а не „одѣвають“. Но такихъ и подобныхъ имъ промаховъ не много, и мы отпѣваемъ ихъ лишь потому, что „одѣвъ“, „выглядитъ“ и т. п. уродованія русскаго языка слишкомъ часто и упорно новторяются въ произведеніяхъ и переводахъ нашихъ писателей.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ“. Г. Брандеса. — И. А. Крыловъ и его басни“. А. И. Маркевича. — „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія“. А. С. Пругавина.

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Французская литература. Г. Брандеса. Изд. Ф. Павленкова. Съ 13 портретами и вступительною статьей Е. А. Соловьева. Спб., 1895 г. Цѣна 2 руб. Имя знаменитаго датскаго критика и историка литературы хорошо знакомо русской читающей публикѣ. *Русская Мысль* довольно часто даетъ переводы его новыхъ статей. Первымъ, кажется, обратилъ у насъ вниманіе на Брандеса покойный А. А. Шаховъ, двадцать лѣтъ тому назадъ (въ своей талантливой диссертациіи *Французская литература въ первые годы XIX вѣка*). Характеристика Брандеса, написанная г. Е. Соловьевымъ, небезполезна для русскаго читателя, хотя нѣкоторыхъ фразъ этой характеристики нельзя читать безъ улыбки: „Я, — пишетъ г. Соловьевъ, — признаю заслуги Брандеса“; „все же онъ (Брандесъ) стоитъ на прекрасной дорогѣ“ и т. п. Упомянемъ о томъ, что, по мнѣнію г. Соловьева, „великіе люди исчезли изъ научной исторіи“. Бѣдные Ньютонъ, Гельмгольтцъ, Шекспиръ, Вашингтонъ! Г. Е. Соловьевъ иногда распѣчиваетъ свое изложеніе грубоватыми и совсѣмъ не характерными словечками (*картофельно-селедочнымъ благомучіемъ*, на примѣръ).

Въ числѣ тринадцати портретовъ одинъ изображаетъ самого Брандеса, другіе Шатобриана, Сталь, де-Местра, баронессы Крюднеръ, Ламартина, Ламенэ, Гюго, Мюссе, Жоржъ Зандъ, Бальзака, Рашель и Сень-Симона. Портреты исполнены недурно. Книга (въ два столбца убористой печати, 192 столбца) стоить недорого.

И. А. Крыловъ и его басни (1844—1894). Составлено профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета А. И. Маркевичемъ. Одесса, 1895 г. Мудрено сказать, на какого читателя рассчитана эта небольшая брошюрка: то она черезъ-чуръ элементарна, то затрогиваетъ слишкомъ отвлеченные и малодоступные для средняго читателя вопросы; на ряду съ существенными пробѣлами — излишнія подробности. Біографія Крылова намѣчена блѣдными и бѣглыми чертами; въ оцѣнкѣ его литературной дѣятельности рядъ крупныхъ недоразумѣній. „Указать всѣ особенности языка Крылова невозможно; кажется, нѣтъ ни одного грамматическаго правила, которое не было

бы нарушено. Крыловъ смѣшивалъ всѣ части рѣчи, выговаривалъ слова и настолько мѣтко, что они перешли въ разговорный языкъ, смѣшивалъ всѣ части предложенія, ставилъ подлежащее въ косвенномъ падежѣ или приводилъ его съ предлогомъ и мн. др. Одно мѣшаетъ удивительной ясности языка Крылова — частое употребленіе словъ или выраженій, взятыхъ изъ древнихъ языковъ; приводятся имена греческихъ или римскихъ боговъ и героев, названіе греческихъ мѣстностей и пр.; но это была мода того времени, когда писалъ Крыловъ, и отъ нея не всякій рѣшался отступать, изъ опасенія прослыть невѣждою" (стр. 15).

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ той путаницы понятій, которой не оберешься въ брошюркѣ г. Маркевича. О какой грамматикѣ говоритъ онъ: современныхъ Крылову грамматическихъ руководствахъ или грамматикѣ русскаго языка вообще? Неужели такая постановка рѣшаетъ сложный вопросъ о книжныхъ и разговорныхъ стихіяхъ въ языкѣ Крылова? Неужели Крыловъ, какъ безграмотный школьникъ, смѣшивалъ всѣ части предложенія и рѣчи, т.-е. не отличалъ подлежащаго отъ сказуемаго и существительнаго отъ междометія? Забѣчаніе г. Маркевича относительно подлежащаго воспроизводитъ наивную точку зрѣнія плохихъ грамматическихъ учебниковъ. Затѣмъ, гдѣ у Крылова латинскія и греческія выраженія? Неужели въ то время, когда онъ писалъ свои басни, злоупотребленіе классическою терминологіей было обязательно модой и давало патентъ на образованіе? Почти на каждомъ шагѣ такіе промахи противъ исторіи и здраваго смысла. Написана брошюрка тяжелымъ, сбивчивымъ, мѣстами совсѣмъ неправильнымъ языкомъ. Особенно ужасны по языку и смыслу страницы 9—10: странныя размышленія о баснѣ и баснописцахъ, гдѣ видно и теоретическое безсиліе, и недостатокъ историко-литературныхъ знаній.

Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. А. С. Пругавина. 1895 г. Книга эта въ настоящее время выходитъ вторымъ изданіемъ. Впервые появилась она пять лѣтъ тому назадъ и была встрѣчена весьма сочувственно какъ публикой, такъ и прессой. Тогда былъ отмѣченъ громадный интересъ, вызываемый содержаніемъ, заключающимъ въ себѣ массу любопытнѣйшихъ свѣдѣній о предметѣ большого государственнаго и общественнаго значенія, какое представляетъ собой умственная жизнь народа и степень его развитія, о бытовыхъ формахъ, въ которыя выливается удовлетвореніе умственныхъ потребностей, и, наконецъ, о рядѣ фактовъ частной дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія, примѣры которой внушаютъ нерѣдко самое глубокое уваженіе къ безкорыстнымъ дѣятелямъ на трудномъ и часто тернистомъ пути.

Въ *Русской Мысли* былъ уже помѣщенъ отзывъ (1891 г., кн. II), указывавшій на мѣсто и значеніе въ нашей литературѣ труда г. Пругавина, въ настоящее время мы только останавливаемъ вниманіе читателей на появленіи новаго изданія, впрочемъ, значительно расширеннаго и дополненаго. Такъ, очеркъ о *Вольныхъ крестьянскихъ школахъ или домашнихъ школахъ грамотности* дополненъ новыми свѣдѣніями о вольныхъ школахъ въ Малороссіи, этомъ любопытномъ эпизодѣ изъ области нашей государственной жизни. Дѣло въ томъ, что вольныя крестьянскія школы существовали задолго до того времени, когда правительство рѣшило придти на помощь народу въ его стремленіи къ образованію. И вотъ одновременно съ учрежденіемъ земской школы на-

чинаются ограниченія самодѣльной крестьянской школы, руководимой непатентованными учителями самоучками,—ограниченія, начало коихъ восходитъ еще къ „просвѣтительной эпохѣ“ конца прошлаго столѣтія. Начало было, впрочемъ, положено весьма основательно, такъ что тогда уже послужило главною причиною къ почти полному исчезновенію вольныхъ крестьянскихъ школъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ, наприм., въ Черниговской губ., гдѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія было около 370 вольныхъ школъ. По мнѣнію изслѣдователя этого вопроса, „опека, которой хотѣли подчинить просвѣщеніе народа, едва ли не самая дѣйствительная причина насильственной смерти“ вольныхъ народныхъ училищъ; на мѣсто послѣднихъ приказано было заводить правительственныя „главныя народныя“ и „малыя народныя“, училища называвшіяся народными только по имени, а не по сочувствію къ нимъ народа (стр. 16). На современнаго наблюдателя не можетъ не произвести впечатлѣнія этотъ эпизодъ, рисующій легкость, съ какой совершается перѣдко ломка школьнаго образованія, покоющагося на вѣковыхъ обычаяхъ, смѣна старой, простой системы на новую съ училищными чиновниками по европейскимъ образцамъ, съ краснорѣчивыми отчетами, только годными для перевода на иностранныя языки для поддержанія хорошаго мнѣнія о насъ въ Европѣ.

Въ этомъ же очеркѣ мы находимъ статистику вольныхъ школъ и ихъ географическое распредѣленіе, опредѣленіе состава вольныхъ учителей, ихъ заслуги и значеніе интеллигенціи въ роли вольнаго учителя. Впрочемъ, по замѣчанію самого автора, очеркъ остался незаконченнымъ: онъ доведенъ лишь до закона 4 мая 1891 г., которымъ школы грамоты рѣшительно подчинены духовенству и вслѣдствіе этого получили новый характеръ, вызвавшій своеобразное отношеніе къ нимъ общества и земства.

Далѣе, вмѣсто небольшой замѣтки объ офеняхъ, напечатанной въ первомъ изданіи, въ настоящемъ выпускѣ помѣщено обширное изслѣдованіе, знакомящее подробно съ условіями разносной книжной торговли, производимой офенями и книгоношами. Свѣдѣнія, приводимыя авторомъ, особенно цѣнны потому, что онѣ собраны лично путемъ мѣстнаго изслѣдованія по порученію общества любителей россійской словесности. Статьи *О публичныхъ чтеніяхъ для народа* и *О народныхъ библіотекахъ и читальняхъ*, написаны авторомъ почти заново, а статьи *о Книжныхъ складахъ* и *Культурно-просвѣтительномъ движеніи въ русскомъ обществѣ* появляются впервые въ этомъ изданіи и нигдѣ не были напечатаны до сихъ поръ.

Отдѣлъ *Приложеній*, гдѣ помѣщены законоположенія, относящіяся до народныхъ чтеній, читальень, порядка и надзора за ними, правила о книжной торговлѣ и уставъ о цензурѣ и печати дополненъ недавно изданными законами о школахъ грамотности и воскресныхъ школахъ.

Такимъ образомъ, второе изданіе книги заключаетъ въ себѣ много новыхъ и интересныхъ данныхъ и сообщеній о „запросахъ народа и обязанностяхъ интеллигенціи“. Какъ указываетъ самое заглавіе, авторъ желалъ, главнымъ образомъ, отмѣтить тѣ „главнѣйшія требованія, важнѣйшіе запросы, которые въ настоящее время назрѣли среди народныхъ массъ въ области умственной интеллектуальной жизни, освѣтить тѣ стороны вопроса о народномъ образованіи, въ которыхъ дѣятельность интеллигенціи, т.-е. образованной части русскаго общества, можетъ и должна принять наиболѣе близкое и активное участіе для удо-

детворенія этихъ нуждъ" (XII). Изъ этого видно, что авторъ не имѣлъ въ виду охватить весь вопросъ о цѣляхъ и задачахъ народнаго просвѣщенія, оставляя въ сторонѣ обязанности государства въ дѣлѣ развитія народныхъ массъ,—онъ старался, главнымъ образомъ, отмѣтить важныя заслуги частной инициативы не только у насъ, въ Россіи, гдѣ удѣляются на образованіе ничтожныя крохи изъ огромнаго бюджета, но даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ расходуются казной и, общественными учрежденіями громадныя, нерѣдко даже колоссальныя суммы на образованіе народа. Само собой разумѣется, поэтому, было бы несправедливымъ видѣть въ книгѣ тенденцію обособить интеллигентный классъ отъ народа: кажущееся противоположеніе, допущенное въ заглавіи не имѣетъ въ виду розни, а является терминомъ, отмѣчающимъ фактъ. Терминъ этотъ будетъ естественнымъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать громадная разница въ развитіи одной части общества и другой, находящейся на самомъ жалкомъ уровнѣ умственнаго развитія. Напротивъ, всѣми силами авторъ старается поднять общественное чувство, объединить разрозненныя интеллигентныя силы въ однообщее, великому дѣлѣ, единенія съ народомъ на почвѣ просвѣщенія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать значительной заслуги г. Пругавина и не пожелать дальнѣйшаго успѣха его книгѣ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Философскій Ежегодникъ“. Я. Колубовскаго.—„Философія Канта“. Виндельбанда.—„Программы домашняго чтенія на первый годъ систематическаго чтенія“.—„Дедуктивная и индуктивная логика“. Минто.—„Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія“. Изд. М. М. Ледерле. — „Psychologie du Militaire professionnel“, par A. Hatton.

Философскій Ежегодникъ. Я. Колубовскаго. Москва, 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Предпринятый г. Колубовскимъ *Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ*, печатался первоначально въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи*. Намъ приходилось уже указывать на интересъ и достоинства этого добросовѣстнаго труда, требующаго очень много времени, терпѣнія и знанія. Г. Колубовскій сообщаетъ свѣдѣнія о статьяхъ и замѣткахъ, напечатанныхъ въ семьдесятъ одномъ повременномъ изданіи и почти о всѣхъ книгахъ философскаго содержанія за 1893 годъ. Обзоръ составленъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, въ концѣ приложенъ предметный систематическій перечень. Составитель передаетъ въ немногихъ строкахъ содержаніе статьи и присоединяетъ свое о ней сужденіе. Это сужденіе иногда,—и, по нашему мнѣнію, напрасно,—выражается въ условной формѣ *едва ли*. Что-нибудь одіо: или г. Колубовскій только безстрастный лѣтописецъ, или онъ и критикъ. Въ послѣднемъ случаѣ желательна опредѣленность и точность сужденія.

Отмѣтимъ, *pro domo sua*, отзывъ г. Колубовскаго объ одной изъ ст. той *Русской Мысли*. Статья озаглавлена *Вопросъ о воспитаніи во Ф. анціи* (*Русская Мысль* 1893 г., кн. I). Г. Колубовскій удивляется, почему въ этой статьѣ рѣчь идетъ о Франціи, а не о какой-нибудь другой странѣ. Да именно потому, какъ замѣчаетъ и самъ составитель

Ежегодника, что „цитируются больше всего французскіе авторы“, — иными словами, статья написана только по французскимъ источникамъ и посвящена вопросу воспитанія только во Франціи.

При указаніи статей г. Колубовскій приводитъ и отзывы о нихъ, и вызванную ими полемику. Нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія *Ежегодника* за 1894 годъ. Первый годъ *Философскаго Ежегодника* изданъ журналомъ *Вопросы Философій и Психологій*.

Философія Канта. Изъ „Исторіи новой философіи“ Виндельбанда. Съ нѣмецкаго перевела Надежда Платонова. Спб., 1895 г. Въ прошломъ году подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго вышелъ переводъ нѣмецкаго сочиненія Фалькенберга *Исторія новой философіи*. Въ видѣ дополненія къ нему г-жа Платонова перевела изъ такой же *Исторіи* Виндельбанда весь самостоятельный отдѣлъ, посвященный Канту, и оказала этимъ цѣнную услугу нашей небогатой философской литературѣ. Въ лицѣ Виндельбанда читатель найдетъ себѣ авторитетнаго и надежнаго проводника въ великомъ мірѣ кантовскихъ идей, и переведенная г-жей Платоновой книга позволитъ ему вполне ориентироваться въ сочиненіяхъ кѣнитсбергскаго мудреца, понять возникновеніе каждой его мысли и усвоить себѣ его систему. Живо, увлекательно и ясно рисуетъ Виндельбандъ умственную и нравственную личность Канта и показываетъ, какъ слагались его глубокія творенія, какой ходъ философскаго развитія привелъ къ критикѣ чистаго и практическаго разума. Если, по справедливому замѣчанію проф. Введенскаго, редактировавшаго переводъ г-жи Платоновой, можно и не соглашаться съ нѣкоторыми мнѣніями нѣмецкаго историка философіи, то, во всякомъ случаѣ, сила и тонкость его анализа, замѣчательное пониманіе Канта и художественный стиль дѣлаютъ его богатую мыслями книгу незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи великаго философа.

Къ переводу г-жи Платоновой слѣдуетъ отнести съ безусловнымъ одобреніемъ и похвалой. Вполнѣ литературный, правильный и точный, онъ читается легко и непринужденно и передаетъ красоты подлинника. Эти выдающіяся достоинства работы заслуживаютъ тѣмъ большаго сочувствія, что до послѣдняго времени русская женщина стояла очень далеко отъ философіи, и нельзя не привѣтствовать ея первыхъ успѣшныхъ шаговъ въ этой труднѣйшей области человѣческаго знанія; напомнимъ читателямъ, что въ 1893 г. слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ прекрасно перевели *Исторію древней философіи* того же Виндельбанда. Разумѣется, для того, чтобы переводить философскія сочиненія, необходимо знаніе не только языковъ, но и самой философіи.

Къ переводу г-жи Платоновой проф. Введенскій прибавилъ свои пояснительныя замѣчанія и весьма обстоятельную библиографію изданій Канта и литературы о немъ на иностранныхъ и русскомъ языкахъ.

Программы домашняго чтенія на первый годъ систематическаго чтенія. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 1895 г. Цѣна 25 к. (съ пересылкой 35 к., съ нал. платежомъ 50 к.) Первое изданіе этихъ *Программъ*, составленныхъ комиссіей по организаціи домашняго чтенія, напечатанное въ 4,800 экз. въ декабрѣ прошлаго года, разошлось въ мѣсяць; второе (10,000 экз.) было раскуплено въ нѣсколько мѣсяцевъ, — краснорѣчивый фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ глубинѣ русскаго общества умственные течения гораздо сильнѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Въ третьемъ изданіи сдѣланы довольно значительныя дополненія. Кромѣ системъ

тических программъ, пособие, издаваемое комиссіей по организаціи домашняго чтенія, даетъ указанія для основательнаго чтенія по отдѣльнымъ темамъ (о горьнѣи, сравненіе взглядовъ Декарта и Локка на методы и источники познанія, теоретическія главы *Началь помит.* ж. Рикардо и т. д.).

Дедуктивная и индуктивная логика. Минто. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1895 г. Цѣна 2 руб. *Логика* Минто является первымъ выпускомъ *Библиотеки для самообразованія*, которая редактируется гг. Бѣлкинымъ, Виноградовымъ, Гротомъ, Коноваловымъ, Милковымъ, Соколовымъ и Чупровымъ. Книга выбрана очень удачно. Она принадлежитъ въ числу лучшихъ руководствъ англійской лиги для распространенія университетскаго образованія. Для усвоенія ея богатаго содержанія приложено много удачно подобранныхъ примѣровъ и упражненій, выбранныхъ изъ Джевонса, Вена, Ибервега, Кинса, Фаулера, а также подобранныхъ гг. Бѣлкинымъ и Ивановскимъ. *Библиотека для самообразованія* находится въ самой тѣсной связи съ московскою *Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія*, и нельзя не приветствовать прекраснаго начала ея дѣятельности. Цѣна книги дешева, принимая въ расчетъ изящную *англійскую* внѣшность изданія (отличная бумага, прочный и красивый переплетъ).

Минто поставилъ себѣ двѣ задачи: изученіе теорій логики на исторической почвѣ и указаніе значенія логики, какъ практической дисциплины. Ясное, точное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живое изложеніе обезпечиваютъ *Логикѣ* Минто широкій и прочный успѣхъ среди читателей, въ которыхъ пробуждена серьезная пытливость мысли.

Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія. Изданіе М. Ш. Ледерле. Спб., 1895 г. Г. Ледерле задался мыслью составить, по примѣру Англии, Франціи и Германіи, „книгу о книгахъ“, могущихъ принести наибольшую пользу читателямъ, „способствовать нравственному и умственному развитію“ читателей отъ самыхъ юныхъ лѣтъ. Лучшимъ средствомъ къ осуществленію своей задачи почтенный издатель счелъ обращеніе „дируляромъ“ къ писателямъ, ученымъ и художникамъ, прося ихъ мнѣній и указаній. На двѣ тысячи дируляровъ, разосланныхъ въ 1891 году, г. Ледерле получилъ всего 86 отвѣтовъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ спрошенные отказались, по разнымъ причинамъ, высказать свое мнѣніе о книгамъ, наиболее пригодныхъ для чтенія. Руководствуясь положительными отвѣтами, составитель сгруппировалъ собранный матеріалъ подъ слѣдующими рубриками: 1) воспитательное значеніе книги; 2) выборъ чтенія, руководители и ихъ значеніе, самостоятельное чтеніе, полезное и вредное вліяніе его; 3) книги, оказавшія наиболѣе сильное впечатлѣніе или имѣвшія наиболѣе определенное вліяніе на развитіе (отвѣтвшаго лица); 4) общія начала чтенія, способствующія умственному и нравственному развитію; 5) руководящія книги духовнаго, литературнаго и научнаго содержанія, и 6) общія заключенія, какія могутъ быть выведены изъ предшествующихъ мнѣній. Сообразно съ такимъ распределеніемъ, составитель приводитъ въ подлежащихъ мѣстахъ выдержки изъ полученныхъ имъ отвѣтовъ. Такое дробленіе мнѣній по заранѣ намѣченнымъ рубрикамъ мы находимъ не совсемъ удобнымъ и предпочли бы имѣть полное и цѣльное воспроизведеніе отвѣтовъ, расположенное въ алфавитномъ порядкѣ именъ авторовъ. За каждымъ отвѣтомъ могли бы слѣдовать выводы составителя, затѣмъ могъ быть сдѣланъ общій имъ сводъ и дано за-

включеніе о книгахъ, имѣющихъ наибольшее значеніе для читателей различнаго возраста, а въ концѣ книги слѣдовало бы составить резюме всего изложеннаго и систематическій списокъ указанныхъ книгъ. Мы думаемъ, что при такой системѣ получилось бы болѣе цѣльное и ясное представленіе о вліяніи книгъ на то или другое лицо, заявившее себя въ литературѣ и на попрѣчь общественной дѣятельности. Мы полагаемъ, что и не всѣ отвѣты подлежатъ непремѣнному опубликованію. Какъ на примѣръ, можемъ указать на „списокъ книгъ, указанныхъ извѣстнымъ писателемъ, непожелавшимъ обнародовать свою фамилію“. Вотъ начало этого списка, съ точнымъ соблюденіемъ порядка вошедшихъ въ него книгъ: „Ксенофонтъ, Вольтеръ (избр. соч.), Таккерей, Талмудъ, Тацитъ, Свифтъ“, и т. д.; съ № 59: „Данте, Куперъ, Кукъ, Конфуцій, Менцій, Лао-тсе“... Всѣхъ книгъ въ списокѣ 78 и въ немъ рядомъ поставлены: „Сервантесъ, Кальвинъ, Boudda et sa religion, Бомарше“, а въ заключеніе: „Арабскія сказки и Библия“. Какой невообразимый сумбуръ долженъ оказаться въ головѣ человѣка, который вздумаетъ ради саморазвитія прочесть всѣ эти книги, да еще въ указанномъ порядкѣ. Совершенная случайность и неполнота списковъ, предложенныхъ другими авторами, весьма умаляютъ значеніе такихъ указаній, а отсутствіе распредѣленія въ нихъ книгъ по возрастамъ и степени подготовки читателей дѣлаетъ и совсѣмъ невозможнымъ пользованіе такими списками. Тѣмъ не менѣе, книга г. Ледерле заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія родителей и воспитателей, могущихъ почерпнуть изъ нея очень много въ высшей степени полезныхъ указаній. Въ особенноти считаемъ нужнымъ отмѣтить основательныя и авторитетныя мнѣнія о вліяніи семьи на развитіе дѣтей, начиная съ дошкольнаго чтенія (стр. 107 и слѣд.), о вліяніи школы и преподавателей, нерѣдко губящихъ въ дѣтяхъ всякую охоту къ чтенію своими приемами преподаванія (стр. 122 и слѣд.). А. М. Скабическій совершенно вѣрно говоритъ, что „Крыловъ и всѣ русскіе классики, не исключая Пушкина, Лермонтова и Гоголя, губятся отъ излишняго усердія бездарныхъ наставниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы научить воспитанниковъ понимать высокія красоты ихъ произведеній, — напротивъ того, придаютъ имъ такой же сѣрый казенный цвѣтъ, какимъ окрашены стѣны классовъ, и заставляють юношей смотрѣть на томы Пушкина или Гоголя съ такимъ же отвращеніемъ, съ какимъ они глядятъ на свои затасканные учебники“. Весьма важны солидныя указанія преподавателямъ и руководителямъ нашихъ школъ такого опытнаго педагога, какъ Д. И. Тихомировъ, приведенныя въ IV гл. разсмотрѣнной нами книги. Рядомъ съ ними мы можемъ поставить мнѣнія покойнаго А. Ѳ. Петрушевскаго. Тѣ и другія прямо должны быть приняты въ основу домашняго и школьнаго пользованія книгами для правильнаго развитія дѣтей и юношей. Высказанные этими педагогами взгляды мы настоятельно рекомендуемъ воспитателямъ, и, руководствуясь такими, родители и наставники выберутъ изъ книги г. Ледерле именно такія книги, которыя наиболѣе окажутся пригодными и полезными для молодого поколѣнія, если въ выборѣ чтенія руководители будутъ внимательно сообразоваться со вкусами и способностями воспитанниковъ.

Psychologie du Militaire professionnel, par A. Hamon. Paris, Bruxelles. 1894. Параллельно съ крайнимъ развитіемъ милитаризма въ современномъ намъ государственномъ строе Европы развивается понемногу и оппозиція ему со стороны тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые не находятъ вообще, что все идетъ къ лучшему въ семь на-

лучшемъ изъ міровъ. Западно-европейская интеллигенція, примѣру которой послѣдовали и лучшіе представители русскаго общества, выдвинула въ разныхъ отрасляхъ науки и искусства уже не мало горячихъ борцовъ противъ освященнаго международными отношеніями, возведеннаго на степень краеугольнаго камня цивилизаціи, регулированнаго, но не смягченнаго кулачнаго права. Цѣлый рядъ беллетристовъ, какъ Берта фонъ-Зуттнеръ, Бьёрсонъ, художниковъ, какъ Верещагинъ, мыслителей и ученыхъ, какъ Спенсеръ, Летурно, де-Амичисъ, Рише, Манувриэ, у насъ Толстой, не говоря уже о представителяхъ болѣе крайнихъ ученій,—можно теперь противопоставить тому существующему порядку, при которомъ, согласно одной нѣмецкой карикатурѣ, земной шаръ похожъ на ошетилившаго ежа и добрый геній, намѣряясь посадить на землю древо мира, не находитъ мѣстечка, гдѣ бы не производились смотры и разводы. Мы не станемъ здѣсь говорить ни о разныхъ проявленіяхъ этого противумилитарнаго теченія, ни о многочисленныхъ ассоціаціяхъ и лигахъ мира, распространившихся во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, ни о тѣхъ быстрыхъ завоеваніяхъ, которые идея мира дѣлаетъ въ средѣ простаго населенія Европы,—замѣтимъ только, что это теченіе получаетъ поддержку со всѣхъ сторонъ и, по вѣсѣмъ видимостямъ, рано или поздно восторжествуетъ.

Наука, которая въ данномъ случаѣ идетъ навстрѣчу требованіямъ естественней справедливости и альтруизма, даетъ постоянно оружіе въ руки противникамъ милитаризма. Свое содѣйствіе наука оказываетъ даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ этого совсѣмъ и не ждутъ. Съ такой точки зрѣнія большой интересъ представляетъ книга Гамона. Авторъ ея не новичокъ на литературномъ поприщѣ; его труды по гигиенѣ (*Chronique de l'Hygiène en Europe*, 1886, *Sociologie et Hygiène*, 1889, и друг.), его социалогическіе этюды (*Survivances anémiques et polythétiques en Bretagne*, 1893, *Ministère et Mélimite étude sociologique*, 1891, *De la définition du crime*, 1893), и, наконецъ, издаваемый имъ уже въ теченіи трехъ лѣтъ политическій и социальный ежегодникъ (*La France sociale et politique*), всѣ эти работы, постоянно цитируемая въ научной литературѣ, переведенныя и на другіе языки, доставили г. Гамону прочную репутацію серьезнаго ученаго. Отличительною особенностью его литературной фізіономіи является та любопытная черта, что за какую бы специальную тему ни взялся г. Гамонъ, онъ смотритъ на нее не иначе, какъ съ точки зрѣнія общественнаго интереса, и всегда рассуждаетъ, какъ социологъ. Въ послѣднее время, склоняясь видимо всею больше къ нѣкоторымъ общимъ интересамъ уголовнаго права, нашъ авторъ выдвинулъ здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ глѣ-либо прежде, эту свою широкую социальную точку зрѣнія. Конечно, онъ не первый криминалистъ, который разсматриваетъ преступленіе, какъ продуктъ социальныхъ условій, но онъ первый взялся обосновать это цѣлымъ рядомъ специальныхъ изслѣдованій. Не довольствуясь черезъ-чуръ общимъ и слишкомъ неопредѣленнымъ выраженіемъ „социальныя условія“, Гамонъ, такъ сказать, расчленилъ свою тему, представивъ преступленіе въ непосредственную связь съ профессиональною челоуѣка и взявшисъ разсмотрѣть всѣ главныя виды профессиональныхъ вліяній на выработку преступной среды. Книга, заглавіе которой мы выше привели, является первымъ выпускомъ этой серіи монографій, и вотъ, какъ самъ авторъ въ предисловіи къ ней объясняетъ свою основную задачу: „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—и всѣ это сознаютъ,—что въ этой общественной группѣ, которую составляетъ на-

родъ, существуетъ известное общее состояніе духа, имѣющее своимъ послѣдствіемъ аналогичные взгляды всѣхъ членовъ этой группы на опредѣленные вещи. Такимъ же точно образомъ въ каждомъ изъ крупныхъ социальныхъ подраздѣленій, каковы: армія, чиновничество, полиція, финансовое управленіе, торговля и т. п.,—есть состояніе духа, свойственное специально данной профессіи. Вотъ именно эту особенную сущность и надо выдѣлать при изученіи преступности въ ту или другую эпоху. Отсюда можно понять, какую трудность представляетъ собой общій очеркъ социальной преступности. Мы не имѣемъ вовсе смѣлаго намѣренія выполнить здѣсь подобную работу, мы хотимъ только сдѣлать эскизъ, начертать общій планъ. Настоящій очеркъ, имѣющій цѣлью изображать психологию профессиональныхъ военныхъ, показать вліяніе среды на форму преступности, является первымъ въ серіи монографій, которыя мы предполагаемъ написать постепенно о полиціи, о чиновничествѣ, о печати, о финансахъ, о промышленности, о торговлѣ.

Какъ видитъ читатель, книга г. Гамона относится преимущественно къ уголовному праву; тема ея совершенно специальная—преступность въ военной средѣ. Но выполненіе далеко оставляетъ за собою первоначальныя намѣренія автора: выводы, которыя можно сдѣлать изъ этого специального этюда, имѣютъ болѣе широкій характеръ, какъ доводы противъ милитаризма вообще. Говоря о военныхъ, г. Гамонъ разумѣетъ только военныхъ по профессіи, т. е. въ настоящую минуту только офицеровъ. Солдаты, военные по обязанности, хотя и не ускользаютъ, разумѣется, отъ вліянія среды, тѣмъ не менѣе, не могутъ являться въ глазахъ изслѣдователя представителями известнаго профессиональнаго типа. Авторъ начинаетъ съ того, что разрушаетъ очень распространенный мнѣе, согласно которому военная профессія избирается людьми по чувству особенно горячаго патриотизма. Такъ бываетъ дѣйствительно въ минуты особеннаго подъема патриотическаго чувства, такъ было, на примѣръ, во время французской революціи, когда всѣ честные граждане, которымъ дорого спасеніе отечества, брались за оружіе; въ обыкновенное же время патриотизмъ военныхъ не играетъ никакой роли. Характеренъ уже одинъ тотъ фактъ, что, на примѣръ, въ турецкой арміи служить не мало французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ, или что знаменитый Мольтке, одинъ изъ творцовъ нѣмецкой имперіи, датчанинъ родомъ, датчанинъ по воспитанію, вначалѣ датскій офицеръ. Не видя для себя будущности на родинѣ, онъ поступилъ на службу въ Турцію, затѣмъ перешелъ въ прусскую армію и сражался противъ своего отечества, способствуя не мало его пораженію. Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Патриотизмъ при выборѣ военной профессіи оказывается не при чемъ. Простой расчетъ, стремленіе къ богатству, къ славлѣ, къ почестямъ, привлекательность жизни легкой въ мирное время, возможность быстрой карьеры въ военное, влекутъ молодежь, преимущественно аристократическаго круга, къ военному мундиру. Существова, такъ сказать, для войны, офицеры всегда ея страстно желаютъ. Полковникъ Функе, аташе при нѣмецкомъ посольствѣ во Франціи, выразилъ это такой откровенной фразой: „офицеры желаютъ войны, потому что она составляетъ ихъ ремесло“. Патриотизмъ не служитъ даже коррективомъ чисто-эгоистическихъ расчетовъ. Сами военные признаютъ это на каждомъ шагу. Вотъ что мы находимъ въ письмѣ Бонапарта къ республиканскому правительству: „Массена любитъ деньги, Ожеро любитъ много денегъ, Мюрать и Шабранъ—тоже, Ланнъ любитъ деньги и добываетъ

и въ средствахъ, которыхъ честность не можетъ одобрить". Рѣчь идетъ только о генералахъ.

Война дѣлаетъ людей грубыми и жестокими; эта жестокость и грубость въ военное время проявляется сценами грабежа, насилія и дикой расправы, въ мирное—дурнымъ обращеніемъ съ подчиненными. И тому, и другому авторъ приводитъ на нѣсколькихъ страницахъ сотни примѣровъ, заимствованныхъ изъ газетъ, официальныхъ источниковъ и судебныхъ процессовъ. „Такія дѣянія,—замѣчаетъ Гамонъ,—безполезны, часто вредны не только для совершающихъ ихъ индивидовъ, но и для всей той общественной группы, которой они являются членами. Дѣянія эти не увеличиваютъ славы ни отдѣльныхъ лицъ, ни всей націи, тѣмъ не менѣе, они всегда сопровождаютъ войну и составляютъ самую сущность „прекраснаго военного искусства, каковы ихъ причины“ (стр. 49). Намъ авторъ думаетъ, что одна изъ причинъ—атавизмъ, слово, которымъ, на нашъ взглядъ, объясняютъ все то, чего не могутъ объяснить иначе. Важнѣе, по нашему мнѣнію, другія изъ указанныхъ Гамонъ причины. Во-первыхъ, обстановка войны сама по себѣ уже опьяняетъ человѣка; известную роль играютъ тутъ также соревнованіе и тщеславіе; затѣмъ большое значеніе имѣетъ та благосклонность, съ которой въ военной средѣ относятся къ различнымъ проявленіямъ жестокости, отсутствіе ответственности и привычка къ подобнымъ дѣяніямъ. Воспитаніе и естественный подборъ служатъ все той же цѣли. Въ специальныхъ школахъ, которыя проходятъ военные, они получаютъ и специальное воспитаніе. Возвеличеніе известныхъ полководцевъ, удивленіе предъ побѣдителями, священный трепетъ, съ которымъ произносятся имена Ганнибала, Цезаря, Тамерлана и болѣе близкихъ къ намъ бичей человѣчества,—все это съ раннихъ лѣтъ составляетъ самую сущность мировоззрѣнія молодежи, избирающей себѣ военную карьеру. Конечно, и самое это избраніе отнюдь не случайно, оно обусловливается или свойствомъ характера, наклонностей и вкуса, или известною наслѣдственностью, въ силу которой дѣти военныхъ такъ рѣдко измѣняютъ традиціямъ семьи. Само собой понятно, что трудно ожидать, чтобы люди жестокие на войнѣ были ангелами терпѣнія въ мирное время. И этому опять можно было бы привести безчисленное множество примѣровъ. Ограничимся ссылкой на нѣмецкую армію, на недавно раскрывшіеся факты дурнаго обращенія съ солдатами и на возникшія благодаря этому пренія въ рейхстагѣ. То же самое находимъ мы и въ другихъ странахъ.

У дикарей современныхъ точно такъ же, какъ и нашихъ доисторическихъ предковъ, войны играли всегда самую видную роль и занимали первое мѣсто въ своемъ обществѣ. Греческая цивилизація не внесла въ этомъ отношеніи ничего,—и въ Греціи, и въ Римѣ военный классъ попрежнему занималъ исключительно видное положеніе. Въ средніе вѣка военное искусство составляло достояніе аристократіи. Хотя въ новѣйшее время этотъ классовый характеръ ремесла долженъ бы ъ исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ всѣхъ другихъ привилегій, взглядъ на военныхъ, какъ на своего рода „лучшихъ людей“, сохранился до сихъ поръ. Въ древнемъ обществѣ это социальное превосходство военныхъ имѣло свое объясненіе въ томъ фактѣ, что они являлись защитниками общества, повровителями хлѣбопашцевъ и труженниковъ. Тогда они не имѣли того исключительно паразитнаго характера, какой получили впоследствии. Въ наше время національныхъ армій,

военные по профессіи не защищаютъ никого, народъ самъ себя охраняетъ. Не рационально поэтому, что военные занимаютъ въ современномъ обществѣ попрежнему исключительно почетное мѣсто, составляя совершенно особую замкнутую корпорацію, принадлежность къ которой обнаруживается уже самымъ костюмомъ, да они и сами твердо убѣждены въ своемъ превосходствѣ надъ штатскими. Рѣкинъ—„штафирка“, такъ обзывается ими всякій, не принадлежащій къ военному сословію. По отношенію къ невоеннымъ позволено все: судебныя хроники переполняются процессами, гдѣ агрессивный характеръ военныхъ выступаетъ въ самыхъ рельефныхъ чертахъ. Издѣвательства надъ гражданами, самыя грубыя забавы, карты, развратъ, ругательства, грубыя рѣчи, дурное обращеніе съ солдатами—вотъ обычное время препровожденія офицеровъ, нисколько не скрывающихъ своихъ мало уточненныхъ вкусовъ. Когда извѣстные скандалы восходятъ до суда, покладистость юристовъ и твердость корпораціи сводятъ обыкновенно дѣло къ нулю. Иное бываетъ, когда подсудимыми являются солдаты. На 112 дѣлъ, возникшихъ въ первые четыре мѣсяца 1892 г. въ военныхъ судахъ 15 французскихъ городовъ, 65 дѣлъ, т.-е. 58%, приходилось на преступленія чисто-военныя (проступки противъ дисциплины, оскорбленіе дѣйствіемъ, неповиновеніе, дезертирство). Изъ числа 65 дѣлъ только 9, т.-е. 10%, привели къ оправданію, причемъ оправданіе получилось только въ случаяхъ оскорбленія низшихъ со стороны высшихъ и никогда наоборотъ. Съ какою строгостью военный судъ относится къ простымъ солдатамъ, можно видѣть изъ того факта, что къ смертной казни были приговорены двое солдатъ, изъ коихъ одинъ нарушилъ дисциплину, бросивъ пуговицу въ предсѣдателя суда, другой—пряжку офицеру въ спину. Параллельно съ этимъ можно было бы показать, какія преступленія остаются безнаказанными для офицеровъ. „Милитаризмъ, — заканчиваетъ г. Гамонъ критическій отдѣлъ своей книги, — представляетъ собою настоящую школу преступленія“.

Что касается положительныхъ реформъ, предлагаемыхъ авторомъ, то онѣ строго вытекаютъ изъ основныхъ недостатковъ, отмѣченныхъ критикой, и хотя не многочисленны, но практичны и дѣйствительно безусловно желательны. Такъ какъ война въ настоящее время уничтожить нельзя и, слѣдовательно, армія необходима всякому государству, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ее совершенно національной, лишивъ военное занятіе всякихъ слѣдовъ профессиональнаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдующія болѣе частныя реформы оказываются какъ нельзя болѣе насущными: переработка военныхъ уложеній и кодексовъ на новыхъ, менѣ жестокихъ основаніяхъ; установленіе равной наказуемости для офицеровъ и солдатъ; реформы военныхъ судовъ въ смыслѣ привлеченія къ нимъ юристовъ не изъ военныхъ; запрещеніе носить шпаги и форму иначе, какъ при исполненіи своихъ обязанностей; ограниченіе повиновенія, предписываемаго дисциплиной временемъ дѣйствительной службы и исключительно военными дѣлами, и, наконецъ, изведеніе военной профессіи на ея надлежащее мѣсто въ іерархической лѣстницѣ, т.-е. на самую послѣднюю ступень, потому что, —этого не нужно забывать,—соха крестьянина, инструментъ ремесленника, перо мыслителя гораздо благороднѣе, нежели шпага военнаго.

ИСТОРИЯ.

„Habeas Corpus актъ и его приостановка по англійскому праву“. В. Ф. Дерюжинскаго.—„Соціологическія основы исторіи“. Лакмба.

Нabeas Corpus актъ и его приостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англии и ихъ временнаго ограниченія. В. Ф. Дерюжинскаго. Юрьевъ (б. Дерптъ), 1895 г. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были переведены на русскій языкъ лекціи оксфордскаго профессора Дайси — о государственномъ правѣ Англии; книга имѣла такой успѣхъ, какой рѣдко выпадаетъ на долю юридическихъ сочиненій. Для русской публики представляетъ большой интересъ и изслѣдованіе проф. Дерюжинскаго, посвященное одной изъ сторонъ той системы, которую такъ блестяще охарактеризовалъ оксфордскій юристъ. Какъ извѣстно, англійская исторія отличается тою особенностью, что здѣсь развитіе началъ самоуправления и свободы личности шли рука объ руку, тогда какъ на континентѣ, во Франціи, наприм., вторая задача всегда оставалась въ тѣни сравнительно съ вопросами политической механики. Гарантіи личной свободы англичанъ формулированы въ статутѣ 1679 г., который носитъ бытовое названіе Habeas Corpus акта. Происхожденію этого статута и его примѣненію въ позднѣйшее время отведена большая часть работы проф. Дерюжинскаго; заключительная глава сравниваетъ приостановку дѣйствія Habeas Corpus,—чрезвычайнаго мѣра общественной безопасности,—съ осаднымъ положеніемъ по французскимъ и германскимъ законамъ. Параллель получается очень поучительная: между тѣмъ какъ на континентѣ въ критическихъ случаяхъ страна отдается въ почти безконтрольное распоряженіе военной власти, экстраординарныя полномочія англійскаго правительства сводятся къ праву арестовывать подозрительныхъ лицъ и держать ихъ въ тюрьмѣ, не представляя суду, въ теченіе заранѣе точно опредѣленнаго парламентомъ срока (самая длинная приостановка, 1722—23 г., продолжалась 1 годъ и 7 дней). Но и при такихъ условіяхъ правительству обыкновенно нужно прибѣгать къ особенному каждому разѣ постановленію парламента, чтобы избавить своихъ агентовъ отъ судебной отвѣтственности за совершенныя ими въ періодъ приостановки аресты (Act of indemnity,—«снятіи отвѣтственности»,—авторъ переводитъ «объ амнистіи»). Даже и послѣ этого судъ считаетъ себя вправѣ входить въ обсужденіе каждаго отдѣльнаго случая, и приговаривалъ иногда черезъ чуръ усердныхъ администраторовъ къ тяжелому штрафу.

Характеръ работы проф. Дерюжинскаго, какъ онъ самъ опредѣляетъ,—по преимуществу описательный. Этотъ методъ удобенъ въ послѣднихъ главахъ, гдѣ рѣчь идетъ о вполне сложившемся правовомъ явленіи. Но во вступительномъ очеркѣ, гдѣ гарантіи личной свободы являются еще въ жидкомъ, не кристаллизовавшемся видѣ,—нужно бы, думается намъ, не только описывать, но и объяснять. Автору часъ приходится, напримѣръ, упоминать о королевской „прерогативѣ“, но что такое она изъ себя представляла, читателю остается неизвѣстнымъ. О бѣконовской теоріи нѣтъ ни слова (если не считать случайнаго упоминанія въ выдержкѣ изъ Гардинера, стр. 61—2); благодаря не овсѣмъ удачному выбору выраженій, можетъ даже показаться, что поддѣтка первыхъ Стюартовъ не имѣла никакого юридическаго основанія. Авторъ называетъ эту политику „произвольной“ (стр. 34 и въ

друг. м.); характеризуя „личное“, т.-е. безъ участія парламента, управленіе Карла I, онъ переводитъ *personal government* черезъ „самовластіе“ (стр. 62). „Самовластцемъ“ нашъ лѣтописецъ называлъ князя Андрея Боголюбскаго за нарушение того, что древняя Русь считала правомъ: Андрей прогналъ братьевъ, не давъ имъ волости. Карлъ I обыкновенно придерживался легальныхъ средствъ: буква закона была за него, и оппозиціи приходилось опираться на общій смыслъ статутовъ, какъ это хорошо видно изъ приводимой авторомъ аргументаціи Эдв. Кока. На практикѣ произволъ и легальный деспотизмъ могутъ быть одинаково несприятны, но юридически между ними цѣлая пропасть.

Можно указать и на другіе пробѣлы той же первой главы: для характеристики Генриха VIII врядъ ли достаточно привести слова католика Лингарда, увѣряющаго, будто при вступленіи этого короля на престолъ „еще существовалъ духъ свободы“. Не нужно глубокаго изученія англійской исторіи, чтобы знать, каковъ былъ „духъ свободы“ при Генрихѣ VII. То, что говорится о звѣздной палатѣ въ примѣчаніи къ стр. 20, далеко не выясняетъ значенія этого учрежденія. Наконецъ, для всей книги крупнымъ недочетомъ является скудость указаній на судебную практику. Собственно процедура примѣненія Habeas Corpus акта описана довольно подробно (во 2-й гл.); но совѣтъ не освѣщена другая, болѣе важная сторона—толкованіе закона судами. Авторъ не одинъ разъ цитируетъ мнѣнія англійскихъ юристовъ, которые ссылаются на прецеденты: что это за прецеденты, мы такъ и не узнаемъ. Какъ ни странно это кажется, авторъ, повидимому, сознательно игнорируетъ вліяніе судебной интерпретаціи на развитіе англійскаго законодательства, но почему-то не счелъ нужнымъ оговорить это въ предисловіи.

Всѣ эти частные недостатки не мѣшаютъ, однако, книгѣ профес. Дерюжинскаго вполне удачно разрѣшить ея главную задачу—дать возможно полное „описаніе“ одного изъ самыхъ важныхъ институтовъ англійскаго права.

Соціологическія основы исторіи. Лакомба. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Подъ этимъ заглавіемъ г. Павленковъ издалъ переводъ книги Лакомба *De l'histoire considérée comme Science*. Въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* было изложено это сочиненіе. О немъ упоминается въ статьѣ г. Гольцева: *Историческая эволюція и психологическіе законы* (*Русская Мысль*, кн. VII). Трудъ французскаго ученаго заслуживаетъ большого вниманія и русскій переводъ является весьма кстати въ настоящее время, когда много пишутъ и толкуютъ объ экономическомъ материализмѣ и объ историко-философскихъ и соціологическихъ вопросахъ вообще.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ФИНАНСЫ.

„Основы политической экономіи“. В. Мануилова.—„Популярная политическая экономія“. Отто Элерса.—„Рабочій вопросъ“. Ф. А. Ламе.—„Джонъ Ло“. Горна.

Основы политической экономіи. Начальныя свѣдѣнія. В. Мануилова. Одесса, 1895 г.—Популярная политическая экономія. Отто Элерса. Пер. подъ ред. І. Юровскаго. Изд. „Международной библіотеки“. Одесса, 1895 г. Фактъ одновременнаго появленія въ одномъ и томъ же городѣ двухъ популярныхъ изданій по политической экономіи, совершенно независимо отъ внутреннихъ качествъ этихъ из-

даній, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Потребность въ популяризаціи экономическихъ знаній, очевидно, очень сильна въ Одессѣ, но и не въ одной Одессѣ книги этого рода найдутъ сочувственный приемъ. Интересъ къ политической экономіи поддерживается въ русскомъ обществѣ не только періодическою печатью и завязавшимся въ послѣднее время споромъ между представителями различныхъ социологическихъ мировоззрѣній, но и событіями дѣйствительной жизни: неурожаемъ 1891 г., таможенною войною въ Германіи, восстановленіемъ золотого обращенія и пр. *Начальная свѣдѣнія* по политической экономіи нужны, на нихъ есть спросъ, и гг. одесскіе издатели весьма встали явились на рынокъ со своими товарами.

„Этою книжкою,—заявляетъ г. В. Мануиловъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ А. Мануиловымъ, авторомъ изслѣдованія объ ирландской арендѣ),—мы предполагаемъ пополнить отчасти пробѣлъ нашей политико-экономической литературы, въ которой, несмотря на ея обширность, замѣчается отсутствіе изданій, общедоступныхъ по языку и содержанію“. „Отсутствіе“—это уже напрасно: существованію *Экономическія бесѣды* Н. Карышева, существуютъ брошюрка *Трудъ и капиталъ* Свидерскаго, существуютъ на русскомъ языкѣ *Начальная основанія политической экономіи* м-съ Фаусеттъ. Говорить объ отсутствіи популярныхъ изданій по политической экономіи, такимъ образомъ, не приходится, хотя въ признаніи ихъ *недостаточности* и неудовлетворительности мы бы сошлись съ г. В. Мануиловымъ. Жаль только, что это остается вѣрнымъ и теперь, когда г. Мануиловъ пополнилъ нашу экономическую литературу своимъ произведеніемъ.

„Что такое капиталъ?—спрашиваетъ себя нашъ авторъ и отвѣчаетъ:—Извѣстная часть богатства, которую человѣкъ берегаетъ для производства новаго богатства“ (стр. 14). Опредѣленіе плохое и невѣрное, но вычитанное г. В. Мануиловымъ изъ другихъ книжекъ. Это еще служить автору нѣкоторымъ оправданіемъ. Но что сказать о слѣдующемъ *примѣрѣ*? „Земледѣлецъ производитъ посѣвъ весною (ужь будто только весною?), муку же онъ можетъ получить только въ срединѣ осени. Чѣмъ бы земледѣлецъ питался все это время, еслибъ у него не было сбереженій хлѣба отъ прошлаго урожая—капитала“? Капиталъ есть сбереженіе,—разсуждаетъ г. Мануиловъ,—слѣдовательно, всякое сбереженіе есть капиталъ,—великолѣпно! А посмотрите, какъ разбирается нашъ авторъ между отдѣльными видами капитала. „Оборотный капиталъ предназначается для найма рабочихъ, освѣщенія, отопленія и т. д.; постоянный капиталъ предназначается для приобрѣтенія машинъ, орудій, постройки зданій и т. д.“. Какой прочный критерій заключается въ этомъ „и т. д.“, не правда ли? Не разставшись еще съ тою же страницей 15-й, читатель узнаетъ, что всякій предметъ можно потреблять или обмѣнивать на другіе предметы, „второе употребленіе, *неестественное* (!), состоитъ въ употребленіи предмета для обмѣна“. Появленіе денегъ г. В. Мануиловъ объясняетъ „неудобствомъ“ обмѣнивать скрутку на 10 ф. чаю и на 6 книгъ. Стр. 26: „богатство дѣлится на три части: ренту, заработную плату и прибыль“. Читатель обмѣщается къ страницѣ 7, гдѣ сказано: „богатство составляетъ все то, что имѣетъ цѣнность“, и недоумѣваетъ: значить, и книги *дѣлятся* не только на листы и страницы, но еще на ренту, заработную плату и прибыль? Не можемъ не разочаровать далѣе г. В. Мануилова, убѣждаемъ его въ томъ, что „заработная плата *должна* повышаться“ съ увеличеніемъ производительности труда (стр. 29). Увы, она не всегда вы-

попняет эту свою обязанность. Да простить намъ г. В. Мануиловъ еще одно замѣчаніе. Вотъ образцы его слога: „Перейдемъ къ разсмотрѣнію третьей разновидности поземельной ренты, ренты отъ земли, находящейся подъ строеніями, которая (земля?) возвышается удобнымъ мѣстонахожденіемъ того или другого участка“ (стр. 28). „На продуктивность труда вліяютъ обстоятельства, лежащія въ самомъ, такъ сказать, рабочемъ“ (стр. 12). Отсюда видно, что г. В. Мануиловъ пишетъ не всегда, такъ сказать, грамотно.

За то г. В. Мануиловъ вполне откровененъ, надо ему отдать эту справедливость. „Въ заключеніе,—говоритъ онъ,—считаемъ нужнымъ указать на тѣ книги, которыми мы пользовались“. И далѣе указаннымъ только: курсъ г. Иванюкова, упомянутая нами выше книжка м-сь Фаусетъ и брошюра Гросса о Марксѣ. „Мы прибѣгали,—добавляетъ авторъ,—и къ другимъ сочиненіямъ, вліяніе которыхъ почти не отразилось на предлагаемой книжкѣ“. Дѣйствительно, не отразилось. Но мы надѣемся, что ничего фатальнаго въ этомъ нѣтъ, и такъ какъ на работѣ г. В. Мануилова всего болѣе отразилась недостаточность авторскихъ знаній, мы присовѣтуемъ ему послѣдовать примѣру тѣхъ любителей дикарей, которые мѣняютъ скрутки на книги.

Но промѣняемъ ли мы г. В. Мануилова на Отто Элерса? *Популярная политическая экономія* несомнѣнно гораздо полнѣе и гораздо ученѣе *Основъ политической экономіи*. Однако, и она въ свою очередь отнюдь не свободна ни отъ плохихъ опредѣленій, ни отъ курьезовъ, ни отъ ошибокъ, ни отъ стилистическихъ промаховъ.

„Трудъ,—читаемъ мы на стр. 16,—есть трата силы, сознательно направленная на производство блага. Уничтоженіе какой-нибудь вещи требуетъ также нѣкоторой траты силъ, но оно не имѣетъ цѣлью производство блага,—слѣдовательно, это не есть трудъ“. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, былъ уничтоженъ садъ, окружавшій памятникъ Петра Великаго; что бы ни думали мы о разумности этой мѣры, но трудъ рабочихъ, вырывавшихъ деревья, кажется намъ столь же несомнѣннымъ, какъ и трудъ тѣхъ, которые сажали тѣ же самыя деревья и ухаживали за ними. Другое дѣло, если насъ спросить о *производительности* этого труда. Вслѣдъ за выписанными словами читаемъ: „безразлично, имѣемъ ли мы дѣло съ тратою физическихъ или умственныхъ силъ; важно только, чтобы она направлялась на какую-нибудь внѣшнюю, чувственно воспринимаемую цѣль (производство блага)“. Въ этомъ смыслѣ труду педагога придется отказать въ названіи труда стр. 35: „подъ капиталомъ понимаютъ вообще орудіе производства“. Какъ много это объясняетъ читателю популярной политической экономіи! Стремясь быть нѣсколько яснѣе, нѣмецкій авторъ обращается къ уже достаточно, казалось бы, осмѣянному примѣру Робинзона, но тутъ же, предчувствуя возраженія, слѣдуетъ прибавить въ примѣчаніи: „нѣкоторые экономисты часто говорятъ, что наука выросла выше робинзонадъ. Кто смотритъ на отказъ отъ робинзонадъ, какъ на удачный шагъ науки, тотъ впадаетъ легко въ ошибку и будетъ смотрѣть на человѣка цѣликомъ, какъ на лишенную воли жертву“. Ужасно убѣдительно! И это въ популярномъ сочиненіи. А вотъ уже прямая невѣрности: „капиталъ обязанъ своимъ возникновеніемъ только истиннѣйшему сбереженію“ (стр. 73); „для удачі предпріятія важны прежде всего“ (?) личныя качества предпринимателей (стр. 67); Мальтусъ утверждаетъ, будто бы, что „народонаселеніе увеличивается въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства продовольствія самое большее—лишь въ

арметической" (стр. 12). Въ дѣйствительности Мальтусъ говорилъ, что народонаселеніе только *стремится* увеличиваться такимъ образомъ, но что тому *всегда* препятствуетъ недостатокъ пищевыхъ средствъ. На стр. 13 неправильно соединены въ одну школу Вагнеръ, Брентано и Шмоллеръ.

По своему образу мыслей Отто Элерсъ человѣкъ очень умѣренный, но благомыслящій и филантропически настроенный. Съ социалистами онъ постоянно полемизируетъ, въ полнѣйшую законность дохода безъ труда глубоко вѣритъ (стр. 49), а, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что „какъ прозвучало первому человѣку, такъ прозвучитъ и послѣднему: „въ потѣ лица своего зарабатывай хлѣбъ свой“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Отто Элерсъ желаетъ для рабочихъ воскреснаго отдыха, участія въ барышахъ, справедливой заработной платы. Будучи человѣкомъ благомыслящимъ и умѣреннымъ, Отто Элерсъ еще поэтически настроенъ. Одно преданіе онъ называетъ „нѣжнымъ“, доходъ весьма пространно (стр. 79) сравниваетъ съ медомъ и пр. Мимоходомъ онъ касается даже семейныхъ отношеній и говоритъ по этому поводу: „занятіе однимъ и тѣмъ же предметомъ дѣлаетъ человѣка одностороннимъ, притупляетъ его... вспомнимъ только о безпомощномъ положеніи такъ называемыхъ соломенныхъ вдовцовъ“. Это безподобное мѣсто о притупляющемъ занятіи вдовцовъ см. на стр. 24.

Было бы, однако, несправедливо съ нашей стороны умолчать о достоинствахъ книжки. *Популярная политическая экономія* составлена съ извѣстною системою и въ общемъ съ знаніемъ дѣла. Читатель можетъ почерпнуть изъ нея полезныя факты о кредитѣ, о биржѣ и спекуляціяхъ, ознакомиться въ самыхъ краткихъ чертахъ съ нѣкоторыми экономическими школами и составить себѣ, впрочемъ, весьма приближительное, представленіе о предметѣ политической экономіи. Къ сожальнѣю, все это изложено довольно сухо, дубовымъ русскимъ языкомъ и не всегда достаточно популярно.

Г. В. Мануилова мы находимъ забавнѣе и проще, Отто Элерса ученѣе и притязательнѣе. Оба, однако, даютъ плохое понятіе о политической экономіи, какъ науки, оба слабые теоретики и въ наставники совсѣмъ не годятся.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Ф. А. Ланге. Пер. съ нѣм. 2-е изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. Книга Ланге представляетъ собою честную и многостороннюю работу глубокомысленнаго и весьма симпатичнаго мыслителя. Нельзя не порадоваться тому, что она выходитъ по-русски вторымъ изданіемъ. Къ переводу приложено предисловіе г. Сементковскаго (очень много предисловія пишетъ г. Сементковскій). Изъ этого предисловія мы узнаемъ, что въ студенческіе годы г. Сементковскаго (первое нѣмецкое изданіе *Рабочаго вопроса* появилось четверть вѣка назадъ) эта книга „казалась (переводчику) голосомъ человѣка, говорящаго о заманчивомъ, но отдаленномъ будущемъ“. Теперь, къ нашему удивленію, г. Сементковскій поражается „сходствомъ во многихъ основныхъ пунктахъ и деталяхъ“ идей Ланге съ *официально заявленною* программой императора Вильгельма II... Предисловіе совершенно безполезно. Впрочемъ, оно коротко (шесть страницекъ).

Джонъ Ло. Опытъ изслѣдованія по исторіи финансовъ. Съ портретомъ Ло. Горна. Перев. съ нѣмецкаго И. Шипова, съ пред. Н. Х. Бунге. Спб., 1895 г. „Переводъ сочиненія Горна, — говоритъ Н. Х. Бунге въ своемъ предисловіи, — выходитъ въ такую пору, когда

толки о чудодѣйственной силѣ бумажныхъ денегъ, еще недавно столь часто повторявшіеся въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, нѣскольکو умолки и страстные обращенія къ типографскимъ станкамъ экзекдици заготовленія государственныхъ бумагъ: печатайте, печатайте больше кредитныхъ билетовъ... повидимому стихли. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы трудъ г. Шипова былъ запоздалымъ, а тѣмъ болѣе излишнимъ. Мысль о созданіи богатства, при помощи неограниченнаго выпуска ничего не стоющихъ лоскутковъ бумаги, очень заманчива и всегда будетъ находить сторонниковъ". „Книга, переведенная г. Шиповымъ,—читаемъ мы въ заключеніи того же предисловія,—наводитъ на серьезные размышленія и не скоро устарѣетъ". Дѣйствительно, лежащая передъ нами книга не только не будетъ палишиной въ бѣдной подобныи монографіями русской финансовой литературѣ, но еще сослужитъ полезную службу распространеніемъ здравыхъ экономическимъ взглядовъ, положенныхъ въ ея основу. Многихъ и многихъ она можетъ навести на полезныя размышленія и, притомъ, не объ однихъ бумажныхъ деньгахъ. Въ томъ, наконецъ, что эта книга „не скоро устарѣетъ", речительствомъ должно служить слѣдующее обстоятельство: написанная въ 1858 г., она ничѣмъ не обнаруживаетъ значительной давности своего происхожденія. Совершенно правильная отправная точка зрѣнія автора въ соединеніи съ прекраснымъ, живымъ изложеніемъ вполне основательныя побудили русскаго переводчика предпочесть сочиненіе Горна болѣе позднимъ изслѣдованіямъ на ту же тему.

Самое главное достоинство работы Горна — это широкая историческая постановка вопроса о Ло. Поэтому именно настоящая специальная монографія и является особенно поучительною для русскихъ читателей: что личность Ло въ книгѣ Горна не рисуется съ полною обособленностью, но выступаетъ на фонѣ яркой картины экономическаго и финансоваго положенія страны, послужившей широкимъ полемъ для ея экспериментовъ. Становится понятной, такимъ образомъ, эта историческая необходимость, въ силу которой авантюристы-финансисты, вроде Ло, овладѣваютъ судьбами цѣлой страны и на почвѣ всеобщаго разоренія стремятся построить благополучіе свое и своихъ присныхъ. Въ этомъ отношеніи большое поучительностью отличается первая часть книги, гдѣ изображено бѣдственное положеніе французскихъ финансовъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Послѣдніе годы царствованія Людовика XIV были эпохой господства въ финансовомъ управленіи такъ называем. *affaires extraordinaires*. Правительство прибѣгало къ патристическимъ пожертвованіямъ гражданъ, къ фиктивнымъ лотереямъ и выигрышамъ, къ выпуску рендъ и даже къ торговлѣ титулами, мѣстами и должностями. Довѣріе общества къ правительственнымъ бумагамъ и обѣщаніямъ было утрачено, что обуславливалось, главнымъ образомъ, характеромъ тѣхъ лицъ, которымъ были ввѣрены финансы государства. „Вмѣстѣ съ Кольберомъ исчезли изъ финансоваго вѣдомства честность и бережливость; при его преемникѣ, Поншартрэнѣ, сохранились едва примѣтные слѣды кольберовскихъ преданій. Они совершенно исчезли при Шамильярѣ, который приобрѣлъ благосклонность короля своимъ талантомъ въ биллиардной игрѣ, а благоволеніе г-жи Ментенонъ ревностными заботами о Сень-Сирѣ. Обои же вмѣстѣ они главнымъ образомъ, явились своею безусловною *посредственностью*". Вотъ истинный министръ финансовъ въ особенно затруднительное для государства время.

Роскошь двора, громадныя военныя издержки, непомерная тяжесть

малоговъ и дурное финансовое управленіе довели французскій народъ во второй половинѣ царствованія Людовика XIV до полного разоренія. Къ этому присоединились неурожай, наводненія, скотскій падежъ. Страна представляла собою жалкое зрѣлище: сельскія постройки оставались безъ самыхъ необходимыхъ поправокъ, поля не воздѣлывались въ недостаткомъ у земледѣльцевъ скота, орудій и удобреній. „Одна изъ особенностей въ эту эпоху экономической литературы состоитъ въ томъ, что Вобанъ и Буагильберъ... должны были доказывать невозможность обогащенія короля на счетъ нищенствующей націи и обязанность министра финансовъ обратить въ прямыхъ интересахъ казначейства, нѣкоторое вниманіе на хозяйственное развитіе страны“. Такимъ совѣтникамъ правительство не вѣрило и старалось задуть всякую критику своихъ дѣйствій. Франція, очевидно, нуждалась въ другомъ правительствѣ. На Филиппа, заступившаго мѣсто Людовика, возлагались большія надежды. Первые его шаги какъ будто оправдывали эти надежды: плательщикамъ предоставлены были нѣкоторыя льготы, пошлины на сельскіе припасы понижены, сборщикамъ податей внушено быть человѣчѣе. „Повелѣніе отъ 25 апрѣля 1716 г. приглашало всѣхъ гражданъ сообщить свое мнѣніе объ улучшеніи общественныхъ дѣлъ: образовано было специальное бюро для принятія этихъ заявленій“. Авторъ считаетъ возможнымъ, что первоначальныя намѣренія правительства были честны и серьезны, но, „чтобъ осуществить свои намѣренія, нужна необыкновенная настойчивость и сила характера, а, какъ извѣстно, Филиппу Орлеанскому не доставало ни того, ни другого“. Быть можетъ, при хорошихъ совѣтникахъ, регентъ могъ еще кое-что сдѣлать для блага страны; „на бѣду и его, и Франція, всѣ лица, окружавшія регента, стояли еще ниже его“. И вотъ, началась снова та же политика авантюръ и хищеній. Правительство стало изыскивать средства, чтобы расплатиться своихъ кредиторовъ и не исполнить принятыхъ на себя обязательствъ. Наказанія за самыя разнообразныя преступленія приняли преимущественно фискальный характеръ, къ контрибуціямъ прибѣгали во всякомъ поводѣ, чтобы, такимъ образомъ, наполнить пустыя государственныя „и, конечно,—прибавляетъ Горнъ,—нѣкоторыя частныя кассы“. Естественнымъ результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было лишь постепенное сокращеніе поступленій. И вотъ, когда государство пришло къ полному истощенію своихъ средствъ, явился Ло со своимъ заманчивымъ предложеніемъ. „Не слѣдовало ли въ подобномъ положеніи встрѣтить съ распростертыми объятіями человѣка, который хотѣлъ безъ насильственныхъ мѣръ избавить государство отъ бѣды, а страну отъ нищеты, и который обѣщалъ въ будущемъ довѣріе, богатство и изобиліе?“ Почва для операций Ло была, очевидно, уже вполне подготовлена.

Въ оцѣнкѣ личности Ло Горнъ кореннымъ образомъ расходится съ извѣстною, блестящею его характеристикой, сдѣланною французскимъ историкомъ Луи Бланомъ, который видѣлъ въ Ло представителя созрѣвшаго тогда третьяго сословія, демократа и революціонера, даже почти что социалиста. На нашъ взглядъ нѣмецкій ученый гораздо ближе къ истинѣ,ставляя Ло умнымъ, ловкимъ и талантливымъ авантюристомъ, иногда, когда это ему казалось нужнымъ, бравшимъ демократическія лозунги и громившимъ аристократію, но чаще стоявшимъ на почвѣ миролюбиваго стараго режима и защищавшимъ прерогативы короля противъ досуждательствъ парламента. Во всякомъ случаѣ, далеко не послѣднею чертою его системы было и собственное обогащеніе, достигнутое, впро-

чемъ, не больше, чѣмъ были доступны и всѣ остальные задачи талантливаго, но безпринципаго финансиста. Изобразивши, по его сочиненіямъ, взгляды Ло на значеніе денегъ, кредита и бумажныхъ знаковъ (взгляды, приближавшіеся къ ученію меркантилистовъ, но не лишенныхъ и нѣкоторой оригинальности), Горнъ яркими чертами описываетъ его первые несмѣлые шаги при дворѣ Людовика XIV. Игра была тогда въ большомъ почетѣ: самъ король принималъ въ ней участіе и никому не казалось предосудительнымъ, что герцогиня Беррійская проигрывала въ одну ночь по 1.800,000 ливровъ. Ло обратилъ на себя вниманіе всего парижскаго высшаго общества, какъ ловкій и счастливый игрокъ. Вскорѣ, однако, счастье ему такъ повезло, что онъ возбудилъ зависть въ придворныхъ короля и д'Аржансонъ, тогдашній начальникъ полиціи, выслалъ его изъ Франціи. По заключеніи утрехтскаго мира Ло получила возможность вернуться въ Парижъ и на этотъ разъ ему оказали уже вполне благосклонный пріемъ.

Здѣсь нѣтъ возможности слѣдить за постепеннымъ осуществленіемъ идей Ло, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, за постепеннымъ вовлеченіемъ двора, аристократіи и, наконецъ, всего Парижа въ азіотажъ, въ азартную игру на повышеніе вышускавшихся Ло билетовъ и акцій. Удивительно талантливо и живо описаны Горномъ всѣ перипетіи этой замѣчательной драмы, въ которой дѣйствующими лицами являются: безхарактерный, развращенный регентъ, проницательный, почти гениальный аферистъ Ло, интригующая и жадная до наживы толпа придворныхъ, а за ней разорившееся, но не утратившее феодальныхъ замашекъ французское дворянство. Почти какъ романъ читаются тѣ страницы, которыя посвящены авторомъ изображенію знаменитой улицы всѣхъ спекулянтовъ, Кенкампуа, и блестящихъ аферъ, совершавшихся здѣсь мелкими и крупными биржевиками. Таково содержаніе 2-й и 3-й части, носящихъ заглавія: *Къ чему Ло стремился* и *Чего Ло достигъ*. Последняя, четвертая часть книги Горна, *Что Ло оставилъ послѣ себя*—это сначала исторія краха всей его „системы“, затѣмъ картина тѣхъ послѣдствій, которыя имѣлъ для Франціи весь этотъ дорого стоившій ей финансовый экспериментъ. „На ряду съ биржею и общественными игорными домами Франція обязана „системѣ“ еще однимъ учрежденіемъ: общественнымъ ломбардомъ. Но это были не единственныя послѣдствія препріятія Ло: „униженіе достоинства короля, снисшедшаго до азіотажа, завершилось катастрофой 1719—1721 гг.; равнымъ образомъ „система“ нанесла дворянству смертельный ударъ, отъ котораго оно болѣе не оправилось, а, между тѣмъ, она возвысила могущество денегъ, т.-е. средняго сословія“. Къ концъ-концовъ, всѣ затрудненія, созданныя разореніемъ народа, финансовыми мошенничествами министровъ Людовика XIV и гениально-разбойничьей системой Ло, разрѣшила великая революція, подготовленная всѣми этими причинами гораздо больше, нежели вольнодумными книжками.

Г. Шипову, обогатившему русскую литературу переводомъ прекраснаго изслѣдованія Горна, слѣдовало бы, какъ намъ кажется, дополнить его переводомъ капитальнаго сочиненія Гомеля: *Causes financières de la révolution française*. Тогда мы бы имѣли яркую, полную картину исторіи французскихъ финансовъ въ XVIII вѣкѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ". А. Д. Градовскаго—
 „Über die Einführung in das Studium der Rechtswissenschaft“, von Dr Carl Gareis.—
 „Die deutsche Rechtsgeschichte und die juristische Bildung“, von Dr Victor Ehrenberg.

Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 году. А. Д. Градовскимъ. Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. Спб., 1895 г. Въ 1886 году вышелъ первый томъ *Государственной права* проф. А. Д. Градовскаго, посвященный историческому обзору западно-европейскихъ конституцій. Авторъ книги обѣщала въ непродолжительномъ будущемъ издать и второй томъ, посвященный „догматическому изложенію началъ и формъ государственнаго устройства главныхъ державъ Европы и Америки“ (стр. 34); смерть помѣшала ему осуществить его намѣреніе. Въ настоящее время его ученикъ, проф. Н. М. Коркуновъ, выпустилъ въ свѣтъ подъ своею редакціей лекціи проф. Градовскаго, представляющія ничто иное, какъ обѣщанный второй томъ большого труда автора; въ немъ не хватаетъ только отдѣла о республикахъ и федераціяхъ; за этимъ исключеніемъ программа автора можетъ считаться исполненною. Главнѣйшій недостатокъ книги—излишняя догматичность изложенія. Охарактеризовавъ избирательныя системы разныхъ странъ, авторъ совершенно не останавливается на ихъ практическомъ примѣненіи, удовольствовавшись оговоркою, что провозглашаемые принципы часто не соотвѣтствуютъ дѣйствительности (стр. 128); поэтому читатель, ознакомившись съ избирательными системами по книгѣ Градовскаго, не будетъ въ состояніи оцѣнить разницы между государствами, гдѣ выборы подстраиваются властями, и государствами, гдѣ народное представительство дѣйствительно соотвѣтствуетъ своему имени. Узнавъ о правахъ короны по дѣйствующимъ конституціямъ, читатель книги Градовскаго не пойметъ разницы между Англіей съ чисто-призрачною властью королевы и Швеціей, напримѣръ, гдѣ король играетъ такую вліятельную роль.

Не всегда проф. Градовскій выдорживаетъ и тотъ объективный тонъ, въ которомъ вообще написана книга. Было бы лучше, еслибъ онъ изслѣдовалъ причины, ведущія къ преобладанію того или иного класса въ системѣ народнаго представительства, вмѣсто того, чтобы поражать читателя категорическимъ и голословнымъ утвержденіемъ, что степень дѣйствительнаго пониманія гражданскихъ обязанностей выше у крестьянъ, чѣмъ у городскихъ рабочихъ, и что поэтому первымъ слѣдуетъ дать предпочтеніе предъ послѣдними при выработкѣ избирательныхъ законовъ (стр. 331). Можно также спорить съ его идеей, что „бродячее населеніе, что-то среднее между *population flottante* и *population vagabonde*, является элементомъ, который, по разнымъ причинамъ, нежелательно было бы допускать къ участію въ избирательномъ правѣ“ (стр. 325). Невѣрно намъ кажется и его критика трехклассной системы прусскаго избирательнаго права: проф. Градовскій считаетъ главнымъ недостаткомъ этой системы не то, что она распредѣляетъ представительство между извѣстными общественными группами, а то, что основанія для этого распредѣленія выбраны неудачно; по мнѣнію автора, крѣпко количество платимыхъ податей для образованія избирательныхъ группъ, слѣдовало бы принять во вниманіе и другія „живыя общественныя различія“: въ занятіяхъ, въ качествѣ собственности... различіе между городскими и сельскими рабочими и т. п.“ (стр. 286—287).

За всѣмъ тѣмъ книга даетъ въ хорошемъ изложеніи, если не считать нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ, то, что она обязана дать.

Иное впечатлѣніе производитъ другой недостатокъ книги. „Принявъ на себя редакцію настоящаго изданія, — говоритъ проф. Коркуновъ въ предисловіи, — я ограничился лишь исправленіемъ нѣсколькихъ очевидныхъ ошибокъ служившаго мнѣ оригиналомъ студенческаго изданія 1885 г. и указаніемъ, въ особыхъ примѣчаніяхъ, важнѣйшихъ перемѣнъ въ иностранномъ законодательствѣ за истекшее десятилѣтіе. Такимъ образомъ, курсъ, читанный покойнымъ А. Д. Градовскимъ, воспроизведенъ безъ всякихъ передѣлокъ“. Вотъ это-то „воспроизведеніе безъ всякихъ передѣлокъ“ студенческаго изданія и портитъ книгу. Прежде всего, стѣсненный строго опредѣленнымъ количествомъ времени, проф. Градовскій не успѣвалъ прочитывать въ одинъ годъ полнаго курса государственнаго права. Если бы г. Коркуновъ, кромѣ студенческаго изданія 1885 года, взялъ еще изданія другихъ годовъ, онъ могъ бы пополнить книгу нѣсколькими главами и отдѣлами. Такъ, изъ студенческаго изданія 1886 г. слѣдовало бы включить очень цѣнное введеніе (отсутствующее въ вышедшей теперь книгѣ), въ которомъ покойный профессоръ даетъ общее опредѣленіе понятія государства и классификаціи формъ правленія.

Всѣмъ извѣстно, какъ небрежно составляются обыкновенно такъ называемыя студенческія изданія. Изданіе Градовскаго не представляетъ исключенія, а проф. Коркуновъ, „воспроизводя его безъ передѣлокъ“, воспроизводитъ систематически по всему курсу и опечатки, и ошибки, не находя нужнымъ ихъ исправлять, хотя бы по другимъ студенческимъ изданіямъ. Такъ, наприм., въ студенческомъ изданіи 1885 г. извѣстный англійскій статутъ de tallagio non concedendo систематически называется de tallagio non concedendo; ошибка была воспроизведена и въ изданіи 1886 года, но тамъ она была исправлена въ опечаткахъ; профессоръ же Коркуновъ переноситъ ее въ свое изданіе (стр. 399—400 и др.). Революція 24 февраля 1848 года дѣлается революціей 4 февраля (стр. 273); прусская конституція 31 января 1850 года переносится на 20 дней раньше (стр. 53). Общая сумма депутатовъ въ испанской палатѣ (стр. 361) не сходится со слагаемыми, т.-е. съ числомъ депутатовъ, посылаемыхъ отдѣльными провинціями, приведеннымъ тутъ же. Проф. Коркуновъ перепечатываетъ безъ поправокъ эту ошибочную таблицу и не находитъ нужнымъ прибавить, что какъ сумма, такъ и слагаемыя измѣнены закономъ 1890 г. (стр. 306). Вообще въ цифрахъ почти всегда есть опечатки. Вѣрно указавъ число депутатовъ австрійскаго рейхсрата (стр. 353), издатели-студенты и повторяющій ихъ профессоръ (мы, конечно, не приписываемъ этихъ ошибокъ Градовскому, въ другихъ своихъ трудахъ доказавшему свою точность) дѣлаютъ ошибки въ указаніи числа депутатовъ отъ трехъ провинцій (Форальберга, Истріи и Триеста, такъ что въ общемъ итогѣ сумма отъ слагаемыхъ дѣлается на два больше, чѣмъ слѣдуетъ (стр. 89) *). Гораздо важнѣе ошибки такого рода: „Въ Пруссіи, — говорится въ книгѣ, — хотя и существуетъ система двухстепенной подачи голосовъ, но фактически и

*) Подобныхъ ошибокъ можно было бы привести множество. Вотъ еще примѣръ: „въ 1790 г. въ Англійи имѣлось 30 мѣстечекъ, въ которыхъ было 276 избирателей [... слѣдовательно, на одно мѣстечко приходилось среднимъ числомъ 12 избирателей“ (стр. 254). Книга Гера о пропорціональномъ представительствѣ на 295 страницъ вышла въ 1850 году, шесть страницъ спустя оказывается вышедшею въ 1857 году. На стр. 247 не вѣрно высчитаны проценты, и т. д.

оставъ избирательныхъ коллегій и составъ палаты опредѣляются прилизительно всеобщей подачей голосовъ, такъ какъ высокаго ценза въ Пруссіи нѣтъ“ (стр. 248). Нерѣшительность тона этой фразы („высокаго ценза нѣтъ“), вмѣсто точнаго указанія на высоту его, обнаруживаетъ ея происхождение: авторомъ ея могъ быть только недостаточно свѣдущій студентъ. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, съ одной стороны, вовсе нѣтъ ценза, а съ другой—составъ палаты опредѣляется чѣмъ-то весьма непохожимъ на всеобщую подачу голосовъ. Авторъ *Германской конституціи* это прекрасно зналъ и въ другомъ студенческомъ изданіи его курса проф. Коркуновъ могъ бы прочитать, что „въ Пруссіи... не установлено ценза“, и затѣмъ оттуда же могъ бы познакомиться съ прусскою избирательною системою (изд. 1886 г., стр. 274). Мы уже не говоримъ о тяжеловѣсныхъ по языку фразахъ, которыя часто можно было бы исправить простою справкой съ другими изданіями, о длинныхъ, совершенно ненужныхъ повтореніяхъ*).

Проф. Коркуновъ обѣщаетъ указывать на важнѣйшія перемѣны въ иностранномъ законодательствѣ за десятилѣтіе, истекшее съ того времени, когда покойный Градовскій читалъ свои лекціи; но эти указанія составлены имъ съ тою же небрежностью, съ какою онъ „исправлялъ очевидныя ошибки“. Авторъ говорить, что „бельгійская конституція... со времени утвержденія до сего времени остается безъ перемѣны“ (стр. 12), и редакторъ ни словомъ не оговаривается объ ея ревизіи въ 1893 году. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 125) авторъ говорить, что въ Бельгій партиі, за исключеніемъ либеральной и католической, „только что зарождаются, а потому и не имѣютъ пока никакой опредѣленности“. Въ 1885 г. это было совершенно вѣрно, но 10 лѣтъ спустя это утвержденіе звучитъ очень странно; точно также редакторъ не поправляетъ устарѣвшаго указанія на число депутатовъ въ бельгійскомъ парламентѣ (стр. 225). Авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, что въ „Англій женщины допущены къ выборамъ въ школьные совѣты по закону 1870 г. (стр. 322), но не допущены къ политическимъ выборамъ“; редакторъ не считаетъ нужнымъ указать, что по закону 1888 года онѣ допущены къ выборамъ въ графскіе совѣты. Устарѣли указанія на срокъ, на который выбираются депутаты рейхстага въ Германіи (стр. 367); разсужденія о законѣ противъ социалистовъ въ Германіи, какъ о законѣ дѣйствующемъ (6, 64 и 354); свѣдѣнія о религіи князя въ Болгаріи (174); замѣчанія о народномъ собраніи въ восточной (ошибочно названной южной) Румеліи (189), съ 1885 года не существующемъ; устарѣло замѣчаніе, что во Франціи только однажды были привлечены къ суду министры (Полиньякъ), ставшее невѣрнымъ послѣ панамскаго дѣла; устарѣло указаніе на число депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ (стр. 371), устарѣло очень многое другое, и все это не вызываетъ замѣчаній со стороны редактора. Иногда же, когда такія замѣчанія имъ дѣлаются, то читателю бываетъ не лучше: такъ, на страницахъ 140 и 185 редакторъ говоритъ о сербской конституціи 1888 года, какъ о дѣйствующей, хотя раньше (стр. 60) онъ самъ указалъ на отмѣну этой конституціи въ 1894 году.

*) Сказанное на 324 стр. объ избирательныхъ спискахъ во Франціи повторяется почти слово въ слово на страницѣ 346; замѣчаніе объ открытой подачѣ голосовъ въ Англию до 1872 года, сдѣланное на 355 страницѣ, безъ всякой нужды дѣлкомъ повторяется тремя страницами спустя. Подобныхъ примѣровъ можно было бы указать несчетно много.

За то, когда проф. Градовскій высказываетъ теоретическое мнѣніе, противорѣчащее убѣжденіямъ проф. Коркунова, то послѣдній считаетъ нужнымъ выступить со своею поправкой. „Монтескьё, по мнѣнію Градовскаго, ошибочно утверждаетъ, что король не имѣетъ права законодательной инициативы; напротивъ, большинство законопроектовъ вносятся въ парламентъ правительствомъ, слѣдовательно, съ предварительнаго согласія короля“ (стр. 71—72). Редакторъ находитъ этотъ упрекъ Монтескьё несправедливымъ. „Министры,—говоритъ онъ,—пользуются въ Англіи правомъ законодательной инициативы не какъ совѣтники короля, а только какъ члены палаты... Такъ называемые правительственные билли суть билли, вносимые тѣми членами парламента, которые принадлежатъ къ составу министерства. Черезъ другихъ лицъ, не членовъ палаты, король не можетъ внести въ палату билля“. Замѣчаніе это врядъ ли вѣрно: во-первыхъ, правительственные билли рѣзко отличаются отъ биллей отдѣльныхъ депутатовъ по характеру обсуждения (объ этомъ говорится на страницѣ 432 редактируемой г. Коркуновымъ книги); во-вторыхъ, министръ, членъ палаты лордовъ, можетъ вносить билль въ палату общинъ.

Въ какомъ бы изуродованномъ видѣ ни являлось, однако, талантливое произведеніе проф. Градовскаго, все-таки, ему можно пожелать возможно широкаго распространенія у насъ, гдѣ знакомство съ политическими вопросами стоитъ на такой низкой ступени.

Über die Einführung in das Studium der Rechtswissenschaft. Rede bei Übergabe des Rectorats v. Dr. Carl Gareis, Prof. in Königsberg. Berlin, 1894.—Die deutsche Rechtsgeschichte und die juristische Bildung, von Dr Victor Ehrenberg, Prof. in Göttingen. Leipzig, 1894. Названныя книжки—однѣ изъ многихъ, посвященныхъ вопросу о реформѣ юридическаго образованія въ Германіи,—реформѣ, потребности въ которой чувствуется давно и съ каждымъ годомъ дѣлается все настоятельнѣе *). Отличіе ихъ отъ другихъ состоитъ лишь въ томъ, что, принадлежа перу видныхъ ученыхъ, онѣ откровеннѣе и яснѣе другихъ формулируютъ desiderata будущей организаціи университетскаго преподаванія права въ Германіи и опредѣленно отмѣчаютъ то научное теченіе идей, которому и въ Германіи, несомнѣнно, принадлежитъ будущее. Съ послѣдней точки зрѣнія онѣ чрезвычайно поучительны для тѣхъ русскихъ юристовъ, которые не знаютъ иныхъ образцовъ изученія права, кромѣ господствовавшихъ въ Германіи до сихъ поръ.

Книжки начинаются жалобами на умственное и философское убожество молодыхъ нѣмецкихъ юристовъ. Проф. Эренбергъ указываетъ на сильное пониженіе средняго уровня юридическаго и общаго образованія въ послѣдніе годы сравнительно съ періодомъ тридцатыхъ-семидесятыхъ годовъ. „Великое движеніе, которое проходило раньше черезъ сословіе нѣмецкихъ юристовъ и заставляло ждать въ нихъ прирожденныхъ вождей націи, исчезло. Интересъ къ историческому, философскому и художественному образованію у молодыхъ поколѣній юристовъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Исчезъ даже интересъ къ глубокимъ политическимъ и социальнымъ вопросамъ. Занятіе предметами, лежащими внѣ тѣснаго круга специальности, кажется на-

*) Въ русской литературѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ данъ систематическій сводъ мнѣній германскихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ. См. *Реформа юридич. образованія въ Германіи. Юрид. Вѣсти.* 1889 г., № 2 и 4.

нему теперешнему юношеству устарѣлымъ. Трезвая положительность и твердое стремленіе только къ ближайшей практической цѣли и полезному, вытѣснили ранній идеализмъ. Эти скромныя притязанія большинства нашихъ юристовъ къ духовному содержанию жизни не могутъ не озачивать серьезно всякаго патріота“, говоритъ профессоръ. Гарейсъ пытается защитить студентовъ, но эта защита только отмѣчаетъ коренную причину зла и, слѣдовательно, его подчеркиваетъ. По мнѣнію этого ученаго, студенты и не виноваты въ своемъ направленіи. При современной системѣ образованія ничѣмъ другимъ они и быть не могутъ. Медникъ, филологъ, математикъ, естествоиспытатель и даже богословъ,—всѣ эти студенты съ перваго же курса охватываются интересомъ къ высокимъ и глубокимъ научнымъ и философскимъ вопросамъ, которые ставятъ передъ ними ихъ науки, затрогивающія всѣ стороны реальной и духовной жизни. А чѣмъ привлечотъ юношей юридической факультетъ, система наукъ котораго не имѣетъ другой основы, кромѣ исторической? Мы начинаемъ съ институцій и исторіи римскаго права, изучаемъ источники послѣдняго, XII таблицъ, legis actiones и т. д. На второй годъ переходимъ къ пандектамъ, имѣющимъ цѣлью рѣшеніе практическихъ вопросовъ частнаго права и основаннымъ на тѣхъ же источникахъ римскаго права. Это основа теперешняго юридического образованія. Проф. Гарейсъ, самъ выдающійся цивилистъ, далекъ отъ того, конечно, чтобъ отрицать значеніе римскаго права для практической подготовки юриста. Наоборотъ, онъ думаетъ, что юридическій міръ Германіи никогда не откажется отъ этого важнаго средства юридического образованія и воспитанія. Но,—спрашиваетъ профессоръ,—неужели предметъ изученія юриста въ школь и жизни не состоитъ ни въ чемъ другомъ, кромѣ усвоенія, пусть даже чрезвычайно остроумной, системы, имѣющей цѣлью жалкія мое и твоё индивиды и рѣшеніе частныхъ споровъ Ивана и Петра, съ ними связанными? Цѣль установленнаго въ государствѣ юридического порядка не только интересы отдѣльныхъ лицъ, но также потребности и защита цѣлаго общества. Не ради только дѣтей Тиція или Семпронія установлено наследственное право, но также и ради всего человѣчества, интересы котораго связываются съ тою или иною организаціей наследственнаго права. Юристъ же, воспитанный на римскомъ правѣ и въ первые семестры знающій въ качествѣ главнаго предмета только гражданское право, не замѣчаетъ этого общественнаго смысла юридическихъ отношеній; передъ нимъ только правомѣрный или неправомѣрный эгоизмъ одного лица въ столкновеніи съ правомѣрнымъ или неправомѣрнымъ эгоизмомъ другого. *Главная бѣда современной системы юридического образованія въ отсутствіи или слабости философскаго и публично-правоваго образованія.* Историческая школа права, воззрѣнія которой лежать въ основѣ господствующихъ взглядовъ, поборовъ крайности воззрѣній философовъ естественнаго права, вмѣстѣ съ этою несомнѣнною заслугой принесла и несомнѣнный вредъ. Отказавшись отъ философіи естественнаго права, ея сторонники, а за ними и учащаяся юриспруденція молодежь, стали пренебрежительно относиться къ философіи вообще, забывъ, что философія права не есть непремѣнно философія определенной системы, какъ философія религіи или языка, не есть опредѣленная богословская или филологическая система. Что касается публично-правоваго и *соціологическаго*, какъ выражается Гарейсъ, образованія, то важность его для юриста обнаруживаютъ, между прочимъ,— е пользованія въ области національной вѣмедкой исторіи права, с

лавшія огромные успѣхи за послѣднее время. Они съ наглядностью показали социальное значеніе гражданско - правовыхъ институтовъ. Юристъ не можетъ уже въ настоящее время изучать и частное право только въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь; стало настоятельною необходимостью также умѣть объяснить, почему и какимъ путемъ оно сдѣлалось такимъ, какимъ существуетъ, почему и въ какомъ объемѣ оно необходимо для поддержанія, распространенія и роста нашей культуры. Проф. Эренбергъ по преимуществу посвящаетъ свою книжку доказательству важности именно социологическаго изученія исторіи права, такъ какъ только такое изученіе способно дать истинное мѣсто и значеніе *историческому образованию* юриста. Объ этомъ образованіи очень много говорили и приверженцы исторической школы, но они же или обратили исторію въ служеніе практикѣ, *догмѣ*, совсѣмъ не понимая коренного различія чисто-историческаго, *динамическаго*, и догматическаго изученія права, или, устранивъ философскій и социальный смыслъ изъ исторіи, наполнили ее грудой антикварныхъ свѣдѣній, отягощающихъ безъ нужды память и безъ обобщеній не имѣющихъ никакого интереса для молодого юриста.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, профессора Гарейсъ и Эренбергъ находятъ необходимыми существенныя исправленія въ современной системѣ юридическаго образованія. Проф. Гарейсъ настаиваетъ на иной постановкѣ начальнаго образованія юристовъ, — чтеній на первыхъ семестрахъ. Необходима юридическая пропедевтика, которая охватывала бы цѣльнымъ взглядомъ юридическія науки и ихъ методы и входила бы какъ въ естественное продолженіе—въ курсы *исторіи права* и *политической экономіи*—двѣ науки, которыя Эренбергъ и Гарейсъ и считаютъ истинными основами юридическаго образованія. Онѣ введутъ затѣмъ и въ государственное, и частное право. Практическаго образованія юриста ни одинъ изъ названныхъ ученыхъ не отрицаетъ, но они думаютъ, что оно само получить большее распредѣленіе и смыслъ если его основы—гражданское и уголовное права—будутъ освѣщены историко-философскимъ свѣтомъ. Проф. Эренбергъ въ частности обращаетъ вниманіе на самую систему чтеній по исторіи права въ ея современной постановкѣ. Не сообщеніе мелочей и опредѣленнаго количества фактовъ важно здѣсь для образованія,—важно *пониманіе фактовъ*. „Исторія права не должна изолировать право отъ другихъ областей; наоборотъ, она должна вводить его въ великій потокъ общей культуры, поскольку послѣдняя обуславливаетъ развитіе права, и объяснять его изъ этого развитія. Она должна стремиться къ тому, чтобы вѣрнымъ взглядомъ охватить рѣшающіе политическіе и экономическіе, социальныя и этические факторы каждаго періода юридическаго развитія и представить право какъ живой и органической продуктъ этихъ факторовъ“.

Читая эти разсужденія и слова нѣмецкихъ юристовъ, мы вспоминаемъ, что около двадцати лѣтъ тому назадъ у насъ тѣ же мысли были не только высказаны тѣми же словами, но и развиты часто съ большею послѣдовательностью. Нѣкоторые юридическіе факультеты русскихъ университетовъ начали было и практическое осуществленіе этихъ словъ, высказываемыхъ теперь нѣмецкимъ *ректоромъ* университета при передачѣ должности, какъ завѣтъ преемнику, и предъ многочисленною аудиторіей изъ профессоровъ и студентовъ. Уставъ 1884 г. положилъ предѣлъ этимъ стремленіямъ и насадилъ ту систему, которая теперь отвергается въ Германіи. Результаты десятилѣтняго опыта

ея примѣненія и у насъ также плачевны. Кому приходилось присутствовать на нашихъ государственныхъ испытаніяхъ по предметамъ юридическаго факультета, тотъ не могъ не вынести печальнаго впечатлѣнія отъ тѣхъ жалкихъ обрывковъ знаній изъ практическихъ дисциплинъ римскаго, частнаго и уголовнаго права, не освѣщенныхъ критической, историко-философскою мыслью и излагаемыхъ по учебникамъ вродѣ разобранныхъ у насъ недавно курсовъ гражданскаго права, которые мы встрѣчаемъ теперь у русскихъ студентовъ-юристовъ, и отъ полнаго подавленія другихъ отраслей юриспруденціи.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Ученіе о движеніи и о силахъ“. О. Д. Хвольсона. — „Die wissenschaftlichen Grundlagen der Analytischen Chemie“, von W. Ostwald. — „Руководство къ химическому исследованію жировъ и восковъ“. А. П. Лидова. — „Душистыя растенія и эфирныя масла“. А. Базарова и Н. Монтеверде.

Ученіе о движеніи и о силахъ. Лекціи О. Д. Хвольсона. Второе изданіе. С.-Петербургъ. Цѣна 2 руб. На механику слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основу всей физики, такъ какъ всѣ части послѣдней въ большей или меньшей степени имѣютъ дѣло съ явленіями движенія. По справедливому замѣчанію автора, „сущность всѣхъ физическихъ явленій, вѣроятно, и заключается въ движеніи, и главная цѣль современной физики—свести явленія къ опредѣленнымъ движеніямъ“. Механическій отдѣлъ физики долженъ составлять, поэтому, въ ея учебномъ курсѣ начало и одну изъ важнѣйшихъ частей.

Ограшчивая предметъ механическаго отдѣла физики ученіемъ о движеніи и о силахъ, авторъ посвящаетъ свою книгу изложенію этого ученія, какъ общаго введенія въ физику. Книга составила первоначально изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ студентамъ I и II семестровъ. При второмъ изданіи она подверглась, по словамъ автора, „тщательному просмотру и многимъ редакціоннымъ измѣненіямъ“. Указанный сей часъ составъ аудиторіи автора, какъ представляемый лицами, только что приступающими или только что приступившими къ изученію исчисления безконечно-малыхъ, поставилъ автора въ необходимость обходиться въ своемъ изложеніи безъ этого исчисления. Это обстоятельство въ соединеніи съ ясностью и сжатостью изложенія, при достаточной полнотѣ, дѣлаетъ книгу весьма хорошимъ руководствомъ для лицъ, математическія свѣдѣнія которыхъ не идутъ далѣе курса среднихъ учебныхъ заведеній.

Die wissenschaftlichen Grundlagen der Analytischen Chemie elementar dargestellt von W. Ostwald. Leipzig, 1894. Книга проф. Оствальда содержитъ ясное изложеніе той области теоретической химіи, которая имѣетъ значеніе изученія аналитической химіи. Вся книга распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой, озаглавленной *Theorie*, авторъ въ ясной и популярной формѣ знакомитъ читателя съ теоретическими основаніями тѣхъ процессовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло при занятіяхъ аналитическою химіей. Въ началѣ онъ излагаетъ механическіе методы, служащіе для отдѣленія однихъ веществъ отъ другихъ (глава вторая), затѣмъ физическіе методы, служащіе для той же цѣли (глава третья), причемъ онъ вкратцѣ разлагаетъ теорію перегонки, теорію извлеченія одного вещества изъ раствора съ помощью другого растворителя и т. д. Четвертая глава

посвящена изложенію теоріи растворовъ (конечно, той, ярымъ защитникомъ которой является проф. Оствальдъ), теоріи химическаго равновѣсія и друг. Во второй части авторъ описываетъ реакціи различныхъ элементовъ. Книга Оствальда отличается отъ другихъ учебниковъ аналитической химіи главнымъ образомъ своею первою частью. Теоретическое освѣщеніе, которое даетъ авторъ, можетъ служить для занимающихся химическимъ анализомъ путеводною нитью при трудныхъ, уклоняющихся отъ общихъ правилъ, случаяхъ. Книга проф. Оствальда можетъ быть также полезна въ томъ отношеніи, что въ ней излагаются очень ясно и просто нѣкоторые важные вопросы теоретической химіи.

Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Профессора Харьковскаго технологическаго института А. П. Лидова. Харьковъ, 1894 г. Книга проф. Лидова можетъ служить хорошимъ руководствомъ для тѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ количественнымъ и качественнымъ анализомъ жировъ. Въ началѣ книги авторъ приводитъ списокъ тѣхъ сочиненій, которыми онъ пользовался при ея составленіи; изъ этого списка видно, что авторъ хорошо знакомъ съ литературой предмета, и поэтому онъ могъ выбрать изъ множества предложенныхъ методовъ анализа жировъ наилучшіе, тѣмъ болѣе, что, какъ сказано въ предисловіи къ книгѣ, „во многихъ случаяхъ описываемые новые приемы работъ предварительно пробѣрялись въ лабораторіи непосредственнымъ опытомъ“. Для того, чтобы дать болѣе полное понятіе о содержаніи книги, перечислимъ вкратцѣ отдѣлы, изъ которыхъ она состоитъ. Исходя изъ той мысли, что для изслѣдованія жировъ весьма важно знать общія свойства какъ жировъ и восковъ, такъ и ихъ составныхъ частей, жирныхъ кислотъ и спиртовъ, авторъ изложенію методовъ изслѣдованія предпосылаетъ описаніе состава и общихъ свойствъ жировъ, восковъ, жирныхъ кислотъ и спиртовъ. Затѣмъ онъ описываетъ важнѣйшіе приемы и аппараты, употребляемые при изслѣдованіи жировъ, причемъ это описаніе сопровождается рисунками, и переходитъ къ изложенію приемовъ изслѣдованія физическихъ свойствъ и химическаго состава жировъ. За этимъ слѣдуетъ описаніе методовъ опредѣленія чистоты отдѣльныхъ жировъ и опредѣленія жира въ сырыхъ продуктахъ. Послѣдняя глава посвящена изслѣдованію отдѣльныхъ жировъ и продуктовъ ихъ обработки (наприм., коровьяго масла, топленнаго сала, олеина, глицерина, ализаринаваго масла, пчелинаго воска и т. п.). Послѣ каждого описанія указана литература предмета. Въ концѣ книги для облегченія справокъ сопоставлены физическія и химическія константы наиболѣе важныхъ жировъ и восковъ. Такимъ образомъ, книга проф. Лидова является въ русской литературѣ наиболѣе подробнымъ руководствомъ по изслѣдованію жировъ.

Душистыя растенія и эфирныя масла. Часть II. Описаніе душистыхъ растеній и эфирныхъ маселъ. А. Базарова и Н. Монтеверде. Спб. Изданіе департамента земледѣлія. Въ прошломъ году вышла первая часть этой книги, въ которой описывались общія свойства душистыхъ маселъ и общіе способы добыванія ихъ изъ растеній; во второй части описываются отдѣльныя растенія и душистыя масла, изъ нихъ добываемыя, причемъ при описаніи каждого растенія обращено вниманіе на способъ его разведенія, посадки, культуры и т. д. Описаніе сопровождается въ большинствѣ случаевъ рисунками. Всего описано 42 растенія, изъ которыхъ 35 относятся къ листовнымъ растеніямъ

(резеда, фіалка, роза, мелисса, шалфей и т. под.), а 7—къ хвойнымъ (сосна обыкновенная и горная, кедръ, ель, пихта европейская и сибирская, лиственница). Въ концѣ книги находятся приложения, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія, могущія пригодиться при пользованіи этою книгой. Въ первой таблицѣ собраны данныя, представляющія матеріалъ для соображенія о большей или меньшей выгодности культуры того или другого душистаго растенія и добыванія изъ него эфирнаго масла, вторая таблица заключаетъ сравненіе русскихъ мѣръ и вѣсовъ съ десятичными (метрическими), третья—сравненіе термометровъ Цельсія и Реомюра и четвертая—тарифъ на перевозку душистыхъ растеній и благовонныхъ товаровъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Затѣмъ приведены списокъ главнѣйшихъ въ Россіи покупателей благовонныхъ товаровъ и указатель литературы какъ русской (преимущественно журнальной), такъ и иностранной.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

„Русская классная бібліотека“. Чудинова. — „Образовательныя игры и занятія въ дешевыхъ изданіяхъ“ Ва. А. Лопова.

Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціей Чудинова. Вып. I. Слово о полку Игоря. 2-е, тщательно исправленное изданіе. Спб., 1895 г. Не безъ любопытства взялись мы за новое „тщательно исправленное“ изданіе труда, о капитальныхъ недостаткахъ котораго намъ дважды приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли*: интересно было узнать, извлечъ ли г. Чудиновъ что-нибудь поучительное для себя изъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ замѣчаній, которыя сдѣлала ему критика. Большинство изъ нихъ пошло впрокъ: г. Чудиновъ многое измѣнилъ, отъ многога отступился, но и „тщательно исправленному изданію“ все же далеко до изданія исправнаго. На этотъ разъ текстъ напечатанъ весь, съ наиболѣе вѣроятными (для г. Чудинова) поправками.

Прежде всего, относительно текста. „Трубы трубятъ въ Новѣградѣ“ безъ всякаго основанія отдѣлено красною строкой отъ тѣсно примыкающаго къ нему по смыслу: „Стоять связи въ Путивлѣ“ (стр. 3). „Лебеди роспуцени“ не замѣнено болѣе осмысленнымъ „роспуцени“ (стр. 4). „Святополюе повелѣ отца“ не даетъ смысла (стр. 6). „Одѣвахте“ замѣнено не идущимъ къ дѣлу „одѣвасте“, хотя давно уже объяснено, какъ оно могло возникнуть изъ „одѣвахуть“ (стр. 8). Несмотря на обѣщаніе въ предисловіи, правописаніе попрежнему не объединено, да это обѣщаніе само по себѣ странно: нѣтъ той устойчивой мѣрки въ древне-русскомъ правописаніи, подъ которую можно было бы подгонять отдѣльные памятники.

Попрежнему въ примѣчаніяхъ къ тексту много сомнительнаго и ошибочнаго: Боянь — *миогическій* гѣвецъ, рече — вводное предложеніе вродѣ: молю, де, дескать (стр. 1); „Боянь же, братіе“ и проч., почему-то не раскрытіе аллегоріи, а отрицательное уподобленіе (стр. 2); о Велесѣ сообщаются ни на чемъ не основанныя свѣдѣнія (стр. 3); нѣтъ оговорки объ опущеніи *ся* при *убуди* (стр. 4); на борони—въ бою (стр. 19); на полѣ брани (стр. 5), а въ словарѣ сказано борони—поле брани, битва, война (стр. 78) и пр. Текстъ мѣстами расходится съ примѣчаніями и словаремъ: толковины и тлѣковины (стр. 8, 8?); могуты (въ числѣ другихъ)—название племени, входившаго въ

составъ дружины Ярославъ (стр. 9), = Могути (переводъ, стр. 23) и = богатыри (словарь, стр. 80); наниче = ни во что (стр. 9, 23, переводъ), и = иначе (стр. 80). Чему же вѣрить: словарю, примѣчаніямъ или тексту? Каково положеніе ученика, которому одно и то же учебное изданіе даетъ нѣсколько исключяющихъ другъ друга толкованій! Въ переводѣ рядъ промаховъ: „вспомнилъ онъ сказанія“ — выдумка переводчика (стр. 17), лебеди *разлетѣлись* (стр. 18), повелѣ — велѣлъ взятъ (стр. 20); одно мѣсто перевода прямо поразительно: „уныша бо градомъ *забрала*“ (стр. 8) переведено „уныніе *забралось* (sic) въ города (стр. 22), хотя въ словарь *забрало* (sic) — стѣна.

Думаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы придти къ слѣдующему окончательному выводу: если первое изданіе г. Чудинова было изъ рукъ вонъ плохо, то второе можно признать только плохимъ. „Тщательно исправленное изданіе“ нуждается въ новомъ, еще болѣе тщательномъ исправленіи, чтобы куда-нибудь годиться.

Образовательныя игры и занятія въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. А. Попова: 1) Складная карта Европейской Россіи (пособіе при изученіи географіи и для самообразованія). Ц. 60 к., перес. 15 к. 2) Подвижныя животныя (для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра — пособіе для ознакомленія дѣтей съ животнымъ міромъ). Два выпуска. Цѣна каждому выпуску, заключающему въ себѣ по 4 табл. съ 11-ю экз. животныхъ, 45 к., перес. одного 10 к., двухъ 15 к. 8) Рисованіе по трафаретамъ. Цвѣты (шесть шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть шаблоновъ различныхъ). Ц. каждому конверту 35 к., пер. одного или двухъ — 10 к. Мы отмѣчали уже изданныя прежде учебныя пособія и образовательныя игры г. Попова. Новая серія ихъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Къ каждой игрѣ и пособію приложено объясненіе. Напечатаны они въ типографіи Кушнерева и К^о и отличаются красивою виѣшностью. Составитель имѣлъ въ виду соединить для дѣтей полезное съ приятнымъ, и этого онъ достигаетъ. Карта исполнена въ петербургскомъ картографическомъ заведеніи Ильина. Было бы хорошо, еслибъ при слѣдующемъ изданіи составные ея кусочки изображали опредѣленную географическую величину, напримѣръ, губерніи (для этого пришлось бы увеличить ея размѣры).

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія „Посредника“ по прикладнымъ знаніямъ.

Плодовый садъ. Разведеніе и уходъ за нимъ. Ц. 12 к. В. Бажаевъ. О полевомъ травосѣяніи въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Ц. 8 к. К. Бѣлевичъ. Лѣсное хозяйство. О сбереженіи лѣса и разведеніи лѣсныхъ деревьевъ. Ц. 10 к. К. Лаврскій. Лучшее средство противъ пожарныхъ бѣдствій. Наставленіе какъ строить дома и дѣлать крыши изъ глины съ соломой. Ц. 6 к. В. Рахмановъ. О работахъ вредныхъ для здоровья и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ. Ц. 3 к. А. Короваевъ. Совѣты беременнымъ и бабкамъ-повитухамъ. Ц. 6 к. В. Рудинъ. Заразныя болѣзни, ихъ признаки. Уходъ за больными. Средство уберечься отъ заразы. Ц. 6 к. Какъ извѣстно, въ январѣ этого года особое совѣщаніе при департаментѣ земледѣлія по низшему сельско-хозяйственному образо-

ванію проектировало цѣлый рядъ новыхъ мѣръ по распространенію среди сельскаго населенія разнаго рода специальныхъ знаній. За послѣднее время въ газетахъ появилось извѣстіе, что на 1 сентября должно было быть созвано при министерствѣ земледѣлія совѣщаніе для обсужденія этихъ мѣръ и тѣхъ условій, при которыхъ онѣ могутъ быть осуществлены. Въ составъ совѣщанія войдутъ представители отъ министерствъ земледѣлія, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и отъ св. синода. На обсужденіе созываемой комиссіи будетъ предложенъ одинъ вопросъ, на разумное, правильное и широкое разрѣшеніе котораго давно уже слѣдовало бы обратить должное вниманіе. Вопросъ этотъ касается порядка одобренія книгъ сельско-хозяйственнаго содержанія и періодическихъ сельско-хозяйственныхъ изданій для народныхъ чтеній, начальныхъ училищъ и т. п. Давно пора сдѣлать это. Врядъ ли возможно представить себѣ нѣчто болѣе ненормальнаго того порядка, который практикуется въ настоящее время по отношенію къ одобренію и допущенію въ начальную школу обще-образовательныхъ книгъ вообще, а сельско-хозяйственныхъ въ частности. Печать—и общая, и специальная—давно уже обратила на этотъ порядокъ должное вниманіе; еще недавно въ № 12 *Техническаго Образованія* была помѣщена по этому поводу замѣтка, указывающая на ненормальность нынѣшняго положенія вещей; но давнымъ-давно извѣстные факты и желанія запаздываютъ въ лучшемъ случаѣ на цѣлую четверть вѣка. Вопросъ объ одобреніи книжекъ— фактъ именно такого рода. Всѣмъ давнымъ-давно извѣстно, что если книжка *допущена цензурой*, то нельзя считать ее *запрещенной*; что если книжка еще не просмотрѣна, потому что ее не успѣли просмотрѣть, то изъ этого не слѣдуетъ, что она тоже запрещена; всякому затѣмъ понятно, что если какому-либо учрежденію дается право допускать или не допускать въ школьную бібліотеку тѣ или иныя книги, то въ видахъ справедливости и общественной пользы необходимо, чтобъ это учрежденіе само уже взяло на себя слѣдить за всѣми вновь выходящими и вышедшими книгами и просматривать ихъ, не дожидаясь, что книги сами прилетятъ въ это учрежденіе. Все это такъ просто и понятно, что объ этомъ не стоило бы даже и говорить, если бы дѣйствительность не вывернула этихъ простыхъ мыслей, такъ сказать, на изнанку. Книжки, которыя у насъ допускаетъ общая цензура для *всеобщаго* обращенія, не допускаетъ *школьная* цензура во всѣхъ учрежденіяхъ ея вѣдомства. Исключеніемъ изъ этого является лишь духовное вѣдомство, которому, къ сожалѣнію, министерство народнаго просвѣщенія въ этомъ случаѣ не находитъ нужнымъ подражать. Далѣе, у насъ всякая книжка, не вошедшая въ министерскій каталогъ книгъ для учебныхъ заведеній, считается запрещенной, между тѣмъ многія книги не вошли въ этотъ каталогъ потому, что о нихъ *забыли* составители каталога, что ихъ *не успѣли* просмотрѣть, что ихъ *не стали, не собрались* просматривать, что ихъ авторы или издатели не представили ихъ на просмотръ. Въ результатъ получаются такіе факты: до половины 80-хъ годовъ,—какъ пишетъ г. С. Рачинскій въ своей книжкѣ *Сельская школа*,—въ числѣ недопущенныхъ въ народную школу книгъ былъ *Псалтырь*. Стихотворенія К. Р. до сего времени *не опущены* въ народныя бібліотеки, такъ какъ не вошли въ каталогъ книгъ для среднихъ учебныхъ заведеній. За то допущено было *Доро* г. Мещерскаго и великое множество книгъ патріотическихъ писаній болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства, авторы коихъ—люди настолько ловкіе, чтобы знать „ходы“, и настолько разсудительные,

чтобы понимать, что безъ официальныхъ одобреній ихъ товарищъ не пойдетъ. Что касается области специальныхъ знаній, то и здѣсь мы натываемъ на курьезы удивительныя. Въ то время, какъ министерство земледѣлія употребляетъ всевозможныя старанія въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народѣ, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія допустилъ въ народныя школы всего *нѣсколько десятковъ* книгъ по сельскому хозяйству, тогда какъ читатели нашего журнала знаютъ, что въ настоящее время сельско-хозяйственная литература для народа довольно богата и обогащается съ каждымъ годомъ все больше и больше, причемъ обогащеніе идетъ довольно быстрыми шагами. Но о всѣхъ книжкахъ, кромѣ *нѣсколькихъ десятковъ* устарѣвшихъ, иногда распроданныхъ, а иногда и сомнительнаго достоинства книгъ, каталогъ молчитъ, *то-есть* закрываетъ имъ доступъ въ народную школу. Другими словами, министерство земледѣлія встрѣчается въ своемъ благомъ дѣлѣ препону съ той стороны, гдѣ должно бы было встрѣтить одно содѣйствіе. Врядъ ли можетъ быть что-либо болѣе ненормальное, чѣмъ такое положеніе вещей. Намъ скажутъ, что одобреніе книгъ имѣетъ въ виду не педагогическія, а политическія цѣли, что этимъ предупреждается распространеніе путемъ школы разнаго рода „лжеученій“. Обсуждать этотъ вопросъ здѣсь мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ онъ достаточно выясненъ. Замѣтимъ только, что если для борьбы съ этими „лжеученіями“ нужна *сторая* цензура, то-есть цензура *надъ* цензурой, то зачѣмъ же тогда цензора? Кромѣ того, удобно ли *одному* вѣдомству закрывать свою цензурой недобѣре къ *другому* вѣдомству? Тѣмъ болѣе неумѣстна такая двойная цензура для книжекъ техническихъ и сельско-хозяйственныхъ; надо полагать, времена гг. Красовскихъ, искавшихъ какой-то особый смыслъ въ „поваренной книгѣ“, гдѣ рѣчь шла о *вольномъ духѣ* для пироговъ, — уже прошли. Нужно надѣяться, что новая коммиссія обратитъ вниманіе на порядокъ одобренія книгъ и положить конецъ всевозможнаго рода курьезамъ. Было бы желательно только, чтобы гг. представители разныхъ вѣдомствъ посмотрѣли на данный вопросъ пошире и обсудили бы *вообще* порядокъ одобренія и допущенія *всякихъ* книгъ, а не только сельско-хозяйственныхъ, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны вопроса весьма близко связаны между собою. Напримѣръ, можетъ выйти такой курьезъ, что книжки по ботаникѣ будетъ разсматривать и допускать министерство народнаго просвѣщенія, а книжки по лѣсоводству, огородничеству и т. п. — министерство земледѣлія, анатомія и физиологія животныхъ вообще отойдетъ въ вѣдѣніе одною министерства, а тоже относительно домашнихъ животныхъ — въ вѣдѣніе другого. Бываютъ еще такіе курьезы, что книги, одобренныя однимъ министерствомъ для своихъ школъ, не допускаются другимъ министерствомъ для своихъ школъ, какъ будто тѣ и другія школы имѣютъ въ виду и изливаютъ блага на совершенно различныя народности, не однимъ и тѣмъ же основнымъ законамъ подчиненныя. Сводя къ одному всѣ отзывы печати и голоса, раздающіеся въ обществѣ (а кто стоящій близко къ дѣлу народнаго образованія не слышитъ и не чувствуетъ ихъ?), мы можемъ сказать, что давно настала пора облегчить доступъ въ народную школу всѣмъ книгамъ, дозволеннымъ цензурою, давно пора вмѣсто каталоговъ книгъ *дозволенныхъ* издавать каталоги книгъ *запрещенныхъ*, какъ это практикуется для библіотекъ общественныхъ. Рекомендація той или иной книги должна основываться на довѣрїи общества къ тому или иному лицу или учрежденію, а не на принуди-

тельности. Въ настоящее время наше общество настолько уже заинтересовалось народною литературой, такъ слѣдуетъ за ея успѣхами, что врядъ ли недопущеніе въ школу хорошихъ книгъ можетъ имѣть какіе-либо другіе результаты, кромѣ полнаго подрыва довѣрія къ министерскому каталогу; безъ сомнѣнія, составители ихъ совсѣмъ не имѣютъ этого въ виду.

Всѣ эти соображенія, невольно приходящія на умъ при чтеніи той газетной замѣтки, гдѣ говорится о новомъ симпатичномъ начинаніи министерства земледѣлія, особенно подтверждаются тѣми успѣхами, которые сдѣланы народною литературой по отдѣлу прикладныхъ знаній. Еще А. Н. Энгельгардтъ писалъ о трудности составленія народныхъ книгъ по сельскому хозяйству. Когда одна извѣстная издательская фирма обратилась къ нему съ просьбой составить нѣсколько такихъ книгъ, онъ предложилъ обратиться къ тѣмъ людямъ, которые сами ведутъ крестьянское хозяйство и знаютъ его, только такіе люди и могутъ написать. Это было въ половинѣ 80-хъ годовъ. Тогда такихъ людей не отыскивалось; они были, но за составленіе народныхъ книгъ не брались. Теперь такіе люди нашлись. Одинъ „Посредникъ“, такъ сказать, вызвалъ къ жизни нѣсколько такихъ людей. За послѣднее время „Посредникъ“ издалъ цѣлый рядъ въ общемъ весьма недурныхъ книжекъ по разнымъ отдѣламъ сельскаго хозяйства. Такова, наприм., книжка *Плодовый садъ, разведеніе и уходъ за нимъ*. Въ этой книжкѣ довольно яснымъ и простымъ языкомъ сообщается о жизни плодоваго дерева, о его строеніи, о вліяніи на него климата, затѣмъ идетъ рѣчь о работахъ въ саду; описаніе этихъ работъ распределено по временамъ года. Лучшая часть книжки—отдѣлъ прикладныхъ знаній; что касается описанія дерева и его жизни, оно оставляетъ желать многого, такъ какъ грѣшитъ многими неточностями, а то и просто враньемъ. Наприм., на стр. 65 сообщается, что тычинки и пестикъ—трубочки (?!). О питаніи растений и о вліяніи климата (стр. 59, 66) сказано нѣсколько самыхъ общихъ фразъ, ровно ничего не выясняющихъ; кромѣ того, питанія растений авторъ, очевидно, самъ не понимаетъ, если говоритъ лишь о всасываніи солей корнями. Лучше бы авторъ не залѣзалъ въ неизвѣстную ему область, а ограничился бы одними практическими совѣтами. Практическая часть книжки обработана недурно. Очень хорошо составлена книжка В. Бажаева *О полевои травостяннн въ нечерноземныхъ губерніяхъ*. На рынкѣ народныхъ изданій она появляется не первый разъ, и о ней уже былъ данъ отзывъ въ *Русской Мысли*. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе на эту книжку всѣхъ составителей народныхъ книгъ по сельскому хозяйству, по знанію условій крестьянской жизни, по знанію дѣла, по самой манерѣ писать, по языку. Къ сожалѣнію, министерство, повидимому, и не подозреваетъ существованія этой прекрасной книжки, выходящей уже третьимъ изданіемъ *). Книжка К. Бѣлевича о дѣсномъ хозяйствѣ (первоначально помѣщенная въ *Сельскомъ Вѣстникѣ*) представляетъ изъ себя легкую компіляцію, составленную по хорошимъ источникамъ, но написанную дурнымъ языкомъ; но такъ какъ книжекъ о дѣсномъ хозяйствѣ мало, то пока сослужитъ службу и книжка г. Бѣлевича. Книжка К. Лаврекаго (бывшаго профессора Казанскаго университета) *Лучшее средство противъ пожарныхъ бѣдствій* трактуетъ о выдѣлкѣ саманныхъ кирпичей и о постройкахъ изъ этого матеріала, трактуетъ

*) 1-е изданіе московскаго земства, 2-е—въ сборникѣ *Весна*.

съ полнымъ знаніемъ дѣла, проявляющимся даже въ самыхъ мелочахъ, и, къ тому же, прекраснымъ, простымъ языкомъ. Подобно книжкѣ г. Бажаева, эта книжка можетъ служить образцомъ того, какъ нужно составлять техническія книжки для народа. Видно, что все то, о чемъ авторъ пишетъ, онъ продѣлалъ самъ, что ему встрѣчалась масса трудностей, которыя онъ счастливо обошелъ или съ которыми справился, что онъ вникалъ въ свою работу, неустанно идя впередъ и добиваясь новаго. Изъ книжки даже видно, даже чувствуется, какъ онъ добивался. Поэтому книжка имѣетъ не только техническій, но и воспитательный интересъ. Такой приемъ достоинъ полнаго вниманія. Книжка В. Рахманова *О работахъ, вредныхъ для здоровья, и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ*, написана на излюбленную „Посредникомъ“ тему: „не ходите въ городъ, не ходите на фабрику“. Такъ какъ санитарныя условія у насъ на фабрикахъ даютъ не только богатый, но даже богатѣйшій матеріалъ для доказательства этой мысли, то книжка г. Рахманова является весьма полезной и содержательной. Она все же знакомитъ деревенскаго и фабричнаго читателя съ условіями производства, она показываетъ, что многочисленныя заболѣванія—совсѣмъ не случайность, а логическій выводъ изъ такихъ-то и такихъ-то условій труда, объ измѣненіи которыхъ къ лучшему никто почти не думаетъ. Къ сожалѣнію, притягательная сила фабрики для крестьянъ объясняется причинами не этического, а кое-какими другими, противъ которыхъ одною проповѣдью бороться довольно мудрено.

За послѣднее время „Посредникомъ“ изданы двѣ очень недурныхъ книжки по медицинѣ. Лучшая изъ нихъ книжка земскаго врача А. Караваяева *Советы беременнымъ и бабкамъ-повитухамъ*. Авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, ненормальныя явленія, случающіяся во время беременности и родовъ, затѣмъ трактуетъ объ уходѣ за новорожденнымъ, о кормленіи грудныхъ дѣтей, о пеленаньи, убаюкиваніи, о болѣзняхъ дѣтей перваго возраста. Книжка г. Караваяева даетъ много знаній, написана хорошимъ языкомъ. Видно, что авторъ знаетъ того читателя или, вѣрнѣе, читательницу, кому предназначаетъ свою книжку. Брошюра В. Рудина *Заразныя болѣзни* представляетъ изъ себя маленькую справочную книжку. Онъ излагаетъ предметъ по пунктамъ, стараясь выражаться коротко и ясно (признаки, предосторожности, уходъ и т. д.). Послѣднее, впрочемъ, не всегда удается. Наприм., изъ описанія, какъ ухаживать за больными дезинтеріей (стр. 15) читатель ровно ничего не вынесетъ опредѣленнаго. Очень полезны правила, какъ уберечься отъ заразныхъ болѣзней вообще. Было бы желательно изданіе подобной же книжки поподробнѣе, обстоятельнѣе и съ поясненіемъ физиологической стороны дѣла. Распространеніе свѣдѣній по физиологиче должно идти именно путемъ книжекъ о медицинѣ и гигиенѣ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, августъ.—„Русское Богатство“, июль.—„Сѣверный Вѣстникъ“, августъ.—„Русская Школа“, кн. V и VI.

Въ прошломъ нашемъ обзорѣнн мы упомянули о вопросѣ о мелкой земской единицѣ, какъ одномъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ нашей общественной жизни. Мы замѣтили при этомъ, что полнаго и безпристрастнаго изслѣдованія этого вопроса при существующихъ условіяхъ мы можемъ ожидать только отъ печати, какъ единственной то-

перъ выразительницы настоящаго безсословнаго и неклассоваго общественаго мнѣнія. Тѣмъ большая отвѣтственность, говорили мы, лежить на нашей печати... Къ счастью, мы не ошиблись въ нашихъ предположеніяхъ: хроникеръ *Вѣстника Европы* посвящаетъ разработкѣ этого насущнаго вопроса отдѣльную статью: *Безсословная волость и мелкія земскія единицы*. Въ виду важности этого вопроса, читатель, надѣмся, не посѣтуетъ на насъ, если мы дадимъ подробное изложене этой статьи.

Земское положеніе какъ 1864, такъ и 1890 годовъ не имѣло въ виду возможности для всѣхъ мѣстностей уѣзда заявлять свои нужды въ собраніи, замѣчаетъ авторъ. Территоріальное начало вообще отсутствуетъ въ положеніи и замѣняется отчасти цензовымъ, а отчасти сословнымъ, а, между тѣмъ, очевидно, что въ „общественномъ дѣлѣ“ весьма мало имѣютъ значенія интересы той или иной группы землевладѣнія сравнительно съ интересами, касающимися всего населенія данной мѣстности“.

Исторія дѣятельности земскихъ учреждений въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ даетъ достаточно основаній для пожеланія коренной передѣлки земской избирательной системы, и, притомъ, прибавимъ отъ себя, передѣлки не въ направленіи возвращенія къ положенію 1864 г., построеннаго хотя и на безсословномъ, но цензовомъ началѣ, а въ направленіи, по крайней мѣрѣ, приближенія къ началу безцензовому. Несомнѣнно, — продолжаетъ хроникеръ, — что сохраненіе максимальной нормы для образованія совокупнаго ценза мелкихъ владѣльцевъ не соответствуетъ настоящему положенію дѣла. Въ селахъ теперь не мало представительной разнаго вида промышленности, не владѣющихъ и минимальною нормой ценза, и этотъ разрядъ *собственникововъ* лишенъ возможности представлять свои интересы въ земскомъ собраніи. Изъ значительнаго числа лицъ этихъ категорій въ земскіе гласные можетъ попасть лишь небольшая часть. Часто раздаются сѣтованія, что для земской дѣятельности людей мало. Этотъ недостатокъ людей могъ бы быть устраненъ, если бы число земскихъ гласныхъ было увеличено и въѣмъ *собственниковамъ*, при извѣстномъ образовательномъ цензѣ, былъ предоставленъ доступъ въ гласные.

Остановимся на минуту на этомъ положеніи почтеннаго автора. Намъ думается, что оно находится въ нѣкоторомъ, и весьма значительномъ и очевидномъ, противорѣчій съ выставленнымъ имъ же самимъ основнымъ принципомъ. Если интересъ какихъ-либо группъ землевладѣнія въ дѣлѣ общественномъ имѣетъ мало значенія по сравненію съ интересами всего населенія мѣстности, то какой же резонъ мы имѣемъ говорить о *собственникахъ*, какъ представителяхъ интересовъ населенія? Въ сущности говоря, это признаніе собственниковъ единственными представителями интересовъ населенія столь же мало соответствуетъ положенію дѣла въ уѣздѣ, какъ и признаніе такими представителями опредѣленныхъ группъ собственниковъ. Дѣло въ томъ, что въ селахъ и деревняхъ имѣютъ постоянное жительство (если не всѣдлость) цѣлыя массы людей, не имѣющихъ *никакой собственности*, начиная отъ простыхъ ремесленниковъ и кончая интеллигентомъ: докторомъ, учителемъ, фельдшеромъ и т. д. Было бы странно, становясь на точку зрѣнія автора, т.-е. на точку зрѣнія интересовъ *всего населенія*, при этомъ исключить эти группы сельскихъ обывателей. Развѣ они не имѣютъ того же интереса въ правильномъ и законномъ веденіи всѣхъ земскихъ дѣлъ (медицины, школы, дорожнаго дѣла и

т. д.), какъ и собственники? Мало того, та же исторія земскаго дѣла въ теченіе 30 лѣтъ доказываетъ, что масса земскаго дѣла совершалась всегда и теперь совершается руками именно этихъ *не-земскихъ* въ настоящее время людей. Будетъ ли справедливымъ, — нѣтъ, будетъ ли практичнымъ и далѣе исключать ихъ изъ земской жизни и земской дѣятельности, разъ коронная передѣлка земскаго избирательства будетъ произведена на началѣ территоріальномъ? Не будетъ ли это наложеніемъ заплатъ на новую ткань? Дальше мы увидимъ, что именно заставило почтеннаго автора допустить подобную непослѣдовательность. Намъ могутъ возразить, что та группа людей, о которой мы говоримъ, не имѣетъ права на земское представительство, какъ не несущая земскихъ налоговъ и повинностей. Но, вѣдь, вопросъ о земскомъ обложеніи есть вопросъ тоже открытый и подлежащій тоже коронной передѣлкѣ, и авторъ проекта признаетъ это. Не слѣдуетъ забывать и того, что всякая реформа земскихъ учреждений можетъ преслѣдовать только единственную цѣль: введеніе ихъ въ правильные и законные кадры учреждений государственныхъ, каковыми они признаются дѣйствующимъ положеніемъ. И при этомъ понятно, что средства для ихъ содержанія и для исполненія ими своихъ задачъ должны черпаться изъ обложенія, построеннаго на тѣхъ же началахъ, какъ и обложеніе государственное, т.-е. всего лучше изъ подоходнаго налога въ той или другой его формѣ. А это совершенно устраняетъ вышеупомянутое возраженіе.

Для того, чтобы земскія собранія и управы могли захватывать всѣ интересы уѣзда, безусловно необходимо, — продолжаетъ авторъ, — чтобы земскіе органы не были изолированы отъ органовъ сельскаго и волостнаго управленія; необходимо, слѣдовательно, распространеніе на эти органы земскаго строя, т.-е. образованіе мелкихъ безсословныхъ самоуправляющихся единицъ. Напоминая далѣе, что уже черезъ 13 лѣтъ послѣ реформы 19 февраля правительствомъ была признана неудовлетворительность организаціи сельскаго и волостнаго управленія, и указавъ на мнѣнія почти всѣхъ земскихъ собраній, высказанныя ими въ 1881 г. по вызову министерства внутреннихъ дѣлъ, на мнѣнія о необходимости образованія безсословнаго сельскаго управленія и связи его съ земскими учреждениями, авторъ замѣчаетъ, что тогда, къ сожалѣнію, дѣло это по извѣстнымъ причинамъ не получило желательнаго движенія. Въ концѣ прошлаго года министерствомъ снова возбуждены вопросы о недостаткахъ крестьянскаго управленія, причемъ въ вопросѣ 42-мъ сказано: „Слѣдуетъ ли точнѣе опредѣлить кругъ лицъ, привлекаемыхъ къ платежу мірскихъ сборовъ?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ быть въ томъ смыслѣ, что обложенію должны подлежать лица всѣхъ сословій, а, слѣдовательно, и право участія въ управленіи должно быть распространено на всѣхъ. Авторъ, по поводу заключеній совѣщаній составленныхъ для отвѣта на вопросы министерства, сообщаетъ, что въ одномъ изъ совѣщаній большинство земскихъ начальниковъ признало нынѣшній составъ должностныхъ лицъ сельскихъ и волостныхъ совершенно непригоднымъ; земскіе начальники выражаютъ убѣжденіе, что на волостныя должности необходимо допускать лицъ всѣхъ сословій.

Говоря далѣе о составѣ сельскихъ сходоу, авторъ замѣчаетъ, „при многовластїи въ селахъ, которое выражается для крестьянъ цѣломъ рядѣ самоуправствъ ихъ выборнаго начальства, вмѣшательства во всѣ дѣла полиціи и другихъ представителей власти, при отсутствіи

правильно организованнаго суда, естественно, что начала сельскаго самоуправленія, установленныя реформой 19 февраля, не могли развиться. Такія условія жизни, когда населеніе признаетъ за собой только одні обязанности — платить повинности и исполнять приказы, и не признаетъ никакихъ правъ, имѣютъ самое деморализующее на него вліяніе. При такихъ условіяхъ не можетъ развиваться чувство долга; они являются самою удобною почвою для развитія опасныхъ для будущаго противугосударственныхъ понятій“.

По проекту автора, желательна такая организація сельскихъ сходовъ: число ихъ устанавливается по представленію волостного схода уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Обширныя селенія (400—600 дворовъ) образуютъ свои сходы; мелкія же, со включеніемъ хуторовъ, — общіе сходы. Эту низшую единицу въ мѣстностяхъ съ православнымъ населеніемъ можно бы приурочить къ приходу и слить дѣятельность сходовъ съ дѣятельностью существующихъ безсословныхъ учреждений, церковно-приходскихъ попечительствъ, такъ какъ при иномъ устройствѣ сходовъ было бы несообразно ни съ чѣмъ выдѣлить изъ ихъ вѣдѣнія народное образованіе, призрѣніе и другія функціи, предоставляемыя вѣдѣнію церковныхъ попечительствъ.

Мы выше упомянули, что въ проектѣ автора есть одна важная ошибка, заставившая его отступить отъ защищаемаго имъ же самимъ принципа допущенія къ земскому представительству интересовъ *всего* населенія. Намъ думается, что эта ошибка именно и состоитъ въ томъ, что точкой отправленія для земскаго представительства онъ избираетъ сельскій сходъ, что онъ признаетъ основною земскою единицею его, а не всесословную волость или округъ, т.-е. нѣсколько большее по объему территориальное дѣленіе. Дѣло въ томъ, что на практикѣ сельскій сходъ, сельское общество есть учрежденіе по преимуществу экономическое, хозяйственное и, притомъ, не только по закону, но и по самому существу, по самымъ законамъ нашего экономическаго строя учрежденіе по преимуществу крестьянскаго, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ (а такихъ мѣстностей большинство въ земскихъ, по крайней мѣрѣ, губерніяхъ), гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе. Сдѣлать сельскій сходъ земскою ячейкой, первоначальною земскою единицею наврядъ ли возможно безъ разрушенія очень важныхъ общественныхъ устоевъ; хотя, конечно, ничто не препятствуетъ введенію апелляціи, обжалованія рѣшеній сельскихъ сходовъ въ волостномъ судѣ. Для цѣлей чисто-земскихъ, а не хозяйственныхъ (призрѣвія, продовольствія, дорожнаго дѣла, оздоровленія сельъ, даже образованія и т. п.) рѣшительно нѣтъ никакой надобности въ созданіи такой мелкой единицы, какъ сельскій сходъ. Всѣ эти дѣла могутъ съ гораздо большимъ успѣхомъ вѣдаться единицею земскою, тоже мелкою, но все же болѣе крупною, чѣмъ сельскій сходъ, чѣмъ сельское общество, всесословною волостью или всесословнымъ округомъ. Между тѣмъ, превращеніе сельскаго схода, какъ учрежденія чисто-экономическаго и, притомъ, преимущественно крестьянскаго, въ учрежденіе всесословное, введеніе въ него элементовъ изъ группъ частныхъ собственниковъ представляло бы серьезныя неудобства. А, кромѣ того, при этомъ было бы дѣйствительно невозможно сохранить основную принципъ представительства интересовъ всего населенія, т.-е. принципъ введенія въ земскую жизнь элементовъ не-землевладѣльческихъ.

Другое неудобство проекта автора состоитъ, по нашему мнѣнію, въ введеніи конфессіональнаго начала, совершенно чуждаго началу

земскому. „Приуроченіе“ низшей земской единицы къ приходу даже въ мѣстностяхъ съ православнымъ населеніемъ повело бы къ новымъ и новымъ исключеніямъ дѣльныхъ группъ населенія изъ земской дѣятельности. Да и какое отношеніе могутъ имѣть дѣла экономическія, хозяйственныя, по преимуществу и составляющія функціи сельскаго схода, съ конфессіонными отличіями? Дѣятельность схода и дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ могутъ быть параллельны, но слиться онѣ никоимъ образомъ не могутъ безъ нарушенія самыхъ первоначальныхъ требованій справедливости. Такъ какъ мы не согласны съ почтеннымъ хроникеромъ въ самомъ существенномъ вопросѣ: въ мнѣніи о томъ, что именно должно служить точкой отправленія для созданія мелкой земской единицы, сельскій сходъ, или всесословная волость, или всесословный округъ, то намъ нѣтъ надобности излагать подробности его проекта организаціи сельскаго схода, хотя сами по себѣ эти подробности и довольно любопытны. Намъ думается, что и проектируемое имъ сельское попечительство для контроля надъ дѣйствіями старостъ, а также и проектируемый имъ судъ изъ наиболѣе почетныхъ обывателей сельскаго общества и окрестныхъ хуторовъ представляются намъ и лишними при тѣхъ гарантіяхъ независимости старосты отъ административныхъ властей, которыя проектируетъ авторъ, и при обжалованіи рѣшеній сельскаго схода передъ волостнымъ судомъ, да и опасными въ смыслѣ введенія новыхъ элементовъ опеки надъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, на этотъ разъ не со стороны администраціи и полиціи, а со стороны общественныхъ элементовъ, экономически чуждыхъ, часто враждебныхъ крестьянству, и, притомъ, во всякомъ случаѣ, чуждыхъ сферѣ общаго права, которымъ и руководится въ своихъ рѣшеніяхъ сельскій сходъ по вопросамъ хозяйственнымъ и экономическимъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ самъ дѣлаетъ то же замѣчаніе объ опасности вмѣшательства въ сферу общаго права людей, чуждыхъ ему.

Съ привлеченіемъ къ участию въ сельскомъ управленіи (по нашему мнѣнію дѣло не измѣнится, если мы вмѣсто сельскаго управленія поставимъ волостное или окружное) лицъ не сельскаго состоянія, живущихъ на территоріи, подвѣдомственной сходу, имущества ихъ подвергаются обложенію на мірскія (окружныя) повинности; основанія обложенія устанавливаются губернскими собраніями. Этимъ будетъ достигнуто облегченіе податной тягости и создается возможность удовлетворить многимъ нуждамъ села (округа). Высшій предѣлъ обложенія на волостныя и приходскія надобности слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, предоставить опредѣлять земскимъ собраніямъ въ видѣ максимальнаго процента съ доходности. „Только при такомъ сліянніи всѣхъ собственниковъ, населяющихъ села (по-нашему, всѣхъ постоянныхъ обывателей, населяющихъ территорію округа, мелкой земской единицы), въ одно общество, органы котораго будутъ вѣдать интересы всѣхъ обывателей, только при освобожденіи мелкихъ земскихъ единицъ отъ постоянной опеки и начальственныхъ воздѣйствій и при охранѣ судомъ всѣхъ интересовъ населеніе приучится къ уваженію порядка и закона и приобрететъ довѣріе къ мѣстнымъ учрежденіямъ, — заключаетъ авторъ эту часть своего проекта.

Слѣдующею ступенью мѣстныхъ учрежденій (по проекту автора, а по нашему, первую ступенью) является волостное управленіе, состоящее изъ бессословнаго волостнаго схода, собираемаго 3 или 4 раза въ годъ, и изъ избираемой сходомъ волостной управы. Авторъ находитъ, что

уѣзднымъ земскимъ собраніямъ слѣдуетъ предоставить распредѣленіе представительства, которое каждый сельскій сходъ долженъ выдѣлять изъ себя въ волостной сходъ. Этимъ предупреждается односторонность въ составѣ волостного схода и достигается то, что всѣ интересы на немъ представлены равномѣрно. Вы видите, какъ одна ошибка, разъ допущенная, ведетъ за собой другія, и, во всякомъ случаѣ, ведетъ къ искусственности и къ произволу. Какое бы довѣріе мы ни питали къ составу будущихъ земскихъ собраній, невозможно же не видѣть, что тутъ мѣсто закона занимаетъ усмотрѣніе, тѣмъ болѣе, что „интересъ“ — это нѣчто непостоянное, измѣнчивое, передвижное, и потому будетъ измѣнчиво и распредѣленіе представительства. Совѣтъ иное дѣло предоставление земскому собранію распредѣленія избирательныхъ всеобщихъ сходовъ. При знакомствѣ собранія съ составомъ населенія и при незначительности пространства мѣстной земской единицы, волости или округа, собраніе легко справится съ исполненіемъ такой функціи, руководясь строго опредѣленными законными нормами.

Функции волостныхъ управъ весьма широки по проекту автора. Перечислять ихъ мы не будемъ; укажемъ только, что управѣ представляется завѣдываніе всѣми сборами съ населенія черезъ особыхъ сборщиковъ (при уничтоженіи теперь существующихъ сельскихъ сборщиковъ), завѣдываніе экономическими дѣлами волости и совершеніе нотаріальныхъ актовъ на небольшія суммы. Но, прежде всего, къ волости, какъ земской единицѣ, приурочивается правильно организованный мѣстный судъ, дѣйствительно близкій къ населенію. Привлеченіемъ интеллигенціи волостные суды могутъ быть организованы самымъ лучшимъ образомъ. „Но, прежде всего, ихъ необходимо изъять изъ вѣдѣнія администраціи, необходимо вывести изъ нынѣшняго совершенно ненормальнаго положенія и ввести въ кругъ судебныхъ учреждений“. Это послѣднее достигалось бы созданіемъ особой апелляціонной инстанціи, съѣздовъ волостныхъ судовъ подъ предсѣдательствомъ представителя юстиціи. Такая инстанція способнѣе уѣзднаго съѣзда оцѣнить значеніе приговоровъ и рѣшеній, основанныхъ на обычномъ правѣ. Для кассачи и для постоянного контроля законности рѣшеній волостныхъ судовъ хроникеръ предлагаетъ учредить особыя должности сельскихъ прокуроровъ, по одному на уѣздъ. Сельское и волостное управленіе, какъ сказано, должны быть связаны органически съ земскими учрежденіями. Связь эта не можетъ быть ограничена контролирующею ролью земства; при реформѣ мѣстнаго управленія произойдетъ и расширеніе земской дѣятельности, что, понятно, вызоветъ необходимость увеличенія состава уѣздныхъ собраній и потребуетъ измѣненія въ распредѣленіи представительства. Выборъ земскихъ гласныхъ долженъ распредѣляться территоріально, причѣмъ собраніе должно опредѣлять число гласныхъ, избираемыхъ каждымъ волостнымъ сходомъ, по населенности и составу плательщиковъ. Нынѣшніе избирательные разряды должны быть вовсе отмѣнены и выборъ въ гласные не слѣдуетъ ограничивать размѣрами имущественнаго ценза.

Въ нашемъ изложеніи мы, конечно, не могли исчерпать всѣхъ подробностей небольшой по объему, но весьма содержательной статьи хроникера *Вѣстника Европы*. Да это и не входило въ нашу задачу. Для насъ важно только установить какъ наше согласіе съ авторомъ въ принципѣ, такъ и наше несогласіе въ деталяхъ, весьма, впрочемъ, существенныхъ. Важно то, что печатью опять возбужденъ этотъ насущнѣйшій вопросъ.

Читателю извѣстно состояніе, въ которомъ почти повсемѣстно находятся земскія кассы, извѣстна и основная причина такого состоянія. Но всякое сложное явленіе въ общественной жизни, кромѣ основной, кардинальной причины, имѣетъ еще и нѣскольکو частныхъ причинъ. Изслѣдованію такихъ частныхъ причинъ накопленія земскихъ недоимокъ посвящена статья г. Воробьева: *Земскія недоимки*. Г. Воробьевъ пользуется данными тверского земства. По изслѣдованію весьегонской управы, на сельскихъ обществахъ было недоимки 87,8% годового оклада, по нѣкоторымъ же селеніямъ недоимка выросла до размѣра 4-хъ годовыхъ окладовъ и даже выше. Причины накопленія такой громадной земской недоимки, по мнѣнію управы, слѣдующія: 1) Изъ года въ годъ производящаяся переплата земскаго сбора въ выкупные платежи и иногда въ мірскіе сборы, что происходитъ посредствомъ простого переноса земскаго сбора; 2) растраты сборщиками и старостами взысканныхъ платежей; хотя растрачиваются всѣ сборы, но волостное начальство изъ-за страха строгой отвѣтственности старается пополнить растрату только казенныхъ сборовъ; 3) незаконная раскладка земскаго земельного сбора на безземельныхъ или бобылей и, наконецъ, 4) (и главная) крайне плохое экономическое положеніе крестьянъ-плательщиковъ. Мѣстный податной инспекторъ призналъ, что причина накопленія недоимокъ кроется именно въ плохомъ экономическомъ положеніи крестьянъ, и согласился на ходатайство объ общемъ податномъ листѣ для всѣхъ сборовъ и объ отчисленіи по нему извѣстнаго процента въ пользу земства. Въ Корчевскомъ уѣздѣ оказалось, что за крестьянами числилась недоимка, достигающая 96% оклада, по нѣкоторымъ волостямъ она выросла до размѣра 2—3 годовыхъ окладовъ и собраніе постановило ходатайствовать, чтобъ изъ каждаго поступленія окладныхъ платежей казначейство отчисляло 12% въ земскій сборъ. Изъ приводимыхъ въ статьѣ г. Воробьева таблицъ видно, съ какою неравномѣрностью взыскиваются разные сборы: въ то время, какъ значительная часть земскаго сбора остается въ недоимкѣ, государственные платежи взыскиваются почти цѣликомъ. Въ 1892 году губернское собраніе возбудило ходатайство объ отчисленіи 12% земельныхъ сборовъ въ земскій сборъ. Но уже слѣдующее собраніе нашло свое ходатайство недостаточнымъ и возбудило новое ходатайство о взысканіи земскихъ сборовъ предпочтительно передъ всѣми. Само по себѣ понятно, что устраненіе основной причины накопленія земскихъ недоимокъ, т.-е. неудовлетворительнаго экономическаго положенія плательщиковъ, находится внѣ сферы компетенціи земства, но въ этой сферѣ, по справедливому замѣчанію г. Воробьева, есть одна отрасль хозяйства, гдѣ вопросъ объ облегченіи податной тяжести крестьянства можетъ быть рѣшенъ практически. Это—дѣло раскладки земельного земскаго сбора. Фактъ чрезвычайнаго обремененія налогами крестьянскихъ земель сравнительно съ частновладѣльческими давно установленъ статистическими изслѣдованіями наприм., въ Старицкомъ уѣздѣ крестьянская десятина несетъ платежей 1 руб. 56 к., а частновладѣльческая только 29 к., т.-е. въ 5 разъ меньше. Не принимая въ расчетъ выкупныхъ платежей, все же выходитъ, что общинныя земли несутъ вдвое больше платежей, чѣмъ земли частныхъ владѣльцевъ. То же и въ другихъ уѣздахъ. Нужно при этомъ помнить, что крестьянскія земли *должны* прокармливать (хотя и не исполняютъ такого *долга*) огромную массу населенія и часго никакого дохода не приносятъ, а даютъ ежегодный дефицитъ, тогда какъ частныя земли, и, притомъ, не лучшія, даютъ, все-таки, больше 2 р.

аренды; въ работахъ земскихъ статистиковъ установленъ фактъ, что средняя десятина пашни въ помѣщичьемъ хозяйствѣ приноситъ дохода 4 р., а въ крестьянскомъ только 2 р. 67 к. Выводъ ясенъ: необходимо, чтобы вновь образуемая оцѣночная коммиссія приняла во вниманіе разницу въ степени доходности и установила на основаніи принципа обложенія имущества по доходности для надѣльныхъ земель значительно низшій размѣръ подесятиннаго обложенія.

Само по себѣ понятно, что предлагаемая г. Воробьевымъ мѣра, при всей ея настоятельной необходимости, является, тѣмъ не менѣе, только палліативомъ въ дѣлѣ устройства земскихъ финансовъ. Принципъ распределительной справедливости, на которомъ только и могутъ быть построены прочныя и удовлетворительныя общественныя учреждения, и требующій обложенія земель по ихъ доходности, въ своихъ требованіяхъ идетъ дальше. Онъ требуетъ привлеченія къ платежамъ на общественныя, а, стало быть, и земскія, нужды всѣхъ доходовъ населенія, земельныхъ и иныхъ, и вмѣстѣ съ этимъ онъ требуетъ привлеченія всего населенія мѣстности къ правамъ и обязанностямъ общественнаго, земскаго служенія. Несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ мелкой земской единицы, всесословной, самоуправляющейся и поставленной въ органическую связь съ земскими учреждениями, суждено сыграть очень видную роль. И чѣмъ скорѣе земскія собранія возьмутся за разработку этого вопроса, тѣмъ ближе они подойдутъ и къ вопросу объ упорядоченіи своихъ финансовъ.

Вообще въ нашихъ деревняхъ, на землѣ, въ землевладѣніи происходитъ нѣчто неладное; происходитъ нѣкоторый переворотъ, результаты котораго довольно трудно предвидѣть и опредѣлить и который требуетъ, какъ всякое жизненное явленіе, того, чтобы съ нимъ считалось и законодательство. Съ характеромъ этого переворота въ землевладѣніи знакомитъ насъ г. Соколовскій въ своей интересной статьѣ: *Мыза и деревня*. „Въ нашей мѣстности,—говоритъ онъ,—купеческое землевладѣніе, ставшее на мѣсто дворянскаго, прогрессировало въ первыя два десятилѣтія послѣ реформы, теперь же, вмѣстѣ съ старымъ помѣстнымъ элементомъ, оно уступаетъ мѣсто тому общественному классу, для котораго пока еще не имѣется законодательной номенклатуры и который принято называть городскою интеллигенціей. Небывало сильное тяготѣніе этого общественнаго класса къ землѣ составляетъ самый характерный признакъ современнаго землевладѣнія нашей мѣстности (Петерб. губ.). Земля сообразно средствамъ новыхъ землевладѣльцевъ при этомъ раздробляется, демократизируется; крупныя помѣстья становятся все большею и большею рѣдкостью. Такое видоизмѣненіе представляется вполне естественнымъ въ силу общихъ экономическихъ условій. Не только остановить, но даже задержать такую эволюцію не въ состояніи какія-либо искусственныя мѣропріятія. Видоизмѣненіе сельско-хозяйственной фیزیономіи края шло довольно правильными наслоеніями. Лишь только земля перестала быть достояніемъ привилегированнаго класса, на смѣну дореформеннаго помѣщика явился капиталистъ, купецъ-лѣсопромышленникъ. Не встрѣчая конкурентовъ въ крестьянахъ, не успѣвшихъ еще ощутить земельной тѣсноты, и въ другихъ общественныхъ классахъ, купецъ страшно понизилъ цѣны на земли. Повидимому, это было благоприятнымъ условіемъ: хозяйство въ полномъ ходу, хотя и примитивное, дешевая цѣна и сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ капитала и земли должны были отразиться на хозяйствѣ и поднять вообще благосостоя-

ние края; но на дѣлѣ получилось обратное явленіе: купецъ отнесся къ землѣ какъ къ лавкѣ или кабаку и выбивалъ изъ земли все, что можно. Началось поистинѣ ужасное расхищеніе земли и ея богатствъ, главнымъ образомъ, лѣса. Трудно представить себѣ картину болѣе безотраднѣю той, которая выходитъ изъ-подъ рукъ лѣсопромышленника. Каждый лѣсопромышленникъ держитъ весь край въ нѣ-котораго рода осадномъ положеніи. Это сосѣдство съ пороховою бочкою, его владѣнія представляютъ одинъ сплошной костеръ на цѣлыя десятки верстѣ. Благодаря капиталистамъ, явившимся на смѣну дореформеннаго помѣщика, встрѣчаются громадныя пространства, надъ которыми какъ будто пронеслось непріятельское нашествіе. Новая генерация землевладѣльцевъ-купцовъ оставила по себѣ недобрую память и въ бытовомъ складѣ деревни. Безграмотному, темному крестьянскому люду, вѣдавшему только барскій приказъ, безъ переходныхъ ступеней пришлось войти въ путаницу хищныхъ расчетовъ, подвергаясь полному закабаленію по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства.

Слѣдующею стадіей эволюціи землевладѣнія была такая: снявши съ земли сливки, т.-е. лѣсъ, купецъ дробитъ помѣстье на участки и поскорѣе отдѣлывается отъ земли. Если участокъ представляетъ изъ себя пустошь, то онъ переходитъ въ руки мѣстныхъ крестьянъ или „чухны“, а если на участкѣ есть строенія, то въ руки городской интеллигенціи. Покупка земли отдѣльными крестьянами встрѣчается рѣдко, чаще земля покупается товариществами *сѣбча*. Подобная сторона крестьянскаго землевладѣнія очень рѣдко носитъ черты, присущія землевладѣнію общинному. Въ складчинѣ на покупку земли *сѣбча* участвуютъ крестьяне разныхъ деревень, даже чухны. Паи не равномерны, а *по достатку*; по достатку же распредѣляется и купленная земля; часто пустошь вся сполна дѣлится между совладѣльцами *въ натурѣ*, и, притомъ, дѣлится по *урочищамъ*. Понятно, какую путаницу въ землевладѣніе вноситъ такое владѣніе *сѣбча*; и авторъ предвидитъ, что оно станетъ въ свое время поперекъ дороги деревнѣ и ея экономической росту. Болѣе чѣмъ вѣроятно, — говоритъ онъ, — что практикуемая нынѣ форма крестьянскаго землевладѣнія *сѣбча* не только не внесетъ благосостоянія въ будущее деревни, но послужитъ для нея источникомъ разоренія. Было бы ошибкой думать, что въ этой формѣ землевладѣнія выражается стремленіе деревни къ общинной формѣ. Въ большинствѣ случаевъ, эти двѣ формы землевладѣнія не имѣютъ ничего общаго. Землевладѣніе *сѣбча* — землевладѣніе участковое, подворное. Причину распространенія такой формы слѣдуетъ искать не въ проблематическихъ симпатіяхъ деревни, а въ реальныхъ условіяхъ ея жизни. Слѣдуетъ помнить, что наши законы вообще писаны не для деревни и не для мужика; законъ и деревня давно уже разошлись между собой. Главною причиною распространенія неудобной и даже вредной формы землевладѣнія *сѣбча* слѣдуетъ признать непонятныя и стѣснительныя формальности, которыми обставленъ переходъ собственности на землю. Дѣло въ томъ, что въ силу дешевизны земли и дороговизны формальностей на нашемъ поземельномъ рынкѣ мелкая собственность просто изъята изъ обращенія; ни продавецъ, ни покупатель-крестьянинъ не согласятся заключать сдѣлку на продажу и покупку участка въ сто, полтора ста рублей. Такое изъятіе изъ рыночнаго обращенія мелкой поземельной собственности вредно отражается какъ на мызномъ, помѣстномъ, такъ и на крестьянскомъ хозяйствѣ. Участки и пустоши въ отдаленныхъ углахъ мызы не приносятъ дохода.

и отдѣлаться отъ нихъ нельзя, а крестьянамъ, съ своей стороны, приходится приобретать не ту землю, которая имъ сподручна, а другую, часто вдали отъ деревни, и, притомъ, какъ выше сказано, съобча. Вообще сосредоточеніе актовъ укрѣпленія въ рукахъ мѣстныхъ властей и уничтоженіе сложныхъ и ненужныхъ формальностей (ввода во владѣніе) поставило бы вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи на лучшую почву; доказательствомъ этого можетъ служить Финляндія. Къ сожалѣнію, условія, которыя втискиваютъ современную деревню въ общій круговоротъ жизни и которыя видоизмѣняютъ ея отношенія, ускользаютъ отъ законодательнаго анализа. Между деревней и законодательствомъ нѣтъ надлежащей связи и въ отсутствіи этой связи слѣдуетъ искать одну изъ важнѣйшихъ причинъ неурядицъ. Въ силу такого порядка вещей, деревня выбивается изъ своей трудовой колеи, въ ея самосознаніи никомъ образомъ не можетъ укрѣпиться то великое подспорье къ писанному закону, которое именуется обычнымъ правомъ. Въ деревнѣ въ настоящее время идетъ крупная и часто трагическая борьба между общиной и личностью,—борьба, имѣющая, съ одной стороны, громадныя правовой интересъ, а съ другой—захватывающая и рѣшающая всю судьбу, всю жизнь личности. И, притомъ, эта борьба ведется далеко не равными орудіями. Община является властелиномъ, а личность прямо-таки ничѣмъ, чуть не вещью. И слѣдуетъ замѣтить, что такое неравенство въ орудіяхъ борьбы совершенно не соответствуетъ ни практическому положенію дѣлъ и интересовъ деревни, ни принципамъ распредѣлительной справедливости. Дѣло въ томъ, что со времени освобожденія экономически-правовое положеніе общины радикально измѣнилось. Передавая общинѣ землю, обремененную выкупными платежами, законодатель естественно далъ ей по отношенію къ ея членамъ широкія полномочія. Это вызывалось самою сущностью дѣла. Но теперь, черезъ тридцать лѣтъ, положеніе иное; въ теченіе этого періода каждый изъ членовъ общины употребилъ наибольшую сумму труда для освобожденія отъ долга своего надѣла. Такъ что пользованіе надѣломъ теперь уже не милость со стороны государства или общины, а неотъемлемое право, приобретенное трудомъ или куплей. Такое измѣненіе правовыхъ отношеній личности къ землѣ порождаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, наприм., о значеніи для общины общихъ началъ давности, о силѣ обычнаго права, объ обязательности приговоровъ и проч. На всѣ эти вопросы, выдвигаемые деревенскою жизнью, нѣтъ отвѣтовъ въ узаконеніяхъ, трактующихъ о правахъ общины и объ отношеніяхъ къ этому великому институту его отдѣльныхъ членовъ. При такихъ условіяхъ понятно, что деревня такъ недалеко ушла въ столь необходимомъ для экономическаго и нравственнаго роста правовомъ самосознаніи. Оставлять деревню дольше въ такомъ положеніи невозможно, если мы не хотимъ ея полного захуданія, какъ экономическаго, такъ и моральнаго, если мы не хотимъ уничтоженія столь дорогого и богатаго будущими результатами института, какъ община.

Отрадное, освѣжающее впечатлѣніе производитъ статья г-жи Штеве ь: *Изъ жизни деревни и ея молодого поколѣнія*. Чувствуется, читая та ія вещи, какъ безхитрое повѣствованіе г-жи Штевень о ея путешествіи пѣшкомъ изъ Арзамаса въ Муромъ вмѣстѣ съ простыми деревенскими людьми и деревенскою молодежью, что люди хороши, чт живъ Богъ земли Русской, что жива и душа русскаго народа, чт пока есть на свѣтѣ такіе люди, какъ хоть бы та же г-жа Ште-

венъ и ея молодые спутники, до тѣхъ поръ жить можно на бѣломъ свѣтѣ. А строй, учрежденія, порядки?... Ну, что-жь?... Все это дѣло рукъ человѣческихъ. Хороши, очень хороши эти молодые спутники г-жи Штевенъ,—всѣ эти обладающіе тонкою организаціей, ожесточившіеся, но при извѣстныхъ условіяхъ оттаивающіе Вани Горины, типичные пессимисты, крайне чувствительные къ несправедливости Артеміи Кузины, которые, „живи они во времена общественныхъ бурь, были бы самыми непримиримыми противниками и безпощадными карателями несправедливости“, эти поэты, нѣжные, тонкіе, одаренные истинно-артистическою натурой, Пети Аканины, эти логики и ригористы Пети Павловы, даже эти „озорники“ Павлуши,—однимъ словомъ, пѣлая галлерея превосходныхъ, милыхъ, симпатичныхъ ребятъ. Удивительная и здоровая не только физически, а и морально эта деревенская молодежь! И какъ сильно она отличается отъ стараго поколѣнія! „Въ ней уже не замѣчалось ни хитраго взгляда изподлобья, ни наивнаго, возведеннаго въ принципъ своекорыстія, ни безграничной вѣры въ святость обычая и правилъ житейской мудрости, ни всего того, что такъ сильно вѣлось въ большинство людей стараго времени. Настали другія времена; веселѣе и свободнѣе живетъ простому человѣку; его меньше пугаютъ кикиморы и дѣшкіе, не очень ужъ страшень и баринтъ, не страшень даже темный лѣсъ... Не могли усмирить дремучій лѣсъ страшные капитаны-исправники, не могли укротить разбойниковъ клейма и плети; но настала свобода отъ крѣпостнаго гнета, проснулся забитый и запуганный разумъ, смягчились яравы, и лѣсные люди принялись за честный трудъ. И любопытнымъ, смышленнымъ, свѣтлымъ взоромъ взглядываясь въ Божій міръ, идутъ ихъ дѣти бодро и весело тѣмъ же лѣсомъ... идутъ и слушаютъ съ чуткимъ вниманіемъ рассказы о страшномъ гнетѣ и безправіи прежнихъ временъ“. И пусть потомъ г-жа Штевенъ разочаровываетъ насъ въ судьбѣ этихъ милыхъ дѣтокъ; пусть она говоритъ намъ, что „чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ затягивать ихъ житейское болото и даже на почвѣ отрицательныхъ добродѣтелей и ординарнаго благосостоянія имъ трудно будетъ удержаться. Болѣе высокія наслажденія, болѣе яркія проявленія лучшихъ человѣческихъ свойствъ,—все это отъ крестьянскихъ дѣтей страшно далеко. Не цвѣсти цвѣтамъ на морозѣ и трудно человѣку быть человѣкомъ, когда жизнь усиленно топчетъ его въ грязь. Надъ ребятами не будетъ уже тяготѣть крѣпостное безправіе, но не уйти имъ отъ униженія предъ сильными, отъ грубой борьбы за кусокъ хлѣба, отъ нищенски-скудной обстановки“. Все это такъ, все это мы знаемъ. Но мы уже глотнули отъ соприкосновенія съ деревенскою молодежью свѣжей чистой водицы. Поборемся и поработаемъ. Вѣдь, работать есть изъ-за чего: „народъ уже не та инертная масса, какой онъ былъ еще недавно. Появился новый многочисленный классъ мелкой деревенской полунинтелигенціи, имѣющей живое чувство собственнаго достоинства. Коегдѣ уже проснулся духъ критики; люди, такъ долго жившіе по традиціи и поклонявшіеся „невѣдомому Богу“, начинаютъ *разсуждать* о вѣрѣ, объ общихъ вопросахъ, о жизненныхъ явленіяхъ. Какъ будто посвѣтлѣе, какъ будто поживѣе стало въ деревнѣ, и мы отъ души присоединяемъ нашъ голосъ къ тихой молитвѣ г-жи Штевенъ: „пусть же эти струйки живой воды, бѣгущія подъ свѣгомъ невѣжества и застою, соединятся въ могучее, всеобъемлющее, неудержимое, какъ вешняя вода, теченіе и пусть наши ребята станутъ тѣмъ, чѣмъ они могутъ быть по природнымъ ихъ свойствамъ!“

Но пока „струйки сольются въ могучее теченіе“, тысячи этихъ ребятъ, этихъ Артемьевъ Кузиныхъ, пройдутъ скорбнымъ путемъ преступленія и сдѣлаются „отбросами Россіи на сибирской почвѣ“. Этимъ отбросамъ, бродягамъ, г. Москвичъ посвящаетъ интересную статью: *Пошибшіе и пошибающіе (Русское Бродство)*. Вопросъ о ссылкѣ и объ ея вліяніи на сибирскую жизнь и сибирскіе порядки можетъ быть признанъ разработаннымъ въ достаточной степени; этому вопросу была посвящена чуть не вся литературная дѣятельность, даже чуть ли не вся жизнь такого выдающагося публициста, какъ покойный Ядринцевъ, не говоря уже о другихъ болѣе мелкихъ писателяхъ. И, тѣмъ не менѣе, вопросъ такъ интересенъ, что по его поводу всегда находится сказать что-нибудь новое. И это тѣмъ болѣе, что такое явленіе, какъ бродяжество, не только продолжаетъ жить, но и переживаетъ извѣстнаго рода эволюцію, идя, въ силу измѣняющихся условій сибирской жизни, къ самоуничтоженію. Что такое сибирскій бродяга? Онъ нуль въ социальной жизни, даже не нуль, а скорѣе отрицательная величина. Существуетъ предписаніе одного бойкаго администратора, гласящее, что „въ волости бродяги и собаки пользуются полнѣйшею свободою“. Такое сопоставленіе характерно. Жизнь бродяги ни во что не цѣнится сибиряками-старожилами. Власти на практикѣ относятся къ бродягамъ крайне индифферентно—и онѣ правы; при существующемъ режимѣ тюремъ и поселенія невозможно уничтожить бродячества арестами. Въ Сибири бродяги встрѣчаются повсюду. Въ городахъ находится много благодѣтелей бродягъ, пользующихся широкою извѣстностью среди бродяжествующихъ. Такіе благодѣтели—кабатчики, скупщики краденаго, организаторы шаекъ и темныя личности, фабрикующія фальшивые документы. Главными же соединяющими звенами являются подонки сибирскихъ городовъ, мѣщане и поселенцы, большею частью „искусившіеся по бродячеству“. Это — „бакланы“ и „жиганы“. Вся жизнь бродяги проходитъ въ слѣпкѣ и ожиданіи чего-то лучшаго—каторга или тюрьма, „чистое мѣсто“, опять тюрьма и т. д. И такъ проходитъ вся жизнь, пока искателя „чистыхъ мѣстъ“ не зарѣжетъ свой же братъ бродяга, не убьютъ за баловство крестьяне. Бродяги дѣлятся на двѣ большія неравныя группы: первая, меньшая—это истинные бродяги, которымъ возвратъ къ прошлому абсолютно невозможенъ, такъ какъ они бѣжали изъ каторги, тюрьмы или даже отъ „иркутскаго шнура“; вторая, болѣшая, состоитъ изъ „шляющихся“; на бродяжемъ языкѣ они носятъ характерное названіе „родословныхъ бродягъ“, такъ какъ не скрываютъ своего имени и званія. Безъ преувеличенія можно сказать, что большая часть поселенцевъ Западной Сибири принадлежитъ къ бродяжествующимъ. Въ городахъ въ этой мѣстности и кореннымъ жителямъ дѣлать нечего, а въ нихъ водворяется цѣлая масса поселенцевъ. И въ результатѣ страшная братоубійственная война, кражи, конокрадства, поджоги со стороны поселенцевъ; пуля, петля, волны Оби—со стороны крестьянъ. Потому-то, несмотря на постоянный притокъ поселенцевъ, наличное ихъ количество стоитъ на одной высотѣ. Ссылка, въ большинствѣ случаевъ, приводитъ къ тому, чтобы дѣлать изъ преступника рецидивиста и бродягу. Поселеніе для ссыльных—нравственная смерть. Только близорукій оптимизмъ можетъ считать поселеніе гарантіей общества и средствомъ возрожденія преступника. Да и за что, избавляя населеніе Россіи отъ опасности, подвергать ей населеніе Сибири? Многіе и теперь полагаютъ, что при поселеніи правительство даетъ поселенцамъ субсидіи и что крестьяне оказываютъ ссыль-

ному первую помощь. Такое отношеніе крестьянства давно уже анахронизмъ. Ни отъ крестьянъ, ни отъ правительства поселенцы не получаютъ никакой помощи. Ссылка на поселеніе даетъ совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидаетъ законъ. Для преступника тяжесть ее далеко непропорціональна винѣ; для общества опасность и вредъ отъ преступника не уменьшаются, а увеличиваются. То обстоятельство, что ссыльное населеніе возрастаетъ весьма слабо, является краснорѣчивымъ и печальнымъ указаніемъ на ненормальность положенія. Выходъ одинъ—ссылка на поселеніе, какъ величайшая несправедливость, должна быть вовсе уничтожена. Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ его довольно подробномъ описаніи жизни бродяги въ тюрьмѣ, на этапахъ и на волѣ и прямо перейдемъ къ его резюме. Бродяга,—говоритъ онъ,—необходимо долженъ падать все ниже и ниже; условія его жизни таковы, что для него не можетъ быть возрожденія. Проводя всю жизнь по тюрьмамъ и на этапахъ, онъ свыкается съ нравственною атмосферой этой жизни; тюрьма его воспитываетъ, а „воля“ приучаетъ его къ тунеядству и наталкиваетъ на преступленіе, такъ какъ ни милостыня, ни случайный заработокъ не могутъ доставить средствъ для удовлетворенія его потребностей. Бродяжество—признакъ низкаго культурнаго уровня страны. Съ развитіемъ культуры оно при совокупности измѣнившихся условій исчезнетъ само собой. Признаки этого уже замѣтны: 1) бродяга измельчалъ и на смѣну его явился бродяжествующій; 2) настроеніе крестьянъ измѣнилось вслѣдствіе сильнаго развитія бродячества; 3) вслѣдствіе измѣненія режима тюремъ, онъ утрачиваютъ характеръ бродяжнскихъ притонновъ, и 4) влияніе сибирской желѣзной дороги выразится въ уничтоженіи пѣшаго слѣдованія по этапу и въ обѣднѣніи населенія (временномъ), въ силу чего бродягамъ будутъ подавать менѣе; поэтому бродяжество всею массой обрушится на живущихъ въ сторонѣ, которые не выдержатъ такого наплыва бродягъ; 5) переселенцы не такъ щедры, какъ сибиряки, и 6) съ наплывомъ переселенцевъ увеличится предложеніе труда и сибирякъ въ страду предпочтетъ имѣть дѣло съ лапотникомъ, а не съ бродягой.

Потому-то коренною мѣрой для искорененія бродячества можетъ быть только уничтоженіе ссылки. При ея существованіи никакія мѣропріятія не принесутъ пользы. Отбывъ срокъ заключенія, бродяга, все-таки, пойдетъ на старый путь, ибо иная жизнь для него невозможна.

Изъ другихъ статей разбираемой книги *Русскаго Богатства* укажемъ на этуодъ г. Уманьскаго: *Адамъ Мицкевичъ*, очень любопытный по точкѣ зрѣнія автора. Нѣкоторыя явленія польской литературы, —говоритъ онъ,—благодаря племенной близости двухъ народовъ, могутъ послужить къ объясненію нѣкоторыхъ явленій въ литературѣ русской. Особенно важно изученіе Мицкевича, какъ писателя, котораго можно назвать типическимъ не только для польской, но отчасти и для русской литературы. Нѣкоторыя особенности современной русской литературы типически проявились въ произведеніяхъ Мицкевича, такъ что такихъ писателей, какъ Достоевскій и Толстой, можно считать чуть не его послѣдователями, хотя о какомъ-либо воздѣйствіи его произведеній на нихъ и рѣчи быть не можетъ. Но именно это-то и интересно, такъ какъ позволяетъ въ сходствѣ настроенія Мицкевича и Достоевскаго и Толстого отдѣлать личное воздѣйствіе отъ типоваго проявленія... Въ послѣднее время за границей произведенія Достоевскаго и Толстого надѣлали много шума, но никто не указывалъ на Мицкевича, какъ на ихъ предшественника, хотя много говорилось объ особен-

жостяхъ славянскаго племени, о его стремленіи къ правдѣ, о религіозномъ и мистическомъ настроеніи. Какъ типическій представитель народа, среди котораго общественная (а потому и умственная) спеціализація не достигла той ступени, какъ на Западѣ, Мицкевичъ не могъйти весь въ мистицизмъ, но на основаніи своихъ вѣрваній строилъ цѣльную систему правды. Присматриваясь къ европейской цивилизаціи, онъ нашелъ, что она построена на рационализмѣ, что она утратила христіанскую нравственность. Свой народъ онъ противопоставилъ европейскому обществу, какъ представителя христіанскихъ началъ. Свои общественные взгляды Мицкевичъ изложилъ въ *Книжкѣ польскаго народа и польскаго пилигримства*. По содержанію это произведеніе напоминаетъ сочиненіе Толстого: *Въ чемъ моя вѣра*, съ тою вышшею разницей, что Мицкевичъ стоитъ больше на почвѣ политической, чѣмъ личной. Онъ указываетъ пилигримамъ, что они должны бороться за приложеніе къ жизни христіанской нравственности, утраченной цивилизованнымъ вѣкомъ, что не они должны учиться цивилизаціи, а чужеземцевъ учить истинной христіанской цивилизаціи. О наукѣ онъ съ такою же рѣшительностью, какъ и Толстой, говоритъ, что она „похожа на пустую мельницу, которая шумитъ, но не накормитъ“. Къ спорамъ о политическихъ формахъ онъ относился отрицательно, говоря, что „политики похожи на саддудеевъ и фарисеевъ, которые ссорятся изъ-за мяса каширнаго и трефнаго, но не понимаютъ, что значитъ любить и умереть за правду“. Герои поэмы Мицкевича *Панъ Тадеушъ* вполне національны и такъ же тѣсно связаны съ почвой, какъ и солдаты Каратаевъ Толстого, съ романомъ котораго поэма имѣетъ большое сходство по широкому, любовному захвату народной жизни. Ко времени окончанія этой великой поэмы Мицкевичъ сталъ очень невысоко цѣнить свои произведенія; онъ писалъ, что „много жилъ и трудился для свѣта“ и что не употребить больше труда для созданія „пустяковъ“. Это—то же настроеніе, что у Гоголя и Толстого, и появилось оно по причинамъ отчасти аналогичнымъ. Общественные взгляды Мицкевича, высказанные имъ въ его извѣстныхъ лекціяхъ, были только дальнѣйшимъ развитіемъ того, что онъ высказывалъ въ вышеупомянутыхъ *Книжкахъ*. Онъ искалъ основъ правды въ тѣхъ классахъ, которые остались чужды цивилизаціи, которые занимаются обработкой земли. По его мнѣнію, славянство смотритъ на жизнь высшихъ классовъ „съ искреннимъ отвращеніемъ, состраданіемъ и съ сознаніемъ своего внутренняго превосходства“. И оно право, такъ какъ высшіе классы ближе къ варварству, чѣмъ народъ, находящійся въ лучшихъ условіяхъ для принятія правды. Мицкевичъ чуть ли не первый указывалъ на славянскую общину и противопоставлялъ ее западно-европейскому понятію о собственности, созданному рационализмомъ... Товянский, по мнѣнію г. Уманскаго, имѣлъ на Мицкевича, повидимому, такое же вліяніе, какъ Сютяевъ на Толстого. Аналогія, даже сходство между ученіемъ Мицкевича и Толстого несомнѣнно есть, если исключить тотъ туманъ мистицизма, который окутываетъ взгляды перваго. Оба они страстно желали реализаціи христіанства, оба отнеслись отрицательно къ современной цивилизаціи, къ современной наукѣ, оба стремились къ нравственному перерожденію человечества и оба стали въ разрѣзъ со всѣмъ развитіемъ современной мысли. Когда Мицкевичъ разбираетъ систему вѣдской философіи, намъ вспоминается критика „научной науки“ Толстого; когда онъ противопоставляетъ низшіе классы высшимъ, въсплываете *Плоды просвѣщенія*. Товянизмъ рѣзко расходится съ тол-

стоизмом только по вопросу о непротивлении злу насиліемъ. Но и тутъ былъ моментъ сходства, когда Товяньскій посылалъ письмо императору Николаю, одобренное и Мицкевичемъ. Впослѣдствіи Мицкевичъ отказался отъ своего мнѣнія и заставлялъ согласиться съ собой и Товяньскаго. Тѣ вопросы, которые занимали Мицкевича, не утратили значенія и до сихъ поръ; если отбросить форму, болѣе или менѣе устарѣвшую, то произведенія его какъ будто написаны въ наши дни. Выдающіяся черты его нравственнаго развитія повторились въ той или иной формѣ въ польской и въ русской литературахъ (Красивскій, Словацкій, Гоголь, Достоевскій и Толстой). Въ его произведеніяхъ также можно найти основы того, что въ Россіи развилось въ цѣлыя общественныя направленія, каковы славянофильство и народничество. Мицкевичъ какъ будто одинъ прошелъ тотъ процессъ, который совершился въ русскомъ обществѣ въ рядѣ поколѣній и завершился въ ученіи Толстого. Указываемыя направленія болѣе или менѣе родственны, какъ вытекающія изъ извѣстнаго направленія славянской мысли. Замѣчательно, что это настроеніе въ разныхъ его формахъ ярче выразилось въ русской, а не въ польской литературѣ. Указываемое явленіе заслуживаетъ большого вниманія съ точки зрѣнія общественной психологіи. Чтобы имъ заинтересоваться, совсѣмъ не нужно быть славянофиломъ; достаточно думать, что народъ, стоящій въ извѣстныхъ условіяхъ, вырабатываетъ извѣстный характеръ, выражающійся необходимо и въ его литературѣ. Изъ того, что Мицкевичъ и Толстой сходятся въ отрицаніи цивилизаціи, не слѣдуетъ, что такое отрицаніе правильно, а лишь то, что оно типическое, какъ типическимъ было отрицаніе Чаадаева, хотя направлено оно было въ противоположную сторону.

Въ августовской книгѣ *Съвернаго Вѣстника* заслуживаетъ нѣкотораго вниманія статья г. Стивала: *По поводу отчета о дѣятельности министерства земледѣлія*. Какъ извѣстно, ближайшимъ поводомъ къ учрежденію этого министерства были бѣдствія голода. Испытанія, выпадающія на долю государствъ, — говоритъ авторъ, — по общему мнѣнію, имѣютъ и благотворное значеніе. Крымская война оказалась испытаніемъ, исполнѣ достаточнымъ для побужденія къ великимъ реформамъ. Даже не имѣя цифръ въ рукахъ, можно утверждать, что крымская война по сравненію съ голоднымъ годомъ была случайнымъ и весьма скромнымъ эпизодомъ. Повидимому, степень тяжести испытаній по ихъ сравненію тѣмъ любопытнѣе, что причины голода и пораженія подъ Севастополемъ, въ сущности, были признаны одинаковыми. Разстройство сельскаго хозяйства вызвано и поддерживается рядомъ могучихъ причинъ общаго характера, проходящихъ и черезъ всѣ другія области и сферы жизни. И, однако, все свелось къ тому, чтобы „слѣдовать что-нибудь“. И этимъ „что-нибудь“ было признано министерство земледѣлія. Отвѣчая однимъ министерствомъ земледѣлія на тяжелыя испытанія голоднаго года, тѣмъ самымъ сводили все это испытаніе къ одному сельско-хозяйственному кризису, притомъ, въ свою очередь сведенному къ недостаткамъ въ технику; съ другой стороны, всю отвѣтственность по устраненію кризиса, основныя причины котораго находятся внѣ предѣловъ компетенціи министерства земледѣлія, переносили на него. Въ *Извѣстіяхъ Министерства* было напечатано подробное разъясненіе возможной дѣятельности министерства. Въ этомъ разъясненіи обращается вниманіе на ограниченность круга компетенціи министерства. Разныя отрасли управленія, которыя слѣдовало бы включить

въ вѣдѣніе министерства земледѣлія, такъ и остались въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Вообще преобразование министерства по существу не расширило круга его компетенціи. А разъ министерство земледѣлія осталось при тѣхъ же функціяхъ, какія принадлежали и министерству государственныхъ имуществъ, то, значить, и это прежнее министерство съ такимъ же правомъ могло именоваться министерствомъ земледѣлія. Авторъ напоминаетъ, что еще при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Лорисъ-Меликовѣ обсуждался тотъ же вопросъ о результатахъ агрикультурныхъ мѣропріятій, который ставится на очередь и теперь. И тогда министр самъ составилъ большую записку объ улучшеніи сельскаго хозяйства, въ которой онъ признавалъ, что „улучшеніе культуръ всегда было результатомъ общаго подъема какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ силъ“, что поэтому „для скорого достиженія цѣли нужны и болѣе рѣшительныя средства“. „Мѣрами наиболѣе существенными и наиболѣе способными оказать благотворное вліяніе,—говорилось въ запискѣ,— могутъ быть признаны только такія, которыя поставили бы крестьянина въ лучшія условія“. Эти взгляды не устарѣли и было бы печально, еслибъ разсужденія гр. Лорисъ-Меликова были окончательно забыты. Въ статьяхъ г. Ермолова *Задачи землевладѣнія* теперешній министръ оказывается вполне солидарнымъ съ графомъ. „Только при условіи поднятія народнаго благосостоянія, при удовлетвореніи потребностей нашего собственнаго населенія и повышеніи этихъ потребностей увеличеніе производительности земледѣлія можетъ сулить намъ дѣйствительныя и прочныя, а не призрачныя и случайныя выгоды. Будетъ обезпеченъ земледѣлецъ, будетъ богатъ и землевладѣлецъ“,—говоритъ г. Ермоловъ въ этой статьѣ. Если отъ мѣропріятій, направленныхъ въ пользу крестьянъ, они будутъ только обезпечены, то землевладѣльцы уже будутъ богаты. Слѣдовательно, при разрѣшеніи вопроса о мѣропріятіяхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ интересахъ самаго частнаго хозяйства слѣдуетъ совѣмъ не имѣть его въ виду. Слѣдуетъ помнить только объ одномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, потому что въ немъ одномъ причины кризиса, и — при извѣстныхъ политическихъ и административныхъ условіяхъ—въ немъ же и залогъ будущаго развитія сельскаго хозяйства страны. Вообще говоря, для постепеннаго усовершенствованія явленій общественной жизни первенствующее значеніе принадлежитъ общимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ на развитіе моральныхъ и матеріальныхъ силъ страны и улучшеніе ея административнаго устройства. Эти общія мѣры создадутъ фундаментъ, почву, которая оплодотворяетъ мѣропріятія, направленные на улучшеніе внутреннихъ условій въ каждой отдѣльной области явленій общественной жизни.

Увертки, инсинуаціи, киванье куда-то въ сторону отъ литературы и пустозвонныя, не имѣющія никакого содержанія фразы,—таковы обычные полемическіе приемы *Свернаго Вѣстника*. Скучное и по существу неблагоприятное дѣло полемизировать при подобныхъ условіяхъ и съ такими, съ позволенія сказать, литераторами. И, однако, полемизировать необходимо. Въ настоящее время, можетъ быть, необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь: ужь очень много охотниковъ развелось мутить воду. Это неоглаженное занятіе иной разъ составляетъ всю суть литературной дѣятельности разныхъ литературныхъ наѣздниковъ, и волеи-неволеи приходится выводить ихъ на чистую воду ради интересовъ читающей публики.

Сверный Вѣстникъ прежде всего заявляетъ, что наши „литера-

турныя объясненія рассчитаны на не совѣмъ литературныя впечатлѣнія“. Несомнѣнно, что это заявленіе принадлежитъ къ разряду инсинуаций на то, чего не вѣдаетъ никто. Мы требуемъ отъ редакціи *Сѣвернаго Вѣстника* объясненія: на какія впечатлѣнія, кромѣ литературныхъ, мы можемъ рассчитывать? Пусть объяснится, если не желаетъ быть поставлена за одну скобку съ *Моск. Вѣдом.* и другими сынами отечества.

Мы хвалили статьи проф. Овсяннико-Куликовскаго. По мнѣнію редакціи *Сѣвернаго Вѣстника*, это значитъ, что мы „открыто ухаживаемъ за нимъ“. Смѣемъ увѣрить редакцію, что почтенный профессоръ не барышня, а мы не галантные кавалеры. Мы хвалимъ то, что, по нашему мнѣнію, похвалы заслуживаетъ, и наоборотъ, и притомъ, на лицо не взирая. Случалось намъ съ похвалой отзываться и о другихъ сотрудникахъ *Сѣвернаго Вѣстника*, напримѣръ, о гг. Кузнецовѣ и Петровѣ. Уже не ухаживаемъ ли мы и за ними? По странной логикѣ редакціи такъ выходитъ.

Мы указывали на противорѣчіе, глубокое и оснoвное, во взглядахъ г. Овсяннико-Куликовскаго и руководителя журнала г. Волюнскаго. Что же намъ отвѣчаетъ редакція *Сѣвернаго Вѣстника*? А вотъ послушайте: „Когда г. Волюнскій напалъ на эволюционную идею, на идею развитія, зародившуюся на метафизической почвѣ и разрабатываемую Спенсеромъ,—что правда еще не дошло до русскихъ знатоковъ философіи?“ Трудно даже намѣренно придумать фразу, въ которой въ такомъ небольшомъ словесномъ объемѣ было бы соединено столько лжи, увертокъ и нахальства. Мы, конечно, никогда не говорили, чтобы г. Волюнскій напалъ на идею эволюціи. Но все дѣло въ томъ, что онъ знаетъ только ту идею эволюціи, которая „зародилась на метафизической почвѣ“. Пусть редакція внимательно прочтетъ то мѣсто статьи г. Овсяннико-Куликовскаго, которое мы цитировали и въ которомъ онъ говоритъ, что далеко не безразлично, какимъ путемъ приобрѣтена идея, путемъ ли метафизическихъ измышленій или путемъ научнаго метода, такъ какъ только въ послѣднемъ случаѣ идея становится прочнымъ и цѣннымъ достояніемъ человѣчества. Есть противорѣчіе между идеями г. Волюнскаго и идеями г. Овсяннико-Куликовскаго или нѣтъ? Что же такое утвержденіе редакціи: наивность или нахальство? Дошли ли до насъ мнѣнія Спенсера или не дошли, объ этомъ всего лучше можно судить потому, что на страницахъ нашего журнала печаталась работа г. Лесевича, въ которой онъ признавалъ основы мышленія Спенсера метафизическими. То же утверждалъ и г. Николаевъ въ своей статьѣ о Лестерѣ Уордѣ. Спенсеръ великій ученый и крупный философъ, но за его спину мы прятаться не намѣрены. Да и редакціи *Сѣвер. Вѣст.* не совѣтуемъ.

Впрочемъ, мы очень рады, что редакція *Сѣвернаго Вѣстника*, иначе говоря, г. Волюнскій, дошли хоть до Спенсера. Это большой прогрессъ. По нашему мнѣнію, г. Волюнскій довольно усердный студентъ философіи. Только ужъ очень онъ торопливъ и... какъ бы это выразиться помягче? Очень самонадѣянъ, что ли? Очень онъ торопится преподнести публикѣ плоды своихъ изученій въ видѣ разныхъ „новыхъ словъ“. Изучилъ онъ Спинозу и сейчасъ же „новое слово“ публикѣ преподноситъ. Изучилъ Канта, сейчасъ же догматическіе элементы его философіи изложилъ, т.-е. ту часть философіи Канта, которая наименѣе согласована съ основными принципами критической философіи. Изучаетъ

онъ Гегеля и Шеллинга и въ видѣ „новаго слова“ преподноситъ публикѣ какую-то странную мѣшанину. Теперь онъ дошелъ до Спенсера...

Далѣе редакция *Сѣвернаго Вѣстника* огорчилась, что мы отмѣтили мнѣнія г. Прозорова о восьмидесятиникахъ, какъ мнѣніе, находящееся въ яркомъ противорѣчій съ мнѣніями редакціонными. „По глубокомысленнымъ понятіямъ либеральныхъ журналистовъ, русская культура представляетъ рядъ эпохъ, раздѣленныхъ круглыми цифрами“,—говоритъ редакция. Но, вѣдь, о круглыхъ-то цифрахъ говорили не мы, а г. Прозоровъ. Онъ утверждалъ, что шестидесятники и семидесятники связаны съ сороковыми годами и между собой традиціями, а восьмидесятники традиціи утратили, ибо воспитывались среди смуты умовъ. А мы только подтвердили слова г. Прозорова. Посмѣетъ ли редакция солгать, что г. Прозоровъ такихъ словъ не написалъ? Когда *Сѣверный Вѣстникъ* выступалъ защитникомъ какого-либо десятилѣтія? А кто кричалъ, чтобы шестидесятники и семидесятники ушли прочь и очистили дорогу восьмидесятикамъ, которые имѣютъ сказать „новое слово“, и у которыхъ образовались „новыя мозговья линіи“, не *Сѣверный Вѣстникъ*? Редакция утверждаетъ, что нельзя все сваливать въ одну кучу опредѣленныхъ десятилѣтій. Не ей бы говорить, не намъ бы слушать. Мы, вѣдь, по опыту, достаточно горькому, знаемъ, что разные бываютъ шестидесятники и семидесятники, также какъ разные бываютъ и восьмидесятники. Мы знаемъ получше *Сѣвернаго Вѣстника*, что эпоха шестидесятыхъ годовъ, какъ и всякая великая историческая эпоха, когда разрушаются старые общественные устои и начинается общественная дифференціація, внесла въ общество не миръ, а мечъ, и породила и автора „философскихъ предубѣжденій“, и Скарятина или Аскоченскаго, такъ что, конечно, шестидесятники разные бывали. И, тѣмъ не менѣе, когда г. Прозоровъ говоритъ о шестидесятиникахъ и проч., мы прекрасно понимаемъ другъ друга и между нами нѣтъ никакихъ недоразумѣній,—чего, конечно, нельзя утверждать относительно редакціи *Сѣвернаго Вѣстника*.

А какіе именно восьмидесятники заправили *Сѣвернаго Вѣстника*,—это они сейчасъ же и доказываютъ, говоря: „мы не имѣемъ ничего общаго въ философскомъ и эстетическомъ смыслѣ съ дѣятелями шестидесятыхъ годовъ“. Вотъ то-то и есть, что не имѣете ничего общаго, т.-е. говоря словами г. Прозорова, „выросли среди смуты умовъ“. Вы, наивные люди, думаете, что можно разрѣзать воплѣтъ цѣльныхъ людей на отдѣльные кусочки, и полагаете, что можно отдѣлаться отъ ихъ цѣлостности такимъ первобытнымъ способомъ, что вотъ, молъ, этотъ кусочекъ здоровый, а этотъ гнилой и его выбросить надо. Нѣтъ, съ цѣльными натурами такого фокуса не продѣлаешь. А вы давно уже этимъ фокусомъ воду мутите... Конечно, при этихъ словахъ редакция *Сѣвернаго Вѣстника* не преминетъ загорить о шаблонахъ. Потому объяснимся. Мы вообще не охотники *jugare in verba magistri*, но вмѣстѣ съ тѣмъ не посмѣемъ сказать, что для насъ не существуетъ такъ-же учительныхъ словъ. Каково же наше отношеніе къ этимъ словамъ? А вотъ какое. Припомните одну статью г. В. Соловьева, гдѣ онъ говорилъ объ *Эстетическихъ отношеніяхъ*, что принципіи этой работы вѣрны, что они должны быть поставлены во главу угла, но что, конечно, это азбука, которой надо выучиться, чтобъ умѣть читать. Что намъ авторъ *Эстетическихъ отношеній* считалъ свою работу такою азбукой, это доказывается его позднѣйшими критическими статьями, хотя бы, напримѣръ, его замѣткой о Толстомъ, гдѣ онъ съ поразим-

тельною проникательностью предугадалъ будущее направление творчества Толстого. Такъ вотъ въ такомъ именно родѣ мы и смотримъ на всѣ идеи дѣятелей шестидесятихъ годовъ. И именно такое-то отношеніе и называется обыкновенно слѣдованіемъ традиціи, традиціонною связью. Немножко конфузно объяснять такіе трюизмы; да что же дѣлать, коли люди, воспитанные среди смуты умовъ, самыхъ простыхъ вещей не понимаютъ? Далѣе *Сверный Вѣстникъ*, прибѣгаетъ уже къ простой брани по нашему адресу, утверждая, что *Русская Мысль* или „пресмыкается предъ бывшими сотрудниками старыхъ журналовъ, когда несчастная судьба заталкиваетъ ихъ въ это случайное литературное убѣжище, или задираетъ ихъ, когда они бросаютъ неестественное для нихъ сотрудничество“. На брань, понятно, мы отвѣчать не намѣрены. Напомнимъ только, что Шелгуновъ умеръ съ перомъ въ рукахъ, которымъ онъ писалъ статью для *Русской Мысли*, что Успенскій работалъ для нея до постигшей его болѣзни. Это ли „случайное убѣжище“, это ли „неестественное сотрудничество“?

Что касается „придирокъ“ къ старымъ, то... не *Сверному Вѣстнику* въ это дѣло мѣшаться. Не нужно же забывать, что мы имѣемъ право относиться къ нимъ, какъ къ товарищамъ, а сущность товарищескихъ отношеній состоятъ въ уваженіи и свободѣ. И, право, совсѣмъ не легкое дѣло и требующее значительной внутренней борьбы отмѣчать ошибки и промахи товарища, котораго глубоко уважаешь. А отмѣчать необходимо ради интересовъ читателя. Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, мы пишемъ, чтобы другъ передъ другомъ почтительно раскланиваться, а для уясненія извѣстныхъ взглядовъ, для просвѣщенія общественнаго мнѣнія. Мы вообще не понимаемъ суздальскаго, какъ говаривалъ г. Михайловскій, отношенія къ писателямъ: либо въ ухо, либо ручку пожалуйста,—такого, наприм., какъ отношеніе *Свернаго Вѣстника* къ Толстому. И это разъяснять немного конфузно, но нужно, ибо восьмидесятники *Сверн. Вѣстн.* и этого не понимаютъ. Въ заключеніе редакция *Сверн. Вѣстн.* именуетъ насъ буржуазными либералами. Какъ извѣстно, у ней особая, своя коменклатура; она называла буржуазнымъ мыслителемъ и автора „философскихъ предубѣждений“, за что и получила въ свое время надлежащее внушеніе отъ *Вѣстника Европы*. А намъ совсѣмъ не зазорно очутиться въ сферѣ мышленія въ обществѣ этого писателя.

Разговоры наши съ *Свернымъ Вѣстникомъ* кончены. Онъ обѣщается служить русскому обществу по мѣрѣ силъ и, конечно, не мы будемъ мѣшать ему. Но пусть онъ помнитъ, что дождю служить вообще нельзя...

Русская Школа, кн. V и VI. Съ важнымъ годомъ журналъ этотъ болѣе и болѣе укрѣпляетъ свою репутацію полезнаго, дѣльнаго и весьма содержательнаго органа здравыхъ педагогическихъ идей. Особенно симпатично его постоянное вниманіе къ вопросамъ народной школы, о которыхъ можно найти въ каждомъ выпускѣ не мало матеріала.

Нельзя, однако, не сдѣлать почтенной редакціи одного упрека. Зачѣмъ она помѣщаетъ иногда,—правда, довольно рѣдко,—статьи такихъ авторовъ, которые проводятъ мысли, расходящіяся съ гуманнымъ и серьезнымъ направлениемъ журнала? Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ помѣщенная не такъ давно статья г. Высоцкаго, который горячо, хотя и совсѣмъ не убѣдительно, защищалъ школьную рутину и формалистику. Это тѣмъ болѣе удивительно, что редакція събдѣла статью г. Высоцкаго собственными возраженіями въ обильнѣй-

количествѣ. Эти возраженія какъ нельзя лучше обнаружили всю несостоятельность административно-педагогическихъ воззрѣній автора. Помѣщать статью г. Высоцкаго въ журналъ было и потому еще странно, что авторъ отнесся въ ней несочувственно къ участию прессы въ вопросахъ школы. Не менѣе, чѣмъ статьей г. Высоцкаго, достоинство журнала роняется и статьей г. Д. И. Тихомирова. Этого г. Тихомирова не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, который редактируетъ *Дѣтское Чтеніе* и уже много лѣтъ пользуется извѣстностью, какъ авторъ педагогическихъ работъ, учебниковъ и пособій.

Статья новаго г. Тихомирова, подъ заглавіемъ *Основы дидактики*, вся состоитъ изъ общихъ мѣствъ, приправленныхъ тѣмъ ложнымъ, фальшивымъ, искусственнымъ патриотизмомъ, который въ двадцатыхъ годахъ извѣстнымъ тогда публицистомъ, Николаемъ Полевымъ, былъ окрещенъ подъ именемъ „квасного“. Какъ примѣръ избитыхъ истинъ и трюизмовъ, приведемъ такую фразу: „Интеллектуальная жизнь человѣка подчинена извѣстнымъ законамъ, опредѣляющимъ характеръ и форму составляющихъ ее явленій и взаимное между ними отношеніе“. А вотъ и еще оригинальная мысль: „Ближайшая и непосредственная цѣль обученія въ школахъ—та, чтобы сообщить учащимся извѣстныя знанія“. Вся статья состоитъ, еще разъ повторяемъ, изъ подобныхъ бессодержательныхъ фразъ.

Рядомъ съ избитыми мыслями авторъ высказываетъ и такія антипедагогическія крайности, которыя невольно вызываютъ улыбку. Онъ пресерьозно требуетъ, чтобы *все* предметы преподавались въ религіозномъ духѣ. Какъ примѣнять этотъ духъ къ математикѣ, гдѣ ничего не принимается на вѣру? Какъ приспособить склоненія и спраженія къ религіи?

Вмѣсто того, чтобы увлекаться подобными тенденціями, автору слѣдовало бы усвоить себѣ смыслъ индукціи и анализа, въ которыхъ есть же, вѣдь, разница, а потому и смѣшивать ихъ составителю руководства дидактики какъ-то не подходитъ.

Напрасно авторъ придумалъ также дѣленіе предметовъ обученія на такіе, въ которыхъ присутствуетъ „сплошная нить мыслей“ (?), и на такія, въ которыхъ она отсутствуетъ. Къ первой категоріи онъ относитъ, на примѣръ, молитвы, богослуженіе, ариметику, а ко второй—гѣніе, грамматику, чтеніе и письмо. Есть у него и еще двѣ категоріи: конкретные и абстрактные предметы обученія. Священная исторія—конкретный предметъ, богослуженіе—абстрактный, ариметика—смѣшанный.

За исключеніемъ вышеуказанной статьи, всѣ остальные статьи—дѣльныя: *О школьной тишинѣ въ Венгріи*, *Исправительное воспитаніе въ Россіи*, *Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію* и проч.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сен- тября 1895 г.

- Акаемовъ, Н. О.** Куавы, истори-
ко-этнографическій очеркъ. Варшава,
1895 г. Ц. 40 к.
- Богдановичъ, А. Е.** Пережитки
древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ.
Гродно, 1895 г. Ц. 60 к.
- Влюхъ, И. С.** Задолженность земле-
владѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Спб.,
1894 г.
- Брэмъ, А.** Жизнь животныхъ. Попу-
лярное изданіе. Вып. XVIII, XIX и
XX. Цѣна кажд. вып. 25 к.
- Брюсовъ, Валерій.** Chefa d'oeuvre.
Сборникъ стихотвореній. М., 1895 г.
- Вальцъ, Вячеславъ.** Силосованіе
кормовъ. Елисаветградъ, 1895 г.
- Варзаръ, В. Е.** Къ вопросу о сельско-
хозяйственномъ кризисѣ. Спб., 1895 г.
- Вересовъ, Павелъ.** Капля блага.
Стихотворенія. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Войнаровский, П.** Устройство въ
домахъ электрическаго освѣщенія. Изд.
К. А. Казначеева. Москва, 1892 г.
Ц. 1 р. 35 к.
- Генкель, Германъ.** Р. Саадія Га-
онъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гижицкій, Г.** Основы морали. Изд.
„Международной Библіотеки“. Одесса,
1895 г.
- Гринченко, В. Д.** Этнографическіе
материалы, собраныя въ Черниговской
и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Вып. I.
Черниговъ, 1895 г.
- Писни та думи. Книжка перша й друга.
У Чернигові, 1895 г. Ц. 50 к.
- Гусевъ, А.** Элементарный учебникъ
церковно-славянскаго языка для началь-
ныхъ народныхъ училищъ. М., 1895 г.
Ц. 25 к.
- Журналы соединенныхъ засѣданій там-
бовской губернской земской управы и
губернскаго земскаго сельско-хозяй-
ственнаго комитета.** Вып. III и IV.
Изд. тамбовскаго губернскаго земства.
Тамбовъ, 1895 г.
- Журналы пермскаго губернскаго земскаго
собранія XXVIII чрезвычайной сессіи.**
Пермь, 1895 г.
- Зенченко, С.** Учебникъ древней исто-
ріи. Вып. I. Востокъ и Греція. М.,
1895 г. Ц. 75 к.
- Земскія уѣздыя одѣлки Черниговской
губерніи въ 1893 г.** Черниговъ, 1895 г.
- Земскій сборникъ Черниговской губерніи
№№ 1, 2 и 3.** Черниговъ, 1895 г.
- Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла.
Т. XXV.**
- Каменскій, Г. П.** Государственное
хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управ-
ленія министерства торіи. Спб., 1895 г.
- Карѣвъ, Н., проф.** Что такое об-
щее образованіе? Изд. Г. Бейленсона и
І. Юровскаго. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Кирпичниковъ, А. И. Н. В.** Го-
голь. Биографическій очеркъ. Одесса,
1895 г. Ц. 6 к.
- Коломійцевъ, Н. П.** Метеорологи-
ческій бюллетень обсерваторіи инсти-
тута сельскаго хозяйства и дѣсовод-
ства въ Новой Александріи. № 1, июль
1894 г., № 2, августъ 1894 г.
- Метеорологическій и сельско-хозяй-
ственный бюллетень западной сѣти и
восточной сѣти. № 1, май, и № 2, июль
1895 г.
- Кроль, М. А.** Брачное право инород-
цевъ Селегинскаго округа. Иркутскъ,
1895 г.
- Брачные обряды и обычаи у За-
байкальск. бурятъ. Иркутскъ, 1895 г.
- Крутовскій, В. М.** Отчетъ за десяти-
лѣтіе красноярской городской лечеб-
ницы для приходящихъ 1885 — 1895 г.
Красноярскъ, 1895 г.
- Кумской, П.** Древняя исторія въ от-
рывкахъ изъ источниковъ. Ч. II. Тиф-
льскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Къ пятнадцатилѣтію смоленскаго дворян-
скаго пансіона-пріята.** Смоленскъ, 1895 г.
- Къ чему жить?** Сборникъ произведеній
иностранныхъ авторовъ. Изд. „Посред-
ника“. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Ленотръ, Ж.** Революціонный Парижъ.
Пер. Ломакина. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Линдеманъ, К. О.** Гессенская муха.
Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ
животнымъ и пчеламъ, и мѣры ихъ

- истребленія. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 10 к.
- О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія. Изд. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Лучицкій, И., проф.** Провѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. Изд. „Посредника“. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Маминъ - Сибирякъ, Д. Н.** Последняя треба. Изд. Д. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 10 к.
- Три конца. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Материалы для устройства казенныхъ лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ и для изученія скотоводства на Кавказѣ.** Т. III. Тифлисъ, 1895 г.
- Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers, mouvement de la navigation par ports, prix moyens dans les principales villes pendant le mois d'Avril 1895.** Publié par le Bureau de Statistique. Sophia, 1895.
- Наумовъ, Н., и Хинъ, Р.** Въ глухомъ мѣстечкѣ. Рав. Н. Наумова. Мазарка. Эскавъ. Р. Хинъ. Изд. „Посредника“. Москва, 1895 г. Ц. 35 к.
- Обзоръ бавинской нефтяной промышленности.**
- Острогорскій, Викторъ.** Изъ исторіи моего учительства. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Отрывки изъ дневника Дмитрія Брянскаго.** Изд. кн. А. Кропоткинъ. М., 1895 г.
- Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 г.** Изд. главн. тюр. упр. Спб., 1895 г.
- Отчетъ комитета по устройству сельскихъ библиотекъ за 1894 г.** (харьковскаго общества грамотности). Харьковъ, 1895 г.
- Палопеженцевъ, Н. И.** Народное образованіе въ г. Ялutorовскѣ. Ч. II. Тобольскъ, 1895 г.
- Пергаментъ, О.** Путевые очерки. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.
- Первый сѣздъ агрономовъ тамбовскаго губернскаго земства.** Изд. тамб. губ. зем. Тамбовъ, 1895 г.
- Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.** Вып. I. Пермь, 1895 г.
- Подвижныя животныя (для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра—пособіе для ознакомленія дѣтей съ животными міромъ).** Вып. I и II. Изд. Вл. А. Попова. Цѣна кажд. вып. 45 к.
- Почтокомы сѣзда врачей александровскаго уѣднаго земства за 1893 годъ.** С приложен. Александровскъ, 1895 г.
- Рисованіе по трафаретамъ.** Цѣты (шесть шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). То же. Животныя (шесть шаблоновъ различныхъ животныхъ). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна каждому конверту 85 к.
- Сборникъ свѣдѣній по ярославской-сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ 1893 года.** Ярославль, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сельско-хозяйственный обзоръ по С.-Петербурбургской губ.** 1895 г. Спб., 1895 г.
- Сенкевичъ, Г.** Письма изъ Африки. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Складная карта Европейской Россіи.** (Пособіе для обученія географіи и для самообразованія). Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.
- Современный календарь на 1896 годъ.** Изд. А. Д. Ступина. Москва, 1895 г. Ц. 15 к.
- Сравнительныя статистическія данныя о бавинской нефтяной промышленности за 1889—95 гг.** Баку, 1895 г.
- Статистическій сборникъ по С.-Петербурбургской губ.** 1893 г. Спб., 1895 г.
- Статистика на Българскитѣ училища въ Европейска Турція за учебната 1893—1894 година.** Пловдивъ, 1895 г.
- Теннисонъ, Альфредъ.** Магдालина (Мид). Пер. А. М. Федорова. Изд. Д. В. Байкова. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Терновскій, А. А.** Указатель статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1893 года. Тобольскъ, 1895 г.
- Труды совѣщанія по низшему сельско-хозяйственному образованію въ январѣ 1895 г.** при Д. Э. Спб., 1895 г.
- Уставъ общества взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ г. Самары.** Самара, 1895 г.
- Фуллье, А.** Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Изд. Г. Бейленсона и I. Юровскаго. Одесса, 1895 г.
- Фюстель де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Пер. Н. Н. Спиридонова. Москва, 1895 г. Ц. 2 р.
- Харьковскій сборникъ.** Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю на 1895 г.“ Изд. х. губ. статист. ком. Харьковъ, 1895 г.
- Шевичъ, В. С.** Проектъ руководства къ преподаванію музыки въ среднихъ учебныхъ заведен. Иркутскъ, 1895 г. Ц. 55 к.
- Шерръ, I.** Всеобщая исторія литературы. Вып. I.
- Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.** Т. XV, вып. 30.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

- Стр.
- Беллетристика:** „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина“. *Н. С. Тихонравова.* — „Бѣлорусскіе разсказы“. *Д. Е. Ланто.* — „Въ глухомъ мѣстечкѣ“. *Н. Наумова.* — „Макарка“. *Р. Хина.* — „Къ чему жить?“ *Изд. Посредника* 427
- Критика и публицистика:** „Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ“. *Г. Брандеса.* — „И. А. Крыловъ и его басни“. *А. И. Маркевича.* — „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія“. *А. С. Прываина* 430
- Философія, психологія и педагогика:** „Философскій Ежегодникъ“. *Я. Колубовскаго.* — „Философія Канта“. *Виндельбанда.* — „Программы домашняго чтенія на первый годъ систематическаго чтенія“. — „Дедуктивная и индуктивная логика“. *Минто.* — „Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія“. *Изд. М. М. Ледерле.* — „Psychologie du Militaire professionnel“, *par A. Натоп.* 433
- Исторія:** „Навеас Согрус актъ и его приостановка по англійскому праву“. *В. Ф. Дерюжинскаго.* — „Соціологическія основы исторіи“. *Лакомба.* 441
- Политическая экономія и финансы:** „Основы политической экономіи“. *В. Мануилова.* — „Рабочій вопросъ“. *Ф. А. Ламе.* — „Джонъ Ло“. *Горна* . . . 442
- Юридическія книги:** „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“. *А. Д. Градовскаго.* — „Über die Einführung in das Studium der Rechtswissenschaft“, *von Dr Carl Gareis.* — „Die deutsche Rechtsgeschichte und die juristische Bildung“, *von Dr Victor Ehrenberg* 449
- Естествознаніе:** „Ученіе о движеніи и о силахъ“. *О. Д. Хвольсона.* — „Die wissenschaftlichen Grundlagen der Analitischen Chemie“, *von W. Ostwald.* — „Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ“. *А. П. Лидова.* — „Душистыя растенія и эфирныя масла“. *А. Базарова и Н. Монтеверде* . . . 456
- Ученики и учебныя пособія:** „Русская классная бібліотека“. *Чудинова.* — „Образовательныя игры и занятія въ дешевыхъ изданіяхъ“ *Вл. А. Попова.* . . 457
- Изданія для народа:** Изданія „Посредника“ по прикладнымъ знаніямъ. 458
- ### II. Периодическія изданія.
- „Вѣстникъ Европы“, августъ. — „Русское Богатство“, июль. — „Сѣверный Вѣстникъ“, августъ. — „Русская Школа“, кн. V и VI. 462
- ### III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжного магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммисіонера общества любителей російской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммисію постороннія изда-
нія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты
и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку
книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ
быть высланы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Сенкевичъ, Генрихъ.** Повѣсти и
рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ
предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- **Безъ догмата.** Романъ. Перев. В. М.
Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- **Путевые очерки.** Перев. В. М. Лавро-
ва. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- **Потопъ.** Переводъ В. М. Лаврова.
Цѣна 3 руб.
- **Семья Полавецкихъ.** Перев. В. М. Ла-
врова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и раз-
сказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.
- Мицкевичъ, Адамъ.** Кримскіе со-
веты. Переводъ съ польскаго Л. Мед-
вѣда. М. 1896 г. Ц. 80 к.
- Додъ, Альфонсъ.** Портъ-Тарасконъ.
(Послѣднія приключенія знаменитаго
Тартарана). Перев. М. Н. Ремезова.
Цѣна 1 руб.
- **Маленькій приходъ.** Перев. М. Н. Ре-
мезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Юнбша, Клеменсъ.** Связь. Кар-
тины деревенской жизни. Перев. съ
польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к.,
съ пересылкою 65 к.
- Де-Моппассанъ, Жюи.** Наше сердце.
романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
- Эртель, А. И.** Гарденики, ихъ дворъ
и приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ.
Цѣна 75 к.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній
рѣзкихъ поговъ, составленный и на-
данный редакціею журнала „Русская
Мысль“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ.
(Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки

и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и рассказы. Книга вторая. (Вто-
рое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— **Слѣпой музыкантъ.** Этюдъ. (Третье
изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пляс-
ствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н.

Толстого: „Для чего люди одурманява-
тся?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). На-
шихъ волей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р.,
съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстри-
рованные чтенія по культурной исторіи.

Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II:
Средневѣковая церковная готика. Одобре-
ново ученнымъ комитетомъ министерства

народнаго просвѣщенія для ученическихъ
старшаго возраста библиотекъ учебнымъ

заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна
I-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.

Мачтетъ, Григорій. Слуга. Томъ
второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Вогословскій, В. С., проф. Пяти-
горскія и съ ними смежныя минераль-
ныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р.

50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дѣла и жи-
зни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— **Объ искусствѣ.** Критическія замѣтки.
Цѣна 1 руб.

— **Литературные очерки.** Цѣна 1 руб. Пе-
ресылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закрытъ. Словарь для
сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ
путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ.
Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Всѣ книги „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются
уступкой 10%.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собирать? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Янко мушкетантъ. Цѣна 1 коп.
- Пойдемъ за ними! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
- Абламскій, Д.** Всенощное бдѣніе, вечерня и утренняя, и Божественная литургія св. Іоанна Злотоустаго, св. Василия Великаго и Пржедсвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.
- Агаповъ, Д. В.** Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.
- Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариметикѣ. Ц. 50 к.
- Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.
- Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Ц. 35 к.
- Аданъ, Юлія.** Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Алексѣевъ, А. А.** Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ,** его жизнь и сочиненія. Читенію для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.
- Альбомъ.** Русскіи типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
- Альбомъ.** Русскіи народы, съ телотомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.
- Альбомъ** копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.
- Альгрень.** Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Альмедингенъ.** Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.
- Домашній опредѣлитель поддѣлокъ нитательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
- На всякій случай: Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Аммонъ, Д-ръ.** Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 вѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Амниторъ, Г., фонъ.** За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Амфитеатровъ.** Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Анго, А.** Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.
- Андрѣ, М. Ф.** Упраженія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Андерсенъ, Гансъ.** Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
- Андерсенъ, И.** Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
- Анне, Ж. П.** Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Анурьевъ, Іоаннъ.** Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселенъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
- Какъ дѣлать простую мебель. Цѣна 45 к.
- Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
- вспомогаельная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ардовъ, Е. И.** Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Арендтсъ и Брандтъ.** Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Аргеймъ.** Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Арсеньевъ.** Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.
- Бажина.** Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, К. С.** Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Баратынскій, Е. А.** Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, биографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Бахтіарова, А.** По роднымъ краямъ. Валаамскія обители, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
- Безобразовъ, П. В.** Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Публичные лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
- Сборникъ государственныхъ знаний, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Везз, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Вендцулъ, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффид. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Веръ, Альфредъ.** Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранять и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Бергергофъ, Г.** Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Вернетъ, Френсисъ.** Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
- Бергеръ, Поль.** Слутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Вернксенъ, А.** Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Вессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей.** Окрашивание металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебреніе дерева. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиотека экономистовъ.** Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Библиотека-грошкя.** Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Югансова. Цѣна 6, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- Бичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Благовѣщенскій.** Виннелманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Блекслей, Т. Т.** Переѣзныя электрическія токи (Руководство для студентовъ и техникувъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блекки.** Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Блекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Блокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Деметьевоі, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Блкъ, Ю.** Велосипедъ, его значеніе и здоровья, практическое приимѣненіе, ульъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
- Бо орыкинъ, П. Д.** Трупъ. Разсѣлъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- Богдановъ, профессоръ.** Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
- Богдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Бокль.** Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Бородинъ, И.** Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Боровичъ, Л. А.** Практическое руководство къ построению динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричныя паровыя котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 полнотипажамъ въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Боттонъ.** Электрическія звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложений. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Брайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Браунъ, М., проф.** Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Брикнеръ.** Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бриксъ.** Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Брусилловскій, Е.** Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на валевовай бум. 60 к.
- Брюкке, Эрнестъ.** Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Врэмъ, А.** Жизнь животныхъ. 180 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.
- Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. "Жизнь животъ"). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
- Врэмъ.** Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
- Вуанъ, Эмиль.** Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Вуасъ, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.

- Паденіе язичества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
- Бугаевъ, Н.** Задачникъ къ арифметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.
- Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ арифметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Арифметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Бузольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мѣтныя о немъ Е. Виле-де-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутсъ, Вильямъ.** Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Бьернстjerne-Бьернсонъ.** Новая вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
- По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Бѣлецкій, И.** Почвовѣдніе. Образование почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Беръ, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 8 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
- Беръ, Поль.** Первые понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Бюртенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшение земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
- Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
- Итога экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Артельные начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вагнеръ.** Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
- Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтовѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикваріи; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Мо-
- настирь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Песериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Везерлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Ланное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
- Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
- Ванковъ.** Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техникумовъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфология, анатомія и физиологія растений). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростопцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 полит. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Ванклинъ, Альфредъ.** Улики каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варіо, Ж.** Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Вахтеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91 г. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммерманъ. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрени и водяныя двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Вегеле, Францъ.** Дантъ Алигеріи, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
- Вегетаріанская кухня.** Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ,

- хлѣбомъ и напѣтковъ для безубойнаго
читанія, съ вступительной статьей о
значеніи вегетаріанства. Изд. 2-е. Мо-
сква, 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые раз-
сказы и сцены. Второе изданіе. Спб.,
1895 г. Ц. 80 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣшній бытъ на-
родовъ съ древѣйшихъ до нашихъ вре-
менъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер.
В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть
1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Мо-
сква, 1874 г. Т. II, ч. 2 я. Москва,
1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Мо-
сква, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.
- Верещагинъ, В. В.** Литераторъ. М.,
1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и харак-
теристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М.,
1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театръ въ Европѣ. Исто-
рическіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Винторовъ, П.** Ученіе о личности,
какъ нервно-психическомъ организмѣ.
Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Винкельманъ, І. І.** Исторія искус-
ствъ древности Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
- Виноградовъ.** Extemporalia съ рус-
ск. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Н. Федонъ.** Діалогъ
объ идеѣ „бессмертія“ философа клас-
сической древности Платона. М., 1892 г.
Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ
всеобщей исторіи. Часть II. Средніе
вѣка. Изд. 2-ое М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги
2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г.
Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
- Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц.
1 р. 25 к.
- Вирховъ.** О питательныхъ веществахъ.
Спб., 1891 Ц. 50 к.
- Владимірова, А. К. (А. Евро-
пейскъ).** Сказки, преданія и легенды
всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г.
Ц. 1 р. 75 к.
- Владиславлевъ, М.** Учебникъ ло-
гики. Одобренъ ученымъ комитетомъ
министерства народнаго просвѣщенія
какъ руководство для гимназій. Изд.
2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для пер-
воначальнаго чтенія. Ч. I. Ц. 45 к. Ч.
II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 80 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ
картинками. Ц. 75 коп.
- Изъясненія изъ русской исторіи Вып. I.
Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ
(для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ.
Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р.
25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц.
1 р. 50 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картин-
ками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальныхъ
стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европей-
скихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ
26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ
переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣ-
вера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же.
Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
- На отдыхѣ. Иллюстрирован. рассказы
для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ
напѣкѣ 1 р. 35 к. Спб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказ-
ы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к.,
въ переплетѣ 2 р. Спб.
- Умственное и нравственное развитіе
дѣтей отъ перваго проявленія сознанія
до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно
переработаное). Спб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка
Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ.
Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Спб., Ц. 40 к.
- Войнаровскій, П.** Устройство въ
домахъ электрическаго освѣщенія, те-
лефононь, электрическихъ звонковъ и
другія примѣненія электричества въ до-
машнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки пластовыхъ
мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ
посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г.
Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построеніе частей машинъ
и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ
съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885
г. Ц. 4 р.
- Уходъ за паровыми котлами. Спб.,
1893 г. Ц. 1 р.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Садовый
словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Ворисгоферъ, С.** Сказочная страна.
Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ рос-
кошн. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд.
2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ
текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Скитанья
молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое
изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Спб.,
1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи о
душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со
2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, прамѣнен-

- ная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія.** Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. к. 5 р. и Т. II. к. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гамбургевъ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учреждений по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гано, А.** Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерссова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Гаринъ, Н.** Дѣтство Тѣми. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1876 г.
- Гартвигъ, Вольфъ** и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Гаспари, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Гегаръ-Альфредъ.** Половое мѣщеніе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гейнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гервинусъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ въ городѣ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А.** Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.
- Гердеръ.** Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растений. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ глѣнился московскіе цари. Мехико-историческій очеркъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- Гертвигъ, Оскаръ.** Клітка и тѣни. Основы общей анатоміи и физиологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пылина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Гефдингъ, Г.** Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гилти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Гиришъ Вильямъ, д-ръ.** Гениальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Глинскій, А. Г.** Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Глинскій, В.** Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гнействъ, Рудольфъ.** Исторія государственн. учрежд. въ Англіи. Переводъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Говсъева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вопросы государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Головачева-Панаева.** Русскіе шпатели и артисты 1834—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гольцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Головъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Гоніондскій, Э. А.** Краткій очеркъ

- добыванія и обработки каучука и гут-
талерчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Машини и станки для обработки карто-
на. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к.,
съ пер. 25 к.
- Гораций Сатиры.** Переводъ съ подстрочн.
словаремъ. 2-е изд. Киевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Оды. Переводъ 1-й и 11-й книги. Изд.
2-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Саха-
ровъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ гим-
назий и прогимназий. Изд. 2-е. М., 1893 г.
Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. Изд.
4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныхъ училищъ. Изд.
2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, П.** Руководство къ пере-
водамъ съ русскаго языка на латин-
скій Гай Саллюстий Криспъ. Югуртин-
ская война. Борисоглбскъ, 1893 г. Ц.
45 к.
- Горнъ, Винкель.** Исторія сканди-
навской литературы. Пер. К. Бальмонта.
Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Горстманъ, А.** О теоріи растворовъ.
Слб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Госпиталье, П.** Электричество въ до-
машнемъ быту (со многими рисунками).
Слб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества
(2 изд.). Слб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоштеттеръ, И.** Доктринеры капита-
лизма (по поводу книги г. Струве:
„Критическія замѣтки къ вопросу объ
экономическомъ развитіи Россіи). Слб.,
1895 г. Ц. 30 к.
- Грабинъ, А. Т.** Воздушные замки.
Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г.
Ц. 40 к.
- Гравинкель.** Справочная книга для
электротехниковъ. Слб., 1893 г. Ц. 4 р.
80 к.
- Гранатъ, А., и К^о.** Настольный энци-
клопедическій словарь, 8 т. или 108—115
вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновен-
ной бумагѣ д. 30 к., на лучшей бума-
гѣ д. 40 к. Тому въ издѣ колен.
пер., д. 5 рублей, безъ переплета п.
4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ пер-
еплета д. 6 р. 60 к., въ изящн. ко-
лен. пер. 6 р.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX
вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго.
Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц.
4 р. М., 1894 г.
- Григоровичъ, И. И.** Очерки новѣй-
шей исторіи (6-е изданіе). Слб., 1892
ода. Ц. 2 р.
- Гриммъ.** Книжки I и II въ переплетѣ.
М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М.,
1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М.
1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г.
Ц. 20 к.
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М.,
1893 г. Ц. по 20 к.
- Гриммъ, братья.** Сказки. 13 вып.
М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
- ГРИММЪ, Д.** Очерки по ученію объ
обогащеніи. Слб., 1893 г.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго
народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р.
М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М.,
92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т.
IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
- Громека М. С.** О Л. Н. Толстомъ.
Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ
развитіи новой философіи. Москва,
1894 г. Ц. 60 коп.
- Грэхемъ, Ж. Ж.** Русо. Его жизнь,
произведенія и окружающая среда. М.,
1890 г. Ц. 1 р.
- Губеръ.** Механика. Изд. 2-е. Слб.,
Гулишамбаровъ. Нефтяное отопле-
ніе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и
проч. (3-е исправлен. и дополнен изд.
съ 150 рис.). Слб., 1894 г. Ц. 3 р.
1891 г. Ц. 3 р.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его
сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Густафсонъ, Р.** Сказки. Переводъ
съ нѣмецк. изданія. Слб., 1885 г. Ц.
1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
- Густавсонъ.** Двадцать лекцій агроно-
мической химіи. Курсъ читанный въ Пе-
тровской земледѣльческой академіи. Вто-
рое изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія со-
временной литературы въ Испаніи. Пе-
реводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1892 г.
Ц. 2 р.
- Гюго, Викторъ.** Сочиненія въ двухъ
томахъ. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за
оба тома.
- Отважный предводитель негровъ Бугъ-
Жаргаль. Слб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Собраніе стихотвореній въ переводахъ
русскихъ писателей. Вып. II. Централь-
ная книжная торговля въ Тифлисѣ,
1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
- Собраніе стихотвореній, въ переводахъ
русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ,
1895 г. Ц. каждого выпуска 20 к.
- Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ,
1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ,
1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія въ
9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Слб., 1892 г.
Ц. 15 руб.
- Данилевскій, Александръ.** Ос-
новное вѣдѣство протоплазмы и его ви-
доложенія жизнью. Слб., 1894 г. Ц.
60 к.
- Данте, Алигьери.** Божественная ко-
медія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ
художниковъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Декандолль, Альфонсъ.** Мѣсто-происхожденіе воздѣваемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Деминевъ, В. М.** Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Депшъ, Г. Ф.** Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Дерюжинскій, В. Ф.** Навеас Согрус Агъ и его престоановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Демосеенъ.** Олинескія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефоэ.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джабадари, И. С.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Джеромъ, К.** Праздники мысли глѣтатя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Добкевичъ, В.** Конспектъ по уголовному процессу. Составилъ примѣнительно къ программѣ юридической комиссіи по судебнымъ уставамъ императора Александра II. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Доброе дѣло.** Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Бариковой, Н. Гарина, Л. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапова, Н. Рубакина, А. Сторжъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
- Добротворскій, П.** Рассказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Додоновъ, А. М.** Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства глѣтатя. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая. М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.
- Дройзенъ, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ч. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ч. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Дрѣперъ, Дж. В.** Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣтское Чтеніе.** XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голыковскій. Спб., 1894 г.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Меводій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на праздествіи тысячелѣтія для кончины бл. Меводія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Дюмуленъ.** Двѣтнная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Дюрсенъ, А., д-ръ.** Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ третьяго дополненнаго и исправленнаго изданія, съ 105 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Евневичъ.** Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская бібліотека.** Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тевъ, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Елплатевскій, С. Я.** Очерки Сибиря. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ечинацъ, А.** Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
- Жакъ, Э.** Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Желанскій, А.** Скамья и каведра. Рассказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Женъ, Рудольфъ.** Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Сторженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жоржъ-Зандъ.** Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жуковъ, Николай.** Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.

- Жюль Вернъ.** Гекторъ Сарвакъ, путешествие въ солнечномъ мѣрѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Жѣ.** Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ кочегара. Сиб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Забѣлинъ, И.** Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Замысловатый квадратъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Занкиса желудка.** Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Сиб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Засодимскій, П. В.** Задушевные рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Сиб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
- Затруднительное путешествіе.** (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Сиб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 коп.
- Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства.** (Изданіе неоф. ф.ц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Грамматическія задачки для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквъ Ъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію И. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чолотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первоисточниковъ экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Золя, Эмиль.** Серия романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишечъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Свадьба Юланти и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Верта.** Долой оружіе. Сиб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Привидѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Вальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Сиб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Основныя положенія теоріи экономической политикѣ съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Игра футболь** съ политическими въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Изъ дневника Амели.** Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Сиб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря.** М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека.** 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ По-

- розовской, со множеством рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894 $\frac{1}{2}$ г.
- Иллюстрированная пушкинская библиотека** (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
- Иллюстрированная Лермонтовская библиотека** (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
- Ингрэмъ, Джонъ.** Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
- Кадиа.** Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануиль.** Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандезъ, Ф.** Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскоши. переплетъ 2 р. 50 к.
- Карасевъ, А.** Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
- Каронинъ** (Петропавловскій). Рассказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Каро, Ф.** Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р., — Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
- Карышевъ, Ив. А.** Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятые гр. Л. Н. Толстымъ для своего жезуенія, вложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Духовно-нравственный міръ въ чловѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Каррьеръ, Морицъ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ чловѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
- Карѣевъ, Н., проф.** Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Каццолино, Пр.** Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Квикъ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основьяненко.** Панъ Халавскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к. — Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к. — Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грыкомъ Основьяненко. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Кенигсбергъ, М. М., д-ръ мед.** Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кенигъ, Ф., д-ръ.** Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащхся. Въ 2 томахъ, съ 278 рис. Русское изд. третье. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
- Кесслеръ.** Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Киландъ, Александръ.** Ядъ. Фуртуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кингсфордъ, Анна, докт. мед.** Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
- Кистяковскій, А. Ф.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
- Кнейпъ, Севастьянъ.** Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобелль.** Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Леофлеръ, А.** Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Ковалевскій, М.** Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекція, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждого тома 2 р. 50 коп.
- Козловскій, С. А.** Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III. Отношенія, пропорціи и правила тройныя (простое и сложное), простыхъ процентовъ, учета векселей, цѣнное, пропорциональнаго дѣленія, смѣшенія и уравненія сроковъ платежей (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 р. 6 в. въ роскоши. переплетъ.
- Кольбе.** Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Колѣ, Л.** Дѣтство и юность великхъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся пражключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко - русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Коропченскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена дѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школь и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобрение чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для липъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальные свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бѣсны по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣваніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистая растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской комиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Крафотъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ

Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, Н. Бѣсны о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Криста, М. Конецъ крейперовой снати Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Креницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описание всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскош. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. рассказъ и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные рассказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школь и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочч. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Кутлеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, и 5 р. М. 1869 г.; т. II, ч. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. П. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцени для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.

— Косоводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1892 г.

- Артуръ Шопенгауеръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Курбскій, А. С.** Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
- Курціусъ, Эрнстъ.** Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
- Лабрюйеръ, Жанъ.** Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Премо-Парадоля и Сентъ-Бѣва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
- Лабуль, Эдуардъ.** Голубна сказка. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 8 р.
- Лавель, Эмиль.** Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
- Лависъ, Э.** Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Ландцертъ, В. П.** Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Леббокъ, Дж.** Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полт. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
- Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лѣбе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лѣвенфельдъ, Л.** Половая нейрastenія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Левницкій, В. Н.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Левитовъ.** Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
- Ле-Бонъ, Густавъ.** Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Ладвезъ.** Фото-сеція и фото-сангвянъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Лейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лейненбергъ, Н.** Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мѣсяца 45 выдающихся ученыхъ о вліяніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Леонтьевъ, Н. I.** Указатель пьесъ для любителейскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Лессингъ, Г.** Мина фонъ-Барнгеймъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Рамсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Дратач. соч.: Минна фонъ Барнгеймъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
- Лесгафтъ, Ф.** Хлѣбопекарное производство (по Вирбауму) и описаніе производства сахарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Ливій, Титъ.** Подстрочный переводъ 30-й книги сѣдл. Румянцевъ и Подгурский. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
- Римская исторія. Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Линпертъ, Ю.** Исторія культурм. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ли, Юнасъ.** Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Лихіе наѣзники.** (Шутка-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.
- Лодыгинъ, П.** Дѣдушкины рассказы о лошади—кормилцѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Лотце, Германъ.** Микровозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологии). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- ЛУГОВОЙ, А.** Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Лункевичъ, В.** Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф.** Проповѣдникъ релягивной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** Невидимый бычъ. Ром. Въстало хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные ногти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дорога. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На снѣгу прошлаго. Ром. Безъ волн. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Бѣшеная лоштина. Кіевъ, 1864 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Волчьа яма. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Киевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Любке, Вильгельмъ.** Исторія пла- стики съ древнѣйшихъ до нашихъ вре- мейъ. Перев. В. Чаева, съ 281 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
- Магасоѣ, Дж.** Исторія классическа- го періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Блаубергъ.** Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
- Майеръ, Викторъ.** Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Мазуринъ, К., и Высоцкій, В.** Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С.** Отголоски старинн. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ пакетъ 1 р., въ коленцо- ровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Македонскій.** Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
- Маклеодъ, Дж. Г.** Основанія политиче- ской экономіи. Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимъ Ковалевскій.** Происхо- жденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В.** Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Куль хлѣба и его похожденія. Четвер- тое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Мальтусъ, Т. Р.** Опытъ закона о народонаселенія. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рассказы и сказки для дѣтей младша- го возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ пакетъ 75 к.
- Ахъ-Бозать. Рассказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Уральскіе рассказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Минтегацца, П.** Физиологія любви. Второе исправленное изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Физиологія женщинамъ. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Мртыновъ.** Anciens monuments des vitrons de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
- Мртъ, Констанъ.** Философіи и позн- ти-моралисти во времена Римской импе- ріи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Материалы для біографіи Добролюбова,** собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
- Галллей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія наро- довъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Массе.** Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловичъ, Н.** Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Маудсли, Генри.** Сонъ и сновидѣ- нія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сель- скаго и городского устройства и обще- ственной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Мачтегъ, Григорій.** Баба и дру- гіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Влудный сынъ. Повесть. (Силуэты. Т. I.). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Международная бібліотека.** № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма. 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что та- кое женская эманипация. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о рус- скихъ писателяхъ: Достоевскій, Остров- скій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Союзн. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брю- нетьеръ. Отличительный характеръ фран- цузской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣша- тельство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шелля. Самоубійство и современная цивилиза- ція. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литера- тура и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луїо Брентано. Причины экономиче- скаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ чело- вѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существован. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ривъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрай- слеръ. Происхожденіе семья. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Псих. олія муж- чины и женщины и ея физиологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопен- гауэръ о возрастѣхъ челоука. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Биве. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к.

- № 23. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюминъ. Что такое социальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Маттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбиуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к.
- Мёбиусъ, д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллэсъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ биологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Металлодавленное дѣло** (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Микуличъ, В.** Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
- Миллеръ, В. П.** Аквариумъ. Краткое руководство къ уходу за аквариумомъ и его населеніемъ. Описание водныхъ растений и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Мильтонъ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Милуковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к. — Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ-Викторовъ.** Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. — Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мольеръ,** Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1894 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Момсенъ, Э.** Р. ч. кая исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, д. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, д. 7 р. М., 1887 г. Т. V, д. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
- Мопассанъ, Гюи.** Монть-Ориоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп. — Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-я. М., 1894 г. Ц. 1 р. — На водѣ, сборникъ рассказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р. — Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г. — Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.
- Моръ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. — Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Москвичъ.** Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ колен. пер. 1 р.
- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мункъ, I., д-ръ мед.** Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Мусселіусъ В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мудреный кругъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. — Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Мясницкій, Ив.** Замоскворѣцкія свани. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р. — „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серрао, Альфонса Доде, Бьери-сова - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюя де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппа, Цьера Лоты, Жана Рашпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собранныя сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ накъ 1 р.

- Неверъ, Эмилиа** «Искусство быть красивой». Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2 хъ ч. Изд. седьмое. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оеѣлка-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ грѣхъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад.** Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздухооащенія комнатныхъ аквариумовъ. Съ 37 политипаж. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивелирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировне участки и съ описаніемъ ихъ.** М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировнхъ судей шестидесятихъ годовъ. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Нордау, Максъ.** Вырожденіе. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ поискахъ за истинной (парадоксы, изд. 3-е. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Нотнагель, Г. д-ръ.** Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Сиб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Изд. «Международной бібліотеки». Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Сиб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
- Нюренбергъ, А. М.** Городовое положеніе (изд. 2-е). М., 1893 г. Ц. 80 к.
- Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго ховяиства.** М., 1895 г. Ц. 15 к.
- Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е).** Сиб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ), изд. «Ремеслен. Газеты».** М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранныя басни изъ «Метаморфозъ». Изд. 2-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги «Метоморфозъ».
- Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Киевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Огородниковъ, П.** Въ странѣ соболы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Сиб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Оже, Люсьенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ольденбергъ, Германъ.** Будла, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Оржешко, Элиза.** Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Орловъ, К. В., д-ръ мед.** Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Сиб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Оровичъ, Я.** Женщина въ правѣ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- О свободѣ воли.** Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1899 г. Ц. 2 р.
- Освальдъ, Фридрихъ.** Лагавая собака. Руководство къ уходу за лагавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихъ. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Разказы для вншества. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 1 р.

- Этюды о русских писателях. IV. Художник русской поэзии А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хорошіе люди. Сборникъ рассказъ съ 45 рисун. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскош. перепл.—1 р. 60 к.
- П., Г.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Павленковъ, Ф.** „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Биографическая бібліотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккариа, Берне, Бэконъ, Бѣляевскій, Карлъ Баръ, Веранже, Ветховенъ, Богданъ Хмельницкій, Боккаччо, Вольтеръ, Воткинъ, Джордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовъ, Галлей, Гарвей, Гарибальди, Гарриксъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибодовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Нипсъ, Даламбергъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демиловъ, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кавъ, Кавтемиръ, Каравинъ, Карамзинъ, Карлейль, Капплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсъ, Контъ, Коверникъ, Бронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лавласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессенъ, Лессингъ, Линннгтонъ, Лянкольнъ, Лявней, Лобачевскій, Лойола, Локъ, Ломоносовъ, Лейбелъ, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольтеръ, Монтегскій, Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафалъ, Рембрандтъ, Риншель, Ротшильдъ, Руссо, Сакія-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фултонъ, Струве, Стюлли, Стрѣвъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шоенгауверъ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морве, Джоржъ Элиотъ, Юнгъ, Фелдотвъ
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
- Парксъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Паульсонъ.** Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1899 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Культура гитарствена растенія. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Пекаторосъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1898 г. Ц. 85 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Систематическое обученіе практическимъ приемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная слава. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петунниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
- Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1898 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- Подвижныя животныя.** (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра-пособіе для ознакомленія дѣтей съ животнымъ міромъ.) Изд. VI. А. Попова. Два выпуска, содержащихъ въ себѣ по 4 таблицы, съ 11 экз. различныхъ животныхъ. Цѣна каждаго вып. 45 к.
- Покровскій, Е.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровскій, Е. А.** Дѣтскія игры и

- гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
- Шахматки для дѣтскихъ игръ и физическія упражненія. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.
- Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
- Покорни, Д-ръ.** Общее земледѣніе. Ч. 3-я (последняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.
- Политикосъ.** Европейскіе монархи. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Половскій, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Поповъ.** Курсы общаго скотоводства. Казань. 1-94 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Равскавы. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Слб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
- Починъ.** Сборникъ общества любителей русской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Дрессъ.** Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Слб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рас. 2 испр. и дополн. изд. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Прельсъ, Р.** Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительной статьей В. В. Чуйко. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовление програвъ для дерева и подѣлка простыхъ породъ дерева.** Изд. "Ремеслен. Газеты", 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Программы домашнего чтенія на 1894—1895 г.** Комиссія по организаціи домашнего чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Слб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Древніе адвокаты и наши присяжные цидероны. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Адвокатъ за адвокатуру. Слб., 1895 г. Ц. 30 коп.
- Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Юнкера** по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Слб., 1893 г. 3. р. 50 к.
- Пупкинъ, А. С.** Пол. собр. сочиненій. Слб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Радца-Вай (Ш. П. Блаватская).** Изъ пещеръ и дѣбрей Индіи. Загадочныя племена на "Голубыхъ горахъ". Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Раевскій, М. Н.** Плодовая школа и плодовой садъ. (Изд. 4-е). Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Райтъ, Л.** Практическое птицеводство. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
- Регель.** Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е. Слб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
- Однодѣтныя и двухдѣтныя цвѣтущія растения. Изд. 8-е. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейтцъ, В.** Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Слб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейхъ.** Оптическая гигиена глазъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Рекламъ, Карлъ.** Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Реклю, Э.** Современные политическіе дѣтели. Слб., 1876 г. Ц. 2 р.
- Рембольдтъ, Д-ръ.** Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго ч-ра И. М. Рахманнинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ренанъ, Эрнестъ.** Разореніе Иерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
- Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Рецептура.** Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
- Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Слб., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Слб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рикардо, Давидъ.** Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.
- Рисованіе по трафаретамъ.** Цвѣты (шесть шаблоновъ различн. цвѣтовъ). Животныя (шесть шаблоновъ различн. животныхъ). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна каждаго конверта 35 к.
- Ричардсонъ, Чарльзъ.** О выборѣ князь. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- Рише, Шарль.** Черезъ сто лѣтъ. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Розенбахъ.** Современный мистицизмъ. Слб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Розенбергъ-Липинскій.** Практическое земледѣліе (Изд. 5). Слб. 1893 г. Ц. 3 р.

- Романовъ, С. И.** Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ромашкевичъ, П. А.** Полный русский орографическій словарь. Настольная книга для всякаго, пишущаго по-русски. Составленъ по „рускому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., дополн. и вновь обработанное. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рони, Ж.** До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Э.** Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жучка. Рассказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисунк. Изд. третье, исправлен. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пони. Приключеніе эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рохау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рудакій, Ал.** Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій.** Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Русскій сельскій календарь.** Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Ручная тѣни.** (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.
- Рѣшетниковъ, Э. М.** Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ.** Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази.** Гюлистанъ, „Двѣтныя розы“. Пер. съ персидск. подлин. И. Ходмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье, П.** Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ (Щедринъ).** Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 8-е). Ц. 18 р. Спб., 1894 г.
- Саловъ, И.** Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натуры. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстій Криспъ.** Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Состав. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.
- Сборникъ рисунковъ токарныхъ наглядн.** М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столарныхъ издѣлій.** М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей російской словесности на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 руб.**
- Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествіе Лемьюэла Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Святловскій, В. В.** Фабричная гигиена (153 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
- Севедъ, Риббингъ.** Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
- Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Сёлли, Джемсъ.** Гениальность и имѣтельность. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, С. Т.** Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серао, Матильда.** Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ.** Славный рыцарь Дон-Кихотъ Лиманчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сигеле.** Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.
- Сикорскій.** Заякваніе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Э.** О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Д.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣня. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Снабичевскій, А. М.** Исторія новейшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки исторіи русской пезури (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
- Скворцовъ.** Гигиена. Спб., 1881 г.
- Складная карта Европейской Россіи.** (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.
- Скворонская, Марія.** Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А.** Сборникъ узаконеній и распорядженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 руб.
- Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ известныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Скоровъ, А., и Богдановъ. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Скоровъ и Полянский. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Складныя картинки, служащія иллюстраціямъ къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ биографій и самихъ произведеній: 1) „Дыгана“ Пушкина; 2) „Мазаи и зайцы“ Некрасова и 3) „Двѣдушка“ Некитина. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ изящную коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Слескинский, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи въ источникахъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Слб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣтели“. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристика изъ жизни великихъ людей. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственные обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ, А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Слб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Соболевскій, А. И. Фonetика первобытно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Ісція по исторіи русскаго языка. Слб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Сомако, Давидъ. Реализмъ и нату-

рализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Совѣтовъ. Итальяско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Соннѣ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклѣ. Эдипъ въ Колонахъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоклетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала социологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовления къ профессорскому званію по кафедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стѣнинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе Левантаго міра. Слб., 1893 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.

Стѣнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Слб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернь, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.

Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токология или наука о дѣтороженіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Стороженко, Н. И., проф. Позвѣя мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. **Θ. Г. Мищенко.** Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесло. М., 1898 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки въ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Судебныя драмы.** Жанъ Деладонжъ. Ц. 30 к.
- Грѣкъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
- Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
- Убійство Бефани. Ц. 40 к.
- Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
- Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
- Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, цинкованіе и освяпцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайный порокъ.** Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М.** Объяснительный текстъ въ атласѣ чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Тардъ, Г.** Сущность искусства. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
- Таренецкій, А., проф.** Каедра и музей нормальной анатоміи при императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4 планами. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Терешкевичъ.** Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Тикноръ.** Исторія испанской литературы. Пер. Н. П. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К.** Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Земледѣліе и физиологія растений. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплота, рассматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И.** Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1898 г. Ц. 55 к.
- Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквы съ приложеніемъ краткаго орографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветъ. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся не буварно. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Чему и какъ учить въ урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И.** Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е.** Буваръ для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-сла-

- мыскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Тодгентеръ, И.** Алгебра (съ обширными собраніемъ примѣровъ). Сиб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Токарьскій, А. А.**, приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета. Психическія эндеміи. Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ, — 24 октября 1893 г. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. Рѣчь произнесенная на пятомъ годичномъ засѣданіи 24 окт. 1894 г. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- Тонвилль, Алексисъ.** Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
- Толстой, Л. Н.** Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
- „Ходите въ свѣтъ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
- Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Торминъ.** Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различные способы разрисовки и раздѣленія. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе выѣсокъ. Сиб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Траутшольдъ, Г.** Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.
- Трачевскій.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Сиб., 1869 г. Ц. 2 р.
- Новая исторія. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Русская исторія, второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 страницами, 6 картами, 6 планами и 8 раскрашенными картинками. Въ 2 частяхъ. Сиб., 1895 г. Ц. 8 р.
- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, п. 2 р.; ч. II, п. 2 р. М., 1868 г.
- Тресолевъ, Л. Н.** Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Трояновскій.** Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 3 к.
- Трубецкой, Евгеній.** Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. I 1 р. 50 к.
- Турскій, К. И.** Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Противуваравныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тургеневъ.** Стихотворенія. Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсоводству. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Турскій, М., и Яшновъ, Л.** Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Виктрова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тѣвневъ** портреты русскихъ писателей. (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Державинъ.—Гоголь.—Грибоедовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.
- Тѣнь, Г. Титъ Лавій,** критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Тѣнь, И.** Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Сиб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Тѣнь.** Критическіе опыты. Сиб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Уерингъ, Рудольфъ.** Объ основанія защиты владѣнія. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го вѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Уильямсъ, Ж.** Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статей Л. Н. Толстого „Порвая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.
- Урусовъ.** Польцевскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Успѣнскій, П. П.** содержаніе растений въ комнатахъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).
- Уставъ акціонерныхъ земельныкъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи.** Изд. 4-е. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Файнштейнъ, С.** Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Цѣна 25 коп.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное.

- Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Федоровъ, П. А., техн.** Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ. Столярныхъ. Окрашивание дерева. Выпловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Корзианныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папемаше. Картонажно-фулярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ.** Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосѣевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейгинъ, Ф., д-ръ мед.** Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Фельзбергъ, Матильда.** Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2 е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Филипповъ, Сергѣй.** Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскимъ владѣтельствомъ. Пер. Софійи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филипповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Съ 44 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безочечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Разказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго славяно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ древняго Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортунатовъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Французъ и русскіе въ Крыму.** Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ.** Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фуллеръ, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ.** Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Фэйе.** Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фюстель-де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Исслѣдованіе о культахъ, правахъ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Хвольсонъ, О.** Докторъ физики. Популярная лекція объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хиггинсонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Христіановичъ, П.** Опытъ устройства общеобразовательной школы съ

- пѣлю большой подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Художественная Россія. Т. I-й Слб. 1886 г.** Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.
- Цвѣтковъ, А. А.** Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретамъ. Слб., 1883 г. Ц. 3 р.
- Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Слб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Цвѣтковъ, Н.** Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психологія. Слб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Цицеронъ.** Рѣчь за царя Деiotара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поэта 1891 г. Ц. 30 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.
- Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Америкскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к.
- Рѣчь за Лудія Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Литарія. Ц. 30 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О прервѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
- Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.**
- Чеховъ, Ант. П.** Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
- Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Разсказы. Изд. 8-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Каптанка. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Дуэль. Изд. 4-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Чухинъ, Евграфъ Вас.** Кратая исторія евралтійскаго края. Изд.-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
- Чижъ, В., проф.** Криминальная антропология. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Чиколевъ, Д.** Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чичеринъ, В. Н.** Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
- Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чмыревъ, Н.** Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Чудиновъ, А. Н.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Слб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чукмасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шалуны.** Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шамуринъ - Макаревскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Слб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
- Шелли.** Сочиненія. Вып. I и II. Слб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
- Вып. III. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П.** „Звѣздочка“. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Слб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шенланкъ, Бруно.** Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И.** Матеріалы для биографія Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
- Шербюлье, Викторъ.** Искусство и природа. Новая теорія извѣстныхъ искусствъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Иоганнъ.** Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Слб., 1879 г. Ц. 4 р.
- Шервинскій, М.** Образцы архитектур.

- турныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рубль.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Тель.** Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фиско въ Генуѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Разбойники. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Племяникъ-дядя. Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Шилтовъ, А., проф.** Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильдбахъ.** Датская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шимко.** Патриаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шишкинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ.** Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ части, цѣна вмѣ 7 р. М.; 1881 г.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Непорядочности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Степановича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, В., д-ръ.** Половые болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, Р. И.** Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграничій (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Штаркенбургъ.** Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ.** Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштеттомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Э.** Система Спинозы. Спб., 1898 г.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
- Штолль, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Многъ классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.
- Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе.** Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ш., Л.** Невзбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство слѣлки и луженія. Съ 66 политипажамъ въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Эдвинсонъ, Д.** Какъ дѣлается маленький электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
- Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
- Эйдамъ, Сохраненіе здоровья.** (Общая гигиѣна въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
- Экштейнъ, І., проф.** № 1. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Экштейнъ, Ф. А.** Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1859 г. Ц. 3 р.
- Элерсъ, Отто.** Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидериты. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
- Энцлеръ, К.** Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Эртель, А. И.** Двѣ нарм. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
- Эсмархъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Южаконъ, С. Н.** Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юровъ, А.** Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Юрьевъ, Мих.** Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. I., 1894 г. Ц. 2 р.
- Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Юліи Цезарь.** Записки о междуоубной войнѣ. Киевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Якимовъ, Н. М.** Бѣдный Тунгусъ.

Рассказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янжуль, И. И., проф. Изъ психологiи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.

Янъ. Термoхимiя. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Федоровъ. Стихотворенiя. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Bow, R. H. Графическiя данныя рациональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelli Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Киевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Киевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книжки 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленiя крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hagera, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторiя реформациа. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Киевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книжки 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книжки 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-г. Анатомическiй атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданiя. Вып. I. Киевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

Jordan, Dr. W. Руководство высшей геологiи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашнiе фильтры для очищенiя воды, ихъ приготовленiе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиена зуболю. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III et IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz, H., проф. Микроскопическiя и химическiя изслѣдованiя у постели больного. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной табличкѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, gués et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигиена нервныхъ людей. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Paul Julius Moebius. Общая диагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. похъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-г и его сотрудникъ. Материалы для изученiя дифтерiи. Бактериологическiя и клиническiя изслѣдованiя. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

Schrader, W. Гимназиа и реальныя училища воспитанiе и обученiе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добыванiе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатомiи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пiща маленькыхъ дѣтей. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатомiи въ примѣненiи къ хирургiи. Пер. съ 7 франц. изданiя, пох. ред. и съ примѣчанiями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненiе (6 выпускъ) 9 р.

Unwin. Основы построения частей машинъ или изложенiе законовъ и условiй, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеролю, механиколю, строителю, фабрикантолю для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-г. Руководство для врачей по страхованiю жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскiя дѣтскiя книги.

Французскiя азбуки:

L'abedés tout petits. Couverture en couleurs. Av. 6 grav. col. Цѣна 8 коп.

L'abc du premier âge. Couvert. en noir. Av. 24 grav. col. Цѣна 30 коп.

L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. Цѣна 65 коп.

L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. Цѣна 1 р. 25 к.

Французскія книжки съ раскрашенными карт.
для маленькихъ дѣтей.

Первая серия.

Цена по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
Le Bain de Minet, ill. par Godefray.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère, ill. par Bouisset.

Вторая серия.

Цена по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'raugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
Abe des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jozet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Frère et sœur, ill. par Vogel.
Gargantua, ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
Les animaux domestiques, ill. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

Contenant vers 80 ill. en couleurs, carton-nage en couleurs.

Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 82 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.

La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.

Album des enfants sages. Illust. par Harding.

Heureux âge, ill. par Harding.

Книжки для чтения для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.
Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.
Цена каждою тома безъ перепл. 40 коп. съ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.

Mémoires de Cigarette, par Théo-Srirt.
Contes aux tout petits, par. P. Andrievau.

Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.

Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de Sobol.

Mignonnettes, par M-me Noémi Ballequier.

Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.

Le petit monde, par M-me A. de Wail.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguérard.

L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

КНИЖИ ДЛѢ ДѢТЕЙ ОТЪ 9—12 ЛѢТЪ.

Bibliothèque blanche illustrée.
Каждый томъ съ переплетъ 1 руб.
Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit ommе.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugène. Récits enfantins.
Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl, P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
" Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

КНИЖИ ДЛѢ ДѢТЕЙ ОТЪ 10—13 ЛѢТЪ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.
Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ перепл. 1 р. 75 к.
Anfostl. Le secret de sir William.
" Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
" Les Rogimbot.
" M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
" Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
" Histoire d'un enfant de Paris.
Mlle. Notre ami Polly.
Mlle. Mon petit frère.
" L'enfant des Vosges.
Paf. Echos des vacances.
Quatin. Histoire de Germaine.
Sol. Bouton d'or.
Velle. Aventures d'enfants.
Wille. L'hiver à la campagne.
" Les héros modestes.

КНИЖИ ДЛѢ ДѢТЕЙ ОТЪ 12—14 ЛѢТЪ.

Bibliothèque rose illustrée.
Каждый томъ съ переплетъ 1 р. 75 к.
Jean qui grogne et Jean qui rit. par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Les bons enfants, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Ferogio.
Les deux nigauds, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Pierrot, par m-lle Julie Gouraud, ill. par éd. Zier.
L'auberge de l'ange-Gardien., par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Foulquier.
Pauvre Blaise, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Contes de fées, tirés de Charles Perrault de m-me d'Aulnoy et le prince de Beaumont, ill. par Bertall, Beaugé etc.
La soeur de gribouille, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Contes choisis des frères Grimm., traduits de pallemand par Frédéric Baudry ill. par Bertall.
Après la pluie le beau temps, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par E. Bayard.
Voyages de Gulliver, a lilliput, a brobdingna et au pays des honyhnhms par Swiet.
Memoires d'un ane, par m-me la comtesse de Ségur ill. par Horage Castelli.
Le mauvais Génie, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.
Les premiers chants, par Fournier, ill. par Gustave Roux.
François le Bossu, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Emile Bayard.
Quel amour d'enfant, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.
Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.
Каждый томъ съ переплетъ 3 руб.
Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.
НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ.
Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.
Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу
отъ 25 коп. до 90 коп.
1. Serie à Band 25 kop.
Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.—Puck—Mein Miezi.—Nach Helgoland.— Mutter Glaus und ihre Lieblinge—Frau Mieke — Eichhörchen.— Müller Klaus—Fürs Herzblättchen—Das

- Haus das Haus, baute—Der Kinderomnibus—Im Freien.
2. Serie à Band 30 kop.
Des Lieblings Bilderbuch—Kaspertheater.—Kätzchen zu Hause—Die En ten familie.—Tick-Tack für kleine Leute.
3. Serie à Band 45 kop.
Am Strande—Noahs Arche—Durch Flur und Hain—Ringel, Ringel, Rosenkranz—Puppen-Gesellschaft—Die wunderliche Kutsche.
4. Serie à Band 60 kop.
Feierstündchen—Von Nah und Fern.—Kleine und grosse Freunde—Allerlei Gesellschaft.
5. Serie à Band 90 kop.
Gute Bekannte—Laterna Magica—Lustiger Reigen—Lieblings Kurzweil—Comitshe clowns—Unsere Lieblingsthiere.

НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

- Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
- Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
- Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
- Biller, Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
- Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswal, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
- Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchenr Schilderungen, Lebensbeschreibungen uel Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfhl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Volbidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
- Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Häs-chens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Klein-

- michel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
- Freÿ, A. Schweizer sagen. Mit Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler, cartonirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.
- Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Clandius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.
- Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.
- Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete al-berkömmlichen Reime, sowie vier neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
- Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.
- Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

НѢМЕЦКІЯ азбуки.

- Eisenbahn A. B. mit vielen bunten Aildern. 25 K.
- Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonirt. 25 K.
- Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonirt. 30 K.
- Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 35 K.
- Gureke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonirt. 45 K.
- Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungsunterricht verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Русскія.

АФШИ театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Виржевыя Вѣдомости. Газета

биржи, финансовъ, торговли, полит. кн и обществ. жизни. Ц. съ достав. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 „, на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическй,

- съ карикатурами. Москва. Ежедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Варшавскій Дневникъ.** Ежедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Вокругъ Свѣта.** Ежед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.
- Волгарь.** Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
- Волжскій Вѣстникъ.** Ежедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
- Волинь.** Газета; 3 раза въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Воскресенье.** Иллюстрированный ежедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
- Восточное Обзоріе.** Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
- Восходъ.** Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Ежедѣльной хроники“ Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Всемирная Иллюстрація.** Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ ежедѣльно съ ежемѣс. 1.—н. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.
- Вѣдомости Спб. Градоначальства.** Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
- Вѣстникъ Европы.** Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 нумер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
- Вѣстникъ иностранной литературы.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 р.
- Вѣстникъ Кавказа.** Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
- Гражданинъ.** Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
- Донская Пчела.** Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
- Досугъ и Дѣло.** Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
- Екатеринбургская Недѣля.** Ежедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
- Живописное Обзоріе.** Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Ежедѣльно, съ ежемѣсач. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., 1 вѣд. бум. 15 р.
- Journal de St.-Petersbourg.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 2 р., $\frac{1}{2}$ года: 10 р., съ пер. 12 р. 5 коп.
- Journal d'Odessa.** Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
- Сѣверный Художественно-техническій журналъ** ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., пер. 14 р.
- Историческій Вѣстникъ.** Ежемѣсач. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Кавказъ.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
- Кіевлянинъ.** Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 7 р.
- Книговѣдніе.** Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
- Край („Крај“).** Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Кронштадтскій Вѣстникъ.** Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.
- Лучъ.** Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ ежедѣльного журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.
- Московскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
- Moscauer deutsche Zeitung.** 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
- Московский Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Наблюдатель.** Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
- Недѣля.** Ежедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.
- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- Новое Время.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и эконо. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературн. газета. 1-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.— 2-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
- НОВЬ.** Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
- Нувеллистъ.** Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
- Осколки.** Ежедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ пер. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. еженедельн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Природа и люди.** Журналъ путешественн. Еженедельно. Ц. 5 р.
- Правительственн. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
- Развлеченіе.** Журналъ литературн. и юмористич., съ политич. выходяще еженедельно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Еженедельно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Родина.** Еженедельный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
- Русское Богатство.** Ежемесячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн.“ 13 р.
- Русское Обозрѣніе.** Ежемесячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
- Русскія Вѣдомости.** Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Русь.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедельными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.
- С.-Петербургскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
- St.-Petersb. Herold.** Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
- St.-Petersburg-Zeitung.** Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
- Свѣтъ.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
- Сельскій Вѣстникъ.** Еженедельная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
- Сенатскія Вѣдомости** съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.
- Стрекоза.** Художественно-юмористич. журналъ. Еженедельно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Судебная Газета.** Еженедельная газета. Ц. въ годъ 7 р.
- Сѣверный Вѣстникъ.** Литературно-научный и политическій журналъ. 1 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к. съ пер. 13 р. 50 к.
- Сѣверъ.** Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
- Сынъ Отечества.** Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.
- Второе изданіе безъ приложен. 4 р.
- Тифлиссскій Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.
- Чтеніе для солдатъ.** 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
- Шахматы.** Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
- Школьное Образование** съ приложеніемъ „Сборника“. Еженедельная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.
- Шутъ.** Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженедельно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р. 65 к.

П о л ь с к і я.

- Atheneum.** Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
- Biblioteka najcenniejszych utworow literatury europejskiej.** 12 zeszytów, rs. 6. — romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.
- Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
- Bieslada literacka.** Pismo literackie ilustrowane. 52 num., rs. 6 z dodatkiem powiesci, rs. 8.
- Bluszez.** Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.
- Czasopismo Techniczne,** miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
- Echo Muzyczne i Teatralne.** Tygodnik literacko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
- Gazeta Handlowa,** codziennie, rs. 11.
- Gazeta Lekarska.** 52 numera. rs. 6.
- Gazeta Polska,** dziennik polityczny, rs. 12.
- Gazeta przemyslowo - rzemieślnicza,** pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.
- Gazeta Rolnicza,** rs. 9. Z Kurj. o rolniczym, rs. 13.
- Gazeta Sadowa Warszawska.** 52 numera, rs. 8.
- Gazeta Swiateczna.** 52 numera, 13.
- Gazeta Warszawska** codziennie rs. 12.
- Izraelita.** Organ poświęcony sprawie religii i oświaty. 22 numera. rs. 8

- Kolce.** Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
- Kosmos.** Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika”. Lwów, 21 resztytów, rs. 6.
- Kraj,** tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
- Kronika Lekarska.** Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
- Kronika Rodzinna.** 52 numera, rs. 5.
- Kurjer Codzienny,** dziennik, rs. 9.
- Kurjer Poranny.** Wychodzi codzień, rs. 8.
- Kurjer Bolniczy.** 52 numera, rs. 5.
- Kurjer Świąteczny.** Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
- Kurjer Warszawski,** dziennik, rs. 12.
- Kwartalnik Historyczny.** 4 numera, rs. 6.
- Medycyna,** Tygodnik lekarski, pod redakcją d-ra Benni, rs. 6.
- Mucha.** Tygodnik humorystyczny ilustrowany, rs. 5.
- Niwa.** Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
- Ogrodnik Polski.** Dwutygodnik ilustrowany, rs. 8.
- Prawda.** Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcją Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.
- Przegląd tygodniowy życia społecznego,** literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
- Przyjaciel dzieci.** Pismo tygodniowe, rs. 5.
- Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych.** Miesięcznik, rs. 3.
- Rola.** Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
- Rolnik.** Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs. 6.
- Romans i Powieść.** 52 numera, rs. 4.
- Słowo.** Gazeta codzienna, rs. 12.
- Sylwan** pismo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
- Tygodnik ilustrowany,** pośw. literaturze, nauce i sztuce pięknej, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
- Tygodnik mód i powieści.** Z dodatkiem ilustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
- Tygodnik powieści.** Poznań, rs. 4.
- Tygodnik Romansów i Powieści,** rs. 4.
- Wędrowiec.** Pismo ilustr., obejmujące podróże, rs. 8.
- Wiadomości farmaceutyczne** (tylko rocznie), rs. 5.
- Wieczory rodzinne.** Czasopismo tygodniowe ilustrowane dla dzieci, rs. 5.
- Wiek,** dziennik polityczny i społeczny, rs. 12.
- Wszelchswiat.** Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcją B. Znatowicza, rs. 10.
- Zdrowie,** miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.
- Zorza.** Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

Вышелъ и разсылается подписчикамъ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ“

Юганна Шерра.

Содержаніе: Введеніе. Востокъ. — Китай. — Японія. — Индія. Съ 10-ю рис. въ текстъ и 6-ю приложен. (Софокль, Сервантесъ, Теннисонъ, Салтыковъ-Щедринъ, два автографа В. Гюго, страница изъ китайской книги). Подписка продолжается.

Изданіе выходитъ выпусками и закончится весною 1896 г. Всѣхъ выпусковъ будетъ **20**, что составитъ два большихъ тома около **1,000** страницъ, со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого прекраснаго изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями **П. И. Вейнберга.**

Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ:

Съ доставкою и пересылкою **8** руб.
 Безъ доставки **6** »

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается расрочна:

При подпискѣ **два** руб. и ежемѣсячно по **одному** руб.

Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за **50** коп.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно къ издательству, книгопродавцу **Д. В. Байкову**, Москва, Никольская.

Издатели Д. В. Байковъ и К^о

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

- Азербай.** На высотѣ. 2 тома. Романъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
Буль. Шалуны. Юмористическія сцены. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
Висковатовъ, П. А. О „Фаустѣ“ Гёте. Спб., 1896 года. Ц. 50 к.
Деркачевъ, И. Среди животныхъ. Съ рисунк. худож. И. Панова. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Езерскій, Ф. Счетоводство, какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Евлинскій, К. Инородцы Сибири и среднеазиатскихъ владѣній Россіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Жуковъ, Н. Электрометаллургия и обработка металловъ электрическимъ токомъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Ивазовъ, Д. Этимологія русскаго языка, съ приложеніемъ самостоятельныхъ работъ. Калуга, 1895 г. Ц. 35 к.
Кабештовъ, И. М. Практическіе совѣты по свиноводству. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Тажаровскій, Л., гр. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Каптеревъ, П. О. Душевные свойства женщины. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Коваль, Т. Практическое пчеловодство. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 30 к.
Карльевъ, Н. Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 коп.
Карышевъ, П. А. Основы истинной науки. Книга 1-я. Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Красильниковъ. Кончина міра. Спб., 1895 года. Ц. 10 к.
Краузе, Вх. Гомеровскій словарь. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Къ чему жить? Сборникъ произведеній иностранныхъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Лажоубъ, П. Соціологическія основы исторіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лажиковъ, Д. А. Основы метеорологіи и климатологіи. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
Лекстръ, М. Революціонный Парижъ по неизданнымъ документамъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ле-Возъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Лукинъ. Краткій учебникъ для военнофельдшерскихъ учениковъ. Изд. 2. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Мерцаловъ, А. Е. Историч. чтенія. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Мивъня русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Нетяко, М. Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Николаевъ, Н. Застольныя рѣчи. Сто застольныхъ рѣчей на разные случаи жизни. Рига, 1895 г. Ц. 1 р.
Павовъ, Н. А. Гусли звончаты: пѣсни, были и разныя стихотворенія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 70 к.
Путеводитель по Сибири и Туркестанскому краю. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Рекс, А. Вѣчная красота. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ф. Крестьянская школа. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
Селжавозовскій, И. Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Серебряковъ, В. Е. Стихотворенія 1887—96 г. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Соловьевъ, Л. Ф. Краткая исторія города Углича. Съ рисунками. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Троицкій, В. И. Землемѣріе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Трубишковъ, К. В. Преобразование денежной системы. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.
Фирсовъ, П. Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Чижъ, В. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Швейковскій. Права и обязанности военныхъ начальниковъ по военно-суднымъ дѣламъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ на-
женнымъ платежомъ.

Поступили въ продажу новыя общедоступныя изданія
„ПОСРЕДНИКА“.

№ 199. *Вода на землю, подъ землей и надъ землей.* Съ рисунокъ. Сост. Н. Рубакинъ. Ц. 4 коп. № 200. *Разказы о Западной Сибири, или о губерніяхъ Тобольской и Томской, и какъ тамъ живутъ люди.* Съ рисунками и картой Сибири. Ц. 25 к. № 203. *Казакъ.* Съ рисунокъ. Сост. Л. Ставровскій. Ц. 6 к. № 212. *Новый Свѣтъ.* О томъ, какъ Христофоръ Колумбъ побывалъ на другой сторонѣ земли. Составилъ Е. Чижовъ. Ц. 6 к. № 202. *О полевомъ травостѣяннѣ въ нечерноземныхъ губерніяхъ.* Съ рисунками и планами. Составилъ В. Бажаевъ. Ц. 8 к. № 209. *Лѣто.* Сборникъ разказовъ, стиховъ и статей съ полезными свѣдѣніями. Содержаніе: *Сказка о царевичѣ Гайдарѣ.* Кота Мурлыки. *Строитель.* Разск. Козырева. *На сходкѣ.* Разск. Желтова. *Разговорное сказаніе.* Н. Полушина. *Стихотворенія:* С. Дрожжина, И. Бѣлоусова и др. *Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ.* С. Семёнова. *Какъ на Руси началось земледѣліе.* С. Дремцова. *Какъ мѣчатъ раны.* Г. Коваленка. *О несоразимыхъ постройкахъ.* К. Лаврскаго. *О куреннѣ табака.* Врача Никольскаго. *Поученія и изреченія. Разныя разности.* Въ хромофотографированной обложкѣ, рисованной художникомъ Пастернакомъ. Ц. 40 к.

Выписывать можно изъ редакціи «Посредника»: Москва, Zubovo, Долгія пер., д. Нюнина, П. И. Бирюкову.

Вышелъ № 8 журнала

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Безъ дороги. Ч. II. В. Вересаева.—2) Очерки золотопромышленности Южнаго Урала. П. Б. (Окончаніе).—3) Нухимъ. Разказъ. А. Яблоновскаго.—4) Облако. Стихотвореніе. В. Ладженскаго.—5) На краю лѣсовъ. Повѣсть. В. Стрешневскаго. Перев. съ польскаго. (Продолженіе).—6) Общежитіе и обществовѣдніе. Изъ соціологическихъ этюдовъ. С. Н. Южакова.—7) Лѣтнія картинки: I. Открытіе. П. Буря. В. Николенко.—8) Изъ прошлаго. Къ психологн массовыхъ движеній. Фр. Солуба.—9) Народно-хозяйственные наброски. XXIV. Земледѣльческія артели и „артельный договоръ“ въ Александрійскомъ уѣздѣ. Н. А. Карышева.—10) Новыя книги.—11) Гюи-де-Мопасанъ. М. А. Протопопова. (Окончаніе).—12) Изъ Австріи. Л. Василевскаго.—13) Изъ Германіи. А. К.—14) Изъ Англіи. Ар.—15) Изъ современной хроникн. С. Н. Южакова.—16) Письмо въ редакцію.

Продолжается приемъ подписки на 1895 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб.,
 б) въ пересылки 8 руб., за границу 12 руб.

Подписныя деньги слѣдуетъ исключительно адресовать: въ контору
 ж) тала „Русское Богатство“—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

И) тели: Н. В. Михайловская.

Редакторы: П. Быковъ.

Вл. Г. Короленко.

С. Поповъ.

Въ редакціи «НАУЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ» и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ принимается подписка на новое изданіе и сочиненіе М. Филиппова

ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(СИСТЕМА КРИТИЧЕСКАГО РЕАЛИЗМА).

Предметъ сочиненія—*критическое* изложеніе наиболѣе общихъ результатовъ современнаго знанія о человѣкѣ, обществѣ и природѣ. Заглавіе оправдывается тѣмъ, что авторъ коснется важнѣйшихъ задачъ, входящихъ въ новѣйшія философскія системы и составляющихъ, по его мнѣнію, научные вопросы теоріи познанія и этики. Отношеніе автора къ *субъективному* принципу опредѣляется тѣмъ, что категорію должнаго и нравственнаго онъ считаетъ необходимымъ выводить не изъ личныхъ идеаловъ (хотя неизбѣжно входящихъ въ каждое исслѣдованіе), но изучая *развитіе личности* въ исторіи человечества. Лишь такое изученіе позволяетъ, по его мнѣнію, слѣзть нѣкоторыя предсказанія относительно вѣроятнаго хода развитія личности и общества въ будущемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ извѣстное руководство для поведенія современной личности.

Полное сочиненіе составитъ два тома. Первый томъ составитъ около 640 страницъ, съ рисунками въ текстѣ, таблицами и картами. *Подписная цѣна* на первый томъ 5 р. (съ перес. 6 р.).

По выходѣ въ свѣтъ перваго тома цѣна его будетъ увеличена до 7 р. (съ пер. 8 р.). *Каждый томъ представитъ вполне самостоятельное цѣлое* и будетъ продаваться отдѣльно. Первый томъ выйдетъ выпусками, каждый въ 10 печ. листовъ. Второй томъ будетъ озаглавленъ: „ФИЛОСОФІЯ ИДЕАЛА“.

Выпуски отдѣльно не продаются. Для подписчиковъ „Научнаго Обозрѣнія“, при обращеніи въ редакцію, допускается разсрочка (3 руб. при подпискѣ, затѣмъ 2 руб. и 1 руб. на перес. по полученіи *первыхъ двухъ* выпусковъ).

Книгопродавцамъ, доставляющимъ подписку, уступка 30 коп. съ тома.

1-й выпускъ выйдетъ въ концѣ октября настоящаго года, остальные последуютъ, примѣрно, черезъ каждые два мѣсяца, такъ что все сочиненіе въ 2 томахъ изъ 8 выпусковъ будетъ окончено печатаніемъ въ полтора года.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Подписная цѣна на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.), на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ: книги Рибо, проф. Гойера, *Происхожденіе видовъ* Дарвина и др.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 51, кв. 24.

Въ книжномъ магазинѣ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Григорій Москвитинъ.

„ПРАКТИЧЕСКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ“.

4-е изданіе.

1895 годъ.

Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб.

ИЗДАНИЯ О. Н. ПОПОВОЙ.

Реклоу Э. Описание жизни земного шара. Переводъ безъ пропуска съ послѣдняго франц. изд. подъ редакціей и съ прилѣж. Н. А. Рубакина и съ прилѣж. списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 1895 г.

Вып. I. Земля какъ планета. Горы и равнины. Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Вып. III. Подземныя силы (вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвъ). Вып. IV. Океанъ. Вып. V. Атмосфера. Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Цѣна за всѣ шесть выпусковъ 6 р. 70 к.

Каждый выпускъ снабженъ многочисленными рисунками и географическими картами.

Михайловскій, Н. М. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. (сладъ изд. въ конторѣ журнала „Русское Богатство“, Вассейная, 10).

Карѣевъ, Н. М. Историко-философскіе и социологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Кривенко, С. Н. На распутии. Культурные колонисты и одиночки. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Оглавленіе: I. Культурные скиты. II. Культурные люди въ деревнѣ.—Неудачная попытка.—Культурные одиночки.—Исканіе новыхъ путей къ народному просвѣщенію. III. По поводу культурныхъ одиночекъ.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Винторъ Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства.—Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Шаминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Романъ. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древ-

публикѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Оглавленіе: Богаты ли мы книгами?—Какъ у насъ распространяются книги?—Составъ читающей публики.—Многие и что читать на Руси.—Любимые авторы русской читающей публики.—Читатель изъ народа и его изученіе.—Типы читателей изъ народа.—Интеллигенція изъ народа.—Поклонники науки въ народной средѣ.—Читатели изъ фабричныхъ рабочихъ.—Еще голосъ изъ народа.—Дѣятели для народа изъ родной среды.—Таблицы.

Станюковичъ, М. Отверженные. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Леббонъ, Дж. Какъ надо жить (The use of life). Перев. съ англійскаго Д. Короческаго Спб., 1895 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. Оглавленіе: Великій вопросъ.—Тактъ.—О денежныхъ дѣлахъ.—Развлеченія.—Здоровье.—Народное образованіе.—Самообразованіе.—О библиотекахъ.—О чтеніи.—Гражданственность.—Семейная жизнь.—Трудолюбіе.—Вѣра.—Надежда.—Любовь.—Характеръ.—О мирѣ и счастьѣ.—Религія.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 70 к.

Гимбинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Спб., 1895 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. Культурно-историч. бібліотека № 1.

наго міра. Спб. Ц. 80 к. Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, С.-Петербургъ, Москва, Варшава. Выписывающіе изданія изъ конторы редакціи журнала „Новое Слово“ (издательница О. Н. Попова) за пересылку не платятъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Спаасская ул., д. № 15, кв. № 1.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

Шелгуновъ, Н. В. Очерки русской жизни. Дюрингъ, Е. Великіе люди въ литературѣ. Летурино, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи.

Мармери, Д. Прогрессъ науки.

Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ.

Гардинеръ. Исторія пуританскихъ войнъ. Буассье, Ф. Римское общество время цезарей.

Рамбо. Исторія современной цивилизаціи во Франціи.

Карелинъ, М. С. Паденіе античнаго міросозерцанія (Культурно-историч. бібліот., № 2).

„НОВОЕ СЛОВО“.

Журналъ научно-литературный и политическій. Выходитъ ежемѣсячно подъ редакціей А. А. Сатинова, отъ 25—30 печатныхъ листовъ. Журналъ Новое Слово, перейдя въ другія руки, будетъ выходить подъ новою редакціей и при новомъ составѣ сотрудниковъ, причѣмъ, по прилѣж. многихъ иностранныхъ журналовъ, подписной годъ будетъ считаться съ 1-го октября. Въ редакціи журнала ближайшее участіе принимаютъ А. М. Скабичевскій, С. Н. Кривенко и Н. А. Рубакинъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ перес.—10 р., безъ перес.—9 р. на полгода—5 р., на три мѣсяца—2 р. 50 к. Льготныя условія для учащихся и учащихся по соглашенію. Годовые подписчики Нового Слова за 1895 г., получая въ счетъ подписки три первыя книжки, октябрь, ноябрь и декабрь, вносятъ за 1896 г. 7 р. 50 к. ● Адресъ конторы редакціи: Спб., Спаасская ул. (уголъ Надеждинской), д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій просп., д. № 54 — „Библіотека Черкесова“. ● Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой, черезъ контору редакціи или ея отдѣленія, за пересылку не платятъ.

Издательница О. Н. Попова.

По соглашенію редакціи
НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ
 и редакціи журнала „**РУССКАЯ МЫСЛЬ**“.

въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова
 принимается подписка на

„**Настольный Энциклопедическій Словарь**“

изд. Т-ва Гранатъ и К^о.

Настольный Энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ, 105—115 выпускныхъ
 (10,500 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 7 томовъ (до слова Славянскъ). Все изданіе будетъ за-
 кончено въ теченіе 1895 г. Съ 1-го марта 1895 г. цѣна всему изданію повышена:
 экземпляръ на обыкновенной бумагѣ стоитъ безъ перепл. 37 руб., въ изящныхъ ко-
 ленкоровыхъ перепл. 40 руб. Цѣна экземпляру на лучшей бумагѣ остается безъ ма-
 жбненія: 44 руб. 80 коп. безъ перепл. и 48 руб. въ переплеть. За пересылку при-
 шлачивается 10 коп. на каждый рубль стоимости.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновре-
 менно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немед-
 ленно получаютъ шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взно-
 сами по ДВА рубля.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи
 по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таловые будутъ
 выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

Предполагаемое содержаніе сентябрьской (№ 29) книги

ЖУРНАЛА

„**ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ**“.

М. С. Корелинъ: Этический трактатъ Лоренцо Валлы.—А. А. Козловъ: Со-
 знаніе Бога и знаніе о Богѣ.—Вл. С. Соловьевъ: Минныя начала правиль-
 наго поведенія (критика различныхъ видовъ эвдемонизма).—Кн. С. Н. Тру-
 бецкой: Этика и догматика.—Конфуцій: Срединна и постоянство. Переводъ
 съ китайскаго Д. П. Бонисси.—Н. А. Иваницовъ: Природа и искусство.—
 А. И. Введенскій: Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій.—В. А. Ваг-
 неръ: О прекрасномъ въ музыкѣ.—Критика и библиографія.—Психологиче-
 ское общество.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—Приложеніе: Я. Н. Ко-
 лубовскій—«Философскій Ежегодникъ», годъ I (1893), листы 11 и 12.

Подписка на 1895 годъ продолжается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.): безъ доставки—6 р., съ до-
 ставкой въ Москвѣ 6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.
 Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священ-
 ники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается
 только въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, д. Страховыхъ).

Редакторы: проф. Н. Я. Гротъ и проф. Л. М. Догатинъ.

	Стр.
III. Г. БАРСУКОВЪ О П. Н. КУДРЯВЦЕВЪ.—П. П. Копосова . . .	133
IV. РУССКАЯ БЫЛИНА, ЕЯ СЛАГАТЕЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ. — Вс. Ө. Миллера	143
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . .	161
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	182
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Еще о причинахъ сельско-хозяй- ственного кризиса въ Россіи и о средствахъ къ его устрани- нію.—Значеніе хозяйственныхъ и общекультурныхъ мѣропріа- тій въ борьбѣ съ кризисомъ. — Положеніе о всеобщей пере- писи въ имперіи. — Введеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи.—Новыя данныя о церковно-приходскихъ школахъ.— Законъ 29 мая.—Открытіе памятника Императору Александру II въ Казани. — Выставка московскаго комитета грамотности. — † Н. А. Бѣлоголовый.	190
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Бритика и публицистика.—Философія, психологія и педагоги- ка.—Исторія.—Политическая экономія и финансы.—Юридиче- скія книги.—Естествознаніе.—Учебники и учебныя пособия.— Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Ев- ропы», августъ. — «Русское Богатство», июль. — «Сѣверный Вѣстникъ», августъ. — «Русская Школа», кн. V и VI. III. Сп- сокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1895 г.	427
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	485

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	8 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса. взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголь Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

При книжномъ магазинѣ «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ОКТАБРЬ.

МОСКВА.

 ТИПО-ЛЕТ. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Никитинская ул., собств. домъ.

1895.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. НА СЪВЕРЬ ДИКОМЪ... (Разказъ). <i>Окончаніе</i> . — К. С. Баранцевича.	1
II. ГРАФИНЮШКА. (Этюдъ).—Е. И. Ардова	33
III. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистрисъ Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	61
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Д. Л. Михаловскаго	97
V. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ съ французскаго М. Н. Р.	99
VI. ЮБИЛЕЙ. (Не совсѣмъ обыкновенная исторія). — М. Н. Альбова.	114
VII. БАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ временъ Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	182
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Медвѣдева	208
IX. РУССКАЯ БЫЛИНА, ЕЯ СЛАГАТЕЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ. <i>Окончаніе</i> .—Вс. Ф. Миллера.	1
X. ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО, КАКЪ УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ. <i>Окончаніе</i> .—И. Д—ова.	20
XI. ИЗЪ ИТГОВЪ ЗЕМСКАГО ШЕФЛЬНАГО ДѢЛА.—Вл. Кр.	43
XII. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И ЕГО ОППОНЕНТЫ.—А. А. Низеветтера.	62
XIII. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ.—В. А. Гольцева	78
XIV. ДИДРО. (<i>A. Collignon: «Diderot. Sa vie, ses oeuvres, sa correspondance»</i>).—С. В. Л—овой	86

Вышли новыя книги:

„Повѣсти и Разказы“

Элизы Ожешковой

(Съренъкая идиллія.—Сильный Самсонъ.—Хамъ.—Подвижница).

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 80 коп.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Маленькій приходъ.

Романъ Альфонса Додэ. Переводъ М. Н. Ремезова.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, при редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевского пер., д. № 2—24).

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкою 10%.

Поступило въ продажу новое изданіе редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ“.

В. А. ГОЛЬЦЕВА.

Цѣна 1 рубль; пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжномъ магазинѣ „Русской Мысли“

В. М. Лаврова

(Москва, уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевского пер., домъ 2—24).

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОЕЪ).

А. П. ЧЕХОВА.

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль»
В. М. Лаврова (Москва, уголъ Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго
пер., д. № 2—24).

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

новое изданіе редакціи журнала Русская Мысль

„ХЛѢБЪ“

Романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Цѣна 2 рубля;

подписчики Русской Мысли пользуются уступкой 10%.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала Русская Мысль
В. М. Лаврова (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевскаго
пер., д. № 2—24).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПО СОГЛАШЕНІЮ РЕДАКЦІИ

Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Ефрона

И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“,

в книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на означенный словарь въ разсрочку, причемъ вносится 10 руб. задатка и затѣмъ уплачивается по рублю въ мѣсяць. По полученіи задатка выдаются вышедшіе полутомы.

Словарь издается подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Э. О. Петровскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. И. Менделѣева, проф. В. Т. Собицескаго, В. С. Соловьева и проф. П. Э. Соловьева.

По соглашенію редакціи

Настольнаго Энциклопедическаго словаря“

и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“,

в книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова принимается подписка на

„Настольный Энциклопедическій Словарь“

изд. Т-ва Гранать и К°.

Настольный Энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ, 105—115 выпусковъ (10,500 столбцовъ убористой печати).

В настоящее время вышло 7 томовъ (до слова Славянскъ). Все изданіе будетъ закончено въ теченіе 1896 г. Съ 1-го марта 1896 г. цѣна всему изданію повышена: экземпляръ на обыкновенной бумагѣ стоитъ безъ перепл. 37 руб., въ изящныхъ кожаныхъ перепл. 40 руб. Цѣна экземпляру на лучшей бумагѣ остается безъ перепл.: 44 руб. 80 коп. безъ перепл. и 48 руб. въ переплетѣ. За пересылку приплачивается 10 коп. на каждый рубль стоимости.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Подписчики въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немедленно получаютъ шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взносами по ДВА рубля.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковыя будутъ получены только лицами, подписавшимися на изданіе до 1 февраля 1896 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

Н А

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРХНІЙ ВЪСТНИКЪ“

1-го октября вышла 10-я книжка.

I. МИССЪ МАЙ. Разск. *З. Гиппиусъ*.—II. ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Проф. *Д. Овстико-Буликоскаго*.—III. ЗА ГРАНИЦЕЙ. Воспоминанія и рассказы. *А. Врещанина*.—IV. ТЕМНЫЙ АНГЕЛЪ. Стихотв. *Д. Мережковскаго*.—V. ХОДИТЬ. Разск. *О. Забытаго*.—VI. ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ. Лермонтовъ.—Гоголь и „Мертвая душа“.—Живописецъ *Ивановъ*.—VII. ВЪ СТАРОМЪ САДУ. Стихотв. *К. Фофанова*.—VIII. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Ром. *Ө. Солоуба*.—IX. АНГЛІЙСКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ РОССІИ. *П. Боборыкина*.—X. ИСПОВѢДЬ. *Анни Безантъ*. Съ англ. *Зин. Ветеровой*.—XI. ОБЪЕДИНЕНІЕ СУДА И СУДЕБНЫЙ ЯЗЫКЪ. *М. Стівалля*.—XII. СЕРДЕЧНЫЕ МОТИВЫ. Два стихотв. *Н. Минскаго*.—XIII. НАЯДА. Разск. *А. Чермнаго*.—XIV. СНЫ. Стихотв. *О. Чюминой*.—XV. „QUO VADIS“. Ром. *Геррика Сенкелича*.—XVI. ВОПРОСЪ ОБЪ ЭЛЬЗАСЪ И ЛОТАРИНГІИ. Важность его для современной Европы.—Четыре возможныхъ исхода его безъ войны.—Процедура рѣшенія. *Гр. Л. Камаровскаго*.—XVII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. Майковъ. Эстетическіе и общественные вопросы передъ судомъ социологической критики. *А. Волынскаго*.—XVIII. НА ЗАПАДЪ. ***. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: I. РАБОЧИЕ НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. *Н. Арестова*.—II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Нижегородское торжище и гульбище.—Разореніе Казани.—Выставка въ Вилья.—Народныя чтенія.—О пьянствѣ на сельской площади.—Круговая порука безъ общины.—Беспорядки въ юрьевской тюрьмѣ.—Ученики и учебники.—Въ Саратовѣ бьютъ нѣмцевъ.—О врачахъ. *Л. Прозорова*.—III. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 30-лѣтіе закона о печати.—О „формалистикѣ“.—Новый уставъ лечебныхъ заведеній.—Фабричныя свѣдѣнія и отчеты и др.—IV. КРИТИКА. *Н. Карневъ*. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія.—*А. Турка*. Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на письма къ ней *Карѣва* о самообразованіи.—С. Обращеніе товарища къ студентамъ.—*Сергій Норманскій (Симла)*. Оттуда. Рассказы. *А. Волынскаго*.—БИБЛІОГРАФІЯ: I. Литература. Книги для дѣтей и для народа. II. Медицина и естествознаніе. III. Общественныя науки. IV. Педагогика.—V. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. Еще о князѣ В. Вяземскомъ. *В. Корсакова*.—Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ.—Новѣйшіе московскіе скорпіоны.—† Пастѣрь.—† Н. В. Стасова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ:	$\frac{1}{2}$ года:	$\frac{1}{4}$ года:	Годъ:	$\frac{1}{2}$ года:	$\frac{1}{4}$ года:
Безъ дост. въ Спб. 12 р.—к. 6 р.—к. 8 р.—к.	Съ перес. . . 13 р. 50к. 7 р.—к. 3 р. 50к.		За границей. 15 „ — „ 8 „ — „ 4 „ — „		
Съ доставкою . 12 „ 50 „ 6 „ 50 „ 3 „ 50 „					

Для учащихся и учащихся льготныя условія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ: Спб., Троицкая, 9; въ московскомъ отдѣленіи: при книжномъ магазинѣ К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

—
1895.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

С Г Л А В Л Е Н І Е .

	<i>Стр.</i>
I. НА СЪВЕРЪ ДИБОМЪ... (Разказъ). <i>Окончаніе</i> . — Н. С. Баранцевича	1
II. ГРАФИНЮШКА. (Этюдъ).—Е. И. Ардова	33
III. МАРЧЕЛЛА. Романъ жисторіа Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	61
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Д. Л. Михаловскаго	97
V. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ съ французскаго М. Н. Р.	99
VI. ЮБИЛЕЙ. (Не совсѣмъ обыкновенная исторія).—М. Н. Альбова	114
VII. БАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времянь Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	182
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Медвѣдева	208
IX. РУССКАЯ БЫЛИНА, ЕЯ СЛАГАТЕЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ. <i>Окончаніе</i> . Вс. Ф. Миллера	1
X. ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО, БАБЪ УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ. <i>Окончаніе</i> .—И. Д—ова	20
XI. ИЗЪ ИТЮГОВЪ ЗЕМСКАГО ШКОЛЬНАГО ДѢЛА.—Вл. Кр.	43
XII. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И ЕГО ОППОНЕНТЫ.—А. А. Кизеветтера.	62
XIII. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІА И ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ.—В. А. Гольцова	78
XIV. ДИДРО. (<i>A. Collignon: «Didrot. Sa vie, ses oeuvres, sa correspondance»</i>).—С. В. Л—овой.	86

	Стр
XV. КУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.— Т. И. Полнера	115
XVI. АНГЛИЙСКАЯ ПУГАЧЕВЩИНА. <i>Окончаніе</i> . — М. М. Новалев- скаго	128
XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванова . .	157
XVIII. КАРТИНКИ СОВРЕМЕННЫХЪ ПРАВОВЪ.—Н. М. Станюковича.	176
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Дѣло А. А. Штевенъ.—По поводу официальныхъ данныхъ о вліяніи винной монополіи казны.— Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.— Четвертый съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ.—† Н. В. Стасова.—Сорока- лѣтіе со дня кончины Грановскаго	186
XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	202
XXI. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—Московскаго обывателя	209
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Философія и психологія.—Исторія.—Политическая экономія.— Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяй- ство.—Изданія для народа.—Справочныя книги и календари. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», августъ.— «Сѣверный Вѣстникъ», сентябрь.—«Вѣстникъ Европы», сен- тябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1895 г.	483
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	547

НА СЪВЕРЪ ДИКОМЪ... *)

(Разказъ).

У.

Тайна дяди Павла.

Такъ, день за днемъ, тянулось наше сѣренькое существованіе. Ванѣ былъ уже третій годъ на исходѣ, онъ бѣгалъ, все говорилъ, и называлъ дядю Павла «тетей». Мнѣ шелъ восьмой годъ; я былъ бойкимъ, смышленнымъ мальчишкою, вполне предоставленнымъ самому себѣ. Я бродилъ всюду, гдѣ вздумается, самъ посѣщалъ нашихъ знакомыхъ и друзей, отлично катался на конькахъ съ ребятами, и съ ними же, когда поспѣвала морошка или появлялись грибы, ходилъ на болото и въ маленькій, приземистый лѣсокъ, бывшій въ недалекомъ разстояніи отъ города.

Наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшено было начать меня учить, и эта нелегкая обязанность, опять-таки, легла на дядю Павла. Мой старшій Робинзонъ поступилъ въ собственность брата, а я принялся за азбуку. Затѣмъ было приступлено къ основательному чтенію и письму. Происходило это въ длинные зимніе вечера за небольшою лампочкой, бокъ-о-бокъ съ дядею Павломъ, который или переплеталъ, или тачалъ сапоги. По поводу каждаго отрывка, который мнѣ удавалось одолѣть и который я долженъ былъ рассказать своими словами, у насъ затѣвались бесѣды, поражавшія меня сознаніемъ необыкновенной учености дяди Павла. Онъ все зналъ, о всемъ могъ рассказать понятно для моего возраста: о дождѣ, о вѣгѣ, откуда является молнія, что такое громъ.

Однажды мы втроемъ: дядя Павелъ, Софья Алексѣевна и я предъидли прогулку къ морю. Я еще ни разу не видалъ его, и страст-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

ное желаніе узнать, что такое море, томило меня. Никто изъ сверстниковъ не рѣшался совершить такое длинное путешествіе, поэтому, когда дядя Павелъ сказалъ, что возьметъ меня, я запрыгалъ отъ радости и, только что мы вышли изъ города, побѣжалъ впередъ.

Мы прошли длинный, показавшійся мнѣ безконечнымъ, берегъ каменистой, порожистой рѣки, миновали опушку сосноваго лѣса, и когда никакіе предметы не заслоняли больше горизонта, передъ нами открылось пустынное, гладкое, какъ зеркало, сливавшееся съ небомъ узкою темно-фіолетовою полоской море.

Оторопь взяла меня; я остановился и смотрѣлъ, широко раскрывъ глаза и постепенно проникаясь впечатлѣніями грандіозной картины. Это были впечатлѣнія страха и какой-то тяжести, давившей душу, и мнѣ было жутко отъ той могильной тишины, которая господствовала на поверхности безграничной массы воды. Станбѣлыхъ чаекъ то поднимались надъ моремъ и бѣлыми точками пропадали вдаль, то нивѣсть откуда появлялись снова и опускались на громадныя прибрежныя камни и испускали жалобныя, словно втскіе, крики.

Однако, впечатлѣніе страха скоро прошло и я началъ собирать по берегу красивыя камешки. Дядя Павелъ и Софья Алексѣевна сидѣли на камнѣ. Я отошелъ отъ нихъ на нѣсколько сажени и такъ увлекся валунами, что даже не слышалъ, какъ они заговорили, но одно слово «тебѣ», сказанное Софьей Алексѣевной, такъ поразило меня, что заставило остановиться и прислушаться. И этотъ разговоръ, который они вели, почти весь, цѣликомъ надолго вѣзался въ моей памяти.

— Тебѣ будетъ лучше, — говорила Софья Алексѣевна, — ты знаешь, дни мои сочтены, зачѣмъ я буду тебя связывать?

— Меня связывать! Какъ тебѣ не стыдно говорить это, Соня, — воскликнулъ дядя Павелъ, — развѣ не я причиной всему? Ты и захворала-то изъ-за меня, простудившись въ дорогѣ.

— Нѣтъ. Это началось еще тамъ... въ тотъ годъ, помнишь? И я знала, что умру здѣсь, гдѣ ты.

— Умрешь? — воскликнулъ дядя Павелъ, и въ голосѣ его слышались слезы. — Не говори такъ! Ради Бога, не говори! Господи, неужели нѣтъ справедливости на свѣтѣ?

— Все идетъ, какъ тому суждено быть, — какимъ-то сухимъ, беззвучнымъ голосомъ отвѣчала она.

— И это ты говоришь? Противъ себя, своихъ убѣжденій...

— Да, вѣдь, и я теперь не та, что была раньше... А гдѣ Николай?

Хватились меня, и я долженъ былъ показаться на зовъ дяди Павла, но я и теперь удивляюсь тому лукавству, которое было тогда во мнѣ, восьмилѣтнемъ ребенкѣ, тому чутью, которое въ этомъ малопонятномъ для меня разговорѣ подсказало мнѣ любовную сцену и побудило, вмѣсто того, чтобъ идти на зовъ, представиться, что я его не слышалъ, и забратъ еще дальше.

Дядѣ Павлу стоило не мало усилій заставить меня отозваться и придти. Но пришелъ я къ нимъ уже не такимъ, какимъ уходилъ. Въ мое маленькое сердце уже заронила искра ревности,—искра, которой, спустя нѣсколько лѣтъ, совсѣмъ по другимъ обстоятельствамъ и при другихъ условіяхъ, суждено было разростись въ цѣлый пожаръ. Да, я уже ревновалъ моего дядю Павла къ этой неизвѣстной мнѣ больной дѣвушкѣ, и она мнѣ не нравилась.

И я вдругъ сдѣлался холоденъ къ дядѣ Павлу, даже не показавъ ему камешки, которыми набиты были мои карманы и которые мнѣ ужасно хотѣлось ему показать.

А онъ, этотъ чистый сердцемъ человекъ, ничего не подозрѣвая, не зная, что я подслушивалъ ихъ разговоръ, началъ рассказывать мнѣ интересную исторію о морѣ и его обитателяхъ, о рыбахъ, ихъ строеніи и образѣ жизни, о томъ, какъ и чѣмъ ихъ ловятъ и въ какое время, рассказавъ о вѣтрахъ, какіе и въ какіе часы бываютъ, описавъ устройство и оснастку разныхъ судовъ, и то, что я читалъ впоследствии, никогда не могло мнѣ замѣнить живой устной бесѣды.

И я слушалъ съ интересомъ, забывъ на время разговоръ его съ Софьей Алексѣевной, но когда мы собрались уходить, и дядя Павелъ взялъ ее подъ руку, меня опять что-то кольнуло въ сердце, и я крайне опечаленнымъ вернулся домой.

Черезъ годъ я снова увидѣлъ море, но уже совсѣмъ другимъ.

Азимовъ и Биндеръ отправились прогуляться и взяли меня. Дулъ сильный западный вѣтеръ, по мѣстному «шалоникъ». По небу неслись огромныя темныя тучи, придававшія берегу, съ его сѣрыми скалами, и морю мрачный, угнетающій душу видъ. Море волновалось; изъ-зелено-синія волны высоко поднимались одна за другою, падали въ бездну и снова вздымались, грозно щетиня свои бѣлые хребты. Станъ чаебъ съ кригами, похожими на дѣтскій плачь, валился надъ моремъ.

Мы сѣли съ подвѣтренной стороны, у подножія голой скалы, и сѣли смотрѣть на море.

— Григорій, парусъ!— крикнулъ Биндеръ, указывая на за-
п, гдѣ, въ хаосѣ волнъ, мелькало что-то бѣлое.— Это шгуна.

Азямовъ привсталъ и началъ пристально смотрѣть на бѣлое пятнышко.

— Нѣтъ, братъ, это не шкуна, — сказалъ онъ, — глаза у тебя не важные.

— Ну, вотъ еще! Конечно, шкуна!

— Нѣтъ. Это шняка. На ней всего два паруса, а на шкунѣ должно быть три.

— Неужели два?

— Посмотри хорошенько. Вотъ она повернула.

Биндеръ вздохнулъ. Брови его нахмурились.

— Не ѣдетъ что-то мой англичанинъ, — пробормоталъ онъ.

— Все еще не оставилъ своей мысли? — спросилъ Азямовъ.

— О, если бы ты зналъ, какъ мнѣ хочется ухватъ! Теперь въ особенности:

— Почему теперь?

Биндеръ не отвѣчалъ и какъ-то странно повелъ глазами на меня.

— Я самъ день и ночь думаю, какъ бы выбраться отсюда. Нарочно завелъ календарь, и каждый день по листочку отрываю, да съ какимъ наслажденіемъ! — сказалъ Азямовъ.

— Да, да, вотъ видишь! — оживился Биндеръ. — А скоро уѣдешь?

— Какъ деньги приплють.

— Счастливецъ! — пробормоталъ Биндеръ, откинулся на скалу и заплѣлъ:

«Корабль мой, — пусть тяжелъ мой путь
Въ сырой и бурной мглѣ, —
Неси меня куда-нибудь,
Лишь не къ родной землѣ!»

Я бродилъ по берегу, по обыкновенію, собирая камешки, и по временамъ присоединялся къ пріятелямъ; въ одно изъ такихъ возвращеній я увидалъ Биндера въ чрезвычайно-возбужденномъ состояніи: онъ стоялъ въ полъборота къ Азямову, смотрѣлъ на море и, размахивая руками, кричалъ:

— Я жить хочу, работать, понимаешь? Жить полною, настоящею жизнью! Я не могу, какъ всѣ вы, какъ Евгеній, напимѣть! Одно изъ двухъ: или разможить голову объ этотъ камень, или уйти отсюда! Не покажется мнѣ въ Англии, уѣду въ Америку, поступлю къ какому-нибудь фермеру, заберусь на крайній Западъ и сидѣть на одномъ мѣстѣ, скучать, прозябать я не могу, понимаешь? — не могу! Я хочу быть живымъ человѣкомъ!

— Что же, Англія тебя сдѣлаетъ живымъ человѣкомъ?

— Хотя бы...

— Что же, у всякаго свой вкусъ! Меня, напримѣръ, на родину тянетъ. Отца-старика посмотрѣть.

— Ты? Ну, да, конечно! Ты и здѣсь отлично проживешь!

— Пожалуй, проживу. Не дурно и здѣсь.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты хочешь уѣхать?—воскликнулъ Биндеръ.

— Говорю: отца повидать.

— А не будь этого, останешься?

— Пожалуй, и останусь.

Азимовъ, дѣйствительно, остался, и вотъ по какой причинѣ. Деньги на поѣздку домой онъ получилъ вскорѣ послѣ нашей прогулки къ морю и началъ уже поговаривать объ отъѣздѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе о смерти его отца. Тогда Азимовъ рѣшилъ, что ему вовсе не зачѣмъ ѣхать на родину, гдѣ у него, кромѣ отца, никого не было; пришелъ онъ къ намъ однажды вечеромъ и всѣ семьдесятъ рублей, присланные ему на дорогу, отдалъ дядѣ Павлу, какъ хранителю общей кассы, въ которую каждый изъ членовъ нашего кружка обязанъ былъ отдавать свои сбереженія.

О поступкѣ Азимова скоро узнали всѣ въ городѣ. Азимова осуждали, многіе надъ нимъ посмѣивались, но я рѣшительно этого не понимаю. Выросши среди людей, у которыхъ было все общее, которые принимали самое близкое участіе въ радостяхъ и печаляхъ каждаго, которые, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь важное въ своей жизни, совѣтовались съ другими и дѣлали такъ, какъ скажутъ всѣ,—я считалъ поступокъ Азимова дѣломъ совсѣмъ обыкновеннымъ. Такъ же думалъ и отецъ, и дядя Павелъ, и даже Биндеръ, замѣтившій, смѣясь:

— Я такъ и думалъ, что онъ останется. Ему все равно, гдѣ ни жить, только бы пустить корни поглубже.

У Азимова была счастливая натура. Отдѣлавшись отъ денегъ, онъ тотчасъ же забылъ, что имѣлъ ихъ, и, попрежнему, спокойный, веселый, ходилъ на службу въ контору, по словамъ Биндера: «та-скаль ярмо».

Мои учебныя занятія съ дядей Павломъ шли настолько успѣшно что, будучи 9 лѣтъ, по своимъ познаніямъ я могъ бы свободно по тупить во второй классъ гимназіи.

Теперь, когда я вижу десятилѣтнихъ мальчиковъ, изнывающихъ по гнетомъ ненавистной «учебы», зубрящихъ до истощенія силъ: «1 часа, mensae» и превращающихся въ 17 годамъ въ мрачныхъ,

нелюдимыхъ юношей, и на ряду съ этимъ припоминаю, чему и какъ я научился, меня удивляетъ то обстоятельство, что мнѣ рѣшительно ничего не приходилось заучивать наизусть, а все какъ-то запоминалось само собою. «Семья» и «школа», такъ страшно разъединенныя при современномъ обученіи дѣтей, обѣ олицетворялись тогда въ моемъ дорогомъ учителѣ, безотлучно находившемся при мнѣ. Не насилуя ни воли моей, ни памяти, совершенно незамѣтно для меня, дядя Павелъ безпрестанно повторялъ со мною мои уроки, экзаменовалъ меня. Въ особенности успѣшно шли у насъ географія и ариметика, причемъ дядя Павелъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рѣшить умственную задачу или рассказать о какой-нибудь странѣ свѣта.

Братъ все меньше и меньше причинялъ хлопотъ моему учителю: ужъ не нужно было его ни кормить съ ложечки, ни купать, ни укладывать спать, и у дяди Павла стало больше досуга, который онъ употреблялъ на приготовленіе къ экзаменамъ на учителя. Это была его завѣтная мечта. По вечерамъ, когда мы съ братомъ ложились спать, дядя Павелъ садился за свой самодѣльный сосновый столъ, раскладывалъ книги, записки и принимался читать.

А утромъ знакомое шарканье рубанка указывало на то, что дядя Павелъ уже принялся за свою обычную работу.

И училъ и учился самъ, и работалъ онъ въ самый тяжелый періодъ своей жизни, переживая такую душевную невзгуду, при которой у обыкновенныхъ людей все валится изъ рукъ и они ходятъ, какъ потерянные, а мы никто—ни отецъ, ни Аязмовъ, ни Биндеръ, а, тѣмъ болѣе, конечно, я—ничего не замѣчали.

Отецъ— тотъ ушелъ весь въ самого себя, даже на меня съ братомъ пересталъ обращать вниманіе. Онъ похудѣлъ, состарился и его привычное состояніе недовольства перешло въ какую-то мрачную апатію. Такъ и рисуется мнѣ его сухая фигура, съ нахмуренными бровями и глазами, неподвижно-устремленными въ полъ. Онъ никому ничего не говорилъ, ни на что не жаловался, «замолчалъ въ тоскѣ», какъ выразился о немъ однажды Аязмовъ, и оживлялся только тогда, когда приходили письма отъ мамы.

Въ этихъ длинныхъ, трогательныхъ письмахъ все опредѣлительнѣе и яснѣе сказывалась близость ея возвращенія; въ нихъ она передавала свои распоряженія насчетъ найма квартиры, пріобрѣтенія дровъ и проч. И вотъ, наконецъ, мы получаемъ письмо, въ которомъ она сообщаетъ, что экзамены сошли благополучно, исполомъ на званіе фельдшерницы полученъ, и что она собирается въ путь.

Это письмо производит цѣлую бурю въ нашемъ тихомъ уголкѣ.

Дядя Павелъ погружается въ массу хозяйственныхъ мелочей, присматриваетъ квартиру въ четыре комнаты и непременно огнями на улицу, «для пріемовъ», нанимаетъ рабочаго и вмѣстѣ съ нимъ устраиваетъ перегородки, чуланчики, кладовушки, по общему соглашенію покупаетъ обои и самъ оклеиваетъ ими комнаты. И все это дѣлается съ какою-то лихорадочною торопливостью, съ какимъ-то страстнымъ желаніемъ дѣлать, что бы то ни было дѣлать, чтобы хоть этимъ отвлечь свои мысли отъ чего-то рокового, къ чему онѣ возвращаются неизбѣжно.

Но отчего Петръ Спиридонычъ не можетъ попасть на службу, не побывавши, предварительно, у насъ? Такое посѣщеніе всегда является послѣдствіемъ какой-нибудь непредвидѣнности: то часы у Петра Спиридоныча остановились и онъ зашелъ справиться, который часъ, то у Петра Спиридоныча ревматизмъ разыгрался и онъ пришелъ посоветоваться съ дядей Павломъ, котораго считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ универсальнымъ человѣкомъ.

— Спасибо, спасибо!—говоритъ онъ, когда дядя Павелъ возьметъ его часы-луковицу, свѣрить съ нашими стѣнными, передвинетъ стрѣлку и сунетъ луковицу старику обратно въ карманъ.— Вотъ теперь и на службу можно идти. Скажите, какіе часы невѣрные! Прошлый разъ чуть на службу не опоздалъ... Двадцать лѣтъ шли хорошо, а теперь пошаливать стали. Ну, до свиданія! Ахъ, кстати: когда ожидаете Вѣру Петровну?

— Ничего нельзя сказать. Ыдетъ!

— Ыдетъ!—восторженно восклицаетъ Головешкинъ, роняя на полъ приготовленную понюшку табаку.— Голубушка наша! То-то, чай, вѣстей-то, вѣстей столичныхъ! Да-съ, съ характеромъ дама, съ характеромъ! Шутка сказать: въ столицу махнула! За востолко версть! Просто, можно сказать, удивительно!

И старичокъ, улыбающійся, довольный собою и всѣми, уходитъ.

VI.

„Тише, о жизни поконченъ вопросъ!“

И стоялъ на улицѣ, подъ окнами нашего дома, раздумывая, что бы предпринять, на какую пуститься затѣю, куда дѣвать избытокъ сиѣ и молодости,—сзади меня послышались шаги, я оглянулся и увъ даль дядю Павла. Лицо у него было осунувшееся, грустное. Защъ чаясь отъ холоднаго осенняго вѣтра, онъ поднялъ воротникъ въ: таго пальто и быстро прошелъ мимо.

Я бросился за нимъ, спрашивая, куда онъ идетъ, и прося взять съ собою. Онъ остановился, съ минутою подумалъ и отвѣчалъ:

— Я иду къ Софѣ Алексѣевнѣ, она очень больна. Хочешь, пойдемъ?

Мнѣ вдругъ сдѣлалось стыдно, стыдно за то чувство, которое возникло у меня тамъ, на берегу моря, во время нашей прогулки втроемъ. Я пошелъ рядомъ съ дядей Павломъ. Мы прошли весь городъ, и на окраинѣ, у берега рѣки, дядя Павелъ указалъ мнѣ на ветхій деревянный домишко.

— Здѣсь она живетъ, — сказалъ онъ, останавливаясь и переводя духъ, потомъ повернулся ко мнѣ, и я никогда не забуду этого измученнаго выраженія лица, съ которымъ онъ прибавилъ: — Ты знаешь, она моя невѣста!

— Невѣста? — воскликнулъ я, — ты женишься на ней?

Онъ не сразу отвѣтилъ, снялъ шляпу, провелъ рукою по волосамъ и устремилъ задумчивый взглядъ на домикъ.

— Да, женюсь... когда она поправится.

— А она очень больна?

— Да, — вздохнулъ онъ, — пойдемъ!

Мы вошли въ ворота, прошли дворъ и поднялись по деревянной лѣсенкѣ. Въ окнѣ я замѣтилъ старушку въ темномъ платкѣ; эта старушка отворила намъ.

— Ну, что Софья Алексѣевна? — спросилъ дядя Павелъ.

— Да что! — безнадежнымъ тономъ отвѣчала старушка, — сегодня ужь не вставала. Пройдите.

Дядя Павелъ вошелъ въ небольшую комнатку, я остановился позади. Прямо, на кровати, лежала Софья Алексѣевна. Я не сразу узналъ ее, — до того она измѣнилась. Страшно было смотрѣть на этотъ остовъ человѣческаго тѣла, обтянутый сухою, желтою кожей, съ обострившимся носомъ, закрытыми, глубоко ушедшими въ орбиты глазами и волнами спутанныхъ черныхъ волосъ, развиданными по подушкѣ.

Она открыла глаза, улыбнулась ими и протянула дядѣ Павлу высохшую, блѣдную руку.

Онъ припалъ къ рукѣ и долго цѣловалъ ее, потомъ сѣлъ на стоявшій около постели стулъ. Ни слова не было между ними и изнесено; дядя Павелъ сидѣлъ ко мнѣ спиною и, какъ мнѣ покалось, нарочно скрывалъ отъ меня лицо.

— Не нужно, — слышался слабый, какъ шепотъ, голосъ Софьи Алексѣевны, — перестань, Павелъ! Какое малодушіе!

Онъ все молчалъ. Мнѣ показалось только, будто плечи его вздрагивали.

— Ты никогда не былъ такимъ, помнишь? Какія были испытанія, и какъ ты ихъ выносилъ! Я тебя не узнаю.

— Э-эхъ!—сдавленнымъ крикомъ вырвалось у него изъ груди.

— Павелъ, Павелъ!—укоризненно покачала головою Софья Алексѣевна,—пойми, что тутъ уже все отжито, все... Знаешь, я запрещаю тебѣ приходить ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока все будетъ кончено... слышишь?—запрещаю!

— И за что, за что?—глухимъ протестомъ вырвалось у него изъ груди.

— Ахъ, это все напрасно!—прошептала она.— Я уже тебѣ сказала, что такъ должно быть. Это Николай? Какъ онъ выросъ!

Я подошелъ и протянулъ руку. И мнѣ страшно было пожатіе этой сухой, горячей, костлявой руки.

— Ты будешь молодцомъ! Не станешь плакать надъ тѣмъ, чего нельзя измѣнить, да?—прошептала она.

Тутъ только я увидѣлъ лицо дяди Павла, все омытое слезами. Онъ отвернулся отъ меня и сказалъ тихо, но такимъ тономъ, который не допускалъ возраженія:

— Николай, посиди на дворѣ. Я сейчасъ приду.

Я вышелъ, и только что успѣлъ расположиться на ступенькѣ крыльца, какъ появился дядя Павелъ. Лицо его было спокойно и мрачно, только мускулы щекъ подергивались легкою судорогой.

Онъ быстро пошелъ къ воротамъ, я послѣдовалъ за нимъ. Оглянувшись, я увидѣлъ за окномъ лицо старушки; она печально смотрѣла намъ въ слѣдъ и качала головой.

Софья Алексѣевна умерла въ ту же ночь. Черезъ три дня мы всѣ шли за ея гробомъ, провожая на далекое кладбище нашего городка. Кладбище было расположено на высококомъ берегу рѣки и было бы живописно, если бы не мерзость заустѣнія, которая такъ портитъ наши мѣста вѣчнаго успокоенія. Сгнившіе кресты, ославшіяся могилы, полуразрушенныя бесѣдки въ этотъ пасмурный осенній день наводили тоску на сердце. Въ полуобнаженныхъ вѣтвѣхъ деревьевъ шумѣлъ порывистый вѣтеръ; гонимые имъ, опавшіе листья прыгали по размытымъ отъ дождя глинистымъ дорожкамъ и кучками залегали между могилами, съ которыхъ сползала дряхлая, посѣрѣвшая отъ утреннихъ морозовъ трава.

Мы молча стояли у раскрытой могилы, а двое здоровенныхъ ильциговъ, поплевавъ на руки, уже взялись за широкія, сверстанныя сталью, лопаты.

И, глухо ударяясь о крышку гроба, одинъ за другимъ повалились комья сырой земли.

— Ну, и вотъ... вотъ!—въ какомъ-то не то испугѣ, не то нервномъ расстройствѣ повторялъ отецъ. —Ну, вотъ и погибла молодая сила! Къ чему? Зачѣмъ?

— Не «зачѣмъ»,—мрачно замѣтилъ Биндеръ,—а по какому праву? Это—другой вопросъ, и на него въ свое время потребуются отвѣты.

Отецъ оглянулся вокругъ, махнулъ рукой и нахлобучилъ шапку на свою значительно помысѣвшую голову.

Всѣ послѣдовали его примѣру и медленно пошли съ кладбища. Дяди Павла не было. Онъ догналъ насъ по дорогѣ къ городу. Лицо его, какъ и тогда, въ день посѣщенія Софьи Алексѣевны, было мрачно-спокойно.

— Да, это была дѣвушка съ характеромъ! — замѣтилъ Биндеръ.—Жаль, что духовныхъ силъ у нея оказалось больше, чѣмъ физическихъ!

— Никакія физическія силы не вынесли бы того, что вынесла она!—замѣтилъ Азямовъ.

— И все напрасно, совершенно напрасно!—твердилъ отецъ.— Гм... «Служители міра»! Скажите на милость! Міръ остался и останется такимъ же подлымъ, какимъ онъ есть!

— «Тише, о жизни поконченъ вопросъ; больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!»—продекламировалъ Биндеръ.

— Это ты откуда?—спросилъ Азямовъ.—Знаешь, это очень хорошо!

— Изъ Никитина. Забылъ?

— Забылъ и то,—согласился Азямовъ,—я, братъ, все пере-забылъ!

Дядя Павелъ не надолго зашелъ домой и затѣмъ скрылся на цѣлый вечеръ, даже не явился къ чаю. Не знаю почему, но я былъ убѣжденъ, что онъ долженъ былъ находиться въ квартирѣ Софьи Алексѣевны; какой-то инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что онъ сидитъ въ бѣдной, тѣсной комнаткѣ, перебираетъ ея письма, вещи и плачетъ одинъ, на свободѣ...

УП.

Радость омрачается горечью.

Метель, или, по-мѣстному, «хивусъ», бушевала уже второй день. Городокъ нашъ былъ до такой степени засыпанъ снѣгомъ, что

что прекратилось всякое сообщеніе, и мы сидѣли, словно заживо погребенные, въ своихъ домишкахъ. Съ наступленіемъ вечера, когда темное, какъ бездонная пропасть, и сыпавшее мокрый снѣгъ небо сливалось съ землею въ одинъ мрачный хаосъ и въ немъ не было видно тѣхъ немногихъ фонарей, которые горѣли на главной улицѣ, чувство тоски и какого-то безпомощнаго отчаянія, я увѣренъ, овладѣвало не только нами, но и каждымъ обывателемъ. Сквозь намерзшія окна еле-еле брезжили огоньки въ домахъ и тамъ, за ломберными или чайными столами, украшенными присутствіемъ неизбѣжнаго графинчика водки, обыватели коротали скучные, безконечные вечера. Мы тоже коротали этотъ вечеръ за чаемъ, тоскливо поглядывая другъ на друга и не находя темы для бесѣды. Да и о чемъ было бесѣдовать намъ, все переговорившимъ, съ полуслова понимавшимъ другъ друга, сжившимся, какъ одинъ человекъ? Я прислушивался къ завыванію метели въ трубѣ и воображеніе уносило меня Богъ вѣсть куда. Иногда я думалъ: что, если метель не прекратится? Нашъ городокъ будетъ все заносить, заносить и, наконецъ, мы будемъ похоронены подъ снѣговыми горами. Такъ мы всѣ замерзнемъ. Спустя нѣкоторое время какая-нибудь экспедиція, по какимъ-нибудь признакамъ жилья, — ну, хотя бы по кресту на колокольнѣ нашего собора, — произведетъ раскопки и найдетъ, къ немалому своему изумленію, цѣлый городъ, значащійся на картѣ Россійской имперіи съ нѣсколькими тысячами жителей, замерзшихъ въ своихъ домахъ, за остывшими самоварами и пустыми графинами. Вѣдь, бывають разные катастрофы на землѣ!

Дядя Павелъ, которому я сообщилъ свои предположенія, только улыбнулся и опять началъ читать свои лекціи, прихлебывая чай; отецъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь по временамъ и прислушиваясь къ завыванію вѣтра. Ваня возился въ углу съ игрушками. Въ снѣгахъ слышались шаги, дверь отворилась и вошелъ Биндеръ. Растаявшій снѣгъ образовалъ темные, мокрыя пятна на его верблюжьей курткѣ, оленья шапочка, какъ росинками, сверкала каплями воды.

— Ну, братъ, какъ ты добрался?—удивился отецъ. —Тонулъ, да?

— Было всего, —хриплымъ, простуженнымъ голосомъ отвѣтилъ Биндеръ, —захочешь чаю, такъ на льдинѣ поплывешь. Есть ли?

— Есть. Наливаю, —отвѣчалъ дядя Павелъ.

— Чортъ ее знаетъ, куда дѣвалась моя квартирная хозяйка! Твѣтра ушла къ крестнику и пропала! Не занесло ли ее, грѣхомъ?

— А ты что же, бѣлоручка, самовара не съумѣлъ поставить?—замѣтилъ отецъ.

Бѣ слово сказать, самъ онъ никогда этого не дѣлалъ и вообще не занимался по хозяйству.

— Ну, вотъ еще! Съумѣть-то съумѣлъ бы, да не хотѣлось. Ужь больно тоскливо одному!—отвѣчалъ Биндеръ, принимаясь за чай.—Ну, что, какъ дѣла?

Съ этими вопросами онъ обратился ко мнѣ, какъ привыкъ обращаться всегда. «Какъ дѣла» должно было означать, какъ идутъ мои учебныя занятія, и хотя въ этомъ вопросѣ не было ничего такого, что бы могло меня задѣвать, но я не любилъ, когда Биндеръ спрашивалъ, какъ вообще не любилъ самого Биндера.

Между нами была, Богъ вѣсть когда и откуда явившаяся, неприязнь,—неприязнь десятилѣтняго мальчика къ взрослому человеку и обратно. Мнѣ все не нравилось въ Биндерѣ: его наружность (въ особенности глаза), его обыкновеніе держаться, говорить. Я никогда не могъ прямо взглянуть ему въ глаза и, странно, помнится, онъ тоже никогда не смотрѣлъ на меня прямо. Свою неприязнь ко мнѣ онъ скрадывалъ шуточками, вопросами: «какъ дѣла?»—говорилъ обо мнѣ во множественномъ числѣ: «мы сегодня не въ духѣ», «мы, кажется, недостаточно выспались» и проч. Я открыто показывалъ, что не люблю его, замолкалъ, когда онъ являлся, уходилъ въ другую комнату или на улицу, не отвѣчалъ на вопросы.

Дядя Павелъ не могъ этого не замѣтить и спрашивалъ, отчего я не люблю Биндера,—я отпалчивался, да и что могъ сказать, промѣ ничего не объясняющаго: «такъ»?

Я не отвѣтилъ на вопросъ Биндера, да онъ и не нуждался въ отвѣтѣ. Онъ сейчасъ же началъ болтать, перескакивая съ одного предмета на другой.

Вдругъ отецъ, все время ходившій по комнатѣ, остановился и началъ прислушиваться.

— Тише!—крикнулъ онъ,—тише всѣ!

Мы тоже насторожились. Свозвъ завыванія вѣтра мнѣ слышались отдаленные, слабые звуки, похожіе на перезвонъ бубенчиковъ.

— Бубенчики!—воскликнулъ отецъ, блѣднѣя и приближаясь къ окну.

— Да, какъ будто!—подтвердилъ дядя Павелъ.

Оба теперь стояли и смотрѣли другъ на друга. И какъ бы одна и та же мысль явилась у обоихъ, — оба подошли къ висѣ

шимъ на стѣнѣ полушубкамъ и начали ихъ надѣвать. Я замѣтилъ, какъ дрожали руки отца и какъ онъ путался, отыскивая рукава.

— Бубенчики означаютъ вѣсти, — замѣтилъ Биндеръ, — дурныя или хорошія только — вотъ вопросъ.

Онъ тоже былъ блѣденъ и растерянъ, но скорѣе всѣхъ накинулъ куртку и раньше другихъ очутился въ дверяхъ.

— Сидите смиренно, — сказалъ мнѣ и брату дядя Павелъ, — мы сейчасъ вернемся!

Не понимая, что могло случиться, я въ страхѣ подсѣлъ къ Ванѣ, который пересталъ играть и смотрѣлъ на меня испуганными глазами.

То, что намъ казалось звономъ бубенчиковъ, то яснѣе доносилось до насъ, то совершенно замирало, заглушаемое воемъ метели. Но вотъ эти звуки сдѣлались сильнѣе и отчетливѣе; теперь уже не могло быть сомнѣній, что это бубенчики. Вскорѣ къ ихъ перезвону присоединился лай собакъ.

У Вани сдѣлалось плачущее лицо и онъ плотнѣе придвинулся ко мнѣ.

— Я боюсь, — шепталъ онъ.

— Чего ты боишься?

— Не знаю.

Вдругъ у нашихъ оконъ совсѣмъ явственно прозвенѣли бубенчики въ послѣдній разъ и смолкли.

Послышались голоса, восклицанія, въ сѣняхъ хлопнула дверь, раздались шаги, дверь квартиры открылась и вошли отецъ съ дядей Павломъ. Сзади стояла закутанная въ платки, занесенная снѣгомъ женщина.

Но я сразу узналъ эту женщину. Сердце мое шибко забилося, что-то словно толкнуло меня, словно какой внутренней голосъ шепнулъ мнѣ: «Это твоя мама!»

— Мама! — крикнулъ я, — мама, это ты?

Въ одну минуту я очутился у ней на груди. Путаясь въ платкахъ, въ большой шубѣ, которая была на ней поверхъ шубки, я вскакалъ ея лица, рукъ, цѣловалъ ихъ, гладилъ, смѣялся и плакалъ въ стѣ. И она отвѣчала мнѣ такими же ласками, крѣпко сжимая ме я въ объятіяхъ.

Частупилъ минутный перерывъ и мама бросилась къ Ванѣ. Тотъ притворительно закричалъ и спрятался за спиною дяди Павла.

— Ваня! Сыночекъ! — звала мама. — Боже мой, онъ меня забылъ, не знаетъ!

рикъ не одолѣлъ самъ, вынулъ красный съ синими полосками фуляръ и принялся усиленно сморкаться.

Тотчасъ по уходѣ Головешкина пришелъ Биндеръ, кивнулъ мнѣ и, поздоровавшись съ мамой, небрежно развалился на стулѣ и задымилъ папиросой. Мнѣ показалось, что мама не то что не любить его, а какъ будто остерегается. Съ его приходомъ лицо ея сдѣлалось серьезнѣе и она какъ-то вся подтянулась.

— А я не успѣлъ поздравить васъ вчера съ прїѣздомъ, — сказалъ Биндеръ, — объ этомъ мнѣ напомнилъ Головешкинъ, котораго я встрѣтилъ сейчасъ. Навѣрное, приходилъ поздравить.

— Не знаю, съ чѣмъ тутъ поздравлять! — отвѣчала мама.

— Я бы васъ поздравилъ съ энергіей, съ силой воли, которую вы проявили, и, признаюсь, удивили всѣхъ.

— Даже васъ?

— Да, даже меня.

Онъ тоже удивлялся мамѣ, и это мнѣ было непрїятнѣе всего.

— Васъ, кажется, ничѣмъ не удивишь! — замѣтила мама.

— Ну, не скажите!

Онъ вдругъ взглянулъ на меня, и, притомъ, такъ, какъ будто предлагалъ удалиться, но я подстерегалъ, ловилъ каждое его слово, какое-то болѣзненное любопытство приковало меня къ моему мѣсту и я бы не ушелъ ни за что. Все-таки, я пошелъ на маленькую уступку и сдѣлалъ видъ, что читаю.

— Вы меня положительно удивили, — продолжалъ Биндеръ, — въ васъ выросъ характеръ.

— А вы этого не замѣчали?

— Раньше? Нѣтъ. Да и лицо у васъ какъ-то измѣнилось. Вы такъ стоите ко мнѣ, что трудно разглядѣть, но мнѣ показалось въ вашемъ лицѣ что-то новое.

— Вотъ какъ! — разсмѣялась мама и повернулась лицомъ прямо къ Биндеру. — Что же именно?

— Постоите.

Биндеръ долго смотрѣлъ на нее (я чувствовалъ, какъ дрожать мои пальцы, перевертывавшіе страницы), потомъ сказалъ:

— Ну, да, конечно, я не ошибся! У васъ сдѣлалось одухотворенное, осмысленное лицо!

— Благодарю васъ! Значить, раньше оно было бессмысленное?

— Я вовсе не хотѣлъ сказать этого, но что въ выраженіи вашего лица прибавилось мысли, и очень много, — это вѣрно. Посмотрите на насъ всѣхъ, посмотрите, какъ подъ влияніемъ одинокой,

лишенной всякихъ умственныхъ интересовъ жизни расплываются и тунѣютъ наши фізіономіи.

— Да,—усмѣхнулась мама,—напримѣръ, лицо мужа расплылось и отупѣло? Полноте!

— Его въ сторону! Я о немъ не говорю. Онъ просто болѣнъ и раскисъ.

— Чѣмъ онъ болѣнъ?

— Кто его знаетъ? Тоской по родинѣ... скучалъ безъ васъ. А, главное, киснетъ онъ ужасно.

Я ждалъ, что мама возмутится такимъ отзывомъ объ отцѣ,—отъ злости я не могъ глядѣть на Биндера,—но мама ничего не сказала. Неужели она была съ нимъ согласна?

— Словомъ, мы всё не годимся,—смягчилъ свой приговоръ Биндеръ,—но вы у насъ героиня!

Мама разсмѣялась. Какое удовольствіе могла ей доставлять беседа съ этимъ человѣкомъ? Я недоумѣвалъ, а что-то неестественное, напряженное, болѣзненное все больше и больше нарастало во мнѣ.

VIII.

Сонъ и дѣйствительность.

Затѣмъ все пошло по-старому, вошло въ свою колею, если не считать того обстоятельства, что вскорѣ на 'воротахъ нашего дома появилась синяя вывѣска, гласившая: «Акушерка и фельдшерица». Въ квартирѣ у насъ оказалась одна лишняя комната, получившая жалкое названіе «приемной». Сюда приходили къ мамѣ за врачебными совѣтами, здѣсь же былъ ея рабочій кабинетъ съ полкою книгъ, шкафчикомъ для лѣкарствъ, банокъ, стеклянокъ, бинтовъ и проч. Помнится, народу къ мамѣ ходило много, и она была занята съ утра до вечера. Но она нашла свое настоящее призваніе, самоотверженно отдалась ему, и больные полюбили свою «докторшу».

Въ часы, когда не было приѣма, кабинетъ мамы посѣщалъ Биндеръ. Онъ жаловался, что у него слишкомъ много свободного времени, и предлагалъ мамѣ свою помощь. Она заставляла его положить стеклянки, сшивать бинты, щипать корпию; онъ охотно продавливалъ все это, посмѣиваясь и болтая.

Такъ прошло два года. По мѣрѣ того, какъ мама все болѣе сблизилась съ Биндеромъ и слово «дружба» не разъ срывалось съ ея языка по отношенію къ этому человѣку,—росло мое глухое неудовольствіе по поводу ихъ близости. Когда Биндеръ съ обыкновенно

своею развязностью входилъ въ кабинетъ матери, я уже не оставался тамъ ни минуты долѣе, — уходилъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и съ мучительнымъ чувствомъ вражды къ ненавистному мнѣ человѣку. Теперь уже мать старалась меня удержать, но я всегда находилъ предлогъ, чтобъ удалиться. Биндеръ измѣнилъ свои отношенія ко мнѣ, пересталъ говорить свысока и во множественномъ числѣ, были случаи, когда онъ прямо какъ будто заискивалъ передъ мной, но это было еще хуже, это еще болѣе утвердило меня въ моемъ ужасномъ подозрѣннн.

— Мнѣ кажется, что ты не любишь Алексѣя Федоровича? Скажи, пожалуйста, за что? — спрашивала меня мать.

— Нѣтъ, это тебѣ такъ показалось, — отвѣчалъ я, — мнѣ не за что его ни любить, ни не любить.

— Ну, да, значить, ты его не любишь?

— Нельзя любить всѣхъ, какъ я люблю тебя, отца и Пазла. Да Биндеру отъ этого ни тепло, ни холодно.

— Но ты явно показываешь ему свое нерасположеніе.

Чтобъ избѣгнуть этого упрека, я старался насколько возможно не встрѣчаться съ Биндеромъ. Страсть къ охотѣ значительно помогла мнѣ въ этомъ. Какъ только я замѣчалъ на улицѣ Биндера, направлявшагося къ нашему дому, я бралъ ружье и черезъ дворъ уходилъ на «зады», а оттуда въ поле. Я искаживалъ десятки верстъ, все думая объ одномъ и томъ же: о сближеннн матери съ моимъ врагомъ. Во время этихъ скитаній мысль объ отцѣ не разъ приходила мнѣ голову, — я удивлялся его слѣпотѣ, негодовалъ на него и жалѣлъ. Мнѣ хотѣлось сойтись съ нимъ ближе, поговорить, узнать, что онъ думаетъ объ этомъ, и думаетъ ли онъ такъ же, какъ я, но отецъ сдѣлался совершенно недоступнымъ и раздражительнымъ до того, что съ нимъ нельзя было обмѣняться паромъ словъ. Я искалъ причины этой раздражительности и мнѣ казалось, что отецъ не такъ слѣпъ, какъ я думалъ, что и у него есть свои подозрѣннн. Но тогда гдѣ же исходъ? Чѣмъ все это кончится?

Наступила осень, а съ нею начался перелетъ птицъ. Я по дѣльнымъ днямъ и ночамъ пропадалъ на охотѣ, ночуя въ сторожкѣ лѣснига, на краю огромнаго, изобиловавшего дичью болота.

Старый отставной солдатъ Ильичъ жилъ бобылемъ и всегда былъ радъ, когда я его посѣщалъ. вмѣстѣ мы варили незатѣйливый ужинъ, сплошь и рядомъ состоявшій изъ одного картофеля съ хлѣбомъ, вмѣстѣ кипятили воду на таганѣ и заваривали чай, который я бралъ изъ дому, и, расположившись на ночлегъ, — я на лавкѣ, а онъ на печкѣ, — подолгу бесѣдовали объ охотѣ, солдатской

жизни, о разныхъ житейскихъ случаяхъ, очевидцемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ въ которыхъ бывалъ самъ Ильичъ.

Однажды, въ глубокія сумерки, я пришелъ къ Ильичу, обремененный добычей: въ мѣшки, замѣнявшемъ ягдташъ, лежало нѣсколько утокъ и паръ восемь болотной дичи. Старикъ сейчасъ же принялся разводить огонь, раздобылъ что-то вродѣ кострюли, и опциональ и очистилъ пару утокъ и черезъ часъ, не больше, мы наслаждались великолѣпнымъ ужиномъ. Поужинавъ, мы легли спать. Старикъ попробовалъ еще что-то рассказывать и я слышалъ, какъ на самомъ интересномъ мѣстѣ онъ захрапѣлъ. Я долго не могъ заснуть, — жирныя утки дали себя почувствовать, нѣсколько разъ вставалъ, пилъ чай, подумывалъ даже одѣться и выйти на воздухъ, и вдругъ, не знаю какъ, заснулъ.

Мнѣ приснилось что-то такое, что я, какъ будто, видѣлъ раньше во снѣ. Какая-то большая комната, и въ ней мать, растривавшая что-то въ ретортѣ. Она, видимо, старалась скрыть отъ меня свою работу, совершенно такъ же, какъ это было, будто бы, и раньше, и тоже старался показать, что не желаю знать, что она дѣлаетъ, но это я дѣлалъ только для нея, чтобъ усыпить ея подозрительность, а, въ сущности, я зналъ все, и задача моя заключалась въ томъ, чтобъ помѣшать ея намѣренію. И въ это же время мнѣ необходимо нужно было исполнить много, очень много дѣлъ. А, главное, что, по разнымъ обстоятельствамъ, я нивагъ не могъ предупредить отца, которому угрожала опасность. Я искалъ помощи у Озерина (обо всемъ этомъ, будто бы, было переговорено раньше), и онъ, къ моему удивленію и огорченію, отнесся ко всему равнодушно и такъ, какъ будто то, что должно было совершиться, было въ порядкѣ вещей и ничего нельзя было ни предотвратить, ни измѣнить. И вотъ на меня напало чувство ужасной, тоскливой беспомощности. Во мнѣ погасла вѣра въ людей. Я вдругъ очутился въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ и говорилъ горячо, убѣжденно самому себѣ, потому что кругомъ меня не было ни души. Я говорилъ: если она замышляетъ такое ужасное дѣло, а онъ, Павелъ, знаетъ, и равнодушно говорить, что остановить этого нельзя, что такъ нужно, — то гдѣ же тогда справедливость? И за что мы любимъ людей, когда каждый изъ нихъ, изъ самыхъ любимыхъ нами, сегодня, сейчасъ можетъ совершить злодѣяніе? И что это за таинственная сила, которая толкаетъ людей на преступленіе?

То, что я говорилъ самому себѣ только, и никто меня не слушалъ, еще болѣе усиливало мою тоску. Она росла, росла и окончилъ

лась страшными рыданіями, съ какими-то судорожными подергиваніями всего тѣла.

Я проснулся подъ впечатлѣніями этихъ рыданій, но они были только во снѣ, я тотчасъ же убѣдился въ этомъ, почувствовалъ, что глаза мои сухи, ощупалъ подушку и не ощутилъ на ней мокрыхъ пятенъ. Но сердце билось сильно и замирало.

Помню, какъ мнѣ стало стыдно своихъ сонныхъ рыданій. Проявленіе чрезмѣрной чувствительности и слезы не входили въ программу моего воспитанія. Я заглянулъ на печку. Ильичъ спалъ крѣпко, въ предохраненіе отъ утренняго холода натянувъ на голову край кафтана.

Только что разсвѣло, и въ сторожкѣ было, дѣйствительно, свѣжо. А, можетъ быть, у меня была нервная дрожь, я не знаю, только я чувствовалъ, какъ зубы мои стучали. Я живо развелъ огонь подъ таганомъ и поставилъ чайникъ съ остатками воды.

И, глядя на разыгравшійся подъ таганомъ огонь, грѣя руки, я припоминалъ подробности моего сна. Но подробностей сна, въ смыслѣ сценъ и фигуръ, собственно не было. Была мысль, нелѣпая, дикая мысль, которую сознаніе старалось окрасить въ живыя краски сна, обставить лицами, — словомъ, придать реальную форму жизни. Откуда же у меня явилась эта мысль? Вѣдь, не могла же она зародиться изъ ничего? Что дало поводъ возникновенію этой мысли? Конечно, то подозрѣніе, которое вотъ уже сколько лѣтъ мучило меня. Я говорю теперь, конечно, не такъ, какъ думалъ тогда, будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, форма была не та, но сущность моихъ размышленій была совершенно та же. И тогда я понималъ, что это, въ сущности, былъ не сонъ, — не естественный, обыкновенный сонъ, какимъ долженъ онъ быть у всякаго человѣка, — а мысль, дума, воплотившаяся въ такую невозможно уродливую форму.

Стараясь отвлечь свои мысли, я сталъ думать объ охотѣ и по-немногу увлекся до того, что забылъ свой сонъ.

Въ это время года былъ перелетъ гусей. «Хорошо бы свалить гуся, — думалъ я, заряжая ружье картечью, — мнѣ еще никогда не приходилось стрѣлять такую крупную дичь». Зная, что гуси очень осторожны и не подпускаютъ близко, я положилъ чуть ли не полуторный зарядъ пороха, крѣпко забилъ пыжи и, въ надеждѣ на удачу, вышелъ изъ сторожки въ то время, когда Ильичъ, разбуженный вознею съ ружьемъ, сѣлъ на своемъ ложѣ, зѣвалъ, крестился и охалъ.

Меня охватило холодною сыростью тумана. Туманъ низко висѣлъ надъ рѣкою и какъ завѣсой застилалъ море.

«Ну, теперь держи ухо остро, — подумалъ я, идя по болоту между громадными сѣрыми камнями и мшистыми кочками и направляясь къ широкому устью рѣки, сплошь заросшему камышомъ, — въ камышахъ, навѣрное, есть гуси!»

Я шелъ тихо, едва передвигая ноги, и ежеминутно останавливался, всматриваясь вдаль и прислушиваясь.

На морѣ туманъ уже начиналъ клубиться и тинуться вверхъ; то тутъ, то тамъ проблескивала свѣтлая полоска воды.

Вдругъ я увидѣлъ тонкое очертаніе мачты, потомъ парусъ, другой, третій. На минуту все закрылось туманомъ, но когда онъ, подобно громадной змѣѣ, свернулся кольцомъ и поднялся, я ясно увидѣлъ шкуну, на которой только что подняли паруса.

Я былъ на берегу и стоялъ за камнемъ. Мнѣ отлично видны были люди, которые суетились на бортѣ судна и махали руками по направленію къ рѣкѣ. Въ это время изъ рѣки въ свѣтлое пятно моря выплыла лодка, на которой были четыре человѣческія фигуры. Три фигуры усиленно гребли къ судну, которое, какъ призракъ, то показывалось, то исчезало въ туманѣ; четвертая, закутанная и напоминавшая женщину, сидѣла на кормѣ.

Въ одну минуту я забылъ охоту, гусей и все на свѣтѣ. Въ этихъ фигурахъ я не узналъ знакомыхъ мнѣ людей, — на такомъ разстояніи узнать было трудно, — но догадался, кто они.

Я вспомнилъ одно ничтожное обстоятельство, бывшее передъ отправленіемъ моимъ на охоту и сдѣлавшееся теперь очень важнымъ, — я вспомнилъ о маленькомъ совѣщаніи между отцомъ, Озеринимъ, Азямовымъ и Биндеромъ. Всѣ четверо имѣли таинственный видъ, говорили тихо, и когда я вошелъ въ комнату, какъ по командѣ замолкли. Повторяю, я не придавалъ этому разговору никакого значенія, но теперь туманъ, бывший въ моей головѣ, какъ этотъ туманъ на морѣ, сталъ разъясняться, и къ тому времени, когда я, быстро переходя отъ одного камня къ другому и старательно прячась за каждымъ, приблизился къ лодкѣ на разстояніи 150—100 шаговъ, разъяснился совершенно.

Лица мнѣ были неясны, но я по фигурамъ, по движеніямъ у насъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ и, помню, меня страшно поразило то обстоятельство, что отца здѣсь не было. Отца не было, а мать была, — я угадалъ ее въ той закутанной женщинѣ, которая сидѣла на кормѣ. Слѣдующимъ послѣ нея сидѣлъ Озеринъ, потомъ Азямовъ; оба ровно, не спѣша работали веслами и только они и по-

двигали лодку; Биндеръ, сидѣвшій ближе къ носу и въ отчаянной торопливости бившій не впопадъ веслами по водѣ, только мѣшалъ. Онъ это чувствовалъ самъ, потому что бросилъ весла, какъ обезьяна вскочилъ на носъ и, повернувшись къ шкунѣ, размахивая руками, началъ что-то кричать.

Со шкуны послышался медленный, ровный грохотъ цѣпей. Поднимали якорь. Однако, отсутствіе вѣтра помогало сидѣвшимъ въ лодкѣ: шкуна почти не двигалась и лодка замѣтно настигала ее. Какой-то человекъ съ борта (я былъ убѣжденъ, что это былъ нашъ старый знакомый англичанинъ) крикнулъ по направленію къ лодкѣ какое-то односложное слово. Биндеръ забросалъ его непонятными восклицаніями. Лодка была близка къ борту шкуны; оттуда матросъ ловко кинулъ въ нее канатъ, Биндеръ судорожно схватилъ его, какъ-то подобралъ подъ себя и лодка приблизилась къ спущенному трапу.

Не помню, не могу отдать себѣ отчета, какъ это случилось, что руководило мною, но я поднялъ ружье въ уровень сидѣвшихъ въ лодкѣ и ждалъ. Руки мои дрожали.

Чего я ждалъ? Да, я это знаю и могу сказать. Я ждалъ, что станетъ дѣлать мать. Она встала, прошла черезъ всю лодку, — Озеринъ и Азямовъ дали ей дорогу, прижавшись къ бортамъ, — и приблизилась къ Биндеру.

Ахъ, все это было дѣломъ одной минуты, и меньше, чѣмъ одной минуты достаточно было, чтобы спустить курокъ ружья, наведеннаго *на мою мать*. Я смотрѣлъ, я жадно смотрѣлъ, что она будетъ дѣлать, я подстерегалъ каждое ея движеніе, каждый жестъ, только ее одну я и видѣлъ въ лодкѣ, остальныхъ какъ бы не существовало.

Она протянула руку Биндеру, онъ схватилъ ее, прильнулъ къ ней губами, потомъ, не то съ отчаяніемъ, не то съ рѣшимостью, взмахнулъ руками, повернулся и, какъ кошка, вскарабкался по трапу на судно.

Лодка вдругъ отдѣлилась отъ шкуны. На кормѣ, попрежнему, сидѣла мать. Но затѣмъ я уже больше ничего не видѣлъ. Кто-то, какъ будто стоявшій около меня, издалъ какой-то мучительный, страшный крикъ, ружье упало на песокъ и я, въ конвульсивныхъ рыданіяхъ, прямо лицомъ, тоже упалъ на песокъ...

Страхъ, паническій страхъ того, что я, за минуту передъ тѣмъ готовъ былъ сдѣлать, охватилъ и заледенилъ мою душу. Нестроною толпой въ головѣ пробѣгали мысли... «Теперь все кончено. Я проклялъ самого себя! Я никому, никому не могу показаться. и не покажусь! Вотъ сейчасъ съ этого мѣста я пойду и буду и

ти, идти, пока не упаду и не умру отъ истощенія! Домой нѣтъ возврата!»

Возбужденіе прошло. Я поднялъ голову отъ земли, приподнялся самъ, сѣлъ и взглянулъ на море. Туманъ прошелъ, но было сѣренькое, пасмурное утро. Шкуна ушла далеко; ея три паруса казались не больше крыла чайки, а самое судно превратилось въ маленькую точку.

Съ берега рѣки, отъ камышей, широко шагая, ко мнѣ приближался человекъ. Я тотчасъ узналъ въ немъ Озерина. У меня мелькнула мысль встать и бѣжать въ другую сторону, но ноги не повиновались мнѣ и я чувствовалъ себя теперь такимъ слабымъ, такимъ жалкимъ, что у меня духу не хватало уйти.

Весь въ грязи, въ поту, задыхаясь, ко мнѣ подошелъ Озеринъ.

— Что съ тобою?—отрывисто и съ дрожью въ голосѣ спросилъ онъ.—Ты раненъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, отворачиваясь.

— Что же съ тобою? Встань!

Я всталъ и тотчасъ же сѣлъ на выступъ ближайшаго камня.

— Ну?

Озеринъ пытливо и съ тревогой заглядывалъ мнѣ въ глаза.

— Ничего... ничего...—бормotalъ я.

— Какъ ничего? Я съ лодки слышалъ твой крикъ... мы всё слышали. Мама не нравятся твои хожденія на охоту.

— Мама! — съ горечью воскликнулъ я. — А мнѣ... а я... развѣ...

Мнѣ сжало спазмами горло, но я сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе и спросилъ:

— Зачѣмъ вы были на лодкѣ? И мама тоже...

— Мы провожали Алешу.

— А отецъ?

— Онъ не поѣхалъ.

Дѣло, повидимому, разъяснялось просто. Но это было такъ только по фактамъ: собрались проводить въ далекій нуть товарища, всё и поѣхали. Въ сущности же, и Озеринъ зналъ, что это не совсѣмъ такъ, и меня подозрѣвалъ въ томъ, что я знаю, что это и совсѣмъ такъ.

— Да ты это что? — спросилъ онъ вдругъ.— Николай, будь и брeненъ, какъ всегда, скажи всю правду!

— А то!—воскликнулъ я вдругъ, и теперь не помню, какъ это и ожиданно случилось, что я крикнулъ.—Я его ненавижу, ненавижу давно и если бы... если бы не... я бы его убилъ, да, убилъ!

— За что, за что, Николай?

— А, ты думаешь я ничего не замѣчалъ, не понималъ?— закричалъ я и почувствовалъ, какъ будто у меня что оборвалось внутри,—сдѣлалось и больно, и какъ будто свободно все, все теперь рассказать,—не замѣчалъ, что она... ближе къ нему, внимательнѣе, чѣмъ къ отцу? Ты, вѣдь, знаешь, что она съ отцомъ почти не говоритъ! Ты знаешь это! Ты видишь, какъ она на него смотритъ! За то она съ тѣмъ всегда и весела, и разговорчива, они сдѣлались близкими друзьями! Она скучаетъ,—я это вижу, какъ она скучаетъ, когда тотъ не приходитъ... какъ она ждетъ...

— Ну, хорошо, довольно! — прервалъ Озеринъ.—Ты все сказалъ, и я понимаю, что тебя мучитъ. Ты развить, ты все понимаешь, но понимаешь какъ четырнадцатилѣтній мальчикъ. Самъ-то ты, вѣдь, еще никогда никого не любилъ, и не дай тебѣ Господь въ будущемъ полюбить при такихъ обстоятельствахъ. А, между тѣмъ, любовь не разбираетъ. И ты можешь очутиться въ положеніи Биндера. И тогда какъ бы ты поступилъ? Этого ты не можешь сказать, и ни я, никто — не пророки, не можемъ этого знать. Но дай Богъ, все-таки, чтобы ты поступилъ такъ, какъ они. Биндеръ уѣхалъ навсегда,—ни писемъ, ничего, никакого извѣстія о немъ не будетъ, мы никто ничего не будемъ о немъ знать,—это рѣшено всѣми нами. Онъ умеръ,—понимаешь?—для насъ, для всѣхъ, онъ умеръ! Если бы ты убилъ его изъ этого ружья (я вздрогнулъ,—мнѣ вазалось, что Озеринъ угадалъ мои намѣренія, но теперь я думаю, что это просто совпало), ты бы не сдѣлалъ лучше. Оставшись живымъ, все-таки, онъ сдѣлаетъ то, что нужно, принесетъ пользу людямъ. Но для насъ его нѣтъ и больше не будетъ. Мама останется тою же, какою была. У ней страшная сила воли, и если она рѣшилась тогда на разлуку съ вами, то, повѣрь, съумѣетъ задумать, погасить въ себѣ все. И она сдѣлаетъ это ради тебя и брата. Ты видишь, все теперь кончено! А время сотреть и послѣдніе слѣды воспоминаній. Боже мой, чего только не въ состояніи забыть человекъ!

Въ послѣднихъ словахъ Озерина зазвучала такая грустная нотка, что мнѣ вдругъ вспомнилась его любовь къ Софьѣ Алексѣевнѣ, эта несчастная, больная любовь, такъ жестоко прерванная смертью любимого человека.

— Оставь, Николай,—продолжалъ Озеринъ, дружески беря меня подъ руку и отводя отъ моря,—бросимъ объ этомъ думать говорить! И, ради Бога, не возбуждай подозрѣній въ мамѣ. Попытайся хоть теперь, когда ей и такъ тяжело. Бери примѣръ съ о

да. Это — больной, измученный, извѣрившійся во все человѣкъ, и находить же онъ въ себѣ силы молчать и терпѣть. А ты? Передъ тобою вся жизнь впереди, твоя, твоя собственная жизнь, которую ты можешь устроить по-своему. Не забывай только одного: есть вещи, съ которыми нельзя бороться, которыя, какъ гидры, — отрубивъ одну голову, выростетъ другая, — и которыя проходятъ сами собою, если ихъ только не бередить, не трогать. Пройдутъ и забудутся, и все пройдетъ, все забудется. Не забывается только добро и снисхожденіе къ человѣку!

IX.

Дядя Павелъ уѣзжаетъ.

Но во мнѣ долго еще клокотало и рвалось наружу эгоистическое чувство, долго еще я не могъ смотрѣть матери прямо въ глаза и отношенія наши сдѣлались холодными навсегда. Замѣчательно, что и съ отцомъ я былъ также холоденъ. Я и жалѣлъ его, и возмущался его безволіемъ, слабостью. Но еще замѣчательнѣе, что у меня явилось охлажденіе даже къ Озерину. Теперь это былъ уже не тотъ дядя Павелъ, милый, честный, откровенный, — не тотъ человѣкъ, который училъ меня никогда не лгать, не гнуть шеи передъ обстоятельствами, не идти на сдѣлки съ совѣстью, — нѣтъ, это былъ, какъ мнѣ казалось, *такой же, какъ всѣ*, у котораго, также какъ у всѣхъ, слово расходилось съ дѣломъ. Мнѣ припоминалась Софья Алексѣевна и я ставилъ ему въ вину его любовь къ ней. Въ томъ ореолѣ мужества, презрѣнія къ личному счастью, въ какомъ рисовался мнѣ дядя Павелъ, я не узнавалъ теперешняго Озерина, имѣвшаго общія людскія слабости и даже глывшаго, — да, глывшаго, потому что то, что случилось въ осеннее утро на берегу моря, была ложь еще болѣе позорная оттого, что это была общая ложь. Не лгаль только одинъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ былъ мой давнишній недругъ — Биндеръ. Я думалъ, что стоить этому человѣку уѣхать, и я его съ отрадой забуду, но вышло наоборотъ: не было дня, чтобъ я его не вспомнилъ. Утромъ на охотѣ, вечеромъ на лодкѣ, на которой я выѣзжалъ далеко въ море, Биндеръ внезапно вставалъ въ моей памяти, какъ живой, съ его бойкой «винушкой», съ блестящими черными глазками, съ его ищливою улыбкой и рѣзко звенящею пѣснейю.

Подъ полными парусами, ныряя въ волнахъ, то разрѣзая ихъ своимъ острымъ носомъ, то взлетая на сѣдые гребни, лодка моя летѣла въ сизую, невѣдомую даль, а я, припавъ къ рулю, поло-

живъ на него обѣ руки, а на нихъ голову, мечтаю о далекихъ, чуждыхъ странахъ. Туда бы направить свою лодку, пожить, узнать, что тамъ? Тамъ, говорятъ, другіе люди, другіе нравы, другая жизнь,—можетъ быть, тамъ я найду то, чего недостаетъ мнѣ здѣсь?

А мнѣ такъ хочется живой, кипучей дѣятельности, такъ хочется работать надъ какимъ-нибудь большимъ, большимъ общими дѣломъ. Гдѣ оно, это дѣло? Гдѣ, въ нашей убогой сѣреньгой жизни мертваго городка, та искомая мною *правда*, за которую не жаль отдать всего себя навсегда?...

Я задалъ этотъ вопросъ Озерину, когда мы съ нимъ гуляли въ лѣсу, какъ разъ наканунѣ его отъѣзда на мѣсто учителя. Онъ остановился, пристально посмотрѣлъ на меня и, продолжая идти, отвѣчалъ:

— Въ твои годы это естественно. Я также искалъ *какого-нибудь* большого дѣла, но...

— Не нашли?

— Не то. Только видишь ли что: большія дѣла совершаются или очень большими людьми, или большинствомъ, огромнымъ большинствомъ такъ называемыхъ среднихъ людей, вотъ какъ мы. Въ послѣднемъ случаѣ чаще всего. Затѣмъ должна же быть и почва, на которой стануть дѣйствовать эти люди, необходимо воспріятіе. На камнѣ не растетъ рожь.

— Ну, и что же? Значить...— перебилъ я.

— Значить, сперва нужно воздѣлать почву. Это огромный трудъ. Его хватить на нѣсколько поколѣній людей.

— И ты всегда такъ думалъ?

Онъ въ раздумьи покачалъ головой.

— Нѣтъ. Въ томъ-то и сила, что нѣтъ. Это убѣжденіе явилось у меня здѣсь. Вотъ я и стану работать потихоньку да помаленьку.

— Зачѣмъ же такой трудъ? Вѣдь, ты, все равно, не увидишь самъ пользы отъ своего труда.

— Отчего? Кое-что увижу. Съ меня и того довольно.

— А не лучше ли было бы уѣхать, вотъ какъ Биндеръ?

— У Биндера нѣтъ родины,—тихо отвѣчалъ Озеринъ и замолчалъ надолго.

Мы вышли на открытую поляну. Прямо неясными силуэтами растянута городскія строенія, замыкавшіяся рядами высокаго зданій лѣсопильныхъ заводовъ, направо, фіолетовою полоской сливаясь съ горизонтомъ, какъ расплавленная сталь, сверкало море. Солнце закатывалось, легкія, недвижно стоявшія въ небѣ облака были окрашены въ розовый цвѣтъ. Оставшіяся позади насъ лѣ

потемнѣлъ и словно нахмурился. Мы шли около часу, Озеринъ впереди, я немного поодаль. Солнце закатилось, надвинулись легкія сѣверныя сумерки. Дорога, бѣлая отъ пыли, придорожныя поля, болотины, осока на нихъ и кусты, точно тончайшею кисеей, задерживались туманомъ.

Въ этомъ туманѣ я видѣлъ фигуру шедшаго впереди дяди Павла, и мнѣ казалось, что фигура его растетъ, увеличивается и все удаляется, удаляется отъ меня мой учитель, ставшій мнѣ теперь вдругъ особенно дорогимъ, мой лучшій другъ и союзникъ по духу, удаляется Богъ вѣсть куда, въ какую-то невѣдомую, страшную мглу...

Онъ уѣхалъ утромъ рано. Онъ какъ будто избѣгалъ проводовъ, нарочно никому, кромѣ насъ, не сообщивъ о своемъ отъѣздѣ, какъ будто боялся, что люди, которые его знали и любили, — а такихъ было много въ городѣ, — соберутся около его повозки и ему будетъ тяжело съ ними прощаться. Но, все-таки, объ его отъѣздѣ узнали и пришли. Его комната едва могла вмѣстить желавшихъ проститься съ нимъ и каждый наперерывъ старался подойти и пожать ему руку.

Ямщикъ внесъ въ повозку его маленькій чемоданъ. Онъ поцѣловался съ отцомъ, матерью, со всѣми, кто тутъ находился, поцѣловалъ брата Ваню, который плакалъ навзрыдъ, и, крѣпко жавъ мою руку, сказалъ:

— Что мнѣ тебѣ пожелать на прощанье, Николай? Въ тебѣ много силъ, старайся не растерять ихъ напрасно. Будутъ у тебя и увлеченія, и разочарованія, и упадокъ духа, но настоящія силы отъ этого только крѣпнуть. Немножко я здѣсь раскисъ, — ну, а теперь, авось, встряхнусь! Вѣришь, что встряхнусь?

— Вѣрю! — взволнованно и съ убѣжденіемъ воскликнулъ я.

— Ну, и спасибо!

Онъ вскочилъ въ повозку, ямщикъ взмахнулъ возжами, пара малорослыхъ почтовыхъ лошадей дружно рванула и вскорѣ телѣжка и дядя Павелъ, безпрестанно оборачивавшійся и махавшій шапкой, исчезли въ облакъ пыли.

Въ тотъ же день, безцѣльно шатаясь по окрестностямъ, я заблудился на кладбище и, не знаю какъ, очутился у могилы Софьи Алексеевны. За бѣлымъ крестомъ съ короткою черною надписью выростала молодая, аршина въ два березка. Ея круглыя, ярко-зеленые листья весело трепетали на солнцѣ; эта березка словно олицетворяла собой вѣчно смѣющуюся, жизнерадостную молодость. Другая

молодость, но грустная, задумчивая, мучившаяся надъ разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, сама замученная людьми и обстоятельствами, была похоронена подъ этою березой. Что - то было странное и страшное въ судьбѣ Софьи Алексѣевны. Стоя надъ ея могилой, просшей скромными полевыми цвѣтами, я скорбѣлъ о томъ, что въ моей жизни эта дѣвушка прошла какимъ-то случайнымъ, незамѣтнымъ явленіемъ, что я такъ мало обращалъ на нее вниманія, что не узналъ о ней ничего, не запомнилъ ни въ ней, ни на ней ничего, кромѣ того, что она была всегда грустна, кашляла и держалась за края платка худыми, блѣдными руками. Есть люди, чуждые намъ, пожалуй, вовсе даже для насъ не интересные и, однако, надъ судьбой которыхъ задумаешься и думаешь долго. Такимъ человекомъ была для меня Софья Алексѣевна; вѣдь, я же ее не зналъ вовсе, а, между тѣмъ, я все сидѣлъ надъ ея могилой и думалъ объ этой дѣвушкѣ, думалъ безъ конца. Надвигались сумерки, деревья слегка шумѣли своими верхушками, словно перешептывались бѣлые кресты, — множество простыхъ бѣлыхъ крестовъ, — тутъ и тамъ неподвижно вырѣзывались въ зелени кустовъ, молча храня подъ собой угасшія жизни тѣхъ, кто подъ ними лежалъ. Въ каждой такой жизни были страсти, надежды, были радости, страданія, тайны, — и все замолкло на вѣки, какъ эти кресты.

И тяжела, и страшна была для меня мысль, что наступитъ пора, когда кончится и моя жизнь, такъ же бессмысленно и бесполезно проидеть, какъ жизнь этихъ людей.

«Но для меня еще рано! — въ утѣшеніе себѣ думалъ я, обходя кладбище и постепенно приближаясь къ выходу. — Я молодъ, здоровъ, успѣю еще сдѣлать то, что мнѣ нужно!»

Х.

Я подвожу итоги моей жизни.

И я добился, наконецъ, отъ самого себя, что мнѣ было нужно придя къ заключенію, что мнѣ необходимо изучить механику. Конечно, это было только одно изъ средствъ, самыхъ главныхъ къ достиженію цѣли. Кое-какія руководства у меня были, но этого было недостаточно. Я сталъ спрашивать, разыскивать по всему городу и у одного чиновника, учившагося когда-то въ технологическомъ институтѣ, нашелъ старую нѣмецкую книжку. Этотъ же чиновникъ сказалъ мнѣ, что лучшія работы по механикѣ — на нѣмецкомъ языкѣ. Это натолкнуло меня на мысль изучить, хотя те-

оретически, нѣмецкій и французскій языки. Я принялся за дѣло усердно и въ теченіе года овладѣлъ обоими языками настолько, что могъ свободно читать книги. Бѣ сожалѣнію, негдѣ было достать книгъ, такъ какъ не было во всемъ городѣ ни одной механической мастерской, за исключеніемъ слесарной, содержавшейся самоучкой-евреемъ. Дрянной городишко на каждомъ шагу ставилъ мнѣ препятствія къ достиженію цѣли, и я надумалъ покинуть его.

Когда я объявилъ отцу о своемъ намѣреніи ѣхать въ Швецію, онъ ничего не сказалъ мнѣ, но я замѣтилъ, что мысль моя ему не понравилась. Мать, наоборотъ, — какъ я, впрочемъ, и ожидалъ, — отнеслась сочувственно.

— Всѣ разѣзжаются, — однажды за чаемъ ворчалъ отецъ. — Ваня подростетъ и тоже надумаетъ куда-нибудь.

— Что-жь, и отлично, — отвѣчала мать, — обоимъ нечего тутъ дѣлать.

— Ну, конечно! Пожалуй, и ты куда-нибудь соберешься!

— Я-то ужъ никуда не соберусь. Я нашла свое дѣло, — возразила мать. — А еслибъ и хотѣла, такъ меня отсюда не выпустятъ. Одна на весь городъ.

— Не понимаю я этихъ стремленій! — воскликнулъ отецъ. — Куда-то стремятся, уѣзжаютъ... Зачѣмъ? Какъ будто и тамъ не то же, что здѣсь. Вездѣ люди изнываютъ въ работѣ изъ-за куска хлѣба, вездѣ свѣрво и скучно. По-моему, такъ тамъ еще хуже. Тамъ людей дразнятъ!

— Какъ дразнятъ? Бто?

— Да вонъ эти самые буржуа, собственники, и тѣ, которые не сѣютъ, не жнутъ, а сыты бываютъ!

— Говоришь, дразнятъ? Бого же?

— Рабочаго человѣка. Онъ съ голоду пухнетъ, въ подвалахъ, да на чердакахъ гнѣетъ, а эти разодѣнуты, да изъ своихъ отелей на кровныхъ лошадахъ съ лакеями выѣзжаютъ и катаются по городу. По-моему, тутъ у насъ не въ примѣръ лучше: съ голоду мы не околѣваемъ, но и жиру не наживаемъ. Тутъ у насъ всѣ равны, всѣ одинаково, по-свински живутъ. Другой поморъ — богачъ, тысячникъ, а мапялитъ на себя поддевку, сапоги бураками, и ворвань отъ него за версту пахнетъ. Видишь, что этотъ человѣкъ — свинья, ну, и мы ипшся съ его тысячами, — чортъ съ тобой! Только смѣшно станеть!

Насталъ день и моего отъѣзда. Такъ же, какъ Биндеръ, я долженъ былъ ѣхать на купеческомъ суднѣ. Багажъ мой былъ скромный:

нѣсколько паръ бѣлья, пиджачная пара, книги, — все разбѣстилось въ маленькомъ, потертомъ чемоданчикѣ. Корабль долженъ былъ тронуться въ путь ночью, и я отговорилъ отъ проводовъ отца и мать, сославшись на неудобство ночного плаванія по рѣкѣ. Сопровождалъ меня Азямовъ, который долженъ былъ пригнать лодку обратно. Мы оба сѣли на весла и лодка быстро отошла отъ берега, съ котораго три темныя фигуры, отецъ, мать и Ваня, долго махали намъ платками. Мнѣ было грустно расставаться съ ними, только теперь, когда берегъ все отдалялся и отдалялся отъ меня, я понялъ, что не легко покидать своихъ близкихъ, не легко вылетать изъ гнѣзда. Но я вѣрнулся. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и я пересталъ бы считать себя мужчиной, еслибы обнаружилъ несвойственную мнѣ слабость.

Азямовъ молчалъ. Можетъ быть, онъ припоминалъ, какъ на этой же лодкѣ, два года тому назадъ, везъ Биндера, котораго онъ, насколько я могъ замѣтить, очень любилъ, можетъ быть, думалъ то же, что отецъ, что вотъ всѣ разлѣзжаются и изъ цѣлаго общества останется два-три человекъ. Азямова я любилъ по воспоминаніямъ дѣтства, хотя никогда не былъ къ нему особенно близокъ, теперь же мнѣ и съ нимъ было жаль расставаться.

— Ты будешь мнѣ писать?—спросилъ я.

— Конечно, буду!—отвѣчалъ онъ.

— Обо всемъ, обо всемъ, пожалуйста, пиши!

Я хотѣлъ просить, чтобъ онъ почаще захаживалъ къ намъ, ближе былъ бы къ отцу, отвлекалъ бы его отъ мрачныхъ мыслей, но все это показалось мнѣ лишнимъ, и я замолчалъ.

Когда мы подплыли къ судну, Азямовъ поднялся во весь ростъ, вѣжливо обнялъ меня и мы поцѣловались. Затѣмъ съ борта судна я видѣлъ, какъ лодка повернула назадъ, какъ согнувшаяся въ ней большая, темная фигура мѣрно ударяла веслами по водѣ: разъ—два, разъ—два, лодка и фигура исчезли въ бѣловатомъ туманѣ ночи.

Въ такой же туманъ, болѣе широкій, густой, пахнувшій морскими водорослями, двинулся нашъ корабль. Не наши, не русскія лица, не наши рѣчи напомнили мнѣ, что я теперь отрѣзанный ломоть и, худо ли, хорошо ли, а нужно начинать новую жизнь.

Мнѣ остается досказать немного. И не о томъ, какъ и что чувствовалъ «отрѣзанный ломоть», какъ и какую новую жизнь началъ онъ на чужбинѣ, — все это когда-нибудь будетъ рассказано мною особо, я хочу сказать, какъ чувствуетъ себя этотъ «отрѣзанный ломоть» теперь, въ началѣ неизбежнаго для всѣхъ и съ

жонца, сидящій въ спокойной пристани и окруженный подроставшею семьей.

Я чувствую себя одинокимъ, не всегда, но часто и съ каждымъ годомъ все чаще и чаще. Да, я чувствую себя одинокимъ! Частичка моего «я», воплощенная въ моихъ дѣтяхъ, не есть весь я. Кое-чѣмъ я поступилъ ради современныхъ убѣжденій молодежи, хотя иного, ради чего я поступилъ, я не совсѣмъ понимаю, а иному прямо-таки не сочувствую. Но я далека, сохрани меня Богъ, отъ какихъ бы то ни было обвиненій! Я думаю, что это тотъ же, вѣчно старый и вѣчно юный вопросъ объ «отцахъ и дѣтяхъ». Пусть его рѣшаетъ тотъ, кто сильнѣе меня, мнѣ же кажется, что и разрѣшать его не слѣдуетъ,—придетъ время, и онъ разрѣшится самъ.

Намъ остается одно—оглядываться на прошлое, наше хорошее, свѣтлое прошлое.

И я часто оглядываюсь назадъ, на пройденное поприще моей жизни, полное несбывшихся надеждъ, полное исканія и ненахожденія настоящей правды, я всматриваюсь въ туманную даль моего прошлаго и вижу тамъ образы близкихъ, дорогихъ мнѣ людей.

Яснѣе и отчетливѣе всѣхъ выступаетъ передо мной фигура моего учителя, положившаго прочную основу моему нравственному воспитанію, и мнѣ кажется, что вотъ онъ, какъ живой, стоитъ передо мною, мнѣ кажется, что я еще слышу звуки его рѣчей...

Въ минуты одинокихъ мечтаній вспоминается мнѣ и тотъ отдаленный, Богомъ обиженный край, гдѣ протекла моя юность, рисуется передо мною унылый, сѣверный городокъ, съ его убогими, деревянными домишками, бѣлою церковью и раскинувшимися вокругъ лѣсопильными заводами, рисуется каменистая рѣчка, густой черной лѣсъ, просторы полей и безграничное, бушующее море, по которому, распустивъ паруса, несется корабль, уносящій къ чуждымъ берегамъ полнаго силъ и желанія борьбы шестнадцатилѣтняго юношу. Видится мнѣ и другой борецъ, ловкій и опытный, безукоризненный рыцарь чести, умершій для всѣхъ близкихъ и живой для чуждыхъ ему людей, видится его добродушный сидѣнь-товарищъ, застрявшій навсегда въ этомъ сѣверномъ городишкѣ, постарѣвшій, но сохранившій ту же благородную отзывчивость къ нуждамъ и горю ближняго.

Рисуется мнѣ пріютившееся на краю города унылое, съ осыпавшимися могилами и покосившимися крестами, кладбище, на немъ могилы отца и матери и еще одна, могила той блѣдной мученицы-дѣвочки, судьба которой мнѣ теперь такъ ясна и понятна...

Въ длинныя зимніе вечера, когда я сижу въ отдаленномъ углу своей комнаты и смотрю на тлѣющіе въ печи угли, такъ часто рисуются мнѣ эти картины прошлаго. И тогда въ глубокой, облекающей меня вокругъ тишинѣ мнится мнѣ тихій шелестъ шаговъ, я ощущаю часто нѣжное, какъ вѣтерокъ, прикосновеніе, мнѣ слышится чей-то едва уловимый шепотъ. Я напрягаю слухъ, я— весь вниманіе, я стараюсь что-то услышать, что-то понять, и мнѣ кажется, что я, наконецъ, слышу и понимаю.

Да, я понимаю!

Они шепчуть:

— Пора, пора... къ намъ!...

И это правда.

Н. Баранцевичъ.

Г Р А Ф И Н Ю Ш К А.

(Этюдъ).

I.

Прадѣдъ, графъ Семень Ильичъ Подольскій, жилъ широко. Карты, вино, женщины пріятно наполняли его долголѣтнюю жизнь. Дѣдъ, Илья Семеновичъ, тоже пожилъ въ свое удовольствіе. Молодымъ, крѣпкимъ юношей вступилъ онъ въ сферу наслажденій и, въ силу богатства, пользовался наслажденіями безгранично. Двадцатипяти лѣтъ женился по страстной любви; три мѣсяца не зналъ другихъ утѣхъ, кромѣ утѣхъ гименея; черезъ три мѣсяца послѣ брака вернулся къ прежнему добрачному времяпрепровожденію; въ тридцать лѣтъ облысѣлъ; въ сорокъ пять — умеръ, заживо разлагаясь, какъ трупъ.

Единственный плодъ этого супружества, графъ Илья Ильичъ, воспитанный въ Парижѣ въ строгихъ религіозныхъ правилахъ чопорною незамужнею тетушкой, достигнувъ совершеннолѣтія, быстро и неудержимо ринулся по тому же пути, по которому шелъ отецъ. Только вкусы его были грубѣе отцовскихъ и вертепы, гдѣ онъ прожигалъ жизнь, низменнѣе вертеповъ, излюбленныхъ графомъ Ильею Семеновичемъ. Для удовлетворенія своихъ аппетитовъ графъ Илья Ильичъ не требовалъ обстановки.

Тетушка поспѣшила его женить на молоденькой дѣвушкѣ, дочери обѣднѣвшей дворянской четы, переселившейся изъ захолустья Сѣверской губерніи въ Парижъ ради артистическаго образованія ея единственнаго дѣтища. Театральные планы, мечты о славѣ заслонились графскою короной и несомнѣнно любящіе родители стойко овергли мольбы своей ненаглядной Юлиньки и благословили ее на бракъ съ молодымъ по годамъ, но изнуреннымъ тайными и явными путями графомъ.

Расчеты тетушки на возраженіе графа помощью добродѣтельной жены не оправдались. Жена графа Ильи Семеновича три мѣсяца владѣла разумомъ своего мужа, а когда онъ вернулся къ прерванному этими медовыми мѣсяцами времяпрепровожденію, она, въ свою очередь, закружилась въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій. Юлинька и трехъ дней не царила въ сердцѣ мужа. Онъ не измѣнилъ образа жизни и на ироническое поздравленіе собутыльниковъ со вступленіемъ въ законный бракъ и обладаніемъ красавицей-женой безразлично отвѣчалъ:

— Pouah! c'est bien fade, ma femme... Clair de lune... Bleu de ciel... Violette de Parme... Trop de vertu, ma parole... Un peu de piment ne gâterait rien...

Юлинька не послѣдовала примѣру блестящей и столь знаменитой въ свое время свекрови. Синіе глаза ея дѣлались все больше, все больше оттѣнялись круги подъ ними и взоръ этихъ глазъ принималъ неизмѣнно-недоумѣвающее, испуганное выраженіе.

Она не жаловалась, не плакала, но все точно не могла придти въ себя отъ того страшнаго потрясенія, которое она пережила, когда ее, юную, неопытную, невинную дѣвочку, оставили наединѣ съ тѣмъ, кого ей велѣли называть мужемъ.

Съ той поры нѣжно-розовыя щеки ея поблѣзли, глаза ввалились и, какъ тѣнь, безучастно скользила она по роскошнымъ комнатамъ своего дома, безучастно наряжалась въ кружева и бархаты, безучастно выѣзжала съ мужемъ или безъ него, куда ей, графинѣ Подольской, надлежало выѣзжать.

— Fade, bien fade, la jeune comtesse! Une petite roupée de cigre, — говорили въ обществѣ.

— Юлинька!... Онъ... не дурно обращается съ тобой? — спросила разъ мать, встревоженная апатичною наружностью нѣкогда веселой, рѣзвой дочери.

— О, нѣтъ, мама! Все прекрасно, — съ улыбкой возразила Юлинька.

Улыбка эта заставила мать похолодѣть и не одну ночь провела она безъ сна, терзаясь сознаніемъ непоправимой вины.

Съ точки зрѣнія свѣта несомнѣнно все было прекрасно. Молодая графиня пользовалась полною свободой. Графъ ее ни въ чемъ не стѣснялъ и самъ не стѣснялся. Супруги видѣлись на людяхъ, и то рѣдко, а когда тяжкая беременность принудила отказаться оъ официальныхъ выѣздовъ и на цѣлыя недѣли приговала къ кушеткѣ въ ея будуарѣ, они совсѣмъ перестали видѣться.

Невыносимыя физическія страданія переносила Юлинька, ю

мучительнѣе всего было то глухое, затаенное чувство вражды, которое она питала къ будущему младенцу, *его* младенцу. Она вся содрогалась при этой мысли и въ кроткихъ синихъ глазахъ загоралась ненависть, и маленькія руки злобно сжимались.

«Воспѣваютъ материнскую любовь!... Вздоръ! Никакой любви нѣтъ!... Все ложь, мерзость, гадость! Нельзя любить ребенка того человѣка, ниже, гаже, отвратительнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ!»

И стоя въ физической, не то нравственной боли вырывался у Юлиньки, и она въ отчаяніи ломала исхудалые пальцы, и съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, озиралась на изысканную обстановку будуара.

Но то были рѣдкія минуты страстнаго протеста противъ совершившагося факта. Большею же частью она безучастно проводила долгіе часы на кушеткѣ и покорно подчинялась предписаніямъ врача, совѣтамъ ухаживавшей за нею матери.

Рожденіе дочери чуть не лишило ее жизни. Неподвижно, безъ кровинки въ лицѣ, лежала она вся въ кружевахъ, напоминая болѣе чѣмъ когда-либо восковую куколку, и вѣки ея закрытыхъ глазъ не дрогнули, и блѣдныя губы не пошевельнулись, когда мать наклонилась надъ нею и радостно прошептала:

— Дочку Богъ далъ, Юлинька... Хочешь на нее взглянуть?

Отвѣта не послѣдовало.

«Пусть отдохнетъ, бѣдняжка!» — рѣшила про себя мать.

И Юлиньку оставили одну, и она лежала все такъ же неподвижно, мысленно моля, чтобы ей никого не показывали и не вынуждали проявлять чувства, котораго она не хочетъ, не можетъ имѣть. Какъ во снѣ слышала она осторожный шепотъ матери, подавленные голоса акушерки и врача, но, кромѣ полнаго изнеможенія, ничего не ощущала. Раздался слабый пискъ. Она насторожила слухъ и сердце ея забилось. Легкое движеніе началось около ея постели. Она невольно пошевельнулась. Тотчасъ же надъ нею нагнулась мать. Юлинька открыла глаза и, прежде чѣмъ она опомнилась, маленькое существо, завернутое въ батистъ и кружева, было положено съ ней рядомъ на подушку. Юлинька отвернулась, но что-то помимо воли заставило ее повернуть голову къ крошечному созданію, красное, безъоменное личико котораго утопало въ розовыхъ лентахъ кружевного чепца. Юлинька долго жадно всматривалась въ черты малютки.

— Мама, — сказала она слабымъ голосомъ, — она, кажется, не поюжа на... отца.

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшно вскрикнула мать. — Ты, ты... Выли ая, какъ ты была!

Юлинька не отводила глазъ отъ дѣвочки и вотъ что-то горячее, нежданное и неимоверно сладкое подступило къ ея сердцу. Она обвила рукою малютку и слезы потекли по ея блѣднымъ щекамъ.

— Бѣдная дѣвочка! — нѣжно прошептала она. — Бѣдная маленькая дѣвочка!

II.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Графъ Илья Ильичъ почти не покидаетъ Парижа, гдѣ онъ занимаетъ уже не роскошный hôtel, а средней руки garni. Средствъ у него стало меньше, потребности понизились, понизились и вкусы. Графиня давно живетъ съ дочкой и одряхлѣвшею тетушкой графа въ Россіи, близъ Петербурга, на дачѣ. Благодаря тетушкѣ, дача эта не продана за долги; благодаря тетушкѣ, Юлинька съ графинюшкой, какъ называли домашніе ея дочку, Нюту, продолжаетъ жить въ довольствѣ и даже роскоши.

Жителямъ петербургскихъ острововъ хорошо извѣстна дача графовъ Подольскихъ съ ея китайскими павильонами въ видѣ пагодъ, заканчивающимися съ боковъ вычурный фасадъ обширной постройки. Небольшой англійскій садъ, огороженный чугуною съ золоченою рѣзбой рѣшеткою, отдѣляетъ дачу отъ шоссе. Усыпанные краснымъ пескомъ дорожки обѣгаютъ вокругъ правильно расположенныхъ цвѣточныхъ клумбъ. Зеленныя кадки съ широколиственными растеніями стоятъ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга; посрединѣ сада возвышается зеркальный шаръ. Массивныя скамейки врѣзываются въ землю выгнутыми ножками на самый припекъ, показывая тѣмъ, что онѣ поставлены не столько для удобства, сколько для украшенія. Кадки, шаръ, скамьи уже давно стоятъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Проходитъ лѣто, наступаетъ другое, а проѣзжающіе мимо дачники видятъ все тѣ же правильно разбитыя клумбы, обвитыя красными дорожками, тѣ же кадки, шаръ, скамейки, сохраняющія неизмѣнный лоскъ новизны. Любопытные прохожіе, заглядывая въ садъ сквозь узорчатую рѣшетку, ничего, кромѣ шара, цвѣтовъ, скамеекъ, не видятъ. Никто на этихъ скамейкахъ не отдыхаетъ, никто не гуляетъ по дорожкамъ. Только рано утромъ и вечеромъ, послѣ заката солнца, прохожіи могутъ видѣть нѣкоторое движеніе въ этомъ образцовомъ по симметричности и порядку садикѣ. То садовникъ и его помощники обходятъ клумбы и поливаютъ растенія, а, поливъ ихъ, они замечаютъ на красномъ пескѣ свои слѣды, убираютъ опавшіе сухіе листья и удаляются.

Полузавѣшенные тяжелыми штофными драпировками окна, даже когда раскрываются настежь, представляют тоже мало интереснаго для любопытствующаго взора. Сверкнетъ кое-гдѣ золоченая рама картины, загорится солнечный лучъ въ хрустальной подвѣскѣ люстры или выступитъ внезапно кусокъ богатыхъ обоевъ—вотъ и все. Никто, кромѣ лакея, стирающаго пыль со старинной мебели, не показывается въ окнахъ. Въ парадныхъ гостиныхъ и залахъ царитъ безмолвіе днемъ, безмолвіе и мракъ—ночью. А въ былыя, прошедшія времена, когда покойной красавицѣ - графинѣ приходила фантазія провести мѣсяцъ, другой не за границей, а на своей петербургской дачѣ, то фасадъ этой дачи ежедневно, съ наступленіемъ сумерокъ, ярко освѣщался; многочисленные гости наполняли пустынные теперь комнаты; нарядныя дамы сидѣли на дорогой, теперь выпвѣтшей и тлѣющей мебели; смѣхъ и говоръ, звонъ бокаловъ и пѣніе оглашали далеко за полночь залитыя огнями безчисленныхъ люстръ и канделябръ стѣны. Но то было давно. Умолкли пѣсни, и смѣхъ, и говоръ; бальная музыка не тревожитъ болѣе сонъ сосѣдей, не тревожитъ ихъ больше и стукъ отъѣзжающихъ на зарѣ экипажей. Рѣзныя ворота рѣдко открываются, пропуская рѣдкихъ гостей, и величественный швейцаръ, посѣдѣвшій на службѣ графовъ Подольскихъ, можетъ по цѣлымъ часамъ безпрепятственно предаваться скорбнымъ думамъ о быломъ жизнерадостномъ бытѣ своихъ господъ.

Съ прибытіемъ дряхлой тетушки и Юлиньки съ графинюшкой домашняя жизнь сосредоточилась въ одномъ изъ китайскихъ павильоновъ, отдѣленномъ отъ парадныхъ покоевъ небольшимъ зимнимъ садомъ. Здѣсь нѣкогда жила знаменитая романтическими приключеніями бабушка графинюшки, здѣсь были ея личныя, изысканною роскошью отличающіяся комнаты, ея спальня, будуаръ, кабинетъ, изъ котораго дверь вела въ зимній садъ, и здѣсь же поселилась Юлинька съ дочкой своей Нютой.

Новыя лица, новыя рамки. Покойная графиня любила яркіе, блестящіе цвѣта, пурпуромъ затканые обои, пурпуромъ расцвѣченные ковры; любила отливы атласа и ліонскихъ шелковъ; любила яшму, малахитъ, ляписъ-лазурь, игру брилліантовъ и запахъ магнолій, трюфели и шампанское, итальянское пѣніе и пѣніе цыганъ. Юлинька ничего этого не любила. Яркіе обои она замѣнила обоями жемчужнаго цвѣта, тяжелыя пурпуровыя драпировки на окнахъ—бѣлыми кружевными занавѣсками; изгнала малахитовыя, яшмовыя столики, переливчато-атласныя подушки и пуфы, рояль Воzelot розоваго дерева и пурпуровый коверъ и водворила блѣд-

по-голубую мебель, затканный бѣлыми лиліями свѣтло-синій коверъ, піанино изъ чернаго дерева, надъ которымъ висѣли прекрасныя фотографіи Бетховена, Моцарта, Глинки; туманный пейзажъ Боро, вмѣсто чудесной копии Венеры Тиціана, а надъ письменнымъ столомъ—портретъ масляными красками графинюшки.

Вакханки, сатиры, нимфы, бездѣлушки, статуэтки, изображающія любовь, гнѣвную, пылкую, нѣжную, граціозную, смѣшную, исчезли вмѣстѣ съ запахомъ магнолій. Книжные шкафы изъ чернаго дерева явились замѣстителями художественныхъ украшеній и запахъ ириса носился въ обширной, широкой, просторной комнатѣ, полной свѣта, воздуха и пуританской чистоты.

— И здѣсь вы умудрились водворить свою fadeur!—извительно замѣтилъ графъ, пріѣхавшій однажды изъ Парижа послѣ продолжительнаго отсутствія взглянуть на дочь, а, главное, для того, чтобы выманить у одряхлѣвшей тетюшки нѣкую сумму денегъ.— Если бы татапа могла встать изъ гроба и поглядѣть на метаморфозу!... Parole d'honneur, on etouffe среди этихъ gris-perle, paleur, blancheur, fadeur... А, впрочемъ, je m'en moque!...

Юлія Сергѣевна, по обыкновенію, не возражала и, молча, обняла вбѣжавшую въ ту минуту дочку. Румяная, рослая дѣвочка обхватила одною рукой шею матери, а другую, милымъ, непосредственнымъ, дѣтскимъ движеніемъ, протянула отцу.

Безцвѣтные, жесткіе глаза графа смягчились.

— Voilà un beau brin de fille!—съ гордостью произнесъ онъ, удерживая руку дочери въ своей рукѣ.—И не въ обиду будь вамъ сказано, она напоминаетъ прадѣда, графа Семена Ильича... un faux air!... а съ другой стороны—вылитый портретъ бабушки... Меня это радуетъ... Очень, очень радуетъ... Нюта, ты хочешь походить на бабушку?

— Бабушка была красавица?—сказала дѣвочка.

— Еще какая красавица!... Но, кромѣ того, она была и занимательна... Absence de fadeur! и ее всѣ любили... Ты хочешь, чтобы тебя всѣ любили, Нюта?

— Хочу,—отвѣтила дѣвочка, переводя красивые, блестящіе глаза съ желтаго, изношеннаго лица отца на блѣдную, молчаливую мать.—Маму тоже всѣ любятъ,—прибавила она, прижимаясь къ матери.

— Конечно,—галантно согласился графъ.—Но... но бабушку любили иначе, совсѣмъ иначе... И она была счастлива, очень счастлива.

— Не всегда,—въ полголоса произнесла Юлія Сергѣевна.

— Pardon, всегда, пока была молода... А когда состарилась... Bon dieu!... Старость—бичъ хорошенькой женщины... Она тоже не могла съ нею помириться... Но и старѣясь, она не сдѣлалась fade... Она умѣла занять, развлечь, привлечь... Нюта, ты хочешь быть занимательной?

Нюта ничего не отвѣчала и только еще крѣпче прижалась къ матери.

Графъ ехидно усмѣхнулся, провелъ рукою по розовой щекѣ дочери и отправился на половину тетушки, гдѣ во время краткаго пребыванія у семейнаго очага онъ проводилъ большую часть дня.

III.

Графъ Илья Ильичъ навѣщалъ свою семью рѣдко, такъ рѣдко, что графинюшка, въ промежуткахъ этихъ вынужденныхъ денежными недочетами посѣщеній, успѣвала почти забыть о самомъ существованіи отца. Имя его никогда не произносилось графиней Юліей и даже старушка-тетушка, втайнѣ питавшая слабость къ своему недостойному племяннику, все меньше и рѣже о немъ говорила.

Графинюшка росла подъ опекой этой старой тетушки и кроткой, нѣжной, молодой еще матери, росла, пышно разцвѣтая, какъ розанъ. Въ двѣнадцать лѣтъ рослая, румяная дѣвочка съ длинною темною косой казалась младшею сестрой своей тоненькой, хрупкой, моложавой матери.

— Графинюшка-то скоро мамашу переростетъ, — говорили слуги.—И станомъ, и лицомъ въ покойную графиню вышла, — въ полголоса прибавляли они.

— Вылитый портретъ бабушки, — продолжалъ по приѣздѣ заявлять графъ въ присутствіи жены, не безъ злорадства улавливая каждый разъ тѣнь неудовольствія на ея лицѣ, но никогда не дерзая высказать это мнѣніе въ присутствіи тетушки, которая не терпѣла покойную невѣстку.

Нелегко было графу умолить въ этотъ свой приѣздъ тетушку. Долго не соглашалась она открыть завѣтную шкатулку. Но и стойкости бываетъ свой предѣлъ. Тетушка, наконецъ, вручила требуемую сумму со словами:

— Послѣдній разъ. Прошу это помнить, mon cher.

— Буду помнить, ma tante, — смиренно возразилъ племянникъ, и учтиво цѣлуя руки тетушки, и нѣсколько часовъ спустя былъ уже готовъ къ обратному отъѣзду въ Парижъ.

— Карета подана, ваше сіятельство, — доложилъ лакей.

Графъ, въ сбромъ дорожномъ костюмѣ съ сумгою черезъ плечо, сидѣлъ, въ ожиданіи этого заявленія, у жены. При словахъ лакея, онъ натянулъ на лѣвую руку перчатку, всталъ и приблизился къ Юліи Сергѣевнѣ.

— Желаю здравствовать, — сказалъ онъ, прикасаясь крашевыми усами къ ея рукѣ.

Онъ выпрямился, поправилъ жиденъіе волосы на вискахъ и обернулся къ дочери. Графинюшка сидѣла на коврѣ, обнявъ рукою Милорда, красиваго чернаго водолаза.

— *Ps fonts tableau!* — промолвилъ графъ. — *Un beau brin de fille, parole d'honneur!*... Нюта! *petite fille dénaturée!*... ты не хочешь проститься съ отцомъ, съ твоимъ любящимъ отцомъ! — патетически вскрикнулъ онъ.

Графинюшка подняла голову и серьезно взглянула на отца. Онъ протягивалъ къ ней руку. Нюта неохотно поднялась съ полу и подошла къ нему. Графъ взялъ дочку за подбородокъ.

— Ты будешь красавица, предсказываю тебѣ, и вся въ бабушку. Ненавистная кровь Подольскихъ перелилась въ нашу дочь, — съ короткимъ, неприятнымъ смѣхомъ прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Не получивъ отвѣта, онъ снова взглянулъ на дочь. Она осторожно высвободила подборокъ изъ его руки и темные глаза ея неподлбья недовѣрчиво остановились на бѣлесоватомъ лицѣ отца.

— Да, да, скоро, можетъ быть, я пройдуся въ мазуркѣ съ моею красавицей дочкой, — продолжалъ графъ и нагнулся поцѣловать дѣвочку.

Нюта опустила голову и такимъ образомъ уклонилась отъ поцѣлуя. Графу оставалось только поцѣловать ее въ темя.

— *Elle est bien dressée,* — саркастически произнесъ онъ.

Онъ натянулъ перчатку на правую руку, франтовато выпрямился и направился къ выходу, волоча правую ногу.

— Проводи папу, — въ полголоса приказала Юлія Сергѣевна.

— О, пожалуйста, — подхватилъ графъ, полуоборачиваясь, — безъ сантиментальностей! Я въ нихъ не нуждаюсь, совершенно и нуждаюсь.

Взглядъ его безцвѣтныхъ, холодныхъ глазъ снова остановилс на дѣвочкѣ, которая въ нерѣшимости стояла посреди комнаты.

— Подольская! вылитая Подольская! — замѣтилъ онъ. — Удивительно!... Судьба, графиня! Что дѣлать?

Онъ послалъ воздушный поцѣлуй Нютѣ и вышелъ, расклевывая на ходу свой дряблый станъ.

Дѣвочка обернулась къ матери, когда дверь за графомъ закрылась.

— Мама, — сказала она рѣшительно, — папа злой.

— Нюта! — слабо остановила ее Юлія Сергѣевна.

— Я не люблю его, — еще рѣшительнѣе добавила дѣвочка.

— Нельзя такъ говорить объ отцѣ, — тверже сказала Юлія Сергѣевна.

— Не люблю, — упрямо повторила Нюта. — Онъ тебя дразнить.

— Не говори о томъ, чего ты не понимаешь, — довольно строго замѣтила графиня.

— Отлично понимаю. Онъ насъ не любить.

Дѣвочка сердитыми глазами взглянула на мать.

Она круто повернулась на каблучкахъ и побѣжала къ выходной двери. Юлія Сергѣевна, подавленная непочтительною рѣзкостью дочки, молча проводила ее глазами.

Въ дверяхъ Нюта искоса и строптиво оглянулась на мать, какъ бы вызывая ее на строгость, но не строгій, карающій взглядъ встрѣтила она, а взглядъ, полный кроткаго укора. Слезы хлынули изъ глазъ Нюты. Она порывисто кинулась къ матери и обвила руками ея шею.

— Мамуся, я злая! Бѣдная мамуся!... Я тоже... Но зачѣмъ онъ сказалъ, что я Подольская... зачѣмъ?... Онъ хотѣлъ обидѣть тебя... Да... я знаю... Тебѣ было больно.

Она по-дѣтски громко всхлипывала, обливая слезами лицо и руки матери.

— Вовсе нѣтъ. Ты не поняла, — увѣряла графиня, обнимая дѣвочку и отирая ей платкомъ глаза.

— Ты не любишь Подольскихъ... Не любишь бабушу.

— Я ее не знала, не застала въ живыхъ.

— Но ты не любила бы ее?

— Почему? Она была умна.

— Но злая!

— Да, нѣтъ же, Нюта! Ты не понимаешь!

Нюта не настаивала. Она прижалась влажною щекой къ щекѣ матери и нѣкоторое время сидѣла на ручкѣ ея кресла совершенно не двигаясь.

— Отчего я на тебя не похожа? — проговорила она, наконецъ, съ торченіемъ.

Юлія Сергѣевна улыбнулась.

— Ты на меня похожа,—сказала она, лаская дѣвочку.

— Папа говорить, что на бабушку.

— Наружностью. Развѣ тебѣ не нравится бабушка?... Ты такъ часто смотришь на ея портретъ.

Нюта не отвѣчала. Страдальческое выраженіе выступило на ея лицѣ. Она сжала руками виски.

— Опять болить?—тревожно спросила мать.

— Немножко,—уклончиво возразила дѣвочка.—Ничего, пройдетъ.

Она насильственно улыбнулась. Румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ и даже губы поблѣднѣли. Острая боль въ вискахъ вызвала слезы на ея глаза, но она послѣшно подавила ихъ и, улыбаясь встревоженной матери, промолвила:

— Уже проходить... Я пойду въ садъ, мама... Гаря общалъ придти.

Она быстро обняла мать, избѣгая ея испуганныхъ, тревожныхъ взглядовъ, и въ припрыжку выбѣжала изъ комнаты. Затворивъ за собою дверь, она еще пробѣжала нѣсколько шаговъ, но тутъ силы ее оставили. Съ трудомъ задерживая невольный стонъ, она при-сѣла на кончикъ перваго попавшагося стула.

— Болить, ахъ, какъ болить!—прошептала она, стискивая руками виски.

Въ глазахъ у нея потемнѣло и на мгновеніе она какъ бы лишилась сознанія, ощущая только невыносимую боль въ головѣ. Изъ комнаты матери до нея донесся слабый шелестъ платья. Нюта вско-чила и бѣгомъ кинулась въ садъ, пробѣжала одну аллею, завернула въ другую и скрылась въ бесѣдкѣ, густо обсаженной кустами сирени. Здѣсь она бросилась на диванчикъ и, положивъ руки на стоявшій передъ нимъ круглый столъ, прижалась къ нимъ головой. Долго она сидѣла такъ неподвижно и не подняла головы даже тогда, когда раздался скрипъ сапоговъ и у входа въ бесѣдку появилась долговязая, тощая фигура пятнадцатилѣтняго гимназиста въ лѣтней парусинной парѣ и въ очкахъ. Гимназистъ всею своею нескладною фигурой выразилъ недоумѣніе при видѣ Нюты въ ея согнутой надъ столомъ позѣ, выпятилъ крупныя губы, оттѣненные едва замѣтнымъ темнымъ пушкомъ, хотѣлъ было что-то сказать, о, вмѣсто того, повернулся и исчезъ въ чащѣ. Нюта слабо застонала, но не пошевелилась. Гимназистъ скоро вернулся. На плечѣ у него висѣло полотенце, а въ рукахъ держалъ онъ тарелку со льдомъ. Онъ поставилъ тарелку на столъ, сложилъ въ нѣсколько разъ полотенце и, намочивъ его въ ледяной водѣ, приблизился къ дѣвочкѣ.

— Что, опять болитъ?—угрюмо спросилъ онъ.

Дѣвочка хотѣла было поднять голову, но онъ также угрюмо произнесъ:

— Не надо... Не шевелитесь... Вотъ мы сейчасъ...

Онъ положилъ ей на голову холодный компрессъ. Вздохъ облегченія вырвался у нея. Сумрачное выраженіе лица гимназиста прояснилось. Онъ сѣлъ рядомъ съ дѣвочкой и тщательно занялся выжиманіемъ и намачиваніемъ компресса. Немного погодя Нюта подняла голову.

— Бажется, лучше,—со слабою улыбкой проговорила она.

— И прекрасно. Вамъ бы теперь полежать,—все такъ же угрюмо промолвилъ гимназистъ.

Онъ озабоченно оглянулся. Въ бесѣдкѣ стояла только деревянная садовая мебель.

— Знаете что, графинюшка? Тамъ за бесѣдкой, я видѣлъ, скошена трава и не убрана. Я сейчасъ соберу ее въ копѣшку. Отличная будетъ подушка.

Онъ быстро вышелъ и такъ же быстро вернулся.

— Пожалуйте,—предложилъ онъ, осторожно, подъ руку, приподнявъ дѣвучку и вывелъ ее изъ бесѣдки.

Нюта не высказала ни малѣйшаго сопротивленія. Глаза ея, въ которыхъ не исчезло еще выраженіе страданія, свѣтились лаской.

Сейчасъ за бесѣдкой лежало собранное въ кучку сѣно. Гимназистъ вынулъ изъ кармана аккуратно сложенный чистый носовой платокъ, покрылъ имъ импровизированную подушку и отрывисто произнесъ:

— Вотъ и наволочка. Теперь принесу ледъ, а вы ложитесь.

Дѣвочка безпрекословно легла на спину, положивъ голову на душистое сѣно. Гимназистъ вернулся съ тарелкой и, примостившись у ея изголовья, приготовился снова мѣнять компрессы.

— Миѣ легче, гораздо легче,—прошептала она. — Какой вы добрый, Гаря!

Гаря что-то невнятно пробурчалъ.

— А вамъ бы заснуть,—коротко замѣтилъ онъ.

Нюта точно ждала этого приказанія. Она послушно закрыла глаза и скоро ровное дыханіе возвѣстило, что она дѣйствительно занула. Гаря подождалъ немного, потомъ бережно снялъ съ ея головы компрессъ, положилъ его въ тарелку, отодвинулся отъ спящей дѣвочки и, прислонившись спиною къ лѣпѣ, остался неподвижнымъ, но не надолго. Торопливые, легкіе шаги заставили его под-

няться съ травы и выйти на аллею. Графиня Юлія Сергѣевна поспѣшно подошла къ нему.

— Гдѣ Нюта?—тревожно спросила она.

— Спать,—шепотомъ возразилъ Гаря и, пригласивъ жестомъ графиню слѣдовать за собою, провелъ ее въ чащу за бесѣдку.

Дѣвочка спала спокойно. Болѣзненная блѣдность замѣнилась нѣжными румянцемъ; свѣжія, розовыя губки улыбались во снѣ.

— Опять!—чуть слышно промолвила Юлія Сергѣевна, указывая глазами на тарелку со льдомъ.

— Помогаетъ,—лаконически возразилъ Гаря.

— Да, пока,—такъ же тихо замѣтила графиня.

Оба молча смотрѣли на спящую дѣвочку.

— Я жду доктора,—заговорила графиня.—Ее лучше не тревожить... Пусть спитъ... Спасибо, Гаря.

Она повернулась и вышла изъ чащи. Гаря машинально послѣдовалъ за нею. Графиня остановилась. Губы ее вздрагивали.

— Гаря, милый,—сказала она и въ голосъ ее послышалось отчаяніе.—Я бы хотѣла знать, что это такое?... Такая здоровая, свѣжая, веселая, и вдругъ эти боли, эти ужасныя страданія!

Гаря молчалъ. Лицо его стало еще утрюмѣе, только въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ проступила какъ бы влажность.

— Да, я бы хотѣла знать,—повторила она, жадно впиваясь въ лицо Гари и забывая, подъ вліяніемъ ягучей тревоги, что передъ ней стоитъ не взрослый мужчина, а мальчикъ.

«Онъ гораздо старше своихъ лѣтъ»,—часто говорила она.

И дѣйствительно, не по-дѣтски вдумчиво и заботливо смотрѣлъ на нее этотъ мальчикъ.

— Что говорить докторъ?—отрывисто спросилъ онъ.

— Докторъ!—повторила графиня.—Онъ намекаетъ на нѣчто ужасное!...

Графиня запнулась.

— Иди, Гаря... Посиди съ ней, пока я дождусь доктора.

Она кивнула ему головой и ушла.

Гаря снова сѣлъ на траву подъ липой. Нюта спала спокойно; все та же улыбка разжимала ее полныя, свѣжія губки. Гаря терпѣливо оберегалъ ее покой, отмахивая порой назойливую муху и пчелку, близко жужжавшую надъ ее ухомъ.

Пять лѣтъ уже зналъ онъ графинюшку. Пять лѣтъ, какъ ее мамочка, вдова подполковника, Марья Игнатьева Скороспѣлов, поступила въ компаньонки и чтицы къ старой графинѣ.

Мать и сынъ были очень дружны. Веселая, круглолицая, то-

стенъкая вдовушка, еще очень милостивая, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, бодро исполняла нелегкія обязанности и съ невозмутимою ясностью духа переносила брюзжанье, требовательность и фанатери старухи, которая, какъ водится, при всякомъ удобномъ случаѣ срывала сердце на компаньонкѣ, а удобныхъ случаевъ встрѣчалось не мало въ жизни выжившей изъ ума старой дѣвицы, и въ молодости не отличавшейся пріятнымъ нравомъ.

— Ты ей не слуга!—съ негодованіемъ обратился Гаря къ матери послѣ того, какъ ему разъ случилось присутствовать при вздорной выходкѣ старой графини. — Уѣдемъ отсюда... Мы не нищіе... Проживемъ какъ-нибудь.

— Съ голоду не помремъ, — невозмутимо возразила Марья Игнатъевна, — но воспитывать тебя мнѣ будетъ не на что... Пенсіи на это не хватитъ... А выклянчивать на твое воспитаніе то у того, то у другого—слуга покорная!... Я готова съ утра до ночи выслушивать воркотню, только бы не обивать пороги. Намъ же съ тобой совсѣмъ не такъ ужь скверно. Графиня, въ сущности, добрая. Другая не согласилась бы оставить при компаньонкѣ сына, да еще такого угрюмаго, непочтительнаго мальчугашку!

Марья Игнатъевна провела рукой по взъерошеннымъ волосамъ Гари и любовно заглянула въ хмурое лицо мальчика.

— Вотъ, если бы да перенести тебя въ деревнюшечку, въ какую ни-на-есть деревнюшечку, да въ свою!—страстно вскрикнулъ мальчикъ, чисто по-дѣтски внезапно предаваясь мечтамъ. — Домикъ бы былъ маленькій, крошечный, да свой домикъ; своя лошадка возила бы тебя въ церковь.

— Да, вотъ если бы!—съ веселымъ смѣхомъ прервала его Марья Игнатъевна. — Если бы да кабы... А пока и такъ ничего, жить можно. И то слава Богу!

Гаря въ душѣ не могъ не согласиться съ матерью, но и не могъ, въ то же время, переселить враждебнаго чувства къ старой графинѣ и ко всему графскому обиходу. Однако, и ему не все было ненавистно въ этомъ домѣ. Броткая графиня Юлія Сергѣевна примирила его съ жизнью въ графской семьѣ, но еще болѣе примирила его съ этою жизнью маленькая дѣвочка Нюта. Графинюшка, на три года его моложе, привязалась къ нему и незамѣтно крѣпко привязала къ себѣ неласковаго и непривѣтливаго мальчика. Онъ охотно исполнялъ ея прихоти и, сознавая свое превосходство надъ *дѣвочкой*: «Будь она распереграфиня», — какъ говорилъ онъ презрительно, — тѣмъ не менѣе, снисходилъ до продолжительныхъ бесѣдъ съ

нею, посвящая ея въ событія гимназической жизни, въ свои мечты и дальніе, смутные планы.

Болѣзненные припадки, которымъ въ послѣднее время такъ часто подвергалась графинюшка, искренно сокрушали его. Напрасно онъ допытывался у матери, что означаютъ эти припадки; она или не умѣла, или не хотѣла отвѣтить ему опредѣленно. Но вопросы его неизмѣнно вызывали облако грусти на ея всегда ясное лицо и она съ горестью говорила:

— Бѣдная дѣвочка, бѣдная милая дѣвочка!

IV.

Нюта проснулась. Большіе темные глаза ея остановились на Гарѣ и все лицо ея засіяло улыбкой.

— Я долго спала?—спросила она.

— Порядочно. Полежите еще.

Графинюшка приподняла было голову, но при словахъ Гари тотчасъ же опустила ее на сѣно.

— Мама знаетъ, гдѣ я?

— Знаетъ. Она приходила сюда.

Нюта загнула руки за голову и, лежа на спинѣ, смотрѣла на синее небо, просвѣчивающее сѣвось листьву липы. Вся ея фигурка, еще дѣтская, но вполне пропорціонально-сложенная, дышала здоровьемъ и силой. Изъ-подъ короткаго батистоваго платья выступала плотная маленькая нога, обутая въ сафьянную туфельку. Свободные рукава лифа обнажали по локоть полныя, круглыя, крѣпкія руки. Никто не могъ подозрѣвать, что въ этомъ красивомъ дѣтскомъ тѣлѣ съ крѣпкими стальными ножгами и упругими руками таится зародышъ жестокаго недуга.

Гаря, съ той минуты, какъ проснулась дѣвочка, пересталъ заботливо слѣдить за нею. Онъ нагнулся и травинкой подгонялъ муравья, тащившаго какое-то зернышко.

— Папа уѣхалъ, вы знаете?—спросила Нюта, продолжая смотреть вверхъ.

— Знаю,—возразилъ Гаря, не подымая головы, и мысленно прибавилъ: «Скатертью дорога!»

— Я рада, что онъ уѣхалъ,—заговорила снова дѣвочка, не мѣняя положенія.

Гаря не отвѣчалъ.

— Это нехорошо?—спросила Нюта, помолчавъ.

— Нехорошо и не не-хорошо,—сквозь зубы процѣдилъ Гаря,

тибая траву, въ которой скрылся отъ своего мучителя муравей въ ношей.

— Мама говорить, что это нехорошо, — заговорила Нюта.

Гаря настигъ муравья и снова началъ гонять его туда-сюда травинкой. Слова дѣвочки онъ оставилъ безъ отвѣта.

— И всё говорить... Вотъ и въ заповѣди... Чти отца и мать твою.

— Если всё говорить, то надо слушаться, — иронически провѣнсь Гаря.

— А я не могу, — промолвила дѣвочка. — Мама моя одна, а папа... Развѣ я могу ихъ одинаково любить?

Гаря и этотъ вопросъ оставилъ безъ отвѣта. Дѣвочка повернула къ нему голову. Онъ не прерывалъ своихъ наблюденій надъ муравьемъ.

Нюта поднялась и приняла сидячее положеніе.

— Вы любили своего отца? — неожиданно спросила она.

— Я его мало помню... Мама была съ нимъ счастлива.

Глаза дѣвочки загорѣлись.

— Ну, вотъ, вотъ! — съ волненіемъ вскрикнула она. — Теперь мы должны понять... Она была счастлива, а моя мама несчастлива... Онъ злой... Онъ ее дразнить... И когда я вырасту... И если онъ думаетъ, что я пойду танцовать съ нимъ...

— Какъ танцовать? — перебилъ ее Гаря, предоставляя, наконецъ, несчастнаго муравья его участи и поворачивая къ дѣвочкѣ изумленное лицо.

Нюта поглядѣла въ его расширенные отъ удивленія глаза и внезапно разсмѣялась.

— Вы не понимаете. Онъ говорить, что я красавица и что онъ будетъ радъ пройтись со мною въ мазуркѣ.

Гаря съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Что за вздоръ! — пробурчалъ онъ.

Графинюшка зардѣлась.

— Что я красавица?... То-есть онъ говорить, что я похожа на бабучку Подольскую, а она была красаваца.

— Я не про то, а вотъ, что вашъ отецъ собирается танцовать съ нами мазурку... Онъ и ходить-то не...

Гаря не продолжалъ, закусилъ было губы и вдругъ неудержимо расхохотался. Нюта, молча, съ смущеніемъ смотрѣла на него.

— А мнѣ говорить, что я должна любить, уважать его, — жалобно промолвила дѣвочка и въ голосѣ ея послышались слезы.

Смѣхъ Гари прервался. Онъ ласково взглянулъ на дѣвочку добродушно произнесъ:

— А вы не думайте объ этомъ... Право, не стѣдить... Бросьте эти мысли... Надо ли уважать, нѣтъ ли... Стоитъ развѣ изъ-за этого себя мучить?—философски замѣтилъ онъ.

Нюта недовѣрчиво покачала головой, но не возражала.

— Голова больше не болитъ?—спросилъ Гари, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Не болитъ; только въ глазахъ точно туманъ. Вы слышали о бабушкѣ, Гари?

— Слышалъ,—неохотно отвѣчалъ Гари.

— Чтò вы слышали? Скажите,—живо спросила Нюта.

— Всякое слышалъ,—такъ же неохотно возразилъ Гари.

— А именно! Чтò слышали?

— Да чтò слышалъ! Говорятъ, она была красивая, веселая сорила деньгами... ну, и все такое... Въ общемъ, не интересное

— Ее всѣ любили... Очень любили!

Гари изподлобья поглядѣлъ на оживленное лицо дѣвочки.

— Можеть, и любили,—вяло произнесъ онъ,—вамъ-то какъ до нее дѣло?

— Какъ какое дѣло? Все-таки, она моя бабушка.

— Ну, бабушка! Что-жъ изъ этого?... Жилъ человекъ и нѣтъ его... Вотъ, еслибъ эта самая бабушка оставила по себѣ какой-либо памятникъ, тогда иное дѣло!

— Какой памятникъ?—полюбопытствовала узнать дѣвочка.—Надъ нею есть памятникъ тамъ, въ Ниццѣ.

Гари снисходительно усмѣхнулся.

— Я не про такой памятникъ. А вотъ, еслибъ она, такая богатая, устроила, на примѣръ, пріютъ для сиротъ, или тамъ школу какую, или тому подобное, тогда можно было бы и память ея чтить. Это и былъ бы памятникъ, настоящій памятникъ,—сентенціозно закончилъ Гари.

Нюта съ почтеніемъ выслушала его.

— Да, я понимаю, чтò вы хотите сказать,—серьезно проговорила она.—Но вотъ мама тоже ничего подобнаго не сдѣлала, то есть я хочу сказать о памятникѣ.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—уклончиво сказалъ онъ.—Всѣякіе памятники бываютъ. Она, можеть быть, была бы знаменитой пѣвицей.

— Мама—пѣвица?

— До замуства она готовилась къ сценѣ. Вы развѣ не знали

— Не знала.

Щеки Нюты покрылись густымъ румянцемъ.

— Конечно, не знала,—живо повторила она.—Вотъ почему она такъ чудно поетъ!

— Ей, говорятъ, пророчили блестящую будущность. Она артистка въ душѣ. Потому-то никакія графскія фанаберіи не могли сосаться ей въ плоть и кровь.

Нюта на мгновение задумалась.

— Гаря, какъ это хорошо быть артисткой!—вскрикнула она.

— Хорошо. Всегда хорошо быть чѣмъ-нибудь,—солидно произнесъ Гаря.

— Да, да,—живо согласилась Нюта.—Еслибъ я была мужчиной...

Она остановилась.

— То чѣмъ бы хотѣли быть?—снисходительно спросилъ Гаря.

— Докторомъ. Знаменитымъ докторомъ... Вотъ какъ Боткинъ.

— За чѣмъ же быть для этого женщиной? И между женщинами есть много докторовъ.

— А есть между ними Боткинъ?

— Конечно, нѣтъ, но...

— Вы не понимаете,—перебила его Нюта.—Не просто докторомъ хотѣла бы я быть, а Боткинымъ, понимаете? Боткинымъ... Вы знаете, мама меня возила къ нему,—сказала она сдержаннѣе и умолкла.

— Ну, и что же?—съ любопытствомъ спросилъ Гаря.

Дѣвочка не тотчасъ же отвѣчала. Тѣнь легла на ея цвѣтущее личико и въ глазахъ, за минуту такихъ оживленныхъ, проступила тоска.

— Онъ долго смотрѣлъ на меня, такъ ласково смотрѣлъ и... Ему было жаль меня... Да, именно жаль... Гаря, вѣрно я очень больна?

Гаря пробурчалъ что-то невнятное и лицо его приняло снова суровое выраженіе.

— Что они знаютъ, доктора! — пробормоталъ онъ.

— Но не Боткинъ! — горячо возразила Нюта.— Онъ знаетъ. Еслибъ я выздоровѣла совсѣмъ, совсѣмъ... я бы хотѣла быть сестрой милосердія...

— Это далеко отъ Боткина,—пренебрежительно замѣтилъ Гаря.

— Мы бы вмѣстѣ съ мамой поѣхали на войну,—не слушая, продолжала Нюта.— Ухаживали бы за ранеными, за больными... Если бы вмѣстѣ съ ними въ палаткахъ... Все, все бы вмѣстѣ съ

ними переносили... А не то, я бы хотѣла путешествовать по ка-кимъ-нибудь невѣдомымъ странамъ...

— Напримѣръ, въ Среднюю Азію, — ввернулъ Гаря.

— Въ Среднюю Азію, — задумчиво повторила Нюта. — Нѣтъ, мнѣ бы лучше хотѣлось въ Южную Америку.

— Это вы Майнъ-Рида начитались, — покровительственно заговорилъ Гаря. — Это все вздоръ, басни!... А вотъ, если бы вы читали Пржевальскаго!... Вотъ это человѣкъ! Это путешественникъ!... И ничего, кромѣ правды, не пишетъ.

Графинюшка съ уваженіемъ посмотрѣла на него.

— Я слышала о немъ, — сказала она.

— Еще бы! Теперь только о немъ и говорятъ. Когда я окончу гимназію...

Гаря не продолжалъ.

— Тогда что, Гаря? — живо спросила дѣвочка.

— Нѣтъ! Мнѣ это не удастся, — съ горечью произнесъ онъ. — Мнѣ надо хлѣбъ зарабатывать... Онъ одинъ, свободенъ, независимъ... Чернорабочему съ нимъ нельзя тягаться.

Нюта серьезно смотрѣла на него. На выразительномъ ея лицѣ ясно замѣтна была работа мысли.

— Тетя говоритъ, — начала она осторожно, — что я буду богата... что она мнѣ все оставитъ...

— Тѣмъ лучше для васъ, — сухо замѣтилъ Гаря.

Нюта вспыхнула и замялась.

— А вы развѣ не возьмете у меня на путешествіе... ну, и... на что тамъ нужно? — со страхомъ, робко спросила она.

Гаря нахмурилъ брови и гнѣвно взглянулъ на нее.

— За кого вы меня принимаете? — запальчиво вскрикнулъ онъ, вскидывая назадъ голову, будто его кто ужалилъ.

— Гаря!... о, Гаря! — жалобно пробормотала Нюта, протягивая руку, точно желая остановить его, но Гаря самъ уже опомнился.

— Какая вы еще дѣточка! — сказалъ онъ съ насильственнымъ смѣхомъ.

— Я не понимаю, отчего вы такъ разсердились? — продолжала она такъ же жалобно.

— И понимать нечего, — возразилъ Гаря, стараясь говорить спокойно и холодно, — и никогда не поймете... Во-первыхъ, вы просто дѣточка, а, во-вторыхъ, — голосъ его звучалъ жестче, — вы — графинюшка, а я — сынъ компаньонки вашей тети. Этимъ все сказано.

Онъ потянулся и всталъ.

— За вами, кажется, идти, — сказалъ онъ.

Нюта тоже поднялась съ мѣста.

Гарѣ, при взглядѣ на ея огорченное, недоумѣвающее личико, хотѣлось сказать что-нибудь ласковое, привѣтливое, но онъ не нашель, что сказать, и только посмотрѣлъ ей вслѣдъ, когда она медленно, опустивъ головку, шла по аллеѣ въ сопровожденіи присланной за нею горничной. Угрюмо тряхнувъ головой, онъ повернулъ въ противоположную сторону.

У.

Графиня Юлія Сергѣевна стояла поздно ночью у раскрытаго окна. Въ короткой бѣлой батистовой блузѣ, съ распущенными волосами по плечамъ, она казалась почти дѣвочкой. Худыя, узкія руки ея опирались на подоконникъ и сама она на половину высунулась изъ окна, жадно вдыхая сырой ночной воздухъ петербургскаго августа. Глаза ея опухли отъ слезъ и безсонницы и губы вздрагивали отъ подавленныхъ рыданій.

«За что? — шептала она невольно. — За что?»

Да, за что ея дѣвочка, такая жизнерадостная, такъ блестяще одаренная, должна отвѣчать за чужіе грѣхи?

— Слишкомъ ужъ въ свое удовольствіе жили ихъ сіятельства графы Подольскіе! — сказалъ ей съ горечью знаменитый діагностъ.

— Наслѣдственное, — лаконически говорили другіе доктора и не скрывали, что послѣдствіемъ этого рокового наслѣдства можетъ быть слѣпота или... смерть.

На лицѣ своего домашняго доктора, которому она привыкла вѣрить, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ слѣдитъ за ея дочкой, Юлія Сергѣевна ясно прочитала, что смерть была бы желательнѣе.

Порывисто откинула она волосы назадъ и привычнымъ движеніемъ скрутила ихъ узломъ на затылкѣ. Въ глазахъ ея, широко раскрытыхъ, отражался ужасъ. Дрожь пробѣгала по ея плечамъ и рукамъ. Вдругъ она замерла на мѣстѣ. Ей послышался стонъ въ сосѣдней комнатѣ. Едва слышно ступая въ мягкихъ туфляхъ безъ каблуковъ, скользнула она въ спальную. Нюта, слабо освѣщенная лампой подъ темнымъ абажуромъ, стоявшей въ дальнемъ углу обширной комнаты, спала безмятежнымъ, спокойнымъ сномъ дѣтства; нѣжный румянецъ игралъ на ея полныхъ щечкахъ; грудь мѣрно, ровно вздымалась. Подъ шелковымъ одѣяломъ обрисовывались округлыя формы здороваго, крѣпкаго тѣла; обнаженные руки, спокойно вытянутыя на голубомъ одѣялѣ, ласкали глазъ бѣлизною и изыскою мягкостью очертаній.

Юлія Сергѣевна опустилась на близъ стоявшее кресло.

— Такая красивая, свѣжая, румяная... Да можетъ ли это быть? — чуть не вскринула она, хватая себя руками за голову.

«Вы должны щадить свои силы», — вспомнился ей совѣтъ доктора.

— Графиня, ложитесь, засните въ кабинетѣ. Я посижу тутъ, пока вы спите, — слышался тихій голосъ за ея спиною.

Марья Игнатьевна, въ темномъ капотѣ и съ вязаньемъ въ рукахъ, неслышно вошла въ спальную и стояла теперь у ея кресла.

Юлія Сергѣевна послушно, какъ ребенокъ, поднялась съ кресла.

— Но вамъ тоже нуженъ отдыхъ... Васъ только что отпустили... а ужъ первый часъ, — нерѣшительно произнесла она.

— Старая графиня встаетъ поздно, — спокойно возразила Марья Игнатьевна, — уснѣю еще до утра выспаться... Я вотъ сюда перенесу лампу и сяду съ работой... Графинюшкѣ свѣтъ не помѣшаетъ.

Юлія Сергѣевна въ нерѣшимости стояла на мѣстѣ, не спуская глазъ со спящей дѣвочки.

— Марья Игнатьевна, голубушка! — прошептала она сдавленнымъ голосомъ. — Кто можетъ думать? Смотрите, такая розовенькая, хорошенькая...

Марья Игнатьевна ничего не отвѣчала, только въ ясныхъ глазахъ ея блеснули слезы, но она съ дѣловымъ видомъ, осторожно ступая, прошла въ дальній конецъ комнаты и перенесла лампу ближе къ кровати Нюты.

— Такъ я пойду, — тихо произнесла графиня Юлія, когда Марья Игнатьевна, заслоняя собою свѣтъ лампы, удобно помѣстилась въ креслѣ и все свое вниманіе сосредоточила на вязаньѣ.

— Идите, графиня, — сказала она, не подымая глазъ отъ работы, и голосъ ея звучалъ особенно нѣжно, бережно, какъ будто она говорила съ ребенкомъ, — идите, усните... Если будетъ нужно, я разбужу.

Юлія Сергѣевна легла, не раздѣваясь, на постланной на диванѣ постели и скоро усталость взяла свое, — она заснула. Но сонъ ея былъ тревоженъ.

Снился ей прадѣдъ Нюты, графъ Семенъ Ильичъ, въ напудренномъ парикѣ и съ золотою табакеркой въ рукахъ. Онъ откинулся на спинку кресла и громко хохоталъ. Широкое мясистое лицо, румяное, свѣжее на портретѣ, висѣвшемъ среди другихъ фамильныхъ портретовъ въ кабинетѣ графа Ильи Ильича, дышало силой и здоровьемъ; кружевное жабо колыхалось на могучей груди и изъ огром-

наго рта, наполненнаго крѣпкими здоровыми зубами, вылетали сквозь раскатистый хохот отрывистыя слова:

— Ненавидить Подольскихъ! Скажите, пожалуйста!... Ничтожная дворяночка ненавидить Подольскихъ!... Ахъ, Богъ мой!... Можно умереть со смѣху!... Ненавидить!... Скажите на милость!...

И снова раскатистый хохотъ потрясаетъ могучее тѣло и зловѣще сверкають, искрятся, играютъ брилліанты на его придворномъ, золотомъ затканномъ кафтанѣ.

— Вы насъ ненавидите? Прекрасно. *Voions! Raisonnons*, — произносить вѣжливо сдержанный голосъ.

На креслѣ сидить уже не румяный графъ Семень Ильичъ съ плотоядными глазами и чувственными толстыми губами, а графъ Илья Семеновичъ, во фракѣ со звѣздой; рѣдкіе волосы у него зачесаны въ височки; лицо блѣднѣе и тоньше; на губахъ змѣится холодная, циничная усмѣшка.

— *Raisonnons*, — повторяетъ онъ и беззвучный смѣхъ вдругъ разверзаетъ его безкровныя тонкія губы. — Прошу извиненія... *Parole d'honneur!*... *C'est plus fort que moi!*... Мой сынъ... *Je le méprise!*... Онъ даже не сумѣлъ справиться съ женой... *Quel chiffon!*... Да я бы ее... Да какъ она смѣетъ?...

Онъ внезапно выпрямился на креслѣ; глаза его, холодные, злые, уставились на Юлію Сергѣевну.

Юлія Сергѣевна въ ужасѣ заметалась на подушкѣ, но тяжелый, болѣзненный сонъ сковалъ ея члены и снова вихремъ неслись передъ нею отрывистыя сновидѣнія.

— Вы напрасно такъ серьезно смотрите на жизнь, — говоритъ ей пріятный, бархатистый голосъ, и прекрасная свекровь склоняется надъ нею. — Болѣзнь моей внучки, конечно, несчастіе, и, конечно, Подольскіе тому причиной... Но къ чему ненавидѣть?... Вы молоды... Наслаждайтесь, пока можете, а тамъ... Кто вамъ мѣшаетъ пресѣчь эту жизнь, вотъ такъ, какъ я?

Она со смѣхомъ приблизила къ ея губамъ какой-то пузырекъ. Юлинька съ ужасомъ оттолкнула его. Пузырекъ выпалъ изъ рукъ красавицы и съ легкимъ звономъ ударился о полъ.

— Вы его разбили! Какъ это глупо! — произнесла съ досадою свекровь. — Что же вы этимъ доказали?... Ничего не доказали... Онъ умретъ... *Ее* вы не спасете.

— Нѣтъ, нѣтъ! — прошептала Юлія Сергѣевна.

— Умреть! — настойчиво повторила свекровь.

— Жаль!... *Un beau brin de fille!* — проговорилъ съ насмѣшкою другой знакомый голосъ.

Ярость овладѣла вдругъ Юлинькой; съ крикомъ кинулась она впередъ, вцѣпилась ногтями въ тощую шею своего мужа и... проснулась.

Солнце взошло. За открытымъ окномъ чирикали птички; свѣжій утренній воздухъ волною вливался въ комнату.

Юлинька откинула назадъ спутавшіеся волосы и съ трудомъ подняла съ подушки разгоряченную голову. Лицо ея было блѣдно; подъ глазами легли темные круги. Дико озираясь, еще вся подъ влияніемъ ночныхъ кошмаровъ, она медленно встала. Шелестъ бумаги въ спальнѣ привелъ ее окончательно въ себя.

Марья Игнатьевна читала у раскрытаго окна. Полуотдернутая драпировка застилала дневной свѣтъ отъ Нюты. Дѣвочка мирно спала.

— Вы плохо спали, графиня, — замѣтила Марья Игнатьевна, когда графиня приблизилась къ кровати дочери.

— Я долго спала, — усталымъ голосомъ произнесла она. — Зачѣмъ вы меня не разбудили?

Немного погодя она подошла къ окну, у котораго сидѣла Марья Игнатьевна.

— Вамъ бы теперь ванну принять, а затѣмъ чайку бы крѣпкого напитокъ, — предложила добрая женщина.

Юлія Сергѣевна, не отвѣчая, прислонилась горячею, больною головою къ косяку окна.

— Они сильнѣе меня! — прошептала она точно въ забытіи. — Я не могу съ ними бороться, не могу, не могу...

Глухія рыданія потрясли ея худенькое, слабое тѣло.

Марья Игнатьевна безмолвно обняла ее и безъ малѣйшаго съ ея стороны сопротивленія вывела изъ спальни.

VI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Нюта рѣдко встаетъ съ постели, а когда встаетъ, то невѣрными шагами, ощупью, двигается впередъ. Глаза ея, ясные, чистые, такъ же прекрасны, какъ прежде, но зрѣніе утрачено. Графинюшка ослѣпла, — ослѣпла, какъ утверждаютъ доктора, навсегда. Они продолжаютъ ѣздить, продолжаютъ совѣщаться, но домашній докторъ не скрываетъ отъ несчастной матери, что припадки, все учащающіеся, могутъ имѣть роковой конецъ.

Графинюшка о такомъ концѣ не думаетъ. Она вѣритъ, что болѣзнь должна пройти, зрѣніе должно вернуться, и въ промежуткахъ

между припадками, вызывающими жестокия страданія, она мечтает о лѣтѣ, когда они всѣ, и Марья Игнатьевна съ Гарей, и старая тетушка, и она съ мамой уѣдутъ въ Крымъ. Графинюшка радуется этому проекту и мечтаетъ о томъ, какъ она съ Гарей будетъ кататься верхомъ.

Никто ей не противорѣчитъ и всѣ, какъ бы сговорясь, поддерживаютъ эти мечты.

Графиня Юлія Сергѣевна не отходитъ отъ дочери. На блѣдномъ, безъ кровинки, исхудаломъ лицѣ застыло выраженіе скорбнаго недоумѣнія. Она не можетъ постичь, что ея дочь, именно *ея* дочь, должна быть жертвою разнузданной жизни предковъ. Но въ сердцѣ ея уже нѣтъ страстнаго протеста противъ кары жестокаго закона природы. Она страшится протестовать и смиреніемъ и покорностью пытается замолить, отвратить эту незаслуженную кару.

Чуткій слухъ дѣвочки не улавливаетъ слезъ въ голосъ матери. Голосъ этотъ звучитъ ровно, спокойно, порой шутливо.

— Какъ ты похудѣла, мама!—сказала она однажды, проводя рукой по впалымъ щекамъ матери.

— Поправись ты, поправлюсь и я, — весело возразила мать.—Славно мы заживемъ въ Крыму!

— Да, славно!—радостно повторила Нюта.

Наступили рождественскіе праздники. Гаря, свободный отъ уроковъ, цѣлые дни проводитъ съ юною подругой. Она настойчиво требуетъ его присутствія. Онъ для нея почти такъ же необходимъ, какъ и мать, и глаза Юліи Сергѣевны, расширенные безсонницей, краснорѣчивѣе словъ молятъ юношу не покидать бѣдную маленькую страдалицу. Но Гаря и безъ словъ и напоминаній охотно подчиняется требованіямъ графинюшки. Неуклюжій, сумрачный мальчикъ съ отрывистою, неласковою рѣчью точно преобразился. Голосъ его, когда онъ обращается къ Нютѣ, звучитъ мягко, непривычная шутка срывается подчасъ съ его языка и никто не умѣетъ такъ удобно усадить дѣвочку въ креслѣ, обложить подушками, поставить подъ ноги скамеечку; никто не умѣетъ такъ развлечь ее, такъ въ-время отвлечь мысли отъ пережитыхъ страданій.

— Какъ я люблю тебя, Гаря!—сказала однажды графинюшка.

За время болѣзни она привыкла говорить ему «ты» и требовала этого «ты» и съ его стороны.

Они сидѣли въ зимнемъ саду, гдѣ послѣдніе дни графинюшка часъ го проводила утренніе часы.

Садъ этотъ нѣкогда славился рѣдкимъ подборомъ растений. Мраморныя статуи наядъ и нимфъ плѣнительною наготою вырѣзыва-

лись на блестящемъ фонѣ драценъ и музъ; упоительными ароматами тепличныхъ цвѣтовъ дышали боскеты, бесѣдки, укромныя уголки, гдѣ во всякое время можно было укрыться отъ нескромныхъ глазъ; ароматы наполняли насыщенное теплыми испареніями влажной земли тѣсное пространство и настраивали на эротическій ладъ переступавшихъ порогъ этого цвѣточного преддверія собственныхъ апартаментовъ покойной владѣлицы дачи Подольскихъ.

Но изъ всѣхъ статуй, частью проданныхъ, частью нашедшихъ себя помѣщеніе на половинѣ графа, осталась нынѣ одна маленькая Психея. Погашенный свѣтильникъ лежитъ у ея ногъ и одиноко стоитъ граціозная фигурка на своемъ мраморномъ пьедесталѣ, словно недоумѣвая, за что ее оставили одну въ этомъ зеленомъ пространствѣ, гдѣ яркіе колера цвѣтовъ не тѣшатъ глазъ, сладкіе ароматы не кружатъ голову и любовный шепотъ не сливается съ тихимъ плескомъ фонтана. Фонтанъ этотъ, между тѣмъ, попрежнему, немолчно журчить, но журчанье его не служитъ уже таинственнымъ аккомпаниментомъ таинственныхъ рѣчей и тайныхъ лобзаній, а бодро и весело вторитъ говору двухъ дѣтей, которымъ не для чего понижать голосъ, которымъ нечего скрывать.

— Да, я очень тебя люблю!— повторила Нюта, поворачивая голову къ Гарѣ и нѣжно улыбаясь ему.

Лицо ея, незадолго передъ тѣмъ судорожно перекошенное мучительною болью, выражало полный покой.

— Мнѣ жаль, что я тебя не вижу, — продолжала она. — Мнѣ хотѣлось бы знать, какой ты теперь... Ты такъ перемѣнился.

— Еще бы, — невозмутимо проговорилъ Гаря, — я ужасно похорошѣлъ!

Нюта засмѣялась.

— Мама, правда, что онъ похорошѣлъ?—обратилась она къ матери, которая въ эту минуту подошла къ нимъ.

Юлія Сергѣевна взглянула на Гарю.

— Онъ самъ тебѣ это сказалъ?—спросила она.

— Самъ, — со смѣхомъ подтвердила Нюта.

— Значить, нечего и говорить, — шутливо возразила графиня. — Для меня онъ всегда милъ.

Она коснулась рукой взъерошенныхъ, жесткихъ волосъ Гарри и, не обращая вниманія на восторгъ, который отразился на лицѣ юноши, такъ же безшумно удалилась отъ дѣтей, какъ безшумно къ нимъ подошла. Гаря посмотрѣлъ ей вслѣдъ и снова обернулся къ дѣвочкѣ. Она продолжала улыбаться.

— Прежде ты не былъ такой веселый, — сказала она. — Что мы будемъ безъ тебя дѣлать, когда ты уѣдешь въ Среднюю Азію?

— Зачѣмъ въ Среднюю Азію? Чего я тамъ не видалъ?

— Вотъ прекрасно! Вѣдь, ты же хотѣлъ съ Пржевальскимъ ѣхать...

Гаря свистнулъ.

— Хотѣлъ ѣхать... Когда хотѣлъ!... Лѣтомъ... Такъ, вѣдь, это такъ было, просто болтовня!... Мнѣ нельзя уѣхать.

Дѣвочка, напрягая слухъ, старалась уловить оттѣнки его голоса.

— Ну, да, я понимаю. Изъ-за твоей мамы.

— Нѣтъ, не только изъ-за мамы, а изъ-за тебя.

Лицо графинюшки оживилось.

— Какой ты хорошій! — радостно произнесла она. — Но если у тебя призваніе? — неувѣренно и не безъ тревоги замѣтила она.

Гаря, насупивъ брови, озабоченно слѣдилъ за нею. Въ маленькихъ глазахъ его проступило удовольствіе при видѣ той радости, которую вызвали его слова.

— Какое тамъ призваніе! — небрежно промолвилъ онъ. — Такъ, желаніе одно... Теперь у меня совсѣмъ другіе планы.

— Какіе планы? Гаря, милый, скажи.

— Да ты не волнуйся... Я и такъ скажу... Только ты не поймешь, пожалуй.

— Пойму, Гаря, милый, хорошій! Когда же я не понимала?

Нюта въ волненіи хотѣла даже приподняться на креслѣ, но Гаря поспѣшно удержалъ ее.

— Сиди, пожалуйста, чего ты волнуешься? Я просто не знаю, какъ выразиться. Еще никому не говорилъ, — нетерпѣливо прибавилъ Гаря, досадуя на себя, что не выдержалъ и проболтался передъ больною дѣвочкой въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ гвоздемъ засѣло въ его головѣ.

— Гаря, что же ты молчишь? — вскрикнула Нюта.

Она сидѣла лицомъ къ мальчику и лицо это, съ широко раскрытыми, ничего не видящими глазами и полуотверстыми отъ ожиданія алыми губками, выражало самый живѣйшій интересъ.

— Видишь ли, — нерѣшительно заговорилъ Гаря, — я хочу быть священникомъ.

Графинюшка слабо вскрикнула. Гаря взялъ ее за руку.

— Священникомъ? — повторила она, крѣпко сжимая горячую руку его. — Священникомъ?

— Да. Но только не городскимъ, а сельскимъ священникомъ.

Нюта еще грѣшче сжала руку Гари.

— Какъ это странно, Гари!—сказала она, запинаясь.

Лицо ея вспыхнуло горячимъ румянцемъ. Свободною рукой она схватилась за голову.

— Оставимъ это! Не будемъ говорить!— съ испугомъ пробор-мotalъ Гари.—Я напрасно сказалъ.

Онъ тревожно оглянулся на дверь кабинета, гдѣ Юлія Сергѣевна неустанно шагала взадъ и впередъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего!—послѣшила успокоить его Нюта.—Я не волнуюсь. Право, нѣтъ. Знаешь, Гари, вѣдь, это ужасно хорошо!

Лицо ея озарилось неподдѣльнымъ восторгомъ. Обѣими горячими ручками она изо всѣхъ силъ стиснула руку Гари.

— Ты это чудесно придумалъ,— промолвила Нюта, еще разъ сжимая ему руку, и вдругъ она поднесла эту руку къ своему лицу и прижала ее къ губамъ.

— Что ты дѣлаешь?—не то гнѣвно, не то растерянно вскрикнулъ Гари.

Онъ попытался высвободить свои пальцы изъ ея рукъ и не могъ. Тогда онъ осторожно потянулъ къ себѣ ея руки. Глаза дѣвочки, широко раскрытые, были устремлены на Гарю и было что-то трогательное въ этихъ большихъ незрѣлыхъ глазахъ и въ восторженномъ выраженіи ея лица.

— Сегодня не будемъ больше объ этомъ говорить. Послѣ когда-нибудь,—бережно сказалъ Гари.

Графинюшка, казалось, его не слышала.

— Гари,—заговорила она трепетнымъ голосомъ,—и тутъ мы будемъ вмѣстѣ. Я буду помогать тебѣ. И я, и мама.

Она съ минутой помолчала, какъ бы собираясь съ духомъ и какъ бы къ чему-то прислушиваясь. Убѣдившись, что никого, кромѣ Гари, нѣтъ около нея, она заговорила быстро, норывисто, нѣсколько задыхаясь и путаясь, какъ всегда говорила, когда ее что либо черезъ-чуръ волновало.

— Какъ-то разъ ночью у меня сдѣлался припадокъ. Я пришла въ себя, но не могла двинуться. Не могла говорить. Они думали, что я все еще безъ памяти. Я слышала голосъ твоей мамы. Она сказала... кому?—не знаю... и такъ тихо, такъ тихо, точно шепотомъ. Но я слышала, хорошо слышала: «Бѣдная крошка! за грѣхи отцовъ отвѣчаетъ!» Я много думала потомъ объ этихъ словахъ. Я не знаю, чтѣ они значать.

Графинюшка примолкла на мгновение, чтобы пересилить сле-

зы, внезапно подступившія ей къ горлу, и такъ же быстро продолжала, видимо, торопясь высказаться:

— Но вотъ что я знаю... Когда я выздоровлю... А, вѣдь, я же выздоровлю, Гаря?

О, сколько мольбы, сколько отчаянія было въ этомъ восклицаніи! Гаря безмолвно погладилъ ея маленькую, слабую, горячую руку. Графинюшка, повидимому, удовлетворилась этимъ молчаливымъ отвѣтомъ. Она живо и тверже продолжала:

— Да, когда я выздоровлю... я буду хорошо учиться, чтобы побольше знать, какъ можно больше. И тогда мы съ мамой оставимъ все это, все, что принадлежало Подольскимъ. Намъ съ мамой не нужно ни кресель ихъ бархатныхъ, ни картинъ, ни шелковыхъ платьевъ. Мы будемъ жить съ тобой въ деревнѣ. Я буду учить ребятокъ. Буду учительницей. Гаря! еслибъ только поскорѣй, поскорѣй!

Дѣвочка вся дрожала отъ волненія; болѣзненная усмѣшка искривила ей губы; въ глазахъ стояли слезы.

— Гаря, ты не знаешь, какъ бы я хотѣла отсюда вырваться! Сколько лѣтъ еще ждать!... За то потомъ, Гаря, мы всё будемъ счастливы тамъ, въ деревнѣ. Сколько дѣла у насъ будетъ! И мы будемъ вмѣстѣ. И кто знаетъ, можетъ быть, тамъ, вдали, работая, помогая другимъ и живя... живя совсѣмъ, совсѣмъ просто, вотъ такъ, какъ Спаситель заповѣдалъ жить, мы съ мамой, наконецъ, замолимъ *ихъ* грѣхи?... Кто знаетъ, Гаря, можетъ быть, и замолимъ?—слабымъ, едва слышнымъ голосомъ закончила она.

Мертвенная блѣдность разлилась по ея лицу. Голова ея опустилась на подушку; глаза закрылись. Гаря со страхомъ и тревогой смотрѣлъ на нее, не выпуская ея похолодѣвшихъ рукъ. Мѣрно и таинственно журчалъ фонтанъ, такъ же мѣрно и таинственно, какъ въ былыя, давно прошедшія времена, полныя веселья, смѣха и безпечныхъ рѣчей. Маленькая Психея задумчиво смотрѣла на свой потухшій свѣтильникъ, а въ сосѣдней комнатѣ, все съ тою же думой на блѣдномъ лицѣ, неустанно двигалась взадъ и впередъ графиня Юлія Сергѣевна.

Глубокое молчаніе, воцарившееся въ зимнемъ саду, заставило ее однако, очнуться отъ скорбнаго забытья. Она осторожно приблизилась къ дѣтямъ.

— Спать, — едва слышно прошептала Гаря, поворачивая къ не блѣдное, встревоженное лицо.

Но невыразимый страхъ отразился въ глазахъ матери.

— Пошли за докторомъ, — отрывисто пригласила она.

Докторъ засталъ дѣвочку въ глубокомъ обморокѣ. Сознаніе, однако, вернулось, но Юлія Сергѣевна напрасно пыталась уловить хотя бы лучъ надежды на лицѣ врача.

— Сердце плохо, — лаконически промолвилъ онъ.

Она ничего не сказала и молча, какъ автоматъ, исполняла всѣ его предписанія.

Ночь была мучительна. Обычный припадокъ, сопровождаемый неистовыми криками обезумѣвшей отъ боли дѣвочки, повторился съ удвоенною силой и то былъ послѣдній припадокъ. Сердце не выдержало. Мать опустила на подушку прислоненную къ ея плечу головку дочери съ посинѣвшимъ, искаженнымъ отъ страданія лицомъ и отошла къ окну. Кто-то взялъ ее подъ руку и вывелъ въ другую комнату. Она просидѣла неподвижно въ томъ креслѣ, въ которое ее усадили, пока солнце не взошло и не проникло холодными зимними лучами сквозь кружевную занавѣсь. Тогда она встала и прошла въ спальню.

Графинюшка, вся въ бѣломъ, лежала на своей бѣлоснѣжной кровати. Синева исчезла съ ея лица. Она лежала спокойная, прелестная, и едва уловимая улыбка застыла на раскрытыхъ губахъ. У ея ногъ, сгорбившись на стулѣ, сидѣлъ Гаря.

Юлія Сергѣевна приблизилась къ мальчику и положила ему руку на плечо. Сухими, воспаленными глазами она долго смотрѣла на дѣвочку.

— За что, Гаря, *она* отвѣчаетъ за *нихъ*? — сурово спросила она.

Гаря хотѣлъ что-то сказать, но, вмѣсто того, припавъ лицомъ къ ея рукамъ, зарыдалъ. Въ креслѣ у окна тихо всхлипывала Марья Игнатьевна, но у матери не было ни слезъ, ни рыданій. Не отнимая рукъ у плачущаго мальчика, она смотрѣла сухими глазами на графинюшку, и такъ же сурово и жестко повторяла:

— За что? за что?

Е. Ардовъ.

МАРЧЕЛЛА).

Романъ мистрисъ Уордъ.

IX.

Марчелла лежала на диванѣ въ гостиной Меллора. Уже стемнѣло, но она сказала Вильяму, чтобъ онъ не зажигалъ лампъ до тѣхъ поръ, пока она не позвонитъ. Она была такъ измучена и такъ нервна, что не могла выносить даже свѣта лампы. Она провела весь день у мистрисъ Гордъ, которая слегла въ постель, и Марчелла присматривала за ея дѣтьми. Горе, постигшее эту семью, легло тяжестью на ея душу, уже ослабленную собственными волненіями.

Теперь она прислушивалась къ звонку и шагамъ, ожидая Альда, и не могла опредѣлить, что ей неприятно: то ли, что онъ запаздаль, или то, что онъ вообще придетъ. Съ одной стороны, ее томила близость предстоящаго тяжелаго объясненія, съ другой—раздражало отношеніе Альда къ дѣлу объ убійствѣ. Впрочемъ, въ настоящую минуту мысль, что у нея есть поводы быть недовольной Альдомъ, доставляла ей нѣкоторое облегченіе; ей пріятно было ухватиться за что-нибудь, чтобъ обвинить его, и этимъ хоть сколько-нибудь уравновѣсить свою вину.

Ручка у двери повернулась. Наконецъ - то! Она вскочила. Но вошелъ Вильямъ съ вечернею почтой. За нимъ слѣдомъ вошла мистрисъ Бойсъ. Она внимательно посмотрѣла на дочь, спросила, пршла ли у ней головная боль, и сѣла рядомъ съ работой. Последние дни она очень заботливо относилась къ Марчеллѣ. Она не умѣла приласкать и утѣшить, но когда Марчелла вернулась изъ деревни блѣдная, съ ввалившимися глазами, мистрисъ Бойсъ объявила, что больше ее туда не пуститъ, уложила ее на диванъ и дала

* Русская Мысль, кн. IX.

успокоительныхъ капель. Марчелла не противилась, она попросила только написать Альду, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Меллоръ тотчасъ, какъ скоро узнаеть, къ какому окончательному заключенію привело судебное слѣдствіе. Марчелла просматривала письма и, между прочимъ, нашла на пакетъ изъ Лондона, заключавшій въ себѣ массу обращиковъ матерій; она нетерпѣливо отбросила его въ сторону и приподнялась на диванѣ.

— Мама, я должна сказать тебѣ одну вещь.

— Что, дитя мое?

— Мама, свадьбу нужно отложить на нѣсколько недѣль; это необходимо. Ты сама видишь, что я не могу теперь. У меня на рукахъ несчастная женщина. Я не могу думать о платьяхъ и раздѣлкахъ по портнихамъ. Я чувствую, что я теперь не въ состояніи ни о чемъ думать, какъ только о ней и ея дѣтяхъ. — Она съ трудомъ выговаривала слова необычно высокимъ и напряженнымъ голосомъ. — Судь будетъ засѣдать на той самой недѣлѣ и кто знаетъ, можетъ быть, какъ разъ въ самый день нашей свадьбы?

Она остановилась и смотрѣла на мать какъ бы угрожающимъ взглядомъ. Мистрисъ Бойсъ не показала и признака удивленія.

— Я такъ и думала, что ты скажешь что-нибудь въ этомъ родѣ, — сказала она послѣ нѣкотораго промежутка. — Съ твоей точки зрѣнія, это вполне естественно. Но, вѣдь, ты понимаешь, конечно, что очень немногіе посмотрятъ твоими глазами. Можетъ быть, Альдъ Рэборнъ будетъ на твоей сторонѣ — тебѣ лучше знать, но его родные, безъ сомнѣнія, будутъ противъ, а твой отецъ найдеть, что это («безуміе», — хотѣла она сказать, но смягчила)... глупость.

Въ усталыхъ глазахъ Марчеллы выражалась настойчивость.

— Что же дѣлать? Я иначе не могу. Я немедленно скажу объ этомъ Альду. Нужно отложить, по крайней мѣрѣ, на мѣсяць. И тогда еще будетъ достаточно плохо, — прибавила она, внутренне содрогаясь при мысли о томъ, что ожидаетъ несчастнаго Горда и его семью.

Послышался звонокъ. Марчелла приподнялась и облокотилась на ручку дивана. Лицо ея было мрачно и взволнованно.

Вошелъ Альдъ и взялъ ее за руку. Она вопросительно взглянула на него.

— По дѣлу объ Уэсталѣ Гордъ признанъ злонамѣреннымъ убійцей. Сегодня одинъ изъ этой шайки браконьеровъ самъ явился въ судъ, сознался и открылъ другихъ соучастниковъ, такъ что, вѣроятно, дня въ два или три полиція всѣхъ ихъ перехватаетъ.

Марчелла опять отодвинулась въ уголь дивана. Заслоняя глаза рукой отъ свѣта лампы, она старалась говорить спокойно, дѣловымъ тономъ.

— Самъ Гордъ былъ допрошенъ?

— Да. Онъ сообщилъ то же, что тебѣ. Но судь...

— Не повѣрилъ ему?

— Да. Слишкомъ многое говоритъ противъ него. Изъ его собственнаго показанія ясно, что онъ былъ вожакомъ шайки и въ тотъ вечеръ отправился стрѣлять дичь; онъ былъ вооруженъ, тогда какъ у Уэстала не было оружія. Затѣмъ онъ сознался, что Уэсталь потребовалъ у него ружье и сумку съ фазанами, но онъ отказался отдать. Тогда Уэсталь подступилъ къ нему, и онъ выстрѣлилъ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей утверждаютъ, что онъ давно уже произносилъ угрозы по адресу Уэстала.

— Трусы, шпионы! — воскликнула Марчелла, истерически всхлипывая и сжавши кулаки. — Его опять отвели въ тюрьму? — прибавила она немного спустя.

— Да. Въ четвергъ онъ предстанетъ передъ судьями.

— И ты будешь въ числѣ ихъ?

Тонъ, которымъ она произнесла эти слова, озадачилъ Альда. Мистрисъ Бойсъ покраснѣла отъ досады, но рѣшила не вмѣшиваться, сложила свою работу и вышла. Уходя, она услышала отвѣтъ Альда:

— Ты забываешь, что судья, сколько-нибудь прикосновенный къ дѣлу, не участвуетъ въ рѣшеніи его. Вмѣсто меня, будетъ мой дѣдъ.

— Значитъ, судъ будетъ состоять изъ помѣщиковъ, — воскликнула Марчелла, — т. е. изъ людей, которые, конечно, должны осудить браконьера!

— Ты несправедливо относишься къ намъ, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ изъ насъ, — возразилъ Альдъ. — Бстати, — прибавилъ онъ измѣнившимся голосомъ, — я сегодня слышалъ, что Уартонъ беретъ на себя защиту Горда.

— Это тебѣ не по вкусу? Ты, вѣроятно, желалъ бы, чтобъ его никто не защищалъ? — вызывающимъ тономъ проговорила она.

— Марчелла!

Это восклицаніе сразу отрезвило ее. Никогда она не уязвляла его такъ глубоко. Она готова была уже извиниться передъ нимъ, но слова не сходили у нея съ языка. Ее смущала мысль, что если теперь она не имѣетъ на него вліянія въ дѣлѣ, въ которомъ приняла такое горячее участіе и которое представляется ей яснымъ до

очевидности, что же будет послѣ свадьбы, можно ли ей рассчитывать на руководящую роль въ семейной жизни?

Такъ какъ онъ молчалъ, она вопросительно взглянула на него.

— Я жду, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Чего?

— Что ты возьмешь свои слова назадъ.

Она замѣтила, какъ болѣзненно оскорбили его ея слова; съ другой стороны, она въ первый разъ почувствовала, что онъ твердо и самоувѣренно заявляетъ свои права по отношенію къ ней. Гордость и самолюбіе запротестовали въ ней.

— Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы иначе выразиться, — заговорила она сдавленнымъ отъ волненія голосомъ, — но мнѣ съ самаго начала было ясно, что... что ты пристрастно относишься къ дѣлу. Ты смотришь на это преступленіе съ точки зрѣнія землевладѣльца, не хочешь допустить, что человекъ могъ быть раздраженъ, разгоряченъ, — у тебя нѣтъ состраданія.

Онъ прервалъ ее:

— Знаешь ли ты, гдѣ я былъ сегодня? У жены Уэстала, вѣсть съ Гарденомъ. Она суровая, несообщительная женщина, въ деревнѣ ее не любятъ, и никто не пришелъ навѣстить ее. Она въ скоромъ времени ожидаетъ ребенка и теперь находится въ такомъ первомъ, возбужденномъ состояніи, что докторъ опасается сумасшествія. Неужели тебѣ не жаль ее?

— Конечно, мнѣ жаль ее! — горячо воскликнула Марчелла. — Но я не могу относиться съ одинаковымъ чувствомъ къ притѣснителямъ и къ ихъ жертвамъ. Въ подобныхъ случаяхъ я, прежде всего, думаю о порядкахъ, которые доводятъ людей до преступленія. И я готова молиться, — да, молиться, чтобъ у меня было достаточно мужества и силъ для борьбы. Ты можешь находить меня безумной и дикой, но я такая и всегда буду такъ чувствовать.

Она вся дрожала отъ волненія.

— Ужаснѣе всего то, что я не могу рассчитывать на тебя, — продолжала она, — что я не могу заставить тебя чувствовать такъ, какъ я. И когда мнѣ будетъ нужна твоя помощь, когда я всѣмъ сердцемъ буду искать твоего сочувствія, я не найду его.

Его испугала ея горячность, онъ схватилъ ея горячія дрожающія руки и покрылъ ихъ страстными поцѣлуями.

— Скажи, какую помощь я не могу оказать тебѣ? Мнѣ такъ тяжело слышать это!

Но она отвѣчала другимъ вопросомъ:

— Какъ ты думаешь, чѣмъ это должно кончиться?

— Дорогая, вѣдь, я опять разстрою тебя, — сказалъ онъ грустно.

— Нѣтъ, скажи. Ты считаешь его виновнымъ, — значить, ты думаешь, что онъ будетъ обвиненъ?

— Если не будетъ какихъ-нибудь новыхъ оправдывающихъ свидѣтельствъ, я не вижу другого исхода.

— Хорошо, значить, онъ будетъ приговоренъ къ смерти. Но если, послѣ приговора, пустить въ ходъ какое-нибудь сильное ходатайство, кого-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ, хоть лорда Максвелла и тебя, можно будетъ спасти его? Я увѣрена, что радикальная партія попытается что-нибудь сдѣлать. Скажи, могу я рассчитывать, что ты присоединишься къ нимъ? Обѣщай—ради меня.

Онъ молчалъ.

Она смотрѣла на него; глаза ея пылали.

— Если онъ будетъ повѣшенъ, — продолжала она умоляющимъ голосомъ, — это оставитъ неизгладимое пятно на всей моей жизни. Я чувствую себя отвѣтственной за его судьбу. Я постоянно буду упрекать себя: еслибъ я не предавалась такъ собственнымъ дѣламъ—приготовленіямъ къ свадьбѣ и соломенному плетенію, я бы замѣтила, что происходитъ, я бы предотвратила этотъ ужасъ отъ людей, которые были моими истинными друзьями.

Она отняла руки, откинулась на спинку дивана и приложила платокъ къ глазамъ.

— Если бы ты ее видѣлъ сегодня утромъ, — заговорила она упавшимъ голосомъ, — если бы ты слышалъ, какъ она говорила мнѣ: «Барышня, если даже они сочтутъ его виновнымъ, они не повѣсятъ его, бѣднаго калѣку, который не имѣлъ никакихъ радостей въ жизни. Это невозможно! Вѣдь, кто-нибудь заступится же за него! Онъ выстрѣлилъ въ припадкѣ безумія. Съ прошлой зимы онъ былъ самъ не свой. Попросите, барышня, мистера Рэборна и лорда Максвелла хлопотать за него. Вѣдь, это случилось изъ-за ихъ дичи. Я буду умолять ихъ. Они такіе важные и богатые люди, а мы постоянно терпѣли крайнюю нужду».

Она остановилась, будучи не въ состояніи продолжать. Онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ. Было что-то высокое въ этомъ моментѣ: состраданіе къ несчастію другихъ омрачало ихъ собственное счастье. Наконецъ, онъ заговорилъ твердо, но глубоко-взволнованнымъ голосомъ:

— Я не хочу заранѣе обѣщать тебѣ что-нибудь опредѣленное. Можешь быть увѣрена только, что я отнесусь къ дѣлу безпристрастно. Но предупреждаю тебя, что я не буду хлопотать о немъ

только потому, что убійство произошло на *моей* землѣ, изъ-за *моей* дичи. Я буду смотрѣть съ общей точки зрѣнія. Ты не можешь себя представить, какъ глубоко я сознаю свою нравственную отвѣтственность; это дѣло поставило передо мной настоятельную этическую задачу; необходимость разрѣшить ее и раньше тяготила меня, а теперь это стало для меня пилткой, мукой. Какъ только я возьму въ свои руки управленіе имѣніями, я измѣню весь этотъ ненормальный порядокъ отношеній; я не хочу нести на своей душѣ бѣдствія и страданія людей.

Голосъ его задрожалъ.

— Но, — заговорилъ онъ опять твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, — эти соображенія не будутъ играть никакой роли въ моемъ сужденіи объ этомъ частномъ случаѣ. По твоему мнѣнію, если убійца заслуживаетъ сожалѣнія, то онъ долженъ быть освобожденъ отъ наказанія. Я стою на другой точкѣ зрѣнія: я думаю, что если бы убійца правильно смотрѣлъ на вещи, онъ бы долженъ былъ самъ требовать своей смерти, какъ единственнаго средства искупить свою вину. Англійскіе законы относительно убійства несовершенны, но въ основныхъ чертахъ я считаю ихъ справедливыми и...

— Ты говоришь такъ, какъ будто милосердія и состраданія не существуетъ на свѣтѣ, — горячо перебила она, — какъ будто люди, вырабатывающіе и исполняющіе законы, сдѣланы изъ другого тѣста, чѣмъ нарушающіе ихъ.

— Да, но, вѣдь, *законъ* вообще гораздо выше отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и законодателей, — отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ, — законъ, собственно чувство законности, какъ бы ни было оно несовершенно въ наше время, есть нѣчто священное, не потому, что оно вложено въ насъ свыше, но потому, что оно выросло вмѣстѣ съ нами, на почвѣ нашей собственной внутренней жизни.

Эти слова только разожгли негодованіе въ Марчеллѣ: то, что онъ говорилъ, могло быть очень глубокомысленно, но черезъ-чуръ отвлеченно, — его принципамъ недоставало живого чувства. И какъ могъ онъ высказывать подобныя мысли теперь, въ такую минуту? Какъ могъ онъ пускаться въ философскія тонкости и сохранять умственное и душевное равновѣсіе, когда онъ знаетъ, что женщина а безумно, отчаянно страдаетъ, а дѣти скоро будутъ сиротами? Кроме того, она подозрѣвала, что эти неумолимые принципы едва ли остались неизмѣнными, если бы дѣло шло не о браконьерѣ, а о мѣщикѣ, не о бѣднякѣ, а о богачѣ.

Но она была слишкомъ измучена, не въ состояніи была обм...

свои чувства въ слова и продолжать споръ. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на ея изнуренный видъ; она воспользовалась его просьбами, жалобами, совѣтами и высказала мнѣніе о необходимости отложить свадьбу.

Это было для него большимъ ударомъ и вело за собой многія практическія неудобства. Но онъ быстро примирился съ этимъ и съ своею обычною рыцарскою деликатностью и мягкостью пошелъ на встрѣчу ея желанію: рѣшено было отложить свадьбу на шесть недѣль.

— Мнѣ пора домой,— сказалъ онъ, вставая и принужденно улыбаясь.— Нужно возможно мягче передать теткѣ Агнетѣ наше рѣшеніе и задержать нѣкоторыя приготовленія къ свадьбѣ. А ты постарайся думать о чемъ-нибудь другомъ. Возьми книгу, почитай что-нибудь.

Онъ заботливо уложилъ ее на диванъ.

Уходя, онъ спросилъ:

— Видѣла ли ты Уартона послѣ всей этой катастрофы?

— Нѣтъ. Онъ присылалъ сюда своего повѣреннаго съ предложеніемъ взять на себя защиту Горда. Мистрисъ Гордъ и я—мы, конечно, согласились: лучшаго выбора нельзя было сдѣлать.

— Пожалуй, это вѣрно,— сказалъ Альдъ задумчиво.— Онъ очень искусный ораторъ, и я увѣренъ, что онъ возьмется за дѣло съ одушевленіемъ.

Она не отвѣчала. Она сознавала, что онъ великодушенъ, но это не трогало ее.

Онъ подошелъ и наклонился къ ней.

— Прощай, спокойной ночи, бѣдное дитя, сердце мое! Когда я увидалъ тебя сегодня въ хижинѣ Горда, я подумалъ объ евангельскихъ словахъ: дадите, и дастся вамъ. И тотчасъ я поклялся посвятить тебѣ все, что есть во мнѣ лучшаго.

Когда дверь затворилась за нимъ, Марчелла залилась горькими слезами,—этими слезами она прощалась со своею юностью и ея иллюзіями и вступала въ реальную жизнь, полную борьбы и трагизма.

Х.

Прошло около трехъ недѣль, полныхъ всякаго рода волненій. Когда окончилось слѣдствіе, какъ казалось Марчеллѣ, въ высшей степени придирчивое и пристрастное по отношенію къ обвиняемому, Марчелла отправила Альду письмо, глубоко его огорчившее.

«Прошу тебя, не приѣзжай ко мнѣ нѣкоторое время,—прочитай онъ тамъ.—Моя душа теперь полна чувствъ, которыя тебѣ кажутся нераціональными и несправедливыми. Но въ нихъ вся моя жизнь теперь, и я не могу выносить никакой критики или даже простого несочувствія. Когда тебя нѣтъ, я ясно сознаю, что ты вырвавъ думать по-своему и что возмутительно съ моей стороны ждать отъ тебя уступки въ томъ, что ты считаешь своимъ общественнымъ долгомъ. Поэтому не приходи теперь до суда. Я призыву тебя, когда мнѣ понадобится твоя помощь; я знаю, ты мнѣ не откажешь. Мистеръ Уартонъ сообщаетъ мнѣ всѣ свѣдѣнія о дѣлѣ. Прилагаю два его письма, изъ которыхъ ты увидишь, какъ онъ толкуетъ нѣкоторые свидѣтельства».

Съ тяжелымъ и мучительнымъ чувствомъ писалъ Альда ей отвѣтъ:

«Я готовъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, лишь бы облегчить для тебя это тяжелое время. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ больно думать, что мое присутствіе еще болѣе омрачаетъ твое настроеніе. Но, все-таки, я понимаю тебя. Объ одномъ только прошу тебя: не представляй себѣ разногласіе между нами больше, чѣмъ оно есть. Письма Уартона заставили меня о многомъ подумать. Если ходъ судебного разбирательства позволить мнѣ съ чистымъ сердцемъ перейти на сторону твоего воззрѣнія, съ какою радостью я буду просить тебя руководить мной и простить мнѣ тупость моего ума и чувства! Мнѣ кажется, тебѣ пріятно будетъ узнать, что Голленъ держится твоего мнѣнія относительно всего этого дѣла. Дорогая моя, какъ много мнѣ хотѣлось бы сказать тебѣ! Придетъ же, наконецъ, день,—онъ долженъ придти,—когда я все тебѣ выскажу. Теперь же помни, что, несмотря на всѣ невзгоды, я съ каждымъ днемъ люблю тебя все больше и больше».

Марчелла прочла это письмо, испытывая смѣшанные чувства; ей стало страшно за себя: неужели она никогда больше не будетъ въ состояніи просто и непосредственно чувствовать, и такъ же твердо, какъ прежде, идти по намѣченному пути?

Что касается Альда, въ послѣдующіе дни онъ на всѣ лады передуmывалъ о своей размолвкѣ съ Марчеллой. Бромъ того, онъ внимательно вновь пересмотрѣлъ дѣло объ убійствѣ, тщательно взвѣшивалъ показанія, два раза ѣздилъ въ Видрингтонъ и собиралъ свѣдѣнія и справки у повѣреннаго Уартона. Онъ узналъ отъ него, что и Уартонъ не надѣется на оправданіе Горда: какъ къ послѣднему средству, онъ думаетъ прибѣгнуть къ петиціи о помилуваніи.

Его поражала ловкость Уартона, умѣнье стать въ центрѣ движенія: онъ взялъ на себя защиту Горда, онъ проведетъ петицію о помилованіи, его имя будетъ популярно, и онъ заслужитъ благодарность Марчеллы. А самъ Альдъ — какой-то половинчатый человекъ: и въ философіи, и въ политикѣ, и въ любви онъ остановился на полпути; постоянно разъядаемые рефлексіей, неспособные къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, такіе люди всегда останутся позади Уартоновъ. Вотъ теперь его, Альда, отдалила отъ себя Марчелла, между тѣмъ какъ Уартонъ пользуется ея довѣріемъ и симпатіей и пытается завязать съ ней дружескія отношенія.

— Этому долженъ быть положенъ конецъ! — воскликнулъ онъ вдругъ рѣшительно. — Я имѣю право требовать и настаивать на этомъ. Но только, конечно, не теперь.

Марчелла это время жила тяжелою, напряженною жизнью: она почти не выходила изъ хижины Горда, ухаживая за больными — мистрисъ Гордъ и ея сыномъ. Очень часто, возвращаясь домой, она находила письмо Уартона, который старательно посвящалъ ее во все подробности дѣла. Письма его носили почтительный и дѣловой характеръ: ни малѣйшаго намека на сцену въ библіотекѣ, ни одной фамильярной черточки нельзя было найти въ нихъ; повидимому, онъ хотѣлъ вернуть прежнія товарищескія отношенія и совсѣмъ замолчать и забыть то, что произошло. Но какъ мало онъ зналъ ее, какъ плохо понималъ ея душу!

Однажды, возвращаясь домой, Марчелла увидала у крыльца маленькую двухколеску, запряженную пони, которую держалъ подъ уздцы Вильямъ.

— Мистеръ Уартонъ пріѣхалъ и ждетъ васъ, барышня, — сказалъ ей Вильямъ.

Она остановилась въ изумленіи, потомъ быстро овладѣла собой и спокойно вошла въ комнату. Уартонъ стоялъ у камина и разговаривалъ съ мистрисъ Бойсъ, которая слушала съ обычнымъ своимъ холоднымъ, безучастнымъ видомъ.

Какъ только Уартонъ ее увидѣлъ, онъ пошелъ ей на встрѣчу и церемонно поздоровался, затѣмъ заговорилъ дѣловымъ тономъ, какъ человекъ, который пріѣхалъ по дѣлу и которому некогда терять время.

— Я долженъ предупредить васъ, миссъ Бойсъ, что я не надѣюсь на оправданіе Горда. Я, конечно, употребляю все усилія, но я увѣренъ, что съ нимъ будетъ поступлено строго. Останется одно — просить о помилованіи. Среди своей партіи я, разумѣется, наберу голосовъ, но необходимо имѣть подписи людей всехъ партій. Если

мы не добудемъ подписи нѣкоторыхъ извѣстныхъ консерваторовъ, дѣло будетъ проиграно. Другими словами, можете ли вы склонить мистера Рэборна и лорда Максвелля подписаться подъ петиціей?

Марчелла сидѣла блѣдная и неподвижная.

— Я попытаюсь, — сказала она послѣ нѣкотораго размышленія.

— Только подъ этимъ условіемъ можно разсчитывать на успѣхъ, и мнѣ кажется, вы одна можете это сдѣлать. Во всемъ остальномъ вы можете положиться на меня: на судѣ я пушу въ ходъ всѣ средства, лишь бы предотвратить смертный приговоръ.

— Я услышу вашу рѣчь, я буду на судѣ, — перебила она его.

Онъ изумился такъ же, какъ и мистрисъ Бойсъ.

— И такъ, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — мнѣ пока нечего больше сообщить вамъ. До свиданія!

Марчелла медленно поднялась наверхъ; она вся дрожала. Прежде всего, она ощутила страшную пустоту и одиночество. Потомъ она горячо схватилась за мысль, какими средствами склонить Альда въ пользу петиціи.

XI.

Судъ окончился. Гордъ и двое его товарищей были приговорены къ смертной казни. Въ залѣ суда тамъ и здѣсь слышались всхлипыванія женщинъ.

Марчелла, измученная, обезсиленная, среди густой толпы выходила изъ залы, держа за руку маленькую дочку Горда, между тѣмъ какъ Альдъ велъ подъ руку едва передвигавшую ноги мистрисъ Гордъ.

— Усади ее на извозчика, — шепнула Марчелла Альду, — а мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ мистеру Уартону.

Обернувшись, она увидала Уартона.

— Миссъ Бойсъ, позвольте мнѣ провести васъ въ отдѣльную комнату, — сказалъ онъ. — Мистеръ Рэборнъ потрудится также зайти туда.

Онъ провелъ ее вдоль корридора и отворилъ дверь налѣво. Они вошли въ маленькую мрачную комнату; въ ней горѣлъ газъ, стогъ былъ загроможденъ бумагами.

— Я собралъ подписи, какія могъ, а васъ попрошу взять всегъ эту копію. Я самъ написалъ петицію и, мнѣ кажется, не упустилъ ни одного смягчающаго обстоятельства, но вотъ что касается п дписей...

Онъ вынулъ при этомъ изъ бокового кармана сложенный листъ бумаги.

— Пока очень слабо, — сказалъ онъ, покачивая головой. — Я уже говорилъ вамъ, что дѣло приняло политическую окраску. Хотя голоса либераловъ и радикаловъ намъ обезпечены, но этого мало: необходимо заявленіе мнѣній цѣлаго округа противъ законовъ объ охотѣ или, по крайней мѣрѣ, нужно добыть подписи самыхъ извѣстныхъ мѣстныхъ гражданъ. Не хотите ли просмотрѣть фамиліи?

И онъ провелъ пальцемъ по списку именъ, сопровождая ихъ комментаріями. Несмотря на наружное спокойствіе, онъ не могъ скрыть торжества по поводу своей силы: не сказавши ни слова въ свое оправданіе и извиненіе, онъ добился того, что она опять съ нимъ наединѣ, наклонила свою гордую голову и съ тревожнымъ вниманіемъ прислушивается къ его словамъ.

— Мнѣ кажется, теперь ясно, что нужно дѣлать, — сказалъ онъ, — вы постараетесь привлечь извѣстныхъ вамъ лицъ, а я, съ своей стороны, буду мусировать дѣло въ парламентѣ и въ печати. Радикальныя газеты уже подхватили этотъ случай.

Въ корридорѣ слышались шаги. Дверь отворилась, и вошелъ Альдъ Реборнъ. Его взглядъ нервно скользнулъ по двумъ фигурамъ, стоявшимъ у стола.

— Съ трудомъ нашли извозчика, — заговорилъ онъ. — Несчастную женщину пришлось приводить въ чувство; я послалъ съ ней одного изъ своихъ слугъ. Наша карета подана.

Онъ говорилъ холоднымъ, формальнымъ тономъ, былъ чрезвычайно блѣденъ, но держалъ себя гордо и съ достоинствомъ.

— Мы говорили съ миссъ Бойсъ о петиціи, которую хотимъ подать министру внутреннихъ дѣлъ, — сказалъ Уартонъ съ такою же холодною вѣжливостью.

Альдъ ничего не отвѣтилъ.

— Еще одно слово, миссъ Бойсъ, — обратился Уартонъ къ Марчеллѣ. — Прошу васъ, внимательно перечитайте петицію, прежде чѣмъ принятыя хлопотать. Вся суть ея въ одномъ пунктѣ, который можетъ вызвать сомнѣнія въ правильности рѣшенія дѣла и который былъ совсѣмъ не затронутъ на судѣ.

— Ты скоро поѣдешь? — сказалъ Альдъ Марчеллѣ. Съ трудомъ подавляемое нетерпѣніе сквозило въ его голосѣ: это раздражило ее.

— Я сдѣлаю все, что могу, — сказала она низкимъ голосомъ, но отчетливо выговаривая слова. — До свиданія! — и она протянула Уартону руку. Моментъ былъ знаменательный: это рукопожатіе

въ присутствіи Альда должно было выразить ея прощенье и благодарность Уартону.

Мужчины обижались холодными поклонами.

— Надѣюсь, мы съ вами встрѣтимся на будущей недѣлѣ въ парламентъ?— вскользь замѣтилъ Уартонъ.

— Я поѣду съ тобой въ замокъ,—сказала Марчелла, когда они остались вдвоемъ въ каретѣ.

Она все еще держала въ рукахъ пакетъ, переданный ей Уартонемъ. Чтобы свободнѣе было дышать, она отбросила назадъ черный газовый вуаль, и тутъ только съ сердечною болью Альдъ замѣтилъ, какіе тяжелые слѣды наложили на нее послѣднія событія. Она была блѣдна, изнурена, но въ каждомъ ея движеніи сквозила болѣзненная, нервная возбужденность.

— Позволь мнѣ молчать,—сказала Марчелла.—Я страшно устала, и мнѣ хочется отдохнуть. Когда мы пріѣдемъ въ замокъ, попроси, пожалуйста, миссъ Рэборнъ подать мнѣ обѣдъ въ ея комнату, а въ девять часовъ или около того я сойду внизъ,—мнѣ нужно поговорить съ тобой и лордомъ Максвелемъ.

Онъ положилъ ей подушку за спину, окуталъ пледомъ ноги и сидѣлъ безмолвный, терзаемый мрачными предчувствіями.

Когда они пріѣхали въ замокъ, лордъ Максвелъ и миссъ Рэборнъ поспѣшили на встрѣчу Марчеллѣ.

— Милая моя,—заговорилъ лордъ Максвелъ, взявши ее подъ руку,—какъ ты измучена!

Альд уже успѣлъ шепнуть своей теткѣ, чтобъ она провела Марчеллу въ свою комнату.

Когда Марчелла осталась одна въ комнатѣ миссъ Рэборнъ, она сѣла у пылающаго камина и развернула петицію. По мѣрѣ того, какъ она читала, лицо ея все болѣе и болѣе прояснилось. Все, что въ смутныхъ и неясныхъ чертахъ мелькало въ ея умѣ, было изложено здѣсь сильно и выразительно. Когда она кончила, она тотчасъ взяла клочекъ бумаги и написала слѣдующія слова:

«Прошу тебя и лорда Максвеля прочесть эту петицію раньше, чѣмъ я сойду внизъ. М.»

Затѣмъ она позвонила и попросила горничную передать миссеру Рэборну.

Остальное время до девяти часовъ она перебирала въ умѣ всѣ аргументы въ пользу Горда и старалась собраться съ силами для предстоящей борьбы.

Когда большіе часы внизу пробили девять, она стала спускаться—

ся по лѣстницѣ. Чувство одиночества въ этомъ большомъ, пустомъ домѣ охватило ее.

Вдругъ дверь отворилась, и Альдъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ къ ней на встрѣчу.

— Отдохнула ли ты, дорогая?—заговорилъ онъ, взявши ее подъ руку.—Какая ты блѣдная! Хочешь сейчасъ пойти къ дѣду? Онъ ждетъ тебя!

Лордъ Максвелъ стоялъ у своего письменнаго стола и смотрѣлъ въ раскрытый передъ нимъ листъ петиціи. При видѣ ихъ онъ поднялъ свою сѣдую голову. Прекрасное, орлиное лицо его было серьезно и взволнованно. Онъ встрѣтилъ Марчеллу въ высшей степени ласково и любезно.

— Сядь вотъ сюда на кресло. Альдъ, усади ее поудобнѣе. Бѣдняжка, какъ ты утомлена! Я слышалъ, ты хочешь поговорить со мной объ этомъ злосчастномъ дѣлѣ?

Марчелла съ глубокимъ довѣріемъ подняла на него свои глаза; она всегда симпатизировала Максвелю.

— Да,—сказала она, стараясь скрыть волненіе и сдержать свою порывистость.— Да, я хотѣла просить васъ и Альда подписать эту петицію, если это возможно. Я знаю, что это трудно, но мнѣ вѣжета, я могла бы представить вамъ дѣло въ другомъ свѣтѣ,—убѣдить васъ,—вѣдь, я такъ хорошо знаю этихъ людей, и потомъ чрезвычайно важно заручиться вашими подписями.

Какъ нескладно, какъ безсвязно говорила она! Она чувствовала, что еще не вполне овладѣла собой. Чуждая, роскошная обстановка, присутствіе Альда, который долженъ бы стать на ея сторону, но былъ противъ,—все это смущало ее.

Лордъ Максвелъ, очевидно, былъ растроганъ. Прежде всего, ему безконечно было жаль Марчеллу, такъ много выстрадавшую за послѣднее время. Какъ могъ Альдъ допустить это? Какая она худенькая, блѣдная, измученная!

— Дорогая моя!—сказалъ онъ, подойдя къ ней и отечески-ласково положивши ей руку на плечо.—Ты не повѣришь, съ какою радостью я сдѣлалъ бы для тебя это или все, что ты хочешь, если бы по совѣсти я могъ. И ради тебя, и ради твоего дѣда я далъ бы свое слово, еслибы это не нарушало идеи общественнаго долга, какъ мы его понимаемъ—я и Альдъ. Я думаю, и тебѣ было бы непріятно, если бы мы въ своей дѣятельности руководились личными чувствами и мотивами.

— Не въ этомъ дѣло: до сихъ поръ я не имѣла случая поговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ, а я держусь совершенно противупо-

ложной точки зрѣнія, чѣмъ Альдъ. Всѣмъ извѣстно, что есть другая сторона, возможность взглянуть на это дѣло иначе, чѣмъ судъ. Вѣдь, вы не были на судѣ.

— Я не былъ, но я очень внимательно прочиталъ всѣ свидѣтельства, и только что вмѣстѣ съ Альдомъ мы обсудили всѣ сомнительные пункты.

— Съ Альдомъ! — заговорила она другимъ тономъ. — Я думаю, онъ могъ бы предоставить мнѣ поговорить съ вами сначала, хотя бы на этотъ разъ!

Альдъ наклонился къ ней.

— Ты мнѣ прислала петицію, — сказалъ онъ, и я понялъ такъ, что мы должны прочесть и обсудить ее вмѣстѣ. — Мнѣ очень жаль, что я тебя не понялъ.

Она пыталась овладѣть собой и провела рукой по лбу. Ей казалось, что все погнѣбло; гнѣвъ и отчаяніе охватили ее.

— Все дѣло въ томъ, — горячо заговорила она, цѣпляясь за послѣднее средство, — можно ли дать вѣру собственному показанію Горда? Судъ отвергнулъ его, настаивая на старинной враждѣ и ненависти. Но неужели оно безусловно немыслимо и невозможно? Во всякомъ случаѣ, оно вводитъ нѣкоторое сомнѣніе, и если даже признать, что это убійство, — его надо рѣзко отличать отъ другихъ видовъ убійства.

Теперь она нашла на настоящій путь; она говорила образно, убѣдительно, съ полнымъ знаніемъ дѣла во всѣхъ подробностяхъ. Но сквозь логическую связь ея аргументовъ пробивалось одушевленное ея рѣчь чувство жалости, состраданія. Эта исторія, представлявшаяся лорду Максвелю такою гнусной, звѣрской и обыденной, превратилась въ ея воображеніи въ трагическую поэмю, и она всѣмъ существомъ жила и страдала за ея дѣйствующихъ лицъ.

Когда она кончила, высказавши все, что могла придумать, она умоляюще взглянула на лорда Максвеля.

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, потомъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Ты говорила, — сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ, — прекрасно, благородно, какъ женщина съ отзывчивою, сострадательною душой. Но, милое дитя, все, что ты говорила, не ново для меня. Мы съ Альдомъ добросовѣстно старались стать на твою точку зрѣнія, но, несмотря на все желаніе, по совѣсти, ни я, ни Альдъ, мы не можемъ раздѣлять твоего мнѣнія. Я считаю Горда злонамѣреннымъ убійцей и думаю, что онъ заслуживаетъ своей кары.

И въ короткихъ словахъ, ясно и серьезно, изложилъ онъ передъ

ней свои основанія. Въ его тонѣ и обращеніи высказывалась невольная дань уваженія не столько лично къ Марчеллѣ, сколько къ новому общественному положенію женщины.

Марчелла съ внутреннимъ безпокойствомъ слушала его. Краска, которая выступила у нея на щекахъ во время ея монолога, мало-по-малу исчезла, и она становилась все блѣднѣе и блѣднѣе. Когда лордъ Максвелъ замолчалъ, она быстро проговорила:

— Значить, вы не подпишете?

— Нѣтъ, — рѣшительно возразилъ онъ, — я не могу подписать. Марчелла содрогнулась.

— Значить, — медленно проговорила она, — Гордъ будетъ казненъ?

Лорда Максвеля передернуло отъ нетерпѣнія.

— Вовсе одно изъ другого не слѣдуетъ, — сказалъ онъ. — Правда, иногда, благодаря петиціи, пересматриваютъ и перерѣшаютъ дѣло. Но если бы министръ внутреннихъ дѣлъ сталъ рѣшать вопросъ о преступленіи не на основаніи законовъ и совѣсти, а по какому бы то ни было другимъ соображеніямъ, онъ былъ бы недостойнъ занимать свое мѣсто ни одного дня, ни даже часа. Ты неправильно представляешь себѣ все положеніе вещей.

Марчелла продолжала стоять на своемъ: въ ней трепетало страстное негодованіе противъ предразсудковъ и привилегій высшаго класса.

— А ты держишься того же мнѣнія? — обратилась она къ Альду.

— Я не могу подписать петиціи, — мрачно проговорилъ онъ. — Ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело отказывать тебѣ.

Это было тяжелымъ ударомъ для Марчеллы. Какъ ни была она, повидимому, подготовлена къ неудачѣ, въ глубинѣ души она, все-таки, сохраняла увѣренность, что, въ концѣ-концовъ, побѣда склонится на ея сторону. Она привыкла къ тому, чтобы всѣ преграды рушились передъ силой ея личнаго вліянія и обаянія.

Лордъ Максвелъ уловилъ страдальческое выраженіе лица у Альда и быстрое, безпокойное дыханіе у Марчеллы.

— Альдъ, — сказалъ онъ, вставая, — я оставлю васъ на нѣкоторое время. Дай Марчеллѣ отдохнуть и успокоиться. Потомъ приходите къ намъ пить кофе. Прежде всего, убѣди ее, пожалуйста, что мы отъ души ее любимъ и цѣнимъ, но что въ подобнаго рода дѣлахъ она должна предоставить намъ поступать, какъ повелѣваетъ совѣсть.

Когда онъ вышелъ, Марчелла вскочила.

— Вели подать экипажъ,— сказала она глухимъ голосомъ.— Я хочу сейчасъ ѣхать.

— Марчелла! — воскликнулъ Альдъ. — Если ты не можешь быть великодушна, будь, по крайней мѣрѣ, справедлива ко мнѣ.

— Справедлива! — повторила она съ выраженіемъ отвращенія и оттолкнула его отъ себя. — Ты смѣешь говорить о справедливости!

Онъ пробовалъ что-то сказать, но занялся и замолчалъ. Но когда онъ не любилъ ее такъ страстно, какъ въ настоящую минуту, но, въ то же время, чувствовалъ, что внутри оборвало что-то, и первое предчувствіе разрыва болѣзненно зашевелило въ сердцѣ.

— Ты, въ этомъ домѣ, — заговорила она, порывисто шагавъ назадъ и впередъ по комнатѣ, — при такой жизни, вздумалъ говорить о справедливости! Вотъ что называется у васъ справедливостью — казнить людей, подобныхъ Горду! А я должна возвратиться въ жалкую хижину, къ несчастной женщинѣ, и сказать ей что нѣтъ *никакой* надежды! И все потому, что ты слѣдуешь своимъ совѣсти. О, лучше бы было, если бы, вмѣсто совѣсти, у тебя бы было сердце! Пожалуйста, не подходи ко мнѣ. Я должна обдумать, какъ мнѣ поступить. Такъ дальше идти не можетъ. Я терзаюсь и застаю тебя страдать. Но, во всякомъ случаѣ, теперь я должна идти къ *ней*, къ *блѣднымъ* людямъ, которыхъ я люблю и всегда ношу въ сердцѣ своемъ!

И она разразилась рыданіями.

— Ты презираешь богатство, — заговорилъ онъ, стараясь взять ее за руки, — но ты не имѣешь права презирать человѣка, который отдалъ тебѣ свое сердце и проситъ только объ одномъ, чтобы ты считала его бездушнымъ лицемѣромъ.

Дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ. Въ первое время какъ будто смутилъ рѣшительный тонъ его голоса и моральныя упреки, заключавшіяся въ его словахъ. Но она быстро отдѣлалась отъ этого и сказала:

— Прошу тебя, вели подать экипажъ. Мнѣ необходимо ѣхать домой и отдохнуть. Когда-нибудь я попрошу у тебя прощенья за это и... и... — голосъ измѣнялъ ей, — и за другія вещи. Но теперя уѣду. Я рада, что у меня есть хоть одинъ человѣкъ, который мнѣ сочувствуетъ. Я этого никогда не забуду!

Слушая эти опрометчивыя слова и намеки, Альдъ какъ бы онемѣлъ. Машинально двинулся онъ къ звонку и нажалъ его.

Черезъ минуту Марчелла выѣзжала изъ замка.

ХП.

— Это, наконецъ, невыносимо! — сказалъ Альдъ. — Она дома отказывается принять меня!

Оскорбленіе, нанесенное Альду, вывело изъ себя даже мистрисъ Бойсъ, несмотря на всю ея сдержанность и самообладаніе.

— Бъ сожалѣнію, это такъ, — нервно заговорила она. — Я пыталась уговорить ее, но ничего не добилаь. Я думаю, будетъ благодаримѣ вамъ теперь не настаивать.

Альдъ растерянно смотрѣлъ внизъ. Черезъ нѣсколько времени онъ спросилъ:

— По крайней мѣрѣ, не поручила ли она что-нибудь передать мнѣ?

— Нѣтъ, ничего. Она только сказала, что не желаетъ видѣть никого изъ замка, даже васъ, пока судьба Горда не будетъ окончательно рѣшена.

Альдъ сталъ оглядывать комнату, и взглядъ его упалъ на конвертъ, адресованный на имя Марчеллы; почеркъ былъ ему знакомъ; конвертъ лежалъ на креслѣ, тутъ же въ ручку кресла была воткнута иголка съ черною ниткой: очевидно, Марчелла только что сидѣла тутъ и убѣждала отъ него.

Альдъ подошелъ къ мистрисъ Бойсъ и сѣлъ около нея.

— Скажите, пожалуйста, — заговорилъ онъ рѣшительно, — мнѣ кажется, я имѣю право задать этотъ вопросъ: состоитъ ли Марчелла въ постоянной перепискѣ съ Уартономъ?

— Мнѣ кажется, — быстро отвѣтила она. — Насколько я могу судить, онъ пишетъ ей черезъ день.

— Она показываетъ вамъ его письма?

— Да, очень часто. Они касаются исключительно дѣла Горда.

— Не находите ли вы, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — что со времени его пріѣзда сюда взгляды Марчеллы кореннымъ образомъ измѣнились подъ его вліяніемъ?

Хотя мистрисъ Бойсъ давно ожидала подобнаго вопроса, на этотъ разъ, все-таки, смутилась и не сразу отвѣчала ему. Она взяла въ руки свое вышиванье: по ея мнѣнію, въ критическія минуты работа для женщины играетъ ту же роль, что сигара для дипломата.

— Да, несомнѣнно, — сказала она, наконецъ. — Онъ заставилъ ее много читать и размышлять о тѣхъ вопросахъ, о которыхъ она любила толковать и раньше, и, такимъ образомъ, значительно повлиялъ на складъ ея мнѣній.

Она замѣтила, что Альдъ поморщился при этихъ словахъ, и она не хотѣла скрывать отъ него ничего.

— Скажите, ихъ отношенія ограничивались только этимъ? — спросилъ Альдъ не своимъ голосомъ.

— Я не знаю, — отвѣтила она спокойно, — но я *не думаю*, чтобъ они зашли дальше. Позвольте мнѣ высказать свое мнѣнiе.

— Прошу васъ, — сказалъ онъ и положилъ свою руку на ея.

— Оставьте Марчеллу на нѣкоторое время въ покоѣ. Она теперь сама не своя. Но когда всѣ эти тяжелыя событiя пройдутъ и она нѣсколько оправится, тогда предложите ей этотъ вопросъ.

Спустя минуту, желая перемѣнить разговоръ, мистрисъ Бойсъ спросила:

— Вы сегодня вернулись изъ Лондона?

— Да, — отвѣтилъ онъ, пытаясь улыбнуться, — и сегодня же долженъ уѣхать опять.

— Я не понимаю, какъ вы можете отлучаться въ такое напряженное время? — спросила мистрисъ Бойсъ.

— Что же дѣлать? — сказалъ онъ. — Когда васъ терзаютъ сомнѣнiя и подозрѣнiя, вы ни на что не обращаете вниманiя. Кроме того, со времени суда я чувствую себя негоднымъ ни для какого дѣла.

Онъ говорилъ просто, но сердце ея сжималось отъ жалости.

— Посмотрите, — сказала она, поднимая съ пола кусокъ черной матерiи, — Марчелла уже шьетъ траурныя платья для дѣтей, — очевидно, она не надѣется на помилованiе Горда.

— Неужели вы ничего не можете сдѣлать? — сказалъ онъ съ укоромъ и отчаянiемъ въ голосѣ. — И день, и ночь только и думать объ одномъ, — вѣдь, это ужасно! А я безсиленъ, отвергнуть.

И онъ закрылъ лицо руками.

— Нѣтъ, я ничего не могу сдѣлать, — сказала мистрисъ Бойсъ задумчиво. Затѣмъ черезъ минуту она прибавила: — Какъ вы думаете, петиція можетъ имѣть успѣхъ?

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Недавно я встрѣтилъ одного изъ судей, который сообщилъ мнѣ, что министерство отвѣтитъ отказомъ. Пожалуйста, только не говорите ничего Марчеллѣ о томъ, что я спрашивалъ судью, — прибавилъ онъ быстро, умоляющимъ голосомъ, — мнѣ было бы очень неприятно, еслибъ она подумала...

Мистрисъ Бойсъ никогда въ голову не приходило, что она можетъ увидать Альда въ такомъ жалкомъ, растерянномъ видѣ.

— Мнѣ пора идти, — сказалъ онъ, вставая. — Передайте ей,

пожалуйста, отъ меня, что съ ея стороны очень жестоко отказать мнѣ въ свиданіи, между тѣмъ какъ я ради нея пренебрегъ дѣлами и нарочно пріѣхалъ изъ Лондона.

— Ужь предоставьте это мнѣ самой, — сказала мистрисъ Бойсъ. — Ахъ, кстати: Марчелла поручила мнѣ благодарить васъ. Сегодня мистеръ Уартонъ написалъ ей, что вы дали ему рекомендаціи къ двумъ очень важнымъ для него лицамъ.

Альдъ отвѣтилъ презрительнымъ, нетерпѣливымъ жестомъ. Когда онъ вышелъ изъ дома, Марчелла изъ окна слѣдила за нимъ.

На другое утро Марчелла получила слѣдующую телеграмму отъ Уартона:

«Все кончено. Министръ отказался поддержать петицію. Примите мое сочувствіе и сожалѣніе».

Вечеромъ, наканунѣ казни Горда, несмотря на протесты отца, Марчелла отправилась въ деревню. Она надѣла длинный плащъ, взяла съ собой дѣвушку, которая освѣщала путь фонаремъ.

Ночь была темная, дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Передъ дверью хижины Марчелла отпустила дѣвушку и остановилась на мгновеніе, прислушиваясь: изъ хижины доносился знакомый ей голосъ священника, который вслухъ читалъ Евангеліе.

Она тихо вошла, чтобы не нарушить чтенія, и сѣла въ сторонѣ, у постели больного мальчика. По срединѣ неподвижно лежала мистрисъ Гордъ съ тупымъ, безжизненнымъ лицомъ, закрытыми глазами и безпорядочно разбросанными сѣдьющими волосами.

Мистеръ Гарденъ окончилъ чтеніе Евангелія, обратился со словами утѣшенія къ мистрисъ Гордъ и вышелъ.

Марчелла рѣшила остаться здѣсь на всю ночь. Она принесла съ собой усыпительныхъ капель и уговорила мистрисъ Гордъ принять ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышалось ея ровное дыханіе; мальчикъ тоже вскорѣ заснулъ.

Сильный дождь при порывистомъ вѣтрѣ хлесталъ въ окна; Марчелла дрожала отъ холода, хотя сидѣла у ярко горѣвшаго камина.

Ночь длилась безконечно. Марчелла принесла съ собой книгу, но не раскрывала ея. Ночная тишина возбуждала ее, напрягала ей нервы; мрачныя думы томили ее, страшные призраки носились передъ ней.

Наконецъ, слабый свѣтъ пасмурнаго мартовскаго утра пробился сквозь окна. Марчелла посмотрѣла на часы: было безъ десяти восемь. Пора было будить мистрисъ Гордъ, — Марчелла считала себя не вправѣ отнять у несчастной женщины этотъ послѣдній часъ жизни ея мужа.

Она отдернула занавѣски, обернулась и съ ужасомъ увидала при дневномъ свѣтѣ, что у мальчика открыты глаза и смертельно-блѣдное личико. Внутренно дрожа, она подбѣжала къ нему и схватила его за руки: онѣ были холодны, какъ ледъ.

— Мистрисъ Гордъ, мистрисъ Гордъ! — закричала она отчаяннымъ голосомъ, — посмотрите, что съ Вилли!

Та дико вскочила, бросилась къ мальчику, начала оттирать ему ноги и руки, но все напрасно. Убѣдившись, что все кончено, она пронзительно вскрикнула, упала на колѣни и закрыла лицо руками, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Послышался глухой звукъ колокола: церковные часы пробили восемь. Мистрисъ Гордъ подняла голову и стала прислушиваться.

— О, Джимъ, бѣдный мой! — жалобно простонала она.

Эти простые слова обезсиленной отъ мукъ отчаянія женщины болѣзненно отдались въ сердцѣ Марчеллы. Она съѣла на постель умершаго мальчика, обняла руками несчастную мать и стала шептать ей слова утѣшенія и молитвы.

XIII.

Черезъ два дня Альдъ Рэборнъ входилъ въ гостинную Меллора. Заслышавши его шаги, мистрисъ Бойсъ хотѣла удалиться изъ комнаты, но онъ съ большою настойчивостью задержалъ ее.

— Не уходите. Мнѣ необходимо разъяснить одну вещь. Скажите, правда ли, что она считаетъ меня въ нѣкоторой степени виновникомъ смерти Горда, и на этомъ основаніи желаетъ разорвать со мной?

Онъ держалъ въ рукахъ смятое письмо Марчеллы.

— Марчелла сама объяснитъ вамъ все, — сказала мистрисъ Бойсъ. — Она не уполномочила меня говорить съ вами. Да по правдѣ сказать, я не понимаю ее, и чѣмъ больше я узнаю ее, тѣмъ больше убѣждаюсь, что она совсѣмъ чужда мнѣ. Такъ и должно было быть. Она воспитана не дома, и между нами не образовалось никакой взаимной связи. Поэтому я не могу помочь вамъ.

— Еще одно слово, прошу васъ. Скажите мнѣ, что произошло съ четверга? Я написалъ ей, но только сегодня утромъ получилъ отвѣтъ.

Мистрисъ Бойсъ рассказала ему въ короткихъ словахъ о телеграммѣ Уартона, о ночи, проведенной Марчеллой въ хижинѣ Горда, о смерти мальчика. Альдъ съ видимымъ ужасомъ выслушивалъ ее рассказъ.

— Знаете ли вы, что отъ этихъ впечатлѣній она не отдѣляется всю жизнь?—спросилъ онъ.—Такое страшное потрясеніе, такія ужасныя сцены! И къ чему это? Зачѣмъ?

— Я понимаю. Вы осуждаете меня, зачѣмъ я допустила. Это вполне понятно. Но въ данномъ случаѣ мы съ вами расходимся во взглядахъ. По-моему, каждому необходимо знать жизнь со всѣми ея ужасами, намъ, женщинамъ, въ особенности. Однако, мнѣ нужно идти, а то мужъ войдетъ сюда за мной, а мнѣ кажется, вамъ надо прежде всего повидаться съ Марчеллой.

Онъ согласился и взволнованнымъ голосомъ попросилъ прислать къ нему Марчеллу. Когда мистрисъ Бойсъ вышла, Альдъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, придумывая, что сказать ей.

Наконецъ, ручка у двери повернулась. Марчелла вошла.

Онъ не пошелъ ей на встрѣчу. Она приготовилась встрѣтить съ его стороны или упреки, или мольбы и собиралась или разсердиться, или смягчиться, сообразно съ тѣмъ, какъ бы онъ повелъ себя. Но онъ молчалъ, и она принуждена была, худо ли, хорошо ли, прервать это тягостное молчаніе.

— Я хотѣла все объяснить тебѣ,—заговорила она низкимъ голосомъ, подойдя къ нему.—Моя вчерашняя записка была слишкомъ рѣзка и груба. Я вовсе не хотѣла быть грубой. Но я черезчуръ утомлена, и все, что я говорю или дѣлаю, выходитъ нервно и рѣзко.

Она опустилась на стулъ. Извиненіе совсѣмъ не входило въ ея программу и вышло какъ-то невольно.

— Марчелла!—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней.—Ты прочтала мое письмо, которое я прислалъ тебѣ наканунѣ того?

— Да.

— И послѣ этого ты, все-таки, утверждаешь, что я пренебрежительно отношусь къ твоему душевному состоянію и вообще къ горю и страданіямъ людей?

— Я сузу не по тому, что ты говоришь, а по тому, что ты дѣлаешь,—сказала она съ мрачнымъ видомъ, смотря въ сторону.

— Что же такое я сдѣлалъ?—гордо проговорилъ онъ.—Я только потребовалъ для себя той свободы сужденія, свободы совѣсти, которой ты такъ страстно добиваешься для другихъ. Ты мнѣ отказываешь въ этой свободѣ и даже больше того: послѣднія пять недѣль ты отнимала у меня самое дорогое право—откровенно высказаться передъ тобой, показать тебѣ, что, несмотря на печальную разницу во мнѣніи, отъ которой я страдаю неизмѣримо больше, чѣмъ ты,

въ сущности, мы съ тобой преслѣдуемъ однѣ и тѣ же цѣли, страдаемъ отъ однѣхъ и тѣхъ же бѣдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, повернувшись къ нему и ухватившись за послѣднее слово,—отъ какихъ бѣдъ ты страдаешь? Я знаю, тебѣ было грустно, ты жалѣлъ меня, можетъ быть, и мнѣ. Но ты смотрѣлъ на все это сверху, свысока, и не имѣлъ на это никакого права. Меня просто бѣсило, что ты можешь взирать съ высоты на подобныя вещи, между тѣмъ какъ я была тамъ, внизу, среди всѣхъ ужасовъ и несчастій.

— Но чья же вина,—прервалъ онъ,—что я не былъ съ тобой? Развѣ я не предлагалъ тебѣ, не умолялъ тебя? Обсудимъ, прежде всего, слѣдующій пунктъ. Неужели ты хотѣла бы, чтобы я, ради того только, что ты меня просишь, подписался подъ заявленіемъ, которое считаю несправедливымъ, ложнымъ? Ты обязана дать мнѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

— Ты забылъ,—горячо воскликнула она,—что вовсе не это оттолкнуло меня отъ тебя, а твоя неспособность почувствовать состраданіе къ человѣку, нежеланіе понять, что это нашъ долгъ по отношенію къ людямъ, подобнымъ Горду,—обездоленнымъ и немощнымъ.

Ея губы задрожали.

— Значить,—заговорилъ онъ рѣшительно,—еслибъ я былъ бѣднякомъ, мнѣ было бы позволено думать и дѣйствовать по совѣсти въ подобныхъ случаяхъ. Пойми, что я несу на себѣ обязанности гражданина и что состраданіе есть только одна составная доля справедливости. Проступокъ Горда направленъ не противъ меня лично, а имѣетъ общественный характеръ, поэтому я обязанъ былъ, прежде всего, подумать объ общемъ благѣ, прежде даже, чѣмъ о тебѣ и о твоихъ желаніяхъ. А ты хочешь лишить меня самаго основнаго, нравственнаго права, ты пренебрегаешь моими чувствами, моею совѣстью. Ради удовлетворенія твоего самолюбія и чувства жалости, я долженъ принести себя въ жертву. Марчелла! Ты проповѣдуешь справедливость, равенство, почему ты отказываешь въ этомъ одному мнѣ,—мнѣ, за котораго ты обѣщала выйти замужъ?

Голосъ его дрогнулъ на послѣднихъ словахъ. Онъ наклонился къ ней и хотѣлъ взять ея руку. Но она отшатнулась отъ него рѣзкимъ движеніемъ.

— Не трогай! Оставь меня! Можетъ быть, ты правъ. Можетъ быть, я поступила легкомысленно, жестоко, несправедливо. Но неужели ты не видишь, что если теперь по этому поводу мы

МОГЛИ тагъ рѣзко разойтись во взглядахъ, что же будетъ, когда **МЫ** поженимся? Я не должна была давать тебѣ своего слова ни **ВЪ** какомъ случаѣ, даже въ то время. Но *теперь*, посмотри самъ: я стала совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Многое во мнѣ исчезло окончательно, но, вмѣсто того, меня жжетъ и томить внутренней огонь, который тагъ или иначе пробьетъ себѣ дорогу. Когда я вспомню, что меня прельщало стать твою женой—богатство, нарядные туалеты, драгоценности, много слугъ и въ особенности общественное положеніе и вліяніе,—мнѣ станетъ досадно и стыдно. Теперь мнѣ трудно дышать въ такомъ домѣ, какъ вашъ. Я думаю, что только бѣдные *живутъ* настоящею жизнью и дѣйствительно *страдають*. Я буду жить съ ними, для нихъ работать, имъ помогать. А ты долженъ отказаться отъ меня. О, ты сдѣлаешь это съ радостью, когда узнаешь, *что я такое!*

Эти слова испугали его. Что случилось съ этою смѣлою пророчицей? Она лежала блѣдная, недвижимая, уткнувши лицо къ ручку кресла.

Въ одно мгновеніе онъ былъ на колѣняхъ у ея ногъ.

— Марчелла! — едва слышно прошепталъ онъ, прижимая ея дрожащую руку къ своимъ губамъ. — Ты рѣшаешься утверждать, что страдать могутъ только одни бѣдняки: неужели ты не понимаешь, какую страшную рану ты мнѣ наносишь, порывая со мной?

Она вырвала свою руку.

— Не подходи, не подходи ко мнѣ! — закричала она, всхлипывая отъ душившихъ ее рыданій. — Есть еще нѣчто, что я должна сказать тебѣ.

Альдъ поднялся.

— Ты хочешь сказать, — проговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ, — что постороннее вліяніе, что другой человѣкъ сталъ между нами?

Она приподнялась и употребила усилія, чтобы сдержатъ слезы.

— Съ какимъ удовольствіемъ я сказала бы тебѣ только слѣдующее, — заговорила она съ длинными остановками послѣ каждой фразы: — когда я давала тебѣ слово, я не знала себя и не понимала своей роли въ жизни. Я ошиблась, но прости меня и разстанемся, ради нашего общаго блага; я знаю, сказать это было бы очень тяжело, но, все-таки, несравненно легче, чѣмъ то, что мнѣ предстоитъ теперь. Неужели ты ничего не подозрѣвалъ? Когда мистеръ Уартонъ пріѣхалъ, я скоро стала смотрѣть на вещи совсѣмъ другими глазами, подъ его вліяніемъ. Я никогда не встрѣчала человѣка, который бы тагъ глубоко возбудилъ всѣ силы моего ума и души: онъ отбрылъ передо мной широкіе планы и вызвалъ во мнѣ жажду по-

жертвовать ради нихъ не только своимъ имуществомъ, но даже жизнью. Я считала наши отношенія дружбой, но, въ то же время, чувствовала, что со мной происходитъ что-то необычное. Наконецъ, послѣ бала, когда я вернулась домой и сидѣла въ своей комнатѣ, я услышала шаги, — ты знаешь, что въ этой части дому насъ являлись привидѣнія, — я вышла посмотрѣть. Можетъ быть въ глубинѣ души, — нѣтъ, я не знаю, не могу тебѣ сказать, — какъ бы тамъ ни было, онъ оказался тамъ. Мы вошли въ библіотеку и разговаривали. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ разстраивать нашей свадьбы, но, все-таки, наговорилъ мнѣ много безразсудныхъ вещей въ концѣ-концовъ, поцѣловалъ меня.

Послѣднія слова она произнесла беззвучнымъ шепотомъ. Она часто представляла себѣ, какъ она признается въ этомъ Альду; но она никогда не ожидала, что можетъ дойти до такого глубокаго самоуничженія.

Альдъ медленно поднялся со стула.

— Когда это случилось? — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Я уже сказала тебѣ — въ ночь послѣ бала, въ ту самую ночь, когда произошло убійство, — прибавила она съ внутренней дрожью, — мы видѣли, какъ Гордъ пересѣкалъ аллею. Я тебѣ хотѣла рассказать все это тогда же.

— И отказалась отъ этого намѣренія?

Она повернулась къ нему и заговорила опять вызывающимъ тономъ:

— Когда мнѣ было думать о своихъ личныхъ дѣлахъ?

— Или о моихъ? — съ горечью прибавилъ онъ.

Она не отвѣчала.

Онъ подошелъ къ камину. Лицо его было чрезвычайно блѣдно, но глаза горѣли страннымъ блескомъ. Взглянувши на него, она поняла, что ея желаніе исполнилось: его гнѣвъ и презрѣніе служили для нея искупленіемъ.

— Какъ же ты могла скрывать отъ меня такъ долго? За все это время ты не дала никакого намека, ты спокойно принимала мои извиненія и оправданія, ты позволяла мнѣ вѣрить въ чистоту и безкорыстіе твоихъ намѣреній, ты мнѣ присылала его письма, которыя поддерживали мои заблужденія, а, между тѣмъ...

— Но, вѣдь, я хотѣла тебѣ рассказать, я все время думала о томъ, чтобы тебѣ рассказать! — горячо воскликнула она. — Я не въ состояніи была бы жить съ такою тяжестью на душѣ — не радъ тебѣ, но ради самой себя я должна была тебѣ сказать.

— И, однако, ты жила такъ долго, — сказалъ онъ, — а какъ мучился это время, какъ страстно любилъ тебя!...

Онъ оборвалъ. Она лежала на креслѣ въ полномъ изнеможеніи.

Онъ взялъ шляпу и подошелъ къ ней.

— Ты причинила мнѣ большія страданія. Не дай Богъ тебѣ испытать что-нибудь подобное! Позволь мнѣ написать тебѣ или же прислать моего друга Голлена провѣдать тебя. Теперь же я не хочу больше тревожить тебя.

Онъ подождалъ нѣсколько времени, но она не отвѣчала. Ея образъ въ этомъ состояніи полнѣйшаго физическаго и нравственнаго изнеможенія глубоко растрогалъ его. Тихо, не произнеся ни слова, вышелъ онъ изъ комнаты. Она слышала, какъ затворилась дверь, какъ замерли его шаги, и почувствовала себя одинокою, но свободною.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Усталая и измученная возвращалась Марчелла домой, въ свою лондонскую квартиру.

Она только что взяла мѣсто сестры милосердія въ одномъ изъ городскихъ округовъ и самоотверженно ухаживала за больными. Весь предъидущій годъ она провела въ больницѣ, усердно приготовляясь къ званію сестры милосердія. Теперь на ея попеченіи были бѣдные люди ея участка, и ей приходилось браться за самыя разнообразныя дѣла. Такъ, сегодня ей пришлось сдерживать и успокоивать женщину въ буйномъ припадкѣ помѣшательства: потребовалось столько мускульнаго и нервнаго напряженія, что теперь Марчелла чувствовала себя совершенно разбитою.

Она подошла къ огромному каменному дому, вошла черезъ желѣзные ворота на узкій асфальтовый дворъ. Солнце жгло невыносимо, въ воздухѣ стояла пыль, нѣсколько грязныхъ ребятишекъ играли во дворѣ, непривѣтливныя казарменныя зданія были переполнены мелкими жильцами, — всѣ эти впечатлѣнія мало способствовали успокоенію нервовъ.

Она поднялась по лѣстницѣ и отворила дверь своей квартиры. Въ слѣдующемъ номерѣ жила Минта Гордъ съ дѣтьми. Марчелла выписала ее изъ Меллора, предложивши небольшое вознагражденіе съ тѣмъ, чтобъ она прислуживала ей по дому; кромѣ того, со времени казни мужа она получала пенсію отъ неизвѣстнаго лица.

Двѣ небольшія комнаты, которыя составляли все помѣщеніе Марчеллы, были уютно и изящно обставлены. На столѣ уже былъ приготовленъ чайный приборъ.

— Минта, — крикнула Марчелла въ дверь, — приготовьте мнѣ чаю и сварите яйцо.

Войдя въ комнату, Минта Гордь неодобрительно посмотрѣла на Марчеллу.

— Почему вы такъ поздно сегодня? — жестко спросила она. — Вы заболѣете, если будете такъ голодать.

— Ничего не подѣлаешь, Минта. Былъ очень тяжелый случай.

Между ними установились странныя отношенія. Марчелла обращалась съ ней просто и дружески, просила называть ее, какъ сестру, по имени, играла съ ея дѣтьми, шла для нихъ; но Минта сторонилась отъ нея, осуждала ея занятія, всю ея жизнь и держала себя принужденно, фальшиво.

Оправившись отъ утомленія, вечеромъ Марчелла вышла изъ своей квартиры, прошла нѣсколько улицъ и позвонила у подъѣзда стариннаго дома.

Алиса Голленъ, сестра Эдуарда, полная женщина лѣтъ тридцати пяти, съ пріятнымъ лицомъ, отворила ей дверь и привѣтливо съ ней поздоровалась. Братъ ея быстро вскочилъ изъ-за письменнаго стола и поспѣшилъ на встрѣчу Марчеллѣ.

— Какъ вы поздно! Мы съ Алисой уже начали думать, что вы забыли насъ.

— Я вернулась домой только въ четыре и должна была немножко прилечь, — сказала Марчелла, слегка конфузясь.

— Неужели вы провели съ больными ночь?

— Да, пришлось.

— Алиса, вели подать ужинъ и позаботься о томъ, чтобъ она у насъ отдохнула.

Онъ подкатилъ къ открытому окну большое покойное кресло и усадилъ на него Марчеллу.

— Было бы гораздо пріятнѣе намъ однимъ провести нынѣшній вечеръ, — сказалъ Голленъ. — Вы бы лучше отдохнули.

— А развѣ кто-нибудь придетъ? — спросила Марчелла съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Вашъ старый пріятель, Франкъ Ливенъ. Когда онъ услышалъ, что вы будете у насъ, онъ во что бы то ни стало рѣшилъ повидаться съ вами. Ну, расскажите, что вы подѣлываете? — сказалъ Голленъ, перегнувшись къ ней.

— О, ничего интереснаго! Теперь въ модѣ восхищаться дѣ-

гельностью сестеръ милосердія, но мнѣ кажется это страннымъ: мы исполняемъ свое дѣло, какъ и всѣ другіе люди: и худо, и хорошо. И многія изъ насъ не стали бы работать, если бы не нуждались въ заработкѣ.

Последними словами она какъ бы хотѣла предупредить сентиментальное отношеніе къ своей дѣятельности.

— Скажите, теперешнія ваши занятія вамъ болѣе по вкусу, чѣмъ жизнь въ больницѣ?

— Да, это болѣе живое дѣло, даетъ больше впечатлѣній. Но есть, конечно, и свои неудобства. Тамъ было все точно опредѣлено, каждый часъ размѣренъ; вы дѣлали свое однообразное дѣло, за то свободнымъ временемъ пользовались какъ хотѣли.

— Удивительно!—сказалъ онъ.—Никакъ не ожидалъ, чтобы такая монотонная жизнь по звонку могла нравиться вамъ!

— Напрасно. Мнѣ кажется, вы могли это предвидѣть. Но и въ больницѣ вначалѣ мнѣ было очень тяжело. Сестра, которая была старшей надъ нами, командовала нами, какъ пѣшками; особенно со мной она обращалась грубо, насмѣхалась надъ моимъ неумѣньемъ и неловкостью; между тѣмъ, она была въ высшей степени ограниченная женщина, и будь это въ Меллорѣ, я не обратила бы на нее ни малѣйшаго вниманія. Но потомъ, когда я стала привыкать къ дѣлу и аккуратно исполнять всѣ предписанія, она стала относиться ко мнѣ благосклоннѣе, и тогда жизнь въ больницѣ стала казаться мнѣ очень привлекательной.

— Да, вы не привыкли повиноваться!—сказалъ Голленъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ ея измѣнившіяся черты. Лицо ея было все такое же выразительное и одушевленное, но тотъ отблескъ жесткости и холодной серьезности во взглядѣ, который въ началѣ знакомства дѣйствовалъ на него отталкивающимъ образомъ, исчезъ совершенно и смѣнился нѣсколько печальнымъ, но необыкновенно кроткимъ выраженіемъ. Затѣмъ она рассказала ему о своихъ невзгодахъ, о столкновеніяхъ съ докторами и съ больными, объ оскорбленіяхъ, которыя ей пришлось выносить, и Голленъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ: эти мелкія обиды Марчелла воспринимала съ чисто-женскою чувствительностью. Куда дѣвалась ея сила и гордость? И онъ невольно почувствовалъ приливъ нѣжности въ ней, ему хотѣлось приласкать и успокоить ее, какъ дитя.

Но въ эту минуту онъ замѣтилъ, что она устремила глаза на письменный столъ и, протягивая руку, сказала:

— Передайте мнѣ этотъ портретъ.

Онъ передалъ ей портретъ Альда и замѣтилъ:

— На-дняхъ Алиса привезла его отъ миссъ Рэборнъ. Миѣ кажется, онъ очень похожъ.

— Да, чрезвычайно,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.—Неужели онъ такъ постѣдѣлъ?

— Да. Я очень радъ, что онъ ѣдетъ съ лордомъ Максвелемъ въ Италию на десять дней. Ему необходимо отдохнуть: онъ слишкомъ много работалъ въ этомъ году и, по-моему, напрасно онъ принялъ новый постъ.

— Какой постъ?

— Развѣ вы не слышали? Товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

— А какъ здоровье лорда Максвеля?—спросила она вдругъ.

— Онъ очень постарѣлъ и едва ли долго протянетъ.

Голленъ замѣтилъ, какъ легкая судорога пробѣжала по ея лицу. Затѣмъ она быстро оглядѣлась кругомъ,—миссъ Голленъ въ другомъ концѣ комнаты хлопотала на счетъ ужина.

— Скажите миѣ,—заговорила Марчелла нервнымъ полупшепотомъ, перекинувшись къ Голлену черезъ ручку кресла,—начинаетъ онъ забывать прошлое?

Голленъ молчалъ, но по его полу-грустной, полу-иронической улыбкѣ Марчелла поняла отвѣтъ.

— Почему онъ не женится?—съ досадой проговорила она.

— На это нѣтъ никакой надежды, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ,—сухо сказалъ онъ.

И лицо его, при этихъ словахъ, приняло холодное, чуждое выраженіе. Съ того памятнаго дня, когда, на другой день послѣ ея объясненія съ Альдомъ, Голленъ по его просьбѣ пришелъ къ ней, пришелъ врагомъ и ушелъ другомъ, его отношеніе къ этому вопросу оставалось неизмѣннымъ. Въ это свиданіе, цѣлью котораго было предостеречь ее отъ замужства съ Уартономъ, деликатность его при выполненіи своей щекотливой задачи, искренность, простота, нѣжное и внимательное отношеніе къ Марчеллѣ растрогали ее до слезъ, вызвали въ ней бурный приливъ откровенности и мольбы о помощи и поддержкѣ.

Съ этого дня завязалась между ними переписка. Письма ея были страстнымъ изліяніемъ тогдашняго ея мрачнаго настроенія, недовольства собой и жизнью; они были полны вопросовъ философскаго и соціального характера, выражали исканіе безусловной правды и стремленіе къ туманнымъ идеаламъ. Голленъ живо интересовался ея письмами, и ему чрезвычайно жаль было своимъ трезвымъ словомъ охлаждать ея горячіе порывы и мечты.

Но, несмотря на все возроставшую между ними дружбу, одинъ пунктъ оставался неизмѣннымъ: Голленъ продолжалъ рѣзко осуждать ея поступокъ съ Альдомъ. Хотя онъ никогда не высказывалъ ей этого прямо, но она ясно видѣла, какъ глубоко залегло это чувство въ его душу. Минутами это заставляло ее чувствовать сожалѣніе, раскаяніе, но минутами вызывало протестъ ея упрямой натуры, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ.

— Я сегодня получила письмо отъ Уартона, — вдругъ сказала она. — Онъ придетъ ко мнѣ завтра, а въ пятницу я, вѣроятно, пойду въ палату слушать его рѣчь.

При имени Уартона Голленъ слегка вздрогнулъ, но не сказалъ ни слова, а началъ перебирать письма, лежавшія на столѣ. Его молчаніе раздражило ее.

— Вы помните, — заговорила она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, — я говорила вамъ, что всегда буду ему благодарна и никогда не забуду того, что онъ сдѣлалъ.

— Да, помню, — сказалъ онъ съ нѣкоторою горечью въ тонѣ. — Вы даже говорили, что предлагали ему свою помощь, если ему понадобится. Можетъ быть, онъ теперь обращается къ вамъ за этимъ?

Она объяснила ему, что въ письмѣ онъ спрашиваетъ адресъ Людовика Бравена, о которомъ она просила его, и хочетъ дать ему занятія въ своей газетѣ. Затѣмъ она заговорила объ Уартонѣ, спрашивала мнѣніе Голлена о немъ, объ его политической карьерѣ, объ ораторскомъ талантѣ, и хотя въ тотъ знаменательный разговоръ, который сблизилъ ихъ, Марчелла рѣшительно заявила, что она никогда не выйдетъ замужъ за Уартона, Голленъ не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго недовѣрія и подозрѣнія и теперь отвѣчалъ на ея вопросы коротко и неохотно. Эти легкіе уколы и съ той, и съ другой стороны внесли струю холода въ разговоръ, и онъ долго опять не налаживался. Но, тѣмъ не менѣе, Марчелла продолжала себя чувствовать легко, просто и свободно въ этомъ домѣ, среди этихъ сердечныхъ людей. Хотя она часто спорила и ссорилась съ Голленомъ, но, въ сущности, она высоко цѣнила его, готова была отдаться его вліянію и досадовала, что онъ не беретса быть ея вождемъ и руководителемъ.

II.

Зъ эту минуту послышался знакомый голосъ:

— Я не помѣшаю вамъ, Голленъ?

И молодой человекъ осторожно высунулъ въ дверь свою кудрявую голову.

— Франкъ, это вы? Войдите, войдите! — сказалъ Голленъ.

Франкъ Ливенъ вошелъ, широко ступая, и, увидавши Марчеллу, воскликнулъ:

— Какъ я радъ, миссъ Бойсъ! Я думаю, никто изъ вашихъ прежнихъ друзей ужъ не рассчитывалъ съ вами встрѣтиться. Однако...

Онъ попытался назадъ отъ изумленія.

— Кажется, онъ ожидалъ увидать меня въ чепцѣ и фартукѣ, — сказала Марчелла, смѣясь.

— Я, дѣйствительно, ожидалъ чего-нибудь неправдоподобнаго! А, между тѣмъ, вы все такая же, только вдвое лучше. Не правда ли, Голленъ? — сказалъ Ливенъ, продолжая всматриваться въ Марчеллу.

— Да, только сегодня она кажется очень усталой, — сказалъ Голленъ, пытаясь улыбнуться. Всѣ почувствовали какую-то неловкость, боязнь даже въ самыхъ простыхъ словахъ усмотрѣть намекъ, и очень кстати миссъ Голленъ пригласила всѣхъ къ ужину.

Скромный ужинъ прошелъ очень оживленно. Студентъ своимъ веселымъ, беззаботнымъ настроеніемъ заразилъ всѣхъ. По окончаніи ужина, когда вся компанія расположилась у окна, вошло еще четверо гостей: одинъ былъ Беннетъ, старинный пріятель Голлена, другой — Вилькинсъ, остальные двое были простые рабочіе. Голленъ отвелъ ихъ въ сторону, и они тотчасъ вступили въ оживленный дѣловой разговоръ. Очевидно было, что Голленъ не соглашался съ ними и горячо имъ возражалъ.

Марчелла съ любопытствомъ прислушивалась къ ихъ спору и хотѣла сѣсть поближе, какъ вдругъ Франкъ Ливенъ остановилъ ее.

— Не уходите, пожалуйста. Посидите немножко со мной.

По его лицу Марчелла поняла, что онъ жаждетъ излить передъ ней свои скорби и печали; и прежде онъ имѣлъ обыкновеніе выбирать ее въ свои повѣренныя.

— Опять какая-нибудь сердечная тайна? — спросила Марчелла.

— Да, мнѣ хочется рассказать вамъ и, въ то же время, я не рѣшаюсь... можетъ быть, мнѣ даже не слѣдовало бы рассказывать вамъ, пожалуй, вы сочтете меня грубымъ и безтактнымъ.

Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и въ смущеніи кусалъ губы. Марчелла положила ему руку на плечо, чтобъ ободрить и поощрить его.

Вслѣдъ затѣмъ онъ повѣдалъ ей свою исторію вродѣ тѣхъ, которыя она много разъ отъ него слышала. Тамъ фигурировала хо-

рошенькая барышня, «очаровательное созданіе», надѣленное всѣми добродѣтелями и издѣвающееся надъ его нѣжными чувствами.

— И знаете, — горячо продолжалъ юноша, — хотя она страшно красива, просто обворожительна, всегда чудно одѣта и все тому подобное, однако, не подумайте, чтобъ она была пустынькая или глупенькая. Напротивъ, она массу читала, массу! Я увѣренъ, миссъ Бойсъ, что еслибъ вы ее увидали, вы бы нашли ее ужасно умной. Притомъ, она такая маленькая, такая прелестная, и какъ танцуетъ — просто чудо! А какъ она добра, страшно добра! Напримѣръ, мать ея — несносная, старая ворчунья, — ну, положимъ, я такъ не думаю, но вы понимаете, она старая, больная, всегда кутается въ шаль и катается въ креслѣ, и Бетти просто какъ ангель обращается съ ней, а та ее постоянно пилить. А къ бѣднымъ какъ...

Марчелла перебила его.

— Скажите же, наконецъ, самое главное: сдѣлали вы ей предложеніе?

— Слава Богу, конечно, — съ жаромъ проговорилъ онъ. — Постоянно дѣлаю, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Миѣ кажется, она со мной кокетничаетъ. Впрочемъ, я увѣренъ, я имѣлъ бы успѣхъ, если бы не мать, эта отвратительная старуха, — нѣтъ, разумѣется, я такъ не думаю. Дальше я не долженъ бы былъ вамъ рассказывать, я знаю, что не слѣдуетъ.

— Почему, что такое? Вы обязаны договорить, — сказала Марчелла.

— Ну, хорошо, вѣдь, вы не заподозрите меня! Но, все-таки, какъ будто немножко дерзко съ моей стороны говорить объ этомъ... Дѣло въ томъ, что она ѣдетъ въ Италію съ Рэборнами. Она ихъ дальняя родственница, и миссъ Рэборнъ въ послѣднее время привязалась къ ней. Я понимаю, къ чему это клонится! Но едва ли Бетти пойдетъ на это. Онъ слишкомъ старъ для нея, не правда ли?

И, открывши свои сокровенныя подозрѣнія, Ливенъ тутъ только спохватился, что поступилъ неделикатно по отношенію къ Марчеллѣ, заговоривши о Рэборнѣ; смутившись, онъ сталъ бормотать безсвязныя извиненія.

— Я не понимаю, что съ вами, — заговорила Марчелла рѣшительно. — Неужели вы думаете, что въ моемъ присутствіи нельзя упоминать имени Рэборна? Пожалуйста, не извиняйтесь. Очевидно, вы невѣрно представляете себѣ дѣло. Миѣ не слѣдовало бы давать слово Рэборну. Я съ нимъ поступила нехорошо, и мое самое горячее желаніе состоитъ теперь въ томъ, чтобы онъ женился.

Ливенъ посмотрѣлъ на нее изумленными глазами.

Черезъ минуту Марчелла спросила его своимъ обыкновеннымъ тономъ:

— Значить, вы полагаете, что миссъ Рэборнъ имѣеть на нее виды? А какъ относится къ этому мистеръ Рэборнъ?

— О, Альду, повидимому, она очень нравится!—уныло проговорилъ онъ.—Она постоянно дразнить его и пристаееть къ нему. Когда она у нихъ, она не оставляетъ его ни на минуту въ покоѣ, то заставляетъ читать себѣ вслухъ, то ѣздить съ ней верхомъ. Она разговариваетъ съ нимъ о такихъ вещахъ, о которыхъ никто не рѣшился бы заговорить съ нимъ,—о своихъ поклонникахъ, объ ухаживаньяхъ и вообще о любви. Удивительно, какъ она вертитъ имъ! Одинъ разъ на вечерѣ она страшно скучала. Тогда она подбѣжала къ Альду и стала упрашивать его танцовать—и, представьте, добилаась, какъ онъ ни отбазывался.

— А какъ вы думаете, мистеру Рэборну это было пріятно?—спросила Марчелла.

— Да, Бетти сама мнѣ говорила, что съ тѣхъ поръ они стали друзьями, и онъ все ей рассказываетъ,—нѣтъ,—спохватился Ливень въ замѣшательствѣ,—я не то хотѣлъ сказать! Разумѣется, она очень польщена и говорила мнѣ, что она обожаетъ его, что онъ очень замѣчательный человѣкъ и что я недостойнъ даже чистить его сапоги, и тому подобный вздоръ. И вдругъ теперь она ѣдетъ съ ними въ Италію! Право, мнѣ остается пустить себѣ пулю въ лобъ!

— Хорошо, только не сейчасъ, — сказала Марчелла.—Походите, пока они вернутся.—А теперь я пойду послушаю, что тамъ говорить.

Она встала, и Ливень съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ея высокую, стройную фигуру.

Марчелла сѣла возлѣ миссъ Голленъ и сдѣлала видъ, что она прислушивается къ разговору. На самомъ дѣлѣ мысли ея были далеко: она старалась представить себѣ Альда Рэборна мужемъ этой шаловливой куколки. «По всей вѣроятности,—думала она,—ихъ привязанность есть тяготѣніе противоположностей—основаніе большинства счастливыхъ браковъ. Но шансы Ливена, очевидно, очень незначительны».

Вдругъ неожиданно до ея уха долетѣла фамилія Уартона и, прислушавшись, она замѣтила, что среди группы разговаривающихъ шелъ горячій споръ о немъ, о его положеніи среди рабочей партіи и о видахъ на будущее.

Оба рабочіе настойчиво стояли за организацію особой рабочей

партіи съ Уартономъ во главѣ. Они постоянно ссылались на Парнелля и на то, что онъ сдѣлалъ для ирландцевъ. Чтобы доставить рабочей партіи преобладаніе въ парламентѣ, по ихъ словамъ, необходимо воспользоваться урокомъ уніонизма и парнеллизма, дѣйствовать единодушно и нападать одинаково на либераловъ и на консерваторовъ. Ради этого нужна особая организація, особое мѣсто въ палатѣ и особые дѣятели. И оба они стояли за то, чтобы вождемъ партіи избранъ былъ Уартонъ. Они съ восторгомъ отзывались объ его газетѣ *Голосъ Труда*, а самого Уартона они считали крупною, независимою силой и не только талантливымъ, но и въ высшей степени честнымъ человѣкомъ.

Вилькинсъ, очень видный дѣятель среди рабочей партіи и, по общимъ отзывамъ, опасный соперникъ Уартона, съ ожесточеніемъ опровергалъ ихъ мнѣнія. Не будучи въ состояніи сдержать себя, онъ пустился на путь личныхъ нападокъ, сталъ разоблачать очень неопрытныя дѣянія Уартона, притомъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Марчелла съ изумленіемъ и негодованіемъ смотрѣла на этого великана съ сверкающими глазами, длиннымъ, одутловатымъ лицомъ, всклокоченными черными волосами и рѣзкимъ сѣвернымъ акцентомъ. Какъ позволяетъ онъ себѣ употреблять такіа выраженія и мѣшать человѣка съ грязью!

Голменъ, несмотря на страшную усталость, пытался примирить спорившихъ. Но Вилькинсъ нѣкоторыми выходками такъ разгорячилъ рабочихъ, что споръ вспыхнулъ съ новымъ ожесточеніемъ.

— Еслибъ я только могъ предполагать, что, пріѣхавши въ Лондонъ, я долженъ буду отдать себя и свою партію въ распоряженіе Уартона, я бы остался дома, — кричалъ Вилькинсъ, хлопая себя по колѣнамъ. — Если эта партія должна быть народной въ полномъ смыслѣ слова, скажите, на кой чортъ мы поставимъ во главѣ ея какого-то молодого, распутнаго барчонка, — человѣка, который только воспользуется нами для собственнаго возвышенія, а потомъ, когда мы ему будемъ не нужны, онъ плюнетъ на насъ? Развѣ это не такъ? Скажите, кто онъ? *Намъ* ли онъ, — плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ? Нѣтъ, онъ *землевладелецъ* и аристократъ! Развѣ люди его класса сдѣлали что-нибудь для народа? Были ли когда-нибудь землевладельцы на нашей сторонѣ? А вы увѣряете меня, что человѣкъ, вышедшій изъ ихъ среды и живущій свєю рентой и прибылью и прижимающій бѣдноту, — тотъ человѣкъ можетъ руководить нашей партіей! Къ чему намъ выбирать этого гнуснаго лицемеръ? Пусть онъ идетъ къ своимъ или пусть онъ будетъ другомъ рабочихъ въ сторонѣ отъ насъ: я не имѣю ни-

чего противъ того, чтобъ онъ подавалъ за меня голосъ, но я не хочу признавать его господиномъ надъ собой и давать ему право говорить отъ нашего имени въ парламентъ. Воздемъ партіи необходимо выбрать человѣка изъ нашей среды, — такого, который бы жилъ нуждами и болѣлъ болями рабочаго класса.

— Если Уартонъ и изъ помѣщиковъ, то, во всякомъ случаѣ, изъ порядочныхъ, — возразилъ одинъ изъ рабочихъ. — Многие изъ насъ знаютъ, какъ онъ хозяйничаетъ въ своемъ имѣніи, какъ онъ пытается ввести улучшенія, — на примѣръ, онъ устроилъ кооперативную ферму. Онъ не виноватъ, что родился аристократомъ.

— Говорю вамъ, что все это онъ дѣлаетъ для своей собственной выгоды! — упорно продолжалъ Вилькинсъ. — И газету онъ издаетъ для личныхъ цѣлей: я самъ убѣдился въ этомъ. Когда-нибудь я докажу это! Онъ также высказывается противъ помѣщичьихъ правъ, а посмотрите, вступить ли онъ въ дѣйствительную борьбу? Я знаю этихъ людей!

Въ эту минуту вмѣшался въ споръ чистый женскій голосъ.

— Однако, мнѣ представляется страннымъ, — заговорила Марчелла презрительнымъ тономъ, — пока вы здѣсь, въ Лондонѣ, охаете и вздыхаете по поводу антисанитарнаго состоянія жилищъ и дѣлаете лишь ничтожныя одиночныя попытки, почти половина деревенскаго населенія Англіи за послѣднія 2—3 десятилѣтія получила новыя жилища отъ этихъ самыхъ помѣщиковъ, и безъ всякаго шума и криковъ; притомъ, эти новыя просторныя помѣщенія сдаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за ничтожную плату — за шиллингъ и четыре пенса въ недѣлю.

Голлень съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Марчеллу. Вилькинсъ тоже уставился на нее изъ-подъ нависшихъ бровей, — онъ не любилъ женщинъ, въ особенности барынь. Онъ грубо отвѣтилъ ей, что если даже помѣщики дѣйствительно сдѣлали это, — въ чемъ онъ, однако, сомнѣвается, — то не иначе, какъ изъ личныхъ цѣлей, — можетъ быть, для того, чтобы подкупить общественное мнѣніе, а, можетъ быть, просто изъ хвастовства: люди, которые имѣютъ образцовый скотъ и свиней, конечно, должны имѣть и образцовыя жилища для фермеровъ, оставляя, впрочемъ, этихъ фермеровъ на рабскомъ положеніи.

Возбужденная, съ горящими глазами, Марчелла стала возражать и обратилась къ фактамъ, указала на разницу между помѣщичьими и такъ называемыми «независимыми» деревнями, на различные хозяйственные эксперименты, производимые крупными помѣщиками, и подъ конецъ замѣтила, что даже для націонализаціи

земли гораздо удобнѣе обширныя нивныя, чѣмъ та система мелкихъ хозяйствъ, которая господствуетъ во Франціи.

Изумленію Голлена не было предѣловъ: «Откуда она все это почерпнула?» — онъ просто не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Послѣ небольшого оживленнаго спора, въ который Марчелла внесла обычную свою горячность и любовь къ парадоксамъ, всѣ встали и начали прощаться.

— Вамъ бы слѣдовало придти къ намъ въ клубъ поспорить, — сказалъ Беннетъ, шутя, Марчеллѣ, — такъ легко васъ тамъ бы не выпустили.

Когда всѣ ушли, Марчелла обратилась къ Голлену:

— Неужели у васъ въ рабочей партіи много подобныхъ субъектовъ?

— Да, нашъ Вилькинсъ плохой собесѣдникъ, — съ улыбкой отвѣчалъ Голленъ, — но когда онъ говоритъ въ большихъ собраніяхъ, онъ оказываетъ неотразимое вліяніе на толпу. Онъ прямой и честный человѣкъ, но его характеръ и нетерпимость возбуждаютъ многихъ противъ него. Да, вы поразили его, но еще болѣе вы поразили насъ съ Франкомъ.

— Не могла же я спокойно выслушивать подобныя клеветы! Политика и злословіе — двѣ совершенно различныя вещи! — сказала Марчелла съ своимъ характернымъ жестомъ — закидываніемъ головы назадъ.

Когда Марчелла и Франкъ Ливенъ ушли, Голленъ подошелъ къ письменному столу и смотрѣлъ нѣкоторое время въ горькомъ раздумьи на портретъ Рѣборна.

Когда сестра его ушла спать, онъ сѣлъ въ кресло и опять вернулся мыслью къ Марчеллѣ: «Она сейчасъ противорѣчила себѣ, какъ и въ тотъ разъ! Она и справедливость — вещи несонзвѣримыя! Если бы въ прошломъ году она хоть разъ думала такъ о поѣщникахъ, можетъ быть...»

И онъ погрузился въ безконечную цѣпь воспоминаній, которыя совсѣмъ разогнали сонъ. Отъ Рѣборна и Марчеллы онъ перешелъ къ самому себѣ. Несмотря на слабость здоровья, которое позволяло ему работать только урывками, онъ считалъ свою жизнь необыкновенно удачною и счастливою. Съ тѣхъ поръ, какъ попытка читать лекціи для рабочихъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, онъ страстно предался этому дѣлу и легко и бодро переносилъ всѣ лишения, связанныя съ болѣзнью. Изученіе экономическихъ и историческихъ вопросовъ съ прямою практическою цѣлью; мечты — водворить «царство Божіе» на землѣ; увѣренность, что его любятъ,

что онъ имѣеть вліяніе и можетъ быть вождемъ рабочихъ, — людей, блугу которыхъ онъ посвятилъ всю свою дѣятельность, — все это доставляло ему радость и давало силы работать съ энтузіазмомъ. И вдругъ теперь ему пришлось въ первый разъ натолкнуться на сопротивление, на охлажденіе и недовѣріе друзей.

Весной въ Лондонѣ появилась книга подъ заглавіемъ: *To morrow and the land*, написанная молодымъ и очень способнымъ экономистомъ и трактующая о націонализациі земли. Въ живописномъ изображеніи авторъ пытался представить благодѣтельные послѣдствія и для городской, и для сельской жизни экспроприациі земли и обращенія ея въ національное достояніе. Книга эта отличалась отъ *Progress and Poverty* Генри Джорджа тѣмъ, что вводила очень остроумную и простую финансовую систему для вознагражденія помѣщиковъ; она была короче и доступнѣе для пониманія рабочихъ, написана очень живо, съ веселымъ юморомъ и снабжена массою примѣровъ изъ современной англійской жизни.

Книга пользовалась огромнымъ успѣхомъ, читалась на-расхватъ. Скоро Голленъ замѣтилъ, что всѣ наиболѣе выдающіеся и дѣятельные представители рабочей партіи увлеклись ею. Во всѣхъ изданіяхъ для рабочихъ, въ рабочихъ клубахъ — у всѣхъ на языкѣ была эта новая теорія.

Голленъ, ставившій на ряду съ экономическими и этическія задачи, горячо возсталъ противъ книги и ея выводовъ и заявилъ свое отношеніе прямо и открыто съ кафедръ. Въ результатѣ — въ первый разъ за всѣ одиннадцать лѣтъ — онъ почувствовалъ, что его положеніе среди рабочаго класса пошатнулось и вліяніе на рабочихъ начало ускользать изъ-подъ рукъ. Но его цѣльная, искренняя натура неспособна была ни къ малѣйшему компромиссу, и онъ рѣшилъ съ горячностью и упорствомъ броситься въ неравную борьбу.

Онъ уже получилъ нѣсколько предложеній на чтеніе публичныхъ лекцій по вопросамъ, волновавшимъ теперь весь рабочій міръ Лондона. Онъ охотно принялъ всѣ эти предложенія, но теперь со страхомъ думалъ, какъ онъ увидитъ вокругъ себя тысячи враждебныхъ лицъ, и чувствовалъ себя одинокимъ, безъ друзей и сочувствія.

«Трагедія жизни заключается въ столкновеніи между творческою дѣятельностью человѣка и скрытою мудростью міра, котъ рая замѣтно ограничиваетъ первую». Эти слова, сказанныя его любимымъ писателемъ, глубоко запечатлѣлись въ его душѣ и теперь стояли передъ нимъ. «Не скрытая судьба или зло, но именно съ мьтаи мудрость», — думалъ онъ.

А. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ А. Мюссе.

I.

Когда заря своимъ румянцемъ алымъ
Прогонитъ тьму съ высотъ небесныхъ прочь,
Или весь мiръ звѣздистымъ покрываломъ
Окутаетъ задумчивая ночь
И грудь твоя для счастья развернется, —
Пусть съ роемъ грѣзъ, въ полночной тишинѣ,
Какъ дальнiй звонъ, мой вздохъ къ тебѣ несется:
О, вспомни обо мнѣ!

Когда судьба, безжалостной рукою,
Меня съ тобой навѣки разлучитъ,
И жизнь скорбей, извѣданная мною,
Съ годами грудь мою испепелитъ, —
Не забудь минуты разставанья,
И пусть порой, какъ будто въ смутномъ снѣ,
Доносятся къ тебѣ мои рыданья:
О, вспомни обо мнѣ!

Когда твой другъ, измученный, разбитый,
Въ сырой землѣ покой себѣ найдетъ,
И надъ его могилой позабытой
Весной цвѣтокъ свой вѣнчикъ развернетъ
И ты смешишь на сонъ грядущiй очи, —
Пусть шепотъ мой, въ глубокой тишинѣ,
Почудится тебѣ во мракѣ ночи:
О, вспомни обо мнѣ!

II.

Когда-бъ еще любви желанья
Могли мнѣ сердце волновать
И свѣтъ волшебный упованья
Мой трудный путь могъ озарять,

И ты, съ духовной красотой,
Способной ангеловъ плѣнить,
Явилась вдругъ передо мною, —
Я-бъ не посмѣлъ тебя любить.

Закрыты мнѣ любви скрижали!
Но если падаетъ твой духъ
Подъ гнетомъ горя и печали, —
Ты приходи ко мнѣ, мой другъ!

Довѣрь мнѣ, чѣмъ твой духъ мятется,
Все бремя тяжкое его,
И сердце друга отзовется
На вопли сердца твоего!

Д. Михалевскій.

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первое горе.

Разсказъ Шарля Фолей.

I.

Торопливо снявши подвѣчное платье и одѣвшись въ дорожный костюмъ, Анна-Мари сошла въ сѣни. Поль Фортъе ждалъ ее. Онъ осторожно отворилъ дверь, ведущую въ садъ, и прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Уйдемъ тихонько, чтобъ избѣжать прощаній... такъ лучше.

Она послѣдовала за нимъ безъ возраженій, такъ какъ заранѣе предупредила родителей, что уйдетъ незамѣтно, чтобы не потревожить семейнаго пиршества. Молодые супруги быстро прошли подъ освѣщенными огнями стараго деревенскаго дома. Тепло и блескъ большого салона, веселый шумъ бала представляли собою полный контрастъ съ закутаннымъ ночнымъ туманомъ неподвижнымъ садомъ.

На ходу Анна-Мари оглядывалась, стараясь разобрать среди множества силуэтовъ, спующихъ взадъ и впередъ за отпотѣвшими стеклами, фигуры своей матери, своего отца и брата. Ей такъ хотѣлось взглянуть на нихъ еще разъ, въ послѣдній разъ послать имъ свой послѣдній дѣвичій привѣтъ, свои пожеланія счастья, и она подъ нагидкой прижимала руку къ сердцу, какъ дѣлала это маленькою дѣвочкой, когда за нихъ молилась. Но Фортъе, ея мужъ, — мужъ съ нынѣшняго утра, — спѣшно шелъ впередъ изъ опасенія, что ихъ могутъ вернуть, что случайная встрѣча можетъ ихъ вынудить возвратиться въ домъ выслушивать всѣ пожеланія, подвергнуться поцѣлуймъ безъ конца. Они повернули за уголъ дома, миновали огородъ и подошли къ старой каменной лѣстницѣ, поднявшись къ виноградникамъ, расположеннымъ уступами. Тамъ-

наверху, за маленькою зеленою калиткой, они выйдутъ на тропинку, вьющуюся по полю, и черезъ десять минутъ будутъ на станціи. Ихъ багажъ былъ отправленъ впередъ, и простой уходъ, безъ шума и проводовъ, избавлялъ ихъ отъ любопытства сосѣдей, сразу давалъ возможность остаться вдвоемъ.

Наканунъ Анна-Мари очень одобрила такой планъ Фортъе, теперь же ей тяжело было покинуть вдругъ столько людей и столько вещей, любимыхъ ею горячо, чуть не бѣгомъ проходить мимо дорогихъ ей кустовъ, мимо піоновъ и ирисовъ, посаженныхъ ея руками. И наверху, у зеленой калитки, ея сердце такъ сильно билось, что она едва дышала. При мысли, что пройдетъ еще минута и не увидитъ она болѣе ни зеленыхъ лужаекъ, ни акацій, нависшихъ надъ потемнѣвшими крышами, ей страшно сдѣлалось и она остановилась.

— Который часъ?—спросила она тихо.

— Половина одиннадцатаго.

— Поѣздъ отходитъ въ одиннадцать часовъ пятнадцать минутъ. До станціи намъ идти не больше пятнадцати минутъ. До поѣзда остается еще много времени.

И еще тише, еще нѣжнѣе она продолжала:

— Прошу васъ, позвольте мнѣ отдохнуть здѣсь, у лѣстницы, подъ этими сиренями. Никто насъ не увидитъ, никто не предполагаетъ, что мы тутъ еще. Насъ никто не потревожитъ... Мнѣ же такъ пріятно будетъ еще разъ посмотрѣть на нашъ милый старый домъ!

— Но развѣ мы не можемъ отдохнуть, выйдя отсюда, на полевой тропинкѣ?—возразилъ онъ недовольнымъ тономъ, въ досадѣ на всю эту усадьбу, не имѣвшую никакого отношенія къ его прошлому.

Анна-Мари обратила къ нему свое хорошенькое блѣдное лицо и улыбнулась ему, вся облитая мягкимъ луннымъ свѣтомъ, потомъ проговорила ласково, съ оттѣнкомъ грусти:

— Будьте же хоть немножко снисходительны къ моей сентиментальности молоденькой провинціалки, скептикъ-парижанинъ! Уйдя отсюда, я уже буду принадлежать вамъ одному и на всѣ вечера нашей жизни вмѣстѣ. А теперь, вѣдь, это послѣдній вечеръ моей жизни дѣвушкой, и вечеръ этотъ здѣсь никогда уже не повторится такимъ, какимъ я его переживаю... Такъ не сокращайте же мнѣ его. Позвольте мнѣ навсегда насмотрѣться на все это, забравъ въ мое сердце все... что становится для меня моимъ прошедшимъ въ настоящую минуту.

Она съѣла на мшистую ступеньку лѣстницы, на свое любимое мѣстечко, и, сложивши руки на колѣняхъ, въ своей прежней позѣ маленькой дѣвочки, задумчивой и молчаливой, она смотрѣла, смотрѣла...

II.

Покорный, повидимому, но задѣтый въ своемъ самолюбіи тѣмъ, что она могла оторвать мысль свою отъ него и сосредоточить ее на чемъ-то иномъ, онъ сѣлъ рядомъ съ женою въ тѣни сиреней, скрывавшей отъ него выраженіе ея лица. Въ его душѣ шевельнулось раздраженіе противъ такого спокойнаго созерцанія. И не для того, чтобъ опечалить ее, а съ единственною цѣлью вновь привлечь къ себѣ ея вниманіе и подѣ влияніемъ бессознательной ревности, Поль Фортъ спросилъ:

— Такъ вы любите его, этотъ старый домъ?

— Очень!

— Онъ построенъ во времена Реставраціи, не правда ли?...

Стиль путанный, довольно тяжелый.

— Не знаю.

— Я предпочитаю современное, — у меня все новое.

И, поддаваясь эгоистическому и необдуманному побужденію сорвать на чемъ-нибудь свою досаду, накопившуюся за цѣлый день натянутости, онъ продолжалъ довольно не кстати:

— Вашъ мэръ тянулъ необыкновенно, а священникъ вашъ и его перещегоолялъ; я думалъ, что никогда они не кончатъ!

Она отвѣтила со взглядомъ, затуманившимся грустью:

— Взволнованы они были, эти милые люди... знали меня со-всѣмъ крошечною!

— Такъ же, какъ за завтракомъ вашъ дядя, сказавшій цѣлую рѣчь, и вашъ крестный отецъ, угостившій насъ стихами... Большихъ усилій мнѣ стоило, чтобы не расхохотаться.

— Сдѣлали они это отъ добраго и чистаго сердца.

— Не спорю, но вышло это замѣчательно потѣшно. А удивительнѣе всего то, что всѣхъ растрогало его жалкое ремонлетство. Ваши папаша и мамаша слезы проливали! Я замѣтилъ, впрочемъ, что въ вашей семьѣ всѣ не въ мѣру слезливы.

Она молчала, не отрывая глазъ отъ стараго дома, и взоръ ея все больше и больше заволакивался печалью.

— Ваши родители, — продолжалъ Фортъ, — прекраснѣйшіе люди, но слабые, до крайности слабые... съ прислугой, во-пер-

выхъ: распущенность во всемъ поразительная!... А затѣмъ и въ отношеніи вашего юнаго брата...

Анна-Мари сдѣлала надъ собою усиліе и проговорила измѣнившимся голосомъ:

— Его, правда, немного балуютъ, но онъ добрый и хорошій мальчигъ. И со мною онъ всегда былъ такъ милъ, такъ милъ!...

— Всякихъ благъ желаю ему за это. Но, согласитесь сами, мнѣ онъ дѣлалъ довольно кислыя мины.

— Мы съ нимъ никогда не разставались. Теперь онъ будетъ совсѣмъ одинокимъ. Тяжело ему это... и если онъ ревнуетъ немного, то вы должны извинить ему.

— И я извиняю. Только его дикое бѣгство въ то время, какъ вы ушли переодѣваться, потомъ нелѣпая фантазія запереться въ своей комнатѣ, откуда вы могли такъ же точно, какъ и я, слышать его рыданія... посудите сами, до чего это смѣшно! Повторяю, въ вашей семьѣ плачутъ изъ-за всякихъ пустяковъ.

Она ничего не отвѣтила и сидѣла блѣдная, съ глазами, полными тоски, въ тѣни развѣсистыхъ сиреней. Молодой супругъ не замѣтилъ ея волненія и дотронулся до ея плеча.

— Вдоволь насмотрѣлись?... Идти не пора ли?

III.

Она все такъ же упорно смотрѣла на покинутый домъ. Тогда Поль Фортъ обхватилъ рукой ея талию, поднялъ ее и повелъ къ зеленой калиткѣ. Анна-Мари напрягала всѣ силы на то, чтобы преодолѣть охватившую ее слабость, не выдать своихъ чувствъ, не заплакать, такъ какъ онъ находилъ это смѣшнымъ. Она рѣшилась уйти съ нимъ, не останавливаясь, не оглядываясь назадъ.

Но когда они переступили порогъ, она поняла, что калитка затворится за нею и все будетъ кончено,—не увидитъ она болѣе ни любимыхъ лужаекъ, ни акацій, склонившихся надъ потемнѣвшими крышами,—она не выдержала, инстинктивно поддалась неодолимо-му, ребяческому, суевѣрному желанію взглянуть еще разъ, взглянуть въ послѣдній разъ. Она протянула руку, лихорадочно оперлась ею на оштукатуренный столбикъ калитки. Какъ разъ въ этотъ мигъ Фортъ торопливо захлопнулъ калитку и придавилъ ею пальцы своей молодой супруги.

Она вскрикнула не отъ физической боли, а потому, что въ этотъ крикъ могъ облечь гнетъ, давившій ея сердце, что въ слезы она могла вылить тревогу и волненіе, томившія ея душу.

— О, больно вы мнѣ сдѣлали... очень больно, страшно больно! Онъ схватилъ ея руку, увидалъ, что крови нѣтъ на ней, — едва замѣтная ссадинка, — и успокоился.

— Вы испугали меня, — я думалъ, что раздавилъ вамъ руку... Пройдетъ сейчасъ...

И, чувствуя себя на пустынной тропинкѣ болѣе свободнымъ, избавленнымъ отъ непріятныхъ впечатлѣній стараго дома, онъ прижалъ къ губамъ пальцы жены, цѣловалъ ихъ долгимъ страстнымъ поцѣлуемъ, утѣшалъ ее, какъ успокоиваютъ малое дитя:

— О, бѣдные, милые пальчики!... Славные мои, хорошіе!... Вотъ и прошло... я вылечилъ ихъ!

И на самомъ дѣлѣ ссадины она уже не чувствовала, но, при воспоминаніи объ его разочаровывающихъ словахъ, въ глубинѣ, въ самой глубинѣ ея сердца все еще болѣла нанесенная ему ранка. Анна-Мари плакала. А онъ понять не могъ такихъ горькихъ слезъ изъ-за ничтожной царапинки и, хотя раздосадованный, продолжалъ цѣловать ея пальцы, повторяя:

— Не прошло еще, не вылечилъ? Цѣловалъ, должно быть, мало... Да, скажите, мало цѣловалъ, мало?

Пристыженная тѣмъ, что она кажется ему такимъ ребенкомъ, доведенная до очаянія своими рыданіями, которыхъ она не имѣла силы сдержать, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздраженная его полнымъ непониманіемъ настоящей причины ея горя, она ничего не нашла отвѣтить, кромѣ жестокой, неосторожно сказанной имъ фразы:

— Не обращайтесь вниманія. Вы уже сами замѣтили, что въ моей семьѣ... плачутъ изъ-за всякихъ пустяковъ!

Отъ него ускользнула горечь ироніи, затаенной въ ея отвѣтъ, и онъ разсмѣялся.

— Наконецъ, вы сами сознались въ этомъ.

И онъ опять торопливо повелъ ее впередъ. Она не проговорила ни слова больше. Но теперь ея затуманѣннымъ слезами глазамъ станція, съ ея мигающими огоньками, поля и лѣса, вся такъ хорошо знакомая мѣстность, все обружающее показались вдругъ какими-то чуждыми, невѣдомыми, крайне унылыми. И, идя руку объ руку съ молодымъ человѣкомъ, съ мужемъ, она въ первый разъ въ жизни почувствовала себя совершенно одинокою, страшно одиокою подъ сумракомъ ночи.

Внушеніе.

Разсказъ Жана Рейбраха.

I.

— Докторъ, маленькій сеансъ: усыпите кого-нибудь, — сказала хозяйка дома.

Выраженіе недовольства пробѣжало по лицу доктора Денова.

— Извините меня, сударыня, я не занимаюсь болѣе магнетизмомъ.

— О, почему это?

Другія дамы бросились было къ нему съ лицами, сіяющими любопытствомъ, и просьбы, готовыя сорваться съ ихъ пунцовыхъ губокъ, остались не высказанными, губки сложились въ мины упрека. Докторъ повторилъ задумчиво.

— Почему?

Потомъ, послѣ короткаго колебанія, онъ проговорилъ:

— Чтобы вы простили меня за отказъ, я считаю себя обязаннымъ объяснить вамъ его причину. Если угодно, къ вашимъ услугамъ.

— Событіе расскажете?—спросилъ кто-то.

— Истинное происшествіе,—отвѣтилъ Деновъ.

Онъ сѣлъ и началъ разсказъ.

II.

«Полтора года назадъ я поѣхалъ въ провинцію повидать одного изъ моихъ друзей. Назовемъ его, пожалуй, Полемъ. Насъ давно разлучили разныя житейскія случайности, въ особенности его женитьба, вынудившая его засѣсть въ имѣніи, въ деревенской глуши. Но очень нерѣдко, среди моихъ занятій, мечты мои, не безъ примѣси затаенной зависти, влекли меня къ мирному уголку, гдѣ онъ отдавалъ свое время охотѣ, рыбной ловлѣ, прогулкамъ верхомъ.

«Съ самаго пріѣзда всѣ ожиданія мои осуществились. Покоемъ, яснымъ довольствомъ, безмятежною тишиной вѣяло отъ тѣнистой аллеи, въ концѣ которой замокъ временъ Людовика XIII утопалъ въ зелени холмовъ, покрытыхъ лѣсами. Настоящею идилліей дышало все кругомъ: прохлада полутемныхъ аллей, бархатъ лѣсныхъ мховъ, отсутствіе шума, всякой дѣловой суеты.

«Полю встрѣтилъ меня на станціи. Его жену я увидалъ немного позднѣе, передъ самымъ обѣдомъ. Она оказалась замѣчательно красивой: черные глаза, блестящій взглядъ изъ-подъ длинныхъ рѣс-

ницъ такъ и сверкалъ, точно острія стрѣль, фигура восхитительная, цвѣтъ кожи слегка янтарный, полный жизни, согрѣтый кровью, бьющею горячимъ ключомъ.

«Не восхищаться такою женщиной я не могъ. Но, странное дѣло, я испытывалъ, въ то же время, своего рода разочарованіе. Былъ ли то плодъ моей фантазіи, или же вліяніе этой слишкомъ сильной красоты, подобной знойному лѣту, только жена моего пріятели далеко не подходила къ моей идилліи. Такъ и казалось мнѣ, что слишкомъ напряженная энергія ея жизненности разрушить тѣсную для нея рамку покоя и мирнаго благополучія.

«Такое впечатлѣніе особенно усилилось, когда пріѣхалъ гость, молодой человекъ, ихъ деревенскій сосѣдъ. И когда я обратилъ взглядъ на Поля, мнѣ показалось, будто онъ вдругъ какъ-то измѣнился, точно принизился. Первая радость при встрѣчѣ со мной потухла въ его глазахъ; я видѣлъ его, несомнѣнно, уже такимъ, каковъ онъ всегда: немного постарѣвшимъ, почти стѣсняющимся, какъ бы подъ вліяніемъ неопредѣленной нервности недоувѣряющаго мужа, боящагося выдать свою затаенную мысль.

«Долго раздумывать объ этомъ мнѣ не пришлось, — меня унесли далеко нахлынувшія на насъ воспоминанія среди уютной столовой съ дверью, отворенною въ паркъ, на который неторопливо спускались меланхолическія вечернія тѣни. Затѣмъ, съ половины обѣда, разговоръ, довольно вялый вначалѣ, вдругъ оживился, сразу перешелъ на предметъ, живо интересовавшій всѣхъ въ то время, а именно: на явленія гипнотизма и внушеній.

«Мой другъ съ момента первыхъ открытій сильно увлекся изученіемъ этихъ явленій, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они служили сюжетомъ частыхъ споровъ между нимъ и его женой.

«Она отрицала все, что имѣетъ отношеніе къ этой области исследованийъ, и во всемъ этомъ упорно видѣла только одно шарлатанство, тогда какъ Поль, помимо почерпнутаго имъ изъ книгъ, считалъ себя вправѣ утверждать многое и очень любопытное, добытое имъ личными опытами.

«Однажды въ Парижѣ онъ съ полнымъ недоувѣріемъ предложилъ произвести опытъ надъ нимъ самимъ, былъ усыпленъ, потомъ разбуженъ и, совершенно произвольно, продѣлалъ все то, что было приказано ему во снѣ.

«— Надъ вами, просто, потѣшались, — сказала его жена и обратилась ко мнѣ: — Будьте добры, докторъ, помогите мнѣ разубѣдить его въ этомъ вздорѣ. Онъ съ ума надъ нимъ сходитъ.

«Поставленный въ необходимость высказаться, я принужденъ

былъ не согласился съ ея мнѣніемъ и объяснилъ, что самъ живо интересуюсь этимъ вопросомъ, передалъ неопровержимые факты, которыхъ я былъ очевидцемъ. Она стояла на своемъ съ непобѣдимымъ упрямствомъ и, улыбаясь милою улыбкой хорошенькой женщины, объявила, что повѣритъ лишь тогда, когда убѣдится своими глазами, да и то еще какъ придется.

«— Дѣло очень простое, — продолжала она, — такъ какъ мой мужъ поддается внушеніямъ, то сдѣлайте одолженіе, произведите опытъ надъ нимъ.

«Поль, съ своей стороны, выразилъ такое же желаніе.

«Я посмотрѣлъ на него и по его нетвердому взгляду понялъ, что онъ тотчасъ же подчинится моему вліянію.

«Мы перешли въ гостиную.

«Поль оказался превосходнѣйшимъ субъектомъ и съ первыхъ же пассъ впалъ въ гипнотическій сонъ.

«Сидя въ креслѣ, его жена зорко слѣдила за нами полужакрытыми глазами.

«— Онъ спитъ, — сказалъ я.

«Она позвала мужа, потомъ подошла къ нему, взяла за руку, приподняла ее и выпустила, — рука безсильно упала.

«— Правда, спитъ, — проговорила хозяйка, — теперь сдѣлайте ему какое-нибудь внушеніе...

«Она, повидимому, придумывала, что бы заставить его сдѣлать.

«— Знаете, надо приказать что-нибудь необычное, настолько странное, чтобы онъ не могъ угадать, что не входило бы въ его привычки...

«Она осмотрѣлась кругомъ. На столѣ лежала книга гипнотическаго журнала, а на ней перламутровый разрѣзной ножъ. Молодая женщина быстро перелистовала номеръ журнала.

«— Вотъ, — сказала она, указывая пальцемъ на открытую страницу, — вотъ опытъ, который былъ уже произведенъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ говорятъ, въ больницѣ Сальнетриеръ. Повторите его, тогда я повѣрю.

«Опытъ заключался въ томъ, чтобы внушить пациенту произвести въ указанный часъ опредѣленное дѣйствіе, и въ данный случай такимъ дѣйствіемъ должно было оказаться самоубійство ювершено безвреднымъ орудіемъ, которое субъектъ приметъ за стоящій кинжалъ.

«— Извольте, — согласился я.

«Она подала мнѣ перламутровый ножъ.

«— Онъ очень дорожить этимъ ножомъ,— добавила она,— и такъ какъ эта вещица очень хрупкая, то онъ сломаетъ ее непременно о свое платье. Тогда не останется у меня никакого сомнѣнія въ искренности моего мужа.

«— Смѣю завѣрить, ножъ будетъ сломанъ,— подтвердилъ я.

«Я обратился къ моему другу и, поднося перламутровый ножъ къ его глазамъ, проговорилъ:

«— Вы видите этотъ кинжалъ? Я владу его на это мѣсто, на столъ. Завтра утромъ, когда позвонятъ къ завтраку, вы возьмете этотъ кинжалъ и убьете себя.

«Я разбудилъ Поля. Онъ ничего не помнилъ и лишь слегка волновался, довольно забавно, заинтригованный тѣмъ дѣйствиемъ, которое я могъ ему внушить, и въ ожиданіи съ минуты на минуту, что вотъ-вотъ явится непреодолимое желаніе, развитіе котораго онъ хотѣлъ тщательно прослѣдить.

«Вечеръ закончился очень весело.

«На другой день утромъ мы втроемъ прогуливались на террасѣ, когда прозвонилъ колоколь къ завтраку. Поль насторожился, потомъ торопливо насъ покинулъ и пошелъ въ домъ. Его жена сильно поблѣднѣла.

«— Идемте скорѣе!—сказалъ я.

«Она не двинулась съ мѣста.

«— Зачѣмъ?—отвѣтила она.—Я хорошо вижу, что внушеніе подѣйствовало. Онъ ушелъ... Теперь уже совсѣмъ обезумѣтъ!

«Я быстро направился въ гостиную слѣдомъ за моимъ субъектомъ. Въ дверяхъ я громко вскрикнулъ: Поль лежалъ на полу мертвый съ кинжаломъ въ груди».

III.

— Съ настоящимъ кинжаломъ?—спросилъ кто-то.

— Да,—отвѣтилъ Деновъ,—съ настоящимъ!

И онъ добавилъ:

— Я взглянулъ на столъ,—перламутровый ножъ исчезъ.

Помолчавши немного, онъ проговорилъ:

— Жена Поля, спустя нѣкоторое время, вышла замужъ вторично... вышла замужъ за ихъ деревенскаго сосѣда, за того молодого сосѣда, который обѣдалъ съ нами наканунѣ.

Полина Лаварди.

Разсказъ Жана де-Рувруа.

I.

Громадная толпа тѣснилась во Дворцѣ Юстиціи. Тамъ судили Полину Лаварди, жену извѣстнаго банкира. Обвиняемую только что ввели въ залу суда.

При появленіи обвиняемой сильное волненіе охватило зрителей.

Полина Лаварди, очень спокойная, сѣла между двумя муниципальными гвардейцами. Ея глаза смотрѣли мягко и гордо; во всей ея фигурѣ не было замѣтно тѣни рисовки или слабости.

Допросъ прошелъ быстро. Полина Лаварди во всемъ созналась: она убила мужа. Но въ силу какихъ причинъ совершила она это преступленіе?

— Мой защитникъ объяснить вамъ это, — просто отвѣтила обвиняемая.

И, завернувшись въ черную шерстяную шаль, надвинувши на волосы вуаль, приколотую къ креповой шляпѣ, она сложила руки на колѣняхъ и сидѣла въ выжидательной позѣ.

Тогда заговорилъ прокуроръ. Онъ произнесъ довольно запутанную обвинительную рѣчь. На самомъ дѣлѣ, онъ самъ не находилъ объясненія преступленію, — оно для всѣхъ оставалось загадочнымъ, и во все время слѣдствія обвиняемая не отвѣтила на вопросы слѣдователя, разсчитывая, вѣроятно, всѣ объясненія дать передъ судомъ присяжныхъ. А потому прокуроръ считаетъ необходимымъ сперва выслушать защиту и затѣмъ уже выскажется съ своей стороны. Предварительно же онъ обращается къ совѣсти присяжныхъ засѣдателей: преступленіе совершено, за него должно послѣдовать возмездіе, и уже дѣло суда будетъ опредѣлять мѣру наказанія.

Слова эти были выслушаны въ глубокомъ молчаніи.

По приглашенію предсѣдателя поднялся съ своего мѣста защитникъ. Въ рукахъ у него была какая-то рукопись.

— Отъ себя лично мнѣ не придется ничего сказать, — заявилъ онъ. — Въ запискѣ, составленной въ тюрьмѣ обвиняемою, она излагаетъ обстоятельства и причины, вызвавшія преступленіе. Когда я прочту этотъ документъ, вы придете къ тому же заключенію, къ какому пришелъ и я, — что всякія судебныя пренія тутъ совершенно неумѣстны, и намъ останется только выслушать вердиктъ присяжныхъ.

Вотъ содержаніе записки, которую прочелъ защитникъ Полина Лаварди.

II.

«До тѣхъ поръ, пока былъ живъ мой сынъ, я считала своею обязанностью молчать. Чтобы спасти честь его имени, я рѣшила не раскрывать мотивовъ моего преступленія. Я и на судѣ не сказала бы ни слова, и совершенное мною дѣяніе, оставшись, такимъ образомъ, необъяснимымъ, могло бы представиться актомъ безумія. Теперь мой несчастный ребенокъ умеръ, онъ не перенесъ, — слабый, бѣдняжка, — того жестокаго горя, которое причинилъ ему арестъ матери. О томъ, что нѣтъ его въ живыхъ, я узнала, когда предварительное слѣдствіе было уже закончено. Его нѣтъ и для меня нѣтъ основанія хранить долѣе молчаніе. Не будучи уже вынужденною оберегать его честь, я могу сказать въ настоящее время, что рѣшилась на убійство ради того, чтобы спасти свою честь.

«Мнѣ двадцать восемь лѣтъ. Едва сравнялось мнѣ двадцать лѣтъ, какъ мои родители выдали меня замужъ за г. Лаварди. Я тотчасъ же поняла, насколько печальна будетъ моя жизнь съ нимъ. Г. Лаварди, человекъ дѣловой, женился на мнѣ единственно изъ-за моего приданого; онъ меня не любилъ и не могъ полюбить. И я, съ своей стороны, тщетно пыталась вызвать въ моемъ сердцѣ хотя бы искру нѣжнаго чувства къ нему.

«У меня родился ребенокъ. На немъ сосредоточилась вся любовь, въ какой было способно мое сердце. Разъ у женщины есть ребенокъ, она легко можетъ обходиться безъ супружеской любви, — она уже не одинока.

«Проходили годы. Мой мужъ жилъ почти постоянно внѣ дома. Онъ всегда ссылался на серьезныя дѣла, требовавшія его присутствія то въ Бельгій, то въ Англии. Всего разъ или два въ годъ онъ давалъ большіе обѣды, за которыми слѣдовали балы.

«На одномъ изъ такихъ баловъ онъ представилъ мнѣ г. Люсьена де-Северака. Я знала его до моего замужства, такъ какъ его родители были въ дружескихъ отношеніяхъ съ моими родными. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда я потеряла его изъ вида. Теперь же передо мною былъ вполне сформировавшійся молодой человекъ, очень привлекательный и умный. Онъ сказалъ мнѣ, что родители его померли, что онъ одинъ-одинехонекъ на бѣломъ свѣтѣ и имѣетъ ко эссальное состояніе, съ которыми рѣшительно не знаетъ, что дѣлать.

«Потомъ я видала его нѣсколько разъ, и вскорѣ мнѣ ясно стало, что онъ увлекается мной. Былъ ли то мимолетный капризъ съ его стороны, или серьезная и глубокая любовь, — это меня нисколько не интересовало.

«Я жила жизнью женщины, которой уже нечего ждать никаких радостей. Но жизнь была спокойная, и я довольствовалась ею. Нежданно разразился страшный ударъ.

«Разъ утромъ,—тому около двухъ мѣсяцевъ,—мой мужъ объявилъ мнѣ, что онъ разоренъ. Катастрофа эта такъ и осталась никому неизвѣстной: г. Лаварди встрѣтилъ это событіе съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и съ беспощадною энергіей пытался устранить надвигающуюся опасность. Какъ бы то ни было, однако, онъ надолго не могъ оттянуть время, когда всѣмъ сдѣлалось бы извѣстно, что не только все его состояніе, но и капиталы многихъ лицъ, положившихъ свои деньги въ банкъ, погибли безвозвратно.

«Повторилась самая обычная исторія множества финансистовъ. Широкая жизнь, любовницы, удовольствія и отчаянныя спекуляціи для покрытія расходовъ на все это... Вначалѣ г. Лаварди, по привычкѣ ворочать милліонами, не задумывался ни надъ чѣмъ. Все шло такъ, какъ ему хотѣлось, до того часа, когда наступила полоса неудачъ. Его звѣзда угасала, а онъ упорно продолжалъ игру, проигрывалъ, доходилъ до крайности. Тогда, совсѣмъ потерявши голову, онъ все забылъ и пересталъ уже различать въ своей кассѣ наши собственные капиталы отъ весьма крупныхъ суммъ, отданныхъ въ его руки довѣріемъ публики. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ дѣла колебались то въ ту, то въ другую сторону, и, въ концѣ-концовъ, наступалъ полный разгромъ. Чтобы маскировать страшный дефицитъ, г. Лаварди пустился на мошенническія продѣлки.

«Вотъ въ чемъ онъ мнѣ признался въ то утро.

«Порывъ жалости привлечь меня къ нему. Я видѣла его въ несчастіи и уже не думала осуждать его, сознавала только мои обязанности жены и матери. Безъ укоровъ и попрековъ я старалась ободрить его, поддержать и утѣшить.

«Увы, не за тѣмъ онъ пришелъ ко мнѣ...

«— Знаете ли вы, до какой суммы доходятъ мои потери? — спросилъ онъ холодно.

«Что могла я отвѣтить? Дѣлъ его я не знала. Онъ продолжалъ:

«— До милліона семисотъ тысячъ франковъ!

«Цифра эта привела меня въ ужасъ. Я поняла, что все погибло, что нѣтъ надежды на спасеніе. Еслибъ я выпросила у отца ту часть состоянія, которая досталась бы мнѣ послѣ его смерти, и тогда мы не покрыли бы даже четвертой части такой громадной суммы.

«— Стало быть, вамъ остается только умереть! — проговорила я.

«— Умереть?—воскликнулъ г. Лаварди.

«Онъ разсмѣялся, почти презрительно, такимъ смѣхомъ, который отдается въ моихъ ушахъ даже въ ту минуту, когда я пишу эти строки. Я смотрѣла на мужа. Онъ ни на мгновеніе не утратилъ своего спокойствія и сказалъ:

«— Вы можете мнѣ помочь все поправить.

«Всю правду тяжело раскрывать, но я принуждена сдѣлать это. Тотъ, чье имя я носила, кто обязанъ былъ уважать во мнѣ, по крайней мѣрѣ; мать своего ребенка, если не супругу, рѣшился предложить мнѣ позорную сдѣлку: я должна сдѣлаться любовницей Люсьена де-Северака, и тогда тотъ, въ качествѣ компаньона г. Лаварди, внесетъ въ его кассу сумму, необходимую для покрытія дефицита.

«Какъ не упала я мертвою, убитою наповаль, выслушавши такое чудовищное предложеніе? Мнѣ до сихъ поръ кажется, будто какое-то безуміе охватываетъ мою голову. Не бредъ ли то былъ? Вправду ли я пережила такой ужасъ?

«Отдавшись чувству негодованія, я поднялась съ мѣста, хотѣла убѣжать. Г. Лаварди удержалъ меня за руку и, оставаясь, попрежнему, невозмутимымъ, сказалъ:

«— Полина, не ради меня только вы должны спасти меня, но ради себя и нашего сына. Нельзя допустить, чтобъ имя наше было опозорено срамомъ банкротства. Люсьенъ де-Северакъ готовъ дать мнѣ деньги, которыя я просилъ у него, — такъ не отталкивайте же его!

«— И онъ воображаетъ, что меня купить можно?

«— Онъ любитъ васъ. О, повѣрьте мнѣ, я уже давно отлично вижу это! Бъ тому же, могу признаться вамъ, я перехватилъ письмо, которое онъ написалъ вамъ и въ которомъ сообщалъ вамъ о своемъ обожаніи. Тогда я отправился къ нему и въ качествѣ оскорбленнаго мужа потребовалъ отъ него удовлетворенія.

«— И что же?

«— Мнѣ принадлежитъ право опредѣлить, въ чемъ должно заключаться удовлетвореніе. Я рассказалъ де-Севераку про катастрофу, которая грозитъ мнѣ гибелью. Кто же, какъ не онъ, можетъ выручить меня изъ бѣды? Состояніе г. де-Северака я оцѣниваю въ пятнадцать милліонъ, проживаетъ онъ не болѣе шестидесяти тысячъ франковъ въ годъ... Если онъ любитъ васъ, то не онъ ли обязанъ спасти насъ, не онъ ли долженъ позаботиться о нашемъ счастьи?

— Что же отвѣтилъ вамъ г. де-Северакъ?

«— Отвѣчать ему было нечего. Я отдалъ ему письмо, которое онъ писалъ вамъ, и пригласилъ его явиться къ вамъ лично. Само собою разумѣется, что отъ него я получилъ подписанный мнѣ актъ вступленія со мною въ товарищество.

«Я онѣмѣла, не могла произнести ни одного слова. Силы мои покинули, вся кровь какъ бы застыла въ моихъ жилахъ.

«— А за симъ, — продолжалъ мой мужъ, — вы ужь меня извините: въ теченіе нѣсколькихъ дней меня не будетъ дома. Вы сами понимаете, что послѣ такихъ страшныхъ тревогъ, только что пережитыхъ мною, мнѣ необходимъ нѣкоторый отдыхъ. Я проведу съ недѣлю въ нашемъ помѣстьи, въ Артене, и вы прійдете ко мнѣ туда въ сопровожденіи г. де-Северака.

«Какъ прошла остальная часть дня послѣ этого ужаснаго разговора, я передать не могу. Въ моей памяти сохранилось лишь то, что потомъ произошло.

«Около шести часовъ вечера явился г. де-Северакъ и выразилъ желаніе видѣть меня. Въ эту минуту г. Лаварди вошелъ въ комнату, гдѣ я сидѣла. Сомнѣнія не оставалось въ томъ, что торгъ состоялся: г. де-Северакъ пришелъ получить то, что ему принадлежало, — я была продана!

«На губахъ г. Лаварди была такая улыбка, отъ которой вся душа во мнѣ возмутилась.

«Онъ тихо сказалъ мнѣ:

«— Идите же, Полина, нашъ другъ ждетъ васъ.

«И онъ направился къ двери. Что происходило во мнѣ? Я быстро подошла къ зеркальному шкафу, открыла его и взяла маленькій револьверъ, купленный мною въ виду побѣдки въ деревню, такъ какъ я очень пуглива и хотѣла имѣть его для собственнаго усновоенія.

«— Иду! — сказала я.

«Войдя въ гостиную, гдѣ меня ждалъ г. де-Северакъ, я воскликнула, обращаясь къ нему:

«— Васъ судить я не стану, предоставляю вашей совѣсти выяснитъ вамъ всю подлость того, что вы сдѣлали. Иное дѣло мой мужъ: такъ какъ онъ присвоилъ себѣ право продать меня вамъ, то и я считаю себя вправѣ расплатиться съ нимъ за его мерзости!

«Г. Лаварди въ испугѣ хотѣлъ броситься ко мнѣ.

«— Г. де-Северакъ, — сказала я, — узнаеть, по крайней мѣрѣ, что на вашъ торгъ моего согласія не было.

«Я выстрѣлила въ г. Лаварди.

«Онъ умеръ. Меня арестовали, меня будутъ судить. Пусть дѣ-

аютъ со мною, что хотять... Возможно, впрочемъ, что усомнятся въ правдивости моихъ показаній. Въ такомъ случаѣ, мой защитникъ прочтетъ письмо, которое написалъ ему г. де-Северагъ, покинувшій Парижъ и уѣхавшій въ Америку тотчасъ послѣ ужасной сцены. Въ своемъ письмѣ онъ подтверждаетъ все, рассказанное мною. Если я совершила преступленіе, то не была ли я вынуждена сдѣлать это? Честь женщины и матери заставляла меня поступить такъ, и объ этомъ я не могу пожалѣть, не могу раскаиваться въ этомъ».

III.

Записка эта была прочтена взволнованнымъ голосомъ. Въ залѣ раздались кое-гдѣ аплодисменты.

Прокуроръ поднялся съ своего мѣста.

— Если обвиняемая сказала правду, — проговорилъ онъ, — то мнѣ нечего прибавлять къ моимъ прежнимъ словамъ: пусть же господа присяжные рѣшаютъ по совѣсти своей и по своему разумѣнію.

Онъ взглянулъ на госпожу Лаварди.

Въ свою очередь она встала и ясно, отчетливо сказала:

— Блянусь памятью моего несчастнаго ребенка, я показала суду всю правду, какъ на исповѣди передъ Богомъ!

Присяжные вынесли оправдательный приговоръ.

IV.

На другой день стало извѣстно, что госпожа Лаварди покончила самоубійствомъ.

Вернувшись домой освобожденною изъ-подъ ареста, она написала записку: «Теперь, когда на память обо мнѣ не можетъ быть брошено никакого подозрѣнія, я уйду къ моему ребенку».

И она отравилась быстро дѣйствующимъ ядомъ.

М. Р.

Ю Б И Л Е Й.

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

Юбилей—такъ назывался 7-й изъ субботнихъ лѣтъ еврейскаго лѣтоисчисленія. Этотъ годъ посвящался отдохновенію; долги прощались, рабы и плѣнные отпускались на свободу, наследственные имущества возвращались прежнимъ собственникамъ или ихъ наследникамъ. Обычай этотъ (получившій свое названіе отъ еврейскаго слова *юбель* — козій рогъ, потому что въ него трубили, возвѣщая начало юбилея) соблюдался, какъ думаютъ, до вавилонскаго плѣна.

*Энциклопедическій осеначный словарь
В. Кюшнникова.*

1.

— ... Что до меня, господа, то я вполне присоединяюсь къ мнѣнію, что его слѣдуетъ почитать...

— Старикъ! Прослужилъ тридцать пять лѣтъ!

— Да, но согласитесь...

— Я полагаю, что мы, какъ товарищи...

— Согласитесь, однако...

— Никого не тащутъ за шиворотъ. Я думаю, этотъ вопросъ принципиальный, и потому...

— Эхъ, господа, и всего-то три рубля съ носу! Стоитъ о томъ толковать!

— Дѣло не въ трехъ рубляхъ. Я хочу только сказать...

— Боротко и ясно. Кто желаетъ подписаться?

— Я подпишусь!

— Я тоже!

— Мы все!

Споръ этотъ происходилъ въ учительской комнатѣ (она же и физическій кабинетъ) одной изъ петербургскихъ гимназій, во время

ольшой перемѣны. Группа преподавателей тѣснилась у стола, за которымъ сидѣлъ толстый и грузный господинъ, съ заткнутымъ одѣ бороною кончикомъ носового платка, вмѣсто салфетки, передъ арелкою съ подернувшимся слоемъ застывшаго уже маргарина и фштексомъ, — преподаватель всеобщей географіи, Иванъ Даниычъ Поплясухинъ, въ обычное время невозмутимо спокойный и мало-подвижный, но теперь чѣмъ-то взволнованный. Да и всѣ были взволнованы, всѣ стояли на ногахъ, горячились, — кто со стакаюмъ простывшаго чаю въ рукахъ, кто жестикулируя надкушеннымъ бутербродомъ — принесеннымъ изъ дому завтракомъ.

Вниманіе всѣхъ сосредоточивалъ лежавшій передъ Поплясухинымъ листъ писчей бумаги, съ проведенною вдоль него толстою вертой, какъ это дѣлается, когда собирается на что-либо подписка или пожертваніе. Въ самомъ верху совершенно пока чистой страницы стояли, одна подъ другой, три фамиліи:

И. Поплясухинъ 3 р.
Л. Грохотунскій 3 р.
Н. Бубенцовъ 3 р.

И Грохотунскій, и Бубенцовъ, составлявшіе въ данный моментъ прочный триумvirатъ съ Поплясухинымъ, стояли по обѣимъ сторонамъ его стула, поддерживая своими репликами въ тѣхъ случаяхъ, когда Поплясухинъ, обладавшій медленною и затрудненною рѣчью, искалъ выразеній.

Преподаватель русской словесности Грохотунскій, снабдившій свою подпись молодецкимъ росчеркомъ, являлъ собой господина, перешедшаго уже зрѣлый возрастъ. Съ длинными космами рыжихъ волосъ, падавшихъ у него по плечамъ, какъ у художника изъ забудыжныхъ, въ висѣвшемъ мѣшкомъ вицмундирѣ съ засаленными лацканами, обыкновенно въ пуху и съ ѣздившимъ то къ правому, то къ лѣвому уху галстучнымъ бантомъ, онъ постоянно имѣлъ видъ человѣка, только что вывернувшагося изъ какой-нибудь свалки. Товарищъ его Бубенцовъ, преподаватель исторіи, совсѣмъ еще юный и стройный, съ тонкими усиками, темными, съ поволокой, глазами и пунцовыми губками, въ элегантно сшитомъ темносинемъ форменномъ фракѣ, велъ себя очень тихо и сдержанно, лишь перекатывая во рту папироску, въ противоположность словеснику, которій брызгалъ слюною и визжалъ, покрывая всѣ голоса.

Вообще группа у стола была весьма оживленная. Исключеніе изъ всѣхъ составляли лишь трое. У стеклянныхъ шкафовъ, изъ которыхъ одинъ былъ наполненъ приборами для физическихъ опытовъ, а въ другомъ помѣщались въ строгомъ ранжирѣ сочиненія

Жуковского, Пушкина и других русских классиковъ, стояли два господина: среднихъ лѣтъ, худощавый, съ желчнымъ лицомъ, преподаватель алгебры и геометріи, Драницынъ, и прислонившійся задомъ къ электрической машинѣ коротенькій, толстый, апоплексическаго вида молодой человекъ, съ лысою уже, какъ яйцо, головой, нѣмецъ Думбеллеръ, — погруженные въ бесѣду въ полголоса, съ видомъ людей, до которыхъ горячіе дебаты товарищей такъ же касаются, какъ и до того гипсового бюста писателя Гоголя, сильно уже пожелтѣвшаго, что возвышался на шкафу съ русскими классиками, прямо надъ ихъ головами, въ компаніи гипсовыхъ параллелепипедовъ, призмъ, лѣпныхъ орнаментовъ, въ видѣ цвѣтовъ и узоровъ, и т. п. предметовъ для рисованія. Третій былъ одиноко сидѣвшій за столомъ у окошка субъектъ съ русою апостольскою бородой, въ темныхъ очкахъ, — преподаватель греческаго и латинскаго языковъ, чехъ Абсцессъ. Онъ прихлебывалъ чай и жевалъ бутерброды, которые осторожно вытаскивалъ изъ лежащаго передъ нимъ свертка газетной бумаги. Сидѣлъ онъ спокойно и невозмутимо, наблюдая поверхъ очковъ маленькими пытливыми глазами за отдѣльными фигурами группы, повидимому, совсѣмъ безучастно, но, въ сущности, слѣдилъ очень внимательно за всѣми перипетіями происходившей борьбы.

Нетрудно было понять, что противную партію представлялъ, въ строгомъ смыслѣ, только одинъ человекъ, — маленькій, рыженькій господинъ, Торопыгинъ, преподаватель русскаго языка въ младшимъ классахъ. Имя его было Серапіонъ Николаичъ, но заглазно, между товарищами, оно давно было уже передѣлано въ «Скорпіона», въ ознаменованіе тонкаго ехидства и скрытной злобности его обладателя. Онъ больше всѣхъ кипятился, а кипятился онъ потому, что во главѣ партіи стоялъ Грохотунскій. Поплясухинъ былъ только орудіемъ, заварилъ же всю кашу одинъ Грохотунскій, съ которымъ Скорпіонъ Николаичъ былъ на ножахъ и потому старался увлечь за собой большинство, стоявшее раньше на его сторонѣ, частью въ силу бессознательнаго духа протеста, присущаго русскому человѣку въ случаяхъ затѣваемаго какого бы то ни было общаго дѣла, частью просто изъ одного удовольствія травли.

Но вотъ вдругъ кому-то все это, наконецъ, уже надоѣло и, при категорическомъ вопросѣ Поплясухина, онъ порѣшилъ дѣло изъясненіемъ согласія своего подписаться и, въ ту же минуту, какъ будто отъ него только этого ждали, за нимъ единодушно согласились всѣ прочіе... Серапіонъ Николаичъ былъ побѣжденъ.

Грохотунскій подскочилъ тотчасъ же къ первому изъ присоединившихся, обманнулъ въ чернила перо и предупредительно подалъ. Го же продѣлалъ онъ съ остальными. Бубенцовъ только повелъ горжествующе пребранными своими глазами и затянулся изъ папироски.

Поплясухинъ молча принималъ трехрублевки, сдвигая ихъ въ гучу, подъ тарелку съ бифштексомъ. Подписывавшіеся нагибались, расчеркивались и, вручивъ деньги, отходили въ сторонку. Совершалось все это съ безмолвною торжественностью. Только одинъ изъ подписывавшихся заявилъ неожиданно, хлопнувъ себя по боковому карману:

— У меня денегъ нѣтъ, господа!... Страхъ вчера въ винтъ не везло!

— Все равно, потомъ отдадите, — успокоилъ его Поплясухинъ.

— На обѣдъ самомъ отдадите, — присовокупилъ Грохотунскій.

— Брестигъ только рядомъ поставьте, — молвилъ отъ себя Бубенцовъ.

Серапіонъ Николаичъ подписался послѣднимъ. Принимая перо изъ рукъ Грохотунскаго, онъ дернулъ плечомъ съ видомъ чело-вѣка, склонившагося передъ неодолимою силой, и, мелкимъ, бирернымъ почеркомъ написавъ свое имя, передалъ обратно перо съ глубокимъ поклономъ, подъ которымъ скрывалась цѣлая пучина вхидства.

— Кто еще? Господа! — повелъ глазами вокругъ Грохотунскій и обратился къ Абсцессу, который стоялъ теперь вытянувшись, словно проглотивши аршинъ, и съ достоинствомъ застегивалъ на себѣ вицмундиръ. — Святополкъ Игнатьичъ, желаете вы подписаться?

— О, да, натурально! Я тол-лко что самъ намѣревался сейчасъ присовокупить свое имя.

Святополкъ Игнатьичъ Абсцессъ, котораго вся гимназія помнила длиннымъ, тощимъ и робкимъ, безпрестанно примѣшивавшимъ въ русскій свой діалектъ чешскія и нѣмецкія выраженія (это было года полтора назадъ, когда онъ только что пріѣхалъ изъ Праги), являлъ теперь собой высокаго, умѣренной полноты джентльмена, съ медленными, солидными жестами и правильною русскою рѣчью, съ твердыми удареніями на буквѣ *л*, которую онъ произносилъ какъ *л-л*, мягкимъ, сочнымъ баскомъ.

Подойдя торжественнымъ шагомъ къ столу, онъ перегнулся надъ нимъ пополамъ, подписалъ свое имя, медленно выпрямился и, вручивъ Поплясухину три рублевыхъ кредитки, которыя до-

сталъ изъ бумажника, съ выраженіемъ древняго римлянина, совершающаго публичное жертвоприношеніе, сентенціонно прибавилъ:

— Всякая заслуга, кол-ми паче правител-ству, должна быть почтена!

— Кто еще не подписывался? Алексѣй Григорьичъ! Августъ Васильичъ! — воззвалъ Грохотунскій къ Драницыну и Думкеллеру, бесѣда которыхъ шла теперь въ полный голосъ.

Апоплексическій молодой человѣкъ горячо говоритъ:

— О, да, я не отрицаю! Но вашъ Пушкинъ, все-таки, не великій писатель. Если сравнить его съ Гёте и Шиллеромъ...

— Августъ Васильичъ! Алексѣй Григорьичъ! — визжалъ Грохотунскій.

— Все, что въ немъ лучшаго, суть одно подражаніе...

— Господа!

— Я скажу даже больше: Шекспиръ...

— Оставьте въ покоѣ Шекспира, Августъ Васильичъ! Желаете вы подписаться?

— А? Что такое? Да, подписаться... Развѣ всѣ подписались?

— Всѣ, остались только вы съ господиномъ Драницынымъ.

— Ну, что-жь, я могу, если всѣ... — заявилъ Думкеллеръ, приближаясь къ столу. Взявъ въ руки перо, онъ прибавилъ: — Я всегда, если всѣ... Какъ говорится по-русски: «я на міръ не *челобичникъ*»...

— Что до меня, господа, — тягуче-методическимъ тономъ заговорилъ математикъ Драницынъ, — то я, съ своей стороны, тоже присоединяюсь, конечно... разъ уже всѣ рѣшили этотъ вопросъ (онъ обвелъ глазами присутствовавшихъ). Моего мнѣнія, положимъ, не спрашивали... пусть такъ!... Теперь уже дѣло окончено и я не стану къ нему возвращаться. Но я не могу, все-таки, не выразить своего удивленія, почему вопросъ, вызвавшій, насколько удалось мнѣ прислушаться, горячій протестъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей, вдругъ такъ быстро, можно сказать, въ одно мгновеніе ока, рѣшился?... Я очень жалѣю, что пропустилъ этотъ интересный моментъ... Что до меня, повторяю, то я присоединяю, конечно, свое имя къ общему списку... — Тутъ Драницынъ наклонился къ столу и принялся медленно, буквъ за буквой, выводить свою фамилію, продолжая говорить одновремъ тѣмъ же тягучимъ, методическимъ тономъ: — Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ сказать... разъ могу теперь вставить, наконецъ, свое слово... что со своей стороны... принципиально... (онъ сдѣлалъ у

подписи длинный крючокъ)... я согласенъ вполне съ мнѣніемъ Серапіона Николаича.

— Ага! Вы видите всё, господа, — заметался опять Торопыгинъ, причѣмъ злые глазки его вспыхнули огнемъ торжества, — я былъ правъ! Хотя одинъ въ полъ не воинъ, но я, все-таки, и теперь повторяю: я протестую!

— Позвольте, Серапіонъ Николаичъ, — завизжалъ со своей стороны Грохотунскій, — вы подписались!

— Да, и я, и мы всё подписались! Это всегда такъ бываетъ, что мы сперва протестуемъ, а потомъ, какъ бараны...

— Серапіонъ Николаичъ, умѣрьте, прошу васъ...

— Это будетъ всегда, что кто палку взялъ...

— Серапіонъ Николаичъ, послушайте...

— Послушайте, господинъ Торопыгинъ...

— Это, господа, уже чортъ знаетъ что!

— Довольно, пора это прекратить, господа!

— Пора это прекратить, наконецъ!

— О чемъ шумъ, о чемъ споръ, достопочтеннѣйшіе коллеги? — раздался неожиданно чей-то вопросъ, и звукъ этого спокойнаго голоса былъ дѣйствиельно струи холодной воды, которой плеснули въ волнующійся во всё пары кипятокъ. Всё тотчасъ утихло.

Задалъ этотъ вопросъ о. Константинъ Братолюбовъ, старшій законоучитель гимназіи, протоіерей благолѣпнаго вида, уже съ значительною просѣдою въ большой бородѣ и волнистыхъ густыхъ волосахъ, ниспадавшихъ на плечи шелковой темно-фіолетовой рясы. Онъ только что прибылъ къ своимъ двумъ послѣднимъ урокамъ, внеся съ собой въ спертую атмосферу учительской свѣжій ароматъ зимняго воздуха улицы.

Пока онъ здоровался, душевно пожимая въ обѣихъ своихъ мягкихъ ладоняхъ протягиваемыя ему руки товарищей (причемъ Святополкъ Игнатьичъ принялъ даже благословеніе), Грохотунскій, успѣвшій тѣмъ временемъ снова овладѣть позиціей, познакомилъ его, въ краткихъ чертахъ, съ обстоятельствомъ, бывшимъ причиною спора.

— А-а! Юбилей! — протяжно повторилъ о. Константинъ, поправляя золотыя очки на своемъ римскомъ носу. — Господину Непримогаеву? Нашему преподавателю чистописанія и рисованія? Тридцать пять лѣтъ его службы, вы говорите?... Похвально!... Это похвально!

— Не правда ли, вы тоже присоединитесь къ нашему чество-

ванію, о. Константинъ? — завизжалъ тотчасъ же около него Грохотунскій.

— Присоединюсь, всеконечно... Старикъ почтенный... Достопочтеніе, — подтвердилъ протоіерей Братолюбовъ. — Но въ чемъ состоитъ программа этого чествованія, желательно знать?

— Адресъ отъ всѣхъ насъ, товарищей... — объявилъ Грохотунскій, — отъ учениковъ, можетъ быть, адресъ...

— Обѣдъ... — вставилъ отъ себя Поплясухинъ.

— Подарокъ... Чернильница... Портсигаръ, напримѣръ! — вмѣшались вперебой еще нѣсколько другихъ голосовъ.

О. Братолюбовъ поглаживалъ бороду и, закрывая глаза, тихо помавалъ головою при каждомъ изъ перечисляемыхъ предметовъ «программы», какъ бы запечатлѣвая все это въ сердцѣ своемъ.

— Гм... Такъ... — произнесъ, наконецъ, онъ задумчиво, когда вокругъ него замолчали. — Только осмѣлюсь сдѣлать отъ себя замѣчаніе... Дозволительно мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе? — обвелъ онъ глазами присутствовавшихъ.

— Говорите, говорите, пожалуйста, о. Константинъ! — раздались вокругъ него голоса.

— Меня смущаетъ одно опасеніе... Кромѣ обѣда—подарокъ... Будетъ ли опредѣленная на всѣ эти предметы сумма достаточной?

— Вполнѣ! Все уже высчитано! — тотчасъ же успокоительно возразилъ Грохотунскій. — Не одни мы участники. Мы и другихъ привлечемъ... Сумма выйдетъ порядочная. За это я уже ручаюсь!

— Обѣдъ педорого станеть, — замѣтилъ отъ себя Поплясухинъ. — Устроимъ въ «Маломъ Ярославцѣ» или «Москвѣ»... Тамъ меня знаютъ...

— Ну, когда такъ! — воскликнулъ о. Константинъ, закатывая правый рукавъ, и, размахнувшись, отпрянулъ назадъ, какъ бы собираясь дать туза Грохотунскому, но, въ сущности, движеніемъ этимъ только распахивая одну изъ полъ рясы, причемъ обнаружился свѣтлосиній подрясникъ и вышитый разноцвѣтными шелками кушакъ. Изъ глубокаго кармана подрясника о. протоіерей извлекъ большой сафьянный бумажникъ, а изъ него десятирублевую кредитку, которую и поднесъ Поплясухину.

— Съ радостію готовъ присоединить свою лепту, — заявилъ еще разъ о. Константинъ, послѣ того, какъ, получивъ сдачу и усѣвшись на стулъ, который предупредительно пододвинулъ въ нему Бубенцовъ съ Грохотунскимъ, онъ взялъ въ руки перо. — Да, да... Старикъ достойный, почтенный...

Обмакнувъ уже въ чернила перо и совсѣмъ приготовившись

о. Константинъ вдругъ откинулся туловищемъ, словно ужаленный, и тревожно задалъ вопросъ:

— А Андрей Ардальонычъ? Знаеть объ этомъ Андрей Ардальонычъ?

— Нѣтъ, ему не говорили еще... Но это вздоръ! Онъ не будетъ препятствовать! — заявили согласнымъ тріо Грохотунскій и Бубенцовъ съ Поплясухинымъ.

— Ай, ай, ай, господа, господа! — смутился о. Константинъ и даже въ раздумьи поникъ. — Какъ же такъ, безъ начальства? Безъ начальства-то какъ же быть, господа?... Теперь ужь я, право, не знаю...

— Будьте спокойны! Мы уговоримъ его! Будьте спокойны! — опять подтвердили всѣ трое.

— Эхъ, господа, господа! — скорбно вздохнулъ о. Константинъ. Затѣмъ онъ вдругъ махнулъ рукою, какъ бы желая сказать: «пропадай моя голова!» — твердымъ почеркомъ написалъ свое имя и всталъ.

Этимъ дѣйствиемъ о. Константина словно была поставлена точка дебатамъ: Три агитатора приняли озабоченный видъ. Прочіе имѣли видъ не то усталый, не то равнодушно-скучающій, какой появляется у людей долго спорившихъ, послѣ того какъ предметъ спора исчерпанъ. Всѣ разбились на группы. Только Серапіонъ Николаичъ одиноко стоялъ у окошка и, глядя въ него на противоположную стѣну двора, сосредоточенно грызъ себѣ ногти.

Пронзительно грянулъ звонокъ, возвѣщая конецъ большой перемены, и закился дребезжащими трелями по корридорамъ гимназіи, гдѣ шныряли уже надзиратели, загоняя мальчугановъ по классамъ. Преподаватели хватали журналы и устремлялись къ дверямъ, между тѣмъ какъ стоявшій на верхней площадкѣ лѣстницы, что вела въ квартиру директора, старый гимназическій вахтеръ, Емельянъ Чубуковъ, зажмуривъ глаза и мѣрно качая надъ ухомъ рукавомъ съ желтымъ шеврономъ, продолжалъ трезвонить своимъ колокольчикомъ.

Призвавъ всѣхъ къ порядку, онъ вошелъ въ пустую учительскую, собралъ на подносъ пустые стаканы, вмѣстѣ съ бифштексомъ, котораго такъ и не удалось доѣсть Поплясухину, побросалъ туда же окурки и удалился.

Тихо стало во всѣхъ корридорахъ, тихо въ учительской, съ словно оцѣпенѣвшими въ безысходной тоскѣ шкафами съ приборами для физическихъ опытовъ и русскими классиками, съ электрическою машиной въ углу и ясиѣ бѣлѣвшимся подъ потолкомъ

бюстомъ Гоголя, который все время внимательно слушалъ произнесившіяся здѣсь спорныя рѣчи, и длинноногая его голова съ характерною прядью на лбу и застывшею навѣки тонкою улыбкой, обративъ свои незрячія очи къ окошкамъ, откуда падалъ на нихъ мутный свѣтъ ноябрьскаго дня, казалась, думала горькую думу:

«Охъ, ужь какъ же и скучно на этомъ свѣтѣ у васъ, господа!»

Въ четвертомъ часу потокъ гимназистовъ хлынулъ изъ подъѣзда ученаго зданія. Рѣзво бѣжали, подгоняемые крѣпкимъ морозцемъ, малыши и подростки, солидно шли юноши, — иные уже съ значительною растительностью на щекахъ и подбородкахъ, многіе уже говорившіе басомъ, — и, рѣдѣя, разсыпались по смежнымъ улицамъ и переулкамъ.

Откинувшій полость извожичьихъ санокъ, о. Константинъ Братолюбовъ приподнялъ высокую брововую шапку на прощанье съ товарищами, сѣлъ и поѣхалъ.

Сумерки плотно сгущались и кое-гдѣ вспыхивали уже фонари.

Бубенцовъ, въ шинели и блестящемъ цилиндрѣ, и Грохотунскій, въ облязлой еноткѣ, шли рядомъ. Позади и нѣсколько поодаль отъ нихъ тяжело шагала Полясухинъ, а сбоку его сѣменилъ въ пальтецѣ Серапіонъ Николаичъ, который все еще не могъ успокоиться по поводу затѣяннаго юбилейнаго чествованія и изливалъ весь накопившійся ядъ.

— Чортъ знаетъ! Придумали тоже! Юбилей вдругъ! Кому? Преподавателю чистописанія! Ха!... Предметъ тоже, скажите! «Заслуга должна быть почтена», — передразнилъ Торопыгинъ Абсцесса. — Положимъ, что согласился этотъ чухна: не даромъ же онъ подлипало! Я не удивляюсь даже попу: извѣстная елейная шельма! Думкеллеръ... ну, этому было бы только гдѣ-нибудь налижаться. Меня изумляетъ Драницынъ... вотъ кто меня изумляетъ! Человѣкъ интеллигентный и умный — и не могъ высказать въ-время мнѣнія! Удивительно, право... Ха-ха! Почему не устроить бы кстати ужь юбилей Емельяну, а? Какъ вы полагаете? Почему не почтить бы ужь Чубукова? Ха-ха!

— Гм... Ну, это — разница... Странно бы было... Солдату... — промямлилъ сквозъ воротникъ необъятной шубы своей Полясухинъ. Онъ спокойно слушалъ своего собесѣдника, изрѣдка и кусая въ отвѣтъ на его злобныя рѣчи лишь краткія фразы.

— *Солдату?* — взвизнулъ Серапіонъ Николаичъ, — солдату, вы говорите? Да, именно, именно! То-то и важно — солдату! — въ тоже старикъ! Онъ былъ на войнѣ! Онъ свою кровь пролива...

Туть идея—вотъ что именно важно!... Да! Не только что важно—**и** нужно! А Непромокаева чувствовать... Ха! Бому это надобно? Я понимаю, положимъ... вонъ *тѣмъ*,—онъ кивнулъ головою впередь.—Одному—покраснобайничать, помолоть чепухи, а другому... я ужь и не знаю, что туть нужно другому! Ну, мнѣ сюда. До свиданія!

Серапионъ Николаичъ сунулъ тощую ручку свою въ пятерню Поплясухина, торопливо стиснулъ ее и шмыгнулъ въ переулочъ налѣво.

«Знаемъ мы, что *тебѣ* тоже нужно! Пожрать—вотъ что тебѣ только нужно!»—продолжалъ уже про себя не высказанную до конца свою мысль Торопыгинъ, зябко ёжась въ своемъ пальтецѣ и пряча носъ въ воротникъ.

Шедшіе впереди педагоги остановились подождать Поплясухина.

— Ну, что тебѣ говорилъ Скорпионъ?—спросилъ Грохотунскій.

— А, что... пустое!—нехотя процѣдилъ Поплясухинъ. — Волнуется все... Злючка, понятно... Богъ съ нимъ совсѣмъ... До свиданія, братцы! Извоцикъ, въ Разъѣзжу!

II.

Тихонъ Антонычъ Непромокаевъ шелъ къ себѣ домой, на Пески.

Сегодня былъ у него всего одинъ урокъ—рисованія, и онъ отдѣлался, сравнительно, рано. Обыкновенно, въ этотъ день, пятницу, онъ поспѣвалъ нѣсколько раньше домой, но сегодня Тихонъ Антонычъ какъ-то дольше плелся изъ гимназіи. На улицѣ совсѣмъ «размокропогодилось», и его старая ватная шинель съ облѣзлымъ воротникомъ изъ кошачьей шкурки, нѣкогда сходившей за «нѣмецкій» боберъ, что-то особенно тяжело давила ему спину и плечи. Да еще и ревматизмъ этотъ проглятый въ ногѣ разыгрался.

Пройдя добрую половину Песковъ, Тихонъ Антонычъ достигъ одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ еще уцѣлѣли идиллическіе деревянные домики, которыхъ, годъ отъ году, благодаря періодически здѣсь повторяющимся, подобно разлитіямъ Нила въ Египтѣ, пожарамъ, становится все меньше и меньше, а на мѣстѣ ихъ вырастаютъ новыя, кирпичныя, зданія. Возможно, что такую же участь долженъ былъ когда-нибудь претерпѣть и тотъ старенькій домикъ, который служилъ обителью для Тихона Антоныча. Недаромъ онъ жался такъ робко промежь двухъ желтыхъ трехъэтажныхъ домовъ, выпятившихся нахально на тихую улицу своими ярко-цвѣтными вывѣсками—у одного портерной, у другого трактира—и будто ждавшихъ

лишь случая стереть съ лица земли безъ остатка этого жалкаго, затесавшагося между ними сосѣда. По крайней мѣрѣ, подобная дума уже не разъ проходила въ головѣ Тихона Антоныча, какъ прошла она и въ эту минуту, когда его скромный сѣреный домигъ взглянулъ на него подслѣповатыми своими окошками изъ - подъ низко нахлобученной крыши, съ повисшими на манеръ сталактитовъ ледяными сосульками, съ которыхъ падали на землю, какъ слѣзы, тяжелыя капли, и словно отвѣтилъ ему: «Да, скверны, братъ, наши дѣла!»

Черезъ калитку, надъ которой висѣла дощечка, гласившая, что домъ сей принадлежитъ «г-жѣ П. Н. Непромокаевой», вступилъ онъ во дворъ, заваленный высокими сугробами снѣга, и, обогнувъ одинъ уголъ дома, вошелъ черезъ настѣжь открытую дверь въ темныя сѣни. Тамъ онъ нашарилъ на стѣнкѣ ручку звонка и дернулъ ее, послѣ чего очутился въ маленькой свѣтлой прихожей, гдѣ отворившая Тихону Антонычу толстая, довольно неопрятная дѣвка, съ пылавшимъ и покрытымъ каплями пота лицомъ, совлекла съ него и водворила на надлежащемъ мѣстѣ шинель, а сама тотчасъ исчезла въ противоположную дверь, которая соединяла прихожую съ кухней, гдѣ что-то шумно трещало и шипѣло на сковородкѣ и стала ласъ пелена синяго чада.

Тихонъ Антонычъ прошелъ черезъ двѣ небольшихъ комнаты въ третью, имѣвшую назначеніе спальни, скинулъ тамъ вицмундиръ и все верхнее свое одѣяніе, не исключая сапогъ, и, очутившись въ туфляхъ и халатѣ, вернулся въ первую комнату, которая, будучи нѣсколько больше другихъ, служила одновременно заломъ, гостиной и кабинетомъ.

— Здр-равія желаю! — привѣтствовалъ его изъ угла чей-то голосъ.

Голосъ этотъ принадлежалъ попугаю, пріобрѣтенному давно, уже нѣсколько лѣтъ, Тихономъ Антонычемъ на весеннемъ базарѣ у Биржи, отъ одного изъ тѣхъ заѣзжихъ субъектовъ, которые появляются ежегодно, съ открытіемъ у насъ навигаціи, съ коллекціей змѣй, обезьянъ, зеленыхъ лягушекъ и другихъ заморскихъ диковицъ. Попугай оказался съ нѣкоторыми начатками образования, хотя дурно направленнаго, такъ какъ зналъ исключительно только нѣсколько нѣмецкихъ ругательствъ, и потому Тихонъ Антонычъ, окрестивъ его предварительно именемъ «Тришки», занялся правильнымъ его воспитаніемъ, въ чемъ и преуспѣлъ въ совершенствѣ, такъ что попугай съ теченіемъ времени привыкъ болтать очень чисто многія фразы, умѣлъ, кромѣ того, скрипѣть, свистать,

подражать звуку ножа по стеклу и проч. Тихонъ Антонычъ даже научилъ его хохотать.

— Здр-равія желаю!—настойчивѣе уже повторилъ воспитанникъ Тихона Антоныча.

Обыкновенно это привѣтствіе возбуждало большое удовольствіе въ Тихонѣ Антонычѣ.

— Попочка-а!—весело восклицалъ въ отвѣтъ ему Тихонъ Антонычъ. Затѣмъ онъ подходилъ къ тришкиной кѣлтѣ, гдѣ, ожидая его, попугай сидѣлъ неподвижно, прижавъ къ рѣшеткѣ свою горбоносую голову, и, когда его хозяинъ приближался на разстояніе руки, произносилъ глухимъ басомъ:

— Почеши попочкѣ шейку.

Тихонъ Антонычъ ласково исполнялъ желаніе Тришки и затѣмъ они разставались, вполне довольные другъ другомъ.

На этотъ разъ онъ, однако, не сдѣлалъ ни того, ни другого, вслѣдствіе чего обиженный Тришка попробовалъ сперва перекусить толстую проволоку своей мѣдной тюрьмы, поднялъ презрительно хвостъ и поползъ по ней внизъ головою, цѣпляясь по проволокѣ своими корявыми лапами.

Не обратилъ также вниманія Тихонъ Антонычъ на то, что около него давно ужъ вертѣлся лохматый Дружокъ, плодъ союза между дворняжкой и пуделемъ, и усердно вилялъ пушистымъ хвостомъ, стараясь поймать его сочувственный взглядъ. Равнымъ образомъ не замѣтилъ онъ и того, что покоившійся на сидѣннѣ мягкаго кресла большой рыжій котъ, одаренный необыкновенно жирною комплекціей и потому совсѣмъ не оправдывавшій присвоенной ему клички Зефира, потянулся при его приближеніи и, раскрывъ одинъ глазъ, замурлыкалъ, чѣмъ обнаружилъ ясный признакъ желанія, чтобъ его приласкали. Ни на что это не обратилъ благосклоннаго вниманія своего Тихонъ Антонычъ. Онъ только прошелся взадъ и впередъ, безшумно ступая гарусными своими туфлями по комнатѣ, и остановился противъ высокаго, въ старинной рамѣ краснаго дерева, зеркала, висѣвшаго въ простѣнкѣ между окошками.

Тамъ отразился бѣлый, какъ лунь, старичокъ—маленькій, кругленькій, съ бритымъ лицомъ, добродушными, кофейнаго цвѣта, глазами и большимъ пухлымъ носомъ, отчасти похожимъ на спѣлую грушу. Въ сущности, не будь этихъ бѣлыхъ волосъ да морщинъ, Тихона Антоныча было бы совсѣмъ нельзя назвать старикомъ, наблюдая, какъ бодро шелъ онъ по улицѣ, нѣсколько выпятивъ грудь и дергивая правою ногой, что часто свойственно людямъ воен-

нымъ. И щеки его были совсѣмъ еще круглыя, даже съ довольно свѣжимъ румянцемъ.

Но теперь, когда онъ стоялъ и разсматривалъ свое отраженіе, Тихонъ Антонычъ почти не узналъ самъ себя. Конечно, это былъ онъ, самъ онъ, несомнѣнно (кто же могъ быть иной?), только нестарѣвшій лѣтъ на десятокъ въ теченіе, можетъ быть, этихъ четырехъ-пяти дней, въ которые ему не случилось поглядѣться внимательно въ зеркало. вмѣсто щекъ, висѣли мѣшки, морщины около рта и носа врѣзались глубже, глаза смотрѣли уныло и тускло. Старикъ, дряхлый старикъ, да и полно!

«Охъ, Господи, Господи!» — глубоко вздохнувъ, прошепталъ Тихонъ Антонычъ, отошелъ прочь отъ зеркала и, дойдя до дивана, понуро на него опустился.

Крышка! Капуть! Вотъ и ревматизмъ все чаще и чаще напоминаетъ ему о себѣ, и вотъ эта слабость, которую онъ чувствуетъ всѣ эти дни, и спина вотъ, и грудь ноютъ, болятъ, словно разбитыя.

Онъ медленно поднялъ глаза, осмотрѣлся по сторонамъ — и теперь, въ первый разъ, вдругъ замѣтилъ, что все, рѣшительно все вокругъ него тоже состарѣлось. И Тришка въ углу, въ своей влѣткѣ, и диванъ, со своею шерстяною полинялою обивкой, и, передъ письменнымъ столомъ, вышитый букетами коврикъ, и тюлевыя гардины на окнахъ, уставленныхъ горшками съ геранью, алоэ и кактусами, и гравюры на стѣнахъ, въ черныхъ тоненькихъ рамкахъ, — все это уже старики, старики!

«Охъ, Господи Боже мой!»

Онъ тяжело, словно разслабленный, отвалился на спинку дивана, и взглядъ его упалъ въ одно мѣсто на противоположной стѣнѣ, той самой, къ которой былъ прислоненъ письменный столъ, а надъ нимъ пестрѣла четырехугольникомъ симметрично развѣшанная коллекція фотографическихъ карточекъ въ рамкахъ, — все снимки съ близкихъ родныхъ, живыхъ и умершихъ: покойныхъ брата, отца, умершаго первенца-сына, второго сына, въ гимназической формѣ, замужней дочери въ одной группѣ съ мужемъ и ихъ троица дѣтми, разныхъ половъ и возрастовъ. Но онъ смотрѣлъ не на нихъ, а нѣсколько выше, туда, гдѣ, какъ бы господствуя надъ всѣмъ этимъ собраніемъ родичей, видѣлась, подъ стекломъ, въ позолоченной рамкѣ, акварель, изображавшая молодую особу, судя по нѣсколько натянутой носѣ ея, сдѣланная по фотографической карточкѣ, какъ оно и было въ дѣйствительности, и, притомъ, работы собственныхъ рукъ Тихона Антоныча: стоило подойти только поближе. что-

вы разсмотрѣть въ одномъ углу бѣлаго поля сдѣланную чернилами надпись: *Рис. Т. А. Непромокаевъ*, а внизу годъ и число.

Какъ сказано, акварель изображала молодую особу, даму или дѣвушку, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, съ неправильными, но пріятными чертами лица и большими голубыми глазами. Рѣзче всего обращала вниманіе исполненная ярко-пунцовою краской та крошно-кокетливая принадлежность костюма, на манеръ пиджачка, въ какой щеголялъ женскій полъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и извѣстная подъ названіемъ «зуавки». Изображенной на портретѣ особѣ была придана сидячая поза, причемъ одна рука ея опиралась, какъ бы въ задумчивости, на нѣчто вродѣ тумбы или невысокой колонны, а другая, небрежно лежавшая у нея на колѣняхъ, держала раскрытую книгу.

Въ продолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ, ежедневно, этотъ портретъ былъ передъ глазами Тихона Антоныча. Но почему-то теперь Непромокаевъ неожиданно поднялся съ дивана, подошелъ и уставился въ него пристальнымъ взоромъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на портретъ, не шевелясь, съ совсѣмъ мертвымъ лицомъ, только глаза его начинали блестѣть и увлажаться слезами, и вотъ вдругъ одна проползла у него по щекѣ и задрожала на кончикѣ носа.

Приходилось ли вамъ, разбирая случайно старыя, ненужныя вещи, обратить вдругъ вниманіе на какой-нибудь ничтожный, совсѣмъ бесполезный предметъ, вродѣ простенькаго сухого цвѣтка, попавшагося между страницами ветхой, забытой и давнымъ-давно прочитанной книги? Вы читали ее въ юную, свѣжую пору уже потонувшего въ забвеніи прошлаго, и интереснѣе, лучше ея не было тогда ни одной изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ книгъ. Съ тѣхъ поръ вы развились, поумнѣли—и, о, насколько смѣшнымъ, наивнымъ и глупымъ возстаетъ въ вашей памяти то, что когда-то было прочитано въ той старой книгѣ! Вы никогда уже не возьмете ея больше въ руки—и пусть ѣдятъ ее мыши, за одно со всѣмъ остальнымъ ненужнымъ вамъ хламомъ. Но вотъ она случайно опять попала въ ваши глаза. Машинально перевернули вы страницу, другую—и вдругъ этотъ засохшій цвѣтокъ! Онъ прежній, такой же, каковымъ былъ сорванъ въ лѣсу и положенъ сюда вмѣсто закладки. Правда, онъ потерялъ съ тѣхъ поръ свѣжесть и запахъ. И въ ту же минуту съ этихъ желтыхъ, заплѣсневѣлыхъ страницъ пахнуло на васъ ароматомъ яснаго лѣтняго полудня и всѣмъ тѣмъ свѣжимъ и чистымъ, что погибло во мракѣ невозвратнаго прошлаго, когда солнце болѣе ярко свѣтило, птицы пѣли болѣе сладкія пѣсни и весь міръ представлялся однимъ ликующимъ праздникомъ...

— Да чтой - то, Тихонъ Антонычъ, тебя нельзя докричаться! На что тамъ такое ты засмотрѣлся?

Ръ комнатѣ рядомъ ходили, брянчали посудой, даже два раза зывали къ нему, и ничего этого не слыхалъ Тихонъ Антонычъ. Онъ очнулся только теперъ, при этомъ вопросѣ, произнесенномъ раздражительнымъ тономъ, причемъ въ дверь заглянуло лицо какой-то упитанной дамы.

— Иди фрыштыкать. Ботлеты остынутъ, — прибавила дама и скрылась.

Тихонъ Антонычъ, который при ея появленіи быстро отвернулся къ окну, сдѣлавъ видъ, что сморгается, еще постоялъ съ полминуты и затѣмъ медленно пошелъ, куда его звали.

Онъ усѣлся за круглый обѣденный столъ, съ безчисленнымъ количествомъ ножекъ, за которыми уже помѣщалась фигура упитанной дамы, супруги его, Прасковьи Никифоровны, занятой наглядываньемъ ему на тарелку котлетъ съ брюквеннымъ соусомъ, налилъ себѣ изъ графинчика въ рюмку какой-то коричневой жидкости (смѣсь водки съ нѣскою ароматическою «горечью», которую пилъ «противъ желудка» Тихонъ Антонычъ), проглотилъ ее, крикнулъ и, зажмурившись, принялся рѣзать котлету.

— Наказаніе сущее! — воскликнула Прасковья Никифоровна. — Билась, билась съ котлетами — не растопляется плита, дѣлай что хочешь!... Съ этой дурищей Дунькой одно только мученіе: тычется безъ толку, а тутъ дрова не горять! Сыры ли, что ли, или плита... Понять не могу! Совсѣмъ дымомъ пахнуть котлеты. Ты слышишь, какъ онѣ дымомъ пахнуть?

— Нѣтъ... ничего, — пробормоталъ Тихонъ Антонычъ.

— Совсѣмъ не ничего, а просто воняютъ!... Ну, да у тебя, извѣстно, носъ деревянный.

Прасковья Никифоровна, поймавъ на вилку котлету, поднесла ее къ собственному тонкому носу, подержала нѣсколько времени съ глубоко - сосредоточеннымъ видомъ и, бросивъ ее на тарелку, воскликнула:

— Это плита! Непремѣнно надо будетъ позвать печника. Бѣда, все у насъ точно разваливается!

— Да... все разваливается, — глухо повторилъ Тихонъ Антонычъ.

Онъ положилъ ножикъ и вилку и, опустившись всѣмъ тѣломъ, уставился неподвижнымъ взоромъ въ тарелку.

Прасковья Никифоровна погрузилась въ ѣду, а Тихонъ Антонычъ продолжалъ пребывать истуканомъ, только глаза его обати-

сь теперь на сидѣвшую насупротивъ фигуру жены, на ея расклевывшійся бюстъ, похожіи на перетянутую посрединѣ подушку, на ея склоненную надъ тарелкою голову, съ широкимъ пробормомъ среди полусѣдыхъ и рѣдкихъ волосъ, на морщинистыя и отвислыя щеки, и, въ то же самое время, мысленный взоръ Тихона Антоныча блескалъ ея въ кокетливую, пунцоваго цвѣта, заулку, на мѣстѣ видныхъ и собранныхъ на затылкѣ въ комочекъ волосъ видѣлъ онъ густую темнорусую косу, а на дряблыхъ щекахъ—румянецъ здоровья и молодости...

— Охъ-хо-хо, Боже мой!—глубоко вздохнулъ Тихонъ Антонычъ.

Голова Прасковьи Никифоровны быстро поднялась отъ тарелки, и глаза ея, уже не голубые теперь, а блѣдно-сѣрые, выцвѣтшіе, но такіе же большіе, какъ прежде, съ тѣмъ же, давнишнимъ, сохранившимся, несмотря на всю даль прошедшихъ годовъ, выраженіемъ, остановились на мужѣ.

— Чего ты вздыхаешь?

— Я... ничего...

— Не ври мнѣ, пожалуйста. Отчего ты не ѣшь?... Нездоровъ?

— Да, какъ будто. Немножко. Нога вотъ опять. Должно быть, погода.

— Хм... А голова не болитъ?—допрашивала Прасковья Никифоровна, не спуская съ Тихона Антоныча глазъ, въ которыхъ сквозила теперь подозрительность.

— Нѣтъ... не болитъ,—отвѣтилъ Тихонъ Антонычъ и прибавилъ, подымаясь со стула:—Я лучше пойду, полежу.

Не взглянувъ на жену и сторбивши спину, на которой онъ чувствовалъ тяготѣніе подозрительныхъ глазъ Прасковьи Никифоровны, провожавшихъ его вплоть до самыхъ дверей, онъ вышелъ изъ этой комнаты въ спальню. Взобравшись тамъ на кровать, онъ вытянулся, подложилъ руки подъ голову и принялся смотрѣть въ потолокъ.

Онъ слышалъ все, что происходило въ столовой. Слышалъ, какъ Прасковья Никифоровна наградила кого-то шлепкомъ, должно быть, Зефира, покусившагося на оставленную хозяиномъ втулкѣ котагу, слышалъ, какъ двинули стуломъ, слышалъ стукъ двери изъ кухни, пришествіе Дуньки, шепотомъ сдѣланный о чемъ-то вопиющій Прасковьи Никифоровны, шепотомъ же послѣдовавшій за нимъ отвѣтъ Дуньки и, наконецъ, осторожное приближеніе къ спальнѣ шаговъ Прасковьи Никифоровны...

Тихонъ Антонычъ тотчасъ зажурился, прикинувшись спящимъ.

Жена нѣсколько времени постояла въ дверяхъ, вѣроятно, наблюдая, затѣмъ скрипнула половицей и скрылась такъ же тихо, какъ подошла.

Тихонъ Антонычъ осторожно открылъ снова глаза и, попрежнему, устремилъ ихъ въ потолокъ.

Да, такъ ему было легче, совсѣмъ одному со своими мыслями, которыхъ не могъ онъ настолько въ себѣ «затаить», чтобы не вызвать разспросовъ и этимъ пришибленнымъ видомъ своимъ, и этими глубокими вздохами, словно нарочно его выдававшими именно въ то самое время, когда онъ старался особенно не возбуждать ничьихъ подозрѣній, и какъ разъ постоянно встрѣчалъ испытующій взглядъ Прасковьи Никифоровны.

А что онъ ей можетъ сказать, въ какихъ выраженіяхъ можетъ ей объяснить, когда и самому-то себѣ онъ не въ силахъ отвѣтить, что съ нимъ такое творится?... Онъ чувствуетъ только, что сдѣлался совершенно другимъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ онъ прежде, словно изъ него что-то вынули, словно весь онъ надломленъ...

И произошло это съ нимъ не вчера, а началось постепенно, именно когда онъ рѣшился выйти въ отставку.

Натолкнуло его на это рѣшеніе многое: глаза уже стали замѣтно ему измѣнять, особенно по утрамъ, въ эти тусклые осенніе дни, похожіе больше на сумерки, да и самъ вообще началъ уже онъ уставать, тяготиться. Сперва онъ сообщилъ свою мысль Прасковьѣ Никифоровнѣ, и та вполне одобрила это намѣреніе. Конечно, чего оставаться? Пенсію выслужилъ, а принимая во вниманіе собственный домъ, принесенный ею въ приданое, въ которомъ живутъ они, да проценты съ ея капиталъца, лежащаго въ банкѣ, чего имъ двоимъ еще болѣе надобно? Дѣти, слава Богу, сами уже на ногахъ, ничего отъ нихъ не потребуютъ. И отлично! По крайней мѣрѣ, онъ можетъ теперь пожить на покоѣ. Послужилъ и довольно!

Затѣмъ сообщилъ онъ объ этомъ директору. Андрей Ардалонычъ выразилъ ему свое сожалѣніе, убѣждалъ подумать, остаться. «Нѣтъ, послужилъ и довольно! — отвѣтилъ ему Тихонъ Антонычъ и прибавилъ шутливо: — Пора дорогу дать молодымъ!» Сообщилъ онъ потомъ еще кое-кому изъ товарищей и на вопросы ихъ о причинахъ отвѣчалъ такъ же шутливо: «Пора дорогу дать молодымъ!»

Въ первые дни послѣ того, какъ Тихонъ Антонычъ оповѣстилъ по гимназіи о своей предстоящей отставкѣ, ему казалось, что для него началось что-то новое. Будто вступалъ онъ въ другую полосу

жизни. Не придется уже больше ему торопиться вставать по утрамъ, чтобы шагать нѣсколько верстъ, не взирая ни на какую погоду, возиться съ оравой лѣнивыхъ и дерзкихъ мальчишекъ, измученнымъ возвращаться домой и радоваться каждому свободному дню, словно празднику, какъ радуется самый послѣдній поденщикъ... Скоро конецъ всему этому. Баста!

И Тихонъ Антонычъ самодовольно оглядывался по сторонамъ родныхъ улицъ, которыми шествовалъ, возвращаясь къ своему жилищу, а по мѣрѣ того, какъ затихали за нимъ постепенно шумныя волны уличной жизни столичнаго «центра» и надвигалась все ближе полусонная тишь его родимой окраины, что-то похожее на умиленное чувство пловца, достигшаго желаннаго берега, спускалось въ усталую душу учителя, и та же самая дума, все та же свѣтлая дума о близкой отставкѣ продолжала идти въ немъ своимъ чередомъ.

Отдыхъ... Служилъ тридцать пять лѣтъ вѣрой и правдой... А всякій ли можетъ этимъ похвастаться?... Не даромъ же и Андрей Ардалыонычъ о немъ сожалѣлъ и остаться просилъ... «Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, благодарю васъ покорно! (При этомъ Тихонъ Антонычъ лукаво кивнулъ головой, подмигнувъ однимъ глазомъ.) Послужите-ка съ наше вотъ вы... Хе-хе-хе!... А мы, старики, взяли свое... Пора дорогу дать молодымъ!»

«Пора дорогу дать молодымъ!» — произнесъ даже вслухъ Тихонъ Антонычъ.

Произнесъ онъ эти слова, подойдя уже къ калиткѣ своего обиталища, и вдругъ ему показалось, что его деревянный сѣреньгій домикъ, на который никогда не обращалъ онъ вниманія, взглянулъ на него какъ-то особенно. Одинъ-единѣхонекъ по всей этой улицѣ, затиснутый между двухъ каменныхъ высокихъ громадинъ, низенькій, слегка покосившійся, онъ взглянулъ на хозяина изъ-подъ тяжело придавившей его снѣжной шапки своими окошками и какъ бы повторилъ вслѣдъ за нимъ, съ горькою ироніей:

«Правда, братъ, правда!... Пора дорогу дать молодымъ!»

И въ ту же минуту Тихонъ Антонычъ почувствовалъ въ себѣ что-то странное. Это было какое-то смутное, скверное чувство, — не то что-то вродѣ конфуза, не то что-то вродѣ обиды, — въ слабой степени похожее на ощущеніе человѣка, который только что выступалъ горделиво въ надѣтомъ на немъ въ первый разъ новомъ платьѣ, воображая, что всѣ обращаютъ вниманіе на красивое его одѣяніе, и вдругъ нивѣсть какой-то налетѣвшій на него сорвалъ ещѣ дагъ ему киселя, или изъ отворившейся неожиданно отку-

да-то двери на него плеснули помоями. Повторяю, не это самое именно, но нечто очень подобное испыталъ въ эту минуту Тихонъ Антонычъ.

Весь какъ-то съжившись, вошелъ онъ въ свой домъ, разсыяно сбросилъ шинель на руки Дуньки, холодно отвѣтилъ на привѣтствіе Тришки и ласки Дружка, и когда Прасковья Никифоровна пришла звать его къ завтраку, то нашла своего мужа сидѣвшимъ, какъ истуканъ, на диванѣ, со взоромъ, устремленнымъ пристально въ полъ. За ѣдой онъ былъ молчаливъ и задумчивъ, тотчасъ послѣ завтрака направился въ спальню и, испутивъ тяжкій вздохъ, полѣзъ на кровать.

Онъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ въ потолокъ, а внутри его происходила работа, которую затѣвалъ какой-то маленькій, ехидный червякъ, незамѣтно откуда-то вползшій въ душу Тихона Антоныча, и чувствовалъ Тихонъ Антонычъ, какъ этотъ червякъ ползъ и точилъ, все ползъ и точилъ, оставляя за собой червоточины, что дѣлаетъ онъ, когда заберется въ спѣлое яблоко, и Тихону Антонычу, наконецъ, до того стало скверно, что онъ поднялся съ подушекъ и сѣлъ на кровати, въ тоскѣ прошептавъ самъ съ собою:

«Господи!... да что же это такое?!»

Онъ такъ и застылъ на кровати, свѣсивъ безжизненно ноги и вытаращивъ глаза на рукомойникъ съ фаянсовымъ тазомъ въ углу, точно тамъ теперь хоронилось что-то особенное.

Тамъ сидѣлъ и смотрѣлъ на него кто-то невидимый и, насмѣшливо щурясь, неслышнымъ голосомъ спрашивалъ:

«Ну, что? Раскусилъ, наконецъ?»

О, да, все теперь ему было ясно!... Все, что было ему до сихъ поръ незамѣтно, о существованіи чего самая легкая тѣнь подозрѣнія, даже хотя бы на мигъ, отуманила свѣтлое любованье собою, которое носилъ онъ въ себѣ, вдругъ встало воочию и наполнило холодомъ всю его душу.

И стыдно, и горько ему теперь за себя. Какъ смѣшонъ долженъ былъ казаться онъ, старый, нелѣпый колпакъ, ничего дальше своего носа не видѣвшій! Дѣло въ томъ, что онъ, совсѣмъ не намѣренно, съ веселою, самодовольною улыбкой, произнесъ надъ собою приговоръ, и всѣ это знаютъ, всѣ это запомнили, начиная съ директора и кончая какимъ-нибудь Чубуковымъ, и всѣ согласились, что онъ больше не нуженъ, что пора ему, въ самомъ дѣлѣ, «дорогу дать молодымъ»; но только лишь давеча, уже подойдя къ своему старому дому и повторивъ вслухъ эти слова свои, онъ уразумѣлъ вдругъ заключавшійся въ нихъ горькій смыслъ. Да, онъ

камъ, какъ его старый, покосившійся домъ, никому больше не нуженъ, онъ самъ, какъ и тотъ, одиноко торчитъ, мозоля глаза проходящимъ, и въ то время, какъ все вокругъ развалилось или ломано, чтобы дать мѣсто другимъ, отвѣчающимъ новымъ вкусамъ жилищамъ, этотъ ничтожный домишко однимъ досаднымъ пятномъ портитъ весь стройный ихъ рядъ.

«Ну, и ладно, отлично... и уйду, и уйду!» — прошепталъ Тихонъ Антонычъ, смахнувъ выступившія на глазахъ его старческаго, холодныя слезы.

Весь остатокъ этого дня онъ провелъ въ одинокихъ удручающихъ думамъ, избѣгая взглядовъ Прасковьи Никифоровны, мучительно дотянувъ время до ночи и видѣлъ разные скверные сны.

На другое утро онъ всталъ совершенно разбитый, и, во власти гнѣвъ же удручающихъ думъ, плелся всю дорогу вплоть до гимназіи.

Было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, или только ему показалось?... Андрей Ардамыонычъ поздоровался съ нимъ какъ-то холодно, Помясухинъ взглянулъ на него какъ-то странно, да и прочіе всѣ изъ товарищей, съ кѣмъ пришлось ему въ тотъ день пострѣчаться, держали себя по-другому. Даже мальчишки больше чѣмъ когда-либо шумѣли и школьничали. Мало того. Второй урокъ—рисованія—былъ у него въ третьемъ классѣ. Когда подходилъ онъ къ дверямъ, то явственно слышалъ, какъ изъ гурьбы учениковъ, шумѣвшихъ у самыхъ дверей, кто-то крикнулъ: «Сычъ! сычъ идетъ!»—послѣ чего всѣ бросились въ классъ. Это крикнулъ Скворешниковъ, самый большой негодяй изъ учениковъ всего класса. Онъ же больше всѣхъ школьничалъ во время урока, такъ что Тихонъ Антонычъ вынужденъ былъ записать его на штрафную страницу. Онъ съ трудомъ досидѣлъ до звонка, и когда урокъ кончился, ощутилъ облегченіе пытаемаго, котораго выпустили, наконецъ, изъ застѣнка.

Никогда еще, кажется, онъ не чувствовалъ себя такъ отвратительно!

«Господи Боже мой, за что же, за что?» — шепталъ Тихонъ Антонычъ, припоминая по дорогѣ домой весь рядъ полученныхъ имъ въ тотъ день впечатлѣній. Онъ теперь уже отрѣзанный лоскутъ—это ясно. Никто не сказалъ ему этого прямо въ глаза, но онъ прочиталъ эту мысль и въ директорѣ, и во всѣхъ сослуживцахъ, даже въ швейцарѣ Васильѣ, подавшемъ шинель ему далеко уже не съ тою услужливостью, къ которой привыкъ Тихонъ Антонычъ, потому что даже для этого самаго швейцара Василья онъ те-

перь уже почти посторонний и только дотягиваетъ свои послѣдніе дни, послѣ чего мѣсто его заступитъ другой, а онъ уйдетъ и исчезнетъ безслѣдно, словно его совсѣмъ уже не существуетъ свѣтѣ, словно и никогда его здѣсь не бывало.

Кто вспомнить о немъ? Не эти ли сотни мальчишекъ, прошедшихъ передъ нимъ вереницей въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, которыхъ онъ заставлялъ выводить правильно буквы и упражнять въ технику штриховъ и контуровъ?... А самъ-то онъ чѣмъ можетъ ихъ вспомнить? Чѣмъ были для него эти мальчишки и въ какомъ видѣ живутъ они теперь въ его памяти?...

Онъ углубляется въ прошлое и видитъ только туманный хаосъ разнообразныхъ головъ, въ которомъ мелькнетъ на мгновение каждаго-нибудь смиренная дѣтская рожица и тотчасъ заслонится вихрастымъ силуэтомъ какого-нибудь сорванца; въ области заднихъ скамеекъ звучитъ мелодія, производимая игрою на пѣрушкахъ, воткнутыхъ остриями въ планку парты; откуда-то взвивается вдругъ къ потолку и повисаетъ на ниточкѣ чортикъ, вырванный изъ пачки бумаги, а сбоку внезапно на Тихона Антоныча налетаетъ Сворениковъ и восклицаетъ прямо въ лицо ему:

— Сычъ!

«Сычъ!» — повторяетъ въ полголоса Тихонъ Антонычъ и представляетъ на память лицо свое, какимъ онъ давеча видѣлъ его въ отраженіи зеркала.

Да, круглыя щеки, круглыя глазки кофейнаго цвѣта и повисшій внизъ носъ... Дѣйствительно, онъ похожъ на сыча. Никогда не подозрѣвалъ онъ объ этомъ и никогда не узналъ бы, если бы не сегодняшній случай. Мѣткая вличка! Вѣроятно, она установилась за нимъ уже давно и переходитъ изъ одного поколѣнія гимназистовъ въ другое. Дѣти росли, становились юношами, выходили въ жизнь, дѣлались учителями, купцами, чиновниками, а онъ сидѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ сычъ, за столикомъ, между окномъ, упиравшимся въ кирпичную стѣну, и желтенькою кассетрой, и правилъ тетрадки... Жизнь текла неудержимою струей, все росло, развивалось, боролось, одни изнемогали и падали, другіе шли бодро и торжествовали побѣду, а онъ лишь сидѣлъ и правилъ тетрадки... Старый пенъ, обросшій лишаями и мхомъ, молча гнилъ, разрушаясь, но упавшія вокругъ него сѣмяна, въ ту еще пору, когда онъ былъ полнымъ деревомъ, давно принялись, дали ростки, тѣ пустили побѣги, и веселая семья шумѣла теперь надъ остатками своего патріарха, а Тихонъ Антонычъ все сидѣлъ и правилъ тетрадки... И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ въ

речение цѣлыхъ тридцати пяти лѣтъ! Цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ ненужной, бессмысленной дѣятельности! Параллелепипеды, ромбы, головки въ профиль, головки en face, штрихи и контуры... И за то онъ теперь — надворный совѣтникъ, у него орденъ Анны, заслуженная пенсія и право дожить свои дни въ полномъ покоѣ, не тревожась мыслью о завтрашнемъ днѣ, заботой о томъ, что нужно въ время встать и поспѣть, такъ какъ отнынѣ онъ можетъ располагать самъ собою, свободенъ дѣлать что хочетъ, — словомъ, теперь онъ, что называется, вольный козакъ! А впереди еще годы жизни, можетъ быть, пять, десять лѣтъ, даже больше, такъ какъ онъ еще бодръ, въ немъ есть силы, онъ не знаетъ въ себѣ никакого недуга... Чѣмъ онъ наполнить ихъ, эти годы?...

Онъ вздыхаетъ тихо съ подушекъ, обхватываетъ руками колѣни и принимается смотрѣть напряженно въ пространство. Прямо передъ нимъ голубые обои стѣны. Этимъ обоямъ не мало ужъ лѣтъ, они мозолятъ глаза ему каждое утро, но онъ, все-таки, ихъ пристально начинаетъ разсматривать и только теперь замѣчаетъ порывающій ихъ плотную сѣткой рисунокъ. Фонъ голубой, а на немъ узенькія, желтаго цвѣта полоски... Одна, двѣ, три, четыре, пять, шесть... Да, шесть полосокъ, а рядомъ седьмая, толще ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, затѣмъ опять шесть полосокъ и — пустое пространство. Въ пустомъ пространствѣ бѣлый цвѣтокъ, върнѣе — кружокъ, обрамленный пятью язычками. Всѣ язычки расположены на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, такъ что получается, въ сущности, звѣздочка. Внизу у ней хвостикъ, а на немъ такихъ же три язычка: одинъ — налѣво, два — направо. Въ общемъ выходитъ цвѣтокъ. Дальше опять полоски, съ толстою чертой посрединѣ, за ними цвѣтокъ, потомъ снова полоски, снова цвѣтокъ — и такъ безъ конца...

Чѣмъ наполнить ихъ, эти годы?

Онъ все сидитъ неподвижно, сцѣпивъ руками колѣни, и смотритъ пристально въ стѣну. Полоски — цвѣтокъ, полоски — цвѣтокъ...

Онъ медленно опускается опять на подушки. Тамъ, впереди — пустота, и вокругъ — пустота, и въ немъ самомъ — и въ груди, и въ головѣ — пустота. Посреди этой, наполняющей все и вся, пустоты подымается кто-то огромный, незримый, невѣдомый и простираетъ надъ нимъ безконечную руку, и чувствуетъ Тихонъ Антонычъ, какъ воля и желанія совершенно его покидаютъ, лишь съ тяжкимъ вздохомъ, вырвавшимся изъ самой глубины его существа, губы его тихо шепчутъ:

«Господи, пошли поскорѣе мнѣ смерть!»

Онъ поднимаетъ руки на грудь, укладываетъ на ней ихъ крестъ-на-крестъ и закрываетъ глаза.

.....

Тихонъ Антонычъ лежитъ, какъ лежалъ, на спинѣ, руки, крестъ-на-крестъ, сложены у него на груди и вѣки плотно сомкнуты. Онъ имѣетъ вполне видъ мертвеца, потому что онъ, дѣйствительно, умеръ, ушелъ изъ этого міра. Тѣло его неподвижно и на лицѣ присутствуетъ выраженіе покоя, какимъ проникнуты черты трупа, надъ которымъ безсильны всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра, ибо для Тихона Антоныча тоже не существуетъ теперь внѣшняго міра, не существуетъ стѣнъ этой комнаты, цѣлыхъ Песковъ, Прасковьи Никифоровны, гимназін, — онъ даже не помнитъ, что все это когда-то существовало на свѣтѣ. Онъ блуждаетъ въ иныхъ совершенно пространствахъ, испытываетъ иные тревоги, волнуется, ищетъ и впадаетъ въ отчаяніе.

Дѣло въ томъ, что онъ очутился въ какомъ-то невѣдомомъ городѣ. Онъ одинъ, совершенно одинъ, бродитъ во мракѣ, по никогда имъ доселѣ невиданнымъ улицамъ. Въ этомъ городѣ нѣтъ у него ни единой знакомой души. Городъ безконечно огромный, съ колоссальными, уходящими въ небо домами. Небо черно и во всемъ городѣ царствуетъ кромѣшная тьма, словно онъ покинутъ совсѣмъ обитателями. А, между тѣмъ, въ немъ кипитъ самая напряженная жизнь. Люди сидятъ въ огромныхъ домахъ, за огромными черными окнами, люди толпятся на тротуарахъ, мчатся въ экипажахъ по улицамъ, плывутъ на пароходахъ и лодкахъ по рѣкамъ и каналамъ — въ страшномъ количествѣ, въ большой суетѣ и въ полномъ безмолвіи. Толпы встрѣчаются, сталкиваются, экипажи сдѣлываются, лошади взвиваются тамъ и сямъ на дыбы, люди мечутся и суетятся, и происходитъ все это въ непроницаемой тьмѣ и въ полномъ безмолвіи. Тихонъ Антонычъ подвигается дальше, теряя все пуще и пуще, боясь на что-либо наткнуться, быть сшибленнымъ съ ногъ, попасть подъ колеса. Онъ все время старается держаться рѣки, гдѣ происходитъ цѣлая свалка среди сплотившихся вмѣстѣ пароходовъ и барокъ. Вотъ широчайшій, безконечнѣйшій мостъ. Ба! да это, вѣдь, Николаевскій мостъ, и рѣка эта — Нева, а городъ — его родной Петербургъ, въ которомъ онъ не былъ тридцать пять лѣтъ! Онъ узнаетъ Литейный проспектъ, Бассейную, Кирочную. Только все въ немъ теперь перестроено, все передѣлано сызнова, даже всѣ улицы переимѣнены совсѣмъ по-другому. Онъ страшно усталъ, онъ еле передвигаетъ ногами, ему хочется сѣсть, отдохнуть, и онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что городъ

сбилъ его съ толку. Онъ давно уже забылъ и потерялъ изъ виду мѣсто, откуда вышелъ сначала, и бесполезно думать найти его. Онъ узнаеть знакомую улицу, вспоминаеть, что въ ней стоялъ домъ, въ который онъ прежде ходилъ, и могъ бы теперь войти въ него и тамъ отдохнуть, но знакомая улица вдругъ обращается въ совсѣмъ для него неизвѣстную мѣстность, и Тихонъ Антонычъ останавливается въ полномъ отчаяніи. А самое главное, самое ужасное въ томъ; что опъ никого здѣсь не знаетъ. Онъ снимается съ мѣста и тащится дальше... Вотъ площадь. Она, какъ и все вокругъ, погружена тоже во тьму, но и здѣсь, какъ повсюду, есть тоже люди. Они сидятъ во тьмѣ и безшумно работаютъ. Мостовая вся разворочена, груды камней торчатъ словно скалы, а между ними зіяютъ глубокія ямы съ перекинутыми узкими досточками. Тихонъ Антонычъ вступаетъ на досточку и переходитъ. Дальше новая яма и новая досточка. Онъ перейдетъ и по ней, потому что сейчасъ должна быть академія художествъ, въ которой онъ посѣщаль когда-то рисовальныя классы. Онъ непременно дойдетъ до нея, потому что тамъ, въ одномъ изъ безконечныхъ ея корридоровъ, Тихона Антоныча ожидаетъ отецъ. Раньше онъ думалъ, что отецъ его умеръ, но теперь онъ узналъ, что тотъ былъ только боленъ и жилъ все время въ отсутствіи, а теперь онъ здоровъ, возвратился и ожидаетъ его. Тихонъ Антонычъ идетъ по длинному, теряющемуся вдали корридору. Его обгоняютъ, встрѣчаются съ нимъ и уступаютъ дорогу ему какіе-то люди. Всѣ они съ нимъ раскланиваются, какъ бы признавая знакомаго, но онъ ихъ не знаетъ, потому что всѣ эти люди совершенно безъ лицъ... Вотъ, наконецъ, онъ въ маленькой комнатѣ. Въ ней кровать, а на кровати—отецъ. Онъ совершенно такой, какимъ былъ во время своей послѣдней болѣзни, лежитъ на боку, повернувшись къ сыну лицомъ, и покрытъ до груди одѣяломъ. Только почему-то еще голова его повязана по-бабьи платкомъ... «Батюшка...» — говоритъ, приближаясь къ нему, Тихонъ Антонычъ. — «Тсс...» — дѣлаетъ тотъ, прикладывая палецъ къ губамъ. Другою рукой онъ начинаетъ манить къ себѣ сына. Тихонъ Антонычъ подходит на цыпочкахъ. «Ближе!» — шепчетъ отецъ. Тихонъ Антонычъ подходитъ совсѣмъ уже близко и навлоняетъ къ отцу свою голову. Тотъ прикладываетъ къ уху Тихона Антоныча губы и шепотомъ спрашиваетъ: «Отчего ты не хочешь съѣсть эту котлету?» — «Она пахнетъ дыномъ», — отвѣчаетъ Тихонъ Антонычъ. — «Врешь, ты долженъ ее съѣсть непременно!» Тихонъ Антонычъ начинаетъ ѣсть котлету подъ брюквеннымъ соусомъ, дѣлая надъ собою усилія, потому что

ему совершенно не хочется ѣсть. «Ъшь!» — повторяетъ отецъ и Тихонъ Антонычъ принимается одолѣвать снова котлету. Онъ глотаетъ съ трудомъ, потому что чувствуетъ, какъ она совсѣмъ ему наполняетъ желудокъ, поднимается выше къ груди, лѣзетъ въ горло, стѣсняетъ дыханіе... «Охъ, Господи, Боже мой!» — мучительно стонетъ Тихонъ Антонычъ — и просыпается.

Въ спальнѣ висятъ уже сѣрыя сумерки. Онъ лежитъ, весь разбитый, подъ впечатлѣніемъ только что пережитаго сна. Мало-помалу онъ приводитъ свои мысли въ порядокъ и, наконецъ, сознаетъ, что теперь еще день, что онъ заснулъ послѣ завтрака и наступаетъ время обѣда. Но ему трудно пока еще встать. Голова тяжела, какъ свинецъ, грудь что-то давить... Онъ приподнялъ было одну ногу съ кровати, но она тотчасъ же бессильно упала, какъ плеть... Нѣтъ, онъ долженъ немного еще отлежаться...

И Тихонъ Антонычъ лежитъ, устремивъ глаза въ потолокъ. Во всей квартирѣ царитъ тишина. Маятникъ тикаетъ въ кухнѣ, и его мѣрный звукъ глухо отдается сквозь стѣну. Слышно, какъ Прасковья Никифоровна стукнула дверью, прошла въ столовую, открыла шкафчикъ съ посудой и, побренчавши тамъ чѣмъ-то, ушла опять въ кухню.

Сумерки сгущаются все больше и больше. На улицѣ, насупротивъ дома, засвѣтился фонарь и его трепещущій лучъ проникъ въ окошко гостиной, отразивъ на темномъ полу яркій квадратъ, съ чернымъ крестомъ посрединѣ, и задѣвъ Тришкину клѣтку.

Попугай, пребывавшій все время въ неподвижной апатіи, встряхнулся, переползъ на верхнюю перекладину клѣтки и сталъ наблюдать, какъ отдѣлившійся отъ фонарнаго столба человекъ побѣжалъ, изгибаясь подъ тяжестью лѣстницы, черезъ перекрестокъ, и затѣмъ тамъ еще засвѣтился фонарь... Чернѣвшаяся посреди улицы длинная лужа заискрилась блестящими змѣйками... Изъ мрака выдѣлились чьи-то толстыя ноги, съ краемъ поднятаго высоко подола, перешагнули черезъ лужу и опять потонули во мракѣ...

Тришка испустилъ слабый свистъ и, для развлечения, сталъ болтать самъ съ собою:

«Боже мой, Боже мой, съ морковью пирогъ, почеша попочкѣ шейку, половина шестого, будьте здоровы...»

III.

Было около восьми часовъ вечера.

На столѣ передъ диваномъ горѣла лампа, а наклонившись подъ нею сидѣла Прасковья Никифоровна, въ круглыхъ очкахъ, держав-

шихся на самомъ кончикѣ носа, и вязала изъ красной шерсти платокъ,— работа, съ незапамятныхъ временъ ею затѣянная и не предвидѣвшая себѣ окончанія, подобно знаменитому тканью Пенелопы. Съ другой стороны помѣщался Тихонъ Антонычъ, который, устремивъ задумчивый взоръ свой на лампу, выбивалъ пальцами по краю стола не то маршъ, не то польку. На ручкѣ дивана, въ позѣ сфинкса, дремалъ сладко Зефиръ. На полу, въ полосѣ свѣта отъ лампы, храпѣлъ, не менѣе сладко, Дружокъ. Бодрствовавшій пока еще Тришка сидѣлъ въ кольцѣ своей вѣтки и однимъ лѣвымъ глазомъ созерцалъ издали эту мирную группу. А черезъ темную прихожую изъ полурастворенной кухонной двери слышалось сонное тиканье висѣвшихъ въ кухнѣ часовъ да шумные вздохи, испускаемые отъ времени до времени Дунькой, гадавшей на разбухшихъ и засаженныхъ картахъ, при энергической помощи языка, суслившаго большой палецъ гадальщицы, когда приходилось доставать изъ колоды новую карту, между тѣмъ какъ наставленный въ углу самоваръ тихо затягивалъ свою монотонную арію.

Неизвѣстно, какъ долго должно было еще протянуться это безмолвіе, въ которое была погружена вся квартира, когда вдругъ въ прихожей грянулъ звонокъ.

Какъ бываетъ всегда при какомъ-либо внезапномъ явленіи, вторгшемся въ царство тишины и покоя, все въ одинъ мигъ встрепенулось.

Дунька вихремъ влетѣла въ прихожую. Дружокъ вскочилъ и залаялъ. Тришка заметался по вѣткѣ и крикнулъ:

— «Ау!»

Остановившись вязать, Прасковья Никифоровна подняла голову и устремила вопросительный взглядъ на Тихона Антоныча, который въ свою очередь вздрогнулъ и тоже глядѣлъ во всё глаза на жену.

— Телеграмма,—шелнулъ съ какою-то непонятною тревогой Тихонъ Антонычъ.

— Вотъ еще!... Отъ кого?—возразила, тоже пониженнымъ голосомъ, Прасковья Никифоровна.

Затѣмъ оба супруга притихли и повернули выжидательно головы къ темной прихожей, гдѣ кто-то густо откашливался, сражаясь съ калошами.

— Валерьянъ!—воскликнулъ взволнованно Тихонъ Антонычъ, выдвѣвая изъ кресла.

— Онъ и есть... Валерьянъ Алексѣичъ!—подтвердила Прасковья Никифоровна, тоже поднимаясь съ дивана, и откинула на

лобь очки движеніемъ воина, который поднялъ забрало. — Бонечко, Валерьянъ Алексѣичъ! Бому быть другому? А онъ: «телеграмма!» Выдумалъ тоже.

Изъ мрака прихожей вырисовалось что-то черное, большое, косматое, нѣчто среднее между кустомъ и растрепанною шваброй, — въ сущности, голова человѣка, но въ такомъ изобиліи покрытая волосяною растительностью, что всѣ узаконенныя природой принадлежности облика, въ видѣ глазъ, носа и проч., совершенно терялись въ дѣбряхъ начинавшейся прямо со скулъ бороды, сливавшихся съ нею усовъ, нависшихъ бровей и разлетавшихся во всѣ стороны прядей волосъ, такъ что о нихъ, этихъ упомянутыхъ выше частяхъ нормальнаго лица человѣческаго, и говорить даже нечего. Послѣ головы показались плечи, спина, затѣмъ все это вытянулось на безконечныхъ ногахъ, словно обладатель этой фигуры постепенно изслѣдовалъ, достаточно ли будетъ для ея помѣщенія высоты этой комнаты, и передъ хозяевами возникъ уже совсѣмъ, цѣлкомъ, тощій, длиннѣйшій, чуть не подъ самый потолокъ, господинъ въ короткомъ пиджачкѣ и таковыхъ же штанахъ, который разматывалъ съ шеи пестрый платокъ, по окончаніи чего подалъ поочередно супругамъ огромную волосатую руку и произнесъ густымъ басомъ:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, братъ, Валерьянъ! Здравствуйте, Валерьянъ Алексѣичъ! — отвѣтили въ одинъ голосъ супруги. — Садитесь, — прибавила отъ себя Прасковья Никифоровна.

Валерьянъ Алексѣичъ, котораго фамилія была Феноменовъ, устремилъ подозрительный взглядъ на предложенное ему у стола мягкое кресло, попробовавъ даже качнуть его легонько за спинку, какъ бы въ цѣляхъ изобличенія подстроеной ему хозяевами какой-либо неожиданной каверзы. Успокоенный, повидимому, этимъ осмотромъ, онъ досталъ папиросу, зажегъ ея кончикъ на лампѣ и медленно погрузился въ объятія кресла.

Съ приходомъ его словно совсѣмъ ничего не случилось. Прасковья Никифоровна снова наклонилась къ вязанью. Тихонъ Антонычъ опять устремилъ вниманіе на лампу и забарабанилъ по столу прерванный маршъ.

Гость мрачно молчалъ и курилъ, блуждая глазами изъ-подъ косматыхъ бровей по ближайшимъ предметамъ, съ видомъ человѣка, который пришелъ сюда съ самыми злобными цѣлями. Устремляясь на столъ, на лампу, на стѣны, съ чернѣвшими на нихъ въ видѣ пятенъ картинками, взоры его дышали презрѣніемъ; скользи по

сидѣвшей насупротивъ Прасковѣ Никифоровнѣ, они принимали выраженіе негодующей жалости, а воззаясь въ кротко созерцавшаго лампу Тихона Антоныча, можно сказать, даже ненависти.

Не взирая на это, проснувшійся при его появленіи жирный Зефиръ заморгаль на гостя дружелюбнѣйшимъ образомъ и даже сдѣлалъ было попытку покинуть свое помѣщеніе, чтобы взобраться къ нему на колѣни, но почему-то раздумаль, а Дружокъ понюхаль его сапоги и задвигаль хвостомъ съ самымъ гостепримнѣйшимъ видомъ.

Вдругъ Феноменовъ устремилъ глаза на склоненную голову Прасковьи Никифоровны и зловѣще спросилъ:

— Вы что это дѣлаете?

— Вяжу, — отвѣчала, двигая спицами, Прасковья Никифоровна.

— Гм...—многозначительно произнесъ Феноменовъ.—Все тотъ же платокъ?

— Все тотъ же платокъ.

— Гм...—еще многозначительнѣе произнесъ Феноменовъ и, повернувшись къ хозяину, тѣмъ же зловѣщимъ тономъ задалъ вопросъ и ему:—А ты?

— А?—словно пробужденный отъ сна откликнулся Тихонъ Антонычъ, отрывая взоръ свой отъ лампы.

— Ты что дѣлаешь, я тебя спрашиваю?—настойчиво повторилъ свой допросъ Валерьянъ Алексѣичъ, и въ голосѣ его звучало уже раздраженіе.

Тихонъ Антонычъ поиграль нервѣшительно перстами по воздуху и съ затрудненіемъ вымолвилъ:

— Да какъ-то вотъ такъ... эдакъ все... ничего.

— Гм...—произнесъ Феноменовъ и, посмотрѣвъ нѣсколько времени пристально своими черными глазами на задумчиваго хозяина, какъ бы желая проникнуть въ самыя нѣдра его существа, медленно вытянулъ длинную свою фигуру изъ кресла и принялся шагать по комнатѣ взадъ и впередъ, словно паукъ, посаженный въ банку. Проходя мимо одной изъ висѣвшихъ по стѣнамъ картинокъ, онъ остановился противъ нея, промышаль что-то подъ носъ и снова принялся шагать. Затѣмъ онъ постоялъ у окошка, которое выходило на улицу, и опять промышаль что-то подъ носъ. Третья его остановка была у Тришкиной влѣтки, гдѣ на этотъ разъ и закончилась его прогулка по комнатѣ.

Необходимо замѣтить, что Тришка, до того пребывавшій, какъ сказано выше, въ полнѣйшемъ спокойствіи, съ момента появленія

здѣсь Феноменова находился въ большой ажитаци. Онъ ползалъ по клѣткѣ, царапая за нее своими когтями, пробовалъ перекусить ключомъ проволоку, — словомъ, продѣлывалъ все, чтобъ освободиться изъ своего заточенія. И это съ нимъ бывало всегда, когда приходилъ Валерьянъ Алексѣичъ, котораго Тришка ненавидѣлъ со всею силой души.

Теперь его врагъ находился на разстоянн шага и смотрѣлъ на его эволюціи. Мало того: онъ протянулъ свою руку и звонко щелкнулъ пальцемъ по клѣткѣ.

При этой безпримѣрной дерзости, Тришка зашипѣлъ по-зминому и заметался, какъ одурѣлый. Онъ ползалъ, скакалъ, кувыркался и, въ то же самое время, стремительно прикивая голову къ рѣшеткѣ, старался поймать врага за рукавъ, чтобы вырвать изъ него хоть клочокъ. А Валерьянъ Алексѣичъ, злорадно наблюдая гнѣвъ Тришки, держалъ на готовѣ сомкнутые вѣстѣ концами средней и большой пальцы руки, чтобы дать щелчка ему въ носъ. Наконецъ, ему удалось это исполнить, послѣ чего уничтоженный врагъ жалобно свистнулъ и поползъ внизъ головою, признавъ себя побѣжденнымъ.

— Валерьянъ Алексѣичъ, зачѣмъ вы дразните Тришку? — спросила съ дивана Прасковья Никифоровна.

— А что? — сурово освѣдомился Валерьянъ Алексѣичъ, причѣмъ въ его тонѣ звучало торжество побѣдителя.

— Оттого онъ васъ и не любитъ.

— Гм... Вы мнѣ лучше вотъ что скажите... — тутъ Феноменовъ взглянулъ на хозяйку съ такимъ выраженіемъ, какъ будто готовился ее уничтожить). — Будетъ сегодня у васъ самоваръ?

— Давно уже поставленъ, должно быть, теперь уже скоро, — кротко отвѣтила Прасковья Никифоровна, и громко воскликнула: — Дуня! Заснула ты, что ли, тамъ съ самоваромъ-то?

— То-то! — строго, хотя смягченнымъ уже голосомъ, замѣтилъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Затѣмъ онъ подошелъ и, опустившись на свое прежнее мѣсто, свѣсилъ голову на руку, съ видомъ человѣка, которому ни до чего нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Такъ онъ сидѣлъ и молчалъ во все продолженіе времени, пока въ сосѣднюю комнату поданъ былъ самоваръ, а около него принялась хлопотать Прасковья Никифоровна, брэнча чайною посудой, и пребывалъ въ этой позѣ до тѣхъ самыхъ поръ, когда хозяйка позвала его съ мужемъ пить чай.

Утоляя онъ жажду свою въ томъ же безмолвіи, торопливо и жадно втягивая съ блюда горячую влагу, крихтя и испуская шумъ.

ные вздохи, и осушилъ такимъ образомъ въ теченіе короткаго времени четыре стакана, не проронивъ ни единого слова. Передъ пятымъ стаканомъ онъ сдѣлалъ антрактъ, откинувшись спиною на стулъ и устремивъ мрачно-сосредоточенный взоръ въ неопредѣленную точку.

Прасковья Никифоровна, опять завладѣвшая своею безконечною работою, шевелила безшумно, въ тѣни самовара, вязальными спицами. Тихонъ Антонычъ игралъ чайною ложечкой, погруженный въ глубокую думу.

— Вы хотя въ свой пиветъ бы сразились! — воскликнула вдругъ Прасковья Никифоровна. — А то, право, сидятъ словно мертвые... Тошно смотрѣть!

— Да, въ самомъ дѣлѣ...—слабо присоединилъ свое мнѣніе Тихонъ Антонычъ и взглянулъ на мрачнаго гостя. Тотъ только повелъ глазами на него, на Прасковью Никифоровну, на самоваръ, отхлебнулъ изъ стакана и не сказалъ ничего.

— Я сейчасъ вамъ карты подамъ!—прибавила оживившаяся Прасковья Никифоровна и встала со стула, бросивъ работу.

Передъ хозяиномъ съ гостемъ появился листъ писчей бумаги съ карандашомъ, чтобы записывать взятки, и двѣ колоды подержанныхъ картъ.

— Твоя сдача, мой ходъ,—объявилъ Тихонъ Антонычъ, послѣ того какъ на вскрышкѣ у него оказался валетъ, а у Валерьяна Алексѣича—двойка.—Въ прошлый разъ ты что-то много за мной записалъ... Всего съ прежними, помнится, тридцать шесть тысячъ и...

— Не трудись вспоминать, у меня все отмѣчено,—перебилъ его Феноменовъ и, вытащивъ изъ бокового кармана бумажникъ, по записной книжкѣ прочелъ:—Тридцать шесть тысячъ пятьсотъ.

— Ты меня вздулъ,—говорилъ, подбирая карты, Тихонъ Антонычъ.

— И сегодня вздую опять,—сурово замѣтилъ Валерьянъ Алексѣичъ и сталъ объявлять:—Шесть картъ да пятнадцать, три туза, четырнадцать королей... девяносто восемь... Выходи!

Давъ мужу съ гостемъ занятіе, Прасковья Никифоровна снова углубилась въ вязанье, между тѣмъ какъ съ другого конца стола разсуждалось: «Сто одинъ!»—«Разъ...»—«Сто два!»—«Разъ...»—«Сто три!»—«Разъ...» Голосъ мужа звучалъ печально и тихо, Феноменова—громко и торжествующе. «Валетовъ разнесъ? И десятки разнесъ?!»—воскликнулъ Валерьянъ Алексѣичъ.—«Разнесъ...»—вздыхалъ Тихонъ Антонычъ. По воцарившемуся на

долго молчанію слѣдовало судить, что начиналась новая сдача, затѣмъ опять слышалось: «Квартъ отъ дамы... Шестъ картъ...» — «А гдѣ-жь твои трефы? Сбросилъ трефовую масть?!» — грозно допрашивалъ Валерьянъ Алексѣичъ. — «Сбросилъ...» — виновато сознавался Тихонъ Антонычъ. — «Чортъ тебя знаетъ, съ ума ты сошелъ! Это чортъ знаетъ что!» — кричалъ Феноменовъ.

Прасковья Никифоровна прислушивалась ко всѣмъ этимъ раздававшимся около нея восклицаніямъ, значеніе которыхъ было для нея тарабарскою грамотой, и понимала только одно, что Валерьянъ Алексѣичъ сердится на Тихона Антоныча за то, что онъ плохо играетъ, и она сама сознавала, что онъ плохо играетъ, что онъ разсѣянъ, не похожъ на себя, что онъ не обнаруживаетъ того оживленія, даже задора, съ которымъ онъ играетъ всегда въ свой любимый пикетъ. И мысль эта порождала новую думу въ головѣ Прасковьи Никифоровны, — думу о томъ, что съ ея мужемъ творится. Или онъ чѣмъ-то болѣнъ, или удрученъ какою-то заботой, но непременно съ нимъ что-то неладно; недаромъ онъ сталъ раздражителенъ, мраченъ, временами кажется даже какинъ-то убитымъ. Она уже нѣсколько разъ принималась ломать свою голову надъ вопросомъ: что бы это могло быть такое?

— На какого же дьявола ты даму-то сбрасываешь?! — злобно воскликнулъ опять Валерьянъ Алексѣичъ. — Нѣтъ, съ тобой сегодня просто невозможно играть!

Онъ убилъ послѣднюю карту и, такъ какъ «король» былъ сыгранъ, принялся дѣлать расчетъ, мрачно соня и нахмурившись.

Тихонъ Антонычъ уныло вздохнулъ и поникъ. Онъ самъ сознавалъ, что играетъ сегодня совсѣмъ отвратительно, и тѣмъ у него хуже выходитъ, чѣмъ болѣе старается онъ лучше сыграть, изъ всѣхъ силъ напрягая вниманіе и все опутительнѣе сознавая въ себѣ невозможность въ этомъ успѣть. И ничего не можетъ онъ съ этимъ подѣлать! Эхъ, ужъ лучше бы Феноменовъ прекратилъ этотъ проклятый пикетъ и оставилъ его поскорѣе въ покоѣ!

А тотъ, отнюдь не подозрѣвая таковыхъ желаній въ своемъ уныломъ партнерѣ, вскрылъ новую карту, и Тихонъ Антонычъ, признавъ опять невозможность уклониться отъ велѣній неодолимой судьбы, сдѣлалъ то же. Вышло опять сдавать Феноменову, что онъ и исполнилъ съ суровымъ спокойствіемъ. Послѣ того, какъ кадымъ были объявлены карты, Тихонъ Антонычъ сдѣлалъ выходъ съ туза, и Валерьянъ Алексѣичъ уже вытащилъ карту, чтобъ ему отвѣчать, но вдругъ откинулся спиною на стулъ, и, оставившись

глазами въ хозяина, нѣсколько времени молча его наблюдавъ, потомъ спросилъ страннымъ тономъ:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, ты не подлецъ?

Тихонъ Антонычъ поднялъ съ недоумѣніемъ голову.

— Ты не скотина?—допрашивалъ Валерьянъ Алексѣичъ, все е спуская съ него пытливаго взгляда.

— Объясни мнѣ... Я понять не могу... Что такое?—въ замѣчательствѣ молвилъ Тихонъ Антонычъ, переводя глаза на Феноменова, потомъ на Прасковью Никифоровну. Та оторвалась отъ работы и тоже переводила глаза вопросительно съ гостя на мужа.

— Онъ не можетъ понять! Скажите, пожалуйста!—воззвалъ Феноменовъ къ Прасковѣ Никифоровнѣ, какъ бы приглашая ее быть свидѣтельницей возмутительнаго поведенія мужа.—*Онъ не можетъ понять!*... Каково?... И еще имѣеть нахальство смотрѣть прямо въ глаза!...

— Что такое?—въ безпокойствѣ воскликнула Прасковья Никифоровна.

— Въ чемъ дѣло? Объясни мнѣ, пожалуйста!—тоже воскликнулъ, крайне взволнованный, Тихонъ Антонычъ.

— Изволь, объясню... Гм... Ты думаешь, что я не знаю про твой юбилей?

— Какой юбилей?—въ одинъ голосъ спросили оба супруга.

Валерьянъ Алексѣичъ посмотрѣлъ на ихъ лица и, кромѣ выраженія удивленія и любопытства, не прочелъ на нихъ ничего.

— Гм... Такъ и въ самомъ дѣлѣ ничего ты не знаешь?—подозрительно спросилъ Феноменовъ хозяина.

— Божусь, въ первый разъ только слышу... Расскажи, ради Бога... Не мучь ты меня... Что такое? Какой юбилей?—лепеталъ Тихонъ Антонычъ, совершенно растерянный.

— Да *твой* же, *твой*, говорю... Твой юбилей собираются праздновать.

— Праздновать?... *Мой* юбилей?...—пробормоталъ, какъ во снѣ, Тихонъ Антонычъ и, не въ состояніи промолвить больше ни слова, точно задохнувшись, открылъ ротъ и выпученными глазами уставился въ лицо Феноменову.

— А я, вѣдь, думалъ все время, что тебѣ ужъ извѣстно... Вижу, человѣкъ не въ себѣ и съ такою таинственною рожей... «Вотъ животное,—думаю,—молчитъ и не скажетъ!»

Валерьянъ Алексѣичъ замолчалъ и нахмурился, потомъ вдругъ обо: ился.

— Ну, чего ты раскисъ?—закричалъ онъ на хозяина.—Играть, такъ играть! Что у тебя тамъ дальше еще на рукахъ?

Тихонъ Антонычъ машинально сбросилъ какую-то карту. Валерьянъ Алексѣичъ ее тотчасъ побилъ и вышелъ съ туза, на котораго его партнеръ положилъ короля.

— Развѣ у тебя король бланкъ? А гдѣ же ваетъ?

Тихонъ Антонычъ сидѣлъ весь багровый, отиралъ со лба потъ и дышалъ тяжело, словно бѣжалъ отъ погони. Въмѣсто отвѣта на вопросъ Феноменова, онъ бросилъ карты на столъ, вскопчилъ и разразился неожиданнымъ хохотомъ.

— Ха-ха-ха, вотъ такъ штука!

Онъ прошелся взволнованно взадъ и впередъ, остановился передъ Феноменовымъ, блаженно ему улыбнулся и задалъ вопросъ:

— Откуда узналъ ты?

Валерьянъ Алексѣичъ изподлобья взглянулъ на Тихона Антоныча и пробурчалъ, угрюмо нахмурившись:

— Отъ Грохотунскаго вашего... Пьянаго встрѣтилъ.

— Ха-ха-ха!—расхохотался опять Тихонъ Антонычъ, прошелся еще взадъ и впередъ и снова спросилъ:—Ну, какъ же, какъ же все это было?... Ты мнѣ расскажи.

— Да что мнѣ рассказывать?... Ну, встрѣтились... Пьяный онъ былъ... А встрѣтилъ я его потому, что зашелъ въ «Назаретъ»... Бружку пива выпить хотѣлъ... Смотрю, а онъ тамъ... Совсѣмъ уже мокрый... Съ компаніей какихъ-то юнцовъ... И съ нимъ этотъ вашъ... Какъ его?... Сахарная рожа такая, терпѣть его не могу... Ну, чортъ, какъ его?...

— Бубенцовъ? Ха-ха-ха!... Ну-ну-ну!

Тихонъ Антонычъ сѣлъ опять на старое мѣсто и жадно уставился въ лицо Феноменову.

Валерьянъ Алексѣичъ рассказывалъ неохотно и вяло, точно вытаскивая каждое слово влещами, даже съ какою-то злобой. О Грохотунскомъ онъ выражался съ презрѣніемъ, упомянувъ нѣсколько разъ, что пьянъ тотъ былъ такъ, что «хоть выжи», о Бубенцовѣ сказалъ, что онъ «бабникъ», а объ «юнцахъ», что они всѣ «глупыши»: сидятъ и въ ротъ Грохотунскому смотреть.

— «Ангельчики! Золотые мои!—запищалъ вдругъ Феноменовъ, изображая растроганнаго Грохотунскаго,—какъ же намъ не почитать старика? Сколькихъ поколѣній, вѣдь, былъ онъ свидѣтелемъ!»

— Такъ и сказалъ: «сколькихъ поколѣній»?—переспросилъ Тихонъ Антонычъ.

— Такъ и сказалъ... Балабайка!... «Мы все это ему въ адресъ»

выразимъ...» — запищалъ опять Феноменовъ и злобно прибавилъ, своимъ уже голосомъ: — Ну, и вотъ, будетъ обѣдъ тебѣ, адресъ, подарокъ тебѣ поднесутъ... плевательницу, тамъ, что ли, какую-то.

— Плевательницу?... Почему же плевательницу? — съ недоумѣніемъ спросилъ Тихонъ Антонычъ.

— А, чортъ, почему я знаю, что тебѣ поднесутъ? Ну, не плевательницу, другое что... Не все ли равно? Вишь, у людей въ головѣ вѣтеръ свищетъ, такъ сыр-боръ и горить... Ну, и довольно съ тебя! Ничего я больше не знаю!

Тихонъ Антонычъ умиленно вздохнулъ и, погода немного, спросилъ:

— Ну, а какъ же я-то?... Что со мной будутъ дѣлать?

— А тебя вмѣстѣ съ Тришкой въ одну клятку посадятъ и поставятъ на площади! — угрюмо отрѣзалъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Тихонъ Антонычъ всталъ и началъ ходить. Воцарилось молчаніе. Феноменовъ неустанно курилъ. Хозяинъ непрерывно ходилъ взадъ и впередъ, — не тою нерѣшительною, слабою походкой, которая у него замѣчалась въ эти послѣдніе дни, а какую-то особенной, словно плавая въ воздухѣ, словно не самъ онъ ходилъ, а его что-то носило... Валерьянъ Алексѣичъ изъ-подъ своихъ косматыхъ бровей слѣдовалъ взглядомъ за мелькавшею по комнатѣ его круглою фигуркой съ такимъ выраженіемъ, какъ будто собирался дать ей тумака.

Пикетъ былъ забытъ окончательно, а потому Прасковья Никифоровна убрала со стола карты и исчезла изъ комнаты для распоряженій объ ужинѣ, который вскорѣ явился, въ видѣ оставшагося отъ обѣда жаркого и домашняго студня. Появился также графинчикъ съ коричневою жидкостью, изъ котораго Прасковья Никифоровна собственноручно налила гостю и мужу, а затѣмъ достала изъ шкафчика бутылку съ портвейномъ, сохранившимся отъ какого-то домашняго пиршества, налила себѣ изъ нея полную рюмку и, торжественно подойдя къ Тихону Антонычу, чокнулась съ нимъ и сказала:

— Поздравляю тебя!

Потомъ чокнулась она съ Феноменовымъ и выпила небольшими глоточками.

Тихонъ Антонычъ побагровѣлъ, чокнулся съ гостемъ, выпилъ, хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ всхлипнулъ и, быстро вскочивъ, бросился въ уголъ... Тамъ онъ постоялъ нѣсколько времени, пристально разсматривая какой-то узоръ на обояхъ и усердно сморкаясь...

Валерьянъ Алексѣичъ оглянулся и посмотрѣлъ, что онъ дѣлаетъ, потому усы его странно раздвинулись какимъ-то необычнымъ движеніемъ, похожимъ отчасти на судорогу, которую можно было, однако, счесть и улыбкой, и изъ-подъ нихъ послышалось тихо:

— Дуракъ!

Вернувшись, Тихонъ Антонычъ занялъ свое прежнее мѣсто и погрузился взоромъ въ тарелку. Блѣ онъ разсѣяннo, былъ молчаливъ и задумчивъ, но задумчивость эта казалась особаго рода, — главнымъ образомъ, въ тѣ минуты, когда онъ поднималъ вдругъ глаза и пристально устремлялъ ихъ на гостя, или на Прасковью Никифоровну, или просто въ неопредѣленную точку, и очевидно было въ такія минуты, что глаза эти видятъ не то, на что они смотрять, но созерцаютъ нѣчто другое, невѣдомое никому изъ здѣсь находящихся, что наполняетъ все существо Тихона Антоныча неизреченнымъ блаженствомъ. По временамъ онъ вдругъ спрашивалъ:

— Такъ и сказалъ про меня: «сколькихъ поколѣній былъ онъ свидѣтелемъ», а?

— Кто? — недоумѣвалъ сперва Феноменовъ и, сообразивъ, отвѣчалъ раздражительно: — Ну, чертъ! Сто разъ тебѣ повторять!

Тихонъ Антонычъ повергался снова въ задумчивость и сидѣлъ нѣсколько времени молча. Затѣмъ свѣтлая улыбка расплывалась у него по лицу и неожиданно слѣдовалъ новый вопросъ:

— «Надо, — говорить, — почтить старика», а? «Почтить»? Такъ и сказалъ?

Но Валерьянъ Алексѣичъ скоро пересталъ ему отвѣчать, отдѣлываясь только безмолвнымъ сошнѣемъ, да тѣмъ, что ожесточеннѣе затягивался своею папирсой. Наконецъ, при какомъ-то новомъ вопросѣ онъ поспѣшно всталъ съ мѣста и началъ прощаться.

Сперва онъ пожелалъ доброй ночи Прасковьѣ Никифоровнѣ, а затѣмъ обратился къ хозяину:

— Прощай, юбиляръ!

И, потрясши руки обоимъ супругамъ, Валерьянъ Алексѣичъ устремился въ прихожую.

Провожавшіе гостя Тихонъ Антонычъ съ Прасковьей Никифоровной стояли въ дверяхъ, а Дунька свѣтила взятою изъ кухни жестяною керосиновою лампочкой, пока Феноменовъ, сразившись успѣшно съ валoшами, обматывалъ шею своимъ безконечнымъ платкомъ, потомъ, при помощи Дуньки, влѣзъ въ коротенькое льховое пальто. Все это продѣлывалъ онъ, отвернувшись къ стѣнѣ,

словно уже не будучи въ силахъ выносить долше вида хозяевъ. Въ заключеніе, нахлобучивъ на себя огромную шапку, тотчасъ же свѣлавшую его похожимъ на Пугачева, какъ изображенъ онъ на картинѣ Перова, Валерьянъ Алексѣичъ буркнулъ: «Прощайте!» — и повернулся къ выходу въ сѣни.

— Посвѣти барину, Дуня! — сказала Прасковья Никифоровна.

— Не нужно! — буркнулъ опять Валерьянъ Алексѣичъ.

Не взирая на то, Дунька отворила передъ нимъ услужливо дверь и, выскочивъ въ сѣни, свѣтила, пока Феноменовъ шествовалъ къ двери во дворъ.

— Правѣе, баринъ, держите, тутъ сбоку-то склизко, — говорила усердная Дунька, освѣщая дорогу. — Давеча дворникъ-анаеема, шомши съ водой, почитай цѣлое ведро расплескалъ... А не то я васъ лучше подь ручку...

— Пошла къ чорту! — огрызнулся на нее Феноменовъ.

— Хи, хи, хи! — Дунька бросилась къ двери и, отымая щекотку, сказала: — Дайте-ка я отворю вамъ...

— Засохни! — былъ отвѣтъ Феноменова.

— Хи, хи, хи! Спокойной ночи, баринъ, пріятнаго сна! — закричала ему Дунька въ догонку.

Феноменовъ ничего не отвѣтилъ и, скрипя кожаными своими калошами по подмерзшему снѣгу, потонулъ въ сумракѣ ночи.

Вернувшись на кухню, Дунька застала тамъ Прасковью Никифоровну, съ которою подѣлилась веселымъ своимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ «занятаго барина», а затѣмъ ихъ бесѣда перешла къ кулинарнымъ проектамъ на завтрашній день, причемъ передъ умственнымъ взоромъ кухарки и барыни возникла снова тѣнь печника, долженствовавшего быть приведеннымъ во что бы ни стало. Напоследокъ всего хозяйка спросила:

— Ставни закрыты?

Отвѣтъ полученъ былъ утвердительный.

— А Дружка водила гулять?

— Водила, барыня.

— Зефирка дома?

— Дома... Вонъ спитъ, толстомясый!

— Ну, значить, всё дома, — прошептала Прасковья Никифоровна и прибавила: — Завтра разбуди меня въ ранней...

Юсѣщеніе ранней обѣдни Прасковьей Никифоровной было довольно рѣдкимъ явленіемъ и пріурочивалось, кромѣ великихъ праздниковъ, къ днямъ торжественныхъ годовщинъ, вродѣ именинъ или рожденія котораго-нибудь изъ супруговъ. Такъ какъ ничего подоб-

наго на завтрашній день не усматривалось, то Прасковья Никифоровна, провидя могущую произойти иѣкую смуту въ строѣ идеи получившей необычайный наказъ отъ Дуньки, сочла нужнымъ еще разъ подтвердить:

— Слышала? Разбуди непременно!

И она вышла изъ кухни.

Тихонъ Антонычъ истуканомъ сидѣлъ за столомъ, на своемъ прежнемъ мѣстѣ, и, при входѣ жены, не повернулъ головы, даже совѣтъ не шелохнулся.

Прасковья Никифоровна прошла въ спальню и занялась приготовлениями ко сну. Сперва затеплила она передъ иконой лампаду, затѣмъ постелила постель, причемъ сочла нужнымъ смѣнить простыни и надѣтъ на подушки чистыя наволочки, послѣ того она взглянула въ кувшинъ, налита ли вода въ немъ для умыванья на завтрашній день. Все это заняло у нея, по крайней мѣрѣ, минутъ десять времени. Когда все было готово, она окинула общимъ взоромъ всю обстановку, остановивъ дольше глаза на лампадкѣ. Та ровно и тихо мерцала, посылая лучи отъ серебряной ризы Спасителя и озаряя вроткимъ свѣтомъ своимъ стѣны спальни и ложе престарѣлыхъ супруговъ съ ярко-бѣлѣвшими и взбитыми высоко подушками.

— Тихонъ Антонычъ! — позвала мужа Прасковья Никифоровна.

Тотъ не откликнулся. Онъ сидѣлъ въ той же позѣ, какъ давеча, когда Прасковья Никифоровна проходила изъ кухни, и можно бы было подумать, что онъ задремалъ, если бы раскрытые широкое глаза его не указывали на самое напряженное бодрствованіе.

Прасковья Никифоровна подошла и тронула его за плечо.

— Пора спать, Тихонъ Антонычъ... Двѣнадцатый часъ.

Тихонъ Антонычъ вздрогнулъ всѣмъ туловищемъ и въ глазахъ его, обратившихся теперь на жену, было выраженіе челоуѣка, неожиданно сброшеннаго изъ надзвѣднаго міра мечтаній въ нашу земную юдоль.

— Двѣнадцатый часъ, — повторила Прасковья Никифоровна.

— Иду, иду... Да, да, да... Хорошо, — пробормоталъ Тихонъ Антонычъ, поспѣшно поднимаясь со стула.

Однако, онъ не трогался съ мѣста. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на жену, и на лицѣ его она прочла выраженіе, которое вдругъ, въ одинъ мигъ, воскресило предъ нею изъ тьмы прошитаго два никогда неизгладимыхъ момента. Ей вспомнился Тихонъ Антонычъ не теперешній, сѣдой и въ морщинахъ, а тотъ, румяный и свѣтій, новобрачный супругъ ея, который точно вотъ такъ же смотрѣлъ на

нее, когда они, послѣ вѣнца и свадебнаго пира въ кухмистерской, остались одни съ глазу на глазъ... А еще она вспомнила другой незабвенный моментъ, когда, послѣ ея тяжкихъ мукъ первыхъ родовъ, она, чуть живая, разбитая, но счастливая сознаниемъ миновавшей опасности и полная новымъ, неизвѣданнымъ чувствомъ, лежала въ постели, а Тихонъ Антонычъ стоялъ и смотрѣлъ на нее, держа въ рукахъ своего новорожденнаго первенца-сына... Странно, не къ мѣсту, и зачѣмъ это вспомнилось?

Но она ничего не сказала. Она только обычно, какъ всегда это дѣлала передъ отходомъ ко сну, перекрестила мужа широкимъ крестомъ и тотъ, съ своей стороны, сдѣлавъ то же, послѣ чего она дала, тоже обычный, поцѣлуй ему въ лобъ, а онъ поцѣловалъ ея руку, на которой она почувствовала горячую влагу, и, тотчасъ же отвернувшись отъ мужа, направилась въ спальню.

Тамъ, уже въ одной ночной кофтѣ и въ чепчикѣ, скрывшемъ ея сѣдую, жидкую косу, она прочла обычный рядъ молитвъ передъ образомъ, уложила свое тучное тѣло въ постель, покрыла его одѣяломъ и вдругъ, совсѣмъ для себя неожиданно, пролила беззвучныя слезы, тѣ бабы глупыя слезы, которыя имѣютъ свойство такъ же легко появляться, какъ исчезать... Она ихъ смахнула рукавомъ своей кофты, вздохнула и принялась ждать терпѣливо пришествія сна.

Она стала уже забываться первою дремотой, когда, осторожно ступая въ своихъ мягкихъ туфляхъ, вошелъ въ спальню Тихонъ Антонычъ, раздѣлся и легъ.

Лампадка горѣла ровнымъ, нетрепетнымъ свѣтомъ. Мѣрно тикалъ маятникъ въ кухнѣ. Гдѣ-то въ углу тихо скреблась мышь.

Тихонъ Антонычъ лежалъ сперва на спинѣ, потомъ повернулся на лѣвый бокъ, повернулся на правый, и все не могъ найти удобнаго для себя положенія. Ему не спалось. Одѣяло душило его. Онъ отбросилъ прочь одѣяло, разметался и легъ опять навзничъ. Онъ чувствовалъ, какъ старая кровь его жарко била въ виски, а въ головѣ вихремъ крутились разныя мысли... Уйти бы теперь куда-нибудь далеко и все бродить, бродить безъ конца!

Онъ положительно не въ силахъ былъ дольше лежать, поднялся и с'алъ спускаться съ кровати.

— Что ты возишься? — сквозь сонъ пролепетала Прасковья Никифоровна. — Животъ болитъ?

— Нѣтъ... не животъ, — прошепталъ Тихонъ Антонычъ. — взд хнулъ и снова покорно улегся.

Время шло. Мышь въ углу все скреблась. Маятникъ въ кухнѣ все такъ же безостановочно тикалъ.

Тихонъ Антонычъ лежалъ на спинѣ и видѣлъ передъ собою освѣщенную залу, наполненную массой людей. Тутъ Бубенцовъ, Грохотунскій, Андрей Ардадьонычъ и посреди ихъ — онъ самъ, Тихонъ Антонычъ, центръ вниманія всѣхъ, счастливый и гордый. «Сколькихъ поколѣній онъ былъ свидѣтелемъ!» — возглашаетъ торжественно, указывая на него, Грохотунскій.

— Охъ... не хочу огурца... не надо мнѣ огурца! — стонетъ жалобнымъ голосомъ Прасковья Никифоровна, потому что печникъ, о которомъ былъ сегодня разговоръ у ней съ Дунькой, валить на нее большой огурецъ, и огурецъ этотъ съ рогами, въ сущности, на огурецъ даже, но кварть отъ дамы, той самой, что живетъ насупротивъ въ каменномъ домѣ и встрѣчается каждое утро съ Прасковьей Никифоровной въ мясной, когда она тамъ покупаетъ говядину, а по стѣнѣ бѣгутъ короли, быстро-быстро, какъ тараканы, цѣлыхъ четырнадцать королей, всѣ пестренькіе, всѣ въ маленькіхъ зубчатыхъ коронахъ...

Тихонъ Антонычъ не спитъ. Лампадка все слабѣе и слабѣе мерцаетъ. Темнота постепенно воцаряется въ спальнѣ. Охъ, какая долгая, какая несносно-долгая ночь!

«Сколькихъ поколѣній онъ былъ свидѣтелемъ!» — шепчетъ Тихонъ Антонычъ.

Это въ немъ уже послѣдній проблескъ сознанія, а затѣмъ глубокой, тяжелой, какъ гранитная глыба, совсѣмъ уже мертвенный, сонъ смыкаетъ его усталыя вѣжды, и Тихонъ Антонычъ ничего больше не видитъ, не слышитъ...

«Бом-мъ...» — глухо гудитъ за окномъ первый ударъ къ ранней обѣднѣ, плывя съ колокольни церкви Рождества Богородицы.

IV.

— *«Въ кругу лицъ дорожихъ сердцу моему сослуживцевъ, почтившихъ меня высокою честью вспомнить... почтившихъ меня высокою честью собраться, чтобы вспомнить...»*

Это бормочетъ Тихонъ Антонычъ, стоя въ халатѣ посреди комнаты и устремивъ глаза въ потолокъ. Въ рукѣ его листокъ почтовой бумаги, исписанный крупнымъ, красивымъ почеркомъ Тихона Антоныча. Онъ подноситъ къ глазамъ этотъ листокъ и громко прочитываетъ:

— *«... Чтобы вспомнить о томъ незабвенномъ днѣ моеи: 189-*

ты, когда, тридцать пять летъ назадъ, я вступилъ въ дружную педагогическую семью нашей гимназіи, я чувствую, что вновь молодью душой!»

Тихонъ Антонычъ обводитъ глазами вокругъ. Въ комнатѣ нѣтъ никого, кромѣ Дружка, который, спрятавъ голову въ вытянутыя переднія лапы и зажмурившись, наслаждается полуденнымъ солнцемъ, что льется золотистымъ столбомъ сквозь ледяные узоры окошка, перерѣзывая наискось комнату. При громко произнесенныхъ словахъ своего хозяина, Дружокъ поднимаетъ вверхъ голову и начинаетъ внимательно слушать. Тришка, сидя на нижней перегородкѣ кѣлѣткѣ, тоже внимательно слушаетъ.

Тихонъ Антонычъ дѣлаетъ паузу, прохаживается взадъ и впередъ, опять останавливается и прочитываетъ вновь по бумажкѣ:

— *«До глубины души моей тронутый всеми привѣтствіями, которыя мнѣ сейчасъ пришлось здѣсь услышать, я чувствую, что тридцать пять летъ слетаютъ долой съ моихъ плечъ».*

Голосъ Тихона Антоныча звучитъ патетически. Онъ опускаетъ внизъ руку съ бумажнымъ листкомъ, обводитъ глазами письменный столъ, картинки на стѣнахъ, Тришкину кѣлѣтку, Дружка — и восклицаетъ:

— *«Да, и опять повторяю передъ вами: я вновь молодью душой!»*

Дружокъ сочувственно стучитъ хвостомъ по полу. Тришка наклоняетъ голову на бокъ и принимается однимъ лѣвымъ глазомъ смотрѣть на оратора, но пребываетъ безмолвенъ. Очевидно, онъ ждетъ, что тотъ еще дальше скажетъ.

Но Тихонъ Антонычъ не произноситъ больше ни слова. Онъ стоитъ нѣсколько времени молча, потомъ снимается съ мѣста, подходитъ къ дивану и тихо на него опускается. Все время глаза его смотрятъ съ такимъ выраженіемъ, точно онъ находится внѣ всего окружающаго. Въ столовую торопливо входитъ изъ кухни Прасковья Никифоровна, съ засученными по локоть рукавами, съ краснымъ и мокрымъ отъ поту лицомъ и заплаканными отъ дыму глазами. Она вся охвачена пыломъ ожесточенной борьбы вмѣстѣ съ Дуньгой надъ печкой. Сегодня воскресенье и потому обѣдъ долженъ быть нѣсколько раньше; кромѣ того, къ обѣду придутъ дочь съ зятемъ и сынъ; вѣроятно, будетъ и Валерьянъ Алексѣичъ; все это усиливаетъ раздражительное состояніе духа Прасковьи Никифоровны. Вшла она затѣмъ, чтобы достать изъ буфета чайную ложечку. Проходя мимо двери, она бросаетъ испытующій взглядъ въ сосѣд-

ною комнату. Тихонъ Антонычъ сидитъ на диванѣ и смотритъ... смотреть прямо, въ упоръ на нее, такъ что ихъ взгляды встрѣчаются, но, очевидно, не видитъ Прасковьи Никифоровны, какъ не видитъ ничего, что вокругъ него дѣлается. Глаза его неподвижны и вытаращены. Совершенный лунатикъ!

Прасковья Никифоровна испускаетъ подавленный вздохъ и удаляется обратно въ кухню, гдѣ тотчасъ же вступаетъ въ бурную полемику съ Дунькой по вопросу о кулебякѣ, составляющей «гвоздь» сегодняшней трапезы и совершенно готовой отправиться въ печь, откуда уголья, однако, недостаточно выгребены. И во все это время, когда Прасковья Никифоровна препирается съ Дунькой, и послѣ того, какъ вопросъ этотъ улаженъ, изъ головы Прасковьи Никифоровны не выходитъ мысль о сожителѣ и видится ей его лунатическій взглядъ. Еще давеча, утромъ, слухъ ея былъ пораженъ голосомъ мужа, который, какъ сперва ей показалось, съ кѣмъ-то громко бесѣдовалъ. По наведеніи справки у Дуньки: «съ кѣмъ онъ тамъ разговариваетъ?» и по полученіи категорическаго отвѣта кухарки, что пока она еще никому не отпирала дверей, Прасковья Никифоровна самолично, на мѣстѣ, изслѣдовала это явленіе, причемъ оказалось, что Тихонъ Антонычъ стоитъ среди комнаты и твердитъ свою «рѣчь». Эта самая «рѣчь», долженствовавшая быть произнесенною юбиляромъ на своемъ торжествѣ, доставила ему не мало мученій. Ихъ, этихъ «рѣчей», было составлено нѣсколько. Каждую, стоившую автору ихъ сильныхъ мозговыхъ напряженій, онъ прочитывалъ Прасковьѣ Никифоровнѣ, и, несмотря на клятвенныя ея увѣренія, что рѣчь прекрасна и не можетъ быть лучше, Тихонъ Антонычъ безжалостно разрывалъ ее на клочки и принимался терзать себя надъ сочиненіемъ новой. Эта, послѣдняя, была по счету уже, кажется, пятая. Тихонъ Антонычъ засѣлъ вчера за нее тотчасъ послѣ ужина. Какъ ни убѣждала его Прасковья Никифоровна лечь спать, на основаніи русской пословицы, что утро мудренѣе вечера, и въ силу собственныхъ своихъ опасеній, что онъ совсѣмъ изведется, Тихонъ Антонычъ былъ непреклоненъ, и Прасковья Никифоровна пошла спать безъ него. Она долго не могла заснуть и слышала, какъ онъ кряхтѣлъ, вздыхалъ, вставалъ, ходилъ по комнатѣ и снова садился. Прасковья Никифоровна получила въ ту ночь наглядный обращенъ явленія, дотогѣ ею невиданнаго, которое называется «мѣками творчества». Такъ она и заснула, не дождавшись супруга. Неизвѣстно, который могъ быть уже часъ, — пожалуй, было даже подъ утро, во всякомъ случаѣ, она совсѣмъ уже крѣпко спала, — какъ Тихонъ Антонычъ ее разбудилъ.

Отъ стоялъ передъ нею, растрепанный, съ распахнутымъ воротомъ, со свѣчкой въ рукѣ, и читалъ свою «рѣчь». Сперва, спросонья, она разсердилась, но потомъ, все-таки, выслушала. Признаться, она смутно поняла ея содержаніе, хотя опять-таки выразила полное свое одобреніе. «Хорошо?» — переспросилъ Тихонъ Антонычъ. — «Отлично», — съвзвонъ зввоту отвѣтила Прасковья Никифоровна. — «Я и самъ думаю, что теперь хорошо», — подтвердилъ Тихонъ Антонычъ тихимъ, прониженнымъ голосомъ автора, довольнаго вполне своимъ дѣтищемъ.

«Охъ, ужъ поскорѣй бы насталъ онъ, юбилей этотъ самый!» — думала теперь Прасковья Никифоровна.

Юбилей! Онъ заполонилъ всё мысли и чувства Тихона Антоныча. Онъ думалъ объ юбилеѣ, пробуждаясь отъ сна, поутру, думалъ, идя въ гимназію, сидя въ классѣ, во время урока, думалъ по дорогѣ домой, думалъ во время обѣда и вечерняго чая, думалъ, предаваясь ночному покою, думалъ даже во снѣ, потому что и самыя теперешнія грѣзы его были связаны съ этимъ долженствующимъ совершиться событіемъ. Все, что происходило вокругъ, если оно не имѣло съ юбилеемъ какой-либо связи, скользило мимо него, не задѣвая вниманія, въ крайнемъ случаѣ мѣшало ему, раздражало его, какъ раздражаетъ насъ какая-нибудь извиѣ ворвавшаяся грубая нота, въ то время, когда вся наша душа звучитъ и поетъ въ ладъ высокой мелодіи, когда, на примѣръ, мы упиваемся оперною аріей, дыханіе стѣснилось въ нашей груди, сердце не бьется и въ глазахъ стоятъ слезы, а откуда-то вдругъ со двора раздались пошлые взвизги гармоник.

— Взгляни, который часъ, Тихонъ Антонычъ, не пора ли пирогъ сажать въ печку? — послышался голосъ Прасковьи Никифоровны, и голова ея просунулась въ комнату изъ двери столовой.

Тихонъ Антонычъ поднялъ на жену тупые глаза человѣка, котораго вдругъ разбудили, какъ бы соображая, чего хотятъ отъ него.

— Взгляни же, тебѣ говорятъ! — нетерпѣливо воскликнула Прасковья Никифоровна и прибавила: — Наши въ кухнѣ стоятъ.

Тихонъ Антонычъ машинально снялся съ дивана и, подойдя къ письменному столу, на которомъ тигали, въ стойкѣ изъ маленькихъ раковинъ, его карманные часики, медленно издалъ отвѣтъ:

— Половина второго.

Голова Прасковьи Никифоровны быстро исчезла.

Тихонъ Антонычъ вздохнулъ, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ, остановился противъ Тришкиной влѣтки и, задумчиво смотря въ глаза попутая, растягивая слова, произнесъ:

чала. Передъ Тихономъ Антонычемъ возникъ образъ этой самъ Прасковьи Никифоровны, но не той, которая стояла теперь и редь нимъ, изливая свое раздраженіе (ея какъ будто даже и совсѣмъ не существовало на свѣтѣ), а другой, которую онъ видѣлъ въ эту минуту среди радостныхъ, любящихъ лицъ, собравшихся въ честь юбиляра, приобщенной къ его торжеству, счастливой и гордой своимъ положеніемъ спутницы жизни «свидѣтеля столькихъ поколѣній». Но этотъ образъ въ одно мгновеніе ока исчезъ передъ новою мыслью, которая засвербила въ его головѣ. Это была та самая мысль, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ поселилась и немъ, все время смутно его беспокоила и назойливо теперь заявила права свои. Нѣсколько краткихъ, но выразительныхъ словъ... «прочувствованныхъ»... Вѣдь, надо будетъ ихъ сочинить непременно!

Тихонъ Антонычъ, машинально окончившій свой туалетъ, вышелъ изъ спальни, потомъ вдругъ остановился и взялъ себя за плечу. Онъ внезапно почувствовалъ, что тамъ поднялась какая-то каша, что мысли его бѣгутъ во всѣ стороны, какъ стая испуганныхъ зайцевъ, что голова его начинаетъ болѣть и кружиться, что ему нужно поскорѣе на воздухъ.

Слѣдовавшая за нимъ по пятамъ Прасковья Никифоровна тоже возможно спросила:

— Что съ тобой? Нездоровится?

— Нѣтъ... ничего... Голова только что-то... Я немножко прохладу, освѣжусь.

Тихонъ Антонычъ направился въ прихожую. Прасковья Никифоровна проводила его, собственноручно сняла шинель мужа съ вѣшалки, помогла ему облачиться въ нее, открыла и заперла дверь за нимъ, во все время не проронивъ ни единого слова. Только уже оставшись одна, Прасковья Никифорова испустила продолжительный вздохъ и, войдя въ первую комнату, опустилась на диванъ, на то самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ передъ тѣмъ Тихонъ Антонычъ, склонила голову на руку и задумалась тяжелою думой...

.....
Тихонъ Антонычъ очутился на улицѣ.

Чистый, за ночь выпавшій снѣгъ сверкалъ и искрился на солнцѣ милліонами мелкихъ алмазовъ. Воздухъ былъ чистъ. Стоялъ легкій морозецъ.

На душѣ Тихона Антоныча въ одну минуту стало бодро и весело. Онъ вздохнулъ полною грудью и почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Тамъ, у себя, въ своихъ душныхъ, низенькихъ комнатахъ,

его... Онъ переходитъ изъ объятій въ объятія... У дамъ и дѣвицъ цѣлуетъ онъ ручки... Потомъ...

— Ну, это просто изъ рукъ вонъ, наконецъ!—раздается надъ нимъ восклицаніе Прасковьи Никифоровны.

Тихонъ Антонычъ вздрагиваетъ и устремляетъ глаза на жену.

Та—въ полномъ парадѣ. Главный цвѣтъ ея хозяйственной дѣятельности теперь уже законченъ, она освѣжила лицо омовеніемъ, одѣта, причесана и готова къ приему гостей.

— Ну, чего смотришь?—продолжаетъ она раздражительно.— Вѣдь, полчаса ужъ третьяго!... Господи! Того и гляди, всѣ придутъ! Что-жь ты, такъ все и будешь въ халатѣ? Да еще съ голою грудью... Безстыдникъ!... Нѣтъ, это, просто, ей-Богу... О чемъ ты думаешь только, скажи мнѣ на милость?

— Ну, ну, ладно, отстань... Экая важность! Долго одѣться!—бормочетъ Тихонъ Антонычъ и направляется въ спальню. «Какая она иногда бываетъ несносная!»—мелькаетъ въ его головѣ на мгновение мысль по поводу Прасковьи Никифоровны.

Какъ бы то ни было, оказалось, совсѣмъ для него незамѣтно, что онъ промечталъ цѣлый часъ, какъ это случалось теперь съ нимъ постоянно. Область этихъ мечтаній была все одна, неизмѣнно, равно какъ формы и краски деталей. Онъ только комбинировалъ ихъ, располагалъ въ различномъ порядкѣ, дополняя новымъ штрихомъ, гдѣ его не хватало, дѣлая ту или другую поправку. Вотъ и теперь онъ сдѣлалъ такую поправку. Рѣчь свою онъ говорить не при поднесеніи адреса. Она должна быть потомъ, за обѣдомъ, когда предлагаются тосты. Въ этихъ случаяхъ произносится только нѣсколько словъ—краткихъ, но выразительныхъ, какъ говорится, «прочувствованныхъ». Онъ долженъ необходимо ихъ приготовить. Да, да, именно краткихъ, «прочувствованныхъ»! Какъ это раньше не пришло ему въ голову?

И Тихонъ Антонычъ снова зацѣпенѣлъ неподвижно, въ надѣтомъ на одно плечо сюртукѣ...

Неизвѣстно, сколько времени простоялъ бы онъ такимъ образомъ, еслибъ его не вывела изъ этого состоянія заглянувшая въ спальню Прасковья Никифорова.

— Ну, о чемъ еще задумался?—спросила она и, вздохнувши, прибавила:—Охъ, Господи! У меня съ тобой, кажется, скоро терпѣнья не хватитъ!

Тихонъ Антонычъ вперилъ въ жену тотъ упорный, ничего не различающій взглядъ, который появился у него въ эти послѣдніе дни и такъ пугалъ Прасковью Никифоровну, когда она его подмѣ-

ныхъ въ дремоту и повитыхъ пока еще предразсвѣтною мглою пустынныхъ улицъ Песковъ, такъ хорошо изученныхъ имъ въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ.

На углу перекрестка дремлетъ на облучѣхъ своихъ санокъ извозчикъ. Онъ изъ ночныхъ: у нихъ у всѣхъ такой видъ. Старый знакомый! Ровно тридцать пять лѣтъ, каждое утро, въ стужу и ростепель, точно такъ же онъ дремлетъ на углу какой-нибудь улицы—Шестой, Дегтярной или Слоновой. Вотъ сейчасъ, въ переулкѣ, мерцавшій насупротивъ булочной фонарь мигнулъ и погасъ, и отдѣлившійся отъ него небольшой человекъ спустился по приставленной лѣсенкѣ, поднялъ ее на плечо и, прихрамывая подъ этою тяжестью, пробѣжалъ впритруску мимо Тихона Антоныча, катя за собой на колесцахъ темно-зеленый металлическій ящикъ. И ты, братецъ, все тотъ же и такъ же смѣшно, попрежнему, бѣгаешь! А вонъ аптека со своими красными и голубыми шарами. За прилавкомъ съ вѣсами высокой чернородый мужчина, который сердито хмурится, потому что его разбудили, и, сонно моргая при свѣтѣ притушенной лампы, читаетъ поданный ему Тихономъ Антонычемъ рецептъ, а самъ Тихонъ Антонычъ, который и совсѣмъ не ложился въ ту ночь, дрожа и задыхаясь, лепечетъ: «Ради Бога, господинъ аптекарь, нельзя ли скорѣе?... Прошу васъ, поскорѣе, пожалуйста!»... Флегматическій нѣмецъ, не отвѣчая ни слова, стучитъ и бренчитъ разными банками, шѣрлетъ, вѣшаетъ, а Тихонъ Антонычъ, присѣвшій въ углу, на деревянный диванчикъ, слѣдитъ, какъ тотъ все это медленно дѣлаетъ, и въ немъ кипитъ сердце. Точно этотъ варваръ не знаетъ, какъ для него дорого время и что тамъ у него каждую минуту можетъ случиться! Жена, три дня назадъ благополучно разрѣшившаяся отъ бремени сыномъ, вдругъ почему-то почувствовала себя сегодня вечеромъ северно, и Тихонъ Антонычъ побѣжалъ тотчасъ же за акушеркой и докторомъ, который пришелъ, посмотрѣлъ и прописалъ этотъ рецептъ—только его и выдали!—а акушерка и теперь сидитъ у нихъ,—правда, да что она можетъ въ этихъ вещахъ понимать? «Охъ, Господи, да неужели еще не готово?»—восклицаетъ онъ вслухъ, не въ силахъ долѣе сдерживать своего нетерпѣнія. Но лѣкарство совсѣмъ уже готово, и аптекарь, методически обернувъ стклянку въ бумагу, подаетъ ее Тихону Антонычу, который поспѣшно выхватываетъ и, расплатившись, устремляется вонъ изъ аптеки, а прислонившійся къ стѣнѣ своей будки блюститель городского спокойствія, давно уже цѣпенѣвшій въ непреоборимой дремо-

тѣ, вдругъ пробуждается и строго выпучиваетъ глаза на Тихона Антоныча, подозрѣвая въ немъ запозднишагося домой забуддыгу. Тихонъ Антонычъ, не переводя духа, мчится впередъ, а сердце его сжалось въ комокъ и шибко-шибко колотится... «Господи, Господи, — взываетъ Тихонъ Антонычъ, — непусти, спаси и помилуй!» Онъ ныряетъ въ калитку, не слыша ногъ подъ собою, бѣжитъ по двору, полумертвый отъ волненія и страха, оказывается въ темныхъ сѣняхъ, словно сквозь сонъ ищетъ ручку у двери, чувствуя только, что ноги его совершенно подкашиваются, въ то время, какъ онъ переступаетъ порогъ, и... о, неужели все уже бесполезно?!...

«Благодарю Тебя, Боже, что все это прошло ужь и кончилось!» — съ глубокимъ, радостнымъ вздохомъ шепчетъ Тихонъ Антонычъ, и ему снова хочется видѣть свидѣтелей тогдашнихъ его душевныхъ терзаній, запечатлѣвшихся въ немъ на всю жизнь...

Будки нѣтъ. Ея давно уже нѣтъ, и Тихонъ Антонычъ самъ давно уже забылъ, что она тутъ когда-то стояла, но теперь ему кажется странно, что вдругъ ея нѣтъ.

Вотъ сейчасъ, за угломъ, въ низку́ должна быть старенькая табачная лавочка. Она тоже исчезла, а теперь на томъ мѣстѣ мясная, съ вывѣской, изображающей золотого быка. Впереди — перекрестокъ, а вотъ на углу, по той сторонѣ, сейчасъ засіяли въ лучахъ багроваго зимняго солнца, подняшагося въ эту минуту надъ крышами противоположныхъ домовъ, золотыя литеры по красному полю: «Траитеуръ». Онъ, этотъ трактиръ, тоже неожиданно какъ-то здѣсь очутился. Тихонъ Антонычъ хочетъ припомнить, что раньше тутъ было, но оказывается, что память ему измѣнила. Кажется, прежде на мѣстѣ его стоялъ просто досчатый заборъ. Несомнѣнно, потому что остатки его и теперь существуютъ.

Тихонъ Антонычъ смотритъ на его старыя щелеватыя доски и шаги его замедляются. Онъ останавливается, бросаетъ взглядъ вокругъ и, какъ прежде, у оконъ аптеки, отрѣшается отъ настоящаго времени. Онъ видитъ рядомъ съ собой своего двойника, который раньше сидѣлъ на деревянномъ диванчикѣ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи лѣкарства, а теперь идетъ съ нимъ бокъ-о-бокъ.

Это все онъ же, молодой Тихонъ Антонычъ, который тридцать лѣтъ назадъ такъ же вотъ шелъ по этому самому мѣсту, въ такое раннее зимнее утро, тоже направляясь въ гимназію, такой же с оялъ тогда легкій, бодрящій морозецъ и такъ же тогда надъ крышами противоположныхъ домовъ вдругъ поднялось багровое солнце и освѣтило всю улицу.

Тихонъ Антонычъ проходитъ мимо забора, минуетъ рядъ без-

молвныхъ строеній, пересѣкаетъ опять перекрестокъ, поворачиваетъ въ лѣвую сторону, переходитъ Конногвардейскую улицу, незамѣтно достигаетъ до Греческаго проспекта и оказывается незамѣтно на Невскомъ. Онъ продолжаетъ свой путь, безотчетно переходя перекрестки, разсѣянно взглядывая на знакомыя вывѣски, среди все болѣе и болѣе растущаго окрестъ него грохота уличной жизни, и во все это время неотступно идетъ съ нимъ рядомъ двойникъ.

Тихонъ Антонычъ видитъ себя передъ подъездомъ гимназіи, открываетъ тяжелую дубовую дверь и вступаетъ въ полутемныя сѣни. Бросившійся на встрѣчу Василій отвѣшиваетъ ему почтительный, въ поясъ, поклонъ и снимаетъ шинель. Тихонъ Антонычъ привѣтливо киваетъ головой швейцару. Онъ не сомнѣвается болѣе, что Василій его любитъ попрежнему и жалѣетъ о томъ, что Тихонъ Антонычъ выходитъ въ отставку. По дорогѣ въ учительскую онъ встрѣчаетъ слѣзавшихъ по классамъ товарищей и въ рукопожатіяхъ, которыми онъ съ ними обмѣнивается, Тихонъ Антонычъ чувствуетъ, что всѣ они его любятъ и тоже, какъ и Василій, жалѣютъ о томъ, что онъ выходитъ въ отставку. Всѣ они готовятъ ему юбилей и думаютъ, что онъ объ этомъ не знаетъ, а онъ вотъ знаетъ уже нѣсколько дней и, размышляя о томъ, что они всѣ представляютъ себѣ, какъ долженъ онъ быть пораженъ неожиданностью, лукаво про себя усмѣхается.

Онъ сидитъ въ третьемъ классѣ, на обычномъ мѣстѣ своемъ, за столикомъ между окномъ и желтенькою каедрой. Весь классъ рисуется. Онъ водитъ глазами по рядамъ черныхъ партъ, униженныхъ десятками дѣтскихъ головъ, и отыскиваетъ между ними вихрастаго простофилю Скворешникова. Онъ, какъ и всѣ, склонился надъ своею тетрадью и тоже, какъ всѣ, что-то въ ней чертитъ. «Морочить, шельмецъ!» — съ добродушнымъ лукавствомъ подмигиваетъ Тихону Антонычу не покидающій его во все время двойникъ. — Просто, небось, держать у себя на колѣняхъ какого-нибудь Майнъ-Рида или Эмара и всласть имъ упивается».

Тихонъ Антонычъ не спускаетъ глазъ съ этого вихрастаго профиля, но передъ нимъ теперь не Скворешниковъ, а совсѣмъ другой мальчуганъ, Пересвѣтовъ, такой же всклокоченный, въ такомъ же, какъ тотъ, разорванномъ постоянно подъ мышкой мундирчикѣ и Тихону Антонычу вспоминается даже кличка его — «Меринось».

Онъ большой сорванецъ и лѣнтяй. Во всякомъ коллективнѣ школьничествѣ Пересвѣтову принадлежитъ всегда первое мѣсто и Тихонъ Антонычъ его недолюбливаетъ. Теперь онъ видитъ его ередъ собою, какъ онъ подходитъ съ тетрадью рисунковъ, и в ка

Тихонъ Антонычъ сидитъ, углубившись въ поправки, и дѣлаетъ ему свои замѣчанія, «Меринось» стоитъ сбоку, у столика. Вокругъ тихо, но вдругъ кто-то фыркнулъ, за нимъ кто-то еще, а затѣмъ вдругъ весь классъ потрясается взрывами смѣха. Поднявъ голову, Тихонъ Антонычъ видитъ, что всѣ одновременно заражены какимъ-то непонятнымъ весельемъ; кто прыскаетъ, закрывшись ладонью, кто прямо хохочетъ. Тихона Антоныча осѣняетъ догадка, что причиной долженъ быть «Меринось». Онъ быстро оглядывается. Мальчишка стоитъ, потупивъ скромно глаза, а, между тѣмъ, рядомъ съ нимъ, за спиной Тихона Антоныча, на черной доскѣ, видѣется карикатурный портретъ его самого, Тихона Антоныча, сдѣланный нѣсколькими бойкими взмахами, причѣмъ главное мѣсто удѣлено его носу, изображенному совсѣмъ въ видѣ груши, и даже со впадиной, обозначенной крупною точкой.

Выходка, по дерзости своей, безпримѣрная! Тихонъ Антонычъ прерываетъ урокъ и, внѣ себя отъ негодованія, идетъ поспѣшными шагами къ директору, который вмѣстѣ съ нимъ немедленно является въ классъ. Отпереться отъ шалости Пересвѣтову не представляется ни малѣйшей возможности: уликой былъ мѣлъ, зажатый въ его рукѣ, которую онъ спряталъ тотчасъ себѣ за спину, какъ только учитель къ нему обернулся. «Хорошо, — холодно рѣшаетъ директоръ, — вы будете исключены изъ гимназій!» Въ ту же минуту Пересвѣтовъ дѣлается бѣлъ, какъ платокъ. Онъ поднимаетъ глаза на учителя, котораго жестоко такъ оскорбилъ, и шевелитъ беззвучно губами. Очевидно, онъ проситъ прощенія, но директоръ круто отъ него отворачивается и выходитъ изъ класса.

Прерванный урокъ рисованія оканчивается въ гробовой тишинѣ. Раздается звонокъ, Тихонъ Антонычъ встаетъ и, съ журналомъ подъ мышкой, направляется къ дверямъ въ корридоръ. Онъ поспѣшно проходитъ, стараясь ни на кого не глядѣть, мимо стоящаго на ногахъ всего класса и у самыхъ дверей почти натывается на «Мериносу», который, очевидно, выбѣжалъ изъ задняго ряда скамеекъ, гдѣ постоянное его мѣстопробываніе, чтобы Тихонъ Антонычъ увидѣлъ его... Тотъ безотчетно поднимаетъ глаза и встрѣчается ими съ устремленнымъ къ нему лицомъ Пересвѣтова... Онъ смотритъ на него тѣмъ же давешнимъ взглядомъ, такой же блѣдный, какъ давеча, и шевелитъ беззвучно губами... Но Тихонъ Антонычъ, подобно директору, круто отъ него отворачивается и выходитъ изъ класса.

Онъ тоже безповоротно рѣшилъ, что Пересвѣтовъ долженъ быть исключенъ. Тихонъ Антонычъ никѣмъ никогда еще не былъ жесто-

ко такъ оскорбленъ... Сколько злобы, ехидства, испорченности въ такомъ раннемъ возрастѣ! Все время, пока идетъ онъ домой, ему мерещится этотъ карикатурный портретъ съ носомъ въ видѣ бойко нарисованной груши... Онъ не сказалъ объ этомъ ни слова жень, но цѣлый день былъ разстроены. Ложась ночью спать, онъ вспомнилъ опять о портретѣ и сказалъ про себя: «Да, негодный мальчишка долженъ быть исключены!» А, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то рядомъ съ этимъ несчастнымъ портретомъ передъ нимъ вдругъ возникло мертвенно-блѣдное лицо Пересвѣтова и глаза на этомъ блѣдномъ лицѣ, сѣрые, живые глаза, искрившіеся огонькомъ молодого задора, теперь помученные глубокимъ отчаяніемъ... «Нѣтъ, онъ непремѣнно долженъ быть исключены!» — сурово рѣшилъ опять про себя Тихонъ Антонычъ.

Раннее утро застаеъ уже его на ногахъ, на дорогѣ въ гимназію. Въ воздухѣ стоитъ легкій, бодрящій морозецъ. На улицахъ царитъ тишина и не видно ни единой души. Блѣдно-сизая предразсвѣтная мгла, которою окутаны зданія, таетъ и исчезаетъ въ розоватомъ сіяніи, одолавающимъ постепенно послѣдніе призваніи ночи, и вотъ надъ крышами противоположныхъ домовъ поднялось багровое солнце, освѣтивъ въ одно мгновеніе ока всю улицу и щелеватыя доски забора...

— Извощикъ! — кричитъ, совершенно для самого себя неожиданно, Тихонъ Антонычъ. — Изво-ощикъ!

Нѣкое глухое томленіе, которое онъ чувствовалъ съ момента, какъ только что открылъ сегодня глаза, окончилось въ эту минуту рѣшеніемъ, долженствующимъ быть непремѣнно исполненнымъ. Для этого ему обязательно поспѣть пораньше въ гимназію, за нѣсколько времени до начала уроковъ, такъ какъ ему нужно видѣть директора, съ которымъ придется ему имѣть разговоръ и употребить съ этою цѣлью, по меньшей мѣрѣ, четверть часа.

Слава Богу, на углу оказываются дрянныя извощичьи санки, въ которыя поспѣшно бросается Тихонъ Антонычъ, говоритъ извощику, куда нужно ѣхать, и нетерпѣливо прибавляетъ: «Скорѣе!» Ему необходимо выиграть какъ можно болѣе времени.

Всю дорогу онъ терзается страшнымъ волненіемъ, безпрестанно понукаетъ извощика и, оказавшись, наконецъ, у подъѣзда гимназіи, бомбой устремляется въ сѣни, на-лету скидываетъ шинель на руки подскочившаго къ нему въ ту же секунду швейцара и взбѣгаетъ по лѣстницѣ вверхъ... Благодареніе Господу, время еще не потеряно!

— Ваше превосходительство, прошу простить Пересвѣтова! —

выпаливаетъ Тихонъ Антонычъ изумленному внезапнымъ его появленіемъ директору. — Сегодня долженъ состояться совѣтъ, а на немъ будетъ разсматриваться его вчерашній поступокъ. Я нарочно явился васъ умолять, чтобъ объ этомъ не поднимать вопроса... Выходна его дерзка, отвратительна, я съ вами совершенно согласенъ, но оскорбленъ я одинъ — и я его отъ всего сердца прощаю... Умоляю васъ, не губите его!... Замяните увольненіе изъ гимназіи карцеромъ, арестомъ на нѣсколько воскресеній подрядъ, дѣлайте съ нимъ, что хотите, но только не увольняйте его! Я не могу забыть его глазъ, которыми онъ вчера два раза посмотрѣлъ на меня, они мнѣ сегодня даже снились всю ночь, и я буду глубоко несчастенъ, если вы его не простите!...

.....
Тихонъ Антонычъ немного еще постоялъ у забора, который, въ эти послѣдніе дни, каждый разъ, когда случалось ему мимо него проходить, возстановлялъ въ его головѣ давній эпизодъ его жизни, и двинулся дальше.

Онъ бродилъ уже больше часа и подумалъ теперь, что долженъ вернуться домой, что Прасковья Никифоровна непремѣнно волнуется, ожидая его, такъ какъ у нихъ сегодня обѣдъ, на который соберутся дочь съ зятемъ и сынъ, а потому необходимо ему поспѣшить... Тихонъ Антонычъ повернулся неохотно домой...

Милые, старые призраки исчезаютъ изъ глазъ, но они обитаютъ постоянно въ душѣ и съ ними еще можно дожить до конца!

— Ничего, старикъ, поживемъ! — говоритъ Тихонъ Антонычъ, очутившись у калитки своего дряхлаго дома и кивая его маленькимъ, подслѣповатымъ окошкамъ. — Много добраго мы съ тобою видѣли, и пусть-ка попробуетъ кто-нибудь намъ сказать, что жизнь наша прожита даромъ!... Поживемъ еще, старикъ, не робѣй!

.....
А Прасковья Никифоровна, послѣ того, какъ мужъ ушелъ на прогулку, посидѣла еще нѣсколько времени въ тяжкой задумчивости, свѣсивъ голову на руку, потомъ облегчила себя продолжительнымъ вздохомъ и встала съ дивана.

Какъ разъ въ эту минуту за дверь, въ прихожей раздались вдругъ голоса. Погруженная въ свои глубокія думы, она не слышала какъ тамъ позвонили. Прасковья Никифоровна придала тотчасъ свѣму лицу обычное для него выраженіе и направилась встрѣтить пршедшихъ.

Оказалось семейство Опорковыхъ — дочь Надя съ мужемъ Иваномъ Демьянычемъ и дѣвочками Парашей и Машей.

— Здравствуй, Надя! Здравствуйте, дѣти! — привѣтствовала

Прасковья Никифоровна, цѣлуя дочь, потомъ ея юныхъ отпрысковъ, по девятому и пятому году, которые вошли уже въ комнату, и, взглянувъ въ прихожую, гдѣ еще возился, разоблачаемый Дунькой отъ верхняго своего одѣянія, медлительный во всѣхъ своихъ движеніяхъ Иванъ Демьянычъ, спросила: — А гдѣ же Сережа? Развѣ онъ не съ тобой? Здравствуйте, Иванъ Демьянычъ! Что-жь вы взяли Сережу?

Вопросъ Прасковьи Никифоровны былъ о семи-лѣтнемъ внуцѣ ея, самомъ любимомъ ею изъ всѣхъ дѣтей дочери.

На это Опорковъ, успѣвшій, наконецъ, освободиться отъ верхняго платья и тихими, какъ бы крадущимися шагами вступить въ комнату, нѣжно и нараспѣвъ отвѣчалъ:

— Добрый день... Съ праздникомъ... Вы про Сережу?... А видите, такъ какъ онъ вчера вечеромъ...

— Несовсѣмъ онъ здоровъ, — прервала его Надежда Тихоновна, — простудился!

— Инфлуэнца... — вставилъ было Иванъ Демьянычъ, но жена тотчасъ же опять его перебила:

— Полно врать! Перестань ты, пожалуйста!

Опорковъ кашлянулъ кротко въ ладонь и умолкъ.

— Ахъ, Надя, какъ можешь ты беззаботно такъ относиться? — возмутилась встревоженная Прасковья Никифоровна. — Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ у него инфлуэнца? Вѣдь, опять она, проклятая, ходитъ... Что же болитъ у него?

— Голова... — опять нараспѣвъ началъ было Опорковъ.

— Молчи! — оборвала снова его Надежда Тихоновна. — Просто, долго вчера по двору бѣгала, ничего нѣтъ мудренаго! Малиной на ночь его напоила, чтобы пропотѣлъ, ну, и, конечно, послѣ нея нельзя выходить... Да ему сегодня ужъ лучше... Инфлуэнца!... Вѣдь, вы его знаете! — кивнула Надежда Тихоновна головою на мужа. — Мало того, что самъ сочинилъ себѣ десять тысячъ болѣзней, такъ и у другихъ то же мерещится... Ну, а у васъ что? Гдѣ папаша? Что его не видать? — заключила она, осмотрѣвшись по сторонамъ и садясь на диванъ.

Дамы занялись оживленною бесѣдой. Параша и Маша прижились къ Тришкиной кѣткѣ. Одинъ Иванъ Демьянычъ сидѣлъ сиротой въ уголку, переводя взоръ на разные пункты, какъ бы изучая послѣдовательно каждый предметъ. Поглядѣвъ нѣсколько минутъ на Дружка, который сидѣлъ на заднихъ лапахъ и смотрѣлъ прямо въ глаза ему, Иванъ Демьянычъ перенесъ вниманіе на Тришкину кѣтку съ прильнувшими къ ней фигурками дѣвочекъ, затѣмъ медлен-

обратилъ глаза на диванъ, на письменный столъ, облитый теперь яркимъ солнцемъ, на окно, откуда это солнце свѣтило, потомъ вперилъ взоръ въ собственные свои сапоги, чѣмъ и закончилъ циклъ своихъ наблюдений. Видъ его былъ самоуглубленный, задумчивый, даже отчасти страдальческій. Онъ былъ смуглъ, черноволосъ, брилъ усы, но носилъ бакенбарды. По внѣшности, Иванъ Демьянычъ казался здоровымъ и крѣпкимъ мужчиной, тѣмъ не менѣе, онъ былъ убѣжденъ въ полномъ разстройствѣ своего организма, а потому не пилъ вина, не курилъ табаку, избѣгалъ кофе, какъ яда, не говоря уже про такія опасныя вещи, какъ уксусъ и перецъ. Говорилъ онъ нѣжно и нараспѣвъ, медленнымъ, меланхолическимъ голосомъ, причемъ со стороны можно было подумать, что онъ желаетъ кого-то примирить, успокоить, и предварялъ всегда свою рѣчь легкимъ кашлемъ. Самъ онъ никогда не спорилъ, не горячился, участвуя въ общей бесѣдѣ исключительно лишь въ качествѣ слушателя, и если вокругъ него хохотали, онъ улыбался грустною улыбкой, съ видомъ человѣка, давно покончившаго всѣ земные расчеты. Но иногда на него находилъ, что называется, разговорчивый стихъ, особенно если ему попадался терпѣливый субъектъ и не было вблизи постороннихъ; тогда онъ говорилъ долго, упорно и обстоятельно. Характерною особенностью рѣчи Ивана Демьяныча было то, что онъ начиналъ ее не иначе, какъ придаточнымъ предложениемъ, такими словами, какъ, напри., «потому что», «который» и проч., и, въ концѣ-концовъ, поселялъ въ своемъ слушателѣ чувство безысходной тоски, а въ иномъ, смотря по характеру, даже и злости.

— На в-рауль! — рѣзко крикнулъ вдругъ Тришка.

Дѣвочки съ испугомъ отскочили отъ кѣтки, тотчасъ же разразились восторженнымъ смѣхомъ и снова прильнули къ ней, а Иванъ Демьянычъ, вдосталь наглядѣвшійся на свои сапоги, нѣсколько минутъ созерцалъ попугая, потомъ перенесъ взоръ свой къ дивану и сталъ прислушиваться къ бесѣдѣ тещи съ женой.

Разговоръ былъ о домашнихъ дѣлахъ, и, какъ разъ въ эту минуту, о томъ, что особенно близко женскому сердцу — о дѣтяхъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ въ темахъ бесѣдъ ихъ былъ всегда первенствующимъ, такъ какъ въ теченіе десятилѣтней супружеской жизни Опорковыхъ онъ постоянно находился въ какой-нибудь стадіи своего существованія. Или кто-либо изъ старшихъ дѣтей заболѣлъ, или маленькій отымался отъ груди, или Надежда Тихоновна ощущала симптомы, сулившіе новое приращеніе потомства. Обыкновенно, послѣднія два обстоятельства между собой совпадали. Дѣ-

тей у Опорковыхъ было теперь уже четверо, не считая двоихъ, которые умерли раньше. Съ мѣсяцъ назадъ Надежда Тихоновна сообщила по секрету Прасковья Никифоровнѣ, что она чувствуетъ, «какъ будто опять»...—«Опять?—воскликнула съ ужасомъ мать.— Господи, да когда вы это кончите только?»—«Охъ, никогда, кажется, маменька!»—тяжко вздохнула Опоркова. Въ тотъ же вечеръ, отходя съ мужемъ ко сну, Прасковья Никифоровна подѣлилась съ нимъ этою новостью: «А каковъ нашъ-то умирающій!... Знаешь?... Вѣдь, у него Надя *опять*...—и съ негодованіемъ прибавила:—Хотѣла бы знать, въ чью онъ только голову? Безобразіе просто!»

Теперь Надежда Тихоновна горячо сообщала Прасковья Никифоровнѣ:

— Ну, просто рветъ, рветъ съ молока, что вы хотите!...

— Цсс... Ну, а если бы попробовать кашки?—осторожно спросила Прасковья Никифоровна.

— Ахъ, просто не знаю, что мнѣ ужъ съ нимъ дѣлать!

— А докторъ что?

— Эхъ, да что докторъ!... Всѣ они негодяи!

Обѣ дамы задумались, отвернувшись въ разные стороны. Немного погодя Прасковья Никифоровна задала опять вопросъ дочери:

— А что новая прислуга твоя? Ты ею довольна?

Опоркова вздрогнула, будто къ ней прикоснулись каленымъ желѣзомъ, и быстро повернулась къ Прасковья Никифоровнѣ.

— Степанида?... Хочу прогнать ее! Негодяйка!

— Какъ? Степанида?... Она такая тихая, кажется.

— Тихая! А вотъ она какая тихая, я вамъ сейчасъ расскажу..

Ахъ, если бы вы знали, какъ она третьеводни меня напугала!

— Какъ, какъ, что такое?—насторожилась вся Прасковья Никифоровна.

— А вотъ вы послушайте!—воскликнула Надежда Тихоновна и, близко придвинувшись къ матери, въ полголоса стала рассказывать. Все время не спускавшій съ нихъ глазъ Иванъ Демьянычъ сдѣлалъ было попытку подвинуться изъ своего уголка, чтобы тоже послушать, но быстро брошеннымъ на него въ ту же минуту взглядомъ жены былъ оставленъ на мѣстѣ. Правда, онъ зналъ подробно эту исторію. Тѣмъ не менѣе, Опорковъ, все-таки, старался разслушать, уловляя въ промежуткахъ шепота, которымъ продолжалъ и рассказъ, раздававшіяся отдѣльно слова и короткія фразы: «въ кухнѣ темно... свѣчку... на столѣ сороковка... изъ-подъ одѣяла четыре ноги... съ бородой... представьте, представьте»...

— Пьяный?—громко спросила Прасковья Никифоровна.

— Чортъ его знаетъ!—тоже громко отвѣчала разскащица.— трашный, лохматый... Дрожу, какъ осиновый листъ... «Вонь, онъ,—кричу,—вонь сейчасъ же отсюда!» Представьте!... Хорошо, что случилось мнѣ къ нимъ заглянуть! Развѣ трудно было ему ась всѣхъ зарѣзать, а? Какова ваша «тихая»?...

— Прогнать! Я бы часу ее не оставила!—твердо сказала качнувъ головой, Прасковья Никифоровна.

— Прогоню, прогоню обязательно! — повторила Опоркова и прибавила, понизивъ опять голосъ до шепота:—Да это не все еще. Другъ, вчера...

Какъ разъ въ эту минуту рѣзко, почти оглушительно, раздался вонокъ.

Опорковъ кашлянулъ въ ладонь и промолвилъ:

— Антонъ Тихонычъ, вѣрно.

— Бому быть другому! — съ неудовольствіемъ подтвердила Прасковья Никифоровна.—Каждый разъ удивляюсь, какъ онъ не борветъ колокольчика.

Оказался, дѣйствительно, Антонъ Тихонычъ, сынъ Тихона Антоныча и Прасковьи Никифоровны, мужчина лѣтъ тридцати съ небольшимъ.

Бстати сказать, дѣти Непромокаевыхъ напоминали родителей. Дочь Надя походила на мать и лицомъ, и характеромъ — властнымъ и повелительнымъ; разница между ними была только въ томъ, что Прасковья Никифоровна съ самаго начала замужства обнаружила расположеніе къ тучности, а Надя, наоборотъ, все больше худѣла. Братъ Антонъ имѣлъ сходство съ отцомъ и въ фигурѣ немного ниже средняго роста, и отчасти въ лицѣ, но по внутреннимъ свойствамъ совсѣмъ отъ него отличался. Тихонъ Антонычъ и въ молодости, да и теперь былъ скромнень, даже застѣнчивъ, медлителенъ въ дѣйствіяхъ, умѣренъ въ привычкахъ. Антонъ былъ, напротивъ, развязнень, стремителенъ, шумливъ, егозливъ, имѣлъ слабость къ спиртнымъ напиткамъ и во хмѣлю даже наклоненъ былъ къ буйству. Онъ былъ коренастъ, одѣвался небрежно и носилъ тараканьи усы. Отличительнымъ свойствомъ его было то, что онъ ничего не доводилъ до конца, начиная съ гимназій, откуда вышелъ изъ четвертаго класса, и во весь дальнѣйшій путь своей жизни: то онъ готовился поступить въ военную службу, то вдругъ оказывался письмоводителемъ мирового судьи, то даже собрался было совсѣмъ уѣхать съ Миглухой-Маклаемъ въ Австралію просвѣщать папуасовъ. Онъ былъ то, что называется, человекъ безъ опредѣленныхъ занятій, и дѣйствительно, Тихонъ Антонычъ

съ Прасковьей Никифоровной рѣшительно затруднились бы отвѣтить, если бы задать имъ вопросъ, чѣмъ ихъ сынъ въ данный моментъ существуетъ? Со скорбью надо сознаться, что Антонъ, на слѣдовавшій имя умершаго маленькимъ ихъ первенца сына, котораго они до сихъ поръ не переставали оплакивать, совсѣмъ и оправдалъ ожиданій родителей. Прасковья Никифоровна прямо-таки его не любила.

— Здравствуйте, маменька! Здравствуй, Надя!—привѣтствовавъ громко Антонъ, отдирая съ усомъ ледяныя сосульки. Поцѣловавъ у матери руку и чмокнувъ въ губы сестру, онъ обернулся къ Опоркову и, поднявъ руку высоко на воздухъ, воскликнулъ:— Ивану Демьянычу наше съ висточкой!

Опорковъ, тотчасъ же вставшій при его приближеніи, поймалъ эту руку въ объ свои и пропѣлъ:

— Добрый день... Съ праздникомъ...

Затѣмъ, сердечно смотря въ глаза родственнику, Иванъ Демьянычъ кашлянулъ, очевидно, собираясь что-то сказать и все продолжая держать руку Антона, но тотъ безцеремонно выдернулъ ее изъ ладоней Опоркова, осмотрѣлся вокругъ и спросилъ:

— А отецъ?

— Ушелъ. Скоро вернется, —сквозь зубы и не оборачивая къ нему головы, отвѣчала Прасковья Никифоровна.

— А! и мелочь здѣсь тоже! —крикнулъ Антонъ, очутившись у вѣтки, и, подхвативъ съ полу на воздухъ Парашу и Машу, поцѣловалъ на-лету и подбросилъ подъ потолокъ ту и другую племянницу, не обращая вниманія, что тѣ пищали, барахтались и были готовы удариться въ слезы.

— Ахъ, Антоша, ужасно этого я не люблю! — вся сморщившись, заявила Опоркова.

— Долго ли уронить, — въ полголоса вставила отъ себя и Прасковья Никифоровна.

— Ну, ну, какая важность, рассыплется, что ли? —отозвался Антонъ, щелкнулъ пальцемъ по вѣткѣ, отчего Тришка зашипѣлъ и раскрылъ злобно клювъ, отошелъ къ Ивану Демьянычу, опустился съ нимъ рядомъ на стулъ и спросилъ, дружески хлопнувъ того по плечу:— Ну, а вы, батенька, какъ? Молодцами!

Иванъ Демьянычъ махнулъ только рукой и улыбнулся горькою улыбкой.

— Вы все насмѣхаетесь...

— Нѣтъ, ей-ей, честное слово! Право, отлично вы воспитаните!

Опорковъ вздохнулъ и закашлялся.

— Геморрой замучилъ совсѣмъ... Печень вотъ тоже...

— Чепуха! Плюньте на это! Движенія больше! На биллиардѣ бы вамъ! Хотите, на биллиардѣ я васъ научу?... Эхъ, взялъ бы я въ руки васъ!... А по чести сказать, всѣ болѣзни у васъ оттого, что водки не пьете. Ей-ей! Какъ честной человекъ! Посмотрите вотъ на меня... Булакъ—видите?... Давайте свой—видите? Какое сравненіе! А почему? Водку пью! Безъ водки, батенька, у насъ, въ Россіи, шабашъ, помереть... Климать такой!

Опорковъ усмѣхнулся и покачалъ головой. Онъ понемногу сталъ оживляться. Бстати сказать, къ Антону Иванъ Демьянычъ питалъ большую симпатію, вслѣдствіе, можетъ быть, контраста натуръ ихъ, а не то, всего вѣроятіе, въ силу нѣкотораго рода сродства, чувствуемаго человекомъ, на котораго смотреть пренебрежительно, по отношенію къ другому, не пользующемуся тоже сочувствіемъ окружающихъ. Во всякомъ случаѣ, Опорковъ съ Антономъ всегда много и охотно бесѣдовалъ.

Онъ и сейчасъ затѣялъ съ нимъ разговоръ по поводу, конечно, недуговъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоялъ геморрой, а затѣмъ, по связи идей, перешелъ къ своимъ сидячимъ занятіямъ, тоже одной изъ любимыхъ темъ Ивана Демьяныча. Онъ служилъ въ казенной палатѣ, гдѣ началъ съ низшихъ чиновъ и, подвигаясь очень медленно, дошелъ теперь, къ пятидесяти годамъ, несмотря на свою пунктуальность и рачительность къ службѣ, лишь до должности столоначальника, между тѣмъ какъ всѣ его вокругъ обгоняли. Это было тоже одно изъ большихъ мѣстъ Ивана Демьяныча, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ и причину—требуемый нынѣ образовательный цензъ. Образованными теперь, университетскими даже, просто хоть прудъ пруди, и это стало нынче уже въ порядкѣ вещей, между тѣмъ какъ самъ онъ, Опорковъ, дальше уѣзднаго училища не былъ нигдѣ. Конечно, кто станетъ противъ образованія спорить, и онъ самъ очень уважалъ образованныхъ, но если посмотрѣть съ другой стороны, то развѣ образованіе—первое дѣло на службѣ?

— Потому что который, напримѣръ, университетантъ или былъ въ академіи, произошелъ тамъ всякую мудрость, ему наше дѣло ничтожно, онъ къ нему свысока... Онъ это въ полдень пришелъ, поѣдалъ, покурилъ, фить-фить—и прощайте! А отъ этого дѣла стѣсняется... Гдѣ же тутъ справедливость?—спрашивалъ Опорковъ Ан она.

Тотъ только кивалъ головой, смотря задумчиво въ полъ, и ни

разу не возразивъ Ивану Демьянычу. Очевидно, мысли Антона вѣтали совсѣмъ въ другомъ мірѣ и на лицѣ его разлита была меланхолія.

— Нѣтъ, позвольте спросить васъ, гдѣ же тутъ справедливость?—повторилъ снова Опорковъ съ горячностью.

Антонъ скользнулъ разсѣяннѣмъ взоромъ по лицу своего собесѣдника и чуть слышно пропѣлъ, что было его всегдашней привычкой въ минуты глубокой задумчивости:

«Устюшкина мать
Собиралась помирать»,—

а потомъ громко спросилъ:

— Маменька, да что же отецъ-то? Буда онъ, наконецъ, провалился?

Тотчасъ же, какъ бы въ отвѣтъ ему, раздался звонокъ.

— Наконецъ! Слава Богу!

Но ему пришлось ошибиться. Въ прихожей послышалось густое отгашливанье и звуки ожесточеннаго сраженія съ калошами, — всѣ признаки присутствія тамъ Феноменова.

Опорковъ какъ-то подобрался на стулѣ и вытянулся; Антонъ пребылъ вполне равнодушенъ. Первый почему-то всегда испытывалъ вблизи Феноменова чувство стѣсненія, почти даже робости; второй, по неизвѣстной тоже причинѣ, его недолюбливалъ.

Появился, дѣйствительно, Валерьянъ Алексѣичъ. Съ всегдашнимъ своимъ мрачнымъ видомъ онъ поздоровался съ дамами, подавъ руку мужчинамъ (причемъ одинъ всталъ и пропѣлъ свое обычное: «добрый день, съ праздникомъ», а другой ограничился безмолвнымъ пожатіемъ), затѣмъ покосился на Парашу и Машу, усѣлся въ кресло сбоку Прасковьи Никифоровны и, задавъ тоже вопросъ о хозяйнѣ, разразился негодованіемъ:

— Какъ? Его нѣтъ? Зоветь обѣдать гостей, а самъ удираетъ?... Ну, ужъ этого я ему не прощу, извините!... Ахъ, ты, юбиляръ несчастный!...

Валерьянъ Алексѣичъ былъ правъ. Всѣ явились сюда приглашенные. У Опорковыхъ была самолично звать ихъ къ обѣду Прасковья Никифоровна. Къ сыну и Феноменову ѣздилъ Тихонъ Антонычъ и, не заставъ того и другого, оставилъ записки. И такъ, обѣдъ былъ въ своемъ родѣ торжественный. Въ этой затѣ самъ Тихонъ Антонычъ былъ совсѣмъ не причемъ, и она никогда бы не пришла ему въ голову, если бы не Прасковья Никифоровна, которая заявила, что это непременно такъ нужно. Разсуждая по спра-

медливости, Прасковья Никифоровна говорила сущую правду. Что-то тамъ еще будетъ потомъ, и почему знать, каковъ-то еще окажется этотъ, затѣваемый Богъ вѣдаетъ гѣмъ, «юбилей», а пока, разъ уже стало извѣстно, что Тихона Антоныча за его службу рѣшили почтить и объ этомъ хлопочуть, стараются, — съ гѣмъ, какъ же съ его родными и близкими этимъ порадоваться? Такова была идея сегодняшней трапезы, высказанная Прасковьей Никифоровной, и Тихонъ Антонычъ не возразилъ ей ничего, покорно отправившись дѣлать свои приглашенія.

Такимъ образомъ, всѣ собрались сюда съ приподнятыми нѣсколько чувствами и съ интересомъ, ощущаемымъ нами по отношенію къ человѣку, съ которымъ мы привыкли видѣться запросто и который совсѣмъ для насъ неожиданно, напримѣръ, получилъ генерала или выигралъ крупный кушъ въ лотерею. Это сказывалось въ томъ чувствѣ натянутости, которое проникало все сборище, мѣшая ему слиться въ общей бесѣдѣ, и возрастало все пуще, по мѣрѣ того, какъ минуты текли за минутами, а хозяина все еще не было.

Естественно, что какъ только Валерьянъ Алексѣичъ упомянулъ о «юбилярѣ», Прасковья Никифоровна не вытерпѣла, и все, что напибло у нея съ того вечера, когда Феноменовъ объявилъ свою новость, сдѣлавшись, такимъ образомъ, виновникомъ получившихся отъ того результатовъ, не могло болѣе оставаться подъ спудомъ. Она рассказала исторію всѣхъ этихъ дней, о терзаніяхъ Тихона Антоныча надъ сочиненіемъ «рѣчи», о томъ, какъ онъ бредитъ во снѣ, ходитъ и смотритъ, «словно лунатикъ», не забыла упомянуть и о томъ, какъ онъ сегодня цѣлое утро твердилъ вслухъ эту «рѣчь», послѣ чего все сидѣлъ и все думалъ, а потомъ вдругъ сказалъ, что у него болитъ голова, что ему нужно пройтись, тотчасъ ушелъ — и вотъ Господь одинъ знаетъ, гдѣ онъ теперь бродитъ.

Разсказъ этотъ на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе. Феноменовъ, успѣвшій гѣмъ временемъ закурить папиросу, затянулся, медленно выпустилъ облако дыма и сказалъ многозначительно: «Гм!» Надя вздохнула и глубоко задумалась. Опорковъ кашлянулъ энергично въ ладонь и тоже задумался. Антонъ, все время не сводившій тупо-расширенныхъ глазъ съ одной точки въ неопредѣленномъ пространствѣ, что означало тоже сильнѣйшую степень задумчивости, тихо шагалъ по обычаю:

«Устюшкина мать

Сбиралась помирать...»

— Господи, не знаю даже, что ужъ и дѣлать, иной разъ просто боюсь даже къ нему приступить! — съ страданіемъ въ голосѣ

воскликнула Прасковья Никифоровна, — и о чемъ онъ молчать и все думать — ума приложить не могу!

Снова наступила тяжелая пауза. Только Антонъ, все не сводя своихъ туго-расширенныхъ глазъ съ прежней точки въ неопредѣленномъ пространствѣ, чуть слышно закончилъ:

«Помереть не померла,
Только время провела»...

— Ахъ, мамаша, знаете, что я на вашемъ мѣстѣ бы сдѣлала? — горячо заговорила Опоркова, — я просто бы на просто сказала напашѣ...

Она взглянула по направленію къ прихожей и въ ту же минуту круто осыплась. Всѣ тоже повернули въ ту сторону головы... Въ дверяхъ стоялъ Тихонъ Антонычъ.

Какъ объяснилось потомъ, по разслѣдованіи этого обстоятельства Прасковьей Никифоровной, дверь въ сѣни оказалась незапертой, почему онъ и вошелъ совершенно неслышно, словно подкрался.

Онъ окинулъ глазами все общество и произнесъ лишь въ полголоса:

— А!

Все въ одинъ мигъ оживилось и поднялось съ своихъ мѣстъ. Надежда Тихоновна привѣтствовала отца подблужемъ. Антонъ его обнялъ. Опорковъ горячо и сердечно жаль ему руку и съ особеннымъ участіемъ спросилъ о здоровьѣ. Феноменовъ поздоровался молча, но посмотрѣлъ въ глаза ему долгимъ и испытующимъ взглядомъ.

Тихонъ Антонычъ принялъ безмолвно всѣ эти привѣтствія и опустился на стулъ. Всѣ тоже усѣлись по своимъ прежнимъ мѣстамъ и принялись смотрѣть на хозяина. Тотъ, кто видѣлъ его минуту передъ тѣмъ, какъ онъ переступилъ черезъ порогъ калитки своего обиталища, сказалъ бы теперь, что это совсѣмъ другой человекъ. Не оставалось слѣда того жизнерадостнаго, бодрого вида, который былъ у него во все время прогулки, словно въ одно мгновеніе она Тихонъ Антонычъ покинулъ его, вмѣстѣ съ воздухомъ улицы... Онъ казался утомленнымъ, разсѣяннымъ и медленно качалъ головки прильнувшихъ къ нему Параша и Маши, не глядя ни на кого изъ гостей, такъ что, пожалуй, можно бы было подумать, что онъ недоволенъ присутствіемъ ихъ.

Молчаніе даже стало дѣлаться тягостнымъ. Всѣхъ выручила Прасковья Никифоровна, появившись въ дверяхъ и пригласивъ садиться за столъ.

Тихонъ Антонычъ тотчасъ же всталъ и сказалъ, съ выраженьемъ, напомнившимъ его всегдашнее бывшее радушіе:

— Гости дорогіе, пожалуйте.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и направились гурьбою въ оловую.

Усѣсться пришлось очень тѣсно. Какъ водится, хозяева развѣстались по противоположнымъ концамъ. По лѣвую руку Тихона Антоныча сѣлъ Феноменовъ, по правую сынъ, затѣмъ зять. Рядомъ съ Прасковьей Никифоровной расположились, съ одной стороны, Маша и Параша, съ другой была посажена Маша. Надежда Тихоновна двизала салфетку подъ подбородокъ Парашѣ, Прасковья Никифоровна то же самое сдѣлала съ Машей.

Обѣду предшествовала небольшая закуска: селедка, омары и сыр. Для мужчинъ приобрѣтена была бутылка очищенной. Для прекраснаго пола имѣлась наливка.

Антонъ тотчасъ же завладѣлъ бутылкой съ очищенной и, появивъ ее въ воздухѣ, объявилъ, что слѣдуетъ выпить за здоровье вшаши. Опорковъ кашлянулъ и принужденнымъ тономъ сказалъ: «непремѣнно». Феноменовъ молча протянулъ свою рюмку. Антонъ налилъ ему и себѣ. Надежда Тихоновна тоже обнаружила желаніе выпить. Прасковья Никифоровна сказала, чтобы дали нѣсколько апель и ей. Съ Опорковымъ у Антона вышла борьба, такъ какъ Опорковъ, въ качествѣ абсолютно нелющаго, находилъ совершенно недостаточнымъ, если онъ чохнетъ хотя бы пустою даже рюмкой, и лишь послѣ энергичныхъ настояній Антона позволилъ налить себѣ немного на донышко. Затѣмъ всѣ торжественно чогнулись съ Тихономъ Антонычемъ, налившимъ себѣ своей обычной желудочной горечи», выпили дружно, причемъ у Ивана Демьяныча появился недъ человѣка, котораго заставили принять смертельнаго яду, и стали закусывать. На послѣдовавшее вскорѣ приглашеніе Антона «еще пройтись по блондиночкѣ» отозвался одинъ Валерьянъ Алексѣичъ. Остальные всѣ отказались, а Опорковъ стремительно закончилъ свою рюмку ладонью и даже припалъ къ ней.

Закусывали въ глубокомъ молчаніи. Только между мужемъ и женою Опорковыми возникъ à parte маленькій споръ по поводу омаровъ, которыхъ было очень желательно Машѣ. Иванъ Демьянычъ заявилъ, что омары ей вредны и поэтому давать ихъ не слѣдуетъ. Этимъ онъ вызвалъ у дѣвочки горькія слезы. Надежда Тихоновна моментально прекратила ихъ тѣмъ, что положила на тарелку немного омаровъ и протянула ребенку. Иванъ Демьянычъ съ презрѣньемъ взглянулъ на жену и зловѣщимъ тономъ замѣтилъ:

- А когда, вотъ недавно, помнишь еще, на моихъ именинахъ.
- Глупости, отъ такихъ пустяковъ ничего ей не сдѣлается!
- Но тогда, на моихъ именинахъ...— продолжалъ свое упорное

Опорковъ, но жена не дала ему кончить, сказавъ:

- Перестань, говорю!

Иванъ Демьянычъ, какъ всегда, крѣтко кашлянулъ и умолкъ.

Быль поданъ пирогъ. Аппетитный паръ защекоталъ обоняніемъ присутствовавшихъ, когда Прасковья Никифоровна принялась съ рѣзавъ, спѣша и волнуясь, что, конечно, будетъ понятно сердцу каждой хозяйки. Отрѣзавъ и раздавъ всѣмъ по куску, она съ тревогой принялась наблюдать произведенное имъ впечатлѣніе.

Феноменовъ промышаль одобрительно. Надежда Тихоновна с чувствомъ воскликнула: «отличный пирогъ!» Антонъ сказалъ, что по этому случаю слѣдуетъ выпить, но, не встрѣтивъ въ прочихъ съ чувствія, выпилъ одинъ, закусилъ пирогомъ, послѣ чего заявилъ торжественнымъ голосомъ, что онъ такъ превосходенъ, что тебѣ уже совершенно безспорно и по всей справедливости необходимо почтить его еще рюмкой водки—и эти слова свои моментально привелъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, пирогъ, дѣйствительно удался на славу. Прасковья Никифоровна испустила вздохъ облегченія и даже повеселѣла, что выразилось съ ея стороны обращеніемъ къ Ивану Демьянычу, чтобы тотъ налилъ ей и женѣ своей по рюмкѣ наливки.

Во все это время самъ хозяинъ не промолвилъ ни единого слова, исключительно сосредоточившись, повидимому, на процессѣ насыщенія желудка. Иногда онъ вскидывалъ разсѣянный взглядъ на того или другого изъ застольнаго общества и погружалъ его снова въ тарелку. Иногда онъ встрѣчался глазами съ устремленнымъ на лицо ему взоромъ котораго-нибудь изъ Опорковыхъ, отъ времени до времени на него украдкой посматривавшихъ, но и при этомъ выраженіе Тихона Антоныча было такое, какъ будто передъ нимъ находилось пустое пространство. Во взглядахъ Опорковой проявлялось все пуще и пуще выраженіе нетерпѣнія, и, наконецъ, она прямо обратилась къ отцу.

- Папаша, мы слышали про васъ очень пріятную новость.

Тихонъ Антонычъ медленно поднялъ глаза и устремилъ ихъ въ дочь. Въ нихъ обнаружился признакъ вниманія.

- Говорятъ, что устраиваютъ вамъ юбилей.

— Да, да, — качнулъ головой Тихонъ Антонычъ, и на лицѣ его выступила яркая краска, — удостоился, удостоился... да!

— И кто могъ бы представить, вы даже не знали объ этомъ? — тономъ глубокаго изумленія продолжала Надежда Тихоновна.

— Не зналъ... Это вотъ онъ, — указалъ на Феноменова Тихонъ Антонычъ, — пришелъ и сказалъ.

Это ужъ было извѣстно изъ сообщеній Прасковьи Никифоровны, тѣмъ не менѣе, всѣ взоры устремились на Феноменова, который просопѣлъ и свирѣпо нахмурился.

— Какъ же вы это узнали? Расскажи-ите, Валерьянъ Алексѣичъ! — просительно протянула Опоркова.

Хотя и это было тоже извѣстно, опять-таки изъ устъ Прасковьи Никифоровны, однако, общее вниманіе, устремленное на Феноменова, продолжало сохранять свою напряженность.

Тотъ опять просопѣлъ и еще свирѣпѣе нахмурился, но не промолвилъ ни слова, а потому Прасковья Никифоровна сочла необходимымъ взять его роль на себя и повторить все то, что онъ ей съ мужемъ рассказывалъ. Въ своемъ изложеніи она допустила нѣсколько отступленій отъ истины, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ память ей измѣняла. При этомъ она бросила нѣсколько вопросительныхъ взглядовъ на Валерьяна Алексѣича, въ расчетъ на возстановленіе съ его стороны исторической точности, но тотъ, вперивъ неподвижный взоръ свой въ тарелку, сохранялъ видъ человѣка, до котораго это совсѣмъ не касается.

— Должно быть, какой это прекрасный человѣкъ, Грохотунскій! — произнесла съ чувствомъ Опоркова, послѣ того, какъ Прасковья Никифоровна довела свой рассказъ до конца.

— По этому случаю слѣдуетъ выпить! — воскликнулъ Антонъ. — Надо поздравить папашу!

— Налей мнѣ тоже наливки, Антоша, — сказала Надежда Тихоновна.

Послѣ того, какъ обѣ рюмки были наполнены, братъ и сестра подошли вмѣстѣ къ отцу, и Антонъ, котораго языкъ уже нѣсколько сталъ заплетаться, произнесъ растроганнымъ голосомъ:

— Папаша... Отъ всего чистаго сердца... Дай Богъ вамъ... — тутъ онъ запнулся, и, махнувъ рукой, закончилъ: — ну, да, слово-тъ, вы понимаете, — потомъ опрокинулъ рюмку въ свой ротъ и стиснулъ въ объятіяхъ Тихона Антоныча.

Отъ сына Тихонъ Антонычъ перешелъ въ объятія дочери, затѣлъ въ объятія зятя, послѣ чего всѣ разсѣлись опять по мѣстамъ, въ довольно разстроженныхъ чувствахъ. На нѣсколько времени вода млось безмолвіе.

— Молодецъ Грохотунскій! Хвалю! — произнесъ вдругъ Антонъ, протянувъ руку къ бутылкѣ. — За его здоровье слѣдуетъ выпить!

Разговоръ вернулся опять къ юбилею. Опоркова сказала задумчиво:

— Хотѣлось бы знать, какой поднесутъ папашѣ подарокъ, а? Какъ, мамаша, объ этомъ вы думаете?

— О томъ пока еще ничего неизвѣстно, — развела руками въ отвѣтъ Прасковья Никифоровна.

— Я поднесла бы на ихъ мѣстѣ часы, — замѣтила снова Опоркова.

— Чернильницу тоже, — вставилъ отъ себя мужъ.

— Ну, вотъ еще, глупости! Очень нужно чернильницу!

— А, можетъ быть, портсигаръ... Тоже вотъ хорошо серебряный портсигаръ, напимѣрь, — высказалъ новую свою догадку Опорковъ, но жена возразила ему съ раздраженіемъ:

— Все ты вздоръ говоришь! Развѣ онъ курить?

— Можно продать, — не сдавался Опорковъ.

Надежда Тихоновна махнула только рукой и сказала:

— Что съ тобой разговаривать!

Но ~~Иванъ~~ Демьянычъ на этотъ разъ разошелся. Онъ снова замѣтилъ:

— Въ газетахъ обо всемъ напечатаютъ.

— Ну, ужь будто въ газетахъ? — съ сомнѣніемъ взглянула на зятя Прасковья Никифоровна. — Вѣдь, онъ у насъ не генералъ или не знаменитый какой.

— А какъ же? Непремѣнно въ газетахъ! — подтвердилъ Иванъ Демьянычъ съ горячностью. — Да вотъ я скажу вамъ... О какомъ-то одномъ тоже учителѣ я недавно читалъ. Въ *Новомъ Времени*, да! Такъ тамъ даже сказано было: и какія рѣчи ему говорили, и какія тамъ разныя поздравительныя ему телеграммы прислали, даже, кажется, сказано было, какія за обѣдомъ кушанья ѣли. Какъ же, непременно напишутъ въ газетахъ! — повторилъ твердо Опорковъ и съ новымъ жаромъ прибавилъ: — Да это не все! Въ другихъ, провинціальныхъ, еще перепечатано будетъ! Непремѣнно! Это я знаю отлично!

— Гм... Н-да... На всю Россію прославятъ, — пробормоталъ, ни къ кому не обращаясь, Антонъ, котораго воспаленные и подернувшіеся влагой глаза покоились на стоявшей передъ нимъ пустой рюмкѣ, и замѣтилъ, икнувъ: — П-приятно, чортъ побери!

Въ это время по праздничному одѣтая Дунька подавала жаркое: рябчики и къ нимъ, вмѣсто салата, варенье. Прасковья Никифо-

овна начала было наглядывать его на тарелки, но вдруг остано-
вилась и принялась смотрѣть съ безпокойствомъ на мужа. Прочіе
тоже на него обратили вниманіе.

Тихонъ Антонычъ, который, попрежнему, все время безмолвство-
валъ, предавшись мыслямъ своимъ и, повидимому, снова забывъ о
присутствующихъ, колыхался на стулѣ, какъ бы силясь отодви-
нуть свое сѣдалище отъ плотно сжимавшихъ его съ обѣихъ сторонъ
стульевъ сосѣдей. На лицѣ его написана была озабоченность.

— Что съ тобой? Что ты хочешь? Животъ?—съ тревогой спра-
сила Прасковья Никифоровна.

Надежда Тихоновна тоже съ безпокойствомъ спросила:

— Что съ вами, папаша? Встать, что ли, хотите?

— Рѣчь, — бормоталъ Тихонъ Антонычъ, стараясь подняться.
— Я хочу вамъ прочесть свою рѣчь.

— Пустите его. Онъ хочетъ прочесть свою рѣчь, — громко по-
вторила Прасковья Никифоровна. — Впрочемъ, нѣтъ, лучше сиди!
Гдѣ у тебя она спрятана? Я сейчасъ принесу.

— Скажите только, гдѣ она спрятана? Я принесу вамъ, па-
паша, — выразила съ своей стороны готовность и дочь.

— Нѣтъ... не нужно... я самъ... — твердо сказалъ Тихонъ Ан-
тонычъ и, высвободивъ, наконецъ, изъ-за стула свое туловище,
благодаря вставшему съ мѣста Опоркову, вышелъ и скоро вернул-
ся, держа въ рукѣ исписанный листокъ почтовой бумаги.

Тихонъ Антонычъ откашлялся. Воцарилось молчаніе.

— *«Милостивыя государины и государи!»* — прочелъ громко
Тихонъ Антонычъ и обвелъ глазами присутствовавшихъ.

Дочь впиалась въ него взоромъ. Мужъ ея меланхолически смо-
трѣлъ въ неопредѣленную даль. Прасковья Никифоровна потупи-
лась въ находившееся передъ нею жаркое. Антонъ засопѣлъ. Фе-
номеновъ уткнулся въ тарелку. Уходящая было изъ комнаты Дунь-
ка стояла, завязнувъ въ дверяхъ, и во всѣ глаза глядѣла на барина.

— *«Душа моя преисполнена, — продолжалъ читать дальше*
Тихонъ Антонычъ. — *Отъ избытка сердца глаголютъ уста, гово-
рится въ Священномъ Писаніи, а, между тѣмъ, я чувствую*
*нѣтъ, какъ уста эти нѣмютъ. За что я почтѣнъ, превозвы-
шенъ? Чѣмъ я заслужилъ эту честь — видѣть вокругъ себя со-
бравшимися тѣсною толпою преподавателей разныхъ наукъ,*
этихъ, если можно такъ выразиться, свѣточей знанія?» За-
тѣлъ ораторъ, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ очертилъ свою
личность. Онъ признавалъ себя недостойнымъ этого чествованія.
Онъ зналъ лишь всегда одно свое скромное дѣло. Онъ никогда не

выдвигался чѣмъ-либо, ничѣмъ не былъ отиѣченъ. Онъ оглянулся на всю свою прошлую дѣятельность и увидѣлъ себя принужденнымъ съ грустью сознаться, что не нашелъ въ ней ничего, что бы могло оказаться достойнымъ быть занесеннымъ на срижали исторіи, послужить въ назиданіе потомству. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ тронуть высокою честью, которую ему оказали дорогіе товарищи, собравшись вмѣстѣ, чтобы вспомнить «о незабвенномъ днѣ его жизни, когда онъ, тридцать пять лѣтъ назадъ, вступилъ въ дружную педагогическую семью ихъ гимназіи»; онъ чувствуетъ, что вновь молодѣетъ душой. «*Да, и опять повторяю передъ вами: я вновь молодѣю душой!*» — закончилъ торжественнымъ голосомъ Тихонъ Антонычъ, затѣмъ сложилъ тщательно почтовые листокъ и спряталъ его въ боковой карманъ сюртука.

— Великолѣпно! Отлично! — воскликнула въ восторгъ Опоркова.

Иванъ Демьянычъ прилично и сдержанно захлопалъ въ ладоши.

— Молодца! Ай-да папаша! Вотъ вы на него и смотрите! — заплетающимся уже языкомъ одобрилъ Антонъ.

Феноменовъ не сказалъ ничего, даже не поднялъ глазъ отъ тарелки.

Дунька шумно вздохнула и исчезла изъ комнаты.

— Можно хоть прямо въ печать! — прибавилъ Опорковъ.

— Да, а если бы вы знали, чего ему это стоило! — обратилась къ зятю Прасковья Никифоровна. — Чуть, вѣдь, не десять разъ принимался. Меня-то даже измучилъ.

— За то и вышло прекрасно! — замѣтили въ одно слово Опорковы.

Потомъ всѣ замолчали и принялись за жаркое. Отъ времени до времени Иванъ Демьянычъ задумывался и, трихнувъ головой, въ полголоса самъ себѣ восклицалъ:

— Чудесная рѣчь!

Когда съѣли пирожное (бисквиты съ битыми сливками), Тихонъ Антонычъ опять, какъ и давеча, заколыхался на стулѣ, собираясь подняться. Видъ у него былъ совсѣмъ утомленный, огасшій. Онъ сказалъ, что хочетъ пойти — полежать.

— И отлично, поди! — одобрила это желаніе Прасковья Никифоровна, обмѣнявшись съ дочерью многозначительнымъ взглядомъ. — Гости тебя не осудятъ.

— Конечно, идите, идите, папаша! — подтвердила и дочь.

Тихонъ Антонычъ поднялся со стула, а за нимъ сталъ выѣзжать изъ-за стола и Валерьянъ Алексѣичъ.

— Прощай,—мрачно отверзъ въ первый разъ уста свои Феноменовъ.

— Какъ, вы развѣ не будете пить съ нами кофей, Валерьянъ Алексѣичъ?—съ огорченіемъ спросила Прасковья Никифоровна.

— Нѣтъ, я пойду,—отвѣтилъ отрывисто ей Феноменовъ.

— Я т-тоже... п-пойду,—пробормоталъ, запинаясь, Антонъ, всталъ и качнулся.

Ему Прасковья Никифоровна ничего не сказала.

Хозяинъ простился съ обоими, направился въ спальню и притворилъ дверь за собою.

Оставшись одинъ, Тихонъ Антонычъ глубоко вздохнулъ, какъ бы сбросивъ съ себя нѣкую, долго его угнетавшую, тяжесть. Потомъ снялъ онъ сюртукъ и прочее свое одѣяніе, подошелъ къ кровати и расслабленно на нее опустился. Нѣсколько времени сидѣлъ онъ на ней, не шевелясь, словно мертвый, и устремивъ глаза въ одну точку. Въ этихъ глазахъ опять стоялъ прежній, пугавшій Прасковью Никифоровну, «лунатическій» взглядъ.

«*Да, я вновь молодью душой!*»—пробормоталъ въ полголоса Тихонъ Антонычъ, потомъ оглянулся на стѣны, крихтя и съ усиленіемъ поднялъ на кровать свои ноги, протянулся, вздохнулъ и завелъ медленно вѣки...

Мих. Альбовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Виницій Лигиі:

«Невольникъ Флегонъ, съ которымъ я посылаю тебѣ это письмо, — христіанинъ, и, значить, будетъ однимъ изъ тѣхъ, который получитъ свободу изъ твоихъ рукъ, дорогая моя. Это старый слуга нашего дома, я могу довѣриться ему безъ опасенія, чтобъ мое письмо попало въ чьи-нибудь другія руки. Я пишу изъ Лаурента, гдѣ мы задержались, благодаря жарамъ. Когда-то эта великолѣпная вилла принадлежала Отону, потомъ онъ подарилъ ее Понпей, а та, хотя и развелась съ мужемъ, сочла за лучшее удержать прекрасный подарокъ... Когда я подумаю о женщинахъ, которыя теперь окружаютъ меня, и о тебѣ, то мнѣ кажется, что изъ камней Девкалиона¹⁾ образовались разные, совершенно несходные другъ съ другомъ сорта людей, и ты принадлежишь къ тѣмъ, которые образовались изъ кристалла. Я удивляюсь тебѣ и люблю тебя всею душой, такъ что хотѣлъ бы говорить съ тобою только о тебѣ, а долженъ принуждать себя писать о путешествіи, о томъ, что дѣлается со мной, и о придворныхъ новостяхъ. И тагъ, цезарь—гость Понпей, которая втихомолку приготовила ему великолѣпный пріемъ. Августіанъ она пригласила къ себѣ немного, но я и Петроній получили пригла-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

1) По греческому мненію, послѣ потопа, погубившаго всѣхъ людей, Девкалионъ и его жена Пирра стали бросать черезъ себя камни, изъ которыхъ произошло новое поколѣніе людей.

шеніе. Послѣ *prandія*²⁾ мы въ золоченыхъ лодкахъ катались по морю, а оно было такъ тихо, какъ будто спало, и такъ лазурно, какъ твои очи, божественная! Мы гребли сами,—Августѣ, вѣроятно, было лестно, что ее везутъ консулярные мужи или ихъ сыновья. Цезарь, въ пурпурной тогѣ, стоя у руля, пѣлъ въ честь моря гимнъ, который сочинилъ прошедшею ночью и къ которому подобралъ музыку вмѣстѣ съ Діодоромъ. На другихъ лодкахъ намъ вторили индійскіе невольники,—они умѣютъ играть на морскихъ раковинахъ,—а около насъ подпрыгивали дельфины, какъ будто бы дѣйствительно вызванные музыкой изъ глубины Амфитриты³⁾. А я... знаешь ли ты, что я дѣлалъ? Я думалъ о тебѣ и тосковалъ о тебѣ, и хотѣлъ бы взять это море, этотъ ясный день и эту музыку и отдать тебѣ все. Хочешь ли ты, августа моя, чтобы мы поселились у морского берега, вдали отъ Рима? У меня въ Сициліи есть помѣстье, гдѣ миндалныя лѣса весною цвѣтутъ розовымъ цвѣтомъ и такъ близко спускаются къ морю, что концы ихъ вѣтвей чуть не касаются воды. Тамъ я буду любить тебя и исповѣдывать ученіе, съ которымъ меня познакомилъ Павелъ,—я уже знаю, что оно не противится любви и счастью. Хочешь ты?... Но, прежде чѣмъ я услышу отвѣтъ изъ твоихъ устъ, я продолжаю разсказывать о томъ, что случилось на лодкѣ. Когда берегъ остался уже за нами, мы увидѣли вдали передъ собою парусъ и заспорили, обыкновенная ли это рыбацья ладья, или большой корабль изъ Остіи. Я различилъ его первый, а Августа сказала тогда, что, очевидно, ничто не можетъ скрыться отъ моихъ глазъ, и, вдругъ, опустивъ покрывало, спросила, узналъ ли бы я ее и въ такомъ видѣ? Петроній тотчасъ же отвѣтилъ, что за тучей даже и солнца видѣть невозможно, но она, смѣясь, продолжала, что такой пронизательный взглядъ можетъ быть ослѣпленъ только развѣ любовью, и, перечисляя имена разныхъ августіанокъ, начала разспрашивать и дѣлать догадки, въ кого я влюбленъ. Я отвѣчалъ спокойно, но она въ концѣ назвала и твое имя. Говоря о тебѣ, она снова открыла лицо и начала смотрѣть на меня злыми и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пытливыми глазами. Я чувствую необыкновенную признательность къ Петронію,—онъ въ эту минуту накренилъ лодку и всеобщее вниманіе отвратилось отъ меня, а то еслибъ я услышалъ о тебѣ какое-нибудь недоброжелательное или оскорбительное слово, то не сдумѣлъ бы скрыть гнѣва и долженъ былъ бы бороться съ желаніемъ разбить весломъ голову этой

²⁾ Prandium—завтракъ.

³⁾ Амфитрита—жена Нептуна; глубины Амфитриты— море.

развращенной и злой женщиной... Ты помнишь, что набанунъ отъѣзда я рассказывалъ тебѣ въ домѣ Линна о своемъ приключеніи на пруду Агриппы? Петроній боится за меня и еще сегодня заклиналъ меня, чтобъ я не раздражалъ самолюбія Августы. Но Петроній уже не понимаетъ меня и не знаетъ, что безъ тебя нѣтъ для меня ни наслажденія, ни красоты, ни любви, и что къ Поппеѣ я чувствую только отвращеніе и презрѣніе. Ты измѣнила мою душу, и такъ сильно, что я уже не могъ бы возвратиться къ прежней жизни. Но не опасайся, чтобы меня здѣсь могло встрѣтить какое-нибудь зло. Поппеа не любитъ меня, потому что она неспособна любить никого, а ея прихоти происходятъ только отъ гнѣва на цезаря, который хотя еще находится подъ ея вліяніемъ и даже, можетъ быть, любитъ ее, но уже не щадитъ ея и не скрываетъ передъ ней своего безстыдства и своихъ пороковъ. Наконецъ, я тебѣ скажу и другую вещь, которая должна успокоить тебя: передъ моимъ выѣздомъ Петръ сказалъ мнѣ, чтобъ я не боялся цезаря, ибо ни одинъ волосъ не спадетъ съ моей головы,—и я вѣрю ему. Какой-то голосъ говоритъ въ моей душѣ, что каждое его слово должно осуществиться, а такъ какъ онъ благословилъ нашу любовь, то ни цезарь, ни всѣ силы Гадеса, ни даже само предопредѣленіе не могутъ отнять у меня тебя, о Лигія! Когда я думаю объ этомъ, то я счастливъ,—какъ будто бы я—небо, которое одно счастливо и спокойно. Но тебя, христіанку, можетъ быть, оскорбляетъ то, что я говорю о небѣ и предопредѣленіи? Въ такомъ случаѣ, прости меня, потому что я грѣшу безъ намѣренія. Крещеніе еще не омыло меня, и сердце мое—пустая чаша, которую Павелъ Тарсянинъ долженъ наполнить вашимъ сладкимъ ученіемъ, тѣмъ болѣе сладкимъ для меня, что это—твое ученіе. Ты, божественная, сочти мнѣ въ заслугу хоть то, что изъ этой чаши я вылилъ жидкость, которая наполняла ее до сихъ поръ, и протягиваю ее, какъ челоуѣкъ, томимый жаждой и стоящій у чистаго источника. Въ Антіи я днемъ и ночью буду слушать Павла, который среди моихъ людей въ первый же день нашего путешествія нашелъ такое вліяніе, что его постоянно окружаетъ толпа и видитъ въ немъ не только *тауматурга* ⁴⁾, но чуть ли не сверхестественное существо. Вчера я видѣлъ радость на его лицѣ, а когда спросилъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «сѣю». Петроній знаетъ, что онъ находится съ моими людьми, и хочетъ видѣться съ нимъ, точно также какъ и Сенека, который слышался о немъ отъ Галлона. Но, Лигія, звѣзды уже блѣднѣ-

⁴⁾ *Thaumaturgos*—греч. слово „чудотворецъ“.

ть, а утренній *люциферъ* ⁵⁾ разгорается все ярче. Скоро заря за-
умянитъ море, вокругъ все спитъ, только я думаю о тебѣ и люблю
ебя. Привѣтъ тебѣ, вмѣстѣ съ утреннею зарей, sponsa mea! ⁶⁾

II.

Виницій Лигія:

«Была ли ты когда-нибудь, дорогая, съ Авломъ въ Антію? Если
ѣтъ, то я буду счастливъ, когда современемъ покажу его тебѣ.
тъ самаго Лаурента, вдоль побережья, одна за другою тянутся
иллы, а самъ Антія—это безконечный рядъ дворцовъ и порти-
овъ, колонны которыхъ отражаются въ водѣ. И у меня здѣсь есть
ристаніще, у самаго моря, съ оливковымъ и кипариснымъ лѣсомъ
и виллою, и когда я подумаю, что современемъ это жилище ста-
етъ твоимъ, мраморъ кажется мнѣ болѣе бѣлымъ, сады болѣе тѣ-
истыми, море болѣе лазурнымъ. О, Лигія, какъ хорошо жить и
любить! Мой старикъ управляющій, Мениклъ, посадилъ на лугахъ
одъ миртами цѣлыя группы ирисовъ, и при видѣ ихъ мнѣ при-
елъ на память домъ Авла, вашъ имплювій и вашъ садъ, гдѣ я
идѣлъ возлѣ тебя. И тебѣ эти ирисы будутъ напоминать родной
омъ, поэтому я увѣренъ, что ты полюбишь Антію и эту виллу.
отчасъ же по прибытіи мы долго разговаривали съ Павломъ. Го-
орили мы о тебѣ, потомъ онъ началъ поучать меня, я заслушался
скажу тебѣ только одно, что еслибъ я даже умѣлъ писать такъ,
акъ Петроній, то не могъ бы выразить всего, что въ это время
рошло чрезъ мою мысль и душу. Я не ожидалъ, чтобы на свѣтѣ
югло быть такое счастье, красота и покой, о какихъ люди до сихъ
оръ не знаютъ. Но все это я приберегаю до разговора съ тобой,
югда я въ первую свободную минуту приѣду въ Римъ. Скажи мнѣ,
акъ земля можетъ въ одно время выносить такихъ людей, какъ
постоль Петръ, какъ Павелъ Тарсянинъ и цезарь? Я спрашиваю
ютому, что вечеръ, послѣ поученія Павла, провелъ у Нерона, и,
шаешь ли, что я слышалъ тамъ? Прежде всего, цезарь читалъ свою
юему о разрушеніи Трои и началъ горевать, что никогда не видалъ
орящаго города. Онъ завидовалъ Пріаму и называлъ его счастли-
нымъ человѣкомъ потому только, что онъ могъ зрѣть пожаръ и
югубель родного города. На это Тигеллинъ сказалъ: «Скажи слово,
южественный, я возьму факелъ, и, прежде чѣмъ протечетъ ночь,

⁵⁾ Lucifer — букв. „приносящій свѣтъ“; такъ называется утренняя звѣзда, т.-е. планета Венера.

⁶⁾ „Моя невѣста“.

ты увидишь горящій Антиій». Но цезарь назвалъ его глупцомъ. «Буда же,—спросилъ онъ,—я буду прїѣзжать дышать морскимъ воздухомъ и охранять голосъ, которымъ одарили меня боги и о которомъ, какъ говорятъ, я долженъ заботиться для блага людей? Развѣ не Римъ мѣшаетъ мнѣ, развѣ не зловонныя испаренія Субуры и Эсквилина заставляютъ меня хрипѣть, развѣ горящій Римъ не представлялъ бы во сто разъ болѣе величественнаго и трагическаго зрѣлища, чѣмъ Антиій?» Тутъ всѣ начали говорить, какою неслыханною трагедіей была бы картина города, подчинившаго себѣ весь міръ и обратившагося въ кучу сора и пепла. Цезарь объявилъ, что тогда его поэма превзошла бы пѣсни Гомера, а потомъ началъ говорить, какъ построилъ бы вновь городъ и какъ будущіе вѣка должны были бы удивляться его дѣлу, передъ которымъ померкли бы всѣ другія человѣческія дѣла. Тогда пьяные гости начали кричать: «Сдѣлай это! сдѣлай!»—а онъ сказалъ: «Для этого нужно имѣть болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ людей». Признаюсь, я сначала встревожился, потому что въ Римѣ живешь ты, *carissima*. Теперь я самъ смѣюсь надъ своими опасеніями и думаю, что цезарь и августиане, хотя они и безумные люди, не отважатся на такое безуміе, а, все-таки, человѣку свойственно тревожиться за любимое существо, и я предпочиталъ бы, чтобъ домъ Линна стоялъ не въ узкомъ переулкѣ и находился бы не въ той части города, которая населена иноплеменнымъ народомъ, на который въ данномъ случаѣ обратять меньшее вниманія. Я считаю, что самые палатинскіе дворцы недостойны были бы быть твоимъ жилищемъ, но я хотѣлъ бы, чтобъ ты не испытывала недостатка отъ отсутствія тѣхъ удобствъ, къ которымъ ты привыкла съ дѣтства. Переселись въ домъ Авла, Лигія. Я много думалъ объ этомъ. Еслибъ цезарь былъ въ Римѣ, вѣсть о твоёмъ возвращеніи могла бы черезъ невольниковъ, дѣйствительно, дойти до Палатина, обратить на тебя вниманіе и подвергнуть преслѣдованію за то, что ты осмѣлилась поступить вопреки волѣ цезаря. Но онъ долго пробудетъ здѣсь, въ Антиіи, а когда возвратится, тогда и невольники перестанутъ говорить о тебѣ. Линнъ и Урсъ могутъ жить съ тобою. Наконецъ, я живу надеждой, что, прежде чѣмъ Палатинъ увидитъ цезаря, ты, моя божественная, будешь жить въ собственномъ домѣ на Баринахъ. Да будутъ благословлены день, часъ и минута, когда ты переступишь мой порогъ, и если Христосъ, познавать Котораго я учусь, сдѣлаетъ это, то да будетъ благословенно и Его имя. Я буду служить Ему и отдаю за Него свою жизнь. Не такъ я сказалъ: служить Ему бу(аш)

мы оба, до тѣхъ поръ, пока хватить пряжи нашей жизни ¹⁾). Люблю тебя и привѣтствую всею душой».

III.

Урсъ черпалъ воду изъ цистерны и, вытягивая на веревкѣ двойныя амфоры, въ полголоса напѣвалъ странную лигійскую пѣсню, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостными глазами смотрѣлъ на Виниція и Лигію, которые, среди кипарисовъ сада Линна, бѣлѣлись, какъ двѣ статуи. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не волновало ихъ одежды. Въ саду царилъ золотисто-фіолетовый сумракъ, а они, среди вечерней тишины, разговаривали, держа другъ друга за руки.

— Маркъ, ты не можешь поплатиться за то, что оставилъ Антія безъ позволенія цезаря?—спрашивала Лигія.

— Нѣтъ, дорогая моя, — отвѣчалъ Виницій. — Цезарь объявилъ, что запрется съ Терпносомъ на два дня и будетъ составлять новыя пѣсни. Онъ часто такъ дѣлаетъ и тогда ни о чемъ другомъ не знаетъ и не помнитъ. Наконецъ, что мнѣ цезарь, если я возлѣ тебя и смотрю на тебя? Я очень ужъ стосковался, а въ послѣднія ночи меня даже покинулъ сонъ. Иногда уснешь отъ утомленія и тотчасъ же просыпаешься съ чувствомъ, что надъ тобою виситъ опасность, а то приснится, что у меня свели подставныхъ лошадей, которыя должны были перенести меня изъ Антія въ Римъ и на которыхъ я проѣхалъ это разстояніе такъ скоро, какъ никогда не удастся даже гонцу цезаря. Дольше я не могъ бы вытерпѣть безъ тебя. Ужъ очень я люблю тебя, дорогая моя!

— Я знала, что ты пріѣдешь. Урсъ два раза по моей просьбѣ бѣгалъ на Барины и спрашивалъ о тебѣ въ твоемъ домѣ. Линнъ смѣялся надо мной и Урсъ также.

Дѣйствительно, было видно, что она ждала его, потому что, вмѣсто обычной темной одежды, надѣла мягкую бѣлую стѣлу, изъ красивыхъ складокъ которой ея обнаженныя руки и голова выставились какъ разцвѣтшіе подсыѣжники изъ снѣга. Нѣсколько красивыхъ анемоновъ украшали ея волосы.

Виницій прижалъ губы къ ея рукѣ. Они сѣли на каменную скамью посреди дикаго винограда и молча смотрѣли на зарю, послѣдніе отблески которой отражались въ ихъ глазахъ. Обаяніе тихаго вечера мало-по-малу овладѣвало ими.

— Какъ тутъ тихо и какъ хорошо!—сказалъ Виницій, понижая голосъ. — Наступаетъ удивительно погожая ночь. Я такъ счаст-

¹⁾ Имѣется въ виду мнѣзъ, по которому Парки (богини судьбы) прядутъ нить жизни каждому человѣку; когда онѣ ее перерѣзываютъ, человѣкъ умираетъ.

ливъ, какъ не былъ никогда въ жизни. Скажи мнѣ, Лигія, что это такое? Я никогда не предполагалъ, чтобы любовь могла быть такова. Я думалъ, что это только огонь въ крови и страсть, и только теперь вижу, что можно любить каждою каплей крови и каждымъ дыханіемъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовать спокойствіе, такое сладкое и неизмѣримое, какъ будто бы твою душу уже убаюкали Сонъ и Смерть. Для меня это что-то новое. Только теперь я понимаю, что можетъ быть счастье, о которомъ люди не знали до сихъ поръ. Только теперь я понимаю, почему и ты, и Помпонія Гредивна такія ясны... Да!... Это даетъ Христось!...

Она опустила свою прелестную головку на его плечо и сказала:

— Мой Маркъ, дорогой...

Дальше говорить она не могла. Радость, признательность, сознание, что теперь ей можно любить, отняли у нея голосъ, за то наполнили глаза слезами волненія. Виницій, обнявъ рукою ея гбкій станъ, прижалъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Лигія! да будетъ благословенна минута, когда я впервые услышалъ Его имя!

А она тихо отвѣтила:

— Я люблю тебя, Маркъ.

На кипарисахъ погасли послѣдніе фіолетовые отблески, на небѣ показался серпъ луны и осеребрилъ садъ.

Черезъ минуту Виницій началъ говорить:

— Я знаю... Едва я вошелъ сюда, едва поцѣловалъ твою руку, какъ я прочелъ въ твоихъ глазахъ вопросъ, понялъ ли я божественное ученіе, которое ты признаешь, и окрестили ли меня? Нѣтъ, я еще не окрещенъ, а знаешь ли ты, цвѣтокъ, отчего? Павелъ сказалъ мнѣ: «Я убѣдилъ тебя, что Богъ пришелъ въ міръ и далъ Себя распять для его спасенія, но въ источникѣ благодати да омоетъ тебя Петръ, который впервые простеръ надъ тобою руку и первый благословилъ тебя». И я также хотѣлъ, чтобы ты, дорогая, смотрѣла на мое крещеніе и чтобы моею матерью была Помпонія. Поэтому я остался некрещеннымъ, хотя вѣрю въ Избавителя и Его ученіе. Павелъ убѣдилъ меня, обратилъ, да и могло ли быть иначе? Какъ же бы я не повѣрилъ, что Христось пришелъ въ міръ, коль скоро такъ говоритъ Петръ, который былъ Его ученикомъ, и Павелъ, которому Онъ явился? Какъ же бы я не повѣрилъ, что Онъ былъ Богомъ, коль скоро Онъ воскресъ? Вѣдь, Его видѣли и въ городѣ, и близъ озера, и на горѣ, и видѣли люди, уста которыхъ не знали лжи. Я вѣрилъ въ это уже съ того времени, какъ слы-

палъ Петра въ Остраніи, потому что тогда еще сказалъ себѣ: ско-
рѣе всякій другой человѣкъ могъ бы солгать, чѣмъ тотъ, который
говорить: «я видѣлъ!» Но ученія вашего я боялся. Мнѣ казалось,
что оно отнимаетъ тебя у меня. Я думалъ, что въ немъ нѣтъ ни
мудрости, ни красоты, ни счастья, но теперь, когда я понялъ его,
что-бъ я былъ за человѣкъ, еслибъ не хотѣлъ, чтобы на свѣтѣ
царствовала правда, а не ложь, любовь, а не ненависть, добро, а
не преступленіе, вѣрность, а не измѣна, милосердіе, а не месть
Нашелся ли бы такой, который не желалъ и не хотѣлъ бы этого?
А, вѣдь, это проповѣдуетъ ваше ученіе. Другія ученія также хо-
тятъ справедливости, но только одно ваше дѣлаетъ человѣческое
сердце справедливымъ. И, кромѣ того, оно дѣлаетъ его чистымъ,
какъ твое сердце и сердце Помпоніи, и дѣлаетъ его вѣрнымъ, какъ
твое сердце и сердце Помпоніи. Я былъ бы слѣпцомъ, если бы не
видалъ этого. А если при этомъ Христосъ Богъ обѣщаль вѣчную
жизнь и такое неизреченное счастье, какое можетъ дать только
всемогущество Божіе, то можетъ ли человѣкъ желать большаго?
Еслибъ я спросилъ Сенеку, по какимъ соображеніямъ онъ предпи-
сываетъ добродѣтель, коль скоро порокъ приноситъ болѣе счастья,
онъ, конечно, ничего не могъ бы отвѣтить мнѣ разсудительнаго.
Но я теперь знаю, почему долженъ быть добродѣтельнымъ. Потому
именно, что добро и любовь проистекаютъ отъ Христа, и потому, что
когда смерть сомкнетъ мнѣ вѣжды, я могъ бы вновь найти жизнь,
найти счастье, найти самого себя и тебя, дорогая... Какъ же мнѣ
не любить и не принять ученія, которое, въ одно и то же время,
говорить правду и попираетъ смерть? Кто бы не предпочелъ добро
злу? Я думалъ, что это ученіе противится счастью, а Павелъ убѣ-
дилъ меня, что оно не только ничего не отнимаетъ, но преумножа-
етъ. Все это едва умѣщается въ моей головѣ, но я чувствую, что
это правда, ибо никогда не былъ такъ счастливъ и не могъ бы
быть, хоть и похитилъ бы тебя силою и держалъ бы въ своемъ
домѣ. Ты только что сказала мнѣ: «я люблю тебя», а этихъ словъ
я не вырвалъ бы у тебя при помощи всей силы Рима. О, Лигія!
Разумъ говоритъ мнѣ, что это ученіе — лучшее и божественное,
сердце чувствуетъ это, а кто устоитъ противъ этихъ двухъ силъ?

Лигія слушала Виниція, устремивъ на него свои голубые глаза,
при свѣтѣ мѣсяца похожіе на какіе-то мистическіе цвѣты, и такъ
же увлажненные, какъ цвѣты.

— Да, Маркъ! Правда! — сказала она, сильнѣе прижимаясь
головой къ его плечу.

Въ эту минуту они чувствовали себя необыкновенно счастли-

выми; они понимали, что, кромѣ любви, ихъ соединяетъ еще какая-то другая сила, сладкая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреоборимая, вслѣдствіе которой сама любовь становится чѣмъ-то неразрушимымъ, не подчиняющимся измѣненію, розочарованію, измѣнѣ и даже смерти. Сердца ихъ были полны увѣренностью, что, что бы съ ними ни случилось, они не перестанутъ любить и принадлежать другъ другу. Виницій при этомъ чувствовалъ, что эта любовь не только чистая и глубокая, но и совсѣмъ новая любовь, которую міръ до сихъ поръ не зналъ и не могъ дать. Она слагалась въ его сердцѣ изъ всего: и изъ Лигіи, и изъ ученія Христа, и изъ луннаго свѣта, тихо спящаго на кипарисахъ, и изъ погожей ночи, — вся вселенная казалась ему переполненною этою любовью.

И онъ заговорилъ голосомъ тихимъ и дрожащимъ:

— Ты будешь душою моею души и будешь самымъ дорогимъ существомъ для меня. Вмѣстѣ будутъ биться наши сердца, одинакова будетъ молитва и одинакова благодарность Христу. О, дорогая! Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ почитать кроткаго Бога и знать, что когда придетъ смерть, очи наши, какъ будто послѣ сладкаго сна, откроются вновь на новый, лучезарный блескъ, — чего можно пожелать лучшаго? И я удивляюсь только тому, какъ раньше не понималъ этого. И знаешь ли, что мнѣ кажется теперь? Вѣдь, противъ этого ученія не устоитъ никто. Черезъ двѣсти или триста лѣтъ его приметъ весь міръ, люди забудутъ объ Юпитерѣ и не будутъ другихъ боговъ, кромѣ Христа, и другихъ храмовъ, кромѣ христіанскихъ. Кто бы не хотѣлъ собственнаго счастья! Ахъ, да, я слышалъ бесѣду Павла съ Петроніемъ и знаешь ли, что Петроній сказалъ въ концѣ? Онъ сказалъ: «Это не для меня», но больше ничего отвѣтить не сумѣлъ.

— Повтори мнѣ слова Павла, — сказала Лигія.

— Это было у меня, вечеромъ. Петроній началъ небрежно говорить и шутить, какъ это онъ дѣлаетъ всегда, а Павелъ тогда сказалъ ему: «Какъ ты, мудрый Петроній, можешь противорѣчить тому, что Христосъ существовалъ и воскресъ, когда тебя въ то время не было на свѣтѣ, а Петръ и Іоаннъ видѣли Его, и я видѣлъ по дорогѣ въ Дамаскъ? Поэтому пусть твоя мудрость докажетъ, что мы — лжецы, а ужъ потомъ возстанетъ противъ нашихъ свидѣтельствъ». Петроній отвѣчалъ, что онъ не думаетъ отрицать этого, онъ знаетъ, что совершается много непонятныхъ вещей, которыя, тѣмъ не менѣе, подтверждаются людьми, достойными довѣрія. Но, говорилъ онъ, открытіе какого-нибудь чужеземнаго Бога — дѣло одно, а принятіе Его ученія — другое. «Я не хочу, — сказалъ онъ, —

ать ни о чемъ, что могло бы испортить мою жизнь и уничтожить красоту. Дѣло не въ томъ, истинны ли наши боги,—они прекрасны, намъ при нихъ весело и мы можемъ жить безъ заботъ» тогда Павелъ отвѣтилъ такъ: «Ты отвергаешь ученіе любви, справедливости и милосердія изъ опасенія предъ заботами жизни, но подумай, Петроній, дѣйствительно ли ваша жизнь свободна отъ заботъ? И ты, господинъ, и всѣ богатѣйшіе и могущественные мужи не знаете, засыпая вечеромъ, не разбудить ли васъ смертный приговоръ. Но скажи: еслибъ цезарь исповѣдывалъ ученіе, которое редписываетъ любовь и справедливость, неужели бы твое счастье было болѣе прочно? Ты опасешься за твои радости, но тогда жизнь не была ли бы болѣе веселою? А что касается услады жизни искусства, то если вы настроили столько великолѣпныхъ храмовъ и статуй въ честь божествъ злыхъ, мстительныхъ, развратныхъ и измѣнчивыхъ, то чего бы вы ни сдѣлали въ честь единого бога любви и правды? Ты хвалишь свою судьбу потому, что можешь и живешь въ роскоши, но ты могъ бы быть бѣднымъ и юкнутымъ, хотя и приходишь изъ знаменитаго рода, а тогда тебѣ воистину было бы лучше на свѣтѣ, если бы люди признавали Христа. Въ вашемъ городѣ даже богатые родители, чтобъ не утруждать себя воспитаніемъ дѣтой, часто выбрасываютъ ихъ изъ дома. Такія дѣти называются алуменами, и ты, господинъ, могъ бы быть алуменомъ. Но если бы твои родители жили согласно нашему ученію, съ тобою не могло бы этого приключиться. Если бы, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, ты женился на любимой женщинѣ, то желалъ бы, чтобъ она осталась тебѣ вѣрна до смерти. А посмотри, что дѣлается у васъ: сколько срама, сколько позора, сколько пренебреженія къ супружеской вѣрности! Вы и сами удивляетесь, когда встрѣтитесь съ женщиной, которую вы называете *univira* ¹⁾. Но я говорю тебѣ, что тѣ, которыя будутъ носить Христа въ своемъ сердцѣ, не нарушатъ вѣрности къ мужу, равно какъ и мужья христіане останутся вѣрны женамъ. Но вы не увѣрены ни въ вашихъ владыкахъ, ни въ вашихъ отцахъ, ни въ женахъ, ни въ дѣтяхъ, ни въ слугахъ. Передъ вами дрожитъ весь міръ, а вы дрожите передъ своими невольниками, ибо вы знаете, что въ каждый часъ они могутъ объявить страшную войну вашему гнету, да и объявляли не разъ. Ты богатъ, но не знаешь, что завтра не прикажутъ ли тебѣ разстаться съ твоимъ богатствомъ; ты молодъ, но, можетъ быть, тебѣ завтра нужно будетъ умереть. Ты любишь, но тебя подстере-

¹⁾ Женщина, имѣющая одного мужа, „одномужьяца“.

гаеть измѣна; ты любишь свои виллы и статуи, но завтра можешь быть изгнанъ на Пандатарію ²⁾; у тебя тысячи слугъ, завтра эти слуги могутъ выпустить изъ тебя кровь. А если это такъ, то какъ же вы можете быть спокойны, счастливы и жить въ радости? А я провозглашаю любовь, провозглашаю ученіе, которое владыкамъ повелѣваетъ любить подданныхъ, господамъ любить невольниковъ, невольникамъ служить изъ любви, провозглашаю справедливость и милосердіе, а въ концѣ обещаю счастье, какъ море, неизмѣримое. Какъ же ты, Петроній, можешь говорить, что это ученіе портитъ жизнь, если оно исправляетъ ее и если ты самъ былъ бы во сто разъ болѣе счастливымъ и самоувѣреннымъ, если бы оно охватило весь міръ такъ, какъ охватило его ваше римское владычество?» Такъ говорилъ Павелъ, а тогда Петроній сказалъ: «Это не для меня», — и, притворившись, что ему хочется спать, ушелъ, но, уходя, прибавилъ: «Я предпочитаю свою Эвнику твоему ученію, іудей, но не хотѣлъ бы состязаться съ тобою публично». Не я прислушивался къ его словамъ всею душой, а когда онъ говорилъ о нашихъ женщинахъ, я всѣмъ сердцемъ восхвалялъ ученіе, изъ котораго возродилась ты, какъ весною вырастають лиліи. И думалъ я тогда: вотъ Пoppеа, которая бросила двухъ мужей для Нерона, вотъ Кальвія Криспинилла, вотъ Нигидія, и почти всѣ, которыхъ я знаю, кромѣ одной Помпоніи, торговали своею вѣрностью и обязанностями. Только одна, только одна моя Лигія не уйдетъ отъ меня, не измѣнитъ, не угаситъ домашняго очага, хотя бы мнѣ измѣнило и обмануло меня все, на что я возлагалъ свою надежду. И я говорилъ тебѣ изъ глубины души: чѣмъ я отблагодарю тебя, если не любовью и почетомъ? Чувствовала ли ты, что тамъ, въ Антіи, я бесѣдовалъ съ тобою, говорилъ постоянно, непрерывно, какъ будто ты была возлѣ меня? Я во сто разъ больше люблю тебя за то, что ты убѣжала отъ меня изъ дворца цезаря. И я не хочу его. Не хочу я его роскоши и музыки, — я хочу только одну тебя. Скажи слово, и мы покинемъ Римъ, чтобы поселиться гдѣ-нибудь далеко.

Лигія, не поднимая головы съ его плеча, задумчиво поднявъ глаза на осеребренные верхушки кипарисовъ и отвѣтила:

— Хорошо, Маркъ. Ты писалъ мнѣ о Сициліи. Тамъ и авлъ поселится съ женою подь старость.

Виницій съ радостью перебилъ:

²⁾ Pandataria — очень плодородный островокъ въ Тирренскомъ морѣ около Неаполитанскаго залива (нынѣ Vandotina), служившій въ императорское время мѣстою ссылки.

— Да, дорогая моя! Наши земли находятся недалеко другъ къ друга. Это чудный берегъ, гдѣ климатъ еще мягче, а ночи еще уютнѣе, чѣмъ въ Римѣ, свѣтлыя и благоуханныя... Тамъ жизнь счастье,—это почти одно и то же.

И онъ началъ мечтать о будущемъ.

— Тамъ можно забыть о всѣхъ заботахъ. Мы будемъ ходить въ оливковыхъ лѣсахъ и отдыхать въ ихъ тѣни. О, Лигія, какая го жизнь — чувствовать себя умиротвореннымъ, любить, вмѣстѣ погрѣть на небо, вмѣстѣ на море, вмѣстѣ поклоняться кроткому богу, и все это въ спокойствіи!

Они смолгли, заглядывая въ будущее. Виницій все крѣпче прижималъ къ себѣ Лигію рукою, на которой, при блескѣ мѣсяца, отсвѣчивалъ воинскій перстень. Въ кварталѣ, населенномъ бѣдными рабочими, все спало, ни одинъ звукъ не нарушалъ тишины.

— Ты позволишь мнѣ видѣть Помпонію?—спросила Лигія.

— Да, дорогая. Мы будемъ приглашать ихъ къ себѣ или сами танемъ ѣздить къ нимъ. Хочешь, мы возьмемъ съ собою Петра постола? Онъ угнетенъ жизнью и трудомъ. Павелъ также будетъ завѣщать насъ, обратить въ христіанство Авла Плавтія, и, какъ солдаты образуютъ колоніи въ отдаленныхъ странахъ, такъ и мы образуемъ христіанскую колонію.

Лигія взяла руку Виниція и хотѣла прижать ее къ своимъ губамъ, но онъ заговорилъ шепотомъ, какъ будто боялся спугнуть свое счастье:

— Нѣтъ, Лигія, нѣтъ! Это я люблю и поклоняюсь тебѣ. Дай мнѣ свою руку.

— Я люблю тебя.

Онъ прильнулъ губами къ ея бѣлымъ, какъ цвѣтъ жасмина, губамъ. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка, и кипарисы стояли такъ же неподвижно, какъ будто и они затаили дыханіе къ груди..

Вдругъ тишину неожиданно прервало какое-то рычаніе, точно выходящее изъ-подъ земли. По тѣлу Лигіи пробѣжала дрожь, а Виницій всталъ съ мѣста и сказалъ:

— Это львы рычатъ въ виваріяхъ¹⁾.

Они оба начали прислушиваться. Одному взрыву отвѣтилъ другой, третій, десятый,—со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ концовъ города. Въ Римѣ иногда бывало по нѣсколько тысячъ львовъ, заключенныхъ при разныхъ аренахъ, и ночью, подойдя къ рѣшеткѣ и

¹⁾ Vivarium—мѣсто, гдѣ содержались животные.

упершись въ нее своею косматою головою, они изливали свою теску по волѣ и пустынь. Они и теперь затосковали и, подавая голосъ одинъ другому, огласили весь городъ рычаніемъ. Въ некткрылось что-то неожиданное и печальное, и Лигія, чувствуя, какъ ея ясныя и спокойныя мечты о будущемъ разсѣиваются отъ этого рычанія, прислушивалась къ нимъ съ сердцемъ, сжавшимся отъ какой-то странной тревоги и грусти.

Но Виницій обнялъ ее и сказалъ:

— Не бойся, дорогая. Игрища будутъ скоро, — всѣ вивіаріи наполнены.

И они вошли въ домикъ Линна, сопровождаемые все болѣе усиливающимся львинымъ ревомъ.

IV.

А тѣмъ временемъ Петроній въ Антіи чуть не каждый день одерживалъ все новыя побѣды надъ августіанами, перебивавшими у него благоволеніе цезаря. Вліяніе Тигеллина совершенно помергло. Въ Римѣ, гдѣ нужно было устранять людей, которые представлялись опасными, грабить ихъ имущество, устраивать политическія дѣла, давать зрѣлища, поражающія роскошью и дурнымъ вкусомъ, а въ особенности удовлетворять уродливыя вождельніи цезаря, Тигеллинъ, человекъ ловкій и готовый на все, оказывался необходимыми, но въ Антіи, среди дворцовъ, отражающихся въ лазури моря, цезарь жилъ жизнью грека. Съ утра до вечера читали стихи, разсуждали объ ихъ структурѣ и изяществѣ, восхищались удачными оборотами, занимались музыкой, театромъ, — однимъ словомъ, тѣмъ, что изобрѣлъ и чѣмъ украсилъ жизнь греческій гений. При такихъ условіяхъ Петроній, несравненно болѣе образованный, чѣмъ Тигеллинъ и другіе августіане, остроумный, краснорѣчивый, богатый тонкими понятіями и вкусомъ, конечно, долженъ былъ получить перевѣсъ. Цезарь искалъ его общества, интересовался его мнѣніемъ, требовалъ его совѣта, когда самъ сѣчничалъ что-нибудь, и оказывалъ ему расположеніе больше, чѣмъ когда-либо. Придворнымъ казалось, что вліяніе Петронія одерживаетъ окончательную побѣду, что дружба между нимъ и цезаремъ окончательно окрѣпла и продлится многіе годы. Даже тѣ, которые раньше высказывали нерасположеніе къ изящному эпикурейцу, начали ухаживать за нимъ и добиваться его благоволенія. Многіе даже совершенно искренно радовались, что въ силу вошелъ человекъ, который хорошо зналъ, что и о комъ нужно какъ думать, се

скептической улыбкой относился къ раболѣпству вчерашнихъ враговъ, но, по лѣни ли, или по врожденной деликатности, не былъ истиннымъ и вліяніемъ своимъ не пользовался для того, чтобъ губить кого-нибудь или приносить кому-нибудь вредъ. Бывали минуты, когда онъ могъ погубить даже Тигеллина, но Петроній предпочиталъ насмѣхаться надъ нимъ и выставлять на видъ недостатки его образованія и пошлость. Сенатъ въ Римѣ отдохнулъ, когда въ теченіе полутора мѣсяцевъ не было подписано ни одного смертнаго приговора. И въ Антіи, и въ Римѣ рассказывали истинныя чудеса объ изысканности, до какой дошелъ развратъ цезаря и его фаворитовъ, но всякій предпочиталъ жить подъ властью цезаря развращеннаго, чѣмъ озвѣрѣвшаго подъ вліяніемъ Тигеллина. Самъ Тигеллинъ терялъ голову и колебался, не признать ли себя побѣжденнымъ, потому что цезарь многократно заявлялъ, что въ Римѣ и при его дворѣ только двѣ души, способныя понять другъ друга, только два истинныхъ грека—онъ и Петроній.

Удивительная тактичность Петронія приводила всѣхъ къ убѣжденію, что его вліяніе переживетъ всѣ остальные. Считалось совершенно невозможнымъ, чтобы цезарь могъ обойтись безъ него. Съ кѣмъ же ему разговаривать о поэзіи, музыкѣ, ристалищахъ, въ чьи глаза онъ будетъ смотрѣть для того, чтобъ удостовѣриться, что его произведеніе дѣйствительно изящно? А Петроній, со свойственною ему небрежностью, казался, не придавалъ никакого значенія своему положенію. Какъ и прежде, онъ былъ небреженъ, лѣнивъ, остроуменъ и скептиченъ. Часто онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, который издѣвается надъ людьми, надъ самимъ собой, надъ цезаремъ и надъ всѣмъ міромъ. Иногда онъ осмѣливался въ глаза осуждать цезаря, и когда другіе думали, что онъ заходитъ черезъ-чуръ далеко или прямо готовить себѣ гибель, Петроній своему осужденію вдругъ придавалъ такую окраску, что всѣ убѣждались, что нѣтъ положенія, изъ котораго онъ не вышелъ бы съ триумфомъ. Однажды, черезъ недѣлю послѣ возвращенія Виниція изъ Рима, цезарь въ небольшомъ обществѣ читалъ отрывокъ изъ своихъ *Троика* ¹⁾, а когда кончилъ и когда смолкли восторженные рукоплесканія, вопросительно посмотрѣлъ на Петронія, тотъ сказалъ:

— Плохіе стихи, ихъ нужно бросить въ огонь.

У всѣхъ сердце перестало биться отъ страха, — Неронъ съ дѣтскими глѣзками не слышалъ такого приговора, — и только лицо Тигел-

¹⁾ *Troica*—описаніе Троянской войны.

лина засвѣтилось радостью. За то Виницій поблѣднѣлъ; онъ думалъ, что Петроній, который не напивался никогда, на этотъ разъ окончательно напился.

А Неронъ началъ допрашивать медовымъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучало глубоко уязвленное самолюбіе:

— Что дурного находишь ты въ нихъ?

Петроній напалъ на него:

— Не вѣрь имъ,—сказалъ онъ, указывая рукою на окружающихъ,—они ничего не понимаютъ. Ты спрашиваешь, что дурного въ твоихъ стихахъ? Если хочешь правды, то я скажу тебѣ: стихи хороши для Виргилія, хороши для Овидія, даже хороши для Гомера, но не для тебя. Такіе тебѣ нельзя писать. Пожаръ, который ты описываешь, недостаточно горитъ, твой огонь недостаточно жжетъ. Не слушай лести Лукана. За нимъ за такіе же стихи я призналъ бы гений, но не за тобою. А знаешь почему? Ты больше ихъ. Богу боги дали столько, сколько тебѣ, съ того можно больше требовать. Но ты лѣнишься. Ты предпочитаешь спать послѣ правдія, чѣмъ заниматься работой. Ты можешь создать произведеніе, о которомъ до сихъ поръ не слыхалъ міръ, и поэтому я въ глаза говорю тебѣ: напиши лучшіе стихи!

Онъ говорилъ небрежно, какъ будто полушутя, полусердась, а глаза цезаря затуманились отъ наслажденія и онъ сказалъ:

— Боги дали мнѣ немного таланта, но, кромѣ того, дали еще большее—друга, истиннаго цѣнителя, который умѣетъ говорить правду въ глаза.

И онъ протянулъ свою толстую, покрытую рыжими волосами, руку къ золотому канделябру, похищенному изъ Дельфъ, чтобы сжечь стихи, но Петроній выхватилъ папирусъ, прежде чѣмъ пламя коснулось его.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ,—даже и такіе плохіе стихи принадлежать челоуѣчеству. Оставь ему ихъ.

— Въ такомъ случаѣ, позволь мнѣ прислать ихъ тебѣ въ ящичкѣ, сдѣланномъ по моему плану, —сказалъ Неронъ и обнялъ Петронія.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

— Да. Ты правъ. Мой пожаръ Трои недостаточно свѣтитъ, мой огонь недостаточно жжетъ. Но я думалъ, что, если сравняюсь съ Гомеромъ, то этого будетъ достаточно. Нѣкоторая робость и стѣсняя оцѣнка самого себя всегда мѣшали мнѣ. А ты открылъ мнѣ глаза. Но знаешь ли ты, почему ты сказалъ правду? Потому, что когда скульпторъ захочетъ изваять изображеніе бога, то онъ ; 1-

женъ исгать себѣ образца, а у меня его нѣтъ. Я никогда не видалъ горящаго города, а потому въ моемъ описаніи недостаетъ правды.

— А я тебѣ скажу, что нужно быть великимъ артистомъ, чтобы понимать это.

Неронъ задумался, но потомъ спросилъ:

— Отвѣть мнѣ, Петроній, на одинъ вопросъ: ты жалѣешь, что Троя сгорѣла?

— Жалѣю ли я?... Клянусь хромымъ супругомъ Венеры, ни мало! И я скажу тебѣ, почему. Троя не сгорѣла бы, если бы Прометей не одарилъ людей огнемъ и если бы греки не объявили Приаму войны, а если бы не было огня, то Эсхилъ не написалъ бы своего Прометея, точно такъ же, какъ безъ войны Гомеръ не написалъ бы Илиады. А я предпочитаю, чтобы существовали Прометей и Илиада, чѣмъ если бы сохранился городишко, по всей вѣроятности, дрянной и грязный, въ которомъ теперь по самой большой мѣрѣ сидѣлъ бы какой-нибудь ничтожный прокураторъ и изнывалъ въ расприхъ съ мѣстнымъ ареопагомъ.

— Вотъ что называется говорить умно! — отвѣтилъ цезарь. — Для поэзіи и искусства можно и должно жертвовать всѣмъ. Счастливы ахейцы, которые послужили Гомеру темой для Илиады, счастливы и Приамъ, который видѣлъ гибель своего очечества. А я?... Я не видалъ горящаго города.

Наступило молчаніе, которое прервалъ Тигеллинъ.

— Я уже говорилъ тебѣ, цезарь, — сказалъ онъ, — прикажи, и я сожгу Антиі. Или знаешь что? Если тебѣ жалъ этихъ виллъ и дворцовъ, я прикажу сжечь корабли изъ Остіи или построю на Албанскомъ склонѣ деревянный городъ, въ который ты самъ бросишь пламя. Хочешь ты?

Неронъ бросилъ на него взглядъ, полный презрѣнія.

— Мнѣ смотрѣть, какъ горятъ деревянные сараи? Твой умъ совершенно обезплодѣлъ, Тигеллинъ. И при этомъ я вижу, что ты не особенно цѣнишь мой талантъ и мои *Троика*, если думаешь, что какая-нибудь жертва была бы черезъ-чуръ велика для нихъ.

Тигеллинъ смѣшался, а Неронъ, какъ бы желая придать разговору другое направленіе, добавилъ:

— Идетъ лѣто... О, какое зловоніе теперь должно быть въ Римѣ!... Но, однако, на лѣтнія игрища намъ нужно будетъ возвращаться туда.

Тогда Тигеллинъ сказалъ:

— Цезарь, когда ты отпустишь августіанъ, дозвожь мнѣ на минуту остаться съ тобой.

Часъ спустя Виницій, возвращаясь изъ виллы цезаря, говорилъ Петронію:

— Была минута, когда я испугался. Я думалъ, что ты пьянъ и сгубилъ себя окончательно. Помни, что ты играешь со смертью.

— Это моя арена, — небрежно сказалъ Петроній, — меня забавляетъ сознание, что на ней я — могучій гладиаторъ. А посмотри, чѣмъ все окончилось. Мое вліяніе возросло еще больше. Онъ пришлетъ мнѣ свои стихи въ ящикѣ, который (хочешь биться объ закладъ?) будетъ баснословно богатъ и баснословно безвкусенъ. Я прикажу своему врачу хранить въ немъ слабительныя средства. Сдѣлалъ я это еще и для того, чтобы Тигеллинъ, вида, что такія вещи удаются, захотѣлъ бы слѣдовать моему примѣру... я воображаю себѣ, что будетъ, если онъ щегольнетъ острою. То же самое, какъ если бы пиренейскій медвѣдь вздумалъ ходить по натянутой веревкѣ. Я буду смѣяться, какъ Демокритъ²⁾. Еслибъ я хотѣлъ, то могъ бы, пожалуй, погубить Тигеллина и занять его мѣсто префекта преторіанцевъ. Но мнѣ лѣнь. Ради скуки я предпочитаю такую жизнь, какую веду, и даже стихи цезаря.

— Но что за ловкость, которая даже и порицаніе можетъ обратить въ похвалу! А стихи эти дѣйствительно такъ плохи? Я въ этомъ ничего не понимаю.

— Не хуже другихъ. У Лукана въ одномъ пальцѣ больше таланта, но и въ мѣднородомъ что-то есть. Прежде всего, его необыкновенное пристрастіе къ поэзій и музыкѣ. Черезъ два дня мы должны быть у него, чтобы выслушать его музыку къ гимну въ честь Афродиты, — онъ окончитъ его сегодня или завтра. Общество будетъ небольшое, — только я, ты, Туллій Сенеціонъ и молодой Нерва. А что касается его стиховъ... я говорилъ тебѣ когда-то, что они служатъ мнѣ послѣ пира тѣмъ же, чѣмъ Вителію служить перо фламинго — это неправда!... Иногда они бываютъ краснорѣчивы. Слова Гекубы трогательны... Она жалуется на родовыя муки и Неронъ нашелъ удачныя выраженія, можетъ быть, потому, что въ мукахъ рождаетъ каждый стихъ... По временамъ мнѣ жаль его. Клянусь Поллуксомъ, какая это странная смѣсь! У Балитулы былъ изыскъ въ умѣ, но и онъ не былъ такимъ диковиннымъ.

— Кто можетъ предвидѣть, до чего можетъ дойти безуміе Аннобарба? — спросилъ Виницій.

— Рѣшительно никто. Могутъ случиться такія вещи, что, и въ воспоминаніи о нихъ, у людей, черезъ цѣлыя сотни лѣтъ, буду

²⁾ Демокритъ — греческій философъ V вѣка до Р. Х., котораго преданіе и составляетъ постоянно смѣявшимся.

вставать волосы дыбомъ. Но это-то собственно и интересно, это-то и занимательно, хотя теперь я скучаю, какъ Юпитеръ Аммонскій въ пустынь, но, все-таки, думаю, что при другомъ цезарѣ скучаль бы во сто разъ больше. Твой іудей, Павелъ, краснорѣчивъ, — я не отнимаю у него этого, — и если подобные люди станутъ проповѣдовать христіанское ученіе, наши боги должны опасаться не на шутку, какъ бы не отправиться на чердакъ. Правда, что если бы цезарь былъ христіаниномъ, то мы всѣ чувствовали бы себя въ большей безопасности, но твой пророкъ изъ Тарса, примѣняя ко мнѣ свои доказательства, не сообразилъ, видишь ли ты, что для меня неувѣренность составляетъ прелесть жизни. Кто не играетъ въ кости, тотъ не проигрываетъ состоянія, но, однако, люди играютъ въ кости. Въ этомъ какое-то блаженство и какое-то забвеніе. Я зналъ сыновей всадниковъ и сенаторовъ, которые добровольно дѣлались гладиаторами. Ты говоришь, что я играю съ жизнью, — правда, но я дѣлаю такъ потому, что это меня занимаетъ, а ваши христіанскія добродѣтели наскучили бы мнѣ, какъ разсужденія Сенеки, въ одинъ день. Поэтому краснорѣчіе Павла не послужило ни къ чему. Онъ долженъ понимать, что такіе люди, какъ я, не примутъ его ученія никогда. Ты—дѣло другое! Съ твоими наклонностями ты могъ бы чуждаться имени христіанина, какъ заразы, или сдѣлаться христіаниномъ. Я признаю его резонность и—зѣваю при этомъ. Мы безумствуемъ, стремимся къ пропасти, изъ будущаго идеть къ намъ что-то неизвѣстное, что-то подламывается подъ нами, что-то умираетъ около насъ, — согласенъ! Умереть-то мы съумѣемъ, но пока намъ не хочется сбременять жизни и служить смерти, прежде чѣмъ она не завладѣетъ нами. Жизнь существуетъ сама для себя, а не для смерти.

— А мнѣ жаль тебя, Петроній.

— Не жалѣй меня больше, чѣмъ я жалѣю самого себя. Прежде мы жили въ ладу, прежде, когда ты сражался въ Арменіи, то тосковалъ по Римѣ.

— И теперь я тоскую по Римѣ.

— Да, потому что полюбилъ христіанскую весталку, которая сидитъ въ Затибреской части города. Но я не удивляюсь этому, не осуждаю тебя. Я удивляюсь тому, что хотя, по твоимъ словамъ, въ те ученіе — это море счастья, хотя твоя любовь скоро будетъ утѣчена, — грусть не сходитъ съ твоего лица. Помпонія Грецина вѣчно грустна, ты, съ того времени, какъ сдѣлался христіаниномъ, тоже пересталъ улыбаться. Не внушай же мнѣ, что это веселое уніе! Изъ Рима ты возвратился еще болѣе грустнымъ. Если вы

всѣ такъ любите по-христіански, то, клянусь свѣтлыми кудрями Вахха, я не пойду по вашимъ слѣдамъ.

— Это совсѣмъ другое, — отвѣтилъ Виницій. — Я клянусь тебѣ не кудрями Вахха, а душой моего отца, что прежде никогда я не могъ себѣ представить такого счастья, какимъ дышу теперь. Но я жестоко томлюсь и, что странно, когда я далеко отъ Лигіи, мнѣ все кажется, что надъ ней виситъ какая-то опасность. Какая — я не знаю и не знаю, откуда она можетъ придти, но предчувствую ее такъ, какъ предчувствуется гроза.

— Черезъ два дня я берусь выхлопотать для тебя отпускъ изъ Антія на какое угодно время. Поппеа также стала спокойнѣе и, насколько я знаю, съ ея стороны ничего не угрожаетъ ни тебѣ, ни Лигіи.

— Еще сегодня она спрашивала у меня, что я дѣлалъ въ Римѣ, хотя мой отъѣздъ былъ тайный.

— Можетъ быть, она приказала слѣдить за тобой. Впрочемъ, теперь и она должна считаться со мною.

Виницій остановился и сказалъ:

— Павелъ говоритъ, что Богъ иногда предостерегаетъ, но въ предчувствія вѣрить не велитъ; я борюсь противъ этого и не могу пересилить себя. Я тебѣ скажу, что случилось, чтобъ облегчить сердце. Мы сидѣли съ Лигіей въ такую же погожую ночь, какъ теперь, и строили планы нашей будущей жизни. Не сумѣю тебѣ сказать, какъ мы были счастливы и спокойны. И вдругъ начали рычать львы. Въ Римѣ это вещь обыкновенная, но, однако, съ этой минуты я не вижу спокойствія. Мнѣ кажется, что въ этомъ рычаніи была какая-то угроза, точно предвѣстіе чего-то злого... Ты знаешь, что тревога не легко овладѣваетъ мною, но тогда случилось что-то такое, что эта тревога затмила своимъ мракомъ всю эту ночь. Случилось это такъ странно и неожиданно, что и теперь въ моихъ ушахъ слышатся эти голоса, а въ сердцѣ — неутихающее безпокойство, какъ будто Лигія нуждается въ моей помощи противъ чего-то страшнаго... хотя бы противъ тѣхъ же самыхъ львовъ. И я мучаюсь. Придумай какой-нибудь поводъ для моего отъѣзда, иначе я уйду безъ разрѣшенія. Не могу я сидѣть здѣсь, повторяю тебѣ, не могу!

Петроній разсмѣялся.

— До того еще не дошло, чтобы сыновей консульскихъ мужей или ихъ женъ отдавали на растерзаніе львовъ. Васъ можетъ встрѣтить какая-нибудь другая смерть, только не такая. Впрочемъ, кто знаетъ, львы ли то были, — германскіе туры рычать не хуже

сжъ. Что касается меня, то я смѣюсь надъ судьбой и надъ предчувствіями. Вчера ночь была темная и я видѣлъ, что звѣзды сыпались, какъ дождь. Многимъ дѣлается не по себѣ при такомъ ярѣлицѣ, а я подумалъ: если между этими звѣздами есть и моя, то, по крайней мѣрѣ, мнѣ не будетъ недостатка въ обществѣ!

Онъ замолчалъ на минуту, подумалъ и сказалъ:

— Наконецъ, если вашъ Христосъ воскресъ, то Онъ можетъ и васъ охранить отъ смерти.

— Можетъ, — отвѣтилъ Виницій, смотря на небо, усѣянное звѣздами.

У.

Неронъ игралъ и пѣлъ гимнъ въ честь «владычицы Бипра», — онъ самъ составилъ стихи и музыку. Въ этотъ день онъ былъ въ голосѣ и чувствовалъ, что музыка его дѣйствительно увлекаетъ слушателей, а сознание это придавало особую силу звукамъ, которые онъ извлекалъ изъ себя, и такъ всколебало его душу, что онъ казался вдохновеннымъ. Въ концѣ онъ самъ поблѣднѣлъ отъ неподдѣльнаго волненія. Въ первый разъ въ жизни онъ не хотѣлъ слушать похвалъ присутствующихъ. Съ минуту просидѣлъ онъ съ понижшею головой, съ руками, опущенными на цитру, потомъ вдругъ всталъ и сказалъ:

— Я утомленъ, мнѣ нуженъ воздухъ. Пока настройте цитры.

Онъ повязалъ горло шелковымъ платкомъ.

— Вы пойдете со мной, — обратился онъ къ Петронію и Виницію, которые сидѣли въ углу залы. — Виницій, подай мнѣ руку, у меня не хватаетъ силъ, а Петроній будетъ говорить мнѣ о музыкѣ.

Они вышли на дворцовую террасу, выложенную алебастромъ и посыпанную шафраномъ.

— Здѣсь дышется свободнѣе, — сказалъ Неронъ. — Душа моя взволнована и грустна, хотя по сегодняшнему опыту я вижу, что могу выступить публично и что это будетъ такой триумфъ, какой не выпадалъ на долю ни одного римлянина.

— Ты можешь выступить здѣсь, въ Римѣ, и въ Ахайи. Я удивляюсь тебѣ всѣмъ сердцемъ и умомъ, божественный! — отвѣтилъ Петроній.

— Я знаю. Ты черезъ-чуръ лѣнивъ, чтобы принуждать себя хвалить кого-нибудь противъ воли. И ты искрененъ, какъ Туллій Сенеціонъ, но понимаешь больше его. Скажи мнѣ, что ты думаешь о музыкѣ?

— Когда я слушаю поэзію, когда смотрю на колесницу, которую ты управляешь въ циркѣ, на прекрасную статую, прекрасный храмъ или картину, то охватываю взглядомъ то, что вижу въ цѣлости, и въ моемъ восторгѣ заключается все, что эти вещи могутъ дать. Но когда я слушаю музыку, въ особенности твою, передо мной открываются новые красоты и восторги. Я бѣгу за ними, хватаю ихъ, но, прежде чѣмъ восприму ихъ въ себя, они наплываютъ опять, новые и новые, какъ морскія волны, которыя идутъ изъ безконечности. И вотъ я говорю тебѣ, что музыка, это—море. Мы стоимъ на одномъ берегу и видимъ даль, но другого берега намъ разсмотрѣть невозможно.

— Ахъ, какой ты глубокой знатокъ! — сказалъ Неронъ.

Нѣсколько минутъ они прохаживались молча, только шафранъ тихо шелестѣлъ подъ ихъ ногами.

— Ты высказалъ свою мысль, — наконецъ, сказалъ Неронъ, — и поэтому я повторю, что во всемъ Римѣ только ты одинъ умѣешь понимать меня. Да. То же самое и я думаю о музыкѣ. Когда я играю и пою, я вижу такія вещи, о которыхъ я не зналъ раньше, существуютъ ли онѣ въ моемъ государствѣ или гдѣ-нибудь на свѣтѣ. Я цезарь, весь міръ принадлежитъ мнѣ, я могу сдѣлать все. А, однако, музыка открываетъ мнѣ новыя царства, новыя горы и моря и новыя наслажденія, которыхъ я не испытывалъ до сихъ поръ. Я не умѣю ни назвать ихъ, ни понять умомъ, — я только чувствую ихъ. Я чувствую боговъ, вижу Олимпъ. Какой-то неземной вѣтеръ вѣетъ на меня, сквозь туманъ я различаю какія-то громады, необъятныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясныя, какъ восходъ солнца... Весь *сферосъ*¹⁾ сверкаетъ вокругъ меня и я скажу тебѣ... (здѣсь голосъ Нерона задрожалъ неподдѣльнымъ изумленіемъ), что я, цезарь и богъ, въ эту минуту чувствую себя малымъ, какъ пылинка. Повѣришь ты этому?

— Да. Только великіе артисты чувствуютъ себя малыми передъ лицомъ искусства.

— Сегодня — ночь искренности и потому я открываю передъ тобою душу, какъ передъ другомъ, и скажу тебѣ еще больше... Ты думаешь, что я слѣпъ или лишенъ разума? Ты думаешь, я не знаю, что въ Римѣ, на домовыхъ стѣнахъ, пишутъ оскорбительныя и меня надписи, называютъ меня матереубійцей и женоубійцей... о меня считаютъ чудовищемъ и злодѣемъ потому, что Тигеллинъ въ требовалъ у меня нѣсколько смертныхъ приговоровъ для мои

¹⁾ О сферосѣ см. примѣч. въ майской книгѣ на стр. 158. Здѣсь „сферосъ“ о же, что „міръ“.

раговъ? Да, дорогой мой, меня считаютъ чудовищемъ, и я знаю то... О жестокости моей говорили столько, что я иногда самъ задаю себѣ вопросъ, дѣйствительно ли я жестокъ?... Но они не понимаютъ того, что дѣла человѣка иногда могутъ быть жестоки, а самъ человѣкъ можетъ быть не жестокимъ. Ахъ, никто не повѣритъ, даже, можетъ быть, и ты, дорогой мой, не повѣришь, что по временамъ, когда музыка взволновываетъ мою душу, я чувствую себя добрымъ, какъ ребенокъ въ колыбели! Блянусь тебѣ звѣздами, которыя горятъ надъ нами, что я говорю истинную правду: люди не знаютъ, сколько доброты живетъ въ этомъ сердцѣ и какія сокровища я самъ нахожу въ немъ, когда музыка откроетъ дверь, ведущую къ нимъ.

Петроній, который не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Неронъ въ эту минуту говоритъ искренно и что музыка, дѣйствительно, освобождаетъ наружу благородныя способности его души, заваленныя горами эгоизма, разврата и преступленій, сказалъ:

— Тебя нужно знать такъ близко, какъ знаю я. Римъ никогда не могъ оцѣнить тебя.

Цезарь сильнѣе оперся на плечо Виниція, какъ будто сгнбался подъ бременемъ несправедливости, и отвѣтилъ:

— Тигеллинъ говорилъ мнѣ, въ сенатѣ шепчуть, что Діодоръ и Терпносъ лучше меня играютъ на цитрѣ. Мнѣ хотять отказать даже и въ этомъ! Но ты, который всегда говоришь правду, скажи мнѣ откровенно: дѣйствительно ли они играютъ лучше меня, или такъ же, какъ я?

— Ничуть. Твой ударъ мягче и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у тебя больше силы. Въ тебѣ виденъ артистъ, въ нихъ—искусные ремесленники. Положительно, когда услышишь ихъ музыку, тогда только и поймешь, каковъ ты.

— Если такъ, то пусть они останутся живы. Они никогда не догадаются, какую услугу ты оказалъ имъ въ эту минуту. Наконецъ, еслибъ я осудилъ ихъ, то долженъ былъ бы взять другихъ на ихъ мѣсто.

— А люди, вдобавокъ, говорили бы, что ты изъ самолюбія губишь музыку въ государствѣ. Никогда не убивай искусства для искусства, божественный.

— Какъ ты отличаешься отъ Тигеллина!—отвѣтилъ Неронъ.— Но, видишь ли, собственно говоря, я во всемъ артистъ, и такъ какъ музыка открываетъ передо мною пространства, о существованіи которыхъ я не догадывался, страны, которыми я не владѣю, наслажденіе и счастье, какихъ я не испытывалъ, то я и не могу

жить обыкновенною жизнью. Музыка говоритъ мнѣ, что сверхъестественное существуетъ, и вотъ я ищу его со всею силой могущества, которое боги отдали въ мои руки. Иногда мнѣ кажется, что для того, чтобы достигнуть до этихъ олимпійскихъ мировъ, нужно сдѣлать что-нибудь такое, чего до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ, нужно превысить человѣческій уровень въ добрѣ или въ злѣ. Я знаю, люди обвиняютъ меня въ томъ, что я безумствую. Но я не безумствую, я только ищу, а если и безумствую, то съ скуки и отъ злости, что не могу найти. Я ищу, — понимаешь шепчешь? — и потому хочу быть больше, чѣмъ человѣкъ, ибо только такимъ способомъ могу быть великимъ артистомъ.

Онъ понизилъ голосъ такъ, чтобы Виницій не могъ его слышать, и, приложивъ губы къ ушамъ Петронія, шепнулъ:

— Знаешь ли, что поэтому собственно я осудилъ на смерть мать и жену? У вратъ незнаемаго міра я хотѣлъ принести величайшую жертву, какую только можетъ принести человѣкъ. Я думалъ, потому что-нибудь свершится, разверзнутся какія-нибудь двери, за которыми я увижу что-нибудь неизвѣстное. Пусть бы это удивляло или устрашало человѣческое пониманіе, только было бы необычайно и велико... Но этой жертвы было недостаточно. Чтобы отворить олимпійскія двери, очевидно, требуется бѣлая жертва, и пусть будетъ такъ, какъ хочетъ судьба.

— Что ты намѣренъ дѣлать?

— Увидишь, увидишь раньше, чѣмъ ты думаешь. А теперь знай, что живутъ два Нерона: одинъ такой, какимъ его знаютъ люди, другой — артистъ, котораго знаешь одинъ ты и который, если убиваетъ, какъ смерть, или безумствуетъ, какъ Бахусъ, то только потому, что его давитъ плоскость и ничтожество обычной жизни, и который хотѣлъ бы искоренить ихъ, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ огню или желѣзу... О, какъ пошлъ будетъ этотъ міръ, когда меня не станеть!... Никто еще не постигаетъ, даже ты, дорогой мой, какой я артистъ. Но поэтому — то я и страдаю, и искренно говорю тебѣ, что по временамъ душа моя бываетъ такъ же грустна, какъ тѣ кипарисы, что чернѣются передъ нами. Тяжело человѣку одновременно влачить бремя величайшаго могущества и величайшаго таланта.

— Цезарь, я сочувствую тебѣ всею душой, а со мною зѣна и море, не считая Виниція, который боготворитъ тебя въ душѣ

— Онъ всегда былъ пріятель мнѣ, — сказалъ Неронъ, — ты служить Марсу, а не музамъ.

— Онъ, прежде всего, служить Афродитѣ, — отвѣтилъ Петроній.

И онъ рѣшилъ сразу устроить дѣло племянника, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранить всѣ опасности, которыя могли угрожать ему.

— Онъ влюбленъ, какъ Троицъ въ Крессиду²⁾. Позволь ему, господинъ, ѣхать въ Римъ, иначе онъ весь изсохнетъ. Знаешь ли ты, что лигійская заложница, которую ты подарилъ ему, отыскалась въ Виницій, выѣзжая въ Антій, оставилъ ее подъ покровительствомъ какого-либо Линна? Я не говорилъ тебѣ объ этомъ, пока ты слагалъ свой гимнь,—потому что эта вещь важнѣе всего. Виницій хотѣлъ, чтобъ она сдѣлалась его любовницей, но когда она оказалась такъ же цѣломудренной, какъ Лукреція, влюбился въ ея добродѣтель и хочетъ жениться на ней. Она царская дочь и не умалить его достоинства, но онъ истинный солдатъ: вздыхаетъ, сохнетъ, стонетъ, но ждетъ разрѣшенія своего императора.

— Императоръ не выбираетъ женъ солдатамъ. На что ему мое разрѣшеніе?

— Господинъ, я говорилъ, что онъ боготворитъ тебя.

— Тѣмъ болѣе онъ можетъ быть увѣренъ въ разрѣшеніи. Красивая дѣвушка, но узка въ бедрахъ. Августа Поппеа жаловалась мнѣ, что она околдовала нашу дочь въ Палатинскихъ садахъ.

— Но я сказалъ Тигеллину, что божества не подчиняются злымъ вліяніемъ. Помнишь, божественный, какъ онъ смѣшался и какъ ты самъ крикнулъ: *habet!*

— Помню.

И Неронъ обратился къ Виницію:

— Ты любишь ее такъ, какъ говоритъ Петроній?

— Я люблю ее, господинъ!—отвѣтилъ Виницій.

— Тогда я повелѣваю тебѣ завтра же ѣхать въ Римъ, жениться на ней и не показываться ко мнѣ на глаза безъ вѣнчальнаго кольца.

— Благодарю тебя, господинъ, всѣмъ сердцемъ и душою.

— О, какъ пріятно дѣлать людей счастливыми!—сказалъ цезарь.— Хотѣлось бы мнѣ всю жизнь ничего другого не дѣлать.

— Окажи намъ еще одну милость, божественный,—сказалъ Петроній,—и объяви свою волю въ присутствіи Августы. Виницій никогда не осмѣлился бы жениться на существѣ, къ которому Августа питаетъ нерасположеніе, но ты, господинъ, однимъ словомъ разрѣшишь это, когда скажешь, что ты самъ повелѣлъ такъ.

²⁾ Троицъ—сынъ Пріама. О любви его къ Крессидѣ у древнихъ нѣтъ никакого извѣстія, и даже женщина съ этимъ именемъ у нихъ не упоминается. Свѣдѣніе это взято авторомъ изъ Шекспира.

— Хорошо, — сказалъ цезарь. — Тебѣ и Виницію я не могъ бы ни въ чемъ отказать.

Онъ повернулъ къ виллѣ, а патриціи пошли за нимъ, исполненные радости отъ одержанной побѣды. Виницій долженъ былъ воздерживаться, чтобъ не броситься на шею Петронію, — теперь ему казалось, что всѣ опасности и преграды устранены.

Въ атриі виллы молодой Нерва и Туллія Сенеціонъ занимали Августу разговоромъ, а Терпносъ и Діодоръ настраивали цитры. Неронъ, войдя, сѣлъ на кресло, выложенное черепахой, шеннулъ что-то стоящему рядомъ мальчику греку и остался въ ожиданіи.

Мальчикъ ушелъ и скоро вернулся съ толстымъ ящичкомъ. Неронъ открылъ его, выбралъ ожерелье изъ крупныхъ опаловъ и сказалъ:

— Вотъ камни, достойные сегодняшняго вечера.

— Въ нихъ играетъ зарница, — сказала Поппеа, убѣжденная, что ожерелье предназначается ей.

Цезарь то поднималъ, то опускалъ ожерелье, наконецъ, сказалъ:

— Виницій, это ожерелье ты подаришь отъ меня молодой лигійской царевнѣ, на которой я повелѣваю тебѣ жениться.

Взглядъ Поппеи, полный гнѣва и недоумѣнія, началъ переходить съ цезаря на Виницію, наконецъ, остановился на Петроніи, но тотъ, небрежно перегнувшись черезъ поручень кресла, водилъ рукою по грифу арфы, какъ будто хотѣлъ получше запомнить его форму.

Виницій выразилъ свою признательность за подарокъ, приблизился къ Петронію и сказалъ:

— Чѣмъ я могу отблагодарить тебя за то, что ты сдѣлалъ для меня сегодня?

— Принеси Эвтерпѣ ³⁾ пару лебедей, хвали пѣсни цезаря и смѣйся надъ предчувствіями, — отвѣтилъ Петроній. — Надѣюсь, что львиное рычаніе отнынѣ не будетъ прерывать ни твоего сна, ни сна твоей лигійской лиліи?

— Нѣтъ, — сказалъ Виницій, — теперь я совершенно спокоенъ.

— Да будетъ Фортуна благосклонна къ вамъ. Но теперь будь внимателенъ, — цезарь снова беретъ *формингу* ⁴⁾. Задержи дыніе, слушай и роняй слезы.

Дѣйствительно, цезарь взялъ формингу въ руки и поднялъ і

³⁾ Эвтерпа—муза пѣнія.

⁴⁾ Phorminx—струнный музыкальный инструментъ греческаго происхожденія.

а кверху. Говоръ въ залѣ утихъ и люди сидѣли неподвижно, какъ каменныя. Только Терпносъ и Діодоръ, которые должны были компанировать цезарю, посматривали то на его губы, то другъ на друга, въ ожиданіи первыхъ звуковъ пѣсни.

Вдругъ въ сѣняхъ поднялся шумъ и крикъ. Черезъ минуту изъ-за занавѣси показался отпущенникъ императора, Фаонъ, а слѣдъ за нимъ консулъ Леканій.

Неронъ нахмурилъ брови.

— Прости, божественный императоръ, — задыхающимся голо-
вомъ сказалъ Фаонъ, — въ Римѣ пожаръ! Большая часть города въ
огнѣ!...

При этой вѣсти всѣ вскочили съ мѣста. Неронъ положилъ
формингу и сказалъ:

— Боги!... Я увижу горящій городъ и окончу *Троика!*

Потомъ онъ обратился къ консулу:

— Если я выѣду сейчасъ, то успѣю увидать пожаръ?

— Господинъ! — отвѣтилъ блѣдный, какъ полотно, консулъ, —
надъ городомъ одно море огня; дымъ душитъ жителей и люди ли-
шаются чувствъ или теряютъ разумъ и бросаются въ огонь. Римъ
гибнетъ, господинъ!

Наступила тишина, которую прервалъ крикъ Виниція:

— *Vae misero mihi!*...⁵⁾

И молодой человѣкъ, сбросивъ тогу, въ одной туникѣ выбѣ-
жалъ изъ дворца.

А Неронъ воздѣлъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Горе тебѣ, священный градъ Пріама!...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁵⁾ „Горе мнѣ несчастному!“

• • •

Помедли улетать, мечтательница-грёза,
Продли блаженство чаръ, въ моей душѣ побудь...
Въ конецъ измучила томительная проза,
А ты даруешь свѣтъ, вливая счастье въ грудь.

Въ тебѣ еще жива поэзія святая,
Но въ мигъ, какъ снова ты умчишься въ свой чертогъ,
Какъ мрачныхъ демоновъ назойливая стая,
Мнѣ сердце возмутитъ зловѣщій рой тревогъ.

Сомнѣніе вползетъ змѣею ядоносной,
По жиламъ пробѣжитъ его проклятый ядъ,
А жизнь покажется столь жалкой и песносной,
Что предпочелъ бы ей, — не жить бы только, — адъ.

Л. Медвѣдевъ.

Русская былина, ея слагатели и исполнители *)).

Не имѣя въ виду исчерпать наблюденій надъ былинными зачинами, я кажу только на значеніе, которое они имѣютъ для критики былинъ и, быть можетъ, для ихъ хронологіи и исторіи сложенія. Извѣстный зачинъ могъ принадлежать вначалѣ одной былинѣ или группѣ былинъ объ одномъ богатырѣ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, тотъ же зачинъ могъ быть усвоенъ другимъ былинамъ, какъ удобный исходный пунктъ для слагателя, имѣннаго въ виду обдѣлать въ видѣ былинны какой-нибудь новый сюжетъ. Идѣ, въ настоящее время уже указано не мало чисто-сказочныхъ сюжетовъ, приврѣпившихся къ имени того или другого богатыря. Если мы вспомнимъ при этомъ, что съ извѣстнымъ зачиномъ былъ связанъ извѣстный *напѣвъ* и что напѣвъ запоминается скорѣе словъ и помнится тверже, то поймемъ, какое значеніе получаютъ зачины при сложеніи «новыхъ поудокъ на старыи ладъ».

Говоря о *зачинахъ*, нельзя не упомянуть и о томъ, что во множествѣ написанныхъ и изданныхъ былинъ мы не находимъ перечисленныхъ зачиновъ или имъ подобныхъ. По моимъ наблюденіямъ, такія былинны либо вообще плохи, т.-е. записаны отъ плохихъ сказителей, либо представляютъ отдѣльное похождение какого-нибудь богатыря ¹⁾, извѣстнаго нѣсколькими подвигами, такъ что составляютъ какъ бы часть, отторгнутую отъ цѣлаго.

Помимо нѣсколькихъ стереотипныхъ зачиновъ, слагатель новой былинны выѣтъ передъ собою цѣлую массу старыхъ эпическихъ матеріаловъ, годныхъ для новой постройки. Я говорю о давно установившихся описаніяхъ, представляющихъ рядъ передвижныхъ картинокъ, которыя могутъ быть расходумы по мѣрѣ надобности при каждомъ подходящемъ случаѣ. Поясню это примѣрами.

Если богатырь, по требованіямъ сюжета, выѣзжаетъ изъ родительскаго дома, то обязательно просить благословенія у родителей, чаще у матушки, въ такихъ словахъ:

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

¹⁾ См., наприм., былинны о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца: *Гилеф.*, №№ 221, 266, 271.

„Ты родитель, моя матушка,
 Дай прощеньце съ благословеньцемъ
 Взять мнѣ къ“ (такому-то городу).

Затѣмъ:

„Онъ добра коня засѣдываетъ,
 На коня накладываетъ потничекъ,
 Потничекъ то онъ кладетъ шелковенькій,
 А на потничекъ—подпотинокъ,
 На (под)потинокъ сѣдельшко черкасское,
 Черкасское сѣдельшко недержано,
 Подпатывалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Тринадцатый для-ради крѣпости,
 Чтобы въ чистомъ полѣ конь съ ногъ сѣдла не выскочилъ,
 Добра молодца въ полѣ не выронилъ;
 А стремяночки подкладывалъ булатныя,
 Пращечки-то красна золота,—
 Да не для красы угожества,
 Ради крѣпости все богатырскойей:
 Шелковы подпруги таятуса—вѣ рвутся,
 Да булатъ желѣзо гнется—не ломается,
 Пращечки-то красна золота,
 Онѣ мокнуть да не ржавѣютъ,
 И садится (богатырь) на добра коня,
 Видѣли добра молодца садучи,
 Да не видѣли удалого поѣдучи“ и т. д.

Для сказки богатыря давно усвоена такая картинка:

„Скакалъ онъ выше гѣсу стоячаго,
 Чуть пониже облака ходячаго,
 Съ горы на гору перескакивалъ,
 Рѣки-озера перескакивалъ,
 Широки раздолья (мелки рѣки) промежъ ногъ пуцалъ“ и т. л.

Чтобъ изобразить ловкость и удалъ молодца на конѣ въ чистомъ полѣ,
 можно взять слѣдующую обычную картинку:

„А кидаетъ онъ палицу булатную,
 Подъ облако, подъ ходячее,
 Одной рукой палицу подхватываетъ,
 Какъ перомъ лебединымъ погнриваетъ“.

Если богатырю приходится стрѣлять, то:

„Вынималъ онъ изъ налучна тугой лукъ,
 Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
 И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
 Калену стрѣлу во правую,
 Накладываетъ стрѣлочку каленую,
 На тетивочку шелковую,
 Натянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
 Калену стрѣлу семи четвертей:
 Заскрипѣли полосы булатныя,
 И завылн рога у туга лука,
 Стѣла тетивочка шелковая,
 Полетѣла стрѣлочка каленая“, и т. л.

Если богатырь прїѣзжаетъ къ какому-нибудь лицу на шпрокій дворъ, тогда онъ:

„Привязываетъ добра коня
У того ли столба у точенаго,
У того кольца золоченаго,
Заходить въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладезь да по писаному,
Поклонъ ведеть да по ученому,
Бьетъ челою да поклоняется
На всѣ четыре на стороны
(Такому-то) во особину“.

Если его видятъ впервые, то ему предлагаютъ обычные вопросы:

„Ты откуда, удалый добрый молодець,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца матери,
Какъ тебя по имени зовутъ,
Нарекать по изотчнѣ?“

Если за этия слѣдуетъ угощенье, «ѣствшкой сахарной и питьямъ медвянами», то, при поднесеніи чары въ полтора или полтретья ведра, молодець

„Скоро встаетъ на ножки рѣвья,
Береть чарочку да во бѣлы руки.
Поднимаетъ ее одною рукой,
Испиваетъ-то ее единымъ духомъ“ и т. д.

Если на пиру идетъ похвальба, то и она выливается въ опредѣленные формы:

„Всѣ-то на пиру напивались,
Всѣ на честномъ наѣдались,
Всѣ на пиру порасхвастались,
Иной хвастаетъ городами съ пригородами,
Иной хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Разумный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женою“ и т.

Если слагателю понадобится картина поспѣшности, если кого-нибудь застали врасплохъ, то это лицо обязательно

„Накидываетъ шубочку на одно плечо,
Выскакиваетъ въ тонкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Въ тонкой бѣлой рубашкѣ безъ пояса“.

Если встрѣтитъ молодець дѣвицу или добудеть ее, то я тутъ есть установленный прїемъ обращенія:

„Онъ беретъ ее за ручушки бѣлыя,
Беретъ за перстки за злаченыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя“.

Если сказителю нужно изобразить заставу богатырскую, то онъ припомнить, что мимо ея

„Никто пѣхотой не прохаживалъ,
На добромъ конѣ не проѣзжисалъ,

Черный воронъ не пролетывалъ,
Лютый звѣрь не прорыскивалъ“.

Если нужна картинка богатыхъ *даней-выходовъ*, то онъ запомнитъ обычный составъ:

„Двѣнадцать лебедей, да двѣнадцать кречетовъ,
Двѣнадцать сивыхъ соколовъ,
Двѣнадцать мисъ красна золота,
Двѣнадцать мисъ чиста серебра,
Двѣнадцать мисъ скатна жемчуга“ и т. д.

Словомъ, при просмотрѣ нашего былиннаго репертуара окажется длинный рядъ такихъ шаблонныхъ описаній, такихъ общихъ мѣстъ, которые сложились искони, застыли и передвигаются сказителями весьма свободно изъ одной былинны въ другую. Нечего и говорить, насколько эти трафареты облегчали созданіе новыхъ былинъ, т.-е. обработку новыхъ сюжетовъ въ былинную форму, и содѣйствовали появленію многочисленныхъ вариантовъ одного и того же былевого сюжета.

Другой приемъ, растягивающій былевой рассказъ, это—многочисленныя повторенія однихъ и тѣхъ же стиховъ, такъ сказать, эпическая *ретардація*. Для поясненія этого приема приведемъ нѣсколько примѣровъ наудачу, такъ какъ ихъ можно найти въ обиліи почти въ каждой длинной былинѣ.

Въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ сказителя Балнинна ¹⁾ князь Владимиръ даетъ разныя порученія тремъ богатырямъ: Ильѣ Муромцу, Добрыѣ Никитичу и Потыку Михайловичу, первому—сѣздить за данью въ Каменну орду, второму—въ Золотую орду, третьему—въ землю Подольскую. Видѣто того, чтобы прямо заявить свое согласіе, Ильѣ Муромецъ въ своемъ отвѣтѣ повторяетъ цѣликомъ данное ему княземъ порученіе:

„Испроговорить казакъ да Илья Муромецъ:
—„Ахъ ты солнышко Владимиръ стольно-киевской!
Отправляй-ко ты меня да въ большу землю,
Во большуд ту землю да въ Каменну орду,
Тамъ повыправлю да дани выходы,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною“.

Вслѣдъ за нимъ встаетъ Добрыня Никитичъ и повторяетъ то же самое, замѣнивъ слова «Каменну орду» словами «Золоту орду», а далѣе тотъ же отвѣтъ съ замѣной «Золотой орды» «землею Подольской» цѣликомъ ввѣгается въ уста Потыка Михайловича. Послѣ этого

„Первый русьскій могучій богатырь,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранѣхонько,
Умывается онъ да бѣдѣхонько,
Снаряжается да хорошоконько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,

¹⁾ Гильф., № 6—Рубн., т. IV, № 12.

Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладѣ войлочки,
А на войлочки червальское сѣдельшко“ и проч.,

т.-е. повторяется безъ сокращенія «общее мѣсто» — картина сѣдланія. Затѣмъ

„Другія русьскій могучи бѣгатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрышку ранѣховко“ и т. д.

Наконецъ, то же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ разсказывается о третьемъ «русскомъ могучемъ богатырѣ», Михайлѣ Пѣтыкѣ сынѣ Ивановичѣ. Такимъ образомъ, осложняясь повтореніями, ходъ былины тянется крайне медленно, не особенно богатая содержаніемъ былина достигаетъ огромныхъ размѣровъ — почти тысячи стиховъ.

Думаю, что вообще въ развитыхъ (а не скомканныхъ) былинахъ доля повтореній составляетъ не меньше трети. Если при этомъ принять во вниманіе обычныя общія мѣста, то, съ одной стороны, становится понятнымъ, почему былина съ очень небогатымъ содержаніемъ можетъ достигнуть нѣсколькихъ сотенъ стиховъ, съ другой — почему одинъ и тотъ же сюжетъ получаетъ такую различную разработку, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи объема, въ устахъ различныхъ слагателей-сказителей. Выражаюсь такъ потому, что сказитель, какъ мы видѣли, является каждый разъ до нѣкоторой степени слагателемъ былины, такъ какъ онъ не можетъ повторить ее снова безъ нѣкоторыхъ измѣненій — перестановокъ, пополненій или опущеній.

Изъ вышесказаннаго видно, что въ нашихъ былинахъ выдѣленіе *сotto voce* эпического матеріала, которымъ пользовались слагатели, не представляетъ труда. Обращаю при этомъ случаѣ вниманіе на тотъ интересъ, который съ этой стороны представляютъ наши былины для изученія технической стороны сложныхъ эпоей, вродѣ Илиады и Одиссеи, въ основѣ которыхъ также нѣкогда были отдѣльныя пѣсни, обнимавшія цѣлый эпическій циклъ и слагавшіяся рапсодами. Извѣстно, что на изученіи составныхъ частей греческихъ эпоей изощряется критика западно-европейскихъ филологовъ школы Лахмана и Кирхгофа. Одинъ изъ изслѣдователей Гомера, Роте (Rothe), не такъ давно (въ 1890 году) издалъ остроумное изслѣдованіе «о значеніи повтореній для гомерическаго вопроса» ¹⁾, въ которомъ онъ пришелъ къ тому выводу, что повтореніе однихъ и тѣхъ же или сходныхъ чертъ въ изображеніяхъ у Гомера, точно также какъ совпаденіе въ стихахъ, вовсе не объясняется тѣмъ, что слагатель въ одномъ мѣстѣ подражалъ другому, но тѣмъ, что слагатели имѣли въ своемъ распоряженіи наслѣдованныя изстари типическія стихотворныя мѣста. Такой фондъ поэтическихъ формулъ, выкованныхъ долгимъ употребленіемъ, существовалъ уже у слагателей (пѣвцовъ) самыхъ древнихъ, достижимыхъ нашему анализу, пѣсней, и они усвоили его памятью при тщательномъ изученіи наузустъ. Только путемъ традиціи, свя-

¹⁾ „Die Bedeutung der Wiederholungen für die Homerische Frage“, въ Лейпцигѣ, 1891 (въ вѣводу 200-лѣтія французской гимназій въ Берлинѣ).

то оберегаемой въ поэтической школѣ въ теченіе многихъ столѣтій, имѣть выработанный тотъ выдержанный однообразный эпическій тонъ, который проникаетъ греческій эпосъ и придаетъ мыслямъ и рассказамъ многочисленныхъ поэтовъ-слагателей характеръ однородный, такъ что эпопеи могла представляться произведеніемъ одного поэта ¹⁾. Такимъ образомъ, тѣ выводы, до которыхъ путемъ продолжительнаго изученія и самаго тщательнаго анализа доходить нѣмецкая гомерическая критика, — эти выводы, повторяю, подтверждаются сравнительно легко наблюденіями надъ современнымъ намъ состояніемъ русской былевой традиціи.

Кромѣ отдѣльныхъ эпическихъ картинокъ или поэтическихъ формулъ, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ слагателей, они располагали и запасомъ *красокъ*, которыми окрашивали отдѣльные предметы, входившіе въ описаніе и рассказъ. Я разумѣю готовый фондъ постоянныхъ, исконно утвердившихся эпитетовъ. Собственно говоря, постоянные эпитеты составляютъ принадлежность вообще языка народныхъ произведеній и не относятся специально къ языку былинъ. Но я все же считаю не лишнимъ остановиться на нихъ, во-первыхъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ только былевой поэзіи, такъ какъ прикрѣплены къ лицамъ и предметамъ, специально входящимъ въ ея оборотъ (наприм., къ именамъ богатырей, народовъ, странъ, городовъ и т. д.); во-вторыхъ, потому, что въ ихъ употребленіи иногда можно подмѣтить тѣ же черты, что въ эпитетахъ греческаго (или германскаго) эпоса, причемъ эти черты въ былинныхъ эпитетахъ могутъ служить хорошимъ комментариемъ къ гомерическимъ.

Поясню это примѣрами. При чтеніи Гомера мы часто наблюдаемъ, какъ удачно поэтъ выбралъ тотъ или другой эпитетъ изъ фонда, находившагося въ его распоряженіи, для характеристики того или другого лица или предмета. Но нерѣдко украшающій эпитетъ (*epitheton ornans*) повторяется, какъ бы безсознательно, тамъ, гдѣ онъ кажется намъ совершенно неумѣстнымъ ²⁾. Неумѣстнымъ, наприм., представляется эпитетъ корабля «быстрый», когда корабль спокойно стоитъ въ гавани, или эпитетъ неба «звѣздное», въ то время, когда свѣтитъ солнце; если преступникъ Еврипахъ называется «богоравнымъ», свинопасъ — «властителемъ людей», если при ругательствахъ лицо, на котораго сыплются ругательства, называется тутъ же *божественнымъ* или *Зевсомъ хранимымъ*. Очевидно, что эпитетъ уже потерялъ свою первоначальную свѣжесть, образность и ходитъ въ школѣ пѣвцовъ, какъ ходячая монета, иногда расходуемая кстати, иногда зря, машинально. То же самое явленіе, но въ гораздо большей степени наблюдается и въ нашихъ былинахъ, по которымъ не прошла рука поэта-художника. Почти въ каждой былинѣ мы найдемъ примѣры такого безсознательнаго употребленія эпитетовъ, причемъ иногда получаются, на нашъ взглядъ, удивитель-

¹⁾ См. статью Caesur'a: „Eine Schwäche der homerischen Denk art“ въ *Rheinisches Museum f. Philologie*. 47 Band., 1 Heft., 1892, стр. 107.

²⁾ См. примѣры у *Karl Franke*: „De nominum propriorum epithetis Homericis“ (Greifswald, 1887).

ия наивности и курьёзы. Намъ извѣстно, что князь Владиміръ постоянно зывается «ласковымъ», и дѣйствительно, иногда своею щедростью и привѣтливостію онъ оправдываетъ этотъ эпитетъ, прикрѣпившійся къ нему, очевидно, очень давно. Однако, въ нѣкоторыхъ былинахъ Владиміръ поступаетъ очень неласково. Въ былинѣ о Калинѣ разсказывается, что за то, что Илья пришелъ незваннымъ на пиръ, Владиміръ приказалъ посадить ю въ глубокой погребъ и «поморить смертью голодною». Но этотъ погупокъ съ любимымъ народнымъ богатыремъ нисколько не мѣшаетъ скаителю тутъ же называть Владиміра «ласковымъ». Дружина Калина называется «хороброю», хотя со всею ею справился одинъ Илья Муромецъ и азогналъ этихъ храбрецовъ во все стороны; татаринъ Калинъ царь, тправляя своего посла въ Кіевъ, говорить ему, нисколько не иронизируя, то было бы неумѣстно:

„Ай же ты поганни татарищю!
Знаешь говорить да ты ко русскому,
А мычать про себя да по татарскому,
Снеси-ко ты писѣмшико ко князю ко Владиміру 1)!“

Впрочемъ, и посолъ не остается въ долгу и съ тою же эпическою наивностью, передавая порученіе своего повелителя, преспокойно называетъ его «собака-Калинъ царь».

„Очищай-ко ты (Владиміръ) все улички стрѣлецкія,
Все великіе дворы да княженецкія,
По всему-то городу по Кіеву,
А по всемъ-то переулкамъ княженецкімъ
Наставь сладкихъ хмѣльныхъ напитковъ,
Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пѣ-близку,
Чтобы было у чего стоять собаки царю Калину
Со своими-то войсками со великими
Во твоемъ во городѣ во Кіевѣ“ 2).

Отмѣчу еще любопытное употребленіе эпитетовъ, обозначающихъ возрастъ богатырей: такъ, Илья Муромецъ постоянно называется *старымъ* казакомъ, Добрыня Никитичъ *молодымъ*, такъ же, какъ Алеша Поповичъ, князь Владиміръ и друг. Установленный такимъ образомъ эпическій возрастъ остается неизмѣннымъ, и въ большинствѣ былинъ, разсказывающихъ отдѣльные подвиги того или другого богатыря, ихъ обычные эпитеты кажутся намъ естественными. Но есть былины, въ которыхъ, по ходу разсказа, богатыри, казалось бы, должны старѣть, а, между тѣмъ, они сохраняютъ одинъ и тотъ же возрастъ. Такъ, Добрыня, прослуживъ лѣтъ двѣнадцать при князѣ Владимірѣ въ разныхъ должностяхъ, продолжаетъ называться послѣ этого *молодымъ*, и онъ же оказывается молодымъ и даже называется матерью «дитѣ мое милое», когда послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія возвращается въ Кіевъ и узнаетъ, что его «молода» жена (такъ

1) Гиллф., № 57.

2) Гиллф., № 75.

же сохранившая свой прежній возрастъ), выходить за «молода» Алешу Никопича, который также уже назывался молодымъ раньше отъезда Добрыни. Особенно ярка такая несообразность въ нѣкоторыхъ сводныхъ былинахъ: объ Ильѣ Муромцѣ, въ которыхъ представляется его исцѣленіе калѣками и первый выѣздъ изъ дому. Здѣсь оказывается, что Илья уже старымъ казакомъ, какъ только выѣхалъ за ворота родительскаго дома. Впрочемъ нужно замѣтить, что *нестарые* богатырскихъ лицъ рѣже бросается намъ въ глаза, чѣмъ въ сложныхъ эпопеяхъ, наприм., Нибелунгахъ и Одиссеѣ. В нихъ, несмотря на нерѣдкія указанія большихъ промежутковъ времени, возрастъ героевъ и героинь также остается неизмѣннымъ. Пенелопа и черезъ 20 лѣтъ послѣ рожденія Телемаха продолжаетъ сиять красотой молодости, Гизельхеръ черезъ 36 лѣтъ послѣ начала своей героической карьеры продолжаетъ называться мальчикомъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать механическое употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, встрѣчающееся какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ эпосахъ. Но для характеристики роли эпическихъ формулъ, на которую я уже указалъ выше, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что не одни эпитеты, но и цѣлыя традиціонныя картинки (*loci communes*) не всегда употребляются сказителями умѣстно. Мы видѣли, что отъѣзжающій богатырь проситъ въ обычной формулѣ благословенія у родителей. Эта картинка вполне умѣстна, наприм., тамъ, гдѣ Добрыня, выѣзжая на змѣборство, проситъ благословенія у своей матери «матерой» вдовы, или гдѣ Илья Муромецъ беретъ у батюшки, у матушки «прощеньице-благословеньице» ѣхать въ столичный Кіевъ-градъ. Но уже страннымъ и неумѣстнымъ является то же эпическое христіанское благословеніе родительское, наприм., когда его проситъ у своего отца язычника Вахрамѣя Вахрамѣевича волшебная дѣвица Марья лебедь бѣлая:

„Летать-то мнѣ по тихимъ заводямъ,
А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ
Бѣлой лебедью три года...“

На ряду съ безсознательнымъ употребленіемъ эпическихъ формулъ можно поставить и такіе случаи въ нашихъ былинахъ, когда сказитель въ разсказѣ о какомъ-нибудь дѣйствіи эпическаго лица некстати припоминаетъ аналогическое дѣйствіе другого лица въ другомъ былинномъ сюжетѣ и переноситъ въ свой разсказъ детали, неумѣстныя изъ другого сюжета. Такъ, наприм., въ былинахъ о змѣборствѣ Добрыни нерѣдко встрѣчается такой эпизодъ: Добрыня купается въ Пучай-рѣкѣ и какія-то стоящія на берегу дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, чтобъ онъ не купался нагимъ тѣломъ; Добрыня, однако, не слушаетъ ихъ предостереженія и никакихъ дурныхъ послѣдствій для него отсюда не вытекаетъ. Очевидно, что дѣвицы-портомойницы не входили прежде въ планъ быliny и забрался въ нее изъ былинъ о Васильѣ Буслаевѣ только благодаря эпической аналіи. Василій Буслаевъ, этотъ удалецъ, не вѣрующій ни въ сонъ, ни въ чохъ, а только въ «червленый вязъ», купается въ Ирдань-рѣкѣ «нагимъ тѣ-

юмъ». Дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, говоря, что онъ долженъ купаться въ сорочкѣ, ради святости рѣки, и что «нагимъ тѣломъ» въ ней купался только самъ Иисусъ Христосъ. Васыка не слушаетъ увѣщанія портомойницъ, отпускаетъ имъ крупную ругань, и за такое святотатство, также какъ за другія проявленія своего упрямства, платитъ жизнью. Очевидно, при купаньи Добрыни въ Пучаѣ нѣкоторые сказители припомнили купанье Василья Буслаева въ Иордани и изъ этого сюжета некстати перенесли въ былинну о Добрыни *портомойницъ*, которыхъ присутствіе и рѣки не получаютъ, однакожь, на новомъ мѣстѣ никакого значенія. То, что случилось съ нашими сказителями, повидимому, случилось и съ греческими рапсодами, на что можно найти указанія въ статьѣ Кауера ¹⁾, хотя нужно думать, что редакторская рука кое-гдѣ сгладила подобныя шероховатости. Такъ, въ 3-й пѣснѣ Одиссеи (ст. 72—74) Несторъ ставитъ прѣхавшимъ къ нему въ гости царевичу Телемаху и Мензору нѣсколько странный вопросъ, не морскіе ли они разбойники. Фукидидъ (I, 5) выводитъ отсюда, что въ древнія времена греки смотрѣли на пиратство, какъ на ремесло нисколько не постыдное. Древній критикъ Аристархъ, однако, возражалъ на это, указывая, что вопросъ Нестора, обращенный къ мирнымъ гостямъ, совершенно неумѣстенъ. «Объясняется ли этотъ вопросъ Нестора тѣмъ, — спрашиваетъ Кауеръ, — что поэтъ въ данномъ случаѣ не выдержалъ характера почтеннаго царя Нестора и приписалъ ему безтактность? Это возможно». Но для Кауера болѣе вѣроятнымъ представляется слѣдующее объясненіе, къ которому присоединяюсь и я: «Если мы вспомнимъ, — говоритъ онъ, — что тѣ же самыя слова мы находимъ въ X пѣснѣ Одиссеи (ст. 253 и слѣд.) въ устахъ Циклопа, къ грубому міросозерцанію котораго они вполне подходятъ, то мы отдадимъ предпочтеніе предположенію, что эти слова были впервые созданы въ пѣснѣ о Циклопѣ, гдѣ они уместны, и затѣмъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ поэтомъ были неудачно введены въ 3-ю пѣсню и вложены въ уста Нестора».

Въ нашихъ былинахъ подобныя несообразности въ перенесеніи деталей обстановки гораздо чаще и ярче. Подѣзжая къ широкому двору княженецкому, богатыри привязываютъ коней къ *точеному* столбу. Но нрѣдко богатыри ночуютъ среди чистаго поля, и здѣсь также оказывается «точеный» столбъ, какъ будто богатырь возить его съ собой ²⁾. Точно также, когда богатырю Ильѣ Муромцу, скрученному татарами въ ихъ лагерь чебурами или путинами шелковыми, нужно помолиться передъ его извѣстнымъ подвигомъ (маханіемъ татаринომъ), то у татаръ даже оказывается *церковь соборная* ³⁾, которую они, нужно думать, привезли съ собой.

Изъ предшествующаго разсмотрѣнія технической стороны нашихъ былинъ позволяю себѣ сдѣлать выводъ, что участіе въ ихъ исполненіи про

¹⁾ *Causer*: „Eine Schwäche der Homerischen Denkart“, помѣщ. въ журналѣ *Rhinisches Museum*. Band 47, Heft 1, p. 110.

²⁾ *Гиллбердинъ*, № 57 (столб. 308).

³⁾ *Гиллбердинъ*, столб. 309.

фессіональныхъ пѣвцовъ, составлявшихъ корпорацію, какъ старинные скomorохи или нынѣшніе калики-слѣпцы, представляется несомнѣннымъ. Только путемъ передачи былинной техники изъ поколѣнія въ поколѣніе, учителямъ ученику, объясняются рассмотрѣнныя нами черты былины: ея загѣвы, исходы, поэтическія формулы или loci communes, постоянные эпитеты и вообще весь ея складъ. Думать, что всѣ эти формы установились путемъ той, болѣе или менѣе случайной, традиціи, которую мы застаемъ еще въ настоящее время среди крестьянъ Олонецкой губерніи, нѣтъ возможности. Крестьяне были только послѣдними хранителями (нерѣдко и искажителями) былиннаго репертуара. Но онъ сложился въ другой средѣ, и традиціонныя формы былины, вся ея техника, нѣкогда, и, притомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, вырабатывалась въ средѣ профессиональныхъ пѣвцовъ и берегалась, посредствомъ обученія, гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ нынѣшней средѣ олонецкихъ пѣтарей, сказителей и каликъ.

Выше я привелъ данныя изъ былинъ, указывающія на то, что онѣ входили прежде въ репертуаръ профессиональныхъ пѣвцовъ, отъ которыхъ затѣмъ перешли къ олонецкимъ крестьянамъ. Я предположилъ, что такими профессиональными пѣвцами были, главнымъ образомъ, древне-русскіе скomorохи. Для подтвержденія этой мысли считаю необходимымъ представить извѣстныя въ нашей литературѣ свѣдѣнія объ этихъ «веселыхъ людяхъ», какъ называютъ ихъ наши пѣсни и былины ¹⁾).

Скомороховъ давно приводятъ въ связь съ представителями народнаго веселья въ греко-римскомъ мірѣ, мимами, проявившими свое разнообразное искусство при народныхъ празднествахъ. Институтъ мимовъ является наслѣдіемъ древней культуры, уцѣлѣвшимъ отъ погрома народныхъ передвиженій начала среднихъ вѣковъ. *Мимы* и *истріоны* встрѣчаются уже при дворѣ первыхъ германскихъ влaстителей ²⁾ и получили уже рано чисто-нѣмецкое названіе *шпильмановъ*. Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ церковъ явилась открытымъ врагомъ шпильмана, причисливъ его званіе и занятія къ крайне грѣховнымъ. Государство ограничивало до крайности ихъ юридическія права, церковъ лишала ихъ причастія, громила ихъ проповѣдью и постановленіями соборовъ. Но, тѣмъ не менѣе, эти бродячіе пѣвцы, фокусники и плясуны были любимы народомъ, являясь на его играхъ, свадьбахъ, пирахъ, похороны и, какъ носители культурнаго преданія, близкаго по уровню къ духовному кругозору народа, распространяли въ немъ новыя пѣсни и сказки, заговорныя формулы, поражали его воображеніе любопытными фокусами, забавляли его пляской, маріонетками, медвѣдями, собаками и пр. До насъ дошелъ рядъ средневѣковыхъ памятниковъ, зъ

¹⁾ О скоморохахъ см. изслѣдованія акад. А. Н. Веселовскаго (*Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха*, № VII, стр. 149 и слѣд.); А. С. Фаминцына (*Скоморохи на Руси*. Спб., 1889 г.); также И. Бѣляева (*О скоморохахъ, во Времени и И. М. Общ. Исторіи и Древностей* 1854 г., стр. 79).

²⁾ А. Н. Веселовскій, назван. соч., стр. 149.

комящихъ насъ съ разнообразною литературною и художественною программой шпильмана или жонглёра. Они умѣли играть на разнообразныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть всякія пѣсни, разыгрывать сцены, надѣвая *личины*, ходили по канату, прыгали черезъ кольца, играли мячомъ и пр. Впослѣдствіи литературная сторона ихъ дѣятельности начинаетъ сильнѣе проявляться. Въ репертуаръ нѣмецкихъ шпильмановъ входятъ эпическія и историческія пѣсни, новеллы, басни, загадки, пословицы ¹⁾. Французскіе жонглёры также соединяли неизмѣнное искусство фygляра съ литературными вкусами. Они поютъ *chansons de geste*, но знаютъ и прищипы сказанія, библейскія и классическія, сказки, соблазнительныя фабліо и пр. Вообще въ ихъ профессіи въ XII—XIII в. замѣчается дифференціація. Въ то время, какъ одна часть жонглёровъ спускается до роли площадного шута, возбуждающаго смѣхъ циническими выходками, и шарлатана-знахаря, другіе идутъ въ литературу и не только поютъ сложенные другими пѣсни, но и сами слагаютъ ихъ и перерабатываютъ старыя.

Бродячіе потѣшники съ такимъ же разнообразнымъ репертуаромъ уже рано являются въ славяно-русскомъ мѣрѣ подъ разными именами. Нѣмецкое слово шпильманъ зашло къ славянамъ, по мнѣнію Востокова, еще въ X—XI вв. съ приходившими отъ нѣмцевъ представителями этой профессіи. Но еще большее распространеніе получило названіе *скомраха*, русское *скомороха*, зашедшее къ славянамъ, повидимому, изъ Византіи. Этимологія этого имени, впрочемъ, не можетъ считаться вполне разъясненной. Нѣкоторые (Веселовскій) возводятъ его къ арабскому слову *паххага* — шутка, шуть, гистріонъ. На Западѣ арабское слово перешло въ значеніе буффона, потѣшника, но приняло и новое—ряженого, маски; названіе *скомраха* объясняютъ, хотя не вполне точно, перестановкой изъ *маскарасъ* ²⁾, чрезъ переходную форму *скамарасъ*. Въ виду фонетическихъ недочетовъ этого производства, недавно проф. Киричичевъ ³⁾ предложилъ другое, впрочемъ, также далеко не убѣдительное, изъ предполагаемаго имъ греческаго слова, неизвѣстнаго въ памятникахъ.

Каково бы ни было происхожденіе названія *скомороховъ*, на Руси они были, несомнѣнно, людьми зажими, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, ихъ нерусскій костюмъ. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ латинскомъ костюмѣ и кротополіи. Зашедши на Русь вмѣстѣ съ другими атрибутами культуры Византіи, *скоморохи* скоро акклиматизировались въ народъ и начали уже рано вербовать въ свои труппы охочихъ людей изъ русскихъ, такъ что хотя среди нихъ традиціонно сохранялись типическіе костюмы и приемы ихъ искусства, однако, содержаніе въ этихъ прежнихъ формахъ близко примыкало уже къ русскому народному обычаю. Какъ названіе пришлое, слово *скомороха* должно было имѣть опредѣленное техни-

¹⁾ Тамъ же, стр. 174.

²⁾ Веселовскій, стр. 182.

³⁾ Къ вопросу о древне-русскихъ *скоморохахъ*. 1891 г.

ческое значеніе, обозначать нѣчто такое, чего дохристіанская Русь не знала; пѣвцы и музыканты, безъ сомнѣнія, были у насъ,—стало быть, скоморохи первоначально ни то, ни другое,—но у насъ не было такихъ фигляровъ, какихъ зналъ Константинополь, и не было представителей театральнаго искусства ¹⁾. Вѣроятно, первоначально скоморохи были тѣми и другими. Самое раннее на Руси изображеніе скомороховъ, вѣроятно, византійскихъ, находится на извѣстныхъ фрескахъ дѣстницы Кіево-Софійскаго собора, объясненіемъ которыхъ въ последнее время занимались проф. Кондаковъ и его ученики гг. Рѣдинъ и Айналовъ ²⁾. Здѣсь мы находимъ фигуры рожженныхъ музыкантовъ, паяцовъ, акробатовъ и фигляровъ; всѣ актеры изображены въ одеждахъ скомороховъ,—либо въ короткихъ туникахъ съ разрѣзными полами, либо (арфисты) въ длинныхъ, перетянутыхъ поясомъ, кафтанахъ, которые еще въ XIV—XV ст. извѣстны, какъ обычный костюмъ заходившихъ скомороховъ-шпильмановъ, паяцовъ на Руси, наприм., въ Новгородѣ, на что указываетъ изображеніе послѣднихъ въ миниатюрахъ новгородскихъ рукописей ³⁾. Отношеніе церкви къ скоморохамъ было на Руси то же, что въ Византіи и на Западѣ. Наши проповѣдники пользовались въ своихъ выходкахъ противъ «богомерзкихъ, бѣсовскихъ» пѣсенъ и увеселеній, противъ скоморошескихъ переодѣваній и игръ стариннымъ византійскимъ оружіемъ, повторяли выраженія византійскихъ проповѣдниковъ, переначивая ихъ въ частностяхъ согласно съ условіями русской жизни. Въ этихъ проповѣдяхъ, начиная съ XI в., появляются свидѣтельства о пристрастіи народа къ скоморохамъ. Такъ, въ поученіи, приписываемомъ преподобному Теодосію, *О казняхъ Божіихъ*, мы читаемъ: «Друзія зачуханью вѣруютъ, юже бываетъ многажды на здравіе главѣ; но сими дьяволъ лститъ и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влѣхованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзонманіемъ, приклады, татбою и лжею, завистию, клеветою, зубами, скоморохи, гуслими, сапѣлими и всякими играми и дѣлеси неподобными» ⁴⁾. Въ изданномъ академикомъ Срезневскимъ поученіи зарубскаго черноризца Георгія (по рукоп. XIII в.), обращенномъ къ какому-то юному духовному чаду, принадлежавшему къ знатному роду, встрѣчается, между другими наставленіями, слѣдующее: «Смѣха бѣган лихаго скомороха» ⁵⁾. Гораздо обильнѣе становятся извѣстія о скоморохахъ въ московскій періодъ: видно, что скоморохи принимали значительное участіе въ народныхъ забавахъ, являлись необходимымъ атрибутомъ свадебнаго веселья. Въ опредѣленіяхъ *Столава* (1551 г.) читается

¹⁾ *Кирпичниковъ*, стр. 15.

²⁾ Н. П. Кондаковъ: «О фрескахъ дѣстницы Кіево-Софійскаго собора». *Зам. Н. Р. Археол. Общ.* 1888 г., т. III. Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ: «Кіево-Софійскій юборъ». Спб., 1889 г. См. *Кирпичниковъ*, стр. 12.

³⁾ *Кирпичниковъ*, назван. соч., стр. 13.

⁴⁾ *Ученія Записки 2-го стд. Акад. Н.*, кн. II, вып. II. Спб., 1856 г., стр. 15.

⁵⁾ *Своднія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*, № II, 1867 г.

такое запрещеніе: «Еъ вѣнчавію ко святымъ церквамъ *скоморохомъ* и глумцомъ предъ свадьбою не ходити» (гл. 41, воп. 16). Въ статьѣ о многихъ неисправленіяхъ, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ», приписываемой Кассіану, владыкѣ рязанскому, жившему въ срединѣ XVI в., говорится, между прочимъ: «Свадьбы творять и на браки призываютъ ереевъ со кресты и скомороховъ з дудами» ¹⁾. Официально изгоняя скомороховъ изъ мірскихъ свадебъ, самъ Иванъ IV любилъ, какъ извѣстно, тѣшиться скоморохами и дѣлалъ ихъ участниками своихъ безпутствъ. О его пированіи со скоморохами имѣемъ свидѣтельство Курбскаго: «Упившисъ, началъ (царь Иванъ) со скоморохами въ машкарахъ (личинахъ) плясать и сущіе шурующіе съ нимъ» ²⁾. Но наиболѣе интересное для насъ извѣстіе о скоморохахъ, потѣшавшихъ царя, сохранилось во 2-й новгородской лѣтописи подъ 1571 годомъ: «В тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали веселыхъ людей...», а вслѣдъ затѣмъ говорится, что «повѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота (дьякъ) и съ скоморохами» ³⁾. Вѣроятно, привозъ скомороховъ въ Москву изъ Новгорода и его пригородовъ стоитъ въ связи съ извѣстностью новгородскихъ скомороховъ. Богатая городская жизнь, сношенія съ Западною Европой, широкое развитіе торговли,—все это представляло въ Новгородѣ условія, благоприятствующія развитію класса профессиональныхъ артистовъ,—музыкантовъ, фигляровъ, плясунновъ,—для развлеченія богатыхъ горожанъ. Еще обильнѣе являются извѣстія о скоморохахъ въ XVII вѣкѣ. Олеарію, въ его бытность въ Россіи, пришлось видѣть и слышать скомороховъ въ Ладогѣ, въ предѣлахъ прежнихъ новгородскихъ владѣній. «Въ Ладогѣ,—пишетъ онъ,—услышали мы русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, пришли двое русскихъ съ лютой и гудкомъ (скрипкой) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и пѣть о великомъ государѣ и царѣ Михаилѣ Федоровичѣ» ⁴⁾. Послѣ серьезнаго пѣнія началась пляска и другія потѣхи. Замѣтка Олеарія относится къ 1633 году. Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ содержанія пѣсни скомороховъ о царѣ Михаилѣ, но все же мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что ладожскіе скоморохи внесли въ свой репертуаръ пѣсню недавно, лишь за нѣсколько лѣтъ, сложную, вѣроятно, въ Москвѣ, пѣсню патристическую и по тому времени модную, которую они и сочли умѣстнымъ дебютировать предъ иностранцами. Въ XVII в. упоминаются не только *бродячіе* скоморохи, но и *остдѣме*, принадлежавшіе богатымъ и знатнымъ частнымъ лицамъ, предшественники тѣхъ крѣпостныхъ актеровъ и музыкантовъ, которые извѣстны были въ петровское время вплоть до эпохи эмансипаціи крѣпостныхъ.

¹⁾ «Еъ, въ 1633 году подали царю челобитную, по поводу совершеннаго

¹⁾ Весселовскій: „Разысканія“, VII, стр. 199. *Фамининъ*, назван. соч., стр. 20. *Фамининъ*, стр. 15.

²⁾ *Собр. р. с.*, т. III, стр. 167.

³⁾ См. Олеарій: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Москву и Персію“. Перев. Барсова. Москва, 1870 г., стр. 26.

надъ ними насилія приказныхъ Брюковимъ *скоморохи князя Ивана Шуйскаго* и князя Дмитрія Пожарскаго ¹⁾. Указаніе на осѣдлыхъ *скомороховъ*, проживавшихъ въ деревняхъ, находимъ, впрочемъ, еще въ XVI в. въ приговорѣ монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 в.), запрещающемъ подъ угрозой пени держать въ волости *скомороховъ*: «Не велѣли есмя ни въ волости держати *скомороховъ* ни волхвей... и учнуть держати, у котораго сотскаго въ его сотной выимуть... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ взяти пени десять рублевъ денегъ, а *скомороха* или волхва... бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ... а *прохожихъ* *скомороховъ* въ волость не пущать» ²⁾. Въ разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ уже съ XV в. встрѣчаются мѣры противъ усилившагося *скоморошества*, вызванныя не столько церковнымъ предубѣжденіемъ противъ ихъ ремесла, сколько насиліями, творимыми этими распутными бродячими людьми надъ мирнымъ населеніемъ. *Скоморохи* бродили ватагами въ 60—100 человекъ и сильно напоминали теперешнихъ цыганъ. «Да по дальнимъ странамъ,—говорится въ *Столасть*,—ходятъ *скоморохи*, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человекъ и по деревнямъ у крестьянъ сильно (=насилно) ядятъ и пьютъ и съ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ». Поприканія духовныхъ лицъ не находили себѣ серьезной поддержки у властей до тѣхъ поръ, пока *скоморохи* не стали наносить уже существеннаго матеріальнаго ущерба жителямъ страны своею алчностью и нахальствомъ. Сначала свѣтскія власти ограждаютъ особыми грамотами, въ видѣ привилегій, тѣ или другія селенія и волости отъ насильственныхъ нашествій *скомороховъ*, далѣе принимаются правительствомъ уже общія мѣры. Однако, до царствованія Михаила Феодоровича преслѣдованіе *скомороховъ* не велось настоятельно и серьезно. Да и мѣры, принятія при немъ, едва ли ослабили *скоморошество*, такъ какъ грозные указы врага *скомороховъ*, благочестиваго царя Алексѣя Михайловича, рисуютъ намъ картину широкаго распространенія *скоморошскихъ* ватагъ и безчинствъ. Рядъ указовъ юнаго царя подъ угрозой пени, батоговъ, кнута, опалы и проч. преслѣдуетъ всякія безчинства въ сельскомъ и городскомъ населеніи, всякіе остатки старинныхъ языческихъ обрядовъ, бѣсовскія игры, пѣсни, кулачные бои, вожденіе медвѣдей, дрессированныхъ собакъ, всякіе виды музыки и особенно *скомороховъ*, которые участвуютъ на свадьбахъ и на поминкахъ. Всѣ атрибуты *скоморошества*: домры, сурны, гудки, гусли, хари—велѣно истреблять и жечь. Указы царскіе разсылались по всѣмъ городамъ и волостямъ и читались горожанамъ и сельчанамъ. Заключавшіяся въ этихъ указахъ запрещенія подкрѣплялись угрозами строжайшихъ наказаній, которыя и приводились въ исполненіе надъ ослушниками. Суровое, неслѣвавшее гоненіе на *скомороховъ* въ теченіе всего царствованія должно было привести къ тому, что «веселые молодцы», бродячіе *скоморохи* постепенно

1) *Фамильный*, стр. 152.

2) Тамъ же, стр. 154.

исчезаютъ, такъ что къ петровской реформѣ упоминанія о профессиональныхъ скоморохахъ встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Передѣлка общества на европейскій покровъ, вызвавшая уже иные вкусы, инныя потребности, окончательно убила древне-русское скоморошество, и послѣдніе представители этого класса доживали свой вѣкъ уже не при княжескихъ и боярскихъ хоромахъ, а гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ провинціи, поближе къ тѣмъ классамъ населенія, которые оставались и послѣ реформы вѣрны старинѣ и преданію. Преслѣдуемые администраціей въ городахъ, тамъ, гдѣ они были на виду, скоморохи уходили подальше въ деревни, гдѣ еще былъ спросъ на ихъ искусство, и передали немалую долю, по крайней мѣрѣ, своего музыкальнаго и литературнаго репертуара простонародью, отъ котораго въ настоящее столѣтіе и были людьми науки записаны эти остатки въ видѣ былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, прибаутокъ, загадокъ, сказокъ и т. п.

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ судьбы скоморошества на Руси, постараюсь теперь уяснить, какое значеніе имѣли скоморохи, какъ хранители эпическихъ пѣсенъ. Мы видѣли, что искусство скомороховъ, какъ нѣмецкихъ шпильмановъ и французскихъ жонглѣровъ, было весьма разнообразно. Они были и плясуны, и фигляры, и фокусники, и гадалышки, и актеры, и медвѣжатники, и музыканты, и пѣвцы,—словомъ, мастера на всѣ руки. Но для насъ они интересны только какъ пѣвцы и слагатели былинъ. Поэтому поищемъ въ самихъ былинахъ указаній на эту сторону ихъ дѣятельности.

Соотвѣтствуя дѣйствительности, быliny изображаютъ, съ одной стороны, ватаги скомороховъ, упоминаемыя въ письменныхъ памятникахъ, съ другой—скомороховъ осѣдлыхъ, проживающихъ въ городѣ при княжемъ дворѣ и забавляющихъ своею игрою его гостей. Въ былинѣ о гостѣ Терентьищѣ является такая ватага бродячихъ скомороховъ: «веселые скоморохи,—скоморохи люди вѣжливые, скоморохи очестливые». Въ былинѣ о Ставрѣ Ставрова жена спрашиваетъ князя Владиміра:

„Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Киевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?“

И князь заставляетъ своихъ скомороховъ забавлять посла. Лучшимъ доказательствомъ участія скомороховъ въ исполненіи и даже сложеніи былинъ можетъ служить то, что въ былинахъ нерѣдко богатыри играютъ на гусляхъ и поютъ не хуже скомороховъ, производятъ на слушателей сильное впечатлѣніе и, облакаясь въ костюмъ скомороха, являются желанными гостями на княжескомъ пиру. Очевидно, профессиональные пѣвцы былинъ постарались отдать должное *своему* искусству, возвысить его въ глазахъ слушателей. Такъ, одинъ изъ любимѣйшихъ богатырей, Добрыня, переодѣвшись скоморохомъ, немедленно находитъ доступъ въ княжескія палаты, гдѣ идетъ свадебный пиръ, и, занявъ мѣсто скоморошье, уже первыми звуками првлекаетъ всеобщее вниманіе, переходящее затѣмъ въ восторгъ. Вотъ соотвѣтствующіе стихи:

„Учалъ онъ по струнамъ похаживать,
 Учалъ онъ голосомъ похаживать...
 И всё на шру приутихли—сидятъ,
 Сидятъ—на скоморошину посмотриваютъ...
 Всё же за столомъ да привадувались,
 Всё же тутъ игры приваслухались...
 Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
 На бѣломъ игры не видаю...
 Заигралъ Добрыня по уныльнѣму,
 По уныльнѣму, по умильнѣму,
 Какъ всё-то, вѣдь, ужъ князь и бояре-ты,
 А ты эти русскіе богатыри
 Какъ всё они тутъ прислушались...
 „Ай же, мада скоморошина!—(говорить князь).—
 За твою игру за великую,
 За утѣхи твои за нѣжныя,
 Безъ мѣрушки пей зелено вино,
 Безъ расчета получай золоту казну“ 1).

Характеризуя необыкновенное искусство и разнообразіе напѣвовъ Добрыни, слагатель былинны говоритъ:

„Какъ началъ онъ гуселокъ налаживать,
 Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
 Другу отъ Царяграда,
 А третью съ Еросалима,
 Тонцы онъ повежь-то великіе,
 Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря“ 2).

Или:

„Тонцы повежь отъ Новагорода,
 Другіе повежь отъ Царяграда...
 Третій разъ сталъ наигрывать,
 Все свое похождение рассказывать“ 3).

Обратимъ здѣсь вниманіе на слѣдующія подробности: во-первыхъ, эти *тонцы* отъ Царяграда, Новгорода, Іерусалима, вѣроятно, терминны знакомые профессиональнымъ гуслирамъ, можетъ быть, разнохарактерные напѣвы изъ ихъ музыкальнаго репертуара; во-вторыхъ, переодѣтый скоморохомъ Добрыня поетъ подъ аккомпаниментъ гуслей пѣсню о *своихъ* похожденияхъ, богатырскихъ подвигахъ. Слѣдовательно, исполненіе пѣсень о воинскихъ дѣлахъ, о богатыряхъ входило въ репертуаръ скомороховъ, какъ игра великая, важная, умильная. Дѣйствительно, нельзя думать, чтобы къ репертуару «веселыхъ людей скомороховъ» сводились исключительно пѣсни фривольнаго содержанія, юмористическія, шуточные съ прибаутками и циническими намеками. Какъ артисты, подлаживающіеся ко всѣмъ вкусамъ, ко-

1) *Фамилицы*, стр. 28—29; *Рыбниковъ*, I, стр. 136, 166; II, 31. *Гилебертъ* и др. столб. 45, 136, 250, 972, 1030.

2) Тамъ же, стр. 31. *Рыбниковъ*, I, стр. 136, 144; II, стр. 31. *Гилебертъ* и др. столб. 214, 356, 498, 1058, 1096.

3) *Фамилицы*, стр. 38; *Рыбниковъ*, III, № 16.

юрохи въ своемъ обширномъ репертуарѣ имѣли пьесы и для солидной гублики, интересовавшейся преданіями старины, подвигами русскихъ богатырей, историческими крупными лицами и событіями. Я уже упомянулъ, что ладожскіе скоморохи пѣли при Олеаріи пѣсни въ честь Михаила Θεодоровича. Въ дошедшей до насъ пѣснѣ о любимцѣ народномъ Михаилѣ Скопинѣ, именно въ ея конечной припѣвкѣ, находимъ ясное свидѣтельство о томъ, что ее пѣли веселые люди. Вотъ эта припѣвка:

„То старина, то и дѣянье,
 Какъ бы синему морю на утѣшенье,
 А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
 Молодымъ молодцамъ на перениманье,
 Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшанье,
 Сидючи съ бесѣдою смиренныя,
 Изтѣваячи меду, зелено вино.
 Гдѣ-то пиво пьютъ, тутъ и честь воздаютъ
 Тому боярину великому
 И аозяину своему ласкову“ 1).

Упомянутое боярина великаго въ связи съ содержаніемъ пѣсни свидѣтельствуешь о томъ, что пѣсни въ этомъ серьезномъ родѣ исполнялись скоморохами и въ боярскихъ хоромахъ.

Кромѣ Добрыни, производившаго такое впечатлѣніе своею игрою великой, рядъ другихъ эпическихъ личностей оказываются искусными гуслирами и пѣвцами. Приѣзжій въ Кіевъ изъ-за моря Волынскаго, изъ-за острова Кодоляскаго Соловей Будимировичъ привезъ съ своей родины и припѣвкн. Забавляясь игрой на гуслихъ, онъ

„Тонцы по голосу налаживаетъ...
 А всѣ малыя припѣвки за синя моря,
 За синя моря Волынскаго,
 Изъ-за того острова Кодоляскаго,
 Изъ-за того Лукоморья зеленого“ 2).

Про Ставра его жена, переодѣвая посломъ, припоминаетъ, что

„Онъ мастеръ играть въ гусли аровчаты“

и что лучше его никто не играетъ въ Кіевѣ. Кіевскій щаль Чурило Пленковичъ, поступивъ въ постельничьи къ князю Владиміру, долженъ былъ на гуслихъ спотѣшать княжескую чету:

„Стелеть (Чурило) перину пуховую,
 Кладываетъ зголовьнице высокое,
 И сидитъ у зголовьнца высокаго,
 Играетъ въ гусельники аровчаты,
 Спотѣшаетъ князя Владиміра,
 А книжницю Опраксю больше того“ 3).

1) *Кирша Даниловъ*, стр. 391.

2) *Рыбниковъ*, I, стр. 324.

3) *Рыбниковъ*, I, стр. 265.

Перечисленные лица не являются профессиональными гусярами, а только любителями, играющими при случае. Но в нашем эпосе есть и профессиональный гусярь Садко, который, пока не разбогател, ходил играть по пирамъ; но и сделавшись богатым гостемъ, не покинулъ своего искусства. Вспомнимъ, что его чудная игра увлекаетъ морского царя, который щедро награждаетъ музыканта; вспомнимъ, какъ на днѣ синяго моря расплясался царь морской, взволновалось все поддонное царство отъ игры нашего Орфея. Любовь Садка, уже богатаго купца, въ гусямъ видна въ томъ, что когда выпалъ ему жребій быть брошеннымъ въ море, онъ еще въ послѣдній разъ передъ смертью хочетъ поиграть на любимомъ инструментѣ, который даже беретъ съ собой въ море:

„Ай же, братцы, дружина хоробра!
 Давайте мнѣ гуселки яровчаты
 Поиграть-то мнѣ въ остатке:
 Больше мнѣ въ гуселки не игрывать“ 1).

И такъ, присутствіе въ нашихъ былинахъ цѣлаго ряда личностей, играющихъ на гусяхъ, присутствіе профессиональнаго гусяра, частое упоминаніе о гусярахъ-скоморохахъ,—все это можетъ служить указаніемъ на то, что музыка и пѣніе были очень развиты въ той средѣ, которая исполняла и складывала былины. А такими профессиональными пѣвцами и музыкантами были, главнымъ образомъ, скоморохи. Слѣдуетъ думать, что въ ихъ искусномъ исполненіи былины были произведеніями болѣе художественными, чѣмъ въ устахъ нынѣшнихъ олоонецкихъ сказителей, перенявшихъ ихъ репертуаръ. Ихъ пѣніе сопровождалось музыкальнымъ аккомпаниментомъ: гусями, гудкомъ. Вспомнимъ, какъ часто въ нашемъ эпосѣ упоминаются гусли яровчатые, нынѣ уже совсемъ вышедшіе изъ употребленія. Олоонецкіе крестьяне, перенявъ мотивы (напѣвы) нѣкоторыхъ былинь, не научились у профессиональныхъ музыкантовъ игрѣ на гусяхъ или если умѣли, то давно покинули этотъ инструментъ 2). Вообще современное состояніе былевой поэзіи представляется періодомъ ея паденія, захуданія, ведущимъ свое начало отъ той поры, когда былины отъ профессиональныхъ пѣвцовъ-гусяровъ, распѣвавшихъ ихъ нѣкогда и въ боярскихъ хорахъ, и въ купецкихъ домахъ, перешли въ олоонецкимъ крестьянамъ, которые на сказыванье былинь уже не смотрѣли какъ на профессію, и отчасти къ балагамъ, которые, хотя и специалисты по пѣнію духовныхъ стиховъ, не могли наследовать отъ скомороховъ ни ихъ музыкальнаго искусства, ни очень многихъ былинныхъ сюжетовъ, слишкомъ несоответствующихъ ихъ благочестивому репертуару.

Если вышеприведенные факты достаточно доказываютъ роль скомороховъ, какъ пѣвцовъ былинь, то нѣсколько труднѣе рѣшить вопросъ, кѣмъ

1) Рыбниковъ, I, стр. 377.

2) Объ употребленіи гуслей олоонецкими сказителями былинь въ прошломъ о глѣтѣ см. у Е. Барсова: *Памятники народнаго творчества Олоонецкой губерніи*, стр. 9.

велико было участіе скомороховъ въ *сложеніи* дошедшихъ до насъ былинь. Этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ только детальнымъ анализомъ дошедшихъ до насъ былевыхъ сюжетовъ. Но думается мнѣ, что этотъ анализъ долженъ привести насъ къ заключенію, что среди былинь нашихъ найдется не мало такихъ, которыя носятъ яркіе признаки скоморошьей обработки. Таковы, на примѣръ, былины о гостѣ Терентьищѣ и Ставрѣ Годиновичѣ. Въ первой веселые люди скоморохи являются героями скандальнаго происшествія: она помогаютъ недогадливому рогоносцу мужу проучить невѣрную жену. Былина пересыпана скабрзными намеками и потому въ изобилии украшена въ изданіи Калайдовича точками скромности. Въ былинѣ о Ставрѣ также упоминаются скоморохи при дворѣ Владимира и рассказъ объ испытаніи пола передѣтой посломъ Ставровой жены также уснащенъ пикантными подробностями и двусмысленными загадками. Свою печать наложили скоморохи и на обработку былинь о киевскомъ Донѣ-Жуанѣ Чурилѣ Пленковичѣ и удалцѣ Хотѣнѣ Блудовичѣ ¹⁾. Къ предположенію скоморошьей переработки былины о Василии Буслаевичѣ приводитъ детальный анализъ этой былины проф. И. Н. Жданова ²⁾. Вообще слѣдовъ скоморошьей обработки можно всего скорѣе исвать въ былинахъ-новеллахъ или фабліо, въ которыхъ изображаются происшествія городской жизни, преимущественно любовныя похождения съ исходомъ то комическимъ (Терентій), то трагическимъ (смерть Чурилы Пленковича, Алеша и сестра Збродовичей). Конечно, меньше слѣдовъ оставили скоморохи, какъ пѣвцы былинь *богатырскаго* содержанія, гдѣ только нѣкоторые юмористическіе эпизоды и подробности могутъ быть отнесены на ихъ счетъ. Но что скоморохи пѣли и эти былины, на это мы имѣемъ прямое указаніе историка Татищева ³⁾, который говоритъ: «Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыхалъ, въ которыхъ женъ его именами, тако-жь о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ Разбойникѣ, Долеѣ (Дюкѣ?) Стефановичѣ упоминають и дѣла ихъ прославляютъ, и въ исторіи весьма мало или ничего». Это важное свидѣтельство, въ достовѣрности котораго нельзя сомнѣваться, должны имѣть въ виду тѣ ученые, которые полагають, что скоморохи были представителями только комическаго и фривольнаго элемента въ нашемъ эпосѣ. Ясно, что даже былины о солидномъ богатырѣ, народномъ идеалѣ старомъ Ильѣ Муромцѣ, распѣвались тѣми же «веселыми людьми», которые забавляли публику былинами-новеллами.

Вс. Миллеръ.

¹⁾ См. моя статья: *Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ* (въ сборникѣ *Починъ* М., 18 5 г.) и *Къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ* (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1895 г., № 3).

²⁾ *Русскій былевой эпосъ. Матеріалы и изслѣдованія.* Сиб., 1895 г., стр. 401.

³⁾ *Исторія Россійская*, I, стр. 44.

Цезарь Ломброзо, какъ ученый и мыслитель *).

XI.

Мы уже знаемъ, что, по теоріи Ломброзо, преступность вообще есть выраженіе атаксизма, дегенерации; гениальность, которую авторъ такъ часто привлекаетъ въ *Il delitto politico* къ вопросу о политической преступности, есть, какъ это намъ тоже уже извѣстно, также явленіе ненормальное, стоящее въ самой тѣсной внутренней связи съ дегенераціею. Политическій преступникъ или, точнѣе, общественно-политическій нонконформистъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, по убѣжденію нашего мыслителя, есть субъектъ также ненормальный, также поврежденный, также вырастающій на почвѣ дегенерации. Вотъ поэтому-то онъ такъ усердно и сопоставляется, и сближается съ уголовнымъ преступникомъ, съ гениемъ, съ самоубійцею, съ сумасшедшимъ (какая разнокалиберная компанія получается!), къ которымъ онъ оказывается очень близкимъ, тѣсно-родственнымъ, благодаря общей имъ всеѣмъ основной чертѣ—дегенерации. Сопоставлять и сближать названнаго нонконформиста со всеѣмъ только что перечисленными представителями типа вырожденія Ломброзо понадобилось для того, чтобы во что бы то ни стало доказать, что это—того же самаго поля ягода, чтобы насильственно втиснуть его въ общую группу дегенерированныхъ. *Вотъ*, безъ исключенія, субъекты, непримиряющіеся съ даннымъ *status quo*, *вотъ* новаторы (въ сферѣ социальной, политической, религіозной), *вотъ* агитаторы, *вотъ* протестанты противъ даннаго порядка вещей, *вотъ* дѣятели инсurreкціи и революціи—существа поврежденныя. Таково общее положеніе нашего *pensatore di genio*. Въ отстаиваніи этого положенія Ломброзо проявляетъ такое же упорство, такую же изворотливость, такое же свободное отношеніе къ фактамъ, такую же склонность къ суррогативнымъ обобщеніямъ, къ систематическимъ натяжкамъ и къ постояннымъ противорѣчіямъ, какія имъ были блистательно проявлены и въ вопросахъ объ общей преступности и о гениальности. Чтобы наглядно указать читателю, до какой степени авторъ *Il delitto politico* неуклон о-

*.) *Русская Мысль*, кн. VIII.

исследователемъ, прямолинейнъ и даже, если хотите, безпощаденъ въ строго систематическомъ примѣненіи своего тезиса, касающагося политической преступности, мы остановимся только на одномъ примѣрѣ, но за то этотъ примѣръ настолько крупенъ, рѣзокъ, характеренъ и доказателенъ, что дѣлаетъ совершенно ненужнымъ приведеніе какихъ бы то ни было другихъ примѣровъ.

Оставимъ въ жертву нашему «геніальному» теоретику всѣхъ тѣхъ *rivolutionari e ribelli politici*, которыхъ онъ относитъ къ категоріи «прирожденныхъ преступниковъ» и «нравственно-помѣшанныхъ» и которыми онъ занимается въ VIII главѣ своей книги; предоставимъ ему расправляться и съ тѣми *rei politici*, которые, по его соображеніямъ, оказываются «сумасшедшими» (гл. IX); не будемъ возражать противъ подведенія имъ подъ рубрику дегенерированныхъ и тѣхъ субъектовъ, которыхъ онъ окрещиваетъ именемъ *mattoidi politici* и *altruisti istero-epilettici* (гл. X); отдадимъ ему безъ спора на растерзаніе и *rei politici per occasione*, политическихъ преступниковъ случайныхъ, уличенныхъ имъ въ дегенерациі въ главѣ XI, и остановимъ вниманіе читателя только на *rei politici per passione*, политическихъ преступникахъ по страсти, разсматриваемыхъ въ той же (XI) главѣ. Что это, спрашивается, за люди съ криминально-антропологической точки зрѣнія? А вотъ, послушайте, что говорить на этотъ счетъ Ломброзо.

Подходить нашъ антропологъ-криминалистъ къ этимъ людямъ, внимательнѣйшимъ, подозрительнымъ взоромъ окидываетъ ихъ съ ногъ до головы и, несмотря на глубокое свое убѣжденіе въ томъ, что передъ нимъ существа несомнѣнно ненормальныя, не можетъ найти у нихъ *никакихъ* физическихъ изъяновъ, *никакихъ* «стигматъ». Очевидность заставляетъ его, скрѣпя сердце, признать, что всѣ эти люди, точно на подборъ, отличаются замѣчательно-совершеннымъ физическимъ типомъ. «Въ нихъ отсутствуетъ почти всякій слѣдъ дегенерациі» (р. 340). Изъ 60 лицъ этой категоріи, описанныхъ Маріано д'Айяла (все это итальянцы эпохи, предшествовавшей объединенію Италіи), у 26—*fisionomia bellissima*, только у 4—нѣкоторая ненормальность «въ выраженіи»; 26 отличаются высокимъ ростомъ и только 3—малымъ. Изъ 30 извѣстнѣйшихъ политическихъ преступниковъ другой стороны, у 18—*fisionomie bellissime* и только у остальныхъ 12 замѣчаются кое-какія аномаліи или дегенеративныя признаки, къ тому же, большею частью изолированныя, а не скомбинированныя въ одномъ лицѣ. Только у одного изъ этихъ 12 лицъ имѣются три признака вмѣстѣ (выдающіяся надбровныя дуги, жесткій взглядъ (*occhio duro*) и ненормально большая нижняя челюсть, — *tipo criminale*), у трехъ — по два признака, а у остальныхъ — по одному (то бровныя дуги, то недостатокъ волосъ на бородѣ, то запчатыя уши, то прогнатизмъ, то курчавыя волосы (!), то мужской складъ лица у женщины и пр.). Изъ французскихъ революціонеровъ *belle fisionomie* оказывается у Демулена, Барраса, Бриссо, Карно и проч. *Carlo Sand era bellissimo*. «Ето не поразится гармоничною, здоровою красотой Шарлоты Борде, Орсини?» «Стоитъ только бросить взглядъ на собраніе

портретовъ (итальянскихъ) главнѣйшихъ революціонеровъ, чтобы увидѣть, что всѣ они имѣютъ общія черты, которыя могутъ назваться антипреступными. Широкий лобъ, обильная растительность на бородѣ, объемистый черепъ, мягкій и ясный взглядъ,—все это дѣлаетъ изъ нихъ одну общую семью, несмотря на то, что они принадлежатъ къ самымъ различнымъ областямъ и населеніямъ» (pp. 340—341).

И такъ, вотъ каковъ физическій типъ политическихъ преступниковъ по страсти. По внѣшности, это — отборный цвѣтъ населенія. Ну, а какова у нихъ душевная фізіономія? «Красота душевная, — говоритъ Ломброзо, — превосходить у нихъ красоту тѣлесную. Это все — настоящіе гѣніи въ сферѣ чувства (*i geni del sentimento*), и мы прекрасно сознаемъ, до какой степени должно казаться жестокимъ приравненіе ихъ къ вулгарнымъ преступникамъ даже только по имени (*per sola necessità filologica*),—ихъ, представляющихъ собою необыкновенно полное выраженіе доблести человѣческаго духа, олицетвореніе благожелательности, святости (*l'eccesso della umana bontà, il benefico, il santo*). И, казалось бы, даже просто только желать поближе разсмотрѣть ихъ при свѣтѣ психіатріи значило бы уподобляться тому, кто сталъ бы изучать прекрасныя линіи Венеры Медицейской при помощи циркуля, не обращая никакого вниманія на высочайшую красоту и гармонию цѣлаго» (*Il delitto politico*, p. 342).

Но если все это такъ, то какъ же, спрашивается, быть съ этими странными людьми, такъ рѣшительно не поддающимися подведенію ихъ подъ общій знаменатель ломброзовской теоріи и такъ всецѣло ускользающимъ изъ рувъ антрополога-криминалиста? Какъ посадить ихъ на скамью обвиняемыхъ по дѣлу о «дегенерации», когда уже самому туринскому криминально-антропологическому департаменту приходится, волей-неволей, выдавать имъ такія лестныя свидѣтельства объ ихъ антропологической «благонадежности»? Казалось бы, въ виду ихъ, этихъ людей, нашему антропологу-инквизитору остается только руки отъ отчаянія опустить и съ болью въ сердцѣ отказаться отъ безнадежныхъ попытокъ найти противъ нихъ хоть какую-нибудь, даже косвенную, «улику». Если вы, читатель, все это думаете, если все это вамъ кажется, то я долженъ сказать вамъ, что вы жестоко ошибаетесь,—ошибаетесь, очевидно, потому, что совсѣмъ не знаете Ломброзо. Совсѣмъ онъ не такой человѣкъ, чтобы приходить въ отчаяніе, опускать безнадежно руки въ виду хотя бы даже и неодолимыхъ, на первый взглядъ, препятствій, и отступаться отъ того, что онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ. Разъ эти люди,—какъ бы они ни блистали своею *bellezza dell'anima e del corpo*,—оказываются въ роли политическихъ преступниковъ, активных нонконформистовъ, то у нихъ непремѣнно *должны быть* «стигматы», — и, будьте увѣрены, Ломброзо ихъ у нихъ найдетъ, они не ускользнутъ отъ его пронизательнаго слѣдовательскаго взора. Обратите вниманіе на то, что, вѣдь, эти странные люди, осмѣливающіеся учинять такой вѣпій безпорядокъ въ сферѣ ломброзовской теоріи, стоятъ передъ лицомъ этой теоріи *подъ конвоемъ*, — и, притомъ, особенно усиленнымъ,

жандармовъ. А, вѣдь, прикосновенность къ «жандарму», какъ мы это уже знаемъ, въ глазахъ adeptовъ туринской школы, является самымъ надежнымъ «признакомъ», самымъ несомнѣннымъ указаніемъ на то, что у конвоируемаго субъекта, если на него взглянуть съ криминально-антропологической точки зрѣнія, непременно есть какіе-нибудь,—и, притомъ, не малые,—изъяны. Не замедлить, конечно, этотъ драгоценный «признакъ» и теперь оказать нашему ученому такую же серьезную услугу, какую онъ ему постоянно оказывалъ и въ вопросѣ объ общей преступности. Будемъ же слушать.

«О, святые души, обречшія себя на служеніе идеѣ, простите насъ!—долетаетъ до насъ со страницы 342 подозрительно-мягкій голосъ Ломброзо, обращающагося къ «обвиняемымъ» субъектамъ.—Мы (т.-е. авторы книги, Ломброзо и Ласки) чувствуемъ, что одного вашего появленія на землѣ достаточно для того, чтобы заставить насъ относиться съ большимъ уваженіемъ къ человѣческому роду и вознаградить насъ за печальное зрѣлище массы, для которой грубое удовлетвореніе насущныхъ потребностей является единственною цѣлью существованія».

Приступъ, не обещающій для «обвиняемыхъ» рѣшительно ничего хорошаго. Уже если Ломброзо заговорилъ такимъ слащавымъ голосомъ, да уже заранѣе началъ просить прощенія, то, очевидно, имъ уже постановленъ уничтожающій приговоръ: «эти люди повинны въ дегенерація и не заслуживаютъ снисхожденія». «Но у мыслителя есть свои обязанности,—продолжаетъ свою рѣчь нашъ антропологъ-криминалистъ, причемъ въ его голосѣ пробиваются уже сурово-холодные нотки, — отдавъ дань удивленія и благоговѣнія, онъ долженъ взяться за циркуль». Эти слова звучатъ уже совсѣмъ злобѣще. Очевидно, судьба злополучныхъ «политическихъ преступниковъ по страсти» уже безповоротно рѣшена въ криминально-антропологической инстанціи; очевидно, имъ, несмотря даже на только что выданное свидѣтельство объ ихъ антропологической «благонадежности», ни подъ какимъ видомъ не удастся избѣжать насильственнаго заключенія въ категорію «дегенерированныхъ». Бѣдныя жертвы криминально-антропологическаго фанатизма!

Что же, однако, Ломброзо нашелъ у нихъ, вооружившись своимъ «циркулемъ»? Нашелъ, конечно, «стигматы», съ «несомнѣнностью» избличающіе ихъ въ психо-физиологической ненормальности, поврежденности, да еще какіе «стигматы»! Прежде всего, у нихъ оказывается ненормально высокое, ненормально сильно-развитое, черезъ-чуръ преувеличенное понятіе о нравственномъ достоинствѣ человѣка, — *l'esagerazione dell'onestà*. Если у нихъ есть богатство, они безъ малѣйшихъ колебаній отдадутъ его на осуществленію дорогой имъ идеи, а сами остаются нищими; если они занимаютъ хорошее общественное положеніе, они съ радостью жертвуютъ имъ, разъ это нужно ради служенія той же идеѣ» и пр. (слѣдуютъ фактическіе примѣры, р. 342). Скажите, пожалуйста, развѣ же это нормально, развѣ же это не свидѣтельствуетъ о психической поврежденности? «Душой они обладаютъ благороднѣйшею, великодушною, мужественною, но черезъ-чуръ уже пыл-

кою, черезъ-чуръ отважною» (р. 343). «Почти у всѣхъ у нихъ мы констатируемъ ненормально высокую чувствительность (*una sensibilita esagerata*), настоящую гиперестезію (*una vera iperestesia*), подобно тому, какъ это наблюдается и у простыхъ преступниковъ по страсти» (р. 344). «Всякаго рода несправедливости они чувствуютъ несравненно сильнѣе и въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ остальные люди, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ и болѣе страстное желаніе реформъ, ради осуществленія которыхъ они готовы, не задумываясь, жертвовать собою. Они до такой степени жаждутъ правды, проявляютъ такую крайнюю степень наивности, оказываются такими безразсудными энтузіастами, что часто вѣрятъ въ торжество своихъ идеаловъ только потому, что черезъ-чуръ сильно желаютъ этого торжества» (*ibidem*). На ряду съ чрезмѣрною, ненормально повышенною впечатлительностью у нихъ обыкновенно наблюдается и ненормальная, поразительная нечувствительность къ личнымъ лишеніямъ, мученіямъ и страданіямъ (*anestesia, vera parestesia paradossa*), являющаяся результатомъ чрезмѣрно-страстнаго сосредоточенія на одной идеѣ» (р. 350). «У нихъ оказывается и ненормальный, чрезмѣрный альтруизмъ (*un esagerato altruismo*); страданія ближняго отражаются на нихъ несравненно сильнѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ людяхъ». Посмотрите, наприм., на Гарибальди. Въ *Мемуарахъ* своихъ онъ съ горячею любовью упоминаетъ не только обо всѣхъ своихъ погибшихъ друзьяхъ и сподвижникахъ, не только о своей матери,— все это еще куда бы ни шло,—но даже о своей собакѣ, Пасторе, околѣвшей съ горя послѣ того, какъ владѣлецъ ея вынужденъ былъ оставить ее въ Танжерѣ. Онъ же, будучи еще совсѣмъ маленькимъ мальчуганомъ, взявъ какъ-то разъ въ руки кузнечика и ненарочно отломилъ ему лапку, такъ, вѣдь,—можете себѣ представить!—болѣе часа заливался изъ-за такого пустяка горькими слезами. А то, вотъ, еще другой субъектъ, въ такой же необычайной степени впечатлительный (*straordinariamente impressionabile*), пылкій и отзывчивый: когда ему было всего еще только 11 лѣтъ, онъ разъ бросился въ борьбу съ разбойниками, напавшими на домъ сосѣда, а сосѣдъ-то этотъ былъ, въ тому же, смертельнымъ врагомъ его, мальчугана, семьи. Не очевидно ли, что субъекты, обремененные такими «чрезмѣрностями», никоимъ образомъ не могутъ претендовать на званіе нормальныхъ, психически-уравновѣшенныхъ и здоровыхъ людей и должны быть зачислены, хотя и съ прискорбіемъ, въ категорію поврежденныхъ, психопатовъ?

Весьма возможно, что нашъ читатель, кто бы онъ ни былъ,—будь то даже тотъ самый «жандармъ», который конвоируетъ «изучаемаго» нашего антропологомъ-криминалистомъ «политическаго преступника по страсти»,—не только не удовлетворится и не убѣдится только что приведенными нами Lombрозовскими указаніями и доводами, но отнесется къ нимъ очень сурово. Быть можетъ, онъ найдетъ, что такое обращеніе,—не съ политическими преступниками: не о нихъ тутъ совсѣмъ рѣчь,—а съ известнаго рода нравственными понятіями, по меньшей мѣрѣ, непохвально и не можетъ быть оставляемо безъ горячаго, негодующаго протеста. Быть мо-

сть, онъ весьма рѣзко скажетъ нашему мыслителю, что такія вещи, какъ беззавѣтная преданность идеѣ (какой,—это рѣшительно все равно), самозверженная любовь, не знающая границъ, альтруизмъ и проч., нельзя совсѣмъ трепать ради удовлетворенія требованіямъ какой бы то ни было теоріи, *ad majorem gloriam* этой теоріи. Быть можетъ, онъ, повыпная голосъ, презрительно броситъ, по адресу Ломброзо, замѣчаніе, что нельзя хладнокровно, безъ крайне тяжелаго чувства, слушать, какъ игриво разсказываютъ объ *esagerazione dell'onestà, esagerato altruismo* и проч., какъ о симптомахъ психической дегенераціи, и что такія кощунственныя рѣчи шокируютъ здравый смыслъ, оскорбляютъ нравственное чувство. Что же касается насъ, то мы, мимоходомъ, предупредивъ читателя, что отъ Ломброзо онъ услышитъ еще и не такія рѣчи, что все это были еще только «пѣвоточки»,—поспѣшимъ указать вратцѣ на остальные соображенія автора *Il delitto politico* по тому же вопросу, разъ ужъ мы заговорили на эту тему.

«Во всемъ этимъ признакамъ (*caratteri*),—читаемъ мы на страницѣ 349,—мы должны прибавить еще одинъ, а именно—проявляемую ими (т.-е. «политическими преступниками по страсти») потребность или сильное желаніе чувствовать боль, страдать... Страданіе—хорошая вещь,—говоритъ у Достоевскаго одинъ изъ его политическихъ героевъ. Само собою разумѣется, что для нихъ предпочтительнѣе страданіе, переносимое ими ради какой-либо великой идеи; но нерѣдко также влеченіе къ нему у нихъ обнаруживается и безъ всякаго отношенія къ идеѣ: такъ, наприм., они рады будутъ принять внутрь горькое вещество исключительно только ради того, чтобы подвергнуть себя страданію отъ горечи (*ameranno prendere delle sostanze amare senz'altro scopo che di soffrire l'amaro*). «У нихъ, какъ и у гениевъ, нѣтъ недостатка въ неврозахъ, разныхъ психическихъ аномаліяхъ, галлюцинаціяхъ, странностяхъ и проч. (р. 354). Взгляните, наприм., на Лассала. Что это былъ за невозможный для нормальной соціальной жизни человѣкъ!... Вѣдь, это былъ, поистинѣ, «гигантъ страсти», какъ онъ самъ про себя справедливо говорилъ. Вѣдь, «про него съ полнымъ правомъ можно сказать то, что онъ говорилъ про Эраклита: въ существѣ его бушевалъ ураганъ» (р. 360). Или, вотъ, напримѣръ, Кавуръ (нога-бене: надъ нимъ, вѣдь, произнесенъ былъ даже смертный приговоръ!). Это былъ человѣкъ, съ раннихъ лѣтъ страдавшій несомнѣнною психическою «гиперестезіей». Уже будучи политическимъ дѣятелемъ и проживая въ Швейцаріи, куда онъ спасся отъ преслѣдованій, онъ испытывалъ приступы мрачной меланхоліи, переходилъ отъ веселости къ убійственной тоскѣ и обратно и, находя свою жизнь нелѣпою, бессмысленною, останавливался на мысли о самоубійствѣ (pp. 358—359). Вотъ, далѣе, передъ нами молодая женщина, принадлежащая къ той же категоріи людей и представляющая цѣлый рядъ рѣзкихъ ненормальностей. Зрачки у нея плохо реагируютъ на свѣтъ; она «необыкновенно легко краснѣетъ», «быстро влюбляется въ перваго встрѣчнаго и такъ же быстро

разочаровывается»; «какъ любовь, такъ и ненависть отличаются у нея болезненно-напряженнымъ характеромъ»; «несмотря на то, что она знакома съ медициной, она оказываетъ необыкновенно высокаго мнѣнія о женщинахъ (*ha una inadeguata idea della donna*), которыхъ она считаетъ равными мужчинамъ», и проч., и проч. (р. 354). Что все это, какъ не очевиднѣйшіе, несомнѣннѣйшіе симптомы патологическаго состоянія психики?

Будетъ, однако же, объ этомъ. Мы уже въ достаточной степени всматрѣлись на то, какіе приемы и средства Ломброзо пускаетъ въ ходъ, чтобы, во что бы то ни стало, подвести и «политическихъ преступниковъ по страсти» (среди которыхъ, какъ мы видѣли, фигурируютъ и Гарибальди, и Кавуръ и проч.) подъ общую рубрику натуръ психопатическихъ, дегенерированныхъ,—какъ онъ быстро и рѣшительно обобщаетъ на всѣхъ черты и черточки, случайно найденныя имъ у единицъ, и т. д. А теперь, въ заключеніе настоящей главы, сдѣлаемъ еще только одно маленькое замѣчаніе общаго характера. Не мало намъ, на нашемъ вѣку, довелось прочесть всяческихъ книжекъ, не мало прошло передъ нашими глазами произведеній разныхъ—и умныхъ, и неумныхъ—авторовъ; но, признаемся, еще въ первый разъ въ жизни намъ теперь, въ лицѣ Ломброзо, пришлось столкнуться съ авторомъ, который до такой невѣроятной степени неразборчивъ при пользованіи источниками, до такой изумительной степени беззаботенъ по части критической оцѣнки попадающихся ему подъ руку данныхъ, до такой невозмутимой степени легковѣренъ по отношенію къ тому вздору, который онъ старательно откапываетъ во всевозможномъ печатномъ хламѣ. Ему рѣшительно все равно, откуда взять то или другое указаніе, тотъ или иной «фактъ», лишь бы только этимъ «фактомъ» можно было воспользоваться для доказательства того или иного придуманнаго имъ положенія, «обобщенія», вывода. Такъ, наприм., данныя для глубокомысленныхъ соображеній о явленіяхъ русской жизни онъ извлекаетъ, между прочимъ, и изъ *Биссо* Достоевскаго, и изъ какихъ-то *Les scandales de Saint-Petersbourg* какого-то анонимнаго автора, и изъ писаній какого-то нѣмецкаго борзописца *Scheer'a*, городящаго невообразимый вздоръ о «нигилистахъ», и изъ какихъ-то, видимо, устныхъ разсказовъ, преподнесенныхъ ему, очевидно, или шутниками, или... пустоголовыми болтунами. Онъ, не мудрствуя лукаво, все беретъ съ благодарностью и потомъ, съ торжествующимъ видомъ, валитъ въ свое «ученое изслѣдованіе». Мало того, выудивъ въ какомъ-нибудь мутномъ источникѣ тотъ или другой, болѣе или менѣе «подтверждающій» его теорію «фактъ», онъ иногда еще и цитируетъ его невѣрно, фальсифицируетъ, искажаетъ его сущность, придаетъ ему тотъ смыслъ, какого въ подлинникѣ совѣтъ не оказывается, но какъ ему, Ломброзо, желателенъ и нуженъ для обоснованія того или друго тезиса,—другими словами, совершаетъ очень некрасивую... передержку (можетъ быть, просто только сильно «увлекается»?) Мы прекрасно понимаемъ, какое серьезное обвиненіе, говоря это, мы возводимъ на автора *Il delitto politico*, а потому и спѣшимъ доказать примѣромъ справед-

ость нашего утверждения,—примѣромъ очень характернымъ и выразительнымъ.

Ломброзо категорически утверждаетъ, что между политическими и обыкновенными уголовными преступниками, помимо всего прочаго, существовать еще и духовное родство, что въ тюрьмѣ первые нерѣдко льнуть къ которымъ, ассимилируются съ ними, заимствуютъ у нихъ ихъ нравы, ихъ отрицательную нравственность, вплоть до ихъ склонности къ... прогивуестественнымъ порокамъ. Въ доказательство справедливости этого «геніально»-сквернаго «обобщенія», Ломброзо ссылается на данныя, приведенныя въ статьѣ нѣкоего Готье (въ *Archives d'anthropologie criminelle* въ 1888 годъ). Кто такой, спрашивается прежде всего, этотъ Готье? Это *бывшій анархистъ*, вмѣстѣ со многими другими анархистами судившійся въ 1882 г. въ Лионѣ, приговоренный къ пятилѣтнему тюремному заключенію, черезъ два года помилованный, выпущенный на свободу, раскаявшійся (раньше или послѣ освобожденія, не знаемъ) въ своихъ заблужденіяхъ, отрекшійся отъ прежнихъ своихъ товарищей и единомышленниковъ и, если не ошибаемся, пристроившійся, въ качествѣ сотрудника, къ редакціи парижскаго *Figaro*. Изъ-подъ его-то пера и вышла только что упомянутая статья (*Le monde des prisons*). Какъ читатель видитъ, источникъ, изъ котораго Ломброзо почерпнулъ матеріалъ для характеристики политическихъ преступниковъ, представляется довольно смутнымъ: статью писалъ *репенатъ*, а къ показаніямъ этого сорта людей,—особенно, когда эти люди говорятъ о своихъ прежнихъ товарищахъ,—по весьма понятнымъ причинамъ, всегда приходится относиться съ крайнею осторожностью, съ большимъ скептицизмомъ. Но оставимъ личность Готье и обратимся къ указанію на другое, весьма пивантное обстоятельство. Точный смыслъ вполне точно переданной нами выдержки изъ книги Ломброзо *) тотъ, что, будто бы, по наблюденіямъ Готье, *вообще* на 50 политическихъ осужденныхъ (взятыхъ изъ рабочаго класса) *всегда* приходится, *въ среднемъ*, до полудюжины такихъ недоброкачественныхъ субъектовъ, которыхъ, въ нравственномъ отношеніи, съ полнымъ правомъ можно поставить на одну доску съ обыкновенными уголовными преступниками. И что же? По справкѣ оказывается, что Готье *scrive* совсѣмъ не то, что ему приписываетъ Ломброзо, весьма существенно исказившій смыслъ его словъ. Названный *ex-анархистъ* въ статьѣ своей говоритъ исключительно только о тѣхъ 50 *анархистахъ*, въ компаніи съ которыми онъ сидѣлъ въ лионской тюрьмѣ, и вовсе не помышляетъ ни о какихъ обобщеніяхъ. А разъ рѣчь идетъ объ «анархистахъ», то совсѣмъ другой и разговоръ выходитъ: мало ли какими «художествами» могутъ проявлять себя «анархисты»! Известно, вѣдь, что теперь, хотя бы въ той же Франціи, чуть не каждый мо-

*) „Sopra 50 condannati politici (scrive Gauthier) presi nella media, se no nel iore della classe operaia di una grande città, come Lione, si puo trovarne una mezza dozz na che in prigione si sentono nel loro ambiente, e vanno di preferenza verso i detenuti per delitto comune, di cui prendono“... и проч. (*Il delitto politico*, p. 141).

шенникъ или ворюшка, попадаясь въ руки полиціи, спѣшить прикрыться званіемъ «анархиста». Но обо всемъ этомъ Ломброзо умолчалъ, анархистовъ замѣнилъ «политическими осужденными» вообще и изъ частнаго случая сдѣлалъ общее правило, возложивъ отвѣтственность за всѣ эти операціи на Готье (*scrive*, будто бы, *Gauthier*)... Такъ «доказываетъ» авторъ *Il delitto politico* свои положенія.

ХІІ.

Итакъ, всѣ безъ исключенія нонконформисты, принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ категоріямъ, оказываются, волею Ломброзо, подведенными подъ одинъ и тотъ же общій знаменатель — *дегенерацию*. Эту, иногда очень трудную и вообще довольно-таки неблагоприятную, задачу авторъ нашъ, какъ мы видѣли, выполнилъ съ очень большимъ усердіемъ, энергіей, рѣшительностью и стремительностью. Но сама-то эти энергія и стремительность не мало и повредили Ломброзо, такъ какъ, оказавшись въ избыткѣ, увлекли его нѣсколько дальше той цѣли, въ которую онъ мѣтилъ, и ввергли его въ пучину всяческихъ противорѣчій, между прочимъ, и такихъ, указать на которыя читателю мы не имѣли еще случая. Одно изъ этихъ наиболее крупныхъ и сильно бросившихся намъ въ глаза противорѣчій заключается въ слѣдующемъ. Нашъ суровый, прямолинейный, безпощадный и жестокій антропологъ-криминалистъ «уличилъ» въ дегенерацию *всѣхъ* нонконформистовъ, въ томъ числѣ и двѣ крупнѣйшія категоріи ихъ — *мятежниковъ* и *революціонеровъ*. Мы нарочно подчеркиваемъ эти два слова, потому что они въ данномъ случаѣ очень важны. Въ самомъ дѣлѣ, если по отношенію къ представителямъ «мятежа» требованія теоріи оказались удовлетворенными (допустимъ это), то по отношенію къ представителямъ «революціи», съ точки зрѣнія той же теоріи, у Ломброзо вышло что-то, какъ будто бы и совсѣмъ ужъ неладное. Если, по ученію автора *Il delitto politico*, всякаго рода мятежниковъ слѣдовало заключить въ категорію дегенерированныхъ, то, по смыслу этого же самаго ученія, поступать такимъ же образомъ съ революціонерами, какъ кажется, совсѣмъ бы ужъ не полагалось, а, между тѣмъ, Ломброзо, — очевидно, увлекшись, — между тѣми и другими не дѣлалъ, какъ мы видѣли, никакого различія и постоянно сваливалъ ихъ въ одну кучу. Объяснимся, почему съ одними ломбрововская теорія требовала такого обращенія, а съ другими иного.

У Ломброзо есть довольно своеобразная общая философская доктрина, весьма недурно резюмирующая все его социальное-политическое міросозерцаніе. По внутреннему смыслу этой доктрины, — поговорить о которой въ настоящей статьѣ мы не имѣли возможности, — человѣчество совсѣмъ, какъ будто бы, не должно было бы шевелиться и двигаться впередъ, а, напротивъ, должно было бы довольствоваться даннымъ положеніемъ и сидѣть тихо, смиренно, спокойно и чинно. На такое сидѣніе его обрекаетъ изо-

генный Ломброзо специальный «законъ природы». Нарушать этотъ «законъ» — значитъ идти противъ велѣній природы и, въ то же самое время, посягать на волю большинства, которое всегда оказывается поворнымъ названному «закону». Это посягательство преступно; къ нему — то именно и сводится понятіе о «политическомъ преступленіи» *). Воля, желанія, идеи, чувства, стремленія большинства — норма. Здоровый человекъ всегда къ этой нормѣ и приспосабливается, ея и придерживается, въ ея предѣлахъ и устраиваетъ свою жизнь, и борется за свое существованіе; если же индивидуумъ, живущій въ данномъ обществѣ, переступаетъ эту норму, то онъ, очевидно, недостаточно приспособленъ къ окружающей его социальной средѣ, потому ли, что онъ представляетъ собою атависта, продуктъ дегенерациі (термины Ломброзо), потому ли, что онъ оказывается, говоря излюбленными терминами г. Дриля, «порочною, недостаточною организациею», «продуктомъ недостаточнаго органическаго развитія». Геній, обладающій оригинальнымъ душевнымъ складомъ, провозглашающій всяческія «новыя слова», продуцирующій новыя идеи, усматривающій новые пути, открывающій новыя «Америки», порывающійся къ этимъ «Америкамъ» и пытающійся при этомъ увлечь за собою и другихъ, оказывается обыкновенно врагомъ установленныхъ нормъ, проявляетъ сильнѣйшую склонность игнорировать ихъ, выходитъ за ихъ предѣлы, вноситъ въ нормированное общество новаторскій, безпокойный духъ. Очевидно, въ виду всего, что онъ представляетъ собою совершенно неприспособленную къ социальной средѣ, дегенерировавшую организацию **). Социально-политическій нонконформистъ, въ которомъ, по Ломброзо, почти всегда пробивается болѣе или менѣе сильная струйка геніальности, отрицательно относится къ существующимъ нормамъ, въ самой идеѣ ихъ, и пытается водворить въ окружающей его средѣ новыя, по его мнѣнію, лучшія нормы, причемъ приходитъ въ открытое столкновеніе съ большинствомъ или съ представляющею это большинство общественно-политическою властью. Очевидно, и онъ — существо неприспособленное, ненормальное, дегенерированное. Обыкновенный преступникъ почти никогда даже и не помышляетъ о самой сущности социальныхъ нормъ, вовсе и не думаетъ отрицать ихъ въ самомъ ихъ основаніи, онъ чаще всего признаетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, нарушаетъ ихъ въ частныхъ случаяхъ, руководясь при этомъ вовсе не какою-либо идеей, а соображеніями о личной выгодѣ; такъ или иначе, но онъ, все-таки, оказывается на прак-

*) По опредѣленію, данному въ *Il delitto politico*, „политическое преступленіе есть всякое насильственное посягательство на власть, установленную большинствомъ ради поддержанія и охраны удобной для него политической, социальной и экономической организациі“ (р. 437).

**) Извѣстный французскій ученый проф. Ш. Ряше, шокированный терминомъ „дегенерациа“ въ примѣненіи его къ геніямъ, рекомендовалъ называть этихъ послѣднихъ не „выродившимися“, а „переразвившимися“, — не *degénérés*, а *progénérés*; но Ломброзо, насколько намъ извѣстно, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на эту рекомендацію.

тихъ субъектомъ, не уживающимся мирно съ нормами, а потому онъ — то же существо ненормальное, дегенерированное или атактистическое.

Такова общая идея Ломброзо, положенная имъ въ основу всѣхъ его ученыхъ изслѣдованій и красною нитью проходящая и черезъ *Uomo delinquente*, и черезъ *Uomo di genio*, и черезъ *Il delitto politico*. Въ результатъ систематическаго примѣненія этой идеи получается, какъ будто, нѣчто очень цѣльное, стройное, логически-последовательное и гармоничное. Съ точки зрѣнія этого широкаго философскаго обобщенія, очень многое становится, какъ будто бы, совершенно яснымъ и понятнымъ, цѣлая масса разнороднѣйшихъ и, на первый взглядъ, не имѣющихъ ничего между собою общаго социальныхъ явленій освѣщается однимъ и тѣмъ же лучомъ свѣта, декретирется однимъ и тѣмъ основнымъ принципомъ. Теорія, въ фундаментъ которой краеугольнымъ камнемъ заложена идея о дегенерации, оказывается всеобъемлющею, поражающею своею широтой и соблазняющею своею удивительною простотой. Прекрасная теорія! Но, не говоря уже о томъ, что при построеніи ея пришлось разбить на-голову логику и обратиться въ бѣгство здравый смыслъ, она, эта соблазнительная теорія, на практикѣ оказывается, увы, совсѣмъ непримѣнимою къ весьма широкой и существенной категоріи тѣхъ самыхъ явленій, для объясненія которыхъ она именно и создана: стѣбитъ только подойти съ нею къ сферѣ общественно-политическаго нонконформизма, столь «удачно», какъ мы видѣли, подогнанной къ объединяющему понятію о дегенерации, да начать систематически примѣнять ее въ этой интересной сферѣ, какъ ея «недостаточность, порочность» тотчасъ же начинаютъ бить въ глаза даже самому Ломброзо. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: социальная неподвижность, консервированіе существующихъ нормъ общежитія предписываются декретированнымъ Ломброзо «закономъ природы»; всякая попытка нарушенія этого «закона» преступна, а, между тѣмъ, весьма нерѣдко случается, что само общественное большинство, — то самое большинство, въ угоду которому онъ, Ломброзо, даже генія закладъ на алтарѣ своей теоріи, — очень безпокойно поведется, опрокидываетъ ломбрововскій «законъ природы», отбрасываетъ своими собственными усиліями, или же руками представляющей его власти, существующія нормы, замѣняетъ ихъ новыми, находя эти послѣднія лучше, удобнѣе, выгоднѣе старыхъ, — учиняетъ, однимъ словомъ, настоящее возстаніе противъ «природы», любящей, по соображеніямъ нашего ученаго, тишь, гладь, спокойствіе и неподвижность. И вотъ, Ломброзо, скрѣпя сердце, дѣлаетъ поправку.

Всѣ социально-политическія движенія онъ надумывается разбить на двѣ категоріи, не одинаковыя по своему внутреннему смыслу и достоинству. Въ первую изъ этихъ категорій онъ относитъ *мятежи*, во вторую — *революціи*, въ широкомъ смыслѣ, подъ который, къ слову сказать, можъ быть подведенъ, наприм., и правительственный актъ 19 февраля 1861 г. (вѣдь, и онъ былъ тоже ниспроверженіемъ существовавшихъ нормъ). *Мятежи* — явленіе ненормальное, патологическое и, слѣдовательно, возбуждающее

ихъ, принимать въ нихъ участіе могутъ только люди ненормальные, дегенерированные. Что же касается истинныхъ революцій, то онѣ представляются, дескать, ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ «нормальной эволюціи»; въ нихъ, несмотря на ихъ бурный иногда внѣшній характеръ, вовсе, однако же, для нихъ не обязательный (революціи, и, притомъ, очень крупныя, могутъ быть и бывають очень тихими и спокойными), нѣтъ, въ сущности, ничего патологическаго. Благодаря такой ломбровозовской стратегіи, и большинство связывается «сыто», и теорія «цѣла». Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ самъ Ломброзо. Но, вѣдь, если такъ, то, въ такомъ случаѣ, и дѣятели революціи, какъ процесса нормальнаго, должны быть существами тоже нормальными, такъ какъ они работаютъ въ направленіи воли большинства и, слѣдовательно, оказываются приспособленными къ жизни этого большинства или, говоря вообще, къ окружающей ихъ социальной средѣ. А если все это такъ, то, значить, по отношенію къ нимъ и рѣчи не можетъ быть ни о какой дегенерации. А, между тѣмъ, что же мы видимъ у Ломброзо? Революцію онъ признаетъ процессомъ нормальнымъ, а революціонеровъ, какъ это видно чуть не на каждой страницѣ его книги, онъ постоянно сифшиваетъ съ представителями мятежа и, наравнѣ съ послѣдними, уличаетъ въ дегенерацию. Вотъ и извольте разобраться въ такихъ вопіющихъ противорѣчіяхъ!

ХІІІ.

Какъ эти противорѣчія, сами по себѣ, ни крупны и ни существенны, но, по значенію своему, они оказываются нестоющими вниманія пустяками въ сравненіи съ тѣми откровеніями, которыя мы находимъ у Ломброзо по вопросу о томъ, чѣмъ отличается мятежъ отъ революціи. Но, прежде чѣмъ говорить объ этихъ поистинѣ поразительныхъ откровеніяхъ, обратимся отъ себя съ нѣсколькими словами къ нашему читателю. Мы съ вами, читатель, можемъ быть самыхъ не одинаковыхъ убѣжденій, взглядовъ, симпатій; то, что вамъ кажется бѣло, мнѣ можетъ казаться черно, и наоборотъ; но это обстоятельство намъ, одинаково претендующимъ на известную степень умственнаго и нравственнаго развитія, все-таки, не помѣшаетъ имѣть кое-что общее, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы будемъ совершенно расходиться въ оцѣнкѣ того или иного даннаго явленія. Возьмемъ, въ видахъ демонстраціи, какое-нибудь историческое событіе, при обсужденіи котораго могло бы рѣзко сказаться различіе въ нашихъ взглядахъ. Вотъ, напримѣръ, знаменитый въ лѣтописяхъ исторіи государственный переворотъ, учиненный Наполеономъ ІІІ въ декабрѣ 1851 г. Вы, быть можетъ, скажете, что это былъ актъ преступный, позорный, гнусный; я, можетъ быть, заявлю вамъ, что, напротивъ, это было дѣяніе прекрасное во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. Оцѣнки одного и того же факта у насъ съ вами окажутся діаметрально противоположными, и, все-таки, повторю, у насъ съ вами даже и въ этихъ оцѣнкахъ очень много общаго. Въ самомъ дѣлѣ, почему вы утверждаете, что наполеоновскій *coup d'état*

былъ актъ скверный? Да потому, скажете вы, что авторъ этого дѣянія обманулъ довѣрившуюся ему страну, совершилъ влятвопреступленіе, поправилъ законъ, надругался надъ конституціей, укралъ ее въ то время, какъ ему поручено было ее охранять, подалъ примѣръ неуваженія къ законности, внесъ тѣмъ самымъ деморализацію въ общество и проч., и проч. А почему я буду рукоплескать Наполеону III? Да потому, положимъ, что онъ, дескать, своимъ переворотомъ спасъ Францію отъ дмагогіи, анархіи, и проч., и проч. Что же тутъ, скажете вы, общаго? Да то общее, что какъ моя, такъ и ваша оцѣнка факта исходитъ изъ соображеній *идейно-нравственныхъ*. Да изъ какихъ же иныхъ соображеній она можетъ исходить?!—съ недоумѣніемъ воскликнете вы. —То-то вотъ!... И мы раньше полагали, что ни на какихъ иныхъ соображеніяхъ такого рода оцѣнки и основывать совершенно невозможно, а теперь, вотъ, прочитали *Il delitto politico* и узнали, что въ интересующихъ насъ случаяхъ можно прекрасно обходиться и безъ такихъ пустяговъ, какъ идейно-нравственныя соображенія.

Знаете, чѣмъ, по Ломброзо, мятежь отличается отъ революціи? Тѣмъ, что онъ обыкновенно *не сопровождается успѣхомъ*, а революція обыкновенно бываетъ *успѣшна, торжествуетъ*... Представимъ себѣ дѣло такъ: Иванъ олицетворяетъ собою существующій порядокъ, а Петръ возстаетъ противъ этого порядка. Кто такой Петръ?—спрашиваете вы у нашего знаменитаго ученаго,—мятежникъ или революціонеръ?—А вотъ, погодите,—отвѣчаетъ вамъ знаменитый ученый,—когда борьба Петра съ Иваномъ окончится, тогда я вамъ и скажу, кто такой Петръ, въ какую категорію дѣятелей его отнести. Если ему удастся выбить Ивана изъ занимаемой тѣмъ позиціи, тогда онъ будетъ представлять собою революцію, будетъ прогрессивнымъ дѣятелемъ, выразителемъ нормальной исторической эволюціи; ну, а если Иванъ подавитъ его попытку, да самого его свергнетъ въ тюрьму, тогда онъ—ничто иное, какъ представитель мятежа, преступный и вредный дѣятель, выразитель дегенераціоннаго типа. Все дѣло тутъ въ томъ, кто кого...

Но, вѣдь, это же, въ полномъ смыслѣ слова, возмутительно!—съ негодованіемъ восклицаете вы, *какихъ бы убѣждений вы ни были*.—Вѣдь, это—раболовное преклоненіе передъ силой кулака!... Вѣдь, это—откровенная до цинизма апологія успѣха!... Кто успѣлъ, кто побѣдилъ, кто восторжествовалъ, тотъ и правъ, тотъ и прогрессивенъ, тотъ и нормальную историческую эволюцію собою выражаетъ!... Вѣдь, это—позоръ говорить, да еще отъ лица *науки*, такія гнусныя вещи! Прежде чѣмъ расшаркиваться передъ Петромъ или лягать его,—смотря по тому, успѣлъ онъ или не успѣлъ въ своемъ предпріятіи,—*обязательно*, кажется, навести справки о томъ, представителемъ какихъ идей, принциповъ и стремленій онъ является.

Вовсе никакихъ справокъ объ его идеяхъ и принципахъ наводить нѣтъ надобности,—категорически заявляетъ вамъ, въ отвѣтъ на ваши негодующіе возгласы, Ломброзо.—Разъ дѣло его не выгорѣло, разъ онъ не

ивается ввергнутымъ въ кутузку, то что-жъ тутъ и разговаривать? Очевидно, криминальная антропология имѣетъ, въ лицѣ его, дѣло съ простымъ мятеежникомъ, съ преступникомъ, съ существомъ психопатическимъ, дегенерированнымъ. Это ясно, какъ Божій день.

Вы рѣшительно не вѣрите своимъ ушамъ,—до такой степени все это тихо и скверно звучитъ,—и обращаетесь къ намъ съ запросомъ, вѣрно ли мы изобразили въ предыдущихъ строкахъ взглядъ Ломброзо на различіе между мятеежами и революціями? Какъ будто бы, вѣрно,—отвѣчаемъ мы. Впрочемъ, вотъ вамъ подлинныя рѣчи Ломброзо; читайте и судите сами.

«Революція,—говоритъ онъ на стр. 31,—есть историческое выраженіе революціи. Пра данномъ положеніи вещей, при данномъ состояніи религіозныхъ вѣрованій, научныхъ воззрѣній и проч., переставшихъ уже находиться въ соотвѣтствіи съ новыми условіями существованія, съ новыми политическими результатами и проч., она (революція) измѣняетъ общественный строй съ наименьшею тратой силъ (въ текстѣ—съ наименьшимъ треніемъ) съ наибольшимъ успѣхомъ (*col massimo del successo*)» *). Все это пока не ладно, хотя нельзя не замѣтить, что и тутъ уже выдвигается на сцену элементъ *устыха*; но будемъ читать дальше, остановимъ наше вниманіе на мѣстахъ болѣе выразительныхъ. «Такимъ образомъ, однимъ изъ ея (революціи) отличительныхъ признаковъ является успѣхъ, который можетъ быть достигнутъ раньше или позже,—*uno dei suoi caratteri distintivi, dunque, è il successo, che può raggiungersi presto o tardi*» (р. 32). «Хотя въ самомъ началѣ революція бываетъ очень часто не особенно успѣшна, но, въ противоположность мятеежамъ, она почти всегда кончается торжествомъ» (р. 33).

*) Во избѣжаніе недоразумѣній при чтеніи какъ этой, такъ и всѣхъ нижеслѣдующихъ цитатъ, настоятельно рекомендуемъ читателю отказаться на время отъ прочихъ представленій о мятеежахъ и революціяхъ и помнить, что тѣ и другія разсматриваются здѣсь по существу, какъ всякаго рода попытки измѣненія существующихъ общественныхъ нормъ, откуда бы эти попытки ни исходили. Пытаться измѣнить названныя нормы можетъ какъ народъ или какая-либо фракція его, приходя къ этому въ столкновеніе съ правительствомъ страны, такъ и сама государственная власть, само правительство, наталкивающееся въ этой своей реорганизационной дѣятельности на активное или пассивное сопротивленіе народа, общества, вообще, общественной среды. Если имѣющая въ виду общественную реорганизацию попытка индивидуальная, групповая, классовая, народная, правительственная) оказывается неудачною, она приурочивается Ломброзо къ понятію мятеежа, т.-е. преступнаго посягательства на существующій строй (а вовсе не на данную правительственную систему, какъ это обыкновенно понимаютъ). Если же она увѣнчивается успѣхомъ, то она—актъ революціонный, въ истинномъ смыслѣ слова, т.-е. эволюціонный, прогрессивный... Если читатель не будетъ имѣть въ виду этого критерія, то онъ окажется въ наибольшемъ недоумѣніи при чтеніи тѣхъ мѣстъ *Il delitto politico*, гдѣ Ломброзо пытается находить возможнымъ точно опредѣлить, къ какой категоріи явленій,—къ мятеежамъ или революціонной,—слѣдуетъ отнести, наприм., реформы Петра Великаго или министра Помбала въ Португаліи, даже—христіанство или буддизмъ, въ первыя времена ихъ существованія, и пр., и пр. Такія и имъ подобныя явленія, по Ломброзо, относятся ни къ той, ни къ другой категоріи, а къ промежуточной (см., напримѣръ, стр. 35 и ми. др.).

«Мятежъ представляетъ собою революціонный абортъ, въ гораздо болѣе степени конвульсію, чѣмъ нормальное движеніе, а потому и служить и раженіемъ болѣзни и слабости» (р. 34). И во время настоящей революціи могутъ совершаться такіа дѣянія, которыя заинтересованными лицами могутъ разсматриваться, какъ мятежныя, «но въ самый моментъ совершенія дѣяній нельзя опредѣленно отвѣтить на вопросъ, что это такое (мятежъ или актъ или нѣтъ); отвѣтъ можетъ быть данъ только позже, только въ окончательнаго исхода движенія» (р. 36). «Революція есть феноменъ фізіологическій, а возстанія (*rivolte*)—феноменъ патологическій. Въ виду этого первыя никогда (*mai*) не бывають преступленіемъ, такъ какъ общественное мнѣніе ихъ оправдываетъ и санкціонируетъ (*perchè l'opinione pubblica suggella e dà loro ragione*), между тѣмъ какъ вторыя, наоборотъ, есть если и не прямо преступленіе, то нѣчто ему эквивалентное» (р. 35). «Одинъ только успѣхъ опредѣляетъ, будетъ ли сегодняшній мятежникъ жествующимъ революціонеромъ завтрашняго дня (*è il successo che determina se il ribelle dell'oggi sia il rivoluzionario trionfante della domani*)» (стр. 35—36).

Прекращаемъ выписки и теперь уже, въ свою очередь, обратимся къ читателю съ просьбою категорически отвѣтить намъ, вѣрно или нѣтъ мы изобразили выше ломбозовскій взглядъ на различіе между мятежемъ и революціею. Въ смыслъ этого отвѣта мы, впрочемъ, ни на одну минуту не сомнѣваемся: вѣдь, только что приведенныя нами ломбозовскія рѣшенія настолько выразительны и недвусмысленны, что понять ихъ иначе, чѣмъ мы ихъ поняли, довольно затруднительно. Успѣхъ, успѣхъ—вотъ критерій для отличенія революціи отъ мятежа, здоровыхъ общественныхъ движеній отъ патологическихъ, представителей психо-фізіологической нормы отъ представителей дегенераціи, органическаго регресса, дѣятелей социальнаго прогресса отъ адептовъ реакціи. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что къ этому ломбозовскому критерию съ одинаковою гадливостью отнесутся еса, и хоть сколько-нибудь мыслящіе и развитые нравственно люди, какіхъ мнѣній они ни придерживались, какое бы социальное-политическое *profession de foi* ни исповѣдовали, къ какому бы лагерю или партіи ни принадлежали. Не будь у насъ этого убѣжденія,—и мы не стали бы и только здѣсь о такихъ «неудобныхъ» для разговора вещахъ.

А теперь, читатель, попробуемъ вооружиться ломбозовскимъ критеріемъ и сдѣлаемъ бѣглую экскурсію въ область исторіи. Вотъ, напримеръ, передъ нами христіане первыхъ временъ. Ихъ безпощадно гонятъ, бьютъ, заточають въ тюрьмы, отдають на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, жгутъ, вѣшаютъ, распинають на крестахъ. Они только страдаютъ, терпятъ всевозможныя лишенія, мученія, поношенія, гибнуть, гибнуть массами. Ни въ какомъ фактическомъ торжествѣ ихъ въ ту мрачную и тяжелую для нихъ эпоху не было, конечно, и поминна. Какое ужъ тутъ торжество! Кто же, спрашивается, они были *тогда*,—мятежники, «порочныя, недостаточныя организаціи», продукты дегенераціи или дѣятели прогресса?

выразители эволюціи, положительныя, а не отрицательныя, въ духовномъ отношеніи, элементы? Кто они? Прикладывая къ нимъ ломбровскій аршинъ, съ крупною надписью: «*ученые*», мы неизбежно приходимъ къ тому опредѣленію, что они были мятежниками (хотя и пассивными) и, слѣдовательно, «выродками» (*dégénérés*). А если у насъ, несмотря на полученные нами результаты измѣренія аршиномъ, все-таки, останется нѣкоторое сомнѣніе и если мы за разрѣшеніемъ этого сомнѣнія обратимся къ самому Ломброзо, то онъ, какъ мы уже знаемъ, отвѣтитъ намъ, — хотя, очевидно, и не безъ сильнаго смущенія, что это—люди промежуточные, ни то, ни се, и что, во всякомъ случаѣ, криминальная антропология должна ихъ оставить подъ сильнѣйшимъ подозрѣніемъ. Въ то самое время, когда вы раздумываете надъ этими «учеными» рѣчами, до слуха вашего долетаетъ, со страницъ Евангелія, кроткій, горячій, проникающій вамъ въ душу голосъ Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное,—говоритъ Спаситель по адресу тѣхъ, о комъ вы только что наводили справки у Ломброзо.—Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески несправедливо злословить за Меня... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ: такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ... Вы—соль земли... Вы—свѣтъ мира» (Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 10—15). При первыхъ же звукахъ этого чарующаго голоса вы, конечно, отбрасываете отъ себя лежащую передъ вами, раскрытую на 35 страницѣ, книгу Ломброзо: и безъ помощи ея вы можете ясно и отчетливо сказать, кто эти люди, о которыхъ вы сейчасъ спрашивали, съ цѣлью проэкзаменовать знаменитаго ученаго.

Оставляемъ христіанъ и идемъ хотя бы, наприм., къ болгарамъ, стонущимъ подъ турецкимъ игомъ. Несчастные «райи», въ конецъ измученные варварскимъ азіатскимъ режимомъ, съ его жестокостями, насиліями, хищничествомъ и вопіющими несправедливостями, начинаютъ терять терпѣніе и вспоминаютъ, что они, вѣдь, тоже люди; въ ихъ средѣ проявляется броженіе, начинаютъ вспыхивать революціонныя искорки и огоньки. Наиболее смѣлые и рѣшительные изъ нихъ уходятъ въ «балканъ» (горы), унося съ собою въ сердца непримиримую ненависть и жгучую злобу къ турчину за обезчещенныхъ женъ, сестеръ, дочерей, за злодѣйски прирѣзанныхъ родителей и дѣтей, за разграбленное имущество, организуются въ горахъ въ гайдуцкія шайки и затѣмъ, улучая моментъ, налетаютъ внезапно на «поганого турчина», поработителя и осквернителя родины, жгутъ, рѣжутъ, грабятъ, стараются взять за око два ока, за зубъ два зуба. Если при такихъ налетахъ имъ случится просчитаться, т.-е. натолкнуться на слишкомъ большую вражью силу, если ихъ настигнетъ «потеря» (погоня), если пути отступленія въ гостепримный балканъ оказываются отрѣзанными, они, гайдуки, платятся головами, сажаются на колъ, вздергиваются на висѣлицу, гниютъ въ ужасныхъ азіатскихъ тюрьмахъ. Нѣсколько позже и въ долинахъ время отъ времени появляются геройскія повстанническія «четы» и вступаютъ съ «турчиномъ» въ отчаянную, но совсѣмъ нерав-

ную, совершенно безнадежную борьбу, въ которой и гибнуть, причѣмъ озлобленный повстанцами властелинъ-турокъ, не ограничиваясь свирѣпнымъ истребленіемъ тѣхъ, кто попался ему съ оружіемъ въ рукахъ, обрушивается и на мирную райю, вырѣзываетъ и выжигаетъ цѣлыя селенія, цѣлые города, заливая многострадальную болгарскую землю потоками крови, заваливая ее трупами мужчинъ, женщинъ, дѣтей... Узнавая объ этихъ дѣлѣхъ расправахъ, Европа вздрагиваетъ отъ ужаса. Гладстонъ, Лавеле и др. умоляютъ цивилизованное человѣчество положить конецъ неописуемымъ злодѣянамъ, творящимся на Балканскомъ полуостровѣ. Наконецъ, мы русскіе, бросаема за Дунай, заслоняемъ собою гибнущихъ «братушекъ» и, огромною цѣной 200,000 собственныхъ жизней, вырываемъ истекающую кровью Болгарію изъ когтей ея пятивѣкового мучителя... Припоминаю все это, мы спрашиваемъ у Ломброзо, кто такіе были болгарскіе повстанцы, вступавшіе съ турками въ *безнадежную* борьбу и неизбежно, ровнымъ образомъ *погибавшіе* въ этой борьбѣ? Да, вѣдь, если они гибли, если дѣло ихъ было безнадежно въ ту эпоху, если объ успѣхѣ, о торжествѣ ихъ тогда не могло быть и рѣчи, то ясно, кто они были: мятежники, преступники, конечно, не приспособленные (къ турецкому игу?) организациі, неуравновѣшенные, недостаточныя, дегенерированныя натуры. Прислушавъ такой отвѣтъ, вы, изъ опасенія, что съ языка у васъ невольно сорвется, чего добраго, крѣпкое слово, поспѣшно отходите отъ слишкомъ ужъ ученаго туринскаго профессора и мысленно отвѣшиваете благоговѣйный поклонъ передъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ г. Софіи русскими оккупационными властями въ память одного изъ наиболѣе тяжелыхъ изъ числа только что упомянутыхъ мятежниковъ-«преступниковъ», главнѣйшаго организатора послѣдняго передъ освобожденіемъ болгарскаго возстанія, діакона Левскаго, погибшаго на висѣлицѣ.

Многое множество и другихъ историческихъ картинъ въ томъ же родѣ проносится у васъ передъ вашими умственными взорами, — вѣдь, исторія полнымъ-полна такими картинками; длиною вереницей проходятъ въ вашей памяти величавыя фигуры и единичныхъ нонконформистовъ, которымъ тоже приходилось погибать гораздо раньше торжества ихъ идей. Вонъ Джордано Бруно на кострѣ, вонъ Галилей въ цѣпяхъ, вонъ святой энтузіастъ, фанатикъ идеи освобожденія негровъ въ Америкѣ, Джонъ Брунъ, съ горстью освобожденныхъ имъ на отповской фермѣ рабовъ и немногими единомышленниками выступающій (въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ) въ настоящій военный походъ противъ рабовладѣльцевъ-южанъ, тотчасъ же попадающій въ ихъ руки и безжалостно разстрѣливаемый; вонъ Бола-ди-Ріензи, вонъ Саванарола, Гусъ, Іоганнъ Жижка, вонъ длинный фаланга мучениковъ за объединеніе Італіи, вонъ толпы изнывающихъ въ изгнаніи или задыхающихся въ гнилыхъ тюрьмахъ Кайенны жертвы наполеоновскаго *coup d'état*, вонъ длинные ряды избиваемыхъ, гонимыхъ гугенотовъ... Да развѣ всѣхъ ихъ можно перечестъ и узазать? И если привинуть къ нимъ ломброзовскую мѣрку, если попытаться опредѣлить ихъ

стоинство при помощи указаннаго Ломброзо критерія, то, вѣдь, всѣхъ, всѣхъ ихъ придется отнести въ преступную, дегенерационную категорію. Въ какомъ дѣлѣ, вѣдь, непосредственнаго успѣха они не имѣли,—вѣдь, они только гибли, а не торжествовали.

Но, быть можетъ, Ломброзо скажетъ, что онъ и не говоритъ о непосредственномъ успѣхѣ (а, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ даже первыхъ христіанъ, не говоря уже ни о комъ другомъ, относить въ сомнительную, промежуточную категорію?), что онъ имѣетъ въ виду торжество, достигаемое «раньше или позже». Прекрасно; но если мы, не обращая уже вниманія на непрерывныя и волюющія ломброзовскія противорѣчія, вооружимся противъ Ломброзо этимъ самымъ «раньше или позже», то, вѣдь, всѣхъ его безконечно-длинныхъ «ученыхъ» разглагольствованій на интересующую насъ теперь тему, буквально, ни одной іоты не уцѣлѣетъ, — все, все развалится прахомъ.

Хотя бесѣдовать съ Ломброзо о вешахъ, по поводу которыхъ у насъ была рѣчь на предыдущихъ страницахъ, и совсѣмъ не поучительно, и не заманчиво, но у васъ въ головѣ стоитъ одинъ большой, слегка только затронутый выше вопросъ, на который вы еще не получали до сихъ поръ прямого отвѣта, и вотъ вы, скрѣпя сердце, подходите къ знаменитому антропологу-криминалисту еще разъ—и послѣдній—и говорите ему, примерно, слѣдующее: «Мы—живые люди и, въ качествѣ таковыхъ, никакъ не можемъ успокоиться на высказываемыхъ вами положеніяхъ и заключеніяхъ. Вы, вотъ, говорите, что между мятежнымъ и истинно-революционнымъ,—т.-е., по существу, эволюционнымъ,—движеніемъ существуетъ глубокая разница. Первое, по вашимъ словамъ, всегда преступно, всегда является выраженіемъ общественной слабости и болѣзни, говорить о дегенерации его участниковъ, оказывается вреднымъ для общества; что же касается второго, то оно характеризуется какъ разъ обратными свойствами и признаками. Прекрасно; но какъ намъ воспользоваться вашими ученными соображеніями на практикѣ? Мы хотимъ служить добру, общественному благу, прогрессу; мы не желаемъ потакать вредной, патологической дѣятельности кого бы то ни было. Не можетъ ли ваша наука дать намъ какіе-нибудь совѣты и указанія, при помощи которыхъ мы могли бы безошибочно опредѣлять, чтѣ хорошо, чтѣ дурно изъ числа совершающихся вокругъ насъ общественно-политическихъ явленій и, такимъ образомъ, сознательно относиться къ окружающей насъ дѣйствительности, сознательно принимать участіе въ кипящей вокругъ насъ жизни, сознательно бороться противъ зла, противъ вредныхъ, регрессивныхъ тенденцій и попятновеній? Предположимъ, что мы живемъ во Франціи и что на нашихъ глазахъ совершается, наприм., наполеоновскій *coup d'état*. Какъ намъ быть, какъ намъ отнестись къ этому крупному общественно-политическому событію? Чтѣ намъ дѣлать,—стать ли на сторону угрожаемаго *status quo* и вмѣстѣ съ Викторомъ Гюго, Шельхеромъ, Медрю-Ролленомъ, Боденомъ и др. г., защищать попираемую Наполеономъ III конституцію, или же помочь

этому самому Наполеону, «спасающему Францію отъ демагогін»? Откровенно говоря, у насъ имѣются довольно опредѣленные мнѣнія по этому вопросу, и, по всей вѣроятности, мнѣніями этими мы и будемъ руководствоваться въ нашемъ поведеніи. Но, тѣмъ не менѣе, намъ, въ нашей дѣятельности, не хотѣлось бы становиться въ разрѣзъ съ законами и требованіями вашей почтенной науки... Такъ вотъ какой же отвѣтъ дать намъ эта ваша наука на только что поставленные вопросы?

— Милостивые государи и милостивыя государыни! — отзывается знаменитый Ломброзо. — «Мы, представители криминальной антропологии, рѣшительно не можемъ опредѣленно высказаться относительно совершающихся, но еще не совершившихся, фактовъ, не можемъ сказать, выраженіемъ чего они служатъ, — революціи или мятежа (*è impossibile sulle prime il distinguere, quando un atto sia rivoluzionario o sia sedizioso*, p. 35). Мы тутъ далеко не всегда можемъ отличить революціонера отъ мятежника, который, какъ мы уже знаемъ, одинъ только и долженъ считаться настоящимъ преступникомъ (*non sempre potremo sceverare nell'esame individuale i rivoluzionari dai ribelli, che sarebbero i soli veramente rei*, *ibid.*). Такъ какъ это очень важно, то поэтому мы особенно на этомъ настаиваемъ и считаемъ нужнымъ повторить еще разъ: когда мы имѣемъ передъ собою какихъ-либо участниковъ въ совершающемся общественно-политическомъ движеніи, то мы не знаемъ, мятежники это или революціонеры (*non sapiamo se... sien ribelli o rivoluzionari*, p. 379). Наука наша говоритъ, что единственно надежнымъ критеріемъ въ данномъ случаѣ является успѣхъ. Но успѣхъ выдвигается на сцену только въ концѣ всякаго дѣла или движенія, а потому и нужно ждать этого конца, хотя... хотя въ этомъ выжиданіи можетъ пройти и очень много времени (*occorre del tempo e di molto*, p. 36). А на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ, это вы опредѣлите по очень простому признаку, выясненному нашею наукой: кого влекутъ въ кутузку, тотъ не получилъ успѣха; тотъ же, кто влечетъ, — успѣлъ, восторжествовалъ. Вы просите у меня совѣта, какъ вамъ быть въ виду совершающихся событій. Говорю вамъ отъ лица науки: изъ боязни ошибиться, не вмѣшивайтесь въ начинающуюся на вашихъ глазахъ борьбу; не становитесь ни на сторону одного, ни на сторону другого изъ противниковъ; отойдите вдалѣ отъ поля борьбы и выжидайте, кто кого побѣдитъ, а затѣмъ привѣтствуйте побѣдителя: онъ — орудіе общественной эволюціи, онъ — нормальный дѣятель, онъ — двигатель прогресса... Это все, что можетъ отвѣтить на вашъ вопросъ наша наука».

Полагаемъ, что лучше всего будетъ оставить эти глубокомысленныя «ученыя» рѣчи безъ всякихъ комментаріевъ.

XIV.

Мы кончили и ждемъ, что читатель нашъ съ недоумѣніемъ спроситъ насъ: да неужели же въ ломбрововскихъ произведеніяхъ и, въ частности, въ *Il delitto politico* такъ-таки ужъ и нѣтъ ничего болѣе серьезнаго,

льняго, умнаго и поучительнаго, чѣмъ все то, о чемъ была рѣчь въ этой самой статьѣ?... О, нѣтъ, читатель, какъ не быть!... Вѣдь, въ сущности, едва ли даже и возможно написать такую большую, такую желовѣсную книгу такъ, чтобы въ ней не оказалось ровно ужъ нѣчто хорошаго, цѣннаго, заслуживающаго вниманія. Есть, конечно, хорошее, между прочимъ, и въ сочиненіи *Il delitto politico*, которое мы имѣли главнымъ образомъ въ виду въ нашей статьѣ. Такъ, и въ этой книгѣ обранъ огромный запасъ фактовъ, между которыми есть немало и очень интересныхъ, и очень поучительныхъ и которыми читатель можетъ воспользоваться для своихъ собственныхъ соображеній, извлекиши ихъ предварительно изъ стѣнъ возведеннаго Ломброзо «зданія». Найдутся тамъ, конечно, и недурныя мысли, здравыя положенія, заслуживающія вниманія соображенія, указанія и рекомендаціи; такъ, наприм., читатель съ удовольствіемъ прочтетъ въ *Il delitto politico* многія страницы, на которыхъ трактуется важный вопросъ о предупрежденіи политическихъ преступленій... Но, къ сожалѣнію, то хорошее, что есть въ книгѣ, буквально тонетъ въ гущинѣ всевозможныхъ противорѣчій, натяжекъ, поспѣшныхъ и легкомысленныхъ обобщеній и выводовъ, неосмысленныхъ сопоставленій, грубѣйшихъ логическихъ ошибокъ... Неладья автора съ логикой, отсутствіе у него критической мысли и безсиліе его проникнуть во внутренней смыслъ трактующихъ имъ явленій бросаются читателю въ глаза положительно на каждомъ шагу, подрываютъ всякое довѣріе къ автору и заставляютъ крайне подозрительно относиться ко всѣмъ, вообще, его соображеніямъ, заключеніямъ и положеніямъ. Представьте себѣ, что вы перелистываете какой-нибудь математическій трактатъ, въ которомъ вы, къ изумленію своему, наталкиваетесь на рядъ несомнѣнныхъ доказательствъ того, что писавшій этотъ трактатъ не совсѣмъ твердъ даже по части элементарной ариѳметики; представьте себѣ, что вы просматриваете какую-нибудь естественно-историческую книгу и находите въ ней пресерьезныя сообщенія о томъ, наприм., что у змѣи есть «жало» или что вить есть рыба, или что громъ есть грохотъ, производимый быстро мчащеюся въ облакахъ колесницей пророка Ильи... Натолкнувшись на такіе перлы, вы съ полнымъ основаніемъ и правомъ заключаете, что едва ли возможно ожидать отъ авторовъ чего-либо путнаго... Ну, такъ вотъ почти то же самое можно сказать и про Ломброзо...

Нѣтъ, мы рѣшительно не согласны съ цитированнымъ нами въ началѣ статьи Вирджиліо, утверждающимъ, что Ломброзо есть, будто бы, *pensatore di genio*... До «генія» ему, какъ до звѣзды небесной, далеко. Какъ это прекрасно видно по всѣмъ продуктамъ его ученаго творчества, умъ его не глубокъ, не силенъ, не проникающъ; мысль его мелка, всегда почти скользитъ только по поверхности затрогиваемыхъ ею вопросовъ и оказывается совершенно безсильною уловить внутренней смыслъ и постигнуть истинную, логическую связь тѣхъ явленій, вокругъ которыхъ она рѣзко порхаешь. Ломброзо, по всѣмъ видимостямъ, даже и понятія не имѣетъ о

томъ, что такое критическая мысль, — до такой степени эта послѣдняя блѣстаетъ своимъ отсутствіемъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Не мудрено поэтому, что ученый криминалистъ-антропологъ почти постоянно оказывается въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ и съ логикой, которая, за презрѣніемъ къ себѣ, на каждомъ шагѣ и мститъ ему самымъ безжалостнымъ образомъ. Вопіющихъ противорѣчій, логическихъ несообразностей, доказательствъ поразительнаго безсилія мысли, примѣровъ младенческаго-наивнаго мышленія въ Ломбровскихъ писаніяхъ не оберешься. Иногда, какъ это, наприм., имѣетъ мѣсто въ *Il delitto politico*, конецъ трактата отрицаетъ его начало, одна глава побиваетъ другую; бываетъ даже и такъ, что страницы, находящіяся въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, оказываются въ непримиримой враждѣ между собою. Объясняется все это, между прочимъ, и тѣмъ весьма существеннымъ обстоятельствомъ, что нашъ *pensatore di genio* въ сферѣ социальныхъ явленій оказывается совершеннѣйшимъ профаномъ. Въ волнахъ человѣческой исторіи онъ не усматриваетъ ничего, кромѣ череповъ, носовъ, ушей, зубовъ, волосъ и тому подобныхъ любопытныхъ предметовъ, подлежащихъ его антропологическому вѣдѣнію. Всякаго рода социологическіе вопросы, — каковы, наприм., вопросъ о преступности вообще и политической въ частности, — лежатъ, очевидно, совсѣмъ внѣ предѣловъ его компетенціи, что, однако же, нисколько не мѣшаетъ ему проявлять необыкновенную самоувѣренность, поразительное самомнѣніе при обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ. Онъ пренаивно считаетъ себя глубокимъ, проницательнымъ мыслителемъ и всеобъемлющимъ ученымъ; въ антропологии, какъ и во всѣхъ прочихъ наукахъ, считая тутъ, конечно, и социологию, онъ — наивкомпетентнѣйшій судья, непогрѣшимый папа; никакого противорѣчія себѣ онъ не выноситъ; малѣйшее несогласіе съ его взглядами и теоріями онъ принимаетъ чуть не за личное себѣ оскорбленіе; даже тѣмъ сомнѣніямъ въ его авторитетности, въ его научномъ значеніи, въ истинности его доктринъ выводитъ его изъ себя, переполняетъ его пылкое сердце чувствомъ гнѣва и заставляетъ прекомично сердиться. О высказанныхъ имъ «новыхъ словахъ», о построенныхъ имъ теоріяхъ, о сдѣланныхъ имъ «открытіяхъ» въ сферѣ мысли онъ чрезвычайно высокаго мнѣнія. Такъ, напримѣръ, его криминально-антропологическія идеи кажутся ему до такой степени глубокими, важными, драгоцѣнными, что степенью восприимчивости къ нимъ онъ опредѣляетъ, — боимся, что читатель не повѣритъ, — и степень духовной зрѣлости, интеллектуальнаго развитія, и способность данной страны или даннаго народа къ усвоенію новыхъ формъ жизни и мысли, къ движенію впередъ, къ прогрессу. Если въ извѣстной странѣ плохо прививаются ученія и откровенія, исходящія изъ Турина, страна эта, по соображеніямъ Ломброзо, страдаетъ отсталостью или представляется безнадежною въ духовномъ отношеніи; если же дѣло стоитъ обратно, если въ словесахъ туринскаго пророка гдѣ-либо внимательно прислушивающагося, а передъ самимъ этимъ пророкомъ благоговѣнно преклоняющаго колѣна, по народъ, къ которому принадлежать эти колѣнопреклоненные ученики, б-

дадаетъ, очевидно, духовною свѣжестью и отличается прогрессивнымъ духомъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что насъ, русскихъ, Ломброзо относитъ къ числу народовъ, наименѣе приверженныхъ къ рутинѣ, наиболѣе склонныхъ ко всякимъ новшествамъ, наиболѣе новаторскихъ, прогрессивныхъ (*essenzialmente novatori*). На основаніи чего же, спрашивается, онъ выдаетъ намъ такой аттестатъ? Да исключительно только на основаніи того знаменательнаго «факта», что, съ одной стороны, «въ Россіи процвѣтають социалистическія идеи» (?!), а съ другой, что «какъ разъ именно въ Россіи итальянская криминальная школа (ломброзовская) и находитъ себѣ главнѣйшихъ послѣдователей» (*L'idea socialista fiorisce in Russia, e la scuola penale italiana ha appunto in Russia i suoi principali fautori. Delitto politico*, p. 131). Разъ ломброзовскія идеи находятъ для себя главнѣйшую поддержку въ русскихъ ученыхъ (?!), то ясно, стало быть, что Россія—очень прогрессивная и многообъщающая страна (да простятся Ломброзо за такое лестное мнѣніе о нашей родинѣ всѣ его безчисленныя прегрѣшенія противъ здраваго смысла и логики!). Замѣтивъ многоходомъ, что, очевидно, кто-то злокозненно подшутилъ надъ Ломброзо, введя его въ пріятное заблужденіе относительно мнимаго процвѣтанія его идей въ Россіи, обратимся къ другимъ народамъ. Вотъ, наприм., французы и бельгійцы, среди которыхъ, какъ извѣстно, проповѣдь ломброизма, увы, остается гласомъ воиющаго въ пустынѣ. Почему это и о чемъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ? Да не о чемъ иномъ, какъ о томъ, что «бельгійцы и французы еще умственно не созрѣли, не досрели до этихъ новыхъ теорій (ломброзовскихъ), а потому и не могутъ ихъ понимать, подобно тому, какъ дальтоницы (страдающіе цвѣтною слѣпотой) не могутъ судить о красномъ цвѣтѣ» *). Отрицають ломброизмъ—значить не понимаютъ его, а не понимаютъ и не могутъ понять потому, что не досрели еще до этого пониманія. Что касается, въ частности, французовъ, среди которыхъ ломброзовскія идеи, теоріи и «открытія» встрѣчаютъ наиболѣе рѣшительный отпоръ и отрицаніе, то это — самая необстоятельная, несерьезная и нестоящая нація, отъ которой нечего и ждать чего-либо путнаго. Кто не знаетъ, что, проявляя сильнѣйшую наклонность къ однимъ только безтолковымъ и бесплоднымъ «мятежамъ», французы въ исторіи своей «на считаютъ чрезвычайно мало творцовъ истинныхъ революцій, политическихъ и научныхъ» (*frequentemente in istato di sedizione, contano scarsissimi creatori di vere rivoluzioni politiche e scientifiche. Il delitto politico*, p. 131). Вотъ какое важное значеніе имѣетъ непризнаваніе ломброзовскихъ идей! Читая подобныя вещи,—къ слову сказать, прекрасно характеризующія степень серьезности и основательности ломброзовскихъ умозаключеній и выводовъ,—неволью начинаешь думать, что если недостатокъ или

*) „I belgi ed i francesi non erano maturati a queste nuove teorie e non le potevano comprendere, e si trovano quindi nella condizione dei daltonici che doversero giudicare del color rosso“ (миланская *Corriere della Sera* 1892, 1 sept.).

отсутствіе скромности есть признакъ гениальной природы, то Ломброзо, несомнѣнно, очень большой гений...

Повторяемъ еще разъ: Ломброзо вовсе не «гениальный», а весьма плохой и весьма легкомысленный мыслитель. Продукты его мышленія кажутся намъ довольно характерными образцами того, какъ *не надо* мыслить и философствовать, а тяжеловѣсныя плоды его ученыхъ изслѣдованій—неглядными примѣрами того, какъ *не надо* производить ученыхъ изслѣдованій. Показать это и было задачей настоящей статьи.

И. Д—въ.

Изъ итоговъ земскаго школьнаго дѣла.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся сдѣлать оцѣнку школьной дѣятельности нижнедѣвицкаго уѣзднаго земства. Въ лѣтописяхъ дѣятельности этого земства по народному образованію нѣтъ блестящихъ страницъ, которыя давали бы ему право на какое-нибудь выдающееся положеніе среди другихъ уѣздныхъ земствъ. Напротивъ, крайняя осторожность, съ которою дѣлается имъ каждый новый шагъ, медленность, часто граничащая съ неподвижностью, ставятъ его въ многочисленный разрядъ тѣхъ уѣздныхъ земствъ земледѣльческой полосы, заурядная дѣятельность которыхъ, не привлекая ничьего вниманія, проходитъ совершенно незамѣченной. Тѣмъ, однако, интереснѣе присмотрѣться къ результатамъ этой работы, оцѣнить ея производительность и значеніе: въ общемъ теченіи жизни наиболѣе крупною величиною всегда были и будутъ именно заурядныя явленія; они нервенствуютъ своею многочисленностью, и съ нихъ-то и приходится начинать изученіе дѣйствительности.

Ближайшимъ поводомъ къ тому, что мы остановились именно на Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, послужило слѣдующее обстоятельство: въ началѣ 1894 года нижнедѣвицкій училищный совѣтъ поручилъ тремъ членамъ своимъ: П. И. Ткачеву, А. П. Иваньшину и Я. И. Харкѣвичу, — произвести поѣздочное испытаніе знаній бывшихъ учениковъ всѣхъ начальныхъ училищъ уѣзда, съ цѣлью выяснитъ, остается ли что-нибудь въ памяти прошедшихъ начальную школу по прошествіи пяти-десяти лѣтъ по полученіи ими свидѣтельства о грамотности. Испытанія были произведены, главнымъ образомъ, во время великаго поста 1894 г., когда крестьяне наиболѣе свободны, и результатомъ ихъ былъ докладъ училищному совѣту, изданный потомъ отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: *Домо ли помнятъ грамоту крестьяне, прошедшіе начальную народную школу, читаютъ ли они по выходѣ изъ школы, и что по преимуществу, итъ берутъ книги* (Воронежъ, 1894 г.). Докладъ этотъ, составленный на основаніи отвѣтовъ болѣе чѣмъ тысячи человекъ, имѣлъ въ виду рѣшить лишь поставленные выше вопросы, и потому далеко не могъ исчерпать всего содержанія предлагаемыхъ письменными работами матеріаловъ. Получивъ воз-

возможность подробно ознакомиться съ подлинными экзаменаціонными работами окончивших курсъ крестьянъ, мы убѣдились, что съ помощью ихъ можно близко подойти къ отвѣту на вопросъ, не менѣе интересный, чѣмъ тѣ, на которые отвѣтилъ уже училищный совѣтъ, а именно на вопросъ о той роли, какую играетъ теперь и можетъ играть въ будущемъ начальная школа въ жизни сельскаго населенія.

Нижнедѣвицкій уѣздъ, занимающій площадь въ 333,938 десятинъ, съ населеніемъ въ 175,000 человекъ обою пола, принадлежитъ къ числу уѣздовъ съ наиболѣе рѣзко выраженнымъ земледѣльческимъ характеромъ. Кустарные промыслы развиты въ немъ очень слабо, фабричная и заводская дѣятельность почти совершенно отсутствуетъ, и крестьяне, во владѣніи которыхъ находится 81,4% всей площади земли, занимаются исключительно земледѣліемъ, пополняя свой скудный бюджетъ отхожими, преимущественно сельско-хозяйственными промыслами, для каковой цѣли они ежегодно массами двигаются на югъ Россіи и на Кавказъ. Въ виду постепеннаго истощенія производительныхъ силъ земли и пониженія ея урожайности, площадь распашки съ каждымъ годомъ увеличивается въ ущербъ другимъ хозяйственнымъ угодьямъ, и въ настоящее время подъ пашней въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ занято около 80% всей площади земли.

Исключительно земледѣльческій характеръ уѣзда налагаетъ, конечно, замѣтную печать на всѣ стороны жизни мѣстнаго населенія, не исключая и типа и степени его умственного развитія.

Въ отношеніи грамотности населеніе уѣзда лѣтъ тридцать тому назадъ находилось въ самомъ жалкомъ положеніи: изъ тысячи и болѣе душъ, жившихъ въ одномъ селеніи, едва ли можно было насчитать пятерыхъ, которые умѣютъ читать, и то развѣ со включеніемъ сюда отставныхъ солдатъ, выучившихся грамотѣ въ полку. Хотя въ уѣздѣ и насчитывалось пять сельскихъ школъ, учрежденныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, но значеніе ихъ, въ смыслѣ распространенія грамотности, сводилось къ нулю. Крестьяне,—пишетъ современный изслѣдователь мѣстной жизни *),—неохотно отдають дѣтей въ школы, во-первыхъ, потому, что школы эти не имѣютъ постоянныхъ учителей, а, во-вторыхъ, потому, что крестьяне не убѣждены въ пользѣ грамотности для своего быта и считаютъ ее не только дѣломъ излишнимъ, но даже вреднымъ. Оно и понятно: крестьянинъ, которому счастливая звѣзда его открывала путь къ грамотности, составлялъ въ то время такое рѣдкое исключеніе среди своихъ односельчанъ, что ему слишкомъ трудно было удержаться отъ соблазна, со всѣхъ сторонъ манившаго его воспользоваться выгодами его исключительнаго положенія. И часто молодые люди, обученные грамотѣ, уже не возвращались къ занятіямъ своихъ родителей, а дѣлались писарями въ с

*) Воронежскій Литературный Сборникъ 1861 г., статья П. Малыгина: *Годъ Нижнедѣвицкѣ и его уездъ*, стр. 265.

скихъ расправахъ, волостныхъ правленіяхъ и окружныхъ управленіяхъ, становилсъ какъ бы во враждебное отношеніе къ обществу, злоупотребляя своимъ вліяніемъ на цѣлую массу крестьянскаго населенія. Нравственная устойчивость въ невѣжественной средѣ не могла имѣть мѣста, и стоило только на мгновеніе оторваться отъ стихійной «власти земли», настраивавшей все міросозерцаніе крестьянина на опредѣленный ладъ, стоило только на вершокъ выше подняться надъ темною крестьянскою средой, почувствовать свое превосходство надъ ней, чтобы навсегда забыть свою кровную связь съ ней и стать такимъ же безграмотнымъ деспотомъ, каковымъ было въ тѣ времена «начальство». Да что начальство? Всякій проидоха, запасшіяся писаннымъ листомъ, могъ выдавать себя за чиновника и собирать обильную дань съ довѣрчивыхъ и забытыхъ крестьянъ: писанный листъ въ глазахъ безграмотнаго населенія былъ непоколебимымъ авторитетомъ, и съ помощью его можно было безнаказанно творить въ деревнѣ все, что хотѣлось. Фактовъ для иллюстраціи этого положенія можно было найти не мало, и изслѣдователь отмѣчаетъ, между прочимъ, одинъ характерный случай, повторившій собой исторію Хлестакова, но только въ иной обстановкѣ. Одинъ господинъ, — пишетъ онъ, — выдалъ себя за посланнаго правительствомъ топографа и объѣхалъ въ уѣздѣ почти всѣ села государственныхъ крестьянъ, забирая обывательскихъ лошадей и собирая съ невѣжественнаго населенія дань самымъ пошлымъ обманомъ. Пріѣхавъ въ село, онъ узнавалъ, кто изъ мужиковъ побогаче, бралъ съ собою вѣху и отправлялся съ нею къ избѣ такого мужика, приказывалъ рыть яму и ставилъ въ нее вѣху, говоря, что эту избу и дворъ нужно снести на другое мѣсто. Крестьянинъ приходилъ въ отчаяніе и вступалъ съ обманщикомъ въ переговоры, оканчивавшіеся денежнымъ откупомъ.

На такой почвѣ безпрепятственно возникали и развивались предрасудки и суевѣрія. Мѣстный крестьянинъ въ предрасудкахъ рождался, среди нихъ онъ жилъ и, сопутствуемый ими, сходилъ въ могилу. Не говоря уже о домовыхъ, лѣшихъ, русалкахъ, вѣдьмахъ и оборотняхъ, которые безпрестанно держали въ страхѣ и безъ того уже напуганное всякими напастями воображеніе мужика, цѣлый рядъ грубыхъ предрасудковъ и прижѣтыя заполняли весь домашній обиходъ его. Все въ немъ было предусмотрѣно, каждая случайность должна была неизбѣжно вызывать тѣ или нныя роковыя послѣдствія, такъ что для мысли не оставалось никакой работы. Сидѣть и трепетать въ ожиданіи неотвратимыхъ событій, которыя по всѣмъ примѣтамъ въ большинствѣ случаевъ заранѣе сулили горе или вообще что-нибудь недоброе, — вотъ тѣ рамки, въ какія должна была съ дѣтства укладываться личная инициатива и энергія зауряднаго деревенскаго обывателя.

Въ такомъ положеніи застала сельское населеніе Нижнедѣвицеаго уѣзда великая реформа 1861 г., а затѣмъ, спустя четыре съ небольшимъ года, и реформа мѣстнаго самоуправленія.

При переходѣ школъ въ вѣдѣніе земства, во всей Воронежской губер-

ни числилось, по вѣдомости министерства государственныхъ имуществъ, 333 школы съ 13,300 учащимися. Но это была одна изъ тѣхъ фикцій, которыми тѣшили себя люди дореформеннаго порядка. Большинство этихъ школъ существовало лишь на бумагѣ, а въ число учениковъ дѣйствительно существовавшихъ школъ заносились всѣ дѣти, которыя имѣли какое-нибудь, даже чисто-случайное соприкосновеніе со школой: въ списки попадалъ не только тотъ, кто разъ-два посѣтилъ школу, но даже и всѣ тѣ, которые призывались въ школу въ особенно экстренныхъ случаяхъ, для парада. «Народное образованіе, — говоритъ г. Щербина, — во всякомъ случаѣ, не было организовано; не было ни лицъ, ни учреждений, которыя могли бы объединить единичныя и разрозненныя попытки веденія школьнаго дѣла; населеніе выказывало полный индифферентизмъ къ грамотѣ, учителямъ и училищамъ, никакихъ фондовъ и опредѣленныхъ матеріальныхъ средствъ на школьное дѣло не существовало, а сборы съ государственныхъ крестьянъ на этотъ предметъ получали какое-то темное назначеніе; большинство сельскихъ учителей отличалось круглымъ невежествомъ, да и такихъ учителей было очень мало; не было также, за немногими исключеніями, специально приготовленныхъ для школъ помѣщений; учебники и учебныя пособія составляли своего рода рѣдкость, — короче, отсутствовали всѣ тѣ условія, при которыхъ только и мыслима сколько-нибудь удовлетворительная постановка народнаго образованія *)».

Создать эти условія и было задачей нижедѣвицкаго уѣзднаго земства.

Первые годы дѣятельности земства опредѣляются чрезвычайно скромными цифрами, какія ассигнуются на народное образованіе: 574 руб. въ 1866 г., 817 руб. въ 1867 г., 922 руб. въ 1868 г. — вотъ тѣ крохи, которыя отдавало земство на школьное дѣло въ уѣздѣ. Но большаго собственно нельзя было и требовать. Располагая весьма ограниченными денежными средствами и очутившись сразу распорядителемъ сложнаго хозяйственнаго дѣла уѣзда, — дѣла совершенно новаго, неорганизованнаго, — земство должно было первое время главныя свои усилія направить на изученіе тѣхъ условій, въ которыхъ ему предназначено было работать. Исполдволь, шагъ за шагомъ расширяло оно кругъ своей дѣятельности по всемъ указаннымъ ему земскимъ положеніемъ направленіямъ, и, начавъ удовлетвореніе всѣхъ необязательныхъ потребностей скромною цифрой 4,732 руб., оно на 1894 г. назначило по смѣтѣ 68,827 руб. 56 к., т. е. на всѣ необязательныя потребности нижедѣвицкое земство расходуетъ въ настоящее время слишкомъ въ 14¹/₂ разъ больше, чѣмъ израсходовало оно въ первый годъ своей дѣятельности.

Въ 1867 г. земство открыло первые пять училищъ, и съ этого года собственно и начинается земское школьное дѣло въ Нижедѣвицкомъ уѣздѣ. Въ первое десятилѣтіе открытіе новыхъ училищъ идетъ сравнительно бы-

*) *Воронежское земство 1865 — 1889 г. Историко-статистическій обзоръ*. Сост. Ф. Щербина. Воронежъ, 1891 г., стр. 552.

стро. Въ 1870 г. земство одновременно открываетъ 9 училищъ и, кромя того, выдаетъ субсидіи по 80 руб. двумъ школамъ, которыя содержатся на прибыли знаменскаго общественнаго банка. Въ 1871 г. къ открытымъ уже училищамъ присоединяется еще три новыхъ; черезъ два года открывается еще одно, и, такимъ образомъ, число земскихъ училищъ въ уѣздѣ достигаетъ цифры 20, на которой и замираетъ. Всѣ перемены въ составѣ училищъ съ этого времени ограничиваются лишь закрытіемъ старыхъ, по-чему-либо не удовлетворяющихъ своему назначенію, и открытіемъ въ замѣнъ ихъ новыхъ на другихъ мѣстахъ. Въ семидесятые же годы открыты были и существующія нынѣ пять воскресныхъ школъ, и хотя въ декабрѣ 1890 г., на основаніи постановленія очереднаго земскаго собранія, училищнымъ совѣтомъ были основаны еще пять воскресныхъ школъ въ селахъ: Истобномъ, Никольскомъ, Прогорѣломъ, Хорошиловѣ и Солдатскомъ, но уже въ февралѣ 1891 г. вновь открытыя школы были закрыты, вслѣдствіе выраженнаго бывшимъ воронежскимъ губернаторомъ г. Куровскимъ нежеланія на открытіе упомянутыхъ школъ.

Такимъ образомъ, въ 1894 г., когда производились повѣрочные экзамены, въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ находилось 20 одноклассныхъ сельскихъ училищъ и 5 воскресныхъ школъ *).

Въ первые годы своей дѣятельности земство нанимало для школъ обыкновенныя крестьянскія избы; такъ же поступали и сельскія общества. Обычнымъ типомъ крестьянской избы въ то время, по описанію современника, служило тѣсное, маленькое деревянное зданіе, рѣдко обмазанное глиной даже снаружи, а внутри—почти никогда. Пазы между бревнами прокладывались мхомъ или паклею, что служило самымъ удобнымъ убѣжищемъ для прусаковъ и таракановъ, постоянныхъ и даже почетныхъ обитателей крестьянскихъ избъ. Внутри, отъ постояннаго дыма во время топки печей, избы постоянно закопчены, такъ что сажа, или, какъ ее называютъ здѣсь, сапуха, нарастаетъ на стѣнахъ и потолокѣ толстымъ слоемъ коры, имѣющей иногда блескъ глазури; по временамъ ее обметаютъ метлами. Разумѣется, такія помѣщенія никакъ нельзя было назвать пригодными для школъ, и занятія при такой обстановкѣ, тяжелой для учащихся и совершенно непривычной для учащихся, не могли быть успѣшными. Мало соответствующими своему назначенію оказались и тѣ зданія, которыя въ 60-хъ годахъ нѣкоторые сельскія общества строили специально для школъ. Низкія, тѣсныя и недостаточно снабженныя мебелью, которая также была совершенно непригодна къ школьнымъ потребностямъ, постройки эти были, съ небольшими поправками, скопированы съ тѣхъ же крестьянскихъ избъ и могли сослужить дѣлу народнаго образованія лишь одну службу: онѣ нагляднымъ образомъ показали свою полную непригод-

*) Въ 1894 г. были открыты еще два училища: Боровское, устроенное на средства, пожертвованныя для развитія школьнаго дѣла въ уѣздѣ мѣстнымъ предводителемъ дворянства И. Т. Алисовымъ, и Удобиновское, представляющее собственно параллельное отдѣленіе Ясеневаго училища.

ность и, такимъ путемъ, намѣтили для дѣятельности земства и сельскихъ обществъ одну весьма определенную задачу. Содержаніе школьныхъ помѣщеній, ремонтъ ихъ лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ. Земство долго и упорно боролось съ халатнымъ отношеніемъ крестьянскихъ обществъ къ принятымъ ими на себя обязательствамъ. Въ настоящее время большинство школьныхъ помѣщеній, по отзыву училищнаго совѣта, удовлетворительно; сельскія общества исправно ремонтируютъ и отапливаютъ ихъ; они же берутъ на себя и наемъ сторожа, а нѣкоторые изъ нихъ выдаютъ и квартирныя деньги учащимъ по 25, 30 р. въ годъ. Всѣ существующія теперь въ уѣздѣ школьныя помѣщенія далеко оставляютъ за собою, по удобствамъ, существовавшія раньше, хотя для дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи остается еще очень и очень много. Дѣло въ томъ, что большинство училищъ, по своимъ размѣрамъ, совершенно не соответствуютъ количеству дѣтей, желающихъ учиться, и учителя сплошь и рядомъ отказываютъ въ приѣмѣ. Нѣкоторые училища до сего времени не имѣютъ собственныхъ помѣщеній: такъ, Бекетовское училище, въ которомъ занимается до 55 мальчиковъ и дѣвочекъ, тѣснится въ церковной сторожкѣ; Знаменское, Шталовское и Городищенское помѣщаются совмѣстно: первое съ волостнымъ, послѣднія два съ сельскими правленіями. Вообще, школы переполнены настолько, что о соблюденіи какихъ бы то ни было требованій школьной гигиены не можетъ быть и рѣчи. Въ протоколахъ третьяго сѣзда земскихъ врачей Воронежской губерніи (въ 1881 г.), на которомъ въ числѣ другихъ вопросовъ разсматривался и обсуждался также и вопросъ о школьныхъ помѣщеніяхъ, мы находимъ слѣдующія указанія относительно размѣровъ классныхъ комнатъ: классныя помѣщенія должны строиться съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждаго учащагося приходилось около двухъ кв. аршинъ пространства или 8 куб. аршинъ воздуха. Эти требованія, по признанію сѣзда, далеки отъ идеала школы и выражаютъ собою лишь то желательное, которое возможно при мѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Нижнедѣвицкий уѣздъ далекъ, однако, и отъ этого урѣзаннаго идеала; размѣры классныхъ помѣщеній сельскихъ училищъ въ уѣздѣ въ настоящее время таковы: средняя длина классныхъ комнатъ $16\frac{1}{2}$ аршинъ, ширина— $7\frac{1}{2}$ арш. и вышина 3,6 арш.; на каждаго учащагося приходится въ общемъ 1,5 кв. арш. пространства или 4,4 кубич. арш. воздуха.

Содержаніемъ школьныхъ помѣщеній исчерпывается въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ непосредственное участіе сельскихъ обществъ въ дѣлѣ народного образованія. Всѣ остальные расходы несетъ земство.

Расходы на учебныя пособія и письменныя принадлежности составляютъ въ настоящее время довольно солидную статью въ земскомъ школьномъ бюджетѣ. Какъ видно изъ отчетовъ инспектора народныхъ училищъ и училищныхъ совѣтовъ, земскія училища снабжены какъ тѣми, такъ и другими въ количествѣ, вполне достаточномъ для школьныхъ потребностей, а всегда своевременная ихъ доставка обезпечиваетъ училищамъ полную правильность въ занятіяхъ. Затраты на это дѣло съ 70-хъ годовъ соста-

ютъ обыкновенно около 12%, общихъ расходовъ земства на народное образованіе.

Въ несравненно худшемъ положеніи находится вопросъ о снабженіи училищъ книгами для внѣкласснаго чтенія. Не будемъ говорить объ училищскихъ библіотекахъ, которыхъ нигдѣ при училищахъ Нижнедѣвицкаго земства нѣтъ, если не считать журнала *Русскій Начальный Учитель*, который выписывается земствомъ для учителей въ количествѣ десяти экземпляровъ, но и ученическія библіотеки далеко не могутъ похвастать своею полнотой. Составляются онѣ преимущественно изъ изданій постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній и петербургскаго комитета грамотности, которыхъ при каждомъ училищѣ имѣется—по отчетамъ—около 50 экземпляровъ. Однако, число это нельзя назвать точнымъ. Изданія названныхъ учреждений заключаются, главнымъ образомъ, въ маленькихъ брошюркахъ, которыя быстро рвутся, и учителя безпрестанно жалуются на то, что ихъ убогія школьныя библіотеки таютъ, какъ вѣшній снѣгъ. Только послѣдніе два года вопросъ о внѣклассномъ чтеніи принялъ на земскихъ собраніяхъ желательное направленіе. Въ 1893 г. земское уѣздное собраніе постановило ассигновать на покупку книгъ для внѣкласснаго чтенія пяти училищамъ по 40 руб. на каждое. Такое же постановленіе состоялось и въ очередную сессію 1894 г. Въ этомъ послѣднемъ году земское собраніе разсмотрѣло, кромѣ того, предложеніе петербургскаго комитета грамотности слѣдующаго содержанія: комитетъ грамотности бесплатно, на собранныя пожертвованія, предоставитъ въ распоряженіе земства нѣсколько народныхъ библіотекъ, если земство, съ своей стороны, возьметъ на себя обязательство дать этимъ библіотекамъ помѣщеніе, содержать библіотекаря и пополнять библіотеки въ будущемъ новыми книгами. Нижнедѣвицкое земское собраніе, выслушавъ это предложеніе, постановило: ассигновать на дѣло устройства пяти народныхъ библіотекъ 250 рублей ежегодно; изъ этой суммы назначить вознагражденіе пяти учителямъ, которымъ будетъ поручено завѣдывать библіотеками, по 40 руб. каждому, а на пополненіе библіотекъ по 10 руб. на каждую; помѣщеніе для библіотекъ отвести въ земскихъ училищахъ.

Соотвѣтственно медленному возрастанію числа школъ, медленно возрастаетъ и количество учащихся, и съ начала 80-хъ годовъ, когда число училищъ уже прочно установилось въ уѣздѣ, возрастанія числа учащихся также почти не замѣтно. Земское собраніе 1882 г. уже констатируетъ фактъ переполненія школъ учащимися. Такъ, въ 1881 г. прибавилось только 100 учащихся, а въ 1882 г.—524, т.-е. почти $\frac{1}{2}$, всѣхъ учащихся въ уѣздѣ. По отдѣльнымъ школамъ наплывъ учащихся въ этомъ году характеризуется еще болѣе рѣзкими отношеніями: въ Солдатскомъ училищѣ, напримѣръ, количество учениковъ возросло почти вдвое. Но съ этого времени существующія классныя помѣщенія задерживаютъ дальнѣйшее развитіе, и количество учащихся почти замираетъ на одной точкѣ. Въ двадцати одноклассныхъ училищахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда:

въ 1883 году было	1687	учащихся.
» 1887 » »	1639	»
» 1889 » »	1602	»
» 1892 » »	1661	»
» 1893 » »	1720	»

Въ послѣднемъ 1893 году число всѣхъ учившихся въ сельскихъ школахъ составляетъ не болѣе 1%, общаго числа населенія уѣзда, а количество дѣтей школьнаго возраста составляетъ приблизительно около 15% всего населенія. Къ этому надо добавить еще, что школы распределены въ уѣздѣ неравномѣрно; есть, напримѣръ, волости: Старошлявская, съ населеніемъ въ 14 тыс. жителей, и Пригородненская, съ населеніемъ въ 12¹/₂ тысячъ, гдѣ земскія школы совершенно отсутствуютъ, и населеніе обречено черпать грамотность изъ случайныхъ источниковъ.

Неподвижность числа школъ и учащихся обуславливала собою также и численную неподвижность преподавательскаго персонала. Въ 1893 году учителей, учительницъ и законоучителей въ сельскихъ начальныхъ училищахъ уѣзда насчитывалось 56.

Въ школахъ министерства государственныхъ имуществъ преподаваніе Закона Божія и другихъ предметовъ соединялось обыкновенно въ одномъ лицѣ священника или діакона. Земство, прежде всего, разграничило эти отрасли начального образованія, оставивъ за духовенствомъ преподаваніе Закона Божія и поручивъ преподаваніе другихъ предметовъ особо приглашаемымъ для этого въ каждую школу учителямъ. Оказалось, однако, что приглашать было некого: условія русской жизни того времени не благоприятствовали появленію типа такого человѣка, который годился бы для роли народнаго учителя. Въ тѣ времена Русь знала только «невежественный народъ» и «образованное дворянство», и народнаго учителя приходилось создавать. Эту задачу взяло на себя и воронежское губернское земство, организовавъ съ 1868 г. педагогическіе курсы для народныхъ учителей при воронежской гимназій. Курсы эти, впрочемъ, существовали недолго: уже въ 1875 г. въ Воронежѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія учреждена была учительская семинарія, а земство постановило содержать въ ней 20 стипендіатовъ. Постановка учебнаго дѣла въ семинаріи, впрочемъ, не соотвѣтствуетъ требованіямъ, какія предъявляетъ къ сельскому учителю практика земской народной школы. По крайней мѣрѣ, съ половины 80-хъ годовъ нижедѣвицкое уѣздное земство, подобно многимъ другимъ, охладѣваетъ къ учителю-специалисту, стараясь привлечь въ школу лицъ съ общимъ среднимъ образованіемъ.

Приводимъ таблицу, изъ которой можно видѣть, какъ измѣнялся составъ учительскаго персонала въ Нижедѣвицкомъ уѣздѣ съ 1883 г.:

	У Ч И Т Е Л Е Й:			Всего.
	Получившихъ спеціальное образованіе.	Получившихъ среднее образованіе.	Домашняго или низшаго образованія.	
Въ 1883 г.	8	3	21	32
» 1884 »	11	10	13	34
» 1885 »	12	11	12	35
» 1886 »	15	11	12	38
» 1888 »	13	11	13	37
» 1893 »	7	15	10	32

Чтобъ улучшить составъ преподавательскаго персонала, земство устраивало краткосрочные учительскіе сѣзды, но, несмотря на замѣтное вліяніе, которое оказывали они на успѣшность преподаванія въ школахъ *), министерство отнеслось къ нимъ несочувственно, и сѣзды прекратились. Губернское земство два раза (въ 1890 и 1891 гг.) ходатайствовало передъ правительствомъ о разрѣшеніи уѣзднымъ земствамъ продолжать устраивать подобныя сѣзды, но оба эти ходатайства остались неудовлетворенными. Точно также осталось неудовлетвореннымъ и ходатайство губернскаго земства о расширеніи программы преподаванія въ учительской семинаріи включеніемъ въ число обязательныхъ предметовъ обученія основныхъ свѣдѣній по отчизновѣдѣнію, географіи, о способахъ измѣренія земли и о тѣхъ правахъ и учрежденіяхъ, которыми сельское населеніе пользуется, наприм., о волостныхъ судахъ, земскомъ положеніи и проч.

Вообще все попытки земства, имѣвшія цѣлью, сообразно даннымъ опыта и мѣстнымъ условіямъ, улучшить и распространить дѣло народнаго образованія, встрѣчали постоянную оппозицію, и въ этомъ надо видѣть одну изъ существенныхъ причинъ, постепенно ослаблявшихъ энергію земскихъ дѣателей. Изъ наиболѣе существенныхъ ходатайствъ, потерпѣвшихъ фіаско, укажемъ слѣдующія: ходатайство о реорганизаціи училищныхъ совѣтовъ, съ цѣлью предоставленія земству большей самостоятельности въ дѣлѣ постановки и развитія народнаго образованія (1880 г.); ходатайство о внесеніи въ правила уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ учебнаго вѣдомства таковаго параграфа: уѣздные училищныя совѣты обязаны заботиться объ устройствѣ чтеній для народа въ школьныхъ помѣщеніяхъ, подъ руководствомъ инспекторовъ народныхъ училищъ, по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, по сельскому хозяйству, гигиенѣ и по отечественной исторіи **) (1889 г.); ходатайство объ освобожденіи лицъ, окончившихъ курсъ народныхъ училищъ, отъ тѣлеснаго наказанія; это послѣднее ходатайство

*) Въ Нижнедѣвичкомъ уѣздѣ процентъ окончивающихъ съ 8,7 въ 1885 г. увеличился послѣ сѣзда, бывшаго въ этомъ году, до 10% въ 1886 г.

**) Ходатайство это земство мотивировало тѣмъ соображеніемъ, что распространеніе на училищныя совѣты учебнаго вѣдомства тѣхъ же правъ, какими пользуются епархіальныя училищныя совѣты, дало бы возможность земской школѣ, почти не увеличивая расходовъ, добиваться болѣе широкаго распространенія полезныхъ свѣдѣній.

земство повторило два раза, въ 1890 и 1891 гг., и оба раза одинаково безуспѣшно.

Стремленіе свое воздѣйствовать на постановку школьнаго дѣла, — стремленіе, встрѣчавшее, какъ мы видѣли, постоянныя препятствія извнѣ, земство могло осуществлять, стало быть, лишь однимъ путемъ: увеличивая оклады жалованья учительскому персоналу, земство получало возможность привлекать къ школамъ лучшія и наиболее подготовленныя силы. Нижнедѣвицкое уѣздное земство хотя и пользовалось этимъ средствомъ, но пользовалось крайне осторожно, почему и не могло рассчитывать на сколько-нибудь замѣтные результаты.

До 1874 г. оклады жалованья преподавателямъ отличались и бѣдностью, и разнообразіемъ. Съ этого года земство впервые устанавливаетъ определенный окладъ, въ размѣрѣ 150 руб. въ годъ; спустя нѣсколько лѣтъ установлены были двѣ нормы окладовъ: 200 руб. для лицъ, получившихъ среднее или специальное образованіе, и 180 руб. — для всѣхъ остальныхъ. Такой порядокъ удерживался вплоть до 1893 г., когда вопросъ о материальномъ обезпеченіи учителей снова представленъ былъ на обсужденіе земскаго собранія. «Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависитъ будущее земской школы», — писалъ въ своемъ докладѣ училищный совѣтъ, а по его предложенію, для распредѣленія вознагражденія учителямъ, принять былъ слѣдующій порядокъ: при опредѣленіи на должность назначается, какъ это дѣлалось и раньше, учителямъ и учительницамъ, получившимъ среднее или специальное образованіе, 200 руб. въ годъ, всѣмъ же остальнымъ по 180 руб.; послѣднимъ черезъ годъ, по засвидѣтельствованіи успѣшности ихъ занятій, жалованье увеличивается до 200 руб.; затѣмъ какъ первымъ, такъ и послѣднимъ за успѣшное веденіе дѣла въ школѣ черезъ каждые три года жалованье увеличивается на 25 руб., пока годовая окладъ не достигнетъ 300 руб. Учащимъ, выслужившимъ уже требуемые сроки на ту или иную прибавку и заслуживающимъ одобренія училищнаго совѣта, таковая назначается теперь же.

Постепенное, хотя и медленное движеніе впередъ школьнаго дѣла въ уѣздѣ лучше всего можно прослѣдить на слѣдующихъ цифрахъ, представляющихъ ежегодныя затраты земства на народное образованіе черезъ пятилѣтніе промежутки:

Въ 1866 г.	израсходовано на народное образованіе	575 руб.
» 1871 »	»	»
» 1876 »	»	»
» 1881 »	»	»
» 1886 »	»	»
» 1892 »	»	»
		3,000 »
		5,175 »
		5,785 »
		7,484 »
		9,042 »

Всѣ расходы нижнедѣвицкаго земства на народное образованіе съ 1866 по 1894 г. составляютъ сумму приблизительно въ 200,000 руб.

Приступая теперь къ изслѣдованію тѣхъ результатовъ, какіе дала из-

еленію уѣзда земская школа, мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ данными для того, чтобы точно опредѣлить процентъ грамотныхъ въ настоящее время; по приблизительнымъ расчетамъ можно сказать, что грамотныхъ въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ должно* быть около 7%. Впрочемъ, въ интересахъ большей точности мы будемъ пользоваться данными переписи 1887 г. *), когда грамотныхъ и учащихся въ уѣздѣ было 6,255 человекъ, т.-е. 4%.

Цифра эта составила, разумѣется, не исключительными усиліями однихъ только земскихъ училищъ. Въ распространеніи грамоты среди населенія принимали и принимаютъ участіе и церковно-приходскія училища, и школы грамоты, которыхъ въ 1892 г. насчитывалось въ уѣздѣ до 35, и, наконецъ, само крестьянское населеніе, выдвигающее изъ среды своей частныхъ учителей, обучающихъ грамотѣ у себя на дому **). Къ такимъ профессиональнымъ педагогамъ принадлежатъ отставные солдаты, писаря, вообще грамотные односельчане, но особенно видную роль въ этомъ отношеніи играютъ такъ называемыя «чернички»: это — крестьянскія дѣвушки, давшія почему-либо обѣтъ безбрачія; не поступая въ монастырь, онѣ остаются въ родной деревнѣ, носятъ черное платье, строго соблюдаютъ все религіозныя обряды и вообще подражаютъ во внѣшнихъ приемахъ монашкамъ. Чернички издавна занимаются образованіемъ молодого поколѣнія деревни, и эту задачу онѣ выполняютъ и въ настоящее время, устраивая небольшія частныя школы у себя въ «кельяхъ», которыя помѣщаются гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чаще всего на краю села.

Земской школѣ принадлежитъ, конечно, первое мѣсто въ ряду всехъ остальныхъ источниковъ крестьянскаго просвѣщенія, а процентъ грамотныхъ вездѣ находится въ прямой зависимости отъ количества земскихъ училищъ.

Нижнедѣвицкій уѣздъ въ административномъ отношеніи дѣлится на 13 волостей, количество школъ въ которыхъ и вмѣстимость ихъ весьма неравномѣрны; приводимъ таблицу, изъ которой можно видѣть, какъ распределяются по волостямъ грамотные въ зависимости отъ числа и вмѣстимости школъ.

Волости.	Училища.	°/о грамотности.
Никольская, съ насел. въ 10 тыс.	2 училища (каждое на 5 тыс. жителей), съ 5 учащими; учащихся 139	6°/о
Знаменская, съ насел. въ 5 тыс.	1 училище съ 2 учащими; учащихся 65 .	5,8°/о

*) Сборникъ статистич. свѣдѣній по Воронежской губ., т. 6-й, вып. 1-й. Изд. воронежскаго губ. земства. 1889 г.

**) Церковно-приходскія школы, впрочемъ, можно не принимать въ расчетъ, такъ какъ именно въ годъ производства переписи (1887) земская управа докладывала собранію, что по свѣдѣніямъ, ею собранымъ, церковно-приходскія школы оказались „въ очень неудовлетворительномъ положеніи“.

<i>Солдатская,</i> съ насел. въ 11 тыс.	3 училища (каждое на 3,6 тыс. жит.), съ 6 учащими; учащихся 160	5,8%
<i>Семидесятская,</i> съ насел. въ 10 тыс.	2 училища (каждое на 5 тыс. жителей), съ 5 учащими; 205 учащихся	5,6%
<i>Туровская,</i> съ насел. въ 17 тыс.	2 училища (каждое на 8,5 тыс. жит.), съ 5 учащими; учащихся 218	4,5%
<i>Роговатовская,</i> съ насел. въ 12 тыс.	3 училища (каждое на 4 тыс. жителей), съ 8 учащими; учащихся 305	4,4%
<i>Синеминяинская,</i> съ насел. въ 10 тыс.	1 училище съ 3 учащими; 113 учащихся	4,4%
<i>Ясневская,</i> съ насел. въ 10 тыс.	1 училище съ 2 учащими; учащихся 75	4,3%
<i>Новоольшанская,</i> съ насел. въ 11 тыс.	1 училище съ 3 учащими; учащихся 94	3,9%
<i>Истобенская,</i> съ насел. въ 16 тыс.	1 училище съ 2 учащими; учащихся 64	3%
<i>Чужиковская,</i> съ насел. въ 17 тыс.	2 училища (каждое на 8,5 тыс. жит.), съ 4 учащими; учащихся 122	3%
<i>Старомълавская,</i> съ насел. въ 14 тыс.	Нѣтъ земскихъ училищъ	2,3%
<i>Пригородненская,</i> съ насел. въ 12,5 т.	Нѣтъ земскихъ училищъ	2,3%

Правильность, съ которою понижается процентъ грамотныхъ по волостямъ по мѣрѣ того, какъ растетъ численность населенія, которое можетъ претендовать на услуги училища, кое-гдѣ нарушается, но эти отклоненія только видимыя и легко могутъ быть объяснены.

Такъ, Солдатская волость, въ которой на каждое земское училище приходится 3,5 тыс. жителей, имѣетъ только 5,6% грамотныхъ, — количество весьма ничтожное по сравненію съ другими волостями уѣзда, въ которыхъ на каждое училище приходится по 5 тыс. жителей. Явленіе это объясняется большою разбросанностью Солдатской волости, состоящей изъ 35 болѣе или менѣе мелкихъ селеній, такъ что хотя въ волости и находится 3 училища, но правильно пользоваться ими весьма затруднительно въ виду громадныхъ разстояній.

Совершенно обратное явленіе замѣчается въ Туровской волости. Волость состоитъ изъ пяти селеній, и въ двухъ изъ нихъ находятся земскія училища, но такъ какъ эти два села составляютъ наиболѣе населенные пункты волости, то тамъ и возможенъ высокій сравнительно процентъ (4,5) грамотныхъ при двухъ только училищахъ, на каждое изъ которыхъ приходится болѣе 8,5 тыс. жителей.

Еще съ большою наглядностью выясняется первенствующая роль земскихъ училищъ въ дѣлѣ распространенія грамотности, если наблюдать количество грамотныхъ не по волостямъ, а по селамъ.

Въ Никольской волости, напримѣръ, въ селахъ Старо-Никольскомъ и

школьскомъ на Еманчѣ, гдѣ существуютъ земскія училища, грамотныхъ считается 6,8%; въ остальныхъ же селахъ, гдѣ нѣтъ училищъ, грамотныхъ только 1,7%. Въ Знаменскомъ, въ которомъ есть училище, и въ Владиміровѣ, въ которомъ училище также было во время переписи (теперь оно закрыто), грамотныхъ было 8,7%; въ остальныхъ селахъ Знаменской волости ихъ только 3,2%.

И такъ, земская школа представляетъ почти единственный разсадникъ грамотности, а, слѣдовательно, почти единственный источникъ свѣта среди тьмы деревенской жизни, и потому вопросъ о степени вліянія земской школы есть, въ то же время, и вопросъ о силѣ и качествѣ свѣта, проникающаго въ деревню.

Съ 1876 г., т.-е. съ того времени, когда школы Нижнедѣвицкаго уѣзда начали производить постоянные, регулярные выпуски учениковъ, выдавая имъ установленныя свидетельства, окончило полный курсъ ученія 1,914 словѣкъ. Изъ нихъ на повѣрочное испытаніе явилось 1,038 челов., т.-е. 4,7% всего числа получившихъ свидетельства о грамотности.

По выпускамъ число явившихся на испытаніе распределяется слѣдующимъ образомъ:

окончившихъ курсъ 15 и болѣе лѣтъ тому назадъ (выпусковъ 1876—1880 гг.) явилось на испытаніе 75 человекъ или 36,4% общаго числа окончившихъ курсъ за этотъ періодъ и 7% всего количества явившихся на испытаніе;

окончившихъ курсъ съ 1881 по 1885 г. включительно, т.-е. не менѣе 10 лѣтъ тому назадъ, явилось 204 человекъ или 35,5% общаго числа получившихъ свидетельства за этотъ періодъ и 20% всѣхъ испытуемыхъ;

изъ позднѣйшихъ выпусковъ, окончившихъ курсъ съ 1885 по 1890 г. включительно, явилось 424 человекъ или 61,4% всѣхъ окончившихъ за эти годы и 40% всѣхъ испытуемыхъ;

наконецъ, окончившихъ за послѣдніе три (1891—1893) года явилось на испытаніе 341 человекъ или 74,7% всего числа получившихъ за эти годы свидетельства и 33% всѣхъ пришедшихъ засвидѣтельствовать о своихъ знаніяхъ, вынесенныхъ ими изъ земской школы.

Такимъ образомъ, на испытаніе явились люди разныхъ возрастовъ *), причемъ меньше всего (35,5%) выдѣлила изъ себя группа лицъ, окончившихъ земское училище въ періодъ съ 1881 по 1885 г. Мы теперь же укажемъ и на другія особенности, отличающія эту группу отъ остальныхъ, чтобъ имѣть возможность выдѣлить ее и въ дальнѣйшемъ изложеніи не возвращаться къ ней. Дѣло въ томъ, что эта группа характеризуется по своимъ отвѣтамъ какъ наиболѣе слабая; знанія ея по всѣмъ почти предметамъ курса народныхъ училищъ, за исключеніемъ лишь чтенія русскаго

*) Было нѣсколько случаевъ явки на испытаніе въ разныхъ участкахъ двухъ поколѣній, получившихъ свидетельства о грамотности въ одной и той же школѣ; анализъ, напримѣръ, отецъ съ сыномъ или, одинъ разъ, отецъ съ дочерью.

(по печатной книгѣ) и рукописнаго, оцѣнены экзаменаціонною комиссіею ниже знаній всѣхъ остальныхъ выпусковъ. Чтобы объяснить это странное, повидимому, явленіе, надо имѣть въ виду, что эта группа бывшихъ учениковъ земскихъ училищъ обнимаетъ собою возрастъ, годный для военной службы: къ этой группѣ преимущественно принадлежатъ лица или только что поступившія на службу, или уже отбывающія ее, или, наконецъ, заканчивающія установленные сроки службы. Цвѣтъ этой группы вырванъ, слѣдовательно, изъ деревни, и отсутствіе его должно было, конечно, отразиться не только на количественномъ, но и на качественномъ составѣ оставшихся. Наконецъ, если мы примемъ во вниманіе еще и то обстоятельство, что экономическія условія Нижнедѣвицкаго уѣзда заставляютъ цѣлыя массы населенія его искать постоянныхъ и временныхъ заработковъ внѣ родной деревни и что молодежь въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, какъ наиболѣе подвижной и энергичный элементъ деревни, принимаетъ, несомнѣнно, наиболѣе живое участіе въ этомъ бродячемъ образѣ жизни, то особенности разсматриваемой группы выяснятся для насъ совершенно: военная служба и отхожіе промыслы лишаютъ эту группу лучшихъ ея силъ, почему она такъ неудачно и выступила на повѣрочныхъ испытаніяхъ.

Испытанія производились по всѣмъ предметамъ преподаванія: по Закону Божію, чтенію, русскому, славянскому и рукописному, по письму и по ариметикѣ. Знанія испытуемыхъ оцѣнивались 5 баллами, причѣмъ 2 ставился въ случаѣ неудовлетворительнаго знанія, 3 и 4 — удовлетворительнаго и 5 при вполне удовлетворительномъ знаніи.

По Закону Божію отвѣты испытуемыхъ состояли: въ чтеніи главнѣйшихъ молитвъ, въ разсказахъ о событіяхъ изъ священной исторіи Нового и Ветхаго Завѣта, въ объясненіи заповѣдей Моисея и о блаженствахъ, а также притчъ, въ которыхъ содержатся основныя положенія ученія Христа. Мѣстами особенно лучшіе ученики выказывали достаточныя познанія изъ богослуженія и общее знакомство съ содержаніемъ Евангелія, вынесенное, очевидно, изъ чтенія.

Слѣдующая принятой системѣ сравненія знаній бывшихъ учениковъ трехъ послѣдовательныхъ пятилѣтій, члены училищнаго совѣта, производившіе испытаніе, опредѣлили средніе баллы отдѣльно для выпусковъ 1880, 1885 и 1890 годовъ. Оказалось, что всѣ экзаменовавшіеся выпуска 1880 г., которыхъ изъ 17 училищъ было 46 человекъ, выказали знанія, оцѣненные въ среднемъ балломъ 3,7; 62 человека изъ 18 училищъ выпуска 1885 г. получили въ среднемъ 3,3, и, наконецъ, 110 человекъ выпуска 1890 г. — 3,6 балла. Такимъ образомъ, ученики самыхъ давнихъ выпусковъ не только не забыли того, чему по Закону Божію выучились въ школѣ, но выказали, сравнительно съ среднимъ уровнемъ всѣхъ школъ, лучшія познанія, такъ какъ общій средній баллъ по закону Божію для всѣхъ 1,038 человекъ, экзаменовавшихся во всѣхъ 19 училищахъ и принадлежащихъ къ выпускамъ всѣхъ 18 лѣтъ, выразился цифрою 3,3.

По отдѣльнымъ училищамъ средній баллъ, выражающій знанія бы-

шихъ учениковъ, начинаясь съ 2,8 въ двухъ училищахъ, въ остальныхъ затѣмъ, постепенно и ровно поднимаясь, достигаетъ 3,6 въ четырехъ училищахъ; двѣ школы: Роговатовская (4,0) и Кочетовская (4,1) выдѣляются замѣтнѣе по величинѣ средняго балла. Въ общемъ знанія по Закону Божію во всѣхъ школахъ довольно равны и вообще удовлетворительны.

При испытаніи по чтенію ставились отдѣльные баллы: по русскому чтенію, по славянскому и въ 6 училищахъ по рукописному, а такъ какъ баллы всегда неизбѣжно выражаютъ до извѣстной степени субъективное впечатлѣніе экзаменатора и, во всякомъ случаѣ, чловѣку постороннему, не присутствовавшему при испытаніи лично, не даютъ яснаго представленія о тѣхъ знаніяхъ, какія ими оцѣнены, то экзаменаторами принято было отмѣчать число строкъ, прочитанныхъ каждымъ испытуемымъ въ минуту. Быстрота чтенія сама по себѣ, конечно, не даетъ еще, — говорятъ экзаменаторы въ своемъ докладѣ, — всѣхъ основаній для заключенія о томъ, насколько вообще хорошо чтеніе; достаточно скорое чтеніе можетъ быть не достаточно понятнымъ не только для слушающихъ, но и для самого читающаго; кромѣ того, быстрота чтенія — вообще довольно измѣнчивый, непостоянный элементъ; она много зависитъ отъ содержанія читаемаго: постоянно приходится наблюдать, что одинъ и тотъ же ученикъ читаетъ весьма различно, въ особенности относительно скорости, понятный для него бытовой рассказъ или, напримѣръ, разсужденіе. Крайнюю трудность составляютъ для всѣхъ въ начальной школѣ художественныя описанія; здѣсь быстрота чтенія уменьшается чуть не вдвое. Но, дѣлая эти оговорки, нельзя не признать за всѣмъ тѣмъ, что, все-таки, быстрота чтенія, въ общемъ, можетъ служить до извѣстной степени вѣрнымъ и уже, во всякомъ случаѣ, достаточно объективнымъ и самымъ удобнымъ показателемъ качества чтенія для того, кто самъ не слыхалъ его, но желаетъ составить себѣ понятіе о немъ. Стоитъ самому прочитать страницу по указанной книгѣ, опредѣлить число строкъ, прочитанныхъ въ минуту, сравнить это число съ тѣмъ, какое читали подвергавшіеся испытанію, чтобы составить себѣ весьма приблизительное и ясное понятіе объ ихъ чтеніи. Для болѣе точнаго представленія слѣдуетъ принять во вниманіе тѣ баллы, какими при испытаніи оцѣнивалось чтеніе, чтобы судить о томъ, насколько прочитанное съ данною быстротой было прочитано правильно и насколько затѣмъ понято и рассказано самимъ читавшимъ.

Чтобы сдѣлать возможнымъ сравненіе между училищами, вездѣ чтеніе велось по одной и той же популярной книжкѣ по народной гигиенѣ доктора Вишневекаго (*О сохраненіи здоровья*. Казань, 1881 г.), а по-славянски читали по Евангелію, славянскому, съ русскимъ переводомъ на другой половинѣ страницы; поѣтому двѣ строки такого чтенія приравнивались одной строкѣ русскаго чтенія; рукописное чтеніе производилось по литографированному сборнику Подобы, изд. 1891 г.

Средняя быстрота русскаго чтенія, колеблясь по разнымъ училищамъ

между 8 и 13 строками, въ общемъ составляла 11 строкъ въ минуту съ оцѣнкою его 3,5 баллами.

Славянское чтеніе по быстротѣ въ общемъ мало разнится отъ русскаго (10 строкъ въ минуту), но предѣлы скорости въ разныхъ училищахъ расходятся нѣсколько болѣе, чѣмъ въ русскомъ чтеніи, именно отъ 6 до 13 строкъ въ минуту; общая оцѣнка его равна 3,4.

Для чтенія рукописнаго выбрана была скорость средней трудности въ отношеніи разборчивости письма. Скорость чтенія его, колебалась между 1 и 7 строками, въ общемъ равнялась 6 строкамъ въ минуту, съ оцѣнкою его 2,9 баллами *).

Такимъ образомъ, черезъ 10, 15 и болѣе лѣтъ по выходѣ изъ школы бывшіе ученики не только не забываютъ чтенія, но начинаютъ читать лучше, чѣмъ читаютъ теперь выпускаемые изъ школы и чѣмъ читали они въ школѣ сами; чтеніе ихъ становится болѣе выразительнымъ и осмысленнымъ, потому что они легче усваиваютъ прочитанную мысль, чѣмъ дѣлали это въ школѣ, когда они были еще въ дѣтскомъ возрастѣ.

Ни одного случая рецидива безграмотности, какъ показало это испытаніе, не обнаружено въ уѣздѣ, и хотя произведенное изслѣдованіе касалось лишь 54,7% всего числа получившихъ свидѣтельства о грамотности, но результаты его мы имѣемъ полное основаніе обобщать и на всѣхъ тѣхъ, кто не былъ подвергнутъ провѣрочному испытанію. Дѣло въ томъ, что въ числѣ испытуемыхъ находилось не мало людей, которые, съ грѣхомъ пополамъ окончивъ сельскую школу, потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не брали въ руки ни пера, ни книги и, тѣмъ не менѣе, отвѣты ихъ, оцѣниваемые иногда и неудовлетворительными баллами, показывали, что тѣ скромныя знанія, какія они вынесли изъ школы, не утрачиваются даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни. Вотъ, наприм., крестьянинъ села Роговатаго; по его собственному признанію, въ школѣ не было хуже его, когда онъ кончалъ курсъ. По выходѣ изъ школы, онъ никогда не читалъ: «не бралъ у руки книгу годовъ 14, а усехъ сроду 30 лѣтъ», а, между тѣмъ, быстрота его чтенія (русское—7 строкъ, славянское—8, рукописное—3 строки въ минуту) и умѣнье излагать свои мысли письменно, хотя и съ ошибками, заставляютъ и въ немъ признать человѣка грамотнаго.

Было четыре случая, когда испытуемые почти не умѣли читать по-славянски, и до пятнадцати случаевъ неумѣнья читать скорописное, но надо замѣтить, — говорить экзаменаторы, — что въ прежнее время не всегда и не во всѣхъ школахъ упражнялись въ чтеніи рукописнаго, а мѣстами рѣдко читали и по-славянски, такъ что недостатокъ знанія въ этомъ отношеніи не составляетъ рецидива неграмотности, а долженъ быть отнесенъ къ упадку въ самой постановкѣ дѣла обученія.

*) Чтобы по приведеннымъ цифрамъ можно было яснѣе и нагляднѣе судить скорости чтенія, экзаменаторы дѣлаютъ замѣчаніе, что они сами читаютъ толи около 20 строкъ въ минуту изъ тѣхъ статей, какія давались для чтенія при испытаніи

Отъ не вполне правильнаго въ прошломъ веденія учебнаго дѣла зависитъ и другое явленіе. При оцѣнкѣ чтенія баллами принимались въ расчетъ какъ быстрота чтенія, такъ и осмысленность, и еще болѣе умѣнье пересказать прочитанное. Завися отъ всѣхъ этихъ условій, выставлемый баллъ не всегда могъ находиться въ прямомъ отношеніи съ каждымъ изъ нихъ. Такъ, Знаменское и Шаталовское училища, по средней быстротѣ чтенія (12 строкъ въ минуту), принадлежать къ числу лучшихъ училищъ въ уѣздѣ; быстро сравнительно читаютъ въ Россошенскомъ и Хорошиловскомъ училищахъ (по 11 строкъ въ минуту), но по среднему баллу за русское чтеніе (3,3 во всѣхъ четырехъ училищахъ) они поставлены нѣсколько ниже Городищенскаго и Синелинягинскаго, имѣющихъ въ среднемъ 3,4 балла, хотя изъ нихъ въ Синелинягинскомъ быстрота чтенія значительно ниже,—всего 8 строкъ въ минуту; но, медленно читая, здѣсь лучше передаютъ прочитанное.

Для письменной работы была избрана не диктовка, которую трудно вести съ людьми, пишущими, какъ можно было предполагать, довольно различно, по крайней мѣрѣ, относительно скорости, а даны были вопросы: о лѣтахъ, составѣ семьи, времени окончанія курса, вообще о занятіяхъ по выходѣ изъ школы, а въ частности о томъ, часто ли читалъ и писалъ испытуемый по выходѣ изъ школы, какія книги читалъ, гдѣ бралъ ихъ и какія изъ нихъ ему болѣе понравились. Отвѣты на эти вопросы и составили содержаніе письменныхъ работъ. Пользуясь ими, мы можемъ теперь прослѣдить, какое употребленіе дѣлаютъ крестьяне изъ той механической грамотности, которую дала имъ школа и которая, какъ мы только что видѣли, вполне сохраняется въ памяти бывшихъ учениковъ земскихъ училищъ.

На вопросъ, часто ли приходится читать, дали отвѣты 638 экзаменованныхъ; 406 отвѣтили «рѣдко» и только 232 читаютъ «часто». 15 человекъ категорически заявили, что они никогда не читаютъ. «А книги нигдѣ не бралъ, и не читалъ, и не писалъ, и задачи не дѣлалъ»,—пишетъ какъ бы въ сердцахъ одинъ изъ испытуемыхъ, отдѣляясь отъ докучливаго вопроса. Но если категорическое «никогда», отвѣчая на вопросъ прямо и точно, въ поясненіяхъ не нуждается, то нельзя того же сказать о неопредѣленныхъ отвѣтахъ «часто», «рѣдко». Поищемъ разъясненій.

Лѣтомъ никогда не читаю, лѣтомъ не брался ни за какія книги, лѣтомъ читаю рѣже,—вотъ обычные отвѣты испытуемыхъ; оно и понятно: крестьяне Нижнедѣвицкаго уѣзда—земледѣльцы по преимуществу, а всѣмъ извѣстно, что лѣтомъ «наша мужицкая работа стоитъ сильнѣе». Конечно, деревенская аристократія, не соприкасающаяся съ земледѣльческимъ трудомъ непосредственно, можетъ позволять себѣ духовныя развлечения независимо отъ времени года, но за то кустари, работники или лица, занятые зимними отхожими промыслами, не дѣлаютъ различія между зимой и лѣтомъ въ совершенно иномъ смыслѣ. Такіе пишутъ въ своихъ отвѣтахъ: «зимою рѣдко занимался (чтеніемъ), потому что портняжилъ», «лѣтомъ намъ вовсе некогда, а зимою тоже некогда», «лѣтомъ некогда, а зимою

какъ придется». Зима, однако, и этимъ труженикамъ даетъ больше досуга для чтенія и въ отвѣтахъ чаще всего встрѣчаются указанія именно на это время года. Болѣе точныя опредѣленія чрезвычайно разнообразны. Читаютъ, дѣйствительно, «какъ придется»: кто разъ въ годъ, кто «не болѣе двухъ разовъ», кто три, четыре и т. д., и т. д. Общее между ними то, что читали они «по своей свободности, въ праздничные дни». Въ будни почти никто не читаетъ — некогда. Въ праздничные дни тоже не всякому удастся сѣсть за книгу: то въ городъ поѣдешь, то какая-нибудь эстремная надобность по хозяйству, — и праздникъ прошелъ, какъ его и не было. Читающіе каждый праздникъ составляютъ рѣдкое исключеніе; въ большинствѣ же случаевъ на праздникъ указывается лишь какъ на время, наиболѣе досужное для чтенія: «отдохнувши, иногда и почитаешься»; «въ зимнее время, праздничный день, придеши къ сосѣдскимъ ребятишкамъ, которые ходятъ въ школу, и почитаешься», — пишетъ парень 24-хъ лѣтъ, котораго книга или, вѣрнѣе, недостатокъ книгъ заставляетъ подыскивать себѣ компанію среди сосѣдскихъ ребятишекъ не болѣе десяти-двѣнадцатилѣтняго возраста.

Недосугъ, по словамъ крестьянъ, служить главнымъ тормазомъ истиннаго развитія деревни. Изъ 82 человекъ, давшихъ въ своихъ письменныхъ работахъ отвѣты на вопросъ, почему они мало читаютъ, 55 указали именно на недостатокъ времени. Жалобы на недосугъ по нѣкоторымъ школамъ, какъ, наприм., по Городищенской (9), Бекетовской, Ясеневской (6), повторяются особенно часто. «Я какъ кончилъ курсъ, такъ сталъ забывать; читать не сталъ, такъ какъ въ работѣ каждый день»; «некогда; тогда брался за книги, когда учился», — пишутъ нѣкоторые крестьяне, указывая на годы ученія, какъ на время, когда только и можно было водить знакомство съ книгой. Мало читалъ, «потому что у насъ домашняя работа», «потому что мнѣ нужно зарабатывать свой хлѣбъ, потому что у насъ хлѣба нѣтъ», — вотъ обычные аргументы, которыми крестьяне оправдываютъ свое равнодушіе къ книгѣ. Семейное положеніе въ этомъ случаѣ играетъ видную роль, и часто парень, котораго уже никакъ нельзя было бы упрекнуть въ нежеланіи читать, совершенно забрасываетъ книгу съ измѣненіемъ своего семейнаго положенія. «Мало читалъ и писалъ, потому что у меня отецъ умеръ», «потому что дома дѣдъ старъ и братья малы», — пишутъ экзаменовавшіеся, и эти отвѣты мы должны понимать въ томъ смыслѣ, что вся работа по хозяйству легла на плечи этихъ кормильцевъ семьи, среди которыхъ встрѣчаются парни, едва-едва вышедшіе изъ школьнаго возраста.

Положеніе бездомнаго работника и того хуже. Грустная жалоба на свою горькую долю слышится въ ихъ лаконическихъ отвѣтахъ, которыхъ по тетрадамъ разныхъ школъ разбросано не мало. «Не читалъ, — пишетъ одинъ, — потому что живу у хозяина, а у хозяина ихъ некогда читать»; «некогда было, — говоритъ другой, — а тѣмъ болѣе, что я жилъ по чужимъ людямъ, и до ухода на службу (военную) совсѣмъ не читалъ». Больши-

ство такихъ горемыкъ даже не считаетъ нужнымъ пояснять свои отвѣты, а пишутъ просто: «потому что живучи на желѣзной дорогѣ», «потому что жилъ въ людяхъ» и т. п., или обозначивъ родъ своихъ занятій: «работникъ,—замѣчаютъ дальше,—чтеніемъ не занимался, никакъ некогда». Этотъ постоянный недосугъ, заставляющій нерѣдко школьника тотчасъ же по выходѣ изъ училища всецѣло отдаваться хозяйственнымъ заботамъ семьи, постепенно вызываетъ паденіе интереса къ книгѣ и нерѣдко даже суровое отношеніе къ ней. «Не имѣю лишнихъ прогулокъ»,—пишетъ бывший ученикъ Хорошиловскаго училища на вопросъ о томъ, читалъ ли онъ по выходѣ изъ школы. Съ такимъ взглядомъ на чтеніе, какъ на лишнія прогулки, конечно, далеко не уѣдешь, и потому не удивительно, что въ отвѣтахъ испытуемыхъ встрѣчаются откровенныя признанія, что читать «охоты не стало», что теперь уже «не до книгъ». Вотъ, напримѣръ, что пишетъ бывший ученикъ Роговатовскаго училища, выпуска 1886 г.: «А теперь расскажу про свое ученіе: прежде зналъ читать и писать, а ариеметику не очень хорошо, потому что мы въ нуждѣ и земледѣльцы, некогда намъ до этого доходить, мы въ каждомъ часѣ въ нуждѣ. Кой-когда зимою въ сельское училище пойдешь выпросить у учителя книжку, если дадутъ, тогда и считаешься, а своихъ книгъ нѣтъ, а потому что уже не до нихъ». «Некогда, и охоты не стало»,—пишетъ другой ученикъ того же училища.

Но неужели тягота крестьянской жизни такъ безнадежно велика, что среди этого вѣчнаго недосуга нѣтъ дѣйствительно никакихъ силъ удѣлять часъ, другой удовлетворенію духовныхъ потребностей? Внимательно прислушиваясь къ жалобамъ на безпрестанное деревенское «утѣшеніе», угнетающее мужицкую мысль, можно замѣтить, что жалобы эти не всегда слѣдуетъ относить на счетъ того недосуга, который лично у меня, Ивана, Петра, поглощаетъ каждую минуту моего трудового дня. Часто *общая атмосфера* деревни, избы, гдѣ все, отъ мала до велика, занято постоянными заботами о «дневномъ пропитаніи», уже сама по себѣ мѣшаетъ уѣсться за книгу, хотя бы для этого и выбрался свободный часъ. Какъ-то неловко, неудобно взять въ руки книгу, когда вокругъ тебя безостановочно совершается обычный процессъ деревенской сутолоки, когда и передъ тобою стоитъ длинная вереница всякихъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ крестьянскаго обихода, которые ежеминутно могутъ потребовать твоего присутствія и заботы. «Дома я никогда не читаю»,—пишетъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ Семидесятской школы. Дома читать нельзя, дома онъ не хочетъ становиться въ привилегированное положеніе по отношенію ко всей семьѣ, которую одолеваетъ «крестьянское дѣло»; дома пропадаетъ охота къ чтенію, и онъ нуждается во внѣшнихъ стимулахъ, чтобы вновь пробудить въ себѣ остывающее желаніе «почтаться». Такимъ внѣшнимъ стимуломъ въ томъ же Семидесятскомъ является воскресная школа, и другой обыватель села дополняетъ вышеприведенный отвѣтъ такъ: «чтеніемъ и письмомъ занимаюсь только въ воскресной школѣ».

Вл. Кр.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Иванъ Грозный и его оппоненты.

I.

Въ недавно вышедшемъ послѣднемъ выпускѣ *Критическихъ отзывов* Н. К. Михайловскаго находимъ большую статью, посвященную русской исторіи: *Иванъ Грозный въ русской литературѣ*. Это весьма обстоятельный обзоръ многочисленныхъ и разнорѣчивыхъ взглядовъ на историческое значеніе Грознаго и его царствованіе, разновременно высказанныхъ учеными изслѣдователями. Такіе обзоры чрезвычайно цѣнны, разъ они касаются сложныхъ и спорныхъ вопросовъ науки. Если извѣстный вопросъ остается открытымъ, несмотря на то, что по поводу его успѣла нарости объемистая специальная литература, если всѣ предшествующіе труды не только не разрѣшили вопроса, но даже не подготовили сколько-нибудь надежной почвы для его болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія, невольно зарождается подозрѣніе, нѣтъ ли какого-нибудь кореннаго грѣха въ самомъ способѣ его постановки? Въ этомъ отношеніи литература вопроса и должна сослужить свою отрицательную службу, самыя ошябки предшественниковъ должны преподать намъ цѣнныя руководящія уроки. Въ чемъ причина не прекращающейся разногласицы — вотъ что должны выяснить, прежде всего, такіе обзоры, и только въ этомъ случаѣ они — эти обзоры — способны оказать благотворное вліяніе на дальнѣйшее движеніе науки.

Удовлетворяетъ ли этому основному требованію работа г. Михайловскаго? «Мнѣ кажется, что устраненіе разногласія о Грозномъ есть, дѣйствительно, неосуществимая и праядная мечта, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени, и для ближайшаго, да и довольно отдаленнаго будущаго. Очевидно, существуютъ какія-то непреодолимыя трудности для того, чтобы которое-нибудь изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ мнѣній нашихъ историковъ стало общепризнаннымъ» (стр. 15).

Вотъ какъ формулируетъ г. Михайловскій общій выводъ своего критическаго опыта. Изъ только что приведенныхъ словъ можно было бы, казалось, сдѣлать то заключеніе, что г. Михайловскій, разобравъ всѣ с

ствующіе взгляды по занимающему его вопросу, не примкнулъ ни къ одному изъ нихъ и не противопоставилъ имъ какой-либо новой точки зрѣнія: вышелъ изъ своего обзора такъ же, какъ и приступилъ къ нему,—съ пустыми руками. Однако, такое заключеніе было бы ошибочно. Въ концѣ очерка г. Михайловскій вполне опредѣленно высказываетъ собственный взглядъ (мы скоро увидимъ, какой именно) на личность Грознаго и на историческое значеніе его дѣятельности. Читатель безъ труда отмѣчаетъ на этомъ взглядѣ отраженіе цѣлаго литературнаго теченія, обрачики котораго только что были рассмотрѣны самимъ г. Михайловскимъ въ общемъ составѣ посвященной Грозному литературы. Провозгласивъ полную научную бесплодность всей предшествующей литературы, критикъ самъ становится затѣмъ въ ея ряды, беретъ подъ свою защиту одно изъ тѣхъ воззрѣній, которыя, по его собственному признанію, всё одинаково бессильны дать матеріалъ для устойчивыхъ и плодотворныхъ ученыхъ выводовъ. Въ концѣ-концовъ, съ пустыми руками остается не самъ авторъ, но его читатель.

Я не хочу сказать этимъ, что трудъ г. Михайловскаго пропалъ даромъ. Правда, читатель не найдетъ здѣсь обстоятельной, методологической критики разсматриваемыхъ воззрѣній, но за то онъ получитъ яркую формулировку этихъ воззрѣній и ихъ поучительное сопоставленіе. Матеріалъ для выводовъ къ его услугамъ.

XVI вѣкъ вообще и царствованіе Ивана Грознаго въ частности—одинъ изъ капитальнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи. Въ связи съ изученіемъ наполняющихъ его явленій подымается цѣлый рядъ вопросовъ объ общемъ ходѣ нашего историческаго развитія. Вотъ почему мы и рѣшаемся представить вниманію читателей нѣсколько вызванныхъ работой г. Михайловскаго соображеній. Г. Михайловскій разсматриваетъ посвященную Грозному литературу въ хронологическомъ порядкѣ ея постепеннаго нарастанія, не сортируя по категоріямъ ея отдѣльныхъ теченій. Между тѣмъ, такая сортировка не только возможна, но и весьма поучительна. Она-то, думается намъ, какъ разъ и можетъ подсказать нѣсколько иной выходъ изъ противорѣчивыхъ впечатлѣній, навѣваемыхъ занимающею насъ литературой, тѣмъ тотъ, къ которому пришелъ г. Михайловскій.

Все содержаніе этой литературы сводится, въ сущности, къ постоянному чередованію и взаимному соперничеству двухъ самостоятельныхъ тенденцій. Одна ищетъ ключъ ко всѣмъ эпизодамъ замѣчательнаго царствованія въ перипетіяхъ внутренней душевной драмы царя. Другая выдвигаетъ на первый планъ общенсторическіе процессы, въ связи съ которыми старается объяснить и личную исторію Грознаго. Параллельное литературное развитіе обѣихъ тенденцій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Прежде всего, историческая литература занялась самимъ Грознымъ. Броская, эффектная фигура царя, какъ и естественно, на первыхъ порахъ заслонила собою отъ глазъ историковъ самое царствованіе. Такъ явились историческіе портреты Грознаго, набросанные Щербатовымъ, Барамзиннымъ,

Полевымъ. Историки слѣдили за поворотами настроеній Грознаго, старались объяснить разновременные фазисы его личной исторіи, отгадать его психическую индивидуальность. Развитие государственныхъ формъ, взаимоотношеніе общественныхъ классовъ, общія условія народной жизни,— все это оттѣснялось на второй планъ, и если привлекалось къ дѣлу, то лишь въ качествѣ удобной внѣшней рамы для центральной исторической фигуры самого Грознаго.

Столь односторонняя постановка вопроса должна была вызвать реакцію съ дальнѣйшимъ прогрессомъ науки. Научная идея закономерности народной жизни взростила интересъ къ отысканію общенсторическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ единичныхъ явленій. Съ тѣмъ вмѣстѣ и на дѣятельность Грознаго историки взглянули, какъ на частный эпизодъ изъ общей исторіи эпохи. Въ прежнихъ попыткахъ изображенія Грознаго теперь увидѣли результатъ «незрѣлости науки, непривычки обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Иоаннъ IV,—говорили теперь,— не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣда своихъ» (Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. VI). Такъ расширялась первоначальная задача. Предстояло связать дѣятельность Грознаго съ основными чертами его эпохи, а для объясненія этой эпохи—вскрыть ея отношеніе къ предшествующему времени.

Въ литературѣ начали появляться попытки широкихъ построеній общаго хода русской исторіи. Историки пустились на поиски за главнымъ, центральнымъ, руководящимъ началомъ, въ которомъ можно было бы открыть основную сущность и истинный философскій смыслъ пережитаго нами историческаго процесса. Не наша задача касаться исторіи этихъ поисковъ. Для насъ важно лишь отмѣтить, какъ отразились на постановкѣ вопроса о дѣятельности Грознаго нѣкоторыя попытки приложить эти широкія обобщающія схемы къ конкретному историческому матеріалу. Подъ влияніемъ этихъ попытокъ тиранническая дѣятельность Грознаго, его правительственный терроръ получили новое освѣщеніе. Въ нихъ перестали видѣть исключительно плодъ прихотливыхъ капризовъ коронованнаго психопата. Ихъ ставили въ связь со всею политикой московскаго княжескаго дома, а въ самой этой политикѣ вскрывали отраженіе общихъ условій, двигавшихъ ходомъ народной жизни. Такъ появились два новыхъ Грозныхъ въ нашей исторической литературѣ: кавелинскій и соловьевскій.

Кавелинская формула русскаго историческаго развитія извѣстна. Она изложена въ свѣжей, талантливо и горячо написанной статьѣ *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*, которая появилась въ 1847 году въ журналѣ *Современникъ*, въ качествѣ перваго литературнаго дебюта Кавелина. Согласно этой формулѣ, содержаніе всей исторіи сводилось къ постепенному росту значенія и самостоятельности отдѣльной личности въ общественной и государственной жизни.

На зарѣ исторіи во всѣхъ сферахъ жизни царилъ начала родового быта. Отдѣльная личность имѣла значеніе лишь какъ одна изъ состав-

ных частей своего тела. Дальнейшее движение истории заключалось в расшатывании старых порядков, в борьбе государственного начала с началом родовых. Вместе с все более назревающей победой государственного начала отдельная личность эмансипировалась от опеки ветхавших родовых форм, становилась в непосредственные отношения к государству и тем выигрывала в своей самостоятельности. Деятельность Ивана Грозного—одно из крупных звеньев указанного процесса. Иванъ Грозный, это—коронованный пропагандист государственной идеи, которой принадлежала будущность. Условия соответствовавшего исторического момента и особенности личного темперамента царя сделали то, что эта пропаганда получила характер правительственного террора. Кавелинский Иванъ Грозный—поэт государственной идеи. Ея практическое осуществление—его завѣтный, страстно искомый идеалъ. Между темъ, в тогдашнемъ обществѣ совершенно отсутствовали элементы для лучшего понимания вещей. Общество коснѣло въ старыхъ формахъ полупатріархальнаго быта. «Равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ—то что встрѣчалъ онъ (Иванъ Грозный) на каждомъ шагу. Борьба съ ними ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ»... «Растерзанный, измученный бесплодною борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, юды которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго, и мстилъ страшно» (Кавелинъ: «Сочиненія», т. I, стр. 356 и 363).

И такъ, тиранническая дѣятельность кавелинскаго Грознаго можетъ быть названа, пожалуй, нецѣлесообразною, но ее никакъ нельзя назвать безцѣльною. Нѣтъ, у нея была вполне опредѣленная цѣль: пропаганда государственной идеи,—передъ Иваномъ стоялъ реальный, а не созданный юльнымъ воображеніемъ врагъ: старинный, патріархальный жизненный строй. Въ лицѣ Ивана и его враговъ столкнулись двѣ Россіи—новая и старая; въ основѣ террористической политики Грознаго лежали историческіе, а не одни только психологическіе мотивы.

Не трудно замѣтить, что конечный выводъ, вытекающій изъ кавелинскаго изображенія Грознаго, гораздо цѣннѣе самого этого изображенія. Краснорѣчивыя страницы, посвященныя Грозному Кавелинымъ, сбиваются гораздо болѣе на блестящую ораторскую импровизацію, чѣмъ на научное воспроизведеніе историческихъ данныхъ. Всѣ элементы начертанной картины—силушъ гипотетичны. Отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ въ тогдашнемъ обществѣ, равнодушіе и безучастіе этого общества къ текущимъ вопросамъ жизни, идеализмъ и какая-то, чуть ли не міровая, скорбь непонятаго Грознаго,—все это голая гипотеза, и, притомъ, противорѣчащая фактамъ. Говорить объ индифферентизмѣ русскаго общества того времени значитъ закрывать глаза на тотъ разцвѣтъ публицистической литературы, которымъ знаменуются конецъ XV и начало XVI вѣка, тѣ проявленія той явной, то подпольной общественной оппозиціи устанавливавшемуся московскому порядку, которыя получали такія разнообразныя формы—отъ откры-

таго вооруженнаго возстанія оскорбленнаго служилаго князя до озлобленнаго ворюги опальнаго дружинника въ уединенной кельѣ заѣзжаго изъ Греціи ученаго монаха.

Рисовать Грознаго разочарованнымъ идеалистомъ, въ отчаяніи истребляющимъ то, что ему не удалось согласно своимъ идеаламъ преобразовать, значить, въ одно и то же время, и незаслуженно ставить его въ такую-то исключительную сравнительно съ его предшественниками позу, и незаслуженно преувеличивать бесплодность его правительственной дѣятельности. Правительственный терроръ сдѣлался обычнымъ приемомъ московской политики задолго до Грознаго. Казни и опалы времени Ивана III и Василія III имѣютъ важное историческое значеніе и въ значительной степени отнимаютъ у казни Ивана IV эффектъ историческаго экспроприта. Дѣйствуя въ тонѣ фамильной политикѣ своего дома, Иванъ IV не могъ являться провозвѣстникомъ какихъ-то совершенно новыхъ началъ, недоступныхъ кругозору его современниковъ, — оказывается, напротивъ, эти начала еще до Ивана IV не только обращались въ общественномъ сознаниі, но въ известной мѣрѣ получали и практическое осуществленіе въ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій. Съ другой стороны, итоги царствованія Грознаго отнюдь не свелись къ однимъ казнямъ, внушеннымъ Грозному, по мнѣнію Кавелина, отчаяніемъ безсилія. Нѣтъ, это царствованіе, какъ и вообще XVI вѣкъ — крупный поворотный пунктъ въ ходѣ нашего государственнаго развитія: Грозный завершилъ цѣлый рядъ назрѣвшихъ къ его времени коренныхъ, органическихъ реформъ по организаціи общественныхъ классовъ и государственнаго управленія, и въ результатѣ этихъ реформъ государственный строй окончательно установился на новыхъ основаніяхъ — общественнаго закрѣпленія. Эти новыя начала государственнаго устройства вполне отвѣчали условіямъ текущаго историческаго момента, они были продиктованы повелительными требованіями времени, и вотъ въ чемъ заключался секретъ ихъ устойчивости и живучести, вотъ почему даже перипетіи смутнаго времени если и распатали, то отнюдь не разрушили ихъ.

Но если политическіе идеалы Грознаго какъ разъ совпадали съ неотразимыми требованіями историческаго момента, то развѣ ему приличествуетъ поза царя-неудачника? Спрашивается, однако, слѣдуетъ ли, въ виду несостоятельности кавелинскихъ воззрѣній на значеніе Грознаго, отвергать тотъ общій выводъ, который изъ нихъ вытекаетъ, — тотъ выводъ, что въ основѣ его дѣятельности лежали не одни психологическіе, но и общенсторическіе мотивы? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, предположить, что Кавелинъ просто ошибочно вскрылъ эти историческіе мотивы, увлеченный своею общою схемой русской исторіи? Иначе говоря, неудачное примѣненіе метода компрометируетъ ли въ этомъ случаѣ самый методъ?

И Соловьевъ, подобно Кавелину, подошелъ къ изслѣдованію древней русской жизни съ точки зрѣнія родовой теоріи. Но Соловьеву иначе, чѣмъ Кавелину, пришлось прилагать свою схему къ фактическому матеріалу. Вмѣсто быстраго обзора à vol d'oiseau всего хода русской исторіи, Соловьевъ

написалъ *Исторію Россіи*, прервавшуюся на 29 томѣ. Здѣсь уже нельзя было ограничиться общою характеристикой крупныхъ историческихъ моментовъ съ точки зрѣнія своей схемы,—надлежало прослѣдить осуществленіе открытаго имъ общаго начала русской исторіи на каждомъ отдѣльномъ историческомъ эпизодѣ, на каждомъ отдѣльномъ сплетеніи реальныхъ отношеній и общественныхъ силъ. По представленію Соловьева, переработка родового строя жизни въ государственный растянулась на цѣлый рядъ вѣковъ и, конечно, разнообразіе жизни давало этому основному процессу нашей исторіи тысячу самыхъ различныхъ и измѣнчивыхъ выраженій. Что же представлялъ собою съ этой точки зрѣнія тотъ моментъ русской жизни, на который пало царствованіе Грознаго? Соловьевъ даетъ на это опредѣленный отвѣтъ въ VI томѣ своей исторіи.

Съ вѣрною остротой историческаго зрѣнія онъ увидѣлъ въ этомъ моментѣ эпоху борьбы двухъ столкнувшихся теперь періодовъ русской жизни, изъ которыхъ одинъ заканчивался, а другой зарождался. По выраженію Соловьева, это было время «сопоставленія двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему полному развитію, а другое хотѣло удержать его въ этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновение». Представителями одной изъ столкнувшихся сторонъ явились московскіе князья, начиная съ Ивана III, и Иванъ IV въ томъ числѣ, а другую сторону составили верхи тогдашняго общества: потомки вчерашнихъ удѣльныхъ князей и верхній слой дружины—боярство. И такъ, столкновение верховной власти съ аристократическими элементами общества—вотъ въ чемъ заключался, по Соловьеву, основной фактъ періода и вотъ съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать и дѣятельность Грознаго. Въ качествѣ врага тогдашней аристократіи верховная власть дѣлается естественнымъ союзникомъ низшей массы. Аристократія отдѣлила свое дѣло отъ дѣла народнаго. «Народъ,—говоритъ далѣе Соловьевъ,—увидалъ въ нихъ (князьяхъ и боярахъ) людей, которые остались совершенно преданными старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться насчетъ вѣрннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ, и вотъ молодой царь (Иванъ IV) пользуется ошибками тѣхъ, въ комъ видѣть враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли, говорить, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ и сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона, и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, видимъ Адашева: Исавъ продалъ право первородства младшему брату за законое блюдо» (*Исторія Россіи*, т. VI, стр. 61, 64).

Кавелинъ обозначилъ шумную дѣятельность Грознаго просто, какъ одно

изъ проявленій основного процесса русской исторіи: борьбы государственнаго начала съ началомъ родовымъ.

Соловьевъ, опираясь на изученные имъ факты, опредѣленно указываетъ, въ какія конкретныя формы облеклась эта вѣковая борьба въ эпоху Грознаго: она получила въ то время характеръ борьбы аристократическаго боярства съ демократическою монархіей, при этомъ политическій вопросъ осложнился вопросомъ социальнымъ: низшая масса отшатнулась отъ боярства и передала его московскому княжескому правительству, спасаясь отъ экономической порабощенности, въ которую его забивала дѣятельность землевладѣльческаго боярства.

Такимъ образомъ, и здѣсь, и у Соловьева для Грознаго подысканъ реальный, дѣйствительный врагъ, съ которымъ онъ вынужденъ былъ бороться, и здѣсь тиранія Грознаго не является исключительно плодомъ внутренней потребности исковерканной природы, искусствомъ для искусства, она направлена къ осуществленію опредѣленной политической программы. На счетъ личныхъ свойствъ царскаго темперамента можно и должно отнести лишь изощренныя формы его тираніи, но ея основная и конечная цѣль была подсказана исторически назрѣвшимъ антагонизмомъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

Въ основѣ соловьевской схемы лежатъ, какъ мы только что видѣли, два историческихъ наблюденія: 1) аристократическая тенденція боярства; 2) союзъ верховной власти съ низшею массою на почвѣ общихъ интересовъ.

Соотвѣтствуютъ ли, однако, эти наблюденія подлиннымъ фактамъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Мы не видимъ въ боярствѣ того времени *аристократіи* въ полномъ смыслѣ этого слова, общественнаго слоя, объединеннаго ясно сознанными едиными сословными интересами и чувствами, даже единствомъ своего историческаго происхожденія,—это была масса, составленная изъ весьма разнородныхъ элементовъ туземныхъ и иноземныхъ. Лишенное даже и тѣни какой-либо корпоративной внутренней связи, боярство, какъ боярство, какъ обособленный въ самомъ себѣ общественный слой, не составляло въ то время самостоятельной исторической силы. Были бояре, но не было боярскаго принципа, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. Михайловскій (*Крит. опыты*, стр. 104). Вотъ почему боярство и не могло бы противопоставить Грозному аристократической оппозиціи. Съ другой стороны, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ союза верховной власти съ низшею массою населенія,—для такого союза не было почвы. Низшая масса порывала съ боярствомъ, спасаясь отъ экономическаго порабощенія,—говоритъ Соловьевъ.—Но что она могла получить отъ своего мнимаго союзника—верховой власти? На это да гь намъ отвѣтъ организаторская дѣятельность московскаго правительства. Правительственная система того времени, подсказанная суровыми требаніями жизни, заключалась въ одинаковомъ закрѣпощеніи государственной службѣ всѣхъ общественныхъ слоевъ безъ различія, высшихъ и низшихъ, причемъ каждому слою присвоивалась своя спеціальная повинность: с у-

жилые люди должны были нести ратную и приказную службу, а низшая масса—содержать этихъ служилыхъ людей своимъ подневольнымъ, обязательнымъ земледѣльческимъ трудомъ. И такъ, порабощенность низшей массы какъ разъ входила въ виды верховной власти въ качествѣ одной изъ составныхъ частей тогдашней правительственной программы. Спрашивается, гдѣ же тутъ благоприятная почва для какихъ-то специальныхъ демократическихъ тенденцій, которыя приписываются Грозному? Указанныя слабыя стороны соловьевскаго построения быстро привлекли вниманіе критики. При этомъ разборъ несостоятельности выставленныхъ въ литературѣ историческихъ мотивовъ террора Грознаго привелъ опять къ отрицанію у него вообще какой бы то ни было исторической подкладки. Такъ снова всплыла на поверхность чисто-психологическая точка зрѣнія на значеніе Грознаго въ нашей исторіи. Застрѣльщикомъ выступилъ К. Аксаковъ. Въ написанномъ имъ разборѣ VI тома *Исторіи Россіи* (К. С. Аксаковъ: «Сочиненія», т. I, изд. II, стр. 124—168) мы находимъ и критику соловьевскаго взгляда и изложеніе собственныхъ воззрѣній автора.

Тираннія Грознаго не была вызвана *борьбой*, по той простой причинѣ, что Грозному не съ кѣмъ было бороться, передъ нимъ не стояло никакого реального дѣйствительнаго врага—вотъ основной тезисъ К. Аксакова. Бояре и не нападали, и не оборонялись. «Бояре противопоставляли Іоанну одно терпѣніе. Единственное, что они употребляли въ свою защиту, это—отъѣздъ, ихъ древнее право. Но для Іоанна врагъ, и врагъ опасный, точно существовалъ *въ его воображеніи*, и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него» (ibid., стр. 135). И такъ, Иванъ Грозный дѣйствительно терроризировалъ общество во имя какой-то борьбы, но эта борьба была фикціей его большого воображенія.

Тираннія Грознаго, это—скорѣе страница изъ исторіи его личной біографіи, чѣмъ изъ исторіи развитія русской жизни. Русская жизнь того времени не представляла никакихъ элементовъ борьбы и смуты. Напротивъ, то былъ, по воззрѣнію Аксакова, золотой вѣкъ нашего прошлаго, когда получила свое полнѣйшее выраженіе свойственная духу русскаго народа основная формула русской общественности.

Аксаковъ видитъ въ Грозномъ правотѣрнаго проводника въ жизнь славянофильской политической доктрины раздѣленія земли и государства. Два учрежденія эпохи Грознаго: земскій соборъ и опричина, взятая вмѣстѣ, явились практическимъ выраженіемъ славянофильской формулы: земля—сила мнѣнія, государству—сила власти.

Политика Грознаго какъ разъ совпадала, такимъ образомъ, съ потребностями всего общества, вытекавшими изъ коренныхъ чертъ національнаго духа. Передъ такимъ торжествомъ чисто-національной политики должны были безслѣдно таять эгоистическія попользованія отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ. Среди общаго чувства національной удовлетворенности, притязанія дружины звучали диссонансомъ, которому ни откуда не могло быть отгласка. Вотъ почему «царь сокрушаетъ дружину» безъ всякихъ усилій,

Безъ всякой борьбы и «народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи». Но, въ такомъ случаѣ, откуда же эти потоки крови, эти насилія и казни? Они не были вызваны практическою необходимостью. Вступая на путь террора, Грозный лишь отдавалъ дань основнымъ инстинктамъ своей природы. Затѣмъ слѣдуетъ личная характеристика Грознаго, какъ человѣка съ обостреннымъ художественнымъ чувствомъ, лишеннымъ, однако, всякаго нравственной основы. Обостренное художественное чувство приучило его искусственно становиться въ красивыя позы, выдумывать себѣ сильныя драматическія положенія, устраивать шумныя, эффектныя сцены. Отсутствіе нравственнаго чувства заслоняло отъ него нравственную сущность того или другого положенія яркимъ блескомъ его видимыхъ формъ. Критеріумъ добра и зла не было, была одна погоня за красивыми эффектами. Грозный переходилъ отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины онъ любилъ осуществлять въ жизни. «То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей, и царь, стоящій торжественно подъ осѣненіемъ крестовъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлся ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народъ—и вотъ ужасы казни московскихъ, ужасы Новгорода» и т. д. («Сочиненія», стр. 164).

И такъ, борьба съ боярствомъ—плодъ самовнушенія, вся политика террора—игра въ красивую позу карающаго мстителя: такъ понимаетъ Аксаковъ руководящія черты въ дѣятельности Грознаго. Мы не будемъ разбирать этой остроумной характеристики съ психологической стороны. Слѣлаемъ мимоходомъ только одно замѣчаніе: политика террора, какъ мы уже упоминали выше, унаслѣдована Грознымъ отъ своихъ предшественниковъ. Слѣдуя Аксакову, намъ придется, такимъ образомъ, заключить, что не только одинъ Иванъ IV, но его отецъ и дѣдъ,—все это были позѣры, что въ теченіе чуть ли не цѣлаго столѣтія московскіе князья выдумывали себѣ несуществующихъ враговъ только для того, чтобъ имѣть случай встать въ драматическое положеніе карающихъ мстителей не нанесенной обиды. Могутъ возразить: Иванъ IV первый придалъ террору небывалыя равнѣе, кричащія своимъ картиннымъ изувѣрствомъ формы. И это не точно. И до Ивана Грознаго бывали случаи, когда вся дорога отъ Москвы до Новгорода устанавливалась, какъ верстовыми столбами, висѣльницами съ повѣшенными на нихъ трупами крамольниковъ. Самъ Грозный призналъ бы эту казнь мастерскимъ эффектомъ по части картиннаго террора. И такъ, вопросъ о тираннической дѣятельности Грознаго снова возвращался къ своей первоначальной постановкѣ. Послѣ немногихъ попытокъ трактовать этотъ вопросъ исторически опять была выдвинута чисто-психологическая точка зрѣнія. Съ этихъ поръ психологическая точка зрѣнія прочно утверждается въ спеціальной литературѣ о Грозномъ. Особенно содѣйствовалъ ей

распространенію въ читающей публикѣ популярный историкъ Костомаровъ. Онъ пошелъ по слѣдамъ Аксакова. Отбросивъ специально-славянофильскую часть аксаковской характеристики, его представленіе о полной гармоніи земскаго собора и опричнины съ коренными чертами народнаго духа, Костомаровъ съ тѣмъ большимъ удареніемъ настаиваетъ на фиктивномъ характерѣ поднятой Грознымъ борьбы. Возвращаясь нѣсколько разъ въ различныхъ статьяхъ къ характеристикѣ Грознаго, Костомаровъ все болѣе ступаетъ краски, стараясь, притомъ, окончательно снять съ личности Грознаго всякій ореолъ сильной, выдающейся натуры. Въ концѣ-концовъ, Костомаровъ отрицаетъ у Грознаго и ту жилку художественнаго чутья, на которой Аксаковъ основалъ всю свою характеристику. Костомаровскій Грозный—грязный тиранъ съ мелкою душой, деспотъ и трусъ, человекъ пустой и ничтожный. Это—тотъ же салтыковскій Іудушка въ монахо-вой шапкѣ.

На ту же психологическую точку зрѣнія становится и г. Михайловскій въ заключительныхъ главахъ своего очерка. Отвергнувъ гипотезу о борьбѣ съ Грознымъ аристократическаго боярства, отвергнувъ существованіе въ русской жизни того времени «боярскаго принципа», г. Михайловскій отрицаетъ затѣмъ у Грознаго какую бы то ни было сознательную политическую программу и опредѣляющимъ факторомъ его жизни и дѣятельности объявляетъ «несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомерною властью, не даромъ пугавшею современниковъ». Грозный—маньякъ и только. «Если Грозный,—говоритъ г. Михайловскій,—и создалъ легенду о принципиальной борьбѣ съ боярствомъ, то извѣстно, что маньяки иногда подыскиваютъ чрезвычайно замысловатые объясненія для своихъ совершенно бессмысленныхъ поступковъ». (*Критич. опыты*, стр. 112).

Таково послѣднее въ хронологическомъ смыслѣ слово о дѣятельности Грознаго въ нашей литературѣ.

Намъ ясно теперь, на какой почвѣ возродилось это психологическое, такъ сказать, направленіе, къ которому примкнулъ и г. Михайловскій. Соловьевъ указалъ на аристократическое боярство, какъ на того врага, съ которымъ приходится бороться Грозному. Критика не нашла въ средѣ тогдашняго боярства ни элементовъ борьбы, ни элементовъ аристократизма и сдѣлала отсюда тотъ выводъ, что у Грознаго и не было никакихъ враговъ, кромѣ созданныхъ больною подозрительностью призраковъ. Не ошибень ли, однако, подобный выводъ? Мы понимаемъ Аксакова, который, исходя изъ своего славянофильскаго построенія русской исторіи, доказывалъ, что въ ту эпоху торжества исконно-народныхъ общественныхъ началъ и не могло быть какой-либо внутренней борьбы. Но почему тѣ, кто не раздѣляетъ славянофильскаго построенія, останавливаются передъ дилеммой: или бояре-аристократы, или призраки больнаго воображенія? Отчего не поискать другихъ элементовъ борьбы въ обществѣ того времени и помимо боярскаго аристократизма? Мы думаемъ, что эти элементы существовали, мы думаемъ, что борьба была реальная, а не фиктивная, и мы

сейчас же укажем на тот руководящій принципъ, который лежалъ въ основѣ общественной оппозиціи того времени. То былъ не спеціальный «боярскій принципъ», а—если можно такъ выразиться—«удѣльный принципъ», принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Основнымъ источникомъ недоразумѣній въ разсмотрѣнной нами литературѣ о Грозномъ мы считаемъ то обстоятельство, что изслѣдователи неравномѣрно распредѣляли свое вниманіе между двумя боровавшимися сторонами: много занимались Грознымъ и недостаточно пристально вглядывались въ его оппозицію. Между тѣмъ, вопросъ о томъ, изъ кого состояла эта оппозиція, и даже существовала ли она въ дѣйствительности, является, какъ мы только что видѣли, центральнымъ пунктомъ разногласій.

Оппозиція Грознаго зародилась не при Грозномъ. Вотъ почему, для болѣе отчетливаго выясненія предлагаемой ниже точки зрѣнія, мы должны сдѣлать сейчасъ экскурсъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую царствованію Грознаго.

II.

XVI вѣкъ—крупный поворотный пунктъ нашего историческаго развитія. По обѣ стороны этого вѣка лежатъ двѣ совершенно различныя Россіи: удѣльная и московская Русь. Что такое удѣльная Русь? Это—собраніе большихъ и малыхъ княжествъ, разсыпанныхъ по трущобамъ тогдашней лѣсистой Россіи, съ очень слабыми задатками взаимнаго политическаго единенія и съ весьма настоятельными мотивами вѣчнаго взаимнаго соперничества.

Внутри каждаго удѣла руководящимъ началомъ политическаго порядка являлся *договоръ, рядъ*, т.-е. совершенно свободное соглашеніе между княземъ, хозяиномъ удѣла, и вольнымъ человѣкомъ, приходившимъ въ предѣлы его княжества и поступавшимъ на его службу. Эти договоры устанавливали для обѣихъ сторонъ взаимныя права и обязательства. Договорныя условія отнюдь не были вѣчны, отнюдь не накидывали на договаривающіяся стороны мертвой петли, они могли быть прекращены путемъ такого же свободного соглашенія, каковымъ и заключались. Такъ каждый являлся въ то время творцомъ своего собственнаго положенія. Это порождало крайнюю пестроту и крайнюю неустойчивость политическихъ формъ. Конечно, практика вырабатывала нѣкоторые устойчивые типы договорныхъ условій, изъ которыхъ и выросли постепенно общія очертанія такъ называемаго удѣльнаго порядка, но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ этого порядка все же лежало свободное столкновеніе индивидуальныхъ интересовъ.

Что такое московская Русь? Это—крѣпко сплоченное военное государство, построенное на началахъ сильнѣйшей централизаціи. Потребно ли вооруженной самообороны—вотъ опредѣляющее начало московскаго политическаго устройства. Удѣльная свобода смѣнилась теперь закрѣпленностью всѣхъ общественныхъ классовъ государственной власти. Инди

дуальный интерес потонулъ въ суровыхъ требованіяхъ дисциплины. Мѣстные нужды и интересы не принимались въ расчетъ при построеніи новыхъ порядковъ, ими и некогда было заниматься, когда молодому государству приходилось вести самую примитивную борьбу за существованіе. Политическій строй московской Руси и явился плодомъ сознательной системы, направленной къ тому, чтобы ни одинъ атомъ народныхъ силъ не ускользалъ отъ общей обязательной работы на защиту государства. Эта работа была построена на началахъ строгаго раздѣленія труда. Общество распредѣлилось на классы и каждому классу была присвоена своя специальная государственная повинность. Для цѣлей самообороны государству нужны были двѣ вещи: деньги и войско. Сообразно съ этимъ общество было разбито на *тѣмьмъ людей*,—городскихъ и сельскихъ,—которые должны были, неся обязательный торгово-промышленный или земледѣльческій трудъ, вносить съ него въ казну подати, и *служилымъ людямъ*, обязаннымъ государству пожизненной ратною службой. Первые поставляли деньги, вторые—войско. Въ распредѣленіи этихъ повинностей между общественными классами московскій порядокъ не допускалъ никакой личной инициативы. Все было подчинено всеопредѣляющей правительственной регламентаціи. Каждый былъ разъ навсегда поставленъ на свое опредѣленное мѣсто и въ этомъ заключался весь секретъ устойчивости и силы московскаго порядка. Потомки удѣльныхъ дружинъ, потомки удѣльнаго крестьянства превратились теперь въ безгласные винты сложной государственной машины. Административный механизмъ Московскаго царства преслѣдовалъ тѣ же цѣли, что и организація общественныхъ классовъ. Органы администраціи, разсыпанные по уѣздамъ московской Руси, всецѣло являлись агентами центральной власти. Ихъ назначеніемъ было контролировать ростъ мѣстныхъ силъ и каждый приростъ ихъ тотчасъ обращать на удовлетвореніе тѣхъ же государственныхъ нуждъ. Всѣ эти воеводы, губные и земскіе старосты являлись въ общемъ составѣ государственной машины насосами, приставленными центральной властью къ источникамъ народнаго благосостоянія. Очерченный порядокъ неминуемо приводитъ къ двумъ знаменательнымъ послѣдствіямъ: 1) полному подавленію общественной свободы и мѣстнаго развитія; 2) къ чрезвычайно одностороннему развитію народной жизни вообще. Мѣстные, провинціальныя интересы тонули въ интересахъ общегосударственныхъ, а въ составѣ самихъ этихъ общегосударственныхъ интересовъ потребности военной самообороны совершенно подавляли развитіе общественной жизни, развитіе народнаго просвѣщенія. Сопоставимъ теперь двѣ только что представленныя картины: удѣльной и московской Руси. Что между ними общаго? Это—два разнородныхъ міра, два другъ друга исключяющихъ жизненныхъ уклада.

XVI вѣкъ и былъ тѣмъ моментомъ нашей исторіи, когда окончательно завершилась переработка удѣльнаго строя въ строй московскій. Въ этомъ его основное историческое значеніе, въ этомъ основной интересъ его изученія.

Легко понять, какимъ глубокимъ общественнымъ потрясеніемъ сопро-

вождалась такая коренная переработка. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ яркій драматизмъ, которымъ полна эта эпоха и который былъ пріуроченъ пригнѣвленнымъ историческимъ глазѣмъ послѣдующихъ поколѣній къ личности одного Грознаго.

Московскіе князья далеко не сразу выступаютъ врагами удѣльныхъ порядковъ. Довольно популярное воззрѣніе, по которому Московское княжество изначала явилось колыбелью иного политическаго уклада сравнительно съ остальной Русью удѣльной эпохи и московскіе князья вступили на политическое поприще съ *новымъ словомъ*, что и обезпечило успѣхъ ихъ собирательной дѣятельности,—это воззрѣніе совершенно ошибочно. Напротивъ, московскіе князья побѣдили прочихъ удѣльныхъ князей, всецѣло опираясь на удѣльные порядки. И уже затѣмъ, побѣдивъ съ помощью удѣльныхъ порядковъ удѣльныхъ князей, они объявили войну и самимъ удѣльнымъ порядкамъ.

Удѣльный порядокъ по самой внутренней своей сущности былъ обреченъ на быстрое разрушеніе. Въ его основѣ лежали два взаимно противорѣчивыя начала: политическая раздробленность Руси и ея общественное единство. Первое начало выражалось въ полной политической самостоятельности отдѣльныхъ удѣльныхъ княжествъ, второе—въ ничѣмъ не стѣсненной свободѣ передвиженія изъ удѣла въ удѣлъ для всѣхъ свободныхъ классовъ тогдашняго общества. Основныя условія народнаго труда постоянно вызвали потребность въ такомъ передвиженіи. Междукняжескіе договоры неизмѣнно санкционировали это право для всѣхъ свободныхъ классовъ общества, открывали имъ, по выраженію памятникѣвъ того времени, по всей Русской землѣ «путь чистъ, безъ рубежа».

Указанное обстоятельство налагало рѣзкую печать на характеръ удѣльнаго общества. Въ средѣ удѣльнаго общества не могло выработаться чувство мѣстнаго удѣльнаго патріотизма. Съ другой стороны, удѣльное общество отличалось необыкновенною измѣнчивостью и подвижностью своего личнаго состава. Экономическій интересъ явился главнымъ могущественнымъ рычагомъ народнаго передвиженія. Въ силу отиѣченныхъ особенностей, установившаяся было система самостоятельныхъ удѣльныхъ княжествъ могла бы рассчитывать на продолжительное сохраненіе лишь при одномъ условіи: при полномъ равенствѣ тѣхъ мѣстныхъ выгодъ, какія представлялись населенію каждымъ отдѣльнымъ удѣломъ. Дѣйствительность не могла допустить такого условія. Удѣлы, лишеныя счастливаго географическаго положенія, обойденныя благами природы, быстро пустѣли. Населеніе стягивалось мало-по-малу въ опредѣленные пункты съ болѣе пріятными мѣстными условіями. Оставляемые князья прибѣгали къ антрепренерскимъ уловкамъ, соперничая другъ съ другомъ въ обѣщаніяхъ соблазнительныхъ льготъ новымъ пришельцамъ. Напрасно. Потокъ народныхъ переселеній получалъ съ теченіемъ времени все болѣе опредѣленное направленіе. Скоро обозначился и еще одинъ факторъ, управлявшій пере-

движеніемъ народныхъ массъ: потребности самозащиты отъ наступавшихъ внѣшнихъ враговъ, съ востока и юга—татарь, съ запада—Литвы.

Подъ влияніемъ указанныхъ условій направленіе народнаго движенія окончательно опредѣлилось,—оно шло *отъ окраинъ къ центру*.

Вотъ та почва, на которой московскіе князья построили свое первоначальное политическое возвышеніе. Ихъ удѣлъ возвышался и расширялся въ силу счастливаго положенія и въ экономическомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ. Основная политическая задача того времени разрѣшалась въ ихъ пользу. Съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ московскимъ князьямъ было выгодно выступать въ роли охранителя, а никакъ не разрушителя основъ политическаго строя удѣльной эпохи. Всѣ приходили къ нимъ, никто не уходилъ отъ нихъ. Вотъ почему московскимъ князьямъ выгодно было поддерживать и въ теоріи, и на практикѣ свободу удѣльнаго договора, «ряда», свободу удѣльнаго «отѣзда» и «перехода». Московское возвышеніе не было плодомъ какой-то исключительной передовой политической мудрости московскихъ князей; эти князья въ развитіи своихъ успѣховъ оставались настоящими дѣтьми своего вѣка, пользовались исключительно *удѣльными средствами*. Москва расширялась, поглощая своимъ ростомъ прочіе удѣлы, но сама по характеру своего внутренняго устройства оставалась такимъ же удѣломъ, какъ и уничтоженные ею княжества. Это была борьба съ удѣльными правительствами, но не съ удѣльными порядками. Собирательная дѣятельность шла безостановочно. Каждый успѣхъ увеличивалъ могущество Москвы, а увеличеніе могущества, въ свою очередь, обеспечивало дальнѣйшіе успѣхи, еще болѣе поднимая притягательную силу Москвы въ глазахъ населенія. Мѣстные выгоды тянули къ Москвѣ, отсутствіе удѣльнаго патріотизма не удерживало въ своемъ удѣлѣ, въ результатѣ удѣльных княжествъ пустѣли, удѣльные правительства оставались одиночками, безъ почвы подъ ногами, и успѣхъ Москвы былъ обеспеченъ задолго до того момента, когда она рѣшалась нанести послѣдній, уничтожающій ударъ. Такъ, передъ паденіемъ Тверскаго княжества толпы тверскихъ бояръ перекочевываютъ въ Москву. Вотъ какъ объясняли они мотивы своего переселенія: «Гдѣ межи сошлись съ межами и гдѣ ни изобидать московскіе дѣти боярскіе, то пропало, а гдѣ тверичи изобидать и то князь московскій съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому и отвѣтамъ его вѣры не имать и суда не даетъ».

Московскій князь, выдвигаясь изъ среды собратій по размѣрамъ своихъ успѣховъ, первоначально ничѣмъ не выдвигается ни по приѣмамъ своей политики, ни по содержанію своей политической программы. Съ теченіемъ времени, однако, положеніе измѣняется. Мы только что видѣли, что политическая раздробленность удѣльной Руси соединялась съ ея общественнымъ единствомъ. Отсутствіе мѣстнаго, удѣльнаго патріотизма въ тогдашнемъ обществѣ окупалось довольно сильною обостренностью общерусскаго, національнаго патріотизма.

Теперь населеніе и приурочиваетъ одушевляющія его патріотическія чув-

ства къ личности московскаго князя. Оно привыкаетъ видѣть во власти этого князя надежнѣйшее обезпеченіе своихъ правъ и своихъ выгодъ. На этой-то почвѣ въ оборотѣ общественнаго сознанія назрѣваетъ новое, во свойственное удѣльной эпохѣ представленіе о князѣ, какъ о носителѣ и выразителѣ общерусскихъ, національныхъ интересовъ. Борьба съ иноземными сосѣдями фактически оправдываетъ такое воззрѣніе. Опираясь на скопившуюся въ ихъ рукахъ матеріальную силу, московскіе князья наносятъ этимъ національнымъ врагамъ наиболее жестокіе удары. Наблюдатели текущихъ событій видятъ теперь въ каждомъ выдающемся явленіи времени слѣды благотворной дѣятельности московскаго князя, въ Москвѣ — источникъ общаго благополучія: и внутренняго «наряда», и внѣшней безопасности для всей Русской земли. Уже къ дѣятельности Ивана Калиты прикидывается такая точка зрѣнія на ходъ событій. «Благовѣрному великому князю Ивану Даниловичу... вся... добръ управляя, злодѣйственныхъ разбойниковъ и хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своей. Во дни же его бысть тишина велия христіаномъ по всей Русской землѣ на многа лѣта. Тогда и татарове престаша воевать русскія земли» *).

Сами московскіе князья всего менѣе участвовали своими сознательными стремленіями въ этой переработкѣ своей политической роли. Въ ихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ мы не открываемъ никакой національной программы: они строили свой удѣлъ и только. Но само населеніе подсказало московскимъ князьямъ иную точку зрѣнія на сущность власти, а сосредоточившаяся въ ихъ рукахъ, благодаря ходу событій, фактическая сила дала имъ матеріальную возможность удовлетворять вытекавшимъ изъ этой новой точки зрѣнія новымъ задачамъ. Национальная идея княжеской власти вытекла, такимъ образомъ, какъ непредвидѣнный, хотя и естественный результатъ успѣшной устроительной и собирательной дѣятельности московскаго князя, лишенной какой бы то ни было націоналистической подкладки. Но затѣмъ, войдя въ новую роль, московскіе князья усваиваютъ себѣ національную точку зрѣнія и какъ сознательный приѣмъ политики. Удѣльные князья, не встрѣчая сочувствія и поддержки въ удѣльныхъ обществахъ, ищутъ опоры въ Литвѣ. Московское правительство тотчасъ же объявляетъ ихъ измѣнниками русскаго народа, и борьба за новые «примыслы» превращается въ борьбу за неприкосновенность русской національности.

Спрашивается теперь, какъ долженъ былъ отразиться этотъ ростъ національнаго значенія московскаго князя на особенностяхъ политическаго строя удѣльной эпохи? Московскій князь выросъ въ князя всей Русской земли, опираясь на господствующія тенденціи вѣка. Мы видѣли, каковы были источники этихъ господствующихъ тенденцій въ обществѣ того времени. Общественное мнѣніе превозгласило московскаго князя своимъ національнымъ княземъ лишь потому, что оно сознавало въ его власти лучшую

*) Никон., III, 141; Соловьевъ: „Ист. Россіи“, т. III, гл. 5.

гарантию своихъ тогдашнихъ интересовъ, т.-е. своихъ экономическихъ выгодъ и своихъ *удѣльныхъ правъ*.

Московское единодержавіе, какъ охрана удѣльной свободы, — вотъ тотъ своеобразный политическій идеаль, на который работало общество, возвышая московскаго князя, и которому никогда не суждено было осуществиться. Въ основѣ разсмотрѣннаго нами единенія общества и московскаго удѣльнаго правительства лежало глубокое недоразумѣніе. Московскій князь, какъ и всякій другой удѣльный князь, видѣлъ въ охранѣ удѣльныхъ правъ общества необходимое орудіе для борьбы со всѣми другими удѣльными князьями, своими естественными соперниками. Общество, своимъ сочувствіемъ придвигая московскаго князя къ успѣшному окончанію этой борьбы, тѣмъ самымъ все болѣе лишало его практической необходимости бережливо охранять тѣ общественныя права, на которыхъ зиждилась общественная свобода удѣльной эпохи. Для общества охрана удѣльныхъ правъ была кореннымъ жизненнымъ вопросомъ, для княжескаго правительства это было лишь временное боевое средство въ борьбѣ съ политической самостоятельностью другихъ удѣльныхъ княжествъ. И единодержавіе, и его національная задача одинаково сдѣлались и правительственной, и общественной традиціей московской Руси. Но официальная и общественная точка зрѣнія не разъ кореннымъ образомъ расходились въ пониманіи внутренняго содержанія національной программы единодержавнаго правительства. Когда единодержавіе было отождествлено съ самодержавіемъ, а національная политика потребовала коренной ломки удѣльныхъ общественныхъ правъ, тогда московскому правительству пришлось начать новую борьбу: покончивъ съ удѣльными князьями, приняться за своего недавняго союзника, объявить войну удѣльному обществу и его удѣльному мировоззрѣнію.

Первые признаки этой борьбы обозначаются съ половины XV вѣка. Уже изъ сказаннаго выше можно видѣть, что то была борьба не за монархическій принципъ: единодержавіе было создано усиліями самого удѣльнаго общества. Борьба возгорѣлась вслѣдствіе того, что единодержавное правительство вынуждено было обмануть ожиданія общества, мечтавшаго объ упроченіи своихъ удѣльныхъ правъ подъ сѣнію московской монархіи.

А. Кизеветтеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческая эволюція и психологическіе законы *).

II.

Лаконбъ въ своей книгѣ *Объ исторіи какъ науки* говоритъ, что въ современномъ обществѣ народилась новая сила, «это—сила ассоціаціи, свободная и добровольная группировка людей для достиженія всевозможныхъ цѣлей, личныхъ и безкорыстныхъ; таковы, напримѣръ, общества взаимопомощи и трезвости, общества распространенія просвѣщенія въ народѣ, общества археологическія и т. д. Что такое, въ сущности, всё эти общества? Маленькія правительства безъ полномочій или, вѣрнѣе, сами присвоившія себѣ полномочія» **). Оставляя въ сторонѣ юридическую неточность этого опредѣленія (въ современномъ государствѣ всякое общество возникаетъ съ прямо выраженнаго или безмолвнаго согласія государства, кромѣ, разумѣется, обществъ тайныхъ, съ которыми государство борется), мысль Лаконба нельзя не признать вѣрною и, въ то же время, старою. Но многія и многія старыя мысли не мѣшаютъ повторять почаще, потому что нерѣдко вновь поднимаются и распространяются и старыя заблужденія. Возростаніе роли сознанія и переходъ отъ стихійныхъ соединеній въ свободныя общества характеризуютъ историческій процессъ человѣчества; но многими отрицаются и творческая роль сознанія, и добровольная организація общественнаго строя. Для нѣкоторыхъ мыслителей исторія заключена въ неизбѣжный круговоротъ, въ которомъ необходимо повторяются ступени развитія и паденія народовъ; для другихъ государство есть организмъ, клѣточки котораго не имѣютъ самостоятельнаго значенія, подчинены цѣлому. Навныя формы уподобленія и отождествленія организма съ государствомъ (обществомъ) отжили свой вѣкъ, но этого далеко нельзя сказать про органическія теоріи вообще. Въ ряду новыхъ работъ въ этомъ направленіи заслуживаетъ вниманія книга Пюже: *Соціальная жизнь, мораль и прогрессъ* ***).

Авторъ проводитъ параллель между организаціей индивидуумовъ, кото-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

***) Привожу по русскому переводу (*Соціологическія основы исторіи*, стр. 351).

***) *Julien Pioger: „La vie sociale, la morale et le progrès“*. Paris, 1894.

рые составляют общество, и организацией анатомических элементов, составляющих живой организм. Когда мы говоримъ объ обществѣ пчелъ или муравьевъ, мы не отдѣляемъ пчелъ отъ меда и улья, муравьевъ отъ муравейника. Между ульемъ и пчелами, между муравьями и построенными ими жилищами существуетъ тѣсная связь, истинная инкорпорация. То же самое происходитъ и въ человѣческомъ обществѣ. Его исторію нельзя понять внѣ связи съ географическими условіями, съ качествами почвы, со всѣми обстоятельствами, облегчающими или дѣлающими болѣе трудную борьбу человѣка съ природою за существованіе.

Переходя къ опредѣленію общества, Пюже замѣчаетъ, что не слѣдуетъ смѣшивать, прежде всего, органа, организма и жизни: существуютъ живыя существа безъ органовъ (протисты), органы безъ жизни (машины). Организмъ есть равнодѣйствующая взаимныхъ вліяній, уподобленій, солидаризаціи анатомическихъ элементовъ. Организмъ представляетъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ простая совокупность его элементовъ; это *абсолютно* вѣрно,—говоритъ Пюже,—и по отношенію къ обществу и его организаціи. Общественная жизнь различается отъ фізіологической и общество, вслѣдствіе большой сложности его отправления и устройства, правильно называютъ надъ-организмомъ (*super-organisme*) или высшимъ организмомъ. Это названіе кажется автору особенно удобнымъ потому, что, заключая въ себѣ признаніе біологическихъ и психологическихъ началъ въ общественномъ организмѣ, оно подчеркиваетъ и его различіе, не даетъ терять изъ виду важныхъ особенностей, которыя существуютъ между обществомъ и живымъ организмомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. При этомъ Пюже предостерегаетъ противъ черезъ-чуръ отвлеченнаго и искусственнаго отношенія къ человѣческому обществу, которое мыслилось часто безъ необходимыхъ для его существованія условій, безъ среды, къ которой оно приспособляется или съ которой онъ борется.

Человѣка въ обществѣ французскій ученый уподобляетъ кровяному шару въ живомъ организмѣ. Эти шарики представляютъ, фізіологически, живой элементъ по преимуществу. Они повсюду двигаются, возбуждаютъ дѣятельность, силу. Такъ и человѣкъ: онъ двигается по всѣмъ общественнымъ тканямъ, работаетъ, производитъ разнообразныя приспособленія вещества и силъ природы, устанавливаетъ усовершенствованные пути сообщенія, вступаетъ въ общеніе и т. д.

Въ первобытныхъ обществахъ, какъ въ простѣйшихъ организмахъ, индивидуумы исполняютъ или способны исполнять однѣ и тѣ же функціи. По мѣрѣ развитія организма, происходитъ дифференціація функцій и органовъ. То же самое (раздѣленіе труда, учрежденія) происходитъ и въ прогрессирующемъ обществѣ. По мѣрѣ того, какъ увеличиваются и улучшаются средства сообщенія между людьми, въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, исчезаетъ индивидуалистическій, анархическій строй, совершенствуется общественная солидарность, развивается социальная функція—трудъ. И здѣсь,

какъ и повсюду въ живомъ мірѣ, функція вліяетъ на органъ, въ данномъ случаѣ на общественный строй и порядки. Трудъ социализируетъ людей.

Книга Пюже принадлежитъ къ числу «экспериментальныхъ» исследованийъ, и ея авторъ изгоняетъ поэтому метафизическую игру словами и онтологическія олицетворенія. Тѣмъ не менѣе, общая воля, — народа, представительнаго собранія, союза, — есть фактъ. Она не можетъ быть признана простымъ подсчетомъ отдѣльныхъ волей, а является результатомъ ихъ взаимодействія. Это замѣчаніе Пюже мнѣ представляется очень важнымъ. Когда говорятъ о грубомъ большинствѣ, о механическомъ (арифметическомъ) рѣшеніи вопросовъ общественно-нравственнаго значенія, то упускаютъ изъ виду, что такое рѣшеніе бываетъ результатомъ взаимныхъ уступокъ, соглашеній, отказовъ отъ притязаній, оказавшихся несправедливыми, и т. д. Рѣшенія подобнаго рода съ полнымъ правомъ должны поэтому называться *общей* волей даннаго народа, собранія и т. п. Общественная жизнь — унификація людей въ социальномъ тѣлѣ, — говоритъ Пюже, — социализація ихъ, подобно тому, какъ физиологическая жизнь есть унификація въ живомъ организмѣ его анатомическихъ элементовъ. Искать поэтому принципъ общественной жизни слѣдуетъ не въ соперничествѣ (Дарвинъ), не въ соглашеніи на борьбу (Ланессанъ), не въ ассоціаціи для борьбы (Поль Комбъ) или въ подражаніи (Тардь): мы должны помѣстить его въ *социализацію*, которая играетъ въ данномъ случаѣ такую же роль, какую *организація* играетъ въ жизни индивидуальной. При этомъ, обсуждая современные общества, не слѣдуетъ забывать, что они, представляя болѣе сложный *организмъ*, обладаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо менѣе развитою *организаціей*, чѣмъ наше тѣло. Въ успѣхахъ общественной организаціи и будетъ заключаться, въ значительной мѣрѣ, — даже главнымъ образомъ, — историческій прогрессъ.

Пюже останавливается на параллели между кровью въ организмѣ и богатствомъ въ обществѣ. Эта параллель приводитъ его къ заключенію о существованіи важныхъ неправильностей въ обращеніи и распредѣленіи «общественной крови», вслѣдствіе чего страдаетъ организмъ, какъ цѣлое. Соглашаясь съ теоретиками экономическаго матеріализма въ томъ, что экономическія потребности суть потребности основныя, какъ потребность питанія для организма въ обычномъ смыслѣ, Пюже прибавляетъ: это — известное *здоровый духъ съ здоровомъ тѣлѣ*, но отсюда не слѣдуетъ выводить *тѣла безъ духа*.

Социализацію (*socialisation*), которая имѣетъ мѣсто во всемъ мірѣ, являясь, наравнѣ съ закономъ приспособленія, основнымъ биологическимъ закономъ, Пюже различаетъ отъ общежительности (*socialité*, — я затрудняюсь точно передать по-русски этотъ терминъ). Эта послѣдняя играетъ въ обществѣ такую же роль, какую въ физиологической жизни играетъ органическая чувствительность (*sensibilité organique* ou *coenesthésie*). Ея развитіе пропорціонально общественному дифференцированію и органзаціи. Общежительность, по выраженію Прудона, есть взаимное тяготѣніе чувствующихъ существъ. При своемъ зарожденіи общежительность не аз-

дѣлима съ жизненностью вообще и можетъ быть разсматриваема какъ выраженіе сходства органическихъ потребностей у членовъ одного и того же общества. Послѣдовательно развиваются затѣмъ интеллектуальная и нравственная потребности, сходство въ которыхъ приводитъ къ общежительности въ гуманномъ смыслѣ этого слова. Она является коллективною чувствительностью общественнаго тѣла, источникомъ и объясненіемъ многихъ явленій въ общественной жизни, непонятныхъ съ перваго взгляда *).

Переходя къ вопросу о нравственности (*moralité*), Піоже замѣчаетъ, что въ этой области, какъ и повсюду въ мірѣ явленій, существуютъ факты и ихъ истолкованіе. Когда мы анализируемъ нравственное значеніе какаго-либо дѣйствія, т. е. когда мы называемъ его добрымъ или злымъ, мы не можемъ устранить мысли объ его дѣйствительныхъ или возможныхъ послѣдствіяхъ для общества. Нравственность, какова бы ни была наша теорія, непременно включаетъ въ себѣ общественную точку зрѣнія. Истинная нравственность начинается, конечно, съ того момента, когда наше поведеніе становится сознательнымъ, когда нами руководитъ и наши поступки внушаетъ намъ желаніе общаго блага. Нравственность есть способъ, которымъ совершаются взаимныя отношенія въ обществѣ, нормальныя, правильныя, подобно тому, какъ здоровье есть гармонія органическихъ функций. Въ нравственности, какъ и въ здоровьи, есть степени, и безнравственность есть болѣзнь общественнаго тѣла **). Являясь результатомъ умственной и общественной эволюціи человѣка, нравственность сводится на вопросъ солидарности, взаимности и обоюдной зависимости.

Повтореніе, привычка обращаютъ наши нравственные дѣйствія въ автоматичныя. Это не отымаетъ отъ нихъ цѣны: нельзя сказать, что умственная операція у человѣка, привыкшаго къ мышленію, менѣе интеллектуальна, чѣмъ та же операція, съ трудомъ производимая непривыкшимъ къ правильному мышленію человѣкомъ. Усилія, борьбу ради совершенія опредѣленнаго поступка не должно смѣшивать съ нравственностью: мы имѣемъ тутъ дѣло съ заслугой, подвигомъ. Исторія показываетъ намъ, что нравственность развивается съ успѣхами общественной организаціи, и многія дѣйствія, бывшія прежде заслугой, становятся обычными, не теряя отъ этого своего нравственнаго достоинства.

Для Піоже приведенное нами сравненіе нравственности съ здоровьемъ не простое сближеніе, а настоящее объясненіе: нравственность точно такъ же отвѣчаетъ нашему родовому инстинкту самосохраненія, какъ гигиена инстинкту личнаго самосохраненія. Невозможно представить себѣ общество, гдѣ господствовали бы необузданные эгоисты, членами котораго были бы

*) Въ другомъ мѣстѣ Піоже называетъ *sociabilité* совокупностью способовъ взаимныхъ дѣйствій и воздѣйствій между членами общества („... l'ensemble des modes d'actions et de réactions entre les membres d'une même société“, p. 118).

**) Необходимо упомянуть, что французское *moralité*, въ отличіе отъ *morale*, имѣетъ болѣе узкій и опредѣленный смыслъ, чѣмъ русское слово *нравственность*, означая поведеніе.

люди, неспособные говорить истину, и т. д. Значительная часть нервных разстройств, которые наблюдаются въ современномъ обществѣ, объясняется хаосомъ въ нравственныхъ идеяхъ. Все тѣсно связывается и переплетается въ развитіи цивилизаціи, и невозможно понять эволюціи экономической безъ эволюціи нравственной, той и другой безъ эволюціи устной.

Но каково отношеніе *эволюціи*, по мнѣнію Піоже, къ *прогрессу*? Что такое прогрессъ? Отношеніе цѣлаго къ части, потому что авторъ говоритъ о неправильности и смутномъ пониманіи прогресса до тѣхъ поръ, пока не выяснится истинный органическій характеръ общественной эволюціи человѣчества. Прогрессъ есть улучшеніе въ положеніи человѣка. Все, что прямо или косвенно облегчаетъ социальную жизнь, есть прогрессъ. Онъ означаетъ развитіе человѣка, его способностей, чувствъ, идей, развитіе гражданской жизни, общественныхъ отношеній. Идея прогресса всегда включаетъ въ себя общественный идеалъ. Правильное ученіе о прогрессѣ Піоже впервые находитъ у Сень-Симона, который въ основу общественного совершенствованія положилъ способности и трудъ. Можно сказать, — замѣчаетъ Піоже, — что прогрессъ есть законъ общественной жизни, какъ подборъ есть законъ жизни органической. Изъ этого не слѣдуетъ, что каждое общество необходимо прогрессируетъ: общество, какъ индивидуумъ, подвергается послѣдствіямъ его строенія, наслѣдственного или приобретеннаго.

Какова же въ этомъ прогрессѣ роль личности, сознанія, идей? Піоже вынужденъ признать ихъ огромное значеніе.

Онъ отмѣчаетъ, прежде всего, тотъ фактъ, что въ современномъ европейскомъ обществѣ каждый стремится принимать все болѣе и болѣе сознательное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, будучи побуждаемъ къ этому и личными интересами, и ростомъ общественной солидарности и справедливости. Здѣсь видятъ онъ источникъ непреодолимаго движенія. Высшею формой сознательной дѣятельности человѣка является наука, которая указываетъ ему мѣсто въ природѣ, даетъ вѣрное понятіе объ отвѣтственности, о справедливости, въ личномъ и общественномъ смыслѣ слова. Опытъ и наука освѣщаютъ человѣчеству дорогу, даютъ средства къ тому, что служить его совершенствованію въ физическомъ и духовномъ отношеніи.

Соціальная жизнь или эволюція характеризуется у французскаго мыслителя, какъ результатъ индивидуальныхъ свободныхъ дѣятельностей, которые сталкиваются, поддерживаютъ другъ друга, стремятся установитъ равновѣсіе. Соціальная дѣятельность обусловливается социальномъ организаціей, какъ наша физиологическая дѣятельность — анатомическимъ строеніемъ нашего тѣла. Но, замѣтимъ мы, Піоже слишкомъ уже настаиваетъ на *абсолютномъ* сходствѣ общества съ организмомъ. Допустимъ, что человѣка въ серьезномъ смыслѣ слова можно уподобить кровяному шарикку, но только этотъ *шарикъ* надѣленъ сознаніемъ, ставить для своей дѣятельности цѣли, можетъ вступать въ планомѣрные договоры съ другими *шариками* и, такимъ образомъ, преобразовывать тотъ организмъ, въ которомъ онъ

заключается. Самъ Пюже говоритъ: «Не странно ли, что понадобилось столько вѣковъ страданій и бѣдствій для пониманія такой истины: человекъ есть источникъ по преимуществу жизненности общества, и первое условіе для вѣрности цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить для человека цѣлостное развитіе (développement intégral)» *).

Исторія показываетъ намъ, что цивилизаціи, по скольку дѣло касается сознательнаго вѣшательства человека въ общественную дѣятельность, всегда были отраженіемъ общаго міропониманія эпохи, представленія о той роли, какую человекъ долженъ и можетъ играть въ общественной машинѣ. Чувства, страсти, идеи являются великими двигателями человечества. Одною изъ такихъ идей Пюже признаетъ идею труда, какъ общественной функціи, какъ продолженія, какъ вѣшняго выраженія фізіологической и психической функціи (*travail-fonction-sociale*). Совершенствованіе этой функціи зависитъ отъ совершенствованія органа-общества (и наоборотъ), поэтому по мѣрѣ развитія историческаго сознанія все болѣе и болѣе выдвигается въ обществѣ договорное начало. Въ этомъ Пюже видитъ источникъ истиннаго прогресса.

Таковы, въ общихъ чертахъ, главныя мысли, развиваемыя въ книгѣ Пюже. Новѣйшіе успѣхи психологіи постоянно подкрѣпляютъ у ченіе о возростающей въ исторіи роли сознанія, идей-силъ, по терминологіи Фуллѣ **). Интересно въ этомъ отношеніи новое сочиненіе Фуллѣ: *Темпераментъ и характеръ* ***).

Онъ замѣчаетъ, что одною изъ причинъ, по которымъ долгое время пренебрегали теоріей характера, было ошибочное предположеніе о первоначальномъ тождествѣ (духовномъ) всѣхъ людей. Но многія психологическія особенности индивидуума глубоко коренятся въ организмѣ, и отвлеченная, общая психологія, которая разлагаетъ людей на ихъ общіе элементы, не въ состояніи объяснить именно индивидуальнаго въ ихъ характерѣ, подобно тому, какъ разложить картину Рафаэля на ея составныя части со всѣмъ не значить объяснить самую картину ****).

Характеръ,—показатель индивидуума, его отличительная особенность,—

*) *La vie sociale*, 186. Ту же самую мысль мы встрѣчаемъ на стр. 21 („...c'est l'activité humaine qui est le fond, le moteur, l'âme de la société“). На стр. 36, 37, 39, 40 и др. находятся выраженія, въ значительной мѣрѣ противорѣчащіе такому утвержденію, въ которыхъ сказывается увлеченіе автора органическою теоріей общества. На стр. 51 человекъ называется „le facteur social par excellence“ и т. д. Всѣ общественныя перемены,—по крайней мѣрѣ, въ современномъ обществѣ,—Пюже сводитъ къ психологическимъ приобрѣтеніямъ личности, какъ къ источнику (стр. 64—65).

**) Ср. Гумберъ: „Психологія идей-силъ“ (*Вопросы Философіи и Психологіи*, сентябрь 1894 г.).

***) *Alfred Fouillée: „Tempérament et caractère selon les individus, les sexes et les races“*. 1895.

****) Довольно интересныя работы въ этомъ направленіи представляютъ книги Арреа (Lucien Argeat): *Psychologie du peintre* (1892) и *Mémoire et imagination (peintres, musiciens, poètes et orateurs)* 1895.

есть его относительно единственный и постоянный способ чувствовать, мыслить, желать. Одинъ и тотъ же мотивъ или двигатель, — наприм., видъ опасности, мысль о безчестіи и т. д., — возбуждаетъ, какъ извѣстно, въ людяхъ разныя реакціи. Идея владычества, которая поведетъ Бонапарта по всему міру, не въ состояніи сдвинуть съ мѣста Лапласа. Характеръ, это — общее направленіе, принятое волею, вслѣдствіе чего реагированіе на внѣшнія воздѣйствія принимаютъ постоянство и устойчивость. Нашъ вреденный характеръ, это — организмъ, разсматриваемый изнутри, а нашъ организмъ, это — нашъ врожденный характеръ, разсматриваемый извнѣ. Наша индивидуальность есть совокупность элементовъ. «Я» составляетъ ихъ асценцію. Наша личная природа, какъ сложное цѣлое, уже является соціальною природою, результатомъ отношеній составныхъ органическихъ частей. Нашъ характеръ образуется постоянными наслоеніями, онъ проходитъ эволюцію, какъ все въ органическомъ мірѣ и въ области исторіи. Но характеръ въ тѣсномъ смыслѣ слова вырабатывается сознательнымъ воздѣйствіемъ воли и разума на его естественныя данныя, на темпераментъ. Мы свободны, рационально говоря, по столько, по сколько подлежимъ измѣненіямъ сознательнымъ, планомѣрнымъ. Человѣкъ въ значительной степени самъ себя дѣлаетъ: его природѣ свойственно всегда прибавлять къ своей природѣ. И поэтому воспитаніе и идеи имѣютъ великое значеніе.

Въ планъ этихъ очерковъ не входятъ подробности чисто-психологическихъ изслѣдованій и поэтому я не буду говорить о тѣхъ главахъ книги Фуллье, которыя посвящены темпераменту и его особенностямъ у мужчинъ и женщинъ. Укажу только, что въ послѣднемъ отношеніи Фуллье приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: цивилизація народа, — это несомнѣнно, — измѣряется степенью гуманности и справедливости, оказываемыхъ женщинамъ. Функции женщины и мужчины неодинаковы, но необходимы въ одинаковой степени, и поэтому права и обязанности мужчины и женщины, не будучи тождественными, должны быть равномѣрными. Одною изъ величайшихъ задачъ будущаго Фуллье и считаетъ разрѣшеніе этого вопроса.

Возвращаясь къ вопросу о роли сознанія, Фуллье противопоставляетъ печальному фатализму Спинозы, Шопенгауэра, Тэна и родственныхъ имъ мыслителей могущество сознанія. Нашему разуму принадлежитъ сила реакціи, онъ — одинъ изъ первоначальныхъ дѣятелей, образующихъ характеръ, отличающій его отъ темперамента. Идеямъ и идеаламъ французскій психологъ отводитъ высокое мѣсто. Идеаль не только освѣщаетъ, — говоритъ онъ, — но и притягиваетъ, какъ тотъ, который заставлялъ Данта подниматься къ Біатрисѣ. Въ другихъ людяхъ мы должны любить не механизмъ или организмъ, бессознательные, а именно сознательное существо, которое мыслить, чувствуетъ, желаетъ. Можно сказать, что истинная основа нашего характера есть наша любовь, ея форма и содержаніе. Когда слѣпныя побужденія и инстинктивные вкусы входятъ въ область сознанія, темпераментъ уже превращается въ характеръ, разрозненныя стремленія сводятся къ единству, формулируется «я». А сказать «я» не значитъ только

констатировать фактъ, а начать дѣйствовать: «я» становится центромъ притяженія, возникаетъ и укрѣпляется наша личность съ прочными особенностями. Дѣятельность этой личности, по силѣ и продолжительности ея воздѣйствій на вѣдѣнный міръ (въ широкомъ смыслѣ слова), и сравнивать нельзя съ разрозненными бессознательными реакціями нашего организма. Дарвинизмъ доказываетъ намъ, — говоритъ Фуллеръ, — что въ борьбѣ за существованіе разумъ давалъ постоянно перевѣсъ. Само собою разумѣется, что, являясь произведеніемъ эволюціи, онъ приобретаетъ возрастающее значеніе по мѣрѣ хода этой эволюціи. Такимъ образомъ, чтобы возвысить нашъ характеръ, надо возвысить наши мысли.

Разсматривая роль характера въ расахъ, Фуллеръ, руководствуясь болѣе точными приѣмами изслѣдованія, чѣмъ Лебонъ, приходитъ, конечно, и къ инымъ результатамъ. Раса имѣетъ господствующее, нивелирующее вліяніе на первоначальныхъ ступеняхъ исторической жизни. Индивидуальныя различія у полудикихъ народовъ ничтожны. Такъ, напримѣръ, объемъ череповъ у нихъ почти равенъ, у современныхъ же французовъ разница между черепами достигаетъ 600 кубич. сантиметровъ, у нѣмцевъ до 700. Вайцъ указываетъ, что физическое сходство людей мало развитыхъ расъ параллельно большому сходству въ психическомъ отношеніи.

Во второй періодъ развитія различія въ физическомъ строеніи и въ нравственномъ характерѣ между различными племенами уменьшаются, а въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго племени увеличиваются. Раса менѣе тяготеетъ надъ индивидуумомъ. Фуллеръ полагаетъ, что человѣчество приближается теперь къ третьему періоду, синтезу двухъ предшествующихъ, въ которомъ возрастающія сходства не будутъ мѣшать возрастающимъ различіямъ. Усиленіе коллективнаго вліянія не воспрепятствуетъ усиленію индивидуальной дѣятельности. Благодаря разуму, своимъ изобрѣтеніямъ, чувствамъ и волѣ, личность будетъ съ вѣками все усиливать значеніе своей роли.

В. Гольцевъ.

Д и д р о *).

Въ своихъ *Мемуарахъ о жизни и трудахъ Дидро (Mémoires sur la vie et les ouvrages de Diderot)*,—говоритъ Коллинъонъ въ предисловіи къ своей книгѣ: *Дидро, его жизнь, сочиненія и переписка*,—Нежонъ жалуется на молчаніе, распространившееся о Дидро послѣ его смерти. «Для тѣхъ, кто заинтересованъ прогрессомъ человѣческихъ знаній,—говоритъ Нежонъ,—нѣтъ ничего болѣе печальнаго, какъ общественное равнодушіе въ трудамъ, способствовавшимъ переимѣнѣ господствующаго характера вѣка и давшимъ этому вѣку большое движеніе».

Теперь, какъ и въ то время, когда ученикъ и другъ Дидро писалъ эти строки,—продолжаетъ Коллинъонъ,—было бы несправедливо забывать великихъ писателей и философовъ XVIII вѣка: Дидро, д'Аламбера, Монтескьё, Руссо, Вольтера, Бюффона, Гельвеціуса, Гримма, Кондорсе, Гольбаха и др.

Необходимо, если не прочесть ихъ съ начала до конца, то, по крайней мѣрѣ, херошенько познакомиться съ ихъ идеями о вселенной и о человѣкѣ, о Богѣ и о душѣ, о религіи и объ общественныхъ учрежденіяхъ, о морали и эстетикѣ, о добрѣ, о прекрасномъ, о любви, объ истинѣ, объ искусствѣ и жизни, объ условіяхъ индивидуальнаго счастья и социальнаго прогресса, чтобы прослѣдить въ ея источникѣ всю современную философію.

Ихъ вліяніе на насъ очевидно. Оно сказывается во всемъ: въ нашихъ законахъ, нравахъ, въ нашемъ языкѣ. Эти великіе люди были болѣе чѣмъ основателями школы, они были преобразователями общества.

Философы XVIII вѣка преслѣдовали одну общую цѣль: эмансипацію духа (esprit), свободу во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и уничтоженіе нетерпимости и религіозныхъ суевѣрій. *Энциклопедія* была центромъ всѣхъ этихъ усилій. Дидро, которому принадлежитъ первая мысль, организовалъ ее и придалъ ей силу, восторжествовавшую несмотря на всѣ препятствія. Одинъ Дидро въ XVIII вѣкѣ былъ способенъ понять, основать и возвести до факта подобный памятникъ. Никто болѣе него не обладѣлъ

*) A. Collignon: „Diderot. Sa vie, ses oeuvres, sa correspondance“.

легкостью труда, пылкостью и мощью, необходимыми для того, чтобы довести до конца такое гигантское предприятие. Обыкновенно ученые не бывают артистами, а люди чувства—людьми разсудка, но Дидро, ученый и артист, скептикъ и вѣрующій, философъ и поэтъ, пылкій и постоянный, соединяетъ въ себѣ самыя разнообразныя качества. Онъ обладаетъ увлекательнымъ краснорѣчьемъ и самымъ тонкимъ анализомъ, глубокою проницательностью и самымъ широкимъ развитіемъ. Такимъ образомъ, Дидро одинъ изъ самыхъ удивительныхъ людей своего вѣка и одинъ изъ исключительнѣйшихъ умовъ, которые когда-либо существовали.

Съ точки зрѣнія критическаго разума и прогресса знаній, XVIII вѣкъ является одной изъ славнѣйшихъ и изобильнѣйшихъ эпохъ въ нашей исторіи. Ему принадлежатъ самыя благородныя и великодушныя стремленія. Не отступая ни передъ какими послѣдствіями, онъ храбро борется съ различными химерами, которыя такъ всегда мѣшали человѣческому счастью. Наблюденіе и опытъ—его путеводители. Руководствуясь такими принципами, XVIII вѣкъ возвелъ мораль и политику до положенія независимыхъ наукъ. Онъ положилъ основаніе свободы совѣсти, философской свободы мысли и права свободнаго изслѣдованія. Онъ преобразовалъ гражданскій кодексъ, смягчилъ законы, сдѣлалъ уголовный кодексъ менѣе жестокимъ, освободилъ рабовъ и положилъ основаніе гражданскому равенству.

Разсмотримъ поближе эту философію XVIII вѣка, противъ которой такъ много возмущались. Спросимъ самихъ ея враговъ: эта философія XVIII вѣка или нѣтъ воодушевлена любовью къ человѣчеству? Стремилась она или нѣтъ всегда къ одной цѣли—къ реализаціи справедливости и къ улучшенію человѣческой участи на землѣ?

Даже Гизо, чувствовавшій мало симпатіи къ научному матеріализму, говоритъ въ IV томѣ своихъ *Мемуаровъ*: «Много простится этому вѣку симпатіи и искренной, человѣческой вѣры, потому что онъ много любилъ». Независимость ума была въ самомъ дѣлѣ преобладающимъ характеромъ ихъ философіи, — продолжаетъ Колинзонтъ, — и, благодаря этой мужественной независимости, дѣло свободы было выиграно. Благодаря ей, наши современные философы—не скромные рабы теологовъ и не подчиняются болѣе ни Аристотелю и Сорбонѣ.

Слѣдуя сами дорогой, указанной Бекономъ и Декартомъ и расширенной Бэйлемъ, Малебраншемъ и Спинозой, философы XVIII вѣка окончательно порвали съ культомъ авторитета и замѣнили его индивидуальнымъ доказательствомъ, основаннымъ на знаніи и разумѣ. «Первый шагъ къ философіи—это сомнѣніе», — утверждалъ Дидро наканунѣ своей смерти.

Таковы труды и побѣды XVIII вѣка. Изучая Дидро, мы увидимъ, каковы были его идеи и доктрины.

I.

Денисъ Дидро родился въ Лангрѣ, въ Шампани, 5 октября 1713 года. Семейство Дидро занималось въ Лангрѣ профессіей ножевщика, переходив-

шей отъ отца въ сыну въ теченіе 200 лѣтъ. Его отецъ былъ человекъ стараго закала, твердый и строгій. Одѣтый въ рабочій фартукъ, онъ сумѣлъ приобрести уваженіе всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Онъ былъ очень искусенъ въ своей профессіи и даже изобрѣлъ ланцеты какой-то особенной формы.

«Мой отецъ,—говорить Дидро,—былъ извѣстенъ своею строгою честностью. Когда онъ умеръ, бѣдные оплакивали его смерть. Во время его болѣзни большіе и маленькіе выказывали участіе. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ приближается къ концу, весь городъ былъ опечаленъ. Его образъ еще передъ моими глазами. Мнѣ кажется, что я его вижу сидящимъ въ креслѣ, съ его спокойною осанкой, съ его яснымъ лицомъ. Мнѣ кажется, что я его еще слышу».

Денисъ, философъ, старшій въ семьѣ, былъ сначала отчаяніемъ своихъ родныхъ, гордостью которыхъ онъ сдѣлался впоследствии. Отецъ предназначалъ его въ духовному званію. Жизнь Дидро описана просто и искренно его дочерью, м-ше де-Вандѣль. Она и Нежонъ—его лучшіе биографы, всѣ другіе мало прибавили къ нимъ.

У Дидро была страннаго характера, но прекраснаго сердца сестра, которую онъ прозвалъ экономой. Не обладая образованіемъ и развитіемъ брата, она походила на него складомъ ума и характера. Живая, веселая, рѣшительная, дѣятельная, не заботящаяся ни о настоящемъ, ни о будущемъ, не поддающаяся вліянію ни людей, ни условій, свободная въ своихъ поступкахъ, еще болѣе свободная на словахъ, она была нѣчто вроде Діогена въ юбкѣ. Эта честная дѣвушка не вышла замужъ, чтобы лучше ухаживать за своимъ отцомъ.

У Дидро былъ также братъ, каноникъ въ лангрскомъ соборѣ, очень набожный и нетерпимый человекъ. По смерти философа, онъ потребовалъ его бумаги, чтобы ихъ сжечь, но, къ счастью для насъ,—говоритъ Коллинсонъ,—онѣ были въ Россіи вмѣстѣ съ бібліотекой Дениса Дидро. Этотъ нетерпимый братъ понималъ буквально католическій принципъ: внѣ церкви нѣтъ спасенія. «Онъ поссорился съ моимъ отцомъ,—говоритъ дочь Дидро,—потому, что онъ не былъ вѣрующимъ, съ моею матерью потому что она была его жена; онъ никогда не хотѣлъ меня видѣть потому, что я была его дочь; онъ не хотѣлъ обнять моихъ дѣтей потому, что они были внуки его брата; и мой мужъ, котораго онъ охотно принималъ прежде, напелъ его дверь запертой, какъ только женился на мнѣ».

Вотъ что писалъ Дидро своему брату по поводу терпимости въ 1760 году: «Умъ можетъ соглашаться только съ тѣмъ, что ему кажется истиннымъ; сердце можетъ любить только то, что ему кажется хорошимъ. Принужденіе сдѣлаетъ человека притворщикомъ, если онъ слабъ, и мученикомъ, если онъ храбръ. Слабый или храбрый, онъ будетъ чувствовать несправедливость гоненія и вознегодуетъ. Неблагодарно желать предписывать за умъ совѣсти. Нужно ее просвѣщать, а не насиловать. Люди, которые облаются, достойны сожалѣнія, а не наказанія. Если можно вырвать всѣхъ

того, кто думает иначе, чѣмъ мы, можно будетъ и располагать его головой, ибо нѣтъ границъ несправедливости».

Также какъ и Вольтеръ, Дидро первое образованіе получилъ у іезуитовъ своего родного города. Отъ природы живой, рѣзвый, съ раннимъ развитіемъ, съ характеромъ, легко поддающимся увлеченіямъ всякаго рода, онъ уже въ коллежѣ превосходилъ товарищей знаніями, но былъ педисциплинированъ и неисправенъ. Онъ часто пропускалъ занятія, предпочитая охоту и другія развлеченія.

Въ противоположность Вольтеру и другимъ великимъ людямъ XVIII вѣка, Дидро навсегда сохранилъ любовь къ своей семьѣ и прекрасное воспоминаніе о своихъ дѣтскихъ годахъ. Позднѣе онъ любилъ вспоминать маленькія поминки ножевщика въ Лангрѣ, свои дѣтскія радости, вечера, проведенные съ братомъ, аббатомъ, и сестрой, экономкой, веселыя вакаціи и свои первые успѣхи въ коллежѣ, заставившіе плакать отъ радости его старика-отца. Въ 50 лѣтъ Дидро пишетъ своему другу, м-ле Волянъ: «Самый пріятный моментъ въ моей жизни, и я вспоминаю о немъ, какъ будто это было вчера, это—когда мой отецъ увидѣлъ меня возвращающимся изъ коллежа, съ руками, полными полученныхъ мною наградъ, и съ плечами, нагруженными вѣнками, которыми меня увѣнчали и которые, будучи слишкомъ широки для моей головы, спустились мнѣ на плечи. Какъ только отецъ меня увидѣлъ, онъ оставилъ свою работу, подошелъ къ двери и началъ плакать. Какая прекрасная вещь, когда плачетъ хорошій и строгій человекъ!»

Между тѣмъ, утомленный постоянно получаемыми выговорами по поводу своихъ выходовъ, молодой Дидро объявилъ однажды отцу, что онъ не хочетъ болѣе учиться. «Ты, значить, хочешь быть ножевщикомъ?» — «Отъ всего сердца». Ему дали рабочій фартукъ и онъ помѣстился около отца, причемъ портилъ все, что ему попадалось въ руки. Такъ продолжалось нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ Дидро взялъ свои книги и вернулся въ коллежъ. Съ тѣхъ поръ занятія его не прерывались.

Такъ какъ Денисъ Дидро подавалъ большія надежды, то іезуиты хотѣли удержать его при себѣ и съ этою цѣлью уговорили его оставить родительскій домъ и уѣхать съ однимъ изъ нихъ, но отецъ, предупрежденный объ этомъ похищеніи, отвезъ сына въ Парижъ и помѣстилъ въ Collège d'Harcourt, гдѣ Денисъ и окончилъ курсъ, считаясь все время хорошимъ ученикомъ и прекраснымъ товарищемъ. Покончивъ съ ученіемъ, Дидро, по желанію отца, помѣстился у прокурора М. Clément de Ris, друга и соотечественника старика Дидро. Будущій философъ пробылъ у него два года, но врючкотворство было ему по душѣ не болѣе теологіи. Все свободное время онъ употреблялъ на изученіе математики, греческаго, латинскаго, итальянскаго и англійскаго языковъ. М. Clément de Ris съелъ себя вынужденнымъ извѣстить отца о дурномъ употребленіи, которое сынъ дѣлаетъ изъ своего времени.

Тогда Денису было предложено сдѣлать выборъ изъ трехъ профессій: доктора, прокурора и адвоката. Онъ отвѣчалъ, что профессія доктора ему

не нравится потому, что онъ не хочетъ никого убивать, прокуроромъ онъ не желаетъ быть потому, что эти обязанности трудно честно выполнять, что онъ охотно сдѣлался бы адвокатомъ, если бы не имѣлъ такого непреодолимаго отвращенія къ занятіямъ всю жизнь чужими дѣлами.

«Но чѣмъ же вы желаете быть?»—спросилъ Клеманъ де-Ри.—«Честное слово, ничѣмъ,—ну, ровно ничѣмъ. Я очень счастливъ, очень доволенъ и не желаю ничего другого».

Извѣщенный о такомъ отвѣтѣ, отецъ Дидро лишилъ сына всякой денежной помощи. Денисъ Дидро остался вѣрнѣе самому себѣ, но, не желая быть въ тягость Клеману, онъ ушелъ изъ его дома, нанялъ маленькую комнату, гдѣ и предался своимъ любимымъ занятіямъ. Пока велись небольшія деньги, бывшія у него, онъ занимался только расширеніемъ своихъ знаній, но вскорѣ явилась нужда. Онъ долженъ былъ жить въ конурѣ, обѣдать за шесть су, но ничто не могло его поколебать и въ продолженіе десяти лѣтъ онъ велъ это бѣдное, но свободное существованіе, посвященное наукамъ. Отецъ упорствовалъ въ своемъ отказѣ денежной помощи, но мать, отъ времени до времени, присылала ему небольшую сумму съ служанкой, которая дѣлала пѣшкомъ 60 лѣе, передавала Дидро деньги, прибавляла къ нимъ свои собственныя скромныя сбереженія и отправлялась обратно. Три раза она доказывала такимъ образомъ свою преданность Дидро. За это время мы видимъ Дениса Дидро то въ хорошей, то въ дурной компаніи, то погруженнаго въ занятія или грустныя размышленія, то опыннаго весельемъ. Нужда такъ давила его, что онъ хватался за всякую работу. Между прочимъ, онъ давалъ уроки математики и, въ то же время, самъ занимался ею. Если ученикъ былъ живъ и понятливъ, Дидро давалъ ему урокъ цѣлый день, если же ему попадался глупый мальчишка, то онъ совсѣмъ не возвращался на урокъ. Ему платили книгами, мебелью, бѣльемъ, деньгами, а иногда и ничѣмъ, какъ придется. Кроме уроковъ, Дидро дѣлалъ переводы для книгопродавцевъ, писалъ проповѣди для проповѣдниковъ, а иногда и пастырскія посланія для епископовъ. Наконецъ, онъ попробовалъ быть наставникомъ дѣтей богатаго финансиста Райдона, который предложилъ ему комнату, столъ и 150 франковъ въ годъ. Но черезъ три мѣсяца эта зависимая жизнь сдѣлалась для Дидро невыносимой и онъ вернулся къ свободѣ и нуждѣ.

Дидро имѣлъ нѣсколько друзей. Его комната принадлежала первому, кто ею завладѣвалъ. Нуждающійся въ постели приходилъ, бралъ у него матрацъ и водворялся въ его конурѣ. Такъ же поступалъ и Дидро. Онъ приходилъ къ товарищу, обзавалъ у него, писалъ, ужиналъ, спалъ, пока не проходила нужда. Но случалось такъ, что у него не было ни одного эки и, несмотря на всю свою бодрость, Дидро иногда приходилъ въ отчаяніе и рѣшался оставить науки и заняться чѣмъ-нибудь, что могло бы его кормить, но строка Гомера, какая-нибудь задача, мысль Ньютона разстраивали его благородные планы. Однажды, пошаривъ въ своихъ карманахъ, Дидро не нашелъ въ нихъ ничего. Не желая надоѣдать своимъ друзьямъ, въ

пошелъ прогуляться, думая разсѣять меланхолю. Можно прогнать тоску, но нельзя прогнать голода, и Дидро вернулся къ себѣ, истомленный ходьбой и изнемогая отъ голода. При входѣ съ нимъ сдѣлалось дурно и хозяйка дала ему немного хлѣба съ виномъ. «Въ этотъ день,—говорилъ онъ своей дочери,—я поклялся, если когда-либо буду имѣть что-нибудь, никогда въ жизни не отказывать бѣдняку, и скорѣе отдать все, чѣмъ заставить моего ближняго пережить подобныя страданія».

«Никогда,—говоритъ м-ше де-Вандѣль,—клятва не была болѣе свято и часто выполняема».

Къ этому времени относится знакомство Дидро съ одною молодою работницей, м-ле Шампионъ, которая честною работою жила съ своею матерью. Дидро полюбилъ ее и женился на ней въ 1744 году, несмотря на протестъ своего отца.

Дидро было тогда 31 годъ и онъ еще ничего не напечаталъ.

Бракъ былъ заключенъ тайно. Онъ не принесъ счастья Дидро. М-ше Дидро, отличаясь поразительною красотой, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ ограниченнаго ума и грубаго воспитанія, чтобы понимать своего мужа. Она была добрая, но мелочная женщина и не могла долго удержать любовь такого человѣка, какъ Дидро. У него было отъ нея четверо дѣтей, изъ которыхъ одна только дочь, м-ше де-Вандѣль, осталась въ живыхъ. Желая поправить дурныя отношенія съ родными, Дидро отправилъ ее къ своимъ родителямъ въ Лангръ, что и вызвало желаемое примиреніе съ отцомъ.

Между тѣмъ, Дидро, чтобы покрыть новые расходы, вызванныя его женьбой, еще усиленнѣе предался литературнымъ занятіямъ. Онъ переводилъ за сто экю съ англійскаго *Исторію Греціи* въ трехъ томахъ, потомъ *Медицинскій словарь* и такимъ образомъ кое-какъ поддерживалъ существованіе семьи. «Очень часто,—говоритъ м-ше де-Вандѣль,—когда мой отецъ обѣдалъ въ городѣ, мать моя ѣла одинъ черный хлѣбъ, съ удовольствіемъ сберегая деньги, чтобы на другой день пополнить скромное меню своего мужа. Кофей былъ непозволительною роскошью въ ихъ маленькомъ хозяйствѣ, но она каждый день давала ему шесть су, чтобы онъ могъ пойти выпить свою чашку въ café de la Régence и посмотрѣть, какъ играютъ въ шахматы».

Между тѣмъ, Дидро разочаровался въ своей женѣ. Онъ сходилъ поочередно съ м-ше de Prunevaux и съ м-ше de Puisieux (другой ужасъ, продолжавшійся десять лѣтъ) и, наконецъ, съ м-ле Волянъ, которая одна оказалась достойной его любви.

Чтобы покрыть расходы м-ле de Puisieux, Дидро перевелъ *Опытъ о разумѣ и добродѣтели* Шефтебуря и написалъ *Les pensées philosophiques* (Философскія мысли). За каждую изъ этихъ работъ онъ получилъ по 50 ливровъ. *La lettre sur les aveugles* (Письмо о слѣпыхъ) было написано по поводу операціи катаракты, сдѣланной Реомюромъ надъ однимъ слѣпороджденнымъ: Дидро хотѣлъ присутствовать при операціи, чтобы

наблюдать первыя ощущенія больного, вызванныя свѣтомъ, но Реокеръ допустилъ къ операціи только одну невѣжественную даму, по имени *ш-м Dupré de Saint Maug.* Эта дама, недовольная замѣчаніями Дидро, послала его въ венсенскую тюрьму черезъ протекцію своего любовника *М. д'Аржансонъ.*

По другимъ свѣдѣніямъ, болѣе вѣроятнымъ, Дидро попалъ въ тюрьму по доносу священника его прихода, обвинявшаго его въ безбожіи. Онъ провелъ въ тюрьмѣ 3 мѣсяца и 10 дней. Дидро нашель тамъ средство нѣсколько скрасить свою скуку. Отодравъ кусочекъ аспиднаго камня отъ стѣны, онъ истолокъ его, развелъ въ винѣ, зубочистка послужила ему перомъ, а разбитый стаканъ — чернильницей. Имѣя при себѣ томъ *Потерянная Рая* Милтона, онъ покрылъ его бѣлыми поля и промежутки между строками замѣтками о поэмѣ и размышленіями по поводу своего положенія.

Во время пребыванія Дидро въ тюрьмѣ, его навѣстилъ тогдашній его другъ Руссо. Дидро далъ ему совѣты относительно того, какъ трактовать вопросъ, предложенный дижонскою академіей: «Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?» Главное мѣсто въ *Discours sur l'inégalité (Разсужденіе о неравенствѣ)* принадлежитъ также Дидро. Въ то время Дидро и Руссо были еще друзьями; впоследствии, какъ известно, ихъ семнадцати-лѣтняя дружба порвалась. «Настоящую причину ихъ ссоры, — говоритъ *ш-ше де-Вандѣль,* — нельзя разсказать — это какія-то сплетни, въ которыхъ самъ дьяволъ ничего не разберетъ. Если кто-нибудь понимаетъ что-нибудь въ этой тарабарщинѣ, такъ это Гриммъ, если же онъ ничего не знаетъ, то никто никогда ничего не пойметъ въ этой исторіи». Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «Все, что я вижу въ этой исторіи, такъ это то, что мой отецъ далъ Руссо идею *Discours sur les arts (Разсужденіе объ искусствѣ)*, что онъ его просмотрѣлъ, а, можетъ быть, поправилъ, что онъ нѣсколько разъ давалъ Руссо денегъ». Вѣроятно, — говоритъ *Коллинсонъ,* — вина была съ обѣихъ сторонъ, но все заставляетъ думать, что первый поводъ подалъ недовѣрчивый и подозрительный характеръ Руссо.

«Порвавъ съ Дидро, — читаемъ мы въ X книгѣ *Confessions (Исторія)*, — я всегда сохранялъ въ душѣ привязанность къ нему и даже увѣженіе къ нашей прежней дружбѣ, которая долго была искренней съ обѣихъ сторонъ. Я считаю его не столько злымъ, сколько несдержаннымъ и слабымъ. Совсѣмъ другое дѣло съ Гриммомъ, человекомъ фальшиваго характера, никогда меня не любившимъ и даже не способнымъ любить, который безъ всякаго повода, только въ силу своей черной зависти, втихомолку былъ моимъ самымъ жестокимъ клеветникомъ».

Дидро уже 36 лѣтъ, а онъ еще ничего не сдѣлалъ для своей славы. Но съ этихъ поръ Дидро начинаетъ занимать его великое произведеніе, его памятникъ, его главная заслуга передъ потомствомъ, это — *Энциклопедія*, въ которой онъ, въ теченіе почти 30-ти лѣтъ, раскрываетъ всю силу своего гения и разнообразіе своихъ удивительныхъ талантовъ.

Собрать въ одномъ произведеніи всё человѣческія знанія, судить прошедшее съ точки зрѣнія современной науки, соединить, посредствомъ общества, въ одномъ трудѣ самыя разнообразныя таланты, создать изъ нихъ страшную силу, могущую сломать всё сопротивленія прежнихъ взглядовъ,—такова была мысль, вдохновлявшая Дидро.

Въ самомъ началѣ, *Энциклопедія*, это полное резюме идей, къ которымъ пришло человѣческое знаніе въ XVIII вѣкѣ, должна была быть только просмотрѣннымъ и дополненнымъ переводомъ англійскаго словаря Шальмера. Принимаясь за этотъ трудъ, Дидро думалъ только о томъ, какъ бы прокормить семью, и предпочелъ бы употребить свои таланты на что-либо другое, болѣе подходящее къ его вкусамъ. «На какіе только поступки,—пишетъ Дидро,—ни рѣшается человѣкъ ради своей жены и дѣтей, между тѣмъ какъ для самого себя онъ не сдѣлалъ бы ничего подобнаго. Я встрѣчаю на своемъ пути женщину, прекрасную, какъ ангелъ, я имѣю отъ нея четверыхъ дѣтей, и вотъ я принужденъ бросить математическую, которую любилъ, Гомера и Виргилія, которыхъ всегда носилъ въ карманѣ, театръ, къ которому чувствовалъ склонность, и я счастливъ, что могъ предпринять *Энциклопедію*, которой посвятилъ 25 лѣтъ моей жизни». Но, со свойственною ему пылкостью, Дидро скоро увлекся своею идеею, расширилъ ее и рѣшилъ сдѣлать изъ *Энциклопедіи* универсальный сборникъ наукъ того времени. «Мы можемъ сказать,—писалъ Дидро,—что если бы древніе создали *Энциклопедію*, какъ создали столько великихъ вещей, и что еслибы изъ всей знаменитой александрійской бібліотеки уцѣлѣла бы одна эта рукопись, то она могла бы насъ утѣшить въ потерѣ всѣхъ остальныхъ».

Дидро, сначала при помощи д'Аламбера, а потомъ одинъ былъ архитекторомъ этого коллективнаго сооруженія, въ которомъ онъ рассыпалъ тысячи блестящихъ страницъ. Не довольствуясь отдѣломъ исторіи философіи, онъ написалъ массу статей, отъ которыхъ отказывались всѣ остальные сотрудники. Такъ, онъ одинъ сдѣлалъ описаніе механическихъ искусствъ (ремесль). Чтобы честно выполнить эту задачу, Дидро цѣлые дни проводилъ въ мастерскихъ. Приходя, онъ внимательно разсматривалъ машину, заставлялъ объяснять себѣ ея строеніе, затѣмъ мастеръ работалъ при немъ, послѣ чего Дидро самъ садился на мѣсто рабочаго и не разъ удивлялъ окружающихъ своею ловкостью и понятливостью. Такимъ образомъ, онъ хорошо усвоилъ многія ремесла и могъ съ успѣхомъ сдѣлать ихъ описаніе. Д'Аламберъ и Дидро, на которыхъ лежали редакторскія обязанности, постарались привлечь къ сотрудничеству извѣстнѣйшихъ людей того времени, такъ что между авторами *Энциклопедіи* мы встрѣчаемъ имена Руссо, Вольтера, Бюффона, Мармонтеля, Гольбаха, Дюкло, Монтескьё, Неккера и т. д.

Дидро часто упрекаютъ въ недостатокъ терпѣнія въ вопросахъ, требовавшихъ много времени и размышленія, и забываютъ, что, несмотря на постоянныя преслѣдованія, низость книгопродавцевъ, отступничество нѣкоторыхъ изъ самыхъ лучшихъ сотрудниковъ, онъ имѣлъ упорную храбрость довести до конца это огромное зданіе. И когда въ наше еще время Дидро

упрекають въ томъ, что онъ растратилъ свой гений въ тысячи малейшихъ бумагахъ и въ тысячи летучихъ листовъ, не оставивъ ни одного крупнаго произведенія, забываютъ одно крупное произведеніе, которое называется *Энциклопедіей*.

Въ то время въ наукахъ совершилась большая революція. Въ изученіи человѣка и морали начинали прикладывать методъ наблюденія и опыта. Своимъ орлинымъ взглядомъ Дидро подмѣтилъ важность этой философской революціи и присоединился къ ней всѣми силами своего духа. Но едва вышли два первые тома, какъ, по доносу іезуитовъ, произведеніе было запрещено. Дидро обратился тогда къ Мальзербу, либеральному директору печатнаго дѣла, и къ тому самому министру д'Аржансону, который когда-то посадилъ его въ тюрьму. Печатаніе было снова разрѣшено и продолжалось цѣною уступокъ, которыя д'Аламберъ считалъ необходимыми и которыя приводили въ негодованіе Дидро и Вольтера. Несмотря на всѣ предосторожности, послѣ 7 тома на *Энциклопедію* опять обрушился ударъ. Въ это-то время Мальзербъ предупредилъ Дидро, что завтра онъ дастъ приказаніе объ арестѣ его бумагъ. «То, что вы мнѣ сообщаете,—отвѣчаетъ Дидро, — меня страшно огорчаетъ. Я не имѣю времени перевезти всѣ мои рукописи и, къ тому же, не легко въ 24 часа найти людей, которые согласились бы ихъ взять и у которыхъ онѣ были бы въ безопасности». «Пришлите ихъ ко мнѣ,—пишетъ Мальзербъ,—ко мнѣ не придутъ съ обыскомъ».

И Дидро отправилъ свои рукописи къ директору печатнаго дѣла, который самъ отдалъ приказъ о конфискаціи. Странное время! — прибавляетъ Балиньонъ.

Между тѣмъ, д'Аламберъ, утомленный и обезкураженный постоянными преслѣдованіями, удалился отъ дѣла послѣ изданія восьмого тома, и Дидро остался одинъ какъ разъ въ то время, когда его задача дѣлалась особенно тяжелой и опасной. По доносу генеральнаго адвоката Селье, парламентъ назначилъ комиссаровъ для ареста произведенія, а совѣтникъ Паскье объявилъ открыто, что «достаточно жгли книги философовъ и что пора сжечь ихъ самихъ». Къ этому же времени относится открытіе Дидро передѣлокъ, произведенныхъ, изъ осторожности, книгопродавцемъ Бретономъ при выпускѣ *Энциклопедіи*. Отчаянію Дидро не было предѣловъ.

«Вы меня подло обманывали въ продолженіе двухъ лѣтъ,—пишетъ Дидро Бретону,—вы убили или заставили убить трудъ двадцати честныхъ людей, которые даромъ посвятили вамъ свое время, свои таланты, свои безсонныя ночи, только изъ любви къ истинѣ и добру». И далѣе: «Вы изувѣчили, изрѣзали въ куски философію, безъ всякаго толку, безъ всякой осторожности и вкуса. Вы сдѣлали насъ безвкусными и плоскими. Вы изгнали изъ вашей книги все, что въ ней было привлекательнаго, интереснаго и новаго. Вотъ результатъ 25-ти лѣтнихъ трудовъ, неприяностей, издержекъ, опасностей и огорченій всякаго рода! Глупецъ остроготъ разрушаетъ все въ одну минуту. Я говорю о томъ мясникѣ, которому вы поручили насъ растерзать. Въ концѣ-концовъ, выходитъ, что презрѣніе, стыдъ,

«Ходить къ намъ отъ главнаго собственника про-
энергій, добродѣтели и храбрости, нужно отдать
предоставить другимъ опасныя предпріятія». Въ
прибавляетъ: «Вы требуете, чтобъ я пришелъ къ
«смотреть корректуры. Вы не знаете, чего хотите.
«презрѣнія съ моей стороны вамъ придется перева-
«гилы»».

—говорить ш-ше де-Вандѣль,—мой отецъ чуть не за-
бросить работу, но современемъ, не утѣшившись,
никогда не могъ говорить объ этомъ равнодушно».

Въ 1765 года Дидро могъ написать ш-ше Волаву: «На-
больше ходить въ эту проклятую мастерскую, гдѣ я
для людей, которые не дадутъ мнѣ и палки, чтобы
8 или 10 дней будетъ окончено предпріятіе, которое
въ 30 лѣтъ, которое не составило мнѣ состоянія, изъ-за
рисковалъ быть изгнаннымъ изъ отечества и лишиться
«Я отдалъ этой работѣ около 30 лѣтъ. Изъ всѣхъ
горя только можно себѣ представить, нѣтъ ни одного,
«испытать: произведеніе было запрещено, мнѣ угрожали
«дикты короля и аресты парламента. Нашими завлятыми
«оръ, вельможи, военные, не имѣющіе другого мнѣнія, какъ
«ященники, полиція, судьи, писатели, не участвовавшіе въ
«гскіе люди и тѣ изъ гражданъ, которые идутъ за большин-
я на этотъ союзъ, всѣ подписывались. Они хотѣли имѣть
погубить авторовъ. Изъ имени энциклопедиста сдѣлали
вернаго прозвища, придаваемого людямъ, которыхъ хотѣли
«дъ королемъ—какъ опасныхъ подданныхъ, передъ духовен-
его враговъ, передъ судьями—какъ людей, которыхъ нуж-
здъ потомствомъ—какъ дурныхъ гражданъ. Не мудрено, что,
«тихъ безпокойствъ, *Энциклопедія* при всѣхъ достоинствахъ
произведенія имѣетъ недостатки плохого. Такова, какъ она
безъ заслугъ и не безъ значенія. Но какъ повисились бы
«ва, еслибъ она была тѣмъ, чѣмъ могла быть!»

«недія, составившая состояніе книгопродавцу, въ самомъ дѣлѣ,
мало Дидро. Онъ получилъ 2,500 франковъ за каждый изъ
составляющихъ произведеніе, и затѣмъ еще сумму въ 10,000
что это сравнительно съ тою массою труда, которую онъ поло-
этотъ огромный словарь въ продолженіе почти тридцати лѣтъ?
—говоритъ С.-Бѣвъ,—расточалъ свои огромныя способности всеми
«рами и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Вѣчное стѣсненіе
«странная легкость характера, безумная трата жизненныхъ силъ,
«этическое товарищество постоянно истощали наибольшаго метафи-
«артиста изъ всѣхъ геніевъ того времени. Гриммъ въ своей *Cor-
«mce litteraire* (*Литературная переписка*), Гольбахъ въ своихъ

сочиненіяхъ, Рейналь въ своей *Histoire des deux Indes* (*Исторія двухъ Индій*) не разъ пользовались услугами Дидро.

Дидро, добрый по натурѣ, лишенный зависти, расточительный, потому что чувствовалъ себя богатымъ, довольный тѣмъ, что можетъ распространять свои идеи, мало заботился объ употребленіи, которое изъ нихъ дѣлали. Его жизнь проходила въ томъ, что онъ, прежде всего, думалъ и думалъ, затѣмъ высказывалъ свои мысли, излагалъ ихъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, разбрасывалъ въ журналахъ, въ статьяхъ *Энциклопедіи*, въ посредственныхъ романахъ, въ замѣткахъ объ общественныхъ условіяхъ. Доброта и великодушная снисходительность Дидро были поразительны. Его время, мысли, жизнь были всегда къ услугамъ другихъ. Однимъ изъ лучшихъ моментовъ его жизни, — говоритъ Мармонтель, — было, когда какой-нибудь писатель приходилъ къ нему за совѣтомъ относительно своего произведенія. Если сюжетъ оказывался стоящимъ, нужно было видѣть, какъ Дидро ухватывался за него, проникался имъ, разрабатывалъ его богатства и красоты. Импровизируя, онъ передѣлывалъ произведеніе, послѣ чего хвалилъ его, какъ будто самъ не былъ его авторомъ.

М-ше де-Вандѣль рассказываетъ слѣдующій анекдотъ о своемъ отцѣ. Дидро оказалъ какую-то услугу одному бродягѣ, по имени Ривьеръ. Послѣдній, прощаясь, поблагодарилъ Дидро и спросилъ его: «Г. Дидро, знаете ли вы естественную исторію?» — «Да, немного, я могу отличить алава отъ латука и голубя отъ колибри.» — «Знаете ли вы исторію «*fofmsa loo*»? — Нѣтъ». — «Это маленькое, очень ловкое насѣкомое; оно вырываетъ въ землѣ нору въ формѣ воронки, покрываетъ ее сверху тонкимъ слоемъ песку, заманиваетъ туда легкомысленныхъ насѣкомыхъ, схватываетъ ихъ, высасываетъ и потомъ говоритъ имъ: «Г. Дидро, честь имѣю вамъ кланяться». Мой отецъ смѣялся, какъ сумашедшій, надъ этимъ приключеніемъ».

Съ 1759 года начинается интимная дружба Дидро съ м-ше Волянъ. Въ продолженіе 15 лѣтъ, какъ только они разлучались, онъ писалъ ей разъ два-три въ недѣлю и описывалъ мельчайшія событія своей жизни. «Съ вами я чувствую, я люблю, я слушаю, я смотрю». По своему возвращеніи изъ Россіи, послѣ 20-ти лѣтней связи, Дидро пишетъ м-ше Волянъ такую же душевную теплотой, какъ и въ первые дни. Его привязанность къ ней была такъ велика и искренна, что онъ охотно провелъ бы всю свою жизнь около нея. Онъ писалъ Фальконету, что онъ предпочелъ бы лишиться свободы, скомпрометировать свою жизнь, перенести всевозможныя несчастія, лишь бы не потерять ее. «Я никогда не причинилъ ей ни малѣйшаго огорченія и предпочелъ бы умереть, чѣмъ заставить ее пролить хоть одну слезу».

У насъ мало свѣдѣній относительно м-ше Волянъ, — говоритъ Волянъ-онъ. — Она жила съ своею матерью и сестрой и, кажется, была образованною и умною особой, достойною привязанности, которую она внушала Дидро въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1784 г. за пять мѣсяцевъ до смерти Дидро.

«Будемъ такъ поступать, мой другъ,—пишетъ Дидро m-De Волянъ,—чтобы наша жизнь была безъ лжи; тѣмъ болѣе я васъ буду уважать, тѣмъ болѣе вы мнѣ будете дороги; тѣмъ болѣе я вамъ проявлю хорошихъ качествъ, тѣмъ болѣе вы меня будете любить. Четыре года тому назадъ вы мнѣ показались прекрасной и я воздвигъ вамъ въ моемъ сердцѣ статую, которую никогда не хотѣлъ бы разбить. Нѣкогда я говорилъ женщинѣ, которую любилъ и въ которой открывалъ недостатки (m-me de-Puisieux): сударыня, берегитесь, вы обезображиваетесь въ моемъ сердцѣ; тамъ есть образъ, на который вы болѣе не походите.

«Не будемъ дѣлать зла. Будемъ любить другъ друга, чтобы взаимно дѣлаться лучше. Будемъ, какъ прежде, вѣрными цензорами другъ друга. Сдѣлайте меня достойнымъ васъ и внушите мнѣ ту чистоту, откровенность и кротость, которыя вамъ свойственны».

Дидро гостить у барона Дольбаха и вотъ какъ онъ описываетъ свое времяпровожденіе:

«Онъ отвелъ мнѣ маленькое отдѣльное помѣщеніе, очень покойное, очень веселое и теплое. Здѣсь, между Гораціемъ и Гомеромъ и портретомъ моей подруги, я читаю, размышляю, пишу, вздыхаю, и такъ отъ 6 часовъ утра до часу. Въ половинѣ второго я одѣтъ и схожу въ гостиную, гдѣ уже всѣ собрались. Иногда баронъ заходитъ ко мнѣ; если онъ видитъ, что я занятъ, онъ привѣтствуетъ меня рукой и уходитъ; если же онъ находитъ меня незанятымъ, онъ садится и мы бесѣдуемъ. Хозяева не стѣсняются съ гостями и ихъ не стѣсняютъ. Гости какъ будто бы у себя, а не у нея.

«Мы обѣдаемъ хорошо и долго. Столъ сервированъ, какъ въ городѣ, а, можетъ быть, и еще роскошнѣе. Послѣ обѣда дамы удаляются; баронъ располагается на диванѣ, а я дѣлаю, что хочу. Между тремя и четырьмя часами мы беремъ наши палки и идемъ гулять, дамы въ одну сторону, я и баронъ въ другую. Мы дѣлаемъ очень большія прогулки. Ничто насъ не останавливаетъ, ни холмы, ни лѣса, ни овраги, ни пашня. Доргою мы говоримъ объ исторіи, политикѣ, химіи, литературѣ, физикѣ или о морали. Заходъ солнца и вечерняя свѣжесть гонять насъ домой, куда мы никогда не приходимъ раньше семи часовъ. Дамы уже вернулись и переодѣлись. На столѣ свѣчи и карты. Мы отдыхаемъ немного и затѣмъ принимаемся за пикетъ. Баронъ похожъ на ночную сову. Онъ играетъ плохо, но счастливо. Обыкновенно ужинъ прерываетъ нашу игру. Мы ужинаемъ, а выйдя изъ стола, доганчиваемъ партію. Половина одиннадцатаго; мы болтаемъ до 11; въ 11½ мы уже всѣ спимъ, или, по крайней мѣрѣ, должны спать. Завтра мы начинаемъ сначала. Вотъ наша жизнь.

«Я пишу вамъ, дорогой другъ, даже о самыхъ незначительныхъ событіяхъ. Если я слышу что-нибудь, что мнѣ нравится, я запоминаю это, чтобы потомъ подѣлиться съ вами.

«Я не разъ спрашивалъ себя, почему, съ моимъ мягкимъ, снисходительнымъ, веселымъ характеромъ, я такъ мало созданъ для общества? Это потому, что я не могу быть въ обществѣ, какъ съ моими друзьями, и по-

тому, что мы незнакомъ этотъ холодный, безчувственный языкъ, которыми говорятъ съ посторонними. Я съ ними или молчаливъ, или нескроменъ. Я настаиваю, мой другъ; у меня нѣтъ ни одного лиарда этой монеты. Я уиѣ все сказать, кромѣ bonjour. Я никогда не пойду дальше а, b, c во всѣхъ этихъ разговорахъ, которые переносятъ изъ одного дома въ другой и вторые раздаются во всѣхъ кварталахъ въ одинъ и тотъ же часъ».

Вотъ какъ Дидро описываетъ природу Лангра: «У насъ здѣсь прекрасная прогулка; это большая аллея густыхъ деревьевъ, ведущая въ рощу съ деревьями, разбросанными безъ симметріи и порядка. Въ ней находятъ свѣжесть и уединеніе. По грубой лѣстницѣ спускаются къ фонтану, выходящему изъ скалы. Его воды, собранныя въ чашу, вытекаютъ изъ нея и образуютъ первый бассейнъ, онѣ текутъ далѣе и наполняютъ второй, затѣмъ по каналамъ достигаютъ третьяго бассейна и посредникъ его понимаютъ водопадомъ. Чаша и бассейны расположены по скату, одинъ ниже другого, на значительномъ разстояніи. Послѣдній бассейнъ окруженъ старыми липами; онѣ теперь въ цвѣту; между каждою липой сдѣланы каменные скамейки: сюда я прихожу въ пять часовъ. Мои глаза блуждаютъ по прекраснѣйшему пейзажу въ свѣтѣ. Это цѣпь горъ, перерѣзанная садами и домами, внизу которыхъ змѣится источникъ, орошающій луга. Увеличиваясь отъ водъ фонтана и нѣкоторыхъ другихъ, онѣ теряется въ долину. Здѣсь цѣлыми часами я читаю, размышляю, люблюсь природой, мечтаю о моей подругѣ. О, какъ хорошо быть втроемъ съ этою каменною скамейкой! Это rendez-vous—мое и влюбленныхъ кантона. Они приходятъ сюда вечеромъ, когда конецъ дня прерываетъ ихъ работы и отдаетъ ихъ другъ другу. День долженъ имъ казаться очень долгимъ, а вечеръ очень короткимъ».

Несмотря на свою бѣдность, Дидро былъ очень расточителемъ. Онъ никогда не отказывалъ себѣ въ книгахъ. У него являлись фантазіи покупать картины, гравюры, миниатюры, а на другой день онѣ ихъ отдавалъ кому-нибудь. Не мудрено, что съ такими наклонностями и при тѣхъ обязательныхъ расходахъ, которые у него были, Дидро не могъ ничего скопить.

Въ 1765 г. онѣ рѣшился продать свои книги, чтобы на полученную сумму сдѣлать приданое своей дочери.

Черезъ посредство Гримма Дидро предложилъ императрицѣ Екатеринѣ купить его бібліотеку за 15,000 франковъ. Гриммъ передалъ предложеніе Беццоу. Онѣ отвѣчалъ, что императрицѣ непріятно, что такой знаменитый философъ вынужденъ лишиться себя своего сокровища, что она согласна купить книги за 15,000 франковъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы Дидро оставался хранителемъ бібліотеки съ ежегоднымъ пенсіономъ въ 1,000 франковъ. Эта сумма намѣренно не была выплачиваема Дидро въ продолженіе двухъ лѣтъ. По прошествіи этого времени, русскій посланникъ, князь Голицынъ, спросилъ Дидро, получаетъ ли онѣ аккуратно свою пенсію. Дидро отвѣчалъ, что онѣ объ этомъ и не думаетъ, счастливый уже тѣмъ, что государыня купила его лавку и оставила ему его инструменты.

Черезъ нѣсколько времени Екатерина II извѣстила Дидро, что, желая оградить его на будущее время отъ такой неаккуратности, она высылаетъ ему деньги за 50 лѣтъ впередъ. Такимъ образомъ, Дидро получилъ 50,000 фр. Тогда у него явилась мысль поѣхать въ Россію и лично выразить Екатеринѣ свою признательность.

Людювикъ XV-й, который равнѣе воспрепятствовалъ вступленію Дидро въ академію, хотѣлъ теперь воспрепятствовать и его поѣздкѣ въ Петербургъ. «Дидро,—говорилъ онъ,—этотъ посланникъ клики философовъ, будетъ развлекать иностранцевъ на мой счетъ. Его нога никогда не была во дворцѣ, а онъ расскажетъ сотни ужасовъ о моей частной жизни. Онъ будетъ дурно говорить обо мнѣ, потому что увидитъ, что этимъ доставляетъ удовольствіе слушателямъ». Ла-Врилльеръ готовъ былъ уже приготовить приказъ объ арестѣ Дидро, но Людювикъ сказалъ ему: «Боже васъ сохрани отъ этого, вы меня поссорите по смерти съ императрицей. Она желаетъ Дидро,—пускай онъ ѣдетъ».

Отправляясь въ Петербургъ, Дидро желалъ выразить Екатеринѣ свою благодарность и рассчитывалъ только на аудіенцію по пріѣздѣ и при прощаніи. Но тотчасъ по представленіи онъ сдѣлался постояннымъ и необходимымъ гостемъ кабинета императрицы. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ не прошло ни одного дня, чтобъ у него не было долгихъ разговоровъ съ Екатериной II. Она была рада видѣть Дидро и такъ писала Вольтеру: «Я его вижу очень часто. У насъ нескончаемые разговоры. Это необыкновенная голова!... Такое сердце должно было бы быть у всѣхъ людей. Я не знаю, очень ли они (Дидро и Гриммъ) скучаютъ въ Петербургѣ, что касается меня, я разговаривала бы съ ними безъ усталы всю мою жизнь».

Дидро очень цѣнилъ умъ Екатерины и то, что въ ея обществѣ всѣ чувствовали себя свободно. Онъ былъ съ нею вообще откровененъ, а когда не рѣшался сказать что-нибудь, императрица говорила ему: «Продолжайте, между мужчинами все позволяется». Дидро, не стѣсняясь, высказывалъ передъ ней свою любовь къ свободѣ. Однажды, когда онъ былъ очень откровененъ, императрица, выслушавъ его внимательно, сказала: «Я никогда не слышала отъ васъ ничего, что доставило бы мнѣ такое удовольствіе, но посмѣли ли бы вы высказать все это въ Парижѣ?»—«Нѣтъ, государыня,—отвѣчалъ философъ,—но я принесъ душу свободнаго чловека въ страну, которую называютъ страню рабовъ».

Екатерина выслушивала съ удовольствіемъ теоріи Дидро о преобразованіи Россіи, но не считала прагматичными реформы, которыя онъ ей предлагалъ. Въ этихъ разговорахъ Дидро не забывалъ, что онъ французъ. Онъ старался доказать Екатеринѣ опасность отъ союза съ королемъ прусскимъ и пользу отъ союза съ Франціей и такъ успѣлъ въ этомъ, что по праву могъ сказать: «Мы чувствуемъ великолѣпнѣйшее негодованіе противъ короля Пруссіи; въ этомъ отношеніи дворъ и философы согласны».

Дидро вернулся въ Парижъ въ октябрѣ 1774 года, привезя съ собою

великолепную шубу, муфту и три тысячи рублей, которые Екатерина заставила его взять.

Несмотря на недолгое пребываніе въ Россіи, петербургскій климатъ оказалъ дурное вліяніе на легкія Дидро. Здоровье его пошатнулось, но онъ надѣялся прожить еще лѣтъ десять, которыя онъ и прожилъ. По-прежнему трудолюбивый, онъ посвящалъ часовъ по 15-ти своему *Опыту о царствованіяхъ Клавдія и Нерона (Essai sur les regnes de Claude et de Néron)*. Часовъ въ пять онъ ходилъ одинъ въ Palais-Royal гулять и мечтать. Когда шелъ дождь, онъ отправлялся въ café de la Régence поболтать и посмотрѣть, какъ играетъ въ шахматы знаменитый Филидоръ.

Въ февралѣ 1784 года у него появилось сильное кровохарканіе. «Это вонецъ,—сказалъ онъ своей дочери,—намъ надо разстаться. Я силенъ. Это случится, можетъ быть, не черезъ два дня, но черезъ двѣ недѣли, два мѣсяца, черезъ годъ».

Дидро поселился сначала въ Севрѣ у своего стараго друга М. Белля, но потомъ переѣхалъ въ Парижъ на улицу Ришелье, въ прекрасное помѣщеніе, полученное имъ отъ Екатерины II. Дидро, жившій всегда въ четвертомъ этажѣ и имѣвшій свою бібліотеку въ пятомъ подъ крышей, чувствовалъ себя въ своей новой квартирѣ въ Rez de chaussée, какъ во дворцѣ, но онъ пользовался ею только 12 дней.

Онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Увѣренный въ своей скорой смерти, но не желая огорчать близкихъ ему людей, Дидро каждый день занимался чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы ихъ обмануть. Онъ приказывалъ размѣщать то новую мебель, то новыя картины. Наканунѣ смерти ему принесли болѣе спокойную кровать. Работники старались получше ее поставить. «Мои друзья,—сказалъ онъ имъ,—вы слишкомъ хлопочете о вещи, которая не прослужитъ и четырехъ дней». Вечеромъ Дидро принималъ своихъ друзей. Завязался разговоръ о философіи и о различныхъ путяхъ, ведущихъ къ ней. «Первый шагъ къ философіи,—сказалъ онъ,—это —сомнѣніе».

На другой день, 30 іюля 1784 года, вставъ съ постели, Дидро все утро разговаривалъ съ затемъ и съ своимъ докторомъ, затемъ сѣлъ за столъ завтракать. М-ше Дидро спросила его, какъ онъ себя чувствуетъ. Не получая отвѣта, она подошла къ нему, но его уже не было въ живыхъ.

Подъ конецъ такой содержательной жизни Дидро, читая у Сенеки *Трактатъ о краткости жизни*, спросилъ себя, не растратилъ ли, не потерялъ ли онъ свою жизнь? Онъ относилъ къ себѣ слова третьей главы: «Просмотри твои дни и твои годы, заставь ихъ отдать отчетъ. Скажи намъ, сколько времени ты позволилъ похитить у себя кредитору, любимицѣ, покровителю, кліенту? Сколько людей разграбляли твою жизнь, между тѣмъ, какъ ты и не сознавалъ, что ты теряешь. Я никогда не читалъ эту главу, не краснѣя, — написалъ Дидро на этой страницѣ изъ Сенеки, — это моя исторія. У меня нѣтъ сознанія, что я употребилъ и половину моихъ силъ, — до сихъ поръ я занимался пустякамъ».

По этимъ сожалѣніямъ писателя и артиста, не успѣвшаго осуществить свой идеаль, можно противопоставить великодушныя слова философа: «Мою жизнь вовсе не обворовываютъ, — писалъ онъ ш-ле Волянъ, — я ее даю; и могу ли я лучше поступить, какъ удѣлить часть ея тому, кто меня настолько уважаетъ, что добивается этого подарка?» И далѣе: «Удовольствіе только для меня одного мало меня захватываетъ и не долго продолжается. Я читаю, размышляю, пишу, слушаю, смотрю и чувствую для себя и для моихъ друзей. Въ ихъ присутствіи я принадлежу имъ. Я постоянно думаю объ ихъ счастіи. Поражаетъ ли меня какая-нибудь прекрасная строка, они ее знаютъ. Встрѣчаю ли я какую-нибудь прекрасную черту, я общаю себѣ подѣлиться съ ними. Вижу ли я какое-нибудь восхитительное зрѣлище, незамѣтнымъ образомъ я уже составляю разсказъ для нихъ. Для нихъ я сохранилъ всѣ мои чувства и всѣ мои способности. Въ этомъ, можетъ быть, причина того, что все преувеличивается и немного обогащается въ моемъ воображеніи и въ моихъ словахъ, а они иногда упрекаютъ меня за это, неблагодарны!»

Дидро, — говоритъ Гриммъ, — былъ отъ природы постоянно въ своихъ симпатіяхъ и имѣлъ всѣ качества и всѣ достоинства, не требовавшія строгой послѣдовательности въ мысляхъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ обладалъ необыкновенною живостью чувствъ и воображенія и постоянно подвижною мысли, въ чемъ онъ самъ сознавался и приписывалъ это вліянію своей родины. Дидро замѣтилъ, что въ Лангрѣ такія колебанія атмосферы, что въ 24 часа переходятъ отъ холода къ теплу, отъ тишины къ бурѣ, отъ яснаго неба къ дождю; невозможно, чтобы такая измѣнчивость климата не отражалась на душѣ туземцевъ.

«Жители моей страны, — говоритъ онъ, — обладаютъ большимъ умомъ, слишкомъ большою живостью и непостоянствомъ флюгера. Голова на плечахъ обитателя Лангра все равно, что церковный пѣтухъ на верхушкѣ колокольни, — она не держится долго на одномъ мѣстѣ и, если и возвращается къ нему опять, то не для того, чтобы тамъ остаться. При поразительной быстротѣ движеній, желаній, плановъ, фантазій, мыслей, у нихъ медленный разговоръ. Что касается меня, то я принадлежу моей странѣ; только пребываніе въ столицѣ и усидчивыя занятія меня немного исправили, но, несмотря на быструю смѣну впечатлѣній, я постоянно въ моихъ вкусахъ».

Вотъ забавный разсказъ о посѣщеніи Дидро Гара (Garat).

Гара искалъ уединенія, чтобы сосредоточиться и написать книгу.

«Одинъ другъ снабдилъ меня помѣщеніемъ въ прекрасномъ домѣ, въ деревнѣ, которая могла сдѣлать поэта и философа изъ человѣка, способнаго къ этому. Едва я успѣлъ пріѣхать, какъ узнаю, что Дидро помѣщается около меня въ томъ же домѣ. Я не прибавлю ничего, если скажу, что сердце у меня сильно забилось, я забылъ обо всѣхъ своихъ проектахъ относительно прозы и поэзіи и думалъ только о томъ, какъ бы увидѣть великаго человѣка, гениемъ котораго я столько разъ восхищался. Я вхожу къ нему, причѣмъ онъ не выражаетъ ни малѣйшаго удивленія. Онъ избав-

ляеть меня отъ неловкихъ фразъ въ извиненіе моего визита и, повидимому, догадывается объ его причинѣ, судя по моему восхищенному виду.

«Онъ избавляетъ меня также отъ вступительныхъ разговоровъ, которые непременно надо было свести на поэзію и прозу.

«Едва мы дошли до нихъ, какъ онъ встаетъ, устремляетъ свой взглядъ на меня, но очевидно, что при этомъ совершенно не видитъ меня и начинаетъ говорить, но сначала такъ тихо и скоро, что, несмотря на то, что я около него, я съ трудомъ слышу и понимаю его. Я тотчасъ же догадываюсь, что вся моя роль въ этой сценѣ должна ограничиться нѣмымъ восхищеніемъ и это рѣшеніе мнѣ не дорого стоитъ. Понемногу его голосъ усиливается и дѣлается яснымъ и звучнымъ. Сначала онъ почти неподвиженъ, но затѣмъ его жесты учащаются и оживляются. Онъ видитъ меня въ первый разъ, но когда мы стоимъ, онъ обхватываетъ меня руками, когда мы сидимъ, онъ хлопаетъ меня по ногамъ, какъ будто это были его ноги. Если въ разговорѣ ему случается употребить слово «законъ», онъ мнѣ рисуется планъ законодательства, послѣ слова «театръ» онъ мнѣ даетъ на выборъ пять или шесть плановъ трагедій и драмы. По поводу картинъ, которыя надо ввести въ театръ, онъ вспоминаетъ, что Тацитъ былъ величайшимъ художникомъ древности, и рассказываетъ мнѣ или переводитъ *Лѣтописи* и *Исторіи*. Но какъ это ужасно, что варвары похоронили подъ развалинами такое огромное количество художественныхъ произведеній Тацита! Если бы памятники, отрытые въ Геркуланѣ, могли что-нибудь вернуть! Эта надежда приводитъ его въ восхищеніе и онъ, какъ итальянскій инженеръ, излагаетъ нѣсколько осторожныхъ и хорошихъ плановъ относительно раскопокъ. Отъ воспоминаній о развалинахъ древней Италіи онъ переходитъ къ счастливымъ днямъ Леліевъ и Сципіоновъ, когда даже побѣжденные народы съ удовольствіемъ присутствовали на триумфахъ, одержанныхъ надъ ними. Онъ разыгрываетъ передо мной цѣлую сцену изъ Теренція, напѣваетъ нѣсколько пѣсень Горация, поетъ полнымъ голосомъ пѣсню, сочиненную имъ за однимъ ужиномъ, и, наконецъ, рассказываетъ мнѣ очень милую комедію, которую онъ напечаталъ въ одномъ экземплярѣ.

«Между тѣмъ, масса людей собирается вокругъ насъ. Шумъ отъ придвигаемыхъ и отодвигаемыхъ стульевъ прерываетъ его воодушевленные монологи. Онъ подходитъ ко мнѣ, какъ къ человѣку, съ которымъ съ удовольствіемъ встрѣчался раньше. Онъ вспоминаетъ даже, что мы вели интересные разговоры о законахъ, драмахъ, исторіи, признается, что онъ много выигралъ въ бесѣдѣ со мной, и предлагаетъ поддерживать связь, цѣчу которой онъ сознаетъ. Прощаясь, онъ даетъ мнѣ два поцѣлуя въ лобъ и съ искреннимъ огорченіемъ вырываетъ свою руку изъ моей».

Этотъ рассказъ былъ напечатанъ въ *Меркуріи* 15 февраля 1779 г. Длѣю очень смѣялся, читая его, и написалъ по этому поводу: «Я еще не прочелъ письма Гара въ *Меркуріи* по случаю распространившагося слуха, будто я обидѣлся. Авторъ настолько добръ, что встревожился этимъ. Начну зъ

того, что успокою его. Потѣшный разговоръ о нашей первой встрѣчѣ не лишентъ правды, я узналъ себя въ немъ и посмѣялся надъ тонкою поэтиче-скою ироніей, которой онъ проникнуть и которая дѣлаетъ его пикантнымъ. Возможно, что меня примутъ за оригинала; но что же изъ этого? Развѣ это такой большой недостатокъ, если человекъ, вращаясь постоянно въ обществѣ, сумѣлъ сохранить остатки природы и нѣкоторыми угловатыми сторонами отличается отъ множества однообразныхъ и плоскихъ валуновъ, которыми изобилуютъ морскіе берега? Я уважаю автора *Похвалы Суперію*; я вовсе не далекъ отъ того, чтобы полюбить его; и когда ему захочется снова очутиться передъ моделью, милую карриатуру которой онъ сдѣ-лалъ, я готовъ его принять и позировать передъ нимъ во второй разъ*.

С.-Бѣвъ изображаетъ Дидро съ высоко-поднятою и немного лысою го-ловой, съ большимъ лбомъ, обнаженнымъ на вискахъ, съ огненнымъ взгля-домъ, открытою распахнутою шеей, съ «доброю и круглою спиной» и съ руками, простертыми къ будущему.

Одинъ художникъ того времени, Мишель Ванлоо, сдѣлалъ его портретъ, но Дидро не узналъ себя въ немъ. «Дѣти мои,—сказалъ онъ,—я васъ предупреждаю, что это не я. Въ теченіе одного дня я имѣлъ сто различ-ныхъ фисіономій, смотря по получаемому мною впечатлѣнію: я былъ ясенъ, печаленъ, мечтателенъ, нѣженъ, порывистъ, страстенъ, энтузіастъ, но я никогда не былъ такимъ, какимъ вы меня видите. У меня былъ большой лобъ, живые глаза, довольно крупныя черты, голова древняго оратора, добродушіе, близко граничившее съ глупостью, и грубость старинныхъ временъ.

«Только одинъ разъ я былъ хорошо воспроизведенъ,—это бѣднякомъ, по имени Гаранъ, которому я удался, какъ иногда глушцу удается умное слово. Кто видитъ мой портретъ, сдѣланный Гараномъ, видитъ меня. *Esso il vero polichinello*» (Вотъ настоящій паяцъ) *).

Въ 1780 г., по постановленію города Лангра, мэръ и четыре эшевена написали Дидро и просили его заказать для нихъ свой портретъ. Трону-тый такимъ вниманіемъ своихъ соотечественниковъ, Дидро послалъ имъ свой бюстъ изъ бронзы, сдѣланный Гудономъ. Онъ былъ поставленъ въ залѣ ратуши на шкафу, наполненномъ *Энциклопедіей* и остальными сочи-неніями Дидро.

II.

Изъ массы первоклассныхъ писателей того времени,—говоритъ Тэнъ,— Дидро былъ единственнымъ истиннымъ художникомъ. Выводимые имъ об-разы какъ бы сами собою появлялись и развивались.

Человекъ, написавшій *Les salons* (Салоны), *Les petits romans* (Ма-ленькіе романы), *Les entretiens* (Разговоры), *Le paradoxe du comé-*

*) *Salon de 1771.*

dien (Парадоксъ комедіанта), въ особенности *Le reve de d'Alembert* (Мечта д'Аламбера) и *Le neveu de Rameau* (Племянникъ Рамо), былъ единственнымъ въ свое время. Какъ ни живы и ни блестящи дѣйствующіи лица Вольтера, они, все-таки, манекены; ихъ движенія несвободны, изъ за нихъ всегда виднѣется авторъ, который дергаетъ за шнурокъ. У Дидро этотъ шнурокъ обрѣзанъ. Онъ не говоритъ устами своихъ дѣйствующихъ лицъ, для него они не подвижныя куклы, а независимыя существа, имѣющія свои собственныя страсти, темпераментъ, идеи, философію, языкъ души, и иногда, какъ, наприм., въ *Le neveu de Rameau*, такую оригинальную, сложную, живую и безобразную душу, что она является въ естественной исторіи человѣка чудовищемъ и бессмертнымъ документомъ «Нѣтъ ничего болѣе сумасшедшаго и глубокаго».

Въ своихъ романахъ,—говоритъ Колинъонъ,—Дидро является предтечею литературы нашего вѣка. Въ нихъ есть то, что составляетъ красоту современнаго романа: природа, правдивость и наблюдательность.

Романы Руссо отличаются краснорѣчіемъ и чувствительностью, романы Вольтера — блестящею философіей, Дидро заставляетъ жить своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ *La religieuse* (Монахиня) Дидро обнажаетъ неприглядныя тайны монастырской жизни. «Во многихъ мѣстахъ,—говоритъ Дюкро,—его разсказъ живъ, страстенъ и совсѣмъ не декламатиченъ».

Племянникъ Рамо — странный типъ аббата-паразита, обезпечивающаго театральные успѣхи актрисъ. «Иногда Рамо худъ и истощенъ, какъ больной въ послѣднемъ градусѣ сухотки; можно подумать, что онъ не ѣлъ нѣсколько дней или выходитъ изъ затвора; черезъ его щеки можно счесть зубы. Въ слѣдующій мѣсяцъ онъ толстъ и жиренъ, какъ будто онъ не выходилъ изъ-за стола финансиста или былъ заключенъ въ монастырь бернардинцевъ. Сегодня—въ грязномъ бѣльѣ, въ разорванныхъ штанахъ, прикрытый рубищемъ, почти безъ башмаковъ, онъ идетъ съ опущенною головою и прячется. Такъ и хочется подозвать его и подать милостыню. Завтра — напудренный, завитой, обутой, хорошо одѣтый, онъ выставленъ съ высоко-поднятою головою и вы могли бы принять его приблизительно за честнаго человѣка; онъ живетъ изо дня въ день печальнымъ или веселымъ, смотря по обстоятельствамъ... Это смѣсь высоты и низости, здраваго смысла и безразсудства... Онъ безъ хвастовства показываетъ свои хорошія качества и безъ скромности—дурныя».

Его мораль очень проста: хорошій столъ, хорошая постель, деньги въ карманѣ и «да здравствуетъ мудрость Соломона!» «Что касается меня, то я былъ бы добродѣтеленъ, если бы добродѣтель вела къ богатству, хотѣли, чтобъ я былъ смѣшнымъ и шуткомъ, и я сталъ такимъ, а о несительво того, чтобы быть порочнымъ, то за это заплатилась бы душа природа; когда я говорю порочнымъ, то это единственно, чтобы говорить на вашемъ языкѣ, потому что если бы мы объяснились, то возможно, что то, что вы называете порокомъ, я назвалъ бы добродѣтелью».

Этотъ типъ совсѣмъ не исчезъ и между нами всегда найдется много племянниковъ Рамо.

Jaques le fataliste (Жакъ-фаталистъ)—рядъ эпизодовъ, между которыми встрѣчаются прекрасныя страницы. «Я очень бы желалъ имѣть Дидро въ моемъ распоряженіи,—говорилъ Дудонъ м-ше Годаръ,—чтобъ отнѣтить въ Жакъ-фаталистъ страницы, годныя для чтенія. Конечно, въ немъ нужно сдѣлать массу купюровъ, но на два льё въ окружности нѣтъ ни одного вземняра. Это жаль, потому что тамъ встрѣчаются удивительно живые рассказы и сильные штрихи, напоминающіе прекрасныя гравюры вѣрнымъ водкой нѣкоторыхъ рѣзкихъ и энергическихъ мастеровъ».

Писалъ ли кто-нибудь на тему о дружбѣ,—продолжаетъ Коллинсонъ,—болѣе нѣжныя страницы, какъ въ этомъ маленькомъ рассказѣ: *Le deux amis de Bourbonne?* Они любили другъ друга, не подозрѣвая этого. Оливье спасъ жизнь Феликсу, который чуть было не утонулъ. Ни тотъ, ни другой не вспоминали объ этомъ. Сто разъ Феликсъ выручалъ Оливье въ неприятностяхъ, въ которыя этого послѣдняго вовлекалъ его пылкій характеръ, и никогда Оливье не приходило въ голову поблагодарить Феликса; они возвращались вмѣстѣ домой, не разговаривая или разговаривая о чемъ-нибудь другомъ. Феликсъ былъ контрабандистъ. Онъ попался и его присудили къ смертной казни. Оливье освобождаетъ своего друга, а затѣмъ думаетъ, какъ бы убѣжать и самому. «Но солдатъ изъ объѣздной команды штыкомъ пронзилъ ему бокъ, причѣмъ Оливье и не замѣтилъ этого. Онъ добрался до городскихъ воротъ, но дальше идти не могъ. Жалостливые извозчики положили Оливье на тележку и довели до двери его дома за минуту до его смерти. Онъ успѣлъ только сказать своей женѣ: «Жена, подойди, чтобъ я могъ тебя обнять; я умираю, но Феликсъ спасенъ».

«Дидро былъ неудовлетворительнымъ романистомъ,—говоритъ Дюро,—но прекраснымъ рассказчикомъ. Въ своихъ маленькихъ исторіяхъ онъ умѣетъ сдѣлать эскизъ фізіономіи, нарисовать жестъ, быстро вставить анекдотъ, и если онъ не создаетъ дѣйствующихъ лицъ, то, по крайней мѣрѣ, заставляетъ ихъ говорить».

III.

Художники и скульпторы того времени считали Дидро своимъ, больше того, онъ былъ между ними мыслителемъ съ общими идеями, философомъ той поэзіи, которая выражается на полотнѣ или на мраморѣ. Дидро имѣлъ у художниковъ большой авторитетъ, онъ давалъ имъ совѣты, поправлялъ ихъ и, съ перомъ въ рукѣ, былъ ихъ гидомъ и учителемъ.

Другъ Фальконета, котораго онъ, по порученію императрицы Екатерины II, выписалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ поставить памятникъ Петру Великому, Дидро не разъ давалъ ему прекраснѣйшіе и благороднѣйшіе совѣты относительно искусства и нравственныхъ идей, которыя должны руководить художникомъ. Въ своей перепискѣ Дидро старался внушить Фаль-

конету любовь къ славѣ и желаніе безсмертія, — чувства, которыя, вовсе не исключая соревнованія, возвышаютъ душу и вызываютъ вдохновеніе. Человѣкъ работающій долженъ считать міръ и свой трудъ вѣчными. Для художника и для философа потомство все равно, что загробный міръ для человѣка вѣрующаго.

«Если, по утвержденію всего окружающаго меня вѣка, я могу сказать себѣ, что послѣ меня я оставляю лучшую часть самого себя, что моменты моей жизни, которымъ я придаю значеніе, увѣковѣчены, то смерть мнѣ кажется менѣе горькою».

Художникъ долженъ быть безкорыстенъ. Съ той минуты, какъ онъ начинаетъ думать о деньгахъ, онъ теряетъ чувство прекраснаго. «Художникъ долженъ имѣть одушевленіе, священный огонь Прометей, демона вдохновенія; тогда къ его ногамъ посыпятся мѣшки съ золотомъ, но они не коснутся его, ибо золото — не настоящая его награда».

Какъ художественному критику, Дидро отдавалъ себѣ полную справедливость. «Что касается меня, — говорилъ онъ, — у меня высокая душа, отъ времени до времени ко мнѣ приходятъ большія, сильныя мысли и иногда я умѣю ихъ представить въ поразительной формѣ; я умѣю войти въ душу, покорить ее, тронуть, увлечь. Если д'Аламберъ безконечно лучше меня можетъ рѣшить какое-нибудь дифференціальное уравненіе, я лучше его умѣю возвысить сердце, заставить его сильнѣе биться, внушить ему прочную любовь къ добру и истинѣ. Добродѣтель производитъ на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ порокъ. Я тихо отвертываюсь отъ злыхъ и улетаю къ добрымъ. Если въ какомъ-нибудь произведеніи, въ характерѣ, въ картинѣ, въ статуѣ я встрѣчаю прекрасное мѣсто, мои глаза останавливаются на немъ, я вижу только его, вспоминаю только о немъ, остальное я забываю».

Въ 1764 году Гриммъ предложилъ Дидро написать въ *Correspondance littéraire* отчетъ о художественныхъ выставкахъ. Въмѣсто одного письма, какъ хотѣлъ этого Гриммъ, Дидро посылаетъ ему цѣлый томъ. Сначала Гриммъ былъ не особенно этимъ доволенъ, но, прочтя эти блестящія страницы, онъ пришелъ въ восхищеніе. «Клянусь моею душой, — воскликнулъ онъ, — никто не могъ бы сдѣлать ничего подобнаго, но въ его годы такое напряженіе силъ не можетъ пройти безнаказанно. Онъ взялъ перо и писалъ семнадцать дней съ утра до вечера, наполнивъ своими мыслями болѣе двухъ сотъ страницъ».

Дидро, которому тогда было за 50 лѣтъ, три года продолжалъ эту работу и, такимъ образомъ, ввелъ въ моду художественныя выставки и просвѣщенную критику искусствъ.

Какъ примѣръ необыкновенной легкости труда, которую Дидро создалъ всю жизнь, Нежонъ приводитъ *L'éloge de Richardson* (*Похвала Ричардсону*), — образцовое произведеніе, написанное Дидро въ 15 часовъ.

«Не подумайте, — говоритъ С.-Бѣвъ, — что если онъ пишетъ скоро, то пишетъ опрощенно. Нисколько, его слогъ совершенно наученъ и полнъ тѣхъ гармоническихъ эффектовъ, которые соотвѣтствуютъ самымъ тонкимъ

отънкамъ чувства и мысли. Слогъ Дидро отражаетъ природу и зелень безсозвучно больше, чѣмъ слогъ Бюффона и Руссо». Дидро ввелъ въ языкъ краски палитры и радуги; онъ умѣетъ видѣть природу изъ мастерской и понимаетъ чувство художника. Онъ развилъ во французахъ вкусъ къ искусствамъ и нашелъ способъ заставить ихъ въ живописи полюбить идею».

«До сихъ поръ, — говоритъ ш-ше Неккеръ, — я видѣла въ картинахъ только плоскія и безжизненные краски; воображеніе Дидро придало имъ выпуклость и жизнь; его гению я обязана почти новымъ чувствомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, — продолжаетъ Коллинзонъ, — его критика была цѣлая поэма, цѣлое творчество. Въ 1767 году художникъ Верне выставилъ въ салонѣ семь картинъ. Дидро рѣшилъ, что, прежде чѣмъ приступить къ анализу этихъ видовъ и маринъ, онъ долженъ поѣхать въ деревню на берегъ моря и тамъ понаблюдать реальные виды. По возвращеніи онъ ихъ описываетъ, вставляя въ свои описанія разговоры, прогулки, споры разнообразныхъ собесѣдниковъ, которые говорятъ о природѣ, объ искусствѣ, о мірѣ. Мимоходомъ Дидро рассыпаетъ тысячи идей, которыми онъ полонъ; но подъ конецъ вдругъ оказывается, что естественные пейзажи, рисуемые имъ, ничто иное, какъ полотна Верне, которыя ему пришла фантазія такъ описать.

Дидро говорилъ: «Рисунокъ придаетъ предметамъ форму, а краски — жизнь. Нѣтъ недостатка въ прекрасныхъ рисовальщикахъ, но мало великихъ колористовъ. То же самое и въ литературѣ. На сто холодныхъ логиковъ приходится одинъ большой ораторъ; на десять большихъ ораторовъ — одинъ прекрасный поэтъ. Сильное впечатлѣніе вызываетъ быстрое вдохновеніе въ краснорѣчивомъ человѣкѣ, но что бы ни говорилъ Гельвецій, нельзя написать и десять хорошихъ стиховъ подъ страхомъ смертной казни».

Художникъ меньше интересуется мыслями и чувствами, чѣмъ линіями, пластичной, гармоніей, контрастами красокъ. Дидро, любившій, несмотря на свой приподнятый тонъ, естественное и простое, находилъ, что реализмъ или рабское подражаніе природѣ недостаточны. «Нужно, — говорилъ онъ, — чтобы художникъ въ своемъ воображеніи имѣлъ нѣчто болѣе высокое, чѣмъ природа». По его мнѣнію, «сдѣлать добро пріятнымъ, порокъ противнымъ, смѣшное бросающимся въ глаза — вотъ цѣль человѣка, берущагося за перо или за кисть».

Дидро сдѣлалъ для искусства то же, что Монтескьё для законовѣднія и Бюффонъ для естественной исторіи. Онъ служилъ посредникомъ между художниками и публикой. Онъ былъ полезенъ художникамъ своего времени тѣмъ, что объяснялъ литературно, т.-е. понятно, достоинства ихъ картинъ. Исторически, — говоритъ Коллинзонъ, — Дидро былъ первымъ французскимъ большимъ художественнымъ критикомъ.

IV.

Въ театрѣ, какъ и въ живописи, — продолжаетъ Коллинзонъ, — Дидро старался ввести природу и жизнь. Онъ первый сказалъ, что сцена должна

быть открыта не для одной любви королей и королев и что другіе граждане имѣютъ такъ же, какъ и они, свои страсти и слезы.

«Какъ? Развѣ вы не понимаете впечатлѣнія, которое произвела бы на васъ реальная сцена, вѣрные костюмы, разговоры, соотвѣтствующіе поступкамъ, простые поступки, опасности, не заставляющія васъ дрожать за близкихъ родныхъ, друзей, за самихъ себя? Потеря состоянія, страхъ къ благородному, послѣдствія нужды, страсть, ведущая человѣка къ разоренію, отъ разоренія къ отчаянію, отъ отчаянія къ насильственной смерти—возра не рѣдкія событія, и вы думаете, что они произвели бы на васъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ баснословная смерть тирана или принесеніе въ жертву ребенка на алтари аѳонскихъ и римскихъ боговъ?»

Дидро хотѣлъ замѣнить трагедію драмой. «Какое дѣло, — говорилъ онъ, — намъ, французамъ XVIII вѣка, до приключеній Агамемнона и Ореста? Я иду на сценѣ подобныхъ мнѣ соотечественниковъ, а не исключительныя существа, раздираемыя страстями, которыя я не могу ни понять, ни раздѣлить».

Дидро хотѣлъ, чтобы театръ былъ нравственнымъ руководителемъ. «Я всегда думалъ, — писалъ онъ, — что когда-нибудь на сценѣ будутъ обсуждаться важнѣйшіе нравственные вопросы и безъ всякаго вреда для быстраго и сильнаго хода драматическаго дѣйствія».

Можно сказать, что Дидро предвидѣлъ театръ Дюма-сына.

Это стремленіе придать театру морализующее вліяніе привело Дидро къ тому, что онъ изъ драмы сдѣлалъ проповѣдь. Его драма имѣетъ значеніе только какъ протестъ противъ условнаго, противъ ложнаго вкуса эпохи, какъ призывъ къ реальности чувствъ, къ прямому наблюденію надъ природой.

Дидро написалъ двѣ пьесы *) и обѣ съ цѣлью высказать свои теоріи и показать ихъ превосходство. Немудрено, что онѣ не имѣли успѣха. Несмотря на это, Дидро думалъ, что его призваніе быть драматическимъ писателемъ. «Случай, — говорилъ онъ, — а еще болѣе нужда располагаютъ нами по своему желанію. Кто знаетъ это лучше меня? Въ этомъ причина того, что въ продолженіе 30-ти лѣтъ я занимался *Энциклопедіей* и написалъ только двѣ пьесы для театра».

У.

«Я жду съ большимъ нетерпѣніемъ, — писалъ Вольтеръ Тьеріо, — появленія размышленій Пантофила (Вселяуба) Дидро о Танкредѣ. Это совершенно въ сферѣ дѣятельности его гонія; съ высотъ метафизики онъ переходитъ къ ремеслу твача, а оттуда идетъ въ театръ... Это единственный человѣкъ, способный написать исторію философіи».

Въ самомъ дѣлѣ, одинъ Дидро зналъ достаточно древность, философовъ которой онъ изучалъ спеціально, чтобы приступить къ ихъ исторіи. Пер-

*) *Le fils naturel* и *Le père de famille*.

ый шагъ въ этомъ отношеніи во Франціи сдѣлалъ Дидро, и хотя онъ работалъ послѣ Брюккера, но у него есть своя часть оригинальныхъ взглядовъ. «Конечно,—говоритъ Вилльмънъ,—въ его анализѣ греческихъ школъ не найдутъ научной точности, метода изобрѣтательнаго возстановленія, который характеризуетъ нѣкоторые изслѣдованія по древней философіи, появившіяся въ наше время, но Дидро охватываетъ всѣ періоды греческой философіи, начиная съ системъ Гераклита и Анаксагора включительно до Александрійскаго синкретизма и переходя затѣмъ къ работѣ человѣческаго ума въ средніе вѣка, съ первыхъ схоластиковъ и до Вана Гельмонта. Нельзя не поражаться такою громадой знаній и такою дѣятельною прозорливостью!»

И такъ, какъ историкъ философіи, Дидро пользовался работами Брюккера. Отъ его многочисленныхъ статей въ *Энциклопедіи* нельзя требовать точной эрудиціи Гассенди и Бейля. Вынужденный быть слишкомъ осторожнымъ и крайне стѣсняемый различными условіями, Дидро не могъ тамъ вполне искренно выражать свои задушевные мысли.

Но не вся философія въ изложеніи идей древнихъ. Прежде всего, она наука отношеній и причинъ. Дидро такъ ее и понимаетъ и ищетъ основаніе вещей въ единствѣ человѣческой природы и мировой субстанціи. Въмѣсто того, чтобы подчиниться какой-нибудь изъ многочисленныхъ системъ, которыя онъ такъ хорошо знаетъ, Дидро сохраняетъ свою независимость. Онъ не электикъ, какъ Викторъ Кузень. Онъ не думаетъ, что въ этомъ отношеніи все уже сдѣлано и что остается только констатировать періодическое возвращеніе тѣхъ же четырехъ системъ. Онъ признаетъ, наоборотъ, что наука безгранична, что она организуется по мѣрѣ своего развитія и что, благодаря прогрессу опытныхъ наукъ, философіи открывается обширный горизонтъ. Дидро одинаково способенъ овладѣть и тонкими отношеніями, и массовыми. Онъ вполне современный мыслитель; онъ не резюмируетъ свое время, онъ его опережаетъ; даже и теперь онъ все еще стоитъ впереди. Не требуйте отъ Дидро системы: его мысль слишкомъ широка, она не вмѣщается ни въ какую систему.

Наука, въ его глазахъ,—естественное объясненіе міра. Она сводитъ къ причинѣ къ ея первому звену. И такъ какъ мировое начало обнаруживается пространствомъ и мыслью, то и философія есть, въ одно и то же время, и наука о человѣческомъ духѣ, и наука о физическомъ мірѣ.

У Дидро, какъ у Гёте, культъ природы, разума и истины.

Дидро видитъ во вселенной жизненный круговоротъ: «Я останавливаю свой взглядъ на общей массѣ тѣлъ, я вижу все въ дѣйствіи и противо-дѣйствіи, все уничтожается въ одной формѣ и возобновляется въ другой, изъ чего я заключаю, что матерія разнородна, что въ природѣ существуетъ безконечное количество различныхъ элементовъ, что каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ свою особенную силу, прирожденную, неизмѣнную, вѣчную, неразрушимую, и что эти силы имѣютъ свои притяженія, откуда происходятъ движеніе, или, скорѣе, общее броженіе вселенной».

Методъ его состоитъ въ наблюденіи надъ природою, въ размышленіи и

въ опытѣ. Наблюденіе собираетъ факты, размышленіе ихъ комбинируетъ, а опытъ оживляетъ результатъ комбинаціи.

Природа одна, и факты, добытые наукой, должны быть соединены такъ, чтобы показывать ея единство.

Дидро положилъ начало теоріи эволюціи.

«Природа,—говорить онъ,—любитъ до безконечности видоизмѣнять одинъ и тотъ же механизмъ. Если наблюдать царство животныхъ, то можно замѣтить, что между четвероногими животными нѣтъ ни одного, функций и органы (въ особенности низшіе) котораго не были бы совершенно похожи на другое четвероногое. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что нѣкогда было только одно животное, прототипъ всѣхъ животныхъ, и что природа только удлиняла, укорачивала, видоизмѣняла, развивала или уничтожала нѣкоторые его органы?»

«Когда замѣчаютъ, какъ послѣдовательныя метаморфозы оболочки прототипа нечувствительнымъ образомъ приближаютъ одно царство къ другому, кто не рѣшится повѣрить, что нѣкогда было только одно существо, прототипъ всѣхъ существъ?»

Послѣ Аристотеля Дидро былъ однимъ изъ самыхъ синтетическихъ умовъ; аналитическое знаніе самыхъ мельчайшихъ деталей не мѣшало ему подниматься къ общимъ идеямъ, вотъ почему онъ былъ предтечей трансформизма.

«Органы производятъ потребности,—говоритъ Дидро,—а потребности, въ свою очередь, производятъ органы. Наши органы, по его словамъ, могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя животныя; они имѣютъ каждый свою отдѣльную жизнь, но законъ непрерывности дѣлаетъ изъ нихъ одну общую жизнь.

«Организація опредѣляетъ функціи и потребности. Иногда потребности вліяютъ на организацію и это вліяніе можетъ дойти иногда до производства органовъ и всегда до видоизмѣненія ихъ. Какъ въ царствахъ животномъ и растительномъ индивидуумъ начинается, растетъ, продолжается, погибаетъ и проходитъ, не можетъ ли быть также и съ дѣльными родами? Нельзя ли заподозрить, что животныя, изъ вѣка въ вѣкъ, имѣли свои особенныя элементы разсѣянными и смѣшанными въ массѣ матеріи? Случилось, что эти элементы соединились (такъ какъ это совершенно возможно), эмбрионъ, образовавшійся изъ этихъ элементовъ, прошелъ черезъ безконечное количество организацій и развитій, протекли миллионы лѣтъ между каждымъ изъ такихъ развитій, возможно, что этотъ эмбрионъ подвергся другимъ развитіямъ и приращеніямъ, намъ неизвѣстнымъ, что у него было или будетъ состояніе постоянное, что онъ удаляется или улетитъ отъ этого состоянія, благодаря вѣчному погибанію, во время котораго его способности выйдутъ изъ него, какъ вошлн, и что онъ исчезнетъ навсегда изъ природы, или, скорѣе, что онъ будетъ существовать, но съ другою формою и съ другими способностями».

Всѣ царства и всѣ роды соприкасаются на своихъ границахъ. И

морь дѣлается изъ плоти, а плоть изъ мрамора. Бусокъ мрамора, обращенный въ прахъ, смѣшивается съ землей и съ растеніями, которыя растутъ въ черноземѣ и съѣдаются затѣмъ человѣкомъ. Самъ человѣкъ такое же животное, только съ высшею организаціей.

«Вся душа собаки—на концѣ ея носа. Вся душа орла—въ его глазу, душа врата—въ его ухѣ. Но не такъ относительно человѣка. Между его чувствами существуетъ такая гармонія, что ни одно изъ нихъ не преобладаетъ; онъ сохраняетъ свою автономію, которая служитъ ему для совершенствованія. Вѣчная природа все извлекаетъ изъ самой себя. Она чувствуетъ въ животномъ, прозябаетъ въ растеніи, думаетъ и хочетъ въ человѣкѣ».

Такимъ образомъ, до Ламарка, до Дарвина Дидро предвидѣлъ трансформизмъ и формулировалъ теорію эволюціи. Нужно констатировать этотъ фактъ и воздать должное Дидро,—говоритъ Коллинзонъ,—ибо нѣмецкіе философы, кажется, забываютъ это и приписываютъ себѣ первенство въ этомъ отношеніи. «Во главѣ цивилизаціи,—говоритъ Геккель,—стоятъ теперь англичане и нѣмцы, которые открытіемъ и развитіемъ теоріи эволюціи положили основаніе новаго періода интеллектуальной культуры».

VI.

Дидро въ метафизикѣ, въ морали и въ эстетикѣ признаетъ только одну законъ: природу и человѣческую организацію, природу безъ румянь, во всей ея простотѣ, но также и во всей ея силѣ и величіи.

Его критеріумъ добра такой же, какъ и критеріумъ прекраснаго. Такимъ образомъ, эстетика Дидро соприкасается съ его моралью, которая для него ничто иное, какъ эстетика, приложенная къ жизни.

Въ статьѣ *Le juste (Справедливое)* въ *Энциклопедіи* Дидро говоритъ такъ: «Свойства поступковъ зависятъ отъ природы человѣка; поступокъ подходит или не подходитъ къ природѣ существа, которое его совершаетъ, вслѣдствіе этого поступокъ можетъ быть нравственно дурнымъ или хорошимъ, такъ какъ онъ согласуется съ сущностью объекта, который его совершаетъ, или отклоняется отъ нея.

«Если мы желаемъ исполнять свои обязанности относительно другихъ, будемъ справедливы и добры: несправедливость, роковая причина всѣхъ несчастій человѣческаго рода, вредитъ не тѣмъ только, кто является ея жертвою; несправедливость, это—родъ змѣи, которая сначала терзаетъ грудь того, кто ее носитъ. Она рождается изъ стремленія къ богатству или къ почестямъ. Ей сопутствуютъ безновойство и горе. Привычка къ справедливости и къ добродѣтели, главнымъ образомъ, дѣлаетъ насъ счастливыми, благодаря движеніямъ нашего сердца, но также и благодаря чувствамъ, которыя она вызываетъ у тѣхъ, кто насъ окружаетъ».

Счастье одного человѣка зависитъ отъ счастья другихъ и права однихъ должны служить границею для другихъ. Такимъ образомъ, общественная польза—вотъ цѣль и основаніе морали Дидро.

Въ своей статьѣ *Plaisir (Удовольствие)* Дидро возвращается назадъ и развиваетъ идею, что справедливость и добродѣтель тѣсно связаны со счастьемъ.

Мы всё стремимся къ счастью. Разнообразіе путей къ нему указываетъ только на единство цѣли. У насъ есть страсти, которыя вызываютъ потребности, а эти потребности выражаются въ естественномъ желаніи удовольствія. Сами по себѣ страсти не могутъ быть дурны. Наоборотъ, это онѣ указываютъ намъ дорогу къ счастью. Съ этою цѣлью нужно обдумывать наши поступки, т.-е. для развитія и совершенствованія нашего существа заставлять служить разсудокъ, нашу высшую способность, которая вмѣстѣ съ другими способностями только помогаетъ нашему счастью.

Такимъ образомъ, Дидро, въ сущности, раздѣляетъ моральную доктрину Эпикура, мораль интереса и счастья. Дидро самъ признаетъ Эпикура своимъ учителемъ: «Эпикуръ, единственный изъ древнихъ философовъ, сумѣлъ соединить свою мораль съ истиннымъ счастьемъ человѣка и свои предписанія съ влеченіями и потребностями природы».

Утилитарное пониманіе слова «страсть» почти всегда казалось низкимъ или, по крайней мѣрѣ, мало благороднымъ. «Люди,—говоритъ Дидро,—которые всегда соединяли съ понятіемъ объ интересѣ представленіе о золотѣ или серебрѣ, возмущались противъ доктрины, дѣлавшей интересъ двигателемъ всѣхъ нашихъ поступковъ; такъ опасно въ философіи отстраняться отъ обыкновеннаго и популярнаго смысла словъ».

Дидро выступаетъ и въ *Философскихъ мысляхъ* на защиту страстей, на которыя такъ нападаютъ близорукіе моралисты.

«Постоянно возстаютъ противъ страстей, объясняя ими всё несчастіе человѣка, и забываютъ, что онѣ служатъ также и источникомъ всѣхъ его удовольствій. Только страсти, и только большія страсти, могутъ возвысить душу до великихъ дѣлъ. Значитъ, это счастье—имѣть сильныя страсти? Да, конечно, если между ними существуетъ справедливая гармонія».

Дидро,—говоритъ Коллинзонтъ,—возвышаетъ человѣка и своєю защитой великодушныхъ страстей возстановляетъ его достоинства.

По мнѣнію Дидро, идеальная мораль есть та, которая свойственна нормальной и идеальной организаціи человѣка. Но совершенное и абсолютное не существуютъ ни въ человѣкѣ, ни въ созданной имъ морали, такъ какъ она ничто иное, какъ констатированіе и наука прогрессивныхъ отношеній между людьми. Такимъ образомъ, мораль, шагъ за шагомъ, слѣдуетъ за медленнымъ прогрессомъ человѣческаго рода. Сначала она открывается мудрецамъ, затѣмъ понемногу открывается всѣмъ; она улучшается вѣками и смягчается, въ зависимости отъ среды и климата.

Что касается моральной свободы, то Дидро считаетъ ее пустымъ звукомъ и предрассудкомъ. Въ человѣкѣ, который размышляетъ, есть сдѣланные идеи, а въ человѣкѣ, который дѣйствуетъ, есть сдѣланные поступки, самый незначительный изъ которыхъ также вызванъ, какъ закатъ солнца. Воля—только послѣдній импульсъ, послѣдній результатъ всего того что

было со времени рожденія и до даннаго момента. Что касается общественной морали, то ее резюмируетъ слово: «справедливость».

Въ своей статьѣ *О прекрасномъ* Дидро разсматриваетъ главныя мнѣнія, выраженныя по этому поводу. Ни одно изъ нихъ его не удовлетворяетъ и онъ старается пополнить теоріи своихъ предшественниковъ глубокимъ анализомъ понятій, отношеній, порядка и симметріи.

По его мнѣнію, эти понятія такъ же экспериментальны, какъ и другія. Они вытекаютъ изъ способности чувствовать или думать, а способность эта вызывается нашими потребностями. Прекрасное—это все то, что вызываетъ въ насъ идею отношеній, относится ли это къ чувству, или къ разуму. Само по себѣ прекрасное относительно.

Въ статьѣ *Le beau (Прекрасное)*, въ *Pensées sur la peinture (Мысли о живописи)* и въ *Salons (Салоны)* Дидро высказываетъ мысль о связи между прекраснымъ и добромъ, между эстетикой и моралью. Почему произведения искусства древнихъ отличаются высокимъ характеромъ? Потому, что они всё посѣщали школы философовъ. Каждое произведение скульптуры или живописи должно быть выраженіемъ какой-нибудь большой мысли, должно быть урокомъ для зрителя, въ противномъ случаѣ оно нѣмо. Двѣ вещи необходимы въ искусствѣ: мораль и перспектива.

29 іюля 1884 года въ Парижѣ и въ Лангрѣ праздновали столѣтній юбилей Дидро, а два года спустя въ каждомъ изъ этихъ городовъ ему воздвигли статую.

13 іюля 1886 г., при открытіи статуи Дидро въ Парижѣ около Saint-Germain de Paris, Бюхнеръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ такъ резюмировалъ роль Дидро:

«Дидро — слава не одной Франціи, на него предъявляютъ права всѣ друзья свободной науки и свободной мысли, какой бы странѣ и какому бы языку они ни принадлежали. Дидро — космополитъ науки и свободной мысли. Онъ писалъ и жилъ для цѣлаго міра. При его жизни имъ такъ же восхищались на берегахъ Невы, какъ и на берегахъ Сены. Широкія теоріи, общіе взгляды Дидро были санкціонированы наукой. Великая доктрина эволюціи, которую онъ предчувствовалъ, была основана Ламаркомъ и Дарвиномъ. Истина — космополитична, какъ и ея знаменитый защитникъ. Она ни французская, ни нѣмецкая, ни русская, ни итальянская: она истина и принадлежитъ тѣмъ, кто ее можетъ понять и открыть.

«Нужно вѣрить въ науку, въ опытную философію и въ надежды тѣхъ, кто хочетъ сдѣлать родъ человѣческій болѣе счастливымъ, благороднымъ, болѣе достойнымъ, чѣмъ онъ есть теперь, тогда мысль достигнетъ своей цѣли въ будущемъ человѣчества, т.-е. свободы, просвѣщенія и благосостоянія для всѣхъ».

Да, — замѣчаетъ Коллинсонъ, — Дидро, поистинѣ, заслуживаетъ памятникъ. Великій двигатель мысли, пронизательный, изобильный умъ, онъ заставляетъ смотрѣть далеко по всѣмъ направленіямъ, потому что заставляетъ думать. Оригинальный критикъ, онъ даетъ массу новыхъ идей по живо-

писи, скульптурѣ, въ драматическомъ искусствѣ. Разсказчикъ, критикъ, философъ, ученый натуралистъ, журналистъ, энциклопедистъ, онъ высказываетъ все, что видитъ, думаетъ, чувствуетъ, своимъ живописнымъ слогаемъ, который въ ту эпоху былъ новъ и оригиналенъ.

Говорятъ, что Руссо «изобрѣлъ демократію». Она красива, эта демократія Руссо, но великимъ демократомъ прошлаго вѣка былъ Дидро. Онъ имъ былъ по своему рожденію и по любви къ народу, для котораго онъ мечталъ о многихъ реформахъ.

Дидро настаивалъ на необходимости расширить общественное образованіе. Ему нравилось, какъ это дѣло было поставлено въ Германіи. «Тамъ,—говорилъ онъ,—утромъ и вечеромъ есть назначенные часы для дароваго общественнаго обученія, но послѣ того школьный учитель за умѣренную плату занимается съ дѣтьми болѣе зажиточныхъ гражданъ». При этомъ Дидро находить, что нужно убавить количество часовъ, отведенныхъ мертвымъ языкамъ.

По его мнѣнію, въ школахъ должны давать понятіе о всѣхъ знаніяхъ, необходимыхъ гражданину, начиная съ законовѣднія и кончая механическими искусствами, которыя такъ много дали обществу. «Зрѣлище человеческой промышленности само по себѣ полезно и велико, хорошо звать разнообразныя условія, посредствомъ которыхъ каждый принимаетъ участіе въ благосостояніи общества». Въ одномъ діалогѣ между отцомъ и дочерью послѣ разговора объ обязанностяхъ богатыхъ относительно бѣдныхъ дочь, которую Дидро выводитъ на сцену, говоритъ: «Мой добрый отецъ задумался; я спросила его, о чемъ онъ думаетъ, но онъ затруднился отвѣтить, боясь, что его мысли будутъ недоступны моему пониманію, и въ самомъ дѣлѣ я тогда не поняла всей ихъ широты. «Неужели я умру,—сказалъ онъ мнѣ,—не увидѣвъ примѣненія того, что уничтожило бы милліоны ежегодныхъ несправедливостей и повело бы къ безконечному количеству добра? Это — обнародованіе общаго податнаго тарифа и его распределеніе. Такимъ путемъ можно было бы узнать населеніе одной мѣстности, уменьшеніе населенія въ другой, богатство или бѣдность каждаго гражданина. Явилась бы помѣха неравенству распределенія. Подати должны падать только на того, кто имѣетъ больше, у кого же меньше, тотъ не долженъ ничего платить. Не говорю уже о томъ, какую узду наложила бы эта публичность на жадность и притѣсненія тѣхъ, кто завѣдуетъ сборомъ податей. Нужно только видѣть, до какой крайности доходитъ это злоупотребленіе въ нашихъ провинціяхъ, въ нашихъ деревняхъ». Этотъ разговоръ продолжался до вечера и мнѣ было непріятно его прервать».

Такова личность и заслуги Дидро, слава котораго все возрастаетъ къ началу XX столѣтія.

С. Л—овъ.

Культурные мотивы иностранной журналистики.

Въ полуанглійскомъ, полуамериканскомъ *Pall Mall Magazine* за іюль нынѣшняго года помѣщена интересная иллюстрація: передъ нами два чрезвычайно любопытныхъ представителя современной культуры. Слева—типичный трагр (бродяга) въ лохмотьяхъ и маленькой сдвинутой на затылокъ шапочкѣ; грубое лицо, изборожденное морщинами, выдающійся под бородокъ, носъ «башмакомъ», жесткіе усы надъ полуоткрытымъ ртомъ, злые, скошенныя въ сторону глаза загнаннаго волка и небрежно торчащая въ зубахъ трубка,—таковъ первый изъ нихъ, стоящій внизу общественной лѣстницы. Направо—фешенебельная фигура въ изящномъ сюртукѣ и съ моноклемъ въ глазу; неправильно очерченный черепъ, торчащія уши, нѣсколько приподнятыя брови, тонкія линіи носа и пара большихъ, какъ будто возбужденныхъ и устремленныхъ вдаль глазъ,—таковы отличительныя черты второго. Казалось бы, что между ними общаго? И въ самомъ дѣлѣ, иллюстрація изображаетъ намъ соціальные контрасты. Но чѣмъ мы больше вглядываемся въ эти двѣ фигуры, тѣмъ яснѣе выступаетъ передъ нами какое-то смутное сходство, что-то родственное въ обоихъ лицахъ. Наконецъ, «какъ бы подъ вліяніемъ экстаза» (такъ любитъ выражаться туринскій профессоръ Ц. Ломброзо), мы произносимъ только одно слово, которымъ, однако, все сказано: это модное теперь слово *вырожденіе*. Да, несомнѣнно оба описанные субъекта—вырождающіеся; клеймо отбросовъ цивилизаціи ясно начертано на ихъ лицахъ и мы смотримъ на нихъ съ сожалѣніемъ, какъ на приговоренныхъ къ смерти.

Понятіе «вырожденія» распространилось среди нашей публики съ легкой руки д-ра Макса Нордау, послѣдняя книга котораго въ прошломъ году почти одновременно вышла въ двухъ русскихъ переводахъ. Недавно она переплыла Атлантическій океанъ и произвела сенсацію среди положительныхъ янки; американскіе журналы посвящаютъ рядъ статей возбужденнымъ въ ней вопросамъ; самъ Нордау не остается спокойнымъ свидѣтелемъ этой журнальной полемики и принимаетъ въ ней дѣятельное участіе. Онъ очень строго относится къ своимъ критикамъ и расточаетъ по ихъ адресу рядъ довольно звонкихъ ругательствъ, среди которыхъ срав-

ноніе съ «изступленными готтентотами» (*Century*, August) производитъ впечатлѣніе невинной шутки. Тѣмъ не менѣе, я рискну высказать свое сужденіе о нѣкоторыхъ положеніяхъ его книги. И хотя въ статьѣ д-ра Charles'a Dana, помѣщенной въ июньской книжкѣ американскаго *Forum'a* (*Вырождаемся ли мы?*), имѣется обстоятельное изложеніе взглядовъ Нордау, мнѣ кажется интереснѣе обратиться прямо и непосредственно къ первоисточнику. Свое *Вырождение* Максъ Нордау начинаетъ опредѣленіемъ понятія *fin de siècle* и перечисляетъ тѣ ненормальности, которыя видитъ въ современномъ обществѣ. Все это—результаты «вырожденія», которое онъ опредѣляетъ со словъ Мореля слѣдующимъ образомъ: «вырожденіе мы должны представлять себѣ, какъ болѣзненное отклоненіе отъ первоначальнаго типа; это явленіе, сначала весьма мало замѣтное, разрастается и особа становится все менѣе и менѣе способною исполнять свои обязанности по отношенію къ человѣчеству; болѣзненное же начало грозитъ и нисходящему поколѣнію». Далѣе мы узнаемъ, что «вырожденіе проявляется у людей въ извѣстныхъ физическихъ недостаткахъ». Есть вѣрное средство доказать, что большинство представителей современнаго искусства—просто вырождающіеся; «для выясненія, что это доказанный фактъ, слѣдовало бы только произвести физическое измѣреніе авторовъ и познакомиться съ ихъ генеалогическимъ деревомъ». Впрочемъ, и этого не нужно. «Наука открыла рядомъ съ физическими и характерныя душевныя признаки вырожденія; послѣдніе можно очень легко отыскать во всѣхъ произведеніяхъ вырождающихся». Затѣмъ остается только выставить эти «найденныя наукой» признаки и постараться констатировать ихъ въ созданіяхъ современныхъ поэтовъ и художниковъ. Максъ Нордау такъ и поступаетъ. Но, по мѣрѣ чтенія его книги, вы не только убѣждаетесь, что гр. Толстой, Зола, Вагнеръ, Сундбернъ, Готье, Флоберъ, Бодлеръ, Ибсенъ, Шопенгауэръ, Ницше и т. д. несомнѣнные вырождающіеся, но что весь міръ, всѣ ваши знакомые (и вы сами въ томъ числѣ) носятъ слѣды несомнѣннаго тупоумія и идиотизма. Въ этомъ громадномъ сумасшедшемъ домѣ только нѣсколько психіатровъ остаются внѣ подозрѣнія... но нѣтъ, слѣдуя методу Макса Нордау, вы постепенно открываете и въ нихъ зловѣщіе признаки. Многіе критики указывали уже автору, что, къ сожалѣнію, и онъ самъ долженъ быть зачисленъ въ грушу «маттоидовъ» или «графомановъ». Понятно, какии презрѣніемъ отвѣчаетъ онъ имъ на это. Но такого рода заключеніе неотразимо является каждому читателю книги д-ра Нордау. Пользуясь его способомъ констатировать помѣшательство, можно легко доказать, что самъ онъ одержимъ «хорошо извѣстною психіатрамъ» болѣзнію—*mania blasphematoria* или «ругательнымъ помѣшательствомъ». Если же онъ не согласится съ этимъ, то вся система его падаетъ и книга *Entartung* остается злымъ и остроумнымъ памфлетомъ на современность—не болѣе. Charles Dana защищаетъ многихъ знаменитостей отъ нападокъ Нордау, но полагаетъ, что заслуга послѣдняго состоитъ въ установленіи метода, посредствомъ котораго мы можемъ разобраться въ нашихъ впечатлѣніяхъ

отъ произведеній искусства. Мнѣ кажется, напротивъ, что д-ръ Макс Нордау учить насъ, какъ *не надо* подходить къ произведеніямъ искусства. Въ сущности, «методъ» его сводится къ тому, чтобы клеймить именемъ «вырождающагося» всякаго художника, не симпатичнаго критику. А за доказательствами дѣло не станетъ: «признаковъ» такъ много, что ихъ хватить на всякаго. Дѣло только въ томъ, чтобы прискаты въ клиническихъ лекціяхъ Солье, Фере или Маньяна какую-нибудь особенность завѣдомо большого субъекта, открыть ее у даннаго писателя или художника, приклеить къ нему этикетку вырождающагося и сдать его въ сумасшедшій домъ. Но я охотно уступаю мѣсто специалисту; вотъ что говорить по поводу этого психіатръ д-ръ Вильямъ Гиршъ, книга котораго (*Геніальность и вырожденіе*) только что вышла въ русскомъ переводѣ: «Разумѣется, Нордау находитъ у своихъ умственно-распатанныхъ современниковъ всѣ симптомы вырожденія, описанные Морелемъ, Маньяномъ и др. Но именно та манера, съ которою онъ пользуется психіатрическими понятіями, изобличаетъ его полный диллетантизмъ. Всякій, имѣющій какую-либо коллекцію или собирающій старинные предметы, страдаетъ, по мнѣнію Нордау, оіоманіей (страстью къ покупкамъ). Кто интересуется какимъ-либо предметомъ больше, чѣмъ это разрѣшаетъ Нордау, страдаетъ навязчивыми представленіями. Кто пишетъ что-нибудь не нравящееся Нордау, тотъ графоманъ. Кто сочиняетъ любовную драму, тотъ эротоманъ. Кто задумывается надъ задачами, уже рѣшенными Нордау, тотъ страдаетъ маніей сомнѣнія. Это было бы все равно, какъ если бы мы стали приписывать легочную чахотку каждому, кто разъ случайно кашлянулъ». Но, въ такомъ случаѣ, что же собственно означаетъ «вырожденіе»? Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ научнымъ понятіемъ, или это одна изъ тѣхъ «великихъ идей», которыхъ такъ много изговоряется за послѣднее время въ итальянскихъ психіатрическихъ клиникахъ? Людей неуравновѣшенныхъ каждый можетъ наблюдать въ жизни сколько угодно. Такія натуры были всегда: геніальные поэты всѣхъ временъ и народовъ оставили намъ цѣлую галерею подобныхъ фигуръ. Въ современной окраскѣ еще недавно два нашихъ писателя пытались изобразить у своихъ героевъ такую дисгармонію душевныхъ способностей, доведенную почти до болѣзни. А. П. Чеховъ въ своемъ Лоевскомъ (*Дуэль*) и А. И. Эртель въ Мансуровѣ (*Смѣна*) подошли къ модному вопросу съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, но на обоихъ нашихъ даровитыхъ беллетристовъ несомнѣнно повліяли современные ученія о вырожденіи. Такимъ образомъ, для каждаго наблюдательнаго человѣка должно быть ясно, что существуетъ какой-то особый видъ психическаго расстройства, который проявляется въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ и формахъ и мало подходитъ къ понятію нашему о сумасшествіи. Каждый ребенокъ теперь знаетъ, что это—вырожденіе. Если же читатель, не посвященный въ тайны психіатріи, захочетъ уяснить себѣ это понятіе болѣе точно, то онъ натолкнется на непреоборимыя трудности. Въ опредѣленіи, даваемомъ творцомъ теоріи—Морелемъ, наследственность играетъ видную

роль; этого ученый строит даже схему постепеннаго въ нѣсколькихъ поколѣнiяхъ развитiя болѣзни. Психiатръ д-ръ Нордау, повидимому, находитъ возможнымъ обойтись и безъ этой подробности, устанавливая у цѣлаго ряда писателей діагнозъ «вырожденiя» на основанiи симптомовъ, проявившихся въ ихъ произведенiяхъ; о предахъ больныхъ онъ находитъ возможнымъ даже и не справляться. Напротивъ, психiатръ д-ръ Розенбахъ категорически заявляетъ: «для того, чтобы можно было извѣстный типъ назвать вырождающимся, необходимо доказать, что особенности его организацiи составляютъ проявленiе *наследственной передачи* болѣзненныхъ отклоненiй отъ нормы» (курсивъ мой). Психiатръ же д-ръ Гиршъ держится другого мнѣнiя: онъ находитъ, что «если мы желаемъ удержать понятiе дегенерацiи или вырожденiя, то это возможно лишь при условiи, чтобы свести къ нему всѣ тѣ случаи, въ которыхъ дѣло идетъ о недостаточно-развитомъ или, такъ сказать, изувѣченномъ психическомъ организмѣ». Вырожденiемъ поэтому будетъ и всякое благопробрѣтенное въ раннемъ возрастѣ расстройство психической дѣятельности. Если мы далѣе захотимъ уяснить себѣ, что же такое тотъ «нормальный типъ», о которомъ говоритъ г. Розенбахъ, то и здѣсь встрѣтимся съ такими же недоразумѣнiями. «Ненормальность», «болѣзненность» выражается въ рядѣ симптомовъ, частью физическихъ (неправильное строенiе черепа, асимметрiя лица, торчащiя уши и т. д., и т. д.), частью психическимъ; на послѣднихъ стоить нѣсколько остановиться. Вотъ важнѣйшiе изъ нихъ (по Маньяну): «страсть къ вопросамъ, болѣзнь сомнѣнiя, боязнь острiя, боязнь открытыхъ мѣстъ (агорафобiя), боязнь закрытыхъ мѣстъ (клаустрофобiя), запой (дипсоманiя), неодолимое влеченiе къ ѣдѣ (ситiоманiя), влеченiе къ поджигательству (пироманiя), побужденiе къ воровству (клептоманiя), страсть къ покупкамъ (ониоманiя), болѣзненная любовь къ животнымъ (зоофиломанiя), исканiе имени или слова (ономатоманiя)» и т. д. Мы поймемъ, какова цѣна всѣмъ этимъ симптомамъ, когда наряду съ ихъ перечисленiемъ услышимъ изъ устъ психiатра, что «вырожденiе отличается отъ другихъ душевныхъ болѣзней именно нетипичностью проявленiя и теченiя его симптомовъ» (Гиршъ, *ibid.*). Конечно, тутъ дѣло вовсе не въ симптомахъ самихъ по себѣ, ибо «неодолимое влеченiе къ ѣдѣ», сколько мнѣ извѣстно, можно наблюдать у всякаго человѣка, дня два не принимавшаго пищи; съ другой стороны, «болѣзнь сомнѣнiя», по моему, очень хорошая вещь и человѣчество многимъ ей обязано. Стало быть, весь вопросъ въ степенн, что теоретически признается, конечно, и самимъ Нордау (см. его статью *Society's Protection against Degenerates. Forum, July*). А если такъ, то мы снова приходимъ просто къ неуравновѣшанности, т. е. дисгармонiи душевныхъ способностей человѣка. Не мое дѣло разсуждать какъ опредѣлять ее въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но во имя и гикъ и здраваго смысла я могу предостеречь читателя отъ преждевременныхъ выводовъ изъ этого темнаго еще и неопредѣленнаго научнаго понятiя. Черезъ-чуръ ярые жрецы новаго ученiя, подхода къ жизненнымъ

вопросамъ съ шаткими и едва намѣченными научными положеніями, каждую минуту противорѣчатъ сами себѣ и другъ другу; ихъ не спасаетъ отъ смѣшныхъ положеній даже «важная тога науки» и профессорское званіе. Но довольно о вырожденіи! Вернемся къ нашей иллюстраціи въ *Pall Mall Magazine*. Говорятъ: «лѣсъ рубятъ — щепки летятъ». Ни одинъ шагъ по пути прогресса не обходится человѣчеству даромъ. Эволюція социальныхъ отношеній въ своемъ постоянномъ, неуклонномъ, хотя и медленномъ движеніи впередъ отбрасываетъ въ обѣ стороны негодные продукты цивилизации: со сцены одинаково сходятъ, какъ разслабленные мистики во вкусѣ Леона Плошовскаго (*Безъ догмата* Сенкевича), такъ и несчастные герои *L'Assomoir'a* Зола. Но между пропойцами, съ одной стороны, и великосвѣтскими мистиками, съ другой — живутъ и дѣйствуютъ здоровые люди. Пытаясь наладить свои отношенія и серьезно изучая исторію послѣднихъ, они мало-по-малу убѣждаются, что золотой вѣкъ у нихъ вовсе не позади, а впереди; начинаютъ вѣрить въ постепенный прогрессъ человѣчества и сознательно работать для скорѣйшаго достиженія своихъ идеаловъ въ будущемъ. «Изъ различныхъ искаженій истины воображеніемъ, — говоритъ Бокль, — нѣтъ ни одного, который бы сдѣлалъ такъ много вреда, какъ преувеличенное уваженіе къ прошедшимъ временамъ. Это благоговѣніе къ древности противно всякому здравому смыслу, — это не болѣе, какъ избытокъ поэтическаго влеченія ко всему отдаленному и неизвѣстному». Говоря такимъ образомъ, Бокль, конечно, имѣлъ въ виду преимущественно прогрессъ идейный, движеніе впередъ науки, развитіе промышленности и торговли, — словомъ, прогрессъ накопленія. При такой постановкѣ вопроса, кажется, не должно бы быть двухъ мнѣній: въ послѣднемъ столѣтіи мы дѣйствительно далеко ушли впередъ по этому пути. Но понятно само собою, что и въ этой области прогрессъ не можетъ быть изображенъ прямою линіей: человѣчество пользуется только частью плодовъ каждаго прогрессивнаго движенія, потому что остальная часть гибнетъ въ волнахъ реакціи. Эту элементарную мысль беретъ доказать проф. Ломброзо, что онъ и выполняетъ въ статьѣ *Atavism and Evolution* (*Contemporary Review*, July) слѣдующимъ образомъ. Самыми прогрессивными народами туринскій профессоръ считаетъ евреевъ, англичанъ и американцевъ. Но во многихъ отношеніяхъ всѣ эти три націи очень консервативны и мы находимъ въ ихъ установленіяхъ и обычаяхъ много «переживаній», за которыя они, однако, крѣпко держатся. Что касается всего человѣчества, то оно, вообще говоря, не далеко ушло впередъ. Такъ, наприм., исторія убѣждаетъ насъ, что самыя знаменитыя усовершенствованія наши въ области политики часто принимались и столь же часто оставались древними народами (Марсель еще въ XIV ст. предлагалъ (sic) ввести во Франціи единообразіе администраціи, распространить на всѣхъ подданныхъ политическія права, передать верховную власть народу и установить пропорціональное, прогрессивное обложеніе). Мы гордимся нашимъ нравственнымъ превосходствомъ надъ предками, но нами утеряны обычай гостепріимства, чувства полити-

ческаго и религіознаго альтруизма» (?). Въ области открытій и изобрѣтеній мы будто бы только повторяемъ себя. Такъ, явленія гипнотизма и спиритизма были извѣстны уже древнимъ. Римляне пользовались громоотводами и рыли артезианскіе колодцы даже въ Сахарѣ. Въ 1662 г. Франція обладала уже омнибусами. Гомеопатія давнымъ-давно извѣстна. Греки знали секретъ приготовленія шерстяныхъ или льняныхъ кирасъ, непроницаемыхъ для самыхъ острыхъ кинжаловъ, и т. д., и т. д. Вообще все это, по мнѣнію Ломброзо, доказываетъ, что человѣчество постоянно возвращается назадъ. Въ одномъ мы прогрессируемъ, въ другомъ регрессируемъ. Такъ, наприм., «мы, несомнѣнно, выиграли въ развитіи мозга и отдѣленіи отъ руки большого пальца, но за то мы потеряли цѣлый органъ—хвостъ, нѣсколько позвонковъ и волосы, которые служатъ естественною одеждою четвероногимъ». Можетъ быть, этихъ доказательствъ недостаточно? Въ такомъ случаѣ, проф. Ломброзо можетъ представить еще и слѣдующія соображенія, которыя удивительно слышатъ изъ устъ современнаго ученаго: «Быстро накаплиются факты, показывающіе, что если мы путемъ усвоенія рѣчи и алфавита и приобрѣли много вѣтвей знанія, которыя чужды варварскимъ расамъ, то, съ другой стороны, мы лишились, въ то же время, многихъ цѣнныхъ способностей, которыми владѣли нѣкоторые представители нецивилизованныхъ народовъ; таковы были, наприм., пророчицы, маги, факіры, обладавшіе по временамъ предчувствіемъ будущаго, хотя и не совершеннымъ; они, несомнѣнно, могли видѣть на большихъ разстояніяхъ, причѣмъ непрозрачныя тѣла не служили для этого препятствіемъ, наконецъ, они читали мысли,—все это явленія, которыя встрѣчаются теперь въ формѣ гипнотизма или спиритизма только какъ искусственныя переживанія—у особъ истеричныхъ и ненормальныхъ». Несмотря на всѣ эти обстоятельства, самъ проф. Ломброзо сознаетъ, что мы, все-таки, прогрессируемъ. Иначе думаетъ Фердинандъ Брюнетьеръ, все еще продолжающій свой походъ противъ науки на страницахъ *Revue des Deux Mondes* (1 mai — *La moralité de la doctrine évolutive*). «Что мы движемся—это вѣрно,—говоритъ онъ,—но идемъ ли впередъ—вотъ въ чемъ вопросъ». Здѣсь, правда, имѣется въ виду уже не накопленіе, а эволюція человѣческихъ отношеній, ростъ индивидуальнаго счастья,—словомъ, прогрессъ справедливаго распредѣленія. Конечно, это вопросъ болѣе сложный. Мнѣ кажется, что его всегда будутъ рѣшать различно—въ зависимости отъ точки зрѣнія, избранной изслѣдователемъ. Если мы начнемъ съ разсмотрѣнія бѣдствій современныхъ рабочихъ (какъ дѣлаетъ Брюнетьеръ) и ставимъ равнивать положеніе послѣднихъ со счастливою жизнью крестьянина добраго стараго времени, то, конечно, придемъ къ самымъ пессимистическимъ выводамъ. Но слѣдовало бы начинать сравненіе изображеній ужасовъ среднихъ вѣковъ и тогда участь даже рудокоповъ Карно явится въ смягченномъ видѣ. Къ сожалѣнію, такихъ попытокъ мало. Вѣрнѣе части пути этому слѣдуетъ извѣстный американскій статистикъ Каррль Райтъ (Carrroll Wright) въ статьѣ, помѣщенной имъ въ майской книгѣ *Forum'a*; но сравненіе выходитъ не особенно ярко, такъ какъ :

ха, для него избранная, слишком близка къ намъ. Авторъ интересуется именно ростомъ правильнаго распредѣленія и приходитъ къ самымъ оптимистическимъ выводамъ. «Пауперизмъ,—говоритъ онъ,—существовалъ всегда: безработица, голодъ, нищета и преступленіе встрѣчались въ прежнее время такъ же часто, какъ и теперь. Мы до сихъ поръ переживаемъ кризисъ, созданный изобрѣтеніемъ машинъ, и до сихъ поръ не вполне еще освоились съ новымъ режимомъ. Поэтому, для сравненія съ современнымъ положеніемъ дѣль, правильнѣе всего было бы брать такіе историческіе періоды, когда развитіе промышленности приостанавливалось, благодаря какому-нибудь крутымъ внѣшнимъ вліяніямъ». Но нашъ авторъ избѣгаетъ такого отношенія къ вопросу. Онъ приводитъ нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ изъ недалекаго прошлаго, не отмѣченнаго никакими народными бѣдствіями. Первое изъ нихъ (*Разсужденіе о колонизаціи на Западъ*) относится къ 1584 г. и принадлежитъ перу англичанина Ричарда Гэлуэнта (R. Hakluyt); здѣсь, между прочимъ, читаемъ: «Правда въ томъ, что, благодаря долгому миру и рѣдкимъ болѣзнямъ... народонаселеніе нашей страны стало многочисленнѣе, чѣмъ когда-либо; поэтому число людей всякихъ профессій возросло до такой степени, что всѣмъ имъ трудно ужиться вмѣстѣ и они готовы даже пожрать другъ друга». Благодаря этому, увеличивается неустойчивый элементъ въ государствѣ, безработные ложатся тяжелымъ бременемъ на общество, а тюрьмы наполняются всякаго рода преступниками. Другое свидѣтельство относится къ 1629 году (оставлено Джономъ Уинтропомъ). «Эта страна (Англія),—говоритъ онъ, между прочимъ,—начинаетъ тяготиться своими жителями, такъ что человѣкъ, самое драгоценное изъ всѣхъ твореній, цѣнится здѣсь меньше, чѣмъ земля, по которой мы ходимъ, и стоитъ дешевле, чѣмъ лошадь или баранъ». Наконецъ, вотъ отрывокъ изъ описанія Англіи въ концѣ XVII ст., сдѣланнаго Вильямомъ Петти въ его *Политической ариметикѣ*: «Доходы съ земель по большей части пали; поэтому (и по многимъ другимъ причинамъ) все королевство съ каждымъ днемъ становится бѣднѣе и бѣднѣе; прежде у насъ было много золота, теперь и золото, и серебро — въ рѣдкость. Ни торговли, ни дѣла для народа не существуетъ, а, между тѣмъ, страна перенаселена, а налоги тяжелы и многочисленны»... Если мы, съ другой стороны, обратимся къ статистическимъ даннымъ за послѣднія 30 лѣтъ, то увидимъ, что въ Америкѣ, наприм., гдѣ капитализмъ распустился пышнымъ цвѣтомъ, замѣтенъ, однако, медленный, но постоянный ростъ достаточныхъ классовъ. Такъ, въ 1860 г. прибыльными профессіями заняты были 26,19% всего населенія (въ томъ числѣ дѣтей и женщинъ), въ 1870 г.—32,43%; въ 1880 г.—34,68%; въ 1890 г.—36,31% (*Forum*, May, стр. 306—307). Понятно само собою, что эти цифры (какъ и остальные данныя статьи Б. Райта), взятая особнякомъ, еще ровно ничего не доказываютъ; мало убѣдительны и историческія свидѣтельства, приведенныя выше. Никакихъ положительныхъ заключеній изъ этихъ случайныхъ данныхъ я не взялся бы дѣлать. Но цитируемая работа доказываетъ, что вопросъ объ эволюціи правильнаго

распределенія вовсе не можетъ считаться рѣшеннымъ въ песимистическомъ смыслѣ: она намѣчаетъ путь, слѣдуя которому будущіе изслѣдователи рѣбачаго вопроса могутъ добыть для насъ неожиданныя и интересныя данныя. Но есть другая сторона статьи Райта, на которую я хочу обратить вниманіе читателя. Въ ней мимоходомъ затронутъ одинъ изъ величайшихъ вопросовъ нашего времени. «Альтруистическое чувство, — говоритъ американскій ученый, — выросло среди представителей интеллигенціи, благодаря чему улучшилось положеніе меньшей братіи». Конечно, здѣсь рѣчь идетъ не о томъ рыхломъ чувствѣ, которое толкаетъ замоскворѣцкую купчиху одѣлать мѣдяками собравшихся на паперти нищихъ; авторъ имѣетъ въ виду ростъ *сознательнаго альтруизма*. Послѣдній призванъ не уничтожить въ корень эгоистическія побужденія человѣка (какъ думаетъ Брюнетьеръ), а, напротивъ, дать наивысшее содержаніе эгоизму, причувствъ каждому къ мысли, что счастье отдѣльнаго индивида находится въ тѣсной зависимости отъ процвѣтанія всего общества. Можетъ быть, Брюнетьеръ правъ въ томъ, что прогрессъ научный и промышленный стоилъ обществу черезъ — чуждое; развитіе капитализма, на примѣръ, обгоняетъ ростъ справедливаго распределенія; но, вѣдь, только *добравшись до известной* ступени цивилизаціи, могли мы оглянуться внизъ, измѣрять пройденное пространство и помочь тѣмъ,

„Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ“.

Въ этомъ сознаніи своего долга народу заключается истинный прогрессъ нашего времени. Мы вовсе не думаемъ отказываться отъ приобретеній, стоившихъ столькихъ жертвъ и страданій, — это значило бы зарыть свой талантъ въ землю; напротивъ, вооруженные всѣмъ, что можетъ дать современная наука и техника, мы спустимся внизъ и попытаемся облегчить страданія, скрасить мрачную дѣйствительность «отщепенцамъ» современной цивилизаціи. Каждый наблюдательный человѣкъ согласится, что такое движеніе существуетъ и растетъ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Свое отраженіе нашло оно, конечно, и у насъ. Недавно вышедшая книга г. Брвенко (*На распутьи*) пытается собрать воедино скудныя печатныя свидѣнія о нѣкоторыхъ попыткахъ такого рода, имѣвшихъ мѣсто въ нашемъ отечествѣ. Но какъ тусклы, блѣдны и разрозненны услія нашего общества по сравненію съ тѣмъ, что дѣлается въ этомъ направленіи въ Англіи и Америкѣ! Припомнимъ въ самыхъ общихъ чертахъ относящіяся сюда факты. Въ маѣ 1887 г. въ бѣднѣйшей части Лондона былъ открытъ «Народный дворецъ». Устройство его стоило болѣе милліона рублей, собранныхъ по подпискѣ. Это обширное учрежденіе поставило себѣ три задачи: 1) доставитъ народу тѣ развлеченія, которыми пользовались раньше только люди богатые; 2) способствовать народному образованію (преимущественно техническому) и 3) содѣйствовать сближенію между собой разрозненныхъ и чу-

друг другу рабочих. Первая цель преследуется устройством постоянных концертов, выставок и всевозможных празднеств в главном зале «дворца», вмещающей 2,500 человек. Образовательные цели достигаются частью обучением малолетних в особом техническом училище, частью же вечерними занятиями для взрослых—по всевозможным отраслям науки, искусства и техники. Особенный успех среди народа имели именно эти вечерние курсы: в первый же год число слушателей дошло до 3,716 лиц обоого пола. Наконец, сближению между народом содействуют многочисленные клубы, состоящие при дворце, в виде вечеринок, всевозможных собраний, балов и т. д., и т. д. Чтобы пользоваться всеми перечисленными благами, нужно записаться в число членов с ежегодным взносом—для мужчин 5 р. и для женщин 2 р. 0 к. Но множество увеселений (концерты, выставки) «Народный дворец» предлагает и посторонней публике—или просто даром, или за ничтожною входною платою. Каким успехом пользуется это учреждение, видно из того, что число его членов давно уже перешло за 5,000; мало того, число этих постоянных членов и учащихся, «дворец» в первый же год своего существования принял в своих стенах полтора миллиона посетителей. На ряду с этим оригинальным установлением в той же части города процветает еще более любопытное учреждение: читательская библиотека, конечно, что речь идет о Тойнби-Голле. В 1833 г. умер один из тьюторов (приват-доцент) Оксфордскаго университета Арнольд Тойнби. Вся его краткая жизнь посвящена была проповеди любви к ближним и помощи беднякам. Его друзья решились увековечить его память и пошли по начертанному им пути далее, чѣм шел онъ самъ. Такимъ образомъ, въ бѣдѣйшей, восточной части Лондона возникло «университетское поселеніе». Въ сущности, Тойнби-Голль представляет изъ себя современный культурный монастырь, гдѣ окончившая въ Оксфордѣ и Кембриджѣ молодежь пытается «засыпать социальную пропасть» между богатыми и бѣдными. «Резиденты» (члены) этого учрежденія поселяются въ особомъ величественномъ зданіи, построенномъ среди жалкихъ жилищъ бѣдняковъ, сами оплачиваютъ свое содержаніе и отдаютъ все свое время и всѣ силы на смягченіе участи окружающихъ «меньшихъ братьевъ». Предпріятіе это имѣло огромный успѣхъ и по образцу его устроилось уже нѣсколько новыхъ поселеній въ разныхъ частяхъ Лондона (въ томъ числѣ одно женское). Мало того, одинъ изъ резидентовъ Тойнби-Голя перенесъ въ Америку и не только основалъ тамъ (въ Нью-Йоркѣ) подобное же «университетское поселеніе», но испробовалъ еще новый видъ помощи рабочимъ: онъ устроилъ тамъ такъ называемыя «сосѣдскія гильдіи», которыя за послѣднее время все болѣе и болѣе прививаются среди рабочихъ Америки и Англій. Это—товарищества, состоящія изъ многихъ семей (до 100), соединяющихся для того, чтобы вмѣстѣ бороться съ нуждою, болѣзнями и несправедливостями; «гильдіи» не только оказываютъ матеріальную и нравственную поддержку своимъ членамъ, но стремятся сообща скрасить

мрачную жизнь бѣдняковъ-сотоварищей, доставляя имъ цѣлый рядъ удовольствій, недоступныхъ отдѣльнымъ рабочимъ. Не имѣя возможности оспариваться на всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ, скажу еще только нѣсколько словъ о результатахъ движенія, «цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы привести университетъ къ народу, если народъ не можетъ придти къ университету». Это движеніе началось еще въ семидесятыхъ годахъ и направлено было на распространеніе высшаго образованія среди занятого рабочаго люда. Въ Америкѣ оно выразилось въ учрежденіи «Чотоуайскаго научно-литературнаго кружка»^{*}), а въ Англии въ созданіи цѣли цѣпи филиальныхъ отдѣленій Кембриджскаго и Оксфордскаго университетовъ, распространившихся по всей странѣ и дающихъ рабочимъ возможность въ свободное для нихъ время ознакомиться съ популярными лекціями по главнымъ отраслямъ знанія. Вотъ цифровыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что сдѣлано этимъ движеніемъ. Въ 1889—90 гг. въ 150 городахъ читалось 377 различныхъ курсовъ, которые слушались 42,312 студентами обоюго пола; всѣхъ слушателей за 18 лѣтъ движенія было не менѣе 200,000 человекъ. При этомъ знанія, вынесенныя изъ этихъ курсовъ, не только не ниже, но часто даже выше тѣхъ, которыя обзавиваются студентами Оксфорда и Кембриджа на соответствующихъ экзаменахъ.

Напомнивъ читателю эти факты, я могу перейти къ сообщенію о новыхъ попыткахъ въ томъ же направленіи, имѣвшихъ мѣсто въ Америкѣ. Въ июльскомъ *Forum*'ѣ находимъ интересную статью, посвященную этому вопросу. Она состоитъ изъ трехъ частей, написанныхъ лицами, стоящими близко къ дѣлу. Первая изъ нихъ принадлежитъ перу Гэмлина-Гарландъ, довольно извѣстнаго американскаго беллетриста и председателя «Центральнаго художественнаго общества», которое, по его мнѣнію, «сдѣлаетъ для искусства то же, что для высшаго образованія сдѣлали народныя университеты». «Почти въ каждомъ городѣ,—такъ начинается свою статью и-ръ Гарландъ,—приютомъ для литературныхъ произведеній служитъ публичная бібліотека, часто весьма внушительная, какъ по внѣшнему виду, такъ и по количеству находящихся въ ней книгъ; нѣтъ ни одного города безъ театра, въ которомъ современная драма (какова бы она сама по себѣ ни была) не нашла себѣ пристанища; между тѣмъ, многіе наши города—и только маленькіе, но и большіе—обходятся безъ общественныхъ музеевъ живописи и ваянія». Вслѣдствіе этого художественный вкусъ народныхъ массъ остается совершенно неразвитымъ. И что бы ни дѣлали для борьбы съ такимъ зломъ разные кружки и клубы, дѣло весьма мало подвигается впередъ: изученіе исторіи и теоріи искусства не ведетъ ни къ чему

^{*} Въ августовскомъ *Nineteenth Century* имѣется статья, посвященная этому движенію въ Америкѣ (*University Extension in America*), а въ августовскомъ *Forum*'ѣ проф. Альбертъ Куэкъ довольно подробно сообщаетъ намъ объ устройствѣ и задачахъ оригинальнаго народнаго университета въ Чотоуа (штатъ Нью-Йоркъ) (*Chautauque Its Aims and Influence*).

Этот знакомства съ художественными образцами. Съ другой стороны, именно американскому художнику приходится рѣдко сталкиваться лицомъ къ лицу съ американскою публикой, а отъ этого обстоятельства теряютъ, конечно, обѣ стороны. Между тѣмъ, «простой народъ—и въ особенности женщины—стремится получить свою долю наслажденія, даваемого знакомствомъ съ лучшими произведеніями искусства». Эти соображенія вызвали въ жизни народа тому назадъ «Центральное американское художественное общество». Его девизъ: «поощреніе произведеній истиннаго искусства и распространеніе ихъ среди народныхъ массъ». Этимъ девизомъ опредѣляется дѣятельность общества. Оно издаетъ дешевыя книги по художественнымъ вопросамъ; устраиваетъ отдѣльныя лекціи и дѣльные курсы, читаемые специалистами; его «критическое бюро» оцѣниваетъ произведенія молодыхъ художниковъ и аранжируетъ спеціальныя выставки для ознакомленія съ ними публики. Но, главнымъ образомъ, дѣятельность общества была пока сосредоточена на устройствѣ передвижныхъ выставокъ. Каждый городъ, имѣющій хотя бы и небольшой кружокъ художественнаго самообразованія (а такіе кружки существуютъ почти во всѣхъ городахъ Америки), можетъ обратиться въ общество съ просьбою устроить передвижную выставку. Городъ оплачиваетъ только пересылку картинъ и статуй, страхуетъ ихъ и отводитъ для нихъ помѣщеніе. Такимъ образомъ, расходы по выставкѣ доведены до минимума (выставка 150 холстовъ обошлась, наприм., городу Дженсвиллю всего 150 р.). При картинахъ посылается человекъ, умѣющій развѣстять ихъ, а по особому заявленію города, и лекторъ-специалистъ. Благодаря такому устройству, небольшой городъ въ 10 тыс. жителей можетъ свободно устраивать въ годъ четыре художественныя выставки. Опыты въ этомъ родѣ были такъ удачны, что въ нѣкоторыхъ глухихъ городкахъ уже поднятъ вопросъ о постройкѣ постоянныхъ зданій для выставокъ или устройствѣ въ публичныхъ бібліотекахъ особыхъ художественныхъ отдѣленій. Общество существуетъ всего 6 мѣсяцевъ. Свою дѣятельность оно начало безъ всякихъ средствъ и поддерживается лишь пожертвованіями и членскими взносами. Но оно успѣло уже многое сдѣлать, привлекло къ себѣ общія симпатіи публики и дальнѣйшее процвѣтаніе его обезпечено.

Еще интереснѣе статья м-ра Бернхейма, дающая отчетъ о выставкахъ картинъ, устроенныхъ для рабочаго люда въ нижнемъ Нью-Йоркѣ. Этотъ громадный городъ съ 1.700,000 жителей рѣзко дѣлится Четырнадцатою улицей на двѣ части—сѣверную (новую) и южную (старую). Болѣе трети населенія скучено въ старомъ городѣ (150,000 чел. на кв. милю) и пользуется сравнительно малыми удобствами и развлеченіями (такъ, наприм., здѣсь имѣется всего 50 акровъ публичныхъ садовъ). Остальные, болѣе состоятельные жители заселяютъ новую часть города (всего 30,000 чел. на кв. милю) и пользуются всѣми современными удобствами (здѣсь 5,000 акровъ занято общественными парками). Само собою разумѣется, что всѣ бібліотеки и музеи сосредоточены въ новой, богатѣйшей части города, чѣмъ

рабочему люду затруднено пользованіе ими; такъ, наприм., бѣднякамъ нижняго Нью-Йорка надо употребить два часа на путешествіе въ городскіе музеи и обойдется ему это удовольствіе около 20 к. на каждого члена семьи. Словомъ, эта вторая половина столицы Соединенныхъ Штатовъ находится въ такомъ же положеніи, какъ и бѣднѣйшіе (восточные) кварталы Лондона. Между тѣмъ, въ послѣднихъ извѣстныхъ уже намъ «резидентн» Тойнби-Голля устроили съ громаднымъ успѣхомъ выставку картинъ, которую за четыре недѣли ея существованія посѣтили 50,000 человекъ. М-ръ Бернхеймъ, казначей и одинъ изъ основателей «нью-йоркскаго университетскаго поселенія» (цѣль котораго «сблизить образованныхъ мужчинъ и женщинъ съ рабочими классами—во взаимной пользѣ тѣхъ и другихъ»), присутствовалъ на этой выставкѣ и рѣшился сдѣлать нѣчто подобное въ своемъ родномъ городѣ. Однако, это предпріятіе вызывало многія опасенія. Интересуются ли населеніе нижняго Нью-Йорка искусствомъ? Явятся ли вообще рабочіе на выставку и станутъ ли посѣщать ее по нѣскольку разъ? Какъ отнесутся они къ этой «забавѣ богачей»? Три выставки, устроенныя въ бѣднѣйшей части Нью-Йорка, дали отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Первая изъ нихъ (66 картинъ, нѣсколько акварелей и около 20 этюдовъ) была открыта лѣтомъ 1892 года и продолжалась 41 день. Посѣтителей было 36,095 чел., въ среднемъ 880 чел. въ день. Вторая выставка (107 картинъ, нѣсколько статуй и этюдовъ) просуществовала 6 недѣль (съ 17 іюня по 29 іюля). Помѣщеніе было крайне неудобно и тѣсно, жара все время стояла исключительная, и, тѣмъ не менѣе, выставку посѣтило 56,659 чел. Въ слѣдующемъ (1894) году промышленный кризисъ и безработица похлѣпали всякимъ народнымъ увеселеніямъ. Наконецъ, въ 1895 г. открылась 7 мая третья выставка, состоявшая изъ 123 картинъ; за 33 дня ее посѣтило 105,696 чел., въ среднемъ—3,202 ежедневно (были дни съ 7,244 посѣтителями). Но понимала ли что-нибудь въ искусствѣ вся эта масса народа? Устроители прежде всего интересовались этимъ вопросомъ. Поинтересовались тѣхъ разъясненій, которыя давались публикѣ, они рѣшили освѣдомляться у всѣхъ посѣтителей о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ картинами. Отвѣты, въ большинствѣ случаевъ, были вполне осмысленные. Ландшафтъ не пользовался особымъ успѣхомъ: толпѣ нравились больше драматическіе сюжеты. Особенно пренебрежительно отнеслась публика къ импрессионизму. По поводу одной картины, носившей яркіе слѣды принадлежности къ этой школѣ, рабочій, на предложенный ему вопросъ, замѣтилъ: «Это не картина, а мазня». При третьей выставкѣ былъ устроенъ курсъ лекцій по вопросамъ, касающимся искусства. Большія опасенія въ средѣ устроителей возбуждали социалисты-вожди рабочихъ, относившіеся сначала очень не дружелюбно къ этимъ «подачкамъ богачей»... Но потомъ все обошлось благополучно и изо дня въ день можно было видѣть на выставкѣ этихъ джентльменовъ во главѣ толпы рабочихъ, которымъ они старательно разъясняли сюжеты и художественныя достоинства отдѣльныхъ произведеній.

Третья статья принадлежитъ перу миссъ Дженъ Адамсъ, основн. и-

ницы «Женскаго клуба» въ Чикаго, который, по словамъ редакціи *Forum's*, «въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ полезныхъ и самыхъ славныхъ въ мірѣ учреждений». Авторъ касается дѣятельности «Клуба» и его резидентокъ только въ области *художественнаго* просвѣщенія, а потому мы не можемъ, къ сожалѣнію, познакомиться въ подробностяхъ съ этимъ любопытнымъ установленіемъ. Среди другихъ занятій «клубъ» нашелъ нужнымъ развивать вкусъ простаго народа и приучать его находить отраду и утѣшеніе въ искусствѣ. Одна изъ основательницъ (миссъ Старръ) настояла на томъ, чтобы стѣны «клуба» были увѣшаны тщательно выбранными художественными произведеніями. Она прочла для желающихъ курсъ исторіи искусства, который сопровождался обильными демонстраціями снимковъ съ тѣхъ оригиналовъ, о которыхъ шла рѣчь. При клубѣ существуетъ коллекція гравюръ, копій и фотографій, которыя выдаются желающимъ на домъ; черезъ двѣ недѣли картины должны быть предъявлены къ обмѣну, но могутъ быть выданы тому же лицу на новый срокъ. По инициативѣ «клуба» создано особое общество для снабженія городскихъ школъ картинами. Наконецъ, въ зданіи клуба устроено было уже восемь картинныхъ выставокъ, причемъ главная забота резидентокъ сводилась къ тому, чтобы показать народу картины, въ которыхъ извѣстный «подъемъ духа» соединяется съ совершенствомъ выполненія.

Кажется, этихъ фактовъ достаточно. Они несомнѣнно доказываютъ, что лучшая часть интеллигенціи пришла, наконецъ, къ сознанію своего долга народу и пытается возратить его. Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ нѣдръ современной цивилизаціи вышло могучее движеніе, стремящееся залечить социальныя раны и засыпать пропасть, существовавшую всегда между «контрастами», представленными намъ иллюстраціей *Pull Mall's*. Это уже несомнѣнный прогрессъ, которымъ мы въ значительной степени обязаны людямъ науки: почти все движеніе вышло изъ стѣнъ университетовъ и находитъ себѣ поддержку въ содѣйствіи самыхъ знаменитыхъ ученыхъ Англій и Америки. И скоро, быть можетъ, и та болѣзнь, которую современная наука называетъ «вырожденіемъ», будетъ доведена до минимума, благодаря именно этому движенію. Оно дастъ бѣдняку удовольствія, не имѣющія ничего общаго съ алкоголемъ, и, въ то же время, наполнить пустую жизнь скучающаго и отравляющаго себя разными ядами «интеллигента» величайшимъ изъ доступныхъ человѣку наслажденій — разумною дѣятельностью на пользу ближняго.

Т. Полнеръ.

Англійская пугачевщина 7.

Свиданіе въ Майлендѣ.

Мы видѣли, что тѣсный въ Тоуерѣ король согласился на свиданіе съ эссекскими ополченцами въ Майлендѣ. Оно воспослѣдовало въ пятницу на слѣдующій день послѣ праздника Corpus Christi. Король, по свидѣтельству Вольсингама, прибылъ съ небольшою свитой, запуганный и дрожащій, да и было отчего. Слухъ ходилъ, что вожаки крестьянъ намѣреваются овладѣть имъ, чтобы затѣмъ съ большимъ успѣхомъ издавать приказы его именемъ **). Въ то время, какъ король бесѣдовалъ съ народными массами, ему неизвѣстенъ былъ еще печальный исходъ архіепископа и пріора госпиталійцевъ. Мятеежникамъ можно было поставить въ вину только совершенные ими погромы и поджоги, да убійство, въ большинствѣ случаевъ, темныхъ или мало извѣстныхъ личностей.

Опасаясь худшаго, Ричардъ II, съ согласія своихъ совѣтниковъ, пообѣщаль толпѣ прощеніе причиненныхъ ею насилій подлѣ условіемъ немедленнаго ихъ прекращенія. Крестьяне должны были разойтись по домамъ и ждать тамъ полученія королевскихъ грамотъ, обезпечивающихъ миръ и удовлетворяющихъ ходатайство объ отиѣнѣ крѣпостной зависимости. Лѣтописецъ Сентъ-Албанской обители не даетъ большихъ подробностей о свиданіи

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

**) Вотъ по-моему то заключеніе, какое мы вправѣ сдѣлать изъ приводимаго эссекскимъ монахомъ сознанія Джака Стро, будто бы сдѣланнаго передъ казнью. Принять его за историческій фактъ такъ же трудно, какъ и повѣрить тому, что Болъ передъ казнью назвалъ Виллефа и его послѣдователей главными виновниками крестьянскаго восстанія. Но каждое изъ обонхъ свидѣтельствъ отражаетъ на себѣ весьма вѣрно тѣ представленія, какія владѣтельные классы дѣлали себѣ о тайныхъ замыслахъ народныхъ вожаковъ. Не мѣшаетъ сопоставить то, что говоритъ эссекскій монахъ, со словами Вольсингама о первомъ свиданіи кентскихъ ополченцевъ съ королемъ. Я указалъ выше, что нѣтъ основанія полагаться на одностороннее свидѣтельство Вольсингама и утверждать, что это свиданіе дѣйствительно имѣло мѣсто и, притомъ, въ той обстановкѣ, какая ему приписывается. Но цѣнно заявленіе лѣтописца, что сопровождавшая короля свита не рѣшилась причалить, такъ какъ опасалась, что мятеежники захватятъ Ричарда въ свои руки.

ли и заканчиваетъ свой разсказъ словами, что эссекскія ополченія охотно выслушали эти заявленія, такъ какъ въ виду наступающихъ работъ по выносу и жатвѣ сѣвшили вернуться домой къ женамъ и дѣтямъ *).

Рѣшено было, повѣтому, удовлетворить требованію короля, оставивъ немногихъ изъ своей среды до момента выдачи обѣщанныхъ грамотъ. Иначе гнѣслись къ сдѣланному предложенію кентскія банды, которыя сохранили внятыя ими позиціи въ теченіе всей слѣдующей ночи **).

Замѣчательно, что у Вольсингама не говорится прямо о личномъ присутствіи короля въ Майлендѣ, хотя въ последнемъ не можетъ быть сомнѣнія, въ виду встрѣчающихся о томъ упоминаній въ другихъ хроникахъ потому, что въ показаніяхъ присяжныхъ говорится о лицахъ, встрѣтившихъ короля въ пятницу, около Ольдгета, ѣдущимъ на свиданіе. Въ отпечатанномъ Рилей отрывкѣ изъ недодешедшей до насъ хроники, — отрывкѣ, найденномъ въ архивѣ Сити, — говорится, что король прибылъ изъ Тоузера, сопровождаемый рыцарями, сквайрами и гражданами на коняхъ, что мать Ричарда вскорѣ послѣдовала за нимъ въ экипажѣ *). Дальнѣйшее свидѣтельство того же лѣтописца менѣе правдоподобно. «Уступая требованіямъ разъяренной толпы, — говоритъ онъ, — король дозволилъ личную расправу съ тѣми, кого она считала измѣнниками; убивать ихъ велѣно всюду, гдѣ дастся наложить на нихъ руку».

Въ этомъ разсказѣ наивно проглядываетъ нерасположеніе къ Ричарду, какъ будущему виновнику временной потери городомъ многихъ изъ его вольностей, высокаго обложенія гражданъ и остановки политической жизни націи на цѣлое десятилѣтіе.

Всего опредѣленнѣе высказывается о заявленныхъ въ Майлендѣ требованіяхъ монахъ Эвесгамской обители. Тогда какъ Бнайтонъ совершенно опускаетъ эпизодъ о свиданіи короля въ Майлендѣ и, смѣшивая происшедшее въ пятницу съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ субботу, упоминаетъ только о свиданіи въ Симпфильдѣ и предъявленіи королю извѣстныхъ требованій Уотомъ Тейлоромъ, — Фруассаръ, собравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ отъ личныхъ свидѣтелей происшедшаго, весьма опредѣленно говоритъ о митингѣ въ Майлендѣ и даже приводитъ слова какъ назначенныхъ толпою уполномоченныхъ, такъ и самого короля. Придерживаясь этихъ двухъ разсказовъ эвесгамскаго монаха и французскаго лѣтописца, — разсказовъ, составленныхъ независимо другъ отъ друга и, въ то же время, весьма сходныхъ, можно установить въ слѣдующемъ видѣ обстановку личной встрѣчи короля съ общинами и самый ходъ переговоровъ. Майлендъ было мѣстомъ гулянья, весьма обширнымъ, но все же не достаточнымъ, чтобы включить всѣхъ участниковъ движенія. Мы видѣли, что съ четверга въ немъ расположился главный корпусъ эссекскихъ ополченцевъ, тогда какъ кентскіе занимали окрестности. Передъ Тоузромъ дѣйствовали по преимуществу кентцы, но въ

*) *Walsingham*, т. I, стр. 462.

**) См. *Riley*, стр. 449 и 450.

числѣ ведшихъ переговоры съ королемъ обвинительными актами присяжныхъ упоминается и лондонскій уроженецъ Томасъ Фарингдонъ *).

Какъ мы видѣли, часть бывшихъ передъ Тоузромъ мятежниковъ осталась для производства кровавыхъ расправъ какъ въ самомъ замкѣ, такъ и въ окрестныхъ съ нимъ кварталахъ, и только немногіе отправились въ Майлендъ для присутствія на общанномъ свиданіи. Такимъ образомъ, и большинство оказались эссекскіе ополченцы. Повторившіеся на слѣдующій день личные переговоры короля въ Смесфильдѣ заставляютъ думать, что кентцы и эссекцы сохраняли большую или меньшую независимость въ своихъ рѣшеніяхъ, такъ что съ тѣми и другими пришлось толковать въ подробности. Предводителя кентскихъ дружинъ, Уотъ Тейлора, мы не встречаемъ на первомъ свиданіи; если онъ позволяетъ себѣ поставить новые требованія, о которыхъ не было рѣчи въ Майлендѣ, то, очевидно потому, что подчиненіе эссекцевъ волѣ короля не считалось обязательнымъ для кентцевъ, слабо представленныхъ на первомъ митингѣ. Сказанное объясняетъ намъ также, почему Уотъ Тейлоръ дѣйствительно выступилъ и этотъ разъ въ роли предводителя. Вольсингамъ опредѣленно говоритъ что эссекцы ушли изъ Лондона, а остались одни только кентцы. Фрумсаръ же опредѣляетъ и самое число послѣднихъ, упоминая о 30,000 человекѣхъ, которые не послушались приказа разойтись по домамъ и продолжали пребывать въ столицѣ **).

И такъ, на ходатайства, заявленные въ Майлендѣ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на запросъ по преимуществу эссекскихъ уроженцевъ, къ которымъ кентцы имѣли многое что прибавить, не только отъ собственнаго имени но и въ защиту интересовъ поддерживаемыхъ ими крестьянъ Сентъ-Албанъ Имѣя все это въ виду, легче понять различіе и въ характерѣ заявленныхъ требованій, и въ приѣмѣ, оказанномъ имъ королемъ. Въ пятницу Ричардъ I и его совѣтники имѣютъ еще передъ собою всю массу возставшихъ, которая, по оцѣнкѣ современниковъ, достигала цифры 100,000 человекѣхъ, тогда какъ въ субботу налицо остаются только 30,000,— сила хотя и значительная, но съ которой все же легче было справиться организовавшему за послѣдніе два дня ополченію зажиточныхъ гражданъ. Не удивительно поэтому, если на первомъ свиданіи король обнаруживаетъ уступчивость которой нѣтъ болѣе и помину на второмъ, хотя, какъ мы сейчасъ увидимъ въ Майлендѣ задѣты были, несомнѣнно, болѣе крупныя интересы, чѣмъ о которыхъ шла рѣчь въ Смесфильдѣ. «Мы хотимъ, — заявляютъ уполномоченные эссекскихъ дружинъ въ той передачѣ, которая дана ихъ р

*) О немъ говорится въ показаніяхъ присяжныхъ Эссекса: *fuit apud l. Torhill veneris proximo post festum S. Cr. 4. Ric. II et ibidem locutus fuit domino Rege donaret sibi titulum intrandi in quodam tenementum in London quod Ricardus Wes ei disseisavit et dicit nisi dominus Rea vellet dare sibi titulum in eodem tenementum per hujus modi potentiam committive predicto intrare ea auctoritate sua propria vellet De termino Pasche 5. Ric. II. Coram Rege Rolls. C. Essex.*

***) Фруассаръ, т. IX, стр. 406.

Фруассаромъ,—чтобы впредь и мы, и наше потомство, и наши земли считались свободными, — чтобы никто не относился къ намъ и не называлъ насъ крѣпостными». Къ этому желанію эвесгамскій монахъ *) присоединяетъ еще слѣдующее: «свободу торго въ городахъ, бургахъ, селахъ и на рынкахъ на протяженіи всей Англій». Такое требованіе вполне понятно со стороны лицъ, не мало терпѣвшихъ отъ того, что вся доставляемая въ городъ провизія должна была поступать на рынокъ, гдѣ ее обкладывали сборами въ пользу казны, и сдѣлки о продажахъ не могли, въ теченіе одного и того же дня, состояться иначе, какъ по цѣнѣ, установленной съ самаго начала. При запрещеніи оптовыхъ закупокъ и спекуляцій на разницу, при требованіи, чтобы цеховой, запасшійся матеріаломъ, превышающимъ размѣръ его нуждъ, уступилъ часть его любому изъ товарищей по той же цѣнѣ, терпѣли не одни капиталисты, но и крестьяне-производители, точно такъ же, какъ отъ возвышенія цѣнъ на предметы первой необходимости, благодаря рыночнымъ сборамъ, страдало большинство незажиточнаго гражданства. Понятно послѣ этого, что запросъ въ пользу свободы внутренняго рынка вышелъ изъ среды сельскаго люда и городской черни. Но требованіе, чтобы «подданные впредь были свободны покупать и продавать на протяженіи всего королевства» (таковы буквальные выраженія лѣтописца), могло означать еще свободу всякаго рода сдѣлокъ, предметомъ которыхъ былъ личный трудъ крестьянина и рабочаго, — другими словами, отмену цеховыхъ и гильдейскихъ монополій, а также всего законодательства, которымъ, начиная съ черной смерти, правительство стремилось регулировать заработки сельскихъ и городскихъ наймитовъ. Если прибавить, что, согласно показаніямъ того же эвесгамскаго монаха, крестьяне въ Майлендѣ ходатайствовали одновременно, чтобы размѣръ платимыхъ сеньорамъ рентъ не превышалъ четырехъ динаріевъ съ акра, то не трудно будетъ заключить, что они боролись также съ тою стороною соціальнаго законодательства Эдуарда III, которая требовала сохраненія прежняго размѣра платежей за землю, несмотря на то, что съ моровою язвой число сѣмщиковъ значительно уменьшилось и что, поѣтому, арендная плата естественно должна была пасть.

Ко всему этому уполномоченные присоединили еще просьбу о прощеніи всѣхъ совершенныхъ мятежниками дѣяній и объ обезпеченіи имъ мира и спокойствія. Они говорили королю, по свидѣтельству того же лѣтописца, что онъ плохо окруженъ и имѣетъ дурныхъ совѣтниковъ, что впредь сами они укажутъ ему, какъ онъ долженъ дѣйствовать. Принимать эти послѣднія слова не за что другое, какъ за личную оцѣнку авторомъ только что изложенныхъ требованій, было бы смѣшно, точно такъ же, какъ трудно признать объективное значеніе за свидѣтельствомъ, что король, не зная, какъ уйти отъ толпы, согласился на ея ходатайства и обѣщалъ выдачу патентныхъ писемъ о свободѣ. Начать съ того, что эти патентныя письма вы-

*) *Historia vitae et regni Ricardi*, т. II, стр. 28.

даны были не сразу и удовлетворили далеко не все́мъ требованіямъ, даря одну амнистию и свободу отъ вѣрнопостной зависимости. Последняя же настолько была подготовлена все́мъ предшествующимъ ходомъ экономическаго развитія, тѣми многочисленными соглашеніями, которыя еще съ XIII вѣка перевели на деньги большинство крестьянскихъ службъ и повинностей, оставляя за помѣщикомъ только право выбора въ порядкѣ расплаты, что, если бы не послѣдовавшее за чумою вздорожаніе цѣнъ на трудъ, во второй половинѣ XIV столѣтія, осуществилось бы уже то фактическое вынраженіе вѣрнопостнаго хозяйства, одинаково невыгоднаго для обѣихъ сторонъ, какое мы встрѣчаемъ полустолѣтіемъ позже, въ то время, когда Джонъ Фортеस्कью писалъ свои *Похвалы англійскимъ законамъ* и, сопоставляя порядки своей родины съ французскими, объявлялъ вѣрнопостное право исчезнувшимъ въ Англии. Трудность его вынужденія, особенно вслѣдъ за современною отминой и прекратившимся платежомъ натуральныхъ ренты и барщины, настолько сознавалась нѣкоторыми крупными собственниками, что никто иной, какъ герцогъ ланкастерскій, несмотря на то, что король и парламентъ объявили недѣйствительными дарованныя крестьянамъ волюности, не считъ возможнымъ настаивать на своихъ владѣльческихъ правахъ и согласился на отмину барщины *). По мѣрѣ того, какъ вліяніе черной смерти на возвышеніе заработковъ было парализовано не столько законодательствомъ, сколько естественнымъ ростомъ населенія, примѣръ герцога и аббата сталъ находить все большее и большее число послѣдователей; помѣстное сословіе само помирилось съ мыслью о потерѣ даровыхъ службъ крестьянъ и отчасти пошло на встрѣчу естественному переходу вѣрнопостнаго владѣнія въ оброчное и прежнихъ виллановъ въ членовъ той землевладѣльческой йоманри, въ которой писатели XV столѣтія видятъ уже главный залогъ экономическаго и политическаго преобладанія Англии надъ ея вѣковой соперницей—Франціей **).

И другое требованіе крестьянъ о свободѣ внутренняго торгова, насколько оно не задѣвало непосредственно фискальныхъ интересовъ и не грозило потерей королю дохода отъ рыночныхъ сборовъ, нашло въ Ричардѣ II, много лѣтъ спустя послѣ возстанія, серьезнаго ревнителя. Въ отпечатанныхъ комеденскимъ обществомъ отрывкахъ изъ современныхъ хроникъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее любопытное извѣстіе. Въ 1390 году король отминаятъ привилегію мелочной торговли, признанную дотомъ за одними лондонскими купцами, и допускаетъ въ ней постороннихъ. Два года спустя послѣ того, какъ специально назначенное судебное слѣдствіе открыло злоупотребленія въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ булочниковъ и мясниковъ, зарабатывавшихъ «чрезмѣрно», «отълаживавшихъ по семи и десяти гил-

*) *Archeologia Cantiana*, т. IV. Чужеродцы, прибывшіе въ Кентъ съ сѣвера, гонимые жителями осенью 1381 года, что герцогъ объявилъ крестьянъ свободными на продолженіе всѣхъ своихъ владѣній.

***) Обо всемъ этомъ см. болѣе подробно въ моемъ сочиненіи *Общество и строй Англии въ концѣ среднихъ вѣковъ*, гл. II.

линговъ отъ каждаго десяти кварталовъ обращенной въ хлѣбъ пшеницы или отъ каждаго десяти быковъ, поступившихъ на бойню», король устами своего верховнаго судьи объявляетъ, что намѣренъ отнять у Сити, какъ и у другихъ городовъ, «*regimen civitatis*» или право самоуправленія, въ виду дурнаго пользованія имъ (*pro vestro malo regimine*), а это, въ сущности, означало, ни болѣе, ни менѣе, какъ отиѣну цеховой автономіи. Гражданамъ Лондона приходится уплатить сумму въ сорокъ тысячъ ливровъ, чтобъ откупиться отъ конфискаціи ихъ старинныхъ вольностей. На практикѣ добрыя намѣренія короля не имѣютъ, слѣдовательно, другого исхода, кромѣ увеличенія падающаго на бѣдные классы налога. Сорокъ тысячъ ливровъ распределены такимъ образомъ, — говоритъ лѣтописецъ, — что многіе нашли лучшимъ бѣжать изъ Лондона и тѣмъ избавиться отъ необходимости расплаты *). Но для насъ важнѣе не общій исходъ, а та тенденція, какая выступаетъ въ королевскихъ планахъ о реформѣ. Она, очевидно, сходится съ тою, которая замѣтна въ требованіяхъ, предъявленныхъ крестьянами въ Майлендѣ. Въ виду сказаннаго, трудно думать, чтобы король и тѣ, кто поддерживалъ или внушалъ ему мысль о необходимости потушить мятежъ реформами, отнесся къ обѣщаннымъ вольностямъ какъ къ средству выйти изъ затрудненія, избѣгать тенетъ заговорщиковъ. Болѣе вѣроятно, что средства къ умиротворенію умовъ обдуманы были еще до свиданія и что на совѣтѣ, состоявшемся въ Тоуэрѣ въ ночь съ четверга на пятницу, или въ самое утро послѣдней, установленъ былъ максимумъ тѣхъ уступокъ, какія могутъ быть сдѣланы народнымъ массамъ.

Этимъ объясняется то обстоятельство, что дарованныя вольности значительно меньше тѣхъ, какихъ требовали уполномоченные эссекскихъ дружинъ. Королевская грамота, текстъ которой приведенъ у Вольсингама, гласитъ буквально слѣдующее: «Ричардъ, Божьей милостью король Англійи и Франціи и повелитель Ирландіи, всѣмъ баронамъ и вѣрноподаннымъ (*fidelibus*), къ кому дойдутъ эти письма, шлетъ привѣтъ и объявляетъ по собственной милости: отпускаемъ мы всѣхъ подвластныхъ намъ и зависящихъ людей (*ligeos et singulos subditos nostros*), а также и всѣхъ другихъ, имъ подобныхъ (*et alios*), въ предѣлахъ такого-то или такого-то графства; дѣлаемъ каждаго изъ нихъ свободнымъ отъ крѣпостной зависимости (*ab omni bondagio*), прощаемъ имъ также всѣ преступленія, измѣны, проступки и вымогательства, совершенныя ими или любымъ изъ нихъ, наконецъ, все то, что поставило ихъ внѣ закона (сдѣлало ихъ *utlagi*, откуда и употребляемый грамотой терминъ *utlagia*). Всѣмъ имъ и каждому въ отдѣльности обѣщаемъ мы нашъ верховный миръ. Въ утвержденіе же всего этого мы и повелѣли издать настоящія грамоты». Подпись указываетъ на составленіе ихъ въ Лондонѣ 15 іюня (т.-е. въ день самаго свиданія), въ четвертый годъ правленія короля **).

*) См. *Continuation of the Eulogium Cotton Ms. Calba E. VII*, издано въ приложеніи къ *An english chronicle of the reigns of Ricard II, Henry IV, Henry V and Henry VI*, стр. 125.

**) *Walsingham*, т. I, стр. 487.

Чтобы понять дальнѣйшій ходъ событій, надо имѣть въ виду, что овладѣвшая зажиточными классами паника значительно пала съ отбытiемъ эссекскихъ дружинъ; въ то же время, потребность въ серьезномъ отпорѣ стала чувствоваться все сильнѣе въ виду непрекращающагося погрома дворцовъ и частныхъ зданiй и убiйства многихъ выдающихся гражданъ. Томасъ Вольсингамъ, за одно съ монахомъ Сентъ-Албанскаго монастыря, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что высшiе слои городской буржуазiи, предвидя необходимость помѣриться съ крестьянствомъ и чернью, стали привлекать въ свои жилища родственниковъ и знакомыхъ, жившихъ обыкновенно вѣдъ Лондона, и, снабдивъ кого слѣдовало оружиемъ, готовились ко всякой случайности. Весьма опредѣленно говорить объ этомъ Фруассаръ *), который приводитъ даже приблизительную цифру этихъ вооруженныхъ сторонниковъ порядка, говоря о семи или восьми тысячахъ человекъ, внезапно явившихся на выручку короля въ Смиффилдъ. Этому самопроизвольно организовавшемуся отряду удалось найти пользовавшагося военною славой предводителя въ лицѣ Роберта Кнольсъ, игравшаго нѣкогда выдающуюся роль въ войнахъ Эдуарда III съ французами и успѣвшаго составить себѣ всеми правдами и неправдами, въ бытность свою въ Нормандiи, громадное для того времени состоянiе во сто тысячъ экю **).

Такимъ образомъ, когда король отправился на свиданiе съ кентскими дружинами, въ столицѣ имѣлось уже значительное число лицъ, готовыхъ уже къ сопротивленiю. Это надо принять во вниманiе, чтобъ объяснить меньшую сговорчивость молодого монарха въ переговорахъ съ кентскими общинами.

Одно обстоятельство также способно вызвать недоумѣнiе: это—пассивность, съ какой лондонское простонародье, еще недавно столь симпатичное къ крестьянамъ, смотритъ на пораженiе кентскихъ ополченiй и даже содѣйствуетъ задержанiю главныхъ вожаковъ. И это находитъ объясненiе себѣ частью въ дѣйствiяхъ самихъ мятежниковъ, частью въ порожденномъ ими и упорно распространяемомъ слухѣ о предстоящемъ поджогѣ столицы. Монастырскiе анналисты, точно сговорившись, влагаютъ въ уста главныхъ вожаковъ движенiя наивную исповѣдь въ томъ, что расхитить Лондонъ и предать его пламени составляло ихъ завѣтную мысль. Фруассаръ идетъ

*) Въ субботу, когда король Ричардъ послѣ убiйства Уота и видимою готовности кентскихъ общинъ выместить его на свитѣ, не знаетъ, на что рѣшиться, мэръ считаетъ возможнымъ ободрить юнаго монарха, говоря: „Arons tentos grant confort de ceulx de Londres des bonnes gens de nostre les qui sont pour vous et armés eux et leurs ancis“. (*Froissart*: „Oeuvres“, изданiе Кервинъ де-Леттенгофа, т. IX, стр. 4⁴).

**) *Simeon Luce*: „La Jacquerie“, стр. 20. Въ *Полмхроникѣ* Ронульфа Гигдъ монаха честерскаго, мы встрѣчаемъ подъ 1395 годомъ слѣдующiя подробности о введенiи Кнольсъ въ Нормандiю. Робертъ Кнольсъ былъ такъ воинственъ и такъ с рашень врагамъ, что въ его прославленiе сложилось слѣдующее двустишие: „O Robertъ Кнольсъ, изъ-за тебя Францiя размякла, ты грабишь ее въ свою пользу и наносишь ударъ ея вымятъ“ („O Roberto Knollis, per te fit Francia mollis“ etc. *Highden ad Babington*, а 1865, т. VIII, стр. 358).

еще далѣе въ этихъ утвержденіяхъ: онъ заставляетъ самого Уота Тейлора держать рѣчь кентскимъ дружинамъ о пользѣ поспѣшить съ погромомъ, пока не подоспѣютъ ополченія другихъ графствъ, съ которыми въ противномъ случаѣ пришлось бы дѣлиться добычей. Лѣтописецъ не замѣчаетъ противорѣчія, въ какомъ такой фактъ стоитъ съ приписанными Тейлору мѣрами противъ грабителей и съ принятымъ крестьянами рѣшеніемъ оплачивать все необходимое имъ для жизни. И составители монастырскихъ хроникъ, и Французскій аристократъ-лѣтописецъ, очевидно, вѣрятъ на слово тому, что было рассказано имъ о событіяхъ членами владѣтельныхъ классовъ; эти же послѣдніе не задавались мыслью, въ какой мѣрѣ заслуживаютъ довѣрія сдѣланныя подѣлныя показанія и даже было ли произнесено Жакомъ Стро или Болешемъ то, что имъ приписывается. Если, такимъ образомъ, существованіе самаго намѣренія поджечь Лондонъ далеко не доказано, то никакого сомнѣнія не вызываетъ тотъ фактъ, что слухъ объ этомъ ходитъ въ лондонской толпѣ, настраивая ее извѣстнымъ образомъ по отношенію къ еще недавнимъ союзникамъ.

Въ утро субботы трудно было, однако, предвидѣть близкое пораженіе столь успѣшныхъ дотолѣ народныхъ дружинъ. И послѣ ухода эссекцевъ отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ оставалось еще въ Лондонѣ, такъ что въ одномъ Смесфильдѣ, этомъ по пятницамъ конномъ рынкѣ, въ моментъ прихода короля толпилось не менѣе двадцати тысячъ кентцевъ. Столько же, — говоритъ Фруассаръ, — разсыяно было по отдѣльнымъ кварталамъ столицы и могло во всякое время поспѣшить на выручку. Король и его приближенные, знавшіе о численности враговъ и имѣвшіе случай уже видѣть ихъ воочию, не могли, разумѣется, не помышлять о судьбѣ епископа и пріора и готовились къ принятію мученическаго вѣнца. Нѣтъ, поэтому, ничего невѣроятнаго въ рассказѣ французскаго лѣтописца, что въ утро субботы король, проведши ночь въ жилищѣ матери въ La Riolle, извѣстномъ подѣ названіемъ гардеробной, отслушалъ обѣдню въ Вестминстерѣ, горячо молился передъ чудотворною иконой Божьей Матери, въ часовнѣ Ея имени, и причастился Святыхъ Таинъ *). Но что заслуживаетъ меньшаго вѣроятія, это — рассказъ того же лѣтописца, что, сѣвъ на коня въ три часа послѣ полудня, Ричардъ II въ сопровожденіи шестнадцати человѣкъ свиты сталъ разѣзжать по городу въ разныхъ направленіяхъ, ища выбраться изъ него. Совершенно случайно натолкнулся онъ, якобы, на кентскія дружины, собранныя въ Смесфильдѣ и уже собиравшая повернуть лошадь, когда былъ замѣченъ главнымъ предводителемъ и указанъ толпѣ. Это свидѣтельство, не встрѣчающееся у другихъ лѣтописцевъ, кажется потому неправдоподобнымъ, что наканунѣ Ричардъ обнаружилъ большую стойкость и присутствіе духа въ переговорахъ съ эссекцами, что ему не было основанія ожидать худшаго приѣма отъ кентцевъ послѣ того, какъ имъ объявлена была амнистія и свобода отъ крѣпости, и что, наконецъ, нельзя допустить,

*) Froissart, т. IX, стр. 409.

чтобы королю и его приближеннымъ не было извѣстно заранѣе присутствіе главной толпы ополченцевъ въ Смисфильдѣ. Мы думаемъ, поэтому, что король сознательно прибылъ на свиданіе и что митингъ въ субботу долженъ былъ завершить дѣло умиротворенія, такъ успѣшно начатое наканунѣ. Надлежало объявить кентцамъ монаршую волю объ оставленіи столицы, обѣщая имъ, въ то же время, свободу отъ крѣпости, отъѣзду стѣсненій, какими обложено было совершеніе имущественныхъ сдѣлокъ, и пониженіе земельныхъ рентъ до уровня четырехъ пенсовъ съ акра.

Эти двѣ послѣднія мѣры, на которыя король еще не соглашался въ пятницу, повиданному, рѣшены были его совѣтомъ въ промежутокъ между обоими свиданіями. Рѣчь о нихъ заходитъ въ тѣхъ патентныхъ письмахъ, которыми монархъ объявляетъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя недѣйствительность всѣхъ дарованныхъ имъ льготъ *).

Замѣтимъ, однако, что на случайность встрѣчи короля съ народною толпой намекаетъ и эвесгамскій монахъ, заявляя: на обратномъ пути изъ Вестминстера, гдѣ онъ собственными глазами хотѣлъ убѣдиться въ томъ, не причиненъ ли какой вредъ усыпальницѣ Эдуарда Исповѣдника, Ричардъ, проѣзжая по предмѣстьямъ, наткнулся на кентскія ополченія **). Советъ иначе представляетъ дѣло Вольсингамъ, который говоритъ о формальномъ общаніи короля прибыть на свиданіе и вводитъ инцидентъ съ сэромъ Джономъ Ньютономъ, посланнымъ будто бы къ Ричарду ополченцами ***). Не всего категоричнѣе высказывается по интересующему насъ вопросу Мальвертъ, показаніе котораго, какъ человѣка, писавшаго по живымъ слѣдамъ, для насъ особенно цѣнно. Въ девять часовъ утра, по его словамъ, король, въ сопровожденіи многихъ гражданъ Лондона, отправился въ Вестминстеръ для молитвы (*causa orationis*); сошедши съ лошади, онъ набожно поцѣловалъ крестъ, вынесенный ему навстрѣчу монахами, и отъ волненія не въ силахъ былъ удержать слезъ. Войдя въ аббатство, Ричардъ направился къ могилѣ Эдуарда Исповѣдника и здѣсь, стоя на колѣняхъ, молилъ святого о помощи. Когда всадники сѣли на коней, король со свитою поѣхалъ по направленію къ городу и прибылъ въ мѣсто, называемое *plains campus*, т.-е. ровное поле (разумеется, Смисфильдѣ) для свиданія и бесѣды съ главою крестьянскаго ополченія (*colloquium habituri cum duce villane urbe*); послѣдній же съ безчисленною толпой поселянъ ожидалъ прибытія короля, въ надеждѣ добиться отъ него измѣненія дарованной наканунѣ грамоты 0

*) „Licet nuper in turbatione detertabili etc... certae litterae nostrae patenter ad ipsorum insurgentium instantiam importunam factae fuissent continentes. Quidque volumus quod iidem liberi essent ad emendum et vendendum quibuscunque civitatibus burgis, villis mercatoriiis et aliis locis infra regnum nostrum Angliae. Et quod nulla acra terrae in comitatibus praedictis quae in bandagio vel servitio tenetur altius quam ad quatuor denarios haberetur et si qua minus antea tenta fuisset in posterum non exalteretur“. Rymer: „Foedera“, т. VII, стр. 317.

**) Hearn, стр. 28.

***) Ibid., т. I, стр. 464.

вольностями *). Самый характер отрывшихся въ Смиффилдѣ переговоры ни мало не говоритъ о неожиданности встрѣчи. И въ передачѣ Фруассара Уотъ Тейлоръ обращается къ королю съ запросомъ, когда же будутъ выданы обѣщанныя грамоты; въ рассказѣ же Кнайтона онъ не только подымаетъ о нихъ рѣчь, но и доказываетъ недостаточность дарованныхъ уже вольностей, требуя спеціальнаго упоминанія о свободѣ охоты и рыбнаго улова **). Эвесгамскій монахъ, не пускаясь въ подробности, замѣчаетъ, согласно съ Кнайтономъ, что Уотъ Тейлоръ, подѣхавъ къ королю, просилъ его объ исправленіи дарованныхъ наканунѣ грамотъ ***). Всего баснословнѣе версія, даваемая Вольсингамомъ; у него Уотъ Тейлоръ просить отъ короля ни больше, ни меньше, какъ полномочія отсѣчь голову судьямъ, финансовымъ чиновникамъ и, въ частности, тѣмъ, которые завѣдуютъ конфискаціей имущества и вообще всѣмъ, кто или обученъ законамъ, или по причинѣ занимаемой имъ должности имѣетъ какое-либо касательство къ праву ****). Во всѣхъ лѣтописныхъ рассказахъ король или не даетъ никакого отвѣта на поставленный ему запросъ, или отдѣлывается словами, говоря, что грамоты будутъ выданы и что кентскія ополченія должны разойтись по домамъ *****). Что случилось затѣмъ, по всей вѣроятности, навсегда останется загадкой. Самые условія, въ которыхъ происходила бесѣда, не допускаютъ мысли о серьезной опасности для Ричарда. Всѣ согласны въ томъ, что Уотъ отѣхалъ отъ толпы, и, притомъ, на разстояніе настолько значительное, что паденіе его съ лошади могло быть скрыто отъ нея окружавшею короля свитой. Фруассаръ, возлагающій всю вину за случившееся на Уота, въ то же время, даетъ понять, что онъ не имѣлъ при себѣ оружія. Если вѣрить сообщеннымъ Фруассару рассказамъ, между Уотомъ и его сообщниками было условлено, что они набросятся и искрошатъ свиту, при первомъ сигналѣ съ его стороны, щадя одного короля. Можно ли видѣть попытку къ подачѣ такого сигнала въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ го-

*) *Highden*, т. IX, стр. 4.

***) *Apud Twysden*, стр. 26, 36. „Petunt a rege ut omnes warenae tam in aquis quam in parco et boscis communes fierent omnibus, ita ut libere posset tam pauper quam dives ubicunque in regno in aquis et stangnis piscariis et bocis et forestis ferreis capere in campis lepores fugare et sic haec et hujusmodi alvia multa sine contradictione exercere“.

****) „Et statim unus re ducibus eorum Watte Failar cooperto eum turvo vultu versus Rege in processit petem ab eo ore minatim praecipiendo literos quos eis concesserat meliorari et corrigi“.

*****) „Voluit manque, ante alia, commissionem pro se et suis obtinuisse, ad decollandum omnes juridicos, et caetores, et universis, qui vel in lege docti fuere vel cum jure ratione officii communicavere“. *Wolsingham*, т. I, стр. 464.

*****) См. въ частности у Фруассара, т. IX, стр. 412. „C'est nostre entente que cescuns de nous par villages et mairies aura se lettre. У Кнайтона говорится, что король медлил съ отвѣтомъ, что и заставило Уота прибѣгнуть къ угрозамъ. Cum que rex de hujusmodi concessione cum deliberatione tardaret Jakke Strawe (котораго Кнайтонъ считаетъ за одно лице съ Тейлоромъ) proprius accedens et regem minacioribus alloquens fraenum equi regis quo ausu nescio manu arripuit“, стр. 26, 36.

рить Фруассаръ, Уотъ потребовалъ отъ оруженосца Ричарда сперва княжа, а затѣмъ сабли короля, что и было поводомъ къ крупному пренрательству между ними, или же, наоборотъ, приходится повѣрить Князю и эвесгамскому монаху, которые изображаютъ намъ Уота схватывающимъ королевскаго коня за уздцы,—другими словами, противящимся отбытію Ричарда? Если держаться перваго показанія, то въ заявленіи, что Уотъ такъ близко подѣхалъ къ Ричарду, что хвостъ его лошади касался головы королевскаго коня, можно скорѣе видѣть попытку бѣгства по направленію къ оставленнымъ товарищамъ, а далеко не желаніе посягнуть на жизнь монарха. Впрочемъ, никто изъ лѣтописцевъ и не говоритъ, что съ этою цѣлью предприняты были какія-либо дѣйствія. Но всѣ указываютъ, что въ свѣтѣ опасались такого исхода, а потому неудивительно, если, увидавъ главу заговорщиковъ вблизи короля или отмѣтивъ рѣзкій тонъ ихъ бесѣды, лордъ мэръ послѣшилъ на выручку и, желая сбросить Уота съ лошади, нанесъ ему ударъ своею шашкой (*baselaige*, называетъ ее Фруассаръ). Король во всякомъ случаѣ не отдалъ приказа объ убійствѣ Тейлора, а только объ его задержаніи. На это согласно указываютъ и Вольсингамъ, и Фруассаръ *). Но едва полученный по головѣ ударъ свалилъ Тейлора съ лошади, какъ подбѣжавшіе со всѣхъ сторонъ придворные стали рубить его своими мечами **).

Обружавшая толпа скрыла отъ глазъ народныхъ дружинъ внезапное исчезновеніе ихъ вожака. Трупъ успѣли оттащить до сосѣдней церкви святаго Вареолема, прежде чѣмъ кто-либо изъ кентскихъ ополченцевъ догадался о случившемся. Когда все, наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, изъ рядовъ послышался дружный кликъ: «Они убили нашего вождя; пойдемъ убивать ихъ!» ***). Смѣлость и находчивость молодого монарха остановили на время дальнѣйшее воровольствіе. Подѣхавъ къ дружинамъ одинъ безъ свиты, Ричардъ сказалъ имъ: «у васъ нѣтъ другого вождя, кромѣ короля», и подтвердилъ снова дарованную вольности ****). Лѣтописцы влагаютъ также королю въ уста приказъ слѣдовать за нимъ въ открытое поле за предѣлы Лондона. Подъ этимъ нужно разумѣть, по всей вѣроятности, повтореніе того, что случилось днемъ раньше, когда король потребовалъ отъ эссекскихъ дружинъ немедленнаго удаленія изъ столицы. Фруассаръ категорически утверждаетъ это, приписывая королю еще болѣе хитрый из-

*) *Wolsingham*, т. I, стр. 465. *Froissart*, т. IX, стр. 413.

**) „At mox ab aliis ministris regis circumclusus, gladiis deversis in locis corporis transverberatur“. *Wolsingham*, т. I, стр. 465.

***) „Il ont mort nostre capitaine, alons, alons ochions tout“ (*Froissart*, стр. 3). Или въ болѣе цѣлостной передачѣ *Wolsingham*: „Mortuus est capitaneus noster, reditiose peremptus est ductor noster. Stemus simul, moriamus cum ipso, sagittem et vindicemus viriliter mortem ejus“, стр. 465.

****) См. *Froissart*, т. IX, стр. 414, исторію жизни Ричарда II, написанную эсгамскимъ монахомъ, стр. 28. *Wolsingham*, стр. 465, монахъ Сентъ-Албанскаръ и монастыря, стр. 287.

евръ: когда подоспѣла помощь восьмидесяти тысячъ «добрыхъ гражданъ» выстроилась уже въ боевомъ порядкѣ, Ричардъ, вопреки протестамъ мэра настояніямъ Кнольса, довольствуется требованіемъ отъ мятежниковъ однихъ, выданныхъ наканунѣ, знаменъ *).

Кентцы, которые доголѣ постоянно дѣйствовали именемъ монарха, видя, что онъ открыто осуждаетъ ихъ дѣйствія, бросаютъ луки и обращаются въ бѣгство. Немногія банды остаются на площади и въ то время, какъ король отбѣзжаетъ со Смиффилда, Кнольсъ со своими хорошо вооруженными ратниками набрасывается на эти разрозненные полки и устраиваетъ имъ настоящую кровавую баню. Вечеромъ, входя въ покои своей матери, Ричардъ объявляетъ ей, что, съ Божью помощью, онъ вернулъ свое наследство и потерянную имъ корону Англій.

На слѣдующее утро, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о возведеніи въ рыцарское званіе убійцы Тейлора, мэра Вольворса, и трехъ **) другихъ именитыхъ гражданъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ ополченіи Кнольса и отобраніи знаменъ у мятежниковъ, населеніе столицы оповѣщено о приказѣ всѣмъ, кто не принадлежитъ къ числу ея уроженцевъ и не прожилъ въ ней года, удалиться немедленно въ свое обычное мѣстожительство.

Большинство гражданъ сочувственно относится къ этой мѣрѣ и даже содѣйствуютъ аресту Якова Стро. Голова Тейлора, отсѣченная отъ трупаче еще наканунѣ, выставляется затѣмъ на лондонскомъ мосту въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по его распоряженію, — говоритъ Фруассаръ, — предана была на поруганіе голова примаса Англій, архіепископа кентерберійскаго. Возстаніе разсѣяно, по крайней мѣрѣ, въ Лондонѣ и король приступаетъ къ осуществленію своей мести—обѣщанія, даннаго еще въ Смиффилдѣ въ отвѣтъ на требованіе мэра о немедленной расправѣ съ народными полчищами ***). Мы видѣли, что Ричардъ обязался отпустить крестьянъ на свободу. Положившись на него, эссекскія дружины согласились покинуть Лондонъ еще въ пятницу. При переговорахъ съ Уотомъ Тейлоромъ, какъ и въ обращеніи къ кентскимъ ополченцамъ послѣ убійства ихъ вождя, король формально подтвердилъ, что свобода будетъ дарована. Такое обѣщаніе и было главною причиною удаленія большинства изъ столицы. Все это не

*) Кнайтонъ даетъ эту послѣднюю цифру.

**) *Knyghton*, стр. 2636. Иоганъ, Филиппъ, Николай Брембръ, Иоганъ Лейдъ и Николай Твиффордъ, таковы имена гражданъ, возведенныхъ королемъ въ рыцари. Въ хроникѣ Фебіана мы находимъ о двухъ изъ нихъ слѣдующія подробности: Николай Брембръ принадлежалъ къ числу оптовыхъ торговцевъ (Grosers) и въ 1378 году былъ мэромъ Лондона, Джонъ Филиппъ, той же гильдіи, былъ въ 1379 году шерифомъ въ Лондонѣ.

Фруассаръ заодно съ Кнайтономъ объявляетъ, что Радульфъ (у Кнайтона Иоганъ), который, по его словамъ, былъ дѣйствительнымъ убійцей Тейлора, также возведенъ былъ въ рыцарское званіе (см. изданіе Кервинъ де-Леттенгофа, томъ IX, стр. 414). Эвесгамскій монахъ, не приводя именъ новыхъ рыцарей, упоминаетъ о трехъ или четырехъ лицахъ, возведенныхъ въ это званіе.

***) „Je roi disoit que il en prendroit bien vengeance“.

помѣшало, однако, тому, что первымъ дѣйствиємъ начавшейся реакціи былъ изданіе приказа, объявлявшаго: «Крѣпостные люди и другіе зависящіе владѣльцы обязаны совершать попрежнему обычныя службы и платежи въ пользу сеньоровъ».

Манифестъ повелѣно обнародовать въ городахъ, бургахъ, ярмарочныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ отдѣльныхъ графствъ. Тѣхъ, кто окажется неправнымъ въ отправленіи своихъ обязанностей къ помѣщику, приказано задерживать и препровождать въ тюрьму *).

Позволено сомнѣваться, конечно, чтобы королевская воля сразу была услышана и чтобы крестьяне безропотно подчинились новой неволѣ. Задолго до возстанія барщина фактически перестала существовать во многихъ графствахъ. Еще въ первый годъ правленія Ричарда общины въ особую петицію къ королю заявляли, что въ разныхъ мѣстностяхъ крестьяне, по совѣту и благодаря поддержкѣ постороннихъ лицъ, выдающихъ въ томъ свою выгоду, ходатайствуютъ о выдачѣ королевскими судами выписей изъ *Думздебука*, т.-е. того генеральнаго кадастра, въ которомъ по приказу Вильгельма Завоевателя сдѣлана была опись земель и владѣній каждаго и указанъ, между прочимъ, размѣръ повинностей и платежей, требуемыхъ отъ отдѣльныхъ помѣстій. Позволяя себѣ, какъ жалуются палата, самое фальшивое толкованіе этихъ выписей, крѣпостные отказываютъ сеньорамъ въ барщинѣ, говоря, что еще Вильгельмъ Завоеватель отиѣнилъ какъ личную, такъ и имущественную ихъ зависимость. Тщетны всѣ усилія сеньоровъ и управителей принудить крестьянъ къ отправленію ихъ обязанностей. Они образовали изъ себя союзы и вошли въ соглашеніе противиться силой (*a fort majeure*) требованіямъ помѣщиковъ, «стоять другъ за друга, какъ одинъ человекъ, въ случаѣ призыва къ отвѣту» **). При такихъ условіяхъ трудно думать, чтобы вслѣдъ за полученіемъ королевскихъ писемъ объ эмансипаціи крестьяне легко согласились вернуться къ отправленію прежнихъ службъ и повинностей и чтобы для этого достаточно было одного заявленія имъ сеньорами монаршей воли. Потребовалось изданіе новаго акта, объявлявшаго, что государь признаетъ ничтожными всѣ сдѣланныя имъ крестьянамъ уступки и беретъ обратно выданныя уже письма о вольностяхъ. Весьма характерна та мотивировка, какую совѣтники короля даютъ этому рѣшенію. «Грамоты о вольностяхъ, — значитъ въ королевскомъ манифестѣ, — изданы были второпяхъ, безъ зрѣлаго обсужденія и въ противность законамъ. Онѣ могутъ принести только вредъ нашей коронѣ, а также прелатамъ, дворянамъ и магнатамъ королевства, мало этого, церкви и всему государству. Руководствуясь этими соображеніями, король съ согласія своего совѣта объявляетъ, что дарованныя имъ свободы ничтожны по существу и удостовѣрившія ихъ письма отнынѣ теряютъ всякую силу».

Но, поступая такимъ образомъ, правительство не отказывается въ цѣ

*) *Rymer: „Foedera“, томъ VII, стр. 316.*

**) *Parliamentary Rolls, томъ III, стр. 21.*

мысли облегчить участь крестьянъ и говорить о томъ, что въ его на-
вѣреніяхъ надѣлать ихъ современемъ такими милостями, которыя будутъ
годны Богу и полезны государству и которыми всё вѣрные подданные
справѣ будутъ считать себя удовлетворенными *). Король дѣлаетъ ту же
надежду и въ ноябрѣ 1381 года, когда (четвертаго числа) открылась сес-
сія парламента, созваннаго, главнымъ образомъ, съ цѣлью рѣшить участь
крѣпостныхъ людей, лордъ-казначей Гюгъ Сегравъ въ присутствіи короля
и всего собранія духовныхъ и свѣтскихъ перовъ и депутатовъ отъ общинъ
читаетъ текстъ слѣдующей деклараціи: «Вамъ не безъ вѣдома, что во время
возстанія государь поставленъ былъ въ необходимость выдать крѣпостнымъ
крестьянамъ (peifs) грамоты о свободѣ. Но, поступая такимъ образомъ,
онъ зналъ, что не можетъ сдѣлать этого по совѣсти и согласно законамъ **).
Онъ поступилъ такъ, чтобы скорѣе потушить пожаръ, поднятый дурными
людьми, и положить конецъ ихъ жалобамъ, ихъ хитрымъ продѣлкамъ; онъ
не могъ избрать другого средства, такъ какъ въ это время онъ не поль-
зовался фактически правами короля ***). Но стоило только Господу Богу
вернуть его къ прежней власти и положить,—по крайней мѣрѣ, отчасти,—
конецъ беспорядкамъ, какъ король, съ согласія своего совѣта, распорядил-
ся, чтобы письма, имъ изданныя, и пожалованія, въ нихъ заключавшіяся,
объявлены были ничтожными; теперь же король хочетъ знать ваши жела-
нія и выслушать ихъ отъ васъ самихъ,— отъ васъ, прелатовъ, сеньоровъ
и общинъ, здѣсь собранныхъ; онъ спрашиваетъ васъ, хорошо ли онъ по-
ступилъ, взявъ обратно королевскія письма, и согласно ли это съ вашими
намѣреніями, или нѣтъ? Онъ объявляетъ вамъ, что буде вы всё съ общаго
согласія захотите освободить и отпустить на волю вашихъ крѣпостныхъ,
какъ этого желаютъ, по слухамъ, нѣкоторые изъ васъ, король согласенъ
будетъ принять ваше прошеніе». Отвѣтъ заставилъ себя ждать, такъ какъ,
повидимому, трудно было достигнуть единогласія, и когда, пять дней спустя,
одинадцатаго ноября, въ понедѣльникъ, парламентъ снова собрался, ры-
царь Ричардъ Вальдгревъ въ обращеніи къ королю заявилъ: «Мы расхо-
димся во мнѣніяхъ по поставленному намъ запросу, а потому намъ жела-
тельно въ вашемъ присутствіи выслушать снова то, что вы предлагаете». Тогда Ричардъ Скронъ, новый канцлеръ, повторилъ сказанное на преж-
немъ засѣданіи, говоря: «Именемъ короля спрашиваю васъ, довольны ли вы
отмѣной грамоты о вольностяхъ, или недовольны?»

На это всё прелаты, свѣтскіе сеньоры, рыцари и горожане единогласно
отвѣтили: «Король хорошо поступилъ, отобравши грамоты; отпущеніе на
волю крѣпостныхъ невозможно безъ согласія тѣхъ, кто всего болѣе въ
томъ заинтересованъ; но эти лица никогда не пойдутъ на выдачу воль-
ныхъ ни по собственному почину, ни иначе, пока имъ всёмъ не придется»

*) *Rymer*, стр. 317.

**) „Sachant bien adongue que ce ne practll fair a bone foy et la loy de sa terre“
(*Parl. Rolls*, т. III, стр. 99).

***) „Come celluy ye n'estoit alors en son droit poair de Roi“. *Ibid.*

умереть въ одинъ и тотъ же день. Такъ какъ король даровалъ вольности подъ вліаніемъ принужденія и къ ущербу государства, то мы желаемъ, чтобы сдѣланное имъ было отмѣнено властью парламента и чтобы тотъ же парламентъ утвердилъ рѣшеніе правительства отобрать вольныхъ, какъ міру справедливую и полезную». Къ такому рѣшенію присоединились всѣ единогласно *)).

Бѣлый терроръ.

Отмѣнѣ дарованныхъ вольностей предшествовали экзекуціи; онѣ начались тотчасъ же послѣ событій 14 іюня. Король, — значитса въ лѣтописи Мальверна, — созвалъ свою милицію и во главѣ ея отправился въ графствѣ Эссексъ наказывать виновныхъ. Вольсингамъ сообщаетъ нѣкоторыя добавочныя подробности о самомъ созывѣ народнаго ополченія. Онъ говоритъ, что въ три дня собралось до 40,000 и что никогда еще въ Англіи не видѣли большого войска **).

Прежде чѣмъ отправиться въ Эссексъ, Ричардъ снарядилъ комиссію для разслѣдованія и суда надъ участниками лондонскихъ безпорядковъ. Во главѣ ея поставленъ былъ бывшій лордъ-мэръ, только что возведенный въ званіе рыцаря, Вильямъ Вольворсъ, убійца Уота Тейлора. Одни за другими предстали на его разбирательство главные виновники мятежа, его зачинщики и вожаки. Стрo, по словамъ лѣтописей, выданъ былъ еще въ субботу самими мятежниками, которые указали полчищамъ Кнольса дорогу къ его убѣжищу. Никто изъ предводителей, по сознанію самого Вольсингама, не смелъ ни возможнымъ, ни нужнымъ отрицать своего участія.

Плата равнымъ равное, судьи рѣшили рубить головы виновнымъ. Такъ погибъ Джакъ Стрo и съ нимъ два другихъ предводителя, Джонъ Карбѣи и Аланъ Тредеръ (купецъ). На это указываетъ Вольсингамъ. Другіе лѣтописцы прибавляютъ, что голова Джака была выставлена на Лондонъ-Бриджъ рядомъ съ головою Уота Тейлора. Передъ смертью Стрo якобы призналъ, что онъ самъ и товарищи готовы были перебить всѣхъ дворянъ, поджечь Лондонъ ***)) и возвести на престолъ Уота. Въ числѣ первыхъ подвергся казни и убійца архіепископа кентерберійскаго, нѣкій Юганъ Старлингъ изъ Эссекса. Онъ самъ, — говоритъ Вольсингамъ, — громко заявлялъ о своемъ поступкѣ, видимо гордясь имъ ****)). Рядъ другихъ лицъ подвергнутъ былъ той же участи на правахъ соучастниковъ. Слухъ о жестокой расправѣ не замедлилъ дойти до Кента и Эссекса, этихъ первыхъ очаговъ крестьянскаго бунта. Какъ и можно было ожидать, онъ вызвалъ въ нихъ

*) Ibid., стр. 100.

***) *Highden*: „Polychronicon continuatio Highdeni“, томъ IX, стр. 6. В *снѣ* *замъ*, томъ II, стр. 14.

****) См. лѣтопись эвесгамскаго монаха: *Chronicon a monacho Sancti Alban* стр. 309 и 310.

*****) „Glariabatur se archiepiscopum decolasse“.

только стремленіе къ дальнѣйшему сопротивленію. Мальвернъ, рассказъ котораго проникнуть жалостью къ осужденнымъ, и въ этомъ отношеніи рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, съ любовью распространяющихся о жестокостяхъ, причиненныхъ королевскимъ правосудіемъ, справедливо ставить въ связь эти новыя попытки мятежа съ тѣмъ впечатлѣніемъ ужаса и сознаніемъ безысходности своего положенія, какое участники бунта вынесли, слыша о томъ, что происходило въ столицѣ. И все же эта первая расправа была менѣе сурова, чѣмъ слѣдовавшая за нею. Когда правительство увидѣло, что мятежь далеко не потушенъ и что крестьяне настаиваютъ на пользованіи дарованными имъ вольностями, оно рѣшило, что истребленіе массами и квалифицированная казнь одни могутъ нагнать на крестьянъ тотъ ужасъ, при которомъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе сдѣлается невыносимымъ. Прежде всего, эта новая политика испробована была въ Эссексѣ. Здѣсь въ августѣ 1381 г. опять сдѣлана была попытка вооруженнаго сопротивленія. Вблизи помѣстья Гатерельдъ-Певерель, въ мѣстечкѣ, называемомъ Билерика, собралась толпа недавнихъ ополченцевъ и рѣшила, что «лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ свободы». Постановлено отправить къ королю, проживавшему въ то время въ Вольдгамѣ, особыхъ посланцевъ; они должны были напомнить ему о данномъ обѣщаніи и ходатайствовать объ освобожденіи крестьянъ, между прочимъ, отъ присутствія въ помѣстныхъ судахъ. Крестьяне соглашались только на посѣщеніе судебныхъ разъѣздовъ шерифовъ, повторявшихся не болѣе двухъ разъ въ годъ. Грозно принялъ король представшихъ къ нему делегатовъ; его рѣчь къ нимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она передается Вольсингамомъ, напоминаетъ извѣстное обращеніе Іеровоама къ израильтянамъ: «Отецъ мой кормилъ васъ ранами, азъ же вскормлю васъ скорпіонами». «Вы всегда были крѣпостными, — сказалъ разгнѣванный монархъ, — остаетесь ими нынѣ и будете ими всегда, но не такъ, какъ теперь, а въ несравненно болѣе унижительномъ смыслѣ» *).

Уполномоченные вернулись ни съ чѣмъ, а король послѣшилъ отправить въ графство ополченіе подъ предводительствомъ Томаса Вудстока, графа Бекингамскаго, и Томаса Перси, графа Нортумберландскаго. Крестьяне прибѣгли къ тому же способу защиты, какой испробованъ былъ ими въ время осады епископомъ ворвичскимъ; они окопались въ занятыхъ позиціяхъ и воздвигли подобіе баррикадъ, пользуясь, между прочимъ, своими телѣгами. Подобныя защиты построены были среди лѣса, въ которомъ, какъ извѣстно, легче вести партизанскую войну. И дѣйствительно, осаждавшія войска не рѣшались проникнуть въ кущу, счтая болѣе безопаснымъ устроить облаву. Такимъ образомъ прекращенъ былъ подвозъ провіанта и около 800 лошадей, предназначенныхъ инсургентами для этой цѣли, попали въ руки осаждавшихъ. Хотя ими и было перебито болѣе пятисотъ чело-

*) „Rustici quidem fuistis, estis in bondage permanebitis non ut hactenus sed incomparabiliter viliori“. *Вольсингамъ*, т. II, стр. 18.

вѣкъ, но эта цифра далеко не можетъ служить указателемъ числа всѣхъ участниковъ возстанія. Немного времени спустя, значится у Вольсинггама, крестьяне, часть которыхъ успѣла укрыться, снова стали устраивать заговоры (*calcitrare et maliniari*). Сперва они обратились къ гражданамъ Кольгестра, умоляя ихъ о помощи, но когда ни просьбы, ни угрозы не оказали ожидаемаго дѣйствія, они направились сами въ Судбери. Помѣщики въ лицѣ Фицъ Вальтера и Юганна Гарлетона пустились за ними въ погоню, внезапно напали на нихъ и «истребили столько, сколько имъ было угодно» (*et quod placuit occiderunt*). Захваченные въ плѣнъ вскорѣ затѣмъ наполнили собою тюрьмы.

Въ Кентѣ движеніе приняло еще болѣе серьезный характеръ. Въ нашихъ рукахъ имѣются показанія присяжныхъ отъ пятого года правленія Ричарда II, въ которыхъ болѣе или менѣе подробно изложены дѣйствія отдѣльныхъ участниковъ этого вторичнаго бунта. Начало ему положено было тридцатаго сентября 1381 года. Мятежники собрались подъ Кентонъ, то самое помѣстье архіепископа кентерберійскаго, въ которомъ нѣкогда въ заточеніи сидѣлъ Джонъ Боль. Попрежнему, повторяются обвиненія въ намѣреніи убить шерифа и отдѣльныхъ помѣщиковъ, а также въ принужденіи многихъ слѣдовать за собой вопреки ихъ желанію. Томасъ Гардингъ признается первымъ зачинщикомъ рядомъ съ другими столь же мало извѣстными людьми. Всѣ приговоренные объявлены немѣющими ни земель, ни имущества. Цѣлью возстанія, какъ видно изъ показанія свидѣтелей, было настоять на исполненіи данныхъ народу обѣщаній. «Эти преступные люди,—стоитъ въ текстѣ протоколовъ,—требовали своихъ вольностей и тѣхъ грамотъ о помилованіи, которыя они исторгли у короля недавно въ Майлендѣ». «Буде же король не согласится добровольно на ихъ просьбу, они намѣревались убить его, отиѣнить затѣмъ законъ Англіи и довести государство до полнаго разстройства». Большая роль въ подъемѣ народныхъ массъ признается за странниками (*peregrini*), подъ которыми разумѣются нищенствующіе монахи; они пришли съ сѣвера въ Кентербери и стали распространять слухъ, что Джонъ Гонтъ, герцогъ ланкастерскій, освободилъ своихъ крѣпостныхъ въ разныхъ графствахъ; это заставило бунтовщиковъ послать особыхъ пословъ къ герцогу, съ цѣлью убѣдиться въ справедливости переданнаго слуха; еслибъ онъ подтвердился, герцогу предстояло быть провозглашеннымъ королемъ Англіи и крестьяне намѣревались дѣйствовать во всемъ съ нимъ за одно. Заговоръ, повидимому, былъ открытъ однимъ изъ участниковъ, который довелъ до свѣдѣнія королевскаго комиссара, Джона де-Тринингамъ, о намѣреніяхъ бунтовщиковъ и позволилъ ему своевременно принять мѣры къ ихъ аресту *). О словамъ Вольсинггама, король, услышавъ о происходившемъ, хотѣлъ спе- а стереть съ лица земли (*de terra viventium explare*) весь родъ этихъ

*) *Archeologia Cantiana*, т. IV, въ которомъ Flaherty отпечаталъ наблюденія имъ въ архивѣ въ *Miscellanea treasury of the receipt* 21/19 *Præsentationes de m factoribus qui surrexerunt contra dominum regem*. 4 et 5 Ric., II, стр. 65 и слѣд.

оворщниковъ-кентцевъ, но дворянство и магнаты графства поручились за охраненіе мира общинами и тогда Ричардъ удовольствовался посылкой днихъ судей для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ.

О дѣятельности посланцевъ подробно говорятъ судебные протоколы. Обвиненіе поручено представить присяжнымъ; къ свидѣтельству же привлечены и сами участники, которые выкупаютъ себѣ жизнь, становясь должосчиками прежнихъ товарищей. Въ такое положеніе попадаетъ, между прочимъ, нѣкій Джонъ Котъ; но обвиненные признаютъ его показаніе клеветой и требуютъ назначенія суда Божьяго. Поединокъ происходитъ въ назначенный день и кончается неблагопріятно для обвиненныхъ. Ихъ затѣмъ гащаютъ къ висѣлицѣ, но, прежде чѣмъ поднять на воздухъ, имъ вскрываютъ животъ и вынимаютъ внутренности, которыя тутъ же сожигаются. Ценоснѣе же получаетъ прощеніе.

Ту же казнь терпятъ, кромѣ перваго зачинщика, Томаса Гардинга, еще восемь другихъ его ближайшихъ сообщниковъ. Вольсингамъ объясняетъ причину, по которой судьи отказались отъ прежняго вида казни. Въ началѣ, — говоритъ онъ, — пришлось имѣть дѣло съ такимъ множествомъ обвиненныхъ, что приходилось довольствоваться однимъ отсѣченіемъ головы, но это наказаніе затѣмъ показалось недостаточнымъ для такихъ преступниковъ и потому постановили подвергать ихъ повѣшенію и четвертованію *).

Отмѣтимъ ту интересную черту, что въ послѣднемъ процессѣ кентскихъ мятежниковъ съ особою наглядностью выступаетъ участіе францисканцевъ. Имъ приписана роль эмиссаровъ, волнующихъ народъ и готовыхъ поднять его противъ короля въ пользу герцога ланкастерскаго. Неудивительно послѣ этого, если въ лѣтописяхъ встрѣчаются рѣзкія нападки на этихъ «нищенствующихъ только по имени братій». Имъ ставится въ вину не одна стяжательность, пристрастіе къ хорошей пищѣ и чужимъ женамъ, но и то, что, одобряя преступленія вельможъ и завидуя надѣленному собственностью священству, они вводятъ простонародье въ заблужденіе и распространяютъ въ его средѣ всякія лжи (*mendaciae*), такъ что въ обычай вошло говорить: «ужь коли братъ, то непременно лжець» **). Гауэръ въ своей *Vox clamantis*, написанной вслѣдъ за подавленіемъ возстанія, повторяетъ приблизительно тѣ же нападки: и для него нищенствующіе ордена составлены изъ лицемеровъ, способныхъ только принести вредъ церкви и государству ***).

За подавленіемъ движенія въ Эссексѣ и Кентѣ, очагомъ недовольства и вооруженнаго сопротивленія оставался Гертерордширъ и, въ частности, тѣ тридцать пять селеній, которыя какъ мы видѣли выше, вошли въ союзъ между собою съ цѣлью добиться возстановленія Сентъ-Албанскимъ мона-

*) *Вольсингамъ*, т. II, стр. 20.

**) *Вольсингамъ*, т. 2, стр. 13 и 14. *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 312.

***) См. *Poeta, quod vocatur vox clamantis*, изданіе Roxburgh Club, кн. IV, гл. 16 и 19.

стыремъ того, что они считали своими исконными вольностями и привилегіями. Ихъ попытки были вполне успѣшны и, прежде чѣмъ слухъ о пораженіи вентскихъ ополченій въ столицѣ дошелъ до аббата, новыя грамоты уже были изготовлены и крестьяне вошли въ обладаніе общинными выпасами, правомъ охоты и улова и свободой отъ помѣщичьихъ монетъ. Теперь предстояло все это отобрать. Задача была нелегкая и король одно время думалъ двинуть все свое войско въ Сентъ-Албанъ, ставъ самъ во главѣ его. Но рыцарь Вальтеръ Атте-Ли, уроженецъ графства, предвидя, что одного прихода королевскихъ полчищъ будетъ достаточно, «чтобы внести опустошеніе на пять миль въ окружности» *), убѣдилъ Ричарда поручить ему одному дѣло умиротворенія. Во главѣ тысячи пяти сотъ всадниковъ, вооруженныхъ пиками, и значительнаго числа пѣхотинцевъ прибылъ онъ къ Петрову дню въ Сентъ-Албанъ. Увѣдомленные заблаговременно объ его пріѣздѣ, крестьяне собрались на сходку, чтобы выслушать предложеніе своего побѣдоноснаго вождя Гриндекоба. Послѣдній и на этотъ разъ обнаружилъ прежнюю стойкость и энергію; онъ не только удержалъ слабодушныхъ отъ мысли искать спасенія въ бѣгствѣ, но и внушилъ большинству готовность стоять за свои права. Вольсингамъ приводитъ рѣчь, сказанную имъ собравшимся. Она рисуется намъ сентъ-албанскаго вождя далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ представляется обыкновенный крестьянскій агитаторъ, вроде Джона Стро. Да онъ и не былъ имъ по самому рожденію. Всѣ современныя свидѣтельства единогласно относятъ его къ числу горожанъ Сентъ-Албана и говорятъ о воспитаніи, полученномъ въ стѣнахъ Сентъ-Албанской обители. Гриндекобъ далеко отъ мысли терроризировать аббата новыми насліями и погромами. Крестьяне достигли желаемого и должны стоять за осуществленіе данныхъ имъ обѣщаній. Никогда условія не были болѣе благоприятны. «Будьте мужественны,—говоритъ онъ толпѣ,—помня, что всѣ сосѣднія селенія въ союзѣ съ вами и готовы стоять другъ за друга. Выйдемъ поэтому на встрѣчу рыцарю и спросимъ его, пришелъ ли онъ къ намъ съ миромъ. Если да, мы примемъ его охотно, если нѣтъ, выгонимъ изъ нашего селенія». «Эта глупая рѣчь,—говоритъ Вольсингамъ,—пришла съ дуракамъ по вкусу» **). Позволено сомнѣваться, чтобы въ данныхъ условіяхъ можно было остановиться на болѣе мудромъ рѣшеніи. Такимъ оно, повидимому, показалось и прибывшему рыцарю. Обмѣнявшись дружескими поклонами съ толпою, онъ вошелъ въ городъ во главѣ своего ополченія, но не какъ противникъ, а какъ блажелатель. Въ день Петра и Павла изданъ былъ манифестъ о томъ, чтобы

*) См. *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani*, т. III, стр. 357, и *Annals*, т. II, стр. 22. Оба приводятъ содержаніе рѣчи, произнесенной Вальте отъ Атте-Ли въ обращеніи къ крестьянамъ Сентъ-Албана; въ ней, между прочимъ, вѣчаются слова: «Лявсь король со своимъ войскомъ, всѣ плоди и всѣ хлѣба бы бы уничтожены. Съ нимъ такое число вонновъ, что на пять миль въ окружностъ останеся ни сѣна, ни другого провіанта для людей и животныхъ».

**) „Placent ergo stultus sermo stultis“.

крестьяне всѣхъ сосѣднихъ селеній сошлись въ Дерфольдѣ у опушки лѣса. Собралась такая толпа, что королевскому посланцу показалось и на этотъ разъ благоразумнѣе говорить въ примирительномъ смыслѣ. Указавъ крестьянамъ, что своимъ прибытіемъ онъ избавилъ ихъ отъ опустошеній королевскаго войска, Вальтеръ Атте-Ли объявилъ имъ, что въ своемъ разслѣдованіи онъ намѣренъ положиться на показанія мѣстныхъ присяжныхъ и поручить имъ выдачу зачинщиковъ. Рѣчь эта большинствомъ была принята сочувственно. Вальтеръ собираетъ въ тотъ же день членовъ обвинительнаго жюри и требуетъ, чтобы завтра же они пришли къ нему съ заявленіемъ именъ главныхъ виновниковъ. Ночь проведена была крестьянами въ совѣщаніяхъ, и когда на слѣдующій день присяжные предстали предъ Вальтеромъ, послѣдній не въ состояніи былъ получить отъ нихъ другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: мы никого не можемъ обвинить, всѣ вѣрныя слуги короля. Когда, прослушавъ обѣдню, Вальтеръ обратился къ тѣмъ же лицамъ съ предложеніемъ вернуть недавнія грамоты, полученныя отъ аббатства, присяжные послѣ новаго совѣщанія отвѣтили отказомъ, говоря, что не смѣютъ сдѣлать этого изъ страха отвѣтственности предъ обществомъ. Вальтеръ принимаетъ мѣры къ ихъ задержанію, но заступничество аббата возвращаетъ имъ свободу. Королевскій посланецъ снова рѣшается собрать толпу и назначаетъ мѣстомъ свиданія лѣсъ подъ Барнетомъ. На этотъ разъ крестьяне являются уже вооруженными и въ ихъ средѣ оказывается не меньше трехсотъ стрѣлковъ.

Въ виду этого, Вальтеръ Атте-Ли ограничивается повтореніемъ сдѣланнаго уже запроса о выдачѣ грамотъ, воздерживаясь, въ то же время, отъ какихъ бы то ни было угрозъ. Одновременно, призвавъ къ себѣ больеровъ или сельскихъ старостъ по назначенію аббата, онъ поручаетъ имъ тайно овладѣть личностью главныхъ зачинщиковъ и въ числѣ ихъ Гриндекоба и Юганна цирюльника, который первый вынулъ изъ полу пріемной мельничные жернова, принесенные предками бунтовщиковъ, какъ свидѣтельство готовности подчиняться монополіи аббата. Захваченныхъ приказано препроводить въ Гартфордъ, куда самъ Вальтеръ отправлялся въ тотъ же вечеръ со всѣмъ своимъ ополченіемъ. Вожаки принуждены были провести ночь въ тюрьмѣ. На слѣдующій день, согласно распоряженію Вальтера, отрядъ, составленный изъ зажиточнѣйшихъ гражданъ города, сопровождалъ арестованныхъ до Гартфорда. Крестьяне не имѣли поэтому возможности отбить ихъ по дорогѣ и войска Вальтера усилились присоединеніемъ къ нимъ городского отряда. Когда въ Сентъ-Албанѣ разнеслось извѣстіе о случившемся, крестьяне стали волноваться. Послышались рѣчи о томъ, что если ихъ вожакамъ причиненъ будетъ какой-нибудь вредъ, они убьютъ сто человѣка за cadaго. Пошли сборища и переговоры, начались сходки въ поляхъ и лѣсахъ за предѣлами города. Разнеслась молва, что аббатство будетъ сожжено, и можно было ждать самыхъ тяжелыхъ послѣдствій, такъ какъ на мѣстѣ не было никого, способнаго остановить произвольную расправу толпы. Испуганный аббать приказалъ гражданамъ и монастырскимъ

управителямъ немедленно вернуться въ Сентъ-Албанъ. Они подчинились его волѣ, но скрѣпя сердце, такъ какъ, — говоритъ Вольсингамъ, — «жалѣли о невозможности присутствовать при казни преступниковъ» *). Хотя Вальтеръ и согласился отдать крестьянамъ на поруки ихъ главнаго вожака Гриндекоба, но только въ расчетѣ, что послѣдній, желая спасти свою жизнь, выскажется въ пользу возвращенія грамотъ. Только подъ этимъ условіемъ обѣщано было крестьянамъ сохранить жизнь ихъ любимому вождю. Ожиданія, однако, не оправдались, и Гриндекобъ открыто высказался противъ мысли промѣнять свободу согражданъ на собственную жизнь. Лѣтописцы Сентъ-Албанскаго монастыря, несмотря на свою враждебность къ главѣ непокорныхъ, не могутъ отказать въ уваженіи человѣку, такъ охотно жертвовавшему собою для общаго дѣла. Вольсингамъ влагасть въ уста Гриндекобу рѣчь, которая способна была бы доставить безсмертіе и болѣе крупному борцу за народную волю. «Сограждане, — сказалъ онъ, по возвращеніи въ селеніе, — вы, которыхъ недавно рожденная свобода избавила отъ узъ долгаго угнетенія, не занимайтесь моею судьбой и наставляйте на своемъ. Если мнѣ придется умереть изъ-за торжества вашихъ вольностей, я буду считать себя счастливымъ и кончу охотно свою жизнь мученичествомъ. Поступайте же такимъ образомъ, какъ если бы меня уже постигла казнь въ Гартфордѣ. Вѣдь, мой конецъ близокъ былъ еще вчера и только отозваніе аббатовъ воиновъ спасло мнѣ жизнь. Они обвиняли меня во многомъ, а судья былъ расположенъ въ ихъ пользу и жаждалъ моей крови» **).

Были ли сказаны именно эти слова, мы рѣшить не беремъ; но они вполне отвѣчаютъ тому характеру искренняго патріота, съ какимъ сентъ-албанскій трибунъ выступаетъ во все время препирательствъ съ аббатствомъ. Его роль защитника народныхъ интересовъ началась уже давно. Авторъ *Житій* говоритъ о немъ, какъ о вожагѣ, еще въ царствованіе Эдуарда III, когда, продолжая старинную распрю и требуя отъ аббатства точнаго соблюденія мнимыхъ вольностей, якобы дарованныхъ королемъ Офой при основаніи монастыря, крестьяне воспротивились силой новому размежеванію земель ***). Съ этого времени Гриндекобъ, преданный отлученію отъ церкви, не переставалъ быть душою всѣхъ движеній, затѣваемыхъ съ цѣлью восстановленія старыхъ или полученія новыхъ вольностей. Ему принадлежала мысль личнаго обращенія къ королю и онъ же велъ переговоры съ Уотомъ Тейлоромъ и добился посланія имъ отряда въ подмогу инсургентамъ. Если возстаніе имѣло счастливый исходъ и крестьяне безъ кровопролитія добились отмены помѣщичьихъ монополій и восстановленія исконныхъ общинныхъ сервитутовъ, то этимъ они во многомъ обязаны были находчивости и благоразумію своего вождя. Вольсингамъ распространяется поэтому о неблагонадежности крестьянъ, рѣшившихъ пожертвовать сво жизнью изъ-за собственныхъ выгодъ. Онъ говоритъ, что напо-

*) *Вольсингамъ*, т. II, стр. 25 и слѣдующ.

***) См. *Вольсингамъ*, т. II, стр. 27; *Gesta*, т. III, стр. 341.

***) *Gesta*, стр. 369.

сѣддокъ самъ агитаторъ долженъ былъ «сознаться въ своей глупости и раскаяться въ содѣянномъ» *). Эти разсужденія надо, разумѣется, оставить на отвѣтственности автора.

Ближайшія событія ни мало не указывали на возможность рокового исхода и Вальтеръ Атте-Ли, повидимому, готовъ былъ пощадить Гриндекоба. Препровожденный обратно въ гартфордскую тюрьму, Гриндекобъ и оттуда продолжалъ руководить крестьянскою оппозиціей, побуждая ихъ къ упорному сопротивленію. Такъ, когда прошелъ слухъ о приближеніи къ Сентъ-Албану войскъ подъ начальствомъ графа Ворвика и лорда Томаса Перси, нѣкто, какъ онъ, поспѣшилъ увѣдомить о томъ своихъ согражданъ.

Сообщеніе сдѣлано было ему братомъ, пребывавшимъ въ Лондонѣ. Активная роль, принятая и на этотъ разъ Гриндекобомъ, повидимому, рѣшила его судьбу. Даже предстательство аббата въ его пользу оказалось безсильнымъ, главнымъ образомъ, потому, что въ Сентъ-Албанѣ начались вскорѣ новыя сходки, новыя попытки вооруженнаго сопротивленія. Правда, при извѣстїи о приближеніи войскъ, крестьяне рѣшились было войти въ переговоры о возвращеніи отобранныхъ грамотъ. Но монастырское начальство предпочло воздержаться отъ односторонняго рѣшенія старой распри, возлагая надежду на скорое прибытіе королевскихъ судей. Когда ожидаемый приходъ Ворвика не осуществился, крестьяне, по словамъ монастырскихъ лѣтописцевъ, перестали падать духомъ, говоря: «Дураки мы, что повѣрили живымъ словамъ и готовы были уже выдать наши грамоты. Будемъ стоять на своемъ и не покроемъ себя болѣе такимъ позоромъ». Когда, сообщаятъ тѣ же источники, король узналъ о перемѣнѣ настроенія, онъ пришелъ въ сильное бѣшенство и рѣшился самъ пойти съ войскомъ въ Сентъ-Албанъ. Его прихода одинаково испугались и крестьяне, и аббатъ, предвидя опустошеніе страны войсками. Но всѣ попытки удержать Ричарда на этотъ разъ оказались праздными. Даже открывшіяся снова переговоры съ аббатомъ, возвращеніе мельничныхъ жернововъ, похищенныхъ изъ пріемной, обѣщаніе уплатить 200 ливровъ убытковъ и построить на собственный счетъ разнесенную усадьбу не успокоили короля. Онъ прибылъ въ Сентъ-Албанъ при колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи тысячнаго отряда и судебной комиссїи, главою которой былъ Робертъ Трезмїанъ, «опытный юристъ, горластый и съ мудростью змѣиной» **). Я не буду утомлять вниманія читателя подробнымъ описаніемъ послѣдовавшихъ казней. Довольно будетъ сказать, что Джонъ Болъ, недавно захваченный въ Ковентри, Гриндекобъ, нѣкій Вильгельмъ Кадингдонъ и Джонъ брадобрѣй были повѣшены и четвертованы. Вольсингамъ, а за нимъ аббатъ Сентъ-Албанскаго монастыря слѣдующимъ образомъ выражаются о казни

*) „Poenituit tamen Willelmain Gryndecobbe, sed sero stultitiæ suæ, quia vicinos elatos in superbiam etiam cum vellet, non potuit a stultitia revocare“. *Gesta*, стр. 342; *Вольсингамъ*, т. II, стр. 28.

***) „Dominus Robertus Trysilian, Miles, Justiciarius, vis multum habens pectoril et prudentiæ serpentinae“. *Gesta*, т. III, стр. 347; *Вольсингамъ*, т. II, стр. 31.

Боля: «tractus, suspenus et decollatus est presente rege et cadaver ejus quadripartitum quatuor regno civitatibus missum est»¹⁾. Чтобы добиться выдачи присяжными именъ сентъ-албанскихъ вожаковъ, пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Трезиліанъ объявилъ присяжнымъ, не дававшимъ другого отвѣта, кромѣ того, что нѣтъ виновныхъ и всѣ вѣрные слуги короля: «Вина заговорщиковъ мнѣ хорошо извѣстна и вы только навлекаете на себя личную отвѣтственность безцѣльнымъ упрямствомъ». Присяжные сдались и утвердили представленный имъ списокъ. Чтобы придать обвиненію характеръ народнаго рѣшенія, Трезиліанъ трижды повторялъ ту же комедію передъ тремя различными по составу присяжными комиссіями. И послѣ казни народъ продолжалъ волноваться. Ночью сняты были тѣла повѣшенныхъ и пришлось пустить въ ходъ угрозы, чтобы заставить крестьянъ снова поднять ихъ на висѣлицу²⁾. Когда король удалился изъ Сентъ-Албана, аббатство испытало на себѣ всѣ послѣдствія народной ярости. Въ населеніи ходилъ слухъ, что настоятель далъ королю большую сумму, чтобы побудить его къ приходу. Во время процесса крестьяне пустились противъ аббата обвиненіе въ томъ, что онъ первый послалъ ихъ къ лондонскимъ ополченцамъ и тѣмъ сдѣлался виновникомъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій. Не желая подчиниться мельничной монополіи, они, несмотря на новый приказъ короля, рѣшились покупать муку на сторонѣ, а когда такое поведеніе вызвало репрессію, послѣдовалъ пожаръ монастыря, причемъ всѣ услія открыты виновника оказались тщетными³⁾. Поведеніе Трезиліана въ Сентъ-Албанѣ существенно не отличалось отъ того, какое позволяли себѣ лондонскіе судьи съ Вольворсомъ во главѣ, кентскіе—съ Лазушемъ и норфолькскіе—съ Вильгельмомъ де-Уффордъ⁴⁾.

Всюду части подсудимыхъ обѣщано было прощеніе подѣ условіемъ, если они выдадутъ сообщниковъ. Характерный примѣръ этому мы находимъ въ процессѣ Іоганна Вроу, одного изъ главныхъ вожаковъ движенія въ Суффолькѣ. Онъ пытается вовлечь въ общую съ нимъ отвѣтственность нѣкоего Томаса де-Корнирдъ, рыцаря, и только передъ смертью соглашается снять съ него это обвиненіе⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подсудимому предоставляется доказать свою правоту поединкомъ съ обвинителемъ. Такъ, напримѣръ, вслѣдъ за вторымъ возстаніемъ въ Кентѣ, Джонъ Котъ, сдѣлавшій доносъ на Джона Стертаутъ и Вильгельма изъ Дальтона, долженъ былъ, какъ мы видѣли, принять поединокъ съ обвиняемыми⁶⁾. Побѣда осталась за нимъ и они были повѣшены. Тотъ же Котъ, мѣсяць спустя,

¹⁾ *Вольсингамъ*, т. II, стр. 32; *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 332.

²⁾ *Gesta*, т. III, стр. 355; *Вольсингамъ*, т. II, стр. 40.

³⁾ *Gesta*, т. III, стр. 360—364.

⁴⁾ Въ Кентѣ во главѣ судебной комиссіи стоялъ тотъ же Трезиліанъ, въ Суссексѣ—Вольворсъ.

⁵⁾ „Johannes Wrawe quesitus est ab eo si ipse appellum suum manutenere velit necne qui dicit quod non“. *Coram Rege Rolls*, 5, Ric. II. De termino Paschae, c. Suff. k.

⁶⁾ 25 октября 1381 г. *Archeologia cantiana*, т. IV.

дѣлаетъ подобный доносъ и на нѣкоего Вильяма Атевель, но присяжные объявляютъ его невиннымъ и Коту предстоитъ казнь. Тогда норвичскій епископъ заступаетъ за него и король прощаетъ донощику, очевидно, въ награду за оказанныя услуги. Приведенные факты даютъ право положиться на свидѣтельство Мальверна, что, желая избѣжать казни, многіе предательски обвиняли ближнихъ ¹⁾.

Тотъ же лѣтописецъ рассказываетъ, что нѣкоторые лица возводили лживыя обвиненія на своихъ враговъ, мстя имъ за старыя доносы ²⁾. Кнайтонъ утверждаетъ то же, говоря: кто былъ обвиненъ предъ судьей Трезилланомъ по справедливости или изъ ненависти, неминуемо приговариваемъ былъ къ казни ³⁾. О числѣ смертныхъ приговоровъ можно судить по тому, что, какъ говоритъ Мальвернъ, прежнихъ висѣлицъ не хватало и заведены были новыя. За повѣшеніемъ слѣдовало отсѣченіе головы, нерѣдко также тому и другому предпосылалось вскрытіе живота и сожженіе внутренностей. Подчасъ одинъ и тотъ же трупъ вѣшали въ четырехъ разныхъ концахъ города ⁴⁾. Среди Лондона, на одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ Сити, въ Чинсайдъ, устроенъ былъ эшафотъ и приготовлена сѣкира. Экзекуція поручалась часто женамъ потерпѣвшихъ фландрцевъ ⁵⁾. Вѣшали на одной висѣлицѣ до десяти человѣкъ, нерѣдко и болѣе. Число изведенныхъ казнью было, однако, значительно меньше числа избитыхъ дворянскими ополченіями: эвесгамскій монахъ считаетъ, что помѣщики при подавленіи возстанія истребили болѣе семи тысячъ ⁶⁾. Когда, такимъ образомъ, дѣлая толпища крестьянъ искупили жизнью попытку выйти изъ неволи и даже въ высшихъ слояхъ сталъ слышаться ропотъ противъ чрезмерныхъ жестокостей ⁷⁾, король, съ согласія членовъ совѣта, рѣшился, какъ говоритъ Мальвернъ, положить конецъ излишнему усердію своихъ судей ⁸⁾. Созванный вскорѣ затѣмъ парламентъ ходатайствовалъ о выдачѣ грамоты о прощеніи. Эти послѣднія буквально гласили слѣдующее: «Отпускаемъ такому-то отвѣтственность за нарушеніе мира и злодѣянія, совершенныя имъ по 14 декабря 1381 года» (конечный срокъ возстанія, на-

¹⁾ „Celeris accusatii ut citius mortem evaderet onere gravissimae militiae depressus perfidi accusatoris satisfacit per singula vota...“ *Hyghden*: „Polychronicon“, т. IX, стр. 8.

²⁾ „Plurimi sui singuli erga quos anescentis odi, malitia movebantur tanti malefici crimen inponebant ut vel tali objectionis titulo diu affectatam in has quos adernat explerent vindictam“. *Ibid.*, стр. 8 и 9.

³⁾ *Apud Twynden*, стр. 2644.

⁴⁾ *Ibid.*, *Knyghton*.

⁵⁾ *Malvern* (*Hyghden*, т. IX, стр. 8): „Truncus ligneus cum securi in medio chepe positus erat in expeditionem amputationis uxoribus Flandrensiurn data potestas decollandi“.

⁶⁾ *Historia vitae et regni Ricardi II* (Hearne), стр. 32.

⁷⁾ См. объ этомъ у *Malvern*.

⁸⁾ Кнайтонъ хвалитъ Трезиллана за то, что, отмщая совершенныя матежниками убійства судей и присяжныхъ, онъ „ubique discurrens et nulli parcens fecit frugum magnum... Nec ipse aliquam repercit vicem pro vice rependens“.

чало котораго, какъ видно изъ другихъ одновременныхъ писемъ короля, за большою печатью, Ричардъ относить къ маю мѣсяцу). Помилованіе не распространялось на частныхъ воровъ и убійцъ и на лицъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы *).

Ходатайствуя о расширеніи королевской амнистіи, общины, въ то же время, представили цѣлый списокъ лицъ, подлежащихъ немедленной казни. Этотъ списокъ сохранился въ протоколахъ парламента и представляетъ самое любопытное свидѣтельство о характерѣ ближайшихъ виновниковъ движенія. Парламентъ называетъ ихъ *principales ductores et insertores*, т.-е. вожаками и зачинщиками. Число ихъ въ разныхъ графствахъ различно: всего больше въ Лондонѣ, разумѣя подъ нимъ какъ Сити, такъ и графства Сэрре и Миддлсексъ. Затѣмъ слѣдуютъ Кентъ и Кентербери, Эссексъ, Норфолькъ и Суффолькъ, Кембриджъ, Суссексъ и Сомерсетъ, Винчестеръ и Гартфордъ. На одну Сити приходится 150 человекъ, а если прибавить къ ней и Миддлсексъ, то 173. Въ другихъ графствахъ осуждены на казнь, гдѣ, какъ въ Кентѣ, 20 человекъ, а гдѣ, какъ, въ Сомерсетѣ или въ Суссексѣ, всего 13 и 8. Для Норфолька и Суффолька, вмѣстѣ взятыхъ, указано 36 человекъ, для Эссекса—11, для Сомерсета—13, для Винчестера—8, для Гартфорда, гдѣ произошли уже казни вожаковъ сенть-албанскаго движенія, всего четыре.

Въ двухъ городахъ, Кентербери и Кембриджѣ, насчитывается въ первомъ 8 приговоренныхъ къ смерти, во второмъ 4. Прочитывая самые списки, мы убѣждаемся въ томъ, что движеніе вытекло въ равной мѣрѣ изъ среды какъ сельскаго, такъ и городского простонародья. Не только не встрѣчается аристократическихъ именъ, но и мастера-ремесленники рѣдки, все больше ученики-подмастерья, *apprenticis*. За то представлены всѣ промыслы. Мы находимъ и пахаря (*laborer*), и сѣятеля (*sower*), и молотильщика (*grunder*), и пастуха (*shepherd*), и сельскаго наймита (*servins*), и плотника (*carpenter*), и кузнеца (*smith*), и лодочника (*boteman*), и каменщика (*manon*), и кровельщика (*tylere*), и кабатчика (*taverner*), и повара (*cook*), и пивовара (*brewere*), и цирюльника (*barberes*). Въ городахъ ученики (*apprenticis*) всѣхъ возможныхъ промысловъ стоятъ рядомъ съ домашнею прислугой, начиная отъ привратника (*portur*) и лакея (*woleys*) и оканчивая садовникомъ (*gardines*), лѣсникомъ (*forster*) и подвальнымъ (*wynedrauer* и *rurer*). Особенно многочисленны ткачи и вообще лица, занятые низшими видами труда въ шерстяномъ промыслѣ. Слова; *webbe*, *corde maker*, *bosier*, *sherman*, *fouller*, *dyer*, *taillour*—встрѣчаются на каждомъ шагѣ; но всѣ эти ткачи, веревочники, бѣлошвей, стригальщики, валяльщики, портные—не болѣе, какъ лица, работающія на хозяевъ. Это тотъ самый классъ, изъ котораго вербовались главные участники извѣстнаго возстанія «Сіомпрі» во Флоренціи и одновременныхъ движеній народной черни въ Сіенѣ. Не мало лицъ, занятыхъ отдѣльными видами кожевеннаго производства, начиная

*) *Parliamentary Rolls*, т. III, стр. 119.

отъ дубильщика (skupper) и сапожника (shoemaker) и оканчивая перчаточникомъ (glover) и сѣдельщикомъ (sadelers). Точильщики (tourner) также попадаются не рѣдко. Менѣе часты указанія на желѣзниковъ (fegour), на шпорниковъ (sprogiers) и вообще на лицъ, занятыхъ обработкою металловъ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ (goldsmith) упоминается всего разъ; изъ торговыхъ профессій представлены по преимуществу коробочники (cobelers) и вѣтовщики или старьевщики (peddelers). Отсутствуютъ оптовщики, нѣтъ ни торговцевъ праностями, ни лицъ, связанныхъ съ отпускомъ шерстяныхъ тканей за границу, ни, разумѣется, иностранныхъ купцовъ, ганзейскихъ, ломбардскихъ или фланманскихъ. Изъ лицъ высшаго общественнаго положенія болѣе другихъ представлены сельскіе священники,—не столько настоятели церквей, сколько ихъ викарные и замѣстители (vicarius et capellanus): въ Норфолькѣ Вильгельмъ Квинбергъ, капланъ изъ Скопгау, въ Суффолькѣ уже знакомый намъ Іоганъ Вроу, капланъ, и Альфредъ Парфе, викарный церкви Всѣхъ Святыхъ въ Судбери; о двухъ другихъ значится, что они *personaе* такой-то или такой-то церкви; это значить, что они принадлежать не къ священно, а церковно-служителямъ. Въ Эссексѣ упоминается Іоганъ Тайлоръ, капланъ. Въ городахъ, какъ и можно было ожидать, лица духовнаго званія совершенно отсутствуютъ. Будучи больше на глазахъ у епископа, городскіе священники не могли, очевидно, вербоваться изъ среды единомышленниковъ Боля и послѣдователей церковныхъ доктринъ Виклефа, такъ называемыхъ лоллардовъ. Что касается другихъ либеральныхъ профессій, то упоминаются только клерки или второстепенные нотаріальные служители и писцы (scriveyn). Только одинъ разъ встрѣчается имя адвоката—мастеръ (magister) Джонъ Ферруръ изъ Рочестера, но за то есть указаніе на участіе нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ къ числу если не дворянъ, то живущихъ дворянскимъ образомъ, т.-е. безъ определенной профессіи. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, въ Норфолькѣ Thomas gentilhomme de Buxton. Есть также не мало городскихъ обывателей, занятія которыхъ не указаны, повидимому, потому, что они жили своими рентами. Въ общемъ большинство вполне отвѣчаетъ тому представленію, какое Гауеръ даетъ намъ объ участникахъ крестьянскаго движенія въ своей извѣстной *Vox clamantis*. Будучи самъ землевладѣльцемъ въ Кентѣ *), Гауеръ, въ поэмѣ, написанной вскорѣ послѣ окончанія крестьянскаго движенія, легко могъ изобразить видѣнное или слышанное имъ отъ непосредственныхъ свидѣтелей**). Въ II главѣ первой книги англійскій поэтъ рисуетъ намъ картину безчинствъ, совершенныхъ мятежниками: Іотъ влечетъ, Томъ идетъ и Симонъ поспѣшаетъ, Гибу и Гибу данъ

*) См. *John Gower's: „Beziehungen zu Chaucer und König Richard II.“* Вон, 1889 г., стр. 24.

**) Самъ онъ говоритъ, что передаетъ не только то, что видѣлъ собственными глазами, но и то, чему другіе были свидѣтелями и что онъ узналъ изъ ихъ разсказовъ. См. *Gower: „Poema, quod vocatur vox clamantis“* (Roxburgh Club). Introduction, стр. XI.

приказъ явиться, Болъ воруется въ сообществѣ съ Геффомъ и Вильъ обещаетъ помочь обомъ, Гриджъ грабитъ въ то время, какъ Дау наноситъ удары. Обомъ поддерживаетъ Гобъ, Лорьянъ не хочетъ уступить никому. Цебъ грозить, Юдъ бросаетъ на землю, Гудъ поражаетъ мечомъ, Жакъ убиваетъ кого ему вздумается, Гогтъ обнаруживаетъ свое великолѣніе и считаетъ себя по благородству выше короля, а Болъ, пророкъ, поучаетъ получивши самъ воспитаніе отъ того лукавого духа, который и былъ основателемъ всей школы (намекъ на Виллефа). Но если, такимъ образомъ, низшіе классы общества почти одни участвуютъ въ рядахъ инсургентовъ, то какъ объяснить, что въ спискахъ конфискованныхъ за измѣну имуществъ въ одномъ Кембриджѣ и Гентингдонѣ указано до пятидесяти случаевъ уплаты штрафовъ изъ имѣній и доходовъ, принадлежавшихъ участникамъ возстанія *)?

Надо помнить, что движеніе въ Кембриджѣ приняло особый характеръ и что, благодаря враждебности города къ университету, почти всѣ классы общества участвовали въ немъ. Вотъ почему въ спискѣ конфискацій встрѣчаются отсутствующіе въ другихъ мѣстахъ суконщики (drapers), принадлежавшіе къ числу цеховой аристократіи, собственники перѣдко восьми лавокъ, свободные владѣльцы и сѣмщики чужихъ земель (*libere tenentes et firmarii*). Сказаннаго недостаточно, однако, чтобъ объяснить значительное число земельныхъ пользователей, тѣмъ болѣе, что оно встрѣчается и въ другихъ спискахъ, напримѣръ, въ томъ, какой составленъ былъ 25 октября, въ 5-й годъ правленія Ричарда, нѣкіемъ Іоганомъ Ридъ, королевскимъ escheater въ Норфолькѣ и Суффолькѣ. И въ немъ встрѣчаются десятки лицъ, поставленныхъ внѣ закона, «*utlagati*», казенныхъ за измѣну королю или бѣжавшихъ отъ преслѣдованія, *fugitivi pro prodicione*. Объ всѣхъ значитъ, что изъ ихъ имущества король получилъ или долженъ получить то десятки шиллинговъ, то нѣсколько фунтовъ **).

Недоразумѣнія исчезаютъ, разъ мы примемъ во вниманіе ту тѣсную связь, въ какой стояли въ XIV вѣкѣ съ землею не только крестьяне, но и ремесленники, особенно тѣ, которые отправляли свои промыслы въ селахъ. По этой причинѣ и владѣльцы вѣрностныхъ надѣловъ, еще несшіе

*) См. въ *Record Office Exchequer Law Treasury Remembrant*. „Enrolled accounts of Escheators“, № 18 (R.II). *Comptus Ricard: Wykes Esch. Regis Ricard II in comitatibus Cautebret Huntingdon a 12 die Nov. a 4 usque ad 15 diem Decembris*.

**) Напримѣръ, Джонъ Сутокъ изъ Тоттингтона, бѣглецъ, обложенъ штрафомъ въ четыре фунта шесть солидовъ. Они будутъ уплачены изъ имущества виновнаго взявшимъ его на поруки. Іоганъ Ботцъ обложенъ сорока шиллингами; такъ какъ онъ въ бѣгахъ, то платежъ произведенъ будетъ изъ его имущества женою и двумя сестрами. Отмѣтимъ также, что лица, потерявшія отъ погрома, представляютъ противъ отдѣльныхъ виновниковъ искъ на сумму перѣдко въ десять фунтовъ. Такъ поступаетъ, напримѣръ, помѣщикъ Гуговъ Фаистольфъ; причиненные ему убытки одними въ двадцать четыре фунта и онъ требуетъ ихъ съ Джона Кифка изъ Болстона, и такъ какъ послѣднійго не оказывается на мѣстѣ, то уплата падаетъ на его управителя (*bolivus*).

арщину кузнецы, плотники, кожевники, сѣдельщики, валяльщики, каменщики, красильщики, маляры и т. п., фигурируютъ въ счетахъ королевскихъ конфискаторовъ на правахъ если не собственниковъ, то владѣльцевъ съ опредѣленнымъ годовымъ доходомъ.

Предводитель крестьянскихъ бандъ, разсѣянныхъ епископомъ норвичскимъ, Альфредъ Листеръ, котораго Вольсингамъ объявляетъ красильщикомъ изъ Норвича *), оказывается владѣльцемъ весьма скромнаго, правда, имущества, изъ продажи котораго можно выручить всего-на-всего девять солидовъ. Не большимъ капиталомъ (*catalla*) располагаетъ и капланъ Стефанъ изъ Фельдгама, также «измѣнникъ и потому поставленный внѣ закона», *utlagus*, и нѣкій Робертъ кузнецъ изъ Риделингтона, бѣглець, измѣнникъ. Но рядомъ съ ними Ричардъ де-Боменъ, также скрывавшійся отъ преслѣдованій, уже владѣетъ имуществомъ, достаточнымъ для уплаты штрафа въ 25 солидовъ, а Джонъ Россель по иску аббата Эдмундсбери платить изъ своего состоянія за убытки сорокъ шиллинговъ. Послѣдніе два, а также Юганъ Бутцъ изъ сѣвернаго Вальтгама и Джонъ Сутонъ изъ Тотингтона, съ которыхъ конфискаторъ взыскиваетъ два и четыре фунта шесть шиллинговъ, очевидно, свободные владѣльцы, снимающіе землю у помѣщиковъ и въ томъ числѣ у аббатства. Въ Кембриджширѣ и Гентингдонѣ, гдѣ, по указаннымъ выше причинамъ, число зажиточныхъ лицъ, принявшихъ участіе въ движеніи, является болѣе значительнымъ, все же съ тридцати восьми лицъ экзиторъ получаетъ всего 88 фунтовъ 12 солидовъ и 11 пенсовъ. Большая часть этой суммы составлена изъ имущества такихъ владѣльцевъ и фермеровъ, какъ Юганъ Бруксъ, голова котораго отсѣчена была въ окрестностяхъ Рамзэ (мѣсто пребыванія извѣстнаго аббатства) или Юганъ Канчагъ, также потерявшій голову въ Кентербери. Этотъ послѣдній снимаетъ земли въ разныхъ мѣстностяхъ въ предѣлахъ Кентерберійскаго діоцеза и діоцеза епископа Эли, почему послѣдній, ссылаясь на тексты старинныхъ грамотъ, надѣлившихъ его предшественниковъ правомъ обращать въ свою пользу имущества бѣглыхъ преступниковъ (*catalla felonum fugitivorum*), требуетъ поступленія конфискованной собственности въ свои руки. Имущества обоихъ виновниковъ оцѣнены приблизительно въ 20 фунтовъ. Значительную часть общей суммы (88 фунтовъ) составляетъ также собственность повѣшеннаго въ Кембриджѣ владѣльца восьми лавокъ, Джона Когесгеля, и Вильгельма Бокингамъ, о которомъ значително, что онъ держалъ въ своихъ рукахъ девять участковъ въ Генгтонѣ, заключавшихъ 61 акръ пахоти и два акра пастбища. Эти земли приносятъ ежегоднаго

*) *Вольсингамъ*, томъ II, стр. 5. Сентъ-албанскій лѣтописецъ называетъ его *Littester*, Фруассаръ говоритъ о немъ какъ о *Listier*. Эта послѣдняя транскрипція правильнѣе, такъ какъ въ официальныхъ источникахъ онъ значително *Lyster* и, притомъ, не Ивановъ, а Альфредомъ. Въ счетѣ королевскаго экzitора въ Норфолькѣ и Суффолькѣ стоитъ буквально: „*Henricus Botter de Felmyngham et Agnes quondam uxor Galfridi Lyster de cadem debet reddere de bonis et catallis ejusdem Galfridi decollati pro prodicione—IX solidos*“.

дохода 18 солидовъ 6 пенсовъ. Такъ какъ, значитса въ счетъ королевскаго конфискатора, Вильямъ Бокингамъ поднялъ знамя возстанія съ четырнадцатаго іюня, т.-е. съ пятницы, слѣдующей за праздникомъ *Corpus Christi*, то земли его взяты въ управленіе казною. Изъ числа остальныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ счетѣ, два кузнеца, Джонъ Смисъ и Вильямъ Смисъ, производятъ наиболѣе крупныя платежи: первый, напримѣръ, 74 солида 4 пенса. Такъ какъ Джонъ Смисъ казененъ, то его имущество поступаетъ въ руки пріора въ Гентингдонѣ, пользовавшагося, очевидно, тѣмъ же правомъ на оставленную преступниками собственность, на какое претендовалъ епископъ Эли.

Несравненно меньшимъ доходомъ владѣють прочія лица, упомянутыя въ счетѣ, т.-е. громадное большинство. Съ Вильгельма суконщика едва ли не взыскивается наибольшая сумма штрафа, а именно 8 солидовъ 9 пенсовъ, остальные отвѣчаютъ предъ казною всего въ размѣрѣ нѣсколькихъ солидовъ и еще чаще пенсовъ; такъ какъ большинство ихъ въ бѣгахъ, то взносъ штрафа порученъ управителямъ или сосѣдямъ, которые вправѣ продать всю собственность въ уплату. Самый размѣръ взысканій стоитъ въ связи съ величиной имущества. Такъ какъ всего чаще у отправляемаго на казнь не оказывается никакой собственности, то въ судебныхъ протоколахъ стоитъ одно краткое заявленіе: *et non habet bona et catalla* *). Въ рѣдкихъ случаяхъ эта фраза замѣняется другой: *et inquiratus de bettis et catallis suis*. Такимъ образомъ, общее впечатлѣніе, выносимое нами изъ счетовъ королевскихъ конфискаторовъ, ни мало не подрываетъ того положенія, что движеніе 1381 года вытекло по преимуществу изъ среды дельса, какъ сельскаго, такъ и городскаго, и нашло только рѣдкихъ союзниковъ въ землевладѣльческомъ сословіи, да и то не въ средѣ собственническомъ а второстепенныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ.

Максимъ Ковалевскій.

*) См. *Coram Rege Rolls* 5. Ric. II, графства: Эссексъ, Кентъ, Сэрре, Миддлсексъ, Норфолькъ и Суффолькъ.

Очерки провинціальной жизни.

Живя въ деревнѣ, вы на каждомъ шагѣ видите, какъ сильны еще привычки, чувства, взгляды крѣпостного времени. Если Ивана, Василья, Степана, Дарью, Варвару рѣдко уже называютъ Ванькой, Васькой, Степкой, Данькой, Варькой, то обращеніе къ народу на *ты* остается до сихъ поръ господствующимъ. На Западѣ обращеніе къ рабочему на *ты* составляетъ оскорбленіе; тамъ сознание гражданскаго равенства вошло уже въ плоть и кровь общества; у насъ въ обращеніи съ народомъ весьма ярко проявляются слѣды недавняго рабства. Джентльменъ съ равными и высшими считаетъ ни за что обругать рабочаго человѣка по самому пустому поводу. Пропутешествуйте въ крестьянской одеждѣ недѣлю, другую и тогда вы увидите, какъ мало уважается личность народа. Въ № 31 *Недѣли* напечатано письмо какого-то помѣщика, въ которомъ онъ свой родной народъ называетъ «темнымъ стадомъ»,—не толпою, а именно стадомъ,—и выражаетъ къ этому стаду свое полное презрѣніе. Газета справедливо считаетъ такое письмо типичнымъ, ради чего она его и напечатала. Сотни лѣтъ,—справедливо замѣчаетъ газета,—дворяне сидѣли въ крѣпостное время у себя въ усадьбахъ и научились смотрѣть на мужика не какъ на своего ближняго, а какъ на какое-то особое, «подлое» существо, съ особою «черною востью»,—существо, не имѣющее права на свободу и счастье. Вспомните, что еще такъ недавно, оставаясь «благороднымъ», можно было не только лишитъ свободы, оскорбить человѣка, унижить, прибить, отнять у него имущество, дѣтей, осквернить жену, лишитъ отечества (сослать въ Сибирь), но можно было промѣнять человѣка на собаку, продать, заложить, и что право на все это было даже исключительнымъ признакомъ благородства. Крестьянинъ, коренной гражданинъ государства—вещь, собственность дворянина. Только великій актъ 19 февраля разсѣкъ эту вѣковую, безобразную ложь и призналъ въ крестьянинѣ человѣка. Но вѣковая ложь исчезаетъ не скоро. Еще очень многіе помѣщики остались въ полномъ невѣжествѣ: попрежнему они смотрятъ на крестьянина и не понимаютъ его,—все онъ еще кажется имъ не *человѣкомъ*, а животнымъ изъ «стада», существомъ низшей расы.

Какъ мало перемянутся съ достоинствомъ личности рабочаго человѣка, какъ мало уважаютъ его законнѣйшія права—объ этомъ въ нашихъ очеркахъ приводятся непрерывно яркіе примѣры. Вотъ два новыхъ случая, показывающихъ, до какихъ—едва мыслимыхъ—размѣровъ доходитъ похищеніе правъ крестьянскаго населенія. Въ Васильскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, земскій начальникъ, къ изумленію всей волости, велѣлъ перевести мезонинъ волостного правленія на домъ своего любимца. Вотъ какъ рассказывается объ этомъ въ *Самарской Газетѣ*. У крестьянина Филюкова есть дочь, которая показалаеь бывшему земскому начальнику весьма подходящей для роли «экономки». Отъ судьбы, какъ говорится, не уйдешь, но умные люди пользуются, по крайней мѣрѣ, ея дарами. Филюковъ—мужичокъ очень умный. Въ виду этого, онъ избралъ себѣ профессію сельскаго «аблакаты» въ томъ самомъ участкѣ, въ которомъ дочь его занимала столь выдающееся положеніе. Адвокатскія способности сего взысканнаго судьбою человѣка оказались столь блестящими, что онъ выигрывалъ у земскаго начальника даже такіа дѣла, которыя послѣднему вовсе и не подсудны. За симиъ взысканный судьбою человѣкъ задумалъ построить себѣ хоромы, приличныя его новому званію. И что же? Крестьяне трехъ обществъ во внезапному душевному порыву стали возить ему (бесплатно и радостно) строевой лѣсъ на постройку. Правда, въ семьѣ не безъ уroda: одинъ изъ старостъ отказался наряжать мірянъ на «добровольную» повинность и за это отсидѣлъ въ кутузкѣ. Филюкову этотъ небольшой инцидентъ не помѣшалъ, однако, благополучно вывести свои палаты подъ крышу, и пришло, наконецъ, время подумать объ «увѣнчаніи зданія». Взысканный судьбою человѣкъ, какъ извѣстно, всегда нѣсколько прихотливъ и, пожалуй, даже причудливъ. Филюкову стало почему-то казаться, что его хоромы будутъ не хоромы, ежели онъ ихъ не украситъ мезониномъ, принадлежащимъ мѣстному волостному правленію. Идея, разумѣется, совершенно безумная, но оказалось, что нѣтъ ничего невозможнаго въ Васильскомъ уѣздѣ. Вскорѣ смѣлыя архитектурныя мечтанія Филюкова возымѣли практическое осуществленіе. Старшина получилъ отъ г. земскаго начальника письменное распоряженіе, коимъ начальникъ приказывалъ ему, не спрашиваясь у стара, продать мезонинъ волостного правленія желающимъ стороннимъ лицамъ, причемъ, въ качествѣ наиболѣе подходящаго покупателя, въ той же официальной бумагѣ рекомендовался Филюковъ. А чтобы жадные мужики не прижали добраго старичка цѣной, то и сумма предусмотрительно назначена въ бумагѣ: тридцать рублей!... Цѣна, разумѣется, для старика вовсе не обидная, такъ какъ подобные мезонины, вообще говоря, стоить во много разъ дороже. И вотъ происходитъ въ Васильскомъ уѣздѣ волшебное событіе: удивленные міряне видятъ, какъ въ одинъ прекрасный день мезонинъ волостного правленія свозакивается съ исконнаго мѣста и «увѣнчивается зданіемъ» родителя экономки земскаго начальника. Это маловѣроятное происшествіе констатировано официальнымъ дознаніемъ, такъ какъ нѣ оторое—и, притомъ, не малое—время спустя высшія политическія конъюнктуры

въ Васильскомъ уѣздѣ измѣнились въ сторону невыгодную для г. З., и г. Васильскій предводитель дворянства счелъ нужнымъ ознакомить губернское присутствіе съ фактами, которые ему, разумѣется, были извѣстны очень давно. Произведено дознаніе, факты подтвердились и земскому начальнику предложено выйти въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ».

А вотъ другое, столь же поразительное самоуправство уѣздной власти. Нѣкоторые изъ крестьянъ села Никольскаго, Самарской губерніи,—разсказываетъ *Самарскій Вѣстникъ*,—захотѣли подѣлить свою землю на личныя души, о чемъ и стали хлопотать передъ мѣстнымъ земскимъ начальникомъ. Несмотря на то, что хлопотали объ этомъ не всѣ крестьяне, а только тѣ, кому новый передѣлъ земли былъ выгоденъ, а такихъ набралось около $\frac{1}{3}$, всѣхъ однообщественниковъ, земскій начальникъ одобрилъ желаніе крестьянъ и потребовалъ у общества приступить немедленно къ новому передѣлу. Но когда дѣло дошло до схода, то большинство крестьянъ высказалось противъ передѣла. Несмотря на полную законность постановленія схода, земскій начальникъ сдѣлалъ изумительное распоряженіе: онъ *воспретилъ крестьянамъ пахать земли*, и они вслѣдствіе этого до сихъ поръ не провели въ полѣ ни одной борозды и, конечно, останутся на будущій годъ безъ ржаного посѣва: это—во-первыхъ; а во-вторыхъ, если крестьянамъ запрещено будетъ пахать землю осенью, то они могутъ остаться также и безъ ярового посѣва, а это ужъ прямо грозитъ крестьянамъ положительнымъ разореніемъ.

Чистокровными крѣпостниками «добраго стараго времени» ведутъ себя нерѣдко даже люди съ высшимъ образованіемъ. Вотъ, напримѣръ, что разсказывается въ письмѣ изъ Златоустовскаго уѣзда въ *Недѣлю* объ управителѣ Саткинскаго казеннаго завода, г. Панцержинскомъ. Г. Панцержинскій—горный инженеръ, т.-е. человекъ съ высшимъ образованіемъ; повидимому, ему не должны быть чужды нѣкоторые нравственныя понятія, а, между тѣмъ, вотъ что онъ себѣ позволяетъ: 17 іюля онъ охотился на границѣ казенной дачи, прилегающей къ землямъ частныхъ желѣзныхъ рудниковъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и гг. Балашевыхъ, причемъ замѣтилъ, что нѣсколько рудничныхъ крестьянъ косятъ траву въ предѣлахъ казенной дачи; необходимо замѣтить, что рудничнымъ крестьянамъ, содержащимъ большое количество лошадей для зимней возки руды въ заводы, не хватаетъ своего сѣна, и они каждый годъ покупаютъ часть покосовъ у крестьянъ Саткинскаго завода. Г. Панцержинскій, не давъ даже себѣ труда спросить крестьянъ, куплена ли ими трава (а она была ими куплена), навидывается на нихъ съ ругательствами, ломаетъ у нихъ косы, опрокидываетъ котелки съ ѣдой и избиваетъ въ кровь ихъ физиономіи, причемъ одного изъ работниковъ, башкира Ахмата Батеева, изо всѣхъ силъ ударяетъ въ лицо револьверомъ и разбиваетъ ему скулу подъ самымъ глазомъ настолько, что у него отваливается цѣлый кусокъ мяса; потеря крови была настолько сильна, что когда онъ добѣжалъ до рудничной боль-

ницы и фельдшеръ началъ дѣлать ему перевязку, онъ упалъ въ обморокъ. Весь этотъ разбойничій набѣгъ совершень г. Панцержинскимъ единственно изъ любви къ искусству. Ни въ чемъ неповинные крестьяне, разумѣется, и не подозрѣвали возможности такого варварскаго нападенія и не скрылись при приближеніи г. Панцержинскаго; напротивъ, они сняли шапки и поздоровались съ нимъ, онъ же набросился на нихъ съ плетью и револьверомъ. И это далеко не первый набѣгъ г. Панцержинскаго; незадолго передъ этимъ онъ избилъ крестьянина Саткинскаго завода Ивана Солодниковъ за то, что тотъ, ночуя въ лѣсу, осмѣлился развести огонь и взять съ собою ружье; когда же Солодниковъ хотѣлъ довести дѣло до суда, г. Панцержинскій постарался замять дѣло. Въ заводѣ же рѣдкій день обходится безъ мордобитій, которыя до сихъ поръ сходятъ безнаказанно для г. Панцержинскаго.

Безцеремонное отношеніе къ личности рабочаго челоуѣка, попраніе его правъ, безучастіе къ его жизненному положенію и здоровью,—всѣ эти явленія бросаются въ глаза какъ въ деревняхъ, городахъ, такъ и на фабрикахъ, заводахъ, не взятыхъ законодательствомъ подъ свою защиту. О положеніи рабочихъ, на примѣръ, на сахарныхъ заводахъ рассказываетъ слѣдующее одинъ изъ сотрудниковъ *Недѣли*, посѣтившій недавно заводъ, считающійся «благоустроеннымъ». Работаютъ на немъ до тысячи челоуѣкъ. Въ теченіе года подвергается обработкѣ до полутора миллионннхъ пудовъ. Заводъ огромный. Шестъ вакуумъ-аппаратовъ, свой подъѣздной путь, обошедшійся въ сто тысячъ рублей, электрическое освѣщеніе. Что касается условій труда, то они убійственны. Работаютъ по 12 часовъ въ день и 30 рабочихъ дней въ мѣсяцъ,—праздниковъ не имѣютъ. Почти во всемъ заводѣ температура воздуха страшно высокая. Работаютъ голышомъ, только покрываютъ голову бумажнымъ колпакомъ да вокругъ пояса носятъ короткій фартукъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, на прим., въ камерахъ, куда приходится втѣпывать телѣжки, нагруженныя металлическими формами, наполненными сахаромъ, жара доходитъ до 70 градусовъ. Этотъ адъ до того измѣняетъ организмъ, что и въ казармахъ, гдѣ рабочимъ приходится жить, они не выносятъ температуры ниже 30°. Работа голышомъ совсѣмъ заглушаетъ чувство стыда. Голые мужчины работаютъ въ одномъ отдѣленіи съ одѣтыми бабами. Въ интересахъ потребителей авторъ статьи обращаетъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство, замѣченное имъ при обходѣ завода. Рѣзка сахара на мелкіе куски производится съ помощью особыхъ машинъ, отъ которыхъ мелкая сахарная пыль летитъ во всѣ стороны и стоитъ въ воздухѣ. Весь полъ устланъ этою пылью. Вотъ въ такомъ-то отдѣленіи авторъ сообщенія видѣлъ несомнѣнныхъ сифилисниковъ, которые брали куски сахара своими руками, плевали на полъ и пр. Пыль съ пола подметается и идетъ опять въ дѣло на подбѣлку сахара. Тяжелыя работы, пропитанный сахарною пылью воздухъ обусловливаютъ развитіе на сахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ особой специфической болѣзни, которая, между прочимъ, выражается появленіемъ на кожѣ боц-

пшхъ язвъ и ранъ. И съ такими-то язвами рабочіе таскаютъ тяжелыя головы сахару, по нѣскольку за разъ, лазяютъ въ сушильныя камеры и проч. Санитарный надзоръ существуетъ лишь на немногихъ заводахъ, наприм., у графа Бобринскаго въ Смѣлѣ. На рафинадномъ заводѣ, кончая работы, рабочіе моются въ вонючей и грязнѣйшей водѣ. Зимомъ на одномъ большомъ заводѣ можно видѣть, какъ иногда по снѣгу бѣжать черезъ дворъ голый человекъ къ ватерклозету, помѣщающемуся далеко отъ главнаго корпуса. А бываетъ и такъ, что для избѣжанія столь непріятнаго путешествія по холоду рабочіе отправляютъ свои маленькія нужды и прямо въ чаны съ патокой.

Въ своемъ высокомѣрномъ отношеніи къ крестьянству помѣщики любятъ указывать на плохое состояніе его сельскаго хозяйства, какъ на доказательство косности и невѣжества массы. Но такое указаніе болѣе чѣмъ странно. Кто же не знаетъ, что земледѣіе на помѣщичьихъ земляхъ мало чѣмъ отличается отъ крестьянскаго, между тѣмъ какъ въ средствахъ для веденія промысла разница несомнѣнима. Тутъ сотни и тысячи десятинъ владѣнія, а тамъ двѣ - три десятины. Помѣщики платятъ ничтожный налогъ, а крестьяне обложены 100 и болѣе процентами ихъ земельного дохода. Крестьяне платили и продолжаютъ платить выкупныя платежи, а помѣщики ихъ получили. Милліарды, полученные помѣщиками изъ земельныхъ банковъ, ушли не въ землю, не на сельско-хозяйственныя улучшенія, а на удовольствія и роскошь, что и повело за собою раззореніе и ликвидацію дѣлъ въ массѣ имѣній. То, что мы приведемъ сейчасъ изъ газеты *Кіевлянинъ* о состояніи помѣщичьяго хозяйства въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесено къ большинству уѣздовъ нашего отечества. Переѣхавъ Дѣлѣпръ, — говоритъ г. Р—въ, — авторъ статьи *Попѣдка съ Переяславскій уѣздъ*, — хозяинъ Кіевской губерніи оказывается какъ бы сразу отодвинутымъ лѣтъ на двадцать, а то и болѣе по отношенію къ земледѣльческой культурѣ. То, что для него у себя дома сдѣлалось уже вполне нормальной потребностью, безъ чего онъ не можетъ мыслить свое хозяйство: желѣзные плуги, рядовыя сѣялки, жатвенныя машины, всѣ эти усовершенствованныя земледѣльческія орудія, прочно утвердившіяся въ большинствѣ даже такихъ хозяйствъ, въ которыхъ ежегодная запашка не превосходитъ двухсотъ десятинъ, въ громадномъ большинствѣ переяславскихъ хозяйствъ совершенно отсутствуютъ. Глядя на безконечныя равнины Переяславскаго уѣзда съ ихъ необычайно однообразными посѣвами хлѣбныхъ злаковыхъ растений, притомъ посѣвовъ, произведенныхъ вполне первобытнымъ способомъ, кажется, что находишься гдѣ-то очень, очень далеко, а не всего лишь въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Кіева. То, что называется разнообразіемъ хозяйственныхъ культуръ и что теперь кладется въ основу нормальной хозяйственной жизни, въ Переяславскомъ уѣздѣ почти совершенно отсутствуетъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ крупныхъ имѣній, вы повсюду видите рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, просо и гречиху, т.-е. именно тѣ

хлѣбныя растенія, однообразное производство которыхъ одинаково вредно влияетъ и на почву, на которой они воздѣлываются, и на рынки, куда вся эта масса хлѣбныхъ продуктовъ выбрасывается. Несмотря на то, что г. Р.—въ сдѣлалъ по уѣзду около 100 верстъ на лошадахъ по проселкамъ, онъ нигдѣ, рѣшительно нигдѣ, не видѣлъ посѣвовъ конскаго боба, вики, чечевичы, гороха, маку, рапса и проч., безъ которыхъ кievскія хозяйства уже довольно трудно мыслимы. И въ этомъ,—замѣчаетъ авторъ,—нѣтъ ничего удивительнаго. Разъ обработка почвы производится первобытнымъ способомъ, разъ о рядовыхъ сѣялкахъ имѣется только смутное представление, то о культурѣ помянутыхъ выше растений едва ли даже можетъ быть и рѣчь. Единственное изъ «новшествъ», привившееся въ хозяйствахъ Переяславскаго уѣзда,—это культура рожьей. Но и здѣсь, въ посѣвахъ рожьей, сказывается та же небрежность и то же неумѣнье какія характеризуютъ остальные хозяйственные культуры Переяславскаго уѣзда. При такомъ порядкѣ хозяйства, не мудрено, что Переяславскій уѣздъ оказывается столь безпомощнымъ во взносахъ разнаго рода платежей и даетъ ежегодно большое число имѣній, публикуемыхъ въ продажу за недолги. Дѣло просто. При сравнительно хорошемъ урожаѣ десятина земли, обработанная по завѣтамъ Гостомысла, въ заложенныхъ имѣніяхъ Переяславскаго уѣзда, дохода едва даетъ на покрытие обязательныхъ банковыхъ платежей и уплату повинностей. И, несмотря на это, даже землевладѣльцы, живущіе въ деревняхъ и не имѣющіе надобности разставаться съ этою жизнью, все-таки, отдаютъ свои земли исполу, а не ведутъ хозяйства самостоятельно. Здѣсь исполщина приводитъ къ тому, что «жизнь» такого землевладѣльца сводится къ простому прозябанію безъ радостей для себя и безъ пользы для окружающаго населенія. Переяславскія захоластья таятъ въ своихъ нѣдрахъ достаточное количество такихъ «баръ», культура которыхъ отличается отъ крестьянской лишь покроємъ платья и формою экипажей, и жизнь которыхъ поневолѣ сосредоточивается на мелочномъ скопидомствѣ. Словомъ,—заключаетъ авторъ,—куда ни посмотрѣть, за что ни взяться, всюду видны ясныя слѣды отсутствія культурности и даже стремленія къ ней.

Помѣщики имѣютъ полную матеріальную возможность помочь самимъ себѣ; улучшить хозяйство, поднять доходность имѣній—въ ихъ рукахъ. Иначе поставленъ въ этомъ отношеніи многомилліонный крестьянскій міръ. Безъ государственной и земской помощи онъ безсиленъ измѣнить строй сельско-хозяйственной жизни и поднять свое матеріальное положеніе. Что можетъ сдѣлать, на примѣръ, крестьянство Самарской губерніи,—губерніи, еще недавно пользовавшейся репутаціей житницы Россіи? Съ финансоваго точки зрѣнія губернія эта представляетъ собою огромный минусъ, такъ какъ недолги растутъ, а для оказанія продовольственной помощи населенію приходится постоянно прибѣгать къ обще-государственнымъ средствамъ. Упадокъ Самарской губерніи начался съ 1875 года, когда здѣсь разразился памятный еще многимъ голодъ. Не поддержанное во время

въ должной мѣрѣ, экономическое положеніе населенія пошло рѣшительно на ущербъ. Съ тѣхъ поръ недоимки быстро возрастаютъ и къ настоящему времени достигли громадной цифры. По свидѣтельству *Южнаго Края*, къ началу 1872 года недоимокъ по казеннымъ платежамъ числилось не болѣе 6% годового оклада; за двадцать же послѣднихъ лѣтъ онѣ увеличились въ 70 разъ. Въ 1875 г. онѣ превосходили окладъ и въ теченіе пятилѣтія стояли близко къ годовому окладу, но въ 1883 году составляютъ уже 231 процентъ годового оклада. Въ этомъ году манифестомъ сложено было 8 милл. руб.; но недоимки продолжали расти и къ началу послѣдняго голоднаго года перешли тройной годовою окладъ (306 проц.). Послѣ голоднаго года недоимка увеличилась, и къ 1894 году составляла 4 $\frac{1}{2}$ годового оклада. Но такъ какъ кромѣ казенныхъ недоимокъ есть еще земскія, то количество всѣхъ недоимокъ значительно больше и, по вычисленію губернской управы, къ срединѣ 1894 года онѣ равнялись 35 милліонамъ рублей. Заслуживаетъ вниманія, — говоритъ газета, — что, оказываясь несостоятельнымъ плательщикомъ передъ государствомъ и земствомъ, населеніе Самарской губерніи несетъ также огромные налоги въ пользу возникшаго въ послѣднее десятилѣтіе класса сельскихъ ростовщиковъ. По тѣмъ же исчисленіямъ, долги, числящіеся за крестьянами частнымъ лицамъ, превосходятъ по своимъ размѣрамъ даже общую сумму недоимокъ. Въ 1891 году ихъ зарегистрировано до 25 милліоновъ рублей. Если принять даже низшій процентъ, улачиваемый крестьянами по этимъ долгамъ, въ 25 р. за сто, то и тогда ежегодная дань въ пользу ростовщиковъ составитъ около 5 милл. руб. Дѣйствительные размѣры ея, конечно, много выше. Какъ результатъ всего этого — масса крестьянъ приходитъ въ полное раззореніе и превращается въ пролетаріатъ, на почвѣ увеличенія котораго создается новый типъ крупнаго кулацкаго хозяйства. Многіе полагаютъ даже, что именно этому хозяйству и принадлежитъ «будущее». Но, тогда, куда дѣнутся, гдѣ найдутъ работу всѣ лишившіеся земли? Вотъ вопросъ, надъ которымъ и надъ послѣдствіями котораго приходится раздумывать всякому, слѣдующему за ходомъ нашей экономической жизни.

Въ теченіе значительнаго уже періода времени земледѣльческая техника у насъ представляетъ, говоря вообще, почти полную неподвижность. Вслѣдствіе этого, въ то время какъ на нашихъ черноземныхъ почвахъ мы получаемъ не болѣе 8 гектолитровъ съ одного гектара обрабатываемой земли, во Франціи эта цифра повышается до 13—15 гектолитровъ, въ Швеціи, Норвегіи, Германіи — до 20, въ Бельгіи и Голландіи съ ихъ песками — до 25, а въ Англій даже до 27 гектолитровъ. Люди, живущіе на худшихъ земляхъ, но лучше вооруженные, умѣютъ получать отъ земли въ 2—3 раза больше нашего землевладѣльца и земледѣльца. Это обстоятельство, въ связи съ малымъ развитіемъ внѣземледѣльческихъ промысловъ, держитъ народъ въ бѣдности. Статистическія данныя о производствѣ въ Россіи хлѣба и его потребленіи свидѣтельствуютъ, что нашъ народъ потребляетъ на $\frac{1}{5}$ меньше, нежели тѣ, кто живетъ въ Англій. Это обстоятельство, въ связи съ темъ, что намъ нужно согласно съ требованіями гигиены. По причинѣ бѣдности народъ

нѣтъ и плохія жилища. Все это приводитъ къ тому, что европейская Россія стоитъ на первомъ мѣстѣ по смертности. Та же народная бѣдность порождаетъ сильное развитіе ростовщичества, а послѣднее, въ свою очередь, еще болѣе подкашиваетъ экономическую состоятельность населенія. Печать изобилуетъ сообщеніями о громадныхъ процентахъ, платимыхъ народомъ ростовщикамъ. Вотъ одинъ изъ образчиковъ современныхъ условій кредита для крестьянъ: недавно въ камерѣ земскаго начальника Болотинскаго уѣзда, Московской губерніи, читаемъ въ *Русскихъ Видомостяхъ*, разсматривалось дѣло по обвиненію старосты деревни Петровой, Протопоповской волости, Константина Васильева Богачева, въ отдачѣ въ ссуду денегъ подъ чрезмѣрные проценты. Свидѣтели и потерпѣвшіе, крестьяне деревень Петровой и Хлопки, сельъ Гололобова и Лыкова выяснили, на какихъ невозможныхъ условіяхъ приходится крестьянамъ пользоваться ссудами и какія вопіющія беззаконія совершаютъ мѣстные кулаки, пользуясь несчастіемъ ближняго, находящагося въ крайности. Нѣтъ надобности приводить всѣ показанія,—они въ общемъ сходны между собою,—достаточно указать хотя одно изъ нихъ. Крестьянка деревни Петровой Арина Петрова Меньшова показала: Семь лѣтъ тому назадъ брала у Богачева деньги, 24 рубля, на похороны мужа. Въ обезпеченіе исправнаго платежа Меньшова выдала Богачеву росписку, что продала корову. Процентомъ обязалась платить по 7 копѣекъ съ рубля въ мѣсяць. Въ Пасхѣ слѣдующаго года Богачевъ потребовалъ уплаты денегъ. Денегъ у Меньшовой не было. Богачевъ въ обезпеченіе уплаты процентовъ взялъ у Меньшовой женскую шубку, шерстяной платокъ, сорокъ четыре аршина холста и теплое пальто ея сына, всего на сумму около 40 рублей. Въ Петрову дню того же года Богачевъ вновь потребовалъ денегъ; у Меньшовой опять ихъ не было, и она, вмѣстѣ съ Богачевымъ, на его лошади, поѣхала на базаръ продавать корову. Продали за 24 рубля, деньги Богачевъ взялъ себѣ. Въ концѣ лѣта, для уплаты процентовъ, ѣздила опять съ Богачевымъ на базаръ. Продали трехъ овецъ. Деньги Богачевъ взялъ себѣ. Потомъ, осенью, ѣздили еще, продали трехъ телокъ—одну за одиннадцать рублей, а другую,—Меньшова не упомянуть,—за 10 или 12. Деньги Богачевъ взялъ себѣ. И теперь Богачевъ считаетъ за Меньшовой долгъ, сколько—Меньшова не знаетъ, но вещей Богачевъ не возвращаетъ, а также не возвращаетъ росписки о продажѣ коровы. Правдивость показанія Меньшовой подтверждается протоколомъ осмотра вещей у Богачева. Подъ протоколомъ подписался урядникъ Балкашинъ и понятые. По протоколу значится, что всѣ вещи Меньшовой найдены у Богачева, что стоятъ эти вещи 40 рублей. Подобныя же показанія даны еще восьми крестьянами, вызванными изъ разныхъ селъ и деревень. Кто занималъ на свадьбу, кто—на похоронъ, кто послѣ пожара, кто на обмененіе, кто на уплату податей и повинностей—всѣ одинаково, разъ заявивши у Богачева, попадали къ нему въ кабалу. Богачевъ, обезпечивая уплату долга и процентовъ фиктивными росписками о продажѣ скота, часто на сумму, превышающую долгъ, роспи-

никогда никому не возвращалъ, а потому разъ взявшему сеуду приходилось въ случаѣ нужды вновь обращаться къ этому благодѣтелю. Благодѣтель никогда не отказывалъ въ услугѣ, нужно—онъ и на базаръ, на своей лошади, свезеть послѣднюю скотину и послѣднюю одежду отбереть. И все это совершалось на законномъ основаніи, все по роспискамъ, скрѣпленнымъ печатью старостъ.

Чтобы пособить крестьянству въ его усиліяхъ справиться съ экономическими невзгодами и нуждою, большинство земствъ стало на путь распространенія въ массѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. Въ ряду такихъ земствъ пермское занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Накопленный земскими агрономами опытъ привелъ пермскую губернскую земскую управу, по сообщенію журнала *Хозяинъ*, къ слѣдующему плану правильной постановки сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій въ уѣздахъ. Каждый уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на однородные въ естественно-историческомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ районы и въ каждомъ районѣ должно быть устроено опытное поле или ферма, имѣющія дѣлю выработывать наиболее цѣлесообразные для мѣстныхъ условій способы хозяйства. Положительные результаты, добытые опытными полями, демонстрируются населенію на показательныхъ участкахъ, причемъ организація опытовъ лежитъ на обязанности особыхъ странствующихъ учителей-инструкторовъ, подъ общимъ руководствомъ завѣдующаго опытными полями. Эти инструкторы должны также знакомить населеніе съ усовершенствованными земледѣльческими машинами и орудіями, принимать заказы на сѣмена, минеральные удобрения, улучшенный инвентаръ и породистый скотъ. При опытныхъ поляхъ или другихъ болѣе удобныхъ пунктахъ устраиваются сельско-хозяйственные склады сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. Крестьянамъ разсылаются отчеты объ опытахъ, въ которыхъ выясняется значеніе послѣднихъ и причины, опредѣляющія тотъ или иной результатъ. Въ отчетѣ о дѣятельности агрономическихъ смотрителей за 1894 годъ опубликованы данныя о показательныхъ опытахъ по 8 уѣздамъ. Здѣсь имѣются свѣдѣнія о 914 опытахъ, разбросанныхъ по всему пространству уѣздовъ.

Заботясь энергично о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ массѣ населенія, пермское земство, равно какъ и другія земства, прекрасно понимаютъ, что этотъ путь воспособленія земледѣльческому населенію можетъ раскрыть свое полное значеніе лишь тогда, когда и государственная политика направится рѣшительно на улучшеніе быта сельскаго населенія. Земство своими мѣрами старается распространить сельско-хозяйственныя знанія во всей массѣ населенія, въ самые глухіе углы губерніи; но, очевидно, однихъ знаній еще недостаточно; населенію надо имѣть также матеріальныя средства для того, чтобы воспользоваться этими знаніями, чтобы приложить ихъ къ землѣ. Только государство своими широкими мѣропріятіями можетъ поставить сельское населеніе въ такія условія хозяйства, что оно пріобрѣтетъ нужныя для земледѣльческихъ улучшеній средства, и тогда

только наш земледѣльческій промыселъ встанетъ на путь правильнаго и благодѣтельнаго для всѣхъ развитія.

Выше говорено было о томъ, что безцеремонное отношеніе къ личности рабочаго человѣка, попираніе его правъ, безучастіе къ его жизненному положенію представляютъ до сихъ поръ слишкомъ обычныя явленія нашей ежедневной жизни. Это такъ. Но справедливо также и то что, на ряду съ ветхими завѣтомъ народомъ и наростаютъ отличные отъ него элементы жизни, выступаетъ «новая Россія». На всемъ обширномъ пространствѣ нашей родины замѣтно растетъ число людей, чутко относящихся къ народной нуждѣ и стремящихся приносить посильную помощь народу. Рѣдкій день не найдешь въ той или другой изъ провинціальныхъ газетъ сообщенія о появленіи въ той или иной мѣстности лица или кружка людей, работающих въ интересахъ народа. Это многообъщающее явленіе не рѣдко отмѣчается теперь провинціальною печатью. Справедливо говорить по этому поводу *Приазовскій Край*, что факты культурной работы интеллигенціи, направленной къ подъему умственнаго и матеріальнаго состоянія массы, *дѣлаются все болѣе и болѣе обыкновенными* въ нашей жизни. Всего болѣе извѣстій объ этой работѣ относится къ области народнаго просвѣщенія. Въ одномъ мѣстѣ открывається, благодаря усиліямъ кружка интеллигенціи или отдѣльнаго лица, народная библиотека; въ другомъ—устроены книжный складъ, имѣющій цѣлю распространять хорошія книги въ народной средѣ; тамъ открыта новая воскресная школа; здѣсь очень успѣшно идутъ народныя чтенія; въ пятомъ мѣстѣ, пріѣхавшая въ деревню ради лѣтняго отдыха, молодая интеллигентная дѣвушка; устраиваетъ импровизированную лѣтнюю школу для взрослыхъ; въ шестомъ мѣстѣ организуется подобіе народнаго театра; въ седьмомъ—устраиваются своего рода литературныя вечера въ деревнѣ; въ восьмомъ, благодаря пожертвованію состоятельнаго интеллигента, устраивается ежедневная школа. Въ значительно меньшемъ количествѣ встрѣчаются факты иныхъ видовъ культурной работы интеллигенціи, но и этого рода факты становятся все болѣе и болѣе частыми. Все чаще мы узнаемъ о врачахъ и фельдшерицахъ, которые выходятъ на не легкое поприще врачебной дѣятельности въ селахъ и деревняхъ за свой страхъ, безъ всякаго жалованья, рассчитывая лишь на вольную практику. Начинаемъ мы встрѣчать также интеллигентныхъ людей, посвящающихъ свою дѣятельность и свои спеціальныя знанія содѣйствию народнымъ вустарнымъ промысламъ—въ смыслѣ ихъ экономической организаци и поднятія техники. Есть уже и работники, посвятившіе себя распространенію, путемъ примѣра, сельско-хозяйственныхъ знаній въ народной средѣ. Встрѣчаемъ мы и юристовъ, посвятившихъ себя малокорыстной дѣятельности, направленной на огражденіе и защиту темнаго люда отъ всякаго рода напавовъ и отъ разныхъ юридическихъ недоразумѣній. Встрѣчаются и ие виды культурной работы интеллигенціи. Газета напоминаетъ, между прочимъ, ту воронежскую помѣщицу, которая организовала правильное и

селеніе около тысячи семей крестьянъ изъ своей мѣстности въ Алтайскій округъ и тѣмъ спасла этихъ бѣдняковъ отъ цѣлаго ряда бѣдъ, обычно выпадающихъ на долю переселенцевъ.

За послѣдній мѣсяць почта принесла намъ слѣдующія сообщенія объ альтруистической дѣятельности нашей интеллигенціи.

Орловскій домъ трудолюбія,—читаемъ въ *Орловскомъ Вѣстникѣ*,—съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развиваетъ свою дѣятельность и въ настоящее время являетъ изъ себя нѣчто вродѣ небольшой колоніи, видъ которой производитъ на зрителя пріятное впечатлѣніе. Войдя въ калитку, вамъ прежде всего бросаются въ глаза чистота и опрятность огромнаго двора, на которомъ разбросаны въ разныхъ направленіяхъ небольшія зданія, гдѣ размѣщены убѣжище для дѣтей, мастерскія, спальни, пріюты, ночлежные дома и пр. Здѣсь же между зданіями разбиты палисадники, не большой древесный питомникъ, огороды, цвѣтники,—словомъ, все дышетъ относительнымъ довольствомъ, на всемъ лежитъ печать заботы и любви къ дѣлу. Лѣтомъ дворъ переполненъ шумными криками многочисленныхъ дѣтишекъ—питомцевъ дѣтскаго убѣжища, на который и направлены главныя заботы администраціи. Дѣти выглядятъ бодро и весело. Общее количество призрѣваемыхъ дѣтей превосходитъ почти вдвое цифру призрѣваемыхъ взрослыхъ. За послѣдній годъ услугами дома трудолюбія воспользовались и находились на его довольствіи 33,471 человекъ или 89 въ день. Устроенная при домѣ трудолюбія дешевая столовая отпустила въ отчетномъ году 21,827 обѣдовъ, 76,223 отдѣльныхъ порцій и 18,221 кружекъ чая, всего на сумму 1,951 руб. 77 к.; израсходовано же на ея содержаніе 2,240 руб. 55 коп. Кровомъ ночлежнаго пріюта воспользовались 18,908 ночл., заплатившихъ 945 р. 40 к.; содержаніе ихъ, считая ужинъ и чай,—обошлось администраціи въ 1,268 р. 56 к.

Въ одномъ изъ нашихъ очерковъ мы говорили, что въ селѣ Беково, Саратовской губерніи, кружкомъ сельской интеллигенціи основано общество улучшенія народнаго труда. Въ настоящее время общество имѣетъ уже около сотни членовъ съ шестирублевымъ взносомъ въ годъ. Общество намѣтило слѣдующую программу дѣятельности: 1) озаботиться устройствомъ дешеваго кредита для крестьянскаго населенія; 2) поддерживать и развивать существующія на мѣстѣ кустарныя производства; 3) устраивать выставки земледѣльческихъ орудій и кустарныхъ произведеній съ продажей ихъ; 4) ввести при мѣстныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе элементарнаго курса сельскаго хозяйства и народной медицины; 5) открыть ремесленные классы при сельскихъ школахъ, существующихъ въ районѣ дѣйсвій комитета, и открыть при мѣстномъ двухклассномъ мужскомъ министерскимъ училищѣ третій специально ремесленный классъ съ цѣлью подготовить мастеровъ-руководителей для ремесленныхъ отдѣленій, учреждаемыхъ при сельскихъ народныхъ школахъ, и 6) устроить народную бесплатную бібліотеку и публичныя чтенія въ селѣ Бековѣ для рабочихъ и крестьянъ. Чуть этой программы общество успѣло уже выполнить. Подобное же об-

щество, какъ сообщаетъ *Смоленскій Вѣстникъ*, дѣйствуетъ въ с. Жерелево, Мосальскаго уѣзда. Въ настоящее время оно состоитъ изъ 23 членовъ. На средства общества содержится въ окрестныхъ деревняхъ 10 школъ грамотности (открытіе школъ поставлено цѣлью комитета въ томъ соображеніи, что безъ первоначальной грамотности немислимо болѣе или менѣе успѣшное распространеніе въ средѣ крестьянъ утилитарныхъ знаній). Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ послѣднее время крестьяне стали помогать обществу изъ своихъ средствъ, а именно: 5 сельскихъ обществъ Жерелевской волости постановили на сходахъ выдавать на содержаніе школъ ежегодно по 20—40 коп. съ души. Благодаря этому, у комитета остается больше средствъ на осуществленіе специальныхъ цѣлей общества: улучшенія народнаго труда.

Изъ Рыбинска сообщаютъ въ *Русскія Вѣдомости*, что тамошнее общество трезвости, желая доставить возможно большому количеству недостаточнаго люда недорогую и доброкачественную пищу, открыло *стору народную чайно-столовую*, въ арендованномъ имъ у города, за 200 руб. въ годъ, зданіи, на берегу р. Волги, недалеко отъ биржи. Выборъ мѣстности оказался очень удаченъ: здѣсь постоянно толпятся, особенно лѣтомъ, массы народа, въ ожиданіи нанIMATEЛЕЙ; поэтому въ чайно-столовой ежедневно можно встрѣтить до 1,500 чел., обѣдающихъ или пьющихъ чай, причѣмъ это удовлетвореніе ихъ потребностей не отвлекаетъ рабочихъ отъ рынка спроса на мускульный трудъ, что для рабочихъ составляетъ весьма существенное удобство. Цѣны въ чайно-столовой очень доступны: обѣдъ изъ 3 блюдъ—10 к., порціями—отъ 3 коп. при достаточномъ количествѣ ржаного хлѣба; чай, порціонно, отъ 3 к. и дороже, въ розницу—1 к. за ставанъ. Для благотворителей, раздающихъ ручную милостыню, обществомъ открыта продажа особыхъ марокъ, цѣнностью отъ 1/2 коп. до 10 к., дающихъ право получать изъ чайно-столовыхъ кушанье и чай. Обществу разрѣшены *народныя чтенія* съ туманными картинами, которыя въ Рыбинскѣ особенно нужны, такъ какъ здѣсь въ лѣтнюю пору скопляются громадныя массы рабочаго люда, пріѣзжающаго для занятій на пристаняхъ и желѣзной дорогѣ.

Однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ филантропическихъ учрежденій Казани является организованная здѣсь «школа дѣтскаго труда». Цѣль и забота этой школы,—какъ сообщаетъ *Самарскій Вѣстникъ*,—призрѣніе бѣдныхъ уличныхъ дѣтей, воспитаніе ихъ, обученіе полезнымъ для жизни работамъ, доставленіе пищи, одежды, обуви и т. п. Всѣ дѣти бѣдныхъ родителей, обреченныя нуждой на ежедневныя скитанія по городскимъ улицамъ съ протянутою за подаваніемъ рукой, находя себѣ заботливый уходъ въ «школѣ» и выходя оттуда, становятся полезными для общества работниками. Въ настоящее время количество питомцевъ этого учрежденія достигаетъ 130 человекъ. Всѣ призрѣваемые или постоянно живутъ въ стѣнахъ школы, или же приходятъ сюда только временно, днемъ, а вечерами отправляются въ свои родныя. Для безпріютныхъ дѣтей, растущихъ безъ

каго призора, безъ воспитанія и обученія, эта школа является спасительницей. Въ школѣ дѣти обучаются Закону Божію, грамотѣ, церковному пѣнію и, кромѣ того, дѣвочки—рукодѣлю, а мальчики—столярному, сапожному, переплетному и проволочному ремесламъ. Когда воспитанники школы достигаютъ возраста, требуемаго для поступленія въ частныя мастерскія, когда озабочивается пріисканіемъ для нихъ мѣста. Найдя бывшимъ питомцамъ занятія, школа и тогда не оставляетъ ихъ безъ вниманія; она оказываетъ имъ матеріальную и нравственную поддержку, допускаетъ ихъ къ искреннимъ занятіямъ въ школѣ и снабжаетъ ихъ книгами для чтенія. Здержаніе школы дѣтскаго труда обходится въ годъ около 5,000 рублей. Изъ суммы этой около 1,500 руб. падаетъ на жалованье служащимъ въ школѣ лицамъ, а остальная часть идетъ на содержаніе воспитанниковъ и воспитанницъ. Благодаря существованію упомянутой школы, въ городѣ почти совершенно прекратилось дѣтское нищенство.

Точно такое же учрежденіе для бездомныхъ дѣтей открыто въ августѣ мѣсяца года въ Херсонѣ. Здѣсь будутъ воспитываться и обучаться грамотѣ, счету и ремесламъ отъ 60 до 70 дѣтей обоего пола.

По словамъ волжскихъ газетъ, нигдѣ нельзя найти такую массу безпризорныхъ, шатающихся дѣтей, какъ на нижегородской ярмаркѣ, о чемъ гдѣ-то бы подумать и позаботиться ярмарочному комитету. Что можетъ быть печальнѣе,—говоритъ *Нижегородскій Листокъ*,—положенія безприютныхъ и безпризорныхъ дѣтей, бродящихъ теперь по всероссійскому торжищу, именуемому нижегородскою ярмаркой! Эти несчастныя, безпомощныя аленькія человѣческія существа скитаются по ярмаркѣ цѣлыми сотнями, реди безчисленнаго множества всевозможныхъ соблазновъ и опасностей, грожающихъ имъ на каждомъ шагу. На-дняхъ ночью были задержаны въ ярмарочной мѣстности 5 мальчугановъ, размѣстившихся на ночлегъ въ паковочныхъ ящикахъ и бочкахъ. У одного изъ нихъ мать занимается на ярмаркѣ поденною работою, другой явился сюда изъ Горбатова разыскивать свою мать, третій... Но нужно ли рассказывать, какъ и для какой цѣли очутился на ярмаркѣ третій, четвертый и пятый изъ этихъ безприютныхъ скитальцевъ. Всѣ они, какъ и тысячи подобныхъ имъ несчастныхъ дѣтей, бродятъ безпризорными повсюду, питаются, какъ и чѣмъ придется; проводятъ ночи, прикурнувъ гдѣ-нибудь въ пустомъ сараѣ, въ товарномъ вагонѣ или заброшенномъ саду; бродятъ безъ дѣла и опредѣленной цѣли, никому не нужныя, жалкія, всѣми и отовсюду гонимыя, какъ какія-нибудь негодныя собачонки... Это обыкновенно дѣти нужды, всяческихъ лишоній и безысходнаго горя. Мать-вдова, прачка или поденница; если живъ отецъ, а не мать,—онъ чаще всего тоже поденщикъ, горькій пьяница, парій. Въ результатѣ такого «семейнаго положенія» и всей обстановки жизни этихъ несчастныхъ дѣтей—тюрьма или исправительная колонія, въ которую они попадаютъ нерѣдко уже физически и нравственно искалѣченными. Таковыя путемъ комплектуются, между прочимъ, кадры многочисленной ар-

ми тѣхъ отверженныхъ, которые именуются у насъ преступниками и въ торыхъ народъ называетъ «несчастнѣйшими».

Чтобы подать хотя слабую руку помощи этимъ несчастнымъ жертвамъ социальнаго строя, земства и общественные кружки устраиваютъ колоніи пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ. Такихъ колоній въ настоящее время насчитывается около тридцати. Газеты сообщаютъ о предстоящемъ открытіи еще трехъ колоній: въ Черниговѣ, Бурскѣ и Екатеринбургѣ. Въ Черниговѣ уже состоялась закладка зданія для земледѣльческо-ремесленной исправительной колоніи. Средства нарождающейся исправительной колоніи состоятъ, главнымъ образомъ, изъ земскихъ губернскихъ отчисленій, продолжавшихся непрерывно нѣсколько лѣтъ и составившихъ къ текущему году около 25,000 рублей. Кроме того, устроенная по губерніи подписка на колонію дала за послѣдніе два года болѣе 7,200 р. Такая же колонія въ непродолжительномъ времени будетъ открыта въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Уѣздное земство ассигнуетъ на содержаніе колоніи ежегодно по 2,000 р.; въ расходахъ приметъ участіе также екатеринбургская городская дума. По сообщеніямъ газетъ, будутъ открыты колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ и въ нѣкоторыхъ другихъ зауральскихъ уѣздахъ, причемъ губернское земство будетъ отпускать на содержаніе пріютовъ 5,000 рублей. *Курскія Вѣдомости* извѣщаютъ, что въ Бурскѣ колонія для малолѣтнихъ преступниковъ будетъ открыта зимою текущаго года. Главное зданіе вчерѣ уже закончено.

Въ 1892 году, во время неурожаа и связаннаго съ нимъ голода, Шадринскій уѣздъ былъ однимъ изъ наиболѣе пострадавшихъ. Масса народа находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи и многія лица ѣхали туда изъ Петербурга и другихъ мѣстностей, чтобы принести посильную помощь голодавшему народу. Въ ихъ числѣ была и г-жа Огнева, которая поѣхала въ Шадринскъ открывать столовую и оставила по себѣ память открытіемъ пріюта для сиротъ въ селѣ Пескахъ. Въ первый годъ своего существованія,—какъ сообщаетъ *Екатеринбургская Недѣля*,—пріютъ былъ сѣмьяный, т.-е. въ немъ содержались и мальчики, и дѣвочки, всего въ количествѣ 53 чел., причемъ для жилья мальчиковъ была нанята особая квартира. На пропитаніе, одежду, наемъ квартиры и т. п. было израсходовано въ тотъ годъ 1,234 р. 40 к., что составитъ на одного человека въ годъ съ пищей, одеждой, отопленіемъ и освѣщеніемъ—23 р. 28 к. Въ концѣ года мальчики увезены въ другой мужской пріютъ въ Надырьевъ Мостъ, а въ Пескахъ остался пріютъ для дѣвочекъ. Всѣ воспитанницы—круглая сироты, за исключеніемъ трехъ, у которыхъ есть отцы, но нѣтъ матерей. Возрастъ дѣвочекъ, находящихся въ пріютѣ, отъ 6 до 16 лѣтъ. Изъ нихъ 15 дѣвочекъ школьнаго возраста учатся въ мѣстной земской школѣ. Пріютскія занятія, кроме обученія грамотѣ, состоятъ въ плетеніи кружевъ и тканьи ковровъ; для послѣдняго руководѣнія привезенъ недавно изъ Петербурга станокъ. Нѣкоторыя изъ воспитанницъ оказались весьма способными въ этихъ искусствахъ. Онѣ отправлены въ Петербургъ и помѣщены въ

арипшскую школу рукодѣлій. Черезъ два года онѣ должны возвратиться въ Пески и сдѣлаться учительницами остальныхъ. Всѣ работы по приюту исполняются самими воспитанницами, какъ-то: мытье половъ и бѣлья, шитье платья и т. д. Кромѣ того, лѣтомъ, въ страду, воспитанницы работаютъ по найму у крестьянъ въ полѣ. Приучая, такимъ образомъ, дѣвочекъ къ разнообразной работѣ, незамѣтно создали и цѣль приюта, а именно—сформировать изъ нихъ хорошихъ впоследствии работницъ, подготовить ихъ на собственные ноги и выпустить въ жизнь умѣлыми хозяйками и мастерицами.

Хорошій примѣръ своимъ профессиональнымъ коллегамъ подаютъ врачи города Вязьмы. Они, въ числѣ шести человекъ,—какъ сообщаетъ *Смоленскій Вѣстникъ*,—подали въ городскую управу заявление о необходимости въ городѣ Вязьмѣ бесплатной амбулаторіи для бѣдныхъ и изъявили желаніе принимать тамъ больныхъ 5 дней въ недѣлю по 3 часа ежедневно, если городъ дастъ соответствующее помѣщеніе и необходимыя средства, въ размѣрѣ хотя бы 600 р. въ годъ. Гласные, въ полномъ составѣ, выразили сочувствіе врачамъ и подали городскому головѣ просьбу о томъ, чтобы по возможности ускорить открытіе лечебницы. Въ отвѣтъ на это городской голова предоставилъ для амбулаторіи одинъ изъ имѣющихся въ распоряженіи города домовъ, благодаря чему амбулаторія скоро откроется и городской бѣднотѣ будетъ обезпечена медицинская помощь.

Нельзя также не привѣтствовать, какъ проявленіе роста общественной самостоятельности, успѣшный ходъ дѣлъ «рыбинскаго общества взаимнаго вспоможенія частному труду». Общество это недавно издало отчетъ, съ содержаніемъ котораго знакомить насъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*. Изъ отчета видно, что общество вступило въ девятый годъ существованія. Открытое въ 1886 г. безъ всякаго основнаго или запаснаго капитала, при 50 членахъ-учредителяхъ, общество къ 1895 г. насчитывало въ своей среѣ уже 194 члена, а денежные средства его къ этому году достигли 18,566 рублей. Цѣль общества—улучшеніе матеріальнаго быта и нравственное развитіе лицъ, добывающихъ средства къ жизни частнымъ служебнымъ трудомъ. Огромное большинство людей этой категоріи, получая небольшое жалованье, живутъ изо дня въ день, расходуя весь заработокъ сполна и не имѣя возможности отложить что-либо въ запасъ на случай болѣзни, старости и т. п. Въ такихъ случаяхъ общество приходитъ на помощь своимъ нуждающимся членамъ, выдавая имъ ежемѣсячныя пособія отъ 10 до 20 рублей, или, по желанію, ссуды не свыше 200 рублей, на срокъ не болѣе 6 мѣсяцевъ, за поручительствомъ двухъ членовъ общества. Въ экстренныхъ случаяхъ выдаются одновременныя пособія до 25 р. и безъ поручительства. Независимо отъ денежныхъ пособій, общество, въ лицѣ правленія, комитета и всѣхъ членовъ, прискиваетъ потерявшимъ занятія членамъ новыя мѣста, сообразно способностямъ и прежнему служебному положенію cadaго. Всѣ члены общества могутъ пользоваться бесплатными совѣтами врача общества и скидкой 30% съ таксы

при покупке лекарств из двух аптек; при подписке на право чтения книг и журналов в публичной библиотеке рыбинского соединеннаго собрания всѣхъ сословій членамъ общества дѣлается скидка въ 45% и не требуется залогъ. Кроме того, обществомъ положено начало и собственнаго небольшой библиотеки. При обществѣ учреждена особая «вспомогательная касса», имѣющая специальную цѣль—вспомоществованіе бѣднѣйшимъ престарѣлымъ и неспособнымъ къ труду членамъ, ихъ семействамъ, вдовамъ и другимъ родственникамъ. «Касса» эта дѣйствуетъ на основаніи своего отдѣльнаго устава; капиталъ ея нынѣ составилъ уже въ суммѣ до 4,200 р. и ежегодно увеличивается извѣстными отчисленіями изъ общихъ средствъ общества и однорублевыми взносами членовъ. Кроме того, при обществѣ учрежденъ специальный капиталъ на обученіе дѣтей, составившійся уже въ суммѣ болѣе 1,100 р. Въ отчетномъ году воспользовалось ссудами похъ векселя 80 членовъ, позаимствовавшихъ 4,908 р. 27 к., уплачено ссудъ на 4,830 р. 67 к.; къ 1 января 1895 г. остатокъ долга по ссудамъ составилъ въ суммѣ 2,534 р.; за ссуды взимается обществомъ 6% годовыхъ. Кроме жителей Рыбинска, въ средѣ общества насчитывается до 60 членовъ иногороднихъ, проживающихъ въ Орлѣ, Ростовѣ-на-Дону, Баку, Петербургѣ, Кронштадтѣ, Тихвинѣ, Череповцѣ, Вытегрѣ, Вологдѣ, Мологѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани и другихъ городахъ.

Интересныя иллюстраціи къ вопросу о культурномъ ростѣ народа подъ влияніемъ школы нашли мы въ послѣднихъ номерахъ *Вятскаго Края*, *Харьковскихъ Вѣдомостей* и *Саратовскаго Листка*. Рассказывая о жизни рабочихъ на Ижевскомъ заводѣ, *Вятскій Край* сообщаетъ, что въ настоящее время одними рабочими здѣсь выпасывается болѣе 500 экземпляровъ газетъ и журналовъ. Читаются, главнымъ образомъ, слѣдующія изданія: *Свѣтъ*, *Родина*, *Вокругъ Свѣта*, *Природа и Люди*, *Нива*, *Сельское Хозяйство*, *Свѣрь*, *Звѣзда*, *Живописное Обзорніе* и др. Въмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ у рабочихъ появляется стремленіе къ порядку и чистотѣ въ платьѣ и жилищахъ. Всѣ лица сельскаго управленія, начиная со старшинъ и кончая выборными, грамотные, что благоприятно отражается на дѣлахъ. Раскладки денежныхъ сборовъ идутъ правильно, а также и отчетность въ расходахъ волостныхъ суммъ контролируется ежегодно людьми, хорошо знакомыми со счетоводствомъ, а таковыхъ, благодаря школамъ, здѣсь не мало. Ежегодныя операціи здѣшняго сельскаго банка простираются до 200 тысячъ, и все сложное банковское дѣло съ успѣхомъ ведется исключительно людьми, получившими образованіе въ заводскихъ школахъ.

Корреспондентъ *Харьковскихъ Вѣдомостей* рассказываетъ о влияніи школы на жизнь села Уды. Здѣсь, — говоритъ онъ, — въ короткое время возникли, по инициативѣ крестьянъ, такія общественныя учрежденія, какія не имѣются еще во многихъ городахъ. Во-первыхъ, открыта безплатная народная читальня, снабженная достаточнымъ числомъ книгъ. Завѣдующимъ читальней утверждены сельскій учитель, а библиотекаремъ — мѣстный

мостной писарь, одинъ изъ первыхъ учениковъ школы. Читальня имѣетъ просторное удобное помѣщеніе и достаточный контингентъ читателей. Въмѣстѣ съ читальней устраиваются народныя чтенія, привлекающія многочисленныхъ слушателей. Вскорѣ чтенія эти будутъ происходить съ пояснительными картинами, для чего пріобрѣтается уже волшебный фонарь. Рядомъ съ этими благотворными учрежденіями, сельское общество, для противоѣдствія кабакамъ, открыло свою чайную, которая сразу завоевала расположеніе лучшей части мѣстнаго общества. Для чайной нанята домикъ въ центрѣ села, по 12 р. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы хозяинъ и хозяйка дома занимались и продажей чая. Чайная имѣетъ кубъ для кипяченія воды, столы, тулья и маленькую бібліотеку книгъ и брошюръ. Посѣтителямъ за 4 коп. предлагаются $\frac{1}{2}$ золотника чая, три куса сахара и сколько угодно горячей воды. Денежныя дѣла чайной идутъ превосходно: въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня открытія выручено 380 р., изъ коихъ погашено 100 р. Долгу, сдѣланнаго на обзаведеніе чайной, и на 50 р. сдѣланъ запасъ разныхъ матеріаловъ для чайной. Съ удовольствіемъ собираются тутъ жители, чтобы за чаемъ послушать чтеніе и посовѣтоваться о дѣлахъ; тутъ принимаются и новые члены, въ числѣ которыхъ состоятъ, между прочимъ, волостной старшина, предсѣдатель волостнаго суда и волостной писарь. Недавно на сходѣ Удянскаго сельскаго общества было заявлено о необходимости имѣть собственныхъ сапожниковъ, столяровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, чтобъ избѣжать бесполезной траты времени, сопряженной съ ѣздой для покупки необходимыхъ предметовъ домашняго обихода въ городъ, гдѣ всегда приходится переплачивать. Приговоромъ общества и постановлено, съ цѣлью образованія своихъ мастеровъ, открыть собственное ремесленное училище. Приговоръ представляется на усмотрѣніе уѣзднаго земскаго собранія, сходъ же обязался ассигновать на училище половину той суммы, какаѣ будетъ признана необходимой земствомъ.

Изъ села Озерокъ (Саратовскаго уѣзда) пишутъ въ *Саратовскій Листокъ*, что крестьяне, постановивъ на сельскомъ сходѣ открыть въ селѣ бібліотеку и получивъ на то надлежащее разрѣшеніе, отправили въ настоящее время мѣстнаго учителя въ Москву закупить книгъ для вновь открывающейся бібліотеки на сумму 250 р. (200 р. изъ коихъ пожертвованы крестьянами) непосредственно изъ книжныхъ магазиновъ крупныхъ московскихъ фирмъ.

Всѣ эти факты вызовутъ хорошее чувство въ каждомъ, кто любитъ свою родину; тѣ же лица, которыя участвуютъ непосредственно въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія народа, испытаютъ глубокое нравственное удовлетвореніе.

Статья наша была написана, когда мы получили газету *Южный Край* съ сообщеніемъ о закладѣ Тургеневской школы. Какъ по величинѣ, такъ и по архитектурѣ новая школа, основанная въ память И. С. Тургенева, будетъ одной изъ лучшихъ г. Харькова. Она рассчитана на нѣсколько

сотъ учениковъ и будетъ вмѣщать: три большихъ классныхъ комнаты, большой залъ, квартиру для учителя, прихожую и раздѣльную комнату. Работами завѣдуетъ городской архитекторъ г. Шторкъ. Закончить постройку вчернѣ предполагаютъ къ 1 октября. Деньги на школу пожертвованы нѣсколькими лицами изъ мѣстной интеллигенціи. Здѣсь вѣсти будетъ замѣтить, что въ дѣлѣ помощи народному просвѣщенію харьковская интеллигенція занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Чтобы дать понятіе объ энергіи и успѣшности ея дѣятельности въ этой области достаточно указать на работу харьковскаго комитета народныхъ библіотекъ. Вотъ что сообщаетъ о ней въ *Приазовскомъ Краѣ* хорошій знатокъ учрежденій для народнаго образованія г. Я. Абрамовъ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности открыло въ Харьковѣ первую народную библіотеку - читальню. Дѣло это началось при самыхъ скромныхъ условіяхъ—съ небольшимъ запасомъ книгъ, при небольшихъ средствахъ, или, вѣрнѣе, при полномъ отсутствіи средствъ. Инициаторы дѣла, однако, глубоко вѣрили въ то, что дѣло, столь полезное, какъ народная библіотека, должно быть только начато, а дальнѣйшій ростъ его неизбѣженъ. Ожиданія эти оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Въ настоящее время первая харьковская народная читальня - библіотека имѣетъ уже болѣе 4 тысячъ томовъ книгъ, получаетъ 20 періодическихкихъ изданій, имѣла въ 1894 году на приходъ 3,076 р., израсходовала 2,159 р. и имѣла въ кассѣ наличными къ 1 января 1895 г. 1,404 р. Дѣятельность читальни - библіотеки выразилась въ отчетномъ году въ весьма солидныхъ цифрахъ. Читальня была посѣщаемъ 2,003 лицами, сдѣлавшими 10,768 посѣщеній и взявшими для чтенія въ помѣщеніи читальни 13,565 книгъ и 4,984 №№ журналовъ и газетъ. Библіотека имѣла къ 1 января 1894 году 1,587 наличныхъ абонентовъ; въ теченіе 1894 г. записалось 2,038 абонентовъ, выбыло 2,046 и къ 1 января 1895 г. наличныхъ абонентовъ состояло 1,578. Книгъ и періодическихкихъ изданій взято для чтенія на дому въ теченіе года 49,966. Приведенныя цифры показываютъ, что первая харьковская бесплатная читальня-библіотека работаетъ въ размѣрахъ, въ нѣсколько разъ превышающихъ дѣятельность публичныхъ библіотекъ большинства нашихъ губернскихъ городовъ, не исключая и самыхъ крупныхъ. Такая обширная дѣятельность требуетъ значительнаго труда со стороны администраціи библіотеки, и весь этотъ трудъ выполняется даромъ сотрудниками и сотрудницами читальни, которыхъ въ прошломъ году было больше 50 человекъ.

Но успѣхъ дѣла этимъ не исчерпывается. Дѣятели читальни ясно видѣли, что одна бесплатная библіотека - читальня не можетъ удовлетворить потребности населенія такого большого города, какъ Харьковъ, уже въ силу отдаленности своего нахожденія отъ многихъ пунктовъ, населенныхъ рабочимъ классомъ. И вотъ, въ Харьковѣ въ самый короткий промежутокъ возникли еще двѣ бесплатныя библіотеки-читальни, работающія также весьма успѣшно.

Успѣхъ харьковскихъ народныхъ читальнь-библіотекъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ, интересующихся дѣломъ просвѣщенія народной массы. Множество лицъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, желая организовать народныя бібліотеки и не зная, какъ приступить къ этому дѣлу, стали браться въ Харьковъ съ запросами объ организаціи дѣла. Для удовлетворенія этихъ запросовъ пришлось устроить при первой читальнѣ особую комиссію, а затѣмъ явилась мысль, что харьковская интеллигенція могла бы оказывать помощь дѣлу устройства народныхъ бібліотекъ въ глухихъ углахъ нашего отечества не только разъясненіями, но и болѣе активнымъ образомъ. Тогда при харьковскомъ обществѣ распространенія въ народѣ грамотности возникъ комитетъ по устройству сельскихъ бібліотекъ и народныхъ читальнь. Комитетъ этотъ возникъ лишь въ срединѣ 1894 года и сдѣланное имъ за короткій промежутокъ времени достаточно для того, чтобы на его дѣятельность было обращено общественное вниманіе и чтобы она вызвала подражаніе со стороны образованныхъ людей въ другихъ нашихъ городахъ.

И. Иванюковъ.

Картинки современныхъ нравовъ.

I.

Благодаря пониженнымъ тарифамъ и свойственному русскимъ людямъ легкомыслию, я возымѣлъ довольно смѣлую мысль—насладиться нынѣшнимъ лѣтомъ провинціальною идилліей.

Въ самомъ дѣлѣ, казалось весьма соблазнительнымъ, вмѣсто того, чтобы совершить обычное переселеніе въ петербургскія окрестности съ ихъ коварно прикрытыми зеленью болотами, холодомъ и сыростью и видѣть на вокзалѣ, на музыкѣ, въ паркѣ,—словомъ, на каждомъ шагу,—все ту же петербургскую публику—чинно-скучающихъ дачницъ и ошалѣлыхъ дачныхъ мужей—махнуть куда-нибудь подальше отъ Петербурга, въ тепло, на благодатный югъ.

Но, разумѣется, не въ излюбленные и достаточно уже загаженные соотечественниками мѣста, не въ Крымъ и не на Кавказъ, эти Мекку и Медину богатыхъ дебѣлыхъ купчихъ, зрѣлыхъ генеральшъ съ пошаливающими нервами и тугонабитымъ кошелекомъ, и всевозможныхъ «Мимочекъ».

Какая тамъ можетъ быть идиллія?

Во-первыхъ, тамъ васъ оберутъ, какъ липку, аборигены-разбойники ужъ за то, что вы пріѣхали и не нашли даже примитивныхъ удобствъ, какія найдете въ любой швейцарской деревнѣ, если вы не въ состояніи платить баснословныхъ цѣнъ.

А, во-вторыхъ, уже одно непрерывное созерцаніе и этихъ кутящихъ представителей и представительницъ нашей чумазой, мало воспитанной буржуазіи, бросающихъ на показъ бѣшенныя деньги («мы де-при своемъ капиталѣ!») и потому нагло-самодовольныхъ и торжествующихъ, и этихъ «друзей человѣчества», курортныхъ юркихъ докторовъ, «обхаживающихъ» богатыхъ пациентовъ съ уловками татей, и этихъ молодцоватыхъ, рослыхъ, здоровенныхъ татаръ-проводниковъ въ расшитыхъ золотомъ курткахъ, съ мясистыми, красивыми и тупыми лицами и нагло-вызывающими взглядами на улыбающихся дамъ,—одно ужъ это способно отравить всякія пре-сти Брыма и Кавказа и возмутить невозмутимѣйшаго человѣка.

Разсчитывая на идиллію, я имѣлъ въ виду глухія мѣста, какую-нибудь

ахолустную, патриархальную «дыру», вродѣ той, гдѣ жили Аванасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна,—«дыру», еще не тронутую своеобразною течественною цивилизаціей,—гдѣ благораствореніе воздухонъ, обиліе плоновъ земныхъ, тишина и дешевизна, гдѣ не знаютъ ни «брянскихъ», ни «Нобеля», ни абиссинскаго ордена «Печати Соломона» и гдѣ, если только ѣрить публицистамъ *Гражданина* и *Московскихъ Выдомостей*, бьется истинный пульсъ русской жизни и водится не совсѣмъ еще испорченный немствомъ и судами обыватель—резвенный, трудолюбивый, скромный и не вороватый, не зараженный ядомъ суемудрія, не знающій ни мыла, ни книгъ, ни газетъ и денно и ношно благословляющій свое мирное и благоденственное житіе и своихъ попечительныхъ начальниковъ, хотя бы они время отъ времени и прописывали, въ видѣ предупредительныхъ мѣръ, отеческое наказаніе.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что названные публицисты тенденціозно превеличиваютъ добродѣтели обитателей глухихъ мѣстъ и ихъ благоденствіе и, по всей вѣроятности, приписываютъ начальникамъ собственыя свои вожделѣнія къ отеческимъ наказаніямъ, но, во всякомъ случаѣ, любопытно было заглянуть въ одинъ изъ такихъ аркадскихъ уголковъ.

Но, главное, вонъ изъ Петербурга, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Не подумайте, что я заклятый врагъ Петербурга вродѣ москвичей. Напротивъ, я очень люблю Петербургъ. Что тамъ ни говори, а онъ, все-таки, самый культурный городъ въ Россіи.

Не желая обременять читателя перечисленіемъ культурныхъ преимуществъ Петербурга, замѣчу только, что въ немъ и квартиры со всѣми удобствами, и улицы чистыя аккуратно поливаются, и дворники сообразительные, и мостовыя хоть и оставляютъ желать многого, но, все-таки, не грозятъ поврежденію вашихъ внутренностей, и въ думѣ можно говорить противъ городского головы, не рискуя навлечь на себя подозрѣніе въ антиправительственномъ образѣ мыслей даже со стороны князя Мещерскаго, и въ нѣсколькихъ десяткахъ журналовъ и газетъ можно, безъ всякой опаски, раскатывать на всѣ корки иностранныхъ министровъ и воздавать должное почтеннымъ отечественнымъ дѣятелямъ и даже печатать ихъ портреты, и городовые не только образцово-вѣжливые, но и настолько проникательные, что зря за шиворотъ не хватаютъ и въ участки не ввергаютъ, а если бы, паче чаянія, и случилась такая прискорбная ошибка (въ семьѣ не безъ урода), то можете быть увѣрены, что никакого недоразумѣнія не произойдетъ, ибо тамъ знаютъ законы, объясняющіе, что не всѣ граждане пользуются правомъ быть высѣченными; въ различныхъ учрежденіяхъ, куда вы попадете по дѣлу или за справкой и гдѣ увидите нынче людей, изнемогающихъ въ усердіи и разрывающихся отъ обилія дѣлъ (прошли, какъ видно, старинные счастливые дни Аранжуеца!), васъ примутъ вѣжливо, выслушаютъ внимательно, пообѣщаютъ сдѣлать все возможное по закону и, при случаѣ, предложить даже папироску, чтобы вы не подумали, что теперь человѣкъ 20 числа въ Петербургѣ недоступенъ, какъ въ былыя времена.

Все это такъ, и, тѣмъ не менѣе, несмотря на свою несомнѣнную культурность, Петербургъ дѣйствуетъ на нервы. Не самъ по себѣ, конечно, а главнымъ образомъ, новѣйшимъ складомъ жизни, духомъ и нравами ея обитателей, вичившихся—и давно ли?—что они единственные вѣрные стражи огня въ Европу, прорубленного Петромъ.

Другія времена, другіе люди, другія пѣсни!

Теперь общественно-бытовая жизнь Петербурга отличается отъ другихъ городовъ развѣ тѣмъ, что рѣшительнѣе бьетъ въ глаза низменностью и даже отсутствіемъ какихъ бы то ни было интересовъ, кромѣ личныхъ, самодовольною пошлостью и своихъ вкусовъ, и своихъ развлеченій, и той безпринципностью на почвѣ безшабашнаго дешеваго скептицизма, который въ послѣднее время съ наглымъ апломбомъ не стѣсняется заявлять о себѣ, какъ объ единственномъ здоровомъ руководящемъ принципѣ для всякаго мало-мальски смѣтливаго человѣка при всякихъ обстоятельствахъ. При этомъ она еще обосновывается якобы научными данными, доказывающими, что человѣкъ, прежде всего, животное, и примѣрами изъ древней, средней и новой исторіи. Изъ этихъ примѣровъ вамъ объяснять не безъ игривой развязности, что, собственно говоря, понятія о долгѣ, объ альтруизмѣ, о стыдѣ и совѣсти являются болѣе или менѣе нелѣпыми «фикціями», отжирышими свой вѣкъ и выдуманными разными моралистами для устрашенія фэфѣль и ротозѣевъ, какъ чортъ выдуманъ для острастки пошалаивающихъ купчихъ проблематическихъ лѣтъ. Гдѣ она, эта хваленая на всѣ лады совѣсть и почему она до сихъ поръ не только не торжествуетъ, а ходитъ, отрезанная, оплеванная, побирающаяся, и отъ которой всѣ сторонятся, точно отъ прокаженной? Вѣдь, значительная или небольшая часть біографій разныхъ знаменитыхъ историческихъ героевъ, лучшимъ образцомъ которыхъ является «геніальный» Наполеонъ, тѣмъ и отличается, что въ этихъ біографіяхъ нѣтъ и помина о стыдѣ и совѣсти, а, напротивъ, изобиліе данныхъ безстыдства, эгоизма, наглости и жестокостей, и, тѣмъ не менѣе, такихъ смѣльчакамъ и ставятся памятники благодарнымъ потомствомъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ «герой» приносилъ въ жертву своего честолюбія, расходуя человѣческими жизнями съ небрежною расточительностью, съ легкимъ сердцемъ какаго-нибудь дикаго короля ашантиевъ. А стыдливые—и много ли ихъ бываетъ?—въ то время охали да ахали и гнили въ тюрьмахъ... благодарю покорно!

• Приведутъ вамъ не менѣе вразумительные примѣры и изъ современной жизни и уважутъ на нѣкоторыя біографіи современниковъ, на нашихъ глазахъ достигшихъ богатства, значенія и извѣстности,—не на тѣ, разумѣется, біографіи, которыя печатаются иногда въ иллюстраціяхъ при портретахъ, а на подлинныя и всѣмъ хорошо извѣстныя, и не безъ торжества замѣтятъ, что и эти біографіи далеко не блещутъ добродѣтелями, перечисленіемъ которыхъ, по старой привычкѣ, еще уснащены прописи, а напоминаютъ скорѣе похожденія Рокамболя, Ваньки-Каина и, въ лучшемъ случаѣ, героя мопсановскаго романа *Bel ami*.

И, однако, всё считаютъ за честь пожать руку—красную, обжирѣвшую, волосатую руку—этого самаго «нашего извѣстнаго, уважаемаго и просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, предсѣдателя разныхъ акціонерныхъ обществъ, щедрого благотворителя и мецената», который только благодаря смѣлой воровской ловкости и нѣкоторой спутанности въ юридическихъ понятіяхъ о грабежѣ законномъ, т.-е. не предусмотрѣнномъ уложеніемъ о наказаніяхъ, и грабежѣ незаконномъ,—занимаетъ видное и почетное положеніе въ обществѣ, имѣетъ бухарскую звѣзду и только что получилъ «Печать Саломона», интервьюируется репортерами и задаетъ лукулловскіе объѣды и фестивали, собирающіе избранное общество, вмѣсто того, чтобы, по принципамъ стыда и совѣсти, быть въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

Кто откажется прогуляться подь ручку съ Ноздревымъ-внукомъ, этимъ великолѣпнымъ молодымъ человѣкомъ, подающимъ надежды сцапать миллионъ отъ своей «старушки» и затѣмъ жениться на какой-нибудь изъ обнищавшихъ дѣвицъ, происходящей отъ Рюриковичей? Напротивъ, вездѣ его принимаютъ; онъ блестящій женихъ и, разумѣется, не виноватъ, что, не имѣя большого наслѣдства,—дѣдушка, вѣдь, былъ порядочный кутила,—пристроился въ старушкѣ. И эта профессія, если откинуть предрасудки, не хуже другихъ.

А этотъ, тотъ, другой, третій, четвертый, пятый, десятый... развѣ перечислишь всѣхъ, біографіи которыхъ такъ же темны, какъ осенняя ночь, и которые, однако, преподають всѣмъ правила житейской мудрости и считаютъ себя въ нѣкоторомъ родѣ столпами отечества?

Чѣмъ же я-то хуже другихъ? На какомъ основаніи я, кончившій съ золотой медалью курсъ наукъ и жившій впроголодь все время ученія, обязанъ прозябать въ качествѣ какого-нибудь мелкаго чиновника или учителя, имѣя въ боковомъ карманѣ стыдъ и совѣсть, когда другіе, именно потому, что въ карманѣ ничего не имѣютъ, кромѣ бумажника, или имѣютъ этой совѣсти и стыда въ микроскопическомъ количествѣ, достигаютъ всѣхъ благъ земныхъ, не особенно думая ни о благахъ небесныхъ, ни о мнѣніи потомства, еслибъ на таковое даже и рассчитывали.

Пусть себѣ отдаленное потомство читаетъ въ *Русской Старинѣ* всякія поношенія—наплевать! А некрологъ, все-таки, будетъ болѣе или менѣе восторженный. Не станетъ же наша пресса къ тому времени похожей на американскую. Это дудки! И, слѣдовательно, супруга и дѣти, читая мои некрологи въ газетахъ, будутъ только умиляться, что я съумѣлъ быть «чествѣйшимъ дѣятелемъ» и, въ то же время, не имѣя за душой ни алтына, наградила ихъ миллионнымъ наслѣдствомъ.

Въ такомъ родѣ, съ болѣе или менѣе откровеннымъ цинизмомъ, теперь высказывается, нисколько не стѣняясь, болѣе смѣлый и безстыжій человѣкъ самаго послѣдняго фасона. Менѣе смѣлый не кидаетъ вамъ въ глаза своей откровенной этики, но лишь дѣйствуетъ по ней. А тотъ, нерѣшительный, слабый и безхарактерный россиянинъ, который составляетъ большин-

ство, тотъ, лицемѣрно вздыхая и указывая меланхолическимъ взглядомъ на нѣсколькихъ прелестныхъ малютокъ, — именемъ которыхъ, кстати замѣтитъ, какнхъ только пакостей ни дѣлаютъ! — покорно идетъ за господствующимъ въ данную минуту настроеніемъ и съ тою же легкостью сжигаетъ сегодня то, чему съ такою же легкостью вчера поклонялся.

II.

И некуда дѣваться отъ этой безшабашной легкости и безпринципности жизни. Такъ-таки некуда, хотя бы вы и не принимали въ ней непосредственнаго участія и хоронились въ своей мурѣ.

Она, все-таки, преслѣдуетъ васъ и нагло лѣзетъ въ глаза, издѣваясь надъ тѣми, кто еще въ это безстыжее время не потерялъ стыдливости и имѣетъ кое-какіе предразсудки. Она играетъ доминирующую роль и торжествуетъ. Она на улицѣ въ этой нервной, суетливой сутолокѣ, на гуляньяхъ, на всѣхъ публичныхъ сборищахъ, въ современныхъ пьесахъ, въ массѣ пошлой беллетристики, въ декадентскихъ стихахъ, въ адвокатскихъ рѣчахъ, въ газетахъ, порой даже на каедрѣ. Вы ее видите въ этихъ, словно бы выкроенныхъ по одному шаблону, самодовольно-внушительныхъ, серьезно-почтительныхъ или уныло-меланхолическихъ (глядя по положенію и окладу), блѣдно-желтыхъ лицахъ двадцатаго числа, слышите въ разговорахъ старцевъ, пожилыхъ и молодыхъ людей и даже юношей и дѣвъ въ этихъ, ежедневно мѣняющихся, болѣе или менѣе невѣрныхъ слухахъ и сплетняхъ о «новыхъ вѣяніяхъ», о назначеніяхъ, о томъ, кто кому «подложилъ или положить связью». Она въ искательныхъ подлыхъ улыбкахъ мужчинъ и въ кокетливо-вызывающихъ взглядахъ женъ, радѣющихъ за мужей, въ этомъ повальномъ, характерномъ, какъ знаменіе времени, стремленіи интеллигентныхъ барышень въ пѣвицы или въ актрисы, такомъ же интензивномъ, какимъ было въ шестидесятыхъ годахъ стремленіе къ высшему образованію, къ идейному дѣлу.

Посмотрите, сколько развелось за последнее время музыкальныхъ школъ, драматическихъ курсовъ и профессоровъ пѣнія, ставящихъ, поправляющихъ голоса и даже выучивающихъ пѣть безголосыхъ. И всѣ эти школы переполнены, всѣ эти профессора заняты съ утра до вечера такъ, что можно думать, будто Россія, главнымъ образомъ, нуждается въ пѣвицахъ и актрисахъ. Нѣтъ ни одной квартиры въ Петербургѣ, гдѣ не обрѣталась бы будущая Патти или Лукка, Дузе или Сарра Бернаръ, поощряемая маменьками, папеньками и разными профессорами пѣнія и драматическаго искусства, которымъ, конечно, на руку эта эпидемическая зараза, приносящая имъ обильную жатву. И всѣ эти будущія Патти и Сарры Бернаръ, болѣзненно-самолюбивыя, тщеславныя и воображающія себя талантами, благодаря тому, что на журъ-фиксахъ, когда они терзаютъ уши подневольныхъ слушателей, имъ аплодируютъ, говорятъ комплименты и предрекаютъ великіе успѣхи, — всѣ онѣ, окончивъ ученье, горько разочаровываются и обвиняютъ театраль-

е начальство въ интригахъ за то, что всей этой несмысленной толпѣ без-
мосныхъ пѣвицъ и бездарныхъ актрисъ рѣшительно нѣтъ мѣста на сце-
нахъ, и безъ того переполненныхъ далеко не выдающимися артистками,
какъ ни многочисленны въ наши дни рассадники будущихъ Патти.

Рядомъ съ проявленіемъ этой безпринципности васъ положительно угне-
щаетъ и та наглая увѣренность, съ какою говорятъ о томъ, что Россія
первая страна въ мірѣ, и нѣтъ ей другой подобной страны; и это мѣдно-
любое пренебреженіе къ тѣмъ иностраннымъ державамъ или, какъ поютъ
солдаты, «наша матушка Россія всему свѣту голова», съ подмигиваньемъ на
замощныя злоупотребленія, которыя, благодаря шуму, поднятому и въ пала-
тахъ, и въ газетахъ, становятся извѣстными и возбуждаютъ взрывъ на-
роднаго негодованія. «Вотъ хваленые порядки! Вотъ вамъ Европа!» — тор-
жествующе заявляетъ вамъ ликующій россиянинъ, забывая, что всѣ эти
европейскія «Панамы», по крайней мѣрѣ, раскрыты, преданы полной и
широкой гласности и суду, тогда какъ такія же «Панамы» могутъ водиться
и у насъ, хотя и не всегда попадаютъ на судъ и дѣлаются извѣстными
большой публикѣ. А что «Панамы» водились, то довольно лишь вспомнить
знаменитое, официально подтвержденное, расхищеніе башкирскихъ земель,
бывшее лѣтъ двадцать тому назадъ, или хотя бы безчисленные такъ на-
зываемые интендантскіе процессы послѣ послѣдней турецкой войны, обна-
ружившіе на судѣ такое повальное и грандіозное хищеніе, которое, пожа-
луй, заткнетъ за поясъ и «Панаму». Въ «Панамѣ» грабили публику, а
у насъ — солдаты во время войны.

Но ликующій россиянинъ какъ будто забылъ все это. Онъ продолжаетъ
костить Европу и приходитъ въ восторженное настроеніе и по случаю
пріѣзда и отъѣзда абиссинцевъ, и по случаю дипломатическаго пораженія
японцевъ («они - де кровожадные, эти японцы!») — пишетъ какой-то фелье-
тонистъ), и по поводу газетныхъ проектовъ о скорѣйшемъ изгнаніи «жида»
и усмиренія «чухны», и по поводу появленія новой опереточной пѣвицы.
Эти ликованія рѣшительно дѣлаются нестерпимыми, какъ нестерпимы и эти
разговоры послѣднихъ дней насчетъ акцій «брянскихъ», «рыбинско-бологов-
скихъ», «нефтяныхъ», — разговоры, которые вы слышите теперь на улицѣ,
въ театрѣ, въ ресторанахъ, въ гостиныхъ и которые свидѣтельствуютъ о
биржевой заразѣ, нашедшей, благодаря жизни, лишенной всякаго обще-
ственного смысла, благодарную почву и охватившей рѣшительно всѣ классы
петербургскаго общества.

Играютъ на биржѣ всѣ, у кого есть какія-нибудь деньги: и предста-
вители знати, и свѣтскія дамы, и крупные чиновники или, для предусмо-
трительности, ихъ жены, и мелкая чиновничья сошка, и адвокаты, и ак-
теры, и журналисты, и студенты, и веселыя дѣвицы, и проблематическія
вдовы. Всѣмъ хочется поскорѣе нажать, благо это кажется такимъ лег-
кимъ дѣломъ — купить бумагу и жди ея повышенія. Всѣ точно обезу-
мѣли въ этой погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ неизвѣстно на чей счетъ
и не видя, конечно, ничего безнравственнаго въ этомъ... Стоить теперь

зайти въ какой-нибудь банкъ, чтобъ увидѣть уголокъ Бедлама въ этой толпѣ играющей публики, пришедшей посоветоваться, какія бумаги покупать, какія продавать,—однимъ словомъ, какъ безъ всякаго труда и въ самое кратчайшее время обогатиться. И публика, жадная и глупая, думающая, что играть на биржѣ такъ же просто, какъ играть въ дурачки, и что это какая-то безприигрышная лотерея, въ которой всё выигрываютъ,—съ благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушиваетъ и хозяевъ, и конторщиковъ банкирскихъ конторъ, которые съ дѣловитымъ видомъ знатоковъ дѣла даютъ совѣты своимъ клиентамъ.

Вы только посмотрите на выраженіе лицъ этихъ игроковъ изъ публики. Сколько въ нихъ алчности, едва скрываемой подъ личиною улыбки, сколько лести, заискиванія къ этимъ совѣтчикамъ. Биржевики, «зайцы», дѣльцы теперь рѣшительно въ модѣ въ качествѣ экспертовъ, юрисконсультовъ, свѣдущихъ людей. Съ ними ищутъ знакомства, дамы съ ними кокетничаютъ, надѣясь получить цѣнное указаніе на то, что купить. Но еще пріятнѣе знакомство съ людьми, близко стоящими въ финансамъ и входящими въ курсъ дѣла всей этой биржевой махинаціи. Тамъ знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Какой-нибудь чиновникъ, сообщившій во-время, что такое-то предпріятіе разрѣшено, можетъ, по настоящимъ временамъ, быть вѣстникомъ дѣлаго состоянія.

И кого только ни увидите вы въ банкирскихъ конторахъ! Онѣ теперь модныя мѣста, « rendez-vous » знакомыхъ игроковъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые не рѣшаются сами безъ совѣта другихъ писать или телефонировать: «купите такія-то или такія-то бумаги». Тутъ и старички генералы, военные и статскіе, тутъ и старушки, и молодыя дамы, и офицеры, и ученые...

— И вы, ваше превосходительство, поигрываете?—спрашивалъ я одного знакомаго, почтеннаго генерала, встрѣтивъ его въ конторѣ Юнкера, куда я зашелъ за полученіемъ перевода—гонорара изъ Москвы.

— Какъ же, какъ же!... Играю поменьку. Нельзя же, всё играть. А семья у меня большая, а жалованье не Богъ знаетъ какое... Ну, и надо поправлять дѣлишки.

— Ну, и поправляетъ?

— Пока не смѣю жаловаться, тыщенку нажилъ! — весело говоритъ старикъ.

У всѣхъ радостныя лица; всѣ какъ будто нажили или предвкушаютъ удовольствіе нажить. У всѣхъ разгораются страсти и текутъ слюнки, но мѣрѣ того, какъ становится извѣстнымъ, что такой-то въ недѣлю нажилъ 20,000, такой-то 50,000.

Тутъ же въ конторѣ называютъ имя одного господина, прежняго профессиональнаго юриста, а нынче директора одного частнаго банка, который въ послѣднее время выигралъ биржевою игрою двѣсти тысячъ, и, замѣтите, почти не имѣя денегъ, а пользуясь кредитомъ и разными свѣдѣніями того же банка.

Всѣ завидуютъ этому счастливцу и никто, разумѣется, не находитъ чего предосудительнаго въ томъ, что человекъ, близко стоящій къ банку и мѣющій точныя свѣдѣнія о паденіи или подъемѣ бумагъ, играетъ, собственно говоря, въ безпроегрѣшную игру.

Быль изъ бумажника у соннаго человека — воръ и скамья подсудимыхъ, а въ данномъ, едва ли не аналогичномъ, случаѣ — умица, заслуживающій зависти и восхищенія.

Быть такимъ умицей, найти, благодаря связямъ и знакомствамъ, средство играть навѣрняка, то-есть попросту вытаскивать деньги изъ чужихъ кармановъ, составляетъ желаніе каждаго. Что же тутъ дурнаго?

Въ этой бѣшеной погонѣ за наживой безъ всякаго труда, охватившей не одно только, такъ сказать, охвостье интеллигенціи, но и самую интеллигенцію, рѣшительно потеряно всякое чувство примитивной этики и стыда; общество точно одичало и, охваченное нравственною гангреной, указывающею на разложеніе, словно бы не сознаетъ этого.

Съ этой точки зрѣнія эта биржевая горячка крайне характерна, какъ знаменіе времени... Думала ли играть на биржѣ интеллигенція шестидесятихъ годовъ?

Можно себѣ только представить, какой вопль и скрежетъ зубовой поднимаютъ всѣ эти многочисленныя, якобы невинныя жертвы, которыя, не имѣя возможности играть навѣрняка, играли на авось, руководствуясь лишь алчностью и невѣжествомъ, когда они въ одно прекрасное утро узнаютъ, что, вмѣсто удвоеннаго и утроеннаго капитала, они лишены всѣхъ своихъ капиталовъ и сбереженій, которые, само собою разумѣется, очутятся въ карманахъ профессиональныхъ биржевиковъ, какъ только имъ будетъ угодно разыграть послѣдній актъ этой биржевой траги-комедіи.

Это будетъ достойнымъ наказаніемъ современной безпринципности. И тѣмъ сильнѣе она будетъ наказана, тѣмъ лучше.

Нѣтъ сомнѣнія, что, въ случаѣ краха, раздадутся жалобы и сожалѣнія на то, что городовые не защитили безпомощную публику. Если бы своевременно у банкирскихъ конторъ стояли городовые съ инструкціями не допускать публику до биржевой игры и, въ случаѣ сопротивленія, тащить въ участокъ, ничего бы этого не случилось. Денежки были бы цѣлы, и благополучный россиянинъ, удержанный отъ увлеченія способомъ исключительно отечественнымъ и во вкусѣ истинно-русскихъ людей, наслаждался бы, попрежнему, ликующей и торжествующей, своею безшабашною, безпринципною жизнью, вмѣсто того, чтобы впасть въ уныніе и благимъ матомъ закричать «караулъ!»

Но пока еще разыгрывается второй актъ. Пока еще лукавые режиссеры биржевой фееріи находятъ удобнымъ гнать въ гору не только цѣнныя и малоцѣнныя бумаги, но даже и макулатуру, отпечатанную за-ново и обозначающую разныя разоренныя и даже никому невѣдомыя, едва ли существующія предпріятія.

И зараза распространяется все сильнѣе и сильнѣе, захватывая все

большее и большее число охотников на рубль нажать тысячу. Притом интеллигенция заразилась и низшие классы населения, и не даёте как весной швейцарь нашего дома, Викентій, отставной унтеръ-офицеръ изъ Ливинь, человекъ весьма прижимистый и, какъ онъ самъ выражается, «аккуратный вокругъ себя», однажды пришелъ ко мнѣ нѣсколько взволнованный и напряженный и говоритъ:

— Я къ вамъ посоветоваться.

— Въ чемъ дѣло, Викентій?

Викентій, какъ «аккуратный вокругъ себя» человекъ, оглянулся и, понижая свой голосъ до конфиденціального шепота, объяснилъ, что за пять лѣтъ, что живетъ въ швейцарахъ, онъ скопилъ пятьсотъ рублей, и лежатъ эти пятьсотъ рублей въ сберегательной кассѣ и приносятъ очень мало процента.

— А люди говорятъ, что теперь довольно даже глупо деньгамъ такъ зря лежать!—заключилъ Викентій.

— Что-жь, вы хотите кому-нибудь дать деньги на проценты? — спросилъ я, не догадываясь, къ чему онъ клонить рѣчь.

Но швейцарь энергично протестовалъ. Онъ, слава Богу, не дуракъ, чтобы польститься на проценты и потерять капиталъ. Онъ никому денегъ не даетъ. Слыхалъ онъ, какъ пропадаютъ деньги.

— А я вотъ пришелъ спросить насчетъ акціевъ. Какія, значить, лучше купить, чтобъ опосля продать и нажать деньги.

Оказывалось, Викентій собирался тоже играть на биржѣ.

— Но откуда вамъ это пришло въ голову?

— Слава Богу, я тоже газету читаю,—обидчиво замѣтилъ Викентій.— Да и люди говорили. Вотъ у насъ въ домѣ живетъ генералъ Ерихонскій, такъ онъ на этомъ самомъ двадцать тысячъ въ одну недѣлю нажалъ. И камердинеръ его тоже тысячу рублей... и всего только, говоритъ, сто рублей истратилъ... На биржѣ, значить, игралъ вмѣстѣ съ баринкомъ.

— А если проиграете и потеряете всё свои деньги?

Викентій, очевидно, не имѣвшій никакого понятія ни о биржѣ, ни о биржевой игрѣ, выразилъ на своемъ лицѣ недовѣріе.

— Зачѣмъ потерять? Это дѣло вѣрное, только знать, что купить. Вотъ и околоточный нашъ тоже нажалъ... Всѣ вокругъ наживаютъ. Зачѣмъ же я одинъ буду дуракомъ? Ужь вы, сдѣлайте одолженіе, посоветуйте насчетъ акціевъ.

Напрасно я совѣтовалъ ему оставаться въ дуракахъ и держать деньги въ сберегательной кассѣ. Онъ не внялъ моимъ совѣтамъ и черезъ недѣлю радостно сообщилъ, что, по совѣту камердинера генерала, купилъ на пятьсотъ рублей «брянскихъ», и торжествующе прибавилъ, что онѣ поднимаю ся.

Съ тѣхъ поръ я часто заставалъ Викентія въ швейцарской, жадно читавшаго биржевую хронику, и каждый разъ онъ съ радостью говорилъ:

— Поднимаются. А вы вотъ не совѣтовали. Теперь, если продать бумаги, двѣсти рублей лишковъ будетъ.

— Такъ что-жь вы не продаете?

— Еще поднимутся... И въ газетахъ пишутъ, и люди говорятъ... Такъ жѣмъ же я буду такой дуракъ, что продамъ? — отвѣчалъ Викентій, и режнѣе добродушное лицо приняло алчное выраженіе, и въ глазахъ блѣгль огонекъ.

Нѣтъ, положительнѣо надо было бѣжать изъ Петербурга и отдохнуть гь зрѣлища этого Бедлама въ какой-нибудь далекой глуши!

III.

Оставалось выбрать глухое мѣсто, такое, однако же, чтобъ оно было е очень далеко отъ желѣзной дороги, чтобъ письма доходили до него не лишкомъ медленно, чтобъ былъ врачъ на случай болѣзни кого-либо изъ емьн.

Развернули карту Россійской имперіи. Глухихъ мѣстъ оказалось видяю-невидимо въ разныхъ южныхъ губерніяхъ, но какое выбрать — вотъ юпросъ, осложненный еще другимъ: какъ бы не попасть въ дифтеритную юлосу, а такихъ полосъ много на благодатномъ югѣ.

По счастью, явился одинъ пріятель и разрѣшилъ недоумѣніе. Обазуюсь, что въ одной настоящей дырѣ живутъ его знакомые. Немедленно же были посланы письма за справками. Справки оказались самыя благопріятныя,—увы,—я не сообразилъ тогда, что онѣ давались двумя милѣйшими и добрѣйшими въ подлунной барынями, умѣвшими находить въ каждомъ чѣловѣкѣ симпатичныя черты,—дыра весьма недурная, сады, двѣ рѣчки. Сообщение удобное: до Кіева по желѣзной дорогѣ, а отъ Кіева на пароходѣ. Домъ въ 6 комнатъ съ мебелью и посудой—25 руб. въ мѣсяцъ. При домѣ садъ. Жизнь тихая, мирная. Хозяйка дома — единственная генеральша въ маленькомъ городѣ—ангелъ. Дешевизна поразительная: цыплѣнокъ 8 коп., утка 15, зелень почти даромъ и все въ такомъ родѣ.

Думать было нечего. Предвкушая идиллію, настоящую идиллію глухихъ мѣстъ, я телеграфировалъ, что беру домикъ ангела-генеральши и черезъ недѣлю отправляю семью.

Первыя письма оттуда хотя и были восторженны отъ тепла, отъ чудныхъ южныхъ ночей, акацій и соловьевъ, но объ ангельскомъ чинѣ хозяйки умалчивали и какъ будто бы не давали представленія о полной идилліи. Вдобавокъ, оказалось, что доѣхать до дыры было можно въ двое съ половиною сутокъ, а письма и газеты путешествовали по четыре. Денежныя же письма и по десяти сутокъ.

Наконецъ, я и самъ поѣхалъ вкусить идилліи.

О пыткѣ путешествія, о встрѣчахъ и наблюденіяхъ и о томъ, какая это была идиллія глухихъ мѣстъ и какъ благоденствуютъ въ нихъ люди— до слѣдующаго фельетона.

К. Станюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣло А. А. Штевенъ.—По поводу официальныхъ данныхъ о вліяніи винной монополіи казны.—Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.—Четвертый сѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ.—† Н. В. Стасова.—Сорокалѣтіе со дня кончины Грановскаго.

Въ приложеніи къ № 11 *Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* за 1895 годъ было напечатано опредѣленіе нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, ограничивающее для мѣстной землевладѣльни г-жи Штевенъ право работать на поприщѣ просвѣщенія народа. Опираясь на доклады княгининскаго, сергачскаго и арзамасскаго отдѣленій, на отношенія нѣкоторыхъ священниковъ и ревизорскіе отчеты архимандритовъ Макарія и Евемія, нижегородскій епархіальный училищный совѣтъ рѣшилъ, что А. А. Штевенъ не оправдала довѣрія, съ которымъ къ ней относилось духовное начальство въ дѣлѣ организованіи церковно-приходскихъ школъ въ духѣ православной церкви. Основаніемъ для такого вывода послужили слѣдующія условія въ дѣятельности г-жи Штевенъ: 1) Открывая школы грамоты, г-жа Штевенъ не руководствовалась правилами, которыя установлены относительно этого предмета, а дѣйствовала самопроизвольно и часто нарушала правила. Ею было открыто нѣсколько школъ грамоты безъ вѣдома мѣстныхъ приходскихъ священниковъ; въ эти школы она присылала учителей, неизвѣстныхъ приходскимъ священникамъ, не подвергавшихся со стороны послѣднихъ предварительному испытанію и не получавшихъ отъ священниковъ письменнаго разрѣшенія на преподаваніе. 2) Г-жа Штевенъ, назначая учителей безъ вѣдома священниковъ, не принимала въ расчетъ ихъ религіозно-нравственное направленіе и политическую благонадежность. Изъ этихъ учителей въ послѣднемъ учебномъ году четверо были уволены, такъ какъ они, по своей религіозно-нравственной неблагонадежности, не соответствовали своему положенію, а одна учительница, устроенная въ школъ тѣмъ же незаконнымъ способомъ, была волею по неблагонадежности политической. 3) Г-жа Штевенъ, при снабженіи школъ учебниками, не руководилась установленными правилами. Она предпочитала книги Льва Толстого и Баранова книгамъ Родонезскаго и Погова,

хотя у нея былъ складъ книгъ синодальнаго изданія и она имѣла полную возможность снабжать школы учебниками, которые одобрены училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ. Для выѣхавшаго же чтенія учениковъ г-жа Штевенъ пользовалась брошюрами Льва Толстого; изъ нихъ однѣ не рекомендованы св. синодомъ для чтенія, а другія даже запрещены. 4) Въ теченіе лѣтняго вакаціоннаго времени г-жа Штевенъ безъ разрѣшенія духовнаго и гражданскаго начальства имѣла у себя педагогическіе курсы для подготовки учителей въ школы грамоты. Въ этомъ дѣлѣ г-жѣ Штевенъ помогали лица, неизвѣстныя епархіальному начальству по религіозно-нравственнымъ и политическимъ убѣжденіямъ: учитель земской школы Мизингъ, получившій университетское образованіе, г. Діомидовъ, учитель земледѣльческой школы, г-жа Завріева съ Кавказа, удаленная отъ учительства по политической неблагонадежности. И, въ то же время, приходскій священникъ вовсе не былъ приглашаемъ г-жею Штевенъ къ этимъ занятіямъ. 5) Г-жа Штевенъ избѣгала сношеній съ приходскими священниками и старалась ослабить ихъ вліяніе на школы; для этого она поручила наблюденіе надъ школами и руководство малоопытныхъ учителей не священникамъ, что требуется правилами о школахъ грамоты, а стороннимъ лицамъ: преподавателямъ земскихъ школъ. 6) Г-жа Штевенъ прикрывалась званіемъ учредительницы школъ грамоты и, въ то же время, поставила себѣ цѣлью обратить учрежденныя ею школы въ земскія. Объ этомъ она заявляла публично, и въ печати, и въ арзамаскомъ земскомъ собраніи. Для достиженія этой цѣли, она являлась на сельскіе сходы въ нѣсколькихъ деревняхъ, произносила рѣчи о превосходствѣ земскихъ школъ предъ церковными, предлагала денежныя пособія отъ себя и отъ земства въ тѣхъ случаяхъ, если крестьяне согласятся на учрежденіе въ своихъ деревняхъ земскихъ училищъ, вмѣсто предположенныхъ къ открытію школъ грамоты. Такимъ образомъ, г-жа Штевенъ была уже не поборницею церковной школы, какою она первоначально выдавала себя передъ церковными властями, а агитаторомъ противъ этихъ школъ.

Высказавъ эти обвиненія, нижегородскій епархіальный училищный совѣтъ постановилъ: 1) Воспретить А. А. Штевенъ всякую дѣятельность по открытію и устройенію школъ въ нижегородской епархіи, освободить ее отъ званія попечительницы тѣхъ школъ, при которыхъ она состояла въ этомъ званіи, сообщить приходскимъ священникамъ, чтобъ они не вступали съ г-жею Штевенъ ни въ какіе переговоры по дѣламъ церковныхъ школъ и доносили бы немедленно епархіальному училищному совѣту, еслибъ она совершала самовольно какія-либо дѣйствія въ этомъ направленіи. 2) Дѣйствія о. Евиміи относительно увольненія нѣкоторыхъ учителей, определенныхъ г-жею Штевенъ, должны быть признаны правильными. 3) Циркулярно предписать духовенству нижегородской епархіи, чтобъ оно, при открытіи школъ грамоты, строжайше руководствовалось установленными для того правилами. 4) Принять мѣры къ поддержанію школъ грамоты, учрежденныхъ г-жею Штевенъ. Этой поддержкѣ должно предшествовать собра-

ніе свѣдѣній о томъ, какое пособіе получаетъ школа грамоты отъ мѣстной сельскаго общества, какое пособіе можетъ получать впредь и какая помощь потребуется отъ училищнаго совѣта.

Обвинительный актъ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта является важнымъ историческимъ документомъ: онъ важенъ по результатамъ которые произведетъ въ общественной жизни трехъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, по тяжести наказанія, которому подверглась обвиняемая, и въ крайнему несоотвѣтствію этого наказанія проступкамъ г-жи Штевенъ.

При вялой, безпѣтной общественной жизни въ нашемъ отечествѣ, при настоячивомъ желаніи огромнаго большинства русскихъ людей уйти и включительно въ свои частные интересы, при чисто-формальномъ, чуждомъ ничемъ отношеніи къ общимъ дѣламъ даже со стороны многихъ и многихъ людей, на которыхъ эти дѣла возлагаются, какъ служебныя обязанности А. А. Штевенъ представляетъ очень рѣдкое, очень яркое и очень отрадное исключеніе. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ, поскольку онѣ еще не заброшены владѣльцами, играютъ въ карты, ломаютъ голову надъ тѣмъ, въ какую бы канцелярію пристроить на службу дѣтей и какъ увеличить размѣръ сѣна изъ дворянскаго земельного банка; гдѣ тонъ жизни выше, тамъ дѣятельность приурочивается къ хозяйству, но оно слѣдуетъ, съ небольшими отклоненіями, тѣмъ приемамъ и способамъ земледѣлія, которыхъ держались еще отцы и дѣды, тамъ они приурочиваются къ земскому самоуправленію, но часто соотвѣтствуютъ поговоркѣ: «тише ѣдешь—дальше будешь». И въ такомъ-то сѣромъ, уныломъ фонѣ помѣщичьей жизни, среди немногихъ, тамъ и сямъ разсѣянныхъ оазисовъ, возникаетъ центръ кипучей просвѣтительной дѣятельности. Этотъ центръ имѣетъ только внѣшнее сходство съ тѣми средоточіями, которыя во время голодныхъ и холернаго годовъ были основаны въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: тогда проявился взрывъ гуманности, который нерѣдко вызываетъ сильныя потрясенія общественной жизни; его творческая сила велика, но часто отличается непродолжительностью. Здѣсь же мы находимъ одушевленіе, неослабно поддерживающееся цѣлыхъ пять лѣтъ, въ сѣрое, обычное, спокойное время, когда ничто не выводитъ жизни изъ ея колеи. Здѣсь энергія съ теченіемъ времени не только не ослабѣваетъ, но даже крѣпнеть, закаляется и приноситъ обильные плоды: 50 народныхъ школъ, созданныхъ одною женщиной въ четырехъ уѣздахъ Нижегородской губерніи. И эти народо-просвѣтительные подвиги не связаны ни съ какими сторонними побужденіями: къ нимъ не примѣшивается корыстолюбія, ибо они требуютъ отъ г-жи Штевенъ значительныхъ расходовъ изъ личныхъ средствъ; къ нимъ не примѣшивается честолюбія, ибо они совершаются въ глухой провинціи, вдали отъ печати, которая можетъ ежедневно воздавать своимъ любимцамъ хвалу. Этотъ подвигъ связанъ съ непрерывнымъ самопожертвованіемъ, съ пожертвованіемъ денегъ, здоровья, покоя, который тѣмъ болѣе обезпеченъ русскому члену вѣку, чѣмъ дальше сторонится онъ отъ общественной дѣятельности.

Пять лѣтъ разумнаго и безкорыстнаго труда дали уже замѣтные ре-

ультаты. Каждый, дорожающій преуспѣяніемъ родины, долженъ принять въ расчетъ не только усердную дѣятельность А. А. Штевенъ, выразившуюся въ объѣздѣ селеній, въ приглашеніи крестьянъ устраивать школы, въ обученіи дѣтей, но и ея литературную дѣятельность, обнаружившую и большую педагогическую опытность, и глубокое проникновеніе въ излюбленное дѣло. Статья г-жи Штевенъ, напечатанная въ *Вѣстникъ Европы* (августъ 1895 г.), даетъ живое доказательство этихъ качествъ, образующихъ истиннаго воспитателя. Питомцы г-жи Штевенъ не были для нея безразличною массой, члены которой разнятся другъ отъ друга только ростомъ, цвѣтомъ глазъ и волосъ, а личностями, индивидуальнымъ особенностямъ которыхъ она даетъ полную и многостороннюю оцѣнку. И то въ воспоминаніяхъ г-жи Штевенъ, надъ чѣмъ глумился одинъ московскій уличный истокъ,—подробныя характеристики темпераментовъ дѣтей и ихъ отношенія къ отдѣльнымъ предметамъ преподаванія,—получаетъ въ глазахъ каждаго, знакомаго съ задачами педагогій, глубокой смыслъ. Каждый свѣдущій въ дѣлѣ педагогическаго искусства, принявъ все это въ расчетъ, скажетъ, что еслибъ къ пяти годамъ, которые А. А. Штевенъ потрудились въ Нижегородской губерніи, прибавить еще нѣсколько пятилѣтій, то гражданность народа, привычка къ чтенію и умственное развитіе далеко двинулись бы впередъ. Опредѣленіе нижегородскаго епархіальнаго совѣта оставило эту дѣятельность и лишило мѣстное населеніе очень крупной просвѣтительной силы. Такимъ образомъ, въ результатѣ для мѣстности является очень большой минусъ, не легко замѣнимый уже потому, что наша родина такъ бѣдна людьми, умѣющими навсегда и безповоротно связать себя со служеніемъ народному благу.

Обращаетъ на себя вниманіе и тяжесть кары, постигшей г-жу Штевенъ. На первыхъ порахъ приговоръ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто А. А. Штевенъ не понесетъ большого ущерба: она—состоятельная помѣщица, могущая и послѣ этого приговора оставаться въ той жизненной обстановкѣ, которую могутъ создавать вокругъ себя люди обезпеченныхъ классовъ. И если народная учительница, уволенная отъ службы за неблагонадежность, можетъ лишиться даже послѣдняго куска хлѣба, то подобный приговоръ не помѣшаетъ арзамасской помѣщицѣ жить въ собственной усадьбѣ или поселиться въ большомъ городѣ, заниматься литературой и дѣлиться съ читающею публикой результатами своего педагогическаго опыта.

Однако, глубже вдумываясь въ дѣло, видишь ошибочность такого вывода. Онъ вполне вѣренъ относительно людей поверхностныхъ, непостоянныхъ, способныхъ увлекаться полезнымъ дѣломъ, но способныхъ и быстро охладѣвать къ нему. Если вѣшняя обстановка такихъ людей благоприятна, то они легко утѣшаются, избираютъ себѣ новое дѣло и забываютъ постигшій ихъ ударъ. Для человѣка же, который съ увлеченіемъ и даже самозабвеніемъ посвящаетъ себя дѣлу, такой приговоръ равносильенъ серьезному ограниченію правъ, болѣе тяжелому для нихъ, нежели лишеніе «всѣхъ

особенныхъ правъ и преимуществъ для многихъ, которые подвергались такому наказанію по суду. Кто излюбилъ дѣло, и, притомъ, дѣло общественное, кто проникнуть чувствомъ и сознаниемъ его высокаго значенія, — именно народно-просвѣтительная дѣятельность легко поддерживаетъ такое чувство и сознание, — тотъ чувствуетъ себя искалѣченнымъ, какъ скоро ему прегражденъ доступъ къ этому труду. Приговоръ нижегородскаго сѣнарскаго училищнаго совѣта не мѣшаетъ А. А. Штевенъ, вообще, заниматься просвѣтительною дѣятельностью, напримѣръ, служить учрежденію и улучшенію земскихъ школъ; однако, косвенно, онъ до чрезвычайности затрудняетъ эту дѣятельность: онъ награждаетъ приговореннаго такою репутаціею, которая, при условіяхъ нашей общественной жизни, можетъ отталкивать отъ него мѣстныхъ дѣятелей, вызывать опасеніе отъ его сотрудничества, т.-е. почти окончательно лишаетъ его возможности работать въ этой сферѣ.

Но какъ ни велика для мѣстности потеря отъ того, что А. А. Штевенъ выходитъ изъ ряда общественныхъ дѣятелей, какъ ни тяжка постигшая ее кара, можно было бы примириться съ нею, если бы она соответствовала проступку. Но именно этого мы и не находимъ.

Всѣ проступки А. А. Штевенъ сведены къ 6 пунктамъ, причѣмъ одни могутъ быть признаны проступками, другіе, какъ оказалось, были приписаны ей по недоразумѣнію и, наконецъ, третьи, хотя и были совершены, вовсе не заслуживаютъ упрека.

Ко второй категоріи относятся проступки, отмѣченные подъ пп. 2 и 4. Ближайшее разслѣдованіе этого дѣла показало, что такіе проступки вовсе не были совершены. Лица учительскаго персонала, хотя и были заподозрѣны въ недостаточной благонадежности, не заслуживали этого, а г-жа Заврѣва, заподозрѣнная въ политической неблагонадежности, оправдала себя сполна отъ этого обвиненія. Окончательно падаетъ обвиненіе и подъ 4 пунктомъ. Веденіе педагогическихъ курсовъ обставлено у насъ различными формальностями, невыполненіе которыхъ можетъ быть вмѣнено въ вину. Но здѣсь не можетъ быть и рѣчи о педагогическихъ курсахъ: горячо преданная учебному дѣлу, А. А. Штевенъ не хотѣла никогда быть свободною отъ него, а потому и занималась по дѣтамъ съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Въ ея усадьбѣ, служившей центромъ образовательной дѣятельности въ пользу мѣстнаго населенія, гостило нѣсколько учителей земскихъ школъ; немудрено, если и они помогали ей иногда въ занятіяхъ съ учениками. И именно потому, что это не были учительскіе курсы, приходскій священникъ не былъ приглашенъ ею къ участію. Она пригласила бы его, еслибъ намѣревалась устроить что-либо вродѣ педагогическихъ курсовъ; но разъ это были занятія съ небольшимъ числомъ учениковъ, частные, то и не было побужденій приглашать приходскаго священника, обремененнаго занятіями уже по своему сану.

Подъ пп. 3 и 6 А. А. Штевенъ обвиняется въ проступкахъ, кои рѣе должны быть признаны безразличными актами. Ей ставятъ въ вину то,

то она предпочла книгамъ, которыя одобрены, въ качествѣ учебниковъ, св. синодомъ, такія книги, которыя не получили одобренія. Подобный поступокъ былъ бы непохваленъ, если бы попечительницы народныхъ школъ держались книгъ, вообще не одобряемыхъ учебнымъ вѣдомствомъ, а тѣмъ болѣе запрещаемыхъ. Но въ данномъ случаѣ ученикамъ были рекомендованы книги, принятые другимъ учебнымъ вѣдомствомъ—министерствомъ народнаго просвѣщенія. Если предложить каждому, кто знакомъ съ дѣломъ преподаванія и безпристрастенъ, вопросъ о томъ, какъ слѣдовало бы поступить въ подобномъ случаѣ, то можетъ быть только одинъ отвѣтъ: «разсматривать всю учебную и учебно-вспомогательную литературу, одобряемую св. синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, какъ одно цѣлое, и брать изъ этого цѣлаго то, что имѣетъ больше достоинствъ». Можно къ этому сдѣлать добавленіе, составляющее уже серьезную уступку: «Если нѣсколько книгъ по одному предмету обладаютъ равными достоинствами, то слѣдуетъ въ церковныхъ школахъ держаться предпочтительно книгъ, одобряемыхъ св. синодомъ, а въ школахъ земскихъ и министерскихъ—книгъ, рекомендуемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія». А разъ г-жа Штевень была убѣждена, что нѣкоторые учебники, употребляемые въ церковныхъ школахъ, значительно уступаютъ другимъ, принятымъ въ школахъ земскихъ и министерскихъ, то она была обязана дѣйствовать согласно съ этимъ убѣжденіемъ. Ей, конечно, извѣстно, что, во-первыхъ, духъ православія проникаетъ въ Россіи всѣ административныя вѣдомства и не можетъ быть столкновенія между ними по этому поводу, и что, во-вторыхъ, ученіе православной церкви не признаетъ догмата непогрѣшимости, а тѣмъ самымъ и допускаетъ, что книги, одобренныя училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ, могутъ имѣть менѣе достоинствъ, нежели книги, рекомендованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія. И подъ п. 6 А. А. Штевень обвиняется въ проступкѣ, который долженъ быть отнесенъ къ безразличнымъ актамъ: г-жа Штевень, — узнаемъ мы изъ этого пункта, — отдавала предпочтеніе земскимъ школамъ передъ церковными и не разъ публично высказывала свои убѣжденія какъ печатно, такъ въ земскомъ собраніи и на сельскихъ сходахъ. Что въ этомъ криминальнаго? По содержанію, въ такихъ убѣжденіяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго, ибо, имѣя передъ собою двойную организацію школьнаго дѣла, она отдавала предпочтеніе одной изъ нихъ, и именно той, которая уже дала много доказательствъ своего успѣшнаго развитія и благотворнаго вліянія на общественную жизнь. Къ примѣрамъ, которые уже отиѣчены нашею печатью, приобщимъ данныя изъ отчета о положеніи школъ кievскаго учебнаго округа. *Кіевлянинъ*, приводя выдержки изъ этого отчета, сопоставляетъ такія цифры о школьномъ дѣлѣ въ Волынской губерніи. За 1894 годъ содержаніе одного министерскаго сельскаго однокласснаго училища стоило среднимъ числомъ 540 рублей, обученіе въ немъ одного ученика стоило 8 руб. 95 коп., а стоимость одного окончившаго—78 руб. 31 коп. На 1 министерское училище, при 60,5 учащихся, приходится 7 человѣкъ, окончившихъ на льготу 4 разряда

по воинской повинности. Содержаніе одной церковно-приходской школы обошлось за тотъ же годъ въ 95 руб. 16 коп., одного учащагося—въ 3 руб. 20 коп., одного окончившаго курсъ—въ 101 руб. 83 коп. Отсюда видно, что обученіе одного окончившаго курсъ стоило на 23¹/₂ руб. дороже въ церковно-приходской школѣ, чѣмъ въ министерской. Приобщая эти факты ко множеству другихъ, однородныхъ имъ, мы вполне понимаемъ, что А. А. Штевенъ отдавала земскимъ и министерскимъ школамъ предпочтеніе передъ церковно-приходскими. А если образъ мыслей г-жи Штевенъ не заслуживаетъ упрека по содержанію, то нельзя ставить ей въ укоръ и то, что она откровенно высказывала это мнѣніе во всѣхъ случаяхъ, когда ей приходилось говорить о школѣ. Развѣ прямота человѣка, полное соотвѣтствіе мысли и слова не составляютъ обязанности гражданина? И развѣ это не отвѣчаетъ также на требованія православной церкви? Но,—скажемъ къ чести г-жи Штевенъ,—мы находимъ у нея еще большее: полное соотвѣтствіе между мыслью, словомъ и дѣломъ; убѣжденная въ превосходствѣ школъ одного типа передъ другими, она приглашала крестьянъ къ устройству тѣхъ, которыя болѣе отвѣчаютъ на нужды учебнаго дѣла, и обшамъ такимъ школамъ матеріальное пособіе. Конечно, поведеніе А. А. Штевенъ было бы предосудительно, если бы, дѣйствуя въ церковно-приходскихъ школахъ, она не заботилась объ ихъ усовершенствованіи, относилась бы къ своимъ обязанностямъ небрежно и не способствовала бы успѣхамъ учебнаго дѣла; можно было бы вѣнчать ей въ вину несоотвѣтствіе словъ съ дѣломъ, если бы, печатая въ журналѣ статьи о народномъ образованіи и произнося рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ, она была бы нерадивой попечительницей школъ и вовсе не двинула бы въ своей мѣстности народнаго образованія. Тогда можно было бы говорить о томъ, что она злоупотребила довѣріемъ духовнаго начальства. Факты говорятъ совсѣмъ иное. А. А. Штевенъ дала Нижегородской губерніи не одну тысячу грамотныхъ крестьянъ, и даже самъ нижегородскій епархіальный училищный совѣтъ, какъ бы чувствуя, что приглашеніемъ г-жи Штевенъ въ попечительницы онъ послужилъ дѣлу народнаго просвѣщенія въ губерніи, заканчиваетъ свой приговоръ словами: «Предложить отдѣленіямъ арзамасскому, луковскому, сергачскому и книгининскому принять мѣры къ поддержанію учрежденныхъ г-жею Штевенъ школъ грамоты».

Но два пункта въ приговорѣ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта касаются такихъ поступковъ г-жи Штевенъ, которые были связаны съ нарушеніемъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Мы знаемъ изъ п. 1, что нѣкоторыя школы грамоты отрывались г-жей Штевенъ безъ вѣдома приходскихъ священниковъ, и изъ п. 5, что наблюденіе надъ школами поручалось иногда не священникамъ, а стороннимъ лицамъ. Дѣйствуя въ этихъ случаяхъ противъ буквы правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, г-жа Штевенъ не совершала ничего вреднаго и предосудительнаго, а поступала такъ потому, что иначе нельзя было рассчитывать на усиленное развитіе школъ грамоты. Среди приходскихъ священниковъ ест

Съ нынѣшняго года въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ: Пермь Самарской, Оренбургской и Уфимской,—введена казенная продажа вина. Въ будущемъ году предстоитъ осуществленіе той же мѣры еще въ 19 губерніяхъ. Правительство поставило себѣ очень сложную задачу: не только увеличить доходъ казны посредствомъ устраненія частныхъ лицъ отъ продажи виномъ, но и способствовать улучшенію народной нравственности чрезъ уменьшеніе пьянства. Это послѣднее должно быть, по мнѣнію правительства, достигнуто уже потому, что исчезъ кабакъ, уничтожена развратная продажа вина и винная лавка освободилась отъ одной изъ самыхъ развращающихъ сторонъ кабака—быть для посѣтителей мѣстомъ заези и пропоя ихъ одежды и небогатаго домашняго скарба. Посмотримъ же, что говорятъ объ обнаружившемся влияніи реформы тѣ свѣдѣнія, которыя поступили изъ восточныхъ губерній и недавно напечатаны въ *Высшемъ Финансовѣ*.

Корреспондентъ изъ Оренбурга отиѣчаетъ похвалы, которыя слышалъ со стороны мѣстнаго населенія по адресу качества вина: очищенное отъ сивушныхъ маслъ, вредно дѣйствующихъ на организмъ, казенное вино дѣйствуетъ такъ на голову, какъ прежде. Можно отиѣтить и тотъ результатъ, что потребление вина стало болѣе правильнымъ. «Наблюденія въ городскомъ населеніемъ въ обыкновенное и въ праздничное время, а такъ надъ селами во время ярмарокъ, указываютъ на значительное сокращеніе пьянства въ его внѣшнихъ проявленіяхъ. Ограниченіе времени продаж вина, смѣна прежнихъ кабацкихъ новымъ элементомъ—все это не могло не отразиться видимымъ уменьшеніемъ пьянства». Изъ той же корреспонденціи мы узнаемъ, что въ Оренбургской губерніи питейная реформа увеличила доходъ казны: за первую половину 1894 года въ Орскомъ и Оренбургскомъ уѣздахъ было выпито 104,947 ведеръ вина и доходъ казны составлялъ около 510,000 рублей, а за первую половину 1895 года было выпито 82,944 ведра, однако, казна получила дохода 732,464 руб. Столь же благоприятные отзывы находимъ мы и изъ другихъ мѣстностей. Въ Самарской губерніи за первую половину 1894 года доходъ казны опредѣленъ около 1.340,000 рублей, а за первую половину 1895 г.—около 2 мил. Корреспондентъ изъ с. Ануросовки, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, пишетъ: «Результаты реформы до сихъ поръ, въ общемъ, выражаются такъ: во-первыхъ, вино стало лучше; затѣмъ исчезло то безобразіе, которое было неразрывно съ прежнею винною торговлей, гдѣ спивали потребители лишь для того, чтобы потомъ обобрать ихъ до чиста. Второе преимущество настоящей реформы, то, что въ казенныхъ лавкахъ продажа вина производится лишь въ тѣ сроки, которые указаны въ правилѣхъ, тогда какъ при частной торговлѣ продажа вина производилась во все время дня и ночи, для того, чтобы спивать потребителей всякимъ самодѣльнымъ бурдой, нажитья отъ этого хозяину и сидѣльцу, чѣмъ населеніе доводилось до окончательнаго разоренія». Къ этимъ и другимъ однороднымъ сообщеніямъ можно присовокупить извѣстія, относящіяся до

почетельствъ о трезвости, которыя уже начали свою дѣятельность. Въ Самарской губерніи попечительство открыло нѣсколько чайныхъ и предпо- лагаетъ имѣть при нихъ механическіе музыкальные инструменты и волшеб- ные фонари для народныхъ чтеній. Намѣчено также нѣсколько селеній для открытія народныхъ читаленъ и уже рѣшено выписывать для нихъ слѣ- дующіе журналы: *Сельскій Вѣстникъ*, *Досугъ и Дѣло*, *Русскій Палом- никъ*, *Воскресенье*, *Вѣстникъ Краснаго Креста*. Подобныя же свѣдѣнія поступаютъ изъ Уфимской и Оренбургской губерній: мензелинскій комитетъ о трезвости предложилъ устроить въ больницахъ кровати для алкоголи- ковъ, Златоустовскій—ассигновалъ деньги на приобрѣтеніе 5 волшебныхъ фонарей для народныхъ чтеній; оренбургское попечительство о народной трезвости рѣшило устроить библиотечки при 10 сельскихъ школахъ и ассиг- новало по 30 рублей на каждую. Замѣтимъ также, что оренбургскій коми- тетъ устроилъ народное гулянье, гдѣ присутствовало 5,000 чел. и поддержи- вался образцовый порядокъ. Всѣ эти факты были бы очень утѣшительны, если бы сами корреспонденты не сообщали свѣдѣній, которыя способны смутить даже крайнихъ оптимистовъ. Вотъ что пишутъ изъ Оренбурга: «Правда, много недовольства вызываетъ появившееся вмѣстѣ съ реформой, какъ ея неизбѣжный на первое время результатъ, уличное пьянство, кото- рое многими принимается даже за признакъ усиленія разгула и которое, не- сомнѣнно, требовало бы устраненія». Дабы предупредить на улицахъ по- пойки и другія безобразія, въ Оренбургѣ установлены полицейскіе посты вблизи казенныхъ винныхъ лавокъ. Число лицъ, подобранныхъ въ пьяномъ видѣ на улицахъ, увеличилось: съ 1 января до 1 августа 1894 года та- ковыхъ было 651, а за тотъ же періодъ 1895 г.—680. Въ Оренбургскомъ и Орскомъ уѣздахъ потребление вина уменьшилось почти на 22,000 ведеръ. Но, — прибавляетъ корреспондентъ, — «эти цифры слѣдуетъ принимать лишь съ извѣстными оговорками. Крупная разница въ количествѣ потреб- леннаго вина нѣсколько уменьшится, если принять во вниманіе тайное во- двореніе вина извнѣ губерніи. Всего дѣлъ о нарушеніи акцизнаго устава въ первой половинѣ нынѣшняго года было 84, противъ 76 въ 1894 году». Корреспондентъ изъ Челябинска жалуется на неблагопріятное вліяніе трак- тировъ. Такъ какъ кабаковъ болѣе не существуютъ, то трактиры привлека- ютъ къ себѣ много рабочаго люда. Комитеты трезвости жалуется на влія- ніе трактировъ и задаютъ вопросъ, не слѣдуетъ ли уменьшить ихъ число. Въ Златоустѣ уже началась борьба съ трактирами: городское управленіе по- ставило трактирщикамъ такія высокія требованія, что они не нашли воз- можнымъ удовлетворить ихъ, и въ настоящее время въ Златоустѣ нѣтъ ни одного трактира. Казалось бы, что это должно сильно уменьшить пьян- ство. Но вотъ что мы читаемъ далѣе: «Какъ результатъ вѣковой привычки, устранить которую быстро нечего и думать, здѣсь наблюдается уличное пьянство. Въ деревняхъ крестьяне большею частью сходятся для выпивки у одного изъ односельчанъ, въ городахъ же пьютъ преимущественно на улицахъ, въ садикахъ, а, наприм., въ Златоустѣ пользуются для этой цѣли

окужающими городъ холмами. Во всякомъ случаѣ нарушеніе уличнаго благообразія требуетъ дѣятельныхъ мѣръ со стороны полиціи».

Вотъ факты, которые мы извлекаемъ изъ корреспонденцій *Вѣстника Финансовъ*. Хотя эти факты касаются немногихъ мѣстностей четырехъ губерній, однако, затрогиваютъ такія стороны жизни, которыя имѣютъ всеобщее значеніе. Они показываютъ, что винная монополія можетъ доставить казнѣ значительное увеличеніе доходовъ. При самомъ введеніи монополіи можно было предсказать этотъ результатъ: устраняя много лицъ, прикосновенныхъ къ питейному дѣлу, и становясь на ихъ мѣсто, казна можетъ получить отъ питей не только акцизъ, но и торговую прибыль. Если же акцизное вѣдомство достаточно энергично въ преслѣдованіи корчемства, то послѣднее, хотя бы и увеличилось сравнительно съ предыдущими годами, не достигнетъ такихъ размѣровъ, чтобы былъ поглощенъ весь излишекъ доходовъ, доставляемыхъ казнѣ винною монополіей. Но вторая задача—борьба съ пьянствомъ—стоитъ въ условіяхъ, которыя не обѣщаютъ ей успѣха. Конечно, государство можетъ вліять на нѣкоторыя формы проявленія пьянства. Главнымъ мѣстомъ опьяненія былъ кабакъ; замѣнивъ его винною лавкой и прекративъ распіе вина на мѣстѣ его продажи, администрація уничтожила одно изъ мѣстъ, въ которомъ происходило много безобразій. Но остался трактиръ. Трактиры считаются не столь опасными для развитія пьянства потому, что право содержанія ихъ оплачивается большими деньгами, а потому они не многочисленны и не такъ общедоступны, какъ кабаки. Однако, и они, какъ мы видимъ изъ вышеприведеннаго сообщенія, усилеио привлекаютъ рабочій людъ, т.-е. увеличиваютъ число своихъ кліентовъ. Но можно закрыть многіе трактиры и свести до мнѣшша общественныя зданія, въ которыхъ происходитъ пьянство. Тогда остаются улицы и площади, общественныя сады. И эти мѣста могутъ быть сдѣланы предметомъ болѣе или менѣе строгаго контроля: можно увеличить число полицейскихъ чиновъ. Это перенесетъ пьянство и за предѣлы города (какъ мы то узнаемъ относительно Златоуста) и въ семью. Сюда уже не проникнетъ полицейскій надзоръ. Но еще вопросъ, выиграетъ ли что-нибудь народная нравственность отъ перенесенія пьянства изъ кабака къ домашнему очагу. Какъ ни безобразно пьянство въ кабакѣ, оно не происходитъ на глазахъ дѣтей; передъ ними не развертывается всей картины опьяненія отъ веселаго похмѣлья до полной потери сознанія и человѣческаго вида. Съ перенесеніемъ всего этого процесса въ семью подростокъ по-волѣнія будутъ ближе къ примѣру отцовъ и, быть можетъ, будутъ легче подпадать подъ это вліяніе. Такимъ образомъ, бы не видимъ, чтобы одно уничтоженіе кабаковъ могло имѣть хотя бы самое слабое вліяніе на пьянство. Остается открытымъ и вопросъ о томъ, насколько уничтоженіе кабаковъ освободило людей, склонныхъ къ пьянству, отъ кабалы, которая выпадала имъ на долю. Мѣстомъ кабалы служилъ кабакъ, гдѣ принималось въ закладъ убогое имущество крестьянъ. Теперь не существуетъ болѣе этого мѣста заклада. Но есть ли данныя утверждать, что сельскій ростов-

ШИКЪ, если онъ и не торгуетъ виномъ, не исполняетъ этой функціи кабатчика? Несомнѣнно, онъ исполняетъ эту функцію: давая деньги въ ссуду на покупку лошади, коровы, сѣмянъ, уплату податей, онъ ссужаетъ мельчайшими суммами на выпивку и обезпечиваетъ эти ссуды залогомъ крестьянскаго скарба. Ростовщическія дѣйствія, какъ извѣстно, принадлежать къ числу тѣхъ, которыя не легко поддаются наблюденію. Но думать, что каждый сельскій ростовщикъ не дастъ мелкихъ суммъ на попойки, — думать такъ потому только, что объ этомъ не слышно, — значить жить въ царствѣ мечты: соблазнъ выпить для людей, которые усвоили эту привычку, такъ великъ, а разница между залогомъ поддевки и топора у цѣловальника и залогомъ у сосѣда-ростовщика такъ ничтожна, что никто, имѣющій наклонность къ пьянству, не затруднится фактомъ устраненія кабака и найдеть нужный ему двургивенный въ другомъ мѣстѣ.

Но, вѣдь, есть попечительства о народной трезвости; на нихъ возлагаютъ много надеждъ. Мы твердо вѣримъ, что проповѣдь трезвости со стороны людей, горячо убѣжденныхъ въ этомъ и подающихъ примѣръ воздержности, можетъ принести обильные плоды. Извѣстно вліяніе, которое оказывала въ Англіи и, особенно, въ Ирландіи проповѣдь Матью. Извѣстно, что въ Швеціи, Норвегіи, Финляндіи, Соединенныхъ Штатахъ общества трезвости способствовали уменьшенію пьянства. Эти союзы потому и оказываютъ такое вліяніе, что образуются, помимо всякаго внѣшняго принужденія, изъ людей, которые безкорыстно преданы дѣлу и у которыхъ слова строго соотвѣтствуютъ поступкамъ. И у насъ есть примѣры такого естественнаго образованія обществъ трезвости — чаще въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ. Однимъ изъ важныхъ условій для воздѣйствія общества трезвости на людей, склонныхъ къ опьяненію, служитъ близость послѣднихъ къ членамъ первыхъ, принадлежность тѣхъ и другихъ къ одному и тому же общественному слою, возможность для пьяницы видѣть и часто видѣть, какъ живетъ трезвый, и всегда быть свидѣтелемъ его воздержности. Составляя въ этомъ отношеніи сельскія и городскія общества трезвости, мы отдаемъ предпочтеніе первымъ. Жертвами пьянства являются преимущественно бѣдные люди, въ городахъ — мѣшане, ремесленники, фабричные работники, самые мелкіе чиновники. Сельское общество трезвости состоитъ изъ крестьянъ, которые въ отношеніи бытовомъ образуютъ вмѣстѣ съ деревенскими пьяницами одну сплошную массу, а потому въ селѣ общество трезвости можетъ оказывать большое вліяніе. Городское общество трезвости образуется людьми состоятельныхъ классовъ, къ которымъ ихъ кліенты-пьяницы вовсе не вхожи. Члены городского общества трезвости, соціально рѣзко отграниченные отъ пьянствующаго люда, могутъ соприкасаться съ ними только поверхностно: по-очередно дежурить въ чайныхъ, читать нравоучительные рассказы и проч. Весь же домашній бытъ этихъ людей лежитъ за тридевять земель отъ нуждъ, печалей и заботъ фабричнаго и мастерового люда, склоннаго къ пьянству. А потому и вліяніе этихъ обществъ можетъ быть только очень незначительно. Поэтому развѣ дѣти мо-

гугь считать заслугой общества трезвости, что оно открыло столько-то чайныхъ. Но городскія общества, состоящія изъ частныхъ лицъ, образуемыя безъ всякаго толчка извнѣ, могутъ быть названы союзами добровольцевъ: одни становятся членами, такъ какъ это вошло въ моду; другіе же вступаютъ потому, что имѣютъ искреннее расположеніе къ этому дѣлу. Попечительства о народной трезвости не могутъ даже имѣть и то вліяніе, какое оказываютъ городскія общества трезвости. Попечительства остаются подъ давленіемъ извнѣ. Законъ о попечительствахъ, изданный въ началѣ 1894 года, приглашаетъ къ участію въ нихъ всю мѣстную администрацію, которая считаетъ себя обязанной пристать къ этому дѣлу, хотя бы большинство ея членовъ вовсе не было расположено не только къ воздержанію отъ спиртныхъ напитковъ, но и къ проповѣдыванію трезвости. Законъ поощряетъ членовъ общества обѣщаніемъ почетныхъ наградъ и отпускаетъ денежныя суммы въ распоряженіе попечительствъ. Можно ли допустить, чтобъ эти союзы хотя въ малой мѣрѣ воздѣйствовали на пьянство? Самая постановка вопроса ручается за то, что повсюду возникнутъ попечительства. Въ Петербургѣ этого хотятъ, и вся провинція покроется сѣтью союзовъ, заботящихся о народной трезвости. Всѣ чиновники поступятъ въ члены; отъ нихъ постараются не отстать многіе землевладѣльцы-дворяне, именитое и среднее купечество. Члены будутъ считаться многими тысячами, но они будутъ безконечно далеки отъ тѣхъ, которыхъ было бы желательно удерживать отъ пьянства; первые будутъ относительно послѣднихъ не близкими людьми, а просто «начальствомъ».

Винная монополія казны можетъ оказать значительную услугу и въ дѣлѣ борьбы съ русскимъ пьянствомъ; но эта услуга можетъ быть только косвенной. Излишекъ въ питейномъ доходѣ можетъ получить различныя назначенія. Онъ можетъ быть употребленъ или на увеличеніе расходовъ по какой-либо статьѣ нашего бюджета, или на уменьшеніе какого-либо налога. Было бы всего полезнѣе употребить весь приростъ этихъ доходовъ на развитіе народнаго образованія. Теперь поставленъ вопросъ о введеніи всеобщаго обученія. Было бы очень хорошо, еслибы возрастаніе доходовъ изъ этого источника повело правительство къ организаціи всеобщаго обученія, на первыхъ порахъ хотя бы только въ 3—4 губерніяхъ. Бѣдность и невѣжество являются главными условіями, благопріятствующими развитію пьянства. Борьба съ каждымъ изъ этихъ условій посредствомъ обще-культурныхъ мѣръ можетъ быть гораздо болѣе успѣшна, нежели попытка уменьшить пьянство закрытіемъ кабаковъ или созданіемъ официальныхъ попечительствъ о народной трезвости.

1 сентября 1895 года высочайше утверждено положеніе о состоящемъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Попечительство имѣетъ цѣлью содѣйствовать учрежденію домовъ трудолюбія, а также поддерживать уже существующія благотворительныя заведе-

я этого рода. Въ этихъ видахъ попечительство а) выдаетъ въ потребныхъ случаяхъ денежныя пособія на открытіе домовъ трудолюбія, б) поддерживаетъ уже учрежденные дома трудолюбія одновременными пособіями срочными ссудами и в) дѣлаетъ указанія какъ относительно устройства домовъ трудолюбія, такъ и относительно наиболѣе цѣлесообразнаго направленія ихъ дѣтельности. Въ составъ попечительства входятъ члены четырехъ разрядовъ: дѣйствительные, почетные, благотворители и соревнователи. Дѣйствительными членами состоятъ лица, назначаемыя на 3 года Августѣйшею Покровительницею въ составъ комитета, для завѣдыванія дѣлами попечительства. Почетными членами могутъ быть члены Россійской Императорской Фамиліи, иностранныя высочайшія особы, а также духовныя и свѣтскія лица, которыя оказали попечительству услуги выдающимися пожертвованіями или инымъ образомъ содѣйствовавшія успешному развитію дѣтельности попечительства. Почетные члены утверждаются въ этомъ званіи по непосредственному усмотрѣнію Ея Императорскаго Величества. Дабы получить званіе члена-благотворителя, лицо обязано внести одновременно не менѣе 1,000 руб. или обязаться ежегодно вносить не менѣе 100 руб. И, наконецъ, члены-соревнователи вносятъ 100 рублей одновременно или по 10 рублей ежегодно. Почетные члены и члены-благотворители получаютъ порученія по обзору отдѣльныхъ домовъ трудолюбія. Доходы попечительства слагаются изъ обычныхъ категорій доходовъ благотворительныхъ обществъ; но одновременно отчисляются 500,000 руб. изъ суммъ общественнаго призрѣнія. Управление дѣлами попечительства сосредоточивается въ комитетѣ, предсѣдательницею котораго является Августѣйшая Покровительница; въ составъ комитета входятъ также вице-предсѣдатель или вице-предсѣдательница и 10 дѣйствительныхъ членовъ. Комитетъ можетъ пригласить въ свое засѣданіе съ совѣщательнымъ голосомъ лицъ, которыя могутъ быть полезны попечительству. Это положеніе объединяетъ дома трудолюбія, которые за послѣдніе годы возникли въ разныхъ городахъ Россіи. Ихъ насчитывается болѣе 25. Составъ попечительства даетъ основаніе думать, что оно привлечетъ большіе капиталы, которые и могутъ послужить источникомъ дальнѣйшаго развитія этихъ учреждений. Однако, для наиболѣе цѣлесообразной постановки дѣла въ домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, необходимо, чтобы члены попечительства возможно ближе ознакомились съ практикой этихъ учреждений въ Западной Европѣ. Англія, а за послѣднія десятилѣтія и Германія являются странами, въ которыхъ выработались разные типы домовъ трудолюбія и работныхъ. Вѣковой опытъ, особенно въ Англіи, показываетъ, что обезпечиваетъ правильное развитіе этихъ учреждений и приноситъ пользу ихъ населенію и чего нужно избѣгать. Конечно, близкое знаніе того, что уже сдѣлано на Западѣ, должно идти рука объ руку съ изученіемъ условій, среди которыхъ живетъ бѣдный, безработный людъ въ нашемъ отечествѣ.

Успѣшное развитіе домовъ трудолюбія можетъ улучшить положеніе многихъ городскихъ бѣдняковъ, немѣющихъ занятія, и облегчить управленіе городовъ посредствомъ мѣръ, направленныхъ на ночлежные дома и квартиры, гдѣ живутъ артели рабочихъ и, вообще, ютится бѣднякъ. Мы узнали изъ доклада М. В. Духовского московской городской думѣ, что дома, населенные московскими бѣдными, находятся въ ужасномъ состояніи. Г. Духовской, изучивъ въ качествѣ представителя пречистенскаго санитарнаго попечительства, дома въ районѣ Пречистенской части, пришелъ въ выводъ, что «помѣщенія бѣднѣйшаго класса населенія столицы, размѣщаемыя въ подвалахъ, углахъ, въ специально принаровленныхъ въ этихъ домахъ... находятся въ Москвѣ въ безусловно неудовлетворительномъ состояніи. Лица эти живутъ внѣ всякихъ мало-мальски своихъ гигиеническихъ условій и часто въ отвратительной нравственной обстановкѣ». М. В. Духовской указываетъ на домъ Рогожиной, какъ типичный представитель домовъ этого рода. Изъ 70 квартиръ 60 заняты мелкими коморочно-коечными квартирами. Объемъ каждой квартиры, при высотѣ 3½ аршина, колеблется отъ 2 до 15 сажень; квартиры сыры и темны, печи дымятъ. Зимой по вечерамъ квартиры такъ переполнены, что представляютъ ужасную картину. Изъ цѣлаго ряда цифръ, приведенныхъ въ докладѣ г. Духовского, мы узнаемъ, что на 1 обитателя этихъ квартиръ приходится отъ 0,4 до 0,6 куб. саж. воздуха. Въ другихъ домахъ, которые считаются уже не столь переполненными, на 1 обитателя приходится отъ 0,5 до 0,8 куб. саж. А, между тѣмъ, наименьшее количество на душу, согласно съ требованіемъ гигиены, составляетъ 2 куб. саж. Эти дома, въ требуя ежегоднаго ремонта и принося владѣльцамъ не менѣе 15% дохода, являются гнѣздами заразныхъ болѣзней. Г. Духовской, ссылаясь на опытъ въ большихъ городахъ Западной Европы, сдѣлавшихъ много для улучшенія жилищъ бѣдныхъ классовъ, предлагаетъ и московской думѣ содѣйствовать направленію частной благотворительности въ эту сторону и самой приняться за дѣло при помощи особаго займа. Конечно, предложеніе М. В. Духовского заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но такъ какъ общественное управленіе нашихъ городовъ и даже столицъ не отличается особенною предприимчивостію, то трудно рассчитывать, что въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаютъ много для улучшенія жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ. Частная благотворительность отличается большою подвижностію. И если правильная постановка дѣла въ домахъ трудолюбія будетъ сближать благотворителей съ населеніемъ угловъ и подваловъ, то получится болѣе благоприятное условіе и для того, чтобы добротныя даянія направлялись и въ эту сторону и облегчали удовлетвореніе городскимъ бѣднякамъ потребности въ жилищѣ.

Съ 28 августа по 2 сентября въ Москвѣ засѣдалъ съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ докладовъ былъ докладъ представителя министерства юстиціи сэна-

ра Таганцева, ознакомившаго собраніе съ новымъ проектомъ судопроизводства по дѣламъ о малолѣтнихъ преступникахъ. Проф. М. В. Духовой доложилъ съѣзду о работахъ парижскаго международнаго конесса по разнымъ вопросамъ, которые относятся до малолѣтнихъ преступниковъ. Директоръ одесскаго исправительнаго пріюта г. Савелко проталъ докладъ объ устройствѣ артельныхъ мастерскихъ для питомцевъ пріютовъ, когда они отбыли срокъ заключенія. Обсуждался вопросъ о панонатѣ для питомцевъ по выходѣ изъ пріюта. Наконецъ, былъ обсужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли издать общее положеніе объ исправительныхъ пріютахъ. Проектъ такого положенія выработанъ бюро съѣздовъ по порученію 3 съѣзда. Проектъ, состоящій изъ 21 параграфа, былъ сдѣланъ предметомъ обсужденія, причемъ участники съѣзда старательно отклонили всѣ статьи проекта, которыя вносятъ въ дѣло излишнюю регламентацію. Замѣтимъ, что Д. А. Дриль, представитель министерства юстиціи, энергично высказывался за исключеніе изъ проекта всѣхъ статей, которыя могутъ стѣснить свободное и самостоятельное развитіе этихъ заведеній.

30 сентября образованный Петербургъ почетно похоронилъ Надежду Васильевну Стасову, одну изъ наиболее симпатичныхъ, умныхъ и энергическихъ женщинъ, трудами которыхъ созданы высшіе женскіе курсы и положено доброе основаніе для университетскаго образованія женщинъ. Представительницы петербургскихъ такъ называемыхъ бестужевскихъ курсовъ въ горячихъ рѣчахъ помянули плодотворную дѣятельность покойной Г. В. Стасовой. Она скончалась въ тотъ моментъ, когда, послѣ долгаго и томительнаго ожиданія, женское образованіе вновь признается дѣломъ полнымъ достойнымъ заботливости правительства и живѣйшаго сочувствія общества.

4 октября исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго профессора Московскаго университета Тимофея Николаевича Грановскаго. Москва помянула его въ этотъ день. На могилѣ проповѣдника гуманности была отслужена панихида. Нѣсколько профессоровъ (далеко не для всѣхъ нынѣшнихъ преподавателей Московскаго университета дорога память Грановскаго), писателей, довольно много студентовъ и слушательницъ женскихъ курсовъ собралось передъ памятникомъ, украшеннымъ растеніями и цвѣтами, у подножія котораго лежали два вѣнча отъ студентовъ. Профессоръ Корелинъ, гг. Якушкинъ и Чеботаревскій произнесли хорошія, простиыя, искреннія рѣчи. Одинъ изъ студентовъ прочелъ написанное имъ въ честь Грановскаго стихотвореніе. Вечеромъ въ тотъ же день состоялось засѣданіе Историческаго общества, въ которомъ гг. Герье и Якушкинъ посвятили свои рѣчи Грановскому, а г. Ключевскій—Сергѣю Михайловичу Соловьеву, скончавшемуся шестнадцать лѣтъ тому назадъ также 4 октября.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Международныя отношенія къ концу нынѣшняго года усложняются. Армянскій вопросъ принялъ острый характеръ. Въ Константинополѣ, въ Трапезундѣ, во многихъ городахъ и селеніяхъ Турціи происходитъ избиеніе христіанъ (армянъ). Христіанскія миссія подвергаются разгрому, христіане убиваются въ Китаѣ. Англія энергично выступаетъ въ защиту европейцевъ и требованій европейской культуры и на дальнемъ Востоке, и передъ Блистательною Портой. И въ послѣднемъ случаѣ правительство лорда Салисбюри можетъ попасть въ довольно затруднительное положеніе. Несомнѣнно, что заступничество Великобританіи за турецкихъ армянъ подняло ихъ духъ. Требования турецкому правительству предъявлены въ опредѣленной и рѣшительной формѣ. Если они не будутъ исполнены, Англіи придется перейти отъ угрозъ къ дѣйствіямъ. Британскій флотъ въ Архипелагѣ усиленъ въ послѣднее время и можетъ форсировать Дарданеллы. Что же произойдетъ потомъ? *Занять Константинополь англичане едва ли будутъ въ состояніи.* Фанатическое мусульманское населеніе этого города начнетъ повальное избиеніе христіанъ. Такъ или иначе, другимъ великимъ державамъ придется вмѣшаться и можетъ вспыхнуть общеевропейскій пожаръ. Долгомъ европейской дипломатіи было бы, въ предотвращеніе великихъ бѣдствій войны, твердо поддержать въ Константинополѣ справедливыя, основанныя на международномъ договорѣ требованія Великобританіи. Наши внутренніе турки возстанутъ противъ этого и находятъ, что избиеніе армянъ въ Константинополѣ за ихъ мирную демонстрацію въ пользу реформъ, обѣщанныхъ великими державами (въ томъ числѣ, разумѣется, и Россію) есть утѣшительное *возстановленіе порядка.* Но такая анти-христіанская и *не русская* точка зрѣнія составляетъ принадлежность незначительной лишь группы публицистовъ, самозванно присвоившихъ себѣ въ послѣдніе годы истолкованіе «русскаго духа». Политика Англіи часто бывала корыстна и жестока, это не подлежитъ сомнѣнію. Такова бывала и политика всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ. Но изъ Англіи же выходили могучіе призывы къ борьбѣ противъ невольничества, на загл

иетаемых болгаръ, а теперь армягъ. Разныя соображенія собственнаго государственнаго интереса могутъ побуждать наше правительство сдержанно и осторожно дѣйствовать въ армянскомъ вопросѣ. Но нѣтъ интереса, достойнаго великаго народа, который побудилъ бы наше государство прямо и косвенно поддерживать дикій и жестокій произволъ турецкихъ властей въ Арменіи или въ самомъ Константинополѣ.

Почти то же самое можно сказать и о нашемъ новомъ восточномъ *уче помевомъ*—Китаѣ. Не мало русской крови, усилій и ума понадобилось для того, чтобы стать твердою ногой на Амурѣ и Уссуріи. Въ южной Азіи Небесная имперія также являлась для насъ опаснымъ соседомъ, и намъ пришлось отказаться отъ Кульджи, чтобы не довести дѣла войны съ Китаемъ. Побѣды японцевъ не даютъ никакого основанія для того, чтобы намъ видѣть друзей въ китайцахъ. По нашему мнѣнію, въ высшей степени было бы унижительно для Россіи искать союза или благоклонно принимать искательства политической дружбы со стороны фанатически-магометанской Турціи, ненавидящаго христіанство и европейскую цивилизацію языческаго Китая, подозрительно православной и несомнѣнно иной Абиссиніи. Въ интересахъ европейскаго мира достаточно нашей дружбы (быть можетъ, и союза) съ Французскою республикой. Россійская имперія есть государство европейское,—въ особенности послѣ преобразованій императора Александра Второго,—и мы съ гордостью и радостью можемъ отмѣтить новый фактъ, свидѣтельствующій объ уваженіи и довѣріи къ Россіи со стороны просвѣщеннѣйшихъ странъ Западной Европы: Великобританское и голландское правительства, по взаимному соглашенію, обратились къ нашему правительству съ просьбою принять на себя третейскій судъ въ ихъ спорѣ. Предложеніе было принято, судьей назначенъ профессоръ Мартенсъ,—и это назначеніе, по сообщенію *Правительственнаго Вѣстника*, съ благодарностью принято Великобританіей и Нидерландами. Сторонникъ мира, — въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе *русскій* сторонникъ мира,—не можетъ не признать этого факта въ высшей степени отраднымъ. Здѣсь торжествуютъ идея справедливости и гуманная наука, надъ которыми такъ часто потѣшаются нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ-консерваторовъ.

Газеты сообщили, что французскія войска овладѣли столицей говасовъ. Цѣль экспедиціи, такимъ образомъ, достигнута. Въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ (радикальныхъ и монархическихъ) мы встрѣчали рѣзкія нападенія на правительство (на военное и морское министерства) за неумѣлое веденіе этой экспедиціи. Не беремса, конечно, судить, основательны ли эти нападенія. Во всякомъ случаѣ, такое предпріятіе, какъ завоеваніе Мадагаскара,—мало изслѣдованной страны, площадь которой болѣе Франціи,—было дѣло труднымъ. Французскія войска много терпѣли отъ нездороваго климата. Двигаясь впередъ, имъ приходилось прокладывать дороги, заботиться о сохраненіи сообщенія съ Маюнгой, о своевременной

доставѣ продовольствія и т. д. Экспедиція стоила нѣсколько сотъ тысячъ и около семидесяти милліоновъ франковъ. Установить ли Франція на Мадагаскаромъ «тѣсный протекторатъ» (что вѣроятнѣе и благоразумнѣе) или просто присоединить къ себѣ островъ, — фактически онъ все равно будетъ въ ея распоряженіи, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ его внѣшней торговлѣ (разныя племена, болѣе или менѣе подчинившіяся говасамъ, могутъ остаться въ столь же неопредѣленномъ положеніи и по отношенію къ французамъ, — въ ближайшее, по крайней мѣрѣ, будущее). Общественное мнѣніе Франціи успокоено и обрадовано военнымъ успѣхомъ тяжелой колониальной экспедиціи, и кабинетъ Рибо къ открытію парламентской сессіи оказывается болѣе прочнымъ, чѣмъ это предполагали еще въ недавнее время. Впрочемъ, внутренняя политика кабинета, его отношеніе къ нуждамъ рабочаго класса и къ темнымъ финансовымъ продѣлкамъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ продолжаетъ возбуждать во многихъ не безъ основательное негодованіе.

Къ новымъ колониальнымъ захватамъ, по послѣднимъ телеграфнымъ свѣдѣніямъ, приступаетъ и Италія. Предрекаютъ, что борьба съ Абиссиніей будетъ стоять ей дорого. Внутреннее положеніе государства далеко не блестяще. Въ нѣсколькихъ провинціяхъ (въ томъ числѣ въ Сициліи) масса населенія бѣдствуетъ. Военная экспедиція ляжетъ новымъ и очень тяжелымъ бременемъ на итальянскомъ народѣ. Но правительство, руководимое Криспи, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія останавливаться передъ подобными соображеніями. «Великодержавность» составляетъ его неизлечимую манію. Эта манія сказалась и въ торжествахъ по случаю двадцатипятилѣтія вступленія итальянскихъ войскъ въ Римъ. Криспи произнесъ при открытіи памятника Гарибальди длинную рѣчь, оправдывавшую отнятіе у папы свѣтской власти. Среди итальянскихъ католиковъ (не говоря уже о католикахъ въ другихъ странахъ) рѣчь министра-президента возбудила сильное неудовольствіе. Папа въ письмѣ къ кардиналу Рамполлѣ рѣзко осуждаетъ празднованіе 20 сентября 1870 года и мысли, которыя высказывалъ Криспи. Левъ XIII возмущается *апотеозомъ революціи*, который устроило итальянское правительство. Онъ указываетъ на партійные раздоры, на бѣдствія, которыя испытываетъ народъ объединенной Италіи, рѣшительно отвергаетъ увѣренія Криспи, что папскій престолъ пользуется полною независимостью. «Это, — пишетъ папа, — не дѣйствительная, но внѣшняя независимость, эфемерная благодаря тому, что она подчинена капризу другой стороны. Кто далъ ее вчера, тотъ можетъ уничтожить ее сегодня». Левъ XIII требуетъ возстановленія свѣтской власти папы, возвращенія имъ Рима. «Если итальянцы послушаются насъ, — говоритъ римскій первосвященникъ, — если въ традиціяхъ предковъ и въ сознаніи своихъ истинныхъ интересовъ они почерпнутъ мужество, необходимое для того, чтобы свергнуть это *маскированное* (!), то мы откроемъ нашу душу самымъ сладкимъ надеждамъ. Если же этого не будетъ, то новыя опасности и новыя несчастія не замедлятъ

вразиться надъ итальянскою землею». Это, какъ видятъ читатели, открытое объявленіе войны королю Гумберту и его правительству. Быть можетъ, Криспи преднамѣрно постарался обострить отношенія съ Ватиканомъ: противъ клерикализма и противъ стремленія отнять у Италіи ея нынѣшнюю столицу большая часть противниковъ Криспи выступить его союзниками. Въ такомъ случаѣ всѣ другіе вопросы, какъ бы они ни были важны, отодвинулись на второй планъ, и Криспи, можетъ быть, удастся умереть министромъ-президентомъ. Но такая изворотливость бывшаго радикала и трибальдія не дешево обойдется итальянскому народу и новыя бѣдствія, которыхъ пророчествуетъ папа, на самомъ дѣлѣ, могутъ оказаться недалежими. Во всякомъ случаѣ, благодаря политикѣ Криспи, росту милитаризма, плохой податной системѣ, отсутствію серьезныхъ мѣръ для улучшенія положенія земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ, клерикализмъ въ Италіи подымаетъ голову. Мы уже много разъ говорили, какъ искусно пользуется Ватиканъ социальнымъ вопросомъ для увеличенія авторитета римско-католической церкви. Такая политика можетъ разсчитывать на особенный успѣхъ въ странѣ, какъ Италія, гдѣ во многихъ провинціяхъ масса населенія погружена еще въ глубокое невѣжество.

Въ томъ же мѣсяцѣ, въ который Италія шумно праздновала двадцатипятилѣтіе своего государственнаго объединенія, минула четверть вѣка существованія Французской республики. Со времени первой революціи ни разу еще смѣнявшіяся во Франціи формы правленія не доживали до такого срока. Республика пустила глубокіе корни и надежды бонапартистовъ и орлеанистовъ на восстановленіе монархіи съ каждымъ годомъ уменьшаются. Возникшая въ ужасную для Франціи годину, когда крушеніе имперіи, казалось, повлечетъ за собою гибель страны, республика спасла честь Франціи, возстановила ея экономическія силы, достигла блестятельныхъ успѣховъ въ народномъ образованіи. Сторонники монархіи долгое время старались запугивать французское общественное мнѣніе тѣмъ одиночествомъ, въ которомъ республика должна была находиться среди монархическихъ державъ. Событія показали, однако, что Франція вовсе не изолирована, что она могла вступить въ тѣсное соглашеніе съ нашимъ отечествомъ, и это соглашеніе французскій министръ иностранныхъ дѣлъ называлъ даже союзомъ.

Никакихъ празднествъ по случаю двадцатипятилѣтія третьей республики во Франціи не происходило. *Journal des Débats* замѣчаетъ, что иначе и быть не могло: воспоминаніе объ основаніи республики неразрывно связано съ мрачными воспоминаніями о несчастной войнѣ. Первая республика была провозглашена послѣ побѣды при Вальми, когда было отражено иностранное нашествіе, нынѣшняя республика явилась послѣ позорнаго пораженія наполеоновской Франціи при Седанѣ. Не легко было залечить тяжелыя раны, труднымъ оказался и новый порядокъ управленія, потому что бюрократизмъ вошелъ въ плоть и кровь французскаго общества. Несомнѣнно, однако, что это

общество сдѣлало во многихъ отношеніяхъ значительные успѣхи. Они были неизмѣримо болѣе велики, если бы милитаризмъ не истощалъ силы французскаго народа и если бы законодательство не развивалось такъ медленно въ области экономической и финансовой жизни.

Выборы въ вѣнскую городскую думу окончились поражениемъ нѣмецкой либеральной партіи. Объ ошибкахъ этой партіи, объ упорной несправедливости, съ которой она относится къ нуждамъ рабочихъ и къ стремленіямъ чеховъ и словенцевъ, мы много разъ говорили. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ большихъ основаній привѣтствовать побѣду коалиціи, въ которой главную роль играли антисемиты. Ихъ вожаки, съ докторомъ Люгеромъ во главѣ, не скупились на обѣщанія, но едва ли захотятъ и будутъ въ состояніи исполнить эти обѣщанія. Во всякомъ случаѣ, тяжелый урокъ, полученный либералами-централистами, вполне заслуженъ, и понятна радость, съ которою привѣтствуютъ ихъ поражение чешскія газеты. *Politik* напоминаетъ, что нѣмцы-либералы владѣли въ вѣнской думѣ большинствомъ непрерывно въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ. Ихъ поражение газета считаетъ окончательнымъ. Но и *Politik* указываетъ на разнородность анти-либеральной коалиціи, на трудность объединить общую положительную программой антисемитовъ, христіанскихъ социалистовъ и нѣмецкихъ націоналистовъ.

Въ Германіи за событіями во внутренней жизни Цислейтаніи слѣдятъ съ понятною тревогой. Вопросъ о будущемъ австро-нѣмецкой либеральной партіи горячо обсуждается въ германской печати. Въ *Preussischen Jahrbüchern* печатаются статьи, въ которыхъ говорится о возможности и желательности измѣненія австрійской конституціи въ федералистическомъ смыслѣ. Авторъ одной изъ этихъ статей (въ августовской книжкѣ) полагаетъ, что нѣмцы безъ всякаго вреда для своихъ существенныхъ интересовъ могли бы вступить въ соглашеніе съ чехами. Этимъ двумъ національностямъ несомнѣнно принадлежитъ руководство австрійскою частью имперіи,—говорить, къ нашему удивленію, германскій публицистъ (...dieser zwei Nationalitäten, «denen die Leitung des oesterreichischen Theiles der Monarchie zweifellos gebührt»). На эту статью въ сентябрьской книжкѣ возражаетъ «высокопоставленный австрійскій государственный человѣкъ». Онъ находитъ, что федерализмъ окажется вреднымъ для австрійскихъ нѣмцевъ, но рѣшительно вооружается противъ стѣсненій, къ какимъ прибѣгли австро-нѣмецкіе либералы, не допуская, напримѣръ, открытія словенской гимназіи въ Чили. По его мнѣнію, плохо думаютъ о германизмѣ тѣ, кто старается охранять его подобными средствами. Редакція *Preuss. Jahrb.* съ своей стороны полагаетъ, что централизмъ въ Австріи мертвъ, что габсбургская монархія должна быть перестроена на федералистическомъ началѣ. Такое мнѣніе весьма серьезнаго германскаго журнала является добрымъ признакомъ роста общественнаго сознанія. Не бесполезно было въ интересахъ развитія этого сознанія опубликованіе газетою *Vorwärts* писемъ со стороны мно изъ

возвѣщенныхъ прусскихъ консерваторовъ къ главному публицисту этой партіи, барону Гаммерштейну. Самъ баронъ, какъ извѣстно читателямъ, потерялъ деньги, порученныя ему для общественныхъ цѣлей, совершилъ целый рядъ другихъ уголовныхъ преступленій и спасается бѣгствомъ изъ Германіи. Консерваторъ *fin du siècle*. Особенный эффектъ возбудило слово пастора Штѣкера. Этотъ протестантскій іезуитъ развиваетъ передъ рономъ Гаммерштейномъ безсовѣстный планъ систематическаго обманыванія императора Вильгельма II въ интересахъ консервативной партіи и вождей. Штѣкеръ, которому тогда политика князя Бисмарка казалась рѣзъ-чуръ умѣренной, указываетъ, какъ надо было клеветать на императора канцлера и раздражать самолюбіе молодого и властолюбиваго монарха, чтобы довести дѣло до разрыва между нимъ и Бисмаркомъ. Этотъ эпизодъ изъ темной дворцовой интриги весьма характеренъ для современной Германіи, гдѣ консерваторамъ самъ Бисмаркъ представлялся недостаточно благонадежнымъ.

Послѣ опубликованія этихъ знаменитыхъ отнынѣ писемъ въ лагерѣ консерваторовъ и ихъ приспѣшниковъ на первыхъ порахъ произошло было смутеніе. Потомъ они нѣсколько оправались и ихъ газеты заявляютъ, что ничего особеннаго не случилось.

Neue Freie Presse замѣтила какъ-то, что бельгійскаго короля Леопольда слѣдуетъ рѣдкое несчастье: онъ все болѣе и болѣе теряетъ популярность, хотя его выдающіяся личныя качества признаются даже его ожесточенными противниками. *Независимое государство Конго* оказалось далеко не блестящимъ предпріятіемъ. Оно находится «въ собственности» самого короля Леопольда и Бельгія не желаетъ присоединенія къ ней этой колоніи. Независимую поѣздку короля въ Парижъ ставятъ въ связь съ его намѣреніемъ продать Конго Франціи.

Еще болѣе тяжелый ударъ популярности короля Леопольда наноситъ утвержденіе имъ новаго школьнаго закона, отдающаго народное образованіе въ руки клерикаловъ. Несмотря на нѣкоторыя поправки и уступки, сдѣланныя во время обсужденія законопроекта Весте-Шеллоерта въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ, онъ, все-таки, сохранилъ реакціонный характеръ. Противъ него возставали многіе изъ лучшихъ представителей консервативной партіи, напримѣръ, бывший министръ-президентъ Бернаертъ, бывший министръ юстиціи Лажэнъ. Въ странѣ начинается снова сильное движеніе, какъ это было передъ избирательною реформой. Нѣкоторые вожди рабочихъ сознаютъ теперь, что они поступали неправильно, покинувъ тогда въ избирательной борьбѣ либераловъ, которые добились распространенія избирательныхъ правъ на массу рабочаго населенія.

Намъ доставлена софійская газета *La Bulgarie*, перешедшая съ конца сентября въ руки новой редакціи. Газета ставитъ своею цѣлью ознакомле-

ніе Европы съ истиннымъ положеніемъ вещей въ Болгаріи и борьбу съ клеветою и обвиненіями, которыя раздаются противъ княжества (т.-е. противъ его правительства). Мы можемъ, конечно, только привѣтствовать такое намѣреніе и пожелать болгарской газетѣ достойно его выполнить. *La Bulgare* заявляетъ себя сторонницей искренняго сближенія съ нашимъ отечествомъ и подтверждаетъ, что болгарскій народъ сохранилъ добрыя чувства къ Россіи. Мы думаемъ, что это въ значительной степени справедливо и что ошибки болгарскихъ правителей (отчасти и русской дипломатіи) не вырыли между Болгаріей и ея освободительницею отъ турецкаго ига непроходимой пропасти. Но за добрыми словами должны послѣдовать и добрыя дѣла.

В. Г.

Письмо въ редакцію *).

Позвольте мнѣ на страницахъ вашего журнала протестовать противъ упорной защиты со стороны *Русской Мысли* и другихъ либеральныхъ изданій необходимости всеобщаго народнаго образованія. Великій государственный мужъ, смирившій во Франціи крамолу и давшій ей политическое величіе, кардиналь Ришелье, глубокомысленно замѣтилъ: какъ чудовищно было бы то тѣло, у котораго были бы глаза повсюду, такъ чудовищно и государство, если въ немъ всѣ подданные будутъ образованы. Тогда окажется мало послушанія.

Нельзя поэтому не привѣтствовать, вопреки либеральнымъ крикунамъ, московскую городскую думу, которая для народнаго образованія старается дѣлать какъ можно меньше и хуже. Считаю своимъ долгомъ привести новыя этому доказательства и обращаю вниманіе читателей на *Отчетъ о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденныхъ московскою городскою думой, за 1894—95 учебный годъ*. Спрашиваю прямо: какое либеральное земство поручило бы составленіе этого отчета и учебно-воспитательный надзоръ за школами человѣку безграмотному? Ни одно! А московская городская дума, крѣпкая русскимъ духомъ, не убоилась осужденія со стороны господъ доктринеровъ. Вотъ, на примѣръ, что напечатано въ *Отчетѣ*: «Часовые уроки прерываются *пятиминутными* перемѣнами, которыя въ нѣкоторыхъ училищахъ, по мѣстнымъ соображеніямъ, *продолжаются 10 минутъ*; большая до четверти часа, длительность перемѣны представляется едва ли удобною» (стр. 38). «Многія училища посѣщали художественную Третьяковскую галерею, развивая чувство изящнаго въ своихъ учащихся» (стр. 41). «Не слѣдуетъ стремиться, *чтобы* всѣ до одного ованчивающіе курсы учащихся достигли блестящихъ результатовъ, гораздо правильнѣе, *чтобы* дѣтей было болѣе въ отдѣленіи или классѣ, *чтобы* преподаваемое имъ было твердо и въ должной мѣрѣ усвоено, причемъ отдѣльные немногіе ученики сами достигнуть и большихъ успѣховъ, нежели вполнѣ удовлетворительный уровень класса» (стр. 46). Хорошо написа-

*) Въ интересахъ всесторонняго обсужденія важнаго вопроса мы охотно помѣщаемъ письмо нашего литературнаго противника. *Ред.*

но? Тысячу разъ правъ составительъ отчета, г. Лебедевъ, утверждая, что «въ начальномъ народномъ училищѣ важно не доставленіе знаній и умѣній, а, главнымъ образомъ, доброе воспитаніе» (стр. 39). Да и какъ печенный г. Лебедевъ, не умѣя даже грамотно писать по-русски, сталъ бы наблюдать за развитіемъ *знаній и умѣній*? Доброе же воспитаніе дастъ ему, очевидно, силу для добросовѣстнаго исполненія своихъ педагогическихъ обязанностей.

Само собою разумѣется, что при такомъ отношеніи къ дѣлу окажется переполненіе классныхъ комнатъ, недостатокъ учителей, частые отказы въ приемѣ учениковъ и т. п. Все это констатируется *Отчетомъ*, въ безграмотной, конечно, формѣ (напримѣръ: «По ариметическому *среднему подсчету* среднее число—штатное—было бы на отдѣленіе 37 учащихся, въ прошломъ году среднее число на отдѣленіе въ дѣйствительности было 42,0, а въ отчетномъ необычайно высоко—42,3 человекъ» (стр. 19). Многие ученики покидаютъ школу до окончанія курса (въ *Отчетѣ* объ этомъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Главнѣйшею причиною выбытія учащихся до окончанія курса остается *имущественная необходимость съ семьей учащихся*, какъ то видно изъ наблюденій», стр. 25).

Отчетъ г. Лебедева, члена городской управы, нѣсколько портится отчетами училищныхъ врачей: въ нихъ указано множество вопиющихъ недостатковъ въ постановкѣ школьнаго дѣла. Не слѣдовало, по моему мнѣнію, ихъ вовсе печатать: они могутъ дать только пищу для либеральнаго пустословія. Въ заключеніе нельзя не пожелать г. Лебедеву долгихъ и долгихъ лѣтъ столь же плодотворной дѣятельности. Желаю ему и побольше послѣдовательности. Въ заключеніи отчета онъ говоритъ о необходимости изгнать изъ школы многопредметность. Слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе: кромѣ Закона Божія, надо обучить читать, писать, четыремъ правиламъ ариметики—и только. Въ старшихъ отдѣленіяхъ преподаваніе нужно еще болѣе сконцентрировать на одномъ диктантѣ. Доброе поведеніе отъ этого только выиграетъ.

Московскій обыватель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь

1895 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Земельное хозяйство.—Изданія для народа.—Справочныя книги и календари. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», августъ.—«Сѣверный Вѣстникъ», сентябрь.—«Вѣстникъ Европы», сентябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Три конца“. Д. Мамина-Сибиряка.—„Записки духа“. В. Л. Величко.—„Китайскія тѣни“. П. П. Гудича.—„Собраніе стихотвореній“ Виктора Гюю.

Три конца. (Уральская лѣтопись). Д. Мамина-Сибиряка. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Цѣна 2 руб. Авторъ совершенно правильно назвалъ это свое произведеніе *Уральскою лѣтописью*, такъ какъ въ этомъ повѣствованіи нѣтъ ни первенствующихъ героя и героини, ни послѣдовательно развивающагося дѣйствія, состоящаго въ прямой и непосредственной связи съ центральными лицами, сосредоточивающими на себѣ все вниманіе и весь интересъ читателей. *Три конца* — не цѣльная даже картина, заключенная въ одну раму, это—рядъ картинъ, рядъ повѣствованій, соединенныхъ между собою единствомъ мѣста, идеи и многихъ дѣйствующихъ лицъ, послѣдовательно являющихся въ различныхъ житейскихъ столкновеніяхъ. Общимъ центромъ для всего служитъ огромный металлургическій заводъ съ приписными къ нему пятью тысячами душъ крестьянъ, собранныхъ владѣльцами съ разныхъ сторонъ Россіи и живущихъ тремя поселками или „концами“, какъ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такіа отдѣльныя поселенія одного управленія или одного прихода. *Лѣтопись* г. Мамина начинается въ любопытѣйшій моментъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ манифестомъ 19 февраля 1861 года и захватываетъ лишь послѣдній день рабства многихъ тысячъ заводскихъ людей подъ управленіемъ, состоящимъ сплошь изъ крѣпостныхъ, начиная съ „самого“ главноуправляющаго, грознаго Луки Назаровича. Этотъ крѣпостной административный персоналъ, 35 лѣтъ назадъ сошедшій со сцены и могущій показаться нынѣ чѣмъ-то совершенно легендарнымъ, поразительно вѣрно и типично изображенъ г. Маминымъ въ его *Лѣтописи*, которая во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою вполне достовѣрное описаніе того, что было въ дѣйствительности въ дореформенныя времена. Мы считаемъ себя вправе утверждать это категорически, такъ какъ близко видѣли управленія

огромными барскими имѣніями, состоявшими въ полномъ распоряженіи крѣпостныхъ людей, занимавшихъ должности главноуправляющихъ, управляющихъ, прикащиковъ, конторщиковъ, лѣсничихъ, фельдшеровъ, учителей и т. д. Большое впечатлѣніе производитъ разсказанный въ *Лѣтописи* эпизодъ съ нѣсколькими молодыми людьми, отправленными, по волѣ господина, обучаться горнозаводскому дѣлу въ нѣшія учебныя заведенія Франціи. „Часть воспитанниковъ получила дипломы въ Ecole des mines, а другіе въ знаменитой Ecole polytechnique. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Piègre Mouchine, окончившій курсъ первымъ ученикомъ...“ Многіе изъ этихъ молодыхъ людей пережились за границей на иностранкахъ, когда неожиданная смерть владѣльца заставила ихъ вернуться на родину крѣпостными: баринъ забылъ отдать имъ вольныя. Несчастныхъ, европейски образованныхъ рабочихъ постигла ужасная участь: ихъ образованность, привычки, усвоенныя въ чужихъ краяхъ, ихъ иноземные костюмы, ихъ жены иностранки словомъ, все, что принесли они съ собою, озлобляло до дикаго сточенія заводское крѣпостное начальство, которое, не задумывая, обратило инженероу и техникуоу въ чернорабочихъ, отправило въ шахты выбивать руду, умышленно давая имъ чувствовать всю обузданность тяготѣвшаго надъ ними произвола... Пришла „воля“: для всѣхъ пришла она поздно: изъ десяти крѣпостныхъ инженероу какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ одинъ Мухинъ, добился положенія управляющаго; остальные погбли, кто спился, кто умеръ жертвою крѣпостной каторги, одинъ покончилъ самоубійствомъ, одинъ, выпороченный по приказанію Луки Назаровича, сошелъ съ ума... На одномъ изъ „трехъ концовъ“ развѣртывается широкая, блестящими красками написанная картина раскольниковъ быта. На другомъ „концѣ“ рывъ рывається рядъ драматическихъ сценъ, обусловленныхъ исканіемъ „вольной“ земли освобожденными крестьянами, не утратившими на подевольной заводской работѣ своей исконной любви къ хлѣбопашеству. Изъ домовъ „богатѣевъ“, сѣумѣвшихъ нажить состояніе во время крѣпостного положенія и живущихъ уже на купеческій ладъ, авторъ переноситъ насъ въ избы, гдѣ давятъ людей нищета, изводитъ голодомъ; изъ заводскаго центра онъ ведетъ читателя въ глушь раскольниковъ скитовъ, на раскольниковъ богомолье у могилы старца, почитаемаго ими за святого... Черезъ всю *Лѣтопись* проходитъ общій мотивъ — сдѣланіе отжитаго крѣпостнаго порядка новымъ положеніемъ, со своими новыми требованіями, въ силу которыхъ прежніе люди отходятъ къ сторонѣ, такъ или иначе расплачиваясь за бывшее, а новые люди становятся въ ихъ мѣста, пытаются повернуть жизнь народной массы по своей разумнѣю и усмотрѣнію, которая далеко не всегда приводитъ къ добру. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ эпизодъ перемѣны всего заводскаго управленія, удаленіе бывшихъ крѣпостныхъ новымъ главноуправляющимъ, горнымъ инженеромъ, назначеннымъ изъ Петербурга. Этотъ „новый“, чужой человекъ рѣшаетъ сразу повернуть все дѣло по-своему, на европейски-капиталистическій ладъ. Рабочіе, сносившіе всяческія тяготы, не могли помириться съ такимъ водвореніемъ порядковъ, совершенно не подходящихъ къ вѣками сложившимся характеру и обычаямъ народнымъ. Заводское населеніе отказалось отъ работы, побрело врознь. Не стерпѣвъ старикъ, крутой „крѣпостной“ крѣпостникъ Лука Назаровичъ, и пришелъ къ новому главноуправляющему, сталъ указывать ему на опасность: „Весь народъ разбѣжится съ нашихъ заводовъ! Значить, не втерпежь, если побросали и дома, и вся-

ое обзаведеніе, и побрели, куда глаза глядятъ“. — „Вы беспокоитесь совершенно напрасно: безъ рабочихъ не останемся. Наймемъ изъ другихъ мѣсть, наконецъ, выпишемъ изъ Россіи...“ — „Другихъ? — ужаснулся старикъ. — Нѣтъ, ужъ извините, другихъ такихъ-то вы днемъ съ огнемъ не сыщите... Напрасно... даже весьма напрасно: вѣдь, это полное разореніе. Сила уходитъ, капиталъ, котораго и не нажить... Послушайте меня, старика, опомнитесь... Вѣдь, это похуже крѣпостного права, ежели ужъ никакого житья не стало... По душѣ надо сдѣлать... Мы наказывали, мы и жалѣли при случаѣ. Тоже въ каждомъ своя созвѣсть есть...“ И Мухинъ, бывшій ученикъ политехнической школы, выстрадавшій свой вѣкъ при тѣхъ же уральскихъ заводахъ, предупредилъ новаго распорядителя: „Рабочіе, прежде всего, — люди, — говорилъ онъ. — У нихъ есть свое самолюбіе, извѣстныя традиціи, наконецъ, просто человѣческое достоинство... По моему мнѣнію, именно этихъ сторонъ и не слѣдуетъ трогать“. — „Это все сантиментализмъ, — возражалъ формалистъ главноуправляющій. — Я смотрю на рабочую силу какъ на всякую машину — и только. Ни больше, ни меньше. Каждая машина стоить столько-то и должна давать такой-то процентъ выгодной работы, а разъ этого нѣтъ, я выкидываю ее за бортъ. Развѣ можетъ быть самолюбіе у паровой машины? Вы отстали отъ современныхъ взглядовъ на крупную промышленность. Лучшій примѣръ для насъ — Европа, въ особенности Англія. У насъ рабочія массы страшно распущены и необходимо ихъ субординировать. Будемъ учиться у Европы“. — „Какъ мнѣ кажется, — не соглашался Мухинъ, — намъ не слѣдовало бы перенимать именно большія мѣста европейской промышленности, тѣмъ болѣе, что и условія производства у насъ нѣсколько иные“. Никакіе доводы не подѣйствовали на упорнаго насаждателя западно-европейскихъ фабричныхъ порядковъ на Уралѣ, и заводы остановились. Совершенно иными оказались не только „условія производства“, но и характеръ „рабочей силы“. „Почти все мужское взрослое населеніе разбрелось, куда глаза глядятъ, побросавъ дома и семьи. Случилось что-то стихійно-ужасное...“ Не стачка, не бунтъ, съ которыми можно управиться такъ или иначе, опираясь на весь сложившійся въѣмъ строй западно-европейской жизни, — произошло явленіе чисто-русское: „житья не стало“ и народъ ушелъ, побрелъ, куда глаза глядятъ, побросавши дома и семьи, ушелъ „капиталъ, котораго не нажить“, — капиталъ, у котораго оказались и самолюбіе, и свои традиціи, и сознаніе человѣческаго достоинства и который неотразимо доказалъ, что его нельзя „субординировать“ никакими способами, пригодными съ рабочими массами западныхъ пролетаріевъ... Въ заключительныхъ главахъ авторъ весьма ясно раскрываетъ, на чемъ зиждется и чѣмъ крѣпка сила пассивнаго сопротивленія русскаго народа новому его закрѣпощенію капиталу, какъ о томъ мечтаютъ нѣкоторые нынѣшніе экономисты одного пошиба съ выведеннымъ г. Маминымъ горнымъ инженеромъ — главноуправляющимъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ еще разъ повторить: *Три конца*, при всѣхъ достоинствахъ чисто-беллетристическаго произведенія, есть достовѣрная „лѣтопись“, ярко изображающая переходное время, пережитое заводскимъ населеніемъ Урала въ первое десятилѣтіе по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Записки духа (*Quasi una fantasia*), Нежданчикъ, Первая муха. В. Л. Величко. Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. Вечеромъ у одного скромнаго литератора въ очень небольшомъ

кружкѣ „маленькій нервный человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ“ выска- залъ, между прочимъ, такія мысли: „Чего ради мы собственно пишемъ? И всѣхъ боимся, всего боимся! И примуть ли, и пропустятъ ли, и что критика?...“ Какая ужъ тутъ можетъ быть искренность? „У насъ, какъ у прежнихъ, дивидендовъ нѣтъ,—ну, и маемся, дурѣемъ отъ буднич- ныхъ заботъ... Борьба за существованіе—не шутка! А тутъ и само- любіе, и нервность, и пятое-десятое! Чтобы быть искреннимъ, нужно отрѣшиться отъ мелкихъ заботъ и страстишекъ. Чтобы сказать правду, настоящую правду, нужно, насколько возможно, забыть свое „я“ или, вѣрнѣе, отойти отъ него, взглянуть на него и на окружающую жизнь со стороны, объективно, какъ взглянулъ бы безплотный духъ на...“ И вотъ этотъ „маленькій нервный человѣчекъ“ умеръ и передаетъ свои впечатлѣнія отъ момента смерти до окончанія своего погребенія. Ужъ онъ совсѣмъ по-настоящему. Все описанное видитъ и слышитъ „духъ“, отдѣленный или оторванный отъ брэннаго „футляра“, какъ называется онъ свое безжизненное тѣло, вокругъ котораго происходитъ все то, что при подобныхъ обстоятельствахъ совершается въ большинствѣ случаевъ. Сразу, однако, „духъ“ не можетъ отстать отъ привычекъ и взглядовъ, усвоенныхъ долгимъ пребываніемъ въ „футлярѣ“. „Духъ“ всѣмъ еще интересуется, не перестаетъ волноваться отношеніями къ нему родныхъ, знакомыхъ, сослуживцевъ, начальниковъ, въ особен- ности же—любимой женщины, съ которою „нервный человѣчекъ“ про- жилъ нѣсколько лѣтъ безъ брака. „Объективность“ или, вѣрнѣе, сле- койствіе и невозмутимость приходятъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ „духъ“ осваивается съ своимъ новымъ „безфутлярнымъ“ положеніемъ. Въ концѣ-концовъ, наступаетъ или должно наступить полное умирот- твореніе и равнодушіе ко всему земному, пережитому на этомъ свѣтѣ. Совсѣмъ не новъ приемъ повѣствованія „изъ-за гроба“ о житейскихъ дѣлахъ въ томъ предположеніи, что при такой формѣ получается воз- можность „быть искреннимъ“ и „сказать правду, настоящую правду“. На самомъ же дѣлѣ и искренность, и „настоящая“ правда quasi-духа оказываются непремѣнно субъективнымъ сочинительствомъ писателя, вынужденнаго считаться съ тѣмъ, „примуть ли, пропустятъ ли и что скажетъ критика...“ А для того, кто не имѣетъ „дивидендовъ“, это дѣло весьма существенное, способное сильно повліять на изложеніе мыслей „духа“, что и отразилось, конечно, на небольшомъ мемуарѣ d'autre-tombe „маленькаго нервного человѣчка“. Мы думаемъ, что по- добная форма лишь тѣмъ облегчаетъ задачу автора, что даетъ воз- можность повѣствующему „духу“ безпрепятственно проникать въ дома и комнаты, недоступныя для обыкновеннаго живого человѣка, причемъ „духъ“ видитъ и слышитъ многое скрытое отъ глазъ и ушей посто- роннихъ людей. Ничего особенно выдающагося повѣствующій „духъ“ г. Величко не выдалъ, не слышалъ и не рассказывалъ: все обошлось, по смерти маленькаго человѣчка, самымъ зауряднымъ образомъ,—наслѣд- ники, братья и сестра, хватаются за наслѣдство, товарищи тянутся къ чиновничьему мѣсту, сдѣлавшемуся вакантнымъ, любимая и любя- щая женщина одна только сокрушается... да и то есть надежда, что и она утѣшится. Тѣмъ не менѣе, *Затиски духа* читаются съ интере- сомъ, благодаря бойкости изложенія, живости изображенныхъ сценъ и остроумію повѣствователя, умѣющаго дать многому очень мѣткія и ве- рѣдко язвительныя опредѣленія. Нельзя, между прочимъ, не отмѣтить довольно страннаго мнѣнія автора о томъ, что ждетъ „духа“ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. Мнѣніе это высказываетъ „новн-бу“

на томъ свѣтѣ, нервному человѣчку, другой „духъ“, случайно разговорившійся съ нимъ и болѣе его свѣдущій. „Отрѣшиться отъ праха, — объясняетъ умудренный уже „духъ“, — значить понять, что онъ (прахъ) айца выдѣннаго не стоить, и что всѣ наши радости и печали — сущій вздоръ, не стоящій даже воспоминаванія, а не то что сожалѣнія или ожесточенія...“ „Конечно, вы чувствуете себя значительно свободнѣе безъ стѣснительной оболочки и сопряженныхъ съ нею страданій, — подобно чиновнику, отпущенному на покой. Это такъ, но васъ, все-таки, тянетъ взглянуть на то, что вы покинули, ваши мысли — тамъ, а не здѣсь. Оно и естественно. Сперва вы должны *понять*, настоящимъ образомъ понять, то, что вы покинули, а затѣмъ ужъ, если вы эту задачу выполните, наступитъ для васъ иное бытiе“. — „А если я не все пойму?“ — спрашиваетъ новичокъ. — „Тогда придется вамъ снова влѣзть въ маленькую, неудобную дѣтскую оболочку и снова продѣлать всю исторiю... Въ новую оболочку вы внесете много установившихся понятiй, добытыхъ вами за прежнее время. Эти понятiя будутъ, конечно, не очень опредѣленны и по смутности своей будутъ подходить скорѣе къ категорiи инстинктовъ, но...“ И такъ, по мнѣнiю „духа“ умудренного, „отрѣшившимся отъ праха“ духамъ предстоитъ перевоплощенiе и проживанiе сьизнова, „продѣлыванiе всей исторiи“ со дня рожденiя... Выходить, что авторъ вѣритъ въ переселенiе душъ, въ неоднократность земной жизни для однихъ и тѣхъ же духовъ до полнаго „обученiя равнодушiю“... Въ утѣшенiе „новичку“, сокрушающемуся сознаниемъ своей безслѣдности на землѣ, болѣе опытный „духъ“ говоритъ: „Ваши мысли, переданныя близкимъ, передадутся ими другимъ, будутъ передаваться безъ конца, — въ этомъ и состоитъ земное безсмертiе! Въ мiрѣ ничто не пропадаетъ!...“

Нежданчикъ есть шуточный разсказъ стараго холостяка о томъ, какъ онъ все собирался сдѣлать предложенiе нравившейся ему дѣвушкѣ, а тѣмъ временемъ его прiятель, неожиданно для всѣхъ и для себя самого, женился на этой барышнѣ и зажилъ съ нею счастливо-пресчастливо, ко всеобщему удовольствию всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повѣствованiя. Книжка заканчивается трехъ-актною комедiей *Первая мужа*, о которой мы уже высказали наше мнѣнiе въ отдѣлѣ *Современное искусство* послѣ ея перваго представленiя на сценѣ Малаго театра, гдѣ комедiя эта идетъ необыкновенно живо. Мы думаемъ, что и на провинциальныхъ сценахъ она должна пользоваться большимъ успѣхомъ.

Китайскiя тѣни. Романъ П. П. Гнѣдича. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. На послѣдней страницѣ романа авторъ разсказываетъ, какъ у г-жи Чебановой нѣсколько знакомыхъ забавлялись волшебнымъ фонаремъ. „Одинъ Осоргинъ (герой романа) былъ молчаливъ“, смотрѣлъ на *Китайскiя тѣни*, „и въ параллель имъ, въ его воображенiи проплывали такiя же тѣни впечатлѣнiй послѣдняго времени. И мучительная операцiя, и сгорѣвшiй великанъ, и мертвая дѣвочка въ лѣсу, и похороны великаго писателя, и картина моднаго художника, и новый журналъ, — развѣ это не тѣ же плоскiя проходящiя картины, одна поярче, другая поблѣднѣе, одна торжественнѣе, другая проще? Онѣ такъ же ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ, такъ же разрозненны, обособлены, какъ и эти прозрачныя стеклянныя тѣни. Но нѣтъ, въ воспоминаванiяхъ у него проступаетъ образъ Кати... проступаетъ уже не тѣнью, а чѣмъ-то живымъ, какъ будто залогомъ на новое хорошее будущее“. Такiя опредѣленiя автора мы считаемъ правильными.

На самомъ дѣлѣ, многое изъ разсказаннаго въ романѣ имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ „плоскія, прозрачныя стеклянныя тѣни“ волшебнаго фонаря, „разрозненныя“ и ненужныя для сущности самого романа. Кромѣ того, такого рода „разрозненныя“ тѣни представляются намъ непригодными и нехорошими еще и потому, что въ этихъ „плоскихъ картинахъ“ мы видимъ изображенія живыхъ лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, дѣйствительныхъ событій и различныхъ намековъ, непонятныхъ, можетъ быть, для большой публики, но довольно ясныхъ для небольшого круга людей. Противъ подобныхъ писательскихъ приѣмовъ мы всегда высказывались, находя ихъ не литературными. Очень жаль, что въ ряду *Китайскихъ тѣней* фигурируютъ знакомыя лица и извѣстныя событія. По нашему мнѣнію, романъ много выигралъ бы, еслибъ этого не было, еслибъ авторъ ограничился тѣмъ, что имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ роману, разыгравшемуся между его героемъ Осоргинымъ и героинею Катей Чебановой. Какъ эти два лица, такъ и мамаша Кати, и нѣкоторыя изъ вторыхъ лицъ, достаточно оригинальны и интересны для того, чтобы ими наполнить повѣствованіе, не усложняя его экскурсами въ область, чуждую belletristiki. Изъ всѣхъ лицъ романа въ особенности удалась автору мамаша Чебанова, отличный обрачикъ дуры, нежданно-негаданно получившей огромное наслѣдство и отъ того совсѣмъ уже ошалѣвшей. Такъ же хороша, хотя и менѣе ярка, фигура героя Осоргина, петербургскаго чиновника, очень хорошаго человѣка, искренно любящаго дочь Чебановой, Катю, и ея, несомнѣнно, любимаго, но требующаго отъ жизни и отъ любимой женщины совсѣмъ не того, что занимаетъ Катю, всецѣло захватываетъ ея честную душу, жаждущую „настоящаго“ дѣла, страстно ищущую полезной дѣятельности, въ которую она могла бы вѣрить и которой въ состояніи была бы отдаться всѣмъ существомъ своимъ. Катя любитъ Осоргина настолько, что дѣлается его любовницей, живетъ съ нимъ, — но не вмѣстѣ, не на одной квартирѣ, — и на всѣ упреки становится „законною“ женой отвѣчаетъ требованіями „подождать“, а въ концѣ-концовъ отказывается окончательно и уѣзжаетъ въ провинцію, гдѣ нашла себѣ „дѣло“ по сердцу: занялась организаціей пріюта для несчастныхъ дѣтей, родители которыхъ сосланы въ Сибирь. Конечно, при своемъ большомъ состояніи, Катя могла бы дѣлать то же самое, выйдя замужъ за „хорошаго“ человѣка, какимъ и есть Осоргинъ, но... вотъ именно съ тою зависимостью, которая для обоихъ супруговъ обусловливается законнымъ бракомъ, эта увлекающаяся дѣвушка никакъ помириться не можетъ. Слишкомъ она впечатлительна, слишкомъ чутка и искренна для того, что мириться съ какими бы ни было уступками, всегда отыскивающимися нѣкоторою фальшью. Всѣ перипетіи исканія Катей подходящаго для нея дѣла придуманы авторомъ очень хорошо, мотивъ, положенный въ основу романа, довольно оригиналенъ, въ развитіе его внесено не мало новаго, и тѣмъ болѣе жаль, что авторъ испестрилъ свое произведеніе лишними „плоскими“ тѣнями, на которыя мы указали выше и которыя никакой связи не имѣютъ съ основнымъ сюжетомъ, каковы, напѣвъ, „похороны знаменитаго писателя“, спиритическіе сеансы у гдѣ-дѣйскаго офицера, писаніе „князькомъ“ романа подъ диктовку „духъ“, появленіе на сцену нѣкоторыхъ фигуръ, къ которымъ могутъ бытъ припшплены карточки съ именами живыхъ людей, и т. под.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Выпускъ I. Т. 1

исъ, 1895 г. Цѣна каждаго выпуска 20 коп. Недавно окончено Тхоржевскимъ изданіе *Помаго собранія пьсенъ Беранже*, о которомъ въ свое время сообщили наше мнѣніе читателямъ. Теперь, приступая къ печатанію стихотвореній Виктора Гюго, почтенный издатель уже объщаетъ дать *полнаго* собранія стихотвореній славнаго французскаго поэта, значеніе котораго во французской и во всемирной литературѣ неизмѣримо больше, чѣмъ значеніе чисто-національнаго пѣвца Беранже. И первое пожеланіе наше будетъ, конечно, чтобы издатель познакомилъ русскую публику съ возможно бѣльшимъ числомъ произведеній главы романтической школы, имѣющаго несомнѣнное право считаться не только поэтомъ національнымъ, но и мировымъ. Правда, при передачѣ на русскомъ языкѣ стихотвореній Виктора Гюго переводчикамъ приходится преодолѣвать несравненно большія трудности, чѣмъ при переводахъ живыхъ и, по большей части, веселыхъ пьсенъ Беранже. Въ предисловіи къ изданію своихъ произведеній въ 1880 г. Викторъ Гюго говоритъ: „Человѣкъ, который пишетъ, пишетъ книгу, эта книга—онъ самъ... (цитируемъ по переводу издателя). Изъ каждаго произведенія, какъ бы оно ни было ничтожно или значительно, вырисовывается личность—личность писателя. Въ этомъ его наказаніе, если онъ мелокъ; въ этомъ его награда, если онъ великъ. Эта истина открывается намъ только въ концѣ длинной жизни, полной труда и полной грозъ, отданной всецѣло мысли и дѣятельности. Выступаютъ на видъ отвѣтственность, неразлучная спутница свободы. Человѣкъ, пишущій эти строки, понимаетъ это. Онъ спокоенъ. Какъ онъ ни незамѣтенъ передъ Безконечнымъ, онъ не чувствуетъ себя смущеннымъ. На всѣ вопросы, какіе могутъ исходить отъ Неизвѣстнаго, у него только одинъ отвѣтъ: я—совѣсть“... Эти значительныя строки налагаютъ огромную отвѣтственность на всякаго, кто беретъ переводить произведенія человѣка, считавшаго себя вправѣ сказать въ концѣ долгой трудовой и бурной жизни: „я—совѣсть“,—человѣка, надъ гробомъ котораго современники сказали: „Ты великій поэтъ и гражданинъ!“ Въ этомъ была „его награда“, и будетъ дѣяніемъ преступнымъ, если не такую же представится личность писателя для тѣхъ, кто судить о немъ будетъ только по переводамъ. Въ данное время, имѣя въ рукахъ лишь нѣсколько страницъ переводовъ, мы не беремся рѣшить, какъ будетъ выполнена трудная задача, за которую взялся г. Тхоржевскій. Изъ десяти *Одъ*, вошедшихъ въ первый выпускъ, одна подписана именовъ В. Костомарова, одна — именовъ В. Буренина, двѣ — именовъ О. Михайловой, подъ одной поставлены двѣ звѣздочки и пять подписаны псевдонимомъ Иванъ-да-Марья, — послѣднія шесть появляются въ переводахъ, нигдѣ до сихъ поръ непечатанныхъ. Наименѣе удачнымъ мы находимъ безымянный переводъ оды *Возстановленіе статуи Генриха IV*. По поводу этого стихотворенія и нѣкоторыхъ другихъ въ томъ же родѣ мы считаемъ нужнымъ привести выдержку изъ *Предисловія* (автора) къ *Одамъ и балладамъ*, изданнымъ въ 1853 г., когда Викторъ Гюго жилъ въ изгнаніи, послѣ государственнаго переворота 1852 г. и захвата верховной власти Наполеономъ III. „Ихъ темное происхожденіе (Мюрата и Нея) считается какъ бы лишнимъ правомъ на уваженіе и усиливаетъ блескъ достигнутаго ими положенія. Но изъ всѣхъ лѣстницъ, ведущихъ изъ мрака къ свѣту, самая достойная и самая трудная для восхожденія, конечно, слѣдующая: родиться аристократомъ и ройялистомъ и стать демократомъ. Подняться изъ лавочки во дворецъ, — это рѣдко и прекрасно, если хотите; подняться

отъ заблужденія къ истинѣ, это еще рѣже и еще прекраснѣе. Въ первомъ изъ этихъ восхожденій человекъ съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ что-нибудь выигрываетъ и увеличиваетъ свое благосостояніе, свое имущество, свое богатство; при второмъ восхожденіи—наоборотъ "... Ему на каждой пройденной ступени приходится платиться матеріальной жертвой за нравственное приобрѣтеніе, приходится оставлять какую-нибудь выгоду, отказываться отъ благъ и почестей свѣта, рисковать своимъ состояніемъ, своимъ очагомъ, своею жизнью. За то, совершивъ этотъ подвигъ, позволительно имъ гордиться". И Викторъ Гюго, выпуская въ свѣтъ свои *Оды и баллады*, считаетъ своимъ законнымъ правомъ „съ гордостью и удовлетворенною совѣстью показать свои дѣтскія и юношескія оды рядомъ съ демократическими произведеніями написанными въ зрѣломъ возрастѣ. Это,—заканчиваетъ поэтъ,—я думаю, позволительная гордость, особенно, когда, совершивъ восхожденіе, найдешь на вершинѣ изгнаніе и можешь помѣтить это предисловіе мѣстомъ своей ссылки“. Предисловіе помѣчено: „Джерсей, іюль 1853 года“. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, г. Тхоржевскій выбралъ очень неудобную форму для своего изданія, давая его листовыми выпусками, причемъ на обложкѣ и оглавленія пропадаютъ напрасно по четыре страницы въ выпускѣ, и самые выпуски легко теряются и, по меньшей мѣрѣ, утрачиваютъ свою свѣжесть.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы Философіи и Психологіи“.—„Современная германская психологія“. Т. Ембо.—„О чувственной памяти“. *Его же.*—„Мозгъ и мысль“. Проф. Генрика Гейера.—„Геніальность и помѣшательство“. Ц. Ломброго.

Вопросы Философіи и Психологіи, сентябрь. Профессоръ Корелинъ помѣстилъ въ сентябрьской книжкѣ московскаго философскаго журнала интересную статью объ этическомъ трактатѣ знаменитаго итальянскаго гуманиста Лоренцо Валлы: *Объ удовольствіи и объ истинномъ благи* (напечатанъ въ Павіи въ 1431 году). Интересъ въ нравственнымъ вопросамъ составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей эпохи Возрожденія. „Новая этика,—говоритъ г. Корелинъ,—которая могла бы замѣнить отжившій католическій аскетизмъ и давала бы санкцію новымъ вкусамъ и стремленіямъ, стала насущною необходимостью для гуманистовъ, и моральные вопросы съ самаго начала движенія занимаютъ видное мѣсто въ ихъ письмахъ, трактатахъ и даже беллетристическихъ произведеніяхъ“. Прокладывать новые пути въ этой области было небезопасно въ виду фанатической нетерпимости могущественной и не разборчивой на средства (не исключая и жестокихъ казней) римско-католической церкви.

Анализируя трактатъ Валлы, написанный въ формѣ діалога (правильнѣе—трехъ большихъ монологовъ), г. Корелинъ отмѣчаетъ противорѣчіе между католически-благочестивымъ предисловіемъ къ нему и содержаніемъ и тономъ діалога: Беккаделли, напримѣръ, одно изъ оворящихъ за Валлу лицъ, ужъ черезъ-чуръ пылко защищаетъ чвственныя удовольствія (восхваленію вина посвящена цѣлая глава). Беккаделли доказываетъ, что удовольствіе есть единственное блао. Ему возражаетъ Никколи. Статья г. Корелина еще не окончена.

Нравственнымъ вопросамъ посвящена въ этой книжкѣ журн

В. С. Соловьева: *Мнимыя начала правильного поведенія*. Авторъ критикуетъ различные виды эвдемонизма. По мнѣнью автора, высшее благо (цѣль жизни), сводящееся къ удовольствію, „при кажущейся ности, простотѣ и реальности, встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія именно на пути своего реальнаго примѣненія“: въ дѣйствительно нельзя найти единого для всѣхъ удовольствія, а лишь неопредѣнное множество всевозможныхъ удовольствій, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Не удовлетворяетъ г. Соловьева и принципъ утилитаризма (находящійся въ соотвѣтствіи съ нравственнымъ принципомъ альтруизма). „Истинная мысль,—говоритъ авторъ,—къ которой готятъ утилитаризмъ въ лучшихъ своихъ представителяхъ, есть идея солидарности всего человѣчества, вслѣдствіе чего частное благолучіе каждаго человѣка связано со всеобщимъ благополучіемъ. Но эта идея не имѣетъ своихъ корней на почвѣ утилитаризма и не вмѣстается, какъ практической принципъ, въ предѣлахъ утилитарнаго и вообще эвдемонистическаго образа мыслей“.

Сентябрьская книжка *Вопросовъ Философіи и Психологіи* даетъ и новую статью о нравственныхъ вопросахъ, кн. С. Н. Трубецкогo: *Этика и догматика*. Въ ней разсматриваются этика и догматика въ христіанской церкви, отношеніе между Нагорною проповѣдью и Пивейскимъ символомъ. Протестъ противъ догматизма и ритуализма, все ольбе и болѣе проникающій въ обширные слои общества, князь Трубецкой считаетъ явленіемъ нормальнымъ и неизбѣжнымъ въ связи съ распространеніемъ просвѣщенія. Для каждаго образованнаго человѣка, занимающаго близко къ сердцу нравственные и религіозно-нравственные вопросы, статьи г. Соловьева и кн. Трубецкогo, —превосходно написанныя,—представляютъ весьма значительный интересъ.

Въ статьѣ *Природа и искусство* г. Иванцовъ излагаетъ и разбираетъ извѣстную читателямъ *Русской Мысли* книгу Шербулье *Искусство и природа* (русск. переводъ 1894 г.) Г. Вагнеръ разсуждаетъ *О прекрасномъ въ музыкѣ* (по поводу книжки Ганслика *О музыкально-прекрасномъ* (второй русскій переводъ, г. Лароша, вышедшій въ нынѣшнемъ году). Основные положенія Ганслика, поддерживаемыя у насъ г. Ларошемъ, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) музыка не можетъ выражать чувства; она возбуждаетъ его всего болѣе у дилетантовъ, всего менѣе у образованныхъ (?) художниковъ; 2) прекрасное въ музыкѣ заключается только въ звукахъ, въ ихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ; 3) вслѣдствіе этого (а частью и вслѣдствіе другихъ причинъ) „музыка не имѣетъ и содержанія въ смыслѣ сюжета“. Статья г. Вагнера заключаетъ въ себѣ обстоятельное и остроумное опроверженіе этихъ вздорныхъ „ученыхъ“ утверженій. Мы отсылаемъ къ ней тѣхъ читателей, которые интересуются вопросами искусства. Замѣтимъ, что подъ образованными музыкантами нужно понимать просто-на-просто людей, изучившихъ музыкальную теорію и технику дѣла. Всякому понятно, что такой образованный человѣкъ можетъ быть круглымъ невѣждою. Кроме того, привычка къ техническому анализу, дѣйствительно, ведетъ къ тому, что такой образованный музыкантъ, слушая гениальное исполненіе гениальнаго произведенія, ничего не чувствуетъ, а только испытываетъ пріятное раздраженіе барабанной перепонки, да подсчитываетъ и учитываетъ звуки; но такой ремесленникъ-музыкантъ, какъ бы онъ ни былъ искусенъ въ своемъ ремеслѣ, въ данномъ случаѣ можетъ возбуждать лишь улыбку сожалѣнія.

Библиографическій обзоръ и обзоръ журналовъ составленъ съ обыч-

ною тщательностью. *Вопросы Философии и Психологии* стараются не пропустить ни одной замѣтной книги или статьи въ русской и иностранной философской и психологической литературѣ.

Современная германская психологія (опытная школа). Т. Рибо. Переводъ со 2-го французскаго изданія, исправленнаго и дополненаго Л. Ройзмана. Изданіе журнала „Научное Обзоріе“. Спб., 1895 г. — О чувственной памяти. Т. Рибо. Переводъ съ французскаго сочиненія „Recherches sur la mémoire affective, par Th. Ribot“, врача Н. Вырубова и Е. Николаевой. Подъ редакціей проф. В. М. Бехтерева. Казань, 1895 г. Редакція *Научнаго Обзорія* издала переводъ извѣстной книги Рибо, отчасти руководимъ соображеніемъ, что очеркъ успѣховъ новѣйшей опытной психологіи особенно умѣстенъ „въ виду замѣтнаго возрожденія у насъ разныхъ отживающихъ метафизическихъ и супранатуральныхъ ученій“. Быть можетъ, не совсѣмъ понятно, какъ это метафизика, по мнѣнію почтеннаго журнала, въ одно и то же время, и возрождается, и отживаетъ, но, во всякомъ случаѣ, къ появленію труда Рибо на русскомъ языкѣ слѣдуетъ отнести съ большимъ сочувствіемъ. Тѣ, кто впервые познакомятся съ этимъ сочиненіемъ французскаго мыслителя, съ интересомъ и удовольствіемъ прочтутъ въ предисловіи блестящую, хотя и нѣсколько одностороннюю характеристику старой психологіи и получить ясное понятіе о важныхъ задачахъ, которыя поставило себѣ новое направленіе въ наукѣ о душѣ. Рибо разсматриваетъ психологическія теоріи тѣхъ нѣмецкихъ изслѣдователей, которые въ своихъ трудахъ руководились индуктивнымъ методомъ и обладали глубокими знаніями по физиологіи. Онъ излагаетъ ученія Гербарта, его школы, Лотца, Гельмгольца, Фехнера, Вундта и друг. и подвергаетъ ихъ серьезному разбору. Къ сожалѣнію, достоинства книги ослабляются для русскихъ читателей мало удовлетворительнымъ переводомъ; обиліе безцѣльныхъ иностранныхъ выраженій, множество опечатокъ, неточности и галлицизмы, — все это затрудняетъ пользованіе весьма поучительною работою французскаго психолога. Зачѣмъ, напримѣръ, г. Ройзманъ всякій разъ употребляетъ слово „детерминація“ тамъ, гдѣ онъ могъ бы съ большимъ удобствомъ сказать „опредѣленіе“? Удачна ли фраза: „взрослое сознание фатально принимаетъ знанія, непосредственнымъ путемъ полученныя, за непосредственныя“ (стр. 162)? Какъ понять, что „психологія.. должна быть практикуема, какъ естественная наука“ (стр. 168)? Тѣхъ примѣровъ можно было бы привести очень, очень много.

Переведенная подъ редакціей проф. В. М. Бехтерева брошюра Рибо *О чувственной памяти* на своихъ 42 страницахъ вмѣщаетъ очень глубокое и серьезное содержаніе и, несомнѣнно, повлечетъ за собой цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій въ той области, которую освѣтилъ своею книжкой французскій психологъ. Онъ задаетъ важнымъ и интереснымъ вопросомъ относительно того, бывають ли у насъ въ сферѣ обонятельныхъ, вкусовыхъ и внутреннихъ ощущеній чувственныя воспоминанія, не вызванныя непосредственно дѣйствительнымъ событіемъ, а возрожденныя въ сознаніи самопроизвольно или по нашему желанію. Большинство изслѣдователей отрицаютъ существованіе въ насъ такой памяти и полагаютъ, что воскресаютъ не самое ощущеніе или душевная эмоція, а только обстоятельства, которыя сопровождали ихъ. Рибо, на основаніи очень любопытныхъ фактовъ, отчасти приведенныхъ въ его брошюрѣ, оспариваетъ мнѣніе этихъ психологовъ и приходитъ къ нѣкоторымъ оригинальнымъ выводамъ. Для него одно общее для всѣхъ

ienie вопроса представляется невозможнымъ, и онъ склоненъ къ тому, что наличность или отсутствіе чувственныхъ воспоминаній зависитъ отъ индивидуальности и темперамента. Онъ раздѣляетъ людей на двѣ категоріи: одни обладаютъ ложною или абстрактною памятью, гдѣ — истинною или конкретною. Первые оживляютъ событіе, фактъ, не свое настроеніе; послѣдніе, наоборотъ, воскрешаютъ именно то настроеніе, которое они когда-то пережили. У первыхъ преобладаетъ интеллектуальный, у послѣднихъ — эмоциональный элементъ. Правда, воспоминаніе едва ли является вполнѣ точною копіей своего оригинала и всегда содержитъ въ себѣ извѣстный придатокъ или, наоборотъ, нѣкоторую убыль. Чѣмъ сложнѣе эмоція, тѣмъ труднѣе поддается она извлеченію; въ иныхъ случаяхъ замѣчается, что тѣ образы упорнѣе ускользаютъ отъ отчетливаго воспоминанія, которые богаты двигательными элементами. Субъекты, одаренные чувственною или конкретною памятью, долго сохраняющіе въ себѣ однажды пережитыя душевныя движенія, болѣе склонны къ нравственной жизни сравнительно тѣми, кто чувствуетъ мимолетно и поверхностно и не въ состояніи скрещать былыхъ настроеній. Чувственная амнезія часто служитъ причиною грубо-эгоистическихъ поступковъ: если я забылъ и не могу извѣстно испытать страданіе, которое меня когда-то постигло, то я симпатизирую, не сострадаю другимъ людямъ; чувственная память, какимъ образомъ, можетъ играть роль моральнаго стимула. Но надо имѣть въ виду, что почти не существуетъ общаго чувственного типа, т. е. такой психической организаціи, которая позволяла бы оживлять въ видѣ чувствованій. Гораздо распространеннѣе частичные типы, и въ то время, какъ одни легко воскрешаютъ вкусовыя и обонятельныя представленія, другіе способны пробуждать высшія, духовныя эмоціи, ничемъ опять-таки одинъ оживляетъ пріятныя, другой — тягостныя состоянія, одного его психика располагаетъ къ оптимизму, другой — къ природѣ пессимистъ. Слѣдуетъ еще замѣтить и то, что сила первоначальнаго впечатлѣнія вовсе не является залогомъ того, что оно идетъ безъ труда возрождено въ сознаніи; оживленіе, по словамъ Рибо, гораздо болѣе зависитъ отъ условій мозговой дѣятельности и внутреннихъ особенностей организма". Можно живо чувствовать и не воскрешать своихъ чувствованій, и, наоборотъ, слабая эмоція можетъ усиливаться, будучи воспроизведенной.

Эти общія указанія достаточно обнаруживаютъ всю важность проблемы, затронутой Рибо. Французскій мыслитель представилъ только смѣлѣешую попытку разобраться въ этомъ вопросѣ, но и она возбуждаетъ живой интересъ у знатоковъ и любителей психологіи. Съ благодарностью поэтому слѣдуетъ отнести къ проф. Бехтереву и гг. переводчицамъ (Н. Вырубову и Е. Николаевой), вполнѣ удачно справившимся со своею задачею.

Мозгъ и мысль. Проф. Генрика Гойера (Henryk Hoyer). Переводъ съ польскаго. Изданіе журнала „Научное Обзоріе“. Лб., 1895 г. Проф. Гойеръ принадлежитъ къ числу сторонниковъ физиологической психологіи, и, какъ показываетъ самое заглавіе его книжки, онъ старается установить связь между мозговыми и интеллектуальными процессами. Не принадлежа къ материалистамъ, не считая мысли продуктомъ матеріи, еще менѣе раздѣляя воззрѣнія идеалистовъ, проф. Гойеръ разъясняетъ психическія явленія на основаніи данныхъ, взятыхъ изъ біологіи. „Я думаю, — говоритъ онъ, — что мнѣ удалось доказать возможность примиренія между психологомъ и физиологомъ“ (стр. 92).

Не сомнѣваясь въ плодотворности метода, которымъ пользуется при Гейеръ, мы должны замѣтить, что физиологическая часть его ставъ находится въ очень слабой и трудно уловимой связи съ психологической; мозгъ, такъ сказать, остается мозгомъ, а мысль — мыслью, для рѣшенія вопроса о взаимодействіи и соотношеніи этихъ двухъ факторовъ попрежнему не остается ничего, кромѣ гипотезъ. Мы, конечно, не упрекаемъ въ этомъ почтеннаго ученаго; разумеется, наука обладаетъ еще слишкомъ незначительными силами, чтобы найти ключъ одной изъ величайшихъ „мировыхъ загадокъ“. Мы хотимъ сказать лишь то, что и въ книжкѣ проф. Гейера физиологія и психологія, и таки, расходятся въ разные стороны; гдѣ только наступаетъ необходимость сочетать физиологическій моментъ съ психологическимъ, то авторъ опускаетъ руки и сталкивается съ неизвѣстнымъ. „Депонять, — говоритъ онъ, напримѣръ, на стр. 67—68, — что сущность ихъ (памяти и сочетанія психическихъ фактовъ) такъ же загадка для насъ, какъ сущность процесса нервнаго возбужденія... Ты не менѣе, изслѣдователь природы чувствуютъ потребность пополнить этотъ важный недостатокъ своихъ познаній, хотя бы гипотетически сравненіемъ, опирающимся на аналогическія явленія въ области чистыхъ физическихъ процессовъ“.

Книжка проф. Гейера читается съ интересомъ, хотя она и не содержитъ ничего новаго; наиболѣе самостоятельно рассматриваетъ авторъ чувствованія. Полагая, въ противоположность метафизическому материализму, что психологическая дѣятельность возможна лишь при наличности особаго прибора, т.-е. нервной системы, проф. Гейеръ очень подробно излагаетъ нервное устройство животныхъ и человѣка, а затѣмъ говоритъ о психическихъ функціяхъ нервной системы. Книжка снабжена рисунками, къ сожалѣнію, очень неотчетливыми и грязными. Переводъ вполне удовлетворителенъ, хотя и встрѣчаются шероховатости вроде „музыкальныя способности развились у птицъ... путемъ самообмыслъ соисканій“ (стр. 55).

Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Пер. съ 4 итальянскаго изд. К. Тетюшиновой. 3 изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Въ издательскомъ дѣлѣ бываютъ факты, рѣшительно не поддающіеся объясненію. Кто могъ бы, напримѣръ, предсказать, что книга проф. Ломброзо въ теченіе десяти лѣтъ выдержитъ у насъ три изданія? Вѣдь и неопредѣленно поставленные тезисы, безконечная вереница фактовъ, ихъ подтверждающихъ, и болѣе чѣмъ скромные результаты всего изслѣдованія—таково содержаніе книги; она какъ бы прямо приспособлена для того, чтобы усыпить читателя, рискнувшаго послѣдовать за авторомъ, „съ холоднымъ спокойствіемъ“ (какъ онъ самъ говоритъ) собирающимъ отовсюду нужные ему факты. Что сдѣлала для науки теорія Ломброзо—это другой вопросъ, но мы рѣшительно отказываемся понять успѣхъ его книги среди большой публики. Присмотримся, однако, поближе къ этому ученому произведенію. Характеризовать методъ проф. Ломброзо мы не будемъ: читатель найдетъ такую характеристику въ статьѣ г. И. Д.—ва, мысли котораго объ интересующей насъ книгѣ (см. *Русск. Мысль*, кн. VIII, стр. 1—17) мы только попытаемся дополнить.

Для того, чтобы сравнивать два класса явленій, необходимо выдѣлать себѣ *существенныя* особенности каждаго изъ нихъ; несоблюденіе этого условія влечетъ за собою множество недоразумѣній. Во-первыхъ, въ поле сравненія, по произволу изслѣдователя, вводятся явленія,

имѣющія ничего общаго со сравниваемыми классами, и тогда ставится возможнымъ доказать *фактами* что угодно. Во-вторыхъ, для оведенія параллели берутся вовсе не характерныя для данныхъ классовъ особенности. Въ-третьихъ, большое значеніе придается самъ симптомамъ, а не производящимъ ихъ причинамъ; между тѣмъ, ни и тѣ же симптомы могутъ быть вызваны не сходными, а, напротивъ, различными свойствами сравниваемыхъ явленій. Но мы не юнчили бы никогда, если бы стали перечислять всѣ слѣдствія коинной ошибки проф. Ломброзо: онъ сравниваетъ не гениальность и умѣшательство, а пеструю толпу выдающихся, по его мнѣнію, людей съ тѣми сумасшедшими, которыхъ онъ изучалъ въ психіатрическихъ клиникахъ. Останавливаться на этомъ подробнѣе мы не будемъ. Статьѣ г. И. Д.—ва и въ только что вышедшей по-русски книгѣ Ломброзо: *Гениальность и вырожденіе* читатель найдетъ разборъ соизначенія проф. Ломброзо съ этой именно точки зрѣнія); замѣтимъ только, что, благодаря такой неопредѣленности и такому смутному пониманію поставленныхъ себѣ задачъ, авторъ лишилъ свое изслѣдованіе *отъ цѣломъ* почти всякаго научнаго значенія. Но, можетъ быть, какіе приемы не помѣшали проф. Ломброзо придти къ какимъ-нибудь широкимъ выводамъ, заманчивымъ для обыкновеннаго читателя своею овизной и оригинальностью? Увы, резюме всей работы нашего автора водится къ слѣдующимъ (болѣе чѣмъ скромнымъ) мыслямъ: „Въ фізіологическомъ отношеніи между нормальнымъ состояніемъ гениальнаго человѣка и патологическимъ помѣшаннаго существуетъ не мало точекъ прикосновенія. Между гениальными людьми встрѣчаются помѣшанные и между сумасшедшими—гении. Но было и есть множество гениальныхъ людей, у которыхъ нельзя отыскать ни малѣйшихъ признаковъ умомѣшательства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ненормальностей въ сферѣ чувствительности“. Понистигъ, ради такихъ цѣнныхъ указаній не стоило предпринимать столь обширнаго и солиднаго изслѣдованія! Однако, кромѣ этихъ выводовъ, въ книгѣ проф. Ломброзо остаются еще *факты*, которые могутъ имѣть научное значеніе. Въ предисловіи къ четвертому изданію онъ самъ говоритъ: „На язвительныя насмѣшки и мелочныя придирки нашихъ противниковъ мы, по примѣру того оригинала, который для убѣжденія людей, отрицавшихъ движеніе, двигался въ ихъ присутствіи,—отвѣтимъ лишь тѣмъ, что будемъ собирать новые факты и новыя доказательства въ пользу нашей теоріи. Что можетъ быть убѣдительнѣе фактовъ и кто станетъ отрицать ихъ? Развѣ одни только невѣжды, но торжеству ихъ скоро наступитъ конецъ“. Посмотримъ же, каковы факты, собранные нашимъ ученымъ, и что они доказываютъ. Здѣсь мы, прежде всего, наталкиваемся на крайнюю недостовѣрность всего матеріала. Авторъ или совсѣмъ не сообщаетъ намъ, откуда почерпнулъ онъ свѣдѣнія о приводимыхъ имъ фактахъ, или дѣлаетъ это въ такой формѣ, что проверка ихъ почти невозможна. Между тѣмъ, многие изъ нихъ вызываютъ по меньшей мѣрѣ недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, на стр. 18 проф. Ломброзо въ доказательство чувствительности гениевъ безъ дальнихъ околочностей сообщаетъ намъ, что „живописецъ Франція умеръ отъ восхищенія, послѣ того, какъ увидѣлъ картину Рафаэля“. На той же страницѣ читаемъ: „Амперъ до такой степени живо чувствовалъ красоты природы, что едва (?) не умеръ отъ счастья, очутившись на берегу Женевского озера“. Далѣе (на стр. 21) намъ сообщаютъ, что „Сантени сошелъ съ ума отъ радости, найдя эпитетъ, который тщетно приски-

валъ долгое время“, а „Сеубуйа, арабскій грамматикъ, умеръ съ горь оттого, что съ его мнѣнiемъ относительно какого-то грамматическаго правила не согласился калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ“. Просматривая стр. 22, узнаемъ еще слѣдующіе поучительные факты: „О Ньютонѣ рассказываютъ, что однажды онъ сталъ набивать себѣ трубку пальцемъ своей племянницы, и что когда ему случилось уходить изъ комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, онъ всегда (!) возвращался не захвативъ ея. О Тюшерелѣ говорятъ, что онъ одинъ разъ забылъ даже, какъ его зовутъ“. О Шопенгауэрѣ среди другихъ любопытныхъ извѣстій сообщается на стр. 73 слѣдующее: „Однажды его служанка видѣла во снѣ, что вытираетъ чернильное пятно, а на утро онъ дѣйствительно пролилъ чернила, и вотъ великій философъ дѣлаетъ изъ этого такой выводъ: „все происходящее происходитъ въ силу необходимости“. На основанiи такой странной логики впоследствии была построена имъ замѣчательная по своей глубинѣ система“.

Такихъ извѣстій проф. Ломброзо собралъ въ своей книгѣ съ трудолюбіемъ, достойнымъ лучшей задачи, сотни (если не тысячи), и почти всѣ они стоятъ другъ друга. Помимо недостовѣрности подобныхъ сообщений, они часто вовсе не доказываютъ тѣхъ положенiй, ради подтвержденiя которыхъ приводятся. Иногда кажется, что не авторъ выбираетъ нужные ему факты, а они сами назойливо лѣзутъ въ страницы ученой книги и являются поцѣасъ вовсе не на мѣстѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. „Многіе изъ великихъ мыслителей, — говоритъ проф. Ломброзо, — подвержены, подобно помѣшаннымъ, судорожнымъ сокращенiямъ мускуловъ и отличаются рѣвкими, такъ называемыми „хорическими“ тѣлодвиженiями“. Для подтвержденiя этой мысли рассказывается тутъ же, что „Бюффонъ, погруженный въ свои размышленiя, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревкѣ совершенно безсознательно, какъ будто въ припадкѣ сомнамбулизма“ (стр. 9). На стр. 10—11 проф. Ломброзо хочетъ доказать, что „не рѣдки случаи, когда, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя такъ часто вызываютъ сумасшествіе, т. е. вслѣдствіе болѣзней и поврежденiй головы, *самые обыкновенные люди превращаются въ гениальныя*“. Для обоснованiя этой мысли сообщается, между прочимъ, что „нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ кретинъ изъ Савойи, укушенный бѣшеною собакой, сдѣлался совершенно разумнымъ человекомъ въ послѣдніе дни своей жизни“. На стр. 15 высказано слѣдующее (не вполне ясное) положенiе: „Замѣчено, что почти всегда великія созданiя мыслителей получаютъ окончательную форму или, по крайней мѣрѣ, выясняются *подъ влиянiемъ какого-нибудь спеціальнаго ощущенiя*“. Для доказательства приводятся, между прочимъ, слѣдующія сообщенiя, окончательно затемняющія мысль автора: „Факты доказываютъ, что всѣ великія открытiя были сдѣланы *подъ влиянiемъ (?) органовъ чувствъ*, какъ это подтверждаетъ и Молешоттъ. Нѣсколько лягушекъ, изъ которыхъ предполагалось приготовить цѣлебный отваръ для жены Гальвани, послужили къ открытiю гальванизма“. И далѣе: „Гогартъ нашелъ типы для своихъ каррикатуръ въ тавернѣ, послѣ того какъ одинъ пьяница разбилъ тамъ ему носъ въ дракѣ“. На стр. 46 проф. Ломброзо говоритъ: „Далѣе, большинство гениальныхъ людей не передаетъ своихъ качествъ потомкамъ еще и потому, что остаются *бездѣтными*, вслѣдствіе вырожденiя. Въ примѣчанiи къ этому мѣсту читаемъ: „Шопенгауэръ, Декартъ, Лейбницъ, Мальбраншъ, Контъ, Кантъ, Спиноза, Микель-Анджело, Ньютонъ, Фосколо, Альфіери, Лассаль, Го-

, Лермонтовъ, Тургеневъ остались холостыми* (значить ли это, всѣ они не имѣли дѣтей?), „а изъ женатыхъ многіе великіе люди и несчастны въ супружествѣ, напримѣръ, Сократъ, Шекспиръ, те, Байронъ, Пушкинъ и др.“.

Наконецъ, въ разбираемой книгѣ попадаются „факты“, прямо сознанные воображеніемъ ея ученаго автора. Такъ, напримѣръ, въ двухъ тахъ (стр. 163 и 174) и по разнымъ поводамъ онъ негодуетъ на фта за то, что тотъ, „считаясь демагогомъ, предлагаетъ простолуамъ отдавать своихъ дѣтей на убой для приготовленія изъ ихъ в лакомыхъ блюдъ аристократамъ“. Оказывается, что одно изъ азительнѣйшихъ созданій великаго англійскаго памфлетиста („A lest proposal for utilising the children of poor people in Ireland“) нашъ ный изслѣдователь принялъ „въ серьезъ“ и на основаніи этого гта“ дѣлаетъ, по обыкновенію, свои глубокія заключенія. Вообще фту въ книгѣ Ломброзо повезло: среди многихъ недѣлостей, о немъ бцаемыхъ, мы съ удивленіемъ узнаемъ, что Свифтъ часто мѣнялъ и профессіи и специальности; такъ, „кромѣ сатиры, писалъ еще о мануфактурахъ въ Ирландіи, занимался теологіей, политикой и составилъ юрической очеркъ царствованія королевы Анны“ (стр. 165—166).

Безъ труда сообразили мы, о какихъ „мануфактурахъ“ писалъ фтъ. Оказывается, что рѣчь идетъ объ его политическомъ памфлетѣ тивъ запретительныхъ пошлинъ, наложенныхъ въ 1699 г. англіймъ парламентомъ на ирландскія шерстяныя матеріи! Впрочемъ, мотъ быть даже авторъ говоритъ здѣсь о знаменитыхъ *Письмахъ сущника*, направленныхъ Свифтомъ противъ монеты Вуда. Этихъ прировъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о „фактахъ“, соанныхъ проф. Ломброзо. Прежде чѣмъ кончить рецензію, намъ хогся сдѣлать еще одно замѣчаніе. Какъ мы видѣли, въ *разбираемой ит* этотъ ученый приходитъ къ довольно скромнымъ и безвреднымъ водамъ. Онъ отнюдь не отождествляетъ здѣсь гениальности и помѣтельства, такъ что Шарль Ришэ, одинъ изъ сторонниковъ его идеи, гѣлъ въ свое время полное право сказать: „Ломброзо никогда не авилъ на одну линію генія и помѣшаннаго. Онъ неповиненъ въ этой лоссальной глупости и имѣетъ полное право возмущаться тѣми, кто иписываетъ ему подобное утвержденіе“. Однако... однако, проф. Ломброзо, видимо, недоволенъ своими скромными выводами. Раньше онъ тверждалъ (см. выше), что „было и есть множество гениальныхъ люий, у которыхъ нельзя отыскать ни малѣйшихъ признаковъ умопомѣательства“. Теперь же онъ, по увѣренію г. Гирша (цитированная ига, стр. 66), провозглашаетъ буквально слѣдующее: „Если у истинно ииальныхъ натуръ нѣтъ признаковъ ненормальнаго расположенія, то го просто заблужденіе; въ такихъ случаяхъ либо вовсе не искали вомаій, либо имѣли дѣло съ недостаточными доказательствами“. Какъ удто похоже на то, что проф. Ломброзо мало-по-малу приближается въ той „колоссальной глупости“, о которой говоритъ одинъ изъ его врячихъ почитателей.

ИСТОРИЯ.

„Афинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Афинъ до конца V в. в. В. Бузескула. — „Древняя гражданская община“. Фюрстенберг-Куланжа.

Афинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Афинъ до конца V в. В. Бузескула. Харьковъ, 1895 г. Въ ряду странъ, ученые которыхъ наиболѣе дѣятельно занялись изслѣдованіемъ вопросовъ, возбужденныхъ новооткрытымъ произведеніемъ Аристотеля, Россія занимаетъ видное мѣсто; множество замѣтокъ, статей и даже цѣлыхъ брошюръ и книгъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ русскими эллинистами въ послѣдніе четыре года, свидетельствуютъ объ интересѣ, который вызвалъ въ нихъ средѣ нашей историкъ, и не мало соображеній, вошедшихъ потомъ въ науку подъ именами западныхъ ученыхъ, были впервые высказаны въ русской литературѣ. Проф. Бузескула по справедливости принадлежитъ однимъ изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ изслѣдователей *Афинской Политіи*: съ самаго открытія трактата и до настоящаго времени онъ неустанно работалъ какъ надъ его текстомъ, такъ и надъ вызванною имъ литературой, и особенно въ послѣднемъ отношеніи оказалъ важныя услуги наукѣ. Теперь передъ нами новая книга проф. Бузескула, посвященная *Политіи*, — самая крупная изъ русскихъ работъ по этому вопросу. Изъ четырехъ главъ, на которыя она раздѣлена, только послѣдняя впервые появляется въ печати; первыя три составляютъ перепечатку и отчасти переработку статей, уже ранѣе напечатанныхъ авторомъ въ различныхъ журналахъ. Первая глава (*Вопросъ о новооткрытой „Афинской Политіи“ въ современной литературѣ*), по нашему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ во всемъ сочиненіи; подробное изложеніе всѣхъ мнѣній о *Политіи*, высказанныхъ учеными со дня ея открытія, является драгоценнѣйшимъ пособіемъ для всякаго специалиста, тѣмъ болѣе, что по полнотѣ и точности библиографическихъ указаній, по строго-систематическому распредѣленію матеріала, оно можетъ быть названо образцовымъ. Читатель, можетъ быть, не во всѣхъ случаяхъ будетъ согласенъ съ оцѣнкой, которую авторъ даетъ разбираемымъ трудамъ, но онъ всегда найдетъ здѣсь достаточный матеріалъ для самостоятельнаго сужденія. Вторая глава (*Афинская Политія, какъ произведеніе Аристотеля*) посвящена вопросу о принадлежности *Политіи* Аристотелю, — вопросу, который, какъ справедливо говоритъ самъ авторъ, въ настоящее время можно считать исчерпаннымъ. Но здѣсь мы находимъ не только подробный анализъ доводовъ, говорящихъ за авторство Аристотеля, но и превосходное изслѣдованіе о времени составленія трактата, сравненіе *Политіи* съ *Политикой*, впрочемъ, довольно обглодое и далеко не исчерпывающее предмета, далѣе — совершенно вѣрную въ общемъ характеристику политическихъ взглядовъ автора *Политіи* и, наконецъ, въ послѣднихъ двухъ параграфахъ — изложеніе взгляда самого автора на общій характеръ трактата, на его достоинства и недостатки и на причины, объясняющія нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ. Въ третьей главѣ разсмотрѣны источники Аристотеля въ *Политіи* и его отношеніе къ нимъ; наконецъ, четвертая глава (*Исторія государственнаго строя Афинъ въ новооткрытомъ трактатѣ*), занимающая около половины всей книги (стр. 277—476), содержитъ анализъ извѣстій *Политіи* съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности и значенія. Матеріалъ, изложенный въ этихъ двухъ главахъ, настолько обширенъ и, въ сущ-

ности, еще такъ мало разработаны, что отъ общаго сочиненія о *Полити* невозможно требовать одинаковой глубины и обстоятельности въ рѣшеніи всѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, которые были возбуждены трактатомъ Аристотеля: это—дѣло специальныхъ изслѣдованій. По каждому изъ этихъ вопросовъ читатель найдетъ въ книгѣ проф. Бузескула подробныя библиографическія указанія, выясняющія современное состояніе вопроса, и очень часто также самостоятельныя наблюденія или догадки автора. Въ частности, однако, многіе изъ взглядовъ автора оказываются скорѣе намѣченными, чѣмъ доказанными, а нѣкоторые существеннымъ пунктамъ онъ удѣляетъ слишкомъ мало вниманія. Такъ, вопросъ объ отношеніи Плутарха къ *Полити*, столь важный для сужденія о послѣдней, затронуть лишь слегка; нѣсколько подробнѣе слѣдовало бы, кажется, остановиться на цитатахъ изъ стихотвореній Солона, на вопросѣ о пользованіи Θεοπομπῆς и т. д. Лучшимъ отдѣломъ 4-й главы мы считаемъ анализъ извѣстій Аристотеля о реформѣ Солона, слабѣйшимъ — исторію олигархіи 411 г., господства Тридцати и возстановленія демократіи (§§ 10 и 11), сводящуюся, въ сущности, на простое изложеніе соответствующихъ главъ *Полити* съ прибавкой немногихъ примѣчаній. Общій взглядъ автора на *Полити* въ главныхъ чертахъ совершенно вѣренъ. Проф. Бузескулъ возстаетъ противъ предположенія о тенденціозномъ характерѣ трактата; въ *Афинской Полити*, какъ и во всѣхъ остальныхъ *Политіяхъ*, Аристотель, по его мнѣнію, преслѣдовалъ, прежде всего, научную цѣль и хотѣлъ показать—„не какъ слѣдуетъ гражданствовать, а какъ гражданствовали предки“. „Правда, — говоритъ авторъ, — составляя свои *Полити*, предназначая ихъ для широкаго круга читателей, Аристотель могъ преслѣдовать при этомъ и цѣль практическую: онъ имѣлъ въ виду... научить современниковъ „политикѣ“, способствовать политическому образованію общества, распространить въ немъ здравые, съ точки зрѣнія автора, политическіе взгляды и сознательное отношеніе къ существующему строю, какъ естественному результату предшествовавшаго развитія“. Къ сожалѣнію, при оцѣнкѣ *Полити*, авторъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на политическую сторону трактата, и это, можетъ быть, главный пробѣлъ въ его книгѣ. Замѣчанія, изложенныя на стр. 246—250, очень кратки и поверхностны, а въ 4-й главѣ эта сторона дѣла совсѣмъ упущена изъ виду.

Между тѣмъ, авторъ едва ли можетъ отрицать, что изслѣдованія Кейля, Дюмлера, Покровскаго и др., направленные именно къ выясненію полемиической тенденціи *Полити*, впервые пролили свѣтъ на многія извѣстія трактата, которые раньше казались намъ странными и непонятными. Такъ, напримѣръ, рассказъ Аристотеля о законодательствѣ Солона сдѣлался понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ только благодаря гипотезѣ объ олигархическомъ источникѣ, противъ котораго полемизировалъ Аристотель; проф. Бузескулъ и самъ признаетъ правильность этой гипотезы, но въ отдѣлахъ о Солонѣ (гл. IV § 5 и особенно гл. II § 4 а, гдѣ это было необходимо) почти не пользуется ею. Въ общемъ, повторяемъ, новая книга проф. Бузескула является цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы по греческой исторіи и несомнѣнно сдѣлается настольною справочною книгой для всѣхъ изучающихъ *Полити*. Изложеніе книги, по живости, ясности и простотѣ, заслуживаетъ большой похвалы. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь заключительныя слова проф. Бузескула, содержащія прекрасную характеристику общаго значенія этого

трактата. Новооткрытый источник, по мнѣнію автора, не только дает намъ рядъ новыхъ фактовъ и проливаетъ свѣтъ на многіе вопросы,— важно также и то, какъ представляется въ немъ общій ходъ развитія аоннской политіи. „Чѣмъ болѣе изучаются исторія и археологія Греціи, тѣмъ болѣе обнаруживается связь между отдѣльными ея эпохами и моментами; открываются посредствующія звенья тамъ, гдѣ раньше ихъ и не подозревали, между такими періодами и явленіями, которые, казалось, раздѣляла цѣлая пропасть. Въ этомъ отношеніи важенъ нашъ новый источникъ. Онъ изображаетъ постепенное, чрезвычайно послѣдовательное, чисто-органическое развитіе государственнаго строя Аоніи, безъ особенно рѣзкихъ скачковъ. Постепенно совершается переходъ отъ монархіи къ аристократіи, затѣмъ такъ же постепенно демократія занимаетъ мѣсто аристократіи... Словомъ, *Politia* еще яснѣе показываетъ намъ, что аоннская демократія была чисто-народнымъ созданіемъ, результатомъ работы цѣлаго ряда дѣятелей и поколѣній, а не результатомъ честолюбія и интригъ отдѣльных личностей“.

Древняя гражданская община. (*La cité antique*). Фюстель де-Куланжа. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Переводъ съ послѣдняго XIV изданія Н. Н. Спиридонова. Москва, 1895 г. Книга Фюстель де-Куланжа въ свое время получила широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ,— много говорятъ о ней, поэтому, не приходится. Напомнимъ только читателю, что авторъ объясняетъ особенности античной общины культомъ предковъ, игнорируя хозяйственныя условія, которыя, по его мнѣнію, начали дѣйствовать лишь въ позднѣйшій періодъ. Несмотря на этотъ капитальный недостатокъ, лучшей картины античнаго строя въ литературѣ нѣтъ и, вѣроятно, долго не будетъ. Благодаря изумительно ясному и простому изложенію, эта, въ сущности, ученая книга можетъ служить отличнѣмъ пособіемъ въ старшихъ классахъ нашихъ гимназій, гдѣ такъ много говорятъ о древнемъ мірѣ и такъ мало его знаютъ. Между тѣмъ, достать ее въ послѣднее время было не легко, такъ какъ прежніе переводы,—Е. Корша и Н. Бабкина,—давно вышли изъ продажи. Новый переводъ, г. Спиридонова, сдѣланъ съ послѣдняго французскаго изданія; неизвѣстно почему, опущены указатели, который имѣется въ оригиналѣ и, конечно, совершенно необходимъ. Переводъ, вообще говоря, удовлетворителенъ,—грубыхъ искаженій подлинника мы не замѣтили. Намъ показалось только, что работа сдѣлана нѣсколько поспѣшно,—этимъ, вѣроятно, объясняются многочисленные мелкіе недосмотры: *magistratures* передается черезъ „управленіе“, *authentique* — черезъ „явный“, *suprématie sacerdotale* — „священное первенство“ (?) и т. п. Иногда встрѣчаются очень неловкіе обороты; чтобы не затруднять читателя выписками, приведемъ одинъ образецъ. На стр. 65 читаемъ: „Домашняя религія передавалась по крови отъ мужчины мужинѣ. *Potomство мужской линіи* устанавливало между двумя лицами ту религіозную связь, которая позволяла одному продолжать культъ другого“. У Фюстеля вторая фраза поясняетъ первую: онъ хочетъ сказать, что религіозную связь опредѣляетъ *происхождение по мужской линіи* (*la descendance en ligne masculine*, p. 84). Г. Спиридоновъ выводитъ на сцену „потомство“, чѣмъ окончательнѣ затемняется смыслъ первой фразы. Не стоило бы указывать на эти промахи, если бы рѣчь шла о какой-нибудь „популярной“ стряпнѣ, столь изобильной въ послѣднее время на парижскомъ книжномъ рынкѣ. Но *Cité antique*, помимо всего прочаго,—образецъ исторической прозы, чего въ переводѣ совсѣмъ не видно.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Очерки политико-экономической литературы". Н. Х. Бунге.—"Къ учению о цѣнахъ". Вл. Дена.—"Промышленная исторія Англіи". Г. Губбинса.

Очерки политико-экономической литературы. Н. Х. Бунге. пб., 1895 г. Мы не знаемъ, на какого читателя рассчитывалъ покойный Н. Х. Бунге для *всей* своей книги, но ясно, что *отдѣльные* черки рассчитаны на *разныхъ* читателей. Книга составлена изъ 4-хъ главъ. Стоящій во главѣ ея *Историческій очеркъ экономическихъ учений* представляетъ собой крайне сжатый и крайне элементарный обзоръ различныхъ экономическихъ учений въ ихъ хронологической послѣдовательности; онъ предназначенъ, очевидно, для людей, только что приступающихъ къ изученію экономической науки. Непосредственно слѣдующая за нимъ статья *Теорія согласія частныхъ интересовъ Кэри*, равно и 4-й очеркъ *Шмоллеръ о Менгеръ*, отличаются уже совершенно инымъ характеромъ: какъ по ихъ темамъ, такъ и по разработкѣ ихъ темъ, они могутъ представить лишь специальный интересъ для ищущихъ исторію политической экономіи. Наконецъ, третья о главленію статья о Миллѣ занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между элементарнымъ историческимъ очеркомъ и специальными изслѣдованіями Кэри и Менгеръ; она можетъ быть прочтена всякимъ, знакомымъ съ начатками политической экономіи и интересующимся трактатомъ Милля.

Самое слабое, что есть въ книгѣ, это упомянутый *Историческій очеркъ*. Онъ слишкомъ кратокъ и неполонъ даже для перваго ознакомленія съ исторіей науки. Экономическимъ системамъ классической ревности посвящено здѣсь три совершенно безцвѣтныхъ страницы, послѣ его авторъ переходитъ прямо къ *Экономической литературѣ нововропейскихъ народовъ*. Мы понимаемъ историковъ, которые начинаютъ сразу съ новаго времени, но совершенно не понимаемъ Н. Х. Бунге, трактующаго о Платонѣ и Аристотелѣ на трехъ страницахъ и затѣмъ опускающаго св. Августина, Тому Аквинскаго и всѣ средніе вѣка. Неполнота составляетъ основную черту всего дальнѣйшаго очерка. Меркантилизмъ очерченъ, на примѣръ, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, при чемъ изъ его литературныхъ представителей упомянутъ одинъ Т. Мэнъ. Среди послѣдователей классической школы въ Германіи не названы даже по имени Германъ и Тюпенъ, въ Англіи Кернсъ и Девонсъ. Изъ нашихъ современниковъ отсутствуютъ Брентано, бр. Менгеры, Пёнбергъ и многіе др. Еще важнѣе опущеніе всей итальянской школы, существованія которой и не заподозрить читатель, ознакомившійся со съемъ *Историческимъ очеркомъ* Н. Х. Бунге.

Съ наибольшею подробностью трактуетъ авторъ о социализмѣ и коммунизмѣ, которымъ посвящено *семь* специальныхъ главъ или *большая* половина *Очерка* (117 стр. изъ 200). Къ сожалѣнію, ни изложеніе, ни классификація, ни критика социалистическихъ системъ въ книгѣ Н. Х. Бунге не могутъ быть названы особенно удачными. Гл. IX, *Кривика социалистами современнаго хозяйственнаго быта*, представляетъ юбою случайную коллекцію ничѣмъ не связанныхъ замѣчаній, предъизъявлявшихся въ разное время различными писателями: Фурье, Прудонъ, Тассаль и Марксъ протягиваютъ здѣсь страннымъ образомъ другъ другу руки. Еще менѣе удовлетворительна гл. X, гдѣ социализмъ *вообще* излагается въ терминахъ одного утопическаго социализма и плохо отгра-

ничивается от коммунизма (см. стр. 48). Классификація социалистических системъ поражаетъ своею неожиданностью: такъ, например, Лассаль почему-то включенъ въ число утопистовъ, Прудонъ же замесленъ (между Родбертусомъ и Марксомъ) въ представители философскаго и критическаго социализма. Критика самого Н. Х. Бунге, не отличаясь оригинальностью, обыкновенно скользитъ по поверхности. Вотъ одинъ изъ ея образцовъ: „Ихъ (социалистовъ) не смущаютъ факты, удостовѣряющіе, что миллиарды, хранящіеся въ сберегательныхъ кассахъ, накоплены народомъ, и что большинство предпринимателей-капиталистовъ вышло изъ среды рабочихъ, умомъ, трудолюбиемъ и бережливостью достигшихъ общественнаго положенія и богатства. Обратитъ пріобрѣтенное этими тружениками имущество въ общественное достояніе не есть ли вопіющая несправедливость, ограбленіе лучшихъ людей изъ трудящагося класса? Развѣ Оуэнъ сдѣлался миллионеромъ, благодаря выжиманію изъ рабочихъ прибавочной цѣнности? Развѣ нѣтъ капиталистовъ-предпринимателей, которые не злоупотребляютъ властью, предоставляемою имъ богатствомъ? Развѣ уровень благосостоянія рабочаго класса не возвысился противъ прежняго времени?“ (стр. 137 и 138). Странно какъ-то, что подобныя фразы фигурируютъ въ качестве возраженій противъ ученія Маркса. Еще удивительнѣе, что Н. Х. Бунге (подобно Льву XIII, со стороны котораго это менѣе удивительно) въ защиту частной земельной собственности указываетъ на трудъ, вложенный собственникомъ (ужъ будто бы всякимъ?) въ свою землю. Какъ на примѣръ сбивчивости понятій, проявляемой Н. Х. Бунге въ критикѣ социализма, мы укажемъ на стр. 126—127, гдѣ выраженіе „капиталистическая форма“ подвергается со стороны автора самымъ страннымъ и неопредѣленнымъ толкованіямъ.

Несмотря на сочувствіе автора къ нѣкоторымъ современнымъ немецкимъ школамъ, онѣ не получаютъ съ его стороны лучшей оцѣнки чѣмъ социализмъ. Достаточно будетъ привести для примѣра слѣдующія ничего не опредѣляющія опредѣленія (стр. 3—4): „историческая школа пытается примирить различныя (?) доктрины и принимаетъ (?) какъ для нихъ, такъ и для хозяйственнаго устройства извѣстные историческіе моменты, переживаемые каждымъ народомъ. Выработывается, наконецъ, статистическое направленіе, которое ищетъ въ исторіи историческіе моменты и типическіе періоды, но только матеріалъ для выводовъ“. И только.

Но самую слабою стороною историческаго очерка является отсутствіе въ немъ какихъ-либо указаній на исторію экономической жизни. Экономическія доктрины трактуются Н. Х. Бунге съ полною обособленностью отъ порождающей ихъ на свѣтъ экономической дѣйствительности, почему въ его изложеніи онѣ и оставляютъ впечатлѣніе какой-то безконечной цѣпи мнѣній, неизвѣстно какъ возникающихъ и неизвѣстно почему сходящихъ со сцены. Въ этомъ—да, впрочемъ, и во многихъ другихъ отношеніяхъ—очеркъ Н. Х. Бунге уступаетъ нѣкоторымъ изъ существующихъ уже у насъ руководствъ, напримеръ, курсу проф. Чупрова, равному ему по объему (историческая часть).

Иное слѣдуетъ сказать о другихъ, составляющихъ книгу Н. Х. Бунге статьяхъ. Если бы не общность нѣкоторыхъ, развиваемыхъ во всѣхъ очеркахъ взглядовъ, можно было бы подумать, что они принадлежатъ перу не одного писателя,—настолько различны ихъ сравнительныя достоинства. *Теорія солидарности частныхъ интересовъ Кэри* представляетъ собою обстоятельное, можетъ быть, даже черезъ-чуръ обстоятельное

зложеніе одного изъ первыхъ трудовъ этого писателя: *Principles of political economy*. Статья была напечатана впервые въ *Отечественныхъ вѣстникахъ* еще въ 1859 г. и нынѣ перепечатана съ нѣкоторыми поправками, которыя, по объясненію Н. Х. Бунге, „не касаются, однако, началъ промышленной свободы и частной собственности, составляющихъ основаніе всякаго разумнаго экономическаго порядка“. Въ общемъ русскій авторъ, дающій намъ прекрасный очеркъ экономическихъ взглядовъ Кэри и осторожно критикующій нѣкоторыя изъ его положеній, оказывается во многомъ солидарнымъ съ американскимъ экономистомъ. Гораздо строже его отношеніе къ Миллю, котораго онъ упрекаетъ за уступку социализму, за злоупотребленіе дедукціей и за ошибочный взглядъ на коренное будто бы различіе между законами производства и законами распределенія. Входить въ подробное разсмотрѣніе обширной и избыточной замѣчаніями статьи: *Милль, какъ экономистъ* мы не считаемъ возможнымъ *). Интересующіеся найдутъ въ этомъ блестящемъ очеркѣ много любопытнаго матеріала для собственныхъ размышленій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣтятся здѣсь, какъ и въ статьѣ о Кэри, съ нѣкоторою предвзятостью и отдѣльными, слишкомъ рискованными утвержденіями русскаго автора.

Намъ странно читать, напримѣръ, такія строки: „Англійская школа считаетъ земельную собственность монополіей, а земельный доходъ — платою за даръ природы, присвоенный человѣкомъ. Представляя подобный порядокъ вещей естественною необходимостью (на этомъ въ особенности настаивалъ Мальтусъ), экономисты не могли не видѣть въ немъ зла неизбежнаго, но, все-таки, зла“ (стр. 256). Собственный взглядъ Н. Х. Бунге весьма отличается отъ того, который приписывается имъ англійской школѣ, ибо онъ, съ своей стороны, склоненъ не видѣть никакого зла въ отмѣченномъ явленіи. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ больше его рискованное утвержденіе, что англійская школа считала ренту результатомъ монополіи; по отношенію къ Смиту это, пожалуй, еще справедливо, но не по отношенію къ Рикардо и особенно къ Мальтусу, который начинаетъ свои разсужденія о рентѣ (*Principles of political economy*, ch. 3) полемикой противъ того самаго взгляда, который приписываетъ ему Н. Х. Бунге, какъ одному изъ представителей англійской школы. „Ученія Мальтуса и Рикардо (о рентѣ) ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ однородныя“ (стр. 387). Утвержденіе это, ничѣмъ не подкрѣпленное, кажется намъ столь же рискованнымъ, какъ предъидущее или, напримѣръ, такое: „только совершеннымъ незнакомствомъ съ сочиненіями Фурье можно объяснить, почему Милль умалчиваетъ объ эпикурейскомъ сенсуализмѣ этого ученія“ (стр. 375).

Трудно вполне согласиться и со многими другими утвержденіями Н. Х. Бунге. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что какова бы ни была основательность тѣхъ или иныхъ его взглядовъ, въ нихъ чувствуется всегда глубокое убѣжденіе, подобно тому, какъ во всей его книгѣ, при многихъ ея слабыхъ сторонахъ, видѣнъ серьезный, вдумчивый умъ, стремящійся идти своею дорогою, хотя и сбивающійся подчасъ на избитые и уже забрасываемые пути. Намъ думается, что многіе изъ читателей Н. Х. Бунге воспользуются его же совѣтомъ (см.

* Очерка *Шмоллеръ о Метеръ*, являющагося лишь сокращеннымъ переводомъ шмоллеровской статьи (изъ сборника *Zur Literaturgeschichte der Staats- und Socialwissenschaften* 1888) мы совершенно не коснемся.

предисловіе къ книгѣ) „смѣть свое сужденіе имѣть“ и не пожалѣть о времени, потраченномъ на чтеніе *Очерковъ*.

Къ ученію о цѣнности. Три очерка: А. Смитъ, Д. Рикардо, К. Родбертусъ. Владиміра Дена. Спб., 1895 г. Не безъ чувствъ предубѣжденія приступили мы къ чтенію книжки г. Дена: трудно сказать что-нибудь новое о писателяхъ, такъ полно и всесторонне изученныхъ и съ догматической, и съ критической стороны, какъ Смитъ, Рикардо и Родбертусъ, и еще труднѣе это сдѣлать по вопросу, избранному г. Деномъ, вопросу о цѣнности. И, признаемся, чтеніе книжки г. Дена не разсѣяло нашего предубѣжденія: она мало даетъ для объясненія ученій названныхъ экономистовъ. Въ виду серьезности и сложности вопросовъ, трактуемыхъ г. Деномъ, и въ виду недостатка мѣста, намъ придется лишь въ краткихъ чертахъ коснуться содержанія книжки г. Дена, и, притомъ, въ тѣхъ только частяхъ, которыя представляютъ сравнительную новизну и оригинальность.

Въ I очеркѣ г. Денъ стремится показать, что вліяніе физиократовъ на Смита гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Хотя, по мнѣнію г. Дена, Смитъ „привадлежитъ огромная заслуга, заключающаяся въ томъ, что онъ на первый планъ выдвинулъ экономическое значеніе труда“ (стр. 3), тѣмъ не менѣе, „онъ не только не создалъ новаго взгляда, противнаго взглядамъ физиократовъ, но онъ, напротивъ, самъ находился подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ и заимствовалъ ихъ“ (стр. 12). Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ противорѣчія: неужели выдвинуть на первый планъ экономическое значеніе труда не значитъ создать новаго взгляда, противнаго физиократамъ, которые „первенствующее мѣсто въ экономической жизни отдавали природѣ?“ (стр. 4) (что также не вполне вѣрно). Для доказательства своего положенія г. Денъ употребляетъ довольно распространенный въ нѣмецкой литературѣ и, по нашему мнѣнію, глубоко не научный приемъ—сравнивать писателей не по *общимъ и основнымъ* воззрѣніямъ, но по *отдѣльнымъ выраженіямъ*. Благодаря такому приему, вліяніе физиократовъ на Смита г. Денъ видитъ не только тамъ, гдѣ его видитъ большинство исследователей (ученіе о свободной конкуренціи, о рентѣ и нѣкот. друг.), но даже и въ подробностяхъ вплоть... до перевода отдѣльныхъ выраженій. Даже въ трудѣ, какъ основѣ цѣнности, г. Денъ усматриваетъ чисто-физиократическую черту. Г. Денъ чинитъ допросъ съ пристрастіемъ не одному Смиту, но и физиократамъ: оказывается, наприм., что одно изъ своихъ основныхъ положеній: *telle est valeur vérale, telle est richesse* физиократы заимствовали у меркантилистовъ. Можно бы указать еще не мало странныхъ сближеній, которыя дѣлаетъ г. Денъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ; но всѣ эти сближенія мало убѣждаютъ читателя. При помощи приемовъ г. Дена можно было бы найти пункты духовнаго сродства и между К. Марксомъ и... В. Роперомъ. Очеркъ, посвященный Рикардо, самый слабый во всей книгѣ. Г. Денъ находитъ, что ученіе Рикардо построено на 3-хъ „абстракціяхъ“: 1) оно имѣетъ въ виду лишь предметы, количество которыхъ можетъ быть увеличено трудомъ; 2) оно предполагаетъ, что весь капиталъ состоитъ изъ заработной платы; 3) оно игнорируетъ рыночныя колебанія цѣнъ, или, по терминологіи г. Дена, приписываемой имъ и Р., цѣнностей. Не говоря уже о совершенно произвольномъ употребленіи слова *абстракція* въ такомъ значеніи, въ какомъ его никто никогда не употребляетъ, въ этомъ утвержденіи скучена цѣлая пропасть недоразумѣній, въ которыхъ безъ труда разберется всякій, знакомый съ подлин-

нымъ трактатомъ Р. А, между тѣмъ, г. Денъ находитъ, что „эти абстракціи далеко отклонили ученіе Р. отъ дѣйствительности; между тѣмъ, онъ-то (sic) и привели къ ученію, что высота цѣнности опредѣляется количествомъ труда“ (стр. 84). Въ разборѣ ученія Родбертуса главный интересъ сосредоточивается на критикѣ попытки Р. обосновать трудовую теорію цѣнности (справедливыя замѣчанія автора о прогнорозисяхъ въ теоріи распределенія Р. не представляютъ интереса новизны; равнымъ образомъ мало интересенъ въ научномъ отношеніи и вопросъ объ абсолютномъ мѣрилѣ стоимости по Р—у). Эта критика тѣмъ интереснѣе, что авторъ не принадлежитъ къ числу сторонниковъ трудовой теоріи. Къ сожалѣнію, собственная точка зрѣнія г. Дена едва намѣчена, и возраженія его противъ трудовой теоріи сформулированы весьма неясно и кратко. Несвободна отъ недоразумѣній аргументація г. Дена и здѣсь. Критикуя, наприм., воззрѣніе Р—а, что природныя блага, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ, получаютъ свою цѣнность благодаря существованію частной собственности, г. Денъ аргументируетъ такъ: „наступленіе такого состоянія общества, при которомъ нѣтъ права собственности на землю, немислимо и представляется немислимымъ и Родбертусу“. „Это вполне сознаетъ и Р. и, поэтому, въ свой планъ будущаго спеціальнаго строя онъ вводитъ никакъ не въ отмѣну права собственности на земли, но замѣну частной собственности общественной собственностью“ (стр. 125). Причина заключается въ томъ, что „въ основѣ права собственности на землю именно и лежитъ естественный фактъ: ограниченность пространства земли и производительныхъ силъ природы“ (стр. 127). Аргументируя такимъ образомъ, г. Денъ дѣлаетъ двойную ошибку—и юридическаго, и экономическаго свойства: юридическаго—смѣшивая право *частной* собственности и *общественную* обладанія, экономическаго—предполагая при иномъ общественномъ строѣ тѣ же отношенія обмѣна, которыя существуютъ при господствѣ частной собственности. Мысль Р. относится именно къ явленіямъ цѣнности, существующимъ при частномъ обладаніи землей и капиталомъ. При иномъ общественномъ строѣ, по его идеалу, трудовая цѣнность станетъ впервые безусловнымъ закономъ, а предметы, не стоящіе труда, не будутъ представлять и цѣнности.

Мы сказали, что на собственные воззрѣнія г. Дена едва сдѣлавъ намекъ въ его книжкѣ. Это тѣмъ болѣе жаль, что въ своихъ приговорахъ г. Денъ строгъ и неумолимъ, а въ своихъ сужденіяхъ категориченъ. Приведемъ примѣры: „Обнаружилось,—заявляетъ г. Денъ,— что цѣнность этихъ предметовъ (количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо трудомъ) зависитъ отъ тѣхъ же обстоятельствъ, отъ которыхъ зависятъ и колебанія рыночной цѣнности тѣхъ благъ, цѣнность которыхъ стремится къ совпаденію съ издержками производства. Обнаружилось также, что въ этихъ обстоятельствахъ надо искать основную причину того, что нѣкоторыя блага приходится производить въ условіяхъ неодинаково благоприятныхъ“ (стр. 157). „Цѣнность, въ концѣ-концовъ, вытекаетъ изъ потребности людей, съ одной стороны, и изъ сравнительной рѣдкости тѣхъ благъ, которыя способны удовлетворить эти потребности,—съ другой“ (стр. 160). Подобное воззрѣніе, выставленное г. Деномъ въ формѣ краткихъ положеній, далеко не раздѣляется многими экономистами, въ томъ числѣ большинствомъ русскихъ выдающихся экономистовъ. Поэтому можно было бы желать отъ русскаго автора нѣсколько болѣе обстоятельной аргументаціи. Трудовой теоріи г. Денъ ставитъ въ упрекъ слѣдующее: 1) „Цѣнности

цѣлой категоріи благъ она не объясняетъ вовсе⁴ (стр. 16) (скажемъ болѣе, и не задается объяснить, почему, какъ къ *теоріи*, управя этогъ къ ней совсѣмъ неприложимъ); 2) „колебанія рыночной цѣнности благъ несомнѣстими съ учениемъ, что цѣнность вытекаетъ изъ труда“ (стр. 161) (это утвержденіе представляетъ полнѣйшее *petitio principii*). 3) Понятіе объ общественно-необходимомъ времени заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что источникъ цѣнности надо искать не въ трудѣ, а въ общественныхъ условіяхъ, *т.-е.* въ общественныхъ потребностяхъ и въ количествѣ благъ, находящихся въ распоряженіи общества для ихъ удовлетворенія (стр. 16) (подчеркнутое *т.-е.* представляетъ изъ себя также *petitio principii*). 4) Трудовая теорія не объясняетъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя влечетъ за собой стремленіе прибыли къ уравненію въ связи съ различіями въ составѣ капитала и времени его оборота (стр. 161). (Когда г. Денъ познакомится съ Ш т. *Капитала*, онъ увидитъ, что въ этомъ направленіи есть очень интересная попытка).

Ко всему этому надо добавить, что книжка г. Дена написана тяжелымъ и мѣстами чрезвычайно неяснымъ языкомъ, имѣется не малое отдѣльныхъ недоразумѣній, на которыхъ мы здѣсь не остановимся. Тѣмъ не менѣе, книжка написана съ большимъ знаніемъ дѣла и съ большою внимательностью къ изучаемымъ писателямъ. Поэтому она составитъ полезный вкладъ въ нашу скудную теоретическую литературу, особенно въ виду подъема интереса къ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи, характеризующаго за послѣднее время русское общество.

Промышленная исторія Англій. Г. Гиббинса. Переводъ съ англійскаго съ примѣчаніями и предисловіемъ А. П. Каменскаго. Спб., 1895 г. „Эта сжатая маленькая исторія экономической жизни величайшей изъ промышленныхъ и торговыхъ націй міра, — говоритъ г. Каменскій въ предисловіи къ своему труду, — представляетъ живую и крайне поучительную для насъ въ отрицательномъ смыслѣ картину постепеннаго превращенія земледѣльческой страны, съ преобладавшею домашнею системою производства, какою оставалась Англія почти до половины XVIII столѣтія, въ средоточіе всемірной торговли и капитализма, причемъ земледѣліе, бывшее прежде основою народнаго благосостоянія, сдѣлалось второстепенною отраслью, годъ отъ году приходящею въ болѣе упадокъ, а пропитаніе населенія стало почти въ полную зависимость отъ снабженія иностранныхъ рынковъ и отдаленныхъ колоній“.

Тенденціозность цитируемаго предисловія можетъ навести читателя на мысль, что, пожалуй, и самая книга Гиббинса написана съ спеціальною публицистическою цѣлью. Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ и предисловіе г. Каменскаго свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ мало онъ проникся духомъ переведенной имъ книги. Заслуга англійскаго автора заключается именно въ полной объективности, съ которою онъ рисуетъ и свѣтлыя, и мрачныя стороны англійской промышленной исторіи. Онъ не идеализируетъ прошлаго, но не поетъ дифирамбовъ и въ настоящему. Анализируя послѣдствія современной капиталистической эволюціи, Гиббинсъ указываетъ на затруднительное положеніе англійскихъ фермеровъ и на развитіе фабричнаго пролетаріата. Но, видѣвъ съ тѣмъ, понимая вещи глубже и шире г. Каменскаго, онъ не задумывается констатировать положительный прогрессъ въ томъ, что русскому переводчику кажется поучительнымъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

„Англійскіе рабочіе нашего времени, — читаемъ мы на страницѣ 58, — представляютъ совсѣмъ другой классъ по сравненію съ ихъ редкими пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Они узнали, какая сила заключается въ союзѣ, недозволенномъ прежде, но сдѣавшемся теперь ихъ достояніемъ. Постоянный ростъ рабочихъ союзовъ и кооперативныхъ обществъ развили среди нихъ привычки къ бережливости и самостоятельности, причемъ они ближе ознакомились съ экономическими условіями современной промышленности... Громадная сила современнаго капитала встрѣчается теперь съ силой соединеннаго труда“... А вотъ какую, вополь справедливую, отповѣдь получаютъ Гиббинса идеализаторы того лучшаго прошлаго, когда „земельскіе были основой народнаго благосостоянія“: „Кто-нибудь, — говоритъ онъ (стр. 19), — долженъ былъ платить за войны, которыми такъ увлекалась аристократія, и слѣдуетъ помнить, что всѣ, связанные съ ними, расходы падали на промышленную часть общества. И за всѣ безумія и жестокости этого суроваго вѣка съ его турнирами и застѣнками, идеализированнаго поэтами и романистами, приходилось расплачиваться *презираемому* населенію городовъ и маноровъ“.

Уже по приведеннымъ нами выдержкамъ читатель можетъ видѣть, что книга Гиббинса представляетъ собою не сухой перечень фактовъ, но живой очеркъ, полный сопоставленій, обобщеній и выводовъ. Не въ качествѣ человека опредѣленной партіи или предвзятаго взгляда, но и не въ качествѣ далекаго отъ жизни кабинетнаго ученаго писалъ Гиббинсъ свою „промышленную исторію“: передъ нами талантливый популяризаторъ, одинъ изъ лучшихъ представителей движенія, извѣстнаго подъ названіемъ University Extension, знатокъ своего предмета и человекъ вполне прогрессивнаго образа мыслей. Передавая своимъ читателямъ факты, прежде всего и главнымъ образомъ факты, авторъ не отказывается дѣлиться съ ними попутно и своими соображеніями, всегда интересными даже въ томъ случаѣ, когда они не могутъ претендовать на полную безспорность. Это обстоятельство чрезвычайно оживляетъ изложеніе, отличающееся мѣстами нѣкоторою сухостью. Приятно поражаетъ въ авторѣ и то, что онъ не ограничиваетъ своей темы исключительно *промышленною* исторіей, но дѣлаетъ постоянно экскурсіи въ область дипломатическихъ сношеній и политики.

Не представляя собою оригинальнаго изслѣдованія, составленная преимущественно по сочиненіямъ Торольда Роджерса (*Six centuries of Work and Wages*) и Тойнби (*Industrial revolution*), работа Гиббинса не даетъ, конечно, ничего новаго специалисту, знакомому съ названными трудами, но для людей еще желающихъ познакомиться съ промышленною исторіей Англій, для изучающихъ исторію экономической науки или культурную исторію вообще, работа эта очень полезна. При незначительномъ объемѣ (160 стр. въ русскомъ изданіи), она отличается значительною полнотою, при популярности изложенія — полною научностью. Можно порадоваться, что это полезное руководство нашло себѣ въ лицѣ г. Каменскаго хорошаго переводчика, отлично справившагося съ своею задачей. Единственное замѣчаніе, которое мы считаемъ нужнымъ сдѣлать по поводу русскаго перевода, касается совершенно неумѣстной, на нашъ взглядъ, руссификаціи текста. Немного странно и дико звучатъ въ англійской книжкѣ фразы вродѣ слѣдующей: „вопросы рѣшались въ общемъ совѣтѣ (mark-shoot), соответствующемъ *нашему* мірскому сходу“, и т. п.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Юридическія изслѣдованія и статьи“. А. Х. Гольмстена. — „Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 г.“.

Юридическія изслѣдованія и статьи. А. Х. Гольмстена, орд. проф. военно-юрид. академіи. Спб., 1894 г. Въ названной книгѣ г. Гольмстенъ собралъ цѣлый рядъ своихъ трудовъ по общей теоріи права, обычному, гражданскому и торговому праву и процессу, печатавшихся въ различныхъ юридическихъ изданіяхъ, и подводитъ, такимъ образомъ, частичный итогъ своей ученой дѣятельности. Предпріятіе нельзя не привѣтствовать. Многія изъ помѣщенныхъ работъ очень цѣнны для нашей науки и практики (наприм., статья о душеприкащикахъ—цѣлое изслѣдованіе съ историческимъ очеркомъ, догматическое ученіе о неустойкѣ и рядъ очерковъ судебной практики); другія касаются ряда вопросовъ, вызывавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ живую полемику и серьезный интересъ въ нашей юридической литературѣ („Этюды о современномъ состояніи права: 1) нѣсколько мыслей о позитивизмѣ въ наукѣ права и 2) позитивизмъ, метафизика и римское право“); третьи, наконецъ, характеризуютъ хорошо приемъ ученой работы и взгляды самого автора (*Принципы тождества въ гражданскомъ процессѣ*). Отгискивать ихъ въ журналахъ было слишкомъ утомительно, а, между тѣмъ, съ упоминаніемъ о нихъ и теперь приходится встрѣчаться. Авторъ обѣщаетъ и полное изданіе своихъ сочиненій. Искренно желаемъ успѣха его начинанію. Мы думаемъ только, что автору едва ли слѣдуетъ самому не только подводить итоги своей дѣятельности, но и считать ея результаты. Последнюю задачу исполнять уже читатели. Въ названномъ же выпускѣ г. Гольмстенъ самъ себя оцѣниваетъ. Въ предисловіи онъ упоминаетъ о своемъ ученомъ спорѣ съ проф. Муромцевымъ и указываетъ здѣсь на то, что послѣднее слово осталось за нимъ, что, по словамъ гг. Шершеневича и Азаревича, онъ побѣдитель, подчеркиваетъ словами перваго корректность своего поведенія и увѣряетъ читателей, что проф. Муромцевъ велъ полемику „не такъ, какъ это принято въ средѣ людей науки“. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что нѣкоторыхъ читателей г. Гольмстенъ этимъ ввелъ въ большое заблужденіе. Въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ появилась замѣтка, гдѣ со словъ г. Гольмстена утверждалось, что г. Муромцевъ отвѣчалъ на статьи г. Гольмстена „руганью“, что онъ „облилъ его цѣлымъ потокомъ грязи“ и т. п. Благодаря авторской самооцѣнкѣ, противникъ г. Гольмстена, одинъ изъ наиболѣе строгихъ въ выборѣ выраженій писатель, помѣщавшій свои замѣтки въ журналѣ, тонъ котораго былъ всегда безупреченъ, послужилъ, такимъ образомъ, поводомъ къ выходкамъ указаннаго сейчасъ свойства, о которыхъ, вѣроятно, сожалѣтъ и самъ г. Гольмстенъ, какъ онъ сожалѣтъ въ томъ же предисловіи о „неистовомъ“ нападеніи г. Азаревича на труды проф. Муромцева. Въ своемъ дѣлѣ никто не судья и для помнящихъ споръ гг. Муромцева и Гольмстена оно представляется въ иномъ видѣ. Г. Муромцевъ написалъ книгу *Гражданское право древняго Рима*, появленіе которой „возмутило“ г. Гольмстена, и онъ написалъ подробную рецензію на нее. Г. Муромцевъ разъяснилъ г. Гольмстену въ своемъ отвѣтѣ вызванныя книгой недоразумѣнія, г. Гольмстенъ не согласился съ мнѣніями г. Муромцева и завязался споръ по очень важному общему вопросу о роли догмати-

ического изученія права, поведшій къ еще болѣе общимъ спорамъ чисто-логическаго свойства: о стативѣ и динамикѣ, индукци и дедукци, анализѣ и синтезѣ и т. д. Смыслъ выраженій былъ тотъ, что авторъ критики на его книгу „игнорировалъ“ программу позитивнаго изслѣдованія, опирающуюся на методологическіе приемы, разработанныя въ логикахъ Милля и Бана. Въ своихъ замѣткахъ г. Муромцевъ и развивалъ читателямъ и г. Гольмстену смыслъ ученій Милля и Бана и исправлялъ напрасныя попытки г. Гольмстена истолковать ихъ въ духѣ, имъ не свойственномъ. Г. Гольмстенъ обидѣлся не тономъ г. Муромцева, который былъ безусловно корректенъ, а лишь поучительностью его рѣчи, вызванной собственною неосторожностью и ошибками г. Гольмстена, скрытыя которыя становилось уже невозможно. Что вина принятаго полемикой направленія падаетъ на г. Гольмстена, это не подлежитъ сомнѣнію. Г. Гольмстенъ не рѣшился помѣстить въ сборникъ, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, свою первую статью о книгѣ г. Муромцева, вызвавшую всю полемику и написанную излишне раздраженнымъ тономъ, и перепечатываетъ лишь два упомянутыхъ выше „этюда“. Этюды же г. Муромцева, написанные въ отвѣтъ г. Гольмстену, вышли въ свѣтъ отдѣльною книжкой подъ заглавіемъ: *Что такое догма права?* Книжка переведена была тогда же на нѣмецкій языкъ, и ея переводчикъ, пражскій проф. Эсмархъ, обратилъ вниманіе нѣмецкихъ читателей на то, что книга заслуживаетъ вниманія „nicht ableich, sondern weil die darin entwickelten Gedanken von den traditionellen Begriffen einigermaassen abweichen“, а книгу, „возмутившую г. Гольмстена, назвалъ: „ein Buch, welches, wie wenige, den Leser in den in neren Schöpfungs process des Rom. Rechts einzuführen geeignet ist“ (*Was heisst Rechts-Dogmatik*. Prag, 1885). Проф. Эсмархъ добавляетъ къ этому, что своимъ переводомъ онъ надѣется оказать услугу своимъ товарищамъ по наукѣ, не опасаясь, что къ ознакомленію съ книгой послужитъ препятствіемъ незнакомство многихъ съ выводами англійской логики, особенно логики Милля. Если въ Германіи такъ мало было распространено это знакомство, то что же удивительнаго, что г. Гольмстенъ надѣлалъ большихъ ошибокъ? Да и въ изданныхъ теперь *Изслѣдованіяхъ и статьяхъ* г. Гольмстена не мало доказательствъ того, что г. Муромцевъ былъ правъ въ своихъ упрекахъ г. Гольмстену, когда утверждалъ, что послѣдній не достаточно ясно различалъ „словесныя предложенія отъ реальныхъ“ и смѣшивалъ „кажущіеся выводы и превращенія предложеній съ выводами дѣйствительными“ — образчики „рѣзвгаго тона“ г. Муромцева. Что скажутъ читатели о слѣдующихъ, напримѣръ, опредѣленіяхъ и разсужденіяхъ г. Гольмстена: „Принципъ тождества есть принципъ, въ силу котораго процессуальное отношеніе можетъ возникнуть лишь въ такомъ случаѣ, когда спорное матеріальное правовое отношеніе, являющееся поводомъ его, свободно отъ всякаго виѣшняго тождества, а затѣмъ, разъ возникнувъ, можетъ продолжать свое правомѣрное существованіе лишь подъ условіемъ сохраненія спорнымъ право-отношеніемъ своего внутренняго тождества“? (стр. 256). Или: „Мы невольно задались вопросомъ, — пишетъ г. Гольмстенъ (стр. 254), — какое отношеніе существуетъ между понятіями процессуальнаго и матеріально-правоваго отношенія, чѣмъ собственно является спорное матеріальное правоотношеніе по отношенію къ процессуальному отношенію?“ Обычный взглядъ, по г. Гольмстену, тотъ, что „между процессомъ и спорнымъ правоотношеніемъ или искоомъ существуетъ то отношеніе, что послѣднее является

предметомъ перваго. Если „процессъ“=„процессуальному отношенію“, то спорное правоотношеніе будетъ по отношенію къ процессуальному отношенію тѣмъ же, чѣмъ оно является по отношенію къ процессу, т.-е. предметомъ его; слѣдовательно, спорное матеріальное отношеніе есть предметъ процессуальнаго отношенія“. Въ этомъ обычномъ взглядѣ (т.-е. что предметъ процесса—матеріальное право) г. Гольмстенъ открываетъ „глубокую логическую ошибку“: „Процессъ есть сумма дѣйствій“, а процессуальное отношеніе есть сумма правъ и обязанностей; понятіе, что сумма дѣйствій не можетъ равняться суммѣ правъ и обязанностей. Очень можетъ быть,—продолжаетъ рассуждать г. Гольмстенъ,—что спорное правоотношеніе есть предметъ процессуальныхъ дѣйствій; но оно не можетъ быть предметомъ правъ и обязанностей. *Предметомъ правъ и обязанностей всегда является дѣйствіе*, совершеніе коего или предоставляется управомоченному, или обязательно для лица обязаннаго. Такъ что предметомъ процессуальнаго отношенія, какъ комплекса правъ и обязанностей, являются дѣйствія субъектовъ этого отношенія, а не спорное правоотношеніе“. А такъ какъ дѣйствія субъектовъ,—могъ бы и дальше продолжать г. Гольмстенъ,—направлены на выясненіе матеріальнаго права, и такъ какъ предметомъ ихъ „можетъ быть“ это право, а, слѣдовательно, если предметъ правоотношенія=дѣйствіямъ субъекта, предметъ дѣйствій=матеріальному праву, то, такъ какъ двѣ величинныя, равныя третьей, равны между собою, предметъ процессуальнаго отношенія есть матеріальное правоотношеніе. Было бы еще поучительнѣе! Въ добываніи подобныхъ „выводовъ“ и подобномъ „превращеніи предложеній“ г. Гольмстенъ видитъ главное занятіе юриста—теоретика. Г. Муромцевъ былъ съ нимъ не согласенъ, *inde ira!*... Повторяемъ, что появленіе собранія трудовъ г. Гольмстена желательно, но пусть г. Гольмстенъ оцѣнку ихъ предоставитъ читателямъ.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 годъ. Изданіе главнаго тюремнаго управленія. Спб., 1895 г. Изъ рѣчи сенатора Н. С. Таганцева, произнесенной на одномъ изъ засѣданій окончившагося 2 сентября 4-го сѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній и напечатанной въ газетахъ, мы познакомились уже съ главною сущностью новаго законопроекта о реформѣ суда надъ малолѣтними преступниками, имѣющаго, по словамъ г. Таганцева, въ непродолжительномъ времени войти въ силу закона. Законопроектъ, выработанный комиссіей по пересмотру уголовного уложенія, предполагаетъ почти всѣ виды наказаній, которыя признавались до сего времени возможнымъ примѣнять, наравнѣ со взрослыми, къ малолѣтнимъ преступникамъ (продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ, лишеніе правъ, ссылка на поселеніе, каторжныя работы и т. д.), замѣнить помѣщеніемъ этого рода правонарушителей въ исправительныя заведенія, тамъ, гдѣ они есть, затѣмъ—въ монастыри, приказны общественнаго призрѣнія и, наконецъ, отдачею на поруки родителямъ, родственникамъ или опекунамъ или подъ особый надзоръ полиціи, состоящій въ томъ, что послѣдняя отдаетъ малолѣтнихъ или въ монастыри, или же на поруки извѣстнымъ ей благонадежнымъ частнымъ лицамъ. Отсюда вытекаетъ, что вся сумма благодѣтельныхъ послѣдствій проектируемой реформы будетъ всецѣло находиться въ зависимости отъ количества правильно устроенныхъ и хорошо обеспеченныхъ денежными средствами исправительныхъ пріютовъ и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и отъ степени распространенности подобныхъ заведеній по обширнымъ предѣламъ нашей родины. Въ виду этого, въ

настоящее время получаютъ особый интересъ всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ развитія у насъ дѣла исправительныхъ заведеній. Недавно вышедшій отчетъ по главному тюремному управленію заключаетъ въ себѣ, по обыкновенію, особую главу (раздѣлъ VI) подъ названіемъ: *Исправительно-воспитательныя заведенія*, въ которой и сосредоточены всѣ имѣющіяся въ распоряженіи управленія свѣдѣнія о дѣятельности постоянного бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, о числѣ этихъ заведеній, о капиталахъ, какими они располагаютъ, о доходахъ и расходахъ (въ сводныхъ таблицахъ), о составѣ воспитанниковъ (въ такихъ же таблицахъ) и, наконецъ, объ узаконеніяхъ и распоряженіяхъ, послѣдовавшихъ по этому дѣлу въ отчетномъ году. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя наиболѣе интересныя изъ этихъ данныхъ, могущихъ до извѣстной степени характеризовать положеніе настоящаго дѣла въ 1893 году.

Если принять во вниманіе, что законъ объ исправительныхъ заведеніяхъ, давшій первый толчокъ возникновенію у насъ подобныхъ заведеній, появился около 29-ти лѣтъ тому назадъ (высоч. утв. мнѣніе государственнаго совѣта отъ 5 декабря 1866 г.), то нельзя будетъ не признать, что до 1893 года включительно развитіе этого благого дѣла подвигалось на нашей родинѣ черезъ-чуръ тихими шагами, причемъ открывалось въ общемъ менѣе чѣмъ по одному заведенію въ годъ. Въ 1893 году, какъ и въ предъидущемъ, открылась вновь (21 марта) всего только 1 колонія—роденпойская, близъ Риги, устроенная лифляндскимъ обществомъ исправительныхъ колоній, такъ что число всѣхъ заведеній къ этому времени возросло всего до 21. Кромѣ того, къ существовавшимъ ранѣе обществамъ, образовавшимся съ цѣлью открытія исправительныхъ пріютовъ или колоній, но еще не приступившимъ къ ихъ устройству, прибавилось въ томъ же году еще два—уфимское и курское, уставы коихъ утверждены 8 апрѣля и 19 іюня, причемъ одновременно получили утвержденіе и уставъ курской исправительной колоніи, и одно, кременчугское, собравшее капиталъ въ 7,000 руб., сдѣлало постановленіе о прекращеніи своихъ дѣйствій, „въ виду невозможности, при бѣдности населенія г. Кременчуга, собрать необходимыя для осуществленія цѣлей общества средства“. Такимъ образомъ, къ концу года число такихъ обществъ остановилось на 10-ти. Изъ этого числа о 5-ти обществахъ свѣдѣній не поступило, а о положеніи остальныхъ имѣлись слѣдующія: полтавское къ 1 мая обладало капиталомъ въ 24,798 р. 39 к. и обезпечено въ будущемъ, сверхъ того, ежегоднымъ доходомъ въ 5,300 р., и не открываетъ колоніи только благодаря неимѣнію участка земли; кавказское къ 21 марта имѣло денежныхъ средствъ 22,124 р. 22 к.; тверское къ 1 марта 1894 г.—47,383 р. 95 к.; смоленское—20,000 р. и утвержденный 28 декабря 1893 г. уставъ исправительной колоніи-пріюта.

Капиталы 16-ти исправительныхъ заведеній къ 1 января 1894 г. составляли въ общей сложности 397,867 р. 39 к., причемъ сюда не вошли, за неимѣніемъ свѣдѣній, денежные средства таврическаго и московскаго Рукавишниковскаго пріютовъ. По размѣрамъ капитала, на первомъ мѣстѣ стоитъ варшавское общество (имѣющее колонію для мальчиковъ и пріютъ для дѣвочекъ)—94,419 р. 67 к., затѣмъ вятскій пріютъ—36,185 р. 60 к., астраханская колонія—34,759 р. 29 к., с.-петербургское общество и колонія—33,115 р. 75 к., Большевской пріютъ для дѣвочекъ (подъ Москвой)—32,940 р. 38 к., кievское общество и колонія—26,952 р. 1 к., владимірское общество и колонія—22,769 р.

86 к., костромское—20,714 р. 39 к. и т. д.; менѣе всѣхъ иныя: тульскій пріютъ—9,098 р. 29 к., одесскій—7,378 р. 91 к. и нижегородская колонія—4,182 р. 41 к.

Переходя къ даннымъ отчета о доходахъ по 20-ти заведеніямъ, находимъ, что по роду доходовъ первое мѣсто занимаютъ поступления „отъ казны, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій“, равнявшіяся 175,283 руб. 61 к., причѣмъ пособія общественныхъ и правительственныхъ учреждений составляли 87,776 р. 13 к. (Рукавишниковскій пріютъ—41,832 р. 51 к., с.-петербургская колонія—7,996 р. 96 к., одесскій пріютъ—6,422 р. 58 к., харьковскій—6,182 р. 83 к. и т. д.), „отъ казны за продовольствіе и одежду“—34,949 р. 68 к., 10% отчисленія изъ штрафныхъ суммъ 29,782 руб. 20 к., особія пособия отъ казны—19,071 р. 33 к. (с.-петербургской колоніи—15,000 р., симбирскому пріюту—2,192 р. 31 к. и харьковскому—1,879 р. 2 к.) и, наконецъ, пособія тюремныхъ комитетовъ составляли 3,704 р. 27 к. Затѣмъ, на второмъ мѣстѣ стоятъ доходы отъ обществъ, учредившихъ заведенія, и отъ частныхъ лицъ; они дали всего 101,184 р. 77 к. (пожертвованія и кружки—45,129 р. 56 к., членскіе взносы—22,802 р. 47 коп., % съ капитала—19,156 р. 62 к., концерты и пр.—14,096 р. 11 к.). Третій родъ доходовъ—„отъ самихъ заведеній“: выручка мастерскихъ—47,089 р. 71 к., отъ сельскаго хозяйства—25,520 р. 12 к. и аренда земель и угодій—6,802 р. 50 к.; всего 79,412 р. 33 к. Случайныя поступления равнялись 6,572 р. 55 к. По доходамъ первое мѣсто занималъ въ отчетномъ году московскій Рукавишниковскій пріютъ (67,121 р. 59 к.), второе—студзенецкая колонія вмѣстѣ съ пріютомъ „Пуша“ (55,799 р. 17 к.), третье—с.-петербургская колонія (36,864 р. 34 к.), четвертое—киевская колонія (23,785 р. 43 к.), пятое—нижегородская колонія (23,423 р. 80 к.) и т. д.; послѣднія мѣста принадлежатъ: казанскому пріюту (5,149 р. 67 к.) и роденпойской колоніи (7,434 р.). Доходы по всѣмъ пріютамъ и колоніямъ вмѣстѣ простирались до суммы 362,453 р. 26 к., болѣе противъ предъидущаго 1892 г. всего на 3,512 р. 91 к.

Израсходовали тѣ же пріюты въ 1893 г. 357,817 р. 92 к., т.-е. на 33,932 р. 64 к. болѣе противъ 1892 г.; по размѣрамъ расходовъ первыя мѣста занимаютъ: московскій Рукавишниковскій пріютъ (67,417 р. 26 к.), студзенецкая колонія (49,434 р. 76 к.), с.-петербургская колонія (34,907 р. 53 к.), кievская (28,211 р. 5 к.), нижегородская (23,534 р. 82 к.), Галкинскій-Саратовскій пріютъ (20,400 р. 20 к.); послѣднія мѣста принадлежатъ: роденпойской колоніи (5,237 р. 6 к.), пріюту „Пуша“ (5,023 р. 55 к.) и костромской колоніи (4,761 р. 89 к.). Сводныя таблицы не могли дать интересныхъ итоговъ по разнымъ статьямъ расходовъ заведеній, взятыхъ вмѣстѣ, въ виду того, что, какъ и въ предшествовавшемъ году, въ отчетахъ отсутствовалъ однообразный порядокъ отчетности, причѣмъ, напримѣръ, расходы на церкви въ однихъ отчетахъ соединены съ расходами на лазаретъ, а въ иныхъ—на школу, есть даже случаи соединенія въ одну рубрику расходовъ на освѣщеніе и мыло и т. д. Давно уже назрѣвшая потребность въ единообразіи отчетности сознава въ настоящее время самими заведеніями. По крайней мѣрѣ, на 4-мъ съѣздѣ вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ.

По приведеннымъ въ отчетѣ даннымъ о числѣ воспитанниковъ оказывается, что въ 19-ти исправительныхъ заведеніяхъ (о гаврической пріютѣ и астраханской колоніи свѣдѣній не дано) на 1 января 1893 г.

мѣлось 900 мальчиковъ и 87 дѣвочекъ (саратовскій, Большевскій и Пуша"). Поступило вновь въ теченіе года 309 м. и 23 д., а вышло 74 м. и 17 д. Затѣмъ, на 1 января 1894 г. осталось 912 м. и 93 д. Свѣдѣнія объ основаніяхъ поступленія въ приюты и колоніи касаются ишь 685 мальчиковъ и 86 дѣвочекъ, причемъ оказывается, что 18 м. омѣщены туда по высочайшему повелѣнію, 639 м. и 17 д.—по судебнымъ приговорамъ и 28 м. и 69 д.—по распоряженію административныхъ властей и управленія заведеній, а также по ходатайству родителей. Что касается прежней судимости воспитанниковъ, то о ней имѣются свѣдѣнія только въ 7-ми отчетахъ и касаются 157 чел., изъ которыхъ большинство (126 ч.) осуждены были въ 1-й разъ, изъ остальныхъ 16 ч. осуждены во 2-й разъ, 4 ч.—болѣе 2-хъ разъ и 12 ч. вовсе не судились. По остальнымъ рубрикамъ таблицы (возрастъ, семейное положеніе, сословіе, состояніе, родъ занятій родителей и дѣтей, религія, грамотность и состояніе здоровья) итоги не могутъ быть пригодны, въ виду того, что въ отчетахъ заведеній по отношенію къ цифровымъ даннымъ, соответствующимъ этимъ рубрикамъ, замѣчается самое прихотливое разнообразіе. Тогда какъ одни даютъ самую обстоятельную разработку личной статистики своихъ питомцевъ, другіе, въ то же время, ограничиваются только нѣкоторыми свѣдѣніями, обходя молчаніемъ цѣлыя ряды рубрикъ и обезцѣнивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, работу своихъ сотоварищей. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы отчеты исправительныхъ заведеній и въ этомъ отношеніи отличались болѣшимъ единообразіемъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ“. Л. А. Боровича.—„Курсъ низшей геодезіи“. А. Бика.—„Очеркъ физическихъ основаній электро-техники въ общепонятномъ изложеніи“. Эпитейна. — „Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксы, синьки и колесной мази“. Д-ра А. А. Леонарда.—„Ретушь и раскрашиваніе фотографій“. Изд. Шенанского. — „Химія каменноугольно-газового производствъ“. Альфреда Ванклина.—„Извлеченіе золота цѣвнстымъ каліемъ въ Южной Африкѣ“. Н. Китаева.—„Кожевенное производство“. М. А. Рылова.

Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ. Инженеръ-технолога Л. А. Боровича. Изданіе 2-е исправленное и значительно дополненное, съ 164 рисунками. Изданіе Риккера. Спб. Цѣна 3 р. Построеніе динамо-машинъ производится въ специальныхъ электротехническихъ мастерскихъ и обыкновенно составляетъ секретъ производителей. Въ обширной электротехнической литературѣ сравнительно очень мало данныхъ по этому вопросу, а потому авторъ взялъ на себя трудъ составить популярное практическое руководство для проектированія и построенія динамо-машинъ. Во 2-мъ изданіи онъ переработалъ и дополнилъ нѣкоторые отдѣлы на основаніи новѣйшихъ источниковъ. Книга составлена удачно и, безъ сомнѣнія, вполне удовлетворяетъ своему назначенію, хотя по характеру изложенія составленное г. Боровичемъ руководство едва ли можно назвать популярнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Курсъ низшей геодезіи. Составилъ А. Бикъ, межевой инженеръ, старшій преподаватель Константиновскаго межевого института. Часть III. Одобрена конференціей межевого института, какъ руководство при преподаваніи въ межевыхъ учебныхъ за-

веденіяхъ. Москва, 1894 г. Цѣна 3 р. Въ книгѣ весьма подробно изложены практикуемые способы нивеллированія (геометрической, географической и барометрической), разбивка на мѣстности длинныхъ прямыхъ линий и закругленій, тахеометрическія и нивелиръ-теодолитныя работы; затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о глазомѣрной съемкѣ, объ опредѣленіи скорости теченія воды, о проэкціяхъ картъ, а въ дополнительныхъ статьяхъ: о съемочныхъ работахъ въ Россіи (тригонометрическія работы военнаго вѣдомства описаны подробно) и о кадастровыхъ работахъ на границахъ. Прекрасно составленный и изданный курсъ геодезіи А. Бана можетъ служить не только хорошимъ руководствомъ для учебныхъ заведеній, но также весьма полезнымъ пособіемъ при производствѣ всякаго рода нивелирныхъ и тому подобныхъ землемѣрныхъ работъ. Въ русской геодезической литературѣ трудъ этотъ займетъ видное мѣсто.

Очеркъ физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ изложеніи. Шесть популярныхъ опытныхъ чтеній Эпштейна. Переводъ со 2-го изданія И. С. Дрентельна. Съ 39 рисунками. Спб. Книжка Эпштейна представляетъ довольно удачныя примѣры чисто-экспериментальнаго изложенія важнѣйшихъ свѣдѣній о электрическомъ токѣ, его измѣреніи и техническихъ примѣненіяхъ. Хорошо выбранные простые и наглядные опыты даютъ достаточно ясное понятіе объ электрическихъ явленіяхъ и ихъ взаимной связи. Авторъ не вдается въ искусственныя теоріи, мало понятныя для вѣчника, а вводитъ его въ кругъ извѣстныхъ явленій и понятій путемъ непосредственнаго опыта. Приѣмъ самый, конечно, вѣрный, лучше всего ведущій къ цѣли. Все изложеніе настолько удобопонятно, что усвоеніе главнѣйшихъ понятій по электричеству не представляетъ никакихъ затрудненій. Переводъ сдѣланъ старательно и толково. Однимъ словомъ, книжка на самомъ дѣлѣ знакомитъ съ электрическими явленіями въ общедоступной формѣ.

Литература по электричеству весьма обширна, а популярныхъ сочиненій очень мало, между тѣмъ какъ эта-то именно область, въ виду успѣховъ электротехники, нуждается въ самой широкой популяризаціи. Какъ весьма удачная попытка въ этомъ родѣ, книжка Эпштейна заслуживаетъ вниманія.

Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксы, синьки и лесной мази. Д-ра А. А. Леонгарда. Изданіе Щепанскаго. Спб. 1894 г. Цѣна 60 к. Въ продажѣ очень много сортовъ чернилъ, во всѣ они имѣютъ свои болѣе или менѣе существенные недостатки. Обыкновенно употребляемая въ практикѣ чернила скоро густѣютъ, сохнутъ, плѣсневѣютъ, а самое главное—быстро выпѣтываютъ. Какъ велика потребность въ хорошихъ чернилахъ, это видно изъ того, что они ввозятся въ большомъ количествѣ изъ-за границы.

Приготовленіе чернилъ—дѣло несложное, но хорошіе рецепты держатся въ секретѣ, а обычные шаблонные способы даютъ продукты плохого качества. У насъ нѣтъ хорошихъ чернилъ потому, что ихъ не умѣютъ дѣлать. Руководство Леонгарда учитъ этому искусству. Насколько хороши сообщаемые въ книгѣ рецепты, объ этомъ можно судить только путемъ непосредственнаго опыта. Во всякомъ случаѣ изданіе подобнаго руководства весьма полезно, если, разумѣется, рецепты проверены и вполнѣ надежны. Съ такою книжкой въ рукахъ дѣло это является доступнымъ всякому грамотному человѣку. Можно только пожалѣть, что книжка написана нелитературнымъ языкомъ и

обнаруживаетъ мѣстами незнакомство съ химіей. Книжка много бы изиграла, если бы была тщательно проредактирована.

Ретушь и раскрашиваніе фотографій. Наставленіе для выработки фотографическихъ негативовъ и позитивовъ, а также для раскрашиванія ихъ акварельными и масляными красками. Для фотографовъ и любителей. Изданіе 2-е, Щепанскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 85 к. Эта маленькая книжка даетъ полезныя указанія по части ретуши и раскрашиванія фотографій. Къ сожалѣнію, она написана такимъ языкомъ, какимъ обыкновенно пишутся спеціальныя сочиненія неспеціалистами. Изложеніе расплывчатое, обороты часто не русскіе. Существенное и важное теряется въ массѣ подробностей. Вообще говоря, такого рода книжки полезны и желательны при условіи составленія ихъ подъ руководствомъ хорошихъ спеціалистовъ. Въ противномъ случаѣ, даже при самомъ добросовѣстномъ заимствованіи матеріала изъ самыхъ надежныхъ источниковъ всегда чувствуется, что самъ составитель спеціального руководства не владѣетъ предметомъ. Такой именно характеръ носятъ многія спеціальныя книжки, выпускаемыя нѣкоторыми издательскими фирмами.

Химія каменноугольно-газового производства. Альфреда Ванклина. Переводъ со 2-го изданія А. П. Лидова, проф. Харьковск. техн. института. Москва, 1895 г. Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 к. Какъ извѣстно, газовое производство давно уже достигло за границей весьма высокаго развитія и составляетъ тамъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности. Въ Англій капиталъ, вложенный въ это дѣло, достигаетъ 700 милліоновъ рублей, а ежегодная выручка отъ продажи газа и побочныхъ продуктовъ колеблется около 200 мил. рублей. Все дѣло поставлено и организовано столь просто, что каменноугольный газъ стойко выдерживаетъ конкуренцію электрическаго освѣщенія. Въ Россіи это производство далеко не имѣетъ того значенія, какъ за границей. Существующіе у насъ въ большихъ городахъ газовые заводы находятся въ рукахъ иностранныхъ компаній и могутъ быть названы русскими только потому, что построены въ Россіи.

На русскомъ языкѣ почти нѣтъ сочиненій по газовому производству, а потому переводъ прекрасной книжки Ванклина является весьма желательнымъ, хотя она трактуетъ только одну химическую часть дѣла, совершенно не касаясь другой, въ высшей степени важной—механической стороны. По существу производство газа скорѣе должно быть отнесено къ области механической технологіи, но это не исключаетъ важности имѣющихъ здѣсь мѣсто химическихъ процессовъ, подробно и обстоятельно разсматриваемыхъ въ трудѣ Ванклина.

Извлеченіе золота цѣанкстимъ калѣмъ въ Южной Африкѣ. Горнаго инженера Н. Китаева. Отчетъ по командировкѣ въ Южную Африку. Спб. Цѣна 3 р. Трудъ г. Китаева является весьма полезнымъ вкладомъ въ русскую литературу по золотопромышленности по массѣ и новизнѣ сообщаемыхъ свѣдѣній не только о золотѣ южноафриканской республики, но и вообще о современныхъ способахъ добыванія золота. Авторъ изучалъ дѣло прямо на мѣстѣ, а потому всѣ приводимыя имъ данныя отличаются своею, такъ сказать, жизненностью. Въ живомъ и ясномъ изложеніи онъ знакомитъ, прежде всего, съ исторіей возникновенія золотопромышленности въ Трансваалѣ, затѣмъ описываетъ геологическія условія страны, способъ извлеченія золота, дѣятельность отдѣльныхъ компаній, разныя законоположенія и инструкціи и пр. Предсказывая, что маленькая республика Трансваала займетъ

въ будущемъ по размѣрамъ добычи золота первое мѣсто, авторъ упоминаетъ сравнительную производительность наиболѣе богатыхъ золотомъ странъ за 1891 г., когда было получено этого металла въ Соединенныхъ Штатахъ и Калифорніи на 45 милліон. руб., въ Австраліи на $42\frac{1}{2}$ мил. руб., въ Россіи— $30\frac{1}{2}$ мил. руб. (2,600 пуд.) и Трансваалѣ—18.900.000 руб.

Повсюду замѣчается медленное возростаніе производительности, въ то время какъ въ Трансваалѣ правильная добыча золота началась всего лѣтъ 8 тому назадъ и уже успѣла достигнуть весьма внушительныхъ размѣровъ. Въ 1892 г. добыто 40.092,040 килогр., а въ 1891 г.—25.977,016 килогр. Среднее содержаніе золота было 6,56—8,42 золотника на 100 пуд. руды. Наиболѣе важны мѣстороженія Витватерсранда, дающія золото съ 12% серебра и съ примѣсью колчедановъ, мышьяка и мѣди.

Золото находится обыкновенно въ кварцевомъ конгломератѣ и въ столь мелкораздробленномъ состояніи, что невооруженнымъ глазомъ его трудно замѣтить. Въ виду этого извлеченіе ртутью затруднительно. Удобнѣе оказалось извлеченіе посредствомъ цианистаго калия, и этотъ способъ, несмотря на многія его несовершенства, быстро развивается въ Трансваалѣ.

Теоретическая сторона дѣла изложена въ книгѣ весьма обстоятельно. Приемы обработки уясняются хорошо исполненными чертежами.

Кожевенное производство. Практическое руководство къ выдѣлкѣ кожи. Кожевеннаго мастера М. А. Рылова. 3-е исправленное и дополненное изданіе, подъ редакціей В. Тизенгольца. Изданіе Риккера. Цѣна 3 р. Въ обширной области химической технологии трудно найти производство, менѣе поддающееся научному анализу, чѣмъ кожевенное. Здѣсь до сихъ поръ царитъ еще эмпиризмъ, а примѣняемые приемы и способы обработки не находятъ удовлетворительнаго объясненія. Практическій опытъ стоитъ здѣсь на первомъ планѣ. Въ виду этого трудъ г. Рылова, работавшаго болѣе 35 лѣтъ въ разныхъ русскихъ кожевенныхъ заводахъ, представляетъ значительный интересъ для заводчиковъ и техникувъ. Въ немъ собраны свѣдѣнія и указанія, непосредственно почерпнутыя изъ заводской практики и проверенныя личнымъ опытомъ автора.

На русскомъ языкѣ почти нѣтъ отдѣльныхъ сочиненій по кожевенному производству, а иностранныя руководства не могутъ вполне удовлетворить потребности, такъ какъ они не касаются русскихъ, во многомъ своеобразныхъ условій работы.

Трудъ г. Рылова извѣстенъ и по прежнимъ изданіямъ, но онъ много выигралъ отъ сдѣланныхъ въ немъ исправленій и дополненій, въ числѣ которыхъ особенно пріятно видѣть сжато, но толково изложенную суть электрическаго дубленія кожъ.

Книга снабжена тщательно исполненными рисунками и вообще издана хорошо.

Такого рода практическія руководства были бы желательны и по другимъ, въ особенности мелкимъ, техническимъ производствамъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений на Кавказѣ". — „Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ". — „Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ". — „Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошадей?" М. А. Исакова. — „Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы". Л. А. Золотарева. — „О насѣкомыхъ, вредящихъ дѣсамъ, и мѣры ихъ стрелбленія". К. Э. Линдемана. — „Первый свѣздъ агрономовъ тамбовскаго губернскаго земства".

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений на Кавказѣ. Выпускъ I. Тифлисъ, 1895 г. — Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ. Выпускъ I. Тифлисъ, 1895 г. По свидѣтельству компетентныхъ климатологовъ, во всемъ Старомъ Свѣтѣ, помимо тропическихъ странъ, нѣтъ мѣстностей настолько благоприятныхъ для самой роскошной растительности, какъ нѣкоторые углы Закавказья; однако, эти благоприятныя условія пока еще слишкомъ слабо эксплуатируются человекомъ. Во Франціи, по словамъ Гезэ (*Journal d'agr. plat.* 1895 г., № 16), культивируются съ промышленными цѣлями (кромѣ декоративныхъ) 11 видовъ рода *citrus*; у насъ даже въ Батумскомъ округѣ пока культивируются три вида (апельсинъ, мандаринъ и лимонъ) въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; кромѣ того, въ первомъ изъ вышеназванныхъ изданій отмѣчены отдѣльныя попытки культуры въ Сухумскомъ округѣ, въ Сигнахскомъ уѣздѣ, въ Кутаисѣ и даже въ Елисаветполѣ. Возможнымъ должно считаться воздѣлываніе апельсиновъ и въ Ленкоранскомъ уѣздѣ. Конечно, культура апельсиновъ требуетъ здѣсь особыхъ мѣръ предосторожности. Разведеніе маслины на Кавказѣ восходитъ къ глубокой древности, хотя размѣры этой культуры не велики и даже сократились послѣ послѣдней турецкой войны, когда часть мусульманъ эмигрировала въ Турцію. Успѣхамъ промышленнаго воздѣлыванія маслины препятствуютъ, между прочимъ, неудовлетворительные способы сохраненія оливокъ. Воздѣлыванію апельсиновъ, лимоновъ и маслины посвящены очерки С. Н. Тимошеева. Другой кавказскій агрономъ, Н. И. Моревъ, въ томъ же изданіи описываетъ опыты разведенія прядильнаго растенія рами (*boehmeria*), превосходящаго ленъ и коноплю по своимъ техническимъ достоинствамъ, и эксплуатацію лавра, развившуюся въ Закавказьи съ половины восьмидесятыхъ годовъ (съ того же времени сократился прирѣзъ лавроваго листа изъ-за границы).

Второе изъ поименованныхъ изданій относится къ закавказскому плодоводству. Въ началѣ помѣщена краткая программа для собранія свѣдѣній; программа представляется особенно краткою по сравненію съ той, которая разсылается въ нынѣшнемъ году министерствомъ земледѣлія и по которой съ января 1896 года въ статистическомъ отдѣлѣ этого министерства должна составляться детальная картина русскаго плодоводства. Г. Г. Даніельбекову принадлежитъ описаніе плодоводства въ Кубинскомъ уѣздѣ (Бакинскій губерніи), Н. Н. Спѣшневу — очеркъ плодоводства въ Горійскомъ уѣздѣ (Тифлисской губ.) и Е. К. Накашидзе — краткая характеристика садовъ Шаропанскаго и Кутанскаго уѣздовъ. При улучшеніи условій храненія закавказскіе фрукты и въ свѣжемъ, и въ сушеномъ видѣ найдутъ себѣ широкій доступъ на рынки внутреннихъ губерній.

Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ. Изданіе 2-е. Ц. 5 к. — Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ

при покупке лошадей? Изд. 2-е М. А. Исакова. Казань, 1895 г. Ц. 5 к. „Дѣдушкамъ“ посчастливилось въ качествѣ популяризатора зоотехническаго знанія (см. „Библиографическій отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1895 г., кн. VIII); въ первой брошюрѣ беллетристическому изложенію предпосланъ формуляръ практической дѣятельности воображаемаго Андрея; самое изложеніе сдѣлано живымъ и простымъ языкомъ. Во второй брошюрѣ авторъ счумѣлъ обойтись безъ пособія „дѣдушки“ и прямо отъ себя рассказываетъ о поддѣлкѣ возраста, о поддѣлкѣ породы, о скриваніи тѣлесныхъ недостатковъ и о скриваніи различныхъ лошадиныхъ болѣзней. Эту брошюру г. Исакова (ветеринарнаго врача) надо назвать прямо полезною для поселяющихся въ деревнѣ людей въ качествѣ напоминанія о тѣхъ многочисленныхъ фальсификаціяхъ, которыми лошадиные барышники стремятся исполнить завытъ пословицы: „не обманешь—не продашь“.

Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы Л. А. Золотарева. Изданіе В. Н. Маракуева. М., 1894 г. Цѣна 20 к. Вопросъ, затронутый авторомъ, очень сложенъ и, конечно, нельзя было удовлетворительно исчерпать его въ небольшой брошюрѣ. Но, во всякомъ случаѣ, г. Золотаревъ собралъ много основательныхъ доводовъ въ пользу практическаго значенія сельско-хозяйственной литературы и, въ то же время, вѣрно намѣтилъ предѣлы, ограничивающіе это значеніе; чтеніе можетъ помочь только такимъ хозяевамъ, которые, во-первыхъ, умѣютъ читать и, во-вторыхъ, знакомятся съ хозяйственною практикой не изъ книги. Способность пониманія сельско-хозяйственныхъ явленій стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ умственнымъ развитіемъ читателей, а для успѣшнаго приложенія этого пониманія къ технику требуется то непосредственное усвоеніе техническихъ навыковъ, которое дается только на дѣлѣ. Нѣкоторые примѣры въ брошюрѣ г. Золотарева носятъ черезъ-чуръ частный, узкій характеръ. Въ концѣ намъ не понравилась выходка противъ *Настольной книги* (1874—76 гг.); это чрезвычайно полезное изданіе было быстро оцѣнено русскою публикой и разошлось вскорѣ по отпечатаніи (сейчасъ его можно находить лишь за дорогою цѣну у нѣкоторыхъ букинистовъ). Значительный ростъ сельско-хозяйственной литературы справедливо подчеркнуть г. Золотаревымъ.

О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія. К. Э. Линдемана. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 40 коп. Новая брошюра проф. Линдемана представляетъ сводъ важнѣйшихъ свѣдѣній по лѣсной энтомологіи и одинаково полезна какъ для практики лѣсного хозяйства, такъ и для учебнаго дѣла. Первая глава отведена врагамъ хвойнаго, вторая — лиственного лѣса; внутри главъ основнѣмъ группировки сдѣланы повреждаемыя части дерева. Всего описано 30 главнѣйшихъ вредныхъ насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсу. Къ описанію гусеницъ, объѣдающихъ листья, приложена полезная таблица опредѣленія этихъ гусеницъ, имѣющая у насъ живой современный интересъ въ виду тѣхъ громаднѣхъ поврежденій, которымъ одновременно подвергалась, а отчасти и подвергается листва лѣсовъ средней Россіи. Въ брошюрѣ 39 рисунковъ. Живое и, въ то же время, сжатое изложеніе обезпечиваетъ новой брошюрѣ полный успѣхъ, которымъ уже пользуются ея предшественницы.

Первый сѣздъ агрономовъ тамбовскаго губернскаго земства. Тамбовъ, 1895 г. Съ весны 1894 года въ Тамбовской губерніи въ средства губернскаго земства приглашены были земскіе агрономы. Цѣ-

льность мѣстныхъ агрономовъ въ Тамбовской губерніи неизбежно должна быть сложнѣе, чѣмъ въ губерніи Вятской, наиболѣе богато абженной органами земскаго содѣйствія сельскому хозяйству. Вятская губернія однородна въ смыслѣ почти исключительнаго существованія въ ней крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ въ Тамбовской губерніи владѣльческому хозяйству принадлежитъ очень крупное значеніе. Краткіе протоколы перваго сѣзда тамбовскихъ агрономовъ, происходившаго въ ноябрѣ 1894 г., не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что тамбовскими земскими агрономами на первую очередь выдвинуты нужды крестьянскаго хозяйства. Особаго вниманія заслуживаетъ записка подъ заглавіемъ: *Методы изслѣдованія*, составленная П. А. Викторовымъ, бывшимъ агрономомъ Козловскаго уѣзда (нынѣ завѣдующимъ экономическимъ бюро тверскаго губернскаго земства). Большая часть докладовъ, рассмотрѣнныхъ на первомъ сѣздѣ, посвящена была выясненію общихъ вопросовъ дѣятельности земскихъ агрономовъ; дѣла оставлены до слѣдующихъ сѣздовъ, что слѣдуетъ признать правильнымъ въ виду необходимости условиться, прежде всего, относительно общихъ основаній.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Наша лубочная литература.

Наталія или русская женщина въ войну 1812 г. Соч. К. Голухастова, изд. Т. Кузина.—Геройскій подвигъ женщины-воина или гусарскій мундиръ. Соч. Королева, изд. Брильянтова.—Гробовой, новгородскій воевода. Историческая повѣсть, изд. Е. Губанова.—Панъ Твардовскій, польскій колдунъ, изд. Губанова.—Приключенія отважнаго солдата Архипа Кузьмича, старинное народное преданіе, изд. Губанова. Москва, 1895 г. Ц. 8 — 12 к. Десять лѣтъ назадъ подъ народною литературой понималась почти исключительно литература лубочная, ничего или почти ничего общаго съ литературой для чистой публики не имѣющая. Въ теченіе десятилѣтняго періода совершилась великая и весьма поучительная перемѣна: при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, о какихъ западный челоувѣкъ даже не имѣетъ и понятія, на глазахъ одного поколѣнія, рядомъ съ литературою лубочной развилась, выросла, окрѣпла литература *общедоступная* и въ этомъ смыслѣ *общенародная*, общедоступная какъ въ смыслѣ содержанія, такъ и въ смыслѣ цѣлаго. Благодаря появленію *этой* литературы, затушевалась граница, отчасти заполнилась пропасть между литературой „для народа“ и литературой для „чистой публики“; въ первой владыка „сѣрый“ купецъ, смотрящій на книгу какъ на „товарецъ“, покупающій рукописи „произведеній“ по 2, по 3 р. и даже по 75 коп. *за штуку*, имѣющій дѣло съ кабацкими писателями, среди которыхъ Миша Евстигнѣевъ или Иванъ Кассировъ могутъ по праву называться „образованными“, не смотрящій на качество, а лишь на количество расходящагося товара. Такого рода книгодѣи отлично понимали, что свой товарецъ они могутъ и не улучшать; то же понимали и „писатели“, которые еслибъ и хотѣли, такъ лучше, изящнѣе, пожалуй, и не съумѣли бы ничего написать. Было бы ошибочно думать, что лубочные писатели того времени—произведеніе деревни, фабрики; какъ показываютъ ихъ біографіи, главнымъ образомъ, они выходили изъ низшихъ городскихъ слоевъ, являлись представителями трактирной ци-

визации. Въ *Сочиненіяхъ* Глѣба Успенскаго встрѣчается не мало такихъ типовъ, порожденныхъ „общимъ ходомъ вещей“ россійской общественной жизни за послѣднія 20—30 лѣтъ и наглядно показывающихъ связь трактирной цивилизаціи съ этимъ ходомъ вещей. При случаѣ, иной грамотѣй, добившійся грамотности и „образованія“ не въ народной школѣ, — такихъ тогда было еще очень мало, — а чаще въ передней, лакейской или кухнѣ, вдругъ превращался въ „писателя“, у котораго покупали товаръ Манухинъ и Леухинъ, Шараловъ и Морозовъ, товаръ и въ прозѣ, и въ стихахъ. Оргія, воспѣтая Некрасовымъ въ его „современныхъ дѣятеляхъ“, нѣтъ не столь далека отъ отношенія съ трактирно-лакейскою литературою, какъ это, быть можетъ, кажется съ перваго взгляда. Но оргія если не кончилась, то приняла другую форму; въ образованномъ обществѣ проявилось другое теченіе, демократическое, въ лучшемъ, широкое значеніи этого слова. Культурное движеніе, доступное и привлекательное не только для не многихъ „героевъ“, но для культурной „толпы“, быстро сдѣлало свое дѣло, въ результатъ чего, между прочимъ, проявились силы, направленные на улучшеніе народной литературы. Кончается періодъ интеллигентнаго *недѣланія*; потенциальная энергія переходитъ въ кинетическую; результатъ такого перехода можетъ быть одинъ — дальнѣйшее проясненіе общественнаго сознанія. Отражая на себѣ всѣ общественныя теченія, литература для народа отразитъ въ свое время и это. Теперь рядомъ съ лубочною литературою создана литература общенародная, матеріалъ для которой взятъ изъ общей сокровищницы человѣчества, — сокровищницы мысли, знанія, чувства, науки, искусствъ. Но изъ того, что создано это новое, еще не слѣдуетъ, что уже перестало жить старое. Потребность чтенія въ народѣ такъ велика, что найдутъ сбытъ себѣ всѣ тѣ тысячи дешевыхъ книжекъ, которыя печатаются ежегодно. *Всѣ* ручки изъ дешевыхъ книжекъ, если такъ можно выразиться, текушіе въ деревню, поглощаются ею, состоятъ ли они изъ лубочныхъ, или иныхъ изданій, поглощаются потому, что деревенскимъ покупателямъ *не изъ чего* сплошь и рядомъ *выбирать*, хотя многіе изъ этихъ покупателей и *могли бы* уже выбирать; съ точки зрѣнія жаждущаго читателя, лучше прочесть что-нибудь, чѣмъ ничего. Вотъ именно сбытомъ книгъ при такихъ условіяхъ и на такихъ основаніяхъ и поддерживается народно-лубочная литература, поддерживается во всей ея заскорузлой, старинной неприкосновенности и печальной цѣлости изъ года въ годъ. Это самое явленіе весьма поучительно, и на немъ есть основаніе остановиться, тѣмъ болѣе, что намъ еще ни разу не приходилось бесѣдовать съ читателями о лубочной литературѣ. Что эта послѣдняя, говоря абсолютно, *безъ* сравненія съ общедоступною литературою, съ каждымъ годомъ развивается, растетъ, да и не можетъ не развиваться вслѣдствіе увеличивающагося спроса на книгу, показываютъ нижеслѣдующія цифры, заимствуемая нами изъ добросовѣстно составляемаго при московскомъ комитетѣ грамотности *Ежегодника народной литературы*. Въ 1892 г. было напечатано 3.929,200 книгъ лубочныхъ издателей, въ томъ числѣ болѣе $\frac{1}{2}$ (1.401,400) книжекъ религиозно-нравственнаго содержанія, главнымъ образомъ, житій святыхъ (956,200) и поученій (304,800), затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ литературный (1.785,200), который значительно превышаетъ первый, затѣмъ сонники (266,600) и пѣсенники (158,900), затѣмъ письмовники (38,400); на всѣ прочіе отдѣлы приходится 278,700 экз. Въ 1893 г. количество экземпляровъ лубоч-

ихъ изданій возросло болѣе чѣмъ на 500,000 и достигло почтенной цифры 4.491,300. Увеличеніе весьма неравномѣрно распредѣлилось по разнымъ отдѣламъ, главнымъ образомъ, по религіозно-нравственному (съ 1.401,400 до 1.692,400) и литературному (съ 1.785,200 до 2.169,600). Уменьшилось количество сонниковъ и письменниковъ, — первые съ 266,600 до 168,300, вторые съ 38,400 до 31,200. На основаніи имѣющихся у насъ данныхъ за 1894 и 1895 г. позволяемъ себѣ думать, что за эти годы число экземпляровъ лубочныхъ книгъ увеличилось еще болѣе. Весьма поучителенъ и тотъ фактъ, что увеличивается также и число названій. Въ 1892 г. ихъ было 403, а въ 1893 г. 467. Увеличеніе это коснулось опять-таки отдѣла религіозно-нравственнаго и литературнаго, въ первомъ — житій святыхъ, во второмъ — сказокъ. Что касается качества вновь выходящихъ лубочныхъ книгъ, то, принявъ на себя благодарный трудъ просмотра ихъ, мы, въ концѣ-концовъ, пришли къ тому печальному выводу, что никакими улучшеніями въ нихъ не замѣтно: тѣ же мотивы, тѣ же манеры изложенія, тѣ же направленія, какъ и 7—8 лѣтъ тому назадъ. Отмѣтимъ эти мотивы и направленія, избирая, по нашему мнѣнію, довольно характерныя книжки.

Первый мотивъ: враги внѣшніе. Въ настоящее время въ народѣ обращаются цѣлыя милліоны книжекъ, наполненныхъ неумѣреннымъ патриотизмомъ самаго подозрительнаго свойства, по теоріи, „что мое, то хорошо, а что чужое, то скверно“. Леббокъ, въ своей книгѣ *Les origines de la civilisation*, приводитъ фактъ такого же патриотизма одного готтентота, который на вопросъ: что хорошо, а что дурно, отвѣчалъ: „если у меня украдутъ жену — это дурно, а если я украду — это хорошо“. Одинъ изъ самыхъ заскорюзлыхъ питерскихъ издателей народныхъ книгъ издалъ, напримѣръ, такого рода произведеніе какого-то Голохвастова, гдѣ въ идеаль русской женщины возводится нѣкая крестьянка Наталья, угостившая въ 1812 году цѣлый отрядъ французовъ виномъ, отравленнымъ ею. Удивительно потѣшна повѣсть И. Коренева, изданная въ Москвѣ г. Брильянтовымъ: *Геройскій подвигъ женщины-воина или гусарскій мундиръ*. Содержаніе таково: крестьянка Марѳа, жена солдата, никогда не выѣзжавшая изъ деревни, вдругъ начинаетъ пылать воинственнымъ жаромъ и ѣдетъ отыскивать мужа. Для пушаго удобства она стрижетъ свою косу, надѣваетъ гусарскій мундиръ, съ помощью уголька наводитъ себѣ уоы (стр. 38) и ѣдетъ воевать „за вѣру царя и отечество“ *) (стр. 14), на томъ основаніи, что „вѣра и любовь къ отечеству даромъ не пройдетъ“ (sic., стр. 29). Превращеніе Марѳы въ рыцаря происходитъ мгновенно (стр. 38). Она сразу начинаетъ командовать, что твой юнкеръ, сразу познаетъ всѣ воинскіе порядки и даже пиво, вино и водку начинаетъ пить, что твой юнкеръ (стр. 39), — по два ковша заразъ. Всѣ это дѣлаетъ гусарскій мундиръ. Марѳа становится предводителемъ партизановъ, — „героевъ народныхъ, положившихъ животъ свой на защиту и славу отечества, — говоритъ авторъ: между ними попадались и не добрые люди, но крестьяне уважали ихъ“ Со всѣмъ прочимъ въ сердцѣ Марѳы вдругъ входитъ „гнѣвъ и свирѣпость“ На цѣломъ рядѣ страницъ описывается, какіе подвиги Марѳа совершала: она убиваетъ просящаго пошаду (стр. 43), заставляетъ мужиковъ перебить „массу связанныхъ и безоружныхъ французовъ“ (стр. 44), и тоже убивать просящихъ пошаду (стр. 54). Раз-

*) Что авторъ не совсѣмъ хорошо понимаетъ это выраженіе, доказываетъ отсутствіе запятой, встрѣчающаеся въ книгѣ неоднократно.

умѣется, при всемъ этомъ, авторъ старается сугубо внушить читателю, во-первыхъ—„знай нашихъ“, во-вторыхъ—„смерть врагамъ“. Въ концѣ-концовъ, баба-Марѳа дѣлается георгиевскимъ *кавалеромъ* (стр. 68) и „вдѣлывается мужу въ объятія“ (стр. 68). Конечъ умилителемъ: „Вотъ какой примѣръ показала намъ героиня Марѳа! Она была необразованная деревенская женщина, а настолько привязалась *любовью* къ своему родному отечеству и мужу (sic), что даже не шадила свою молодую жизнь“ (стр. 70). Во всемъ этомъ обращаютъ на себя вниманіе крайне смутныя представленія патриотическаго автора о томъ, что есть патриотизмъ. Къ концу книжки приложенъ рядъ анекдотовъ, которые должны доказать, что „нашъ землякъ воинъ безукоризненъ“. *Второй мотивъ*: враги внутренние. Въ прошломъ году (кн. XI) мы знакомили читателя съ книжкой не лубочной, гдѣ къ числу враговъ внутренниихъ причислялось *Родное Слово* Ушинскаго, якобы виновное въ пертурбаціяхъ начала 80-хъ годовъ. Не мало такихъ „патриотическихъ“ книжекъ и въ лубочной литературѣ. Къ числу ихъ относится вышеуказанная книжка К. Голохвастова. Первая глава этой книжки—не беллетристика, а вотъ какого рода публицистика. Выписываемъ безъ комментарий: „Велика наша Русь!... Взгляните на карту Европы и Азіи. Въ западной части, словно въ тѣснотѣ, скучились „великія державы“, а за ними къ востоку—одна Россія“. „И съ годами эта громада не убываетъ, а все еще больше раздается, растетъ не по днямъ, а по часамъ. Много враговъ у Руси, но передъ чѣмъ у нихъ страхъ? У Руси двѣ несокрушимыя крѣпости—православная вѣра и народъ“. „Враги очень прекрасно знаютъ, чѣмъ мы сильны, и потому, вмѣстѣ того, чтобъ идти на насъ честнымъ боемъ, давно уже объявили намъ войну, войну негласную, а тайную и подпольную. Цѣль ихъ—ослабить нашъ сильный оплотъ—православіе, и, къ несчастію, это имъ въ некоторыхъ мѣстахъ удается. Но кто же эти враги? Я ихъ не буду называть по имени, но читатели сами догадаются, кто они. Между нами есть люди слабоумные и не тверды въ самомъ себѣ. Между такими-то людьми и поселяется, по обыкновенію, всякая иностранная сволочь (sic) и начинается смущать ихъ несуразными проповѣдями. Явились люди, которые послушались ихъ словъ, и по деревнямъ и селамъ нашихъ южныхъ губерній начала быстро расти и распространяться такъ называемая штунда“ (стр. 9). Авторъ объясняетъ распространеніе этой „полужидовской ереси“ (sic) „вліяніемъ ложнаго страха передъ какимъ-то фантастическимъ завоевателемъ“. Далѣе разсказывается исторія русской женщины Наталіи-отравительницы и предлагается читателю поступать такъ и съ внутренними врагами. *Третій мотивъ*: чертовщина. Еслибъ подсчитать, сколько существуетъ въ лубочной литературѣ такихъ книжекъ, въ которыхъ фигурируютъ въ качестве главныхъ дѣйствующихъ лицъ черти и вообще сверхъестественныя силы, то, безъ сомнѣнія, цифры получились бы возмутительно-громадныя и невѣроятныя. Существуетъ масса книгъ, читающихся на - расхватъ и вбивающихся въ голову читателя, что нечистая сила—фактъ, съ которымъ нельзя не считаться, что она въ насъ и вокругъ насъ, что ей не можетъ не быть, и т. д. Нечистые духи фигурируютъ въ качестве такихъ же дѣйствующихъ лицъ, какъ люди, которые какъ бы предлагаютъ вѣрить имъ и, во всякомъ случаѣ, не разувѣряютъ. Если принять въ расчетъ, что, кромѣ суевѣрій, не апробированныхъ даже среди образованнаго общества, существуютъ еще суевѣрія апробированныя, то не трудно понять, въ чемъ состоитъ и какова роль народныхъ

жекъ съ чертовщиной въ народной средѣ. Одни изъ самыхъ рас-
страпеленныхъ книжекъ лубочной литературы—разказы о *Громобой*
Тань Твардовскомъ, проникнутыя чертовщиной самого недвусмыслен-
наго свойства. Недавно Губановымъ издано „старинное народное пре-
дѣ“ *Приключенія отставного солдата Архана Кузьмича*, существую-
щее во многихъ вариантахъ даже въ литературѣ для „чистыхъ гос-
подъ“. Сущность разказа заключается въ томъ, какъ отставной
солдатъ выживалъ нечистую силу изъ какого-то помѣщичьяго дома.
Солдату водится, помогли ему въ этомъ благомъ дѣлѣ свѣтлыя силы.
Самочестивый читатель съ удивленіемъ узнаеть, что эти послѣднія не-
тълько помогали солдату въ борьбѣ съ чертями, но и угощали его
водкой и пивомъ и скоромными пирогами (стр. 25). Вообще отношенія
солдара книжки къ нечистой силѣ, равно какъ и его религіозныя по-
нѣнія нельзя не назвать, по меньшей мѣрѣ, странными. „Какой пакост-
никъ этотъ чортъ,—говоритъ, напримѣръ, солдатъ,—только и хлопо-
тъ о томъ, чтобъ православнаго соблазнить! Ахъ, кабы Царь Небес-
ній послалъ мнѣ гдѣ-нибудь встрѣтиться съ чортомъ! Ужъ я бы ему
о припомнилъ“ (стр. 21). Описанію чертей и чертовскихъ навожденій
посвящена вся книжка. Авторъ не только описываетъ, а смакуеть
(стр. 70—71). Въ концѣ-концовъ, за счастливую борьбу съ нечистою
силой солдатъ попадаетъ въ рай (стр. 100). Характерна въ книжкѣ
причина, почему поселилась нечистая сила въ помѣщичьемъ, княземъ
и мѣ: потому, что князь скверно обошелся съ рабочими,—„проучилъ
ихъ по-свойски: передралъ всѣхъ до одного, велѣлъ выбросить деньги
за работу и гнать въ три шеи“. Вотъ за рабочихъ и вступился дя-
волъ, такъ какъ никто больше не заступался.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ И КАЛЕНДАРИ.

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи“. Н. А.
Гурьева и В. А. Долгорукова. — „Крестный календарь на 1896 г.“. А. Гатцука. —
„Современный календарь на 1896 г.“. А. Д. Ступина.

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣні-
ямъ Россіи, съ подробнымъ дорожникомъ. Описаніе городовъ и
разныхъ мѣстностей. Достопримѣчательности. Свѣдѣнія о рѣч-
ныхъ и сухопутныхъ сообщеніяхъ. Судопроизводство и судо-
строительство. Спутникъ по минеральнымъ водамъ Азіатской Россіи.
Оставленъ подъ редакціей В. А. Долгорукова (Н. А. Гурьевымъ
и В. А. Долгоруковымъ). Изданіе В. А. Долгорукова. Томскъ,
1895 г. Цѣна 75 коп., на лучшей бумагѣ 1 руб. Быстро подвигаю-
щаяся на дальній Востокъ постройка „великаго сибирскаго желѣзнодоро-
жнаго пути“, развитіе пароходныхъ сообщеній по рѣкамъ Сибири,
предположенное продленіе въ глубь Средне-Азіатскихъ владѣній за-
падной и уральской желѣзныхъ дорогъ, удобства сообщенія съ
Владивостокомъ черезъ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота
сильно оживили интересъ къ столь недавно еще почти недоступнымъ
для путешественниковъ окраинамъ Россіи. До сихъ поръ отправлялись
туда по доброй волѣ только люди, привлекаемые выгодами служебны-
ми и торговыми. Теперь значительная часть Азіатской Россіи уже сво-
бодно доступна для обыкновенныхъ туристовъ, людей просто любозна-
тельныхъ, а не специалистовъ ученыхъ и изслѣдователей. И какъ нельзя
болѣе во-время появляется въ свѣтъ первый *Путеводитель по всей Си-*

бири и Средне-Азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Въ предисловіи издатель говоритъ: „Сознаемся, это только слабая попытка дать справочную доступную по цѣнѣ, дорожную книгу о Сибири (и, насколько было можно вообще, о всей Азиатской Россіи). Но мы разсчитываемъ пополнить всѣ пробѣлы, которые окажутся въ настоящемъ выпускѣ при второмъ его изданіи“. Свѣдѣнія о городахъ, лежащихъ на путѣ идущихъ въ эти страны. Къ *Путеводителю* приложенъ *Адресъ-календарь* двухъ городовъ: Красноярска и Томска, — „на первый разъ, и видѣ опыта“, — какъ говорятъ составители. Было бы очень желательно, чтобы въ *Путеводителѣ* вошли при слѣдующихъ изданіяхъ *Адресъ-календари* всѣхъ крупныхъ городовъ Азиатской Россіи. Сдѣлать это издатель можетъ, только измѣнивши и внѣшность, и содержаніе адресаго отдѣла. Шрифтъ необходимо взять для него очень убористый, сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія надо, по возможности, сократить и свѣдѣнія исключить все, имѣющее характеръ публицистическій и обличительный. Примѣръ: о гостиницахъ Красноярска написано на двухъ страницахъ то, что можно и *должно* сказать въ двухъ строчкахъ, а именливо: всѣ гостиницы плохи, грязны, ѣды въ нихъ не добьешься; рестораны нѣтъ; меблированныя комнаты дрянныя. Обличенію магазиновъ посвящена страница, — достаточно трехъ словъ: цѣны неимовѣрно дорого. Гостиницы слѣдуетъ отмѣчать только лучшія, — до „постоянныя дворовъ“ туристамъ нѣтъ дѣла. Перечислять магазины нѣтъ никакой надобности, достаточно отмѣтить важнѣйшіе, — книжные, при которыхъ есть бібліотеки для чтенія. О музеѣ, театрѣ, городскомъ садѣ сказано много лишняго и ненужнаго, могущаго интересовать только мѣстныхъ жителей. *Адресъ-календарь* гор. Красноярска занимаетъ 22 стр., — при мелкой и убористой печати въ двѣ колонки, его можно умѣстить и въ двухъ страницахъ. Адресы гор. Томска занимаютъ 30 стр. Къ *Путеводителю* приложены портреты и біографіи Н. М. Ядринцева, П. П. Ершова, Г. Н. Потанина, Г. И. Шелехова, эмира Бухарскаго. Въ *Путеводителѣ* такія біографіи едва ли умѣстны. Занятое ими мѣсто лучше отвести для свѣдѣній, болѣе необходимыхъ путешественникамъ. Въ объявленіи о 2-мъ изданіи обѣщаны портреты: гр. Муравьева-Амурскаго, М. М. Сперанскаго, поэта Омудевскаго и др. и, кромѣ того, „адресъ-календарныя свѣдѣнія“ о Томскѣ, Красноярскѣ, Тобольскѣ и Иркутскѣ. Настаиваемъ на выраженномъ нами выше мнѣніи о необходимости измѣнить содержаніе и форму такихъ свѣдѣній и увеличить ихъ свѣдѣніями по другимъ городамъ. Въ *Путеводителѣ* 370 стр., при переѣмѣ шрифта на болѣе убористый, при исключеніи изъ него всего ненужнаго въ справочной, дорожной книгѣ, на тѣхъ же 23 печатныхъ листахъ можно умѣстить вдвое, если не втрое, больше полезныхъ свѣдѣній, и тогда книга эта будетъ на самомъ дѣлѣ *путеводителемъ* и *всей* Сибири. Настоящій выпускъ изданъ роскошно и цѣна за него назначена весьма умѣренная. Дорожныя указанія составлены очень основательно и дѣльно.

Крестный календарь на 1896 годъ А. Гатцука. Москва. Цѣна 15 коп. На обложкѣ календаря съ лѣвой стороны напечатано: „1800 г. Академіи наукъ дана привилегія на изд. календарей для удешевленія ихъ. 1865 г. разрѣшено всѣмъ изданіе календарей. 1869 г. прекращено изд. акад. мѣсяцеслова“. Однимъ изъ первыхъ издателей, воспользовавшихся разрѣшеніемъ 1865 г. издавать календари, былъ А. А. Гатцукъ, выпустившій тогда же первый *Крестный календарь* по и-

вало дешевой цѣнѣ. Теперь календарь этотъ вступаетъ въ 31 годъ его существованія, оставаясь вѣрнымъ тому типу, какой далъ ему основатель, и сохраняя полноту свѣдѣній, желательныхъ въ календарѣ. Въ существенно измѣненномъ и сокращенномъ видѣ напечатанъ—какъ въ этомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ календаряхъ,—записаніе желѣзныхъ дорогъ съ обозначеніемъ разстояній между станціями и безъ указанія цѣнъ за проѣздъ, такъ какъ по „новому пассажирскому тарифу“ плата за проѣздъ назначена однообразная по слѣ версты и съ пониженіемъ при увеличеніи разстоянія. Правила пользованія „новымъ тарифомъ“ помѣщены въ *Календарь*. Отмѣчая крорологи извѣстныхъ лицъ, умершихъ въ истекшемъ году (съ 1 іюля 94 г. по 1 іюля 1895 г.), *Крестный календарь* даетъ портреты нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также портреты лицъ, получившихъ за это время высшія назначенія въ государственномъ управленіи. Всѣ эти портреты неудовлетворительны, равно какъ и другіе политичеши, изображающіе выдающіяся событія. Въ прежнихъ выпускахъ того же календаря они были исполнены тщательнѣе и чище.

Современный календарь на 1896 годъ. А. Д. Ступина. Годъ -й. Москва. Цѣна 15 коп. Календарь г. Ступина издается въ томъ же форматѣ (in 4°), какъ *Крестный календарь А. Гатцука*, и отличается отъ него очень немногимъ, — между прочимъ, тѣмъ, что Ступинъ даетъ въ своемъ изданіи изъ года въ годъ по двѣ страницы маленькикъ медальонныхъ портретовъ лицъ, приобрѣтшихъ извѣстность въ наукѣ и литературѣ. На этотъ разъ приложены на одной страницѣ портреты публицистовъ, критиковъ и историковъ, на другой—дѣятелей духовнаго просвѣщенія и литературы. Портреты, приложенныя къ некрологамъ, очень неудовлетворительны. По поводу одного изъ календарей на текущій 1895 годъ мы говорили, что давно пора бы составителямъ календарей совсѣмъ выкинуть *Предсказанія Брюсова календаря*, сплошь выдуманная, никому не нужная и нелѣпая. Предсказанія эти ежегодно перепечатываются во многихъ календаряхъ и занимаютъ бесполезно мѣсто. О достоинствѣ и степени достовѣрности такихъ, якобы Брюсовыхъ, предсказаній можно судить по тому, какъ они напечатаны въ лежащихъ передъ нами календаряхъ г. Ступина и А. Гатцука. Въ первомъ: „Предсказанія общія: весна тихая и пріятная, хорошіе всходы хлѣба. Лѣтомъ—жары и засуха. Осень—умѣренная, благопоспѣшная плодамъ земнымъ. Зима—вездѣ будетъ много хлѣба и вино будетъ дешево. Предсказанія частныя: воцарится великій государь, и процвѣтутъ художества и торговля во всѣхъ державахъ. Рожденіе знаменитаго принца въ нѣкоторомъ государствѣ“. Въ календарѣ А. Гатцука, послѣ „рожденія знаменитаго принца въ одномъ государствѣ“, значится: „Одна принцесса прославится своими дарованіями и обратитъ на себя вниманіе всей Европы“. Чей же „Брюсъ“ достовѣрнѣе, Гатцуковъ съ принцемъ и съ принцессой или Ступинскій съ однимъ принцемъ „въ нѣкоторомъ государствѣ“? Еще большую разницу можно указать „въ предсказаніяхъ“ погоды по мѣсяцамъ и числамъ. Весь этотъ вздоръ давно пора бросить.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, августъ. — „Сѣверный Вѣстникъ“, сентябрь. — „Вѣстникъ Европы“, сентябрь.

„Лишній человекъ“ — специфическій продуктъ русской дѣйствительности. На Западѣ въ теченіе всей его многовѣковой и бурной исторіи вы напрасно стали бы искать такого психологическаго чудовища, какъ „лишній человекъ“; тамъ бывали борцы, не находившіе примѣненія своимъ силамъ среди враждебной имъ дѣйствительности; тамъ бывали люди, далеко опередившіе своихъ современниковъ и потому не находившіе отзыва и сочувствія своимъ стремленіямъ, но лишнихъ людей тамъ не было. Только особыя свойства славянской природы вообще и русской въ особенности, въ соединеніи со спеціальными особенностями развитія русскаго общества, могли создать русскихъ лишнихъ людей. Развивавшіяся въ теченіе тысячелѣтнаго историческаго процесса пассивность, безволие, апатичность и смиреніе въ русскомъ человекѣ соединились съ его малою культурностью, съ его возвышенными идеалистическими запросами, съ его замѣчательною прямолинейностью въ идеяхъ и въ стремленіяхъ, съ его требованіями отъ жизни или всего, или ничего, наконецъ, съ отсутствіемъ у него способности надлежащимъ образомъ приспособлять среду къ своимъ требованіямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ отсутствіемъ способности приспособляться къ ней и самому, — такъ что у него почти всегда выходитъ не настоящее приспособленіе къ средѣ, въ которомъ все же, несмотря на всю позорность и антипатичность такого приспособленія, есть нѣчто активное, а просто вялое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное мрачнаго отчаянія и иногда негодованія подчиненіе. Соединеніе всѣхъ этихъ свойствъ создавало и, вѣроятно, еще долго будетъ создавать ту разновидность человѣческихъ существъ, которую у насъ принято называть „лишнимъ человекомъ“. Тѣ же изъ этихъ свойствъ, которыя слѣдуетъ признать высокопрогрессивными и которыя подають надежду и даже увѣренность въ неизсякаемости живыхъ источниковъ въ русской душѣ и въ русской дѣйствительности, — прямолинейность, неспособность къ компромиссамъ, высокіе запросы отъ жизни, требованіе отъ нея или всего, или ничего, — повели къ тому, что общественное мышленіе зачислило въ одинъ общій разрядъ „лишнихъ людей“ — людей самыхъ различныхъ по существу типовъ. Для общественнаго мышленія Рудины и Михалевичи такіе же лишніе люди, какъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, хотя между двумя этими типами, очевидно, дистанція огромнаго размѣра. Рудины и Михалевичи — продукты русской дѣйствительности настолько же, какъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда; но въ нѣкоторые изъ періодовъ европейской исторіи Рудины и Михалевичи были и тамъ, на Западѣ, довольно обычнымъ явленіемъ и тамъ никто не думалъ называть ихъ лишними людьми, да и сами они не считали себя таковыми. Они страдали, боролись, проповѣдывали въ пустынь, но не стыдились своей проповѣди и не казнили себя за нее. Случалось, что ихъ побивали камнями, что ихъ жгли на кострахъ, но слово ихъ, — могучее человѣческое слово, — звучало не бесполезно и не бесплодно и никакой европейскій Добролюбовъ не рѣшился бы зачислить ихъ въ разрядъ „лишнихъ“ или въ разрядъ Обломовыхъ. Только наша родная требовательность, наша прямолинейность могли на время забыть, что, въ сущности говоря, это они, эти безконечные болтуны, Рудины и Михале-

чи, сдѣлали то, что крѣпостное право было уничтожено. Только тѣ требовательность и прямолинейность заставили Рудиныхъ, въ концѣ концовъ, точно устыдиться своей проповѣди и привести ихъ къ полному отчаянію молчанію. У одного изъ нашихъ крупныхъ писателей гравались какъ-то такія понстинѣ трагическія слова: „Хорошо общеніе съ много пожившими и много подумавшими людьми, которые молчатъ!... Хорошая это черта въ русской натурѣ, но еще большой вопросъ, выиграешь ли это для прогрессивнаго развитія общества?“

Типъ лишняго человѣка у насъ въ Россіи — типъ не умирающій, отъ разновидности его могутъ быть разнообразны до безконечности. Каково бы ни было, впрочемъ, разнообразіе разновидностей этого типа, всѣ онѣ болѣе или менѣе приводятся къ двумъ основнымъ: къ стыдившемуся своей проповѣди или, лучше сказать, устыдившемуся езплодности этой проповѣди Рудину и къ Гамлету Щигровскаго уѣзда. Это понстинѣ безсмертные типы и потому-то они такъ часто и повторяются. Видоизмѣненіе первой изъ этихъ разновидностей изобразилъ Вересаевъ въ любопытной во многихъ отношеніяхъ повѣсти *Безъ вѣроги* (*Русское Богатство*, июль — августъ). Герой повѣсти, земскій врачъ, — это именно „замолчавшій“ человѣкъ. Онъ замолчалъ до того основательно, что живые разговоры съ хорошею, стремящеюся къ кивой дѣятельности дѣвушкой ему крайне неприятны. „Съ величайшимъ удовольствіемъ, — говоритъ онъ, — прочту книгу по этому вопросу, не прочь и поговорить о немъ, но пусть для моего собесѣдника, какъ и для меня, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ, теоретическимъ вопросомъ. Наташа же вносить въ дѣло слишкомъ много страстности и мнѣ становится неловко“. Когда Наташа видитъ въ дѣятельности врача глубокую идейную подкладку, когда она говоритъ *о долѣ народу, о долѣ, объ идее*, — эти слова рѣжутъ ея собесѣднику ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ. „Напрасно я стараюсь убѣдить себя, — продолжаетъ герой, — что есть что-то болѣзненное въ моей боязни къ высокимъ словамъ; на душѣ скверно и стыдно, какъ будто я изъ желанія пустить пыль въ глаза нарядился въ богатое чужое платье...“ Герой повѣсти совсѣмъ не извѣрившійся въ свои идеалы человѣкъ, совсѣмъ не разочарованный и даже совсѣмъ не „лишній“ человѣкъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ этотъ терминъ, хотя для публики, для общественнаго мышленія онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ разряду лишнихъ. Онъ просто одинъ изъ замолкнувшихъ. И самъ онъ не вполне ясно сознаетъ причины своего молчанія. „Къ чему мнѣ мое честное и гордое міросозерпаніе, что оно мнѣ даетъ? — спрашиваетъ онъ себя. — Оно уже давно мертво; это не любимая женщина, съ которой я живу одною жизнью, — это лишь ея трупъ, и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣтъ и безжизненно холоденъ... Но почему же въ немъ нѣтъ жизни? Не потому ли, что все мое внутреннее содержаніе лишь красивыя слова, въ которыя я самъ не вѣрю? Но развѣ можно бояться словъ больше, чѣмъ я боюсь, развѣ можно вѣрить больше, чѣмъ я вѣрю? Я не лишній человѣкъ. Я ненавижу чувствую ко всѣмъ этимъ тунеядцамъ... Меня не пугаетъ нужда, не пугаетъ трудъ; я съ радостью пойду на жертву.. и, все-таки... пусто и мертво въ сердцѣ; жизнь молчитъ, какъ могила“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ: „жизнь молчитъ“ — вся загадка явленія для героя. „Жить и ничего не видѣть вперед, блуждать въ темнотѣ, горько упрекать себя за то, что нѣтъ у тебя сильнаго ума, который бы вывелъ на дорогу... Жить для дру-

гихъ, работать для другихъ!... Все это слишкомъ обще. Ты (Наташъ) хочешь идеи, которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли... Но со мною то же, что съ тобой; я не знаю,—въ этомъ вся мука... Не я одинъ такой; все теперешнее поколѣнiе переживаетъ то же, что я; у него *ничего нѣтъ*,—въ этомъ его ужасъ и проклятiе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды оно гибнетъ невидимо и безповоротнo. Безвременье придавило всѣхъ и напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ-под его власти“.

Въ концѣ-концовъ, герой повѣсти г. Вересаева такъ же, какъ Рудинъ на баррикадахъ, умираетъ, убитый тою самою толпой, на служенiе которой онъ отдалъ послѣднiя силы своего истомленного обществeннымъ молчанiемъ организма, своей насильственно задавленной и замолчавшей души. Смерть его была прекрасна и предъ ней онъ ясно созналъ, что онъ дѣйствительно не былъ лишнимъ, что если онъ и не сумѣлъ жить, то сумѣлъ умереть. Онъ говоритъ Наташѣ, чтоби „она любила людей, любила народъ, что не нужно отчаяваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работи страшно много... И теперь мнѣ не стыдно говорить эти *высокия* слова... Тихая радость овладѣваетъ мною и я думаю о томъ, какъ много въ жизни хорошаго и какъ хорошо умирать...“ Да, бесспорно, такъ умирать хорошо; такое предсмертное просвѣтленiе прекрасно и даже высоко-эстетично и, тѣмъ не менѣе, оно, все-таки, только просвѣтленiе, т.-е. предполагаетъ, что раньше-то, до него, былъ мракъ, было унынiе, была настоящая смерть. Отчего? Безвременье задавило, ничего нѣтъ! Но надо помнить, что было же время, когда у насъ, среди той же *молчавшей* жизни, раздавались гордыя слова: „Зачѣмъ я буду зависть отъ обстоятельствъ, пусть лучше обстоятельствъ отъ меня зависть...“ Трудно съ большею реальностiю, чѣмъ это сдѣлалъ г. Вересаевъ, наметнуть на основную причину молчанiя человѣческой души и стыда предъ произношенiемъ высокихъ словъ, хотя, можетъ быть, авторъ и не вполне ясно понимаетъ эту основную причину. А причина состоитъ именно въ нашей прямолинейности, въ нашей требовательности. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, все только хорошо умирать; въ исторiи всякаго народа бываютъ и такiе моменты, когда умирать не приходится, не изъ-за чего, и когда надо *хорошо жить*, потому что и въ такiе не героическiе моменты остается всецѣло дѣйствующимъ положенiе о необходимости много и упорно работать, о необходимости искать дорогу. Въ томъ-то и дѣло и въ томъ-то весь трагизмъ положенiя героевъ, вроде героя повѣсти г. Вересаева, что они страшно неуклонны и прямолинейны. Не въ упрекъ имъ мы, конечно, говоримъ это. Нѣтъ, предъ ихъ подвигомъ, предъ ихъ геройскою смертiю мы преклоняемъ голову; но какъ жаль, что они не могли жить и замолчали! Тутъ все дѣло не въ приспособленiи къ средѣ, а въ приспособленiи къ себѣ, къ своимъ основнымъ идеаламъ этой среды. Изъ того, что методы осуществленiя ихъ идеаловъ оказались мало пригодными, отнюдь не слѣдуетъ, что „честное и гордое“ мiросозерпанiе ничего не даетъ, что оно „давно мертво“, а лишь то, что негодныя методы должны быть замѣнены иными, болѣе дѣйствительными. Методъ, вѣдь, не идеаль и идеаль можетъ быть достигнутъ при посредствѣ разныхъ, сообразованныхъ съ условiями среды, методовъ. Не ждать же въ самомъ дѣлѣ такого момента, когда *хорошо* умирать. Существованiе такiхъ моментовъ не отъ воли человѣческой зависитъ. Но за то отъ

человѣческой воли зависить не зависить объ обстоятельствъ и заста-
ихъ отъ себя зависить. И именно прямолинейность и смѣшиваніе
да достиженія идеала съ самимъ идеаломъ не позволяютъ человѣку
ать о себѣ эти гордыя слова... И потомъ боязнь *высокихъ* словъ...
очень характерное явленіе для молчаливыхъ. Оно указываетъ
ребованіе отъ жизни всего или ничего, и, главное, сейчасъ же,
дленно. Герой г. Вересаева и просвѣтленіе-то чувствуетъ только
ому, что въ его трагической смерти дѣло непосредственно послѣ-
ло за словомъ. А правду сказать, такое непосредственное послѣ-
аніе дѣла за словомъ имѣетъ мѣсто только въ очень рѣдкіе исто-
ескіе моменты, изъ чего опять-таки не слѣдуетъ, чтобы за словомъ
слѣдовало въ тотъ или другой промежутокъ времени и дѣло, и,
томъ, слѣдовало бы непремѣнно и неизбѣжно. Основная болѣзнь
ыдившихся и замолчавшихъ Рудиныхъ состоитъ именно въ невѣріи
могуществомъ человѣческаго слова, въ могуществомъ идеи, какъ силъ
остоятельныхъ, неизбѣжно ведущихъ къ дѣлу, хотя бы и въ позд-
ішую историческую эпоху. Безъ Рудиныхъ, повторяемъ, не было бы,
етъ быть, и той новой Россіи, въ которой мы живемъ... И потому
овымъ видоизмѣненіямъ этого типа нѣтъ никакой причины „сты-
ся“ *высокихъ* словъ и молчать, хотя бы за ихъ словомъ и не слѣ-
ало дѣла. Отсутствие ихъ слова—прямой и непосредственный про-
ышъ для общественнаго развитія,—проигрышъ, непополнимый ни-
кими героическими смертями. Прямолинейность и требовательность—
икія душевныя качества; они неизсякаемые источники жизни и дви-
нія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они иногда могутъ быть и сильными тор-
вами прогрессивнаго движенія. Повторяемъ, что не всегда же нужно
рошо умирать и всегда нужно хорошо и полно, всею душой, всѣмъ
рдцемъ жить. Проповѣдь хорошей смерти—большая проповѣдь и
дно дѣйствующая, а проповѣдь хорошей и полной жизни большое
ло.

Вышеприведенныя замѣчанія далеко не исчерпываютъ всего инте-
снаго въ повѣсти г. Вересаева. Очень хороши и реальны описа-
и борьбы героя съ народнымъ мракомъ и невѣжествомъ. Сцена его
сѣщенія перваго холернаго больного очень хороша; также хороши
сцены въ больницѣ... Но самая сцена убійства доктора толпой ка-
зется намъ навѣянной автору теоріей, въ основаніи ея нѣтъ, по на-
ему мнѣнію, живыхъ наблюденій дѣйствительности. Въ ней есть все,
то слѣдуетъ быть по теоріи: и толпа, и герой-фабричный, который,
з разобравъ дѣла, наноситъ первый случайный ударъ. Нѣтъ только
ного и самаго главнаго—жизненности. Мы не говоримъ о томъ,
вѣрна или не вѣрна самая теорія массовыхъ движеній, которая руко-
одила рукой автора, когда онъ писалъ эту сцену. Не думаемъ
гверждать и того, что художникъ или беллетристъ не вправѣ руко-
одиться въ своемъ творчествѣ тою или иною теоріей. Мы просто хо-
имъ сказать, что въ сценѣ, нарисованной г. Вересаевымъ, отсутству-
итъ нѣкоторыя необходимыя черты и потому она вышла ненатуральна,
е живенна. Дѣло въ томъ, что во всякомъ массовомъ движеніи должно
жѣться налицо одно основное настроеніе и должно всецѣло владѣть
олпой, съ исключеніемъ всѣхъ иныхъ настроеній. Разъ такое охва-
ывающее, цѣльное настроеніе толпы нарушается чѣмъ-либо, разъ въ
его приходится какое-либо иное настроеніе, чуждое или даже враж-
дебное, противоположное съ прежнимъ, дѣйствіе не совершается или
овершается иное дѣйствіе. У г. Вересаева съ толпой произошло имен-

но нѣчто въ этомъ родѣ: она, преисполненная сдержаннаго и смирнаго гнѣва, послѣ довольно мирной, хотя и не разрушившей недвѣрія бесѣды съ докторомъ, приходитъ въ нѣсколько иное, чѣмъ прежнему настроеніе; она шутитъ и смѣется, „гогочетъ“. Цѣльность настроенія разрушена. Смѣхъ и остроты плохо уживаются въ душѣ толпы съ гнѣвомъ и звѣрскою свирѣпостью... Помните у Некрасова:

„У каждаго крестьянина... Душа, что туча черная... Гнѣвна, гром и надо бы... громамъ гремѣть отсюда... кровавымъ лить дождямъ“

А кончается тѣмъ, что „разсмѣялась добрая...крестьянская душа“

И вотъ, когда она разсмѣялась, то ни грому, ни кровавыхъ дождей пожалуй, и не произойдетъ. У г. Вересаева разсмѣявшаяся толпа и первомъ случайномъ ударѣ, все-таки, свирѣпѣетъ и производитъ злѣйшее дѣйство... Выходитъ не совсѣмъ натурально и спена, которая должна бы быть потрясающей, не потрясаетъ и оставляетъ насъ холодными.

Въ вопросѣ о массовыхъ движеніяхъ, преступныхъ или возмездныхъ, самую главную и, можно сказать, рѣшающую роль играетъ всеохватывающее и исключющее всѣ другія настроенія толпы. Вопросъ только въ томъ, сознательно ли такое настроеніе, или нѣтъ. Намъ думается, что разсужденія г. Фр. Соллогуба, автора статьи: *Изъ пролога. Къ психологій массовыхъ движеній*, сводятся къ тому, чтобы признать такое настроеніе сознательнымъ, хотя бы и имѣющимъ свое основаніе въ ложныхъ взглядахъ, въ мнимомъ знаніи, завѣщанномъ толпѣ, можетъ быть, отдаленными предками, стало быть, въ томъ, что называется обыкновенно невѣжествомъ толпы. Что же такое въ самомъ дѣлѣ невѣжество, какъ не знаніе, только не истинное, а ложное? Несомнѣнно, — говоритъ авторъ, — что общія причины, создавшія почву для холерныхъ безпорядковъ, разнообразны и коренятся какъ въ далекомъ прошломъ, такъ и въ обстоятельствахъ недавнихъ. Но почему возбужденіе толпы, вызванное настроеніемъ ея, созданнымъ общими причинами, направилось противъ врачей, — это вопросъ, для разрѣшенія котораго нѣтъ еще достаточныхъ матеріаловъ. Одно только можно сказать, что основною причиною этого состоитъ въ умственной темнотѣ толпы. И, однакъ, ответственная-то темнота — умственною темнотой, но и мы, не страдающие темнотой, не безъ грѣха въ этомъ великомъ народномъ грѣхѣ. У насъ, — продолжаетъ авторъ, — многіе держатся нѣсколько страннаго взгляда на обывателя и въ особенности сѣраго. Исходя изъ того положенія, что темный человѣкъ дитя, а дитя — это воскъ, изъ котораго можно лепить что угодно и требуетъ за собой ухода и попеченія, мы въ своихъ мѣропріятіяхъ руководствуемся не законами и указаціями историческаго опыта, а педагогическими теоріями, и, притомъ, не умными. Самое основаніе такой системы дѣйствій, — уподобленіе темнаго человѣка ребенку, — есть положеніе рискованное. Только при взглядѣ на сѣрую толпу издали она представляетъ однообразный сѣрый цвѣтъ. Вблизи же этотъ сѣрый цвѣтъ есть оптический обманъ; каждый индивидъ изъ этой сѣрой массы есть человѣкъ съ опредѣленнымъ характеромъ, темпераментомъ, идеями и вѣрованіями. А, кромѣ того, на плечахъ этой толпы такъ же, какъ и у насъ, стоитъ тысячелѣтнее историческое прошлое, оставившее на ней свой слѣдъ. И понятно, что борясь съ этимъ прошлымъ, — разъ оно оказывается ведущимъ къ вреднымъ общественнымъ послѣдствіямъ, даже къ бесмысленнымъ и звѣрскимъ преступленіямъ, — можно не мѣропріятія сомнительнаго педагогическаго свойства и не мѣрами подавленія, а только посредствомъ сообщенія толпѣ истинныхъ соціологическихъ и естественно-истори-

скихъ знаній. Противъ настроенія, созданнаго ложнымъ знаніемъ, можетъ быть выставлено, какъ орудіе борьбы, только истинное знаніе. Противъ сознанія, основаннаго на ложныхъ идеяхъ, можетъ стать только сознаніе, построенное на знаніяхъ истинныхъ. Г. Соллогубъ анализируетъ три случая изъ своей практики судебного слѣдователя. Случаи эти достаточно разнообразны, но общее въ нихъ то, что въ нихъ объектами слѣдствія является толпа и что во всѣхъ нихъ эта толпа находится во власти настроенія, общаго ей, захватившаго ее пѣбликомъ и созданнаго сознательнымъ процессомъ ложнаго мышленія и ложными знаніями. Сила такого настроенія столь велика, что она доводитъ людей до нѣкоторой галлюцинаціи, что они видятъ то, чего, въ сущности, и не было, что они самымъ добросовѣстнымъ образомъ даютъ очевидно ложныя показанія. Въ одномъ изъ приводимыхъ г. Соллогубомъ случаевъ, въ дѣлѣ объ избіеніи евреевъ и грабежѣ и уничтоженіи ихъ имущества, мотивы настроенія не простые, а сложные, характера отчасти религіознаго, а отчасти экономическаго. Но такая сложность мотивовъ не измѣняетъ дѣла, она отнюдь не противорѣчитъ сознательности дѣйствій толпы, — сознательности, основанной на ложныхъ идеяхъ и мнимыхъ знаніяхъ. „По отношенію къ экономической роли евреевъ, — замѣчаетъ г. Соллогубъ, — народная темнота, неспособность разобраться въ сложныхъ общественныхъ условіяхъ, незнакомство съ исторіей создаютъ почву, на которой вырастаетъ не мало печальныхъ явленій. Темный человѣкъ не можетъ подняться до причинъ явленій, онъ чувствуетъ тяжесть факта и дѣйствуетъ подъ его давленіемъ“. Неспособность разобраться въ общественныхъ явленіяхъ обуславливается, несомнѣнно, отсутствіемъ настоящихъ знаній и подмѣной ихъ знаніями ложными, и мы, вмѣсто словъ: „темный человѣкъ не можетъ подняться до причинъ явленій“, употребили бы другія: онъ поднимается и поднимется непременно до причинъ явленій, на то онъ и человѣкъ и обладаетъ человѣческимъ мышленіемъ, но причины-то онъ по своему незнанію ищетъ не тамъ, гдѣ ихъ искать слѣдуетъ. Выводы и замечанія, къ которымъ приходитъ г. Соллогубъ, не отличаясь особою оригинальностью, тѣмъ не менѣе, заслуживаютъ вниманія. „Это преступники особаго рода, — говоритъ онъ о дѣятеляхъ массовыхъ преступленій, — не подходяще ни подъ одну статью уложенія и жаждущіе своего спеціальнаго законодательства. При всей доказанности преступленія они могутъ возбуждать только тяжелое, грустное чувство за неправильно направленныя силы, за безвременно погибшую жизнь“... А притомъ, и судить-то такихъ преступниковъ если не невозможно, то крайне трудно. „Судебный матеріалъ, собранный при помощи обычныхъ способовъ изслѣдованія, совсѣмъ не представляетъ той степени достовѣрности, какая возможна при другихъ преступленіяхъ“. Однимъ словомъ, такихъ преступниковъ не судить, а учить слѣдуетъ.

Если бы г. Соллогубъ далъ намъ только одинъ этотъ выводъ, наврядъ ли его статья возбуждала бы большой интересъ. Въ ней, въ статьѣ этой, главный интересъ не юридическій, а социологическій — указаніе на непреодолимость, на могущество общаго настроенія, созданнаго непременно сознаніемъ, хотя бы, повторяемъ, и основаннымъ на ложныхъ идеяхъ. Что авторъ именно такъ смотритъ на дѣло, несмотря на нѣкоторую нерѣшительность и спутанность его выраженій, это доказывается тою аналогіей, которую онъ видитъ въ дѣйствіяхъ толпы и въ настроеніи и жизни культурнаго и интеллигентнаго слоя, въ переходахъ отъ прогрессивнаго, приподнятаго на-

строения такого слоя къ регрессивному и низменному, къ безвременью. Интеллигентный слой, какъ и темная толпа, — говоритъ онъ, — можетъ быть охваченъ извѣстнымъ приподнятымъ или измененнымъ настроениемъ, которое, *повидимому*, не вытекаетъ изъ условій данной исторической обстановки, а приходитъ какъ бы извнѣ и создается дѣйствию какихъ-то невѣдомыхъ факторовъ. Такимъ періодомъ внезапнаго устремленнаго подъема была прекрасная эпоха 60-хъ—70-хъ годовъ. Духовный подъемъ, которымъ было охвачено тогда наше общество, представляетъ всѣ признаки массоваго возбужденія, создавшаго чудную атмосферу добра, любви къ свѣту и къ ближнему. Вопросы о томъ, гдѣ причины такого подъема, какія историческія явленія создали его, пока не разрѣшимы; исторія, по мнѣнію автора, можетъ дать на нихъ только гадательный отвѣтъ. Съ увѣренностью можно сказать только то, что высокія стремленія этого времени были какъ будто разлиты въ воздухъ. Человѣкъ вырабатывалъ ихъ не путемъ мысли и анализа, а вдыхалъ съ воздухомъ. Все высокое и хорошее *надвигалось*, видимо, *издана*. Каплю по каплѣ добрая фея исторіи собирала это высокое и хорошее, чтобы напоить имъ воздухъ этого благодатнаго времени. Собираетельная работа доброй феи воплощалась въ извѣстныхъ историческихъ явленіяхъ, наприм., въ идеалистическомъ движеніи сороковыхъ годовъ (вотъ и отвѣтъ исторіи, совсѣмъ не гадательный, а вполне достовѣрный и обоснованный. При чемъ же тутъ якобы *безсмысленность* духовнаго подъема?). Опуская довольно яркую картину настроенія той эпохи, съ видимою любовью и даже съ восторгомъ нарисованную г. Соллогубомъ, приведемъ его заключительныя слова. Историческая волна идетъ на убыль, наступаетъ реакція, — не сразу, а понемногу. Появляется, наконецъ, господство разнузданнаго эгоизма, страха за сегодняшнее положеніе и трепета при мысли о смерти. На рождаются философы и пророки безвременья; запуганная мысль разрабатываетъ идеи личнаго усовершенствованія, прячется въ аскетизмъ и мистику. Внимательно приглядываясь къ людямъ въ такіе періоды, когда одно теченіе смѣняется другимъ, диаметрально противоположнымъ, поражаешься не только рѣзкостью перемены, а и тѣмъ, что перемена дѣйствительная, а не притворство. Самая быстрая и рѣзкость перемены доказываютъ, что причина ея не въ работѣ мысли, не въ смѣнѣ одного міросозерцанія другимъ, а въ чемъ-то другомъ, лежащемъ внѣ человѣка. Чѣмъ объяснить такое явленіе, какъ не влияніемъ разлитаго въ воздухъ настроенія, которое можно назвать стихійнымъ *въ томъ смыслѣ, что причины его лежатъ глубоко и далеко* (въ данномъ случаѣ, можетъ быть, и не такъ далеко, какъ это кажется почтенному автору, хотя и несомнѣнно глубоко: въ идеяхъ и устояхъ крѣпостнаго состоянія общества, которые должны же были сказаться при извѣстныхъ, совершенно ясныхъ и легко опредѣлимыхъ историческихъ условіяхъ)?

Для внимательнаго читателя нѣтъ, мы полагаемъ, надобности останавливаться на подробномъ анализѣ всѣхъ этихъ утверждений г. Соллогуба, тѣмъ болѣе, что подобный анализъ потребовалъ бы очень и очень должительныхъ и сложныхъ разъясненій по вопросамъ о сущности историческаго процесса, о возможности при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ и обстоятельствахъ влияния личности и группъ личностей на настроеніе массы, о необходимой кратковременности такого влияния и о выплываніи наружу противоположныхъ, завѣщанныхъ прошлымъ настроеній при измѣнившихся условіяхъ и т. п. Понятно, что всѣ тѣ

въясненія были бы, пожалуй, и не вполне умѣстны въ краткихъ за-
мѣткахъ о текущей журналистикѣ; да для внимательнаго читателя
нашихъ обзорѣній они, пожалуй, и извѣстны, — по крайней мѣрѣ, въ
ихъ сущности. Для насъ важно только указаніе г. Солдогоба на то,
что нѣтъ „разницы между духовнымъ подъемомъ и паденіемъ въ ин-
теллигентной средѣ и стихійнымъ возбужденіемъ темной толпы“. И по
нашему мнѣнію, нѣтъ разницы въ томъ смыслѣ, что оба эти психоло-
гическія массовыя явленія, въ сущности говоря, одинаково могуще-
ственны, непреодолимы и... сознательны. И то, и другое подготовляет-
ся личнымъ сознаниемъ, кристаллизовавшимся въ извѣстное массовое
настроеніе. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть разница въ томъ смыслѣ, что
первое, т. е. настроеніе интеллигентной среды, болѣе подвижно и из-
мѣнчиво и дѣйствуетъ или, лучше сказать, движется съ большою бы-
стротой. Этому его свойству мы обязаны ускореніемъ прогресса въ
странахъ молодыхъ, съ недавно усвоенною, заимствованною культурой.
Это элементъ прогрессивный, даже въ періоды паденія, въ періоды
измѣны настроеній; тогда какъ настроеніе толпы, какъ основанное на
инстинктахъ, приобретенныхъ тысячу лѣтъ тому назадъ, и потому самому
пожнхъ, есть элементъ застоя. Оба эти элемента неизбежно борются
и временная побѣда того или другого изъ нихъ — дѣло историческихъ
условій, иногда довольно легко опредѣлимыхъ. Но окончательная по-
бѣда никоимъ образомъ не можетъ остаться за настроеніемъ толпы.
Именно это, и только это, и можно сказать съ „полною увѣренностью“.

Самою характерною чертой для реакціонныхъ періодовъ можно счита-
ть то „молчаніе жизни“, о которомъ говоритъ герой повѣсти г. Ве-
ресаева. Но дѣйствительно ли наша жизнь молчитъ? Не обманъ ли это
нашего слуха, привыкшаго къ мрачному молчанію нашихъ ученыхъ и
иныхъ кабинетовъ и отучившагося воспринимать голоса жизни? И въ
самомъ дѣлѣ, жизнь говоритъ достаточно громко хотя бы въ тѣхъ же
массовыхъ движеніяхъ, повторяющихся въ самыхъ разнообразныхъ
формахъ все чаще и чаще. Правда, въ большинствѣ случаевъ, такіа
движенія суть явленія отрицательныя: это — голоса мрака и невѣже-
ства. Но правильное воспріятіе даже такихъ голосовъ мрака можетъ
дать намъ нѣчто положительное; да жизнь и не состоитъ, вѣдь, изъ
однихъ отрицательныхъ явленій. Голоса жизни бывають и отрадные,
полные энергіи и веселья; и, право, не вина жизни, что мы плохо
слышимъ и еще хуже воспринимаемъ голоса такого рода. Извѣстно ли,
наприм., читателю, что въ Херсонской губерніи, въ уѣздахъ Елизавет-
градскомъ и Александрійскомъ, существуетъ сильное, охватившее уже
теперь значительные районы, движеніе артельное? Въ южнорусскихъ
газетахъ, особенно въ одесскихъ, накопилось уже довольно матеріала
для сужденія объ этомъ замѣчательномъ движеніи. Г. Левитскій, го-
рачій, энтузіастическій пропагаторъ и инициаторъ этого движенія, лич-
ность безспорно, судя по газетнымъ сообщеніямъ, выдающаяся, напи-
салъ любопытный образцовый артельный договоръ для создающихся
артелей. Это любопытнѣйшій документъ для характеристики одного
изъ теченій, происходящихъ въ народной жизни. Разбору артель-
наго договора г. Левитскаго г. Карышевъ посвящаетъ свои *Народно-
хозяйственныя наброски*. Мы не будемъ слѣдовать за почтеннымъ ав-
торомъ въ подробностяхъ этого разбора и замѣтимъ только, что, по
нашему мнѣнію, онъ не вполне правъ, упрекая договоръ за чрезмѣр-
ное будто бы присутствіе въ немъ этического элемента. Этический эле-
ментъ въ артельномъ договорѣ настолько не соответствуетъ наро-

нымъ идеаламъ, народнымъ стремленіямъ, насколько и элементъ экономическій; онъ также не кабинетная выдумка, какъ и этотъ послѣдній; мало того, его присутствіе дѣнно, какъ указатель того, что движеніе вызывается не одними чисто-экономическими причинами (хотя, конечно, онѣ и составляютъ основную причину явленія), но и высшихъ духовными запросами южнорусскаго мужика. Формы этого этического элемента, можетъ быть, и окажутся въ жизни непригодными и при развитіи дѣла будутъ устранены жизнью, но дѣло, вѣдь, не въ формахъ, а въ значеніи явленія. Нѣкоторые изъ наблюдателей, имѣвшихъ возможность изучать явленіе на мѣстѣ, указывали намъ именно на этотъ этический элементъ движенія, какъ на выдающійся; они отмѣчаютъ сильный духовный подъемъ въ населеніи, произведенный *одною идеею* о возможности жить въ артели по-божески, въ любви и согласіи. Разумѣется, духовный подъемъ не можетъ не имѣть важныхъ послѣдствій даже въ случаѣ экономической неудачи опыта.

Статья г. Карышева составлена на основаніи артельного договора и доклада г. Рагозина въ обществѣ содѣйствія промышленности въ торговлѣ. Мысль о созданіи артелей возникла въ Херсонской губерніи десять лѣтъ назадъ (вотъ какъ давно уже раздаются голоса жизни!), но не осуществилась вслѣдствіе отсутствія средствъ. Теперь „общество“ постановило ходатайствовать о выдачѣ земледѣльческимъ артелямъ ссудъ изъ государственнаго банка, даже въ томъ случаѣ, если въ составъ ихъ входятъ недоимщики. Отмѣтимъ кстати любопытную черту въ отношеніяхъ къ артельному движенію высшихъ правительственныхъ учрежденій съ одной стороны и мѣстныхъ властей, — съ другой. Въ то время, какъ министры земледѣлія и финансовъ выражаютъ въ письмахъ къ г. Левитскому свое сочувствіе его дѣятельности, мѣстныя мелкія власти, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ артелямъ почти враждебно. Очень это любопытная черта нашей общественной мысли. Идея земледѣльческихъ артелей, — говоритъ г. Карышевъ, — живетъ у насъ уже около двухъ десятковъ лѣтъ; общественная мысль останавливается на ней съ теченіемъ времени все чаще и чаще и слѣдуетъ ожидать, что число типовъ и разновидностей артелей будетъ расти, благодаря крупнымъ хозяйственнымъ различіямъ въ разныхъ областяхъ. Херсонскій договоръ обладаетъ одною характерною чертой, которая позволяетъ предполагать его жизнненность, дѣлесообразность, способность войти въ народную жизнь. Эта черта состоитъ въ томъ, что общіе его принципы не представляютъ ничего выдуманнаго, кабинетнаго, а почерпнуты изъ народной жизни, выработаны вѣковымъ опытомъ общинныхъ отношеній и составляютъ принадлежность народнаго міросозерцанія. Артель заимствовала у общины потребительный принципъ при раздѣлѣ продуктовъ. Ограниченія этого принципа заимствованы артелью изъ сферы трудовыхъ отношеній, также какъ и въ общинѣ. Далѣе, артельный договоръ, отнимая самостоятельность отдѣльной хозяйственной единицы, оставляетъ свободу распоряженія въ сферѣ потребительной. Эта черта дѣликомъ заимствована у общины. Это свойство основывать артели на почвѣ наличи изъ общинныхъ отношеній является весьма предусмотрительнымъ. Оно показываетъ, что въ дѣлѣ организаціи артелей мы встрѣчаемся не съ теоретическимъ экспериментомъ, а съ рожденіемъ такихъ союзовъ, которые близки къ прежнимъ традиціямъ ихъ членовъ. Договоръ старается парализовать невыгоды мелкой культуры, направленъ къ введенію культуры болѣе крупной и стремится достигнуть этого путъ

охраненія права собственности за земледѣльческою массою населенія. Задачи херсонскаго договора шире, полнѣе и смѣлѣе задачъ пермскихъ артелей. Въ этихъ послѣднихъ артельный принципъ распространяется только на орудія и скотъ, купленные на субсидіи; херсонскій же договоръ не дѣлаетъ различія между разными видами имущества артельщиковъ и требуетъ примѣненія артельнаго начала во всемъ объемѣ. „Потому результатъ опыта особенно интересенъ и тѣмъ больше отвѣтственность его организаторовъ“.

Въ виду чрезвычайной важности производящагося въ Херсонской губерніи социологическаго опыта, укажемъ на нѣкоторые данныя, оставшіяся неизвѣстными г. Карышеву и имѣющія, по нашему мнѣнію, особое важное значеніе для вопроса о возможности удачі опыта. Дѣло въ томъ, что артели, какъ и слѣдуетъ ожидать, образуются изъ лицъ, не только не имѣющихъ орудій и скота, но и принадлежащихъ къ разряду почти безнадежныхъ недоимщиковъ. Понятно, какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для вопроса о кредитоспособности артелей и, стало быть, для успѣха опыта. Въ одномъ изъ разсказовъ покойнаго Каронина повѣствуется о мужикѣ, который всю свою жизнь употреблялъ на то, чтобы, заработавъ рубль, утаить его отъ караулящаго его старосты и купить на этотъ рубль хлѣба, который староста отнять у него не можетъ. Понятно, что такому мужику никакая артель и никакая ссуда не поможетъ, ибо все доходы съ его хозяйства должны быть, прежде всего, употреблены на покрытіе недоимки. Чтобы помочь ему, его, прежде всего, надо вывести изъ разряда безнадежныхъ недоимщиковъ. Положеніе херсонскихъ артельщиковъ, въ большинствѣ случаевъ, такое же, какъ у этого мужика. Въ силу этого, они являются вполне некредитоспособными и совсѣмъ неудивительно, что государственныя банки не выдаютъ имъ ссуды, а земство не рѣшается ручаться за нихъ. Обладая на семью десятью десятинами на дворѣ, артельщики имѣютъ по семидесяти рублей недоимки на десятину, т.-е. на артель изъ 4—5 дворовъ по триста и болѣе рублей недоимки. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ неудача опыта не только возможна, но и вѣроятна. Для того, чтобы артельное движеніе не имѣло такого печальнаго конца, прежде всего, необходимо сдѣлать артельщиковъ ненадоимщиками. Земскія учрежденія, съ одной стороны, и надлежачія вѣдомства (министерства земледѣлія и финансовъ)—съ другой, могли бы ходатайствовать о проведеніи общей законодательной мѣры, или вполне освобождающей всѣхъ лицъ, образующихъ артели, отъ лежащихъ на нихъ недоимокъ, или, по крайней мѣрѣ, отсрочивающихъ недоимку на большое количество лѣтъ. Въ сущности говоря, такія лица имѣютъ все права пользоваться такими же льготами, какъ и переселенцы, такъ какъ артельное движеніе гораздо болѣе цѣлесообразно и болѣе радикально рѣшаетъ вопросъ о крестьянскомъ малоземельи. Обладая такими льготами, артели станутъ вполне кредитоспособными и могутъ рассчитывать на кредитъ не только государственныя и земскія, а даже и на частныя.

Говоря выше о типахъ „лишнихъ“ людей, мы замѣтили, что все равновидность этого типа болѣе или менѣе приводятся къ двумъ основнымъ: къ Рудинымъ, которые признаютъ себя лишними и признаются таковыми и другими только по недоразумѣнію, и къ типу разныхъ російскихъ гамлетиковъ, „визжащихъ щенковъ“, у которыхъ, въ сущности говоря, нѣтъ ничего, кромѣ старческаго малокровія, распутно-эстетической души, огромнаго самолюбія и самолюбія при чрезмѣрно

маломъ душевномъ и умственномъ багажѣ. Люди этого типа—настоящіе лишніе люди и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящіе герои безвременья. Въ эпохи живой общественной дѣятельности, въ эпохи пробужденія общественной мысли они куда-то скрываются, вмѣшиваются въ толпу и отличаются отъ нея только тѣмъ, что ихъ восторги мнимы, напускныя, что они безпутно бьютъ своими бесполезными руками въ свою грудь или, наоборотъ, занимаются старческимъ, никому не интереснымъ брюзжаньемъ, которое, однако, въ концѣ-то концовъ, сливается въ нѣкоторый неясный гулъ, заглушающій въ моменты перехода въ общественномъ настроеніи настоящіе живые голоса. Въ героѣ повѣсти г. Вересаева мы признали новое и довольно оригинальное видоизмѣненіе типа Рудинныхъ,—Рудинныхъ, потерявшихъ вѣру въ идею, въ могущество слова, выражающаго идею, и замолчавшихъ вслѣдствіе каждаго молчанія жизни. Въ героѣ романа г. Сологуба: *Тяжелые сны (Северный Вѣстникъ)* мы можемъ признать видоизмѣненіе второго типа лишнихъ людей, типа Гамлета Шигровскаго уѣзда. Герой повѣсти г. Вересаева — весь любовь къ людямъ. Онъ любитъ не только народъ (эта любовь довольно абстрактная); онъ любитъ всѣхъ Ивановъ, Павловъ, составляющихъ народъ, любитъ своихъ больныхъ, съ невѣжествомъ которыхъ борется, любитъ даже тѣхъ, которые его убиваютъ. Онъ просто *любитъ человѣка* со всѣми его достоинствами и недостатками, со всѣми его выстами и низменностями. Логинъ, герой романа г. Сологуба, любитъ только свое личное „я“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненавидитъ и презираетъ его. Въ людяхъ онъ неспособенъ различить ничего, кромѣ пошлости. Онъ—и Гамлетикъ, и Пигасовъ въ одномъ лицѣ. Ему даже лица человѣческія противны; для него лица простыхъ людей, конечно, пустоватыхъ, пошловатыхъ и невѣжественныхъ, даже не лица, а „лупетки“. Человѣкъ для него—и въ томъ числѣ и онъ самъ для себя—не человѣкъ, а безобразный, гніющій и зловонный трупъ. Единственное, что онъ еще признаетъ въ жизни, это—красоту, да и той онъ наслаждаться не умѣетъ. Когда онъ видитъ восторженнаго юношу, немного глуповатаго, правда, и очень наивнаго, у него только одно впечатлѣніе получается: „восторгъ—это эстетично“. Когда онъ слышитъ хоръ золоторотцевъ, у него возбуждается только одна мысль, чисто-эстетическая, безъ примѣси какихъ-либо этическихъ или идейныхъ элементовъ: „поэтический замыселъ, артистическое исполненіе и... пѣвцы-пропойцы. Дико и прекрасно“. Даже въ моментъ высшаго моральнаго возбужденія, когда у него является стремленіе къ любви и счастью, въ присутствіи прекрасной дѣвушки, онъ вдругъ думаетъ, что и она, это прекрасное, полное жизни существо, умретъ когда-нибудь, что она также, какъ и онъ, какъ и всѣ люди, въ сущности, только гніющій, зловонный трупъ: „в острая жалость, ужасъ и недоумѣніе пробѣжали въ его душѣ; онъ почувствовалъ, какъ погибло то молодое и счастливое, что трепетало сейчасъ въ его сердцѣ... Умерла минута счастья и не воскреснетъ... Что-то поблекло и облетѣло. Минуты умирали. Было тоскливо и больно“. Гамлетикъ ненавидитъ самую жизнь, хотя и упорно держится за нее. „Жизнь душила меня,—говоритъ онъ,—ся невозможность и необходимость. Мы вкладываемъ въ жизнь смыслъ,—продолжаетъ онъ—своего-то смысла въ ней нѣтъ. И какъ ни наполняйте жизнь, все же въ ней останутся пустыя мѣста, которыя обличаютъ ея безцѣльность и невозможность“. Съ чего, однако, всѣ эти ужасы въ пустопорожней душѣ Гамлетика, откуда такая торжественность? Гамлетикъ вооу а-

жасть, что онъ постигъ всю мудрость, не только человѣческую, а и сверхчеловѣческую; онъ мнитъ себя непризнаннымъ гениемъ. Непремѣнно гениемъ и непремѣнно непризнаннымъ,—на меньшемъ Гамлетики не помирятся ни за что. „Я въ самомъ дѣлѣ живу слишкомъ рано,— съ грустью, а въ сущности глупо-самодовольно, замѣчаетъ онъ,— еще въ утреннихъ сумеркахъ, и это только тѣни далекаго будущаго ложатся на меня“. И такъ, онъ гений, и вдругъ гений, также какъ и всѣ, долженъ будетъ умереть. Ну, какъ же не обидно, что драгоценное существованіе г. Логина когда-нибудь кончится? Какъ не вознегодовать на міръ, на жизнь? Какъ не признать жизнь кладбищемъ, а людей—трупами? Не даромъ пьяненькій актерикъ произноситъ по адресу Гамлетика такія весьма мѣткія слова: „Экая бѣда—прямо по землѣ ходить человѣку приходится. Пьедестальчикъ, пьедестальчикъ, хоть махонькой, а то, вѣдь, такъ же нельзя, господа“. И вотъ такому-то герою безвременье даетъ возможность взбираться на пьедестальчикъ и ломаться тамъ передъ глазами удивленной и недоумѣвающей публики, даетъ возможность жечь глаголами сердца неопытныхъ юнцовъ и юницъ, даетъ возможность задрапировать свое нравственное и умственное ничтожество, свою пустопорожнюю душу и свое изможденное, страдающее старческимъ безсиліемъ тѣло въ плащъ лживой мудрости. И, вѣдь, съ какимъ поражающимъ апломбомъ изрекаетъ онъ свои приговоры, вродѣ того, что „самое это словечко долговзрое—альтруизмъ— дико и непонятно!“! Мрачность и мудрость, однако, совсѣмъ не препятствуютъ Гамлетiku напиваться не только въ одиночку, по ночамъ, по-фельдфебельски, но и совокупно съ тѣми самыми пошлыми и противными людьми-трупами, которыхъ онъ такъ ненавидитъ и презираетъ. Опять черта Гамлета Шигровскаго уѣзда и вообще російскихъ Гамлетиковъ. Ненависть и презрѣніе къ людямъ у нихъ непремѣнно соединяются съ тяготѣніемъ къ пьяному и гнусному обществу; они сознаютъ, что безъ такой компаніи они—нули, что только эта компанія и можетъ послужить пьедестальчикомъ для ихъ драгоценнаго „я“. Фигура выходитъ препротивная. Это впечатлѣніе было бы еще сильнѣе, еслибъ авторъ отдѣлался отъ непріятной манерности, отъ разныхъ символическихъ и декадентскихъ словечекъ, вродѣ „капающей съ дубовѣеви грусти“ или „взрагивающаго и беззвучно, но внятно смѣющагося тумана“, или „смѣющагося злобно и жалостно тумана“.

Авторъ наврядъ ли вполне уяснилъ себѣ, какого именно рода типъ онъ рисуетъ и каково вообще значеніе этого типа въ русской жизни въ нашу эпоху безвременья. Онъ и самъ, видимо, не прочь помочь своему герою забраться на пьедестальчикъ и самъ вѣрнуть въ его глубокую мудрость и сверхчеловѣческое знаніе... Это тоже характерная черта для художественнаго творчества въ періоды безвременья. Напрасно также авторъ съ такою упорною серьезностью и даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ относится къ пьяному бреду Логина, видящаго свой собственный трупъ. И описаніе бреда, и психологическій анализъ выходятъ довольно спутанными, — и понятно почему: авторъ склоненъ видѣть въ видѣніяхъ Логина нѣчто значительное, нѣкоторый признакъ возвышеннаго безумія гениальной, но не уравновѣшенной натуры, тогда какъ эти видѣнія просто галлюцинація перепившаго человѣчка съ мелкою душой. Конечно, и Гамлетики иногда подвергаются безумію, иногда и они кончаютъ самоубійствомъ (участъ эта, несомнѣнно, грозитъ Логину). Но это рѣдко бываетъ. Обыкновенно это людишки себѣ на умѣ и никакого возвышеннаго безумія у нихъ не бываетъ.

Въ сентябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* на первомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ статью покойнаго проф. Потебни, возстановленную по черновымъ бумагамъ покойнаго близкими къ нему лицами. Эта статья покойнаго ученаго (*Языкъ и народность*) посвящена опроверженію довольно распространеннаго мнѣнія, будто „ходъ развитія человѣчества постепенно слагается съ человѣка и оковы народности, будто бы существованіе одного общечеловѣческаго языка было бы настолько же согласно съ высшими потребностями человѣка, насколько выгодно для насъ искусственныя условія жизни“. Возражая на это положеніе, профессоръ спрашиваетъ: какое значеніе имѣетъ подражательность въ лучшей жизни? И отвѣчаетъ: „На болѣе высокихъ ступеняхъ душевной жизни подражаніе другому есть пониманіе его движеній и звуковъ или предполагаетъ это пониманіе“. Вообще во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни *несамостоятельность, подражательность* выражаютъ лишь извѣстныя различія самостоятельности, своеобразности мыслей и дѣяствій. „Въ безусловномъ же смыслѣ эти понятія немислимы“. То же можно сказать и о дѣлахъ народахъ. „Взаимное ихъ вліяніе есть лишь взаимное возбужденіе. Распространеніе культуры одного народа на другіе кажется намъ объединеніемъ ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы витаемъ на высотахъ абстракціи“. Намъ слѣдуетъ, наприм., говорить не о томъ, что единое въ себѣ и неизмѣнное христіанство различно по цивилизованному міру, а о томъ, что христіанство было поводомъ возникновенія цѣлой цѣпи христіанствъ, весьма различныхъ, если разсматривать ихъ конкретно. „Вся сила въ томъ, чтобы не принимать своихъ абстракцій за сущности“. То же можно сказать и объ языкѣ и о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ. Жизнь ихъ состоитъ въ томъ, что они понимаются и какъ понимаются. Кто станетъ утверждать, что пониманіе и вліяніе произведеній греческаго ваянія одно и то же въ цвѣтуція времена Греціи и теперь? Тогда и теперь — это совершенно различныя произведенія искусства, имѣющія одинъ матеріальный субстратъ, но не одну и ту же душу. Еслибъ языки были только средствами обозначенія уже готовой мысли, то для мысли было бы безразлично, на какомъ языкѣ ее ни выразить. Тогда было бы вѣроятно, что при распространеніи убѣжденія, что разница между языками вѣшняя и несущественная, люди стали бы мѣнять языки съ такою же легкостью, какъ платье. На самомъ же дѣлѣ языки потому только служатъ обозначеніемъ мысли, что они суть средства преобразованія первоначальныхъ элементовъ мысли и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы средствами созданія мысли. „Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно“. Если смотрѣть на языки, какъ на различныя системы приѣмовъ мышленія, то отъ предполагаемой замѣны ихъ однимъ общечеловѣческимъ языкомъ мы можемъ ожидать лишь пониженія уровня мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, языкъ есть путь сознанія эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ и въ этомъ отношеніи различіе языковъ не менѣе важно, чѣмъ относительно познанія. Каждая мелочь въ строѣ языка должна давать бѣзъ нашего вѣдома свои особыя комбинаціи элементовъ мысли. Вліяніе всякой мелочи языка на мысль въ своемъ родѣ единственно и ничѣмъ незамѣнимо... Самыя сходныя нарѣчія представляютъ различныя музыкальныя инструменты, не замѣнимые другъ другомъ. Есть мысли и вѣщества, которыхъ не вызвать на общелитературномъ языкѣ никакому аланту, но которыя легко вызываются на областномъ нарѣчій. Въ слухѣ всѣхъ этихъ соображеній, дѣятельность мысли на иностранномъ языкѣ

исходитъ въ ущербъ не только мысли на отечественномъ языкѣ, но общей продуктивности (это положеніе профессоръ доказываетъ при-
рому творчества Тютчева). Вообще вліяніе двуязычности на дѣльные
роды, наприм., на чеховъ, неблагопріятно. Какой же смыслъ имѣеть
націонализація? Она имѣеть для подвергающагося ей народа значе-
е вытѣсненія формъ сознанія, т.-е. опустошенія сознанія. Можно ду-
тъ, что особенность и своеобразность народовъ существуетъ не на-
рекоръ ихъ взаимному вліянію, а такъ, что возбужденіе извнѣ яв-
ется однимъ изъ главныхъ условий, благопріятствующихъ развитію
рода такъ же, какъ вліяніе личности на другую не есть вытѣсненіе
слѣдней, а возбужденіе ея къ новой дѣтельности. „Взаимное воз-
жденіе народовъ предполагаетъ не ассимиляцію ихъ, а лишь взаим-
е приспособленіе“. Съ точки зрѣнія языка, подѣ понятіемъ о дена-
онализація слѣдуетъ разумѣть вовсе не то, что разумѣютъ поборни-
идеи народности, жалующіеся на разрывъ между высшими и низ-
ними слоями народа. Образованный человекъ не только не отдаленъ
тъ простолудина какою-то пропастью, но, напротивъ, имѣеть право
читать себя болѣе русскимъ, чѣмъ простолудинъ. Ихъ связываетъ
динство элементарныхъ пріемовъ мысли, важность которыхъ не ослаб-
ается отъ сложности работы мысли. На простолудина вліяетъ лишь
езначительная часть народной традиціи, а интеллигентъ приходитъ
тъ соприкосновеніе съ многовѣковымъ теченіемъ народной жизни. Мы
приходимъ, — говоритъ далѣе авторъ, — къ заключенію, что „если ци-
вильзація состоитъ, между прочимъ, въ созданіи и развитіи литера-
туры, то она не только сама по себѣ не сглаживаетъ народностей, но
одѣствуетъ ихъ укрѣпленію. По направленію къ будущему общече-
повѣчность въ смыслѣ сходства можетъ только уменьшаться. Она уве-
личивается лишь въ смыслѣ силы взаимнаго вліянія“.

Г. Пынинъ въ своемъ изслѣдованіи объ исторіи русской литературы
начала XIX столѣтія дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія по вопросу объ
отношеніи литературы къ народу и народной жизни. „Литература XVIII
и XIX вѣковъ, — говоритъ онъ, — очевидно, не была народною въ томъ
смыслѣ, что она не была доступна народу ни по содержанію, ни по
языку. Параллельно съ этимъ образованное общество, какъ говорится,
оторвалось отъ народа. Кромѣ того разрыва, который разъединялъ
высшій классъ отъ массы въ силу сословной привилегіи, былъ и дру-
гой разрывъ по складу понятій. И такой разрывъ неизбеженъ. Лите-
ратура, если она не остается на первоначальной ступени непосред-
ственного народнаго творчества, требуетъ школы, а школы-то и не
было. Такимъ образомъ, каковы бы ни были свойства самой литерату-
ры, причина ея разъединенія отъ массы лежала въ условіяхъ самой
этой массы. Литература, далекая отъ народа, тѣмъ не менѣе, съ са-
мага начала обнаружила несомнѣнную жизненность тѣмъ, что напра-
вила свои интересы на народную жизнь. Несомнѣнно, что литература и
въ XVIII вѣкѣ достигла бы большихъ результатовъ, если бы надъ ней
не тяготѣло общее положеніе русскаго общества. Это положеніе въ
смыслѣ общественнаго мнѣнія было совершенно безправнымъ. Лучшие
люди достаточно ясно высказали свое отношеніе къ народу; не вина
литературы, что зачатки здраваго пониманія не развились въ дѣльную
систему мнѣній; мысли лучшихъ людей остались одинокамъ заявле-
ніемъ, самыя имена ихъ были опальными. Вопросъ объ отношеніяхъ
литературы къ народу нерѣдко становился фатальнымъ. Литература
не могла сдѣлаться народной, потому что для этого нужно было гово-

рять о народѣ безъ умолчаній. Съ другой стороны, народъ и не имѣлъ зрѣвалъ о существованіи литературы. И такое же ненормальное и ненормальное же жenie сохраняется отчасти и донынѣ. Литература, не будучи народомъ не имѣла подъ собой надлежащей почвы, въ концѣ-концовъ, она была открыта всѣмъ нападеніямъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы отыскивать и развѣрнуть *недозволенные мысли и превратныя ученія*. Противъ такихъ нападеній она была беззащитна; общество лишено было всякой возможности высказывать свое отношеніе къ этому положенію вещей, и какъ и его голосъ былъ подъ тѣмъ же надзоромъ. Надзоръ, одинъ не былъ случайнымъ произволомъ; онъ исполнялъ указанія власти, на немъ отражалась и степень развитія массы общества—это былъ отголосокъ. Вся исторія литературы представляетъ борьбу просвѣдителей съ стремленіемъ меньшинства съ тою массой застою, упорной и инертности мысли, закоренѣлаго суевѣрія, которая господствовала въ громадномъ большинствѣ. Эти столкновенія должны были служить и для литературы указаніемъ, что для ея собственнаго интереса необходимо была забота объ этой „непросвѣщенной чернѣ“, пассивная косность которой становилась тяжелымъ препятствіемъ для всякихъ успѣховъ просвѣщенія и литературы. Все это, разумеется, совершенно вѣрно, только по отношенію къ прошлому, но и къ настоящему. Вѣдь, сущности говоря, въ теченіе вѣка взаимное положеніе народа и литературы измѣнилось не особенно значительно.

Очень интересенъ очеркъ г. Марусина: *Штатныя. Въ степи и предгорьяхъ Алтая*. Извѣстно, что въ дѣлѣ переселеній у насъ совершается много неладнаго и даже трагическаго. Переселившіеся въ Сибирь крестьяне часто не находятъ на мѣстахъ своего новаго селенія возможности существованія, а часто и мѣсть-то самихъ не находятъ и, потерявъ значительную часть членовъ своихъ семей, разрывшись окончательно и отошавъ до утраты человѣческаго облика бредутъ, питаются Христовымъ именемъ, на свои старыя мѣста, гдѣ превращаются въ безнадежныхъ пролетаріевъ-нищихъ. Причины такихъ грустныхъ явленій намъ отлично извѣстны—это беззаботность людей, которая должна бы быть заботливости, и полная неурядица и неурегулированность дѣла переселенія. Все это сводится къ тому простому требованію, что, молъ, дайте мужику земли въ достаточномъ количествѣ, а онъ ужъ самъ дальше съумѣетъ устроиться. Г. Марусинъ знакомитъ насъ теперь съ очень страннымъ, парадоксальнымъ явленіемъ изъ жизни переселенцевъ, которое не совсѣмъ-то согласуется съ такимъ простымъ и прямолинейнымъ утвержденіемъ. Представляетъ себѣ совершенно голоднаго „рассейскаго“ мужика, который у себя на родинѣ, что называется, и спалъ, и видѣлъ „землицу“ въ большомъ количествѣ. Оголодавъ въ дорогѣ въ Сибирь еще больше, онъ, какъ нецъ, дорывается до земли и начинаетъ работать до упаду. Земельная масса, и онъ съ жадностью хватается цѣлую уйму; онъ уже не пахаетъ землю, а просто жретъ ее. И вотъ онъ превращается въ „богатѣя“, закрома у него ломятся отъ зерна, во дворахъ его скотина не утѣщается; онъ перестаетъ работать; за него работаютъ другіе, самъ онъ живетъ помѣщикомъ. И вдругъ этотъ „богатѣй“ срывается съ мѣста, распродаетъ все имущество за безцѣножъ и идетъ искать новыхъ мѣстъ въ смутной и нелѣпой надеждѣ, что тамъ еще лучше будетъ, и земля будетъ больше, и достоинство ея выше. Онъ превращается въ „штатнаго“; иногда ему удастся устроиться и разбогатѣть и на новомъ мѣстѣ, а часто онъ разоряется и превращается въ нищаго. Но рѣдкѣ

усидить и на этомъ новомъ мѣстѣ, онъ дѣлается какимъ-то „вѣч-
 гъ жидомъ“, бродящимъ по Сибири. Несомнѣнно, что подобныя па-
 роксальные явленія рѣдки и исключительны. Но, во-первыхъ, не такъ
 рѣдки, чтобы на нихъ можно было обращать вниманія, а, во-
 вторыхъ, все же они не укладываются въ рамки обычныхъ объясненій
 стьянской бѣды и потому требуютъ новаго объясненія. Вотъ какъ
 объясняетъ это любопытное явленіе г. Марусинъ: „Мысленно пропуская
 медь собой шатуновъ-богатѣевъ, я нахожу одну общую всемъ имъ
 иту и въ ней лежитъ главная причина явленія. Всѣ они начинаютъ
 цимъ и тѣмъ же — голодомъ“. *Они не имѣютъ иныхъ стремленій,
 какъ желаній, кромѣ желанія утолить вызываемыя голодомъ боли и
 горяги.* Наконецъ, они достигаютъ цѣли своихъ многолѣтнихъ мечта-
 ... Но имъ всего мало, въ нихъ развивается неутолимая жадность
 землѣ; помня горькое прошлое, они только и думаютъ о томъ, какъ
 захватить въ свои руки кусокъ побольше и пожирнѣе... А личныхъ
 уже не хватаетъ, онъ давно истощены и цѣликомъ отданы зем-
 ... А дальше все идетъ какъ слѣдуетъ: разрывъ съ личнымъ земле-
 льческимъ трудомъ и переходъ къ насмному труду, эксплуатація
 ижняго, ссуды, торговля. И вотъ превращеніе готово: вмѣсто корен-
 то пахари, передъ нами чистокровный стяжатель; онъ уже не ходитъ
 земель, а самымъ безсовѣстнымъ образомъ грабитъ ее. „Перепако-
 ивши“ все, что только можно, онъ жадно ловитъ слухи о томъ, гдѣ
 де есть цѣлина, гдѣ онъ можетъ продолжать свое грабительское дѣло;
 мучивъ нужныя свѣдѣнія, онъ уходитъ туда. Годы идутъ, и стяжа-
 льскую душу охватываютъ тоска, тревога; онъ мечется изъ стороны
 въ сторону, переходя съ мѣста на мѣсто, разстраивая свое хозяйство
 постепенно спускаясь на ту ступень, съ которой началъ—къ бѣдно-
 ги... Передъ нами „шатуны“, завершившій весь кругъ своей дѣятель-
 ости. Что такое шатуны-хищники по своему внутреннему содержанию?
 ынъ голоднаго отца и самъ нѣкогда голодный, онъ съ дѣтства не
 налъ иного стремленія, кромѣ стремленія утолить муки голода, къ
 тому сводились всѣ его помыслы; въ насыщеніи онъ видѣлъ весь
 мысль своей жизни. Его душа выѣдена, его сознание опустошено. И
 отъ такой-то человѣкъ, видѣвшій кругомъ съ дѣтства только такіа
 те опустошенныя души, получаетъ возможность удовлетворить стрем-
 леніе, бывшее цѣлью жизни для нѣсколькихъ поколѣній его предковъ.
 7 него кружится голова; онъ теряетъ почву отъ нахлынувшей массы
 ювыхъ впечатлѣній. Лично онъ начинаетъ насыщаться, но голодъ нѣ-
 желькихъ поколѣній не знаетъ насыщенія. Казалось бы, что онъ до-
 лжить всего, о чемъ мечталъ. Но въ опустошенной душѣ нѣтъ мѣста
 ннымъ стремленіямъ, инымъ побужденіямъ, которыя можно бы противу-
 ооставить жаднѣ насыщенія, перешедшей въ стяжательство, а такъ
 какъ безъ цѣли человѣкъ жить не можетъ, то онъ начинаетъ страстно
 искать ее, метаться изъ стороны въ сторону; окружающее уже не удов-
 летворяетъ его. Но цѣль онъ можетъ искать только въ одномъ направ-
 леніи... удовлетворенія онъ не найдетъ, потому что стяжательство не
 знаетъ границъ. И вотъ шатуны съ опустошенной душой, съ истерзан-
 нымъ, жаждущимъ успокоенія сердцемъ бродить, не зная отдыха, не
 видя конца своимъ скитаніямъ.

Странное, парадоксальное явленіе, какъ видите, оказывается со-
 всѣмъ не парадоксальнымъ, а, напротивъ, типическимъ. Причина его
 лежитъ въ жизни цѣлаго ряда поколѣній, направлявшихъ всѣ свои по-
 мыслы на кусокъ хлѣба,—поколѣній съ выѣденною душой и опустошен-

нымъ сознаваемъ. Очевидно, что простыя формулы не приѣмны въ такой странной жизни, гдѣ значительная масса живущихъ оказывается людьми съ опустошеннымъ сознаниемъ. Для устранения крестьянскаго бѣды, конечно, прежде всего, необходима экономическая основа жизни и въ особенности необходимы прочность и устойчивость этой основы. Но это не все, что необходимо; одной экономической основы мало. Нужно еще и нѣчто иное; нужно удовлетвореніе высшихъ духовныхъ потребностей человѣка и пробужденіе этихъ потребностей. Крестьянъ, нужна еще и душа, въ широкомъ смыслѣ этого термина. Широко въ этомъ отношеніи можетъ сдѣлать многое, но далеко не все. Необходимо широкое, энергичное и всестороннее воздѣйствіе интеллигенціи на массу; необходимы и общественныя условія, дѣлающія возможнымъ такое воздѣйствіе. Иначе душа опустошится безнадежно и непоправимо. Надо искать дороги, ибо работы страшно много.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 ок-
тября 1895 г.**

- Гаеоновъ, В. К.** Настоящее и прош-
лое земли (популярная геологія). Изд.
Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Грольдъ, Эдвинъ.** Свѣтъ Азии.
Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова.
Изд. П. К. Прияшниковъ. Москва,
1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арсеній, Г.** Капризъ. Пов. 2-е изда-
ніе. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Закофъ, Э.** Карта російскихъ же-
лѣзныхъ дорогъ. Изд. Маркса. Спб.,
1895 г.
- Зорисовъ, Е. И.** Систематическій
сводъ постановленій елисаветградскаго
уѣднаго земскаго собранія за 1866—
1895 гг. Елисаветградъ, 1895 г.
- Гвѣдичъ, П. П.** Китайскія гѣны.
- Гроссъ, Г.** Экономическая система Кар-
ла Маркса съ научной стороны. Попу-
лярный очеркъ. Изд. Ф. Павленкова.
Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Grau, Charlotte.** Значеніе женщины
въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Москва,
1895 г. Ц. 20 к.
- Даневскій, В. П., проф.** Приго-
товительныя къ суду распоряженія.
Харьковъ, 1895 г.
- Джаншѣвъ, Гр.** Судъ надъ судомъ
присяжныхъ. М., 1895 г.
- Дитятинъ, И.** Статьи по исторіи рус-
скаго права. Изд. О. Н. Поповой. Спб.,
1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Добролюбовъ, Александръ.** *Natura naturans.* Спб., 1895 г.
- Докладъ волоколамской уѣдной земской
управы по экономической части.
- Дріль, Дмитрій.** Преступность и
преступники. Изд. Канторовича. Спб.,
1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Dujardin-Beaumez, prof.** Искус-
ство прописывать рецепты. Перев. съ
франц. д-ра В. К. Панченко. Паданіе
Н. П. Петрова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ежегодникъ тобольскаго губернскаго му-
зея. Вып. III. Тобольскъ, 1895 г.
- Жептовъ, Э.** Кость и золото. Изд.
2-е И. Жиркова. М., 1895 г. Ц. 3 к.
- Жирковъ, И.** Спасибо отцу. Рассказъ.
И. С. И. Жиркова. М., 1895 г. Ц. 5 к.
- Жирковъ, И.** Нѣтъ худа безъ добра.
Рассказъ. Изд. 2-е И. Жиркова. М.,
1895 г. Ц. 3 к.
- Зеленый, П. А.** Докладъ по вопросу
о сельско-хозяйственномъ кривисѣ.
— Докладъ „о тѣлесныхъ наказаніяхъ“.
Елисаветградъ, 1895 г.
- Земскій сборникъ** Черниговской губерніи
1895 г. №№ 4—5. Черниговъ, 1895 г.
- Калугинъ, И.** Задачи общей зо-
отехніи.
- Каптеревъ, П. Э.** Душевные свой-
ства женщины. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Карышевъ, И. А.** Основы истинной
науки. Книга II. Составъ человѣческаго
существа, жизнь и смерть. Спб., 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.
- Каутскій, Карлъ.** Очерки и этюды.
Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кватцъ, Э.** Причины смертности груд-
ныхъ дѣтей воспитательныхъ домовъ.
М., 1895 г.
- Ковалевскій, Максимъ.** Проис-
хожденіе современной демократіи. Т. II.
Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1895 г.
Ц. 2 р. 50 к.
- Колеръ, Г., проф.** Шекспиръ съ
точки зрѣнія права. Изд. Канторовича.
Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Комментарій къ четвертому изданію рос-
сійской фармакопеи. Сост. И. Каль-
нинъ. Т. III. Вып. X. М., 1895 г.
- Коппе, Р.** Алкогольная хилость. М.,
1894 г.
- Коровинъ, А.** Общественная борьба
съ пьянствомъ въ Англіи, Швейцаріи и
Германіи. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Корелинъ, М.** Паденіе античнаго
миросозерцанія. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Кравчинскій, Дмитрій.** О хозяй-
ствѣ въ дѣсахъ. Изд. 2-е К. И. Тихоми-
рова. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- Крестный календарь** Гатлука на 1896 г.
Ц. 15 к.
- Крыловъ, И. А.** Басни. Изд. Жир-
кова. Въ 4-хъ книгахъ. М., 1895 г.
Цѣна каждой книгѣ 5 к.
- Лависсъ, Е., и Рамбо, А.** Куль-
тура и цивилизація Западной Европы
въ эпоху крестовыхъ походовъ. Пер.
съ франц. съ предис. Виктора Михай-
ловскаго. Изд. П. К. Прияшниковъ.
М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Леонтьевъ, А.** Волоостной судъ и
юридическіе обычаи крестьянъ. Изд.

- книжного магазина Н. К. Мартынова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Летурно, Ш.** Социология, основанная на этнографии. Вып. I. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Ляцѣнко, А. I.** Басня И. А. Крылова „Водолазы“. (По поводу статьи г. Печасова: „Объ отношеніи Крылова къ наукѣ“). Спб., 1895 г.
- Меньшиковъ, Н.** Начальная географія (для Орловской губерніи). Курсъ начальныхъ школъ. Орелъ, 1895 г.
- Мерцаловъ, А. Е.** Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Изд. Л. Ф. Пантагелова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Мережковский, Д.** Отверженный. Романъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мензбиръ, М. А.** Птвцѣ Россіи. Вып. V, VI, VII. М., 1895 г. Цѣна семи выпускамъ 10 р.
- Морозовъ, П.** Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи. Изд. департа. торговли и мануфактуръ. Спб., 1895 г.
- Мурашкинцевъ, Н.** Страхование скота. Казань, 1895 г.
- Никифоровскій, Н. Я.** Очерки простонароднаго жителя-бытья въ витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1895 г. Ц. 3 р.
- Новицкая, А.** Южно-Уссурийскій край и переселенцы.
— На краю свѣта. Изд. хар. общ. расп. въ нар. грам.
- Нотнагель, Г., и Росбахъ, М.** Руководство къ фармакологіи. Ч. I и II. Спб., 1895 г. Цѣна за оба части 4 р.
- Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1864 г.** Полтава, 1895 г. Ц. 1 р.
- Отчетъ о дѣятельности воронежской коммиссіи народныхъ чтеній за 1894—95 г.**
- Отчетъ тверской губернской земской управы о взаимномъ земскомъ отъ огня страхованія за 1894 г.** Тверь, 1895 г.
- Папернъ, Г. А.** Спирова, Биографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Петровъ, Н. В.** Инвентарь американскаго пчеловодства. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Какъ кормить и поить пчелъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 85 к.
- Penzoldt, F. dr., Hintzing, R. dr.** Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болязней. Вып. II и III. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1895 г.
- Покровский, П. А.** Сравнительное значеніе санитарной и медицинскій науки въ вопросѣ о боевой силѣ арміи. Ковно, 1895 г.
- Порозовская, Б. Д. А. Д.** Меньшиковъ, его жизнь и государственная дѣятельность. Биографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Предтеченскій, Е.** Астрономъ-лю-
- битель. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- П., Д.** Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Путеводитель по всей Сибири и Средней Азіатскимъ владѣніямъ Россіи.** Изд. В. А. Долгорукова. Томскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Рихтеръ, Е.** Элементарная геометрія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Ришаръ, Ш.** Начало и конецъ міра. Изд. Сойкина. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Рубакинъ, Н. А.** Испытанія доктори Исаака. Изд. 3-е Жиркова. М., 1895 г. Ц. 5 к.
- Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.** Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Свѣдѣнія о ветеринарно-санитарномъ состояніи Московской губерніи. № 2,** за февраль 1895 г.
- Сирота, И. М.** Практическіе курсы русскаго правописанія. Ч. II. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Смирнова, В. Д.** Аксаковъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Сторожевскій, В.** Для дѣтскихъ сценъ: 1) „Квартирантъ“, вод. въ 1-ю дѣйствія. 2) „Переполюхъ въ сельской школѣ“, вод. въ 1-ю дѣйствія. Баку, 1892 г.
- Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи.** 1895 г. Вып. II. Спб., 1895 г.
- Таргонскій, В. А.** Характеристика мѣстностей, подверженныхъ грабобитіямъ въ Европейской Россіи. М., 1895 г.
- Тимирязевъ, К.** Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія. Изд. В. Н. Марашева. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Трачевскій, А., проф.** Русская исторія. Ч. II. Изд. Риккера. Спб., 1895 г. Цѣна за 2 части 8 р.
- Тютчевъ, Ф. Радовой Саватьевъ.** Раз. Изд. 2-е И. Жиркова. М., 1895 г. Ц. 5 к.
— Одинъ день на полѣ сраженія. Раз. Изд. 2-е И. Жиркова. М., 1895 г. Ц. 3 к.
- Tillmanns, Hermann, Dr.** Руководство общей хирургіи. Вып. II. М., 1895 г. Цѣна за оба вып. 7 р.
- Фирсовъ, П.** Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Фирсовъ, В.** Рассказы и легенды. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Харузинъ, Н. Н.** Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. М., 1895 г.
- Чернявскій, М.** Писни кохилъ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 65 к.
- XXVI-й годовою отчетъ выс. утв. общ. для распространенія Св. Писанія въ Россіи за 1894 г.** Спб., 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

І. КНИГИ.

	Стр.
Беллетристика: „Три конца“. <i>Д. Мамма-Сибиряка.</i> — „Записки духа“. <i>Л. Величко.</i> — „Китайскія гѣны“. <i>П. П. Гмѣдича.</i> — „Собраніе стихотвореній“ <i>истора Гюю</i>	483
Философія и психологія: „Вопроси Философіи и Психологіи“. — „Современная германская психологія“. <i>Т. Рыбо.</i> — „О чувственной памяти“. <i>Ело же.</i> — „Созгъ и мысль“. <i>Проф. Генрика Гойера.</i> — „Геніальность и помѣшательство“. <i>Ломброзо</i>	490
Исторія: „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.“. <i>В. Бузескула.</i> — „Древняя гражданская община“. <i>Фюстель де-Куланжа</i>	498
Политическая экономія: „Очерки политико-экономической литературы“. <i>Х. Бунте.</i> — „Къ ученію о цѣнности“. <i>Вл. Дена.</i> — „Промышленная исторія нгліи“. <i>Г. Гиббинса</i>	501
Юридическія книги: „Юридическія изслѣдованія и статьи“ <i>А. Х. Гольмстена.</i> — „Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 г.“.	508
Техническія книги: „Практическое руководство къ построенію динамомашинъ съ постояннымъ токомъ“. <i>Л. А. Боровича.</i> — „Курсъ нижней геодезіи“. <i>Вика.</i> — „Очеркъ физическихъ основаній электро-техники въ общепонятномъ изложеніи“. <i>Эпштейна.</i> — „Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксы, синьки колесной мази“. <i>Д-ра А. А. Леонарда.</i> — „Ретушь и раскрашиваніе фотографій“. <i>Изд. Шепанскаго.</i> — „Химія каменноугольно-газового производства“. <i>Альфреда Ванклина.</i> — „Извлеченіе золота цѣвистымъ калиемъ въ Южной Африкѣ“. <i>Г. Китасава.</i> — „Кожевниное производство“. <i>М. А. Рылова.</i>	513
Сельское хозяйство: „Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений въ Кавказѣ“. — „Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ“.	

„Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ“. — „Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошадей?“ *М. А. Исакова*. — „Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы“. *А. А. Золотарева*. — „О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія“. *К. Э. Лидедема*. — „Первый съѣздъ агрономовъ тамбовскаго губернскаго земства“ 5

Изданія для народа: Наша лубочная литература 5

Справочныя книги и календари: „Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи“. *Н. А. Гурьева и В. А. Доморучкова*. — „Крестный календарь на 1896 г.“. *А. Гатиука*. — „Современный календарь на 1896 г.“. *А. Д. Ступина* 5

II. Периодическія изданія.

„Русское Богатство“, августъ. — „Сѣверный Вѣстникъ“, сентябрь. — „Вѣстникъ Европа“, сентябрь 5

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

нижнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,
коммисіонера общества любителей російской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

нижний магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изда-
я, подписку на все издающіеся въ Россіи журналы и газеты
высылаетъ все существующія въ продажѣ книги. За пересылку
нигъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ
быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала
„Русская Мысль“.

енкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и
рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ
предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М.
Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Путевые очерки. Перев. В. М. Лавро-
ва. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Потоцъ. Переводъ В. М. Лаврова.
Цѣна 3 руб.

Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Ла-
врова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

жешкова, Элиза. Повѣсти и раз-
сказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.

ицкевичъ, Адамъ. Крымскіе со-
веты. Переводъ съ польскаго Л. Мед-
вѣдева. М. 1895 г. Ц. 30 к.

одъ, Альфонсъ. Портъ-Тараскопъ.
(Послѣднія приключенія знаменитаго
Тартарева). Перев. М. Н. Ремезова.
Цѣна 1 руб.

Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ре-
мезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

онша, Клеменсъ. Сизифъ. Кар-
тинки деревенской жизни. Перев. съ
польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к.,
съ пересылкою 65 к.

е-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце.
романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

ртель, А. И. Гарденины, ихъ двор-
ня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
съ пользою воскресныхъ школъ. Сборникъ.
Цѣна 75 к.

ослѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній
русскихъ поэтовъ, составленный и из-
данный редакціею журнала „Русская
Мысль“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

одписчики „Русской Мысли“ на все ИЗДАНІЯ РЕДАКЦИИ, кромѣ народныхъ, пользуются
уступкой 10%.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ.
(Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки
и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. (Вто-
рое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье
изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьян-
ствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н.
Толстого: „Для чего люди одурманиваютъ
ся?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). На-
шихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р.,
съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстри-
рованные чтенія по культурной исторіи.
Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II:
Средневѣковая церковная готика. Одоб-
рено ученымъ комитетомъ министерства
народнаго просвѣщенія для ученическихъ
старшаго возраста библиотекъ учебныхъ
заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна
1-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.

Мачетъ, Григорій. Силуэты. Томъ
второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Вогословскій, В. С., проф. Пяти-
горскія и съ ними смежныя минераль-
ныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р.
50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жи-
зни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки.
Цѣна 1 руб.

— Литературныя очерки. Цѣна 1 руб. Пе-
ресылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закономъ. Словарь для
сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан Островъ Сахалинъ. (Изъ
путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ.
Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего их собирают? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мушкетеръ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за ними! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Рассказъ про смутное время на Руси. Цѣна 1½ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 коп.
Короленко, В. Г. Убийствъ. Цѣна 1½ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бѣніе, вечера и утрава, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василия Великаго и Пржедсващенныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга общаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

***Абровъ, Н.** Отъ Марсея до Одессы черезъ Аены и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе тригонометрическихъ задачъ по ариметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе вѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Сиб., 1894 г. Ц. 60 к.

***Азбелевъ, И. П.** Японія и Корея. Забѣты изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

***Александровъ, Д. А.** Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексій Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.

Альгрень. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Сиб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ нитяельныхъ и др. веществъ. Сиб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Сиб., 1892 г. Ц. 50 к.

***Алябьевъ, В.** Связка витимныхъ шпесемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Пе-

реводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За граду и за честь женщины. Противъ Брейеровою соваты Л. Н. Толстого. Сиб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Праздникъ и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго языка Ливинка. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Сиб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-слесарь, опытъ, наставленія граковника, поселивъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15к.

— Какъ дѣлать простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Велода, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эским. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Сиб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Сиб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ, съ 44 картинками. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картины. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картины жизни. 39 рассказовъ Сербата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его писемъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ и чуждымъ Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Сиб., 1893 г. Ц. 10 к.

- Безобразовъ, П. В.** Историческія статьи (вып. 1). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Женить двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
- Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Безъ, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ дѣствницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Бендциулъ, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Офиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Веръ, Альфредъ.** Гигіена сифлиса. Общедоступное изложене, какъ предохранить и лечить себя отъ сифлиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Бергергофъ, Г.** Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Бернетъ, Френсисъ.** Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
- Бергеръ, Поль.** Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Бернксенъ, А.** Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Бессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей.** Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиотека экономистовъ.** Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Библиотека-крошка.** Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и ии. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Юганцова. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- *Вильдерлингъ, А.** Просвѣтителіи Россіи. Фототипія исполнены въ мастерской А. И. Вильборга. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Бичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Благовѣщенскій.** Визельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Блеклей, Т. Т.** Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техникувъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блекки.** Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Блекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Блокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Деметьевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Блокъ, Ю.** Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
- Воборыкинъ, П. Д.** Трунъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- Вогдановъ, профессоръ.** Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
- Вогдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Вокль.** Исторія цивилизаціи въ Англии. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Исторія цивилизаціи въ Англии въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Вородинъ, И.** Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воровичъ, Л. А.** Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричныя паровыя котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 политипажами въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Воттонъ.** Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложений. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Врайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- *Брассъ, Леонъ.** Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ французскаго Бессонъ инженеръ-технологъ. Спб., 1895 годъ. Ц. 1 р.
- Браунъ, М., проф.** Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Брикнеръ.** Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Брискъ.** Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Брусилевскій, Е.** Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на велевой бум. 60 к.
- Брюкке, Эрнестъ.** Красота и не-

- достатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Врѣмъ, А.** Жизнь животныхъ. 180 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вых.
- Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.“). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
- Врѣмъ.** Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
- Вуанъ, Эмиль.** Гальваноопластика, никелированіе, золоченіе, серебряніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Буасье, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цацеронъ и его друкъ. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе аццковъ. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
- Бугаевъ, Н.** Задачникъ къ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
- Задачникъ къ ариметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ ариметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Ариметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Бузольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство в мѣня о немъ Е. Виоле-ле-Дюка и Ф. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутъ, Вильямъ.** Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Вьернстьерне Вьернсонъ.** Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Новобрачные (комедія). 1865 г. Сягурдъ крестовосецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 85 к.
- По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Вълецкій, И.** Почвовѣдніе. Образование почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Варъ, Адольфъ.** История всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 8 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
- Варъ, Поль.** Первые понятія о зоологіи. (8-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вюрстенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшение земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
- Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
- Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Артельные начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вагнеръ.** Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
- Какъ приобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романъ: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монгрозѣ; 3) Абатъ; 4) Антикваріи; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певерль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Ланное Сердце; 19) Вулстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
- Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1836 г. Ц. 2 р.
- * **Вальтеръ, проф. Море** и его жизнь. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ванковъ.** Поливныя карманныя техникы. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техникувъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфологія, анатомія и физиологія растений). Подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцова, съ предисловіемъ Тамиряева. 477 полит. М., 1895 г. Ц. 8 р. 75 к.
- Ванкливъ, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варио, Ж. Дѣтскій докторъ.** Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Вахтеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- * **Введенскій, Алексѣй.** О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- * — П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- * — О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
- * — Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- * — Рѣчь передъ вѣщатою диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

- * — Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
- * — Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіевъ Посадъ. 1894 г. Ц. 3 р.
- * — Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Вегеле, Францъ.** Дантъ Алигерри, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
- Вегетарианская кухня.** Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитков для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетарианства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые рассказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. 1, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.
- Верецагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Винкельманъ, I. I.** Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
- Виноградовъ.** Ectemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Н. Федотъ.** Диалогъ объ идеѣ „безсмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
- Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.
- Владимірова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Владиславлевъ, М.** Убѣдникъ логики. Одобрень ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I. Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальные стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
- На отдыхъ. Иллюстрирован. рассказы

- для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 85 к. Спб.
- Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ перешить 2 р. Спб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработанное). Спб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Спб., Ц. 40 к.
- Войнаровский, П.** Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другихъ примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 85 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки пластовыхъ историческихъ полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построение частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Вориггоферъ, С.** Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Святанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Душа и мозгъ. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- *— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, примененная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р. Гердеръ,** его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II. ц. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гамбурцевъ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учреждений по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гано, А.** Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Рюкновскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсоева. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- *— Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Гаринъ, Н. Дѣтство Тѣмъ.** Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Гартвицъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Гаспари, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Гегаръ-Альфредъ.** Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гейнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Арачевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гервинусъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А.** Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.
- Гердеръ.** Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминновъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растений. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ жили московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- *— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Гертвицъ, Оскаръ.** Клітка 1. Кліни. Основы общей анатоміи и физіологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1878 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- ***Гиббинсъ, Г.** Промышленная исторія Англіи. Переводъ съ англійскаго съ

- примѣчаниями и предисловіемъ Каменскаго. Культурно-историческая библиотечка № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсаевъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- ***Гилларовъ, А. Н.** Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Киевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Гиршъ Вильямъ, д-ръ.** Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Глинскій, А. Г.** Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Глинскій, В.** Биографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государств. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Говсѣева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вопросы государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Головачева-Панаева.** Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій смѣнякъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гольцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Головъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Гонюндзскій, Э. А.** Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Машинны и ставки для обработки картона. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Гораціи Сатиры.** Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Киевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, Л.** Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горнь, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Горстманъ, А.** О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Госпиталье, Э.** Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гофштеттеръ, И.** Доктрины капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Грабинъ, А. Т.** Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Гравинкель.** Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Гранатъ, А., и К^о.** Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ издѣ колѣн. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета и 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ издѣ колѣн. пер. 6 р.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучинскаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Григоровичъ, И. И.** Очерки новейшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
- ***Гримо, Э.** Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- ГРИММЪ.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.

- Книжка II млад. в., 6. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- ГРИММЪ, БРАТЯ.** Сказки. 13 выд. М., 1894 г. Ц. по 20 к. выд.
- ГРИММЪ, Д.** Очерки по ученію объ обогащеніи. Слб., 1893 г.
- ГРИНЪ, ДЖОНЪ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
- ГРОМЕКА М. С. О. Л. Н. Толстомъ.** Изд. 5-с. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- ГРОТЪ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- *— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- *— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
- *— Устон нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
- *— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
- *— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- ***ГРУЗИНЦЕВЪ, А. П.** Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
- ГРӨХӨМЪ, Ж. Ж. Русо.** Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- ГУБЕРЪ, Механика.** Изд. 2-е. Слб., **ГУЛИШАМБАРОВЪ.** Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Слб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
- ГУРЛЯНДЪ.** Римскій кристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- ГУСТАФОНЪ, Р.** Сказан. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Слб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
- ГУСТАВОНЪ.** Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ГЮББАРЪ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- ГЮГО, Викторъ.** Сочиненія въ двухъ томахъ. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
- Отважный предводитель негровъ Бугъ-Жаргаль. Слб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
- Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждого выпуска 20 к.
- Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за выд.
- Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за выд.
- ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П.** Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Слб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- ДАНИЛЕВСКІЙ, Александръ.** Основное вещество протоплазмы и его изоморфизменія жизнью. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.
- ***Данилевскій, В. Я., проф.** Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- ***Данилевскій, Н. Я.** Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Слб., 1889 г. Ц. 2 р.
- ДАНТЕ, Алигьери.** Божественная комедія. Азб. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ДЕБО, ЭМИЛЬ.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЕКАНДОЛЛЬ, АЛЬФОНСЪ.** Мѣсто происхожденія воздѣлываемыхъ растений. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
- ДЕМИНЕВЪ, В. М.** Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.
- ДЕППЪ, Г. Ф.** Бездымное сжиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Слб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Ф.** Навеас Согрива Актъ и его приостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ДЕМОСЕНЪ.** Олиньскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Киевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Киевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- ДЕФӨ.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- ДЖАБАДАРИ, И. С.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- ДЖЕРОМЪ, К.** Праздники мысли гѣтита. Киевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- ДИККЕНСЪ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. т. Слб., 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- ДЛУССКІЙ.** Стенографія. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ДОБКЕВИЧЪ, В.** Конспектъ по уголовному процессу. Составилъ примѣнительно къ программѣ юридической комиссіи по судебнымъ уставамъ императора

- Александра П. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оброе дѣло.** Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, М. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стерня, С. Филипова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
- Оброторскій, П.** Разказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Одоновъ, А. М.** Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.
- Ододъ, Альфонсъ.** Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Дриль, Дм.** Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Тройзень, Д. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Траперъ, Дж. В.** Исторія умственного развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Цѣтское Чтеніе.** XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зносмскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Меоодій, первоучитель славянской Рѣчи, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меоодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Дюмуленъ.** Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Дюрсенъ, А., д-ръ.** Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ третьяго дополннаго и исправленнаго изданія, съ 105 рас. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- *Дю-Прель, Карль.** Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Евневичъ.** Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская бібліотека.** Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тэвъ, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Елпатыевскій, С. Я.** Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ечинацъ, А.** Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
- Жакъ, Э.** Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Желанскій, А.** Скамья и кафедра. Разказы изъ гимназической жизни семидесяти годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Женъ, Рудольфъ.** Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жоржъ-Зандъ.** Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жуковъ, Николай.** Электротехнологія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Жюль Вернъ.** Ректоръ Сервалль, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Жэ.** Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Забѣлинъ, И.** Кунцево и древній Сѣвѣнскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Замысловатый квадратъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Записки желудка.** Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Засодимскій, П. В.** Залушныя рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
- Затруднительное путешествіе.** (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пер. 25 коп.
- Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства.** (Изданіе неофиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквѣ Ъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію Ф. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментарии къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Критическіе комментарии къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чохотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Золя, Эмиль.** Серия романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишечъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Свадьба Юланты и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Верта.** Долой оружіе. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Пригдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Балъмонта М., 1894 г. Ц. 50 к.
- *— Маленкій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ портретомъ автора и краткими свѣдѣніями объ его жизни и литературной дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая рѣчь французскаго театра въ связи съ философіею XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпости права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита и астоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба и право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Игра футболь съ политическими въѣздъ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Изъ дневника Амѣли. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека.** 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Петровской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп.
- 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894 г.
- Иллюстрированная пушкинская бібліотека** (Изд. Павленкова), состоящая изъ 10 книжекъ со многими иллюстрац., цѣна отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
- Иллюстрированная Лермонтовская бібліотека** (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
- Ингремъ, Джонъ.** Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
- Кадія.** Электричество. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- ***Казанскій, А.** Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Камаровский, Л., проф.** Война и миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ итательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Канторовичъ, Я.** Литературная ответственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануилъ.** Прологъ ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандезъ, Ф.** Приключеніе смерти. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

арасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 10 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

аронинъ (Петропавловскій). Рассказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.

аро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р., Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

арышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего ижеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Духовно-нравственный міръ въ чело-вѣкъ по учению св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Составъ челоуѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ челоуѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

*— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халаянскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Иогансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. I-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1891 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкоу. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ мед. Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ формахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихъся. Въ 2 томахъ, съ 278 рис. Русское изд. третье. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Э. Элементар-

ный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.

* **Клау, Э. Э.** Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ. Съ 34 политиважными въ текстѣ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Кнейпъ, Севастьянъ. Мое водолечение. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леофлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхождения семьи и собственности. Лекція, читанная въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждого тома 2 р. 50 коп.

* **Козловъ, А. А.** Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.

*— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

*— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.

*— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни“. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

*— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣстѣ „Философскаго трехмѣсячника“. Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III. Отношенія, пропорціи и правила тройныя (простое и сложное), простыхъ процентовъ, учета векселей, цѣнное, пропорциональнаго дѣленія, смѣшенія и уравненія сроковъ платежей (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

*— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

* **Козлинина, Е. И.** Обездоленные дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

* **Колеръ, I., проф.** Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

- Коломанъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.
- * **Колубовскій, Я.** Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кольбе.** Введение къ учению объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Колѣ, Л.** Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его историография. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждого вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чадотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждого вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнигъ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, Н. А.** Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Костычевъ, П.** Общедоступное руководство къ земледѣію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочная книжка по винокурению для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ.** Начальная свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Бесѣды по земледѣію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Ширококошвен. мушкетерскія растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.
- Коченовскій.** Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней.** Составленный прикомандированной къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Крафотъ-Эбингъ.** О цорваніи большихъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
- Судебная психопатология (Переводъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.
- * — Прогрессивный общій параличъ. Переводъ д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Адамы, группы и портреты. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кривенко, Н.** Бесѣды о рогахъ скотовъ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
- * **Кривенко, С. Н.** На распутіи (Культурные сны и культурныя очерки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- * **Кривошеинъ, Г. Г., и Саткивичъ, А. А.** Военные инженеры. Высшій мость со среднимъ шарнирнымъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Криста, М.** Конецъ крейцеровъ севастополя Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
- Криницкій, Маркъ.** Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Крихлеръ, Францъ.** Пороки собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, задатныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. въ роскош. перепл.—2 р.
- Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. рассказ. и стихотвореній, съ 45 рисунками въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Добрымъ дѣтямъ иллюстрированныя рассказы въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Крыловъ, И. А.** Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстроч. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 8-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Бѣльскъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Куглеръ, Францъ.** Руководство къ исторіи искусства, обработан. Л. Ва. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рис.—

кстѣ, ч. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ч. р. съ 167 рис. М. 1870 г.

Руководство къ исторіи живописи со временемъ Константина Великаго. Перев. К. Васильева, съ портрет. автора. М., 7 р. М., 1872 г.

ЗЫМИНСКІЙ, К. Н. Устройство сценъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

ЛАГИНЪ Н. Наѣвкомья, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

ЛЕШОВЪ, П. Свиноводство. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Научныя и практическія основанія породы племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

УНО - ФИШЕРЪ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсидина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

УРБОСКІЙ, А. С. Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

УРЦИУСЪ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1880 г.

УБРЮЙЕРЪ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Премо-Парадоля и Севтъ-Бѣва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

АБУЛЪ, Эдуардъ. Голубныя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

АВЕЛЪ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

АВИСЪ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

АМПРЕХТЪ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

АНГЕ, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

АНДЦЕРТЪ, В. П. Спутникъ по Россіи. Дѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.

***АОСИ.** „Тао те кингъ“. Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Коноиси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

ЛЕББОКЪ, Дж. Красота природы и чуда мира. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полт. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

— Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

***— Какъ надо жить.** Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

ЛѢБЕ, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслосдѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

ЛѢВЕНФЕЛЬДЪ, Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

ЛЕВИЦКІЙ, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.

ЛЕВИТОВЪ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

ЛЕ-БОНЪ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

ЛАДВЕЗЪ. Фото-сенія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

ЛЕЙБНИЦЪ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

***— Избранныя философскія сочиненія.** М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕЙНЕНБЕРГЪ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мнѣнія 45 выдающихся ученыхъ о вліяніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

ЛЕОНТЬЕВЪ, Н. І. Указатель вѣсь для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

ЛЕССИНГЪ, Г. Мина фонъ-Барнфельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсидина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

— Дрататич. соч.: Мина фонъ Барнфельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

ЛЕСГАФЪ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.

ЛИВІЙ, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Цодгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

***ЛИДОВЪ, А. П., проф.** Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Съ 38 рисунками въ текстѣ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.

ЛИППЕРТЪ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

ЛИ, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

- Лихие наѣзники. (Шутка-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 р.
- Лодыгинъ, П. Дѣдушкины рассказы о лошади—кормилцѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- *Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- *— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
- Лотце, Германъ. Микрокосмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Въстало хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волосѣхъ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Бѣшеная лодина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 281 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
- Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
- Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Мазуринъ, К., и Высоцкій, И. Формулы по арметикѣ, алгебрѣ, метри, тригонометри, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному численіямъ для рѣшенія задачъ по высш. математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С. Отголоски старинной Историческіе рассказы для дѣтей. М. 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ комбинированномъ перевелѣ 1 р. 30 к.
- Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
- Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимъ Ковалевскій. Прохождение современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Кудъ хлѣба и его похождение. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона народонаселенія. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣла. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к. въ папкѣ 75 к.
- Акъ-Боватъ. Рассказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Уральскіе рассказы. Т. II. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- *— Три конда. (Уральская хлѣбная). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Мантегацца, П. Физиологія любви. Второе исправленное изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Физиологія женщин. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
- Мартъ, Констанъ. Философія и этика-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Материалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
- Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1896 г. Г. 3 р.
- Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловичъ, Н. Татылиныя дѣла 11 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 к.
- Маудсли, Генри. Сонъ и снѣданія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Мауреръ, Людвигъ. Всадникъ на

- Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невядомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
- Моръ.** Краткая этимология греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ***Мороховецъ, Левъ, проф. Им. Моск. унив.** Физико-химическія основы биологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физиологической техникой для естественспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Москвичъ.** Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.
- Мостовскій М.** Этнографическія очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1895 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мункъ, I., д-ръ мед.** Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Мусселіусъ, В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мудреный кругъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Мясницкій, Ив.** Замоскворѣцкія свѣдѣнія. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- ***N. N.** Слаженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Д. Д. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1866 гг.). Спб., 1867 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьернсона - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Риншена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собрани сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ палкѣ 1 р.
- Неверъ, Эмилія.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2 хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оелка-рукокопъ. Повѣсть для дѣт. старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ перешетѣ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Ив.** Старый домъ (Мертвая тѣнь). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство музыкальнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руковод. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 полнител. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздуховасненія кончатныхъ акваріумовъ. Съ 37 полнител. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивелирный планъ города Москвы,** съ означеніемъ раздѣленія города на судебномыровныя участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировнаго судей шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Социологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Нордау, Максъ.** Врожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Нотнагель, Г. д-ръ.** Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Изд. „Международной бібліотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ,** Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и II вып. по 1 р. 40 к., подисная ц. за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
- Нюрнбергъ, А. М.** Городовое изложеніе (изд. 2-е). М., 1893 г. Ц. 8 р.

Правила о раздробительной торговлѣ рѣчными наливками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Соръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Щедоступный учебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Слб., 1891 г. Ц. 3 р.

Устройство водяныхъ клезетовъ (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газетъ“. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Индій, Назонъ. Избранія басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метаморфозъ“.

Переводъ 1-й и 2-й книгъ съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Пер. 6-й, 7-й и 13-й книгъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книгъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Городниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Слб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к. **Же, Люсьенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною плѣью. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

Мьденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Пржешко, Элиза. Дварка. Повесть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Ррловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болязней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Рровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1899 г. Ц. 2 р.

Свальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для молодежи. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской плѣни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ рассказъ съ

45 рисунк. (изд. 2-е). Слб., 1891 г. Ц.

1 р., въ роскошн. перекл.—1 р. 60 к.

*— Изъ исторіи мозго учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизни замѣчательныхъ людей“ (Біографическая бібліотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель,

Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккариа, Берне, Беконъ, Бѣлинскій,

Карлъ Бэръ, Беранже, Ветховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккаччо, Бомарше,

Боткинъ, Джордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ,

Вольтеръ, Воронцовъ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гарриксъ, Гегель, Гейне,

Гѣте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Грахки, Грибоѣдовъ, Григорій VII,

А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніапсъ, Даламбергъ, Дантъ,

Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ,

Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковский, Ивановъ (художн.),

Иоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантамиръ, Карамзинъ,

Карамзинъ, Карлейль, Копплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Колюковъ, Конфуцій,

Кондорсе, Контъ, Коварникъ, Бронъ Корфъ, Брамской, Кромвель,

Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессенсъ, Лессингъ,

Линингтонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойкола, Локкъ, Ломоносовъ,

Лейбелль, Маколей, Мейербергъ, Микель-Анджело, Милль, Милтонъ, Мирабо,

Мицкевичъ, Моцартъ, Монтескьѣ, Томасъ Моръ, Моцартъ, Ньютънъ, Никонъ,

Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ,

Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Риншель, Ротшильдъ,

Руссо, Сакія-Муни, Салтиковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковский, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ,

С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада,

Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли,

Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Эліотъ, Юнгъ, Хедотвъ

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Слб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.

- Паульсонъ.** Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Культура дѣкарствев. растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- ***Педаевъ, Д.** Атмосферное электричество. Очеркъ. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
- Пекаторосъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- *— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣличанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- ***Пеллико, Сильвіо.** Мои темницы. Съ рисунками. Переводъ Гарниной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Систематическое обученіе практическимъ приемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петунниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
- Живъ и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- Подвижныя животныя.** (Для вырѣзванія, склеиванія и разстановки; игра—пособіе для ознакомленія дѣтей съ животнымъ міромъ.) Изд. Вл. А. Попова. Два выпуска, содержащихъ въ себѣ по 4 таблица. съ 11 экз. различныхъ животныхъ. Цѣна каждаго вып. 45 к.
- Покровский, К.** Путеводитель по Крыму. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, В. А.** Дѣтскія игры гимнастика въ отношеніи воспитанія здоровья. Ц. 20 к.
- Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.
- Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство къ матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп (изд. 2-е).
- Покорни, д-ръ.** Общее земледѣліе Ч. 3-я (последняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Политинскій.** Европейскіе монархи Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ Скотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Поповъ.** Курсъ общаго скотоводства Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив. Васильевичъ.** Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. В.** Повѣсти. 8 т. Спб. 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
- Починъ.** Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и пролонгированіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Прессъ.** Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Прѣльсъ, Р.** Эстетика. Похъ религіей и съ дополнителъною статью В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовленіе протравъ для дѣрева и издѣлка простыхъ породъ дѣрева.** Изд. „Ремеслен. Газеты“, 2-е дополнен. М. 1892 г. Ц. 40 к.
- Программы домашняго чтенія на 1894—1895 г.** Комиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Драматическія адвокаты и наши присяжные пидверы. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Юнкера въ Африкѣ.** Изложен. Петра, съ 114 рисунками. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лікарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. Цѣна въ клеенкѣ 1 р. 40 к.

Рада-Вай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дѣбрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигиена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

* — Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—д. 90 к. Вып. II—д. 1 р. 30 к. Вып. III—д. 1 р. 10 к. Вып. IV—д. 1 р. 10 к. Вып. V—д. 1 р. Вып. VI—д. 1 р. 30 к.

Рембольтъ, д-ръ. Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра П. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Рецептура. Составлена для студесовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

* — Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Рикардо, Давидъ. Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.

Рисованіе по трафаретамъ. Цвѣты (шесть шаблоновъ различн. цвѣтовъ). Животныя (шесть шаблоновъ различн. животныхъ). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна каждаго конверта 35 к.

***Рихтеръ, Е.** Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ завесеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Розенбергъ-Дипинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орографическій словарь. Настольная книга для всякаго, пишущаго по-русски. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., дополн. и вновь обработанное. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ростовская, М. Э. Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жучка. Рассказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунъ. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисунъ. Изд. третье, исправлен. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

***Рубакинъ, Н. А.** Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Рудскій, Ал. Лѣсная таксація. Посobie для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Рѣшетниковъ Э. М. Собраніе со-

- чинений, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ**, Элеваторы и наше увлечение ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази**. Гюлистанъ, „Двѣтнникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье**, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ** (Щедринъ). Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый томъ отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
- Саловъ**, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натурн. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллустій Криспъ**. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій** М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій**. М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей російской словесности на 1891 г.** М., 1891 г. Ц. 4 руб.
- Свиѣтъ**, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- ***Свѣтухинъ**, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Святловскій**, В. В. Фабричная гигиена (163 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
- Севедъ**, Риббинъ. Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
- Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Сѣлли**, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ**, С. Т. Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серра**, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ**. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лманчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сигеле**. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.
- Сикорскій**. Занканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ**, Э. О невидачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій**, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣж. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.
- Скабичевскій**, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки исторіи русской литературы (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
- Скворцовъ**, Гигіена. Спб., 1881 г.
- ***Скворцовъ**, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигиени. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Складная карта Европейской Россіи**. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразования.) Изданіе Вл. А. Положа. Ц. 60 к.
- ***Сковорода**, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. Н. Багалъевичемъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
- Сковронская**, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ**, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.
- Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Скоровъ**. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Скоровъ**, А., и Богдановъ. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ поземельныхъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.
- Скоровъ** и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.
- Сказки русскихъ писателей для дѣтей**. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 85 к.
- Сказки русскаго народа**. 7 в. М., 1894 г. Ц. каж. выпуска 25 к.
- Сказка про лису да про волка**. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Складныя картинки**, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и замѣтокъ произведеній: 1) „Дымано“ П. П. Пина; 2) „Мазай и зайцы“ Некрасова; 3) „Дѣлушка“ Некрасова. Изд. В. А. Сопова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ напечатанную коробку, 45 к.; пересылка за 1 ф. по растолганію.
- Слезскинскій**, А. Бунтъ воиновъ съ поселянъ въ холеру 1891 г. Новг., 1891 г. Ц. 1 р.

- Словарь** юридической терминологии къ источникамъ римскаго права. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Майльсъ, Самуэль.** Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Сиб., 1889 г. Ц. 90 к.
- Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣтели“. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственныя обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Смирновъ, А.** Живыя картинки сборникъ рассказовъ съ 50 рис. Сиб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
- Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- *Снегиревъ.** Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убіиство Висновской. Г. Шамбижъ. Убіиство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Соболевскій, А. И.** Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекціи по исторіи русскаго языка. Сиб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Соважо, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Совѣтовъ.** Италіанско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Соннэ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Софоклъ.** Эдипъ въ Коловѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдипъ-царь. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филоктетъ. Киевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Киевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (обрядовыя учрежденія). Киевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Киевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сперанскій, Сергѣй.** Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовления къ профессорскому званію по кафедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ставровскій, Л.** Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Рассказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- *Станюковичъ, К. М.** Откровенныя. Романъ въ двухъ частяхъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Стеничъ, П. А.** Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Сиб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
- Стэнли, Г.** Какъ я отыскалъ Ливингстона. Сиб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернь, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очнулась. (Изъ дневника Наталіи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
- Стокгамъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токология или наука о дѣтороженіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Столповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Стороженко, Н. И., проф.** Позвѣя мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Θ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- *Страховъ, Н.** Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Сиб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Судебныя драмы.** Жанъ Деладонжъ. Ц. 30 к.
- Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
- Убіиство Маріи Аннзы и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
- Убіиство Бефани. Ц. 40 к.
- Шайка Лемара. Ц. 30 к.
- Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
- Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

- Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освищиваніе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному применительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж. Законы подражанія. Слб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г. Сущность искусства. Слб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Таренецкій, А., проф. Каведра и музей нормальной анатоміи при императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4 планами. Слб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Земледѣліе и физиологія растений. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ. Тешота, рассматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 8 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
- Алфубка правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Алфубка церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся и букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Чему и какъ учить на урокахъ роднаго языка въ начальной школѣ. Методическое руководство для учителей, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учителей начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учителей двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Слб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета. Психическія эвиденціи. Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ, — 24 октября 1893 г. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. Рѣчь произнесенная на пятомъ годичномъ засѣданіи 24 окт. 1894 г. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- *— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
- *— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
- *— Къ вопросу о вредномъ вліянii гипнотизированія. Слб., 1889 г. Ц. 50 к.
- *— Меряченіе и близость судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- *— Терапевтическое примененіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

- ОКВИЛЬ, АЛЕКСИСЪ.** Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
- ОЛСТОЙ, Л. Н.** Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 16 к.
- „Ходите въ свѣтъ“ и другія провведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
- Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- ОРМИНЪ.** Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различныя способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Сиб., 1896 г. Ц. 1 р.
- ТРАУТШОЛЬДЪ, Г.** Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1876 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.
- Трачевскій, Д.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Новая исторія. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Русская исторія, второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Сиб., 1896 г. Ц. 8 р.
- *— Русская исторія. Цѣна въ переплетѣ 9 р. 60 к.
- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, д. 2 р.; ч. II, д. 2 р. М., 1868 г.
- Трещовъ, Л. Н.** Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
- ***Троицкій, М.** Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.
- Трояновскій.** Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- ***Трубецкой, Евг., кн.** Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерданіе блж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ***Трубецкой, С., кн.** Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.
- Тумскій, К. И.** Алюміній и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Противузаразная средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тургеневъ.** Стихотворенія. Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсообразованію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Турскій, М., и Яшновъ, Л.** Опрежденіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тѣневые портреты русскихъ писателей.** (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Гоголь.—Грибоѣдовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.
- Тѣнъ, Г.** Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Тѣнъ, И.** Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Сиб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Тѣнъ.** Критическія опыты. Сиб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Уерингъ, Рудольфъ.** Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Уильямсъ, Х.** Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.
- ***Ульцманнъ, Робертъ, проф.** Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Переводъ подъ редакціей доктора медицины Н. П. Федченко. Харьковъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Урусовъ.** Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Успѣнскій, П. П.** содержаніе растеній въ комнатахъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи.** Изд. 4-е. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- ***Ученныя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическаго.** Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Файнштейнъ, С.** Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Федоровъ, П. А.,** техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ. Столярныхъ. Окрашивание дерева. Выпловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Ръзныхъ. Корвинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Штоточныхъ. Гипсовыхъ и папемаше. Картонажно-футлярныхъ и перешетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ.** Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1898 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосѣевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейгинъ, Ф.,** д-ръ мед. Привычные залоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ изцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Фельзбергъ, Матильда.** Химическая чистка платя и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Филипповъ, Сергѣй.** Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскимъ владѣтельствомъ. Пер. Софья Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филипповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Съ 44 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Рассказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
— Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расалина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ дворянства. Расказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортунатовъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- *Фонъ-Хейденфельдъ.** Изъ женской жизни по поводу Крайлеровой сонаты. Перев. съ нѣмецкаго. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Французъ и русскіе въ Крыму.** Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ.** Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фулье, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 8 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ.** Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Фэйе.** Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Ламласа и собственной теорія автора. Съ добавленіемъ космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фуостель-де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Исслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Хвольсонъ, О.** Докторъ физики. П. уларныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хиггинсонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р

- Христіановичъ, П.** Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Хрущовъ, П.** Введеніе въ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Художенственная Россія.** Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.
- Цвѣтковъ, А. А.** Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1888 г. Ц. 3 р.
- Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Цвѣтковъ, Н.** Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ "Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психологія. Слб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Щицеронъ, Рѣчь** за царя Деютара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поста 1891 г. Ц. 80 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 80 к.
- Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Америкскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к.
- Рѣчь за Луція Муруну. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Амгарія. Ц. 80 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книжки 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
- Частный починъ** въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ант. П.** Жена. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Именины. Рассказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Рассказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
- Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Рассказы. Изд. 8-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Каптанка. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Дуэль. Изд. 4-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

- Чешихинъ, Евграфъ Вас.** Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
- Чижъ, В., проф.** Криминальная антропология. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Чиколевъ, Д.** Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чичеринъ, В. Н.** Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 8 р.
- Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- *— Опытъ по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
- *— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
- *— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
- *— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
- *— Очерки Англій и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
- Чмыревъ, Н.** Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Чудиновъ, А. Н.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Слб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- ***Чуевскій, И. А., д-ръ.** Конспектъ физиологіи челоуѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Чукмасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шалуны, Юмористическія сцены** съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шамуринъ-Макаревскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Слб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; к. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.

- Шелли.** Сочинения. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
- Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П.** „Звѣздочка“. Рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
- ***Шелгуновъ, Н. В.** Сочинения въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
- Шенланкъ, Бруно.** Промысловые сныданкаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И.** Материалы для биографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
- Шербулюк, Викторъ.** Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Иоганнъ.** Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.
- Шервинскій, М.** Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Тель.** Пер. Гомберга. Киевъ, 1898 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіессо въ Генуѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Разбойники. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Шилтовъ, А., проф.** Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильдбахъ.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- ШИМКО.** Патриаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шишкинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ.** Железно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія педагогика, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ части, цѣна вмѣ 7 р. М.; 1881 г.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ.** Луна свѣта
- его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраушгедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Э.** Система Силковы. Спб., 1898 г.
- Шредеръ, В., д-ръ.** Половыи болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, Р. И.** Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и за границей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огорождъ, штомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
- Штаркенбургъ.** Горь отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- ***Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ,** какъ человекъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- *— Графъ Дзіакомо Леонарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Штольцъ, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Мнемъ влассической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ выд. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ вер.
- Шутце, Фр.** Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ш., Л.** Невозможное зло. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство спайки и луженія. Съ 66 политнижками въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Эдвинсонъ, Д.** Какъ дѣлается маленький электродвигатель. М., 1895 г. 2 выд. Ц. 40 к.
- Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. выд. Ц. 50 к.
- Эйдямъ, Сохраненіе здоровья.** (Общая гигиѣна въ примѣненіи къ обиденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
- Экштейнъ, І., проф.** № 1. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1875 г. Ц. 80 к.
- Экштейнъ, Ф. А.** Преподаніи истинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
- Элерсъ, Отто.** Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 10 к.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидерация. Спб., 1891 г. Ц. 2

Нцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Ртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

— Записки степняка. Очерки и рассказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 8 руб.

Смархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.

Спинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ожаковъ, С. Н. Афганистанъ и сопредѣльная страна. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Орьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.

— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Олій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Киевъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Рассказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тяфизъ. 1894 г. Ц. 15 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологии народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.

Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Бедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Вов, Р. Н. Графическія данныя рациональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelli Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Киевъ, 1899 г. Ц. 75 к.

C. Julii Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я. Киевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитными указателями. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Hüsser. Исторія реформадіа. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Киевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heltzmann, C., Д-р. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ ри-

сунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Киевъ, 1895 г.

Jordan, Dr. W. Руководство высшей геологій. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиена зубовъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III et IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz, H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörlius, Paul, Dr. Гигиена нервныхъ людей. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Moscius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Мянора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-г и его сотрудники. Материалы для изученія дифтерій. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

***Salomonsen, С., проф., и Черевковъ, д-ръ.** Руководство къ практической (технической) бактеріологій. Общая и специальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназія и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣны. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, подъ ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная дѣна за все сочиненіе (6 выпускъ) 9 р.

Urwipn. Основы построения частей машин или изложение законов и условий, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей,

фабрикантовъ для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50к
Well-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованию жизни. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранная книги, доставленные книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

L'Abe des tout petits. Couverture en couleurs. Av. 6 grav. col. *Цена 8 коп.*

L'Abe du premier âge. Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цена 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цена 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цена 1 р. 25 к.*

Французскія книжки съ раскрашенными картами для маленькихъ дѣтей.

Первая серия.

Цена по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.

Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.

La Première Poupée, ill. par Bouisset.

Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.

Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.

La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.

Le Bain de Minet, ill. par Godefray.

La petite fermière, ill. par Bouisset.

La petite Ménagère ill. par Bouisset.

Вторая серия.

Цена по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.

Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.

Saint-Nicolas et Guilléri, ill. par Vogel.

Gribouille, ill. par Steinlen.

Il était une bergère, ill. par Bouisset.

Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.

M. de la Palisse, ill. par Chovin.

Malb'raugh, ill. par Cléricé.

Cadet Rousselle, ill. par Faria.

La Mère Michel, ill. par Faria.

Le Roi Dagobert, ill. Chovin.

Abe des tous petits, ill. par Bouisset.

Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.

Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Cendrillon, ill. par Grivaz.

Tome Pouce, ill. par Vogel.

Folle journée, ill. par Steinlen.

Barbe bleue, ill. par Vogel.

Pierrot, ill. par Jozet.

L'assaut du moulin, ill. par Tofaani.

Le Chat botté, ill. par Myrbach.

Le prince Saphir, ill. par Gumery.

Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.

La Semaine de Julie, ill. par Martin.

Guignol, ill. par Job.

Jean L'ours, ill. par Massé.

Paul dans la lune, ill. par Job.

L'oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnay, ill. par Cléricé.

Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.

Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Frère et soeur, ill. par Vogel.

Gargantua, ill. par Myrbach.

Petite Poucette, ill. par Job.

Don Quichotte, ill. par Myrbach.

Robinson Crusôé, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.

Les animaux domestiques, ill. par Gambard.

Alli-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.

Au Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

Contenant vers 80 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.

Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.

Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

es jardins de Paris. 32 ill. de Grigny.
Texte par Bonhomme.
a journée de Bébé. 32 illustrat. de
Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par
Harding.
heureux âge, ill. par Harding.

КНИЖКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТЪ 5—8 ЛѢТЪ.
напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ мно-
численными иллюстраціями въ текстѣ.
Цена каждой тома безъ перепл. 40 коп.
съ перепл. 65 коп.

es histoires de tante Rose, par M-me
de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par P. Andri-
veau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ida, par M-me de
Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de
de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balley-
quier.
Scènes enfantines, par M-me de Bos-
guérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wally.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bos-
guérard.
L'histoire d'une troupe de marion-
nettes, par M. A. de Brévillé.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle
Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme
Balleyquier.
Les enfants de cigarette, par Theodor
Cahu.

КНИЖКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТЪ 9—12 ЛѢТЪ.
Bibliothèque blanche illustrée.

Каждый томъ съ переплетомъ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit homme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse
Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Roid. Les Exploits des jeunes
Boërs.
Muller, Eugène. Récits enfantins.
Musset, P. de M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl, P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les
glaces.

КНИЖКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТЪ 10—13 ЛѢТЪ.

Bibliothèque de l'éducation mater-
nelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ
перепл. 1 р. 75 к.

Anfosti. Le secret de sir William.
" Jacques l'abandonné.
Balleygier. Aux garennes.
" Les Rogimbot.
" M-lle Trimbalmouche.
Bellalgué. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
" Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
" Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
" L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
" Les héros modestes.

КНИЖКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТЪ 12—14 ЛѢТЪ.

Bibliothèque rose illustrée.

Каждый томъ съ переплетомъ 1 р. 75 к.

Jean qui grogne et Jean qui rit. par
m-me la comtesse de Ségur, ill. par Ca-
stelli.
Les bons enfants, par m-me la comtesse
de Ségur, ill. par Ferogio.
Les deux nigauds, par m-me la comtesse
de Ségur, ill. par Castelli.
Pierrot, par m-lle Julie Gouraud, ill. par
éd. Zier.
L'auberge de l'ange-Gardien, par m-me
la comtesse de Ségur, ill. par Foulquier.
Pauvre Blaise, par m-me la comtesse de
Séгур, ill. par Castelli.
Contes de fées, tirés de Charles Per-
rault de m-me d'Aulnoy et le prince de
Beaumont, ill. par Bertall, Beaugé etc.
La soeur de gribouille, par m-me la
comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Contes choisis des frères Grimm.,
traduits de pallemand par Frédéric
Baudry ill. par Bertall.
Après la pluie le beau temps, par m-me
la comtesse de Ségur, ill. par E. Bayard.
Voyages de Gulliver, à lilliput, a brob-
dingnag et au pays des houyhnhms par
Swiet.
Memoires d'un ane, par m-me la com-
tesse de Ségur ill. par Horage Castelli.
Le mauvais Génie, par m-me la comtes-
se de Ségur, ill. par Bayard.
Les premiers chants, par Fournier, ill.
par Gustave Roux.

François le Bossu, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Emile Bayard.

Quel amour d'enfant, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.

Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.

Каждый томъ съ переплетъ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.

Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.

Rochemont, Au pays des fées, ill. par Mès Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck — Mein Miez. — Nach Helgoland. — Mutter Glaus und ihre Lieb-linge — Frau Miez — Eichhörchen. — Müller Klaus — Fürs Herzblätchen — Das Haus das Haus, baute — Der Kinderomnibus — Im Freien.

2. Serie à Band 40 kop.

Des Liebings Bilderbuch — Kasperltheater. — Kätzchen zu Hause — Die En ten familie. — Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande — Noahs Arche — Durch Flur und Hain — Ringel, Ringel, Rosenkranz — Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde — Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte — Laterna Magica — Lustiger Reigen — Liebings Kurzweil — Comitshe clowns — Unsere Liebblingsthiere.

НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinker cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekanntn, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonnirt zusam. men statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.

Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinker. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Biller, Im Reich der Heineleinchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswahl von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.

Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen, Schilderungen, Lebensbeschreibungen, Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäffl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Bildern und Textillustrationen. Jedes Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jedes Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Häschens Reise durch die Stube. Märchen und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bände gebunden, statt 2 R., nur 85 K.

Frey, A. Schweizernagen. Mit Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.

Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.

Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten in elegantem Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.

Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammensagen, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete alberkömmlichen Reime, sowie vier neuen Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinker. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.

Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechs vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

НѢМЕЦКІЯ азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen dunkeln Bildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonnirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonnirt. 30 K.

**Aestors, A. Fibel oder der Schreib-
Le-se-Unterricht.** 35 K.
urcke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit
Holzschnitten von Q. Speckter carton-
nirt. 45 K.
ietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch.

Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern.
Auf Grundlage des mit dem Anschauungs-
unterrichte verbundenen ersten Sprech-,
Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für
Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

**Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка
въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.**

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
Виржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ достав. и перес. на 1-е изд. 15 р., на $\frac{1}{2}$ г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.
Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ карикатурами. Москва. Ежедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Варшавскій Дневникъ. Ежедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Вокругъ Свѣта. Ежед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.
Волгарь. Ежед. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Ежедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
Волинь. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный ежедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
Восточное Обзоріе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложениемъ „Ежедѣльной хроника“ Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Всемирная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.
Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсчн. журн. Ц. 4 р.
Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Екатеринбургская Недѣля. Ежедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
Живописное Обзоріе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Ежедѣльно, съ ежемѣсч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., $\frac{1}{2}$ года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.
Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
Зодчій. Художественно-техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.
Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсчн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 7 р.
Книговѣдніе. Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
Край („Крај“). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ достав. и пер. 8 р.
Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложениемъ ежедѣльного журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.
Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
Недѣля. Ежедѣльная газета съ приложениемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.

- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 № въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- Новое Время.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. р., съ перес. 10 р.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературы. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
- Новь.** Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
- Нувелистъ.** Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
- Осколки.** Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ пер. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. еженедедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Природа и люди.** Журналъ путешествій. Еженедѣльн. Ц. 5 р.
- Правительствои. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 № въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
- Развлеченіе.** Журналъ литературы и юмористич., съ политическими. Выходитъ еженедедѣльн. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Еженедедѣльн. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Родина.** Еженедедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
- Русское Богатство.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн.“ 13 р.
- Русское Обзорніе.** Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
- Русскія Вѣдомости.** Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Русь.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.
- С.-Петербургскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная; выходитъ еженедедѣльн. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
- St.-Petersb. Herald.** Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
- St.-Petersburg-Zeitung.** Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 14 р.
- СВѢТЪ.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и вѣстей 8 р.
- Сельскій Вѣстникъ.** Еженедедѣльн. народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
- Сенатскія Вѣдомости** съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.
- Стрекова.** Художественно-юмористич. журналъ. Еженедедѣльн. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Судебная Газета.** Еженедедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.
- Сѣверный Вѣстникъ.** Литературно-научный и политическій журналъ. 12 № въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.
- Сѣверъ.** Литературный иллюстрированный журналъ. 52 № въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
- Сынъ Отечества.** Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ еженедедѣльн. Ц. съ дост. и пер. 8 р.
- Второе изданіе безъ приложен. 4 р.
- Тифлиссійскій Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.
- Чтеніе для солдатъ.** 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
- Шахматы.** Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
- Школьное Образование** съ приложеніемъ „Сборника“. Еженедедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.
- Шуть.** Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженедедѣльн. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р. 65 к.

П о л ь с к і я .

- Atheneum.** Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
- Biblioteka najcelniejszych utworów literatury europejskiej.** 12 zeszytów, r. 6.
- romansów i powieści. 52 numera, r. 6 kop. 80.

- **Warszawska.** 12 zeszytów, rs. 10.
- Biesiada literacka.** Pismo literackie illustrowane. 52 num., rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.
- Bluszez.** Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krajów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.
- Czasopismo Techniczne,** miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
- Echo Muzyczne i Teatralne.** Tygodnik literacko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
- Gazeta Handlowa,** codziennie, rs. 11.
- Gazeta Lekarska.** 52 numer. rs. 6.
- Gazeta Polska,** dziennik polityczny, rs. 12.
- Gazeta przemysłowo - rzemieślnicza,** pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.
- Gazeta Rolnicza,** rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 18.
- Gazeta Sadowa Warszawska.** 52 numer. rs. 8.
- Gazeta Swiateczna.** 52 numer. rs. 3.
- Gazeta Warszawska** codziennie. rs. 12.
- Izraelita.** Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numer. rs. 8.
- Kolce.** Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
- Kosmos.** Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika”. Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.
- Kraj,** tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
- Kronika Lekarska.** Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
- Kronika Rodzinna.** 52 numer. rs. 5.
- Kurjer Codzienny,** dziennik, rs. 9.
- Kurjer Poranny.** Wychodzi codziennie, rs. 8.
- Kurjer Bolniczy.** 52 numer. rs. 5.
- Kurjer Swiateczny.** Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
- Kurjer Warszawski,** dziennik, rs. 12.
- Kwartalnik Historyczny.** 4 numer. rs. 6.
- Medycyna,** Tygodnik lekarski, pod redakcją d-ra Benni, rs. 6.
- Mucha.** Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.
- Niwa.** Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
- Ogrodnik Polski.** Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.
- Prawda.** Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcją Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.
- Przegląd** tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
- Przyjaciel dzieci.** Pismo tygodniowe, rs. 5.
- Przyjaciel zwierząt domowych i użytkowych.** Miesięcznik, rs. 8.
- Rola.** Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
- Rolnik.** Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.
- Romans i Powiesc.** 52 numer. rs. 4.
- Słowo.** Gazeta codzienna, rs. 12.
- Sylwan** pismo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
- Tygodnik** illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
- Tygodnik mód i powiesci.** Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
- Tygodnik powiesci.** Poznań, rs. 4.
- Tygodnik Romansów i Powieści,** rs. 4.
- Wędrowiec.** Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
- Wiadomości farmaceutyczne** (tylko rocznie), rs. 5.
- Wieczory rodzinne.** Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
- Wiek,** dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
- Wszehswiat.** Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcją B. Znatowicza, rs. 10.
- Zdrowie,** miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.
- Zorza.** Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣд-
наго мѣсяца, обозначены *.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, угол Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24) принимает объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

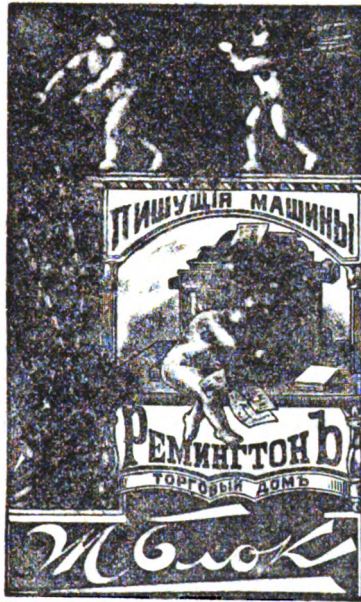
2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

Открыта подписка на 1896 годъ
на ТРИ изданія:

I.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„НОВОСТИ ДНЯ“.

XIV годъ изданія.

Газета отводитъ на своихъ столбахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской жи-
внѣ, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной мѣстной хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ“ помѣщаются еже-
дневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собствен-
ныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ загранич-
ныхъ центровъ—изъ Париза, Берлина, Лондона и друг. Ежедневно помѣщается бел-
летристическій фельетонъ.

Желая, кромѣ того, дать читателямъ иллюстраціи къ тому богатому матеріалу,
который помѣщается въ ежедневной газетѣ „НОВОСТИ ДНЯ“, редакция, благодаря
постоянно возрастающему успѣху газеты, нашла возможнымъ дать

всѣмъ своимъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНО

другое свое изданіе — еженедѣльный иллюстрированный
журналъ

„С Е М Ь Я“.

Несмотря на то, что „СЕМЬЯ“ служитъ бесплатнымъ приложеніемъ для по-
писчиковъ „НОВОСТЕЙ ДНЯ“, журналъ этотъ представляетъ собою вполне издан-
ное изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ
(іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, пред-
ставителей науки и искусствъ и т. д.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.
Какъ читатели могутъ сами судить по примѣру прошлыхъ лѣтъ, „СЕМЬЯ“ по раз-
мѣрамъ своимъ и богатству содержанія не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ рус-
скихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Импе-
раторскихъ Величествъ, «СЕМЬЯ» дастъ на своихъ страницахъ цѣлый
рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному
событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссийской художественно-промышленной
выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. „СЕМЬЯ“ посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номе-
ровъ, и на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщать альбомъ рисунковъ и иллюстрацій
по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Для ознакомленія съ журналомъ „СЕМЬЯ“ можетъ быть высланъ ли і
номеръ его БЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна на „НОВОСТИ ДНЯ“ вмѣстѣ съ еженедѣльн. журналомъ „СЕМЬЯ“
въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р.
Въ Москвѣ въ годъ 8 р.

II.

Еженедельный иллюстрированный журналъ

„С Е М Ь Я“.

IV годъ изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляетъ собою вполне изящное изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ иерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

„СЕМЬЯ“ выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Изыщная литература: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія — оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обозрѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческія очерки и путешествія. 4) Биографія. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарady, ребусы, игры, ноты. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ художниковъ. 10) Иллюстрація ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣятелей. Рисунки, объясненія къ рисункамъ. Виньетки и пр. По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедельныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, „СЕМЬЯ“ дастъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. «СЕМЬЯ» посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ, и на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщенъ альбомъ рисунковъ и иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Подписная цѣна въ годъ 3 руб.

III.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“.

VI годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

Подписная цѣна въ годъ 3 р., съ журналомъ «СЕМЬЯ» 5 р., вмѣстѣ всѣ три изданія 13 р.

Адресъ: Главная контора газеты «Новости Дня» и журналовъ «Семья» и «Новости иностранной литературы»: Москва, Красныя ворота, соб. домъ.

Издатель А. Липскеровъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Н. ФЕНУ и К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГК:

- Агапановъ, В. Е. Настоящее и прошлое земли. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Александровскій, А. Е. Памяти императора всероссійскаго Александра III. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Алабьевъ, В. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Андреевъ, Ф. А. Курсы для занимающихся. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Боровичъ, Л. Л. Снабженіе горячею водою небольшихъ жилыхъ домовъ. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Брандесъ, Г. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Спб., 1895 года. Ц. 2 р.
- Гейнце. Генералиссимусъ Суворовъ. Историческій романъ XVIII ст. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Деталинъ, И. Е. Статьи по исторіи русскаго права. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Изготовление рисунковъ для волшебнаго фонаря. Съ 13 полтн. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Какъ я излѣчилъ свою нервную болѣзнь. Ревель, 1895 г. Ц. 25 к.
- Картвель, Н. Мысли объ основахъ нравственности. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Корневъ, Э. Ядовитыя растенія и отравленія, ими причиняемыя. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Корелинъ, Ж. С. Паденіе античнаго міросоверпанія. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Легурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рисунками. Спб., 1895 г. Ц. 60 коп.
- Лешертъ, Ю. Исторія культуры. Съ 83 рис. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Мажки-Сабирки, Д. Три конца. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Майковъ, Д. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Мережковский, Д. О. Отверженный. Романъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Никитинъ, В. В. Многострадальныя. Очерки прошлаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Палевскій, И. А. Наблюда чучель. Съ 25 рис. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- П. Д. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сервантесъ, Мигель. Славный рыцарь Дон-Кихотъ Ламанчскій. Т. 2. М., 1895 г. Ц. 8 р.
- Шперкъ, Ф. О страхѣ смерти и принципъ жизни. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Дешевыя книжки для школъ и народа, издан. фирмой:**
- Животовскій, Н. Отчего происходитъ дождь и снѣгъ. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.
- О грозѣ. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.
- О теплѣ и вѣдухѣ. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.
- Погодскій, А. Суходольщина. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Полосновикки. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Штудерникъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Наши добрые слуги. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Маюрская дочка. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Камень Кривновичъ. Спб., 1895 годъ. Ц. 10 к.
- Божеское правосудіе. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Земля, вода и воздухъ. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Солдатскія замѣтки. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Савельевъ, А. Пить до дна—не видать добра. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Зубы. Уходъ за зубами. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ женнымъ платежомъ.

„НОВОЕ СЛОВО“

Журналъ научно-литературный и политическій.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ НОВОЕ СЛОВО, перейдя въ другія руки, будетъ выходить подъ новою редакціей и при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, НОВОЕ СЛОВО поставило себѣ дѣлюю обра- тить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и въ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всемъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей внутренняго оборота и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще письма изъ провинціи.

Съ другой стороны, знаа, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опы- та съ русскою дѣйствительностью, мы желаемъ обратитъ серьезное вниманіе на евро- пейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Си- бирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай — онъ, Л. Е. Оболенскій, П. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, Е. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. Чеховъ, Шенотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ, который начинается съ осени, мы считаемъ дѣлсообразнымъ, по примѣру многихъ западно- европейскіхъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на Новое Слово принимается съ 1 октября 1895 г. по 1 октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкою на годъ 10 р. — к.

„ „ безъ пересылки „ „ 9 „ — „

„ „ „ „ на полгода 5 „ — „

„ „ „ „ на три мѣсяца 2 „ 50 „

Годовые подписчики Новаго Слова за 1895 г., получивъ въ счетъ подписки три первыя книжки журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вносятъ за 1896 годъ къ 1 января 7 р. 50 к.

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.
Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54. Библіотека Черкесова.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книж- ныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карабасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24).

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціального читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣ- леніе, за пересылку не платятъ.

За редактора А. Слѣпцовъ.

Издательница О. Н. Попова.

Новыя изданія О. Н. Поповой:

Корелинъ, М. С. «Паденіе античнаго міросозерцанія». Культурный кризисъ въ Римской имперіи. (Культурно-историческая библіотека, № 2). Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Легурно, Ш. «Соціологія, основанная на этнографіи». Пер. съ послѣд. франц. изд. Вып. I, съ 53 рис. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Дятятинъ, И. И. «Статьи по исторіи русскаго права». Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карабасникова: С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы редакціи журнала Новое Слово, Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. № 15, кв. 1, за пересылку не платятъ.

Вышла 10-я (октябрьская) книжка иллюстрированного ежемѣсячнаго журнала
для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Сказки чернаго таракана. II. Старая лампа. III. Искусственные цвѣты. (Окончаніе). Н. С. Баранцовича. Съ четырьмя рисунками въ текотѣ. 2) Ручей и его исторія (по Элизе Реклю). VI. Лопина. (Продолженіе). Д. А. Коробчевскаго. 3) Вечерній свѣтъ негасъ... (Стихотвореніе). Н. Бальмонта. 4) О книгахъ и сочинителяхъ. VIII. Запрещенныя церковью книги. Ложныя молитвы. Книги суевѣрныхъ. IX. Житія святыхъ. Митрополитъ Макарій. Св. Дмитрій Ростовскій (Продолженіе). В. Н. Ладженскаго. 5) Слѣпой (Изъ „Слѣпнотъ музыканта“ В. Г. Короленки). Гл. I—VIII. Пересказано Н. Лукиничемъ. Съ двумя рисунками. 6) Боги и герои эллиновъ. — Гермаля. (Окончаніе). Н. А. Бернсова. Съ двумя рисунками. 7) Исторія киргизскаго мальчика. Быль. (Окончаніе). М. М. Пріорова. Съ рисункомъ. 8) Олимпийскій праздникъ. С. В. Земцова. Съ четырьмя рисунками. 9) Изъ жизни и сказы. Н. А. Соловьева-Носицкова. Съ двумя рисунками. 10) Историческія картины. I. Николай Ферри (Вебе). Шери Шарль Робертъ. Съ англійскаго. Съ четырьмя рисунками. 11) Али Нодиа. (Арабская сказка). Ю. Дюпелламеръ. Съ двумя рисунками. 12) Не бѣлы свѣту: Сѣверное море и его обитатели. Промыслы норвежцевъ, ихъ энергія и образованность. 13) Новости изъ книгъ и журналовъ. Люди энергіи, труда и полезнаго дѣла. 14) Шутки, шарady, загадки и ребусы в т. д. 15) Рѣшенія. 16) Задремали волны. Слова К. Р. Музыка С. В. Рихманникова. 17) Объявленія.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская, д. Гиршмана кв. 40, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна съ пересылкою: на годъ—6 р., на полгода—3 р.; безъ пересылки: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к. Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. М. Тихомировъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

ИЗДАНИЕ

редакціи журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Москва, Тверская, д. Гиршмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова.

Д. М. Тихомировъ. Изъ исторіи родной земли. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. Мин. Нар. Просв. допущена въ бібліотеки начальныхъ училищъ и въ сельскія народныя бібліотеки.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Разказы и сказки для дѣтей младшаго возраста: Старый воробей, Премьшъ, Постоѣйко, Сѣрая шейка, Упрямый козель, Медвѣдка, На пути, Елка, Зеленая война, Лѣсная сказка, Искорки.

Изданіе со многими картинками. Въ папкѣ ц. 75 к., въ бумажкѣ—60 к.

Его же: Акъ-Воватъ. Разск., съ картинками худ. А. Степанова. Ияци. изд., ц. 30 к.

Его же: 1) Земля не принимаетъ. 2) Ангелочки. Ц. 10 к.

Его же: Послѣднія треба. Ц. 10 к.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Гаврюшкинъ плѣтъ. Повѣсть для дѣтей, со многими рисунками, изданіе новое, цѣна въ папкѣ 75 к., въ бумажкѣ 65 к.

Б. Б. Глинскій. Николай Михайловичъ Ядрияцевъ. Біографическій очеркъ, съ иллюстраціями и словесіемъ В. П. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Потанина. Ц. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

**Вышли и разосланы подписчикамъ
1-й, 2-й и 3-й выпуски
„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ“
Юганна Шерра.**

Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Содержаніе 1-го выпуска: Отд. 1-й. Востокъ: Введеніе. — Китай. — Японія. — Индія (10 рис. въ текстѣ). Отдѣльныя приложенія и гравюры: Софоклъ, Сервантесъ, Теннисонъ, Салтыковъ-Щедринъ, два автографа Виктора Гюго и страница изъ одной китайской книги на китайской бумагѣ.

Содержаніе 2-го выпуска: Индія. — Египеть. — Вавилонія и Ассирія. — Іудея. — Аравія. — Персія (13 рис. въ текстѣ). Отдѣльные портреты: Вольтеръ, Руссо, Некрасовъ.

Содержаніе 3-го выпуска: Персія. — Турція. — Эллада (18 рис. въ текстѣ). Отдѣльные портреты: Торивато Тассо, Диккенсъ.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ НИЖНИХЪ МАГАЗИНАХЪ
МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА.**

Все изданіе будетъ заключаться въ **20** выпускахъ, болѣе **1,000** страницъ, что составитъ **два** объемистыхъ тома со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложений. Всѣ клише для этого прекраснаго изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно. Изданіе закончится весною 1896 г.

Подписная цѣна на все изданіе:

Безъ доставки **6** руб. Съ доставкою и пересылкою **8** руб.

Допускается разсрочка:

При подпискѣ въ октябрѣ **три** руб. и затѣмъ ежемѣсячно по **одному** руб. до уплаты полной стоимости.

Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно къ издателю, книгопродавцу **Д. В. Байкову**, Москва, Никольская.

Издатели Д. В. Байковъ и К^о

Образовательныя игры, учебныя пособія и полезныя занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. А. ПОПОВА.

Главный складъ изданій: Москва, Знаменка, д. Навродскихъ.

Поступили въ продажу новыя изданія:

Складная карта Европейской Россіи (пособіе при изученіи географіи и для самообразованія). Ц. 60 к., перес. 15 к.

Подвижныя животныя. (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра—пособіе для ознакомленія дѣтей съ царствомъ животныхъ). Два выпуска. Ц. каждому, заключающему въ себѣ по 4 таблички съ 11-ю экз. животныхъ, 45 к., перес. одного 10 к., двухъ 15 к.

Рисованіе по трафаретамъ. Цвѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть табл. различн. животныхъ). Ц. каждому конверту 35 к., перес. одного или двухъ—10 к.

Изданія высылаются съ наложеннымъ платежомъ по первому требованію открытымъ письмомъ.

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Черезъ главный складъ изданій Вл. А. Попова (Москва, Знаменка, д. Навродскихъ) можно выписывать учебныя пособія, изданныя другими фирмами, а также всякаго рода книги, въ томъ числѣ учебники и книги для дѣтскаго чтенія.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ СЕНТЯБРЬСКАЯ (№ 29) КНИГА ЖУРНАЛА

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Содержаніе: М. С. Корелинъ: Этический трактатъ Лоренцо Валлы „Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ“.—А. А. Козловъ: Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ.—Вл. С. Соловьевъ: Мнимыя начала правильного поведенія (критика различныхъ видовъ эвдемонизма).—Кн. С. Н. Трубецкой: Этика и догматика.—Конфуцій: Срединя и постоянство. Переводъ съ китайскаго Д. П. Конисси.—Н. А. Иванцовъ: Природа и искусство.—Александръ И. Введенскій: Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій.—В. А. Вагнеръ: О прекрасномъ въ музыкѣ.—Критика и библиографія.—Письмо въ редакцію. Г. И. Челпанова.—Извѣстія и замѣтки.—Приложеніе: Я. Н. Колубовскій: „Философскій Ежегодникъ“, годъ I (1893), листы 11 и 12.

Подписка на 1896 г. продолжается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г.): безъ доставки—6 р., съ дост. въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 р. Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ редакціи:

Москва, Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. № 2—24 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

Редакторы: проф. Н. Я. Гротъ и проф. Л. М. Лопатинъ.

	<i>Стр.</i>
XV. КУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.— Т. И. Полнера	115
XVI. АНГЛИЙСКАЯ ПУГАЧЕВЩИНА. <i>Окончаніе.</i> — М. М. Ковалев- скаго.	128
XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—М. И. Иванюкова . .	157
XVIII. БАРТИНКИ СОВРЕМЕННЫХЪ ПРАВОВЪ.—К. М. Станюковича.	176
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Дѣло А. А. Штевель.—По поводу официальныхъ данныхъ о вліяніи винной монополіи казны.— Попечительство о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ.— Четвертый съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ.—† Н. В. Стасова.—Сорока- лѣтіе со дня воячины Грановскаго	186
XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	202
XXI. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—Московскаго обывателя	209
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.— Философія и психологія.—Исторія.—Политическая экономія.— Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяй- ство.—Изданія для народа.—Справочныя книги и календари. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», августъ.— «Сѣверный Вѣстникъ», сентябрь.—«Вѣстникъ Европы», сен- тябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1896 г.	483
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	547

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1896 годъ:

(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАЦІА)

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	— 1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годоваго экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголь Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

JUN 21 1966 89

IN STACKS

JUN 7 - 1966

JUN 7 '66 73 R00

Due end of SPRING Quarter
subject to recall after -

APR 17 '71 89

REC'D LD APR 4 -1 PM

LIBRARY USE MAR 31 '86

SEP 24 2002

LD 21A-60m-10,'65
(F7763s10)476B

General Library
University of California
Berkeley